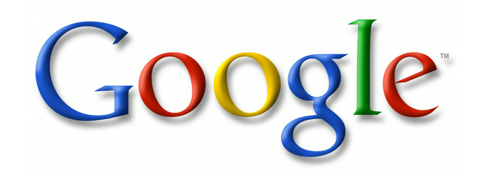
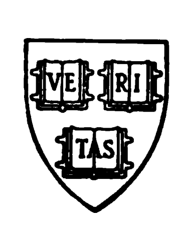
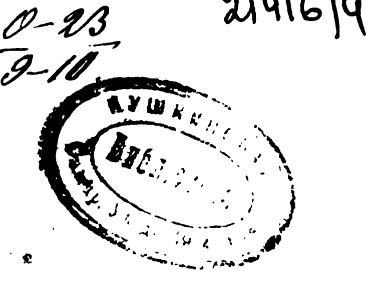

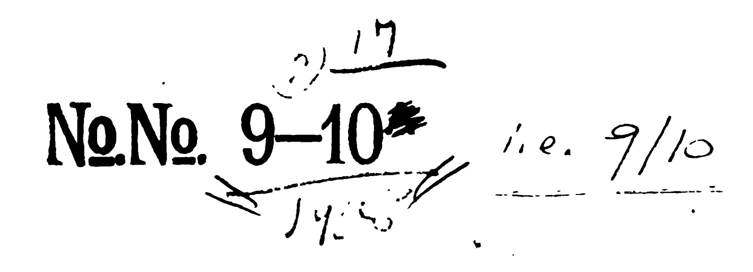

XVII. 1908

ОБРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

литературный, популярно-научный
и
общественно-политическій.

№№ 9—10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126.
1908.

15-го ноября.

СОДЕРЖАНIЕ №№ 9—10.

Стран.

Отъ редакціи.

Въ трудную минуту для „Образованія“, существующаго почти XVII лѣтъ, приняла новая редакція продолженіе сложнаго, отвѣтственнаго дѣла. Новая редакція остается вѣрной традиціямъ стараго „Образованія“: журналъ будетъ безпартійнымъ, литературно-политическимъ, причемъ будетъ широко поставленъ популярно-научный отдѣлъ.

Настоящая книжка носитъ слѣды спѣшной литературной работы, такъ какъ право изданія перешло въ руки новой редакціи только 24 октября сего года и въ теченіе такого короткаго времени пришлось выпустить настоящій двойной номеръ за сентябрь и октябрь, матеріалъ для котораго полученъ частью отъ прежней редакціи. Ноябрьская книжка уже въ печати и выйдетъ 2 или 3 декабря; послѣдующіе №№ будутъ выходить въ 20-хъ числахъ каждаго мѣсяца.

†

Александръ Яковлевичъ

ОСТРОГОРСКІЙ.

А. Я. Острогорскій.

(некрологъ).

Съ именемъ Александра Яковлевича Острогорскаго связана цѣлая полоса жизни «Образованія».

Въ теченіе тринадцати лѣтъ (1896—1908 гг.) покойный стоялъ во главѣ созданнаго имъ литературнаго дѣла. Въ одну изъ тяжелыхъ годинъ русской общественности Острогорскій принялъ на себя изданіе и редакторство журнала, и послѣ тринадцатилѣтней упорной работы былъ вынужденъ отказаться отъ веденія любимаго дѣла. Этотъ вынужденный отказъ представляетъ яркую страницу для характеристики переживаемаго нами времени. Острогорскому пришлось выбирать между журналомъ и имъ же созданнымъ училищемъ, такъ какъ такого тяжелаго выбора требовали обстоятельства, отъ него «независящія». Выборъ былъ сдѣланъ.

Въ іюнѣ н. г. «Образованіе» перешло въ другія руки, а 1 октября не стало и самого Острогорскаго. Неожиданно захваченный тяжелой болѣзнью, онъ умеръ, едва достигнувъ сорока лѣтъ и далеко не выполнивъ того, къ чему стремился, чѣмъ жилъ.

Юристъ по образованію, А. Я. долгое время несъ чиновничью службу, тогда какъ былъ призваннымъ педагогомъ. Вопросы воспитанія всегда увлекали А. Я. и слѣдствіемъ этого увлеченія было пріобрѣтеніе отъ В. Д. и В. Ѳ. Сиповскихъ «Образованія». Прежде только «научный популярный журналъ, посвященный вопросамъ

женскаго и мужского воспитанія», «Образованіе» мало-по-малу, изъ года въ годъ раздвигаетъ свои рамки, пока, наконецъ, не становится обще литературно-политическимъ журналомъ съ ярко выраженной окраской.

Возможность осуществить свои педагогическія идеи, провести въ жизнь давно уже разработанный планъ новой школы отрываютъ его отъ журнала.

Съ 1899 г., т. е. съ того времени, когда А. Я. встаетъ во главѣ Тенишевскаго училища — новое дѣло беретъ его всецѣло, захватываетъ всего. Можно безъ преувеличенія сказать, что проведеніе плана новой по задачамъ и стремленіямъ школы становится задачей жизни А. Я.

Въ этой краткой замѣткѣ нѣтъ возможности дать полную всестороннюю оцѣнку педагогической и общественной дѣятельности Острогорскаго.

Это будетъ сдѣлано на страницахъ «Образованія» впослѣдствіи. Укажемъ лишь, что первый починъ въ дѣлѣ привлеченія родителей къ участію въ жизни школы исходилъ изъ Тенишевскаго училища. Отъ ея же директора вышелъ тотъ памятный проектъ реформы всего средняго образованія, который, встрѣтивъ такую горячую поддержку со стороны общественныхъ и педагогическихъ круговъ, до сихъ поръ, конечно, не получилъ никакого осуществленія.

«Другу нашихъ дѣтей и любимому учителю»—эта надпись на вѣнкѣ, принесенномъ родителями учениковъ Тенишевскаго училища на гробъ А. Я., прекрасно характеризуетъ тѣ отношенія, которыя сложились между учащимися и ихъ директоромъ.

Мертвому формализму традиціонныхъ «правилъ» онъ противопоставилъ живое слово, живые примѣры. Не литераторъ по профессіи, онъ глубоко любилъ русскую литературу, съ дѣятелями которой былъ въ тѣсномъ общеніи по редакціи журнала. И эту любовь и интересъ къ литературѣ А. Я. старался пробуждать въ своихъ ученикахъ съ первыхъ же лѣтъ ученія, вѣря, что внушить пони-

маніе духа языка и любовь къ литературѣ необходимо съ первыхъ же лѣтъ ученія.

Научить «чувствовать живое біеніе пульса въ языкѣ», показать, «какъ ярко отражается жизнь въ литературѣ»— было задачей Острогорскаго и какъ преподавателя, и какъ составителя книгъ «для изученія родного языка» (Сборникъ «Живое Слово» въ двухъ частяхъ; третью и послѣднюю часть А. Я. предполагалъ выпустить къ осени текущаго года).

Учителемъ юнаго поколѣнія въ лучшемъ смыслѣ этого слова и былъ покойный А. Я. и, вѣроятно только со стороны этого поколѣнія будетъ возможна справедливая оцѣнка Острогорскаго, какъ общественнаго дѣятеля и выдающагося педагога, явившагося лучомъ свѣта въ потемкахъ, окутавшихъ русскую жизнь и тѣсно связанную съ ней нашу школу...

890

ПЕРЕОЦѢНКА.

(Изъ дневника упразднителя).

П. Боборыкина.

I.

И я—выходитъ—изъ „подполья".

Давно пущено это слово въ литературу. Давно о немъ стали и забывать.

Потомъ оно получило другой смыслъ—по части крамолы.

И въ ней я побывалъ... и побывалъ, не щадя живота своего. Чѣмъ только ни увлекался, глупо, до святости глупо? А теперь приказалъ себѣ самому:

„Машина—стопъ!"

Довольно!.. Зачѣмъ даромъ изображать изъ себя нѣчто „разрывное", когда въ тебѣ нѣтъ ни на копейку вѣры въ эту самую штуку?

А за деньги? До этого еще не дошло. Можетъ быть, дойдетъ. Никакихъ зароковъ не желаю давать, потому что я теперь только понялъ то высокое сладострастіе, какое заключается въ томъ, чтобы не только казаться, но и быть вродѣ перворожденнаго человѣка.

Именно—„перворожденнаго". Не въ раю, а на какомъ придется пунктѣ земли, но, конечно, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ есть шансы просуществовать.

Быть Робинзономъ на открытомъ имъ самимъ островѣ—не достаточно. Робинзонъ очутился на своемъ островѣ ветхимъ человѣкомъ, англичаниномъ XVIII вѣка, стало быть, уже зараженнымъ ядомъ британской „респектабельности".

Онъ это и доказалъ—по желанію даровитаго романиста—такого же британца, преисполненнаго англиканской морали, хотя самъ онъ, какъ намъ показываетъ его собственная біографія, былъ куда не бѣлоснѣжной платформы.

И Робинзонъ восчувствовалъ свою недавнюю порочность и сталъ долгіе годы возраждать себя трудомъ въ потѣ лица и устройствомъ своего одинокаго и совершенно безполезнаго благополучія.

А когда судьба послала ему дикаря, онъ, окрестивъ его именемъ Пятницы, сталъ мастерить изъ него такого-же

культурнаго британца, какъ и онъ, и въ сущности, превратилъ его сейчасъ же въ благоговѣйнаго раба.

Нѣтъ, я хотѣлъ бы быть настоящимъ первороднымъ двуногимъ, какимъ и были, конечно, на разныхъ градусахъ широты и долготы множество нашихъ предковъ.

Вотъ такимъ Адамомъ я былъ бы съ наслажденіемъ. Чувствовать себя идеально свободнымъ отъ в якаго наслѣдственнаго скарба выдуманныхъ идей, понятій, запретовъ, приказаній. всѣхъ видовъ мозговой пустяковины, призраковъ и навожденій.

Вотъ это жизнь! Вотъ это райское бытіе, какъ бы скверно мнѣ тогда ни приходилось отъ холода, голода, дикихъ звѣрей и геологическихъ катастрофъ—потоповъ и землетрясеній.

Но все это благополучіе безвозратно утеряно. Я при рожденіи былъ уже обреченъ на развитіе того, что всасалъ съ молокомъ матери.

Именно матери, а не кормилицы. Если бъ меня выкормила какая нибудь подгородная солдатка, я всосалъ бы въ себя больше всякихъ первобытныхъ „жупеловъ", но за то меньше культурнаго суевѣрія.

Маменька была—сколько я помню—дама съ идеями и выражалась не иначе, какъ языкомъ передовыхъ статей 70 хъ годовъ. Мальчишекъ и дѣвчонокъ, въ томъ числѣ и меня она иначе не называла, какъ „наши молодыя силы". Папеньку я смутно помню; но знаю, что онъ умеръ отъ геморроя, высидѣвъ на своемъ стулѣ въ департаментѣ не одинъ десятокъ лѣтъ, и оставилъ по себѣ память идеально-добросовѣстнаго и аккуратнаго „экспедитора".

Долго я только по наслышкѣ зналъ, что былъ такой нѣмецъ—званіемъ учителекъ—журнальный сотрудникъ, который еще болѣе полвѣка назадъ выпустилъ подъ псевдонимомъ (его имя и фамилія были ужъ очень избиты и банальны) книжку, гдѣ впервые выступилъ въ защиту человѣка, какимъ ему быть слѣдовало, вопреки всякимъ—по нынѣшнему выражаясь—директивамъ и коньюнктурамъ.

Онъ крикнулъ своему злосчастному ближнему во всѣхъ частяхъ свѣта:

„Будь самъ по себѣ! Ты—*единственный*, не только въ своемъ родѣ, а по праву, такъ сказать „милостью Божіей". Ты—альфа и омега; но только не Тотъ, о комъ говорится въ видѣніи нѣкотораго старца на греческомъ островѣ. Ты самъ себѣ законъ! Въ себѣ самомъ ищи основъ своего существованія. Не поддавайся никакому миражу, не принимай никакихъ символовъ вѣры, знай, что все, что культурные люди считаютъ обязательнымъ для себя, что все это—сов-

данія ихъ же мозга, ихъ рабскаго или безпорядочнаго настроенія, а не факты, не реальности, съ которыми ты долженъ былъ бы считаться!"

И нашъ Пушкинъ вѣдь тоже воскликнулъ, быть можетъ, въ самый вдохновенный мигъ своего творчества:

„Ты—царь, живи одинъ!"

Но онъ не читалъ книжки этого долго безвѣстнаго берлинскаго учителька, потому что умеръ за семь лѣтъ до ея появленія въ свѣтъ.

Появился къ концу прошлаго вѣка и другой нѣмецъ, тоже не Богъ знаетъ, какого завиднаго званія: профессоръ латыни въ неважномъ швейцарскомъ университетѣ, хотя и считалъ себя полупольскаго происхожденія отъ какихъ-то шляхтичей и не мало этимъ хвалился.

И онъ крикнулъ злосчастному человѣчеству, закованному въ кандалы выдуманныхъ запретовъ и рабской сентиментальщины:

„Будьте жестоки! Сокрушайте все, что мелко и слабо, что канючитъ и восхваляетъ своихъ благодѣтелей, сокрушайте все это и въ борьбѣ за высокій подборъ двуногаго животнаго поднимайтесь все выше и выше по лѣстницѣ совершенства до того момента, когда побьете рекордъ съ лучезарнымъ вѣнцомъ сверхъ человѣка!"

Я въ нихъ никогда не бывалъ. Даже и наединѣ съ своимъ „я" не задавался такимъ замысломъ.

Но когда проникалъ въ подполье упразднителей существующаго строя, я не переставалъ ставить передъ собою такой вопросъ:

„Какъ согласить высшій подъемъ своего „я", полное отрицаніе всякаго подчиненія чьему либо паролю и приказу съ безусловной дисциплиной рядового, которому выпадетъ жребій идти и выполнять свой урокъ, все равно какой—самый ординарный или такой, который связанъ съ уничтоженіемъ своего „я"?

Этотъ вопросъ я задавалъ не разъ и моимъ бывшимъ товарищамъ по разнымъ „организаціямъ", въ какія поступалъ.

Нѣкоторые не удостаивали дать прямой и толковый отвѣтъ, другіе что то мямлили, третьи ругались, четвертые силились внушить мнѣ, что я не понимаю въ сущности весьма немудрой вещи.

— Не понимаю!—наивно признавался я.

А по ихъ толкованію выходило, что то и другое можно весьма легко согласить.

Чтобы достичь полнаго повиновенія приказамъ того сообщества, къ которому ты принадлежишь, надо воспитать

въ себя то, что называется героизмомъ, презрѣніе къ жизни, изъ-за идеи, высшую форму мужества, силы, если нужно, жестокости и хитрости.

— А какія это свойства?—спрашивалъ тотъ, кто соглашался вразумить меня.—Развѣ это не принадлежность того, кто достигъ высшаго индивидуализма?

Съ этимъ можно было, въ извѣстномъ смыслѣ, согласиться.

И заручившись этой предпосылкой, вразумлявшей меня, упразднитель предлагалъ такое заключеніе:

„Стало быть, безъ высшаго индивидуализма“ нельзя выполнять того, что потребуетъ отъ тебя суровая дисциплина твоего сообщества“.

— Но зачѣмъ же буду я отчуждать свою волю и дѣлаться безгласнымъ орудіемъ, когда я могу все это послать къ чорту?

На это мнѣ отвѣчали обыкновенно, что тамъ, гдѣ выборъ былъ сознательный, ни о какомъ рабствѣ и рѣчи быть не можетъ, а разрушать существующій порядокъ въ одиночку—глупое рыцарство, которое никакихъ крупныхъ результатовъ дать не въ состояніи.

II.

Не можетъ, однако, быть слѣпымъ орудіемъ какого-бы то ни было сообщества, хотя бы самаго гнуснаго и преступнаго—тотъ, кто признаетъ, что все относительно, что добро и зло—только противоположныя общія мѣста

Допустимъ, что я поступилъ бы въ банду „экспропріаторовъ“, которые никакими политико-соціальными замыслами не задаются, а охотятся за общественной и частной собственностью съ исключительной цѣлью пріятно проводить время, по формулѣ сатирика:

«Mangeons, buvons, dansons!»

А я прибавлю:

«Et faisons la petite bagatelle».

Кажется, нельзя и придумать болѣе эмансипированнаго сообщества по части принциповъ?

Превосходно! Но вѣдь что-нибудь да сплотило же ихъ въ одну шайку или—вѣжливѣе выражаясь—ассоціацію?

Безспорно. И это что-нибудь есть признаніе того, что рискъ быть вздернутымъ на висѣлицу искупляется сторицею тѣми пріятностями, какія можно себѣ добыть на отнятыя подъ угрозою смерти деньги.

Развѣ это не принципъ своего рода, не „категорическій

императивъ", которому я подчиняюсь, вступая въ такую добровольную банду?

Безъ малѣйшаго сомнѣнія.

И разбой тутъ только внѣшній объектъ, а не суть дѣла, если вы захотите добраться до того: чѣмъ будетъ держаться такое сообщество?

Если оно сразу не будетъ переловлено и продержится нѣкоторое время, то навѣрно у него заведется уставъ, мало этого—всѣ его сочлены окажутся сторонниками совершенно опредѣленной и строгой морали.

Кто изучалъ такія сообщества, отлично знаетъ, что у такъ называемыхъ „злоумышленниковъ", даже самыхъ закоренѣлыхъ громилъ и разбойниковъ, существуетъ всегда свой кодексъ морали.

Это наблюдали тѣ, кто у насъ изучалъ нравы каторги, и прежней, дореформенной, и на островѣ Сахалинѣ, и въ послѣдніе года.

Кодексъ морали у такихъ „отбросовъ" общества — драконовскій, основанный на двухъ безусловно обязательныхъ принципахъ:

Вѣрность до послѣдняго издыханія своимъ товарищамъ.

Вѣрность тому, что считается у нихъ геройствомъ, удалью, честью и доблестью.

Это—цѣлая категорія желѣзныхъ правилъ. Они предполагаютъ не только благоговѣйное подчиненіе, но и подъемъ самыхъ сильныхъ — по своему рыцарскихъ—чувствъ и поступковъ.

Наши банды профессіональныхъ хищниковъ въ обѣихъ столицахъ до сихъ поръ еще не успѣли такъ заинтересовать собою газетную прессу, какъ, напр., въ Парижѣ такъ называемые „апаши".

Это вѣдь отребье, сбродъ содержанцевъ, бѣглыхъ каторжниковъ, душегубовъ, у которыхъ на душѣ по нѣсколько смертоубійствъ, а ужъ о кражахъ со взломомъ и толковать нечего.

И что же?

Любопытная и падкая ко всему антисоціальному бульварная пресса давно уже занимается всѣми подробностями ихъ организаціи, любовно описываетъ ихъ нравы, ихъ междуусобныя схватки—стѣна на стѣну—настоящія сраженія, гдѣ всегда на полѣ битвы остаются мертвыя тѣла и смертельно раненые мужчины и женщины.

Развѣ мыслимо что-либо подобное безъ признанія враждующими станами того, что въ мірѣ честныхъ буржуевъ зовется извѣстными идеалами, правилами чести и этическими началами? Очень часто такая борьба происходитъ вовсе не

изъ-за участія въ дѣлежѣ добычи, изъ профессіональной конкурренціи, а изъ-за ревности, или обидъ, оскорбленій, или подозрѣнія въ доносахъ, въ подломъ поведеніи.

Стало быть, — имѣя право умозаключать и какъ членъ любой банды экспропріаторовъ, — я принужденъ буду *во ірве* признавать извѣстный кодексъ морали, не говоря уже о томъ, что я долженъ буду закрѣпостить свое „я" сообществу, которое безъ диктатуры обойтись не можетъ.

Хорошо, если я самъ попаду въ атаманы. Но и тогда я буду связанъ своего рода присягой. я обязанъ буду служить, иногда рабски, общему интересу банды.

Въ результатѣ — непремѣнное признаніе хотя и своеобразнаго, но несомнѣннаго кодекса, гдѣ все раздѣлено на двѣ рубрики.

Вотъ *добро*, а вотъ *зло* — для насъ, людей этого сообщества.

А какъ же быть тому, кто не для краснаго словца, а дѣйствительно желаетъ, послѣ долгихъ житейскихъ опытовъ, стать „по ту сторону" и того, и другого?

У такого индивида непремѣнно сложилось глубочайшее убѣжденіе въ томъ, что никакой безусловной морали нѣтъ и быть не можетъ. И то, что у апашей или у своихъ доморощенныхъ хулигановъ считается принципами чести, что выполняется, такъ сказать, *pro patria*, вплоть до риска вѣрной гибели, — то десятки тысячъ лѣтъ у первобытныхъ народовъ считалось бы безуміемъ, даже и не возникало въ ихъ пустыхъ головахъ. Если спросить апаша по пріятельски:

— Признаете ли вы мораль того дикаго, который на вопросъ миссіонера: что такое для него добро и зло? — отвѣтилъ: добро — когда я украду у сосѣда жену; зло — когда онъ у меня ее украдетъ.

Апашъ не можетъ сказать: да, признаю — потому что и онъ, и всѣ его товарищи въ бандѣ способны мстить за черную обиду, смывать кровью то, что они считаютъ для себя позорнымъ,

Да зачѣмъ ходить такъ далеко — въ непроходимую даль вѣковъ? Возьмемъ хваленую Элладу во времена несомнѣнно историческія.

Доблесть грека, пламеннаго патріота держалась обязательно за понятіе, по которому всякій „варваръ", даже всякій единоплеменникъ изъ чужого города — вовсе не человѣкъ, а врагъ, взятый въ плѣнъ, и имъ не только можно, но *должно* распоряжаться, какъ съ четвероногимъ.

И попробовали бы вы ему доказывать, что его взглядъ гнусенъ — онъ бы вамъ сумѣлъ отвѣтить по свойски.

И такъ далѣе, и такъ далѣе

А какъ и почему могли держаться такіе жестокіе взгляды?

Потому что они входили въ кодексъ морали совершенно такимъ же манеромъ, какъ и катехизисъ апашей или другихъ какихъ охотниковъ до чужой собственности.

И все это во мнѣ теперь перегорѣло.

У апашей я не состоялъ въ членахъ, не знался и съ хулиганами, не поступалъ еще и въ сообщество экспропріаторовъ—ни прямыхъ, ни *косвенныхъ*, какъ я называю тѣхъ, кто ведетъ принципіальную войну съ существующимъ порядкомъ вещей.

Но я не становлюсь на ходули, не возмущаюсь, съ глазу на глазъ съ собственной совѣстью, предположеніемъ, что и я могъ бы очутиться въ бандѣ какихъ нибудь „рыцарей тумана", какъ назывались въ какомъ-то романѣ лондонскіе авантюристы не пренебрегавшіе и разными видами присвоенія того, что плохо лежитъ.

Я говорю только, что вездѣ, въ каждомъ изъ такихъ союзовъ и товариществъ, и заговоровъ, и подпольныхъ организацій—вездѣ надо признавать то или иное credo, принимать опредѣленныя категоріи добра и зла, подчиняться кодексу запретовъ и повелѣній, дѣлаться винтикомъ и гайкой въ одной машинѣ.

А я хочу быть самимъ собою, тѣмъ „единственнымъ", котораго создалъ своимъ ядовитымъ и безпощаднымъ анализомъ нѣмецъ учителекъ семьдесятъ лѣтъ назадъ.

Послѣдній экспериментъ, продѣланный мною въ одной изъ подпольныхъ — въ нынѣшнемъ смыслѣ — организацій, убѣдилъ меня въ двухъ вещахъ—одной *личной*, другой *общей*.

Личный выводъ тотъ, что мое „я" не въ состояніи подогнуть себя подъ какой либо укладъ, во имя чего бы то ни было отдать себя въ добровольные холопы.

Общій итогъ тотъ, что въ каждомъ такомъ сообществѣ—хотя бы оно было пропитано высочайшимъ безкорыстіемъ и геройской готовностью погибать за идею—все держится за самообманъ или за слѣпую вѣру въ то царство свѣта, правды и матеріальнаго благополучія, какое водворится тотчасъ послѣ того, какъ произойдетъ —точно въ послѣднемъ актѣ плохой мелодрамы—картина разрушенія съ бенгальскимъ огнемъ.

Одни—пришибленные фаталисты, другіе — шалые, третьи—себѣ на умѣ, четвертые и въ апаши бы не годились, а представляютъ собою то, что на каторгѣ называютъ „шпанкой".

Этихъ двухъ выводовъ мнѣ, въ настоящій моментъ эволюціи моего „я", совершенно достаточно, чтобы начать сызнова исторію ея дальнѣйшаго „становленія", какъ пишутъ нынче въ философскихъ статьяхъ.

III.

Это все была только присказка. А сказка пойдетъ теперь.

Невыносимо набилъ мнѣ оскомину, близкую къ жгучей ненависти и къ такому же презрѣнію мой „отецъ и благодѣтель", до сихъ поръ благополучно здравствующій.

Я его въ нѣкоторомъ родѣ пріемышъ.

По смерти моего папаши—а я тогда находился въ малолѣтствѣ—этотъ господинъ сдѣлался какъ бы моимъ офиціальнымъ попечителемъ.

Онъ и раньше — еще при жизни отца — состоялъ неизмѣнно при маменькѣ.

Не знаю, въ какой степени участвовалъ онъ въ появленіи меня на свѣтъ. Много разъ этотъ вопросъ приходилъ мнѣ, начиная съ отроческихъ лѣтъ. Я имъ не особенно смущался; а когда перешелъ уже въ юношескій возрастъ, то сталъ находить это весьма допустимымъ.

Отецъ былъ за два года до моего появленія на свѣтъ совсѣмъ „швахъ", постоянно болѣлъ. А другъ дома находился еще „во цвѣтѣ лѣтъ" и представлялъ изъ себя внушительнаго мужчину, бородатаго, широкоплечаго и сладко глаголившаго.

И я набросилъ на этотъ щекотливый вопросъ нѣкоторый флеръ, тѣмъ болѣе, что мой опекунъ (отецъ мой назначилъ его еще при жизни) сталъ овладѣвать моей душой—сначала подростка, а потомъ и юноши студента.

Онъ сумѣлъ внушить мнѣ „решпектъ", принять въ моихъ глазахъ размѣры чего-то таинственнаго и могучаго. И меня онъ „развивалъ" по извѣстной программѣ, возбуждая во мнѣ аппетитъ ко всему запретному по умственной части. Онъ мнѣ давалъ книжки, брошюры, листки, фотографическія карточки въ геометрической прогрессіи — примѣнительно къ моему возрасту. И такъ шло до того момента, когда я самъ примкнулъ къ „движенію".

Но онъ меня никуда самъ не записалъ, ни въ какую организацію не ввелъ меня. Все у него было „подъ шумокъ". И всегда такъ было. На квартирѣ у насъ (я переселился къ нему послѣ смерти матери) бывали всякіе „народы": и молодежь, и пріѣзжіе изъ-за границы, и какіе-то неизвѣстнаго званія люди. Никакихъ признаковъ подпольнаго сообщества; но какъ бы штабъ квартира единомышленниковъ разныхъ оттѣнковъ, смотря, такъ сказать, по сезону.

Онъ самъ похаживалъ по кабинету, гладилъ бороду, улыбался глазами, изрекалъ что-нибудь на своемъ жаргонѣ многозначительное и курилъ толстую папиросу-„пушку".

И я видѣлъ, что его всѣ считаютъ „шишкой", тайнымъ

главою движенія, во всѣхъ его разновидностяхъ... точно начальникомъ бюро, куда стекаются всѣ важнѣйшія вѣсти, откуда разсылаются циркуляры.

Но меня онъ, повторяю, ни во что фактически не вводилъ.

Если я ему прихожусь ближе, чѣмъ опекуну, то это можно было объяснить тѣмъ, что онъ меня жалѣетъ.

Но жалѣть онъ никого не жалѣлъ.

И когда этотъ индивидъ мнѣ опостылѣлъ и я проткнулъ его вздутую личность и онъ въ моихъ глазахъ сморщился, какъ каучуковый шаръ, какіе мальчишки носятъ у Гостинаго Двора—о! тогда я заднимъ числомъ вознегодовалъ на то многолѣтнее бездушіе, съ которымъ онъ столькихъ наивныхъ энтузіастовъ обрекалъ на цѣлый рядъ злополучій.

Я понимаю такого заговорщика, какъ Маццини. Тотъ тоже не церемонился посылать своихъ адептовъ на вѣрную гибель. И весь свой вѣкъ скрывался, прибѣгалъ къ разнымъ тонкостямъ конспиративной науки. А тутъ копошилась въ его тщеславной душонкѣ только одна похоть: играть роль „мага и волшебника", изображать изъ себя тайнаго властителя думъ и вершителя судебъ цѣлаго поколѣнія россіянъ.

Весь свой умишко онъ напрягалъ на то, чтобы самому выходить во всемъ и всегда чистымъ изъ воды. По этой части онъ, должно быть, дошелъ до высокаго мастерства.

Ни одного письма, записки, карточки, адреса у кого-нибудь, кто былъ арестованъ. Ни одного обыска, ни единой, хотя бы смѣхотворной административной высылки.

И на этомъ натянутомъ канатѣ онъ на высотѣ пятидесяти метровъ балансировалъ, какъ когда-то знаменитый французъ Блонденъ.

И я слишкомъ долго находился подъ гипнозомъ этого лицедѣя, безумно влюбленнаго въ себя.

Но жизнь предупредила меня. Прежде, чѣмъ я ударомъ иглы прокололъ этотъ пузырь—жизнь оставила его за штатомъ.

Онъ точно куда-то провалился, хотя продолжалъ жить все въ той же квартирѣ. Прежніе „народы" къ нему больше не являлись.

Когда я еще въ него вѣрилъ, я не сомнѣвался въ томъ, что когда пробьетъ часъ, онъ покажетъ, кто онъ. Но часъ пробилъ, событія разразились, а онъ не попалъ даже никуда въ бюро какого-нибудь района.

Вотъ тогда и произошло мое просвѣтленіе.

Помню, вхожу къ нему въ кабинетъ и говорю:

— Въ этой буржуазной комедіи парламентаризма я участвовать не намѣренъ. Вижу, что и вы стоите въ сторонѣ,

что я одобряю. Но вотъ меня приглашаютъ вступить въ одну организацію.

И сказалъ ему, какого она сорта.

Онъ улыбается, поглаживаетъ бороду и затягивается своей папиросой пушкой.

— Что жъ! Сдѣлай опытъ... Пройди искусъ. Ты не маленькій. Ты понимаешь, чѣмъ это пахнетъ, если ты примешь участіе въ пропагандѣ дѣйствіемъ.

И такъ на меня смотритъ, точно хочетъ меня подразнить.

„Ты, молъ, только храбришься, а на такой рискъ не пойдешь".

— Да вы-то какъ скажете?

— Что же я! Мать твоя просила меня, умирая, не оставлять тебя въ трудныя минуты жизни. Но я тебя ни отговаривать, ни подталкивать не буду.

— А чему же вы тайно служили, какъ не тому, что теперь прорвалось?

— Чему я служилъ, то со мною и умретъ. И за многое, что теперь продѣлывается люди, какъ я, на себя отвѣтственности не берутъ.

Впервые меня пронизала мысль:

„Да полно, не былъ ли этотъ индивидъ агентомъ-провокаторомъ? И не одинъ, не два, а десять и больше лѣтъ?"

Если это похоже на правду, то онъ и теперь, уйдя въ свою нору, при случаѣ будетъ закидывать удочку, и я ему могу очень и очень пригодиться.

И тогда же — прежде, чѣмъ я поступилъ въ тотъ „отрядъ"—меня нѣсколько дней сряду соблазняла мысль:

„А что, если бъ придти къ нему съ предложеніемъ — взять меня въ свои подручные?.."

Я цѣлую ночь не спалъ отъ этой идеи. Она не возмутила меня—я это говорю прямо—да и зачѣмъ бы я сталъ лгать самому себѣ въ этой исповѣди?

Но меня притягивало что-то такое сильное и страшное вмѣстѣ, точно какая полоса расплавленной стали.

Ничего подлаго я въ себѣ не чувствовалъ. Мнѣ не нужно было получать куши. У меня не было никакихъ хищническихъ поползновеній. Но для меня открылся бы цѣлый невѣдомый мнѣ міръ, я могъ бы видѣть настоящее подполье, гдѣ происходитъ самая интересная, духъ захватывающая игра.

Вѣдь если мой воспитатель окажется „изъ такихъ", то я найду цѣлую коллекцію такихъ же соглядатаевъ въ самыхъ разрывныхъ сообществахъ?

Меня всегда, съ юныхъ лѣтъ, прельщала перспектива

сближенія съ крупными тайными агентами, особенно съ женщиной: вступить съ нею въ связь и черезъ нее знать подноготную всякихъ сферъ. Можетъ быть, во мнѣ и теперь еще сидитъ будущій романистъ, жадный къ разоблаченію того, что великій Бальзакъ первый назвалъ „Человѣческой комедіей".

Какъ знать... чѣмъ человѣкъ можетъ кончить?

IV.

И вотъ, когда меня завербовали въ „отрядъ" и я раскусилъ всю механику и былъ допущенъ до разныхъ сокровенностей — что я узналъ? А то, что мой опекунъ и тутъ невидимо присутствуетъ.

Это не преисполнило меня высокаго почтенія, а, напротивъ, вызвало во мнѣ взрывъ злобы и почти что отвращенія.

Кто бы онъ ни былъ—агентъ-провокаторъ или честный крамольникъ—все равно, я-то прекрасно зналъ, что онъ—раздутое ничтожество, какой-то тургеневскій Губаревъ изъ „Дыма" въ новомъ вкусѣ.

А если онъ играетъ роль тайнаго вдохновителя, значитъ его въ теченіе столькихъ лѣтъ никто не разглядѣлъ?

Мое негодованіе было такъ сильно, что если бъ тогда кто-нибудь предложилъ мнѣ выслѣдить этого Іудушку и выдать его—я бы это сдѣлалъ.

Мнѣ стало нестерпимо жить у него, пользоваться его „благодѣяніями". Они сводились, въ сущности, къ очень немногому. Отъ отца у меня было хоть и не важное наслѣдство, но на скудное пропитаніе все же хватало.

Отъ Іудушки шелъ только „приварокъ".

Но и онъ становился у меня поперекъ горла. И все возрастало во мнѣ желаніе выдать его — не моимъ сотоварищамъ, нѣтъ, а кому „сіе вѣдать надлежитъ".

Но тогда я превратился бы въ самаго пошлаго доносчика? И хоть бы еще за усиленный гонораръ, а то въ сущности изъ за сентимента?

Мнѣ дѣлалось такъ скверно, что я рѣшилъ съѣхать; но сдѣлать это не въ видѣ побѣга — точно я его предварительно обокралъ, а съ нѣкоторой mise en scèine.

Я пришелъ къ нему и въ упоръ сказалъ:

— Вы такой индивидъ, который вызываетъ во мнѣ неудержимое желаніе донести на васъ.

Онъ состроилъ гримасу искренняго изумленія.

— За что это, милый мой? Ты шутишь?

Не мѣняя моего тона, я сказалъ ему также въ упоръ:

— Вы тайный руководитель того отряда, куда я поступилъ. Я это знаю фактически и пора вамъ снять съ себя маску.

И тутъ же я добавилъ:

— Признаюсь... во мнѣ долго было подозрѣніе въ томъ, что вы давно уже играете другую роль.

Онъ сразу поблѣднѣлъ. И это похоже было на невольное признаніе.

Голосъ его дрогнулъ. На глазахъ показались слезы.

— Отъ кого я это слышу? Ты—выродокъ.! Заподозрить меня въ такой гнусности!

Акценты были настоящіе... Или онъ геніальный актеръ...

— А если вы дѣйствительно принадлежите къ этому союзу, то зачѣмъ же вы меня не удержали? Или въ ваши планы входитъ то, чтобы меня поскорѣе отправить ad patres?

Этотъ вопросъ заставилъ его также быстро покраснѣть.

— Я бы тебя не допустилъ ни до чего такого. Никому больше меня не было бы такъ легко это сдѣлать.

И въ глазахъ его промелькнуло что то въ родѣ отеческой нѣжности.

Но оно меня не тронуло. Въ этомъ индивидѣ ничто меня тронуть не могло.

— Маменька вамъ за это спасибо не сказала бы. Но изъ этого слѣдуетъ, что пока вы тутъ, въ качествѣ тайнаго руководителя, меня будутъ усиленно щадить?

И, не дожидаясь отвѣта, я выпалилъ ему однимъ духомъ:

— Это заставитъ меня уйдти оттуда. А еще раньше я прекращу мое сожительство съ вами.

— Ты хочешь съѣзжать? Что жъ! Я тебя насильно удерживать не буду.

Лицо выражало печаль опять-таки по всѣмъ правиламъ мимики.

— Но тебѣ будетъ... трудно?—добавилъ онъ.

— Съ голоду не умру!

Тѣмъ объясненіе и кончилось. И во мнѣ осталось такое чувство, что этотъ человѣкъ и тутъ что-то такое „представляетъ", что онъ и въ нашемъ союзѣ играетъ какую нибудь темную роль.

Это сдѣлало свое пребываніе въ „отрядѣ" очень тяжкимъ. Я находился подъ тайнымъ контролемъ моего Іудушки и рисковалъ чѣмъ-нибудь весьма неблаговиднымъ для меня. Если онъ будетъ меня отечески отводить отъ всякой опасности, то я могу въ глазахъ моихъ единомышленниковъ оказаться весьма подозрительнымъ „милостивымъ государемъ".

Теперь я спрашиваю себя:

Было ли во мнѣ и тогда упорное желаніе пострадать собственной персоной изъ-за идеи этихъ разрушителей?

Врядъ ли! Мое первоначальное увлеченіе было наивно, проникну о фанатизмомъ такого же „головастика", какъ и тысячи россіянъ обоего пола.

Можетъ быть, всего сильнѣе подмывало любопытство, желаніе сильныхъ ощущеній и то недомоганіе, которое овладѣваетъ вами отъ цѣлаго наплыва подавляющихъ или тошныхъ пошлостей жизни.

Жажда катастрофы, „чистой" перемѣны декораціи, чего то такого, что позволитъ разгуляться твоему „я", послѣ того, какъ будетъ произведена всеобщая *tabula rasa*.

Думаю, что три четверти компатріотовъ моего поколѣнія толкаетъ такой же зудъ; но во всемъ этомъ сильнѣе всего—исканіе полной воли для своего „я".

Оно и вызвало во мнѣ такую быструю реакцію.

Изъ „отряда" я вышелъ; и такъ скоро, что могъ возбудить законное подозрѣніе въ моихъ сотоварищахъ. И сошелся съ другимъ кружкомъ такой же платформы, но съ нѣсколько иными объектами своей „работы". Вѣроятно, мой Іудушка объ этомъ провѣдаетъ въ скоромъ времени; но мнѣ уже было тогда все равно: опекаетъ ли онъ меня изъ своего кабинета или нѣтъ?

Я выказывалъ отмѣнное усердіе и наваливалъ на себя всякую черную работу, чтобы уходить отъ самого себя и не имѣть времени предаваться охлаждающему самоанализу или „самоковырянью", какъ писали у насъ сорокъ лѣтъ назадъ.

Но не выдержалъ больше полугода.

Въ первый же моментъ отрезвленія мое „я" возмутилось. Я ничего не трусилъ. Я считалъ себя весьма и весьма способнымъ пожертвовать собою безъ малѣйшаго колебанія. Но я не выдержалъ дисциплины, т. е. рабства, хотя и добровольнаго—признанія обязательнымъ извѣстнаго катехизиса, кодекса морали, хотя бы и архи-разрушительной.

Вотъ когда берлинскій учителекъ со своимъ ученіемъ о „единственномъ", т. е. объ автономномъ „я" — предсталъ передо мною во всей несокрушимости своей логики!

Если бъ я даже слѣпо вѣрилъ въ то, что послѣ всеобщаго взрыва водворится всеобщее Эльдорадо, я уже не въ состояніи былъ согласиться на рабское признаніе чьей то—не моей морали, какихъ-то—не моихъ лично—категорическихъ императивовъ.

Это во мнѣ, должно быть, нѣчто прирожденное, органическое.

А на этой почвѣ вопросы стали выскакивать ежедневно—все ехиднѣе и ехиднѣе. Скепсисъ овладѣвалъ мною не по днямъ, а по часамъ.

Къ credo моихъ сообщниковъ я стоялъ всего ближе. Я соглашался съ ними, что теперешній порядокъ вещей не долженъ существовать. Но я видѣлъ впереди—и съ соблазнительной ясностью—что послѣ торжества ихъ „дѣла" водворится не Эльдорадо, а нѣчто такое, гдѣ все очень, очень долго можетъ держаться только принудительнымъ подчиненіемъ новому укладу.

Для меня дѣлалось несомнѣннымъ, что все это потребуетъ жесточайшей дисциплины.

Слова „пролетарская диктатура" сами по себѣ не смущали меня. Всякое „я" должно посягать на диктатуру. Но въ многомилліонной машинищѣ буду командовать не я, а, можетъ быть, тотъ же мой Іудушка или коллекція такихъ Іудушекъ.

Всякій могъ бы мнѣ сказать:

— Такъ идите къ настоящимъ анархистамъ.

Но я имъ уже не вѣрилъ. И въ ихъ credo есть такое словечко, какъ „коммунизмъ", а оно предполагаетъ рабское подчиненіе принципу полнѣйшей нивеллировки.

Съ этой „бурей подъ черепомъ", которая продолжалась около года, я покончилъ, стряхнувъ прахъ своихъ сандалій, чтобы окунуться въ самую полную „нѣтовщину".

V.

И ощутилъ просненіе духа.

Все сбросилъ съ себя, какъ старую кожуру, и ушелъ въ себя, въ свое самодовлѣющее „я".

Вотъ тогда то мнѣ и пригодился нѣмецкій учителекъ, сочинившій „Единственнаго".

Онъ мнѣ доказалъ, какъ дважды два четыре, что всякая, хоть разосвободительная доктрина ведетъ неминуемо къ закрѣпощенію своего „я".

И меня нисколько не смущало то, что я ушелъ отъ моихъ недавнихъ единомышленниковъ, не сказавъ никому ни слова.

Мнѣ было рѣшительно все равно, за кого они могли меня принять послѣ такого ухода. Не смущался я и тѣмъ, что, заподозривъ во мнѣ агента, они приговорятъ меня заочно къ экзекуціи.

Говорю это теперь, хоть заднимъ числомъ, но не изъ хвастовства. Никакого страха у меня не было и въ помышленіи.

И если я никого изъ нихъ не встрѣчалъ, то опять таки не потому, что бѣгалъ отъ нихъ. Я никуда не ходилъ; лежалъ цѣлыми днями на кровати и читалъ.

Изъ города я ни на одни сутки не удалялся и узнать, гдѣ я живу, было совсѣмъ не трудно посредствомъ адреснаго стола.

Съ голоду умереть я не могъ. На скудный студенческій паекъ, плюсъ дряная комнатишка, немного лучше угла, на окраинахъ—на все это у меня еще хватало; но эта добровольная мизерія начала меня весьма непріятно подзуживать, показывая мнѣ мое собственное ничтожество. Выходило, на повѣрку, что мое великолѣпное самодовлѣющее „я" настолько плохо, что не можетъ мнѣ доставить хоть десятокъ-другой рублей карманныхъ денегъ.

Но печататься въ газетахъ, вымаливать себѣ рублишко, въ качествѣ репортера, или „по письменной части" — я не желалъ. Тутъ мое „я" очутилось бы прямо въ лакейской зависимости отъ всякихъ скотовъ. Каждое такое животное, давая тебѣ работу, считаетъ себя вправѣ смотрѣть на тебя, какъ на попрошайку и нищенку, пробивающагося болѣе благороднымъ видомъ милостыни.

Что же было дѣлать? Поступить въ банду заправскихъ экспропріаторовъ? Для меня, отрицающаго какую бы то ни было обязательную мораль, рѣшительно все равно—предосудительно это или нѣтъ. Но во первыхъ, если попадешься въ захватѣ выручки мелочной лавки суммы въ 22 рубля съ копейками — за это только очутиться на висѣлицѣ— слишкомъ ужъ накладно. А во-вторыхъ—и это самый первый и несокрушимый для меня аргументъ—въ какую бы я банду ни поступилъ, я сдѣлаюсь, хотя бы и временно, рабомъ извѣстнаго уговора, т. е. кодекса, хотя-бы и бандитской морали.

И разъ, проснувшись въ захолодѣлой конурѣ моей, еще въ полутемнотѣ разсвѣта, я вслухъ сказалъ себѣ:

— А вдругъ у меня литературный талантъ?

Но я ни на одну секунду не остановился на мысли пуститься въ публицистику, благо, газеты стали расти, какъ грибы. А это было какъ разъ въ тѣ дни, когда настала для прессы своего рода Вальпургіева ночь.

Весьма вѣроятно, что я добылъ бы себѣ мѣстишко, какъ вѣстовщикъ, какъ одна изъ безчисленныхъ газетныхъ ищеекъ, или былъ бы признанъ способнымъ доставлять случайныя статейки по пятачку за строчку.

Это въ моихъ глазахъ было почти такое же нищенство, какъ исканіе заработка по газетамъ. Да если бъ я и сразу, по чьей-либо рекомендаціи, получилъ окладъ постояннаго сотрудника, я вѣдь долженъ былъ бы войдти въ какую-нибудь „лавочку", подлаживаться къ партійной платформѣ, усвоить себѣ всѣ ея пунктики и ея обязательный жаргонъ.

Это вызвало бы во мнѣ мгновенную и неизлечимую тошноту. Я былъ бы въ состояніи писать только такія вещи, въ которыхъ я могъ бы всѣ партіи, всѣ фракціи, всѣ credo, кромѣ моего, считать достояніемъ тупицъ и идіотовъ.

Такого „цинизма" ни одна редакція не потерпѣла бы, объявись у меня хотя бы такой талантъ, какъ у всѣхъ нашихъ газетныхъ умниковъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Но вѣдь начали расти, какъ грибы не однѣ политиканствующія простыни. Десятки. сотни журнальчиковъ кинулись на охоту за всѣмъ, что составляло еще вчера запретный плодъ. Началось небывалое освобожденіе не одного духа, но и плоти, раздались продерзостные призывы къ наслажденію жизнью, срыванію всякихъ покрововъ съ того, что до сихъ поръ предразсудочно окутывалось покрывалами или прикрывалось фиговымъ листомъ.

Долой все это! Богъ Діонизъ шествуетъ во всей своей божественной наготѣ! И хороводы вакханокъ и сатировъ потрясаютъ своими торсами и оглашаютъ воздухъ своими изступленными криками.

И во мнѣ сразу, подъ какимъ то наитіемъ, пробудился доподлинный чистокровный оргіастъ.

Еще недавно и я также по-идіотски, повторялъ брезгливыя фразы о разнузданности эротизма, фарисейски клеймилъ все, что не отзывалось якобинской цѣломудренностью! Я приходилъ въ благородное негодованіе, когда встрѣчалъ хотя бы тонкій намекъ на то, что *такая* литература совмѣстима съ „движеніемъ", что она можетъ ему служить, какъ вѣрная пособница!

Но какъ же я могъ барахтаться въ такихъ жалкихъ банальностяхъ, разъ я дошелъ до истиннаго культа самодовлѣющаго „я"?

Что же оно такое, какъ не безусловное признаніе правъ человѣка на все, въ чемъ проявляется вѣчный инстинктъ жизни, съ ея жгучими наслажденіями, со всѣми состояніями не одного духа, а и плоти, которыя только скудоумнымъ аскетамъ или отвратительнымъ лицемѣрамъ могутъ казаться грязными, преступными, достойными кары.

Это былъ совсѣмъ новый „аватáръ" моего освобожденія. И я взялъ перо, листокъ бумаги и сталъ писать и не простой канцелярской прозой, а ритмической, потомъ и рифмованными стихами.

Изъ того, что я въ первые три-четыре дня написалъ, охваченный небывалымъ для меня настроеніемъ, я выбралъ нѣсколько пьесъ самыхъ обнаженныхъ, переписалъ ихъ и пошелъ въ редакцію.

Я шелъ не какъ пришибленный подлой нуждой искатель

кондицій, а вполнѣ увѣренный, что я несу цѣнный товаръ, что я попадаю „въ самую точку“, что тамъ сейчасъ же оцѣнятъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

Такъ оно и вышло. Помню, съ какимъ внутреннимъ спокойствіемъ и чувствомъ достоинства подалъ я свертокъ секретарю редакціи и вмѣсто всякихъ приниженныхъ заигрываній спросилъ его сухо:

— Когда придти за отвѣтомъ?

— Пожалуйте черезъ недѣлю.

Этотъ секретарекъ поглядѣлъ на меня вбокъ съ замѣтной усмѣшечкой.

Мой костюмъ пришелъ уже въ такой видъ, что легко можно было подумать:

„Горюнъ! Хочетъ заработать себѣ на новый пиджакъ!“

Я оставилъ свой адресъ; но не прошло и четырехъ дней, какъ я получилъ открытку, гдѣ говорилось, что всѣ мои вещи приняты, и я могу придти послѣ перваго числа за полученіемъ гонорара.

Получилъ я его съ тѣмъ же достоинствомъ и не очень обрадовался. Я зналъ, что такъ должно было случиться. Разочли меня, какъ начинающаго, довольно щедро. Но я и деньги клалъ въ портомоне съ такимъ видомъ, что, молъ, вы не очень расщедрились, а заплатили мнѣ только что прилично.

И вотъ я набрелъ на золотоносную, въ нѣкоторомъ родѣ, жилу и промываю песокъ, ничего на себя не напускаю, ничего изъ себя не выжимаю.

Стихи такъ и льются. Для меня самого они —родъ совершенно неожиданнаго откровенія. Я не зналъ себя, не зналъ, какая жажда жизни накопилась во мнѣ, считая себя чуть не прекраснымъ Іосифомъ по цѣломудрію, а теперь чувствую— какой я былъ маленькій идіотъ и какъ я могъ такъ долго самые свѣтлые годы юности убивать на что? Читалъ книжки и брошюры, вѣрилъ на слово всякимъ формуламъ и параграфамъ, отдавалъ свои силы, молодость, досуги рабскому служенію „идеѣ“ или „дѣлу“, считалъ самые драгоцѣнные дары жизни за что-то недостойное и грязное.

VI.

Вотъ гдѣ теперь мое царство! Сюда никто, кромѣ меня, не проникнетъ! Нѣтъ тутъ никакихъ платформъ и коньюнктуръ. Дерзаю во всю полноту моего существа, какъ будто я одинъ на землѣ, тотъ *перворожденный*, о которомъ я мечталъ не такъ давно.

И какой я былъ прежде идіотъ! Во имя чего обрекалъ я себя столько лѣтъ на добровольное скопчество? Въ чемъ

полагалъ духовную доблесть? Въ женщинахъ видѣлъ только „гражданокъ" и „товарищей". До двадцати пяти лѣтъ дожилъ—стыдно сказать—не имѣя никакой связи.

И если уступалъ уколамъ „презрѣнной плоти", то почти съ омерзеніемъ, съ разными филистерскими оговорками. Въ нихъ все было самая подлая ложь и, вдобавокъ, еще не менѣе подлое чувство самца, презирающаго почему-то женщинъ, которымъ обязанъ былъ минутами наслажденій.

Это, видите ли, продажная любовь. Женщина торгуетъ ею. стало быть, должна за это считаться падшей, обреченной на роль паріи.

И такой гнусный взглядъ прикрывалъ я фарисейскими фразами гражданскаго сочувствія этимъ „жертвамъ общественнаго темперамента". А, небось, никогда не подумалъ о томъ, каково имъ приходится отъ этого самаго „общества".

Съ дѣтскихъ пеленокъ мы всасываемъ въ себя всю эту скопческую мораль, подъ которой гнѣздятся самые звѣрскіе инстинкты И вмѣсто того, чтобы преклониться передъ самымъ высшимъ проявленіемъ жизни, мы только терпимъ его, какъ что-то „срамное", какъ „смертный грѣхъ". А сами въ тоже время ничему не вѣримъ, а, стало быть, и никакого грѣха признавать не должны.

Почему же древніе эллины умѣли окружать ореоломъ красоту свободнаго эротическаго влеченія въ лицѣ своихъ „гетеръ", т. е. „подругъ"? Имъ не было дѣла до того, сколькихъ мужчинъ любила прекрасная жрица Афродиты: одного, или пятерыхъ, или больше.

Всѣ одинаково преклонялись передъ Фриной и передъ ея лучезарной красотой падало всякое обвиненіе въ грѣхѣ и безпутствѣ, даже и передъ ареопагомъ, состоящимъ не изъ юношей, трепещущихъ отъ буйной страсти, а изъ старцевъ, давно утратившихъ силу полового влеченія.

Съ какимъ высокимъ сладострастіемъ я—въ своихъ гимнахъ богу Діонизу—срываю всякія скопческія покрывала со всякой наготы, потому что эта нагота—отпоръ безсмысленному цѣломудрію, пощечина въ обѣ ланиты идіотской непорочности, благородный вызовъ всѣмъ тѣмъ скудоумнымъ Аристархамъ, которые возмущаются тѣмъ, что, наконецъ, прорвалось могучей волной.

Они называютъ это „порнографіей" Они—въ своемъ скудоуміи и психическомъ уродствѣ—не въ состояніи понять, что раскрѣпощеніе—политическое и соціальное—не можетъ быть достигнуто безъ полной свободы сладчайшаго изъ человѣческихъ грѣховъ, слѣдуя ихъ казуистическому термину, такъ какъ они употребляютъ его, не имѣя никакихъ религіозныхъ вѣрованій.

Я имъ покажу, что такое настоящая блудница—блудница по призванію. Нужды нѣтъ, что она „продажна“, что она—по французскому выраженію—„торговка поцѣлуями“.

Это вы, презрѣнные буржуи, лицемѣрные и тупые начетчики морали, превратили ее въ „гадину“ вмѣсто того, чтобы поставить ее на треножникъ жрицы культа Діонизу и Афродиты и славить ее за вакхическій огонь, пробѣгающій по жиламъ ея прекраснаго тѣла.

Никогда еще—даже въ разгарѣ моихъ упразднительныхъ вожделѣній—я такъ не былъ преисполненъ жажды подвига, пропаганды дѣйствіемъ, какъ въ этой проповѣди реабилитаціи тѣла съ его непререкаемымъ, державнымъ правомъ на всѣ виды жертвоприношеній Эросу...

Самое это слово „Эросъ“—какъ звучитъ! Сколько въ немъ заключено обаятельной прелести! Какъ оно „снимаетъ“ (какъ когда-то выразились московскіе гегеліанцы 40-хъ годовъ) всякую пошлость фарисейскаго цѣломудрія: какъ оно просто, прозрачно и неотразимо!

И я вижу, до какой степени все, что у насъ было жаждущаго жизни, во всѣхъ ея откровеніяхъ, ждало этого призыва... Эта волна затопитъ все, посягающее на безусловную свободу сладчайшаго изъ грѣховъ.

Я переживаю блаженныя минуты тѣхъ аскетовъ, которые, по доброй волѣ, долгіе годы духовно оскопляли себя и вдругъ очутились въ объятіяхъ той великой блудницы, которую изобразилъ узникъ острова Патмоса.

Не пройди я самъ черезъ мытарства раба разныхъ платформъ, не знавшаго ни одного мгновенія безпредѣльнаго торжества святой плоти, я бы не могъ такъ изливать того, что я теперь чувствую, я не способенъ былъ бы такъ разжигать моихъ читателей.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ я сталъ для нихъ вдохновеннымъ жрецомъ Діониза.

И какія письма я получаю... отъ женщинъ. Передо мною открывается новый міръ... что-то такое, о чемъ никогда я не мечталъ и чего ни одинъ цѣломудренный и прочозглый на „принципахъ“ идіотъ никогда не узнаетъ до гробовой доски.

Вотъ оно настоящее-то „вѣчноженское“ естество, а не то набившее всѣмъ оскомину пресловутое гетевское:

«Ewig-Weibliche»

Не могу я выносить самый звукъ этихъ словъ. Такъ и отшибаетъ тошнотворными духами пачули, гдѣ-нибудь въ провинціальномъ захолустьѣ, старой дѣвствениицы, которую никто никогда не желалъ лишить ея сокровища.

Вотъ оно—„подполье" облыжнаго благоприличія и прописной нравственности—эти голоса женщинъ всякаго возраста до подростковъ, полныхъ самаго назойливаго тяготѣнія къ великой тайнѣ жизни.

Вы, слѣпорожденные скопцы, ругающіе такихъ пѣвцовъ высшаго инстинкта всякими презрительными прозвищами... Пожалуйте ко мнѣ! Садитесь къ моему письменному столу... Я вамъ выложу всю коллекцію этихъ женскихъ изліяній. Вы бы увидали—если бъ у васъ было нормальное зрѣніе—что это такое!.. Вы убѣдились бы, до какой жажды неиспытанныхъ восторговъ чистаго безпримѣснаго культа самой грѣшной—на вашу оцѣнку—любви дошли всѣ эти дочери Евы..., какъ самыя чуткія изъ нихъ проникаютъ въ самую глубь того, на что я только намекаю, что хранится подъ моими образами, что символически прообразуется въ нихъ.

Вотъ гдѣ настоящая революція! Вотъ безъ чего никакой переворотъ немыслимъ ни въ какой области человѣческаго бытія! Безъ этого обнаженія могучихъ инстинктовъ въ самой скандальной для фарисеевъ цѣломудрія формѣ—нечего и мечтать создать на землѣ не то, что уже Эльдорадо, а хотя мало мальски сносное житье! И какъ это уразумѣли женщины всѣмъ своимъ естествомъ!

VII.

И *она* объявилась.

Когда я прочелъ ея первое письмо я—каюсь—сначала подумалъ, что это—мистификація.

Какой-нибудь кретинъ, изъ блюстителей литературной морали могъ сыграть со мною такую штуку; поддѣлаться и подъ женскую руку, и подъ языкъ, и надушить письмо духами.

Эти духи сразу проникли въ меня и вызвали такое волненіе, точно они исходятъ отъ молодого трепетнаго тѣла дѣвственницы, которая пришла сама, движимая велѣніемъ Эроса, кинуться на мое ложе и призвать меня къ дивному самозабвенію.

— „Я дѣвушка,—писала она—настоящая, не „полудѣвственница", какихъ теперь не мало. Я ихъ презираю. Развѣ можно осквернять любовь чѣмъ-нибудь половинчатымъ, какой-нибудь трусливой игрой въ то, что само по себѣ такъ велико и обаятельно?"

Вотъ какъ начиналось это посланіе осьмнадцатилѣтвей дѣвушки.

Дальше шли строки, насквозь пропитанныя нестерпимымъ

голодомъ любви... не эфирной, не головной, а тѣлесной, „единой и нераздѣльной“ — ея подлинныя слова.

Она, въ моихъ лирическихъ сонетахъ, въ моихъ призывахъ и оргiастическихъ картинахъ, нашла именно того, кого ждала и жаждала.

„Я не знаю—молодой ли вы или уже человѣкъ нѣкоторыхъ лѣтъ, красивы или некрасивы. Это все равно... Вы—жрецъ любви, той любви, которая выше и сильнѣе всего въ мiрѣ. И я хочу раздѣлить ее съ вами, и ни съ кѣмъ больше“.

Эти слова можно было такъ же признать за поддѣлку.

Я отвѣтилъ кратко и даже съ умысломъ не то, что цинично, а совершенно откровенно и реалистично.

Я желалъ видѣть ея изображенiе. Мнѣ—я это прямо сказалъ — не безразличенъ вопросъ красоты, и не одного только лица, а всего тѣла, стана, рукъ, ногъ, бедеръ, всѣхъ формъ въ ихъ гармонiи, въ ихъ воздѣйствiи на чувство мужчинъ.

Она не обидѣлась и сейчасъ же прислала безъ письма или надписи фотографiю... И какую!

Она сидитъ на низкомъ креслѣ, закутанная въ легкую ткань подъ мышки, до половины груди, съ совершенно свободными плечами и руками. Ноги видны изъ-подъ этой туники, обутыя въ сандалiи.

И прическа въ античномъ родѣ: съ пучкомъ мелкихъ локоновъ на маковкѣ. Лицо ясное, улыбка въ большихъ глазахъ—обѣщающая и полусдержанная... Линiи тѣла, изгибъ спины и груди, положенiе всего тѣла, въ полусидящей позѣ, съ откинутой немного назадъ головой, все это—одинъ призывъ.

Не вѣрилось глазамъ своимъ, что это не античная гетера или жрица Афродиты, а здѣшняя „барышня“, бывшая гимназистка или институтка.

Я послалъ ей стихотворенiе. Оно вылилось у меня ночью, когда меня мучила сладкая творческая безсонница. И мнѣ стоило только набросить на бумагу то, что уже горѣло въ мозгу и во всѣхъ фибрахъ моего существа.

Подъ стихами стояло всего одно слово:

„Когда?“

И въ тотъ же день въ депешѣ получилъ отвѣтъ:

„Завтра, въ пять часовъ“.

Тогда только, съ этой депешей въ рукахъ, я пришелъ почти въ ужасъ оттого, какъ у меня въ квартирѣ тускло и нищенски бѣдно, какъ мало похоже на то, чего *она* вправѣ была ожидать, именно отъ того, кто привлекъ ее къ алтарю бога, мечущаго свои золотыя стрѣлы желанiй.

Я уже не мизерабль. Заработка моего хватило бы на другую обстановку... Но это все еще было наслѣдіе того ветхаго человѣка, упразднителя всего, во имя пролетарскаго благополучія, привыкшаго къ тусклости мѣщанскаго обихода, къ „честной“ бѣдности, т. е. безвкусію, ординарности, полному отсутствію чего-нибудь такого, среди чего красота женскаго тѣла могла бы достойно обнажить свою божественную наготу.

Я чуть не зарыдалъ отъ злости, отъ презрѣнія къ самому себѣ.

Она будетъ здѣсь, въ этой мизерной, точно номеръ одиночнаго острога, спальнѣ.

Но было уже поздно.

Она позвонила—минута въ минуту—въ пять часовъ.

И что привело меня въ восторженное изумленіе—ни малѣйшей черты ложнаго стыда или манерности или желанія мѣщански соблюсти свое женское достоинство.

Ничего подобнаго! И фотографія не польстила ей... Ростъ, формы, походка—все было еще блистательнѣе.

Подъ длинной накидкой она оказалась одѣтой точь въ точь, какъ была снята.

Волненіе такъ овладѣло много, что я безгласно припалъ къ ея колѣнамъ и сталъ безумно цѣловать ихъ.

Она молчала и пальцы ея правой руки перебирали мои волосы. Это прикосновеніе давало неизъяснимо сладкое нервное ощущеніе, никогда мною до того не испытанное.

Я сталъ умолять ее простить мнѣ то, что я пригласилъ ее въ такую кощунственную, жалкую и пошлую обстановку.

Но гдѣ было видѣться въ первый разъ? Въ кабинетѣ ресторана? Или въ номерѣ гостиницы, гдѣ все пропитано мерзостью жалкой имитаціи любви, которую фарисеи-моралисты называютъ „развратомъ“.

Она все поняла и стала такъ трогательно говорить, какъ мы вдвоемъ будемъ отдѣлывать ту комнату, гдѣ мы отдадимся другъ другу.

И я услыхалъ изъ ея устъ описаніе „чертога любви“ въ одной изъ моихъ самыхъ славныхъ и вдохновенныхъ вещей.

Мы въ какомъ-то дѣтскомъ экстазѣ ласкали другъ друга, смѣялись, декламировали въ дивномъ опьяненіи. И то, что мы вотъ сейчасъ не сольемся еще въ „плоть едину“, наполняло насъ неизреченной нѣгой.

— Ты увидишь,—сказала она мнѣ уходя,—я не обманула тебя... Я дѣвушка... подлинная, не знавшая мужской ласки.

Могло ли тутъ быть хоть подобіе вопроса о томъ: хорошо или дурно, честно или нечестно я поступаю, вовлекая

въ „связь" дѣвственницу, которую — такъ будутъ кричать фарисействующіе идіоты — которую я довелъ „до градуса" своими „эротическими гадостями".

Когда же, наконецъ, перестанутъ щеголять предразсудки!

Развѣ такихъ дѣвушекъ, которыхъ неудержимо влечетъ къ себѣ побѣдоносный Эросъ, развѣ ихъ можно „соблазнять", развѣ онѣ придаютъ какую-нибудь цѣну своему сокровищу, годному для привлеченія выгодныхъ жениховъ?

Кто изъ насъ палъ — я или она? Предоставляю рѣшеніе этого вопроса начетчикамъ скопческой морали.

И о какомъ паденіи можетъ быть рѣчь, когда два существа вкушаютъ — такъ сознательно и свободно — тайну бытія?

VIII.

Моя полустуденческая келья превратилась въ чертогъ несказуемыхъ наслажденій.

Въ другое время и я бы, вродѣ этого болвана, Тургеневскаго Инсарова, воскликнулъ патетически:

— „Здравствуй, жена моя, передъ людьми и передъ Богомъ!"

Жена! Почему непремѣнно жена? И вѣдь эта игра въ женъ и мужей, въ супружество — до сихъ поръ у насъ обязательна для всѣхъ, видите ли, честныхъ людей.

Но если онъ никакой религіи не держится, а гражданскаго брака у насъ нѣтъ, то когда же его подруга дѣлается изъ любовницы женой?

Когда онъ водворитъ ее въ своей квартирѣ? Только тогда или потому только? Или есть какое нибудь неотъемлемое признаніе того, что вы „живете" не просто съ возлюбленной, а съ женой?

И каждый такой принципистъ, знакомя васъ съ нѣкоторой госпожей, такъ важно объявляетъ:

— Жена моя.

А народъ нашъ въ этихъ случаяхъ говоритъ:

— Вѣнчанье вокругъ ракитова куста.

И какъ всѣ эти господа, играющіе въ бракъ, не понимаютъ, что они этимъ самымъ срамятъ себя, какъ свободомыслящихъ! Выходитъ, стало-быть, что для нихъ какой то обрядъ — будь это церковный или гражданскій — имѣетъ еще символическое значеніе или обязательную санкцію.

Хороши „libres penseur'ы".

До какихъ же поръ продолжаетъ она носить имя жены въ такихъ вольныхъ сожительствахъ?

Пока онъ съ нею „живетъ". И что это за грубое, двор-

ницкое слово „живетъ“! А его употребляютъ самые что ни на есть патентованные „интеллигенты“.

Я помню, какъ такой принципистъ пришелъ къ намъ въ конспиративную квартиру и буркнулъ, затягиваясь дымомъ папиросы:

— Я съ ней буду жить... съ той недѣли.

Она ушла отъ мужа и они не стали даже жить въ одной квартирѣ, потому что онъ перебивался съ хлѣба на квасъ; а потомъ онъ къ ней переѣхалъ и она его гораздо больше содержала, чѣмъ онъ ее.

Все это такъ нечистоплотно и такъ грубо буржуйно, что если бъ что-нибудь подобное установилось у насъ... съ моей „гетерой“ — она такъ сама любитъ звать себя — это сразу все бы опошлило и осквернило.

Она вошла, въ первую-же брачную ночь, въ нашъ „чертогъ любви“, какъ свободное существо, не знающее надъ собою никакого обязательства ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ.

Она знала, кто я, она отдалась мнѣ въ радостномъ сознаніи своего державнаго права располагать своимъ тѣломъ. Но она не нашла нужнымъ разсказывать мнѣ — кто она, чья дочь, гдѣ живетъ, на что живетъ.

До сихъ поръ я ничего такого не знаю. Она не дала, въ своемъ первомъ письмѣ, никакого адреса... подписалась именемъ изъ моего стихотворенія, поставила только ту цифру, по которой я могу получать письма.

И потомъ, когда мы уже принадлежали одинъ другому, она продолжала эту... „мистификацію“ — подскажутъ, конечно, фарисействующіе филистеры.

— „Что въ имени тебѣ моемъ?“ — любитъ она повторять, лежа около меня, подъ балдахиномъ изъ легкой шелковой ткани, и любуясь на свои чудныя формы, свободныя отъ всякихъ покрывалъ. Что въ имени тебѣ моемъ? Вѣдь я тебя не обманула... мой желанный! Ты взялъ меня такою, какою я себя называла. Зачѣмъ же я буду тебя чѣмъ-нибудь связывать? объявлять кто я, кто мои родители, скрываю я отъ кого нибудь мою любовь, боюсь я чего-нибудь... Ничего я не боюсь и никого я не впущу въ нашъ храмъ Діониза! Для тебя я — женщина, охваченная тѣмъ же пламенемъ, какой горитъ и въ тебѣ. А когда онъ погаснетъ — это можетъ быть съ однимъ изъ насъ — мы простимся... чтобы больше никогда не встрѣтиться. Вотъ и все!“

И она смѣялась своимъ груднымъ смѣхомъ, и ея зубы блестѣли изъ подъ коралловыхъ губъ, а по груди ея пробѣгала чуть замѣтная дрожь нѣги.

Вотъ какъ мы „жили“ съ нею.

Жили—и уже не живемъ въ ту минуту, когда я это записываю.

Наше блаженство вспыхивало и замирало не одинъ разъ въ недѣлю. Много недѣль пролетѣло такъ. И каждое наше свиданіе было все также безумно, точно мы въ первый разъ отдавались другъ другу.

Мы жили только мгновеньемъ, изливали другъ другу только то, что переполняло насъ безконечнымъ многообразіемъ нашихъ состояній души, какое можетъ доставлять только сліяніе двухъ тѣлъ въ одно.

И вдругъ приходитъ отъ нея письмо, написанное твердой рукой, безъ признаковъ слезъ, безъ глупыхъ женскихъ фразъ и восклицаній—верхъ самообладанія и вѣрности высшему пониманію жизни и ея радостей.

Она почувствовала, что будетъ матерью. Это не испугало ее, какъ всякую дѣвицу „изъ общества", но и не обрадовало.

Въ первую минуту мысль о томъ, чтобы покончить съ собою, „обожгла" ее. Но она нашла, что это—пережитокъ добраго стараго времени, когда изъ-за этого бросались въ окно или глотали ціанъ-кали.

На все она идетъ съ полнымъ безстрашіемъ. Она могла бы и отдѣлаться отъ этого „бремени". Теперь это совсѣмъ не трудно. Можно все это продѣлать такъ, что и домашніе ничего бы не узнали. Но она еще не рѣшила этого.

Можетъ быть, въ ней поднимается новый, неизвѣданный ею инстинктъ—тогда она объявитъ объ этомъ очень просто, не испугается быть тѣмъ, что у французовъ называется въ документахъ „une fille-mére" и оставитъ ребенка при себѣ.

„Ты, конечно, не станешь протестовать. Ребенокъ принадлежитъ матери—это такъ просто, что наивно было бы и распространяться на такую тему... Но тогда—о, мой желанный!—то, что было между нами, не воскреснетъ болѣе. Ставить между нами ребенка—это значитъ вырывать могильную яму нашему... я не говорю счастью (это слишкомъ опошленное слово), а культу свѣтлаго бога Діониза".

„Я знаю, что ты не можешь, не долженъ иначе чувствовать и говорить.

„Будь я твоей подругой въ глазахъ всѣхъ, живи мы вмѣстѣ—я и тогда бы скрылась на все то время, когда материнство будетъ наростать и обезображивать меня. Это вѣдь неизбѣжно.

„И ты меня не увидишь до того дня, когда я приду къ тебѣ—опять такою же, какою отдавалась тебѣ.

„А если не приду—значитъ нельзя было. Для насъ съ тобою нѣтъ ничего выше того алтаря красоты, передъ ко-

торымъ мы приносили такія чудныя жертвы. Но говорю „до свиданія", не говорю и „прости". Не требую отъ тебя никакихъ клятвъ, никакой мѣщанской вѣрности. Мы съ тобой выше всего этого".

И я не умеръ отъ этого удара! Не глотнулъ ціанъ-кали, не выбросился изъ окна третьяго этажа!

Развѣ такъ не лучше, не мужественнѣе, не болѣе „лихо", какъ говоритъ нашъ народъ?

Правда или ложь то, что она написала? Къ чему я буду допытываться? Тѣ минуты блаженства, какія мы переживали,—никто вѣдь у насъ не отниметъ. Древніе говорили вѣдь, что прошлое „и боги не могутъ измѣнить".

IX.

Она еще не вернулась.

Я жду безъ всякой тревоги. Зачѣмъ волноваться? Она знаетъ, что ей дѣлать. Съ какой стати буду я вторгаться въ ея внутренній міръ? Да, наконецъ, я и не имѣю никакой физической возможности дѣлать такую попытку. Какъ я ее найду въ милліонномъ населеніи столицы? Гдѣ искать ее? Куда ходить? Можетъ быть, судьбѣ угодно будетъ устроить нашу встрѣчу на улицѣ, въ театрѣ, въ магазинѣ или просто на троттуарѣ?

Но желать ли этого? Она не хочетъ приходить до тѣхъ поръ, пока ея назрѣвающее материнство не будетъ болѣе обезображивать ея великолѣпное тѣло.

Это высшее преклоненіе передъ началомъ красоты. Кому же, какъ не мнѣ—цѣнить его? Все же остальное — это только „дрязги" жизни, нечистоплотная случайность, то, что продѣлываютъ сотни милліоновъ двуногихъ и еще большее количество четвероногихъ разныхъ породъ.

И какъ прекрасно въ этой моей „выученицѣ" (она часто такъ называла себя) полнѣйшее отсутствіе какихъ-либо притязаній на исключительное обладаніе, на институтскую „вѣрность до гроба".

Своимъ актомъ высшей женственности она, безъ всякихъ лишнихъ объясненій, возвратила мнѣ абсолютную свободу. Она знаетъ, что пѣвцу новой любви, не знающей никакихъ оковъ, нужна ясность настроенія. Тогда только мы и будемъ, „какъ боги" и какъ то дневное свѣтило, откуда льется жажда жизни и взаимное тяготѣніе мужчины и женщины.

Въ тѣ минуты, когда мы болтали съ нею, отдыхая отъ сладкихъ мукъ взаимнаго обладанія, она привлекала меня такъ же сильно, какъ и своими прелестями—такой свободой пониманія жизни, отъ которой вѣяло воздухомъ горныхъ

высотъ, гдѣ лучи солнца отражаются въ дѣвственныхъ снѣгахъ и манятъ все выше и выше, пока грудь въ состояніи будетъ дышать.

Мы говорили разъ объ одной вещи, написанной женщиной, гдѣ впервые сброшено фарисейское покрывало со страсти, какая зажигается въ женщинѣ къ существу своего пола.

— Ты сама испытала это?—спросилъ я ее совершенно просто, забывъ то, что она мнѣ говорила передъ тѣмъ, какъ отдалась мнѣ.

— Нѣтъ... хотя и выжила нѣсколько лѣтъ въ закрытомъ заведеніи. Я не проходила и черезъ эту школу „полудѣвственницъ". Можетъ быть, я не создана для этого. Но кто же смѣетъ запретить женщинѣ создавать себѣ рай на землѣ, какъ приказываетъ ей всесильное влеченіе?

И мы стали съ одинаковой силой возмущаться фарисействомъ тупоголовыхъ моралистовъ, для которыхъ дозволено только то, что стоитъ въ кодексѣ.

— Да и въ кодексѣ, даже и у насъ,—подмѣтила она,— нѣтъ ничего про женщинъ.

— А могло бы быть... Вѣдь въ посланіи къ Римлянамъ апостолъ Павелъ въ первой же главѣ возмущается любовью „противъ природы" и начинаетъ какъ разъ съ женщины, а потомъ уже говоритъ и о мужчинахъ.

— Будто бы?—остановила она меня.—Я вѣдь въ его посланія никогда не заглядывала. Но что же это показываетъ?

— Показываетъ то,—досказалъ я,—что въ древнемъ мірѣ, у римлянъ, а еще болѣе у грековъ, никто не смѣлъ налагать какія бы то ни было узы на жрицъ и жрецовъ Діониза, налагать запреты во имя закона, предписаннаго богами или матерью-природой.

Мы оказались въ полнѣйшемъ униссонѣ и въ этомъ вопросѣ, который всѣ „порядочные люди" считаютъ болѣе, чѣмъ скабрезнымъ.

Потому что насъ сожигалъ огонь Діониза, не знающій никакихъ запретовъ, различій и заповѣдей; вотъ это чисто, а это грязно, это дозволено, а это возмутительно.

Грязно? Нѣтъ ничего грязнаго въ жизни. Она зоветъ насъ къ безпредѣльному наслажденію. И намъ принадлежитъ державное право создавать себѣ все новыя и новыя, болѣе совершенныя состоянія блаженства и экстаза.

Почему же тѣ религіозныя согласія, которыя ищутъ экстазовъ, не могутъ обойтись безъ жертвъ все тому же богу? Наши хлысты отлично знаютъ это.

Ночью я раздумался, вспоминая нашу бесѣду... и сложилъ „сафическое" стихотвореніе.

Сафо, небось, знала что такое тотъ огонь, который

сжигалъ ее при видѣ женской красоты. Она такъ знойно умоляла Афродиту съ „разукрашеннымъ трономъ" (пойкилотронъ) не мучить ее больше такъ жестоко. Можетъ быть, она на первыхъ порахъ смущалась тѣмъ, къ кому обращены ея жадные взгляды. Но это ей не помѣшало прославить ея на весь міръ. И потомство благоговѣйно сохранитъ ея первую и подлинную оду—цѣликомъ. Ей теперь около трехъ тысячъ лѣтъ.

И нашлись запыленные и замаринованные возстановители ея репутаціи, доказывающіе, что она никогда не увлекалась женской красотой. Недоставало еще долгихъ археологическихъ доказательствъ того, что она была добродѣтельная мать семейства, имѣла дюжину дѣтей и пребывала вѣрной своему супругу, какъ какая-нибудь тайная совѣтница, съ ужасомъ произносящая имя острова Лесбоса, прославленнаго великой эллинской жрицей Афродиты.

Моя вещь вызвала сенсацію. Посыпались негодующія прокурорскія обличенія, пополамъ съ идіотскими остротами и памфлетами.

Но не прошло и трехъ дней, какъ ко мнѣ пришла очень молодая особа, несомнѣнная дѣвушка, вся прозрачная, вся изъ трепетныхъ нервовъ, съ чудесными глазами и станомъ стройнымъ, какъ стволъ лиліи.

Она стала такъ восторженно благодарить меня за мою „благородную смѣлость".

— Вы первый прославили у насъ Сафо! Вы показали, что культъ красоты не знаетъ никакихъ запретовъ.

И глаза ея, при словѣ „Сафо", сначала загорѣлись, а потомъ утонули въ своихъ орбитахъ, полуприкрытыхъ пушистыми рѣсницами.

И на мой вопросъ:

— Вы любите?

Слово „да" вылетѣло у нея, какъ вздохъ несказанной нѣги.

Будь на моемъ мѣстѣ какой нибудь Донъ Жуанъ, не признающій ничего, кромѣ своего хищничества съ женскимъ поломъ, онъ, навѣрно, сталъ бы увѣрять, что это вызвало въ немъ гадливое чувство.

А я любовался этой дѣвушкой, этимъ бутономъ, только что распустившимъ свои лепестки подъ живительнымъ дуновеніемъ тайныхъ лобзаній.

Чьихъ? Какое мнѣ до этого дѣло? Развѣ я „детективъ" по полицейской охранѣ нравовъ? Я съ полной ясностью духа допускаю все, что только наноситъ несокрушимые удары сонму всѣхъ евнуховъ — особенно, когда они сами себя духовно оскопляютъ.

Діонизъ поразитъ и ихъ—рано или поздно—своими стрѣлами, вливающими въ насъ сладкій ядъ, отъ котораго изнемогала вдохновенная поэтесса острова Лесбоса.

X.

Какъ я счастливъ, что молодежь воспринимаетъ такъ радостно и смѣло все, о чемъ я „пою“, выражаясь словомъ старыхъ лириковъ.

Послѣ той дѣвицы пришелъ юноша. И опять его потянула ко мнѣ моя вещь о Сафо.

Юноша—благообразный, похожій поразительно на красную дѣвицу, съ особымъ складомъ всего стана. Что-то округлое, прямо женоподобное. Походка, жесты рукъ, улыбка сочныхъ губъ, манера садиться и выпрямлять грудь, все это—не мужское.

Съ одного взгляда я понялъ, какое существо сидѣло передо мною.

И такихъ въ каждой расѣ, въ каждомъ обществѣ—въ народѣ и въ высшемъ кругу — всегда было довольно и столько же будетъ во всякія времена.

— Благодарю васъ, — тихимъ, вкрадчивымъ, почти дѣвичьимъ голосомъ заговорилъ этотъ русскій *эфебъ*, — не за одного себя благодарю васъ, а за всѣхъ такихъ, какъ я.

И онъ это сказалъ, хотя и съ потупленными рѣсницами, но отчетливо и не трусливо, не какъ что-то позорное и преступное.

— И мы ждемъ, — продолжалъ онъ, поднимая на меня глаза, — мы ждемъ, что вы выступите также смѣло въ новомъ чудномъ стихотвореніи и за тѣхъ, кто хочетъ любить... не такъ, какъ другіе.

Какъ бы я подскочилъ отъ негодованія, если бъ два-три года назадъ такой „эфебъ“ явился ко мнѣ съ такими рѣчами!

Можетъ быть, во мнѣ и теперь, тамъ гдѣ-то, въ складкахъ потаенной психики еще гнѣздятся микробы чисто мужской гадливости къ такимъ „извращеніямъ природы“. Къ женскимъ уклоненіямъ отъ филистерской „нормы“ каждый изъ насъ—мужчинъ—гораздо снисходительнѣе, хотя жрицы Лесбоса у насъ до сихъ поръ еще въ рѣдкость, а между мужчинами не переводились вотъ такіе.

— Вы читали... разсказъ... онъ вышелъ на-дняхъ?

И онъ назвалъ имя автора.

Я не успѣлъ еще ознакомиться съ этой вещью; но вижу, что она уже поднимаетъ гвалтъ въ лагерѣ все тѣхъ же ску-

доумныхъ кастратовъ, которые и на меня накидываются съ пѣной у рта.

— Простите! Умоляю васъ! Мы такъ счастливы, что вотъ, наконецъ, явились истинные писатели, которые ничего не боятся. Совершенно такъ же, какъ въ античномъ мірѣ! Не правда ли? Скажите?

Какъ же мнѣ было не подтвердить ему, что лирики Греціи и Рима воспѣвали своихъ эфебовъ... Кто изъ гимназистовъ силенъ въ классическихъ языкахъ, можетъ найти у такихъ поэтовъ, какъ Тибуллъ, Катуллъ, не говоря уже объ эллинахъ, изліянія страсти къ прекраснымъ созданіямъ своего пола.

Развѣ это не фактъ, что въ греческомъ войскѣ тѣ отряды считались самыми доблестными, въ которыхъ „гетеры" преобладали, гдѣ воины сгорали любовнымъ влеченіемъ другъ къ другу?

И это длилось цѣлыми вѣками.

Глядя на моего гостя, я думалъ о томъ англійскомъ писателѣ, который такъ дорогъ теперь всѣмъ, кто стряхнулъ съ себя вериги рабства мѣщанской этики. Теперь, послѣ его смерти и каторжнаго якобы наказанія за его „непотребство", имя автора трепетной исповѣди „De profundis" сдѣлалось еще ближе и дороже каждому изъ насъ.

— Развратитель! Гнусный противоестественный прелюбодѣй! Членъ законопреступнаго сообщества!

Вотъ что кричатъ и тамъ, на его родинѣ, звѣрски радуясь тому, что его цѣлыхъ два года держали взаперти, въ каторжной тюрьмѣ, гдѣ его безсмысленно заставляли дергать корпію изъ старыхъ пеньковыхъ канатовъ.

— За что? За то, что онъ по другому созданъ, чѣмъ остальные люди его пола?

Лично я... не сталъ бы посягать на юношу, который явился ко мнѣ. Но я совсѣмъ не ставлю это себѣ въ особое достоинство.

Но значитъ и тамъ, въ закорузломъ британскомъ обществѣ, гдѣ ханжество и чопорная „респектабельность" царятъ безусловно,—и тамъ нашлись все таки люди, которые и послѣ его осужденія писали ему сочувственныя письма, о чемъ онъ говоритъ въ своей исповѣди „De profundis".

И онъ написалъ ее въ своей одиночной камерѣ— просвѣтленный, глубоко-примиренный, но совсѣмъ не какъ грѣшникъ, кающійся въ томъ, чѣмъ его сдѣлала мать природа или тоже самое общество, которое воспитало его.

Мой эфебъ удалился, радостный и благодарный. И я ему перевелъ тутъ же заключительныя слова исповѣди того,

чье имя ему священно... и не ему одному—въ нашей молодежи.

Вотъ эти подлинныя слова:

„У общества, какъ мы его устроили, не будетъ для меня мѣста, ему нечего мнѣ предложить; но природа, сладкіе лучи которой падаютъ на праваго и виноватаго, откроетъ мнѣ свои впадины, гдѣ я могу укрыться, и тайныя долины, гдѣ я могу, среди ихъ тишины, плакать безъ помѣхи".

Но онъ хотѣлъ плакать не потому, что считалъ себя презрѣннымъ грѣшникомъ. Онъ до своей смерти, пришедшей такъ скоро послѣ его такъ называемаго „позора", хотѣлъ плакать надъ злостью, тупостью, лицемѣріемъ и ханжествомъ своихъ ближнихъ.

Кажется, я теперь могу сказать про себя словами писанія: я погрузился въ „купель паки бытія" и вышелъ изъ нея тѣмъ перворожденнымъ человѣкомъ, о которомъ мечталъ.

Какъ жалки кажутся мнѣ всѣ тѣ, у кого я былъ сначала въ обученіи, кто казались мнѣ обладателями высшей мудрости и героями, призванными создать на землѣ соціальный рай.

Вотъ они теперь въ нашей отечественной неразберихѣ такъ перепутались, что нельзя уже отличить фанатика доктрины отъ громилы. Оба выступаютъ какъ упразднители всего достоянія гнуснаго буржуя.

И я—упразднитель. Но какой? Я и они—это два полюса... это двѣ взаимно уничтожающія стихіи—какъ огонь и вода.

Имъ только кажется, что они разрушаютъ все, что создано ненавистнымъ имъ обществомъ; а въ сущности они не могутъ продышать одного мгновенія безъ признанія такого credo—какъ-бы оно ни называлось,—гдѣ содержится цѣлый перечень запретительныхъ и карательныхъ статей.

Идя на вѣрную или вѣроятную гибель, они смотрятъ на себя, какъ на подвижниковъ. Они ставятъ идеи и принципы надъ своимъ „я", а себя обрекаютъ на роль неосмысленныхъ штифтиковъ въ той хотя бы и адской машинѣ, въ которую впрягаютъ себя.

Вотъ сейчасъ я прочелъ, какъ былъ приговоренъ къ повѣшенію одинъ изъ моихъ коллегъ по тому „отряду", гдѣ я когда-то состоялъ, и какъ его повезли, на разсвѣтѣ, куда-то на взморье.

У меня не дрогнулъ ни одинъ нервъ. Съ какой стати буду я его жалѣть? Онъ нашелъ то, что искалъ. Но могъ-

бы найти тоже самое гораздо проще, не пройдя черезъ унизительную процедуру казни.

Дѣйствовалъ ли онъ, какъ правовѣрный террористъ, или какъ хищникъ, пожелавшій подъ благороднымъ ярлыкомъ положить себѣ въ карманъ нѣсколько радужныхъ,—я не знаю. Право, второе было бы менѣе глупо... и преступно передъ человѣческимъ „я", передъ лучезарной идеей „Единственнаго", хотя бы такого, какого я изъ себя изображаю.

Баденвейлеръ.

Одинокіе.

Съ тайной страданья
На блѣдномъ лицѣ
Ты прошла по обрывнымъ путямъ.
О, я помню признанье!
Это было въ концѣ...
Это было въ тоскѣ по утраченнымъ днямъ.

Помню закатъ. И твой профиль, увитый
Въ трауръ испуганной вѣтромъ вуали.
Скалы. И пурпуръ бушующихъ пѣнъ.
Плакали души, признаніемъ слиты.
Все разгадали мы. Долго молчали.
Плакали души, какъ пѣсни сиренъ.

Огненно-рдяны
Меркнули скалы.
Алая пѣна дробилась у ногъ.
Жегъ мои раны
Взоръ твой усталый.
Я не отвѣтилъ... Отвѣтить не могъ...

Руки ломая, съ мучительнымъ стономъ
Раненой чайкой сорвалась ты внизъ —
Къ темной пучинѣ, гдѣ берегъ нависъ.
Бросилась въ пѣну, ползущую къ склонамъ,
Камни одѣвшую пурпуромъ ризъ.

Долго смотрѣлъ я, какъ черное платье
Въ пляскѣ неистовой волны качали.
Долго стоялъ я. Застыла душа.
Не было въ ней ни мольбы, ни проклятья.
Ночь приходила изъ гаснущей дали,
Ночь расцвѣтала, безумьемъ дыша.

—

Бѣдный листокъ,
Мой листокъ опаленный,
Вихремъ судьбы увлеченный, какъ я!
Ты не узнаешь, какъ я одинокъ.
Взглядъ мой, въ туманную даль устремленный,
Полонъ холодной тоской бытія.

Все же томлюсь. Безнадежно скитанье.
Глубже и глубже отчаянья мгла.
Все же я землю люблю и страданье.
Ты утомилась. Ты не могла.
Къ вѣчной отрадѣ молчанья
Ушла.

Въ сумракъ закатный къ пустынному морю
Гонитъ меня твой послѣдній завѣтъ.
Волны багритъ умирающій свѣтъ...
Тамъ я стою и душѣ твоей вторю,
Бѣдной душѣ твоей плачу во слѣдъ.

Дмитрій Цензоръ.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ.

Разсказъ **Дим. Крачковскаго.**

У г-жи Шестаковой.

Я получилъ такую записку:

„Уважаемый Афанасій Афанасьевичъ, въ четыре часа мы ѣдимъ блины. Буду рада видѣть васъ у себя. Жму руку. Шестакова".

Въ три часа съ четвертью я закрылъ книгу,—въ которой профессоръ московскаго университета фонъ-Галленъ очень удачно развивалъ теорію о происхожденіи славянъ и говорилъ, что такъ называемая начальная лѣтопись, читаемая нами по Лаврентьевскому списку. есть лѣтописный сводъ, а не подлинная лѣтопись Кіево Печерскаго инока,—надѣлъ черный сюртукъ и новый черный галстукъ. Когда-то мнѣ нравились галстуки—узенькіе съ маленькой головкой и тоненькими хвостиками; теперь я предпочитаю широкіе, какъ блинъ,—они закрываютъ всю грудь и не позволяютъ любопытному глазу заглянуть подъ жилетъ. Затѣмъ я положилъ книгу на опредѣленное мѣсто, рядомъ съ книгой моего уважаемаго профессора, друга и наставника Винклера, который такъ удачно говоритъ объ образованіи городовыхъ областей первой половины IX вѣка, и вышелъ изъ дому.

У госпожи Шестаковой собирается цвѣтъ нашихъ московскихъ профессоровъ и я, какъ будущій стипендіатъ, всегда получаю приглашенія на всякіе завтраки, торжественные обѣды и милыя вечеринки. Правда, иногда я чувствую себя немножко неловко, когда общество очень многолюдно, и рядомъ со мною сидитъ гордость и краса университета—профессоръ Остерманъ, но, думаю, эта застѣнчивость съ теченіемъ времени исчезнетъ. Я буду чувствовать себя великолѣпно.

Передъ домомъ госпожи Шестаковой возвышается величественный стальной заборъ съ золотою рѣшеткою, и во-

рота почти всегда открыты. Но, если они закрыты, тогда нужно прижать ручку тяжелой калитки и съ трудомъ раскрыть ее. Но въ этотъ торжественный день ворота, слава Богу, были открыты. и во дворѣ передъ подъѣздомъ стояли кареты, ландо и коляски. И я сразу узналъ темно-коричневую карету профессора Доннаръ-Гиляровскаго — старика съ однимъ вставнымъ глазомъ, карету заслуженнаго профессора Риля, который не выноситъ резиновыхъ шинъ и гремитъ желѣзными колесами, и старинное ландо нѣмца Бромбеуса, знатока юсовъ и церковно-славянскихъ склоненій. Кому принадлежали остальныя ландо и коляски — я не знаю, но думаю, что это раскутились наши доценты и послѣдовали примѣру стариковъ.

Я вошелъ въ подъѣздъ, вытеръ, какъ обстоятельный и серьезный человѣкъ, ноги о голубой шерстяной коверчикъ, передалъ палку швейцару, пальто лакею, улыбнулся тому и другому, поправилъ галстукъ и поднялся на верхъ. На порогѣ гостиной меня встрѣтила госпожа Шестакова, я поцѣловалъ ея руку, а госпожа Шестакова сказала:

— Спасибо, милый, что пришелъ,—и я почувствовалъ прикосновенія ея губъ къ своимъ волосамъ.

Сразу я вошелъ въ себя, точно меня прохватило холодомъ, потомъ выпрямился, словно развернувшаяся пружина, переступилъ раза два съ ноги на ногу и вошелъ въ гостиную. Старики, заслуженные и величественные, сидѣли полукругомъ, какъ судьи древняго судилища, и одни перебирали колечки золотыхъ цѣпочекъ, другіе барабанили пальцами по лакированной поверхности прелестныхъ столиковъ съ золотою инкрустаціей и хрупкими ножками, третьи улыбались покровительственно и величественно, а четвертые разговаривали и шептали что-то другъ другу на ухо. Доценты, молодые магистранты и магистры, стояли за креслами стариковъ, разсматривали альбомы, гравюры, прозрачныя картинки на окнахъ и красивыми руками гладили свои окладистыя бороды.

Я подошелъ къ старикамъ, очень вѣжливо поклонился, старики подняли свои глаза и, хотя не узнали меня, но все же протянули мягкія, влажныя, какъ у архіереевъ, руки, всматривались въ меня и моргали вѣками. Въ простѣнкѣ между двумя высокими окнами съ шторами блѣдно-коричневаго сукна висѣла картина нашего любимаго и извѣстнаго художника Шатерникова, а возлѣ картины—маленькая электрическая лампа съ рефлекторомъ. Я подошелъ къ картинѣ и началъ ее разсматривать. Долженъ сознаться, что Шатерниковъ часто злоупотребляетъ своею смѣлостью и громоздитъ одну на другую яркія краски.

Когда я разсматривалъ картину Шатерникова, профессоръ Риль, старикъ со львиной головой, началъ кашлять и кашлялъ очень долго. Всѣ замолчали, но когда Риль успокоился, госпожа Шестакова сказала:

— Мои дорогіе друзья, пройдемъ въ столовую, вѣроятно, наши блины испеклись и съ нетерпѣніемъ ждутъ насъ.

Я повернулся спиною къ картинѣ Шатерникова, переступилъ съ ноги на ногу, высморкался, обвелъ глазами всю гостиную — отъ угла до угла, и увидалъ, что профессоръ Риль вытиралъ глаза большимъ, какъ простыня, платкомъ, вытиралъ слюну, проступившую въ уголкахъ губъ, потомъ встряхнулъ львиной головой, спряталъ платокъ въ карманъ и двинулся въ столовую. Вслѣдъ за профессоромъ Рилемъ поднялся профессоръ Доннаръ-Гиляровскій съ огромнымъ отложнымъ воротникомъ и тоненькой черной тесемочкой, потомъ ординарный профессоръ Обуховъ, хромой, одна нога у котораго короче другой, съ бѣлоснѣжными волосами, торчащими бобрикомъ, очень любезный у себя на дому и ворчливый на каѳедрѣ; нѣмецъ Бромбеусъ очень стучалъ сапогами на высокихъ каблукахъ и, когда подошелъ къ двери, столкнулся съ профессоромъ Обуховымъ, а потомъ отпрянулъ назадъ и сказалъ:

— Прошу извинить меня, дорогой товарищъ.

Вслѣдъ за стариками въ столовую вошла наша молодежь—талантливые и обѣщающіе магистранты, а комикъ Джапаридзе—знатокъ Запада, который ведетъ иностранную политику въ „Русскихъ Отголоскахъ"—на порогѣ столовой щелкнулъ пальцами, эластично приподнялся на носкѣ ботинка, прицитировалъ то восьмистишіе Гомера, гдѣ боги хохотали, радуясь разливаемой амброзіи и шуткамъ Гефеста.

У конца стола уже стояла госпожа Шестакова, привѣтливо улыбалась, показывала свои великолѣпные зубы, полной рукой приподымала крышку никкелированной кастрюльки съ первыми блинами, а рядомъ съ госпожею Шестаковой сидѣла сгорбленная старушка въ черной наколкѣ съ золотыми серьгами и, когда всѣ вошли, старушка приподнялась и опять сѣла.

Я былъ въ недоумѣніи, такъ какъ никогда прежде не видалъ этой старушки. Но госпожа Шестакова разсѣяла недоумѣніе и сказала:

— Это моя дорогая тетушка, которая пріѣхала изъ Каширы.

Я шелъ въ хвостѣ доцентовъ и заслуженныхъ профессоровъ и меня занималъ вопросъ, гдѣ укажетъ мнѣ мѣсто госпожа Шестакова—возлѣ себя, по серединѣ стола, или съ противоположной стороны—у дубоваго буфета. Къ сожа-

лѣнію, я очутился возлѣ дубоваго буфета, между двумя неинтересными людьми: приватъ-доцентомъ Горюновымъ, который читаетъ курсъ эстетики; у него непріятный запахъ пота отъ ногъ и онъ часто вытираетъ ладони рукъ носовымъ платкомъ, а съ другой стороны—стипендіатомъ Фокомъ, молчаливымъ человѣкомъ, совершенно неподвижнымъ.

Какъ всегда, передъ началомъ общей ѣды всѣ долго молчали, и каждый разсматривалъ тѣ кушанья, водки и закуски, которыя стояли на столѣ. И я не могу удержаться отъ удовольствія перечислить хотя бы часть того что увидалъ, а потомъ попробовалъ. Передъ профессоромъ Рилемъ стояли апельсины, груши, яблоки, виноградъ и огромный сигъ съ деревянной палочкой во рту. Передъ профессоромъ Обуховымъ—второй сигъ, вдвое больше перваго, тоже съ деревянной палочкой и обнаженнымъ золотистымъ мясомъ. Разстояніе между профессорами Рилемъ и Обуховымъ было занято бутылками и стояло ихъ пять—одна возлѣ другой. А передъ приборами Бромбеуса и Доннаръ-Гиляровскаго—огромная бѣлая рыба, захватившая четверть стола, и своею мордою она смотрѣла на госпожу Шестакову, а хвостомъ—на моихъ молчаливыхъ сосѣдей Фока и эстета Горюнова.

Спиртныхъ напитковъ я не употребляю, но въ такіе торжественные дни, какъ этотъ, я позволю себѣ немножко выпить и съ удовольствіемъ слѣжу, какъ преграда, которая стоитъ между мною и этими заслуженными людьми, постепенно падаетъ и наступаетъ желанное сближеніе.

Мнѣ даже вредно пить; на слѣдующій день я чувствую слабость въ рукахъ, въ ногахъ и съ трудомъ запоминаю прочитанное. Но все же я пью—одну рюмку, другую, третью и даже четвертую.

И теперь я сказалъ эстету Горюнову:

— Выпьемъ.

Эстетъ Горюновъ налилъ себѣ и мнѣ по большой рюмкѣ какой-то желтой водки, и мы чокнулись. И, когда мы чокались съ эстетомъ Горюновымъ, всѣ старики—ординарные и заслуженные, доценты и магистранты—подняли свои рюмки и пили за здоровье госпожи Шестаковой. Я не могъ не присоединиться къ общему тосту, даже поднялъ свою рюмку и сказалъ:

— Пью за ваше здоровье.

Водка обожгла мое горло, и сейчасъ же по всему тѣлу разлилась пріятная теплота.

Я сразу сталъ смѣлѣе и спросилъ эстета Горюнова:

— Вы когда начнете вашъ курсъ?

Горюновъ посмотрѣлъ на меня, вытеръ губы, помолчалъ и сказалъ:

— Въ слѣдующую среду.

— Какъ всегда, съ Дюррера?

— Конечно, какъ всегда, съ Дюррера,—отвѣтилъ Горюновъ и вытеръ салфеткой свои потныя руки.

Потомъ я выпилъ одну за другою три рюмки и, когда выпилъ послѣднюю,—смѣло поднялъ глаза на профессора Риля и, встрѣтивъ его взглядъ, я не опустилъ своихъ глазъ. Старикъ Риль внимательно разглядывалъ меня, а потомъ забылъ обо мнѣ и принялся доѣдать своего сига вмѣстѣ съ блинами. Блины приносили много разъ. Я не предполагалъ раньше, что наши профессора—любители этого кушанья. Напримѣръ, Доннаръ-Гиляровскій съѣлъ двѣнадцать штукъ. Онъ ѣлъ ихъ съ масломъ и сметаной; потомъ перекладывалъ между блинами—однимъ, другимъ и третьимъ, по кусочку балыка или тоненькому пласту паюсной икры, потомъ устраивалъ венигретъ изъ зернистой икры, изъ красной икры, изъ маслинъ и помидоровъ, опускалъ въ этотъ венигретъ кусочки блиновъ и съ удовольствіемъ ихъ проглатывалъ. Нѣмецъ Бромбеусъ съѣлъ восемнадцать блиновъ; первые восемь штукъ онъ ѣлъ только съ зернистой икрой и сметаной, остальные десять по одному и на каждый блинъ накладывалъ то семгу, то балыкъ, а иногда семгу и балыкъ одновременно. Старикъ Риль съѣлъ пятнадцать; онъ запивалъ блины какимъ-то краснымъ жидкимъ виномъ, и, вѣроятно, это вино парализовало приступъ его мучительнаго кашля. Хотя однажды онъ началъ долго кашлять и опять вытиралъ свои глаза большимъ, какъ простыня, платкомъ. Сколько съѣли молодые магистранты и магистры—я не знаю, такъ какъ все время былъ занятъ стариками.

И, пережевывая блины, отвѣчая улыбками на улыбки милѣйшей госпожи Шестаковой, я думалъ, какъ привести въ исполненіе мое завѣтное желаніе—поговорить съ профессоромъ Доннаръ-Гиляровскимъ въ полутемномъ уголкѣ гостиной, разспросить его, какъ онъ смотритъ на систему сбора налоговъ въ годы утвержденія Олега и напомнить Доннаръ-Гиляровскому, что тема моего сочиненія близко примыкаетъ къ названному періоду.

Поэтому, когда всѣ поднялись отъ стола и, кашляя, отхаркиваясь, сморкаясь и поправляя свои воротнички, прошли въ гостиную, а наши любезные магистранты подходили къ ручкѣ госпожи Шестаковой и ея тетушки изъ Каширы, я возлѣ полукруглаго диванчика гостиной столкнулся съ профессоромъ Доннаръ-Гиляровскимъ, прижалъ его къ дивану, потомъ бросился назадъ и очень смущенно сказалъ:

— Дорогой профессоръ, прошу извинить меня.

Профессоръ Доннаръ-Гиляровскій поднялъ на меня свои

сѣрые глаза; его худая шея вытянулась изъ-подъ широкаго отложного воротничка, потомъ повернулся и, ничего не говоря, сѣлъ на диванъ и сложилъ руки на животѣ.

Тогда я подсѣлъ къ профессору Доннаръ-Гиляровскому на самый краешекъ дивана и тихо сказалъ:

— Какое милое общество и какъ мила сама госпожа Шестакова.

Профессоръ Доннаръ-Гиляровскій постучалъ пальцами лѣвой руки по ладони правой и спросилъ:

— Если не ошибаюсь, вы сидѣли за столомъ съ его крайней стороны, возлѣ доцента Горюнова?

Польщенный вниманіемъ этого старика, я приблизился къ нему еще ближе и сказалъ:

— Да, я сидѣлъ возлѣ доцента Горюнова, а слѣва былъ стипендіатъ Фокъ.

И, когда къ намъ подошла госпожа Шестакова и своимъ присутствіемъ, милой улыбкой разорвала холодную оффиціальность,—я рѣшительно спросилъ профессора Доннаръ-Гиляровскаго о его взглядѣ на систему налоговъ времени утвержденія въ Кіевѣ Олега и былъ очень обрадованъ, когда узналъ, что его взглядъ совпадаетъ со взглядомъ моего дорогого учителя, друга и наставника, профессора Винклера, который утверждаетъ, что подъ шлягами—skilling—надо разумѣть иноземныя металлическія деньги, преимущественно серебряныя арабскія диргемы.

Это заключеніе уважаемаго и заслуженнаго профессора вызвало съ моей стороны естественное желаніе зайти какъ-нибудь вечеркомъ къ нему на домъ и подробно поговорить о системѣ сбора skilling, а также о тѣхъ двухъ способахъ, которыми собиралась эта дань.

Профессоръ Доннаръ-Гиляровскій сказалъ, что принимаетъ по субботамъ отъ $8^1/_2$ до $9^1/_2$ и былъ даже такъ любезенъ, что далъ мнѣ свою визитную карточку, на которой было написано:

Заслуженный профессоръ
Казиміръ Сигизмундовичъ
Доннаръ-Гиляровскій.

Москва, Собачья площадка, домъ церкви Воскресенія.

Я спряталъ карточку въ боковой карманъ, нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по гостиной, съѣлъ яблоко, маленькій мандаринъ, выпилъ рюмку бенедиктина, а потомъ началъ наблюдать, какъ старики сѣли за ломберный столъ и взяли карты въ руки. Играли: Бромбеусъ, Риль, Обуховъ и Доннаръ-Гиляровскій. У Бромбеуса сразу же въ первую сдачу оказался маленькій шлемъ въ бубнахъ, Риль удачно

взялъ ему принадлежащую взятку, но былъ очень недоволенъ присыпкой Доннаръ-Гиляровскаго.

Онъ сказалъ ему:

— Вы, дорогой коллега, не умѣете присыпать.

А Доннаръ-Гиляровскій отвѣтилъ:

— Хорошо присыпать, если есть что присыпать.

Обуховъ расхохотался и началъ сдавать. Но сдалъ такъ неудачно, что у всѣхъ сдѣлались грустныя лица и всѣ сказали:

— Это не игра, а Богъ знаетъ что такое.

Потомъ я съѣлъ еще одно яблоко, еще одинъ мандаринъ, выпилъ вторую рюмку бенедиктина и сказалъ госпожѣ Шестаковой:

— Мнѣ надо домой.

Госпожа Шестакова спросила:

— Почему такъ рано?

Я ей отвѣтилъ:

— Меня дома ждетъ работа.

Госпожа Шестакова не стала меня удерживать, и я ушелъ.

На дворѣ уже чувствовалось приближеніе весны.

Всѣ звуки стали громче, почернѣли крыши, вечернее небо было блѣдно-розовое, и высоко, высоко надъ самой головою мерцала чистая, дѣвственная, одинокая звѣздочка.

Моя сестра.

Ровно въ десять часовъ утра въ дверь комнаты постучала моя сестра. Она просунула голову въ сѣрой шляпѣ съ синими и зелеными лентами и спросила:

— Я къ тебѣ съ Полемъ. Можно?

Поль—мужъ сестры, инженеръ. Иногда по праздникамъ они приходятъ ко мнѣ, разсказываютъ о московскихъ новостяхъ, совѣтуются, спорятъ и очень интересуются моей работой.

Я поднялся навстрѣчу сестры, отодвинулъ въ сторону стулъ и очень любезно сказалъ ей:

— Войди, моя дорогая. Я уже давно всталъ..

Сестра вошла, вслѣдъ за нею вошелъ Поль въ шапкѣ съ кокардой, въ бѣломъ кашнэ и прекрасномъ пальто съ воротникомъ изъ ліонскаго бархата, крѣпко пожалъ мою руку и спросилъ:

— Какъ всегда, за работой съ ранняго утра?

Я развелъ руками и покорно отвѣтилъ:

— Съ ранняго утра. Ничего не подѣлаешь—работы по горло.

Сестра подошла къ зеркалу и начала откалывать шляпу, а Поль снялъ пальто, повѣсилъ его на вѣшалку, снялъ кашнэ, и подъ кашнэ открылся ослѣпительной бѣлизны галстукъ; потомъ сѣлъ на диванъ, вытянулъ ноги и закурилъ папиросу.

У меня въ комнатѣ былъ нѣкоторый утренній безпорядокъ. Напримѣръ: стоялъ неубранный кофейный приборъ, на креслѣ — сложенный вдвое костюмъ, я не успѣлъ повѣсить его въ шкапъ, а на кругломъ столикѣ, покрытомъ плюшевой скатертью, коробка съ новой форменной фуражкой, которую вчера вечеромъ мнѣ прислали изъ магазина.

Я поторопился убрать все на мѣсто, но сестра сказала:

— Ты, пожалуйста, не безпокойся, — и она повернулась спиною къ зеркалу, сѣла въ кресло, облокотилась на ручку, поправила складки юбки и сказала:

— Ну, какъ ты поживаешь? какъ твоя наука?

Моя сестра окончила IV гимназію съ золотой медалью и отличалась выдающимися математическими способностями. Мой дѣдушка по матери, предсѣдатель тамбовскаго суда, всегда съ сожалѣніемъ говорилъ:

— Если бы Катя поступила на высшіе математическіе курсы, она непремѣнно выдумала бы управляемый аэропланъ.

Къ сожалѣнію, моя сестра неожиданно для всей нашей семьи увлеклась инженеромъ Полемъ—я помню, они каждую недѣлю ѣздили въ Большой театръ, и передъ театромъ Поль привозилъ сестрѣ бѣлые цвѣты и конфекты — и два года тому назадъ они повѣнчались въ церкви Бориса и Глѣба на Остоженкѣ.

И поэтому, когда сестра говоритъ о моей наукѣ, она говоритъ весело и непринужденно, но я прощаю ей эту маленькую нетактичность. посвящаю ее въ свою науку и даже показываю листы сочиненія, которое подвигается изо дня въ день—все впередъ и впередъ.

И я взялъ со стола ворохъ листовъ, уложилъ ихъ въ синюю папку съ черными завязками, встряхнулъ папку и, когда листы легли въ порядкѣ одинъ за другимъ, я протянулъ папку сестрѣ и съ удовольствіемъ слѣдилъ, какъ она взяла ее въ свои руки.

— Боже мой,—сказала сестра,—какое множество листовъ!

И она начала ихъ пересчитывать:

— 551, 552. 553, 554,—скоро будетъ тысяча.

А мужъ Поль склонился надъ головою сестры, такъ склонился, что его волосы коснулись ея волосъ и сказалъ:

— Покажи, дорогая,—и, взявшись за руки, они начали любоваться листами будущаго сочиненія.

Въ дверь постучала моя хозяйка, госпожа Амалія Ванъ-деръ-Вейде, и спросила, не угодно ли сестрѣ чашку кофе.

Сестра поблагодарила госпожу Ванъ-деръ Вейде и отвѣтила:

— Нѣтъ, спасибо, мы съ мужемъ уже пили, — и отложивъ въ сторону мое сочиненіе, начала разсказывать о своихъ дѣлахъ.

И хотя дѣла сестры меня мало интересуютъ, но я терпѣливо выслушиваю сестру, хорошо запомнивъ то, что передъ смертью мнѣ сказалъ покойный отецъ.

Онъ сказалъ:

— Если ты хочешь успѣвать въ жизни, будь снисходителенъ и великодушенъ.

И я узналъ отъ сестры слѣдующее:

Въ пассажѣ Солодовникова была распродажа. Распродавались маленькія электрическія люстры о трехъ, о пяти и о семи лампочкахъ. Были всякія люстры: мѣдныя, бронзовыя, стальныя съ хрустальными подвѣсками и украшеніями изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Цѣны дешевыя, напримѣръ, 17 руб., 20 руб., 25 руб., а изящныя бронзовыя о семи лампочкахъ—42 руб. 50 коп. Сестра купила стальную для столовой съ цѣпочками и плоскими колпачками, маленькую для кабинета мужа, и эти двѣ обошлись 37 руб. Тамъ же была распродажа шелковыхъ абажуровъ и абажурчиковъ для свѣчей, пепельницъ изъ Японіи, шотландскихъ дорожныхъ нессесеровъ, заключающихъ въ себѣ 21 вещицу—щетки, тарелочки, стаканы, мыльницы, флаконы для одеколона—и всѣ эти вещицы въ чистой никкелевой оправѣ. Сестра совѣтовала мнѣ пріобрѣсти этотъ дорожный приборъ, такъ какъ она знаетъ, что я собираюсь поѣхать въ Палестину, Грецію, Египетъ, а изъ Египта, черезъ Италію, въ Парижъ, гдѣ пробуду два-три мѣсяца. Въ пассажѣ Солодовникова моя сестра встрѣтила Надежду Константиновну Растопчину съ дочерью Клавочкой. Въ прошломъ году лѣтомъ я давалъ Клавочкѣ уроки по всеобщей и русской исторіи въ ихъ имѣніи въ Саратовской губерніи. Клавочка очень обрадовалась, когда встрѣтила мою сестру; она протянула сестрѣ ручку въ коричневой лайковой перчаткѣ, улыбнулась и спросила:

— А, что мой милый учитель уже скоро будетъ профессоромъ?

А Надежда Константиновна поправила ленточку на шляпѣ Клавочки и замѣтила ей:

— Чтобы быть профессоромъ, сначала надо быть стипендіатомъ, потомъ магистрантомъ—защищать диссертацію, и тогда только могутъ предложить каѳедру.

Сестра и ея мужъ Поль очень интересуются моими новинками—брошюрами и книгами и, какъ всегда, они поднялись, подошли къ столу и начали разсматривать новинки.

Сестра стояла съ лѣвой стороны стола, Поль—съ правой; сестра взяла въ руки новое прекрасное изысканіе объ аварахъ, развернула книгу, передала ее Полю и спросила меня:

— О чемъ здѣсь говорится?

Я ей отвѣтилъ:

— Это новое великолѣпное изысканіе одного нѣмецкаго профессора объ аварахъ.

Сестра спросила:

— А кто такіе были авары?

Ея вопросъ вызвалъ естественную улыбку на моемъ лицѣ, но мужъ Поль сказалъ сестрѣ:

— Какъ тебѣ не стыдно, Катя? Авары—одна изъ первыхъ народностей, населявшихъ нашу южно-русскую степь.

Поль, конечно, тоже былъ не правъ, но я промолчалъ.

Потомъ сестра развернула новыя изслѣдованія о похожденіяхъ скандинавскихъ викинговъ въ Бургундію, Овернъ, Кельнъ, Триръ, Бордо, новыя, хорошо просмотрѣнныя хроники Бертинскаго и Ваатскаго монастырей; прекрасное изысканіе о происхожденіи слова „Русь", гдѣ доказывается, что это слово впервые появилось въ Игоревомъ договорѣ 945 года, и такъ называлась преимущественно Кіевская область. Всѣ эти книги сестра передавала мужу Полю, онъ раскрывалъ ихъ, просматривалъ, кивалъ головою и мурлыкалъ одну нашу модную пѣсенку, которую я слыхалъ въ ресторанѣ Большой Московской гостиницы, гдѣ происходило чествованіе общественнаго дѣятеля Завирухи-Маклая.

И, когда моя сестра оперлась локтями на книги, потомъ глубоко вздохнула и какъ-то загадочно посмотрѣла на своего мужа Поля, словно хотѣла сказать ему: „А вѣдь у насъ-то дома не открыты форточки въ столовой",—я обратилъ ея вниманіе на роскошный экземпляръ „исторіи нѣмецкой литературы съ древнѣйшихъ временъ" въ синемъ переплетѣ съ золотыми украшеніями, которую я пріобрѣлъ совершенно случайно. Сестра развернула тяжелый томъ, начала разсматривать хромолитографіи и ей очень понравились сцены изъ „Парцифаля", „Житіе пресв. Маріи" Вернгера, „Морольфъ въ одеждѣ Шпильмана", „Вальтеръ-фонъ-деръ-Фогельвейде", „Поединокъ Тристана съ Морольфомъ", страницы изъ „Welscher Gast" и многія другія.

Поль не могъ назвать удачнымъ подборъ хромолитографій, сдѣланный моей сестрою, и ему понравились „собака и волкъ" изъ басенъ Бонера, распятіе Христа изъ Евгенія Отфрида и страницы изъ Библіи Вацлава.

Я былъ огорченъ, что сестра и ея мужъ Поль не обратили вниманія на прекрасную хромолитографію—„пѣснь о Гильдебрантѣ", но я промолчалъ и скрылъ свое огорченіе.

Заглянувъ въ окно, я увидалъ, что съ земли взлеталъ къ нему ярко красный шарикъ. Его, вѣроятно, пустили къ небу тѣ дѣти, которыя играли въ палисадникѣ, огороженномъ со всѣхъ сторонъ бѣлымъ частоколомъ съ грядками сырой земли, на которыхъ скоро распустятся цвѣты Дѣти хлопали въ ладоши и перепрыгивали съ ножки на ножку, а шарикъ легко подымался все выше и выше.

Я обратилъ вниманіе моей сестры и ея мужа Поля на этотъ шарикъ; сестра стала за моею спиною, положила руки на плечи и заглянула въ окно, а Поль гладилъ мою сестру по волосамъ, тоже смотрѣлъ и высвистывалъ какую-то пѣсенку.

И, когда мы любовались шарикомъ, въ дверь опять постучала госпожа Ванъ-деръ Вейде и, войдя въ комнату, спросила сестру:

— А, что, мадамъ, вы уже пріобрѣли тотъ филодендронъ, который хотѣли пріобрѣсти?

Сестра сняла руки съ моихъ плечъ и отвѣтила:

— Нѣтъ, госпожа Ванъ-деръ Вейде, я еще не пріобрѣла этого филодендрона. Но мнѣ обѣщали доставить его въ слѣдующую пятницу.

Госпожа Ванъ деръ-Вейде замѣтила:

— Эти филодендроны удивительно украшаютъ комнату. Они придаютъ ей уютный видъ и даже дезинфецируютъ воздухъ.

Но моя сестра возразила ей:

— Но все-таки они загромождаютъ комнату. Одинъ, два филодендрона—хорошо, но если больше—тогда тѣсно.

Изъ опасенія своимъ присутствіемъ помѣшать нашему свиданію, госпожа Ванъ-деръ Вейде поспѣшила извиниться и уйти, а сестра предложила поѣхать на вокзалъ Брестской желѣзной дороги, въ правленіи которой Поль занимаетъ отвѣтственное мѣсто, позавтракать и, такъ какъ Поль сегодня въ хорошемъ расположеніи духа,—онъ угоститъ насъ шампанскимъ.

Я началъ отказываться, ссылаясь на то, что меня ждетъ срочная работа, но Поль обнялъ меня за талію и сказалъ:

— Плюньте, дорогой, на вашу работу и ѣдемъ.

Пришлось согласиться и, трое, мы начали одѣваться. Въ виду того, что уже наступили первые весенніе дни, я надѣлъ деми-сезонное пальто. Мужъ сестры Поль выразилъ сожалѣніе, что не догадался снять теплое пальто и надѣть легкое и рѣшилъ завтра же выйти изъ дому въ деми-сезонномъ.

На улицѣ, завидя насъ, кучеръ Селиванъ натянулъ возжи, маленькій экипажъ вздрогнулъ на своихъ рессорахъ, а правый конь, имя котораго кажется, „Разбойникъ“, ударилъ передней ногой—и во всѣ стороны разсыпались брызги воды.

Сестра моя, приподнявъ свою юбку и показавъ нижнюю— голубого шелка, легко вскочила въ экипажъ, вслѣдъ за нею вскочилъ Поль, я сѣлъ на переднюю скамеечку, уперся ногами въ ноги сестры, и мы поѣхали къ Брестскому вокзалу.

На углу Тверской и Дегтярнаго переулка я встрѣтилъ нашего университетскаго швейцара Баранова. Онъ шелъ съ корзинкой пивныхъ бутылокъ и бутылки дребезжали, звенѣли и подпрыгивали на своемъ ложѣ изъ сѣна.

Барановъ узналъ меня, сбросилъ шапку, обнажилъ лысину и закрычалъ:

— Здравія желаю, Афанасій Афанасьевичъ!

Я снялъ свою фуражку, улыбнулся и на вопросъ сестры— кто это—отвѣтилъ:

— Нашъ швейцаръ Барановъ, честный малый.

А потомъ спросилъ сестру:

— Скажи, дорогая, твоимъ ногамъ удобно?

Сестра кивнула головою, застегнула пуговичку перчатки и сказала:

— Очень удобно.

На вокзалѣ сестру принялъ въ свои объятія носильщикъ съ бѣльмомъ на глазу и парусиновомъ фартукѣ и, какъ перышко, поставилъ ее на землю, а мужъ Поль сказалъ Селивану:

— Ты поѣзжай на задній дворъ и, когда уйдетъ въ Варшаву поѣздъ № 2, возвращайся къ подъѣзду.

Селиванъ снялъ перчатку, потомъ опять надѣлъ ее, потомъ опять снялъ и, положивъ за бортъ армяка, тронулъ возжами и уѣхалъ на задній дворъ, а мы поднялись по лѣстницѣ, прошли въ буфетъ, сѣли за отдѣльный столикъ и заказали устрицъ, осетрины и шампанскаго.

Полю, какъ инженеру, всегда предлагаютъ на вокзалѣ самыя свѣжія, сытныя и дорогія кушанья, а лакеи очень вѣжливо кланяются, суетятся, улыбаются и, выстроившись въ рядъ или, столпившись, они наблюдаютъ, какъ Поль ѣстъ, пьетъ и куритъ, разстегиваетъ пальто, потомъ сюртукъ, иногда даже двѣ, три пуговички жилета, бросаетъ на столъ форменную фуражку съ большимъ козыркомъ, потомъ расчесываетъ волосы и смотритъ въ окно на уходящіе и приходящіе поѣзда.

И за устрицами, за осетриной, за шампанскимъ мы— трое—любимъ поговорить о родныхъ и знакомыхъ, вспом-

мить покойнаго папу, покойную маму и выслушать разсказъ Поля о конкурсномъ экзаменѣ.

И, когда намъ подали высокую гору устрицъ съ 12 кусочками лимона, и эти устрицы, какъ камушки, лежали на тарелкѣ, покрытой салфеткой, а потомъ обрѣзали проволоку на золотой головкѣ шампанскаго, пробка ударила въ потолокъ и дамы за сосѣднимъ столикомъ крикнули: „Ахъ"! Поль уже вспомнилъ моего папу, мою маму, разсказалъ о конкурсномъ экзаменѣ, а потомъ положилъ руку на руку моей сестры и сказалъ:

— Я очень люблю всѣхъ твоихъ родственниковъ, люблю тебя, люблю твоего брата и увѣренъ, что онъ будетъ яркой звѣздой въ нашемъ научномъ мірѣ.

За шампанскимъ, устрицами, осетриной мы сидѣли очень долго, тихо бесѣдовали, ѣли, пили, чокались, а, когда ушелъ въ Варшаву поѣздъ № 2, къ намъ подошелъ жандармскій полковникъ Фонъ Палленъ, поцѣловалъ руку моей сестры и разсказалъ о злоупотребленіяхъ на Брестской дорогѣ. Потомъ—четверо—мы прошли къ выходу и долго ждали Селивана, который не спѣшилъ подъѣзжать.

Я успѣлъ въ это время купить въ кіоскѣ послѣдній номеръ „Русскихъ Отголосковъ", и на обратномъ пути въ экипажѣ прочелъ, что приватъ-доцентъ Даниловскій съ успѣхомъ защищалъ диссертацію, и вся зала наградила его аплодисментами.

Я никогда не сомнѣвался въ способностяхъ Даниловскаго и, когда разсказалъ моей сестрѣ о его тріуфѣ, сестра, облокотившись на атласныя ярко-желтыя подушки экипажа, отвѣтила:

— Ты не забудь передать мнѣ этотъ номеръ.

Цвѣтущая сирень.

Уже въ понедѣльникъ на пятой недѣлѣ Великаго поста я замѣтилъ, что сирень начала распускаться—грозди ея цвѣтовъ мало-по-малу сбрасывали свои зеленыя личинки, окрашивались въ блѣдно-фіолетовую краску и какъ-то сразу въ одно утро распустились, и, блѣдныя, поникли своими кистями и, робкія, склонились надъ заборами и сырыми крышами низкихъ построекъ. И поэтому, когда мои друзья—молодой лингвистъ Шахматовъ, внукъ того Шахматова, который написалъ четырехтомное изслѣдованіе о „свободныхъ землепашцахъ", выдержавшее три изданія и получившее одобреніе великаго князя Александра Александровича; потомъ молодой словесникъ Трахтенбергъ, племянникъ того Трахтенберга,

который въ царствованіе Александра III былъ посланникомъ въ Норвегіи; потомъ молодой историкъ Месхіевъ-Ивановъ, онъ, кажется, изъ казанскихъ Месхіевыхъ,—сказали мнѣ:

— Сегодня цвѣтетъ сирень—и день веселый, солнечный, совсѣмъ праздничный,—я могъ только отвѣтить имъ:

— Да, друзья мои, этотъ день—великолѣпный день, когда распускается сирень и своими кистями склоняется надъ заборами и крышами.

И я не могъ не предложить моимъ друзьямъ—Шахматову, Трахтенбергу и Месхіеву-Иванову—поѣхать въ Петровско-Разумовское, тамъ совершить прогулку надъ развѣсистыми деревьями—старыми липами, дубами и таинственными елками, посмотрѣть на первую звѣзду, сѣсть въ легкую лодку и встрѣтить приближеніе тихаго весенняго вечера какой-нибудь старинной академической пѣсней. Моимъ друзьямъ эта мысль понравилась и они сказали:

— Браво, Афанасій Афанасьевичъ, у тебя всегда есть на примѣтѣ какой-нибудь оригинальный планъ.

И каждый изъ друзей похлопалъ меня по спинѣ, каждый ласково улыбнулся, каждый пожалъ мою руку, и веселой толпой мы вышли изъ дому; потомъ подошли къ забору графини Шуваловой и, приподнявшись на носки, начали срывать распускающіеся цвѣты фіолетовой сирени. Но такъ какъ срывать цвѣты руками, невооруженными ножницами, было затруднительно, Месхіевъ-Ивановъ вынулъ изъ кармана прелестный перламутровый ножикъ, заключающій въ себѣ также и ножницы, передалъ ножикъ мнѣ—и я срѣзалъ каждому изъ друзей по фіолетовой вѣткѣ душистой сирени; каждый изъ друзей заключилъ эту пышную вѣтку въ петлицу своего пальто и, разбившись на двѣ пары, словно нѣжные древнегреческіе друзья, мы пошли въ ту сторону города, гдѣ насъ уже поджидалъ маленькій паровичекъ съ двумя, тремя крошечными вагонами, выкрашенными въ зеленую краску.

Впереди шли Трахтенбергъ и Шахматовъ, потомъ я съ Месхіевымъ-Ивановымъ; мы маршировали въ ногу, часто нюхали сиреневыя вѣтки, и мнѣ доставляло огромное удовольствіе смотрѣть на спины двухъ моихъ друзей и сжимать своимъ локтемъ руку Месхіева-Иванова, дѣльнаго малаго, прекраснаго знатока русской исторіи во второй ея періодъ послѣ XIII вѣка.

На встрѣчу бѣжали прехорошенькія модистки, въ свѣтлыхъ кофточкахъ, съ довѣрчивыми глазками и огромными коробками, въ которыхъ, вѣроятно, скрывались весеннія шляпы; шли степенныя бонны съ дѣтьми и, должно быть, спѣшили къ вечернему чаю съ тартинками и густымъ молокомъ; легко переходили улицу женщины съ волосами, развѣ-

вающимися золотыми кудряшками. Всѣ онѣ смотрѣли на насъ своими прекрасными глазами, но мы не обращали вниманія на этихъ весеннихъ красавицъ, шли въ ногу, нюхали вѣтки сирени, часто вынимали часы и старались не опоздать къ поѣзду, который уходилъ ровно въ 6 часовъ 5 минутъ.

Возлѣ деревянной платформы уже шипѣлъ маленькій паровозъ, широко разлились весеннія лужи, и въ эти лужи глядѣлось вечернее розовое небо. Оно развернуло свой нѣжный покровъ со стороны Петровско Разумовскаго, бросило концы легкой ткани на Москву и разметало концы своего полотнища вдоль и поперекъ всего воздушнаго безграничнаго пространства.

И, казалось, что паровичекъ со своими маленькими вагонами стоялъ не на рельсахъ, а на весеннихъ лужахъ и, казалось, что, когда онъ свиснетъ и побѣжитъ, онъ непремѣнно застрянетъ въ грязи и, застрявши, опрокинется на бокъ и упрется трубою въ жидкую грязь.

Но, слава Богу, онъ не опрокинулся. И когда мы размѣстились въ зелененькомъ вагонѣ и, обнаживъ головы, радостно дышали ароматнымъ воздухомъ, паровичекъ засвистѣлъ и повезъ меня и моихъ друзей въ Петровско-Разумовское по блестящимъ рельсамъ, на которыхъ валялись всякіе лоскутки, тряпочки и бумажки.

Опустивъ руки въ карманы пальто или облокотившись локтями на костяныя ручки палокъ, мы сидѣли другъ противъ друга, любовались вѣтками сирени, мурлыкали подъ стукъ поѣзда всякія пѣсенки, а иногда смотрѣли на миловидную дѣвушку въ шапочкѣ съ синимъ острымъ перомъ, которая все щебетала и гладила своею рукою руку какого-то артиста съ римскимъ носомъ, а тотъ смотрѣлъ прямо въ глаза дѣвушки и, вѣроятно, очень любилъ эту щебетунью.

Чтобы заглушить щебетъ дѣвушки, мы, подъѣзжая къ Петровско-Разумовскому, начали громко разговаривать, а возлѣ Соломенной сторожки Месхіевъ-Ивановъ предложилъ всѣмъ намъ выйти на площадку и освѣжить лицо лѣснымъ воздухомъ.

Мы вышли, сняли шляпы и, когда сняли, наши длинные волосы, какъ волосы античныхъ грековъ, развѣвались по вѣтру, и мнѣ было очень пріятно смотрѣть на волосы Шахматова и, казалось, что его волосы вотъ-вотъ обовьются вокругъ сосенъ и елей, простершихъ свои вѣтви надъ желѣзнодорожнымъ полотномъ.

Возлѣ воротъ академіи стоялъ нищій съ медалями и крестами на голубыхъ и оранжевыхъ ленточкахъ и, протянувъ руку, просилъ милостыню. Такъ какъ всѣ мы были въ хорошемъ расположеніи духа, мы вынули кошельки и

передали нищему—кто мѣдную монету, кто двѣ мѣдныхъ монеты, а кто даже маленькую серебряную.

И четверо мы уже шли по влажному песку аллеи Разумовскаго парка; и подойдя къ круглому бассейну, гдѣ плавали маленькія рыбки и высоко въ небо била струя фонтана, мы вдругъ услыхали музыку и, обернувшись, догадались, что кто-то играетъ въ тронной залѣ сельско-хозяйственной академіи; вѣроятно, какой нибудь мечтательный студентъ, влюбленный въ весну.

Мы остановились и начали слушать.

Шахматовъ сказалъ:

— Это „Ich libe dich" Грига.

Месхіевъ-Ивановъ настаивалъ, что—ноктюрнъ Шопэна. Я, конечно, не сомнѣвался, что это новая вещица Сиббеліуса, но промолчалъ, не желая конфузить моихъ друзей.

И мы вошли подъ шатеръ темной аллеи, гдѣ было сыро, гдѣ стояли деревья съ бѣлыми словами на сѣрой корѣ,— напримѣръ: „моя Катюша", или „мой ангелъ Марія", а на ажурныхъ скамейкахъ сидѣли парочки, держались рука за руку, смотрѣли въ глаза другъ другу и очень часто нюхали маленькіе букетики синихъ фіалокъ. И этихъ парочекъ было очень много, всѣ онѣ волновались, когда замѣчали наше приближеніе, опускали свои глаза, а женщины пестрыми зонтиками чертили какіе то узоры на сыромъ пескѣ. Но мы не обращали на нихъ своего вниманія, шли въ ногу, громко говорили о нашихъ университетскихъ дѣлахъ и вспоминали недавно умершаго профессора Краснова, который читалъ сравнительное языковѣдѣніе. И, совершенно неожиданно, на поворотѣ Майской аллеи, которая ведетъ въ парники и оранжереи, я встрѣтилъ всю семью присяжнаго повѣреннаго и общественнаго дѣятеля Аркадія Никифоровича Страхова, богатаго тамбовскаго помѣщика. У жены Страхова, у самого Страхова, у дочерей Зои и Зинаиды, у мальчика Виктора, который играетъ на скрипкѣ, въ рукахъ были букетики „Иванъ да Марья" съ бѣлыми нарциссами, а также большія, вѣроятно, уже пустыя коробки конфектъ. Всѣ они окружили меня кольцомъ и закричали:

— Вотъ и онъ нашъ Афанасій Афанасьевичъ!—а мальчикъ Викторъ прыгалъ на одной ногѣ и кричалъ мнѣ на ухо, что ему купили новый смычокъ за два рубля съ полтиной и футляръ для скрипки, выложенный внутри красной шерстью. Я сказалъ своимъ друзьямъ:

— Мои милые, отправляйтесь на берегъ озера и разыщите лодку,—а потомъ посмотрѣлъ въ глазки Зои и Зинаиды.

И Зоя спросила:

— Какъ ваше сочиненіе?

А Зинаида:

— Который листъ?

И когда я сказалъ, который листъ, самъ Страховъ похлопалъ меня по спинѣ и воскликнулъ:

— Скоро, скоро будете профессоромъ, скоро! И дай вамъ, Богъ, всякаго счастья.

Я скромно опустилъ голову и улыбнулся. А когда Зоя и Зинаида подарили мнѣ два цвѣточка, Зоя — „Иванъ-да-Марью", а Зинаида—бѣлый нарциссъ, я укрѣпилъ эти славные цвѣтки въ петлицу пальто и сказалъ Виктору, что въ слѣдующій понедѣльникъ онъ долженъ сыграть мнѣ маленькую вещицу Шумана новымъ смычкомъ.

Страховы не хотѣли разстаться со мною и настойчиво просили сопровождать ихъ къ воротамъ академіи, гдѣ стоитъ нищій съ медалями и высоко въ небо бьетъ фонтанъ, но я долженъ былъ отказаться и, крѣпко пожавъ руку каждому члену этой милой семьи, я побѣжалъ догонять моихъ друзей и настигъ ихъ уже на самомъ берегу пруда, гдѣ они возились съ лодкой и вкладывали весла въ уключины.

На деревянномъ мостикѣ стоялъ какой-то человѣкъ въ фуражкѣ съ зеленымъ околышемъ, держалъ цѣпь отъ кормы лодки и все время переступалъ съ одной ноги на другую. А на скамеечкѣ возлѣ мостика сидѣли рядомъ пять барышенъ, возлѣ нихъ раздувалъ свои щеки маленькій лицеистъ въ красной шапкѣ и всѣ они смотрѣли на темную воду, которая коробилась складками и уже отражала медленно подымающуюся изъ-за плотины луну. Первымъ въ лодку вскочилъ Трахтенбергъ, за нимъ Месхіевъ-Ивановъ, потомъ Шахматовъ, а за Шахматовымъ—я и крикнули человѣку съ зеленымъ околышемъ:

— Бросайте цѣпь!

Онъ бросилъ цѣпь, барышни на берегу улыбнулись, маленькій лицеистъ закричалъ, какъ кричитъ автомобиль,— и мы поѣхали въ ту сторону, гдѣ прудъ разбивается на два русла, а тамъ, обогнувъ полуостровъ, свернули въ лѣвый проливчикъ.

Луна подымалась все выше и выше, на плотинѣ въ колоніальной лавкѣ зажгли огни, а на правомъ берегу въ кустахъ стояла какая-то парочка и, обнявшись, смотрѣла на насъ.

Я сидѣлъ на рулѣ; молчать было скучно и я сказалъ Месхіеву-Иванову:

— Удивляюсь, какъ небрежно Саксаганскій издалъ свой курсъ.—Зачерпнувъ веслами воду, потомъ глубоко вздохнувъ, Месхіевъ-Ивановъ отвѣтилъ:

— Саксаганскій разбилъ курсъ на двѣ части, и переходная форма отъ единства національнаго къ единству политическому въ удѣльный періодъ раскалывается, сводится на нѣтъ.

Месхіевъ-Ивановъ опять зачерпнулъ воду веслами, лодка пошла быстрѣе, а на поворотѣ, врѣзавшись въ полосу водяныхъ растеній, она зашуршала своимъ дномъ и начала раскачиваться. И здѣсь — на водѣ — очень пріятно было поговорить о нашихъ университетскихъ дѣлахъ, о переплетахъ, цѣнѣ, доброкачественности бумаги новыхъ изданій, вспомнить, какъ ходятъ, здороваются и кашляютъ наши московскіе любимцы, а также поговорить о новомъ зданіи библіотеки, выстроенной въ прошломъ году.

Шахматовъ высказалъ мнѣніе, что комнатка, гдѣ выдаютъ книги, непропорціонально мала; Трахтенберга раздражала конструкція электрическихъ лампочекъ въ читальномъ залѣ, а Месхіевъ-Ивановъ указалъ на многіе недочеты въ каталогѣ, небрежно составленномъ.

Но я замѣтилъ:

— Мои дорогіе друзья, профессоръ Алексѣевъ сообщилъ мнѣ по секрету, что на совѣтѣ рѣшено маленькую комнату сдѣлать большой, и для составленія каталога пригласить дѣльныхъ и опытныхъ людей.

Это извѣстіе обрадовало моихъ друзей, и Трахтенбергъ пытался вспомнить пѣсню нѣмецкихъ буршей, но такъ какъ отъ воды подымалась легкая сырость, а въ кустахъ на полуостровѣ какая-то молодежь хоромъ запѣла дружную русскую пѣсню,—Трахтенбергъ очень скоро замолкъ и вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ. Луна поднялась еще выше, далеко, далеко блестѣлъ крестъ на куполѣ академической церкви, по плотинѣ ѣхала повозка, гремя колесами, а въ повозкѣ лежалъ на спинѣ мужикъ и смотрѣлъ на холодную луну.

Мнѣ было радостно-грустно. Хотѣлось не отрывать своихъ глазъ отъ золотой дорожки, которую на водѣ проложила луна, и хотѣлось думать о прежнихъ дняхъ, когда я былъ маленькимъ мальчикомъ и съ наслажденіемъ нюхалъ махровыя вѣтки лиловой сирени.

Но эти дни покрылись пеленою забвенія и осталось только одно: это воспоминаніе о густомъ, высокомъ деревѣ сирени, которое стояло возлѣ окна, и съ первымъ весеннимъ днемъ, какъ снѣгомъ, покрывалось цвѣтами и своими гроздями касалось самой земли.

Наша лодка подъѣхала къ плотинѣ, на плотинѣ стояла чайная, и я сказалъ моимъ друзьямъ:

— Дорогіе друзья, я думаю, вы не откажетесь выпить чайку.

Мои друзья принялись обсуждать этотъ планъ; но, такъ какъ сырость уже бѣлымъ облакомъ подымалась отъ воды, они согласились съ моимъ предложеніемъ и сказали:

— Браво, Афанасій Афанасьевичъ, — ты незамѣнимый человѣкъ.

Наша лодка причалила къ плотинѣ, мы вышли изъ лодки, размяли руки и ноги и веселой толпою направились къ порогу ярко-освѣщенной чайной.

Въ чайной за столикомъ сидѣлъ какой-то чиновникъ судебнаго вѣдомства и разговаривалъ съ другимъ чиновникомъ землемѣромъ-таксаторомъ. Они посмотрѣли на насъ и замолчали.

Мы, утомленные, съ наслажденіемъ сѣли на плетеные стулья, заказали двѣ порціи чаю и я сказалъ:

— Итакъ, дорогіе друзья, этотъ весенній вечеръ мы провели въ Петровско-Разумовскомъ. Вѣдь хорошо здѣсь. Не правда ли?

Утомленные друзья согласились со мною, а Трахтенбергъ вынулъ изъ серебрянаго портсигара папиросу, облокотился на спинку плетенаго стула, закурилъ, выпустилъ нѣсколько колечекъ дыма и слѣдилъ, какъ они расплывались въ воздухѣ.

Со стороны пруда доносились крики, смѣхъ и пѣсни молодежи; лунная полоса протягивалась сверкающей лентой отъ плотины къ далекому берегу и разсѣкала на двѣ равныя части неподвижную поверхность академическаго пруда.

Пасхальный звонъ.

Колокола звонили съ 9-ти часовъ до 11-ти и, слушая звонъ колокольный, я одѣвался въ своей комнатѣ передъ высокимъ зеркаломъ въ старинной орѣховой рамѣ съ двумя канделябрами. Въ зеркалѣ отражали эти канделябры мой письменный столъ, полки съ толстыми фоліантами и портретъ дяди — гусарскаго полковника, который былъ убитъ въ турецкую кампанію и похороненъ въ славянской землѣ. Я открывалъ ящики, дверцы шкафовъ, шкатулочки, коробочки съ запонками, пуговицами, иголками, булавками, и когда открывалъ ихъ, закрывалъ, поворачивалъ ключи и щелкалъ замками, а колокола продолжали звонить и звонить и, казалось, что Москва собрала всѣ свои торжественныя привѣтствія, чтобы достойно встрѣтить эту великую полночь.

По традиціи нашей семьи, передъ заутреней началъ переодѣваться въ новое, свѣжее, бѣлоснѣжное парадное бѣлье.

Отъ носковъ до воротника—все было заказано, пошито и доставлено на домъ за нѣсколько дней до Великой субботы. Я сѣлъ на мою мягкую постель и, опустивъ одну ногу на коверъ, на другую надѣлъ полосатый носокъ. Къ носку на веревкѣ была привѣшана маленькая пломба. Я оторвалъ пломбу и бросилъ ее въ плевательницу. Потомъ я надѣлъ коричневые кальсоны изъ сосновой шерсти, съ блѣдно-желтой атласной подкладкой въ таліи и желтыми тесемками; потомъ гофрированную сорочку, очень длинную, съ упругой, какъ пружина, грудью, и въ этой сорочкѣ я былъ похожъ на прислужника въ католической церкви или на молодого курортнаго человѣка, который подходитъ къ водѣ и осторожно ногою измѣряетъ температуру воды. Поднявшись съ постели, я надѣлъ брюки съ красными подтяжками, вышитыми бѣлымъ шелкомъ, жилетъ съ бѣлой оторочкой и подкладкой въ звѣздочку, и, наконецъ, черный сюртукъ, который пріятно охватилъ меня въ таліи, зашуршалъ шелкомъ, распахнулъ свои полы—и опять сомкнулъ ихъ.

Я подошелъ къ зеркалу, выпрямился, высоко поднялъ грудь, прищурилъ глаза и, когда прищурилъ—сразу рельефно выступилъ на фонѣ моей обстановки, и мнѣ уже показалось, что въ сюртукѣ я стою на кафедрѣ, передо мною горятъ двѣ свѣчи, лежатъ листы рукописи, кафедра скрипитъ, и вся аудиторія съ нетерпѣніемъ ждетъ моихъ словъ, а я умышленно медлю и провожу рукою по русой бородкѣ.

Нѣтъ, что бы тамъ ни говорили, а канунъ этого великаго праздника—очень радостный и пріятный вечеръ!

Колокола все звонили; ихъ языки раскачивали подмастерія—мальчишки съ рыжими волосами и волдыремъ на верхней губѣ; пьяницы, которые въ этотъ вечеръ нашли пріютъ на высокихъ колокольняхъ; птичники съ Трубной площади въ новой жилеткѣ и никкелевой цѣпочкѣ съ „кошачьимъ глазомъ"; мясники, затворившіе двери съ запекшейся кровью, сквозь рѣшетку которыхъ видны туши, телячьи ноги, потроха и наивныя морды старыхъ быковъ, которыя словно улыбаются и подмигиваютъ стеклянными глазами въ мерцаніи тусклаго ночника.

И черезъ открытую форточку я слыхалъ, какъ хлопали своими бичами кучера, возвышающіеся на пышныхъ козлахъ каретъ, какъ кричали грудныя дѣти, которыхъ глупыя матери тащили въ церковь, какъ съ шумомъ изъ водосточныхъ трубъ выливалась вода и, какъ сначала лаяла большая цѣпная собака оружейнаго мастера Зильберштадта, а потомъ начала выть.

Весь надушенный, вымытый, свѣжій и молодой, я вышелъ на улицу, гдѣ деревья капля за каплей роняли свою

весеннюю влагу, и пошелъ въ церковь, гдѣ меня уже поджидала семья Дворжецкихъ—славные люди, которые любятъ меня, цѣнятъ и уважаютъ.

Какъ это случилось — я не знаю, но меня и младшую Дворжецкую—Людмилочку—связало какое-то хорошее чувство, которое я боюсь назвать любовью, но думаю, что это чувство—любовь.

Дворжецкіе не богаты, но и нельзя назвать ихъ бѣдняками. У нихъ есть собственный домъ съ гербомъ и старинной серебряной посудой, тонкимъ фарфоромъ и пестрыми экранами, на которыхъ изображены охотники, собаки, бѣшеные кони и добрыя золушки съ заплаканными глазами. У нихъ есть имѣніе, гдѣ весною поютъ соловьи, вздрагиваютъ тюлевыя занавѣски на окнахъ спальни Людмилочки, а въ паркѣ на скамейкѣ валяется забытая раскрытая книга... Но вѣдь и я—будущій стипендіатъ, съ заграничной поѣздкой, съ окладомъ, первые годы незначительнымъ, но потомъ въ двѣ съ половиной тысячи, въ четыре тысячи и даже шесть, и, наконецъ, шитый мундиръ, яркая лента черезъ плечо и звѣзда, на стрѣлкахъ которой—эмаль и инициалы. Женитьба украшаетъ молодого ученаго, даетъ устойчивое положеніе въ свѣтѣ и, когда подъ руку онъ идетъ съ своею женою, говорятъ:—смотрите—это нашъ молодой ученый, а это его жена—милая шатенка, у которой отецъ—помѣщикъ и видный общественный дѣятель. Женились всѣ: женился горбатый Успенскій, женился фонъ Меккъ, женился Твердохлѣбовъ и даже женился Гесперовъ—въ веснушкахъ, надъ которымъ подшучивали и говорили, что, если встряхнуть брачное одѣяло Гесперова, то посыпятся листочки „Исторіи нравственной философіи", которую онъ перекраивалъ пять разъ, и наконецъ, издалъ у бр. Звягинцевыхъ.

Двери приходской церкви Дворжецкихъ были широко открыты, вся церковь украсилась разноцвѣтными фонариками, на верхнихъ карнизахъ теплились плошки, а еще выше, въ окнахъ колокольни, былъ воздвигнутъ сіяющій крестъ. Его огоньки какъ то радостно мерцали въ весеннемъ воздухѣ и, казалось, мерцали потому, что ихъ колебали своими крылышками пасхальные ангелы. На паперти стояла толпа народу съ кульками и свѣчами, а въ толпѣ прокладывали себѣ дорогу солдаты гренадеры со штыками, дѣвушки—замоскворѣцкія мѣщаночки—веселыя кокетки и проказницы, дамы изъ подвальныхъ этажей съ ридикюлями, заштопанными перчатками и огромными маками на шляпахъ, словно добытыми изъ Австраліи, какой-то рязанскій староста, который пришелъ изъ деревни навѣстить сына, потерялъ его въ этой толпѣ и разыскивалъ.

Я пошелъ вслѣдъ за старостой, наступая на башмачки, на туфельки съ бѣлыми ленточками; меня, какъ буфера, поддерживали высокія женскія груди, заключенныя въ тѣсный плѣнъ корсета. Я прикасался лицомъ къ фуляру подростковъ съ розовыми щечками и голубыми гребешками и, наконецъ, пришелъ къ иконостасу и тамъ увидалъ всю семью Дворжецкихъ. Дворжецкіе стояли рядомъ—другъ возлѣ друга: старикъ отецъ въ синихъ очкахъ съ золотой оправой, мать въ бѣломъ шерстяномъ платьѣ, и въ этомъ платьѣ ея фигура казалась еще полнѣе, чѣмъ всегда, сынъ Алексѣй Николаевичъ—молодой докторъ Екатерининской больницы, Катюша, сестра Людмилочки—она очень любитъ бабочекъ, рогачей, стрекозъ, даже навозныхъ жуковъ и постоянно накалываетъ ихъ на булавки, и, наконецъ, съ крайней стороны Людмилочка—въ кисейномъ бѣломъ платьѣ съ ажурной вставкой на груди. Изъ-подъ кисеи просвѣчивало розовое тѣло ея рукъ, волоса Людмилочки были высоко взбиты, перевязаны атласной лентой, отражающей блескъ свѣчей и старинныхъ лампадъ. Подъ глазами Людмилочки залегла прозрачная тѣнь и падала она отъ прекрасныхъ рѣсницъ, слегка полу-опущенныхъ, такихъ рѣсницъ, какія были и у бабки Людмилочки, красавицы Барятинской.

Я подошелъ къ Людмилочкѣ, сталъ рядомъ съ нею, она незамѣтно протянула мнѣ свою руку, я пожалъ руку, кивнулъ головой всѣмъ остальнымъ Дворжецкимъ, они отвѣтили мнѣ своими улыбками, а потомъ всѣ мы начали креститься, а отецъ Людмилочки шевелилъ губами и бормоталъ слова молитвъ.

Словно изъ купола церкви, сыпались слова какого-то человѣка съ подвязанной щекой и трудно было повѣрить, что онъ читаетъ, а, казалось, что читаетъ кто-то другой, кто сидитъ или на колокольнѣ на самомъ крестѣ, или подъ аналоемъ въ тѣсномъ парчевомъ чехлѣ. Церковь сіяла, словно ее вчера вызолотили—повѣсили новыя занавѣски и убрали новыми искусственными цвѣтами. Казалось даже, что священникъ въ очкахъ, съ бородою — рыжей въ серединѣ, а по краямъ сѣдою — тоже новый священникъ и первый разъ служитъ въ этой церкви. И на всѣхъ Дворжецкихъ, на Людмилочку, на мать, на Катюшу, влюбленную въ жучковъ, бабочекъ и неповоротливыхъ рогачей, смотрѣла Божія Матерь съ нѣжными руками, такими руками, какія бываютъ только у любящихъ женщинъ. Радостная, она ожидала воскресенія своего Сына.

Мнѣ было очень пріятно своимъ плечомъ касаться плеча Людмилочки и, признаюсь, я уже видалъ ее своею женою, которая стоитъ рядомъ со мною въ день бракосочетанія—

и видалъ, какъ послѣ бракосочетанія мы ѣдемъ въ лакированной колясkѣ по улицамъ Рима; впереди раскачивается спина кучера-иностранца, а, когда потомъ Людмилочка разсматриваетъ фрески Рафаэля, я разсказываю Людмилочкѣ, кто поручилъ Рафаэлю расписать эти стѣны, сколько ему заплатили и даже цитирую одно стихотвореніе Рафаэля, написанное его крючковатыми буквами. И опять вслѣдъ за другими я крестился и, не скрою, что когда крестился, мои мысли были гдѣ-то далеко, далеко и я настойчиво видалъ греческія карты, на которыхъ голубою краской было обозначено Эгейское море; а потомъ, когда пѣніе все сыпалось и сыпалось, я уже пересчитывалъ римскіе Jus'ы и, остановившись на хлѣбномъ законѣ, я къ стыду своему забылъ, въ какомъ году онъ получилъ утвержденіе; но, взглянувъ на Людмилочку, я успокоился и опять началъ креститься.

И вдругъ, совсѣмъ неожиданно, какъ это бываетъ во снѣ, всѣ заволновались, куда-то пошли, церковь засіяла, какъ драгоцѣнный камень, лазурь на одеждѣ священника начала коробиться серебряными складками, какъ стонъ, прорвался долго сдерживаемый крикъ:

— Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!

Я не вѣрилъ, что Христосъ уже воскресъ, и опять думалъ о фрументарныхъ законахъ, видалъ Эгейское море, богатыя Сиракузы, потомъ—старую Москву и Грознаго царя, который золотыми корридорами шелъ къ заутренѣ и на порогѣ храма медлилъ и задумывался. Но, взглянувъ опять на Людмилочку, я уже не сомнѣвался, что Христосъ воскресъ,—такъ сіяло ея лицо, такъ ласково смотрѣли на меня глаза Людмилочки изъ-подъ прекрасныхъ рѣсницъ. И какъ изъ рога изобилія, посыпались поцѣлуи, поздравленія, восклицанія, разсказы Катюши о весеннихъ жучкахъ, разсказы доктора объ Екатерининской больницѣ. Когда я христосовался со старикомъ-отцомъ, казалось, что я христосуюсь съ двумя табакерками,—такъ прокоптились его губы, когда съ матерью—я вспомнилъ о лечебныхъ травахъ, настойкахъ и пластыряхъ, а когда съ Людмилочкой—я боялся, что она заплачетъ,—такъ наивны были ея глазки, такъ вздрагивали холодныя руки и такъ робко она улыбалась.

А хоръ все радовался:

— Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!

Толпились солдаты, горничныя, лавочники, лакеи-Донъ-Жуаны, и вдругъ, какъ цвѣты, вездѣ замелькали яркія яйца и, какъ цвѣты въ вазахъ, такъ и эти яйца—голубыя, оранжевыя, зеленыя и синія лежали на фаянсовыхъ тарелкахъ, на распростертыхъ платкахъ и платочкахъ.

Возбужденные, счастливые, мы вышли изъ церкви на

паперть и глубоко вздохнули. Опять вверху мерцали фонарики, а съ огоньками креста забавлялись пасхальные ангелы; съ жести церковной крыши капала вода, на ступенькахъ сидѣли дѣти, поджавъ ножки, а на небѣ въ торжественной ночной синевѣ, на коляскѣ, убранной цвѣтами, совершала свою поѣздку Царица-весна и, придерживая своихъ коней, подвигаясь шагомъ, она готовилась для утренней могучей скачки по золотому небу.

Впереди шли отецъ съ матерью и Алексѣй Николаевичъ, а сзади—Людмилочка, Катюша и я.

Людмилочка опустила голову и часто повторяла:

— Какъ хорошо—весна! Какая радость!

Катюша перепрыгивала черезъ лужи со свѣчечкой въ маленькой рукѣ, а я разсказывалъ Людмилочкѣ о своихъ планахъ, говорилъ, что скоро окончу сочиненіе, отдамъ его переписать и когда Людмилочка спросила, сколько листовъ въ моемъ сочиненіи, я отвѣтилъ:

— Оно огромное, и своею положительностью вызоветъ пріятное удивленіе профессоровъ и товарищей — молодыхъ людей.

И я разсказывалъ Людмилочкѣ, что мое сочиненіе распадается на шесть отдѣловъ, каждый отдѣлъ на восемь подъотдѣловъ, а каждый подъотдѣлъ—на двадцать параграфовъ, а потомъ картинно описалъ поѣздку русскихъ купцовъ по Днѣпру въ Черное море и Босфоръ, пересчиталъ всѣ днѣпровскіе пороги и выяснилъ характеръ былыхъ нападеній ордъ печенѣговъ на караваны купцовъ. Какое впечатлѣніе произвелъ на Людмилочку мой разсказъ — я не знаю. Но она все время повторяла:

— Ахъ, весна, весна, какая радость!

А Катюша сдѣлала изъ бумаги колпачокъ и принесла домой весело мерцающую свѣчку.

У Дворжецкихъ на каждомъ столикѣ въ граненыхъ вазкахъ стояли цвѣты. Горничная Анюта надѣла бѣлую наколку и желтые башмаки; рамы портретовъ блестѣли, какъ солнце, а въ столовой отъ одной стѣны до другой протянулся столъ съ гирляндами зеленыхъ листьевъ, окороками, сырными пасхами и цѣлымъ батальономъ винныхъ бутылокъ. Подъ столомъ суетилась собачка Заинька, пушистымъ хвостомъ стучала по скатерти, скатерть коробилась и съ нея валились на землю зеленые листья. Но Заиньку прогнали, листья прикрѣпили на мѣсто, и подъ колокольный звонъ всѣ мы—веселые, подвижные и голодные—начали опять жать другъ другу руки, христосоваться и разговляться.

— Христосъ Воскресе! —кричали пасхальные колокола, а Людмилочка сіяла розовымъ лицомъ, бѣлымъ платьемъ

и глазами синими, синими, какъ небо святой прозрачной ночи.

И когда начался разсвѣтъ, и въ этомъ аломъ разсвѣтѣ безъ умолку перекликались колокола, а куполъ храма Христа Спасителя сверкалъ, какъ золотой глобусъ, я, немножко подвыпившій, вмѣстѣ съ Людмилочкой вышелъ на балконъ и сѣлъ на перила.

Всѣ забыли о насъ, и мы могли свободно болтать, хотя бы до слѣдующей зари. Въ саду было сыро, и возлѣ бѣлыхъ холодныхъ скамеекъ разлились большія лужи. Трава курчавилась зелеными стебельками, и ея пышный коверъ ослѣплялъ глаза. И надъ вишенками, надъ яблоньками подымался легкій паръ и бѣлой пѣной клубился въ голубомъ океанѣ. А когда воздухъ своимъ крыломъ разрѣзала ласточка, Людмилочка закрыла глаза, прижалась къ столбику балкона и сказала:

— Какъ хорошо, какъ я счастлива—сегодня Пасха...—и покорно опустила руки на колѣна.

Я спросилъ ее:

— Вамъ не холодно?

Она открыла глаза и сказала:

— Холодно? Мнѣ? Да, развѣ важно—холодно или нехолодно?

И вдругъ совершенно неожиданно я вспомнилъ о заграничной поѣздкѣ. Меня испугало одиночество на чужбинѣ, холодные отели съ окнами на широкую улицу, слишкомъ любезныя горничныя и расторопные лакеи,—и взявъ руку Людмилочки, поцѣловалъ и сказалъ:

— Скоро я окончу свое сочиненіе и уѣду за границу.

Людмилочка не отнимала своей руки и спросила:

— Но вы напишете намъ, какъ вамъ тамъ живется.

Но такъ какъ я немножко подвыпилъ, я опять поцѣловалъ руку Людмилочки, а потомъ отвѣтилъ:

— И въ первомъ письмѣ будетъ написано, что я люблю васъ.

Людмилочка закрыла глаза, совсѣмъ прижалась къ столбику и прошептала:

— Я знала, что вы скажете эти слова, я знала. Но почему вы ихъ сказали именно сегодня? — и она посмотрѣла на меня, а бѣлый атласный бантикъ на волосахъ задрожалъ, словно ему было холодно.

Я не отвѣтилъ, почему именно сегодня.

Но и Людмилочка и я хорошо знали, почему: потому, что сочиненіе подсчитываетъ свои послѣднія страницы, что садъ снялъ бѣлое покрывало и обнажилъ изумрудную траву, что къ небу подымается легкій паръ, и всѣ колокола въ

одинъ голось звонятъ: Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе! и будятъ весеннюю тишину окрестныхъ садовъ, рощъ, парковъ и лѣсовъ.

Банкетъ.

Музыка въ девять часовъ загремѣла и потрясла своимъ грохотомъ всю залу; флейтисты свистѣли въ отверстія черныхъ флейтъ съ бѣлыми мундштуками и часто перебирали пальцами; скрипачи, склонивъ голову на верхнюю деку скрипки, развязно водили смычкомъ по грязнымъ струнамъ; волторны раздували щеки и глазами. налитыми кровью, смотрѣли въ ноты, а віолончелистъ, обнявъ ногами старую віоленчель, извлекалъ изъ коричневаго ящика нѣжныя ноты и мечтательно разсматривалъ орнаменты на лѣпномъ потолкѣ.

И какъ легкій полевой кузнечикъ, какъ картонный молодой человѣкъ съ ручками и ножками на веревочкахъ, возлѣ пюпитра размахивалъ своею палочкою капельмейстеръ.

Окна огромной залы „Эрмитажа" были широко открыты, а изъ оконъ на улицу бурнымъ каскадомъ неслись легкіе трели, форшлаги, легкое spicando, игривое пичикато, терціи скрипки и віолончели, и возлѣ штор звуки окунались въ волны весенняго аромата, плясали свою пляску и лобзались съ эльфами цвѣтовъ.

По лѣстницѣ, устланной розовымъ ковромъ, широкой, какъ амфитеатръ античнаго театра, подымались наверхъ одинъ за другимъ строгіе молодые и старые. серьезные, извѣстные люди, словно альпійскіе путники, отдыхали на каждомъ поворотѣ лѣстницы, потомъ входили въ залу, смотрѣли на кузнечика-капельмейстера, на огромныя окна, на столъ—словно хрустальный дворецъ и застегивали проказницу-пуговицу на черномъ сюртукѣ.

О, славная увѣренность, съ которой они жали другъ другу руки, наклонялись полнымъ корпусомъ впередъ, потомъ откидывались назадъ, улыбались, вдругъ вздыхали, а потомъ опять улыбались. О, славная увѣренность, съ которой, какъ смѣлые наѣздники, какъ торреадоры, какъ копьеметатели, какъ красавецъ-Архиллъ и Гекторъ побѣдитель—они сразу подходили къ самому неуловимому, хватали это неуловимое, держали въ крѣпко-сжатой рукѣ и любовались своею побѣдой! О, могучая увѣренность, съ которой, какъ туры, офицеры, кони, короли, черные и бѣлые—на шахматной доскѣ—они—каждый знаетъ свое мѣсто и смѣло передвигаются—кони по кривой линіи, офицеры по діагонали, туры по діаметру, а короли по всему полю—медленно шагъ

за шагомъ, окруженные цѣлымъ штабомъ своихъ защитниковъ. О, эта увѣренность! О, эта увѣренность!

Я стоялъ возлѣ маленькаго погребка сосноваго дерева, облокотясь рукою на его крышу. Къ этому погребку часто подбѣгали лакеи, вынимали салфетки, серебряныя ложки, вилки и немножко толкали меня; но я не измѣнялъ своей позы — разочарованный, но все же убѣжденный, — и смотрѣлъ на тѣхъ, кто входилъ. Вотъ князь Друцкой-Аргутинскій, земскій дѣятель, красавецъ, съ брилліантовымъ кольцомъ въ красномъ галстукѣ и курчавой бородкой. Онъ улыбался и разсказывалъ Николаю Николаевичу Максакову — тоже земскому дѣятелю — о ржи, цѣна которой колеблется между 98 к. и 1 р. 2 коп. — и везти которую для продовольствія приходится за сто шестьдесятъ верстъ по распутицѣ. Вотъ графъ Александръ Кристеръ. Онъ пріѣхалъ изъ своего имѣнія на 35-й верстѣ отъ Москвы и разсказывалъ графу Сергѣю Ностицъ, что на 34-й верстѣ его поѣздъ раздавилъ мужика въ красной рубахѣ, а Сергѣй Ностицъ спрашивалъ Алексѣя Кристеръ, въ какой онъ остановился гостиницѣ — Ласкутной или Славянскомъ Базарѣ. Вотъ докторъ философіи Михайловъ, который написалъ „Введеніе въ исторію философіи", „Ученіе Платона", „Платоновскія идеи", „Смерть Сократа" и „Безсознательное" Гартмана въ популярномъ изложеніи издалъ въ одномъ томѣ, потомъ переиздалъ, и „Безсознательное" Гартмана посвятилъ памяти своего друга. Вотъ редакторъ „Отечества". Въ прошломъ году онъ женился на дочери фабриканта Артура Мюллера, говорятъ, получилъ въ приданое домъ у Семеновской заставы и каждое воскресенье ѣздитъ съ женою къ Артуру Мюллеру и обѣдаетъ у него. Вотъ госпожа Ольга Николаевна Старцева — она въ восторгѣ отъ концертовъ пражскаго піаниста Дворжечика; у нея огромная яркая шляпа, словно яркая клумба цвѣтовъ, руки до локтя открыты, а на рукавахъ кремовый газъ съ золотыми искрами. Вотъ историкъ Иванъ Фанфороновъ — „вездѣсущій", который умудряется въ одинъ вечеръ побывать въ засѣданіи общества „любителей славянской литературы", въ обществѣ „любителей старинныхъ монетъ", въ „историческомъ обществѣ", сразу въ трехъ его секціяхъ — германо-романской, византійской, древне-русской — и ночью въ постели читаетъ еще „Историческій Вѣстникъ" за 1877 г. Вотъ Малаховъ-Малахіевскій — рецензентъ всѣхъ театровъ, любимый сотрудникъ прогрессивныхъ газетъ, у котораго на письменномъ столѣ стоитъ цѣлый рядъ фотографическихъ карточекъ прелестныхъ артистокъ, съ надписями: Малахову-Малахіевскому — чуткому критику, Малахову-Малахіевскому — умному критику, и стоитъ

бюстъ женщины въ амазонкѣ—княгини Шаховской, у которой онъ гостилъ въ имѣніи возлѣ Воронежа. Вотъ цѣлая группа—талантливые публицисты, литераторы, знатоки Востока и избирательнаго права въ Бельгіи, знатоки раскола и предсѣдатели вѣроисповѣдныхъ комиссій, статистики переселенцевъ и счетчики заатлантическихъ эмигрантовъ,—всѣ они жизнерадостные, веселые и розовые съ проборами на серединѣ головы и университетскими жетонами на золотыхъ цѣпочкахъ тонкой работы. И среди нихъ, какъ букетики васильковъ и незабудокъ—прелестныя дѣвушки, стройныя, слегка утомленныя дамы, съ діадемами на волосахъ, ямочками на щекахъ и зубами, какъ нитка жемчуга, добытаго со дна синяго моря. И минута за минутой входили все новые и новые извѣстные и заслуженные люди — и я уже могъ замѣтить такихъ людей, какъ, напримѣръ, знаменитаго окулиста Доппельмейера въ тяжелыхъ сапогахъ и широкомъ смокингѣ; милліонера и мецената Флора Рыбакова въ старенькихъ брючкахъ и сюртукѣ, какъ лѣтнее пальто; старушку Шереметевскую—она уже заказала надгробный памятникъ и завѣщала похоронить себя въ Біаррицѣ, гдѣ у нея была первая горячая любовь; двухъ Арксовъ—братьевъ Олсуфьевыхъ, изъ которыхъ одинъ проигралъ 159 тысячъ въ полтора мѣсяца. а другой 32 тысячи—въ одинъ вечеръ; хромого на костылѣ Квашнина—онъ строилъ мужику Ѳаддею избу въ своемъ имѣніи, крылъ крышу и свалился на землю и, наконецъ, чудную красавицу московскую Венеру—Лизу Беклемишеву, которая пріѣхала изъ Лондона, гдѣ съ гувернанткой жила два года и теперь, наканунѣ восемнадцатой весны, пріѣхала показывать свою красоту въ столицу.

И когда всѣ, словно по мановенію руки какого-нибудь волшебнаго садовника, заняли свои мѣста, красавицы гордо закинули назадъ свои головки, тонкими пальцами поправляли пышныя прически, а надъ красавицами склонились головы земскихъ дѣятелей, молодыхъ помѣщиковъ и веселыхъ кутилъ—талантливыхъ публицистовъ, въ залу вошелъ герой торжества профессоръ оксфордскаго университета Степанъ Степановичъ Габріозовъ, нашъ соотечественникъ, и занялъ свое предсѣдательское мѣсто.

Музыка загремѣла, ударили барабаны, зазвенѣли колокольчики, флейты выбросили свои трели, вздрогнули тяжелыя шторы и, казалось, что всѣ весенніе эльфы собрались въ складкахъ шторы, спрятались тамъ и съ любопытствомъ смотрѣли на героя торжества, профессора оксфордскаго университета.

На моихъ рѣсницахъ показались слезы, къ горлу подкатилъ шарикъ, и я не могъ оторвать глазъ отъ этой сѣдой

головы и все смотрѣлъ и смотрѣлъ на великаго ученаго, слава котораго, какъ сѣверное сіяніе, разбрасывала свои лучи на европейскомъ материкѣ и тамъ за океаномъ—на американскомъ.

Я не честолюбецъ; но умереть въ неизвѣстности, безъ пышныхъ похоронъ, безъ надгробныхъ рѣчей, безъ вѣнковъ и женщинъ въ траурныхъ платьяхъ—мнѣ страшно.

Кузнецъ куетъ всю жизнь желѣзо, надѣваетъ обручи на колеса, скрѣпляетъ оси, и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ раздуваетъ свои мѣхи, а, когда умираетъ, его кладутъ на дроги, везутъ къ погосту, роютъ могилу, ставятъ крестъ—и уходятъ; а надъ крестомъ простираетъ свои вѣтви молодая березка и тихо шелеститъ бахромою убора. И никто уже не думаетъ о кузнецѣ.

Рыбакъ всю жизнь сушитъ сѣти, стучитъ молоткомъ по дну баркасовъ, иглой и толстой ниткой сшиваетъ полотнища парусовъ; выѣзжаетъ въ море раннимъ утромъ, и баркасъ смотритъ въ зеркало морское, то днемъ,—въ жаркій зной, то малиновымъ вечеромъ, и надъ рыбакомъ, надъ моремъ громоздятся фіолетовыя горы и плывутъ на западъ. Но когда грохочетъ буря, зигзагами носится молнія, кипитъ море, а потомъ поглощаетъ шаткую лодку и смѣльчака-рыбака,—никто уже не думаетъ о рыбакѣ и всѣ забываютъ о немъ.

Я страшусь смерти кузнеца, гибели рыбака, я хочу, чтобы благодарные потомки воздвигли высокій монументъ бѣлаго мрамора, съ грустнымъ ангеломъ, который сложилъ крестомъ руки и проливаетъ слезы; я хочу, чтобы на могилѣ розы кивали головками и шелковистая трава, извиваясь, ползла по стальной рѣшеткѣ, а на курганѣ сидѣли грустныя дѣвушки и оплакивали мою смерть.

И опять я смотрѣлъ на голову моего соотечественника, гордо возвышающуюся на широкихъ плечахъ, обозрѣвающую пышное собраніе,—и видалъ себя постарѣвшимъ на много, много лѣтъ, убѣленнаго сѣдинами, больного тѣломъ, но сильнаго духомъ. Вотъ я иду, опираясь на палку, по аллеямъ санаторія Фалькенштейна. Дома меня ждутъ листы сочиненія, приготовлена чашка съ цѣлебной простоквашей, стоитъ плетеное кресло, на креслѣ—коричневый плэдъ, а изъ окна комнаты открывается видъ на холмы Фалькенштейна съ разбросанными по зеленому ковру точками бѣлыхъ построекъ. А я все иду и слушаю пѣніе птицъ.

Музыка гремѣла, перекликались колокольчики, грохотали барабаны—всѣ поднялись съ мѣстъ, слили голоса въ одинъ могучій крикъ, привѣтствовали дорогого профессора—дамы махали платочками и, томныя, усталыя, онѣ сбрасывали съ мраморныхъ плечъ пушистыя накидки, подбитыя бѣлымъ

шелкомъ, прекрасныя накидки спускались на спинки стульевъ и одною стороною свѣшивались на полъ.

Вино лилось, какъ море, золотыя пробки взлетали въ хрустальной паутинѣ электрическихъ люстръ, бокалы клубились пѣной шампанскаго, а переполненныя рюмки, часто безсильныя, проливали на тонкую скатерть душистую влагу сладкой мадеры или прозрачнаго хереса, а чудныя женскія ручки спѣшили поскорѣе снять свои ладони со стола и вытирали мизинецъ крошечнымъ платочкомъ. Башни печеній, груши, которыхъ не обхватишь десятью пальцами, яблоки съ коронками, дыни, обнажившія свое лакомое нутро, ананасы съ зелеными султанами, пирамиды изъ бомбошекъ и глазированныхъ фруктовъ,—они загромоздили весь столъ и, казалось, не найдется мѣстечка для коробочки съ зубочистками и никкелевой цапли, которая держала въ клювѣ меню съ пунцовыми буквами.

Я сказалъ своему сосѣду, доктору гинекологической клиники:

— Какое торжество!

Онъ снялъ пенснэ, вытеръ его салфеткой и отвѣтилъ:

— Это понятно. Профессоръ оксфордскаго университета пріѣхалъ изъ Англіи!

И когда въ окно залы „Эрмитажа" заглянула полная луна и повѣдала, что весна прошла по всей землѣ, бросила свои букеты какому-нибудь заштатному священнику села Вырубова, или горькому пьяницѣ дьякону Безчинскому, или во дворъ содержателя почты—ростовщика Андрея Лисички, гдѣ стоятъ почтовые кони и позвякиваютъ колокольцами,—я уже убѣдился, что много выпито, что лакеи устали, что у музыкантовъ разстроились инструменты, а скрипачу надоѣло подтягивать свою квинту.

И когда я теперь смотрѣлъ на людей во фракахъ, сюртукахъ, бѣлыхъ жилетахъ и красныхъ галстукахъ съ алмазными булавками, я уже не могъ сказать, гдѣ графъ, гдѣ князь, гдѣ рязанскій помѣщикъ, гдѣ орловскій, гдѣ публицистъ, гдѣ рецензентъ, гдѣ критикъ, гдѣ поэтъ, гдѣ заслуженный профессоръ и гдѣ молодой доцентъ. Я видалъ только одни сюртуки, фраки, жилеты и гофрированныя рубашки, но всѣ эти жилеты, сюртуки, фраки и рубашки очень весело разговаривали, чокались, говорили о кандидатурѣ французскаго журналиста на постъ министра финансовъ и спорили о знаменитомъ русскомъ священникѣ и не знали, къ какой причислить его партіи.

Я пилъ, кажется, третью чашку кофе, потомъ ѣлъ фисташковое мороженое, послѣ мороженаго проглотилъ нѣсколько рюмокъ зеленаго ликера, — думалъ, что еще очень

рано и мнѣ можно посидѣть. Но вдругъ я увидалъ склонившагося надъ собою человѣка и какой-то инженеръ съ польскимъ лицомъ сказалъ, что всѣ расходятся по домамъ и профессоръ оксфордскаго университета уѣзжаетъ завтра въ Лондонъ.

Музыка играла, публика разбилась на парочки, а я прошелъ на лѣстницу и вмѣстѣ съ неизвѣстной мнѣ дамой началъ спускаться внизъ по мраморнымъ ступенькамъ.

Спускаясь, я напряженно думалъ о сочиненіи, вспомнилъ непростительную ошибку на страницѣ 771 и мнѣ захотѣлось исправить ее на лѣстницѣ. Но, такъ какъ привести въ исполненіе это желаніе оказалось невозможнымъ, я глубоко вздохнулъ и опустилъ голову·

Дама спросила:

— Вы приватъ-доцентъ?

Я отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я будущій приватъ-доцентъ.

Дама воскликнула:

— Ахъ счастливецъ!—и застегнула свою перчатку.

Я подалъ дамѣ легкую сѣрую кофточку, дама поблагодарила меня и попросила завязать ленточки капора. Я завязалъ ленточки, она мило улыбнулась и мы вышли изъ вестибюля.

И когда мы прошли нѣсколько шаговъ, дама сказала:

— Какое трогательное торжество!

Я отвѣтилъ:

— Да, очень трогательное.

— Вы счастливецъ!—воскликнула дама.

Я скромно улыбнулся.

Музыка продолжала гремѣть, блѣднѣлъ востокъ и, счастливый, я откровенно началъ дѣлиться съ дамой своими мыслями. Я разсказалъ ей, что мой дядя былъ полковникъ гвардіи, что скоро окончу сочиненіе и уѣду за-границу, что меня знаютъ, уважаютъ и любятъ многіе выдающіеся люди и неожиданно сказалъ глупость—именно: что, принимая во вниманіе мои выдающіяся способности, я могу разсчитывать получить каѳедру въ Оксфордѣ и передъ отъѣздомъ въ Англію займу предсѣдательское мѣсто на банкетѣ въ „Эрмитажѣ“ и, отвалившись на спинку стула, буду любоваться красотой московской Венеры—Лизы Беклемишевой.

Дама повѣрила моей глупой шуткѣ, а потомъ неожиданно попросила:

— Скажите остроумный греческій афоризмъ.

Но такъ какъ моя голова кружилась, я не могъ исполнить желаніе дамы.

И вмѣсто остроумнаго афоризма я подробно изложилъ

ей планъ моего сочиненія. Сочиненіе обнимаетъ два столѣтія—XI и XII, распадается на двѣ части; предшествуетъ сочиненію длинное разсужденіе о характерѣ варяжскихъ вторженій въ Западную Европу, слѣдствіемъ чего явилось пришествіе Рюрика съ братьями въ Русь.

— Какой вы умница!—воскликнула дама.

Я опустилъ голову и тихо отвѣтилъ:

— Вы говорите мнѣ комплименты.

Но дама уже схватила мою руку, пожала ее и сказала:

— Вы чистый, вы ясный! Оставайтесь всю жизнь такимъ чистымъ и яснымъ!—и дама обратила мое вниманіе на первое легкое предразсвѣтное облако.

Остановившись, мы смотрѣли на розовое облако,—на славнаго вѣстника утра: облако шалило, клубилось и хотѣло одно рѣзвиться на свободѣ, а изъ „Эрмитажа" сыпались на улицу терціи скрипки и віолончели, трели изможденной флейты, пичикато контробаса и музыканты, мечтающіе объ отдыхѣ, посылали свои привѣтствія веснѣ, Оксфорду и моему сочиненію съ дѣльнымъ вступленіемъ, серьезнымъ изложеніемъ и остроумнымъ заключеніемъ.

Прекрасный день.

Ура! Ура! Ура!

18-го мая сочиненіе лежало на письменномъ столѣ, тяжелое, туго переплетенное, подъ сочиненіемъ было написано: „конецъ", а первую страницу украшало заглавіе съ листочками, незабудками, лиліями и кистями винограда:— „Русское гражданское общество XI и XII вѣка по даннымъ древнѣйшаго памятника русскаго права—„Русской Правды", во второй пространной редакціи ея Новгородской Кормчей (πηδαλίον), какъ переводъ византійскаго Номокинона со всѣми дополнительными статьями: 1) извлеченіе изъ законовъ Моисеевыхъ, 2) Эклогъ, 3) законъ судный людемъ или судебникъ царя Константина и 4) Прохиронъ (Ὁ πρόχειρος νόμος, jus civile — законъ Градскій).

Сколько страницъ! Онѣ шелестятъ, трепетно вздрагиваютъ, какъ цвѣты яблонь, и, если разложить ихъ на полу, онѣ, какъ бѣлый коверъ, протянутся отъ дверей къ окнамъ. Сколько значковъ, знаковъ, буквъ, параграфовъ, греческихъ придыханій, удареній! сколько извивающихся, какъ ужъ, латинскихъ „S" или круглыхъ и наивныхъ „О"! сколько тонкихъ сопоставленій, сколько подраздѣленій одной части на десятки частей, этихъ частей на сотни частицъ и каждой частицы на маленькіе параграфы, скрѣпленные между собою слѣдующими замѣчаніями: „аще въ подкопаніи обрящется

тать и извленъ умреть, нѣсть ему убійство; аще же взыдеть солнце надъ нимъ, повиненъ есть, умреть за него", или: „аще кто безъ повелѣнія на чужомъ конѣ ѣздитъ, да ся тепетъ по три карты", или: „а что на ню мужъ возложитъ, тому же есть госпожа (формула, напоминающая римскій терминъ полной собственности—dominium)".

Сколько хроникъ, манускриптовъ, фоліантовъ, древнихъ рукописей, желтыхъ листочковъ и свернувшихся въ трубку пергаментовъ! сколько уединенныхъ вечеровъ, безсонныхъ ночей, лихорадочныхъ дней! сколько перьевъ, чернилъ, красныхъ и синихъ карандашей! сколько бумаги, тонкой, средней и плотной!

Прекрасный день! Прекрасный день!

Въ четвертомъ году весна была очень холодная и моя орловская тетя писала, что у нихъ въ Орлѣ въ маѣ топили печи, а двоюродная сестра Настя заболѣла инфлюэнцей и пролежала до первыхъ чиселъ іюня.

Въ третьемъ году я поѣхалъ по Волгѣ и былъ возлѣ Ярославля 11-го мая; въ Ярославлѣ я прошелъ на бульваръ, купилъ финиковъ, винныхъ ягодъ и какихъ-то ярославскихъ коржей, но вдругъ пошелъ снѣгъ, и его снѣжинки странно кружились въ воздухѣ и таяли на изумрудѣ зеленыхъ листочковъ.

А въ прошломъ году, когда уходилъ отъ курскаго вокзала на Кавказъ поѣздъ и съ этимъ поѣздомъ уѣзжала въ Ессентуки жена депутата Самоквасова, страдающая женской болѣзнью,—поднялась буря, низринулся ливень—и Самоквасова закричала мнѣ: — Скорѣе въ вагонъ, оставайтесь въ вагонѣ до третьяго звонка, а потомъ, дастъ Богъ, дождь пройдетъ.

Но этотъ день былъ прекрасный весенній день, торжественный, какъ день Пасхи, какъ день Рождества, какъ день Новаго года или день восшествія на престолъ какого-нибудь могущественнаго короля.

Я не художникъ, но если-бы меня попросили разсказать объ этомъ днѣ,—я разсказалъ бы такъ:

Надъ городомъ, какъ шатеръ заморской царицы, раскинулся куполъ неба, и высота его была безгранична, а широта необъятна. Все самое нѣжное, чистое, благоухающее, что скрывали въ себѣ цвѣты, животныя и люди, подымалось къ зениту неба и хотѣло повѣдать справедливому Богу, что не ослѣпла еще земля и можетъ въ эти весенніе дни смотрѣть широко открытыми глазами. И видитъ земля—все видитъ: видитъ горячій лучъ, зажигающій блестки въ окнахъ бѣдняка, видитъ тряпочку, которая раскачивается на шестѣ, а на бахромѣ тряпочки, какъ слезы, сверкаютъ капли; видитъ

трупъ курицы на сорной ямѣ, а рядомъ съ курицей—молодой желтенькій лютикъ; видитъ двѣ доски забора и маленькую дѣвочку, черезъ щелку наблюдающую сонъ цѣпной собаки; видитъ срубъ колодца, возлѣ сруба съ ведрами стоитъ дѣвушка,—колесо вертится, вертится, мелькаютъ его спицы, вдругъ останавливается, дѣвушка глядитъ въ глубину колодца—и далеко, далеко видитъ отраженіе молодого лица съ задорной улыбкой.

Прекрасный день!

Я получилъ много поздравленій, конвертовъ съ золотыми обрѣзами, визитныхъ карточекъ съ двумя, тремя словами и даже нѣсколько цѣнныхъ подарковъ, которые меня обрадовали. Напримѣръ, великолѣпный бюваръ съ серебряной крышкой, а въ бюварѣ листочекъ почтовой бумаги: „Пусть твои честныя мысли роятся, какъ пчелы и несутъ въ соты науки медъ мудрости"; потомъ портфель нѣжной лайковой кожи съ золотою монограммой „А" и листочкомъ англійской бумаги: „Ремешки къ портфелю можно удлинить, если сочиненіе окажется объемистымъ"; потомъ разрѣзной ножъ старой черепахи, чернильницу-сенатора, который склонилъ голову на руки, и еще одну игривую вещицу—полулежащій Вакхъ съ огромнымъ пупкомъ, и въ одной рукѣ Вакхъ держитъ виноградную кисть, а другою рукою чешетъ спину Пана.

Записки были слѣдующаго содержанія: „Молодецъ, молодчина! Я очень радъ за тебя и думаю, мы встрѣтимся въ Аѳинахъ и вмѣстѣ отправимся въ Италію". Или: „Дорогой Афанасій Афанасьевичъ, тетя Клаша сказала мнѣ, что вы окончили сочиненіе. Право, это очень хорошо, что вы окончили. Приходите къ намъ, мы получили новый номеръ „Illustration" и хотимъ всею толпою идти смотрѣть выставку „молодыхъ". И вотъ еще: „Бабуся даже расплакалась, такъ ее обрадовало это извѣстіе. Она служила молебенъ святому Афанасію, а потомъ принялась вязать голубую фуфайку, которая, конечно, пригодится тебѣ".

Славные люди!

Мнѣ хотѣлось слушать симфоническую музыку Шварца или Гейерстама, смотрѣть на подъемъ аэростата или присутствовать на высочайшихъ маневрахъ; мнѣ хотѣлось окунуться въ пучину Чернаго моря, взлетать на гребняхъ острыхъ волнъ, дышать испареніями соленой пѣны; хотѣлось по ледянымъ полямъ взойти на вершину горы и смотрѣть оттуда въ пропасть; хотѣлось притаиться у окна сельскаго домика, потомъ постучать въ его стекла и сказать выглянувшему старику: позови красавицу-дочку и прикажи угостить меня парнымъ молокомъ, чернымъ хлѣбомъ и двумя-тремя ласковыми взглядами.

Я былъ въ восторгѣ!

Мнѣ хотѣлось или быстро ходить по комнатѣ, читать пасторали Вергилія и удивляться этому древнему поэту— сельскому хозяину, или сжать колѣни, нахмурить брови и думать о трагической смерти Маріи Башкирцевой. Мнѣ хотѣлось опорожнить три, четыре стакана густого кофе, съѣсть десять пирожныхъ съ моими иниціалами изъ коричневаго густого крема и хотѣлось отправиться въ Троице-Сергіевскую лавру, подойти къ могилѣ всѣми забытаго митрополита, стать ногою на камень мраморной плиты—и сказать: — Великій митрополитъ, передъ которымъ преклоняли свои колѣна императоры и слѣдили за подергиваніями то хмураго, то яснаго лица! Смотри, одна моя нога упирается въ мраморъ твоего трона, а другая—въ песокъ влажной земли и я стою легкій, веселый, молодой и, какъ Наполеонъ, вглядываюсь въ панораму моего будущаго

Мнѣ хотѣлось даже расцѣловать милѣйшую госпожу Ванъ-деръ-Вейде, купить ей двадцать филодендроновъ, двадцать финиковыхъ пальмъ и австралійскихъ ползучихъ растеній, убрать этими растеніями столовую, а къ колечку лампы привѣсить какую-нибудь бомбошку съ костяною кнопкой электрическаго звонка.

Что дѣлать? Я сѣлъ къ столу, взялъ въ руки прекрасное новое изданіе „Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ", директора дрезденской галлереи К. Вермана съ Венерой Капуанской на обложкѣ съ 80-ю геліогравюрами, рѣзными на деревѣ гравюрами, и написалъ на первой страницѣ:

— Многоуважаемой Людмилѣ Николаевнѣ Дворжецкой въ день окончанія моего сочиненія, въ знакъ глубокой преданности и уваженія. 18 мая.

А потомъ съ книгой въ боковомъ карманѣ я вышелъ изъ дому, вскочилъ на извозчика и поѣхалъ въ имѣніе Волконскихъ, расположенное въ семи верстахъ отъ Москвы, куда часто пріѣзжаетъ Людмилочка и, какъ пестрая бабочка, рѣзвится въ поляхъ, лѣсахъ и задумчивыхъ рощахъ.

Навстрѣчу мнѣ шли роты солдатъ московскихъ гренадеровъ, которыми командовали маленькіе капитаны, въ старенькихъ шинеляхъ, съ больными слезящимися глазами. Потомъ я встрѣтилъ свадебную процессію: ѣхали восемь каретъ, одна за другою, въ каждой каретѣ сидѣлъ лакей и держалъ въ объятіяхъ горничную. Всѣ они нюхали флеръ д'оранжи, смотрѣли пренебрежительно на лавочниковъ, а, когда видали перебѣгавшую дорогу собачонку, свистѣли и махали ей флеръ д'оранжами. У заставы собрались мастеровые,— въ серединѣ круга плясалъ какой-то малый въ оранжевой курткѣ и хлопалъ въ ладоши, а за малымъ, какъ перепелка

за перепеломъ, плавно шла дѣвушка и держала платочекъ въ рукѣ.

И открылось поле, надъ полемъ клубились облака, стояла одинокая лошадь, насторoживъ уши, а на горизонтѣ чернѣлъ паркъ Волконскихъ, и въ этомъ паркѣ была устроена бесѣдка съ цвѣтными стеклами въ куполѣ и мраморными ступеньками.

Словно съ лица моря дулъ теплый весенній вѣтеръ; онъ трепалъ шляпу, ласкалъ бархатъ воротника, колебалъ придорожныя травы и, легкій, цѣловалъ мои глаза. И странно было думать, что этотъ вѣтеръ гналъ такія огромныя облака и, казалось, что вѣтеръ небесный и вѣтеръ земной— два, враждующіе между собою вѣтры—добрый и злой.

А потомъ я услыхалъ ржаніе коней на конюшнѣ Волконскихъ, увидалъ синій флагъ на крышѣ ихъ дома, зеркальный шаръ передъ террасой и огромнаго дога съ острыми ушами и высоко приподнятыми бровями глазъ.

А на террасѣ стояли четыре Волконскихъ: Люба Волконская, Вѣра Волконская, Надя Волконская и Соня Волконская,—всѣ онѣ были перепоясаны серебряными поясами съ золотыми пряжками, у Любы и Вѣры на открытой шеѣ висѣли перламутровые крестики, а Соня и Надя повязали подъ крахмальными воротниками фіолетовые галстучки, и кончики галстуковъ смотрѣли въ противоположныя стороны.

Онѣ стояли и, молча, наблюдали, какъ я приближался къ террасѣ; а, когда я подошелъ, онѣ сразу всѣ четверо улыбнулись и Люба, протягивая руку, сказала:

— Я была увѣрена, что вы пріѣдете сегодня и сказала Вѣрѣ: Афанасій Афанасьевичъ будетъ въ шесть часовъ.

А старшая—Соня—замѣтила:

— Вчера у насъ былъ стипендіатъ фонъ-Валь и сообщилъ, что вы уже окончили ваше сочиненіе.

Я наклонилъ голову и отвѣтилъ:

— Да, окончилъ, слава Богу,—и очень счастливъ.

— А что у васъ за книга въ рукахъ?—спросила Вѣра.

Я сказалъ:

— Это „Исторія искусства съ древнѣйшихъ временъ", которую я предполагаю подарить Людмилѣ Николаевнѣ.

Всѣ подняли на меня свои глаза, улыбнулись и сказали:

— Людмилочка обѣщала быть сегодня у насъ и, вѣроятно, пріѣдетъ въ семь часовъ.

Мы прошли въ огромную столовую, гдѣ было таинственно тихо, шипѣлъ серебряный самоваръ, на полу протягивались косые лучи заходящаго солнца, вездѣ стояли чучела птицъ и звѣрей, въ углу бѣлый медвѣдь, опустившій морду, а надъ медвѣдемъ—портретъ въ орѣховой рамѣ.

И, когда мы сѣли за столъ, Вѣра сказала:

— Папа уѣхалъ въ Москву навѣстить Самарина, а мама въ Трезубовскомъ у Штольцъ и обѣщала пріѣхать съ 10 часовымъ.

А потомъ всѣ склонились надъ моей „Исторіей искусствъ" и начали громко читать предисловіе:

„Исторія искусствъ испытала рядъ превращеній: Плиній старшій включилъ относящіяся къ ней свѣдѣнія въ ученіе о каменныхъ породахъ, потому что онѣ даютъ художникамъ матеріалъ для ихъ работъ. Въ XV столѣтіи она превратилась подъ перомъ Вазари въ повѣствованіе о жизни художниковъ и сохраняла этотъ біографическій характеръ до второй половины XVIII столѣтія".

Я смотрѣлъ на четырехъ дѣвушекъ, перелистывающихъ листы толстой книги и, счастливый, желалъ этимъ красоткамъ пережить когда-нибудь такія же радостныя минуты невозмутимаго счастья, какія переживалъ въ этотъ день я.

Желалъ Вѣрочкѣ полюбить умнаго парижанина-профессора и поѣхать съ нимъ въ Египетъ; Любочкѣ— встрѣтить въ Маріенбандскомъ курортѣ композитора Алярскаго, играть съ нимъ въ четыре руки, а потомъ обвѣнчаться съ Алярскимъ въ церкви русскаго посольства; Сонѣ—устроить милое гнѣздышко въ Москвѣ и принимать тамъ нашихъ талантливыхъ доцентовъ, а Надѣ—поскорѣе перевести томъ исторіи „Великой французской революціи" и отдать переводъ любезному издателю.

И я думалъ, какъ хорошо здѣсь, какъ тихо, какъ торжественно какой славный отдыхъ послѣ долгой и упорной работы. Тикали часы, далеко-далеко кричали перепела, ржали кони и, вѣроятно, синій флагъ развѣвался на крышѣ дома и своимъ полотнищемъ все гладилъ и гладилъ спину зеленаго жестяного пѣтушка.

И когда часы пробили семь ударовъ, въ столовую вбѣжала Людмилочка и, остановившись на порогѣ, сказала:

— Ахъ, здѣсь Афанасій Афанасьевичъ! Я страшно рада!

И, цѣлуя Вѣру, Любу, Соню и Надю, она, вся пылающая, кричала:

— Какой воздухъ, какое небо, какая радость! Я задохнусь въ весеннемъ, чудномъ воздухѣ.

И Людмилочка разсказала, что, подъѣзжая къ дому Волконскихъ, она увидала въ канавкѣ больную собаку и приласкала ее, а потомъ сообщила, что Катюша нашла необыкновеннаго жучка съ рубиновыми глазами и, проткнувъ его спину булавкой, помѣстила въ свою богатую коллекцію.

И, когда я передалъ Людмилочкѣ мою „Исторію

искусствъ“—она густо покраснѣла и спросила: — Неужели мнѣ? - А, когда увидала надпись,—воскликнула:

— Вы окончили сочиненіе! Это очень хорошо!

И захлопала въ ладоши, а потомъ перестала хлопать, серьезно посмотрѣла въ окно и сказала:

— Кажется, звонятъ колокола. Вѣроятно, въ Тетюшахъ,— и опустила глаза.

Послѣ чая всѣ вышли на террасу, ласкали дога, глядѣли на свое отраженіе въ зеркальномъ шарѣ, а потомъ прошли въ аллею, убѣгающую къ самому полю, и по сторонамъ аллеи стояли бѣлыя изваянія съ кувшинами мраморной воды и корзинками мраморныхъ фруктовъ.

Мы разбились на три парочки. Впереди шли Соня съ Вѣрой, потомъ Люба съ Надей и въ самомъ концѣ я съ Людмилочкой.

— Сочиненіе окончено,—сказалъ я Людмилочкѣ,—и черезъ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли я уѣзжаю.

— Куда вы уѣзжаете?—спросила Людмилочка.

— Въ Палестину, Грецію, въ Египетъ, Италію, а потомъ въ Парижъ, гдѣ останусь нѣсколько мѣсяцевъ.

— И мы васъ уже не увидимъ въ Москвѣ?—спросила Людмилочка.

— Конечно, вы уже не увидите меня въ Москвѣ.

Людмилочка прошептала:

— Послѣ заутрени я не спала всю ночь и лежала на постели съ открытыми глазами.

Меня тронула искренность Людмилочки и, чтобы доставить ей маленькое удовольствіе, я немножко привралъ:

— Я тоже не спалъ всю ночь, лежалъ съ открытыми глазами и думалъ о васъ.

Людмилочка вспыхнула, остановилась и сказала:

— Ахъ, какой вы хорошій!

Я смотрѣлъ на Людмилочку—мою будущую жену, думалъ, что у всѣхъ талантливыхъ ученыхъ были такія же подруги— простыя, жизнерадостныя и красивыя и хотѣлъ поцѣловать ея прелестную маленькую ручку.

Но такъ какъ впереди шли сестры Волконскія, я не могъ поцѣловать ея руку и отложилъ свое намѣреніе до слѣдующаго раза.

Открылось безграничное поле, на горизонтѣ стояла маленькая церковь, а на церковь, какъ волны на маякъ, надвигались облака и бушевали въ небесномъ просторѣ, звонили колокольчики быстрой тройки, клубилась пыль и заскрипѣли чугунныя ворота съ мѣдными стрѣлками, которыя мы раскрыли, чтобы выйти на равнину поля.

И когда вышли,—всѣхъ насъ охватилъ восторгъ, всѣ

мы начали бѣгать, рѣзвиться, какъ дѣти, кричали, пѣли, дѣвушки обнимали другъ дружку, а потомъ Волконскія предложили нарвать ворохъ цвѣтовъ, сплести вѣнокъ и украсить этимъ вѣнкомъ мою голову—героя сегодняшняго дня.

Я, конечно, покорно принялъ эту, оказанную мнѣ честь, и когда вѣнокъ былъ готовъ, я склонилъ голову, опустился на одно колѣно и почувствовалъ нѣжное прикосновеніе къ своимъ волосамъ скромныхъ головокъ душистыхъ цвѣтовъ.

И всѣ милыя дѣвушки опять рѣзвились, хлопали въ ладоши и кричали:

— Вѣнчаемъ молодого ученаго на царство!—а Людмилочка поправила маргаритку, которая свѣсилась на мой лобъ и прибавила:

— А также просимъ его не забывать насъ въ своей Италіи.

Мнѣ было радостно, легко на душѣ. Мысли бѣжали одна за другой, надежды роились, какъ пчелы, рождались планы серьезныхъ работъ, серьезныхъ сочиненій, грезились новыя встрѣчи, новыя знакомства, новыя связи—отличія, кресты, звѣзды, на закатѣ жизни обезпеченная старость, покойное кресло и палка съ резиновымъ наконечникомъ и, наконецъ, славная смерть—слезы дѣтей, учениковъ, почитателей, почитательницъ и бѣлый монументъ съ ангеломъ, преклонившимъ свои колѣна.

И я воскликнулъ въ глубинѣ своей души:

— Ахъ, какъ радостно окончить трудное сочиненіе и твердымъ шагомъ двинуться по проторенному пути!

Молчаніе.

Гаснутъ звѣздъ голубые лучи,
Прячетъ мѣсяцъ нѣмое сіянье...
Къ темнымъ окнамъ, гдѣ спятъ палачи,
Тихо-тихо подходитъ молчаніе...
Блѣдно-синюю грудь обнажаетъ оно—
Содрогаются стекла закрытыя...
И пылаетъ въ груди алой крови пятно,
Тамъ, гдѣ сердце трепещетъ разбитое...
И веревка лежитъ, облегая кольцомъ
Шею, въ странномъ изгибѣ страданія,
И киваетъ въ тѣ окна терновымъ вѣнцомъ
Грозный призракъ ночного молчанія...

Г. Галина.

ТЬМА.

Разсказъ **С. Подъячева**.

I.

Въ избѣ у Гоглевыхъ три бабы „убирались" къ празднику... Дѣло было утромъ въ концѣ ноября. Въ большой двѣнадцатиаршинной избѣ было мрачно, грязно и сыро.

По грязному, загаженному полу ползалъ пузатый, бѣлоголовый мальчишка и топталась, тараща большіе, глупые, испуганные глаза, недавно объягнившаяся овца съ двумя маленькими бойкими ягнятами...

Въ „запелѣженныя" съ улицы окна едва-едва проникалъ свѣтъ тусклаго ноябрьскаго утра... Топилась печка... Сухія еловыя дрова весело трещали, точно разговаривали на всю избу... На столѣ стоялъ огромный „ведерный" нечищенный самоваръ и грязныя чайныя чашки. Тутъ же лежала початая коврига чернаго, какъ земля, хлѣба и стояла сковорода съ остатками жаренаго картофеля. Весь передній уголъ надъ столомъ былъ заставленъ иконами въ дешевыхъ фольговыхъ и другихъ ризахъ... Передъ иконами висѣла и тихо „теплилась" привѣшанная съ потолка въ видѣ голубя глиняная лампадка.

Двѣ бабы, невѣстки, Фроська постарше и Марфутка помоложе, подтыкавъ юбки, стояли на скамейкахъ, сдвинутыхъ на средину избы и оскабливали косарями съ потолка грязь и копоть...

Старая, высокая, страшно худая, со злымъ лицомъ и глазами, ихняя свекровь, „бабушка" Матрена, сливала около печки изъ корчагъ въ боченокъ брагу.

Лица у бабъ-невѣстокъ были красныя, потныя, злыя.

Стоя на скамейкахъ, въ неудобныхъ позахъ, съ задранными кверху головами, обѣ бабы злились и молча вымещали свою злость на потолкѣ, скобля его изо всѣхъ силъ...

Съ потолка летѣла на нихъ грязь и капала вода, потому что прежде чѣмъ скоблить, онѣ намочили его водой, для

того, чтобы грязь отопрѣла и легче отставала... Ползающій по полу пузатый мальчишка задиралъ голову и, разиня ротъ, глядѣлъ на нихъ, недоумѣвая и какъ бы спрашивая большими похожими на свѣтлые стальные шарики глазками, что все это значитъ?..

На дворѣ громко, жалобно какъ-то, то и дѣло слышно было, какъ мычала корова и громко кричали куры... Ихъ въ суетахъ еще не успѣли накормить...

— Матушкъ, а матушкъ, — сказала, наконецъ, одна изъ невѣстокъ постарше — Фроська, выговаривая вмѣсто „матушка", по привычкѣ, для скорости „матушкъ",—чай, чугуны-то поспѣли?.. Пора, чай, небось скотину убирать?.. Обревѣлась чу...

— Знамо, пора,—отвѣтила свекровь глухимъ, хриплымъ, точно у мужика съ перепою, голосомъ, — пора-то прошла... Да вишь ты — все недосугъ... брось скоблить-то!.. не доскоблишься все одно... Поди налей... Охъ, ужъ эти мнѣ праздники, прости Господи! ни дѣла, ни покой... кипишь съ утра до ночи, аки въ котлѣ.

Фроська спрыгнула со скамейки, одернула грязную, мокрую юбку, обтерла объ бедра руки, сунула ноги въ валявшіяся тутъ же на полу валенки и, подойдя къ печкѣ, начала, перегнувшись всѣмъ тѣломъ назадъ, вытаскивать большимъ ухватомъ изъ печки чугуны... Лицо ее отъ усилій сдѣлалось еще краснѣе и лоснилось точно смазанное и отшлифованное политурой...

— И чтой-то, Господи Суси, — сказала она, вытащивъ на шестокъ огромный чугунъ съ кипяткомъ,—выдумали мы за моду таку теплымъ скотину поить... Наказанье Господне, глазаньки лопни!.. Ѣздіишь, ѣздіишь по печкѣ-то, индо въ поясницу вступитъ... То ли дѣло вонъ у Звѣревыхъ: за вси на прудъ гоняютъ—и зиму и лѣто...

— А ты ужъ дѣлай, дѣлай, что дѣлаешь-то! — обернувшись къ ней, сердито и опять хриплымъ басомъ заговорила свекровь, — молода еще учить-то... ишь ты, гладкая! Вотъ соскочитъ съ тебя обручика два-три, тогда и учи... Марфутка! — обратилась она къ другой невѣсткѣ,—подь помоги ей, гладкой, лоханку вынесть, а то она, фрелина изъ-подъ сиваго мерина, неравно развалится...

Марфутка молча спрыгнула со скамейки и точно такъ же, какъ и Фроська, обтерла руки, всунула ноги въ валенки и подошла къ печкѣ.

— Бери лоханку-то,—закричала на нее свекровь,—чего встала-то?.. Лей кипятку! тащите на дворъ... таматко разбавите холодной изъ ушата... да не забудьте горсть высѣвокъ бросить... У-у-у, гладкія!.. притка васъ расшиби... все но-

сомъ ткни, а сами-то не догадаются... Жрать ваше дѣло... на это вы ловки... У-у-у, кобылы ногайскія! — добавила она еще и, окинувъ ихъ злыми глубоко-ввалившимися глазами, открыла въ полу половницу и полѣзла зачѣмъ-то въ подвалъ...

— Собака... шавка! — сказала старшая невѣстка Фроська, — пра, ей-Богу... лается, лается... тьфу! Кабашница... языкъ-то бы у тебя вытянуло, у псовки!..

— Тише ты, — сказала Марфутка, — дура... услышитъ... распустила брехало-то!..

— А песъ съ ней! пущай слушаетъ, — крикнула Фроська, — надоѣло мнѣ... Вотъ пріѣдетъ ужо мужъ, нажалюсь... скажу: дѣлись... Да пра, ей-Богу! Ай я каторжная ей далась?.. Походя поѣдомъ ѣстъ... ни те встать, ни те сѣсть... все не такъ, да не эдакъ... не потрафишь никакъ...

— Лей, лей кипятокъ-то! — сказала Марфутка и громко на всю избу икнула и вымолвила: — О, Господи Суси, что такоича... вспоминаетъ кто-то... Будетъ языкомъ-то трепать... На лоханку-то... лей!..

Фроська молча со злостью схватила грязную тряпку, обложила ею чугунъ для того, чтобы не обжечь руки, и, выливъ изъ него въ лоханку воду, выхватила — тоже со злостью — изъ-подъ печки ухватъ и, просунувъ его ручкой сквозь ушки лоханки, крикнула:

— Берись за конецъ... тащи! Что-бъ те тамъ нечистый задавилъ въ подвалѣ-то! — сказала она и кивнула головой на отверстіе въ полу. — У-у-у, проклятенная! — закричала она вдругъ на всю избу и ударила изо всей силы ногой въ бокъ овцу, — вертится тутотко подъ ногами-то!.. Что-бъ ты подохла и съ хозяйкой-то псовкой! — добавила она тише и, переступивъ черезъ порогъ за идущей впереди Марфуткой, хлопнула за собой дверью такъ, что вздрогнула стѣнка и что-то упало съ полки у порога.

Толстопузый мальчишка вдругъ заревѣлъ и торопливо поползъ, какъ-то смѣшно, точно заяцъ, вскидывая задомъ, къ открытому подвалу...

II.

Кряхтя, охая, упираясь тонкими руками въ полъ, вылѣзла изъ подвала старуха и запыхавшись, тяжело дыша, сѣла на скамью у окна напротивъ печки, бросивъ какъ-то безпомощно-жалко свои тонкія, высохшія руки на колѣна, и уставилась выцвѣтшими глазами на огонь въ печкѣ, что-то думая.

— Господи Суси! Ягорій батюшка! — заговорила она вслухъ и, полуобернувшись къ переднему углу, стала кре-

ститься, прижимая изо всей силы съ какой-то страстностью ко лбу, къ плечамъ, къ животу, щипотью сложенные пальцы. — Владычица Матушка... вразуми ты яго... наставь на путь праведный... Охъ-хо-хо! Кому отъ вина-то молятъ? Меѳодію, кажись... О, Господи! Спился, баютъ... сшибся съ панталыку... босой, сказываютъ, по Москвѣ ходитъ... въ забастовщики ишь каки-то записался... Ни въ Бога ишь, ни въ царя не вѣруетъ... О-о-хъ, головушка моя горькая!..

Она потихоньку захлюпала и, поднявшись съ мѣста, пошла, скребая подшитыми тяжелыми валенками по полу, къ переднему углу оправить сильно разгорѣвшуюся и начавшую коптить лампадку.

Стоя спиной къ двери, оправляя лампадку и произнося вслухъ слова молитвы, она не слыхала и не замѣтила, какъ дверь потихоньку отворилась и въ избу, переступивъ порогъ, какъ-то торопливо, бокомъ, вошелъ мужикъ и, остановившись тутъ же у двери, нѣсколько разъ перекрестился въ уголъ гдѣ висѣли иконы и громко сказалъ:

— Здорово живете! Здорово, баушкъ Матренъ! Одна знать... гдѣ, же бабы-то?..

Сказавъ это, онъ бросилъ свою шапку на скамью и провелъ рукой по лицу, точно отгоняя съ него что-то... Лицо у него было круглое, опухшее, пьяное... Въ его глаза, круглые же, какъ-то выкатившіеся, нахальные и глупые, точно кто-то налилъ сѣрой мути, которая, точно ее хватилъ морозъ, застыла, да такъ и осталась навсегда... Тощая бороденка росла по всему его лицу, начиная отъ ушей, какими-то клочьями, тамъ и сямъ, точно онъ ее выщипывалъ, а она, какъ мокрецъ въ огурцахъ, опять выростала тамъ, гдѣ не надо... По угламъ толстыхъ и красныхъ губъ виднѣлась у него бѣлая пѣна-слюна. Онъ то и дѣло, какъ корова, облизывалъ языкомъ эту слюну и сплевывалъ на полъ... Сильный и противный запахъ „перегаромъ" шелъ отъ него на всю избу.

— Здравствуй, Ѳедоръ! — обернувшись къ нему, сказала старуха. — Бабы-то?.. Скотину убираютъ... Тебѣ что?..

— Сама знаешь! — сказалъ мужикъ и, захихикавъ, пояснилъ, — молочка отъ бѣшеной коровки...

— Нѣту! — сердито отвѣтила старуха и пошла къ печкѣ. — Ну, васъ... грѣхъ съ вами одинъ только... съ пьяницами... ступай съ Богомъ...

Дѣлая видъ, какъ-будто эти слова относятся не къ нему, мужикъ пододвинулся отъ двери къ столу и, сѣвъ на скамью, досталъ изъ кармана кисетъ и сказалъ, глядя на овцу:

— Давно ль овца-то объягнилась?.. Вотъ такъ овца, чисто, сичасъ издохнуть, графыня какая!.. А у меня вотъ,

аказія—не живутъ овцы! *Самъ*, надо полагать, не возлюбилъ... Корова опять ялова осталась... Аказія, сичасъ издохнутъ.

Онъ свернулъ папироску и задымилъ, то и дѣло харкая на полъ безъ разбору, куда попало, огромными плевками...

— А ты ужъ не заговаривай зубы-то,—опять также сердито сказала старуха.—Чего разсѣлся... ступай!..

— Да дай... сдѣлай милость! — жалобнымъ голосомъ, точно нищій, воскликнулъ мужикъ.—Чай не впервой... На вотъ деньги-то... На! Четвертакъ тутатка!—онъ хлопнулъ монетой по столу. — Давай половинку... Что ты... аль я сичасъ издохнуть, свинья какая?.. Да глаза лопни, коли я что. Дай!.. смерть голову больно... вечеръ ужъ очень баланецъ потерялъ... Дай... сдѣлай милость... баушкъ Матренъ, уважь, будь другъ, сичасъ издохнуть, а?..

Старуха покосилась на монету и гораздо мягче сказала:

— Пилъ бы дома... Небось, къ празднику то припасъ четвертушку?..

— Ахъ, чудная!—воскликнулъ мужикъ.—Дома... Да нешто ты мою-то не знаешь, нашего-то... идола-то, сичасъ издохнуть... Поди-ка сунься, спроси... такъ она-те и дала! Издыхай вотъ сичасъ, помри — не дастъ... Да у ней, сичасъ издохнуть, песокъ посыплется, кровь изъ зубовъ пойдетъ, не токма что... Поди-ка! Ей какъ попадетъ вожжа подъ хвостъ, не приведи Царица Небесная... и зубами, и передомъ и задомъ!.. Змѣя, сичасъ издохнуть... подколодная змѣя... идолъ... азіятка!.

— Такъ васъ пьяницъ и надыть!—улыбнувшись, сказала старуха и, взявъ со стола четвертакъ, спросила:—Тебѣ съ собой?

— Нѣтъ, ужь я здѣся чекалдыкну... Гдѣ съ собой, чудачка! Здѣся я... Нешто дома мыслинно?.. Азія у меня въ дому... Японія... Хива, сичасъ издохнуть... злая рота!

— Пей, да скарѣича,—сказала старуха,—пока бабъ нѣту.

Она открыла половницу и опять, какъ и давеча, полѣзла въ подвалъ...

— Ишь ты куда доброе-то здоровьице-то прячешь,— сказалъ мужикъ,—боишься, знать?..

— Я учена,—отвѣтила изъ подвала старуха и, высунувшись оттуда, подала ему полбутылки.—На вотъ!—сказала она.—Таматка вонъ чашка-то на столѣ... Хлѣбца отрѣжь, коли хошь, пожуй...

Она вылѣзла изъ подвала и, закрывъ его, подошла къ печкѣ и начала кочергой загребать въ одну сторону жаръ.

— Гоже! — воскликнулъ мужикъ, залпомъ пропустивъ

чайную чашку. — Вотъ такъ, сичасъ издохнуть, гожа! Славная водка... столовая... небалованная, — по душѣ идетъ!..

— Я не балую,—сказала старуха и немного помолчавъ, спросила:—Ты что жъ вечеръ изъ Москвы-то, а?..

— Вечеръ.

— Ты чего возилъ то?..

— Съ грядками ѣздилъ... Дарма отдалъ...

Онъ выпилъ еще и продолжалъ.

— А слышала, въ Голубинѣ Гармовью-то посадили... Вляпалась! Пріѣхалъ акцизный, сичасъ сходъ... „Почтенные старички, торгуетъ эта женщина виномъ?“ Мужики мнутся... молчатъ... онъ опять: „торгуетъ?“ Молчать бы имъ, а дядя Налимъ возьми да и брякни сдуру-то: „торгуетъ, молъ“. Ну, и того... готово дѣло... больше и толковать не сталъ... чикъ, чикъ перышкомъ... Пажалте черезъ мѣсяцъ на фатеру ка-а-зенную! Отопленіе, освѣщеніе, харчи... Жись, сичасъ издохнуть, помирать не захошь... хо, хо, хо!..

— Слышала!—отвѣтила старуха и, помолчавъ, спросила:— Нашихъ-то мужиковъ видѣлъ?..

— Ка-а-къ-жа!.. вмѣстѣ въ трактирѣ въ Бутыркахъ чай пили... Они нонче по вечеру должны назадъ-то... Кладь они взялись везти изъ Москвы въ городъ...

— Такъ... Кому кладь-то?..

— Бирюку... Мы долго сидѣли... Никишка съ нами тоже сидѣлъ... пьяный, распьяный.

— Какой Никишка?!—удивленно, почти крикнувъ, спросила старуха.

— Какой... знамо какой... одинъ Никишка... извѣсно, сынъ твой...

— Врешь ты?!

— Ну, вотъ: врешь... Сичасъ издохнуть, не вру. Захлебнуться мнѣ вотъ этой чашкой...

Старуха заволновалась.

— Что-жъ... какъ?.. одѣтъ-то въ чемъ?..

— Какъ одѣтъ-то?.. гм! надо бы чище, да нельзя... Вродѣ турецкаго святого... потѣха, сичасъ издохнуть?.. Коцавейка кака-то на немъ бабья... подрясникъ, — не поймешь... портки бѣлы... на ногахъ калоши резиновы на босу ногу, а самъ весь обросъ волосами аки звѣрь живодамской... ка-а-сматый!.. Словно, сичасъ издохнуть, не за столомъ сказано, лѣшманъ какой... Стра-а-сь, сичасъ издохнуть! Присталъ онъ къ твоимъ робятамъ... къ братцамъ, то таись... сцѣпились, лаятся... срамата, сичасъ издохнуть!

— О, господи Суси,—воскликнула старуха, выслушавъ

его, и, всплеснувъ руками, заплакала,—что жъ за наказанье такое для праздника!

— Онъ бахвалился,—продолжалъ мужикъ съ какимъ-то азартомъ, находя, повидимому, большое удовольствіе въ томъ, что такъ огорошилъ своимъ разсказомъ старуху.—„Приду, гытъ, о праздникѣ домой"... У него, видишь ты, пачпарту срокъ, такъ за другимъ...„ А коли, гытъ, старшина не дастъ, такъ я, гытъ, ему, корявому псу, покажу"... Робята-то твои его и такъ и эдакъ, а онъ, а онъ-то... говоритъ чудно какъ-то... не поймешь... ученый, витъ, онъ у васъ, вродѣ какъ порченый... Смотрѣть зазорно!..

Старуха сидѣла, слушала и горько плакала... Мужикъ допилъ водку и не уходилъ почему-то...

Со двора, „убравшись", пришли бабы...

III.

— А-а-а Ѳедя!—увидя мужика, весело крикнула Фроська.

— Здравствуй, бабочка краса,—скаля зубы, отвѣтилъ мужикъ.—Ну, какъ дѣлишки?

Фроська хотѣла что-то отвѣтить, но взглянувъ на свекровь и видя, что она всхлипываетъ, съ изумленіемъ спросила:

— Ты о чемъ, матушкъ?!..

— А вонъ спроси у него, — отвѣтила старуха, указывая на мужика и продолжала:—Гость къ намъ будетъ скоро... о, Господи Суси!.. у людей праздникъ, а у меня—горя не прохлебаешь...

— Да что такоича?—спросили обѣ невѣстки сразу.

— Никишку видѣли,—какъ-то поджимая губы и морща брови, отвѣтила свекровь.—Сюды, ишь, собирается... баютъ, голешенекъ!..

— Зачѣмъ сюды-то?—спросила Ѳроська.

— Страмить-то... у насъ, чай, гости будутъ,—пробурчала Марфушка...

— А ну васъ и съ гостіями-то!—крикнула старуха и, всплеснувъ руками, опять крикнула: — Хоть бы издохнуть мнѣ! Влѣзу вотъ на печку... какъ хотите, такъ и управляйтесь... и не слѣзу...

— Чай, онъ васъ не объѣстъ,—сказалъ мужикъ, съ любопытствомъ посматривая на бабъ.

— Знаемъ мы его, — заголосила Фроська на всю избу тонкимъ звенящимъ голосомъ,—безобразничать-то... Намъ и свои мужики надоѣли до смерти, а тутъ песъ его несетъ... злая рота!.. праздникъ... гости... передъ людьми-то со стыда сгоришь...

— Ну, стыдлива больно!—оборвала ее свекровь.

— Знамо, стыдно,—продолжала Фроська. — Ему тутатко не припасено... жрать-то придетъ...

— Молчи, сука!—закричала на нее свекровь.—Не твое жрать станетъ...

— Сама-то хороша,—отгрызнулась Фроська.—Сука,—передразнила она ее,—не любишь правду-то... наторговала на винѣ денегъ... ему всучишь...

— Молчи, псовка! — покраснѣвъ и сверкая глазами, закричала свекровь,—заткну глотку-то кочергой!..

— Накося выкуси!—въ свою очередь крикнула Фроська и сдѣлала гадкую непристойность.

— Тьфу ты, окаянная! — закричала свекровь и вдругъ харкнула ей въ лицо.—На тебѣ, псовка... безстыжія бѣльмы... человѣка-то постыдилась бы...

— Лайтесь!—весело отозвался мужикъ,—мнѣ не привыкать стать... наплевать!.. дакась еще половиночку... раздавлю, сичасъ издохнуть, да и того... крышка!..

— Я те таку дамъ половиночку!

— Что такъ?..

— Скажу вотъ, виномъ торгуешь,—закричала Фроська,— земскому скажу... Глазенки лопни, скажу!

— А ты молодка, потише,—обратился къ ней мужикъ.— Твое дѣло маленькое...

— Пьяная морда!—накинулась на него Фроська,—ступай отседа... Чего разсѣлся?.. ишь сопожищи-то... полъ-то топтать... чортъ васъ носитъ... не намоешься... Кабакъ завелся!..

— Молчи, Фроська!—закричала опять на нее свекровь.— Убью!.. ахъ, ты подлая!.. Сука!..

— Стойте... не орите вы!—прервала перебранку стоявшая у окна Марфутка,—бѣжитъ кто-то... никакъ, жена твоя!— добавила она, наклоняясь къ окну...

— Ну-у-у?!—вскочивъ съ мѣста и какъ-то еще больше вытаращa глаза, крикнулъ мужикъ:—Вр-е-е?..

— Сичасъ провалиться, она!—отвѣтила Марфушка и, засмѣявшись, добавила: — Пропишетъ она тебѣ по первое число!..

IV.

Дверь распахнулась, и въ избу, какъ бомба, влетѣла молодая, круглая, маленькая бабенка...

Увидя мужика, она подскочила къ нему и пронзительно, громко заголосила:

— Здѣсь?.. Ну, такъ и чуяло мое сердце! Ахъ, ты, морда твоя гладкая... разбойникъ! пьяница! притка тебя расшиби! Гдѣ деньги? гдѣ деньги?.. прожралъ ужъ... успѣлъ... На-

лилъ лупетку-то... тьфу! — плюнула она ему въ лицо, — на, съѣшь, идолъ!.. Батюшки, свѣты! — завопила она еще громче, — да что жъ это за наказанье Господнее! Останную копейку... коли грошъ какой завелся — изъ дому тащитъ!.. У-у-у, анафема! Дома жрать нечего... соли нѣтъ... фитагену нѣтъ, а онъ винища лопать! И какъ это я, дура, обмишурились... какъ не доглядѣла?! Ты куды, говорю, собрался? „А до вѣтру", баитъ... Вотъ те до вѣтру! Онъ вонъ... куды... Чего хлопашь глазищами-то, песъ?.. Сычъ лѣсной!..

— Ничего не хлопаю,—отвѣтилъ мужикъ,—эка штука—сороковку выпилъ... Заплевала... галка, пра, ей-Богу! Все ей докладывайся... графыня... Отстань, сичасъ издохнуть, въ рыло шаркну!,.

— Я-те шаркну,—закричала бабенка,—шаркало какой!— и, обернувшись къ свекрови, опять завопила:—Я жалиться стану... Что жъ эта такоича?.. Старая ты псовка, грѣховодница, на старости лѣтъ какимъ дѣломъ занимается... Ай тебѣ перекусить нечего?.. ай нужда?.. Кому прорву-то копишь?.. Копишь, копишь, да чорта и купишь... Въ землю-то съ собой не потащишь...

— Можетъ, ты издохнешь напередъ мого,—отвѣтила ей на это свекровь.

— Что-бъ тебѣ языкъ-то выворотило, акаянная ты сила! Наказалъ Господь-то... погоди, не такъ накажетъ.

— Чѣмъ меня Богъ наказалъ?.. чѣмъ?—наступая на нее, заговорила свекровь,—сказывай, чѣмъ?!

— Всѣ знаютъ... „Чѣмъ, чѣмъ!..". Сынокъ-то вона любимый-то пьяница... безъ партокъ ходитъ... воръ... забастовщикъ... Сама-то безпутная трепалка да и дѣтки-то, видно, въ матку...

— Я трепалка, я трепалка!—вся трясясь отъ злости и съ побѣлѣвшимъ вдругъ лицомъ, закричала свекровь,— ахъ, ты, голь перекатная... нищая... сволочь!..

— Отъ сволочи слышу!.. Знамо дѣло, трепалка,—не унимаясь, съ азартомъ кричала бабенка,—думаешь, не знаютъ... нѣтъ, матушка, всѣмъ извѣстно, какая ты въ дѣвкахъ-то была... люди-то баютъ... на чужой-то ротокъ не накинешь платокъ...

— Чего баютъ?.. Сказывай, чего баютъ?!

— Ты мотри, не удары!.. Я же не невѣстка далась... Все, матушка, извѣстно... все до-о-капельки!..

— Чего все-то... чего все-то? Сказывай? ну, сказывай!..

— Думаешь, не знаютъ, какъ ты въ дѣвкахъ-то жила, а?.. анъ знаетъ! анъ знаетъ! Съ пастухомъ-то съ Зубцовскимъ путалась... рабенка-то съ нимъ пригуляла... въ лѣсу-то его выплеснула... придушила да зарыла таматко подъ

6*

муравьиную кучу.. Что? ай вру? Что бѣльмы-то вылупила?.. не скусна, знать... не ндравится!..

— Ахъ ты,—задыхаясь отъ злобы, закричала свекровь,— да я-те! да я-те! Зашибу кочеркой, оглашенную!.. Вотъ изъ мого дома!

— Не зашибешь... руки коротки,—дразня ее, язвительно улыбаясь, отвѣтила бабенка и, обернувшись къ невѣсткамъ, заговорила совсѣмъ какъ-то по-другому и съ другой интонаціей въ голосѣ:—Послалъ вамъ Богъ, дѣвоньки, свекровушку... послалъ!.. язву... змѣю шипучую... Какъ вы живете-то!.. Владычица!..

— Ступай вонъ! ступай вонъ!—кричала свекровь.

— Уйду, матушка, уйду, — опять обернувшись къ ней, заговорила бабенка,—сама уйду... не гони...

И вдругъ, повернувшись къ мужу, закричала:

— Пойдешь ты, а? Сказывай, пойдешь? Ахъ, ты гнилой песъ! Нарахалъ тебя чортъ на мою шею!.. Кабылякъ, дьяволъ... Ишь ты казенку нашелъ!..

— О, чтобъ васъ разорвало, акаянная, сичасъ издохнуть, сила!—закричалъ на свою бабенку мужикъ.—Чортъ, лярва, отвяжись!.. Вотъ народъ-то, сичасъ издохнуть, хуже дьяволовъ... выпить-то за свои трудовыя и то не даютъ... тьфу, растуды вашу!..

Онъ плюнулъ и вышелъ, изо всей силы хлопнувъ дверью.

— Эка страмота-то у насъ въ дому, Господи!—заговорила старшая невѣстка Фроська,—кому не надыть, всякъ идетъ лаетъ... Стыды головушки!

— Ау, дѣвонька,—подхватила бабенка,—и есь страмота... да еще кака страмота-то... на всю-то вотчину... ужъ на что гаже... и про васъ-то черезъ нее слава идетъ...

— Ступай ступай, — перебила ее свекровь, — не твое дѣло... дома у себя гляди...

— Не съ тобой баютъ! — вцѣпилась опять въ нее бабенка,—прынцесса кака тутатко... Кто я... Хозяйка. Пришей пристегай... кабы тебя да на мое бъ, зубы я бъ те вышколила... по стрункѣ бъ ты у меня ходила. Прощайте, милыя!— обратилась она къ невѣсткамъ.—Праздникъ провести вамъ въ добромъ здоровьѣ,—и, окинувъ свекровь злымъ взглядомъ, тихо, не торопясь, вышла изъ избы.

V.

Въ избѣ стало тихо. Невѣстки стояли молча и хмурились. Свекровь облизывала языкомъ пересохшія губы и тяжело дышала. По полу весело прыгали ягнятки. За ними большими испуганными глазами слѣдила овца. Мальчишка

залѣзъ ручонками въ лоханку и полоскался тамъ въ помояхъ...

— Ну, чего же встали-то, сложа руки?—заговорила, наконецъ, свекровь,—убирайтесь! Время, гляди, обѣдъ скоро, а у насъ и конь не валялъ... Рады... развѣсили уши-то... дуру слушать... у ней языкъ-то длиннѣе коровьяго хвоста... пра, ей-Богу!

— Уберемся... поспѣемъ,—отвѣтила Фроська и, помолчавъ, со злостью добавила:—Да что убираться-то?.. Убираться-то не стоитъ... У людей праздникъ, а у насъ, прости Господи, аки въ аду кромѣшномъ... радась кака! Кусокъ-то въ глотку не пойдетъ, не токма что...

— Полъ-то сичасъ мыть, ай до ужоткава оставить?—спросила другая невѣстка—Марфутка.

— Ишь его завозили,—отвѣтила Фроська,—агню присѣчь!.. безъ рукъ станешь... не знаешь, за что взяться... сто дѣловъ... стюдень вонъ еще разбирать надыть!—Она вдругъ со злобой ударила подошедшую къ ней овцу и крикнула:—Да выгоните вы этого чорта отсюда... и такъ тѣсно... чай, незамерзнетъ... на дворѣ-то не, бо знать, какой холодъ: дерьмо прѣетъ...

— Что на тебя нонѣ наѣхало?—сказала свекровь, окинувъ ее глазами,—погладиться не дается?.. Мотри, дѣвка, я гляжу, гляжу...

— А что ты мнѣ?—вызывающе-дерзко спросила Фроська.

— Я те дамъ что! Истинный Господь, ужо мужъ пріѣдетъ—скажу: сладу нѣтъ. Онъ те погладитъ гладкую... забудешь отгрызаться-то...

— Наплевать-то я хотѣла на твого мужа! — крикнула Фроська,—страсть кака... Онъ у меня во гдѣ сидитъ... гляди!

— Тьфу!— плюнула свекровь, — ахъ ты, наказанье Господнее!..

— Я сама скажу,—продолжала Фроська,—скажу: дѣлись... съ тобой жись-то проклянешь...

— О, кака выискалась... „дѣлись",—передразнила ее свекровь.—Ахъ ты, халда, трепло, молчала бы!

— Ладно! Сама молчи... Помолчала... будетъ...

Она подошла къ печкѣ и, вставъ на приступку, потянулась и сдернула съ полатей полушубокъ.

— Душегубка! — не громко, но внятно произнесла она, надѣвая его.

— Что? что? что сказала-то?!—набросилась на нее съ побѣлѣвшимъ лицомъ свекровь.

— Ничего... проѣхало, — отвѣтила Фроська и пошла къ двери.—Дери васъ чортъ и съ уборкой-то!—крикнула она.—

Уйду вотъ къ Утенковымъ... покамѣстъ мужъ не пріѣдетъ до ужоткава не приду... провались вы тутатко!

Она вышла, хлопнувъ дверью и сейчасъ же, опять пріотворивъ ее, громко съ перекосившимся отъ злости лицомъ крикнула:

— Душегубка!.. — и, зло засмѣявшись, опять хлопнула дверью.

— Ахъ, псовка!—закричала свекровь.—Какъ отсовѣтывали добрые люди не брать... Нѣтъ, погнались изъ богатаго дому... Тьфу,—она плюнула и, обернувшись къ Марфуткѣ, набросилась на нее:—Ты чего встала, разиня?.. разбирай пока стюдень, ка-а-была нагайская!..

— Воды нѣтути,—вяло и нехотя сказала Марфутка.—Вся изошла... Надыть съ ушатомъ на прудъ съѣздить...

— О, что бъ васъ,—закричала опять свекровь,—подогнали... Ну, съѣздій... да мотри скорѣича... не трепли таматка языкомъ...

— Овцу-то пока выгнать, что ли?—спросила Марфутка, надѣвая полушубокъ.—Куры не кормлены... Кинуть имъ овса горсть нешто.

— Мужики за овесъ-то лаютъ... И такъ не подохнутъ.

Она помолчала и какъ бы про себя спросила:

— Вотъ, чай, она языкомъ-то теперича трещитъ, а?..

Марфутка ничего не отвѣтила.

— Что молчишь, а?.. Така же шкуреха...

— И что лается и что лается,—качая головой, сказала Марфутка,—съ утра до ночи, съ утра до ночи... Кажинный Божій день... дня такого нѣтъ, чтобы ты не полаялась... Андельское терпѣніе надыть съ тобой... пра, ей-Богу.

Она взяла ковшикъ и, ворча что-то себѣ подъ носъ, вышла изъ избы.

VI.

Оставшись одна, старуха взяла было ухватъ и хотѣла сдѣлать что-то въ печкѣ, но, подойдя къ челу, опустила ухватъ рогачомъ на полъ и опершись на палку, задумалась, глядя, не моргая, на одну точку въ тлѣющихъ угольяхъ... Лицо ея поблѣднѣло... губы тряслись... по щекамъ текли слезы...

Постоявъ такъ довольно долго, она бросила ухватъ подъ печку и, смахнувъ рукой слезы, сѣла на скамью...

Въ избѣ стало тихо, тоскливо и жутко... Ягнята угомонились и лежали вмѣстѣ съ маткой на полу, подбившись ей подъ брюхо. Мальчишка сидѣлъ и разбиралъ какія-то тряпочки. Пламя лампадки вздрагивало и по временамъ потре-

скивало. На столъ выползло и забѣгало множество рыжихъ таракановъ-прусаковъ. За окнами шумѣлъ вѣтеръ, шелестя соломой.

Старуха тяжело вздохнула, перекрестилась и заговорила вслухъ, сама съ собою, излагая свои мысли.

— „Всѣмъ надоѣла... всѣмъ прискучила, — заговорила она.—„Лается", говорятъ... Будешь лаяться... Кабы не я— ни синя пороха не было бы... Вотъ издохну, тогда — какъ знаете... Все прахомъ пойдетъ... все!.. Кѣмъ все держится-то? Мной! Чей домъ то? Мой! Мы съ покойникомъ, со старикомъ, старались... Все въ домъ, бывалочка... все въ домъ... Кажинный грошъ подъ накотокъ... Дѣтей растили... вырастили вотъ... О, Господи Суси! Дѣти, дѣти, куда васъ дѣти?.. Почетъ-то мнѣ отъ васъ—словно шавкѣ... Аль ужъ я не ходила... ночей не досыпала, куска не доѣдала?.. О, Господи, каково материнскому-то сердцу?! Охъ-хо, хо!.. Вотъ пріѣдутъ ужо— пойдетъ война... Одинъ свое, другой свое... бабы... праздникъ вотъ подошелъ... гости... *тотъ*, гляди, придетъ... перерѣжутся... смертвоубійство произойдетъ... души нѣтъ...

Она какъ-то безпомощно жалко наклонила голову и, уставившись глазами въ полъ себѣ подъ ноги, задумалась...

За дверью, на мосту, вдругъ громко закричали испуганныя куры и кто-то глухо застучалъ о низъ двери, по ту сторону околачивая съ валенокъ снѣгъ. Старуха подняла голову...

Дверь отворилась и въ избу вошелъ съ мѣшкомъ на боку, съ корзинкой въ рукахъ, весь въ снѣгу, старый, красный, страшный какой-то, нищій-пропойца по прозвищу „Собачья нога".

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, крестясь.—Баушка, родная, здорово!.. Подайте Христа ради!..

И стаскивая пальцами съ усовъ сосульки и бросая ихъ на полъ, добавилъ:

— Погода поднялась—стрась...

Старуха молча поднялась съ мѣста, подошла къ столу, смахнула рукой тараканов, сказавъ при этомъ: „У, оглашенные!", отрѣзала ломоть хлѣба и подала его нищему.

— Прими Христа ради!..

— Спаси, Христосъ!—сказалъ нищій, кладя кусокъ въ корзинку и, потоптавшись еще, сказалъ:—Баушка, ты кусочки у меня не возьмешь ли?..

— Нешто курамъ,—сказала старуха,—а много ль?..

— Фунтовъ десять...

— Не знаю, у меня гривенникъ-то есть ли?..

— А ты мнѣ того... Поднеси мнѣ баночку, а?

— Можетъ, у тебя нѣтъ десяти-то фунтовъ?

— Вотъ на... гляди... свѣшай коли... Я за безмѣномъ къ Монаховымъ сбѣгаю,—говорилъ Собачья нога и пошелъ отъ порога къ столу, чертя по полу правой ногой точно циркулемъ, какіе-то полукруги. Подойдя къ столу, онъ поставилъ на него корзинку съ кусками и опять сказалъ:—Свѣшай, коли что...

— Ну вотъ? Я и такъ,—сказала старуха,—давай... сыпь вотъ въ передачку...

Она передала нищему посуду и стала глядѣть, какъ онъ началъ пересыпать изъ корзинки куски.

— Что это твоя невѣстушка-то у Утенковыхъ сидитъ,—сказалъ онъ, кидая куски разной формы, цвѣта и достоинства изъ корзинки въ передачку,—разливается, плачетъ...

— Нешто видѣлъ,—съ любопытствомъ спросила старуха, принимая отъ него полную кусковъ передачку и ставя ее на скамью,—постой... Я сичасъ... присядь, буде пока,—заторопилась она и, взявъ со стола чайную чашку, полѣзла въ подвалъ.

Собачья нога сѣлъ, досталъ кисетъ и, глядя, куда полѣзла старуха, мотнулъ головой и сказалъ про себя, улыбаясь:

— Ахъ, ядятъ те... Во винополія-то гдѣ!

— Накась! — высунувъ голову изъ подвала, сказала старуха.

— Что жа мало... не цѣльную?—принимая чашку и тутъ же жадно выпивъ изъ нее водку, сказалъ нищій.—Наливала бы полнѣй... За мной не пропадетъ... Я тебѣ еще настрѣляю къ ужотку.

— Такъ ты баишь, у Утенковыхъ моя-то?—не слушая его, вылѣзая изъ подвала, сказала старуха.

— Таматка!—отвѣтилъ Собачья нога, закуривая трубку.

— Что жъ она?

— Сидитъ... судакаетъ... бабы ржутъ, какъ кабылы на овесъ... Правда ль, нѣтъ ли—дѣлиться твои-то хотятъ?

— Это кто жъ те сказалъ?..

— Да опять же все она, Фроська... А ты не давай имъ воли-то... сынкамъ-то... пока жива... пошли ихъ... Микишка то, баютъ, спился вовси?..

— Господи! И все-то людямъ надыть,—съ горечью воскликнула старуха.

— А то какъ жа... пословица-то не мимо молвится: „хорошая-то слава лежитъ, а худая да-а-а-леча бѣжитъ"... Отъ худой-то славы, какъ корова отъ своего хвоста, не уйдешь.

— А у людей-то нешто слаще?—вымолвила старуха.

— Мало что у людей... Ахъ, чудная, нешто не знаешь,

людямъ-то про чужую бѣду поговорить все одно, что медку лизнуть... радуются...

Онъ помолчалъ немного, затянулся послѣднiй разъ, выпуская огромный шаръ вонючаго дыма, выколотилъ трубку объ заскорузлый ноготь на большомъ пальцѣ лѣвой руки и сказалъ:

— Избаловали вы свого Микишку... изгадили...

— Думали, родной, какъ лучше,—грустно и мягко сказала старуха.

— Думали!.. нечего думать-то было... напрасно все,—усаживаясь поудобнѣе и накладая новую трубку, заговорилъ Собачья нога,—отдать бы вамъ его въ тѣ поры въ мастерство въ какое ни на есть, въ года... Человѣкъ бы былъ! А то накось, послушали барыню: учить... то, се... пято-десято... Имъ что, богачамъ-то... имъ наплевать... забава... изгадили малаго да и бросили... барская милость, извѣсно,—кисельная сытость... Отбился онъ отъ хрясьянства-то... ни мужикъ, ни баринъ... до дѣла-то, до настоящаго, не дошелъ, а хорошей-то жисти попробывалъ, какъ котъ ежели, который слизнулъ разокъ сливокъ, такъ его и тянетъ опять слизнуть, а слизнуть-то негдѣ—не даютъ!

— Гдѣ ужъ нашему брату въ волки съ собачьимъ-то хвостомъ!.. Наше дѣло, живи—держись за землю... сытъ будешь... работай... ворочай... вотъ наше дѣло... гдѣ ужъ въ чужiе-то сани садиться... такъ-то, родная!.. Испить бы дала... соленаго не ѣлъ, а пить хотца, дай хучь кваску, коли водицы нѣту...

Старуха подала ему попить и заговорила, усѣвшись напротивъ его.

— Барыня-то въ тѣ поры, покойница, какъ яго возлюбила... души въ немъ не чаяла... „Миленькiй", „голубчикъ"—только и словъ... Деньги каки за яго ученье платила—не жалѣла... аки барченка водила... Мы-то радовались о ту пору... думали: Царица Небесная, матушка, на нашу долю, знать, счастье посылаетъ... Анъ вонъ ано дѣло-то како вышло... не продлилъ Господь матушкѣ-барыни вѣку... скоропостижно преставилась... и не думалъ никто... Ну, и пошло все подъ пору... Изъ ямназiи-то яго вонъ... потому срокъ пришелъ, платить надыть къ сроку, а платить-то некому... сродственники ейные, которые тѣ вовси отступились... „Мы, баютъ, этихъ дѣловъ не знаемъ"... Туды-сюды... такъ и взяли яго...

— Вотъ оно, дѣло-то какое, — сочувственно произнесъ Собачья нога,—ну!

— Ну, родной ты мой,—продолжала старуха, — и взяли яго сюды домой въ деревню... Пожилъ онъ тутатко лѣто...

шибко затосковалъ... Мускуротно ему посли эдакой-то жисти да, скажемъ, на мурцевку-то прямо... „Пойду, баитъ, я, матушкъ, въ Москву... поступлю на како ни на есь мѣсто... что мнѣ здѣсь-то... объѣдать-то васъ"... Что жъ, говорю, дитятко, иди съ Богомъ!

Старуха захлюпала и скрозь слезы продолжала съ дрожью въ голосѣ:

— Такой-то онъ умница въ тѣ поры былъ... красавецъ писанный... чисто—красная дѣвка... Снарядили мы яго по осени... опосля Покрова ушелъ онъ... Въ скорости письмо прислалъ... прописалъ въ письмѣ-то: „поступилъ, молъ, на мѣсто на чугунку въ писаря... мѣсто, прописалъ, хорошее и жалованья, вотъ какъ передъ истиннымъ не вру, сорокъ цалковыхъ положили... не малочка!.. Ну, и слава тебѣ, Господи, думаемъ,—попалъ, знать, парень на дѣло... Жить бы да жить... анъ, нѣтъ... врагъ-то сильнѣе насъ... врагъ-то, родной, горами качаетъ... Спознался онъ таматко съ дѣвкой съ одной... такъ, портниха непутевая... скружила его!.. Испивать сталъ... далѣ—болѣ... далѣ болѣ... свихнулся вовси... опустился... погрязъ... Бога забылъ... стыдъ потерялъ... А тутатко забастовки эти пошли... противу, ишь, сказать страшно, царя пошелъ... О, Господи, батюшка, говорить-то тошнехонько!..

— Да, вотъ они дѣла-то! — опять съ участіемъ произнесъ Собачья нога.—Не мимо, видно, пословица-то молвится: „окрѣпнетъ человѣкъ—крѣпче камня, ослабнетъ — слабжи воды".—И, помолчавъ, спросилъ:—Какъ яго это въ тѣ поры барыня-то взяла?..

— А вишь ты какъ дѣло-то было... Я тебѣ, родной, скажу... въ училища онъ въ Суслово въ тѣ поры бѣгалъ... давно ужъ это время было... А барыня-то, покойница, дневала и ночевала таматка... Ну, вотъ онъ, мой-то, ей и полюбился... всѣмъ, бывало, его гостямъ своимъ кажетъ... миловиденъ ужъ очень... И захотѣла она, сама баяла, въ люди яго вывести... Ну, и взяла отъ насъ!..

—Вотъ и вывела!—воскликнулъ Собачья нога,—эхъ-ма!..—И желая перемѣнить рѣчь на другое, спросилъ: — Въ долгъ не повѣришь стаканчикъ, а?..—и видя, что старуха не отвѣчаетъ, продолжалъ:—А у тебя, небось, деньжонки есь?.. Съ поконъ вѣку виннымъ дѣломъ балуешь...

— Каки, родной, деньги... откуда?..

— Помрешь—надѣлаешь грѣха, — продолжалъ Собачья нога, — перегрызутся изъ-за тебя твои соколы-то... Ай загодя кому откажешь?..

— Что это ты мнѣ смерть-то прочишь?—сердито отвѣтила старуха.

— Такъ я... къ слову... Мнѣ что? живи хоть сто лѣтъ.— И опять спросилъ:—Ну какъ же? дашь аль нѣтъ?.. отдамъ...

— Не отдашь?..

— Истинный Христосъ—отдамъ... я знаешь...—и, вдругъ перебивъ свои слова, торопливо и съ испугомъ сказалъ:— Что это, кто-то какъ мимо окна пробѣжалъ... Не горитъ ли... тѣнь мельканула...

Не успѣлъ еще онъ договорить, какъ въ избу съ крикомъ и воплемъ, запыхавшись со сбитымъ на головѣ платкомъ, вся красная вбѣжала Марфутка и завопила.

— Бяда у насъ!.. матушкъ, родима, бяда! Лошадь угнали... о, головушка моя горькая!..

— Каку лошадь?—оторопѣвъ, спросила старуха.—Что ты ополоумѣла?.. Окстись...

— Нашу лошадь,—завопила опять Марфутка, — кобылу гнядую... о-о-о, батюшки-свѣты!.. Въ городѣ отъ трактира угнали... наши-то пьянчуги-то нажрались...

— Не иначе—цыганы,—вступился Собачья нога,—вопче они этимъ дѣломъ занимаются... А тебѣ кто, молодка, сказывалъ-то?.. Може, врутъ...

— Митрій... воду я черпала на прудѣ, а онъ изъ городу ѣдитъ... Баитъ... такъ и такъ угнали... Что жъ эта такоича, Вла-а-дычица! Какъ еще меринъ-то цѣлъ остался...

— Царица Небесная, матушка, — въ свою очередь завопила старуха, уразумѣвшая и повѣрившая, наконецъ, случившемуся факту.—Что жъ эта за напасть за такая на насъ для праздника?..

— Да, — опять вступился Собачья нога, — Митрій зря врать не станетъ.

— Побѣгу я къ нему... узнаю! — торопливо одѣваясь, сказала старуха...

— Хорошенько бы одѣвалось-то,—сказалъ ей въ слѣдъ Собачья нога.—Погода стр-а-сь поднялась.—И обратившись къ Марфуткѣ и видя, что она не унимается, плачетъ, сочувственно, въ видѣ утѣшенія, произнесъ:—А ты не плачь... можетъ, найдется...

— Гдѣ найтись!—еще пуще заревѣла Марфутка и какъ корова повалилась животомъ на скамью.—Батюшки-свѣты... О-о-о! о-о-о!!.

— Н-н-да!—глядя на нее, глубокомысленно произнесъ Собачья нога и, помолчавъ опять, продолжалъ:—Н-н-да дѣла!.. Прощай покеда... Стакашикъ-то мой завылъ, знать... Н-н-да! бяда-то, знать, не по міру ходитъ, а по людямъ... Охъ, хо, хо!..

И взявъ корзинку, перекрестился и пошелъ къ двери, чертя, какъ и давеча, хромой ногой, точно циркулемъ, по полу полукруги...

VII

До самаго вечера въ избѣ у Гоглевыхъ шелъ шумъ, крикъ, брань, слезы...

Къ вечеру мало-по-малу стихло... зажгли лампу... старуха залѣзла на печку, бабы, отъ нечего дѣлать, стали прясть...

Въ избѣ прибралось... Около печки лежали приготовленные для „паренья" вѣники и нѣсколько сноповъ ржаной соломы... Ждали мужиковъ... Пріѣдутъ, перво-наперво париться полѣзутъ въ печку, а потомъ пить чай сядутъ...

Ярко вычищенный самоваръ былъ „загодя" налитъ водой и стоялъ на скамьѣ въ какой-то выжидающе-ухарской позѣ, точно пьяный мужикъ, подпершій „руки въ боки"... Около него лежали, приготовленныя для разводки, мелко нащипанныя лучинки... По вымытому полу до половины избы, начиная отъ порога, была разослана солома... Передъ иконами ярко теплилась и потрескивала лампадка-голубокъ...

Бабы сидѣли молча со злыми и скучными лицами. Въ избѣ было тихо, а за окнами на улицѣ стояла тьма кромѣшная и разыгралась непогода. Вѣтеръ жалобно, точно жалуясь и крича что-то злое, особенно сильно вылъ въ трубѣ, пугая лежащую на печи старуху и рисуя ей всякіе ужасы.

— Выдь, послушай!—то и дѣло кричала она съ печки,— не ѣдутъ ли?.. Фроська! тебѣ сказываю... ай оглохла.

— Чего ходить-то?.. Сичасъ была... нѣту... не слыхать...

— Да выдь!—опять закричала старуха,—може, не кричатъ ли гдѣ... не сшиблись бы грѣшнымъ дѣломъ... выпимши, небось... погода-то, знать, не утихаетъ... чу, какъ въ трубѣ воетъ—инда жуть беретъ... не замерзли бы грѣхомъ... Чтой-то, Господи Суси, николи я и не помню, чтобы объ эту пору таки морозы-вьюги стояли... Зима настоящая...

— Они, дьяволы, таматка, чай, и думать-то позабыли,— со злостью сказала Фроська,—чего имъ!.. Налакались, небось... налили бѣльмы-то... имъ не дуетъ!..

— Да выдь кака-нибудь!—опять закричала старуха,— суки... пра, ей-Богу.

— Отвяжись ты, зуда непокойная!—сказала Марфутка,— ишь на тебя и ночи-то нѣту... Ну, сичасъ выду!..

Она накинула на плечи полушубокъ и вышла за дверь...

— Выходи, не выходи,—сказала ей вслѣдъ Фроська,—а кобылы-то нѣту... проворонили... Вотъ такъ прибыль! Вотъ такъ радость для праздника!

— Ты чего таматко?—крикнула съ печи старуха,—не слыхать... Чего ворчишь, шавка?..

— А ну тебя къ чертовой матери, — злобно сказала

Фроська,—издыхала бы таматко, старая псовка!.. Подыхать пора, а она все лебездитъ...

Въ избу вошла Марфутка.

— У-у у!—потирая руки, сказала она,—студено стра-а-сь!

— Ну, что?!—крикнула старуха.

— Ничего... погода... воетъ... ни синя пороха не видать, а въ лѣсу, за овинами, слыхать, такъ и гудетъ... страсти Господни!

— Замерзнутъ...

— А дери ихъ, чортъ!—крикнула Фроська,—наплевать... замерзнутъ... туда и дорога!..

— Не воскреснешь безъ нихъ-то,—сказала Марфутка.

— Ну да, не воскреснешь!.. Пойду въ Москву на мѣсто... эхъ!..

— А щенокъ-то?..

— И щенка возьму... Нешто съ дѣтьми-то не живутъ?..

Марфутка ничего не отвѣтила и сѣла опять на старое мѣсто за гребень...

Въ избѣ стало тихо... Бабы долго сидѣли молча, каждая думая свои думы и чутко прислушиваясь ко всякому стуку на дворѣ и вою вѣтра.

— Жуть! — наконецъ, поднявъ голову, сказала Марфутка.

— Ты что это?.. — отозвалась Фроська, точно проснувшись.

— Жуть, сказываю, на воли... воетъ... инда боязно... вотъ ежали...

— Стой!—перебила ее Фроська,—и обѣ замерли, слушая.— Никакъ пріѣхали?—шопотомъ добавила она.

— Кажись!—также шопотомъ и съ испугомъ въ голосѣ отвѣтила Марфушка.

— Вздувай скарѣича огонь!—заволновалась, вскочивъ съ мѣста, Фроська,—гдѣ фанарь-то? куды его засунули?

— Да вонъ онъ на брусу-то!.. не видишь... бѣшаная!

— Аль пріѣхали?!—крикнула съ печи старуха.

— Простилъ Богъ!—съ ироніей отвѣтила ей Фроська и побѣжала съ фонаремъ къ двери.

— Самоваръ-то разводи! — крикнула она на ходу Марфушкѣ,—можетъ, прямо за чай сядутъ... чертъ ихъ принесъ!!...

VIII.

На улицѣ было темно, вѣтряно и холодно... Сухой снѣгъ, подгоняемый воющимъ и точно кричащимъ на него вѣтромъ, несся съ поля на деревню и бѣшенно, найдя преграду сво-

ему бѣгу, кружился около овиновъ, заборовъ, дворовъ, наметая повсюду бѣлые и плотные гребни...

На крышѣ рвалась и шуршала солома... растущая противъ избы Гоглевыхъ рябина жалобно трепыхалась и билась въ потемкахъ, какъ птица крыльями...

Вѣтеръ дулъ порывами, точно кто-то огромный, сильный и страшный дышалъ во тьмѣ, то на минуту затихая, какъ будто набирая въ себя воздухъ, то, вдругъ, набравъ его сколько надо, съ какой-то злобною силою выдыхалъ...

Выскочивъ за дверь на мостъ, Фроська услыхала за воротами ругательства и прошептала про себя:

— Пьяные, черти, пріѣхали...

— Отпирайте!.. дья-я-волы... передохли вы тамъ, что ли?!— раздался грубый сиплый мужицкій ревъ за воротами...

— Сичасъ! — закричала Фроська, — чай, слышимъ... не оглохли...

И сбѣжавъ съ моста, она отперла калитку на крыльцо, свѣтя фонаремъ.

Налѣво за крыльцомъ, касаясь мордой тесинъ воротъ, стояла, наклонивъ голову, тяжело дышащая лошадь, а около дровней, по ту сторону ихъ и по эту, неловко путаясь въ длинныхъ кафтанахъ, полы которыхъ раздувало вѣтромъ, какъ два медвѣдя, топтались мужики...

— Гармидонъ, Петра, вы штоличка?.. идите въ избу-то!— крикнула Фроська, высоко въ уровень съ своимъ лицомъ держа фонарь.—Мы отпряжемъ... Чай, иззябли до смерти?.. Ишь кака-то стужа.—И помолчавъ, какъ-то язвительно, удивленно спросила:

— А кобылу-то, знать, въ городѣ оставили... загнали, знать, съ кладью-то?..

— Не идетъ, дьяволъ,—отвѣтилъ ей на это одинъ изъ мужиковъ и выругался,—бросили на постояломъ... извѣсно— кобыла—не лошадь... грошъ ей цана, волкъ е заѣшь... Иди, Петра, бабы отпрягутъ... Изъ дровней-то мотри все выбери,—сказалъ онъ, опять обращаясь къ Фроськѣ,—покупки таматко къ празднику... водка... не расшиби, спаси Богъ...

Фроська посторонилась съ фонаремъ, и оба мужика, тяжело дыша сильнѣйшимъ „перегаромъ", прошли мимо нее въ калитку на мостъ.

— Пьяницы, лѣшманы! — со злостью подумала она, не смѣя сказать этого вслухъ.—Ишь разитъ, дери васъ чортъ, словно изъ бочки... Высылайте таматко Марфушку!—крикнула она и, захлопнувъ калитку, пошла на дворъ, чтобы вытащить длинный запоръ и отворить ворота...

IX.

Мужики вошли въ избу, сбросили съ себя кафтаны, сняли полушубки и остались въ однѣхъ красныхъ кумачевыхъ рубашкахъ.

Марфушка озабоченно, со страхомъ въ глазахъ, подбѣжала къ порогу, схватила голикъ и обколотила имъ у нихъ съ валенокъ снѣгъ.

— Иди къ Фроськѣ,—сказалъ ей одинъ изъ мужиковъ,—распречь поможешь... да не мѣшкайте таматко... Ужинать готовьте... смерть жрать хотца...

Марфушка ушла... Мужики молча сѣли къ столу.

Лица у нихъ были злыя, красныя, опухшія отъ водки.

Въ Москву они возили уголь въ кульяхъ и угольная пыль „патья", не успѣвшая отстать, лежала на ихнихъ лицахъ пятнами, по щекамъ, около глазъ и на шеѣ. Шеи у обоихъ были толстыя, короткія, гладкія... Оба они были коренастые, жилистые, сильные...

Въ особенности отличался шириною плечъ и какимъ-то особеннымъ нехорошимъ, злобнымъ блескомъ глазъ, окруженныхъ угольной пылью, старшій Фроськинъ мужъ Доримедонтъ или—какъ его звала Фроська—Гармидонъ. Въ этомъ мужикѣ чувствовалась сила, упрямство страшное и злость... Его огромныя, толстыя, жилистыя, обросшія волосами руки съ короткими точно обрубленными пальцами, выглядывали какъ-то особенно страшно, точно лапы медвѣдя, которыя вотъ-вотъ опустятся на голову и сорвутъ черепъ, какъ маковую головку со стебля...

Оба мужика были съ похмѣлья и это вмѣстѣ съ неотступнымъ воспоминаніемъ о пропажѣ лошади еще больше злило ихъ... Они молча, насупившись, сидѣли, глядя въ полъ и, казалось, оба ждали еще чего-то непріятнаго, неизбѣжнаго, что еще больше должно было разозлить ихъ.

А это „неизбѣжное" уже глядѣло на нихъ съ печи, свѣсивъ голову, и точно хотѣло съѣсть ихъ глазами, выбирая только, съ котораго начинать...

— Анафемы,—наконецъ, заговорила старуха дрожащимъ отъ злости голосомъ, въ которомъ слышались слезы,—идолы проклятые... Гдѣ кобыла-то, а? прожрали, черти, притка васъ расшиби!

— Ничего не прожрали,—дерзко и вызывающе, сверкнувъ глазами по направленію къ печкѣ, отвѣтилъ Гармидонъ.—На постояломъ оставили... не идетъ, дьяволъ, хучь убей... ужъ мы и такъ и сякъ... нѣтъ... подохнуть бы ей... не жалко!..

— Самъ-то бы ты подохъ, гладкай песъ, пьяница,—закричала старуха—легши бы было!.. ахъ, вы, проклятенные!

а, что надѣлали! Срамъ-то какой на всю округу... Стыды головушки! Диви бы мальчишки каки, а то нако поди—тяти дѣтямъ! Что теперича люди-то станутъ баить, а?..

— Что, что, а намъ наплевать! говорю: на постояломъ... не пропадетъ... не мѣшокъ съ золотомъ...

— Врешь!—закричала старуха и слѣзла съ печи растрепанная, сѣдая, страшная, какъ какая-нибудь фурія.—Врешь!—повторила она, наступая на нихъ.—Не на постояломъ, а отъ трактира угнали... люди-то врать не станутъ... Въ трактирѣ вы сидѣли, лопали водку... чтобъ вамъ подохнуть, проклятымъ!.. Кобыла-то дороже васъ... она на худой конецъ—четвертной билетъ... кому не надыть—дадутъ...

— Ба-а-лтай не дѣло-то,—отвѣтилъ Гармидонъ,—четвертной билетъ...! хы... разскажи, какъ ты женился!.. за шкуру дадутъ рубля три... ну, отъ силы пять... графскимъ собакамъ на стерво...

— Самъ-то ты стерва!—набросилась опять на него старуха.—Эдакое дѣло, а онъ хучь бы што... и ухомъ-то не ведетъ словно и не его дѣло...

— Что жъ намъ теперича? разорваться, что ли... Кобыла... найдется! Погоди уже, опосля праздника и найдемъ... У насъ, что ли, у однихъ угоняютъ-то...

— Намедни у Блохи угнали,—поддержалъ его Марфуткинъ мужъ Петра.—Ничего не попишешь!.. разя доглядишь... ругай не ругай—изъ-за пазухи не вынешь...

— Тьфу!—плюнула со злостью старуха и опять полѣзла на печку.—Черти безстыжіе... хучь плюй въ глаза—все Божья роса... У людей праздникъ, а у насъ—како поди...

— Погоди, вотъ твой Микишка придетъ на праздникъ-то,—крикнулъ ей вслѣдъ Гармидонъ,—безъ партокъ, а въ шляпѣ... Онъ же кобылу купитъ... у него деньги-то даровыя... награбилъ, чай, по забастовкамъ-то... хо, хо, хо!..

— Что ты меня Микишкой-то каришь,—заговорила съ печи старуха.—Микишка, Микишка... Микишка—пьяница, а почтительнѣй васъ къ матери-то...

— Ну и ладно!—огрызнулся Гармидонъ.—Такъ, такъ, такъ...—разскажи, какъ ты женился!.. да какого чорта бабы-то нейдутъ?—перемѣнилъ онъ рѣчь.—До утрева ждать ихъ... въ печку лѣсь надыть... Крикни имъ!—обратился онъ къ Петру.

Петръ всталъ, подошелъ къ двери, отворилъ ее и крикнулъ:

— Эй вы, лахудры, скоро ли?..

— Сичасъ!—раздался голосъ со двора.

Петръ отошелъ отъ двери и опять сѣлъ на старое мѣсто.

— Выпьемъ, что ли, по банкѣ, а?—сказалъ Гармидонъ,—передъ ужиномъ-то... издыхать теперича самдѣли, что ли... дапра, ей Богу!..

Петръ молча кивнулъ головой.

X.

Бабы начали вносить въ избу покупки... Селедки, завернутыя въ толстую синюю „сахарную" бумагу, сквозь которую просачивался рѣзко какъ-то и непріятно пахнувшій сокъ; рыбу „самовину"; пудъ бѣлой муки въ длинномъ мѣшочкѣ съ краснымъ клеймомъ на боку; баранокъ двухъ сортовъ: сдобныхъ и простыхъ; чай, сахаръ, масло подсолнечное въ жестянкѣ и двѣ четверти водки...

Все это они молча, съ лицами, на которыхъ не было признака хотя бы какого-нибудь удовольствія или радости, клали, гдѣ попало—и на столъ, и на скамью.

Старуха, свѣсивъ голову, зорко слѣдила съ печи за ними, что-то ворча себѣ подъ носъ и шевеля губами...

— Ужинать, что ли, станете, али сперва въ печку полѣзете?—спросила Фроська, переносивъ покупки въ избу.—Самоваръ пока поспѣетъ... Чай-то, небось, попарившись пить станете?

— Давай ужинать,—отвѣтилъ Гармидонъ,—сбирай... успѣемъ въ печку-то... Дакась сюды вино-то... не грѣхъ и выпить съ устатку...

— Завтра успѣете,—произнесла Фроська.

— Н ну!—крикнулъ на нее Гармидонъ.—Аще что?.. въ морду захотѣла, лярва!.. Давай—коли велю... Заучили, че-е-рти!..

— Да по мнѣ хучь облопайся,—сказала Фроська, подавая бутыль-четверть.—Наплевать-то я хотѣла.

— То-то наплевать... Смотри, баба, знай край, да не падай...

— Чего мнѣ смотрѣть-то, чего мнѣ смотрѣть-то?!—завизжала вдругъ Фроська, точно сорвавшаяся съ цѣпи собака,—ай я каторжная, кака далась вамъ?.. Свекровь поѣдомъ-ѣстъ цѣльный Божій день съ утра, какъ только глаза продеретъ, ты лаешь... да чтожъ это такоича за жисть?.. Владычица...

— Ну, тебя не съѣшь,—наливая изъ четвертной въ чайную чашку водки, сказалъ Гармидонъ.—Отъ семи собакъ отгрызется... Пей, Петра...

— Все не такъ, какъ у людей,—плаксиво кричала Фроська,—какъ собака кака живешь... ни ти радости, ни ти веселья... одни матюги слышишь... сладкому куску не

радъ... въ глотку не лѣзетъ... Гдѣ вотъ кобыла-то?.. люди-то сказывали... не закажешь говорить-то... пьяницы!..

Гармидонъ схватилъ вдругъ со стола чашку, изъ которой только что Петръ успѣлъ выпить водку и съ перекосившимся отъ злости лицомъ швырнулъ ею въ Фроську...

Фроська, очевидно, видавшая эдакіе „порывы" раньше, успѣла какъ-то пригнуться, присѣсть, и чашка съ трескомъ разбилась объ печку.

— Убью! — прохрипѣлъ Гармидонъ.

— Ну, убей, ну, убей!—закричала еще шибче Фроська.— Туда и дорога! по крайности одинъ конецъ... ну, убей!., бей бей!.. ну, бей! идолъ толстомордый... песъ! собака!

— Тьфу!—плюнулъ Гармидонъ и, наливъ въ другую чашку водки, съ жадностью выпилъ.

— Облопаешься, чертъ!.. облопаешься когда-нибудь, — крикнула Фроська,—пьяница... злая рота!..

— Я—злая рота! — заревѣлъ вдругъ дикимъ голосомъ Гармидонъ.—Я—злая рота... ахъ, ты!..

Онъ вскочилъ съ мѣста и, поймавъ Фроську, схватилъ ее лѣвой рукой сзади за голову, началъ правой бить кулакомъ „по ушамъ".

Фроська дико закричала, забилась и начала кусаться зубами...

На печкѣ завыла старуха, заплакала Марфутка, запищалъ проснувшійся ребенокъ...

XI.

Наконецъ, онъ бросилъ ее и сѣлъ весь, трясясь, съ налитыми кровью глазами...

— Убью когда-нибудь!—задыхаясь, проговорилъ онъ.— Изъ поганаго ружья застрѣлю, истинный Господь!

— Взялъ да убилъ!—огрызнулась, всхлипывая, Фроська,—взялъ да убилъ... отъ тебя только и жди... отъ разбойника!.. жикетку обѣщался купить... купилъ!.. хуже всякой самой послѣдней нищей хожу отшмалкой... скоро въ храмъ Господній не въ чемъ будетъ выдти...

— Молчи!—опять неистово заревѣлъ Гармидонъ.

— Да будетъ тебѣ, идолъ!—закричала, соскакивая съ печи, старуха и, соскочивъ, замахала на него руками.—Проклятые! хучь бы стѣнъ-то постыдились... завтра какой день-то?.. А ты, змѣй, не лѣзь къ нему,—накинулась она на невѣстку.—Не лѣзь на рожень... молчи... молчи, говорю!.. собирай ужинать...

— Они, дьяволы, лошадей пропивать станутъ, изъ дому тащить, пьянствовать, драться, а я—ходи за ними!?—опять за-

визжала Фроська:—Тьфу, вотъ вамъ что... драться-то не велятъ то же... опять же я тижолая... за что онъ меня... ай я ему кака далась... заведи себѣ шкуреху да и измывайся надъ ней, а я вотъ плюну, возьму да уйду...

— Такъ и ушла одна такая!—проворчалъ Гармидонъ.— Дура баба, молчала бы... Я твой царь, я твой богъ... Вышебу паръ изъ тебя и отвѣчать не стану... Ха-а-лера! Быть бы тебѣ барыней, да отецъ пастухъ...

— Я, небось, не корова... у коровы паръ-то,—заливаясь слезами, обиженно произнесла Фроська.—Вышибало какой!..

— А ну те къ черту!—махнулъ рукой Гармидонъ и, обратившись къ старухѣ, сказалъ: — Собирай хучь ты, мамкъ, намъ пожрать Христа ради...

Старуха молча полѣзла въ печку и собрала ужинать. Мужики перекрестились и сѣли за столъ. Гармидонъ налилъ еще по чашкѣ водки. Ѣли молча, хмурясь и не глядя другъ на дружку...

Что-то гадкое, какое-то невѣдомое, страшное чудовище, казалось, сидѣло вмѣстѣ съ этими людьми и злобно наслаждалось, глядя на нихъ.

Ужинъ былъ сытый и обильный. Кончивъ его, мужики, отдуваясь, икая, съ покраснѣвшими лицами, вылѣзли изъ-за стола и, покуривъ, начали разуваться...

Марфутка открыла заслонку у печки, взяла снопъ соломы и разостлала его по полу... Другой снопъ она разостлала по полу, около печки и сказала:

— Ну, парьтесь... Кто у васъ напередъ-то полѣзетъ?..

— Лазай ты, Петра,—сказалъ Гармидонъ,—а я пока, малымъ дѣломъ, на печкѣ поваляюсь...

Петръ раздѣлся до гола и, не обращая никакого вниманія на бабъ, точно это были какіе-то чурбаны, крякти влѣзъ въ печку.

— Заслонь-ка!—сказалъ онъ оттуда.

Марфутка подала ему вѣникъ и закрыла печку заслонкой...

— Ого-го-го! Ого-го-го! — раздалось вскорѣ оттуда ржанье, похожее на ржанье жеребца и вслѣдъ за этимъ, немного погодя, окрикъ:

— Открывай!..

Марфутка открыла заслонку... Красный, какой-то страшный, съ приставшими къ тѣлу листками отъ вѣника, выскочилъ изъ печи Петра и, схвативъ приготовленное Марфуткой ведро съ водой, побѣжалъ на дворъ „окачиваться"...

„Окатившись", онъ снова полѣзъ въ печку, потомъ опять сбѣгалъ „окатился" и послѣ этого уже, заставивъ бабу „потереть спину", снова окатился и сталъ одѣваться.

Послѣ него, точно такимъ же маneромъ „слазалъ" Гармидонъ, а ужъ послѣ Гармидона полѣзали бабы...

Когда, наконецъ, эта процедура кончилась, Марфутка „подогрѣла" успѣвшій заглохнуть за это время самоваръ и когда онъ „поспѣлъ", вся семья усѣлась къ столу пить чай...

XII.

— Насыпь!—сказалъ Петръ и кивнулъ на четвертную.— Опосля бани-то оно того... гожа...

— Слопаете все до праздника-то,—сказала старуха.—Завтра, чай, гости придутъ... Опять въ храмъ Божій сходить надыть... небось хрященые...

Мужики промолчали.

— Сваты пріѣдутъ,—продолжала старуха.—Сватья Степанида... Попъ придетъ... Да мало ли!..

— По деревнѣ-то теперича какъ въ колоколъ бьютъ про лошадь,—перебила ее Фроська,—тьфу!..

— Люди рады,—вымолвила Марфутка.

— Да ужъ что говорить,—добавила старуха,—страмота!..

— Пущай болтаютъ,—сказалъ Гармидонъ,—мнѣ наплевать!.. Моя лошадь... Я купилъ, я и пропилъ... Другую заведу, не эдакаго дерьма... Саней жалко да сбрую, а лошадь— наплевать...

— Проплюешься эдакими кусками,—сказала старуха.— Богачъ какой, подумашъ...

— Можетъ, найдется,—вступился Петръ.—Мы явки подали... сами опосля праздника поѣдемъ... поищемъ...

— Нашелъ одинъ такой,—сказала Фроська.—Гдѣ ужъ найтить... не за этимъ взяли... у тебя одна дорога, а у нихъ— десять ищи...

Всѣ опять помолчали.

— Микишку-то взаправду видѣли, анъ врете?—спросила старуха.

— Видѣли!—угрюмо произнесъ Гармидонъ и добавилъ:— Злая рота... вотъ это такъ страмота!

— Неужли придетъ?..—крикнула Фроська.

— А что эна постыдится, ты думашь, что ли... Знамо дѣло, придетъ,—сказалъ Петръ.—Ему все едино... у нихъ стыда нѣту... ни въ Бога, ни въ царя не вѣраютъ... Забастовщики проклятые!.. развелось ихъ—конца краю нѣтъ... вѣшаютъ, чертей, да мало... Воли захотѣли, сволочи, слабоды...

— Заступница у него тутатко есь,—опять угрюмо произнесъ Гармидонъ.—Знаетъ!...

— Кака заступница? кака заступница? — заволновалась старуха.—Сказывай, кака?!

— Кака, кака! — передразнилъ ее Гармидонъ,— извѣсно, кака... ты!.. Придетъ,—продолжалъ онъ,— а у насъ гости... не гнать же... совѣстно противу людей... нищему подносишь, а ему какъ не поднесь?

— Устроитъ свару, — сказала Фроська, — моргай глазами-то...

— Ну, не устроитъ! — помолчавъ, воскликнулъ Гармидонъ. — Не-е-бось!.. Коли что начнетъ гардыбачить прямо, истинный Господь, за глотку... Живо управлюсь—какъ поваръ съ картошкой...

— Побудетъ денекъ да и уйдетъ, — сказала старуха. — Чего вы испугались-то больно?

— Сунешь яму, ну, и уйдетъ, — язвительно вставила Фроська.

— Молчи ты, псовка!

— Наторговала на винѣ-то, небось? — опять сказала Фроська.

— А тебя завидки берутъ, а?.. гладкую...

— Не глаже тебя... тьфу!.. типунъ те на языкъ..

— Молчи!—крикнулъ на нее Гармидонъ и, помолчавъ, заговорилъ, обращаясь къ матери:

— А ты, мамкъ, взаправду полегши бы съ виномъ-то... ужъ и такъ вездѣ говорятъ... прямымъ лицомъ идутъ словно въ казенку... „давай"... Вляпаешься, мотри... и насъ-то изъ за тебя не похвалютъ... Да ужъ словно бы и противъ Бога... грѣхъ на старости лѣтъ такимъ дѣломъ заниматься... Что ты, аль съ голоду мрешь? перекусить нечего?.. разута, раздѣта, неухоглена? дѣти малые, семеро по лавкамъ?.. Ну, другое дѣло—вонъ Ѳедумыча солдата въ Осиновкѣ взять, одинъ...

— Да что ты меня, песъ ты эдакой, учить-то вздумалъ,— разсердившись, закричала старуха. — Кто ты такой противу меня, а?.. дерьмо мое... щенокъ... тьфу тебѣ въ бѣльмы-то! заучили... ай я глупѣй тебя, съ твое-то не смыслю?.. Вырости вотъ своихъ щенятъ да и учи... нако поди—ростила, ростила, ходила, ходила... въ задъ-то тебя лизала, лизала, а онъ накося—учить меня началъ... Да я боли забыла, ничѣмъ ты знашъ...

— Будешь яго водочкой попаивать,—вставила Фроська.

— Яго, яго! — передразнила ее старуха. — Не увижу я, каки у тебя сынки будутъ... вырости вотъ, стерва, попробуй... разбойниковъ выходишь, какъ сама разбойница... Мать въ отца, отецъ во пса, вся семья въ бѣшаную собаку...

— Чего ты каркаешь-то? Подавиться бы тебѣ.

— Молчи!—опять крикнулъ Гармидонъ!

— Чего мнѣ молчать то! — въ свою очередь закричала Фроська. — Житья мнѣ отъ нее нѣтъ, отъ суки... заѣла... Нонче цѣльный день жавала, жавала... Да что я ей далась, самдѣли... Кха мнѣ на нее... харкнуть да ногой растереть... Дѣлись! —закричала она еще шибче.—Дѣлись!. Пущай она съ Петрой вонъ живетъ да съ Марфуткой, а мы одни... не хочу я... удавлюсь! вѣ бѣги уйду!..

Она кричала все шибче и шибче и до того обозлилась, что у ней наконецъ, по угламъ рта показалась бѣлая пѣна... Лицо ея было страшно... глаза бѣгали и искрились... духъ злобы совсѣмъ забралъ ее въ свои когти и потѣшался надъ нею.

— Вотъ чорта-то приняли къ себѣ въ домъ... Окстись, дьяволъ! — почти съ испугомъ сказала старуха и замахала на нее руками, точно отбиваясь отъ пчелъ...

— Охъ-хо-хо! – вымолвилъ все время молчавшій Петръ.— Н-н-да дѣла!.. Марфуткъ, стелика съ спать. . Н-н-да!..

— Вотъ и все у насъ такъ-то... кажинный Господинь день, — сказала Марфутка, вылѣзая изъ за стола. — И чего дѣлимъ—сами не знаемъ... У людей поглядишь—Божья благодать въ дому: тихо, смирно, сердце радуется, а у насъ, прости Господи, хуже острога...

— А кто здѣся хозяинъ?! — заволила опять Фроська.— Хозяина здѣся нѣту... Одинъ такъ, другой эдакъ, третій такъ... не знаешь, кого и слушать... тьфу...

— Да чего тебѣ недостаетъ то, псовка ты смердящая, чего тебѣ хотца-то, ты скажи.

— А того и хотца, что хозяйкой хочу быть, — задорно крикнула Фроська. — У печки хочу быть... не у тебя подъ началомъ... можетъ, ты аще нивѣсь сколько проживешь, а я все терпи... трусь, погодишь! Накося вотъ чего!.. выкуси!.. харкнуть тебѣ вотъ въ рожу-то твою кабацкую!

— Молчи! — опять заоралъ Гармидонъ и ударилъ кулакомъ по столу.—Кому я говорю, а?..

Старуха заплакала и тоже, какъ и Марфутка, вышла изъ за стола.

— Спасибо вамъ, сынки,—заговорила она, забираясь на печку, какъ побитая собака въ свою конуру. — Спасибо... дождалась... унять не могутъ, а?.. скажите, люди добрые... вотъ какъ пошло, а?... ахъ я, горькая моя головушка!.. а-а-а! ба-а-тюшки, родимые... подохнуть бы мнѣ... будьте вы прокляты... а-а-а!..

— Завыла, шавка!—сказала Фроська.

Гармидонъ насупился, но ничего не сказалъ, какъ будто не слыхалъ, что она сказала.

— Спать, что ли, ляжешь?—спросила Фроська.

— Нѣтъ, плясать пойду... дура, чортъ... балаболка... стели!..

Обѣ бабы постелили на полу въ разныхъ мѣстахъ соломы, бросили на солому тонкіе, грязные, какъ портянки, постельники, такія же подушки, дерюжину одѣться сверху— и мужики, глядя на иконы, поболтавъ что-то про себя и торопливо нѣсколько разъ перекрестившись въ уголъ, завалились спать...

Бабы потолкались еще немного, прибираясь въ избѣ, потомъ точно такъ же, какъ и мужики, „помолились", притушили огонь въ лампѣ и завалились спать.

XIII.

Утромъ по случаю престольнаго праздника, принесшаго съ собой множество хлопотъ бабамъ въ видѣ уборки, стряпни, мытья и т. п., поднялись „чѣмъ свѣтъ", т. е. часу въ четвертомъ...

Мужики проснулись и лежали, подложивъ подъ головы руки, хмурые, злые, съ головной болью и съ тяжелыми мыслями, припоминая вчерашнее...

Вставать имъ не хотѣлось—да и не зачѣмъ... Чай пить нельзя: надо говѣть до конца обѣдни... выпить—„поправиться" неловко... въ церковь надо идти... скажутъ: „до свѣту налакались"... Надо, значитъ, лежать и терпѣть...

Но и лежать имъ не пришлось долго... Бабы отворили дверь и пустили въ избу овцу покормить ягнятъ, которые ночевали дома подъ скамейкой...

Въ отворенную дверь хлынулъ въ избу холодъ и, какъ паръ, разастлался по полу...

— О, чтобъ васъ! — сказалъ Гармидонъ и поднялся.— Вставай, Петра, видно, ужъ дѣлать нечего... Прохватило ихъ... пойдетъ теперича... Завязывай глаза, да и бѣги изъ избы...

— На улицѣ-то, знать, студено?—спросилъ Петръ, поднимаясь съ своего логовища.—Гляди, окны какъ запушило...

— Вы какъ къ обѣднѣ-то... пѣши аль поѣдете?—спросила старуха.—Нетрогъ и бабы ѣдутъ... я одна управлюсь коли что... только скотину уберите...

— На чемъ ѣхать-то?—сказала Фроська.—Тебя, что ли, замѣстъ кобылы запречь?

— Ты хучь, бѣзстыжіе твои бѣльмы, для праздника-то помолчала бы...

— Чего жъ молчать?.. Я говорю, на чемъ ѣхать-то, а?..

Мужики молчали и сердито хмурились. Фроська вызывающе, съ гадкой усмѣшкой на тонкихъ губахъ, какъ-то

особенно приподнявъ голову, точно змѣя изъ травы, глядѣла на нихъ...

— Вонъ хозявы сидятъ, — продолжала она,—знаютъ... ха, ха, ха!.. празничекъ Христовъ... справили... въ радости... въ приболи...

— Что жъ вы лампадку-то не поправите, дуры,—перебивая ее, сказалъ Гармидонъ и, поднявшись съ мѣста, полѣзъ „поправлять" лампадку. — Только о своемъ мамонѣ помните, — продолжалъ онъ, — а про Бога забыли... Ему, батюшкѣ, не надыть...

— Куды ты полѣзъ-то, песъ,—закричала старуха и бросилась къ нему.—Куды ты, лѣшай, прости Господи, съ погаными-то лапами... умойся допрежь... тьфу и что за идолы за такіе .. диви нехрященые...

Гармидонъ сконфузился и отошелъ на старое мѣсто.

— Не погани васъ,—сказалъ онъ и, помолчавъ, опять сказалъ:—Скоро, поди, ударютъ къ заутрени... Пойдешь ты, Петра?..

— Какъ же не итти?.. Надо итти,—отвѣтилъ Петръ.

— Сряжайтесь-ка и правда, — сказала старуха. — Чего разсѣлись... безъ васъ просторнѣй...

Мужики стали „сряжаться" въ церковь... Умылись, надѣли чистыя красныя рубахи, новые суконные портки, „гамбургскіе" вычищенные ваксой сапоги съ резиновыми ботиками, синія изъ хорошаго сукна поддевки... Помазали на головѣ волоса деревяннымъ масломъ, расчесались и, надѣвъ шапки, вышли изъ избы...

XIV.

На улицѣ было тихо, темно и морозно... По избамъ вездѣ свѣтились огни и пахло дымомъ... Вдали звонили... звуки колокола, глухіе и рѣдкіе, точно прятались, едва слышные, въ морозномъ чистомъ воздухѣ...

— Звонятъ! — сказалъ Гармидонъ, выйдя на дорогу, и перекрестился.

— Какъ разъ къ началу поспѣемъ,—отвѣтилъ Петръ.

Они прошли деревней, свернули налѣво за уголъ крайней избы и вышли въ поле. Въ полѣ было также тихо, мертво и печально... Дорогу замело, итти было неловко и трудно... Какія-то точки, кусты вереста, неясно и смутно чернѣли по сторонамъ. Подъ ногами непріятно хрустѣлъ затвердѣвшій, какъ сахаръ, снѣгъ...

На востокѣ, позади идущихъ мужиковъ, стало свѣтать... Блѣдно-тусклая полоса свѣта робко и боязно вступала на борьбу съ темнотою. Чѣмъ дальше шли мужики, тѣмъ эта

полоса дѣлалась все свѣтлѣе и свѣтлѣе... По мѣрѣ того, какъ она свѣтлѣла, дѣлалась свѣтлѣе и въ полѣ... Теперь уже ясно было оно все... виденъ сталъ лѣсъ вдали... кусты какіе-то... кирпичный заводъ... Скоро мужиковъ стали перегонять подводы, везущія въ церковь изъ дальнихъ деревень прихожанъ. Дорога пошла лучше... Вдали показалось село... Крестъ на церкви вдругъ загорѣлся, какъ лампадка, и позади мужиковъ, на востокѣ, свѣтлая полоса окрасилась точно кровью и немного погодя изъ-за пригорка тихо выплылъ огромный красно-огненный дискъ солнца...

Мужики пришли въ село и направились къ церкви...

Около церкви, кругомъ ея, на паперти и по дорогѣ къ ней толкалось много народу... Тутъ же около коновязей стояли подводы, привезшія прихожанъ изъ своихъ дальнихъ деревень и чужихъ—изъ другихъ приходовъ.

Два торговца, одинъ рыжій, а другой черный, оба въ короткихъ на мѣху пиджакахъ, перевязанныхъ по таліи кушаками, приготовляли холщевыя палатки, чтобы послѣ обѣдни торговать въ нихъ „гостинцами"... Около нихъ толкались мальчишки...

Прежде чѣмъ итти въ церковь, Гармидонъ и Петра отправились въ церковную сторожку покурить и, посидѣвъ здѣсь, покуривъ, послушавъ, что говорятъ собравшіеся и биткомъ набившіе сторожку православные про Думу, отправились, когда на колокольнѣ затрезвонили „во всѣ" къ началу, въ церковь...

XV.

Въ церкви было полно народомъ и какъ-то особенно торжественно...

Горѣло паникадило... горѣли „мѣстныя", такъ называемыя, „налѣпки" свѣчи... Высокій, худой мужикъ, встряхивая длинными волосами на головѣ, съ жестяной кружкой въ одной рукѣ и со щипцами—въ другой, то и дѣло подходилъ къ этимъ „налѣпкамъ" и сливалъ съ нихъ воскъ въ кружку, обминая всякій разъ большимъ пальцемъ правой руки края ихъ...

Пѣли на два клироса... На правомъ учитель церковно-приходской школы, низенькій и красноносый, съ рыженькой щипаной бороденкой, метался по клиросу, какъ угорѣлый, махая руками точно птица, готовая улетѣть... Онъ свирѣпо водилъ глазами по своему хору, составленному изъ мальчишекъ и дѣвчонокъ. Возбужденные отчаянными жестами своего учителя, перепуганные ребятишки широко открывали глаза, присѣдали отъ натуги и какъ-то визгливо въ разноголосицу кричали то, что ихъ заставляли кричать...

На лѣвомъ дѣло шло иначе... Здѣсь заправлялъ „хоромъ“, состоявшимъ изъ „любителей“, длинноносый, похожій на бекаса, дьячокъ, по прозванью Устинья Петровичъ... Этотъ Устинья Петровичъ пѣлъ басомъ, дѣлая неторопливые, плавные взмахи рукой и злобно косился на правый клиросъ, на своего врага, церковно-приходскаго учителя...

Хоръ его, состоящій человѣкъ изъ пятнадцати всякаго сорта людей, оглушительно ревѣлъ и совершенно подавлялъ своимъ величіемъ хоръ праваго клироса.

Высокій, съ огромнымъ кадыкомъ на тонкой глоткѣ, о. дьяконъ, нарочно для престольнаго праздника приглашенный изъ другого прихода, въ новой ризѣ, торжественно, необыкновенно высокимъ теноромъ „дѣлалъ“ свои возгласы и, точно гуляя и любуясь самимъ собою, не торопясь, похаживалъ изъ алтаря на амвонъ, съ амвона въ алтарь...

Впереди, близъ обоихъ клиросовъ, а также и посрединѣ около ступенекъ, ведущихъ на амвонъ, стояла мѣстная „аристократія“, какъ и водится, мужская направо, женская налѣво, а ужъ за этой аристократіей, сплошной стѣной, стояла и ломилась—„какъ Богъ на душу положитъ“—„чернить“.

Около самыхъ дверей и на паперти толкались переругивающіеся между собой нищіе.

Бѣлоголовые, шустрые мальчишки сновали между народомъ, то выходя изъ церкви, то входя въ нее...

Староста, толстый, бородатый мужикъ, ходилъ съ блюдомъ, громко сдавая, кому надо, сдачу. „Тебѣ что... семитку?.. на, держи... монетку?.. бери... некогда... Посторонись, православные“... Монеты громко шлепались о блюдо... Позади старосты, держа обѣими руками кружку, ходила какая-то длинная, одѣтая во все черное, женщина, вѣроятно, просфирня, а за ней мальчишка, тоже съ кружкой, на которой былъ изображенъ красный крестъ...

Обойдя церковь, староста подходилъ къ своему мѣсту и, выдвинувъ ящикъ, громко, съ трескомъ ссыпалъ туда собранныя деньги, и погодя немного, снова шелъ съ блюдомъ.

Послѣ утрени сейчасъ же началось „водосвятіе“, а на колокольнѣ, куда забрался сторожъ, отставной, успѣвшій уже „дрызнуть“ солдатъ, да два мужика, начался „перезвонъ“...

Дѣло это происходило слѣдующимъ порядкомъ: сначала ударяли въ самый маленькій колоколъ и, подождавъ, когда окончательно замретъ звукъ, въ другой побольше, и такъ дальше до большаго включительно.

Продѣлавъ это, сторожъ собиралъ всѣ веревки отъ ма-

ленькихъ колоколовъ въ руку, а подъ большой и „баллейный“ ставилъ мужиковъ и, немного погодя, по командѣ разъ, два, три! дергалъ сразу за веревку... Оба мужика, не спускавшіе съ него глазъ, въ свою очередь дѣлали то же, т. е. ударяли въ колокола, стараясь „потрафить“ вмѣстѣ со сторожемъ, такъ, чтобы получился одинъ звукъ—дрынъ!

Продѣлавъ это, сторожъ принимался трезвонить „во всѣ“, а потомъ опять начинался „перезвонъ“...

Въ церкви въ это время остались почти что одни только бабы, дѣвки да старики. Большинство мужиковъ вышло, и церковная сторожка снова биткомъ набилась народомъ. Всѣ курили, смѣялись, разговаривали. Лица у всѣхъ были веселыя, возбужденныя, праздничныя. Каждый зналъ и думалъ, что теперь ужъ скоро начнется то, въ чемъ собственно состоитъ вся прелесть праздника. т. е. что послѣ обѣдни можно будетъ „досыта“ выпить, поѣсть, выспаться, а послѣ опять выпить и опять выспаться...

Послѣ „водосвятія“ перезвонъ кончился, „заблаговѣстили“ къ обѣднѣ... сторожка снова опустѣла... въ ней остались только какіе то нищіе да старая больная, лежавшая на печкѣ, старуха, мать сторожа, то и дѣло кашляющая какимъ-то страшнымъ, мучительнымъ, „смертнымъ“ кашлемъ...

XVI.

По окончаніи обѣдни и молебна, длившихся очень долго, Гармидонъ и Петра усталые, потные, вышли изъ церкви и, купивъ въ палаткѣ на двугривенный пряниковъ „лапши“ бабамъ, пошли ко дворамъ...

Итти было хорошо, день выдался морозный, солнечный, тихій .. Шли они бойко, весело, бодро, „предвкушая“, такъ сказать, заранѣе всю ту прелесть, которая, какъ они знали, ожидаетъ ихъ дома въ видѣ водки и хорошей закуски...

Дома ихъ ждали гости... Два тестя... одинъ—тощій, длинный, съ бородой клиномъ и моргающими подслѣповатыми глазами, Фроськинъ отецъ, по прозванью Болана и другой, кряжистый, точно обрубокъ, на короткихъ ножкахъ, съ огненно-красной бородой—Марфушкинъ по прозванію Красный... Да кромѣ того двѣ тещи... Одна, Фроськина мать, болтливая, бойкая бабенка Гармошка, другая—тихая, толстая, лѣнивая—Марфушкина мать, Марья Журка.. Съ ними вмѣстѣ пріѣхали два шурина, оба холостые, серебряники... Каждый изъ нихъ привезъ по „тальянки“ и по пачкѣ папиросъ „трезвонъ“... Еще пріѣхали двѣ золовки, одна брюхатая, желтая, какъ лимонъ, другая съ груднымъ безъ умолку ору-

щимъ ребенкомъ, длинная, страшная, съ огромными глазами, чахоточная баба...

Кромѣ этихъ „своихъ“, къ вечеру ждали еще гостей: учителя, того самаго, который дирижировалъ на правомъ клиросѣ, и изъ сосѣдняго села—богатаго угольника, предсѣдателя волостного суда...

Мужиковъ поджидали изъ церкви... Большой ведерный ярко-вычищенный самоваръ пыхтѣлъ около печки, выпуская клубы пара... Столъ былъ покрытъ сѣрой, похожей на клеенку, съ красными оборками, купленной у татарина, скатертью.

На столѣ пока еще ничего не было... ждали хозяевъ.

Мужики, Болана и Красный, оба въ кумачовыхъ рубашкахъ, подпоясанные тонкими поясками, сидѣли окола стола и разговаривали со старухой сватьей о пропажѣ лошади.

Бабы, собравшись въ кучу, сидѣли поодаль отъ нихъ, неподалеку отъ двери и вполголоса шушукались о чемъ-то между собой...

Ребята „шурья“ вышли въ другую холодную избу и, раздобывъ сапожную щетку, начищали ей свои „гамбургскіе“ модные съ икрами сапоги, разсуждая о томъ, что придется ли имъ ужо вечеромъ погулять съ дѣвками и что откупятъ ли для этой цѣли у бобылки кукушки избу...

— Водочки, чай, таматка раздобудемъ?—говорилъ одинъ изъ нихъ—малорослый испитой съ синяками подъ глазами.—Безъ водки-то кой чортъ?.. Дѣвки-то здѣшнія, сволочь... ребята опять... какъ бы того... шейнаго пластыря не наставили...

— Ну да, наставютъ, — говорилъ другой—красивый и рослый.—Нашихъ заводскихъ много будетъ... коли чего—не дадимся...

— Не забыть бы ножи-то въ карманъ положить,—опять сказалъ первый,—для всякаго случая... драка ужъ безпремѣнно будетъ...

— Я закладку съ собой припасъ,—отвѣтилъ второй,—и безъ ножа ладно, коли что... дамъ раза—будетъ помнить...

— Ну, коли такъ, то и ладно... пойдемъ въ избу... пришли, небось, чертогоны-то сѣрые...

XVII.

Гармидонъ и Петра вошли въ избу, сняли шапки, помолились въ уголъ, гдѣ висѣли образа, и потомъ уже весело поздоровались съ гостями.

— Долго васъ попъ держалъ,—сказалъ Болана и добавилъ:—Любитъ тянуть, долгогривый песъ... православныхъ мучить... доймѣтъ—во какъ.. разскажи, какъ ты женился!..

— А мы тутатка со сватьюшкой бесѣдуемъ,—сказалъ Красный тоненькимъ, тягучимъ голоскомъ,—всепо о хорошему.

— Пажалте, гости дорогіе, за столъ. Пожалте! — заговорилъ Гармидонъ, скинувъ поддевку.—Бабы... мамкъ... давайте... сбирайте... пока что—закусимъ... чай-то опосля...

— Чай—вода,—сказалъ Болана,—что въ емъ... водочки,— вотъ это для вашего брата—первый сортъ!

— Залѣзайте за столъ-то, гости дорогіе,—просилъ Гармидонъ, стоя окола стола и показывая рукой въ передній уголъ подъ образа.—Сдѣлайте милость... Шуринки, родные, милости прошу, залѣзайте!..

Шурья молча съ серьезными лицами забрались за столъ и сидѣли, выжидая... Гармидонъ налилъ въ стаканчикъ „семерикъ“ водки и сталъ потчевать по череду, начиная съ Краснаго... Обойдя всѣхъ и не забывая себя, онъ сейчасъ же „обнесъ“ по другому.

— Гости дорогіе, кушайте... закусите... покормчи прошу,— просилъ Гармидонъ и налилъ по третьему.

Послѣ третьяго, а затѣмъ вскорѣ за нимъ четвертаго и пятаго „стакашковъ“ языки стали развязываться... Болана принялся, посмѣиваясь и поглядывая на бабъ, разсказывать такое, отъ чего бабы краснѣли, а мужики, не исключая и шурьевъ, „ржали“...

Гармидонъ вмѣсто стаканчика сталъ обносить рюмкой... Всѣ пили, но закусывали мало... Всѣ съ какой-то особенной жадностью, съ какимъ то особеннымъ удовольствіемъ пили водку, принимая „стакашикъ“, какъ причастье...

Скоро всѣ, начиная съ хозяевъ, допьянѣли и принялись кричать и разсуждать—кто во что гораздъ. Пьяный Рыжій, растопыря пальцы и вытараща бессмысленно глаза, повторялъ то и дѣло одно и тоже:

— Св а-а тьюшка, родная!.. мы по-о-о-хорошему... мы по-о-хорошему... Кобыла?... шутъ съ ней, съ кобылой-то... а Богъ-то... сватьюшка, Богъ то... вонъ онъ, батюшка Царь Небесный... онъ... онъ... у него все по-о хорошему.

Наконецъ, онъ вылѣзъ изъ-за стола и велѣлъ играть тоже пьяному сыну на „тальянкѣ“.

— Плясать пойду а, сватьюшкъ... а что-жа у насъ нѣту, что ли... а мы по о-хорошему.

Шурья вылѣзли изъ-за стола и одинъ изъ нихъ сталъ играть, а другой подзванивать въ трензель.

— Не такъ, сукинъ сынъ! — закричалъ Рыжій, — дакась гарьмонь... я самъ... а ты пой... во какъ.

„Не простой я былъ набойщикъ,
Разны ситцы набивалъ...
У старушки сымалъ я себѣ коморку!..“

Запѣлъ онъ и, споткнувшись, повалился...

— Ахъ въ ротъ те... повалила, поборола... мы по-о-хорошему,—бормоталъ онъ, двигаясь на четвереньках по полу къ лавкѣ, то и дѣло тыкаясь рыломъ въ этотъ полъ, какъ какой-нибудь слѣпой щенокъ.

Брюхатая, мало пившая, баба взяла его подъ мышки и посадила на скамью.

— Сиди ужъ,—сказала она,—гляди, какъ люди... тожа... гдѣ ужъ тебѣ...

— Молчи, дура!—закричалъ Рыжій,—у меня ни-ни пищи тутатка... у меня, что-бы все п-о-хорошему!..

— Гости дорогіе,—заплетающимся языкомъ говорилъ Гармидонъ,—кушайте... пейте... для васъ... отрадъ души... бабы, бабы по-почи... почити... чайку... чайку-то, бабы... Мамкъ! гдѣ ты? А ты не серчай... лошадь наплевать... ай у насъ нѣту... мы... мы сами лошадь... мы... робята, родные, вали играй... пей... праздничекъ Христовъ .. дождались!..

Часа въ три, когда уже начало темнѣть, явились новые гости. Пріѣхалъ угольникъ, предсѣдатель волостного суда, маленькаго роста, плотный, съ какимъ-то облупленнымъ краснымъ лицомъ, мужикъ и пришелъ учитель Захаръ Михалычъ...

Учитель былъ уже „выпимши". Его красный огромный носъ какъ-то необыкновенно страшно торчалъ между блѣдныхъ щекъ и пугалъ своимъ видомъ. Въ маленькихъ, точно подернутыхъ тонкой пленкой сала, глазкахъ виднѣлось тупое и сытое удовольствіе. Онъ слегка-то и дѣло по привычкѣ пофыркивалъ носомъ, испуская при этомъ звукъ, похожій на хрюканье поросенка.

Гостямъ были рады... „Гость на гость—хозяину радость"... Сейчасъ же всѣ старые и вновь прибывшіе усѣлись за столъ и началось то же, что и было, т. е. выпивка...

Зажгли лампу и повѣсили ее на крючокъ надъ столомъ...

При свѣтѣ лампы лица гостей измѣнились къ худшему... красные, потные, пьяные, они были страшны... и то, что говорили и кричали эти гуляющіе люди—было страшно и дико. Казалось, что самъ богъ невѣжества сидитъ между ними и глумится надъ ними...

Бабы, за исключеніемъ беременной и старухи свекрови, были тоже пьяны... Они кричали дикими голосами „сударыню", хлопали въ ладошки, подсвистывали, подщелкивали, поднимали подолы...

Молодые ребята шурья, забравъ гармоньи, ушли гулять на улицу. Рыжій и Болана, совершенно опьянѣвъ, топтались посреди избы, какъ медвѣди, силясь подпѣвать бабамъ..

Гармидонъ и Петра, бросивъ новыхъ гостей, переругивались

между собой матерными словами, коря за что-то другъ дружку...

Предсѣдатель волостного суда и учитель Захаръ Михалыхъ сидѣли за столомъ и спорили по поводу розогъ. Угольникъ доказывалъ, что драть надо, но въ мѣру и за дѣло, а Захаръ Михалычъ кричалъ на это, что чѣмъ больше „всыпать", тѣмъ лучше.

— Надо такъ драть, чтобы послѣ онъ трепетъ зналъ... трепеталъ бы... понимаешь, трепетъ!..

— Какъ не понять... трепетъ... Это зачѣмъ же?..

— Зачѣмъ?.. Чудакъ... понимаешь уваженье къ начальству... къ отцу духовному и такъ далѣе... а то вѣдь что стало?.. Принесли преподобнаго Меѳодія, а молодые нынѣшніе подлецы-то говорятъ: „доску носятъ... чего на нее молиться-то"... а?.. какъ тебѣ это покажется?.. Вотъ тебѣ и свобода.. вотъ тебѣ и Дума... Драть сволочей надо... Говорить-то съ тобой мудрено... не поймешь ты меня... Налей-ка!..

— Гдѣ понять!.. А только вотъ что я тебѣ скажу, Захаръ да Михалычъ, вся ваша эта наука, гляжу я, плевое дѣло... ей-Богу... Главная причина—учителя плохи... Не сердись ты... не про тебя я... Взять хоть бы вонъ у насъ: кто въ церковной-то школѣ учитъ? Старая попадья... покойнаго попа жена... а я ее еще въ дѣвкахъ зналъ... Да она, по совѣсти сказать, сама ничего не знаетъ, акромя какъ огурцы солить... Ее учить надыть... Ну, и учитъ Господь ее знаетъ по-каковски... Одно слово—ѣстъ хлѣбъ и ладно... До ученья ли ей!..

— Ну, ты это, братъ, не понимаешь... Что съ тобой толковать... Налей!..

Съ улицы доносились какіе-то крики, пѣсни, смѣхъ... тамъ гуляли... Толпа дѣвокъ шла и орала пѣсню, а позади этой толпы, немного отставъ, плелась, спотыкаясь и качаясь, совсѣмъ пьяная „парочка".

— Эй, вы, суки!—кричала пьяная дѣвка, хватаясь за парня.—Эй, вы, погодите!.. Суки, ей-Богу... Су-у-у-ки!..

И вдругъ хрипло и дико запѣла:

„Сказали про меня: „отчаянная"...
Какъ отчаянной не быть?
Бросилъ миленькій любить!..
Ихъ, ихъ! го, го! Сударыня дымъ-дымъ-дымъ
Сударыня дымъ столбомъ!.."
. . . .

XVIII.

Морозило... На темно-синемъ небѣ ярко горѣли и мигали звѣзды... Небо это казалось какой то огромной, огромной черной чашей, въ опрокинутое дно которой были на-

биты въ безчисленномъ множествѣ гвозди съ ярко блестящими серебряными головками...

На землѣ было тихо, морозно, тоскливо и жутко...

По большой, широкой, мѣстами черной отъ конскаго навоза, дорогѣ, торопливо шелъ человѣкъ... Это былъ Микишка, котораго такъ боялись и не желали видѣть въ семьѣ Гоглевыхъ... Онъ торопился домой... Изъ Москвы онъ вышелъ наканунѣ, на дорогѣ ночевалъ и утромъ, пропивъ въ казенкѣ послѣдніе гроши, отправился дальше... Сначала, пока не вышелъ хмѣль, онъ шелъ бодро и не чувствовалъ холода, но это было недолго... По мѣрѣ того, какъ онъ шелъ дальше, хмѣль выходилъ и холодъ дѣлалъ надъ этимъ жалко и бѣдно одѣтымъ человѣкомъ свое дѣло. Теперь недалеко отъ дома ему осталось свернуть съ большака и пройти проселкомъ до своей деревни верстъ восемь, онъ совсѣмъ замерзалъ и весь корчился и трясся частой дрожью, выкрикивая что-то вродѣ „У-у у! у-у-у!" . Онъ шелъ, напрягая послѣднія силы... Въ груди у него что то горѣло, ныло и плакало... Онъ стискивалъ зубы и дѣлалъ усилія не броситься на землю и не закричать изо всѣхъ силъ отъ нестерпимой душевной, жгучей тоски и боли, которыя терзали и жгли его... Ему казалось, что съ каждымъ шагомъ, приближающимъ его къ дому, у него отрубаютъ часть его тѣла...

— Господи, Господи, Господи!—шепталъ онъ, останавливаясь на минуту и съ какимъ-то ужасомъ, точно не вѣря самому себя, гдѣ онъ находится, оглядывался кругомъ.—Господи, о о о!..

Весь хмѣль сошелъ съ него и все то, что было въ немъ лучшаго, кричало и било его какъ будто бы въ отместку за то гадкое, что онъ дѣлалъ въ жизни... Вся эта жизнь плыла передъ нимъ, какъ рѣка... онъ вспомнилъ все и шелъ, плача. стеная и скорбя, жалкій, одинокій и никому ненужный...

Дойдя до повертка, онъ свернулъ направо и пошелъ по проселку. Дорога—едва замѣтная, малоѣзжанная,—пролегала среди частаго молодого березняка... Микишка шелъ по памяти, то и дѣло спотыкаясь и тщетно напрягая зрѣніе, чтобы увидать что либо... Было мертвенно-тихо и жутко... Но вотъ вдругъ, гдѣ-то не особенно далеко, раздался ударъ въ колоколъ... звукъ, какой то тягучій, жалобный, точно кричащій, пронесся надъ лѣсомъ... Микишка догадался, что это звонятъ въ селѣ недалеко отъ его деревни... Немного погодя ударили еще, и онъ почувствовалъ, что его какъ будто кто-то чѣмъ-то острымъ ткнулъ въ сердце. Онъ вдругъ вспомнилъ—и передъ нимъ всплыла картина изъ далекаго дѣтства, когда онъ мальчикомъ, во время покоса вмѣстѣ съ отцомъ ложился спать въ сараѣ на душистое сѣно...

какъ были отворены ворота, какъ глядѣла въ эти ворота темная ночь, какъ на небѣ горѣли звѣзды и какъ онъ, мальчикъ чистый и добрый, лежитъ и слушаетъ эти же вотъ самые звуки колокола, которые какъ-то смутно и непонятно, трогаютъ его дѣтское сердце...

Онъ заплакалъ и быстрѣе пошелъ дальше, трясясь отъ холода и сознавая, что идетъ „на ножъ"...

Лѣсъ кончился... дорога пошла полемъ... Вдали замелькали огоньки... послышались крики... родная деревня была рядомъ . . . .

Онъ подошелъ къ крайней избѣ и остановился... Въ окнахъ свѣтились огни... На улицѣ, на томъ концѣ, дѣвки пѣли пѣсни... играли въ гармоньи... стучали въ бубенъ...

Онъ постоялъ, подумалъ и, боясь итти домой, свернулъ влѣво съ дороги и направился по снѣгу цѣликомъ, задами къ сараю... Подойдя къ сараю, стоявшему на усадьбѣ Гоглевыхъ, онъ нащупалъ ворота и дернулъ ихъ за скобку... ворота были не заперты и, скрипя, отворились... Микишка вошелъ въ сарай...

Средина была пуста, а обѣ „стороны"—правая и лѣвая—были полны сѣномъ... Въ потемкахъ онъ нащупалъ то мѣсто, гдѣ берутъ сѣно, и, раскидавъ его и сдѣлавъ что-то вродѣ постели, прилегъ отдохнуть...

Онъ легъ навзничь, подложивъ подъ голову руки, и сталъ слушать... Въ сѣнѣ, гдѣ-то подъ нимъ, пищали мыши... въ деревнѣ пѣли дѣвки и кто-то кричалъ: „Ва-а-нька, Ва-а-нька, чо-о-о-ртъ!"..

Полежавъ немного, не зная, куда дѣться отъ тоски, онъ всталъ и, подойдя къ воротамъ, толкнулъ ихъ ногой... Ворота опять, какъ и давеча, заскрипѣвъ, отворились... Онъ вышелъ и по тропинкѣ, которую наторили, ходя за сѣномъ, пошелъ къ избѣ.

XIX.

Подойдя къ ней, онъ завернулъ за уголъ и на цыпочкахъ подкрался къ окну, точно боясь, что его услышатъ, и, потянувшись, заглянулъ въ окно... Стекла были покрыты узорами мороза, но въ одномъ мѣстѣ, на самомъ низу, было круглое, не замерзшее почему-то мѣстечко, и онъ припалъ къ нему.

Въ избѣ шелъ дымъ коромысломъ. Бабы пѣли какую-то разудалую плясовую пѣсню. „Гармошка", помахивая платкомъ, плясала съ пьянымъ учителемъ посреди избы трепака. Красный и Балона топтались кругомъ нихъ и махали ру-

ками, что-то бормоча... Гармидонъ, Петра и председатель сидѣли за столомъ, а за ними, ближе къ печкѣ, на скамьѣ сидѣла пригорюнившись и глядѣла, подперевъ щеку рукой, старуха...

— Идти ли?—подумалъ Микишка.—Не назадъ ли?.. Зачѣмъ я приду?.. пьяные... скандалъ...

Онъ отошелъ отъ окна и остановился въ потемкахъ...

— Ахъ, кабы выпить теперь,—прошепталъ онъ,—не побоялся бы... Пьяный я другой... Ну, какъ же,—задалъ онъ снова самъ себѣ вопросъ,—пойдешь, а?

Онъ снова подошелъ къ окну.

— Неужели выгонятъ... не примутъ? А матушка-то, неужели она не пожалѣетъ? Она меня такъ любила... Неужели выгонятъ?.. Что тогда, куда?..

Ему представилась дорога, которую онъ сдѣлалъ, холодъ, боль въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ... Представилась Москва... Хива... притоны... побои... пьянство... голодъ... вши... И сердце мучительно заныло и захотѣлось отдохнуть въ теплѣ, поѣсть, выпить, уснуть, успокоиться...

Онъ опять отошелъ отъ окна и, стоя въ потемкахъ, тихо заплакалъ...

Въ избѣ слышно было, какъ пѣли, топотали, гоготали, „ржали".

— Господи, — шепталъ онъ, — до чего дошелъ... Боюсь войти въ домъ свой, гдѣ родился... къ матери боюсь... Зачѣмъ, зачѣмъ, будьте вы прокляты, зачѣмъ оторвали меня отъ этого дома... оторвали и бросили... дали понюхать духовъ, а потомъ подсунули что-то гадкое, противное, вонючее... Будьте вы прокляты!..

Онъ вдругъ со злостью сжалъ кулаки и почти бѣгомъ бросился къ крыльцу...

— Все равно,—шепталъ онъ,—что здѣсь издохнуть, что тамъ... пусть бьютъ... пусть гонятъ... стою я этого... стою, стою... „Терпи за дѣло, плоть! ты, плоть, грѣшила, такъ дай же рвать себя, какъ пеликанъ"...

Онъ весь трясся отъ холода и отъ внутренняго волненія... Сердце готово было выскочить изъ груди...

Онъ взошелъ на крыльцо, отворилъ калитку, прошелъ по мосту сѣнями и, нащупавъ впотьмахъ скобку, отворилъ дверь и вошелъ въ избу.

XX.

Его не сразу замѣтили... Минуты двѣ онъ стоялъ около порога, блѣдный, какъ мертвецъ, трясясь всѣмъ тѣломъ,

одѣтый въ какую-то рванину, почти разутый, грязный и жалкій...

Первая увидала его мать и, всплеснувъ руками, громко, пронзительно закричала:

— Микишка... батюшки... Микишка!..

Она подбѣжала къ нему и сдѣлала было движеніе обнять его, но не обняла, а какъ-то замерла, остановившись передъ нимъ.

Онъ протянулъ къ ней руки, улыбнулся и вдругъ, какъ-то сразу заплакавъ, произнесъ:

— Матушка... прости...

— Дитятко... горькой ты мой!—закричала старуха голосомъ, въ которомъ дрожали слезы, и обняла его дрожащими руками и прильнула къ нему.—Дитятко! дитятко, дитятко,— шептала она, все крѣпче прижимая его къ себѣ.

Онъ ослабъ и если бы она не держала его, упалъ бы на полъ.

Онъ тихо плакалъ въ ея объятіяхъ, какъ ребенокъ, прижимаясь къ ней... Чувство какой-то невыразимо-сладкой любви наполняло его душу.

Между тѣмъ въ избѣ произошелъ переполохъ. Первая завизжала полупьяная Фроська.

— Братецъ пришелъ, родной... братецъ... Радось-то кака! Гармидонъ, примай гостя.. хи, хи, хи!

Всѣ остальные съ удивленіемъ, злобой и съ какимъ-то испугомъ смотрѣли на Микишку.

Гармидонъ былъ страшенъ. Его налитые кровью глаза готовы были выскочить изъ орбитъ. Жилы на шеѣ напружились... Лицо побагровѣло, руки тряслись...

— Что, паршивый чортъ, пришелъ?! — заревѣлъ онъ вдругъ и поднялся съ мѣста.—Пришелъ, забастовщикъ проклятый, а?.. Пришелъ...

— Ну, полно тебѣ,—сказалъ предсѣдатель и взялъ было его за руку.—Дѣло праздничное...

— Не трошь, — рявкнулъ Гармидонъ, вырывая руку. — Не твое дѣло... Пришелъ, — опять зарычалъ онъ, подходя къ Микишкѣ, который черезъ плечо матери глядѣлъ на него какими-то странными испуганно-плачущими глазами. — Тебѣ чего здѣся надо, а?.. Зачѣмъ пришелъ, а?.. Срамить домъ нашъ?.. Хлѣбъ готовый жрать?.. Припасалъ ты его... подавалъ въ домъ-то, а?.. Подавалъ, сукинъ ты сынъ, а?.. Къ чорту! — заоралъ онъ, весь побагровѣвъ. — Убью... уходи, откуда пришелъ... Богоотступникъ... сволочь... Ахъ, да я тебя, кажись!..

— Не трошь! — крикнула старуха, заслоняя Микишку рукой...

— Заступница!—крикнула Фроська. — Она рада... тьфу, вотъ срамота-то для праздника.

— Во о-нъ!—заоралъ Гармидонъ.—Зарѣжу... Убью...

И, говоря это, онъ необыкновенно страшный, точно какое-то обозленное чудовище, схватилъ старуху, отшвырнулъ ее отъ Микишки, какъ щепку, и, размахнувшись, ударилъ его кулакомъ по лицу... Микишка ахнулъ, взмахнулъ руками и упалъ, стукнувшись головой о дверь... Дверь отворилась... Гармидонъ, скрипя зубами, нагнулся, схватилъ его и какъ какое-нибудь полѣно дровъ вышвырнулъ за дверь въ сѣни на мостъ...

Съ пронзительнымъ воплемъ бросилась къ нимъ старуха.

— Разбойникъ, мошенникъ!—заголосила она, ударяя слабыми старческими руками Гармидона, по чемъ попало...— Убилъ, разбойникъ!

— Туда и дорога!—едва переводя духъ, произнесъ Гармидонъ и отпихнулъ мать. — Отстань! — злобно крикнулъ онъ.—Поди, подбирай падаль. . . . .

. . . .

XXI.

Старуха выскочила за дверь въ сѣни... Микишка съ разбитымъ лицомъ лежалъ на мосту и хлюпалъ... Она нащупала его руками и зашептала.

— Микишенька, здѣсь я, сынокъ... убилъ онъ тебя, разбойникъ! Не бойся... пойдемъ въ вышку... уснешь таматка... поѣсь хотца, небось.—И, наклонившись къ его уху, зашептала еще тише:

— У меня и водочка есь... не бойся... и деньги есь... не бойся ты ихъ, разбойниковъ... пока я жива—все мое... твоя доля неумершая... Пойдемъ... вставай...

— Пойдемъ!—покорно сказалъ Микишка.

Она взяла его подъ руки и повела... Онъ, какъ овца, шелъ съ ней, хлюпая и чувствуя, какъ теплая и липкая кровь течетъ по его лицу...

— Тише здѣсь... здѣся ступеньки,—говорила старуха,— не спотыкнися... Неужли забылъ... чай, помнишь, а?..

— Матушка, матушка, — шепталъ Микишка, держась за нее,—матушка . . . .

. . . .

Она ввела его въ вышку. Здѣсь было темно и пахло овчинами.

— Сядь пока,—сказала она, посадивъ его на что-то мягкое,—а я сейчасъ приду... свѣчку принесу... поѣсь тебѣ принесу... выпить маленько...

Она ушла. Микишка остался одинъ и сидѣлъ въ потемкахъ, согнувшись, что-то думая...

Въ избѣ между тѣмъ шелъ оживленный разговоръ по поводу только-что случившагося... Гармидонъ ругался... Учитель то и дѣло повторялъ:

— Конечно... конечно... за дѣло... по нашему это, по черносотенскому... въ рыло... такъ ихъ и надо... Ученый... хы... кто я... Ванька малый... Погодите, мы васъ всѣхъ успокоимъ...

Когда вошла старуха, разговоръ смолкъ. Она, нахмурившись, молча, ни на кого не глядя, полѣзла въ подвалъ, достала водки, взяла со стола хлѣба, рыбы и, доставъ съ полки свѣчку въ деревянномъ подсвѣчникѣ, пошла къ двери.

— Гм!—промычалъ Гармидонъ. — Эта значить угощенье яму... Гм! Ловко... ничѣмъ бы гнать въ три шеи, а она... Эхъ,—скрипнулъ онъ зубами,—кажись, кабы не ты—разорвалъ бы пополамъ!..

Старуха обернулась къ нему и, тряся головой, закричала:

— Тебѣ что за дѣло, а?.. Каинъ ты проклятый!.. Кто здѣся хозяинъ, а? Я... все мое. Умру—тогда какъ хотите... Онъ мнѣ такой же сынъ... А вы-то нешто слаще... пьяницы... разбойники... тьфу!.. Я съ тобой еще сдѣлаюсь... Ты думашь, на те управы нѣтути... Нѣтъ, врешь, я найду... кто я тебѣ... моя влась... дерьмо ты мое... вотъ возьму палку, начну жучить... безстыжіе твои бѣльмы... Гостей только стыдно... тьфу!..

Она вышла, хлопнувъ дверью...

— Угощай таматка жулика сваго... вора! — крикнула Фроська,—така жа сама то...

— Да,—сказалъ предсѣдатель волостного суда,—человѣкъ, надо прямо говорить, потерянный, а по совѣсти—жалко... Что станешь дѣлать? Слабы!.. А и то сказать, что ужъ въ комъ заложено, то и есь, а подъ кожу не привьешь,—не яблоня...

— Злая рота,—проворчалъ Гармидонъ,—убить мало!..

XXII.

Старуха вошла въ вышку, чиркнула спичку и зажгла свѣчку.

На полу стояли сундуки, новый хомутъ, шлея съ наборомъ, веревки толстыя и тонкія, „голосинникъ"... Въ углу лежали овчины, тальки, холсты... На стѣнѣ висѣли шубы, мужичьи и бабьи... На потолкѣ, о который можно было стукнуться головой, висѣли въ пучкахъ какія-то засохшія пахучія травы и два большихъ — какихъ-то черныхъ съ плѣсенью по краямъ—окорока...

Въ вышкѣ было тихо, глухо и сравнительно тепло...

Старуха собрала всѣ овчины въ одно мѣсто на полу, сдѣлала постель, сняла со стѣны теплые тулупы и сказала Микишкѣ:

— Садись, родной, прикройся... закуси... на выпей... погрѣйся... Ахъ, забыла я стаканчикъ то!

— Не надо,—сказалъ Микишка,—я такъ... все равно.

Онъ обрадовался водки и жадно началъ пить ее изъ горлышка. Старуха сѣла напротивъ и глядѣла на него грустными глазами, качая головой...

— Втявулся какъ ты въ водку-то, сынокъ, а?

Онъ взялъ кусочекъ рыбы, съѣлъ и, допивъ оставшуюся въ полбутылкѣ водку, легъ на овчины и прикрылся тулупомъ...

— Поѣлъ бы,—сказала старуха.

— Не надо... не хочется... такъ я полежу, а ты посиди со мной.

Онъ лежалъ и ждалъ дѣйствія водки. Дѣйствіе это пришло скоро, но не то, на которое онъ разсчитывалъ—бодрое и смѣлое, а, наоборотъ, казалось, что выпитая водка принесла съ собою еще больше грусти въ его изстрадавшуюся душу. Онъ глядѣлъ на мать и чувствовалъ, что плачетъ и что ему жалко и мать, а пуще жалко самого себя...

— Мама,—сказалъ онъ,—поди ко мнѣ... сядь тутъ вотъ въ головахъ...

Старуха пересѣла. Онъ положилъ ей голову на колѣни и тихо заплакалъ...

— Что ты, соколикъ,—зашептала она, перебирая его волоса рукой, — объ чемъ это?.. А ты не плачь... не плачь, говорю.—Она наклонилась къ нему и еще тише, точно боясь, что ее услышатъ, зашептала:—У меня деньги есь... дамъ я тебѣ... одѣнешься... можетъ, бо дастъ на мѣсто поступишь... женишься... человѣкъ опять станешь... что горевать-то?.. Э-э-э, сынокъ, со всякимъ можетъ случиться...

И желая перемѣнить разговоръ, спросила.

— Чай, вшей у тебя стрась сколько?

— Есть,—отвѣтилъ онъ и, помолчавъ, грустно сказалъ:—Не надо мнѣ твоихъ денегъ... ничего мнѣ не надо!

— А какъ жа ты жить-то станешь, а? Такъ жить не гожа... срамъ, чисто собака, аль волкъ...

— Хуже,—сказалъ онъ точно про себя,—собакѣ лучше... собака не думаетъ...

— Ась?—переспросила она, не понявъ.

Онъ промолчалъ и закрылъ глаза.

— Матушка,—сказалъ онъ вдругъ, открывъ ихъ,—а помнишь, какъ я маленькой былъ, а?..

Она тихо засмѣялась и сказала:

— Ну, вотъ, что сказалъ... Какъ не помнить, помню... кому жъ и помнить, какъ не мнѣ?..

— Хорошо тогда было! — воскликнулъ онъ и добавилъ, помолчавъ: — Вотъ тогда бы помереть мнѣ! — И опять помолчавъ, заговорилъ вдругъ страстно и торопливо: — Сколько я видѣлъ въ своей жизни, матушка, зла всякаго... неправды... грязи... побой... всего, всего!.. Ужъ мнѣ теперь не встать... Зачѣмъ мнѣ твои деньги?.. Не помогутъ они мнѣ... Жениться? — онъ засмѣялся. — Чужую жизнь загубить... что ты... Ничего не хочу... ничего, ничего!.. Все прошло... все залилось водкой, закидалось грязью... Теперь мнѣ одна дорога — хива, водка, вши... о-о-о!.. Коли не подохну только... А хорошо бы... Я вѣдь, матушка, — зашепталъ онъ, — все думаю убить себя... да страшно... боюсь...

— Господь съ тобой, — перекрестила его старуха, — что ты это?.. У насъ вонъ лѣтось въ сараѣ Карпушка-нищій удавился... Стрась взглянуть!.. на поясу повисъ... Это дѣло простое, подумать только, а ужъ *онъ* тутъ и есь... такъ и суетъ, такъ и суетъ...

— Кто онъ? — спросилъ Микишка и вздрогнулъ, чего-то испугавшись.

— Кто... извѣстно... врагъ.. нечистый...

— Страшно! — сказалъ Микишка, — б-б-рры! Петлю сдѣлать... на шею надѣть... страшно! Что въ это время думаешь... — И какъ бы про себя добавилъ: — Смѣлые это люди... если не сумасшедшіе только...

— Да полно тебѣ, — сказала старуха. — Господь съ тобой... Ты... вотъ что хочу я у тебя спросить... Гдѣ она теперича, а?..

— Кто?

— Да твоя-то...

— Замужемъ.

— Ишь ты... За кѣмъ?

— За торговца вышла... игрушками торгуетъ у Сухаревки...

— Видаешь ее?..

— Она разъ мнѣ гривенникъ подала...

— Взялъ?

— Взялъ.

— Ахъ, подлая... Она тебя погубила...

Онъ промолчалъ.

— Усни, сынокъ.

— А ты?

— Я пойду туды... свѣчку-то погаси... спички вотъ коробочка... коли встать ночью захошь... Да ты поѣлъ бы!..

Онъ промолчалъ, не открывая глазъ.

Она тихо переложила его голову съ колѣнъ на овчину и перекрестила...

— Спи, родной... охъ, хо, хо! И натерпѣлся ты, гляжу я на своемъ вѣку... а великъ ли вѣкъ-то твой... За грѣхи, знать, за наши терпишь ты... Господи помилуй... Усни...

Онъ опять промолчалъ.

Она постояла надъ нимъ, прошептала: „Уснулъ, знать" и потихоньку, затушивъ свѣчку, вышла...

XXIII.

Микишка спалъ не долго. Онъ вдругъ, точно кто толкнулъ его, проснулся и открылъ глаза. Ему казалось, какъ это вообще бываетъ съ пьяницами, что онъ спалъ страшно долго, на самомъ же дѣлѣ спалъ онъ не больше двухъ часовъ...

Онъ проснулся и въ первую минуту не могъ сообразить, гдѣ находится... Потомъ опомнился и, какъ будто чего-то испугавшись, приподнялся и сѣлъ въ потемкахъ, слушая... Все было тихо, мертво и жутко...

Ему стало страшно впотьмахъ... Онъ вспомнилъ про свѣчку, пошарилъ рукой около себя нащупалъ коробочку и, чиркнувъ спичку, зажегъ свѣчку.

Слабый, трепетный свѣтъ, освѣтилъ вышку... Было такъ тихо, что Микишка слышалъ стукъ своего сердца, то частый, то съ какими-то перебоями, точно испорченные часы...

Онъ потянулся, досталъ пустую полбутылку и, запрокинувъ голову, поднесъ ее ко рту. Нѣсколько капель осталось на днѣ. Онъ выпилъ и, облизываясь языкомъ, сѣлъ, скорчившись, обхвативъ колѣнки руками, жалкій, худой съ распухшимъ, разбитымъ лицомъ...

Какая-то мучительная тоска и страхъ наполнили его душу... Голова болѣла и кружилась... Мысли, отрывистыя, неясныя, прыгали съ одного на другое, какъ колеса по замерзшимъ глышкамъ...

Усталыя ноги распухли и ныли... Ихъ по временамъ сводила мучительная судорога...

Онъ сидѣлъ такъ, скорчившись, долго, больше часа и думалъ... Ему стало страшно, когда онъ припомнилъ все прошлое и настоящее, какъ человѣку, который тонетъ и знаетъ, что нѣтъ спасенія.

— Господи, — прошепталъ онъ, перемѣнивъ, наконецъ, позу,—помереть бы...

Онъ вспомнилъ Карпушку, про котораго сказывала мать и вздрогнулъ вдругъ отъ мысли, которая появилась далеко-далеко, тамъ, гдѣ-то на самомъ днѣ его души...

Онъ сдѣлалъ усиліе отогнать эту мысль, стараясь думать о другомъ, но и думая о другомъ, чувствовалъ, что думаетъ только про это...

Ему стало жутко... какой-то холодъ прошелъ по спинѣ и онъ, вздрогнувъ, оглядѣлся кругомъ испуганными глазами...

Было тихо... по угламъ стоялъ мракъ—таинственный и страшный... На полу виднѣлись веревки... Окорока висѣли повѣшенныя петлей за ногу, какъ удавленники...

Онъ дунулъ вдругъ на свѣчку, погасилъ ее и, укрывшись съ головой тулупомъ, легъ, стараясь уснуть... Но подъ тулупомъ ему стало еще страшнѣе... Ему мерещился Карпушка... Онъ живо представлялъ себѣ картину, какъ этотъ человѣкъ, такой же нищій-пропойца, какъ и онъ, пришелъ въ сарай, какъ сталъ думать, снялъ поясъ... Ему казалось, что онъ видитъ и лицо его, синее, страшное съ вытаращенными глазами, съ языкомъ, прикушеннымъ зубами, и тѣло, длинное со скорчившимися ногами, тихо покачивающееся туда и сюда...

Онъ опять торопливо зажегъ свѣчку и опять сѣлъ, чувствуя, какъ какой-то холодный ужасъ охватываетъ его всего... „Подумаешь только, а ужъ *онъ* тутъ есть"—вспомнились ему слова матери и онъ еще больше испугался, до того испугался что боялся оглянуться... Ему чудилось, что позади его стоитъ кто-то огромный, страшный и улыбается, скаля зубы...

Онъ весь затрясся и началъ креститься, повторяя: „Господи, Господи, Господи!" сознавая между тѣмъ, что все это, что онъ дѣлаетъ, только такъ себѣ, между прочимъ, а что главное—то, отъ чего онъ не можетъ отвязаться,—захватило его, и что онъ сдѣлаетъ это...

Ему вдругъ представилось, какъ завтра поутру придетъ мать и увидитъ его висящаго на крюку... какъ закричитъ... какъ сбѣгутся люди... какъ станутъ снимать его съ петли...

Онъ заплакалъ... Чувство невыносимой жгучей жалости къ самому себѣ наполнило его душу...

Онъ всталъ, поднялъ конецъ тонкой веревки „голосинника" и сдѣлалъ петлю.

Руки его дрожали, а въ головѣ кружились и порхали какіе-то кончики мыслей и стучали точно молотками отдѣльныя, совсѣмъ ненужныя слова, вродѣ: „снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ... Арьратъ, Араратъ"...

Онъ надѣлъ петлю на тонкую шею и тихонько потянулъ... веревка обхватила шею, какъ змѣя... Онъ быстро снялъ ее и полными ужаса глазами уставился на крюкъ, гдѣ висѣлъ одинъ изъ окороковъ... Ему казалось, что онъ видитъ не окорокъ, а самого себя...

— Господи!—закричалъ онъ вслухъ.—Спаси.....

На дворѣ запѣлъ пѣтухъ... Ему откликнулся другой у сосѣдей...

— Поздно, должно быть,—подумалъ Микишка,—спятъ всѣ... Скорѣй бы ужъ... Да неужели я это сдѣлаю?!—воскликнулъ онъ.

— „Сдѣлаешь, сдѣлаешь, сдѣлаешь!—точно шепталъ кто-то ему въ ухо.—Одна минута мученья—и конецъ... все кончится!..“

Онъ подошелъ къ окороку и, снявъ его съ крюка, бросилъ на полъ...

— Низко какъ,—подумалъ онъ,—пожалуй, ногами въ полъ упрусь... Надо повыше подвязать на крюкъ веревку...

Онъ подвязалъ веревку, постоялъ около, что-то думая, и вдругъ, закрывъ лицо руками, упалъ на полъ внизъ ничкомъ и горько заплакалъ...

Поутру пришла въ вышку старуха и, шаря въ потемкахъ руками, наткнулась на его висящее тѣло... Она сразу поняла, что это значитъ и, отчаянно закричавъ, бросилась въ избу...

Зажгли фонарь и пошли въ вышку...

Въ вышкѣ было темно... свѣчка догорѣла и, очевидно, недавно сама собой погасла. Микишка висѣлъ на крюку... Лицо его было сине и необыкновенно страшно... Глаза выкатились изъ орбитъ и въ нихъ былъ ужасъ... языкъ высунулся... виднѣлись зубы...

Крикъ, плачъ, ругань, попреки начались въ семьѣ Гоглевыхъ...

Злобный Богъ раздора вошелъ въ эту семью и дѣлалъ свое ужасное дѣло!..

Къ неизвѣстной.

Твое лицо мнѣ такъ знакомо,
Какъ будто ты жила со мной.
Въ гостяхъ, на улицѣ и дома
Я вижу тонкій профиль твой.
Твои шаги звенятъ за мною,
Куда я ни войду—ты тамъ.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночамъ?
Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь въ двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна видѣнному сну?
Я часто думаю—не ты ли
Среди погоста, за гумномъ
Сидѣла, молча, на могилѣ
Въ платочкѣ ситцевомъ своемъ...
Я приближался—ты сидѣла,
Я подошелъ—ты отошла,
Спустилась къ рѣчкѣ и запѣла...
На голосъ твой колокола
Откликнулись вечернимъ звономъ...
И плакалъ я, и робко ждалъ...
Но за вечернимъ перезвономъ
Твой милый голосъ затихалъ...
Еще мгновенье—нѣтъ отвѣта,
Платокъ мелькаетъ за рѣкой...
Но знаю горестно, что гдѣ-то
Еще увидимся съ тобой...

Александръ Блокъ.

СКАЗКА ЖИЗНИ.

Драматическая поэма **Ал. Лугового.**

Ночь была темна и холодна. Начало свѣтать, и съ разсвѣтомъ въ глухой лѣсной чащѣ медленно-медленно стали обозначаться неясныя спутанныя очертанія деревьевъ, кустарниковъ, холмовъ. Точно спросонья потягиваясь, выкинула вдругъ изъ мрака на свѣтъ свои мускулистыя вѣтви-руки могучая сосна, зѣвнула чернымъ беззубымъ ртомъ старуха-береза, а за ней да около нея зашевелилась трепетная зябкая осинка, и, щурясь, нехотя, вслѣдъ за старшими умывались росой березки-подростки. Поднялся съ земли поросшій мхомъ и брусникой бугорокъ, оттолкнулъ назадъ въ чащу облокотившійся-было на него можжевеловый кустъ, присѣлъ на корточки и всматривается, не проснулась ли на пригоркѣ за полянкой передъ нимъ старая одноглазая избушка. Проснулась. Огонекъ въ оконцѣ. То мелькнетъ, то будто тухнетъ. Дѣдъ печку затопилъ. Сейчасъ съ ведромъ за водой пойдетъ. Вонъ и ползетъ.

Дѣдъ все такой же, какимъ былъ вѣка, когда вотъ тутъ еще стояла, ликуя жизнью, полная земныхъ силъ столѣтняя ель; въ бурю-непогоду ее выворотило-таки съ корнемъ, она сгнила на мѣстѣ, непогребенная, невѣдомая, никому ненужная, разложилась на прахъ, давъ только своимъ сердцемъ, своими сгнившими здѣсь корнями жизнь мшистому, поросшему брусникой бугорку. А дѣдъ все тутъ, все такой же неизмѣнный, почти какъ неизмѣнна самая горка, пріютившая его избушку.

И бугорокъ и лѣсъ не видали дѣда инымъ. Большой, костлявый и сутулый; сѣдой-косматый; медленный-крѣпкій, ходитъ-бродитъ онъ по лѣсу: въ холодъ—въ зипунѣ, въ косматой шапкѣ да въ лаптяхъ; въ тепло — въ холщевой рубахѣ, въ пестрядиныхъ порткахъ, босый. Ходитъ, приходитъ, уходитъ, и опять тутъ. Случалось временами—пропадетъ дѣдъ куда-то надолго-надолго. И избушка завалится. Тогда придутъ люди, разбросаютъ сгнившую избушку, на-

рубятъ, натаскаютъ бревешекъ, тяпъ-ляпъ срубятъ новенькую, и, глядишь—старый дѣдъ опять въ ней, и опять одинъ-одинешенекъ. Только и самъ какъ-будто поновѣе. Точно подмѣнили дѣда. То ли онъ сталъ ростомъ пониже, то ли повыше—не разберешь. Волосъ покороче, спину держитъ попрямѣе, да какъ-будто и поотъѣлся. Но проходятъ дни, и дѣдъ опять такой же, какимъ былъ вѣка: большой, костлявый, сутулый, бѣлый, бородатый, неторопливый, жилистый и крѣпкій.

Что-то съ нимъ сегодня: спустившись съ пригорка, не пошелъ къ ключу, а поставилъ пустое ведро у тропинки, сдѣлалъ шагъ сюда, къ дупластой березѣ, и остановился, смотритъ въ чащу? Не медвѣдь ли тамъ спозаранку ищетъ малины?

Видитъ дѣдъ небывалое.

Пробираясь-продираясь черезъ чащу, черезъ валежникъ и кустарникъ, идетъ, еще не видя дѣда, прямо на него юноша. На красивомъ лицѣ юноши слѣды большого утомленія. Взглядъ печальный, ищущій. Движенія усталыя, съ усиліями. Голова непокрыта. На обуви и одеждѣ кое-гдѣ слѣды болотной грязи. Черная суконная рубаха надъ локтемъ прорвана.

Увидалъ и юноша дѣда. Поспѣшно сдѣлалъ шагъ къ нему, на лицѣ удивленіе и радость; спотыкаясь, шагнулъ уже на бугорокъ и съ бугорка къ полянѣ, и вновь, въ смущеніи, безпомощно остановился.

Дѣдъ.

Кто ты? Откудова?

Юноша.

...А ты?

Дѣдъ.

Я?.. Сторожъ я, лѣсникъ.

Юноша.

А я,
какъ видишь, изъ лѣсу иду.
Я заблудился тамъ.

Дѣдъ.

А въ лѣсъ
зачѣмъ попалъ?

Юноша.

Такъ... надо было...
Дай у тебя погрѣться, дѣдъ.
Усталъ я за ночь и продрогъ.

Дѣдъ.

Иди-ка ты въ мою сторожку,—
я за водой пока схожу,—
тамъ хлѣбъ найдешь себѣ на полкѣ,
въ кувшинѣ есть воды немного,
и печка топится, погрѣйся.

Юноша.

Спасибо, дѣдушка, тебѣ.

Юноша пожалъ старику руку и пошелъ. Но сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ горку — и споткнулся. Опустился у тропинки на мохъ и прилегъ, облокотившись на пенекъ. А дѣдъ уже взялся-было за оставленное ведро, но увидалъ юношу лежащимъ, остановился.

Дѣдъ.

Ты что?

Юноша.

Такъ... ничего. Иди,
иди своей дорогой, дѣдъ.

Но дѣдъ поставилъ ведерко и подошелъ къ Юношѣ. Похлопалъ его ласково по плечу и по-мужичьи ласково заговорилъ.

Дѣдъ.

Да ты не боленъ ли, миляга?

Юноша.

Не знаю, дѣдушка. Быть-можетъ.
Я, видишь, очень изнемогъ.
Два дня, двѣ ночи я блуждалъ.
Питался можжевельникомъ
и воду пилъ изъ лужъ въ болотѣ.

Дѣдъ.

Такъ хлѣбца принести тебѣ?

Юноша.

Нѣтъ, я и ѣсть-то не хочу.
Постой, вотъ отдохну немного,
такъ дотащусь къ твоей избушкѣ.

Дѣдъ.

Ну отдохни тутъ, полежи,
а я покуда посижу.
А тамъ и подсоблю тебѣ
подняться...

Юноша.

Дѣдушка! Зачѣмъ?..

Дѣдъ.

Ну ладно, что тамъ говорить!..
Я старъ, ты предо мною малъ,
вотъ въ пѣстуны и пригожуся.
А мнѣ такого молодца,
какъ ты, увидѣть тоже любо.
Сижу одинъ въ лѣсу межъ пнями,
и самъ, какъ пень, обросъ весь мхомъ.
Забылъ, когда и молодъ былъ!..
А на тебя взглянулъ—припомнилъ.
Эхъ, молодость! Вѣдь тожъ и я
Не здѣсь и не сѣдымъ родился.

Юноша.

А ты откуда?

Дѣдъ.

Я-то? Дальній.
Гляди, отвѣтить не сумѣю.
Родился гдѣ-то въ морѣ я,
на кораблѣ, и по морямъ
я долго съ матерью, съ отцомъ
на всякихъ корабляхъ шатался.
Полміра видѣлъ въ жизни-то,
а то и весь.

Юноша.

Ты кѣмъ же былъ?

Дѣдъ.

Спроси, кѣмъ не былъ я. Сперва
былъ я юнгой, матросомъ былъ,
а послѣ сталъ и капитаномъ.
Потомъ ужъ капитановъ-то
и самъ я развозить вездѣ
мои товары посылалъ.

Юноша.

Ты былъ богатъ?

Дѣдъ.

Всего бывало.

Юноша.

Такъ какъ же ты сюда попалъ?

Дѣдъ.

По волѣ Провидѣнья, знать,
да по пословицѣ еще,
что говоритъ: ты отъ тюрьмы
да отъ сумы не отрекайся.
Не прочно счастье, другъ, земное.
Ты думаешь, растешь, какъ дубъ
могучій,—глядь: тебя червякъ
давно подъ корень подточилъ.
Поцарствуешь, оглянешься
вокругъ: все тлѣнъ и суета.

Старикъ на минуту замолчалъ. Точно передъ нимъ мелькнули былые образы, воскресли воспоминанія. Но ни печали, ни раздумья не отразилось на его лицѣ. Спокойно и ласково смотрѣлъ онъ на Юношу.

Юноша.

Скажи мнѣ, дѣдъ: не жаль тебѣ
того, что потерялъ?

Дѣдъ.

Не жаль.
Прахъ, тлѣнъ и суета!.. А впрочемъ—
желай и суету познать.
Вотъ мнѣ сейчасъ ея не надо,—
а иногда: сижу, да вспомню,
раздумаюсь о томъ, что было,
и вижу въ памяти моей,
что мнѣ и суета суетъ
была на доброе пригодна.

Юноша былъ весь вниманіе. Но Дѣдъ опять сразу замолкъ. Казалось, ему не хотѣлось перебирать въ памяти еще лишній разъ то, что было и пережито давно, и многократно и многообразно передумано потомъ. Для себя онъ уже привыкъ довольствоваться готовымм выводами изъ своей жизни. И онъ круто повернулъ разговоръ.

Дѣдъ.

Да я-то что! А ты скажи-ка,
ты какъ, зачѣмъ сюда попалъ?
Ты кто?

Юноша.

Я—человѣкъ рабочій.

Дѣдъ.

Рабочіе мы всѣ. Одинъ
въ охотку, а другой—неволей.
Рабочіе мы всѣ, и нѣтъ
на свѣтѣ счастья безъ труда.

Юноша встрепенулся. Точно усталость прошла, глаза вспыхнули огонькомъ.

Юноша.

Ты, дѣдушка, заговорилъ
о счастьѣ—счастье я ищу.
Ты, дѣдушка, извѣдалъ трудъ.
Скажи же мнѣ, что̀ тяжелѣе:
невольный трудъ иль добровольный?

Дѣдъ.

Коль ты меня спросилъ объ этомъ,
такъ, стало быть, и самъ ужъ знаешь,
такъ, стало быть, уже и понялъ.
Въ трудѣ невольномъ я владыка
старанья моего и силъ:
хочу—прибавлю иль убавлю,
а то, пожалуй, вовсе брошу.
Убьешь—работать не заставишь.
Когда жъ по доброй волѣ трудъ,
Тогда не ты, а онъ твой царь.
Царь, избранный тобой самимъ.
Отдашь ему всего себя,
а онъ—какъ вздумаетъ: захочетъ—
такъ наградитъ, а нѣтъ—измаетъ,
до смерти доведетъ, такъ ты
и смерть въ трудѣ съ охотой примешь.

Юноша.

Такъ гдѣ же счастье, дѣдъ, скажи?
Вѣдь не въ неволѣ же оно,
не въ подчиненіи раба.

Юноша опять печально опустилъ усталую голову. Но ласково посмотрѣлъ на него Дѣдъ и твердо, ободрительно отвѣтилъ.

Дѣдъ.

А счастье, другъ, скажу, въ трудѣ.
Вотъ въ этомъ самомъ, въ добровольномъ.
Работай и гори, сгорай.
Свѣти и грѣй. Вѣдь все равно,
Коль не горѣть—гнилушкой гнить.

И снова вспыхнули огонькомъ надежды глаза Юноши. И страстно зазвучалъ его молодой голосъ: но его мысли вырывались прерывисто, слова бѣжали торопливо, точно ихъ еще гнали видѣнія пережитыхъ страданій и волненій.

Юноша.

О, дѣдушка, когда бъ ты только зналъ,
какъ я горѣлъ!.. Трудами рукъ своихъ
я добывалъ насущный хлѣбъ себѣ;
трудомъ ума, среди ночей безсонныхъ,
я хлѣбъ духовный добывалъ для тѣхъ,
кто, алчущій и жаждущій, искалъ
еще людьми непознаннаго счастья.
Искалъ я Истину. Святыхъ путей
искалъ для общаго благополучья.
И былъ гонимъ, и долженъ скрыться былъ
отъ тѣхъ, кто всѣ ключи путей завѣтныхъ
кощунственно держалъ въ своихъ рукахъ,
и счастье міра цѣлаго берегъ
лишь для себя и избранныхъ своихъ.
Я былъ гонимъ, мнѣ угрожала смерть,
и я искалъ спасенья и защиты
у тѣхъ, кому я безкорыстно отдалъ
мой трудъ, мой умъ, всѣ помыслы мои,
и за кого я былъ травимъ, какъ звѣрь,—
они же...

Дѣдъ.

Что-жъ они?

Юноша.

Они меня—
слѣпые!—не узнали, и врагамъ
своимъ наивно предали меня...
Но изъ тюрьмы сумѣлъ я убѣжать.
Въ глухую ночь въ непроходимый лѣсъ
я убѣжалъ. И я блуждалъ въ лѣсу,
не зная самъ, зачѣмъ, куда итти.
Мнѣ опостылѣла и жизнь моя,
и то, что я считалъ своей святыней,
все то, надъ чѣмъ я съ вѣрою трудился.
И я почувствовалъ: возврата нѣтъ!
А надо мною тьма и лѣсъ вокругъ!..

Юноша усталымъ мрачнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на окружавшій его еще и теперь все тотъ же невѣдомый ему вѣковой лѣсъ. Потомъ взглянулъ на старика, встрѣтился съ

его внимательнымъ, пытливымъ, но ласковымъ взглядомъ и, пріободренный, опять заговорилъ задумчиво о томъ, что пережилъ и видѣлъ.

Ночь долгая прошла, и встало солнце.
Надъ зеленью вершинъ на синемъ небѣ
я увидалъ его. И, вновь съ надеждой,
впередъ, на это солнце я пошелъ.
Я думалъ, что, идя прямымъ путемъ,
я выходъ изъ лѣсу найду на волю.
Весь день, до вечера, я шелъ и шелъ.
И къ западу склоняться стало солнце,
а я все шелъ къ нему. И снова ночь,
И снова я во тьмѣ въ глухомъ лѣсу.
И я подумалъ: свой круговоротъ
свершало солнце, и, идя за нимъ,
не прямо я къ границѣ лѣса шелъ,
а вмѣстѣ съ солнцемъ по лѣсу кружилъ.
Усталый и разбитый, я заснулъ.
Не знаю, мало ль, долго ли я спалъ,
я былъ разбуженъ холодомъ ночнымъ.
Взглянулъ на небо—тамъ звѣзда сіяла.
Я всталъ, и снова въ путь — къ звѣздѣ далекой.
Я шелъ—звѣзда склонилась за деревья,
и я, въ отчаяньи, пошелъ безъ цѣли,
безъ отдыха, безъ думъ и безъ надеждъ,
пока съ зарей не очутился здѣсь.

Дѣдъ.

Ну, здѣсь, такъ вотъ и слава Богу!
Мой лѣсъ великъ, ты изъ него,
пожалуй, вовсе могъ не выйти:
умрешь, сгніешь—никто не знаетъ.
Счастливъ твой Богъ, что ты спасенъ.

Но Юноша не выражалъ радости. Опустивъ голову, онъ сидѣлъ въ раздумьи и въ печали. И печаленъ былъ его голосъ, когда онъ обратился къ старику.

Юноша.

А въ чемъ, скажи, мое спасенье?

Дѣдъ.

Какъ въ чемъ? Ты живъ, и слава Богу.

Юноша.

Живъ! Для чего? И для кого?
Зачѣмъ, куда пойду отсюда?

Дѣдъ.

Пойдешь туда же, гдѣ ты былъ.
Пойдешь по городамъ, въ народъ...
работать будешь...

Юноша.

Для чего?

Дѣдъ.

Чтобъ жить и жить давать другимъ.

Юноша.

Усталъ я, дѣдъ. Я изнемогъ.
Хочу покоя, забытья.

Дѣдъ.

А отдохнешь, гляди—труда
животворящаго запросишь.

Юноша.

Я не хочу вернуться къ людямъ.
Охотнѣе всего—съ тобой
остался бы я здѣсь въ лѣсу.
Дай мнѣ работу, дѣдъ. Меня
здѣсь научи свободнымъ жить,
какъ птицы, что живутъ въ лѣсу...

Дѣдъ.

Пустое говоришь, мой другъ.
Ты—человѣкъ, не птица. Жить
по-птичьи на вѣтвяхъ не станешь.

Юноша.

Однако, ты вотъ здѣсь живешь.

Дѣдъ.

То ты, то я—статья иная.
Да ты меня хоть бы спросилъ:
чтò, счастливъ я въ уединеньи?

Юноша.

Но мнѣ казалось, ты избралъ
такую жизнь по доброй волѣ?

Дѣдъ.

Да, да... Была пора: какъ ты,
уставъ отъ жизни, отъ людей,
ушелъ изъ городовъ я въ глушь,
туда, гдѣ прадѣды мои
пахали землю въ òно время.

Я сталъ пахать и боронить.
И я душой переродился.
Но вотъ опять—пришла пора—
и я почувствовалъ себя
въ родной семьѣ крестьянъ чужимъ.
И я ушелъ отъ нихъ, ушелъ
сюда наемнымъ лѣсникомъ
въ заповѣдной казенный лѣсъ.
Какъ пугало на огородѣ,
здѣсь сторожу отъ воронья—
отъ топоровъ—Господенъ садъ,
народное добро—лѣса,
взрощенные вѣками.

Юноша.

Что же
тебя сманило въ этотъ лѣсъ?

Дѣдъ.

Я здѣсь искалъ общенья съ Богомъ.
Въ природѣ Бога я искалъ.

Юноша.

И что же, дѣдушка, нашелъ?

Дѣдъ.

Нашелъ одно,—что никогда
я здѣсь Его лицомъ къ лицу
не встрѣчу, хоть и знаю: здѣсь Онъ,
Онъ тутъ—великій, нераздѣльный,
невѣдомый, но вездѣсущій.

Юноша.

И ты теперь покоенъ, счастливъ?

Дѣдъ.

Покоенъ—да. А счастливъ—нѣтъ.
Я—человѣкъ, а счастья нѣтъ
безъ человѣка человѣку.
Я вотъ сказалъ тебѣ, что Бога
здѣсь чую я въ лѣсу вездѣ,
но Онъ со мной не говоритъ
и увидать Его могу
я, только заглянувши въ сердце
подобнаго мнѣ человѣка.

Съ горькой улыбкой, съ страдальческой ироніей посмотрѣлъ на него Юноша.

Юноша.

Такъ отчего же не вернешься
ты снова къ людямъ?

Дѣдъ.

Поздно мнѣ.
Съ меня довольно, что хожу
къ роднымъ въ деревню за ѣдой,
или сюда они приходятъ.
Мнѣ въ долѣ ихъ участья нѣтъ,
къ порядкамъ ихъ не примѣниться.
Умру я здѣсь, какъ сычъ въ дуплѣ,
одинъ—отрѣзанный ломоть.
Но если бъ раньше понялъ я,
что яснымъ стало мнѣ теперь,—
я согласился бы нести
какія хочешь тяготы,
чтобъ только жить съ людьми, ихъ жизнью,
не схоронить себя живымъ.

Старикъ умолкъ въ раздумьи. Молчалъ и Юноша. Онъ смотрѣлъ въ лицо старику съ сомнѣніемъ, съ печалью, не принимая его настроенія въ свою душу. Но Дѣдъ поднялъ на него ласковый, кротко покоряющій взглядъ и положилъ Юношѣ руку на плечо.

Дѣдъ.

А ты, сынокъ, вернись туда,
гдѣ жилъ въ трудахъ твоихъ доселѣ.
Я накормлю и напою
тебя и укажу дорогу
вонъ по крутой тропинкѣ въ гору,
тамъ, позади моей избушки.
По ней придешь въ деревню ты,
найдешь мою родню, а тамъ
тебѣ укажутъ путь и въ городъ.

Юноша покачалъ головой. И упрямо-печально отвѣчалъ старику.

Юноша.

Нѣтъ, дѣдъ! Оставь меня съ собой!
Иль укажи въ другой мнѣ лѣсъ
къ другому лѣснику дорогу.

Улыбнулся Дѣдъ.

Дѣдъ.

А ты, дружокъ, сосни-ка малость.
Сонъ подкрѣпитъ. А я пойду

схожу за ключевой водою,
а какъ приду, такъ всѣ пути,
что вѣдаю, тебѣ открою.

Юноша слѣдилъ, какъ удалялся между деревьями старикъ; потомъ обвелъ взглядомъ лѣсъ вокругъ, и въ раздумьи долго смотрѣлъ на великана-сосну, на старую дуплатую березу. Потомъ оглянулся назадъ на избушку и съ усиліемъ всталъ, чтобъ итти. Это показалось ему тяжело: онъ сдѣлалъ шагъ и опять сѣлъ на землю. Въ раздумьи опустилъ онъ голову на руку. Усталость одолѣла его, онъ склонился, заснулъ.

А разсвѣтъ уже смѣнялся зарей. Уже порозовѣли верхушки деревьевъ, прощебетала синичка, пропѣлъ дроздъ, зарѣяли мошки. И молодой смѣлый солнечный лучъ пробрался гдѣ-то черезъ чащу знакомымъ ему путемъ, мимо старухи-березы, снизу въ горку съ утреннимъ привѣтомъ къ дѣдовой избушкѣ—и по дорогѣ съ любопытствомъ остановился на-время надъ лежавшимъ Юношей. Спящему стало вдругъ тепло, на лицѣ показалась ясная улыбка; и навстрѣчу настойчивому лучу, онъ открылъ глаза, приподнялся, глядитъ и видитъ: солнечный лучъ разбудилъ не только его, но и еще кого-то, коснувшись однимъ краемъ огромнаго стараго дупла березы. Изъ дупла выглянула голова красавицы съ золотистыми волосами, и взглядъ проснувшагося Юноши встрѣтился съ ея нѣжащимъ взглядомъ. Она смотрѣла на него, улыбалась ему, она, казалось, теперь, и сама слилась съ солнечнымъ лучомъ Не изъ дупла вышла она, а точно самый стволъ березы вдругъ превратился въ столбъ золотого свѣта. И, незамѣтно отдѣлившись отъ этого ствола, красавица, вся въ прозрачномъ хитонѣ изъ тончайшихъ золотистыхъ солнечныхъ лучей, двинулась, какъ видѣніе, къ изумленному юношѣ. Онъ вскочилъ, точно никогда не зналъ усталости, ей навстрѣчу.

Юноша.

Кто ты?

Видѣніе.

Я—Счастье. Да—твое я счастье.

Восхищеннымъ взглядомъ смотрѣлъ Юноша на Видѣніе, не рѣшаясь протянуть ему руку, не зная, что сказать.

Видѣніе.

Искалъ меня? А я ждала тебя.

Юноша.

Да? Правда?

Видѣніе.

Да. Ты долженъ былъ притти.
Твой путь сюда былъ труденъ. Это было
большое испытаніе тебѣ.
Зато теперь я поведу тебя
крылатыми шагами по полямъ,
гдѣ вѣчной радости цвѣтутъ цвѣты.
Любимый мой, скажи, чего ты хочешь?

Юноша не зналъ, что сказать. Онъ захотѣлъ прикоснуться хотя бы только къ одеждѣ красавицы, — неуловимая, какъ солнечный лучъ, она отодвинулась отъ него. И, смущенный, онъ опустилъ руку. Но все существо его уже безвольно потянулось къ этому сошедшему на землю солнцу.

Юноша.

Съ тобою быть хочу.

Видѣніе.

Съ тобою я.

Юноша.

Такъ приласкай меня! Такъ приласкай,
какъ ты меня ласкала въ колыбели.
Вѣдь вотъ ужъ много лѣтъ моя душа,
въ невзгодѣ съ каждымъ днемъ мужая, жаждетъ
тепла родной-родной души.

Видѣніе.

Я буду
ласкать тебя моей нетлѣнной лаской.

Юноша.

Ты обними меня и дай обнять
тебя.

Видѣніе.

Любимый, радостный, желанный,
мои объятія неощутимы—
я дамъ тебѣ объятія другихъ.

Юноша.

Но я тебя, тебя хочу!.. Ты здѣсь,
ты подойди!..

Видѣніе.

Я—не матерія.
Я—творческая сила. Создавать
могу я, но не быть. Скажи же мнѣ,
чего ты хочешь—будетъ.

Ея взглядъ былъ полонъ гордой вѣры, полонъ обѣщающей силы. Юноша съ безграничной довѣрчивостью отдавалъ ей свою душу.

Юноша.

Чего хочу я? Счастья.

Видѣніе.

Въ чемъ оно?

Юноша.

Не знаю. Развѣ не сказала ты:
я счастіе твое. Ты лучше знать
должна.

Видѣніе.

Въ свободѣ выбора оно.

Юноша.

Такъ ты и сдѣлай выборъ за меня.

Видѣніе.

Ты счастливъ выборомъ моимъ не будешь.

Юноша.

Загадки я не понимаю.

Видѣніе.

Слушай.
Есть у меня сестра—родная. Ты,
едва подросъ, ужъ повстрѣчался съ ней.
Она зовется у людей Несчастьемъ.
Мы обѣ съ ней отъ матери одной,
отъ Жизни. Равныя во всемъ. Гдѣ я
пройду по произволу, тамъ сестра
пройти имѣетъ властную возможность.
Сестра родилась старшей. Вся земля
ей, первородной, Хаосомъ-Отцомъ
обѣщана въ наслѣдье до меня.
Родилась я. Родилася тогда,
когда, съ вѣками, Хаосъ одряхлѣлъ,
родилась отъ Титана-Человѣка.
Его Мать-Жизнь потайно полюбила.
Но люди думаютъ, что обѣ мы
съ сестрой отъ Хаоса на свѣтъ явились.
Когда пришлось дѣлить межъ нами міръ,
тогда изъ ревности, изъ скупости,
Сестра возненавидѣла меня.
Какъ мать моя, людей я полюбила,
сестра имъ мстила за любовь мою.

Все лучшее я отдавала людямъ,
сестра у нихъ все это отнимала.
Я помогала племени Титановъ
создать мой міръ особый на землѣ,
сестра мои созданья возвращала
дряхлѣющему Хаосу-Отцу,—
развалины Развалинѣ въ утѣху.
И если не могла успѣть сегодня,
на-завтра не забудетъ сдѣлать зло.
За радости минутныя отцовъ
она несетъ потомкамъ годы горя.
И отъ вражды ея ко мнѣ явились
и вновь родятся новыя страданья,
источникомъ которыхъ стала я,
я, дочь любви Титана-Человѣка.
Такъ было до сегодня, такъ сейчасъ.
Но ближе съ каждымъ днемъ моя побѣда:
сестра слабѣетъ, Хаосъ умираетъ,
мое родное, близкое мнѣ племя
Людей-Титановъ крѣпнетъ и растетъ.
Міръ будетъ нашимъ, будетъ міромъ Счастья.
Умы людей Несчастье отравляло,
обманно заставляя принимать
за горе—радость и добро—за зло.
Отравѣ я дала противоядье:
свободный выборъ между мной и ею.
Я говорю: „Ищите радость въ горѣ,
умѣйте превращать и зло въ добро".
Я отреклась отъ власти надъ людьми,
руководить ихъ волей отказалась,
себя въ ихъ власть я отдала, и этимъ
я отдала въ ихъ власть сестру Несчастье,
и отдала весь міръ. Свобода—благо,
какого выше нѣтъ ни у людей,
ни у боговъ, и я даю тебѣ
свободу выбрать счастье. Выбирай.

Юноша.

Чего хотѣть?

Видѣніе.

Богатства? Славы? Власти?
Покоя? Добродѣтелей? Любви?

По лицу Юноши пробѣжала улыбка, и въ ней было больше недовѣрія, чѣмъ удовольствія. Выборъ былъ слишкомъ великъ, мало вѣроятенъ. Что могъ онъ предпочесть изъ предложеннаго?

Юноша.

Хочу всего. Но знать хочу я прежде:
всѣ эти элементы счастья—гдѣ?

Красавица окинула взглядомъ его рубаху рабочаго.

Видѣніе.

Я ихъ создамъ тебѣ. Вотъ хочешь такъ.
Ты сдѣлаешь открытіе въ наукѣ.
Оно произведетъ переворотъ
въ условьяхъ жизни всѣхъ народовъ міра.
Тебѣ отвсюду будутъ помогать
осуществить твое изобрѣтенье.
Построятъ фабрики—ты во главѣ
международной арміи рабочихъ.
И будетъ имя славиться твое
на всѣхъ устахъ во всѣхъ частяхъ земли.
И слово мастера твое для нихъ
закономъ будетъ, какъ законъ природы.

Красавица съ любовью смотрѣла на Юношу, радостно приподнимая передъ нимъ завѣсу того, что она сулила ему, радостно маня его. Юноша слушалъ ее, весь вниманіе. Въ началѣ восторженное выраженіе лица его становилось теперь все болѣе серьезнымъ, взглядъ вдумчивымъ. И передъ этимъ взглядомъ чаща лѣса точно заволоклась вдругъ свѣтлой дымкой, и уже не деревья видитъ Юноша—видятся ему каменныя громады фабричныхъ зданій, высокія дымящіяся трубы, видятся большія залы, гдѣ вертятся сотни машинъ, гдѣ тысячи рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, одни направляютъ машинные рычаги, другіе подаютъ и принимаютъ вырабатываемое машинами: слышится ему гулъ вертящихся колесъ, слышится отдаленный ропотъ, слышатся отдѣльные выкрики...

На лицѣ Юноши появляется немного ироническая улыбка. И отъ нея, какъ туманъ, разсѣивается среди древесныхъ стволовъ мелькнувшая предъ глазами Юноши картина фабричной жизни. Онъ снова смотритъ въ лицо красавицы, смотритъ смѣло и открыто, и говоритъ съ довѣрчивостью и лаской.

Юноша.

Мой вѣкъ пока не дологъ былъ,—и будетъ,
навѣрное, не дологъ. Пережить,
однако, мнѣ пришлось уже не мало.
Товарищамъ я честно послужилъ
своимъ трудомъ, готовъ опять служить

фундаментомъ подъ ихъ благополучье.
Но ты мнѣ обѣщала счастье, мнѣ
хотѣла дать покой, а вотъ даешь
мнѣ новое отвѣтственное бремя.
Велишь—приму. Но счастье, счастье гдѣ же?

Видѣніе.

Ты правъ. Такое счастье не легко.
И если ты его себѣ не выбралъ,
другое выбирай. Но не забудь,
мой каждый даръ отнять Несчастье можетъ.
Ты слово произнесъ: покой. Создать
его себѣ ты можешь изъ того,
что бременемъ сейчасъ назвалъ. А я
могу и отойти.

Видѣніе незамѣтнымъ шагомъ отодвинулось назадъ къ старой березѣ. И лучъ солнца, постепенно пробиравшійся въ горку къ избушкѣ лѣсника, остановился на полдорогѣ; онъ даже опустился ниже, точно отодвигаясь вмѣстѣ съ видѣніемъ: облачко ли тутъ набѣжало на его пути, или, уклоняясь въ сторону, онъ встрѣтилъ преграду изъ густой листвы.

Юноша.

Куда, зачѣмъ,
когда со мною быть ты обѣщала?

Видѣніе.

Я не уйду. Но межъ тобой и мною
твоя свобода выбора стѣной
несокрушимою должна стоять.
Вѣдь я могла бъ внушить тебѣ, что счастье
лишь въ томъ, чѣмъ ограничу я тебя,
сведя съ высотъ къ духовной нищетѣ
всѣ помыслы твои и всѣ желанья.
Ты ограниченности духа хочешь?

Юноша.

Нѣтъ, нѣтъ!

Видѣніе.

А чѣмъ свободнѣй выборъ твой,
тѣмъ больше разстояніе межъ нами.

Юноша смотрѣлъ теперь на красавицу-Счастье широко раскрытыми глазами, смотрѣлъ долго, и на лицѣ его выступало все яснѣе выраженіе благоговѣнія. И молитвенно звучалъ его голосъ, когда онъ опять заговорилъ.

Юноша.

Благодарю всѣмъ сердцемъ, всей душой!
Да, высшее ты мнѣ уже дала:
Цѣнить свободу духа научила.

Видѣніе.

Такъ ты не отвергай высокомѣрно
то меньшее, что я тебѣ сулю:
богатство, власть и славу, не какъ бремя,
а какъ свободу отъ заботъ возьми.
Сложи заботы на другихъ, тебя же
безпечной радостью я окружу.
На эту долю львиную тебѣ я
даю святое право потому,
что ты чрезъ лѣсъ глухой, черезъ болота,
голодный и усталый шелъ ко мнѣ.
Вотъ предъ тобою голубое море.
Вотъ берегъ... тѣнь широколистныхъ пальмъ...
и ароматъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ...
дворецъ твой и толпа твоихъ друзей...
и звуки нѣжной музыки, чуть слышной.
Живи.

Юноша задумчивымъ взглядомъ смотрѣлъ въ далекую даль черезъ чащу лѣса. И теперь тамъ снова мелькнуло передъ нимъ, но уже въ другой сторонѣ, видѣніе всего, что сейчасъ обѣщала ему красавица-Счастье. Онъ долго не могъ оторвать взгляда отъ манящей картины. И, казалось, готовъ былъ сдѣлать шагъ, порывистый шагъ въ эту сторону, но на мгновеніе задумался, опустилъ глаза. А взглянулъ снова, и—на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше повидѣлись ему фабричныя зданія, гдѣ виднѣлись вертящіяся машины—онъ увидалъ теперь мракъ подземныхъ галлерей, струящуюся каплями по стѣнамъ сырость, увидалъ людей въ грязи, въ каменноугольной пыли, услыхалъ стукъ кирки, ломающей пласты каменнаго угля; увидалъ женщинъ и дѣтей, катающихъ тяжелыя, наполненныя каменнымъ углемъ тачки по душнымъ, низкимъ, сырымъ подземнымъ галлереямъ, гдѣ свѣтятъ лишь маленькія лампочки. По лицу Юноши пробѣжала печальная улыбка.

Юноша.

Нѣтъ, этого я счастья не хочу.

Съ такой же печальной улыбкой отодвинулось отъ него еще на шагъ Видѣніе. И лучъ солнца, падавшій на красавицу, ослабъ. Ея волосы стали нѣжными, бѣлыми, какъ левъ. Нѣжными и бѣлыми стали теперь и ея золотистыя одежды.

Видѣніе.

Любимый мой, мой свѣтлый, чистый духомъ!
Ты правъ. Не даромъ я дала тебѣ
свободу выбора. Люблю тебя
за то, что ты безмѣрностью желаній
и помысловъ твоихъ со мной всталъ рядомъ,—
а не въ низинѣ, тамъ, гдѣ копошатся
несчастные, кого я не могла
поднять на высоту. Любимый мой!
Пойдемъ, я долю дамъ тебѣ, какая
доступна только лишь большому сердцу
большого человѣка. Будь такимъ.
Вотъ изнемогшіе въ борьбѣ, больные
въ страданіяхъ лежатъ на смертномъ ложѣ.
Ты можешь имъ вернуть здоровье, силу,
ты можешь къ жизни ихъ вернуть. Смотри:
больной отецъ семьи. Спасай его—
спасешь ты вмѣстѣ съ нимъ его семью.
Вотъ умирающій ребенокъ. Онъ
для матери въ ея пустынѣ горя
оазисъ радости. Дай жизнь ему,
и ты дашь этой женщинѣ то счастье,
какого тщетно ищешь самъ теперь.
Смотри: вотъ юноша, какъ ты разбитый,
разслабленный борьбой, лишенный силъ.
А въ немъ таится гражданинъ великій.
Ты укрѣпи его. Ты это можешь:
дамъ все тебѣ, чѣмъ велика наука
искуснаго врача души и тѣла.
Будь.

Юноша внимательно слушалъ вдохновлявшую его красавицу, и въ его мысляхъ, въ его душѣ, казалось, было такъ же свѣтло, какъ были свѣтлы теперь ея одежды.

Юноша.

Ты это назвала завидной долей.
Но непомѣрно велико и бремя
чужихъ страданій, что себѣ на плечи
я вмѣстѣ съ этой долею возьму.
Ты, свѣтлая, желанная, благая,
ты обѣщала мнѣ покой и счастье—
ты мнѣ велишь, и въ душу я свою,
какъ счастіе, приму людское горе,—
но гдѣ же будетъ радость въ немъ моя?

Видѣніе.

Въ любви къ тебѣ всѣхъ тѣхъ, кто горе зналъ.

На губахъ юноши появилась ироническая улыбка.

Юноша.

Въ любви? И благодарности? Пусть такъ.
Но прежде самъ я долженъ буду дать
своей любви къ нимъ столько, что едва ли
оставлю что-нибудь и для себя.
Любовь такую я ужъ испыталъ.

Видѣніе.

Свободенъ выборъ твой. Бери другое.

Юноша.

Да, я хочу свободы. А въ судьбѣ
врача—свободы выбора мнѣ нѣтъ.
Какъ буду исцѣлять я тѣхъ, чья жизнь
во всемъ ея объемѣ преступленье?
Ты дашь ли мнѣ, врачу, даръ прозорливца?
А дашь—я все жъ не буду палачомъ.

Видѣніе.

Я радость дать хочу тебѣ—не горе.
Не по-сердцу тебѣ, что предлагала,
Такъ дамъ тебѣ я то, въ чемъ не зависимъ
ни отъ кого ты — только отъ себя:
послѣднее, безспорное—любовь.
Любовь—источникъ вѣчности для міра.
Любовь—зарю прекраснѣйшаго дня,
жемчужину изъ океана жизни.
Любовь—звѣзду, горящую на небѣ,
и пѣснь, нѣжнѣйшую изъ всѣхъ пѣсней.
Скажи, ты счастливъ будешь ли любовью
той дѣвушки, чье сердце такъ прильнетъ
къ тебѣ, какъ къ солнцу тянется цвѣтокъ,—
той дѣвушки, чья чистая душа
отъ ласкъ твоихъ брильянтомъ загорится,
какъ на зарѣ прозрачная росинка
горитъ подъ блескомъ солнечныхъ лучей?
Я дамъ тебѣ такой любви святыню,
любовь подруги-спутницы твоей
и матери ребенка твоего,
чтобъ воплотились всѣ твои мечты.

Лучъ солнца, точно опять пробившись чрезъ облако, чрезъ густоту древесной листвы, снова озарилъ красавицу

и превратилъ ея бѣлыя одежды, ея свѣтлыя, какъ ленъ, волосы въ чистѣйшія нити золота.

И лицо Юноши опять вспыхнуло радостью, и онъ съ распростертыми объятіями дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ ней, желая обнять ее.

Юноша.

Тебя хочу, желанная, тебя!

Видѣніе.

Пойдемъ,—я къ этой радости съ тобой
пойду испытаннымъ путемъ, какой
Мать-Жизнь намъ указала.

Юноша при словѣ Жизнь вдругъ останавливается. По лицу его пробѣгаетъ тѣнь сомнѣнія и грусти. Онъ нерѣшительно смотритъ и нерѣшительно говоритъ.

Юноша.

А сестра
твоя—Несчастье—насъ не встрѣтитъ?

Видѣніе сразу поблекло. Лучъ солнца скрылся. И только что манившій, ласкающій голосъ красавицы звучитъ уже печально.

Видѣніе.

Встрѣтитъ.

И Юноша уже смотритъ на Видѣніе смущеннымъ, растеряннымъ взглядомъ. Руки его опускаются. Видѣніе заволакивается передъ нимъ туманомъ. Юноша опускается на землю, закрываетъ лицо руками. Когда онъ снова открываетъ его и снова смотритъ на то мѣсто, гдѣ исчезло Видѣніе-Счастье, тамъ стоитъ уже другое Видѣніе: та же прекрасная женщина, съ тѣмъ же лицомъ, но вся съ головы до ногъ закутана она въ черную прозрачную ткань. Выраженіе лица спокойное, суровое, но влекущее къ себѣ неотразимой силой красоты. И Юноша вскакиваетъ и въ изумленіи дѣлаетъ въ сторону къ Видѣнію нѣсколько шаговъ. Оно въ свою очередь приближается къ нему.

Юноша.

Такъ это ты была?

Видѣніе.

Да, это я.

Юноша.

Зачѣмъ же обманула ты меня?
Въ который разъ обманываешь ты?

Видѣніе.

Себя всегда обманывалъ ты самъ.

Юноша.

Но развѣ не являлась ты сейчасъ,
вся солнцемъ осіянная, въ одеждахъ
изъ ткани золотой. И развѣ ты
не назвалася Счастьемъ? Ты за дочь
твою, рожденную тобою тайно,
себя не выдавала? И въ любви
къ Титану-Человѣку не призналась?

Видѣніе.

Я предъ тобой стояла все такой же,
какой стою сейчасъ. И дочерей
нѣтъ у меня иныхъ, какъ только тѣ,
какихъ родишь ты самъ въ твоихъ мечтахъ.
Несчастье, Счастье—все твои созданья.
А я, отъ Хаоса рождая Міръ,
со всей его красой и безобразьемъ,
ни счастья, ни Несчастья я не знаю.
Я всѣхъ равно люблю и всѣхъ питаю.
Теперь, какъ и всегда, я предъ тобой
стою съ неизмѣняемой любовью
и обѣщаю все тебѣ такимъ,
какимъ сейчасъ тебѣ я обѣщала.
И благо высшее—свободный выборъ
между дарами Счастья и Несчастья—
я отъ тебя не отниму. Иди,
борись за то, что Счастіемъ назвать
захочешь ты,—я помогу тебѣ,
какъ помогу и всякому другому.
Иного счастья нѣтъ, какъ быть довольнымъ
лишь тѣмъ, что ты встрѣчаешь на пути.
Тебѣ я предлагала, что могла,
но ты, отвергнувъ это все, отвергъ
и счастье ограниченныхъ желаній.

Юноша остановился въ глубокомъ раздумьи. Съ спокойнымъ, строгимъ выраженіемъ лица стояла передъ нимъ Жизнь, ожидая, на чемъ остановитъ онъ свой выборъ. Но умъ Юноши какъ будто метался изъ стороны въ сторону. Его невольныя движенія выражали тоску сомнѣнія, тревогу

внутренней борьбы, горечь нерѣшительности. И, простирая руки къ Видѣнію, Юноша не могъ сказать ничего рѣшительнаго, не хотѣлъ сказать ничего новаго.

Юноша.

Мать-Жизнь! Ты дай мнѣ счастья, дай! Теперь
я понялъ все, что ты мнѣ говорила,
и ничего не понимаю я...
Мать Жизнь, пусть обѣ дочери твои
и Счастье и Несчастье лишь мечты,
и пусть не знаетъ ихъ безстрастный Хаосъ,
рождающій съ тобою Міръ. Но я—
вѣдь я твое рожденье, сынъ твой, Мать.
И пусть я Человѣкъ-Титанъ, иль только
ничтожный, жалкій человѣкъ, но я
твой сынъ, какъ и весь Міръ, тобой рожденъ
отъ Хаоса Предвѣчнаго. Смотри:
я на колѣняхъ предъ тобою, Мать.
Дай счастья мнѣ. Скажи мнѣ, въ чемъ оно!
Куда и какъ направить выборъ мой?

Видѣніе.

Что жъ, хочешь ты, чтобъ обмануть тебя?

Юноша.

Нѣтъ, нѣтъ! Хочу понять и знать. Но пусть
мое познанье не сулитъ мнѣ горе.
Я радости хочу. И я хочу,
чтобъ радость та была тебя достойной,
чтобъ мать въ душѣ сыновней ликовала.

Строгое выраженіе лица Жизни смѣнилось торжественно-радостнымъ. И голосъ, которымъ заговорило теперь Видѣніе, звучалъ горячей материнской лаской.

Видѣніе.

Любимый! избранный! мой сынъ и другъ!
Не родила тебя слѣпымъ, глухимъ,
и Міръ тебѣ дала постигнуть такъ,
какъ лишь сама его я постигаю.
Тебѣ открыла собственную тайну
моей борьбы за счастье человѣка.
Теперь послѣднюю открою тайну:
то тайна истиннаго счастья жизни.

Глаза Юноши засвѣтились радостью. Онъ всталъ съ колѣнъ и, продолжая простирать руки къ величественному Видѣнію, остановился передъ нимъ въ свѣтломъ ожиданіи. И, нетерпѣливый, онъ спрашивалъ тревожнымъ голосомъ:

Юноша.

Такъ въ чемъ оно? скажи же, въ чемъ оно.

Видѣніе.

Въ борьбѣ.

Юноша, пораженный неожиданностью, застылъ въ неподвижной позѣ, пристально смотря Видѣнію въ глаза.

Видѣніе.

Въ борьбѣ съ самимъ собой за то,
чтобъ равновѣсіе найти желаній
и ихъ возможностей осуществленья;
въ борьбѣ между стремленіемъ къ покою
и вѣчной жаждою движенья въ даль;
въ борьбѣ межъ жадностью познанья тайнъ
и страхомъ предъ бездонной пустотой,
гдѣ нѣтъ ни тайнъ, ни грезъ, ни заблужденій;
въ борьбѣ за то, чтобъ вѣчно примирять,
что вѣчно кажется непримиримымъ.

Юноша.

Борьба!.. борьба, съ ея всегда невѣрнымъ,
всегда невѣдомымъ концомъ!.. Скажи:
чт вѣрно, неизмѣнно?

Видѣніе.

Лишь одно—
Надежда. Радость дастъ она тебѣ,
когда исполнится. А если нѣтъ—
то въ самомъ разрушеньи, умирая,
она—наслѣдницей себѣ—рождаетъ
спасительную, новую надежду.
Такъ вѣчная борьба даетъ иль радость
сегодняшней побѣды иль побѣды
въ грядущій день. Возьми, что хочешь, въ счастьи:
застывшее—оно уже мертво,
и въ немъ уже таится разложенье.
Стоитъ живой, безсмертною—борьба.

Съ мужественнымъ лицомъ, съ выраженіемъ отваги отвѣчалъ онъ ей.

Юноша.

Я радость вѣчную теперь постигъ!
О, да—она въ борьбѣ. Гляжу назадъ,
на пройденный мой путь, и все, что тамъ
страданьемъ было для меня, теперь
все это издалёка свѣтитъ мнѣ,

как радостные маяки-огни.
Вѣдь этимъ я путемъ сюда пришелъ,
чтобъ Счастье здѣсь найти мое—Тебя.
Мать-Жизнь, веди меня, борцомъ, впередъ!
Да, счастье одиночества ничтожно.
Одинъ—будь въ личномъ счастьѣ я титаномъ—
я все-таки не больше, какъ Титанъ.
А тотъ же я—въ борьбѣ за счастье міра,
какъ человѣкъ, душой съ людьми сливаясь,
я богомъ дѣлаюсь съ моей задачей
пересоздать по-своему весь міръ,
что Хаосомъ-Отцомъ съ Тобой рожденъ.
Мать-Жизнь, мой выборъ сдѣланъ! Укажи
мнѣ путь туда, гдѣ я могу явиться
тебѣ достойнымъ сыномъ.

И Юноша, сдѣлавъ еще шагъ, благоговѣйно склонился передъ ней на колѣни. И Жизнь приблизилась къ нему, положила на его голову благословляющую руку, и голосомъ спокойнымъ, ласковымъ, но властнымъ говорила ему.

Видѣніе.

Встань, любимый,
встань лучшій изъ сыновъ моихъ. Пойдемъ.
я поведу тебя высоко въ гору:
откроется передъ тобой весь міръ,
увидишь перекрестные пути
всѣхъ радостей земныхъ, земныхъ печалей.
Увидишь и поймешь, куда ты долженъ
и самъ итти и звать другихъ,—всѣхъ тѣхъ,
которые остались позади,
за этимъ, пройденнымъ тобой болотомъ,
осталися въ невольномъ заблужденьи
о призрачномъ ихъ Счастьи и Несчастьи.
Тамъ, на горѣ, свободный выборъ свой
ты сдѣлаешь, какимъ путемъ итти
въ борьбѣ съ невѣдѣньемъ и заблужденьемъ,
итти для вѣчной радости побѣды
или неумирающей надежды
найти немеркнущій и вѣчный свѣтъ.
Иди за мной! Впередъ!

Съ сіяющимъ лицомъ всталъ Юноша и радостно повторилъ призывное слово.

Юноша.

Иду съ тобой.
Впередъ!

И Видѣніе указало ему вьющуюся за избой лѣсника тропинку въ гору и властно сказало.

Видѣніе.

Туда. Все выше, выше!

И сдѣлало шагъ. И Юноша сдѣлалъ шагъ за нимъ. И еще. И еще. Бѣстрѣе и тверже. Все въ гору и въ гору. И внезапно яркій свѣтъ охватилъ все, и въ этомъ свѣтѣ потонули и лѣсъ, и горы, и Юноша, и самое Видѣніе, какъ тонетъ иногда все окружающее насъ въ непроглядной тьмѣ. Не тьма, а точно само солнце вдругъ упало на землю и въ мгновеніе сожгло, превратило въ пламя все, къ чему прикоснулось. Вспыхнуло, горѣло одно мгновеніе, и потомъ вдругъ опять превратилось въ ровный, спокойный дневной свѣтъ. И снова обозначились и лѣсъ, и гора, и избушка на горѣ, и спящій Юноша все на томъ же мѣстѣ на землѣ у тропинки къ избушкѣ. И теперь только одинъ яркій солнечный лучъ, поднявшись уже немного выше, падалъ изъ-за листвы старой березы, мимо вѣтвей большой сосны, прямо на лицо спящаго, играя и лаская его своей жгучей лаской, точно желая пробудить и поднять Юношу съ мшистаго ложа. И Юноша проснулся. Онъ приподнялся. Прикрылъ сначала глаза рукой отъ палящаго солнца, потомъ опять открылъ ихъ и съ радостнымъ выраженіемъ лица оглянулся вокругъ. Глазами онъ точно искалъ прекрасное Видѣніе, которое сейчасъ повело-было его въ гору. Но онъ видѣлъ теперь только дупластую березу, лѣсъ, тропинку да избушку. И онъ понялъ, что то былъ сонъ. Выраженіе лица его, ставъ теперь спокойнѣе, осталось такимъ же свѣтлымъ. Солнце грѣло и нѣжило.

А снизу изъ лѣсной чащи вышелъ, направляясь къ Юношѣ, Дѣдъ-лѣсникъ, несшій теперь полное ведро свѣжей ключевой воды. Старикъ уже издали замѣтилъ Юношу сидящимъ и грѣющимся на солнцѣ. Съ ласковой улыбкой Дѣдъ кивнулъ ему своей сѣдой головой, и съ такой же ласковой улыбкой Юноша откликнулся на этотъ привѣтъ громкимъ, радостнымъ голосомъ.

Юноша.

Дѣдушка, здравствуй! Я спалъ до тебя.
Дѣдъ, я проснулся сейчасъ. Вотъ теперь
ты напои меня и накорми,
и проводи меня въ гору.

Чайка.

На утесѣ гнѣздо высокò —
Выше темныхъ задумчивыхъ горъ...
А внизу голубѣетъ просторъ
Далекò—далекò...

Трудно крылья сдержать... тяжело
Вольной чайкѣ въ покойномъ гнѣздѣ:
Рвется сердце къ прозрачной водѣ,
И трепещетъ крыло...

Солнце блещетъ на синихъ волнахъ
Серебристо-стальной чешуей.
И слѣдитъ за свободной струей
Чайка съ тихой печалью въ глазахъ...

Г. Галина.

ВДОВЦЫ.

Разсказъ **Николая Шиханова.**

— А что, батюшка, ежели подъ?..

Въ таинственный разговоръ егорьевскаго причта вмѣшался „глаголъ временъ, металла звонъ". Старинные часы, висѣвшіе въ залѣ, добросовѣстно отсчитывали полдень, громко, четко, съ опредѣленными паузами, и если бы открыть въ нихъ дверку да посмотрѣть внутрь, то можно было бы сказать, что медленно вздымавшійся молоточекъ, прежде чѣмъ ударить по самодѣльной поповской пружинѣ, думаетъ нѣсколько мгновеній. Дьяконъ Георгій Путодѣевъ, не докончивъ фразы, немножко сердился на боевую способность часовъ, которые имѣли къ тому-же музыкальное обыкновеніе замирать послѣ боя съ постепенностью выдержанной октавы архіерейскаго хора... Когда, наконецъ, водворилась полная тишина, дьяконъ, стоявшій посреди залы съ засунутыми въ оттопыренные карманы руками, отвелъ глаза отъ часовъ и прошепталъ надъ ухомъ о. Василія Эвклидова священное слово.

О. Василій, не торопясь, раскуривалъ папиросу и возразилъ:

— Проектъ не выдерживаетъ критики... Развѣ забылъ про семинарію?—Въ этомъ былъ намекъ на недавнее событіе, надѣлавшее много шуму въ епархіи: семинаристы скрыли протоколы семинарскаго союза подъ жертвенникомъ своей церкви, а духовникъ, переоблачая его на Страстной недѣлѣ изъ черныхъ ризъ въ свѣтлыя, обнаружилъ присутствіе документовъ, благодаря которымъ создалось большое дѣло.— Не годится,—заключилъ о. Василій, пуская струю табачнаго дыма поверхъ головы невысокаго дьякона. Дьяконъ всплеснулъ руками, поднялъ голову къ потолку, борода его клинушкомъ приподнялась, косичка на затылкѣ судорожно запрыгала и на лбу обрисовалась тревожная морщинка снизу вверхъ, уйдя за лысину.

— Куда же теперь? Вездѣ прятали—и въ банѣ, и въ

амбарѣ, и на гумнѣ въ обмолоткахъ... Больше нѣтъ укромныхъ мѣстъ.

— А въ погребъ, Егорій Храбрый? Не думалъ? Во капусту... Буде такъ: взять бычій пузырь, положить въ него сокровенное, завязать крѣпко-накрѣпко, и на всякій случай въ стеклянную банку изъ-подъ варенья, а банку сверху пробкой изъ осокоря туго-натуго...

— Геометрически... Понимаю.

— Герметически. И на дно...

— Но въ чью кадушку—въ мою или въ вашу? — спрашивалъ дьяконъ.

— Разумѣется, въ твою,—отвѣтилъ о. Василій.—Ты въ своемъ погребѣ одинъ полный хозяинъ, а у меня—Матрена...

Попъ и дьяконъ были вдовцы; дьяконъ самъ себѣ стряпалъ и кухарки не держалъ.

Черезъ недѣлю дьяконъ опять прибѣжалъ къ попу и въ испугѣ закричалъ:

— Нашли!

Батюшка поблѣднѣлъ сначала, но потомъ, когда узналъ, что вся тревога дьякона произошла только отъ газетнаго извѣстія о благополучномъ выѣздѣ одного политическаго изъ тюрьмы въ капустной бочкѣ, заговорилъ сердито:

— Таранта этакая... Чего пужаешь попусту?

— Нѣтъ, батюшка, перепрячемъ. Сна рѣшился, все думается—вотъ придутъ и первымъ дѣломъ въ капусту саблей...

— Да почему первымъ дѣломъ?

— Ахъ, батюшка! Сами же вы сколько разъ говорили—уроки исторіи—они поучительны. Кого поучаютъ эти событія? Сами знаете... И ежели теперь капуста такихъ дѣловъ надѣлала, то она изъ всѣхъ подозрительныхъ предметовъ наиболѣе будетъ привлекательна...

Опровергать доводы дьякона было трудно, и о. Василій, почесывая затылокъ, сказалъ:

— Ну, принеси, когда такъ... Что-нибудь придумаемъ.— Въ послѣднее время они чувствовали себя большими грѣшниками, можетъ быть, даже преступниками, причемъ дьяконъ почему-то больше, а попъ—меньше. Грѣхъ наросталъ постепенно день ото дня, какъ сосулька, капля по каплѣ, отъ тѣхъ пятачковъ, которые они тратили на покупку брошюръ политическаго содержанія.

Дѣло это складывалось естественно и просто: съѣздитъ попъ въ городъ на базаръ и привезетъ вмѣстѣ съ грифелями и карандашами духовной пищи изъ земскаго книжнаго склада на четвертакъ; глядя на попа, дѣлалъ тоже самое и дьяконъ, и потомъ оба обмѣниваются и разговариваютъ.

Съ теченіемъ времени брошюры перепутались, и трудно было припомнить, кому какая принадлежитъ; тогда они и рѣшили за благо объединиться. Появилась въ нѣкоторомъ родѣ библіотека и даже съ каталогомъ, который написалъ дьяконъ каллиграфически по указанію о. Василія, — изъ шести отдѣловъ. У дьякона, по началу, возникала было мысль обратить книжки въ церковную библіотеку, по законному праву всякаго причта тратить на просвѣщеніе себя и прихода изъ церковныхъ средствъ до пяти рублей, но о. Василій въ свое время отклонилъ, сказавъ, что въ исторіи различныхъ народовъ бываетъ не только „шиворотъ на выворотъ", но и „съ навыворота въ шиворотъ".

Батюшкина предусмотрительность потомъ стала оправдываться, сталъ дьяконъ звать попа прозорливцемъ. А потомъ подошло такое время, когда прозорливости для спасенія человѣка не хватало—пришлось думать не о саморазвитіи, а о чемъ-то совершенно обратномъ. То, что прежде легко печаталось, продавалось, читалось,—стало запретнымъ, отвѣтственнымъ, опаснымъ и страшнымъ. Дьяконъ, наконецъ, ахнулъ, когда узналъ, что за пятачковую брошюру можно отдать штрафъ въ 300 рублей, какъ одну копеечку. Ходили слухи объ арестахъ, высылкахъ и ссылкахъ ни за что другое, какъ только за брошюры. А ихъ у дьякона съ попомъ было 184 штуки — подумать только! Другимъ читать они не давали, ибо, съ одной стороны, имъ хотѣлось сначала уяснить для самихъ себя „самую суть", которая была темна, съ другой—и опытъ различныхъ народовъ насчетъ „шиворота" заставлялъ ихъ быть осторожными. Они читали тайно и даже не пускали въ свою компанію земскаго учителя все по тѣмъ же соображеніямъ, и одобряли свое поведеніе, ибо потомъ оказалось, что у учителя былъ обыскъ только потому, что урядникъ чрезъ окно подглядѣлъ, какъ учитель по ночамъ читалъ „Основы"... За „Основы христіанства" Григорія Петрова такая напасть приключилась,—что же было бы съ егорьевскими попами, если бы другіе узнали, какія они держатъ у себя основы въ 184 брошюрахъ? У дьякона поджилки тряслись и лысина потѣла... Вѣдь это цѣлая библіотека! Складъ! Да какой! Тюрьмы за это мало,—каторга!.. Съ тѣхъ поръ дьяконъ по вечерамъ лампу не зажигалъ, совѣтовалъ и попу быть осторожнѣе насчетъ керосина; о. Василій послѣдовалъ совѣту только отчасти, — читалъ не дальше девяти часовъ вечера, попрежнему-то не засиживался.

Когда дьяконъ съ большими предосторожностями принесъ въ поповъ домъ банку изъ-подъ варенья, оказалось,

что герметическая закупорка уже подгуляла: между пузыремъ и банкой очутился разсолъ.

— Проѣло... попахиваетъ... Да не горе!—замѣтилъ о. Василій.— Просушимъ. — И сталъ разглаживать каждую брошюру, какъ заплаканное лицо ребенка и подувать. И были въ движеніяхъ этого высокаго человѣка съ просѣдью и нѣжность, и ласка. А дьяконъ между тѣмъ съ дрожью высказывалъ смятеніе души своей:

— Растетъ оно, о. Василій... все растетъ и растетъ надъ головою.

— Что растетъ?

— Это самое... Не умѣю хорошенько изложить, а растетъ что-то преогромное, какъ туча, темное, мрачное сердитое съ громомъ - молніей. Вотъ вдругъ разразится и придавитъ—ищи потомъ, гдѣ рука, гдѣ нога... Въ прахъ все — и служба, и хозяйство.

— Боишься?

— Да какъ же? Конечно. Зачѣмъ мучиться, подводить себя?

— Такъ что же, по - твоему — уничтожить? — спросилъ прямо о. Василій. Дьяконъ еще глубже вздохнулъ, закрывъ глаза и стыдливо вымолвилъ:

— Да-бы... Потому что, въ сущности,—мертвый матеріалъ, читать не читаемъ, а только прячемъ съ мѣста на мѣсто, бѣгаемъ нечестивые, ни единому же гонящу... Опасность между тѣмъ возрастаетъ ежечасно...

— Будь остороженъ, молчи...

— Гдѣ ужъ говорить! Вотъ какъ молчу — паклей ротъ забилъ!

— Тогда нечего бояться... Кому вдомекъ, сколь ты есть вредный человѣкъ на свѣтѣ?

— А мысли-то, батюшка? Мысли!!.

— Мало ли у кого что подъ черепомъ? И архіереи не безгрѣшны... За мысли не судятъ, если онѣ про себя...

— Да онѣ вѣдь, не спросясь лѣзутъ! Такъ и прутъ, какъ родникъ изъ подъ каменной горы... Что ты хочешь— сдѣлай милость! Мозговъ переполненіе. Того и гляди—вырвется.

— А зачѣмъ воля дадена человѣку? Сдерживай.—Дьяконъ угрюмо посмотрѣлъ на попа, помолчалъ немного и отвѣтилъ раздраженно:

— А ежели выпить хочется?..

— Развѣ тебѣ кто запрещаетъ?

— Т-а акъ...—протянулъ дьяконъ, съ укоромъ качая бородой клинушкомъ и сверкая злыми глазами:

— Не у всѣхъ одинъ характеръ... Иной отъ вина без-

словесный дѣлается, а у кого языкъ—какъ телеграфная проволока... Вотъ и боюсь... И мучаюсь. Вѣдь что со мной происходитъ, батюшка, если бы вы знали! — продолжалъ Петровичъ страдающимъ голосомъ:—Привяжется иная мысль, какъ лихорадка, и не отстаетъ... Что ты хочешь — сдѣлай милость.

— Напримѣръ?

— Да вотъ нынѣ ночью—привязалась собака—„всеобщее счастіе". А я зубы сцѣпилъ да и говорю: „Врешь, не скажу!" Такъ что бы вы думали? Часа два въ осадѣ меня держала, тявкаетъ, зудитъ вотъ тутъ подъ макушкой и побѣдила таки. Не стерпѣлъ я, крикнулъ: „На! возьми, гложи!.. Всеобщее счастье! Всеобщее счастье!"—да разъ тридцать подзапалъ... Только тогда и отошла, окаяшка. Скажите, о. Василій, что это такое?

— Хм... Побывай у доктора...

— Насмѣется онъ...—Дьяконъ помолчалъ и заговорилъ опять: — Вѣдь это бѣда — нынѣ одна идея, завтра другая, послѣзавтра третья.

— Неужто такъ много ихъ у тебя застряло?

— Да есть все-таки.

— А, ну-ка, я сдѣлаю, такъ сказать маленькую рекогносцировку въ область твоего разума. Ну, напримѣръ, отвѣть: что есть свобода совѣсти?

— Свобода совѣсти,—провелъ дьяконъ рукой по бородѣ и усамъ,—есть такая штука, при которой можно исповѣдовать, какую хочешь религію.

— А свобода слова?

— Говори и пиши—что хошь, исключая матерщины.

— А что есть бюрократія?

— Знаю... отъ французскаго слова бюро.

— Дьяконъ! Да ты совсѣмъ вредный господинъ! Ха-ха! А ну-ка: что есть конституція?

— Ежели по Лассалю,—отвѣчалъ дьяконъ, зажавъ пальцемъ правую ноздрю,—то всякое государство, въ томъ числѣ и Турція, а съ точки зрѣнія современной науки,—онъ переставилъ палецъ къ другой ноздрѣ,—конституція есть ограниченіе аблю... абсо... Вотъ и забылъ! Захлестнуло... И слава Богу!

— Почему слава Богу?

— Не мерещится.

О. Василій подсказалъ полузабытое слово, но дьяконъ плачевно отозвался:

— Ахъ, батюшка! Зачѣмъ это вы? Теперь оно привяжется... да... да... вотъ ужъ и привязалось... требуетъ повторить... да... сила какая въ словѣ! И я не устою... Охъ,

не устоять... „Абсолютизмъ... Абсолютизъ"... фу, тьфу... Проклятіе!.. Ну; что вы надѣлали, о. Василій?

— А что есть соціа...

— Тьфу! Тьфу!—перебилъ дьяконъ и заткнулъ уши руками. — Не хочу! Не надо! Спаси, Господи! Изыди, сатана, изыди! Батюшка! Имѣйте милосердіе къ несчастному человѣку. Не мучьте, Христа ради! — И Петровичъ молитвенно сложилъ перекрестившіяся руки на груди.

— Ну, ладно, больше не буду.

— И не искушайте! Хорошо, что еще въ домѣ у меня никого нѣтъ, подойду къ печуркѣ да и выговорюсь, какъ выплююсь...

— А ежели этакая штука приключится съ тобой, дьяконъ, на поминкахъ? — У о. Василія слегка изогнулись губы отъ улыбки. Дьяконъ осердился, изъ черныхъ глазъ сверкнула искра.

— Это, о. Василій, вовсе не смѣшно, если разсудить, какъ слѣдуетъ. Раньше медовой чаши изъ-за стола не вылѣзешь, обидишь и хозяевъ, и покойника... А съ другой стороны, если просидѣть до „Вѣчной памяти", то ни съ того, ни съ сего можно выпалить непутевое слово... а? Пущая всѣмъ будетъ обида и себѣ огорченіе веліе...

Оба покачали головами надъ дьяконской драмой, причемъ о. Василій посовѣтовалъ имѣть про запасъ „паклю"—платокъ.

— Все это палліативы, батюшка. А я такъ думаю—сразу освободиться отъ всея великія и малыя литературы, и всю эту нашу лихорадку—какъ рукой сниметъ. Не будетъ ни безпокойства душевнаго, ни замиранія сердечнаго, ни затора въ мозгахъ. Будемъ жить, какъ прежде... по-старому, по-бывалому... Ни тебѣ книжекъ, ни тебѣ идей! Спокойно... благочестно... Солнышко взойдетъ, полюбуемся, солнышко къ уклону—еще полюбуемся!.. Вечерокъ тихій, звѣзды частыя, огоньки небесные... рѣчка-рѣченька глубокая... Охъ, да зачѣмъ все это мы нарушили? Вернемся, батюшка, къ прежнему, а?.. Буду я за пчелками ухаживать, а вы часики починять, а въ рыбій клевъ удить оба съ одного камышка рядкомъ. Упущеніе у насъ съ вами въ хозяйствѣ не малое, надо правду сказать. Часы вы сулились придѣлать на колокольнѣ, какъ въ городахъ, остановилось дѣло... Доходы стали меньше, земля не родитъ, сѣнокосъ тоже ни къ чему... Отчего все это? Ужъ не правъ ли Іоаннъ Кронштадтскій?

О. Василій нахмурилъ брови и сказалъ внушительно:

— Дьяконъ! У тебя сумятица начинается въ головѣ, твой разумъ того и гляди соскочитъ съ логическихъ путей мышленья и пойдетъ плясать подъ чужую волынку.

— Ну, и Господь съ нимъ! За то спокойнѣе... Давайте-ка, батюшка, разстанемся съ идеалами, которые не про насъ писаны... А въ минуту жизни грустную, за графинчикомъ о женахъ своихъ вспоминаючи, воспоемъ—вы баскомъ, я теноркомъ—„О, всепѣтая Мати"!.. А?

Напоминаніе о матушкѣ покойницѣ пробивало какой-то ледъ въ душѣ суроваго съ виду о. Василія, дьяконъ это зналъ и приберегалъ неотразимый доводъ всегда къ концу. У о. Василія задрожали рѣсницы, но, овладѣвъ собою, онъ отвѣтилъ:

— Можно и „Всепѣтую" пѣть, и объ интересномъ подумать... Я такъ полагаю, что теперешнія времена не вѣчны... придетъ то время, когда всякая книжка будетъ неприкосновенна...

— Ой ли?

— Въ исторіи разныхъ народовъ мало ли тому примѣровъ! И зачѣмъ намъ съ носомъ оставаться:—истребимъ, а потомъ опять покупать? Помимо всего, денегъ стоитъ...

— Да, и моя трешница плачетъ,—вставилъ дьяконъ.— А вашихъ, я думаю, рублей на десятокъ наберется...

— Про то и говорю, зачѣмъ себя въ убытокъ вводить? Сохранимъ пока что...

— Въ засолъ?

— Ну да, на годъ, на два... Ну, пять лѣтъ!

— А какъ больше?

— Такъ что изъ того? Десять, двадцать годовъ...

— Не дожить, батюшка... Стареньки и теперь, если правду сказать... Въ союзъ 32-хъ не пошли, въ кадеты тоже убоялись. Куда ужъ къ семидесяти годамъ блюсти себя? Тогда не то что читать—дышать не захочется. Эхъ, батюшка! Мечтанія все это одни-съ. Напрасныя и опасныя... А вы, пока время, давайте-ка прикончимъ сразу, ей Богу лучше будетъ! А то, спаси Господи, нагрянутъ, накроютъ да въ тюрьму обоихъ. Срамъ-то какой; егорьевскіе попы свободы захотѣли!.. Засмѣютъ. Да этого мало—прихода лишатъ, разстригутъ... Куда пойдемъ?.. Съ рукой: „милостину Христа ради?" Эхъ, свобода-то, она, нищенка... Кормитъ своихъ дѣтокъ голодомъ да пулями.

Нельзя было не внять прочувствованной рѣчи изстрадавшагося человѣка.

— Ну, что дѣлать, Петровичъ? Согласенъ... Но только вотъ что: давай буде, прежде чѣмъ освободиться, все перечитаемъ съ первой до послѣдней книжки.

— А не привяжутся онѣ... идеи-то?

— Нѣтъ,—увѣренно произнесъ батюшка.—Это у тебя оттого, что не вполнѣ усвоилъ, а кое-какъ съ пятаго на

десятое... одни слова, общія понятія—въ нѣкоторомъ родѣ сѣмена—растутъ и тревожатъ... А вырастутъ до полнаго—сами полягутся.

— Да ну?

— Повѣрь! Что хорошо знаешь, то, братъ, не потревожитъ ни сна, ни пищеваренія.

— А вѣдь, пожалуй, правда,—раздумалъ дьяконъ и упомянулъ объ ектеніяхъ, съ которыми ему всегда легко, ибо онъ зналъ ихъ, какъ свои пять пальцевъ.

— Психологическій законъ, — изрекъ о. Василій. — Ну такъ вотъ что: на этой недѣлѣ будетъ два праздника, приходи, буде, послѣ обѣдни, чайку попьемъ, закусимъ и начнемъ проходить повторительный курсъ общественной науки съ азовъ. Понимаешь? И какъ все усвоимъ, такъ и прикончимъ съ видимостью... Высосемъ сокъ изъ винограда, а скорлупу—тьфу... Понимаешь?

Дьяконъ, давъ согласіе, собрался уходить.

— А брошюрки? Возьми пока.

— Нѣтъ, батюшка, боюсь... Потому на селѣ разговоръ былъ: зачѣмъ дьякону пузырь понадобился въ исходѣ зимы? Купаться еще рано.

— Ты, чай, объяснилъ?

— Конечно... дескать, насчетъ пчелъ... Но мужики, они черти, у нихъ голова по-своему работаетъ, и ежели что не подходитъ по ихнему, думать начинаютъ и все вслухъ... Ужъ стражникъ спрашивалъ про пузыри... хотѣлъ понавѣдаться въ теплушку, гдѣ пчелы, да я отклонилъ пока.

Дьяконъ забралъ пузырь, а о. Василій укладывалъ брошюры въ братскую кружку съ деньгами.

— Вотъ это хорошо!—воскликнулъ дьяконъ.—Въ казну не полѣзутъ.

Прохожденіе повторительнаго курса политическихъ наукъ шло довольно успѣшно. Главное, что нравилось дьякону, это то, что не стало замѣчаться навязчивости словъ и выраженій, которыя до того мучили его.

— Я, батюшка, увѣровалъ въ васъ, вы дѣйствительно можете... Точно клинъ клиномъ...

— Similia similibus curantur,—скромно замѣтилъ о. Василій.

Дьяконъ, чѣмъ больше насыщался словами и мыслями, тѣмъ становился молчаливѣе.

— Что ты все молчишь, Петровичъ?—спрашивалъ его кузнецъ Вавила, когда дьяконъ пріѣхалъ послѣ снѣга въ кузницу переварить въ телѣгѣ сердешникъ и перековать коня.—Прежде ты охочъ былъ на разговоры, а теперь ни пѣсенъ, ни басенъ.

Дьяконъ не опровергалъ сдѣланнаго надъ нимъ наблюденія, напротивъ, счелъ долгомъ подтвердить:

— Слово—серебро, молчаніе—золото.

— Да, золота у васъ, кажется, довольно въ кружкѣ... каждый праздникъ считаете... дѣлите... Богачи!

Петровичъ отвелъ глаза отъ кузнеца, а тотъ продолжалъ съ усмѣшкой:

— А, може, и въ пустую кружку глядите?.. Колдуете?.. Чего нашептываете?

— Брехунъ! — отозвался дьяконъ и сурово сдвинулъ брови.

— Э, братъ Петровичъ, — покачалъ головою Вавила, — вы съ попомъ отъ насъ не укроетесь, мы все знаемъ, стѣнъ на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ... Знаемъ!

Дьяконъ воззрился на кузнеца съ тайнымъ испугомъ, а кузнецъ добавилъ:

— И стражникъ знаетъ. Матрена-то ему кума... похаживаетъ къ ей.

Отъ этихъ словъ у Петровича руки задрожали и онъ, чтобы скрыть волненіе, взялъ большой молотъ и сталъ помогать Вавилѣ, а Вавила медлилъ, желая, видимо, работать больше языкомъ, чѣмъ руками. Петровичъ торопилъ:

— Что ты, какъ баба валькомъ по бѣлью? Можно бы и поскорѣе.

— Это, Петровичъ, подкова, а не кандалы.. Вотъ когда кандалы тебѣ потребуются, я—мигомъ...

Петровичъ совсѣмъ потерялъ терпѣніе: какіе-то намеки, подозрѣнія, грубыя, нелѣпыя шутки; скорѣе, скорѣе отсюда... Надо бы еще чекушку новую, да ну его къ чорту, этого Вавилу скорпіона!..

Отъѣхавъ отъ кузнеца, Петровичъ обернулся и замѣтилъ, что Вавила слѣдитъ за нимъ глазами, вонъ ужъ на бугоръ поднялся, чтобы видѣть, куда дьяконъ завернетъ—къ своему или попову крыльцу.

— „Но мы, братъ, тоже сами съ усами"... — думалъ дьяконъ, воображая провести проницательнаго Вавилу. Онъ наскоро распрягъ сивка и полѣзъ въ дыру подъ заборъ на смежный поповъ дворъ. Весь пыльный, съ всклокоченной бородой, онъ вошелъ прямо въ кабинетъ и разбудилъ о. Василія. Со сна батюшка относился ко всему критически и рѣшилъ провѣрить сначала все чрезъ кухарку. Умываясь въ кухнѣ, онъ повелъ съ Матреной политичный разговоръ, изъ котораго выяснилось, что кумъ-стражникъ, дѣйствительно, былъ однажды въ отсутствіе батюшки, чай пилъ, „сороковку раздавилъ", и Матрена отрекомендовала батюшку „въ самолучшемъ видѣ: все читаетъ въ библію да не

одинъ, а съ дьякономъ... Какъ родные братья, они съ дьякономъ, и пьянства промежъ ихъ никакого, не то, что въ другихъ мѣстахъ, гдѣ вдовцы"...

Смутились егорьевскіе попы надъ оцѣнкой момента... „Библію читаютъ"?! Кто ее теперь по своей охотѣ читаетъ? Да если узнаетъ объ этомъ исправникъ, быть обыску.

Какую же политику повести по отношенію, во-первыхъ, къ Матренѣ, во-вторыхъ, къ стражнику? Повидимому, чего проще—прогнать Матрену и дѣло съ концомъ, отвалится отъ дому и стражникъ, какъ червякъ съ листкомъ. Но раскинувъ мозгами, егорьевцы въ одинъ голосъ сказали:

— Хуже будетъ. Изъ мести стражникъ наскажетъ урядику, урядникъ становому, становой исправнику и пойдетъ кутерьма...

Рѣшили не трогать кухарки и ея кума. „Пусть ихъ"... И что всего интереснѣе—мелькнула мысль воспользоваться даже этимъ знакомствомъ, какъ эгидой.

— Надо ввести нѣкоторыя детали въ убранство комнатъ,—сказалъ о. Василій и, вытащивъ изъ-подъ спуда библію елизаветинскаго изданія, положилъ ее на треугольникъ въ передней уголъ подъ образа.

— У васъ, батюшка, есть еще наградная, за народное просвѣщеніе...—напомнилъ дьяконъ.

— Ее въ гостиную тащи...

Потомъ они на ломберные столы положили цѣлые вороха епархіальныхъ и церковныхъ вѣдомостей.

— Хорошо бы еще вотъ „Русское Знамя" или „Колоколъ", — предлагалъ дьяконъ. — Только написать въ редакцію—даромъ вышлютъ.

— Ну, и своего матеріала довольно, — замѣтилъ хозяинъ.

Сосѣдство библіи, отъ св. синода выдаваемой, рядомъ съ альбомомъ дьякону показалось неудобнымъ, и онъ это высказалъ.

О. Василій развернулъ альбомъ и почесалъ въ затылкѣ, глядя на портреты Бебеля, Маркса, Плеханова, Чернышевскаго и другихъ.

— Что?—укоризненно произнесъ Петровичъ.—Это, видно, не митрополиты...

— Н-да,—отозвался о. Василій и сталъ выдергивать карточки, и задаваться вопросомъ:—Куда ихъ?

Дьяконъ надоумилъ:

— Ихъ за нихъ.—И засунулъ Плеханова подъ Исидора.— Совсѣмъ незамѣтно!—И такимъ образомъ всѣ нечестивцы очутились подъ спинами благочестивыхъ. Только съ Мар-

ксомъ произошла нѣкоторая заминка; никакъ онъ не укладывался подъ покойной матушкой, супругой о. Василія.

— Ахъ, попадья, попадья...—журилъ ласково-печально о. Василій и подрѣзалъ Маркса съ краевъ ножницами.

Послѣ того еще переглядѣли альбомъ, остались довольны, а дьяконъ восхищался.

— Превосходно! Прилично вполнѣ... Епископъ Макарій, епископъ Амвросій, Іоаннъ Кронштадтскій, протоіереи, іереи, семейное, семейная, родственники... И дядюшка вашъ квартальный тоже въ гармоніи съ прочими... Теперь пожалуйте, господа соглядатаи... милости просимъ!.. А, когда батюшка, надумаете принять господина стражника въ свой домъ въ свое отсутствіе, по протекціи Матрены, то лампадочку заблаговременно затеплите и ладанцемъ покурите... Хе-хе-хе.

Но тотчасъ же Петровичъ вспомнилъ и о литературѣ:

— Куда ее?

— Придется съ собой возить...—замѣтилъ о. Василій.— Далеко засовывать хуже... А какъ подъ рукой—сразу въ огонь при случаѣ—и концы въ воду...—Онъ сталъ топырить карманы, соображая вслухъ:—Въ эти два всегда вмѣщалось по пятидесяти яицъ, и въ брюкахъ по то же число...

Стали размѣщать литературу,—оказалось, что помѣщенія не хватаетъ.

— Кабы еще штаны на штаны для кармановъ... по числу отдѣловъ...—соображалъ Петровичъ.

— Что же, я тебѣ подарю... Есть у меня почти новые. Только раза два надѣваны, тугоньки они мнѣ въ поясѣ, а для тебя въ самый разъ, пожалуй...

Дѣйствительно, штаны были хорошіе, изъ чертовой кожи, и не по дьяконскому только обиходу. Когда Петровичъ развернулъ ихъ и посмотрѣлъ вглубь, они сами просились для примѣрки. И надѣвъ, Петровичъ уже не имѣлъ силы снять ихъ... „Опасность же, будетъ ли, нѣтъ ли, а штаны—праздничные"... И онъ размѣстилъ всѣ шесть отдѣловъ по шести карманамъ.

— Все-таки, чай, не надолго?—спрашивалъ онъ, уходя, и о. Василій успокаивалъ:

— Разумѣется. Вотъ только заключительный обзоръ сдѣлаемъ.

Живой шкапъ подвижной библіотечки пролѣзъ не безъ труда въ знакомую дыру подъ заборомъ,—дьякону пришлось лѣзть ногами впередъ, а въ это время Матрена, издали усмотрѣвъ его странное на брюхѣ упражненіе, не воздержалась отъ замѣчанія:

— А я думала, хорекъ прокопалъ дыру... Вотъ онъ ка-

кой хорекъ!.. Напредки будемъ знать, когда яйца изъ гнѣзда пропадутъ...

Дьяконъ же думалъ:

— „Нажалуется попу, а тотъ и учинитъ мнѣ при ней же распеканцію... Хе-хе-хе... Любопытно“..·

Петровичъ скоро привыкъ къ батюшкинымъ штанамъ; молески—новые, они казались ему потомъ обыкновенными и не спасающими отъ опасности, которая могла настичь въ любой часъ. О. же Василій медлилъ послѣднимъ шагомъ, хотѣлъ не только самъ усвоить все въ подвижной библіотекѣ, но чтобы и дьяконъ постигъ по мѣрѣ своихъ способностей.

— Батюшка, не отдавайте меня въ руки превратной судьбѣ!

— Хорошо, дьяконъ... Вотъ только экзаменъ устроимъ. И если выдержишь, такъ сейчасъ и...

Дьяконъ улыбнулся и сказалъ:

— Ну, меня вы можете экзаменовать, а васъ кто?

— Ты.

— Ха-ха...

— А по книжкѣ? Развѣ не можешь? Выбери любую и задавай по ней вопросы, и слѣди, такъ ли. Начнемъ, благословясь?

Дьяконъ еще разъ улыбнулся и, извлекая изъ кармана каталогъ, сказалъ:

— Я васъ, батюшка, по всей программѣ.

— Ладно. Спрашивай, какъ хочешь.

Дьяконъ прочелъ замысловатое заглавіе одной брошюры и предложилъ отвѣчать. О. Василій говорилъ бойко, увѣренно, съ толкомъ.

— Хорошо! Хорошо!—одобрялъ дьяконъ.—По пути и я кое-что усвоилъ... Прекрасно! Вотъ вамъ!—И вывелъ карандашомъ 5+.

Настала очередь экзаменоваться и самому экзаменатору, и у дьякона нѣсколько затрепетало сердце, не хотѣлось очень конфузиться. Въ самомъ дѣлѣ—читали, читали, изучали, разсуждали, повторяли и вдругъ—если столба? Срамотень... И чтобы выйдти изъ дѣла съ честью, онъ попросилъ отложить экзаменъ на денекъ, чтобы обдумать все про себя. О. Василій, конечно, охотно, согласился. На утро дьяконъ пришелъ съ книжками и покряхтывалъ,—видимо, волновался.

— Что, Егорій Храбрый, потрухиваешь?—слегка усмѣхался о. Василій.—Я, братъ, экзаменаторъ строгій, не даромъ мнѣ библію подарили.,.

— Стогости—ни къ чему нынѣ.

— Ага, пардону запросилъ... Ну, садись.

— Нѣтъ, я стоя, этакъ легче.

— Дѣло твое... Такъ я тебя буду пробирать этакъ же, какъ ты меня—по всей программѣ.

— Можете!—гордо отозвался дьяконъ, такъ что о. Василій округлилъ свои глаза, глядя на Петровича: откуда у него такая прыть!

— Ну-ка, отвѣть: что такое соціальный строй?

— Этого нѣтъ въ программѣ... Вы спрашивайте заглавія, напримѣръ, что въ третьемъ отдѣлѣ заключается, что въ пятомъ, какая книга кѣмъ написана...

— Этого, братъ мало; заголовки и попугай выучитъ...

— Ахъ, дьяконъ, дьяконъ,—качалъ головой о. Василій,—чѣмъ хочешь вылѣзти и получить званіе образованнаго человѣка!.. Какъ съ тобою быть, развѣ еще по билетамъ спросить!..

— По билетамъ благороднѣе.

— Отвернись. Я разложу брошюры задомъ кверху, потомъ какую возьмешь, о томъ и отвѣчай... Да ты не загибай голову по лошадиному, это не честно подглядывать.

Черезъ минуту Петровичъ повернулся всѣмъ корпусомъ и началъ расшвыривать и выбирать изъ книжекъ.

— Ишь плутяга...—замѣтилъ о. Василій.—А ты бери, что идетъ подъ руку.

— Это мое право, батюшка, какую хочу, ту и выхвачу...

— Небось, полегче бы? Ахъ ты, шельма... Жуликъ, право, жуликъ... Смотри-ка—самое азовое: Манифестъ 17-го октября съ объясненія редакціи простонародной газеты... Ну, да ладно, твое счастье...

Дьяконъ сталъ отвѣчать, а попъ вмѣшивался и задавалъ вопросы, требовалъ точныхъ выраженій и, не удовлетворяясь, замѣтилъ:

— Плохо!

Петровичъ обидѣлся:

— Сбить можно всякаго, даже Бебеля, не то, что егорьевскаго дьякона... Этакъ не экзаменуютъ хорошіе экзаменаторы. Хорошіе экзаменаторы даютъ наводящіе вопросы, а вы...

— Да пошелъ ты къ чорту! Я тебя вовсе не сбивалъ, а самъ ты ничего не знаешь. Бери другой билетъ!

— Я, что же... конечно, возьму, роптать не стану. Но только это неправильно.—Дьяконъ выбралъ тощенькую брошюру, но обманулся: какъ на грѣхъ была мудреная, и онъ далъ столба.

— Ага, посялъ,—язвилъ экзаменаторъ,—впередъ тебѣ наука—на краткость не льстись. Думаешь—что короче, то легче?

Вотъ теперь и давись...

— Позвольте третій билетъ...—И дьяконъ схватилъ со стола то, что хотѣлъ,—разсказикъ Льва Толстого, воодушевился и началъ передавать, какъ въ княжествѣ Монако судили одного тяжкаго преступника, приговорили къ смертной казни и не могли ее выполнить за отсутствіемъ палача и какъ потомъ, чтобы отвязаться отъ преступника, содержаніе котораго въ тюрьмѣ обходилось очень дорого для казны, дали ему денегъ, чтобы онъ только ушелъ на всѣ четыре стороны, и какъ преступникъ купилъ на тѣ деньги клочокъ земли, занялся хозяйствомъ и сталъ хорошимъ... Отрапортовалъ все это дьяконъ съ большимъ подъемомъ былиннаго краснорѣчія, изобразивъ все въ лицахъ, и ждалъ оцѣнки своего отвѣта.

— Хорошо,—сказалъ о. Василій, но тутъ же прибавилъ:— А все-таки ты, дьяконъ, плутъ преестественный—на побасенки только тебя и хватило. По доброму тебѣ—переэкзаменовку бы...

— Несогласенъ! — возразилъ дьяконъ. — Это несправедливо!—Но экзаменаторъ объявлялъ:

— Ничего существеннаго ты не знаешь... Первый билетъ на двойку, за второй—единицу...

— А за третій пять! — перебилъ Петровичъ. — Ставьте пять! И выводите: 2, 1 да 5, сумма балловъ 8, дѣлите на 3, выводъ — $2^2/_3$... Что? Баллъ переводный, по всѣмъ правиламъ.

— Не могу я тебѣ вывести тройку!

— Почему?

— Нѣтъ въ твоемъ міросозерцаніи, знаешь, такъ сказать, философскаго элемента.

— Вонъ вы чего захотѣли!

— А что?

— Да всѣхъ-то элементовъ, можетъ быть, и у васъ не найдется.

— Само собой... Но минимумъ...

— А вы нечего... Выводите тройку...

— Не могу!

— Должны!

— Не могу!

— Должны!

Они такъ громко и запальчиво спорили, что не замѣтили, какъ вошла и стала въ дверяхъ Матрена, и только тогда оглянулись, когда она позвала:

— Батюшка! Урядникъ васъ спрашиваетъ.

— Урядникъ? — переспросили оба въ одинъ голосъ и поблѣднѣли отъ испуга.—Зачѣмъ? Что ему надо?

— Не могу знать.

— Сейчасъ... Иди пока... Скажи—сейчасъ приду. Иди.— Матрена вышла, попъ шепталъ дьякону:

— Убери скорѣе...

Дьяконъ сгребъ все въ полу своей рясы, ушелъ въ кабинетъ, натискалъ карманы книжками и, выпрыгнувъ въ окно, утекалъ къ себѣ. Дома сію же минуту заперся на крюкъ и затопилъ печку. Урядникъ пробылъ у о. Василія ровнымъ счетомъ три минуты, только передалъ срочный пакетъ отъ становаго. У Петровича въ печи полѣнья разгорѣлись, и какъ только послышался стукъ въ дверь, такъ онъ всю кипу брошюръ бросилъ въ огонь. Всегда онъ думалъ, что бумага, какъ пухъ, какъ порохъ, стоитъ прикоснуться зажженой спичкой, и вспыхнетъ. Но произошло нѣчто изумившее его до ужаса: огонь потухъ, а брошюры цѣлехоньки. — „Что такое? Неужели возмездіе свыше? Неужели наказаніе за грѣхъ?".. А въ дверь стучали... „Ахъ ты Господи!" Петровичъ раздувалъ огонь, искалъ керосинницу, чтобы плеснуть керосиномъ въ печку, и, какъ на грѣхъ, ничего не попадалось подъ руки, которыя дрожали.

— Да отопри ты... Это я... Одинъ... Не бойся, пустая тревога. Объ новобранцахъ.

— А я думалъ... — еле выговаривалъ дьяконъ, перепачканный золой и сажей.

— Эхъ ты, Егорій Храбрый... Раньше времени...

— Нѣтъ, батюшка, силъ моихъ нѣтъ! А вы еще экзаменъ выдумали.

— Ну, ладно, ладно...—успокаивалъ о. Василій.

— Да гдѣ у меня керосинъ? Полить бы да и...

— Середь бѣла дня? Что ты, съ ума сошелъ? Что подумають, если не вѣ-время повалитъ дымъ изъ трубы?

Это соображеніе возымѣло свое дѣйствіе. Однако, Петровичъ сказалъ рѣшительно:

— Только возьмите, батюшка, пожалуйста сейчасъ все... и библіотеку и... штаны...

Дьяконъ сталъ даже отстегивать пуговицу.

— Ну-ну... — удерживалъ его о. Василій. — Кто же подарокъ беретъ назадъ?.. А ты носи на здоровье... Угомонись, выпей валеріанки и усни съ Богомъ...

О. Василій забралъ брошюры и, уходя, сказалъ, что завтра Матрена съ утра уѣдетъ на ярмарку, а они могутъ совершить предназначенное безъ всякой помѣхи.

Въ урочное время Петровичъ явился къ о. Василію въ сравнительно добромъ расположеніи духа. Ночью онъ хорошо поспалъ, безъ всякой тревоги, уликъ не было, бояться было

нечего. А новый день, этотъ день—послѣдній день тревогъ, отъ которыхъ дьяконъ даже лѣтъ на десять постарѣлъ. Этотъ день унесетъ всѣ горя и заботы, волненія и страхи, муки и опасности, все вернется къ прошлой безмятежной жизни, и дьяконское существо помолодѣетъ и процвѣтетъ. И всѣ эти размышленія настраивали Петровича нѣкоторымъ образомъ торжественно. Что-то подобное было въ далекомъ прошломъ, когда онъ женился и принималъ санъ, и тогда онъ что-то такое стряхивалъ съ своихъ плечъ и что-то новое наваливалъ на нихъ, оно и легко и трудно, просто и загадочно было. Тоже самое чувствовалось и сейчасъ.

— Ну съ, батюшка, я готовъ! — воскликнулъ Петровичъ, снявъ рясу и потирая руки, какъ съ морозу, хотя былъ жаркій іюньскій день. Казалось, онъ пришелъ къ хирургу съ какимъ-нибудь давно угнетавшимъ наростомъ, отъ котораго радъ освободиться, или собирался самъ кого полечить вѣрнымъ средствомъ. Даже рукава засучилъ.

— Ты очень веселъ, Петровичъ, — встрѣтилъ батюшка пріятеля.

— А чего плакать?

— Неужто не жаль, дьяконъ, и не стыдно?—О. Василій вздохнулъ и продолжалъ: — Какъ-никакъ, а книги—друзья человѣка... Назидались и мы ими, многое познали, быть можетъ, и ума набрались, горизонтъ расширился... И вдругъ—такая черная неблагодарность?..

Вступленіе раздражало дьякона. „Этотъ попъ, чего добраго, меланхолію нагонитъ, умѣетъ проповѣдовать... Наградилъ Господь даромъ, да не во благо"...

— Ну, уничтожимъ, и что получится?—ставилъ вопросъ о. Василій и самъ же отвѣчалъ: — Начнется забвеніе, все начнетъ забываться, забываться и такъ день ото дня, недѣля за недѣлей, годъ за годъ... до полнаго исчезновенія... Опять будемъ — tabula rasa... Превратимся въ допрежнее бытіе, поглупѣемъ... Дураки будемъ снова, дьяконъ! Неужели это почтенно?.. А ты ликуешь...

— „Соблазнитъ, ей Богу, соблазнитъ, и самъ соблазнится, и опять отсрочка на счетъ литературы, опять дамокловъ мечъ надъ головами, а обстоятельства припираютъ къ стѣнѣ по-египетски, какъ нѣкогда мать Моисея: скрывала-скрывала, а довелось же осмолить корзинку да..."

— Вотъ, дьяконъ, у насъ съ тобой есть память отъ нашихъ женъ, у меня письма отъ Сашеньки, когда покойница была невѣстой, у тебя—завѣтный кисетъ отъ твоей Натальи Дмитріевны, вышитый бисеромъ и шелками въ молодости... вдругъ бы мы ихъ предали ауто-дафе?..

— „Терпѣнья нѣтъ отъ этакаго краснорѣчія!.. Но и на

эту удочку не пойду. Крѣпиться надо, свою линію вести безъ всякой жалости"...

— Ну, хороши бы мы были, если бы надругались надъ семейными реликвіями?

— „Не спорь, Петровичъ, — внушалъ себѣ дьяконъ.— Спорить съ витіей безполезно, всегда побѣдитъ и самъ пуще распалится. Ни одной реплики не подавай!"

— Да ты что ничего не отвѣтишь? — сердился о. Василій.—Молчитъ, какъ пень...

— Я слушаю батюшка, слушаю...

Попъ говорилъ много, долго и стылъ, какъ кирпичъ послѣ костра... Замолкъ егорьевскій батюшка окончательно... И лицо его покрылось какимъ-то сѣрымъ, тусклымъ налетомъ и каріе жалобные глаза точно молили Петровича:

— „Дунь хоть ты, дьяконъ, на меня—и я разгорюсь"...

Дьяконъ понялъ тоску о. Василія и сказалъ съ чувствомъ:

— Тяпнуть бы теперь, батюшка, съ горя! — О. Василій взглянулъ на дверку печки. Дьяконъ открылъ дверку, досталъ оттуда графинъ и пошелъ.

— Куда?—спросилъ хозяинъ.

— Къ закускѣ... Въ кухню.

О. Василій поднялся безпрекословно. Тамъ они выпили по одной и молча закусили соленымъ огурцомъ.

— Яичницу бы, что ли? — замѣтилъ вяло о. Василій. Дьяконъ разыскалъ сковороду, яйца, масло, молоко, открылъ трубу и готовился развести огонь на шесткѣ.

— Теперь очень удобно и благовременно,—сказалъ онъ.

— Выпить? Да...

— И на счетъ книжекъ... По одной ежели подбрасывать, такъ и щепокъ не надо.

О. Василій молчалъ. Петровичъ принесъ свертокъ.

Батюшка выпилъ еще и опустилъ голову на столъ.

— Покажи! — только просилъ онъ, передъ тѣмъ какъ дьяконъ намѣревался бросить брошюру въ огонь. Дьяконъ показывалъ, попъ читалъ вслухъ заглавіе, вздыхалъ и отвертывался. И такъ съ каждой книжкой. Потомъ сталъ ронять слезы. Дьяконъ ждалъ, что о. Василій не выдержитъ, разразится укоризнами, руганью, начнетъ отнимать, но тотъ безпомощно опустилъ руки и, когда была брошена подъ таганъ послѣдняя брошюра, горько-горько заплакалъ.

— Батюшка! — бросился къ нему Петровичъ. — Да что съ вами?

О. Василій стучалъ головой о сосновый, пахнувшій кислымъ хлѣбомъ, столъ, въ истерическихъ рыданіяхъ.

— Вотъ еще наказаніе Господне! — волновался Петровичъ, ухаживая за о. Василіемъ и смачивая ему голову хо-

лодной водой.—Да прекратите ваши нервы, батюшка! Пора и за яичницу приниматься, безъ того передѣлалась.

Потомъ они еще и еще выпили, и запѣли:

— „О, Всепѣтая Мати"!..

Вернулась Матрена, хотѣла обоихъ постыдить за то, что вездѣ на бѣломъ свѣтѣ середа, а у нихъ—яичница, но какъ взглянула на ихъ заплаканныя лица, какъ прислушалась своей душой къ скорбно-надрывистому пѣнію „Всепѣтой", такъ у ней слезы—градомъ, а съ языка сорвалось:

— Сердешные...

ГЮЛЬ-АНУШЪ.

Очеркъ **К. М. Патканова**.

(Начало ученія.—Взглядъ на ученіе.—Игра дѣтей въ „свадьбу".—Обрученіе со дня рожденія.—„Земля плачетъ, когда мужчина спитъ одинъ".—Пиршества у невѣсты.—Примѣты.—Женщина о порокахъ жениха.—Красавица Зайнабъ.—Первое проявленіе любви и страсти у Гюль-Анушъ.—Пляска.—Пиршества въ банѣ.—Осмотръ невѣсты.—Пріѣздъ новобрачной въ домъ мужа.—Душевное состояніе Гюль-Анушъ.—Необычайный свадебный пиръ.—Приготовленіе невѣсты къ пріему новобрачнаго.—Позорный обычай.—Возвращеніе Гюль-Анушъ въ домъ отца).

I.

То было давно, такъ давно, что и старики не запомнятъ; но такъ какъ, Божьею милостью, и поднесь Персіею правитъ Шахъ-инъ Шахъ [1]), — да продлитъ Аллахъ его дни! — который, по примѣру своихъ царственныхъ предковъ, остается вѣренъ любезной его сердцу старинѣ, то, надо полагать, особой перемѣны въ нравахъ и обычаяхъ персовъ не произошло съ тѣхъ поръ.

Въ тѣ времена Гюль-Анушъ могла считаться одною изъ образованнѣйшихъ женщинъ во всемъ Иранѣ.

Дѣвочкою лѣтъ семи-восьми она любила присаживаться къ отцу и смотрѣть въ книгу, когда онъ, по восточному обычаю, поджавъ подъ себя ноги, клалъ къ себѣ на колѣни книгу и начиналъ читать.

Она была такъ рада, такъ счастлива, когда отецъ ея, Эль-Саибъ, богатый, знатный торговецъ драгоцѣнными каменьями, разъ показалъ въ книгѣ на одну изъ черточекъ и сказалъ, что это первая буква—*алифъ;* она, какъ сумасшедшая, вырвала книгу изъ рукъ отца, положила къ себѣ на колѣни и, ведя пальцемъ по строкамъ, стала находить букву *алифъ*.

Какъ много ихъ было!

---

[1]) *Шахъ-инъ-Шахъ*—царь царей, титулъ шаха.

Потомъ отецъ указалъ другую букву—*бей*. Эту труднѣе было отыскивать въ книгѣ, потому что пишется она четырьмя разными способами; *тей* оказался не менѣе замысловатъ, но *шинъ*—еще замысловатѣе; тѣмъ не менѣе она скоро выучила ихъ, какъ и всѣ прочія буквы. Затѣмъ стала она учиться складамъ, нараспѣвъ повторяя за отцомъ: алифъ-алифъ—а-а-а, бей—алифъ—б-а-а, тей—алифъ—т-а-а...

Какое это было счастливое время!..

Отецъ, видя въ ней охоту къ ученію, сталъ ей читать вслухъ разныя сказки и сказанія на персидскомъ языкѣ; она тогда цѣплялась за отца ручонками и дрожала отъ восторга. Но что съ нею было, когда она сама научилась читать! Дочиталась разъ до того, что съ ней сдѣлался жаръ и бредъ; отняли тогда у нея книги и цѣлый мѣсяцъ не давали ихъ ей.

Сколько было слезъ! Плакала она съ утра до ночи, прося дать ей какую-нибудь книгу; плачъ ея надоѣлъ, наконецъ, всѣмъ, и ей выдали ея книги.

Шелъ ей десятый годъ, когда отецъ какъ-то сказалъ, что лучшія книги написаны на арабскомъ языкѣ, и она, какъ огонь, разгорѣлась и стала просить отца учить ее арабскому языку. Отецъ сначала согласился было на это и даже обѣщалъ пригласить Ходжая Ибрагима учить ее, но мать страшно возстала противъ этого, и отецъ долженъ былъ уступить ей.

Гюль-Анушъ начала учиться арабскому языку почти годъ спустя, когда уже матери не стало.

II.

Мать говорила, что ученіе женщинѣ, кромѣ горя и несчастья, ничего принести не можетъ.

— „Пожалуй, она была права, — не разъ впослѣдствіи думала Гюль-Анушъ.—Я не знала бы, не вѣрила тому, что пишутъ въ книгахъ и, выйдя замужъ, узнала бы жизнь такою, какая она есть на самомъ дѣлѣ,—была бы такою же, какъ наложница мужа, которую такъ забавлялъ его развратъ".

Та была — скажемъ ужъ мы отъ себя — очень довольна своею жизнью: была сыта, одѣта, получала хорошіе подарки и могла гордиться тѣмъ, что властелинъ ея больше ее „любитъ", чѣмъ свою жену, потому что жена не только не видѣла отъ мужа ласкъ, но нерѣдко получала побои за то, что отказывалась участвовать въ его пьяныхъ оргіяхъ и отварачивалась отъ возмутительныхъ сценъ разврата, тогда какъ онъ требовалъ, чтобъ и она принимала въ нихъ участіе.

Разъ какъ-то онъ, замѣтивъ, что она отвернулась и не смотритъ, какъ онъ, пьяный, развратничаетъ съ наложницей и *бачэ* [1]), разгнѣвался до того, что схватилъ ее за волосы, силою притащилъ на средину комнаты и до того опозорилъ ее, что она хотѣла лишить себя жизни, но удержалъ ее страхъ, что отецъ не перенесетъ ея смерти.

Она разсказала одной знакомой молодой женщинѣ, какъ мужъ обращается съ нею и какому подвергаетъ ее позору, но та расхохоталась ей прямо въ лицо и сказала:

— Если бъ я была твоимъ мужемъ, хуже поступила бы съ тобою. Какая же ты жена, если сопротивляешься желаніямъ мужа, когда ему хочется потѣшиться и повеселиться дома? Вѣдь для тебя же будетъ хуже, если мужъ станетъ веселиться на сторонѣ: тогда ты вѣчно будешь въ загонѣ.

— Когда я выходила замужъ, — чуть ли не съ ужасомъ воскликнула Гюль-Анушъ, — я думала, что мужъ мой будетъ любить меня, любить — понимаешь? Любить такъ, чтобъ я готова была каждую минуту жизнь свою отдать за него. Я хотѣла жить съ нимъ душа въ душу, а не предаваться безстыдному разврату!

— Ахъ, какія ты говоришь глупости, — возразила ей ея собесѣдница. — Какъ же будетъ любить тебя твой мужъ, когда ты не хочешь ни потѣшить, ни развеселить его? Конечно, онъ больше будетъ любить свою *сиге* [2]), которая дѣлаетъ все, что онъ хочетъ, а ты отворачиваешься отъ него. Я удивляюсь, какъ онъ еще не убилъ тебя, въ особенности пьяный. Ай, Гюль-Анушъ, ты, видно, зачиталась своихъ книгъ, оттого такъ и разсуждаешь. Не надо было твоимъ родителямъ позволять тебѣ брать книги въ руки, тогда ничего бы этого не было.

А между тѣмъ, какое было хорошее, счастливое время, когда книги составляли для Гюль-Анушъ все! Какъ, бывало, сладко, трепетно билось ея сердце, когда, отдавшись вся своимъ любимымъ поэтамъ, уносилась она куда-то въ невѣдомый міръ, гдѣ царили любовь и блаженство, — въ міръ грезъ и волшебныхъ чаръ; а тѣмъ болѣе, когда сама складывала стихи и пѣсни и посылала свои вздохи, свой бредъ любовный, свои слезы, свой призывъ и мольбы тому юношѣ-красавцу, храброму, сильному, доброму и ласковому, который жилъ въ ея воображеніи.

---

[1]) *Бачэ* или, по русскому произношенію, *бачи* — красивый, женоподобный мальчикъ.

[2]) *Сиге* — наложница, побочная жена.

III.

Гюль-Анушъ знала, что она невѣста Бенъ-Султана. Когда она родилась, отецъ ея съ своимъ другомъ, его отцомъ, дали клятву сродниться, выдавъ ее за Бенъ-Султана [1]). Ему было тогда четыре года...

Шелъ Гюль Анушъ пятый или шестой годъ, когда привели къ ней очень красиваго мальчика и сказали, что онъ будетъ ея мужемъ.

Тогда было у нихъ много гостей и много, очень много дѣтей. Старшіе пировали, а дѣтей накормили, дали имъ сладостей и отправили въ садъ играть.

Бенъ-Султанъ во всѣхъ играхъ и забавахъ былъ изъ всѣхъ дѣтей самый проворный и ловкій.

Во время какой-то игры онъ схватилъ Гюль-Анушъ за руку и, бѣгая съ нею, завлекъ ее въ дальній конецъ сада и сталъ цѣловать ее. Отъ этихъ ласкъ ей стало стыдно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно. Какая то женщина крикнула:

— Эй, эй, мальчикъ, что ты дѣлаешь?—и Бенъ-Султанъ убѣжалъ и спрятался.

Послѣ этого дѣти затѣяли игру въ „свадьбу": однѣ дѣвочки стали навѣшивать на Гюль-Анушъ, какъ на „невѣсту", разноцвѣтные платки и ленты, другія, нѣсколько поодаль,— поспѣшно стлать коверъ и раскладывать подушки, какъ бы готовя постель для новобрачныхъ. Когда всѣ эти приготовленія были окончены, ее привели и, усадивъ на тотъ коверъ, оставили одну ждать „мужа".

Мальчики усѣлись въ два кружка: одинъ—побольше—изображалъ пирующихъ гостей, и среди нихъ — Бенъ-Султанъ, держа въ рукахъ, въ отличіе отъ другихъ, какъ „мужъ", трубку, которую онъ якобы курилъ; дѣвочки, представляя старухъ, дѣлали изъ песку разныя кушанья и угощали пирующихъ, которыя страшно шумѣли, кричали, плясали и изображали пьяныхъ; одинъ Бенъ-Султанъ, какъ подобало „новобрачному", курилъ сосредоточенно свою трубку и не принималъ участія въ шумномъ весельѣ пирующихъ. Другой кружокъ состоялъ изъ трехъ или четырехъ мальчиковъ, которые, сидя тутъ же невдалекѣ и положивъ себѣ на колѣни, вмѣсто книгъ, дощечки или кирпичи, вели степенные разговоры, изображая ученыхъ, которыхъ обыкновенно приглашаютъ на большія свадьбы или торжества провести время въ мудрыхъ собесѣдованіяхъ. „Старухи" и предъ ними ставили разныя кушанья, но они почти не прикасались къ нимъ, увлеченные ученымъ разговоромъ.

---

[1]) Обычай, весьма распространенный на Востокѣ.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ „мужчинъ", какъ бы въ сосѣдней комнатѣ, сидѣли кружкомъ „женщины" и пировали тоже; то, что не доѣдали „мужчины" и „ученые", „старухи" проворно убирали и уносили „женщинамъ". Въ промежуткѣ между мужской и женской половиной сидѣли два мальчика, представляя *сазандаровъ* [1]); они на своихъ палочкахъ, изображавшихъ музыкальные инструменты, наигрывали веселые мотивы, поэтому то на мужской то на женской половинѣ вскакивалъ кто-нибудь изъ пирующихъ и начиналъ подпрыгивать, представляя пляску.

Въ самый разгаръ „пиршества" изъ дому вышли цѣлою гурьбою взрослые и окружили дѣтей. Они узнали, что дѣти играютъ въ свадьбу и пришли полюбоваться на нихъ. Взрослые были почти всѣ пьяны, нѣкоторые едва держались на ногахъ,—ширасское вино, очевидно, воздѣйствовало на нихъ. Насмотрѣвшись на игру, они стали кричать Бенъ-Султану:

— Что жъ ты ни идешь къ своей женѣ? Смотри, она скучаетъ одна и ждетъ тебя, будетъ тебѣ курить трубку, иди къ ней!

Бенъ-Султанъ, не спѣша, поднялся съ мѣста и, продолжая курить, медленно направился къ воображаемой комнатѣ жены, которая, поджавъ подъ себя ноги, сидѣла тутъ на коврѣ съ завѣшаннымъ кисеею лицомъ. Онъ не сразу вошелъ туда, такъ какъ въ комнатѣ оставались еще двѣ „старухи", которыя таинственно шептали „новобрачной" разныя наставленія. Заслышавъ шаги „мужа", „старухи" быстро выбѣжали изъ комнаты и присѣли невдалекѣ, дѣлая видъ, что спрятались. Когда мужъ вошелъ въ комнату и притворилъ за собою дверь, „старухи" мигомъ очутились у дверей и стали послушивать. Въ тоже время „пирующіе" стали еще больше шумѣть и оживленнѣе плясать, несмотря на то, что „старухи" махали имъ рукою, требуя не мѣшать имъ подслушивать.

Бенъ-Султанъ, по правиламъ игры, сталъ на колѣни противъ жены и ударилъ ей въ грудь кулакомъ съ такою силою, что она упала на спину, тогда онъ нагнулся къ ней, снялъ съ лица кисейное покрывало и сталъ пристально смотрѣть на нее, какъ бы желая узнать, красива она или нѣтъ. Затѣмъ, дѣлая видъ, что онъ нашелъ ее красивою, одобрительно кивая головою, всталъ и куря трубку, вышелъ изъ комнаты и направился къ пирующимъ, которые, увидѣвъ его, неистово стали шумѣть, кричать, и плясать,

---

[1]) *Сазандаръ*—музыкантъ, артистъ, пѣвецъ.

выражая радость, что первое свиданіе новобрачныхъ закончилось благополучно.

Взрослые, глядя на дѣтей, не менѣе неистово хохотали, отпуская какія-то двусмысленныя остроты...

IV.

Съ той поры Гюль-Анушъ больше ни разу не видѣла Бенъ-Султана.

Когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, отецъ устроилъ пиръ для своихъ друзей и знакомыхъ. Ей сказали, что въ числѣ приглашенныхъ будетъ и Бенъ-Султанъ, ея нареченный мужъ. Старуха-няня, на рукахъ которой она почти расла, шепнула ей, что она постарается какъ-нибудь показать ей ея будущаго мужа. Это страшно взволновало Гюль-Анушъ. Она же знала, до чего непристойно и даже грѣшно видѣть жениха чуть ли не наканунѣ свадьбы, поэтому она наотрѣзъ отказалась отъ предложенія няни. Тѣмъ не менѣе няня, улучивъ удобный моментъ, почти силою подвела Гюль-Анушъ къ дверямъ комнаты, въ которой пировали гости, и чуточку пріотворила ихъ. Няня стала объяснять, который изъ гостей *онъ*. Гюль-Анушъ было до того стыдно, до того у нея отъ волненія потемнѣло въ глазахъ, что она едва-едва видѣла только статнаго, рослаго, молодого человѣка въ богатомъ одѣяніи, а лица его такъ и не замѣтила.

Ей сказали, что мѣсяца черезъ полтора будетъ ея свадьба...

Стали дѣлать какія-то приготовленія, но скоро прекратили ихъ. Произошло что-то странное, непонятное *для* Гюль-Анушъ. Всѣ озабоченно посматривали другъ на друга; обращались къ какимъ-то гадалкамъ, знахарямъ, предсказателямъ, которые что-то ворожили, что-то колдовали. Потомъ, какъ-будто, все забылось; только изрѣдка, няня или которая-нибудь изъ приближенныхъ служанокъ ея, смотря съ соболѣзнованіемъ на нее, говорили съ злобою по адресу Бенъ-Султана:

— Земля плачетъ, когда мужчина спитъ одинъ.

Но Гюль-Анушъ не обращала на все это никакого вниманія, поглощенная своими книгами и сочиненіемъ стиховъ и пѣсенъ.

Время шло. Единственный мужчина, котораго она, кромѣ отца, видѣла, былъ старикъ Ходжа Ибрагимъ, который изрѣдка приходилъ къ нимъ и, такъ какъ ей дозволялось видѣться съ нимъ, какъ съ бывшимъ учителемъ, даже безъ покрывала на лицѣ, то она всегда очень охотно выходила къ нему и вступала съ нимъ въ разговоръ о книгахъ и разныхъ мудрыхъ и нравоучительныхъ предметахъ. Всегда

Ходжа Ибрагимъ оставался въ восторгѣ отъ нея и говорилъ, что у нея такой же умъ, какъ у мужчинъ.

Какъ ей спокойно, хорошо жилось тогда!..

До нея доходили иногда слухи черезъ няню и другую женскую прислугу, что приходили сватать ее, но получали отказъ потому что она уже сосватана Бенъ Султаномъ; при этомъ всегда сыпались попреки на Бенъ-Султана за то, что онъ не женится и заставляетъ томиться бѣдную дѣвушку въ одиночествѣ. И всегда, какъ припѣвъ, неизмѣвно повторяли:

— Земля плачетъ, когда мужчина спитъ одинъ.

Сначала всѣ эти сѣтованія сердили Гюль-Анушъ, потомъ она уже не стала обращать на нихъ никакого вниманія, и когда женщины въ ея присутствіи затѣвали разговоры на эту любимую ими тему, она высылала ихъ изъ комнаты, ссылаясь на головную боль или нездоровье, такъ что, наконецъ, женщины перестали ей сообщать, если являлись къ Эль-Саибу сватать ее. Въ концѣ концовъ она перестала слышать и думать о Бенъ-Султанѣ и, какъ-будто, даже вовсе забыла о немъ.

Какъ разъ въ это время ей объявили, что недѣли черезъ двѣ будетъ ея свадьба.

Стали являться какія-то женщины и дѣвушки, изъ числа которыхъ она знала очень немногихъ; это были приглашенныя Эль-Саибомъ жены и дочери его друзей. Начались на женской половинѣ угощенія и пиршества. Съ утра до ночи почти не прекращался *дасмарханъ* [1]). Женщины говорили, смѣялись и пѣли такъ шумно, что у бѣдной Гюль-Анушъ, привыкшей къ одинокой, тихой жизни, голова трещала; тѣмъ не менѣе, она, какъ хозяйка, должна была всѣмъ распоряжаться и заботиться, чтобъ не было недостатка въ пищѣ, сладостяхъ и *шербетѣ* [2]). Многія женщины являлись съ своими малолѣтними дѣтьми которыя кричали, плакали и дрались между собою, чѣмъ шумъ и гамъ усиливались до невозможности. На дворѣ не менѣе неистово шумѣли слуги гостей, угощаясь въ свою очередь на славу.

По обычаю былъ, наконецъ, назначенъ день, когда отправиться въ баню и тамъ продолжать пиршество. Гюль-Анушъ одѣли въ нарядное шелковое, шитое золотомъ, платье, покрыли роскошными кашмировыми платками, увѣшали янтарными бусами и вывели во дворъ, гдѣ ее ждала ея, роскошно убранная, любимая лошадь, покрытая чепракомъ, разукрашеннымъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣн-

---

[1]) *Дасмарханъ*—угощеніе сладостями на Востокѣ.

[2]) *Шербетъ*—прохладительный напитокъ изъ фруктоваго, преимущественно гранатоваго или лимоннаго сока,—нѣсколько опьяняющій.

ными каменьями. Ее держалъ подъ узцы управитель дома, Юзуфъ,—сильный, широкоплечій мужчина, который, когда она сѣла на лошадь, едва могъ удержать ее, такъ какъ она стала горячиться и становиться на дыбы. Всѣ сочли это за дурное предзнаменованіе и рѣшили, что жизнь Гюль-Анушъ въ замужествѣ будетъ неспокойная и неблагополучная. Изъ бани лошадь шла съ понурой головой, и это признали за примѣту, что она вернется скоро назадъ домой, печальная, убитая горемъ...

V.

А вѣдь все такъ и вышло!..

Алла! Алла! Если примѣты такъ вѣрны и всѣ такъ вѣрятъ въ нихъ, то отчего никому не пришло въ голову разстроить эту свадьду? Всѣ думали лишь о пышности и роскоши пира... Она должна была въ этотъ день радоваться и гордиться, что болѣе сорока женщинъ и дѣвушекъ верхами на лошадяхъ, покрытыхъ роскошными чепраками, сопровождали ее въ баню; что съ нею было болѣе ста нарядно одѣтыхъ слугъ, изъ которыхъ одни вели подъ уздцы лошадей, другіе несли на головахъ и въ рукахъ полные подносы фруктовъ, сладостей, разныхъ напитковъ, табакъ, коньякъ и трубки. Однѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя должны были прислуживать въ банѣ, было не менѣе двадцати; каждая изъ нихъ несла какое-нибудь варенье... Одного, *джанджафиль* [1]) было взято болѣе десяти кувшиновъ... Чтобы было все роскошно и всего въ изобиліи, вотъ о чемъ должна была думать Гюль-Анушъ и больше ни о чемъ.

За все до-свадебное время, когда пиршества шли почти безпрерывно, было замѣчено множество примѣтъ, предвѣщающихъ неблагополучіе брака, но никто, рѣшительно никто не думалъ о томъ, что происходило въ душѣ Гюль-Анушъ, какъ мучалась, страдала она. Вѣдь ей же предрекали эти примѣты, несчастливую жизнь...

Дошло до того, что женщины перестали уже шушукаться и, не стѣсняясь ея присутствіемъ, стали говорить о какихъ-то порокахъ Бенъ-Султана, объ его нерасположеніи и даже отвращеніи къ женщинамъ; этимъ объясняли, почему онъ такъ долго не хотѣлъ жениться и откладывалъ свадьбу. Но... были и такія добрыя женщины, которыя увѣряли, что если Бенъ-Султанъ рѣшился, наконецъ, жениться, то, надо полагать, уже отсталъ отъ своихъ пороковъ...

---

[1]) *Джанджафиль*—индійское имбирное варенье; имѣетъ возбуждающее свойство.

Какъ много знали эти женщины! Дѣти и тѣ, кажется, больше знали, чѣмъ Гюль-Анушъ, а она знала только то, что въ книгахъ вычитала; а въ книгахъ изложены одни лишь благочестивыя и нравственныя правила. О томъ же, что ей теперь приходилось слышать и видѣть, никогда не находила она ни одного слова...

VI.

Когда раздѣли ее и ввели въ банию, женщины стали подходить и смотрѣть, бѣлое ли, упругое ли тѣло, гладка ли кожа... Дѣлали видъ, что осмотромъ довольны, но, отойдя, перешептывались и посмѣивались, говоря почти вслухъ, что чего можно ждать отъ дѣвушки, которая засидѣлась до семнадцати лѣтъ и состарилась? Однѣ находили, что нужно натирать ее какимъ-то мазями, отъ которыхъ исчезаютъ морщины на тѣлѣ, и кожа становится атласной; другія говорили, что ничего этого не нужно, что и такъ сойдетъ, въ особенности для Бенъ-Султана, который, все равно, не будетъ смотрѣть на жену, какъ на женщину...

Осматривали и ощупывали ее даже подростки, дѣвочки десяти-одиннадцати лѣтъ, которыя подходили затѣмъ къ взрослымъ и не безъ гордости просили сравнить съ нею бѣлизну и упругость ихъ тѣла и гладкость кожи...

Единственно, что находили въ Гюль-Анушъ хорошаго,— это стройность ея и красивое тѣлосложеніе.

— Она немного, какъ будто, похожа на мужчину, можетъ быть, это и привлечетъ къ ней Бенъ-Султана,—вслухъ говорили женщины...

Между тѣмъ пиршество шло своимъ чередомъ и Гюль-Анушъ должна была, забывъ все, не думая о самой себѣ, заботиться лишь о томъ, чтобы гостямъ было хорошо, чтобы малѣйшее желаніе и даже прихоть какой-нибудь беззубой старухи сейчасъ же было исполнено,—иначе это приписывалось отступленію отъ установленныхъ обычаевъ, вызывало на ея голову цѣлый градъ насмѣшекъ и пересудовъ. Сейчасъ начинали вслухъ говорить, что состарѣлась, прокисла, сидя въ дѣвушкахъ, а *адатовъ* [1]) не знаетъ.

Но откуда ей было знать ихъ, когда она, живя замкнуто со своими книгами, и людей даже не видѣла?..

Не мало насмѣшекъ выносила она и изъ-за своихъ книгъ: малѣйшая неловкость, малѣйшая ненаходчивость давали поводъ женщинамъ поднимать ее на смѣхъ и говорить, что ей больше пристало быть муллою, чѣмъ женщиною... Тутъ

[1]) *Адатъ*—твердо установившійся обычай, равносильный закону.

опять начинались намеки на что-то ей непонятное, говорили, что Бенъ-Султанъ будетъ болѣе доволенъ, женившись на муллѣ...

Женщинъ эти намеки очень забавляли и вызывали у нихъ неудержимый смѣхъ. Многія изъ нихъ откровенно разсказывали о своихъ отношеніяхъ съ мужьями... Дѣвочки-подростки жадно прислушивались къ этимъ разсказамъ и намекамъ и отъ души хохотали, когда которая-нибудь изъ женщинъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, разсказывала о своихъ отношеніяхъ съ мужемъ, и чѣмъ больше было безстыдства въ этихъ выраженіяхъ и разсказахъ, тѣмъ больше вызывали они веселья у женщинъ и дѣвушекъ.

Гюль-Анушъ многаго не понимала изъ этихъ разсказовъ и намековъ, даже словъ иныхъ не понимала, и хотя краснѣла иногда отъ стыда, но, видя, что эти разговоры никого не смущаютъ, думала, что такъ и должно быть. Да и вообще она въ это время словно одеревенѣла и ни думать, ни соображать ничего не могла. Все, что говорили о ней, какъ-будто не касалось ея. Она была не человѣкомъ, не живымъ существомъ, а вещью...

VII.

Гюль-Анушъ должна была стать женою Бенъ-Султана,—иначе и не могло быть. Отецъ ея далъ клятву выдать ее за Бенъ-Султана, и клятва эта должна была быть свято исполнена. Кому же могло притти въ голову нарушать ее? Это было бы нѣчто неслыханное. Если бъ эта свадьба не состоялась, то отецъ ея былъ бы опозоренъ, какъ клятвонарушитель и, пожалуй, не перенесъ бы этого позора. Да и для чего было разстраивать этотъ бракъ? Потому что всѣ знали о порокахъ ея будущаго мужа? Но развѣ то, что разсказывали женщины такъ открыто о своихъ мужьяхъ, не показывало, что и другіе мужчины не лучше Бенъ Султана? Однако, это никого не огорчало, никого не возмущало; напротивъ,—тѣшило, забавляло женщихъ. Любая изъ дѣвушекъ, которыхъ она видѣла, съ радостью пошла бы за красиваго, богатаго и знатнаго Бенъ-Султана, будь онъ даже во сто кратъ хуже, и чувствовала бы себя счастливою.

— „И она была бы счастлива,—думала не разъ Гюль-Анушъ, если бъ была похожа на другихъ женщинъ и не мечтала о какой-то любви". Ей говорили, что любовь явится потомъ; но любовь не являлась,—можетъ быть, оттого и чувствовала она себя несчастною въ бракѣ. Можетъ быть, все иначе пошло бы, если бъ она любила своего мужа. Вѣроятно, тѣ

женщины, которыя такъ весело разсказывали о порокахъ и развратѣ своихъ мужей, любили ихъ...

— „Вѣдь для любимаго человѣка чего не сдѣлаешь? Душу отдашь!“—думала Гюль-Анушъ.

Да, да, она отдала бы даже растерзать себя, если бъ она любила его. Но она его не любила... Она не могла, какъ ни старалась, заставить себя полюбить его. Отчего? Оттого, что она любовь понимала совсѣмъ иначе, чѣмъ понимаютъ ее другія женщины. Она ожидала отъ человѣка, котораго она должна была полюбить, котораго *хотѣла* полюбить, словъ, ласкъ, которыя затронули бы его душу, заставили бы вздрогнуть его сердце,—забиться тѣмъ дивнымъ трепетнымъ чувствомъ, какимъ билось оно, когда, бывало, мечтала она о любви, когда въ мечтахъ уносилась она въ объятья воображаемаго любимаго человѣка... Ни одной такой ласки, которая зажгла бы ея сердце, она не видѣла отъ мужа ни одного слова, которое согрѣло бы ея душу, она не слыхала отъ него и... она не полюбила его... Онъ не хотѣлъ ея любви, а она, несчастная, такъ и не узнала, что такое любовь, и есть ли она на свѣтѣ... Есть, есть любовь на свѣтѣ! Не можетъ быть, чтобъ ея не было! Любовь создана Богомъ, чтобъ все въ мірѣ казалось хорошо,—все радовало, веселило. Только она одна, жалкая, обиженная судьбою, не знаетъ, не испытала этого чувства. О, пусть та же злая судьба, которая лишила ее счастья узнать сладость любви, отнимаетъ жизнь у нея, но дастъ ей возможность хоть разъ, хоть на мигъ одинъ прижаться къ груди, въ которой билось бы сердце, любящее ее, чтобъ она знала, что это сердце бьется для нея одной во всемъ мірѣ и ни для кого больше! Какое это было бы блаженство!..

VIII.

Какъ неожиданно все это случилось...

Въ домѣ Эль-Саиба было назначено большое пиршество по случаю того, что въ этотъ день должны были явиться родственницы Бенъ-Султана смотрѣть Гюль-Анушъ.

Домъ былъ полонъ народу, мужчинъ и женщинъ; гости продолжали прибывать все больше и больше, тѣмъ не менѣе большого шума не замѣчалось: всѣ, по крайней мѣрѣ на женской половинѣ, были въ особенно приподнятомъ напряженномъ состояніи въ ожиданіи какихъ-то событій, которыя надолго должны были дать пищу для пересудовъ и сплетенъ, что для женщинъ было всего важнѣе.

Такое состояніе замѣчалось въ домѣ Эль-Саиба еще наканунѣ и оно естественно отразилось на Гюль-Анушъ. Ночь

она провела совершенно безъ сна и утромъ встала блѣдная, съ головною болью, чувствуя во всемъ тѣлѣ внутреннюю лихорадочную дрожь.

Настроенiе ея было ужасное. Что-то тяжелое, гнетущее свинцомъ давило ей душу. Вся она была охвачена безотчетнымъ страхомъ, словно ее ждалъ смертный приговоръ. Должно было произойти нѣчто неизвѣстное, непонятное для Гюль-Анушъ, нѣчто, какъ ей казалось, отвратительное, позорное...

Ее должны были смотрѣть...

Разбитая вся, обезсиленная, съ жгучею болью и тоскою въ душѣ, Гюль Анушъ встрѣчала своихъ гостей и... улыбалась имъ. Какъ же? Она должна быть весела, рада: приближается вѣдь день ея свободы,—чего же ей еще?

Женщины почти не отходили отъ оконъ, ожидая съ нетерпѣнiемъ прiѣзда родственницъ Бенъ-Султана.

— Ѣдутъ!.. Ѣдутъ!.. Прiѣхали!.. Прiѣхали!.. — раздался вдругъ со всѣхъ сторонъ тревожный, таинственный шопотъ женщинъ...

Замерло сердце, подкосились ноги у Гюль-Анушъ, когда увидѣла она устремленные на нее злые глаза старухъ, входящихъ въ комнату. Она близка была къ тому, чтобъ лишиться сознанiя, какъ вдругъ, словно съ силу волшебства, очутилась въ объятiяхъ царственно-величественной женщины дивной красоты, которая нѣжно, ласково глядя на Гюль-Анушъ, говорила:

— Какая ты славная, красивая! Радъ и счастливъ же будетъ твой мужъ, какъ увидитъ тебя... Онъ безумно полюбитъ тебя! Ты будешь счастливая жена, потому что твой мужъ не промѣняетъ тебя ни на кого на свѣтѣ.

— Оставь ты ее, пожалуйста,—заголосили озлившiяся старухи:—Мы пришли смотрѣть ее, а не слушать твои похвалы: у насъ у самихъ есть глаза! Нашли красавицу! Только и есть на свѣтѣ двѣ красавицы: ты да она! Слыхано ли что-либо такое? Одна, незванная, непрошенная, суется впередъ и расхваливаетъ такъ, точно въ навозѣ жемчугъ нашла [1]; другая, вмѣсто того, чтобъ встрѣтить насъ съ почетомъ, поцѣловать наши руки, вниманiя на насъ никакого не обращаетъ, какъ будто сама не рада до смерти, что красавецъ нашъ Бенъ-Султанъ рѣшился, наконецъ, жениться на такой мокрой курицѣ!

Зайнабъ—такъ звали красавицу—не обращая вниманiя на визги и крики старухъ, увела Гюль-Анушъ въ другую комнату и, усадивъ ее возлѣ себя, поцѣловала ее въ щеку и сказала своимъ бархатнымъ, груднымъ голосомъ:

---

[1]) Поговорка, выражающая оскорбительную похвалу.

— Тебя замучили, моя красавица. Посиди со мною, отдохни, соберись силами... Будь молодцомъ, чтобъ, когда въ день свадьбы придетъ къ тебѣ твой мужъ, ты могла его встрѣтить ласково, съ привѣтливой улыбкой. Повѣрь мнѣ, онъ увидитъ тебя и полюбитъ такъ же, какъ мой мужъ любитъ меня... Ты будешь, Гюль-Анушъ, счастлива. Я — женщина, и то полюбила тебя съ перваго взгляда, а мужъ твой, какъ вкуситъ сладость твоей любви, будетъ съ ума сходить... Ты узнаешь, Гюль-Анушъ, какое блаженство, какое счастье испытывать ласки любимаго мужа!..

Слова Зайнабъ, вызывая сладкій трепетъ въ душѣ Гюль-Анушъ, разжигали кровь въ ея жилахъ, отуманивали ей голову и заставляли ее протягивать уста свои Зайнабъ и сильнѣе прижиматься къ ея тѣлу, отъ котораго вѣяло живительнымъ тепломъ.

Это было первое пробужденіе въ Гюль-Анушъ, невѣдомой ей до той поры, страсти.

— Зайнабъ, — шептала она, словно въ чаду, — говори, говори о немъ... Я люблю его... Зайнабъ, покажи мнѣ его... Онъ, говорятъ, красивъ... Зайнабъ, покажи мнѣ его, тогда еще сильнѣе разгорится въ душѣ моей огонь любви, которую я буду хранить для него и отдамъ ему, когда впервые услышу его голосъ, его слова любви и почувствую ласки его!..

Зайнабъ объяснила ей, что она никакъ сдѣлать этого не можетъ, потому что мужъ ея, хотя и родной братъ Бенъ-Султана, но они въ ссорѣ, поэтому она лишена возможности видѣться съ нимъ и уговорить его самому искать случая показаться своей невѣстѣ; прочія же его родственницы ни за что не возьмутся за это, такъ какъ и обычай не позволяетъ жениху и невѣстѣ видѣться предъ свадьбой.

— Подожди, потерпи еще немного: вѣдь скоро твоя свадьба,—ласково говорила Зайнабъ.—Мужъ твой оставитъ пирующихъ и придетъ къ тебѣ... Ты будешь одна съ нимъ... Онъ сниметъ покрывало съ твоего лица, взглянетъ на тебя, увидитъ, что ты красива и разгорится къ тебѣ такою жгучею, пламенною страстью, что ты вся затрепещешь и замрешь въ объятіяхъ его... Онъ будетъ ласкать тебя, говорить слова любви, цѣловать тебя, и тогда ты только поймешь, что за рай и блаженство—любовь!.. И тотъ день, въ который ты впервые испытаешь любовь, всю жизнь останется въ памяти твоей, и воспоминанья о немъ всегда будутъ пробуждать въ душѣ твоей любовь и пылкую страсть къ тому, кто впервые открылъ тебѣ своими ласками двери рая...

— О, Зайнабъ, какое счастье, какое блаженство, какой рай ты сулишь мнѣ! Я, кажется, умру и не дождусь этого

дня! — воскликнула Гюль-Анушъ, припадая горячими устами къ роскошной, бѣлой груди Зайнабъ.

Что было дальше съ ней, она не помнила, не сознавала больше. Смутно припоминалось ей, что ее охватило какая-то истома, слабость, что, какъ ей казалось, она лишилась чувствъ... Ей было такъ хорошо, такъ легко на душѣ, такъ сильно, такъ трепетно билось сердце въ ея груди...

IX.

Когда она очнулась, то нашла себя на постели, тщательно прикрытой шелковымъ одѣяломъ; изъ сосѣдней комнаты слышались веселый смѣхъ, говоръ и пѣсни пирующихъ женщинъ; изъ комнатъ мужской половины доносились отдаленные голоса мужчинъ и пѣніе сазандаровъ. Пировали и тамъ. Зайнабъ не было въ комнатѣ. Гюль-Анушъ хотѣла встать, но ей было такъ хорошо, тепло въ постели... Голова ея упала на подушки, и въ мигъ заснула она снова крѣпкимъ, бодрящимъ сномъ.

Когда она проснулась и открыла глаза, то увидала входящую къ ней Зайнабъ, которая, ласково улыбаясь, подошла къ ней, схватила ее и быстро подняла на ноги. Она, наскоро разгладивъ на ней платье и поправивъ ей волосы, повела ее къ пирующимъ женщинамъ, которыя встрѣтили ихъ веселыми возгласами и привѣтствіями; одна изъ нихъ ударила въ бубенъ, другая, быстро вскочивъ на ноги, пошла съ улыбкою на лицѣ имъ навстрѣчу, приплясывая подъ мѣрные удары въ ладоши. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ по комнатѣ, она остановилась предъ Зайнабъ и поклонилась ей, приглашая этимъ ее продолжать танецъ. Зайнабъ, томно зажмуривъ свои большіе, черные, какъ уголь, и блестящіе, глаза алмазы, глаза, съ улыбкою, полною нѣги и сладострастья на лицѣ, выступило впередъ и понеслась неслышно, плавно по мягкому ковру, словно одинокое, гонимое легкимъ вѣтромъ, облако на чистомъ, свѣтломъ небѣ. Несмотря на ея колоссальное для женщины тѣлосложеніе, въ ея движеніяхъ было столько мягкости и гибкости, столько величественности и въ тоже время легкости и граціи, что Гюль Анушъ, восхищенная, не могла глазъ оторвать отъ своего новаго друга. Съ каждымъ мгновеніемъ удары въ бубенъ и ладоши становились все сильнѣе и громче, и Гюль-Анушъ съ чувствомъ восторга, смѣшаннымъ съ какимъ-то страннымъ чувствомъ, похожимъ на ревность, видѣла, что не одна она, но и всѣ присутствующія женщины,— даже старухи — въ восхищеніи отъ Зайнабъ; всѣ смотрѣли на нее съ любовью и неподдѣльнымъ восторгомъ. Даже при-

слуга, словно окаменѣлая, не двигалась съ мѣста, устремивъ на Зайнабъ удивленный и восхищенный взглядъ.

Поняла Гюль-Анушъ, что враждебность той, съ какою относились еще такъ недавно женщины къ Зайнабъ, и слѣдовъ не осталось, что Зайнабъ всѣхъ заставила полюбить себя, всѣхъ подчинила себѣ и стала въ домѣ полновластною хозяйкою и царицею.

О, съ какимъ очарованіемъ любовалась Гюль Анушъ Зайнабъ, когда та плавно, безъ шума, словно гонимая легкимъ дуновеніемъ вѣтерка, стала скользить по ковру!.. Удары въ бубенъ и ладоши становились все тише и тише, словно замирали вмѣстѣ съ замирающими движеніями Зайнабъ...

Вдругъ стихло все, все замерло; замерла и Зайнабъ на мѣстѣ и, лишь колыхаясь, стала въ страстной истомѣ перегибаться, какъ тростникъ, изъ стороны въ сторону, медленно двигая, подъ тактъ едва слышныхъ ударовъ въ бубенъ, руками съ легкою дрожью въ пальцахъ...

Замолкъ, наконецъ, и бубенъ, и слышалось лишь сдержанное дыханіе присутствующихъ и легкое шуршаніе шелковаго платья Зайнабъ...

Казалось, дрожала Зайнабъ, охваченная страстной нѣгой, казалось, насталъ тотъ мигъ, послѣ котораго должна была утихнуть эта страсть...

Свершилось!.. И Зайнабъ, словно гонимая вновь дуновеньемъ вѣтерка, стала тихо-тихо скользить по ковру...

Вырвалось изъ груди присутствующихъ сдержанное дыханіе и раздались вновь подъ тактъ пляски тихіе, мѣрные удары въ бубенъ и ладоши...

Все быстрѣе, оживленнѣе становились движенія Зайнабъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все громче и громче становились удары въ бубенъ и ладоши. Вдругъ, словно подхваченная вихремъ, Зайнабъ вздрогнула, заколыхалась и понеслась, кружась и изгибаясь, и, сдѣлавъ кругъ, сразу остановилась предъ Гюль-Анушъ и поклонилась ей.

Охваченная тѣмъ же вихремъ, ринулась впередъ Гюль-Анушъ и еще стремительнѣе и быстрѣе понеслась и закружилась она; казалось ей, что неслась она на крыльяхъ и не касалась земли. Все слилось, все исчезло въ глазахъ ея; ничего она не видѣла, но чувствовала, что танецъ ея восхищаетъ всѣхъ, и была счастлива: что то смутно возбуждало въ ней надежду, что *томъ*, любви котораго она жаждала теперь, узнаетъ, какъ она танцуетъ, такъ полюбитъ ее... Нѣтъ, нѣтъ, не то: она никому, никому другому не хочетъ нравиться, кромѣ Зайнабъ... Она любитъ Зайнабъ и хочетъ ей, только ей нравиться...

Въ порывѣ страстнаго увлеченія понеслась Гюль-Анушъ, какъ стрѣла, на средину комнаты и остановилась, трепеща всѣмъ тѣломъ. И въ тотъ же мигъ замолкли оглушительные предъ тѣмъ удары въ бубенъ и ладоши. Все стихло, все замерло вдругъ. Испустивъ глубокій вздохъ облегченія, Гюль-Анушъ подъ тихіе, мѣрные удары въ бубенъ, въ истомѣ нѣги, стала скользить по направленію къ Зайнабъ, представляя борьбу влеченія и справедливости...

Зайнабъ протянула ей руки, какъ бы призывая ее въ свои объятія, и Гюль-Анушъ бросилась къ ней на грудь и припала устами къ ея горячимъ устамъ. Неистовыми криками и ударами въ ладоши выражали женщины свои восторги, но Гюль Анушъ ни до кого и ни до чего не было дѣла: ей было такъ тепло, уютно, хорошо въ объятіяхъ Зайнабъ!

— Онъ будетъ, будетъ любить тебя, страстно, нѣжно онъ будетъ любить тебя!—шептала ей Зайнабъ и, несмотря на оглушительный шумъ, чуткое ухо Гюль-Анушъ ловило эти дивныя, чарующія слова, распаляющія кровь въ жилахъ, вызывая трепетъ сладострастія во всемъ тѣлѣ ея...

Къ ней подошли еще нѣсколько молодыхъ женщинъ, стали ласкать и цѣловать ее, говоря:

— Счастливъ Бенъ-Султанъ, что ему достанется такая чудная дѣвушка! Какъ будетъ онъ горячо любить эту прелесть!

Подошла какая-то старуха, поцѣловала ее въ щеку и, ласково потрепавъ ее по плечу, сказала:

— Какъ же говорили, что она и хромая, и горбатая, и косая, а оказывается стройная, какъ *джейранъ* [1]), и такая прелесть, что я—женщина и то полюбила ее. Какъ же долженъ быть Бенъ-Султанъ счастливъ и доволенъ, когда прижметъ ее къ своей груди. Какъ увижу его, скажу: ты берешь дѣвушку, которую ты долженъ осыпать золотомъ съ головы до ногъ, прежде чѣмъ близко подойдешь къ ней.

Слова старухи вызвали въ Гюль-Анушъ веселый, радостный смѣхъ; не менѣе весело засмѣялись Зайнабъ и другія, обступившія ихъ, женщины.

X.

Пришли сказать, что все готово для продолженія пиршества въ банѣ, куда снесены уже сладости и напитки и что на дворѣ ждутъ осѣдланныя лошади.

---

[1]) *Джейранъ*—газель, серна, видъ антилопы.

Зайнабъ, милая, дорогая Зайнабъ все устроила, распорядилась обо всемъ.

Служанки принесли бѣлыя *чадры* (покрывала) и гости быстро покрылись ими. Зайнабъ сама покрыла Гюль Анушъ бѣлой чадрой и повела ее впереди всѣхъ.

Быстро весь дворъ забѣлѣлъ, словно покрылся снѣгомъ.

Подвели Гюль-Анушь ея золотистаго „карабаха“ [1]); она легко, какъ перышко, вскочила на него; такъ же легко и быстро вскочила на другого „карабаха“ Зайнабъ и стала рядомъ съ нею. Лошадь подъ Гюль Анушъ стояла, словно вылитая изъ мѣди, и правою ногою нетерпѣливо била въ землю. Всѣ сочли это за хорошую примѣту...

Когда женщины верхами выѣхали за ворота, Зайнабъ велѣла своему слугѣ отпустить поводья, и лошадь, почуявъ свободу, ринулась впередъ; Гюль-Анушъ послѣдовала примѣру Зайнабъ и въ мигъ очутилась рядомъ съ нею; другія молодыя женщины сдѣлали то же и помчались вслѣдъ за ними; позади остались однѣ трусливыя старухи.

Сколько было смѣху!

Время приближалось къ сумеркамъ, улицы были почти пусты, и Зайнабъ могла показать себя дивной наѣздницей, несясь, какъ стрѣла, то впередъ, то возвращаясь назадъ. Гюль-Анушъ, какъ и другія молодыя женщины, не менѣе смѣло гарцовала на своей лошади, а Зайнабъ все же была признана лучшею наѣздницею...

Какъ было весело, хорошо!

Зайнабъ всюду вносила жизнь и веселье. И въ банѣ, благодаря ей, веселье, шумъ, пѣсни и пляски не прекращались весь вечеръ, всю ночь и до самаго утра. Разсвѣтъ всѣхъ удивилъ,—до того весело и незамѣтно шло время...

XI.

Когда Гюль-Анушъ, раздѣвшись, вошла въ баню, Зайнабъ, а съ нею вмѣстѣ и другія молодыя женщины съ криками восторга бросились къ ней, стали обнимать, цѣловать и гладить ее, шумно восхваляя бѣлизну и гладкость ея кожи и упругость ея тѣла...

Начались игры, бѣготня, обливанія другъ друга водою и похлестыванія мокрыми платками. Всѣ были точно въ чаду веселья и рѣзвились, какъ дѣти.

Гюль-Анушъ не помнила, чтобъ ей когда-нибудь было такъ весело и хотѣлось бы такъ по-дѣтски прыгать, бѣгать и рѣзвиться. Она не менѣе проворно хватала женщинъ,

[1]) Карабахскія лошади отличаются красотою и золотистымъ цвѣтомъ шерсти.

какъ хватали и ее самое, и бросала въ мраморный бассейнъ. Ей удалось даже поймать массивную Зайнабъ, поднять ее и бросить въ бассейнъ. Откуда взялась у нея такая сила — сама понять не могла... Раздались оглушительные крики восторга, ее схватили и бросили въ бассейнъ, прямо въ объятья Зайнабъ. Та обняла ее и, крѣпко прижимая къ своей груди, стала страстно цѣловать ее, шепча:

— Вотъ такъ, вотъ такъ онъ будетъ цѣловать, ласкать тебя!..

Словно въ чаду опьянѣнія была Гюль-Анушъ и не хотѣла оторваться отъ груди Зайнабъ, когда та, какъ ребенка, вынесла ее на рукахъ изъ бассейна и поставила на ноги...

Подошли старухи, стали гладить Гюль-Анушъ, ощупывать... И онѣ нашли, что у нея и кожа бѣла и гладка, и тѣло упруго и горячо, и груди крѣпки, и губы полны и алы, и зубы бѣлы, и глаза блестящи...

— „Все, все это его, пусть наслаждается онъ красотою и жаромъ ея тѣла, все-все, всѣ прелести свои она отдастъ ему за любовь, за ласки его!“ — какимъ-то палящимъ, но живительнымъ зноемъ врывались эти слова ей въ душу и жгли ее огнемъ любви и страсти...

Двѣ старухи отошли немного въ сторону и, подозвавъ къ себѣ Зайнабъ, стали что-то шептать ей. Зайнабъ нахмурила брови и, побагровѣвъ вся, съ злобою оттолкнула ихъ прочь отъ себя. Обиженныя старухи страшно озлились и стали неистово кричать, указывая на Гюль-Анушъ:

— Видно, есть, что скрывать, если насъ бьютъ и велятъ закрывать глаза. Пусть, пусть, мы такъ и скажемъ Бенъ-Султану, что не наша вина, если ему придется ѣсть остатки отъ чужого обѣда! Дѣвушка чуть ли не состарѣлась, жила безъ матери,—мало ли что могло съ нею случиться?! Говорятъ, книги не осталось, которую она не прочла. Ха-ха-ха! Книги-то она читала вѣдь не одна, а съ учителями, которые, навѣрно, показали ей и лицевую сторону и изнанку. Но и нашъ орелъ, Бенъ-Султанъ, не таковъ, чтобъ переносить позоръ: живо отрубитъ онъ ей носъ и уши [1])!

Гюль-Анушъ, догадавшись, въ чемъ дѣло, гордо поднявъ голову, улыбаясь, направилась къ старухамъ и, отстранивъ Зайнабъ, которая хотѣла удержать ее, стала просить ихъ не сердиться, не портить общаго веселья и дѣлать съ нею, что хотятъ.

— Будьте мнѣ матерью,—сказала она старухамъ,—передайте мужу моему, Бенъ-Султану, что жена его, Гюль-

---

[1]) Мужъ, замѣтивъ что-либо порочное въ прошломъ своей жены, имѣетъ право, по обычаю, отрубить ей носъ и уши.

Анушъ, несетъ ему любовь и невинность свою и жаждетъ, охваченная жгучею страстью, его любви и ласкъ. Пусть наслаждается и тѣшится онъ всѣмъ, что есть пріятнаго и красиваго во мнѣ, но лишь даритъ меня добрымъ взглядомъ своимъ.

Слова эти привели въ восторгъ старухъ.

— Что за дѣвушка, что за дѣвушка! — кричали онѣ.— Мы скажемъ соколу нашему, Бенъ-Султану, что въ когти его попадаетъ невинная райская голубка, трепетное тѣло которой покажется ему слаще сахара и меду!

Горя отъ стыда, въ состояніи, близкомъ къ обмороку, подверглась она осмотру и слушала совѣты старухъ...

Все, все она знала теперь, что ее ждетъ, и что она должна дѣлать при первомъ свиданіи съ мужемъ, а отвратительная, холодная дрожь пронизывала ея тѣло. Чувствовала она, что есть что-то скверное, позорное во всемъ этомъ, но молчала и переносила,—такъ все это нужно было для счастья и спокойствія того, кто долженъ былъ дарить ей свои ласки, того, кого она должна была любить и отъ кого должна была ждать любви, вниманія и ласкъ...

Наконецъ, когда старухи отошли отъ нея, оставивъ ее почти въ безсознательномъ состояніи, и стали, въ знакъ довольства, пощелкивая пальцами и приплясывая, подходить къ другимъ женщинамъ, тѣ, притихшія было, какъ въ ожиданіи чего-то, подняли радостные крики и пустились въ свою очередь плясать.

Гадки, отвратительны показались Гюль-Анушъ дряблыя, колыхающіяся отъ пляски, тѣни старухъ, которыя только что такъ мерзко, такъ нагло обращались съ ней, какъ съ падшей женщиной. Что-то злое, обидное шевельнулось въ груди ея, но... недолго продолжалось это: подошла Зайнабъ и ласками своими заставила забыть все.

Все же Гюль-Анушъ спросила ее:

— Неужели мужу моему нужно только тѣло мое? Вѣдь у меня есть еще сердце, душа, о нихъ никто не спрашиваетъ меня.

Зайнабъ обняла ее и сказала:

— Подожди, сначала мужъ твой полюбитъ твое тѣло, потомъ полюбитъ и душу твою. Душа—потемки. Ты счастливица: ты прельстишь его тѣломъ, онъ полюбитъ тебя, а потомъ, когда откроетъ онъ твое золотое сердце, ты станешь царицею его. Ахъ, Гюль-Анушъ, не знаешь ты, какой рай ждетъ тебя!

XII.

Трудно себѣ представить, до чего тяжело, безнадежно тяжело и страшно стало Гюль-Анушъ, когда узнала, какъ разъ наканунѣ свадьбы, что примиреніе Бенъ-Султана съ братомъ, мужемъ Зайнабъ, не состоялось. Она прислала сказать Гюль-Анушъ, что не только не можетъ быть на ея свадьбѣ, но съ этой поры не смѣетъ даже видѣться съ нею, такъ какъ мужъ ея, получивъ отъ Бенъ Султана, на предложеніе примириться съ нимъ по случаю его свадьбы, оскорбительный отказъ, приказалъ ничего не дѣлать и не говорить такого, что напоминало бы ему брата.

Какою несчастною, осиротѣлою чувствовала себя Гюль-Анушъ съ этой минуты!

Печаль ли ея передалась другимъ, или не было Зайнабъ, поэтому некому было оживить и развеселить, но только такое уныніе овладѣло всѣми, что, казалось, готовились не къ свадьбѣ, а къ похоронамъ.

Мечтала Гюль-Анушъ, какъ она бодро, весело, вскочивъ на коня, поѣдетъ бокъ-о-бокъ съ Зайнабъ въ домъ мужа; ей не будетъ страшно, потому что съ нею будетъ Зайнабъ...

А пришлось ѣхать одной ей съ такимъ чувствомъ, словно везли ее на заклинаніе... Всѣ, всѣ кругомъ нея были теперь чужіе... Нѣкоторыя изъ женщинъ старались развлечь, ободрить ее, но слова ихъ не доходили до ея сердца, и еще тяжелѣе становилось на душѣ ея. Тоскливо ныло сердце въ груди, болѣла душа, кружилась голова... Она и не помнила, какъ доѣхала до дома мужа, — словно туманомъ заволокло все.

Привезли ее туда, ввели въ какую то комнату, большую, просторную, устланную дорогими коврами, посадили ее на богато вышитую подушку, поставили передъ ней всякія сласти и напитки... На другомъ концѣ комнаты служанки торопливо, толкая другъ дружку, стали стлать постель, нагромождая другъ на друга цѣлую гору перинъ и подушекъ, и покрыли все это алымъ шелковымъ одѣяломъ... Женщины гурьбою входили въ комнату, шумѣли, кричали, говорили что-то, смѣялись, а затѣмъ уходили въ сосѣднія комнаты, откуда доносился неистовый шумъ и крикъ пирующихъ женщинъ. Всѣмъ, казалось, было весело, только Гюль-Анушъ сидѣла словно приговоренная къ смерти.

Съ другой стороны, съ мужской половины, доносился не менѣе неистовый шумъ пирующихъ мужчинъ, слышалось пѣніе и игра сазандаровъ, заглушаемыя время отъ времени страшнымъ крикомъ, похожимъ на ревъ. Женщины говорили, что всѣ мужчины пьяны и неистовствуютъ, и выражали

опасеніе, какъ бы они не передрались и не стали бы рѣзать другъ друга, но это не мѣшало имъ шутить и смѣяться. Одна молодая, красивая женщина, полупьяная, стала кричать, что она была бы рада, еслибъ кто-нибудь перерѣзалъ горло ея мужу, потому что онъ, хотя и мужъ ей, но она не помнитъ, когда и была ему женою, и что было бы лучше, еслибъ земля поглотила такихъ мужчинъ, какъ ея мужъ и Бенъ-Султана.

Какъ ножомъ кольнули эти слова Гюль-Анушъ, она вся замерла и чуть не лишилась чувствъ. Въ этотъ мигъ на мужской половинѣ раздался страшный ревъ сотни голосовъ; женщины сразу замолкли и стали въ страхѣ жаться другъ къ другу.. Ревъ и шумъ на мужской половинѣ усиливался все больше и больше, слышался звонъ разбиваемой посуды. Охваченная ужасомъ, Гюль-Анушъ сидѣла ни жива, ни мертва. Она, казалось, лишилась разсудка. Вбѣжали какія-то старухи и стали въ страшномъ волненіи неистово кричать, что прожили до старости, а такой безобразной свадьбы никогда не видали.

— Алла, Алла! — голосили онѣ.— Гости, вмѣсто того, чтобъ пировать и веселиться, дерутся и душатъ другъ друга!

— Что случилось, что случилось?—обступили ихъ женщины.

— Случилось то, — продолжали старухи,—что пьяные гости пристаютъ къ Бенъ-Султану съ насмѣшками и говорятъ ему, что онъ напрасно сидитъ съ ними, а не идетъ къ своей женѣ отрубить ей носъ и уши, чтобъ сразу отдѣлаться отъ нея, такъ какъ ему женщина вовсе не нужна... Бенъ-Султанъ озлился,—а вѣдь онъ, какъ озлится, становится хуже звѣря,—и ударилъ одного изъ гостей. И теперь драка идетъ такая, что безъ смерти кого-нибудь дѣло не обойдется.

Потемнѣло въ глазахъ Гюль-Анушъ, замелькали кровавые круги и показалось ей, что дрогнула и закружилась комната...

Когда она очнулась и нѣсколько пришла въ себя, увидѣла, что окружена женщинами, изъ которыхъ однѣ смачивали ей виски водою, другія торопливо снимали съ нея платья и украшенія.

— Нашла время падать въ обморокъ,—грубо произнесла одна изъ женщинъ,—онъ можетъ сейчасъ притти сюда, ну, и не обрадуется, если въ такомъ видѣ найдетъ жену.

— Отколотитъ онъ ее, какъ собаку,—добавила другая,—вотъ тогда и будетъ знать она, какъ мужа встрѣчать нужно.

— Отстаньте вы отъ нея,—крикнула одна изъ раздѣвающихъ ее женщинъ,—бѣдная дѣвушка чуть жива, а вы тутъ еще съ вашими разговорами лѣзете!

— Ахъ-ахъ-ахъ! — злобно произнесли нѣсколько женщинъ,—мы тоже вѣдь выходили замужъ, а такихъ *ойнъ* [1]) не думали дѣлать.

Гюль Анушъ, чувствуя во всемъ тѣлѣ страшную слабость, безпомощно, вся одеревенѣлая, слушала эти разговоры и словно они не касались ея. Объ одномъ, только объ одномъ думала она, что еслибъ съ нею была Зайнабъ, то никто не посмѣлъ бы съ нею такъ обращаться, такъ оскорблять ее. Зайнабъ защитила бы ее. Зайнабъ не была съ нею, и Гюль-Анушъ чувствовала себя такой жалкою, покинутою всѣми, безпомощною...

XIII.

Ее раздѣли до нага и сказали ей, чтобъ она перешла и сѣла на постель; но она была до того слаба, что не въ силахъ была даже подняться на ноги, такъ что женщины должны были на рукахъ перенести ее на постель. Онѣ посадили и покрыли ее съ головою широкою, шелковою, полупрозрачною индійскою тканью.

— Сиди такъ и не шевелись, — сказала одна изъ старухъ,—онъ, пожалуй, сейчасъ придетъ сюда. Вонъ сазандаръ снова запѣлъ, значитъ, все успокоилось тамъ. Придетъ онъ, такъ не будь такою, какъ теперь: будь бодрѣе, веселѣе, а то онъ разсердится, что непривѣтливо встрѣтила... Когда онъ войдетъ, ты не шевелись, пока онъ не сниметъ съ тебя покрывала...

Что дальше говорили ей женщины, не жалѣвшія совѣтовъ, отъ которыхъ ее бросало въ краску, Гюль-Анушъ слушать не хотѣла,—до того все это было гадко, отвратительно...

Ее стала бить лихорадка. Въ головѣ, въ ушахъ поднялся шумъ, въ вискахъ чувствовалась адская боль. Какое это было ужасное, омерзительное состояніе!

Оставили, наконецъ, ее одну. Сидя подъ покрываломъ, она дрожала вся, чувствуя такой холодъ, словно ее обложили льдомъ.

Онъ вошелъ и сѣлъ на тахту, довольно далеко отъ нея. Вслѣдъ за нимъ вошла старуха-служанка, неся въ рукахъ кальянъ, поставила его предъ нимъ и удалилась. Онъ сталъ курить...

---

[1]) *Ойнъ*—штуки, фокусы.

Лихорадка начала бить Гюль-Анушъ еще сильнѣе; въ глазахъ потемнѣло; шумъ въ головѣ и боль въ вискахъ усилились еще больше... Все тѣло похолодѣло... Ей казалось, что съ нею въ одной комнатѣ ея палачъ... Страхъ и отвращеніе къ нему наполняли ея душу... Когда онъ всталъ и сталъ подходить къ ней, крикъ ужаса готовъ былъ вырваться у нея, но голосъ замеръ въ груди; въ глазахъ потемнѣло, словно ночь опустилась надъ ней.

Онъ снялъ покрывало съ нея...

— Что ты дрожишь, какъ собака, проклятая! — крикнулъ онъ.—Видно, въ самомъ дѣлѣ боишься лишиться носа и ушей!

Нѣтъ словъ выразить что было съ бѣдной Гюль-Анушъ! Какъ отвратительны показались ей и онъ самъ, и его противный, визгливый голосъ. Еслибъ у нея былъ ножъ въ рукахъ, она не задумалась бы вонзить его ему въ сердце... Она возненавидѣла его въ эту минуту всею душою. Злоба душила ее, дыханіе спирало въ груди; кровавые круги мелькали у нея предъ глазами и мѣшали ей хоть взглядомъ выразить ему ненависть и презрѣніе къ нему... Но она была безпомощна...

Онъ толкнулъ ее, и она упала безъ чувствъ...

Когда она пришла въ себя и открыла глаза, то увидѣла себя окруженною цѣлою толпою женщинъ.

— Очнулась, очнулась!—крикнула одна изъ женщинъ.—Говорила я, что жива будетъ, что сумѣю вырвать ее изъ когтей смерти!

— Да, да! Вотъ ужъ именно была на волосокъ отъ смерти. Бѣдная, бѣдная!—заголосили сразу нѣсколько женщинъ.—Хорошо, что мы вошли, а то ея безсовѣстный мужъ и не сказалъ даже, что она въ обморокѣ. Такъ бы, пожалуй, и умерла. Шутка сказать, больше часу лежала безъ дыханія!

— Хорошо, хорошо,—сказала какая-то женщина, торопливо пробираясь впередъ,—потомъ будете разговаривать, а теперь давайте наше дѣло дѣлать [1]), а то вонъ опять мужчины начинаютъ шумѣть и насмѣхаться надъ Бенъ-Султаномъ. Какъ бы чего не вышло хуже давишняго.

Гюль-Анушъ хотѣла подняться, но изнемогая отъ страшной боли во всемъ тѣлѣ и невыносимой тяжести въ головѣ, снова безпомощно упала, чувствуя неопреодолимый позывъ

---

[1]) Рѣчь идетъ объ отвратительномъ обычаѣ, который соблюдается даже до сихъ поръ.

ко сну. Еще съ минуту она сознавала, что чьи-то руки подымаютъ ее... Потомъ кто-то накрылъ ее одѣяломъ... Ей стало тепло, хорошо, и она заснула, какъ мертвая.

Прожила Гюль-Анушъ въ домѣ мужа почти годъ, какъ въ аду. Какихъ мукъ и униженій натерпѣлась она,—нетрудно угадать. Но въ концѣ концовъ не выдержала, ночью, тайкомъ, ушла изъ дома мужа и, вся избитая, истерзанная, прибѣжала къ отцу, бросилась ему въ ноги и со стономъ, съ рыданіемъ сказала ему:

— Отецъ! Если ты мнѣ велишь вернуться къ мужу, я тутъ же, на глазахъ твоихъ убью себя.

Отецъ настолько любилъ свою единственную дочь, что не прогналъ ее и пріютилъ у себя.

Что сталось потомъ съ Гюль-Анушъ,—разскажу когда-нибудь на досугѣ.

ИЗМѢННИКЪ.

Переводъ съ болгарскаго **В. Паскова.**

Пробилъ звонокъ въ классъ—и шумная до этого гимназія затихла. Только въ VI классѣ продолжали галдѣть. Шестиклассники что-то рѣшали.

— Не за чѣмъ объяснять ему,—замѣтилъ, наконецъ, одинъ изъ учениковъ, худощавый, высокаго роста, съ маленькими синими глазами; онъ былъ руководителемъ ученической революціонной группы.—Не могли рѣшить—и больше ничего!

Слова ученика-руководителя, высказанныя сердитымъ и повелительнымъ тономъ, произвели должное впечатлѣніе. Споръ прекратился, и всѣ сѣли на свои мѣста.

Въ это время вошелъ учитель.

— Что это за пыль?—замѣтилъ онъ, усаживаясь, и отвѣсныя морщины на его высокомъ лбу сблизились и стали глубже.

Ученики стояли.

— Г-нъ учитель!—сталъ говорить одинъ изъ нихъ.

Нѣкоторые покраснѣли, другіе поблѣднѣли.

Учитель, внимательно наклонившійся надъ журналомъ, неохотно поднялъ свою сѣдую голову.

— Мы не могли рѣшить задачъ,—продолжалъ ученикъ,—которыя вы намъ задали для домашняго упражненія.

Лицо стараго учителя выражало строгость и недовольство.

— Садитесь!—сказалъ онъ строго и, не спросивши—есть ли отсутствующіе, закрылъ журналъ:

— Отчего вы не могли рѣшить задачъ? Времени у васъ не было?

Одни отвѣтили—да, другіе—нѣтъ.

— Никто не рѣшилъ?

— Никто,—отвѣтило нѣсколько голосовъ сразу.

— Это невозможно,—сказалъ онъ и всталъ.—Я здѣсь имѣю учениковъ, которые могутъ считаться гордостью самыхъ образцовыхъ гимназій въ мірѣ, учениковъ, которые не

только что всегда были аккуратны, но которые могутъ рѣшать задачи въ десять разъ труднѣе заданныхъ!

Ученики какъ окаменѣлые сидѣли на своихъ скамьяхъ, и одно и то же выраженіе появилось на лицахъ всѣхъ.

— Пенковъ, дай свою тетрадь!—сказалъ учитель, сойдя съ каѳедры.

— Я не рѣшилъ,—отвѣтилъ ученикъ.

— Стояновъ,—обратился онъ къ другому ученику,—тетрадь!

Стояновъ всталъ, бросилъ взглядъ на своихъ товарищей и опустилъ голову,

— Велковъ!

— Я не могъ, времени не было...

— Драгановъ!

Драгановъ медленно всталъ. Онъ былъ блѣдный симпатичный мальчикъ, съ глубокими черными глазами, выражающими печаль.

— Какъ, и ты? Самый лучшій и самый сильный ученикъ гимназіи?

Драгановъ покраснѣлъ; онъ краснѣлъ, когда его хвалили.

— И ты, Драгановъ, не могъ рѣшить задачъ?

Печальная нота прозвучала въ голосѣ при этихъ словахъ стараго учителя, и слезы появились у него на глазахъ. Слезы эти тронули нѣжную душу Драганова; они убили его.

— Выходи къ доскѣ! —сказалъ глубоко огорченный и обиженный учитель и сѣлъ.

Драгановъ поколебался, но вышелъ.

Учитель задалъ одну изъ задачъ. Онъ рѣшилъ ее быстро и безошибочно. Учитель задалъ вторую—тоже. На лицахъ учениковъ можно было уже прочесть недовольство. Наконецъ, учитель задалъ ему самую сложную и самую трудную изъ задачъ; и ее онъ рѣшилъ такъ же быстро и безъ ошибки.

Недовольство учениковъ стало переходить въ негодованіе.

— Зачѣмъ ты меня обманулъ,—обратился учитель къ Драганову, поправляя свои очки,—почему ты сказалъ, что не могъ рѣшить? — Этими словами учитель какъ бы хотѣлъ скрыть, какъ онъ былъ имъ доволенъ.

— Я ничего не сказалъ, г-нъ учитель, —тихо отвѣтилъ тотъ.

Ученики заволновались.

— Измѣнникъ,—сказалъ кто-то.

Учитель услышалъ это слово, и лицо его снова помрачилось.

— Значитъ,—сказалъ онъ, посмотрѣвъ на учениковъ,—здѣсь есть какой-то заговоръ!

Одинъ изъ лучшихъ по математикѣ учениковъ всталъ.

— Нѣтъ никакого заговора, г-нъ учитель,—началъ онъ.— Не только Драгановъ, возможно, что и еще кто-нибудь рѣшилъ задачи. Важно то, что большинство не могло ихъ рѣшить. А интересы большинства—вы намъ говорили на эту тему—а не меньшинства, должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ.

— Конечно, большинства,—сказалъ учитель и опять схватился за свои очки.

— Въ пользу интереса другихъ,—прибавилъ авторитетнымъ тономъ ученикъ высокаго роста, руководитель революцiонной группы,—мы должны съ готовностью жертвовать своими личными интересами. А въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой жертвы. Много ли значитъ, если учитель измѣнитъ свое мнѣнiе о какомъ-нибудь сильномъ ученикѣ по его предмету? Но онъ не могъ бы даже и измѣнить его, ибо отъ этого ученикъ не станетъ слабѣе—достаточно, чтобы такой ученикъ помогъ своимъ товарищамъ.

Учитель посмотрѣлъ на Драганова, который поблѣднѣлъ какъ полотно и подумавъ обратился къ нему тихимъ наставническимъ голосомъ:

— Хорошiе ученики должны быть хорошими во всѣхъ отношенiяхъ. Какъ видно, вы не могли найти лучшаго способа заставить своего учителя не спѣшить, чтобы дать возможность и болѣе слабымъ вашимъ товарищамъ усвоить матерiалъ, и поэтому согласились настаивать передо мною на томъ, что не могли рѣшить задачъ. Хорошо. Ты же, хотя и рѣшилъ—я вѣрю, что есть и другiе, которые рѣшили задачи, но долженъ былъ поддержать ихъ; или же, когда принимали рѣшенiе, долженъ былъ заявить своимъ товарищамъ, что ты не согласенъ съ ними.

Ученики задвигались на своихъ скамьяхъ; лица ихъ просiяли.

— Завтра будете членами общества,—продолжалъ старый учитель, увлекшись ненамѣренно и самъ этого не замѣчая,— гдѣ ожидаетъ васъ тяжелая борьба, ибо мы всѣ дѣти рабской страны, мы должны бороться за ея освобожденiе. Загозоры при такой борьбѣ неизбѣжны, точно такъ же, какъ и жертвы. Случится вамъ остановиться на извѣстномъ рѣшенiи и даже съ опасностью для жизни, мало того, и отдать ее...

Ученики были въ восторгѣ.

— Драгановъ, садись! Твой поступокъ предосудителенъ. Ты измѣнилъ своимъ товарищамъ. Жалко,—вздохнулъ онъ, какъ будто ему сообщили о смерти Драганова,—сильнѣйшаго ученика въ гимназiи!..

Сказавъ эти слова, онъ вышелъ, не дождавшись звонка. Видно было, что ему стало очень тяжело.

Какъ только онъ вышелъ, всѣ ученики съ сжатыми кулаками и угрозами бросились на Драганова.

— Измѣнникъ!

— Ты ожидалъ, чтобы учитель тебя похвалилъ. Хорошо же онъ тебя похвалилъ!

— Чтобы никто не говорилъ съ этимъ подлецомъ,—сказалъ ученикъ-руководитель.

— Мерзавецъ!

Блѣдный, какъ мертвецъ, Драгановъ, будучи не въ силахъ защититься, стоялъ неподвижно.

* * *

Ученики уже отобѣдали и группами гуляли на широкомъ дворѣ пансіона. Происшедшее въ VI классѣ было предметомъ длинныхъ разговоровъ. „Измѣнникъ" Драгановъ рисовался въ самыхъ черныхъ краскахъ. Рылись въ его прошломъ, чтобы и тамъ найти факты подлости и безчестія, и, не находя ихъ, сочиняли и разсказывали совсѣмъ невѣрные факты. Такъ, ему дали стипендію не потому, что его отецъ умеръ въ заточеніи, а оттого, что онъ былъ шпіономъ директора. Онъ якобы не самый сильный ученикъ въ гимназіи; были гораздо сильнѣе его, но они не хотятъ унижаться, у нихъ есть человѣческое достоинство. Съ другой стороны поведеніе учителя по математикѣ превозносилось. Теперь всѣ восхищались имъ, а между тѣмъ, не было другого учителя, котораго бы слабые и лѣнивые ученики ненавидѣли больше, чѣмъ его,—„P^3", что означало: педантъ въ кубѣ—„*математической холерой*", какъ они его величали. Теперь онъ идеальный учитель.

Всѣ ученики были на дворѣ, а Драгановъ—въ спальнѣ. Онъ не смѣлъ посмотрѣть въ глаза своимъ товарищамъ, которые такого худого мнѣнія были теперь о немъ. Блескъ его красивыхъ глазъ потемнѣлъ и между бровями образовалась рѣзкая отвѣсная морщинка.

Съежившись на своей постели, онъ казался гораздо меньше, чѣмъ онъ былъ. Онъ недоумѣвалъ и удивлялся, какъ все это произошло и вдругъ—*измѣнникъ!* Не сдѣлавши до тѣхъ поръ ничего подлаго, ничего недостойнаго въ жизни, даже въ самыхъ трудныхъ моментахъ, любимый своими товарищами и учителями, теперь въ одинъ моментъ съ страшнымъ позоромъ отброшенъ, презрѣнъ всѣми!

Измѣнилъ ли онъ своимъ товарищамъ? Нѣтъ. Онъ учителю не подалъ тетради, въ которой всѣ задачи были рѣ-

шены; онъ не сказалъ учителю, что рѣшилъ задачи, что онъ пошелъ къ доскѣ, да кто изъ его товарищей не пошелъ бы, когда этого потребовалъ учитель? Выходить или не выходить къ черной доскѣ—для этого не было никакого рѣшенія.

И неподвижный и съежившійся мальчикъ зашевелися; глаза его широко раскрывались и закрывались, какъ-будто спрашивалъ себя: гдѣ я? Все это вѣрно ли? Развѣ можетъ быть вѣрно!

И ученики, и учители, и надзиратели, и служители—всѣ уже знаютъ, что Драгановъ измѣнилъ своимъ товарищамъ. Всѣ смотрятъ на него съ презрѣніемъ. Никто, даже и самые интимные его друзья, которые постоянно были съ нимъ, не приходили сказать ему слово, спросить, почему онъ такъ поступилъ и выслушать его объясненія. Не жестоко ли, не безчеловѣчно ли все это? Хорошо, но, что общаго они могутъ имѣть съ нимъ, когда учитель, который, больше всѣхъ любилъ его, назвалъ его измѣнникомъ? Да, онъ завтра и въ жизни будетъ измѣнникомъ и мерзавцемъ...

Такъ разсуждая, Драгановъ сжималъ голову обѣими руками и качался то въ одну, то въ другую сторону.

Въ такомъ положеніи засталъ его одинъ изъ одноклассниковъ, который послѣ руководителя занималъ первое мѣсто въ группѣ.

— Слушай,—обратился онъ къ Драганову съ наморщеннымъ лицомъ,—вставай!

Драгановъ поднялъ глаза и бросилъ на него обезумѣвшій взглядъ.

— Ты уже исключенъ изъ группы по причинѣ твоего подлаго поступка.

Драгановъ не удивился, какъ будто онъ какъ разъ этого и ожидалъ.

— Вставай! — повторилъ повелительнымъ тономъ ученикъ-революціонеръ.—Иди, ты долженъ дать обратно свою клятву!

Онъ всталъ и машинально пошелъ за нимъ.

Скоро Драгановъ опять возвратился въ спальню. Около блѣдныхъ его губъ появилась странная морщина, которой раньше не было. Онъ почувствовалъ пропасть, черную пропасть подъ ногами.

„Все кончено!“—произнесъ онъ съ болѣзненнымъ вздохомъ. Онъ посмотрѣлъ на кровати, но какъ будто въ первый разъ. Наконецъ, нашелъ свою и легъ, поддерживая голову руками.

Такъ онъ провелъ много времени. Никто не пришелъ посмотрѣть на него.—Лучше!—говорилъ онъ себѣ. Надзира-

тель замѣтилъ его отсутствіе и за обѣдомъ, и за ужиномъ, но счелъ за лучшее не спрашивать о немъ.

Вечеромъ служитель вошелъ въ спальню, закрылъ окна и зажегъ лампадку. По выходѣ онъ увидѣлъ Драганова, подошелъ къ нему и, осмотрѣвшись кругомъ, сказалъ ему: „ученики собираются тебя побить; „принимай мѣры!“ Служитель вышелъ и Драгановъ, который не обратилъ вниманія на его слова, вздохнулъ такъ, какъ будто избавился отъ большой опасности. Послѣ этого засмотрѣлся на лампадку, какъ будто первый разъ видитъ такую вещь.

* * *

Вечернія занятія кончились, пробилъ звонокъ и ученики кучками входили въ спальни.

Драгановъ лежалъ весь закутанный въ одѣяло, съ головою, Его товарищи пришли и стали раздѣваться.

— Здѣсь ли этотъ мерзавецъ?—сказалъ послѣдній изъ нихъ, притворяя за собою дверь.

— Завтра непремѣнно заявимъ старшему надзирателю,— замѣтилъ другой, ложась,—вывести его изъ нашей спальни.

— Да, да, непремѣнно, — отозвался третій, — мы не можемъ терпѣть измѣнниковъ въ своей средѣ!

Драгановъ все слышалъ.—Это ужаснѣе всякой смерти!— сказалъ онъ себѣ.

Разговоръ перешелъ на другую тему, но вскорѣ всѣ, одинъ за другимъ, заснули. Въ спальнѣ водворилась тишина. Пламя лампадки мерцало и бросало слабый желтый свѣтъ въ спальню. Кто-то сталъ храпѣть, но проснулся, повернулся на другой бокъ и тихо заснулъ.

Драгановъ не засыпалъ. Онъ смотрѣлъ на стѣну. Въ его душѣ происходило что-то ужасное.

Около полуночи грохотомъ вырвалось изъ его груди рыданіе, которое нарушило ночную тишину. Неудержимыя слезы, слезы отчаянія, слезы прощанія съ молодостью, съ надеждами. Слезы и потъ, какъ потокъ, полились по лицу юноши и намочили подушку.

Трое учениковъ проснулись одинъ послѣ другого. Двое, услышавъ, что это Драгановъ, выругали его за нарушеніе ихъ сна и снова закутались въ одѣяла и заснули. Третій, самый близкій до тѣхъ поръ другъ Драганова, не могъ воздержаться, всталъ и тихими шагами подошелъ къ его кровати.

— Драгановъ, отчего плачешь?—спросилъ онъ, положивъ свою руку на его нѣжные и мокрые волосы.

Драгановъ продолжалъ всхлипывать, но скоро голосъ его утихъ.

— Успокойся! Безсердечные люди! Они не имѣютъ права обижать тебя!

Снова потекли обильныя и крупныя слезы по лицу Драганова. Онъ пожалъ руки своему до сихъ поръ столь близкому и любимому другу, который только одинъ имѣлъ смѣлость сказать этому жалкому, неоправданному, незаслуженно-убитому, теплое братское слово.

— Прощай!—сказалъ Драгановъ, еще разъ пожавъ руку своему другу.—Ты раздѣтъ, простудишься.

И самъ онъ закутался весь и замолкъ.

Другъ его подождалъ, но, увидавъ, что Драгановъ не шевелится и не отвѣчаетъ, пошелъ и легъ.

На душѣ Драганова стало легче. Онъ успокоился, но страшно было его спокойствіе.

Утромъ служители нашли Драганова повѣсившимся въ подвалѣ пансіона...

ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ.

Переводъ съ болгарскаго В. Паохова.

Гдѣ-то вблизи пропѣли пѣтухи.

— Возвратись!—сказали четники курьеру.

— Ночь темная,—замѣтилъ онъ,—здѣсь поле, дорогъ много и ничего не видать: боюсь не заблудились бы.

— Не бойся: дальше мы и съ завязанными глазами можемъ итти.

Курьеръ больше не настаивалъ, простился и пошелъ. А оба четника остановились и прислушались.

— Ты увѣренъ, что село близко и что это село К—во?—спросилъ Милко.

— Больше чѣмъ увѣренъ; это оно, другое быть не можетъ,—твердо отвѣтилъ Ваню.—Хорошо сдѣлали,—прибавилъ онъ, спустя немного,—что послали его обратно. Почемъ знать, что онъ за птица? Въ такое время никому не довѣряйся и никакого слѣда не оставляй послѣ себя.

Милко ревизовалъ районъ, я Ваню сопровождалъ его. Въ эту ночь они едва успѣли выбраться изъ села, которое, спустя нѣсколько часовъ послѣ ихъ прихода, было блокирано многочисленнымъ войскомъ. Несомнѣнно, ихъ предали. И они не сомнѣвались въ этомъ; поэтому они измѣнили свой маршрутъ: вмѣсто того, чтобы итти въ ближайшее сосѣднее село, они усиленнымъ ходомъ пропутешествовали цѣлыхъ четыре часа. чтобы успѣть до разсвѣта прибыть въ село К—во, которое находилась на спускахъ Странджи.

Опасеніе курьера скоро оправдалось. Милко и его товарищъ заблудились, пѣтухи замолкли; лай собакъ, сторожившихъ стадо на загонѣ, отбилъ ихъ отъ прямого пути. Они остановились и не знали, куда итти. Быть можетъ, самое благоразумное было подождать, пока разсвѣтетъ. Но они не подождали, а пошли дальше съ надеждой, что такъ или иначе найдутъ село. Они спѣшили, чтобъ не остаться среди испещреннаго турецкими селами поля, которое еще до восхода солнца наполнилось бы жнецами-турками и на ко-

торомъ днемъ абсолютно нельзя было скрыться. Но чѣмъ болѣе они спѣшили, тѣмъ болѣе въ сторонѣ оставалось село. И когда стало разсвѣтать, они очутились передъ чисто-турецкимъ селомъ. Ваню предполагалъ, что это К—во. Но еще до входа въ него они замѣтили высокое бѣлое минаре [1]) и, гонимые собаками, они, усталые и утомленные, вернулись обратно.

Разсвѣтало все болѣе и болѣе. Востокъ сталъ покрываться злато пурпурнымъ свѣтомъ, а на полѣ стали появляться ранніе жнецы и жницы.

Отдалившись отъ села, Милко съ своимъ товарищемъ вошли въ несжатую ниву. Они еще не рѣшили, оставаться ли имъ тамъ, какъ снизу стали подходить жнецы, идущіе прямо на ниву. Времени для рѣшенія вопроса не осталось. Передъ ними на другомъ краю нивы стояли два громадныхъ орѣховыхъ дерева, и они, ползкомъ, инстинктивно добрались до ихъ основанія, взобрались на нихъ и скрылись между вѣтвями и листьями — одинъ на одномъ деревѣ, а другой на другомъ. Они еще не успѣли обмѣняться словами и опредѣлить на всякій случай какой-нибудь условный знакъ, какъ жнецы уже пришли: одинъ бѣлобородый турокъ, двѣ дѣвушки и одна молодая турчанка съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ.

До начала работы мать устроила колыбель на маленькомъ деревѣ около самой нивы; послѣ этого она открыла свою бѣлоснѣжную грудь и стала кормить ребенка и когда кончила, поцѣловала его и положила въ колыбель, а старикъ пришелъ къ нему и сталъ его качать, чтобы заснулъ. Она же и обѣ дѣвицы сбросили съ себя фередже [2]), чтобы было легче и прохладнѣе и, накинувъ большіе платки на свои головы, чтобы защитить свѣжесть своихъ лицъ отъ лучей лѣтняго солнца наклонились и стали жать.

Въ это время Ваню свѣсилъ голову, на него стала нападать дремота. Чтобы разогнать грядущій сладкій сонъ, онъ сталъ понюхивать табакъ. А Милко все наблюдалъ, по временамъ поднимая къ глазамъ маленькій бинокль. Онъ восхищался стройными движеніями молодыхъ женщинъ. Бѣлое и красивое лицо молодой женщины привлекало его съ особенной силой; ему казалось, что онъ гдѣ-то видѣлъ такое лицо, но не могъ хорошо припомнить — въ Италіи ли, или въ Солуни...

Все поле наполнилось жнецами, и пѣсни, пропитанныя

---

[1]) Высокая башня около мечети, на которой турецкіе хаджи поютъ молитвы.

[2]) Верхняя одежда, надѣваемая на голову и покрывающая станъ турчанки.

нѣжностью и страстью, разносились надъ нивами. А по дорогамъ медленно двигались телѣги, нагруженныя золотыми снопами. Но нигдѣ не было видно христіанина или христіанки. Ясно было—молодые революціонеры попали между чисто-турецкими селами. И если бы они были замѣчены, самые жнецы, турки, большинство которыхъ было вооружено, застрѣлили бы ихъ, а между тѣмъ невозможно было провести весь день между вѣтвями незамѣченными никѣмъ. Жизнь ихъ висѣла на волоскѣ; съ минуты на минуту можно было ожидать ихъ трагическій конецъ. Но Милко не хотѣлъ и подумать, что смерть можетъ быть такъ близка: здѣсь, среди такой молодости и силы, среди кипучей жизни и яснаго неба, на которомъ солнце такъ весело сіяло, здѣсь не было ничего угрожающаго, ничто не предрекало близкой смерти. А безпечный Ваню какъ будто находился въ самомъ безопасномъ мѣстѣ міра, нюхая свой табакъ, продолжалъ бороться съ своимъ сномъ: можно было подумать, что ему хотѣлось какъ можно дольше испытывать пріятное чувство засыпанія.

Въ одно время Милко, самъ этого не желая, задумался: что дѣлать, если они будутъ замѣчены? Пуститься черезъ еще несжатыя нивы наверхъ по склонамъ горы несомнѣнно, они не успѣли бы и скрыться, какъ были бы настигнуты погоней; залечь, вотъ тамъ за этими камнями и защищаться пока есть патроны, а потомъ, если не судьба и въ этотъ разъ миновать смерть, то по крайней мѣрѣ достойно отдать свою жизнь... или не медля при первомъ удобномъ моментѣ тайкомъ спуститься съ деревьевъ... Но чудная любовная пѣснь, которую пѣли сноха и дочери старика звучнымъ, сладкимъ голосомъ, разсѣяла его тревожную думу. Будучи страстнымъ любителемъ пѣсенъ, онъ невольно вслушался.

Опьяненнаго сладкой и страстной мелодіей, Милко такъ и тянуло самого запѣть и отъ удовольствія пустить пулю въ воздухъ изъ своей манлихерки...

* * *

Настало время обѣда.

Солнце начинало сильнѣе печь. Пѣсни, одна послѣ другой, замолкали. Жнецы скрылись подъ густыми тѣнями. Чувство сильнаго безпокойства овладѣло Милкомъ. Какъбудто такъ и нужно было: водвориться тишинѣ въ полѣ, чтобы онъ могъ яснѣе понять и взвѣсить большую опасность, въ которой они находились въ этотъ моментъ. Онъ слышалъ слова старика: „Будемъ обѣдать подъ однимъ изъ

орѣховъ; здѣсь, около колыбели, тѣнь слабая", и сердце его стало сильнѣе биться. Съ задержаннымъ дыханіемъ смотрѣлъ, какъ молодая женщина взяла своего сыночка, а дѣвицы съ собою принесенный обѣдъ и вмѣстѣ съ старикомъ направились къ орѣховому дереву, на вѣтвяхъ котораго согнулся Ваню. „Непремѣнно уведутъ его, — подумалъ Милко,—что намъ дѣлать!" Чтобы лучше посмотрѣть, хорошо ли спряталъ его товарищъ, онъ посмотрѣлъ на него въ бинокль, но... о, ужасъ, тотъ уже спалъ.

Въ то же самое время вблизи одинъ вооруженный солдатъ крикнулъ другому:

— Дядя, они здѣсь. Не ошибся я. Иди!

Милко приготовилъ ружье.

Подъ деревомъ перестали ѣсть, задвигались.

— Онъ есть, онъ!—съ радостью воскликнули женщины и встали одна послѣ другой.

Оба солдата пришли, оба поцѣловали руку старика, а младшій изъ нихъ обнялъ молодую женщину и ребенка, который крикнулъ съ испугомъ и спряталъ свою голову на груди матери.

— Какими судьбами? — удивлялся старикъ. — Такъ неожиданно!

— Милости просимъ, милости просимъ, — привѣтливо приглашали женщины.

— Мы не голодны,—сказалъ младшій солдатъ.—Дайте намъ воды.—Страшно жарко! Какъ ваше здоровье? Какъ видно, вы всѣ, слава Богу, здоровы! А ты, щенокъ, почему такъ пугливъ? Давай его сюда,—обратился онъ къ зарумянившейся женѣ,—научу я его...

А старшій солдатъ продолжалъ говорить съ старикомъ.

— Много ли ихъ?—испуганно спросилъ старикъ.

— Офицеры говорятъ, что немного, но имъ нельзя вѣрить—они стараются поддержать духъ. А другіе увѣряютъ, что ихъ больше 100 человѣкъ...

— Асанъ, Асанъ!—назвалъ кто-то вблизи.

Милко повернулся: три солдата сидѣли подъ однимъ деревомъ; лѣвѣе другіе три медленно шагали и о чемъ то спорили; немного дальше приближались еще трое, а на шоссе двигались больше 50 душъ, а съ ними на конѣ—-офицеръ.

Женщины поблѣднѣли и дрожали отъ страха. Одна изъ нихъ въ бесѣдѣ солдата съ старикомъ услышала слово „комиты". Онѣ поняли, что дѣло плохо.

А между жнецами давно уже разносился тревожный слухъ, что гдѣ-то на самомъ полѣ скрываются болѣе 500 комитовъ. Нѣкоторые изъ нихъ перестали работать и стали нагружать свои телѣги.

— Кажется, подъ тѣмъ орѣхомъ тѣнь лучше,—сказалъ младшій солдатъ, стараясь успокоить и развеселить женщинъ. И въ этотъ моментъ отражающійся свѣтъ отъ ружья Милка привлекъ его вниманіе. Онъ зорко сталъ всматриваться, но взъерошенная голова и два большихъ глаза заставили его отступить назадъ.

Конецъ насталъ.

— Стой!—страшнымъ голосомъ крикнулъ Милко и направилъ ружье къ нему.

Въ этотъ критическій моментъ совершилось необычайное явленіе.

Заснувшій Ваню упалъ съ дерева и ружье его выстрѣлило.

— Бѣгите! Комиты!—разнеслось.

И женщины, и солдаты, и старикъ пустились бѣжать. Съ сосѣдней нивы женщины спросили: „что такое" и, не дожидаясь отвѣта, побѣжали по тому же направленію. Солдаты, находившіеся въ полѣ, увидавъ своихъ коллегъ, тоже побѣжали. Въ одинъ моментъ все поле заволновалось и опустѣло.

А въ это время Ваню, который еще не могъ опомниться и дать себѣ отчета, что дѣлается, машинально продолжалъ стрѣлять.

Милко, когда спустился съ дерева, когда еще Ваню упалъ, подошелъ къ нему и едва успѣлъ заставить его не тратить патроны понапрасну.

И когда всѣ, какъ сумасшедшіе, бѣжали, Милко и Ваню быстро поднимались по одному изъ обрывовъ Коевской горы.

Поле скоро опустѣло. Только по мѣстамъ видиѣлись нагруженныя телѣги, привязанные волы и пустыя дѣтскія колыбели. А хлѣбъ на нивахъ легъ на землю, какъ побитый сильнымъ и продолжительнымъ градомъ.

Ваню повторялъ:

— Ты врешь: я раненъ гдѣ-нибудь на спинѣ.

А Милко покатывался отъ смѣха.

ЧИНОВНИКЪ.

Новелла Висенте Бласко Ибаньеса.

Пер. съ испанскаго А. Вольтера.

Растянувшись на спинѣ на жесткой койкѣ и блуждающими глазами слѣдя за узоромъ трещинъ на потолкѣ, журналистъ Хуанъ Яньесъ, единственный обитатель *камеры политическихъ*, думалъ о томъ, что сегодня ночью пойдетъ третій мѣсяцъ со времени его заключенія.

Девять часовъ... Корнетъ на дворѣ испускаетъ протяжныя ноты, прорѣзывающія тишину, въ корридорахъ слышатся монотонно-правильные шаги караульныхъ, а изъ запертыхъ камеръ, наполненныхъ человѣческими тѣлами, доносится сгущенный гулъ, точно пыхтѣніе кузнечнаго горна или сопѣніе спящаго великана: кажется невозможнымъ, чтобъ въ этомъ старомъ монастырѣ, обращенномъ теперь въ тюрьму, въ этой молчаливой громадѣ, величина которой выступаетъ еще яснѣе при разсѣянномъ свѣтѣ газа, спала тысяча человѣкъ.

Бѣдный Яньесъ, обязанный ложиться въ постель въ девять часовъ и лежать, постоянно имѣя свѣтъ передъ глазами, среди убійственной тишины, заставляющей вѣрить въ возможность существованія міра смерти, размышлялъ о томъ, какъ сурово приходится ему расплачиваться за пренебреженіе къ закону. Проклятая статья! Каждая строка будетъ стоить ему недѣли заключенія, каждое слово—дня.

И, вспомнивъ, что сегодня вечеромъ открывается оперный сезонъ „Лоэнгриномъ", его любимой оперой, Яньесъ увидѣлъ ряды ложъ и въ нихъ обнаженныя плечи и великолѣпныя шеи, сверкающія драгоцѣнными каменьями, среди волнъ блестящаго шелка и воздушныхъ, колышущихся страусовыхъ перьевъ.

— Девять... Какъ разъ теперь появляется лебедь, и сынъ Парсифаля издаетъ свои первыя ноты при лихорадочномъ возбужденіи публики... А онъ здѣсь! Господи! Онъ не слышитъ и самой плохой оперы!..

О, нѣтъ, онъ слышалъ, и даже не дурную оперу! Изъ нижней одиночной камеры, точно вырываясь изъ-подъ земли, неслись звуки, которыми обнаруживало свое существованіе горное животное, которое должны были съ минуты на минуту казнить за громадное количество совершенныхъ имъ убійствъ. То былъ лязгъ цѣпей, похожій на звонъ старыхъ гвоздей и ключей, и время отъ времени слабый голосъ, повторяющій: „От... че нашъ иже е... си на... не... бе... си... Пресвя... тая... Бого... ро... ди... ца"... робкимъ и умоляющимъ тономъ ребенка, засыпающаго на рукахъ у матери. Онъ вѣчно тянулъ одну и ту же пѣсню и невозможно было заставить его замолчать. По мнѣнію большинства, онъ желалъ такимъ образомъ притвориться сумасшедшимъ, чтобъ спасти свою шею; но, быть можетъ, четырнадцать мѣсяцевъ одиночества въ камерѣ, проведенные въ ежеминутномъ ожиданіи смерти, и въ самомъ дѣлѣ помрачили скудный мозгъ этого жалкаго животнаго.

Яньесъ проклиналъ несправедливость людей, которые за какія-нибудь нѣсколько страничекъ, нацарапанныхъ въ минуту дурного расположенія духа, заставляли его ночь за ночью спать подъ убаюкивающій бредъ человѣка, осужденнаго на смерть, какъ вдругъ услыхалъ громкіе голоса и поспѣшные шаги въ томъ самомъ этажѣ, гдѣ помѣщалась его камера.

— Нѣтъ, я не стану здѣсь спать! — кричалъ дрожащій, визгливый голосъ. — Развѣ я какой-нибудь преступникъ? Я такой же чиновникъ правосудія, какъ и вы!.. и съ тридцатилѣтней безпорочной службой!.. Спросите про Никомедеса: весь свѣтъ меня знаетъ, даже газеты говорятъ обо мнѣ. И меня посадили въ тюрьму, да еще хотятъ, чтобъ я спалъ на чердакѣ, непригодномъ даже для каторжанъ! Премного благодаренъ! Развѣ для этого мнѣ велѣли пріѣхать?.. Я боленъ и здѣсь спать не стану. Пусть пришлютъ мнѣ доктора, мнѣ нуженъ докторъ!..

Журналистъ, при всей безотрадности собственнаго положенія, разсмѣялся надъ забавнымъ бабьимъ тономъ, которымъ этотъ тридцатилѣтній безпорочный служака требовалъ врача.

Опять послышался гулъ нѣсколькихъ голосовъ: они что-то обсуждали, точно тамъ составилось совѣщаніе; шаги доносились все ближе, и вотъ дверь *камеры для политическихъ* открылась и въ ней появился беретъ съ золотымъ галуномъ.

— Донъ-Хуанъ, — сказалъ смотритель нѣсколько фамильярнымъ тономъ, — эту ночь вамъ придется провести въ компаніи... Простите, пожалуйста, но это не моя вина: необхо-

димость... Ну, а утромъ начальство распорядится. Проходите... *Сеньоръ*.

И *сеньоръ* (надо было слышать, какимъ ироническимъ тономъ было произнесено это слово) вошелъ въ дверь въ сопровожденіи двухъ арестантовъ: одного съ чемоданомъ и узломъ съ одѣяломъ и складной кроватью и другого—съ мѣшкомъ, сквозь матерію котораго обрисовывались края широкаго и низкаго футляра.

— Добрый вечеръ кабальеро!

Онъ поздоровался смиренно, тѣмъ робкимъ голосомъ, который незадолго до этого заставилъ разсмѣяться Яньеса, и, снявъ шляпу, обнажилъ маленькую голову, сѣдую и тщательно подстриженную. Это былъ тучный, красный пятидесятилѣтній мужчина; плащъ, казалось, вотъ-вотъ упадетъ съ его плечъ, а груда брелоковъ, прицѣпленныхъ къ массивной золотой цѣпи, звенѣла на его животѣ при малѣйшемъ движеніи. Его крошечные глазки блестѣли синеватымъ блескомъ стали, а ротъ казался сдавленнымъ двумя изогнутыми усами, торчащими, точно вопросительные знаки.

— Разрѣшите?—сказалъ онъ, садясь. — Я обезпокоилъ васъ, но это не моя вина. Я пріѣхалъ сюда съ ночнымъ поѣздомъ и нашелъ, что мнѣ дали въ видѣ спальни чердакъ, полный мышей. Ну, и путешествіе!

— Вы арестантъ?

— Въ настоящую минуту да,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь,—но я недолго буду безпокоить васъ своимъ присутствіемъ.

И пузатый буржуа принялъ униженно-почтительный видъ, точно просилъ прощенія въ томъ, что узурпировалъ чужое мѣсто въ тюрьмѣ.

Яньесъ пристально взглянулъ на него: его удивляла подобная радость. Что это за птица? И въ его воображеніи вихремъ понеслись самые дикіе, самые туманные образы, казалось, искавшіе другъ друга и гнавшіеся другъ за другомъ, чтобъ составить мысль.

Вдругъ издали донеслись жалобные „Отче нашъ"... запертаго дикаго звѣря, и журналистъ нервно приподнялся, точно ему удалось, наконецъ, собрать разбѣгающуюся мысль при взглядѣ на мѣшокъ, лежавшій у ногъ вновь прибывшаго.

— Что у васъ тутъ?.. Это ящикъ съ... приборомъ?

Спрошенный, казалось, колебался, но энергичный тонъ вопроса заставилъ его рѣшиться, и онъ, наконецъ, утвердительно наклонилъ голову. Наступило продолжительное, тягостное молчаніе. Арестанты ставили кроват этого человѣка въ углу камеры, Яньесъ пристально смотрѣлъ на своего товарища по заключенію, который сидѣлъ, опустивъ глаза, какъ бы избѣгая его взглядовъ.

Когда постель была установлена, арестанты удалились и смотритель заперъ дверь снаружи на запоръ; тягостное молчаніе продолжалось. Наконецъ, вновь прибывшій сдѣлалъ надъ собой усиліе и заговорилъ.

Я доставлю вамъ непріятную ночь, но это не моя вина: *они* помѣстили меня здѣсь. Я отказывался, зная, что вы человѣкъ приличный и для васъ мое общество будетъ самымъ худшимъ, какое только вы можете найти въ этомъ домѣ.

Молодой человѣкъ почувствовалъ себя обезоруженнымъ такимъ самоуниженіемъ.

— Нѣтъ, сеньоръ, я привыкъ ко всему, — сказалъ онъ съ ироніей. — Въ этомъ домѣ заключаешь столько добрыхъ знакомствъ, что одно лишнее ужъ ничего не составляетъ. Кромѣ того, вы не кажетесь мнѣ дурнымъ человѣкомъ.

И журналистъ, еще не освободившійся отъ вліянія романтическихъ произведеній, читанныхъ въ ранней юности, находилъ очень оригинальнымъ подобное интервью и даже испытывалъ нѣкоторое удовольствіе.

— Я живу въ Барселонѣ,—продолжалъ старикъ,—но мой коллега изъ этого округа недавно умеръ отъ запоя и, когда я вчера пришелъ въ судъ, альгвазилъ сказалъ мнѣ: „Никомедесъ"...—меня зовутъ Никомедесъ Терруньо,—вы не слыхали этой фамиліи?.. Странно, въ прессѣ она часто упоминается... „Никомедесъ, по приказу сеньора президента садись сегодня же въ ночной поѣздъ". Я пріѣзжаю сюда съ намѣреніемъ жить въ гостиницѣ до того дня, когда придется работать, и вдругъ съ вокзала меня тащутъ сюда, не могу вамъ сказать, съ какими страхами и предосторожностями... И въ довершеніе насмѣшки помѣщаютъ меня вмѣстѣ съ мышами... Видали вы такія вещи? Такъ обращаться съ чиновникомъ, съ слугой правосудія!

— И давно уже вы на службѣ?

— Тридцать лѣтъ, кабальеро, я поступилъ на службу еще при Исабель Второй.—Я старѣйшій въ своемъ ремеслѣ и насчитываю въ спискѣ своихъ кліентовъ даже политическихъ. Могу смѣло сказать съ гордостью, что всегда выполнялъ свои обязанности. Теперешній будетъ сто вторымъ; много, не правда ли? Ну-съ, и со всѣми я обходился, какъ только могъ лучше: ни одинъ не можетъ на меня пожаловаться. Многіе ветераны тюрьмы, видя меня въ послѣднюю минуту, успокаиваются и говорятъ: „Никомедесъ, я радъ, что это ты".

И „чиновникъ" все больше воодушевлялся при видѣ благосклоннаго вниманія и любопытства, которое оказывалъ ему Яньесъ; онъ чувствовалъ почву подъ ногами и говорилъ все развязнѣе.

— Я тоже немного и изобрѣтатель,— продолжалъ онъ.— *Приборы* дѣлаю я самъ и, что касается чистоты работы, то невозможно требовать большаго... Не угодно ли взглянуть?

Журналистъ вскочилъ съ постели, какъ бы собираясь бѣжать.

— Нѣтъ, премного благодаренъ! Я вѣрю...

И онъ съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на эти руки съ красными, жирными ладонями: остатки, быть можетъ, той „чистоты", о которой онъ говорилъ, но Яньесу казалось, что онѣ пропитаны человѣческимъ жиромъ, кровью той сотни жертвъ, которыя составляли его *кліентуру*.

— И вы удовлетворены своей профессіей?—спросилъ онъ, чтобы заставить его позабыть о желаніи блеснуть своими изобрѣтеніями.

— Что дѣлать!.. Приходится мириться. Единственное утѣшеніе, что работы становится все меньше. Но какъ ужасенъ этотъ хлѣбъ!.. Если-бъ вы знали!..

И онъ замолчалъ, уставившись въ полъ.

— Всѣ противъ меня!— продолжалъ онъ.— Знаете, я видѣлъ много комедій. Я видѣлъ, какъ иные древніе короли всюду разъѣзжали въ сопровожденіи вершителя своего правосудія, одѣтаго въ красное, съ топоромъ на плечѣ, и дѣлали изъ него своего друга и совѣтника. Это было логично! Вершитель правосудія, мнѣ кажется, все-таки представляетъ изъ себя что-нибудь и заслуживаетъ нѣкотораго уваженія. Но въ наши времена всюду лицемѣріе. Когда фискалъ [1]) надрывается, требуя головы подсудимаго во имя какихъ-то тамъ уважительныхъ причинъ, всѣ находятъ, что это отлично, но стоитъ мнѣ затѣмъ приступить къ выполненію его распоряженій, и всѣ оплевываютъ меня и оскорбляютъ. Скажите сами, сеньоръ, справедливо ли это?.. Если я вхожу въ гостиницу, меня выставляютъ за дверь, какъ только узнаютъ, кто я; на улицѣ всѣ избѣгаютъ прикосновенія ко мнѣ, и даже въ судѣ мнѣ бросаютъ деньги подъ ноги, точно я не такой же чиновникъ, какъ они, точно мое жалованье не входитъ въ государственный бюджетъ... Всѣ противъ меня! И потомъ... — прибавилъ онъ едва слышнымъ голосомъ, — другіе враги... Тѣ! Понимаете? Тѣ, что уходятъ, чтобъ больше не вернуться, и тѣмъ не менѣе возвращаются; эта сотня несчастныхъ, съ которыми я обращался такъ нѣжно, какъ отецъ, стараясь причинять имъ какъ только можно меньше боли... и которые... неблагодарные! возвращаются ко мнѣ, какъ только увидятъ, что я остался одинъ.

---

[1]) Прокуроръ.

— Какъ?... Возвращаются?

— Каждую ночь. Есть такіе, которые мучаютъ меня мало: послѣдніе—тѣ чуть-чуть; они кажутся мнѣ друзьями, съ которыми я простился вчера; но старые, тѣ, что въ первое время... когда я еще волновался и чувствовалъ себя трусомъ,—тѣ настоящіе демоны и, какъ только увидятъ меня одного въ темнотѣ, сейчасъ потянутся по моей груди безконечной процессіей, давятъ меня, душатъ меня, бьютъ меня по глазамъ краями своихъ савановъ. Они преслѣдуютъ меня всюду и, чѣмъ старѣе я становлюсь, тѣмъ ихъ посѣщенія становятся продолжительнѣе и чаще. Когда меня помѣстили на чердакѣ, я началъ видѣть, какъ они выступаютъ изъ самыхъ темныхъ угловъ. Я поэтому и требовалъ доктора: я почувствовалъ себя больнымъ; я испугался ночи мнѣ захотѣлось свѣта, общества.

— Вы всегда одни?

— Нѣтъ, у меня есть семья, тамъ, въ окрестностяхъ Барселоны,—семья, не причиняющая мнѣ огорченій: собака, три кота и восемь куръ. Они не понимаютъ людей и поэтому уважаютъ меня, любятъ меня такъ, какъ если бы я былъ такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ. Они медленно старѣются подлѣ меня. Я ни разу не зарѣзалъ ни одной курицы: я падаю въ обморокъ при видѣ текущей крови.

И онъ говорилъ это, какъ раньше, тѣмъ же жалобнымъ голосомъ, слабымъ, униженнымъ, точно чувствовалъ, какъ у него медленно отрываются всѣ внутренности одна за другой.

— И у васъ никогда не было семьи?

— У меня?... Была, какъ у всѣхъ на свѣтѣ. Вамъ я разскажу все, кабальеро. Вотъ ужъ сколько времени, какъ я ни съ кѣмъ не говорю... Моя жена умерла шесть лѣтъ тому назадъ. Не подумайте, что она была пьяной, глупой бабой, какой полагается быть по романамъ женѣ палача. Это была дѣвушка изъ моего родного города, и я повѣнчался съ ней, вернувшись съ военной службы. У насъ были сынъ и дочь: хлѣба мало, нужда большая и—что вы хотите? Молодость и нѣкоторая грубость характера привели меня на эту службу. Не думайте, чтобъ мнѣ легко было поступить на это мѣсто—понадобилось даже чужое вліяніе. Вначалѣ мнѣ было пріятно презрѣніе людей: я гордился тѣмъ, что внушаю ужасъ и отвращеніе. Я занималъ мѣсто во многихъ судахъ, мы исколесили всю среднюю Испанію, пока, наконецъ, не попали въ Барселону. Что за чудесное было время! Лучшее въ моей жизни. За пять или шесть лѣтъ мнѣ не пришлось ни разу поработать. Я превратилъ свои сбереженія въ небольшой домикъ въ окрестностяхъ

города, и сосѣди уважали дона Никомедеса, симпатичнаго сеньора, судейскаго чиновника. Сынъ—сущій Божій ангелъ, трудолюбивый, скромный, тихій, служилъ въ одномъ торговомъ домѣ; дочь—какъ жаль, что у меня нѣтъ съ собой ея портрета!—настоящій херувимъ, съ большими-пребольшими синими глазами и золотистой косой, толщиной въ руку; когда она гуляла по нашему садику, то казалось одной изъ сеньоритъ, которыя выступаютъ въ операхъ, и ни разу не ѣздила она съ матерью въ Барселону безъ того, чтобъ слѣдомъ за ней не шелъ какой нибудь молодой человѣкъ. У нея былъ и формальный женихъ—славный юноша, который скоро долженъ былъ стать докторомъ. Это все было дѣломъ рукъ ея и ея матери: я дѣлалъ видъ, будто ничего не вижу, съ той добродушной слѣпотой отцовъ, которые приберегаютъ себя для послѣдняго момента. Ахъ, Господи, какъ мы были счастливы!

Голосъ Никомедеса дрожалъ все сильнѣе; его голубоватые глазки потемнѣли. Онъ не плакалъ, но его смѣшная тучная фигура вся волновалась дрожью ребенка, который дѣлаетъ усилія, чтобъ проглотить слезы.

— Но нашелся одинъ несчастный, который позволилъ себѣ совершить цѣлый рядъ крупныхъ кражъ; его приговорили къ смерти, и мнѣ пришлось приняться снова за свои обязанности, когда я уже почти забылъ, въ чемъ состоитъ моя служба. О, что это былъ за день! Полгорода узнало меня, увидавъ меня на эшафотѣ, и нашелся даже журналистъ, который—вѣдь эти господа хуже чумы (исключая, конечно, васъ)—прослѣдилъ всю мою жизнь и описалъ меня и мою семью въ фельетонѣ, точно какихъ-то рѣдкостныхъ звѣрей, утверждая, что мы имѣемъ видъ людей вполнѣ приличныхъ. Мы вошли въ моду, но въ какую моду! Сосѣди стали запирать двери и окна, завидя меня, и, хоть городъ великъ,—меня всюду и всегда стали узнавать на улицахъ и осыпать оскорбленіями.

Однажды, вернувшись домой, я нашелъ жену точно безумной. Дочь! Дочь!.. Я увидалъ ее въ постели съ обезображеннымъ, позеленѣвшимъ лицомъ — а она была такъ прекрасна!—и съ побѣлѣвшимъ языкомъ: она отравилась, отравилась фосфоромъ и терпѣла ужаснѣйшія боли въ теченіе цѣлыхъ часовъ молча, чтобъ помощь явилась слишкомъ поздно... и она явилась поздно! На слѣдующій день ея уже не было въ живыхъ. Она всей душой любила молодого доктора, а я собственными глазами прочелъ письмо, въ которомъ тотъ навсегда отказывается отъ нея, узнавъ, чья она дочь. Я не плакалъ по ней—развѣ у меня было время плакать? Весь свѣтъ пошелъ противъ насъ, несчастье стало

преслѣдовать насъ повсюду; тотъ спокойный уголокъ, который мы себѣ создали, рухнулъ, разсѣлся по всѣмъ четыремъ швамъ. Мой сынъ... его тоже выгнали изъ торговаго дома, и безполезно было искать новаго мѣста или помощи у кого либо изъ его друзей. Кто скажетъ слово съ сыномъ палача! Бѣдняга! Какъ будто онъ имѣлъ возможность выбрать себѣ отца передъ тѣмъ, какъ появиться на свѣтъ! Чѣмъ виноватъ онъ, такой честный, такой хорошій, въ томъ, что я его родилъ? Онъ сталъ проводить весь день дома, скрываясь отъ людей, въ углу садика, печальный и убитый смертью сестры.—О чемъ ты думаешь, Антоніо?—бывало, спрошу я его. — Папа, я думаю объ Анитѣ.—Бѣдняжка обманывалъ меня: онъ думалъ о томъ, что мы жестоко ошибались, считая себя одно время такими же, какъ остальные люди, и имѣя дерзость желать быть счастливыми. Ударъ былъ страшенъ: подняться было невозможно. Антоніо исчезъ.

— И вы ничего не знали о сынѣ?—спросилъ Яньесъ, заинтересованный этой мрачной исторіей.

— Да, цѣлыхъ четыре дня. На пятый его выловили вблизи Барселоны: онъ запутался въ рыбачьи сѣти, распухшій, безобразный... Вы, навѣрно,уже угадываете остальное. Бѣдная старуха уходила изъ этой жизни мало-по малу, какъ будто дѣти тянули сверху, и я, скверный, безчувственный, остался здѣсь одинъ, совершенно одинъ, даже безъ того утѣшенія, которое доставляетъ пьянство, потому что—стоитъ мнѣ напиться, и придутъ тѣ, понимаете, *тѣ*, мои преслѣдователи, и станутъ сводить меня съ ума, размахивая своими черными саванами, точно громадные вороны, и тогда хоть ложись и умирай... И тѣмъ неменѣе я ихъ не ненавижу. Несчастные! Я чуть не плачу, когда вижу ихъ на плахѣ. Другое дѣло тѣ, что причинили мнѣ зло. Если бы всѣ эти неизвѣстные, похитившіе своимъ презрѣніемъ и ненавистью моихъ жену и дѣтей, имѣли одну шею и попались мнѣ въ руки, ахъ, какъ бы я наточилъ свой топоръ!.. съ какой бы радостью!..

И, выкрикивая это, онъ вскочилъ на ноги и съ силой размахнулъ кулакомъ, точно стискивая въ немъ рукоятку своего орудія. Онъ уже не былъ прежнимъ робкимъ пузатымъ существомъ съ жалобнымъ видомъ—въ его глазахъ мелькали красныя искры, точно брызги крови, усы встали дыбомъ, и даже его фигура стала какъ-то выше, точно дикій звѣрь, спавшій внутри его, проснулся и страшно вытянулъ его тѣло.

Въ тишинѣ тюрьмы все яснѣе слышались мучительные звуки, доносившіеся изъ секретной камеры: „От... че... нашъ... и... же... еси... на... небе... си"...

Донъ Никомедесъ не слышалъ ихъ. Онъ яростно ходилъ по камерѣ, потрясая своими шагами полъ, служившій потолкомъ его жертвѣ. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе на этотъ монотонный стонъ.

— Какъ плачетъ этотъ несчастный! — пробормоталъ онъ.—Какъ далекъ онъ отъ мысли, что я здѣсь, надъ его головой!

Онъ сѣлъ, обезсиленный, и долго сидѣлъ молча, пока его мысли, его страсть къ протесту не заставили его снова заговорить.

— Видите ли, сеньоръ, я знаю, что я дурной человѣкъ и что всѣ должны презирать меня. Но что меня раздражаетъ—такъ это отсутствіе логики. Если я совершаю преступленіе, такъ пусть отмѣнятъ смертную казнь, и я подохну отъ голоду гдѣ-нибудь въ углу, какъ собака. Но если казнить необходимо ради спокойствія хорошихъ людей, то за что же меня ненавидѣть? Фискалъ, требующій головы преступника,—ничто безъ меня, безъ человѣка, который ему повинуется. Всѣ мы колеса одной и той же машины и, ей Богу, мы заслуживаемъ одинаковаго уваженія, потому что и я чиновникъ... прослужившій тридцать лѣтъ безпорочно...

ЛЮДИ.

Повѣсть Анатолія Каменскаго.

Глава пятая.

Послѣ большихъ морозовъ вдругъ наступила оттепель, и въ воздухѣ повисла тонкая влажная пелена. Обнажились камни, призрачно застучали подковы, отъ огней потянулись безчисленные, длинные, стеклянные лучи. Обликъ дѣвушки, печальный, напоминающій невѣсту, наклонился надъ Петербургомъ и кроткими заплаканными глазами прощался черезъ вуаль, обѣщая вернуться черезъ полгода, черезъ годъ...

Еще ночью, проснувшись въ непонятной тоскѣ, Виноградовъ подбѣжалъ къ окну и сквозь зеркальное стекло угадалъ въ притаившемся декабрьскомъ морозѣ вѣяніе весны. Рано утромъ онъ всталъ, разсѣянно одѣлся и въ знакомомъ, давно не приходившемъ ощущеніи стыда началъ прислушиваться къ своимъ мыслямъ. Что случилось, что прервало ихъ увѣренное теченіе, и откуда появился этотъ вѣжливый язвительный гость? Такимъ же сумрачнымъ, но только морознымъ утромъ Виноградовъ впервые ходилъ съ Надеждой по бѣлому залу и съ холоднымъ насмѣшливымъ спокойствіемъ говорилъ ей о томъ дѣлѣ, которое онъ считаетъ единственнымъ для себя важнымъ и нужнымъ дѣломъ. И вдругъ теперь подъ нимъ заколебалась почва, и та же уступчивая Надежда, которая, навѣрное, уже встала и черезъ полчаса уѣдетъ на курсы, и суетливо бѣгающій по сосѣдству профессоръ, и старикъ, сидящій въ столовой, и лакей, наливающій ему кофе, и мчащіеся мимо зеркальныхъ оконъ экипажи, — все это какъ-то странно соединилось для давно заведеннаго общаго дѣла, которое неизмѣримо сильнѣе начатой имъ, Виноградовымъ, утопической борьбы. Здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, и тамъ, за этими стѣнами, живетъ могучая въ своей общепризнанности ложь, которая встрѣтитъ хохотомъ всѣ его попытки и снисходительно повернется къ нему псиной. Какъ стыдно, холодно, непріютно, и какъ непохожъ

сегодняшній день на три недѣли пережитаго имъ смѣлаго, сладкаго, горячечнаго полусна, когда невозможное начинало казаться возможнымъ. Какъ сурово смотритъ на него большой турецкій диванъ, столько ночей слушавшій взволнованное біеніе его сердца, и съ какой неумолимой силой блестятъ полированные края этихъ плотно запертыхъ казенныхъ шкафовъ.

„Послушай, — мысленно твердилъ онъ, стиснувъ зубы и ломая себѣ пальцы, — какой позоръ! можно ли быть столь малодушнымъ! Чего ты испугался?"

Тщетны были попытки Виноградова найти настоящія, убѣдительныя слова, и передъ его ослѣпшими, испуганными глазами текла правильная въ своемъ теченіи жизнь. И только одинъ Виноградовъ, безсильный и одинокій, качался на какомъ-то утопающемъ суднѣ. Каррикатурный, ницшеанствующій лѣнтяй, съ репутаціей забавнаго комнатнаго Заратустры, котораго изъ какой-то оригинальности терпятъ въ этомъ пріютѣ расползающихся поколѣній. И онъ, гордый, вѣрующій въ свою миссію (ха-ха!), Виноградовъ сидитъ и ждетъ, пока позовутъ лакея, вывести его вонъ.

Онъ ходилъ по комнатѣ, боясь взглянуть на себя въ зеркало, боясь услышать собственные шаги, и тоскливо-стыдная память о прошлой размѣренной и спокойной жизни, проникая сквозь привычныя навязчивыя таблицы протестующихъ словъ, обволакивала его мозгъ. Учиться, работать, скорѣе за разбросанныя дѣла! Написать письмо отцу, бѣжать въ провинцію, поступить писцомъ въ земскую управу. Или, оставшись въ Петербургѣ, нанять комнату гдѣ-нибудь въ пятомъ этажѣ и снова поступить въ университетъ?..

Ахъ, какъ тоскливо, стыдно!

Выкуривъ десятокъ папиросъ, разорвавъ на себѣ галстухъ, продѣлавъ нѣсколько трудныхъ гимнастическихъ упражненій, Виноградовъ, измученный усталостью, повалился на диванъ и сталъ смотрѣть на дверь. Ужасно простой, спокойный и дѣловитый четырехугольникъ. Холодно, холодно. Трезвая узаконенная ложь. Сейчасъ же видѣть Надежду. Ея ободряющее довѣріе побѣдитъ его минутную слабость. Что съ нимъ? Почему при одной мысли о Надеждѣ смягчается, наполняется кротостью его душа?

Въ корридорѣ, живомъ и сонномъ, съ распахнутыми дверями въ кабинетъ профессора Тона и въ спальню Надежды, отчетливо слышались шаги и голоса. Улучивъ минуту, никѣмъ не замѣченный Виноградовъ проскользнулъ къ порогу спальни и увидалъ Надежду въ черной фетровой шляпкѣ съ отогнутыми книзу полями, въ легкой черной

осенней кофточкѣ и съ небольшимъ портфельчикомъ въ рукахъ.

— Неужели это вы, Дмитрій Дмитріевичъ? Вмѣсто двѣнадцати въ восемъ часовъ? Вотъ что значитъ просидѣть цѣлый вечеръ дома. Провожайте меня на курсы.

Спокойно свѣтились глаза. Слегка задыхаясь отъ торопливости, звучалъ пѣвучій, почти дѣтскій школьническій голосокъ.

— Хорошо, — сказалъ Виноградовъ, — но только съ однимъ условіемъ, что мы пойдемъ пѣшкомъ.

— Боже мой, да вѣдь это по крайней мѣрѣ пять верстъ!

— Тогда поѣдемъ въ трамваѣ. Только бы не въ вашемъ фамильномъ ландо.

— За что вы не взлюбили наше ландо?

— Отъ зависти, что оно не мое, а ваше.

— Ну, это еще не такъ страшно. Ѣдемте скорѣй.

— Куда вы торопитесь?

— На очень интересную лекцію.

— О чемъ?

— О великой французской революціи.

— Ахъ, объ этомъ..

Онъ презрительно повелъ плечомъ.

— Что съ вами?—спросила Надежда,—вы сегодня не въ духѣ, кажется.

— Скучно,—отвѣчалъ Виноградовъ,—никогда больше не буду вставать спозаранку: самыя ненужныя дѣла начинаютъ казаться нужными.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, чтеніе и слушаніе лекцій... служба. Вообще овладѣваетъ какая-то трусость. Вотъ мы вышли изъ подъѣзда, и я радъ, что насъ не видѣлъ швейцаръ, а сейчасъ я буду бояться даже издали часового около Аничкина дворца.

Въ трамваѣ Виноградовъ съежился и низко надвинулъ шляпу. Сидѣли какіе-то люди съ нахмуренными усами, въ котелкахъ. Отставной почтовый генералъ читалъ газету. Студентъ въ щегольской фуражкѣ и бѣлыхъ перчаткахъ брезгливо подгибалъ ноги, чтобы кто-нибудь не коснулся его великолѣпно вычищенныхъ кожаныхъ калошъ. Все это дышало страшной подавляющей силой дня — разсудительнаго, дѣлового, чуждаго неожиданныхъ капризовъ, и беззавѣтныхъ ночныхъ сумасбродствъ. Быстрымъ взглядомъ Виноградовъ окинулъ Надежду—новая, озабоченная, довольная, съ чистымъ дѣловымъ холодкомъ въ глазахъ. О, ужасъ,—въ нихъ уже нѣтъ исканія и любопытства, въ нихъ трезвая

жажда простого, реальнаго, обязательнаго труда. Горе тебѣ, ночной проповѣдникъ среди растерянныхъ, праздныхъ и полупьяныхъ. Ты стоишь предъ лицомъ единственнаго человѣческаго бога, имя же ему—Трудъ. Видишь, какъ бѣгутъ строительствовать люди и какъ они несутъ по камушку свою лепту къ стѣнамъ добровольно воздвигаемой тюрьмы. И они отдадутъ послѣднія свои силы, чтобы воздвигнуть и эти стѣны, и эти блестящія стекла, и пестроту за стеклами, чтобы поддержать свои слабыя, жадныя, ищущія покоя тѣла. Поклонись же до земли единственному человѣческому богу. Опомнись, посмотри, какъ отъ тебя отворачивается трезвость.

— Что съ вами?—участливо спрашиваетъ Надежда, — вы нездоровы?

— Хуже, — пытался шутить Виноградовъ, — я умеръ. Временно, впрочемъ, на нѣсколько часовъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ соединились два моихъ злѣйшихъ врага: оттепель и утро. Одинъ врагъ—жалобный, тоскливый, покаянный, другой еще хуже—спокойный и трезвый. И я потерялъ почву подъ ногами. Чувствую себя глупымъ и безполезнымъ.

— Вы какой-то новый, — ласково сказала Надежда, — вотъ не думала, что у васъ могутъ быть минуты слабости, колебаній....

— Что это? поддержка? — съ нескрываемой радостью спрашивалъ Виноградовъ,—кто же вы? союзница? другъ?.. Отвѣчайте.

— Почему поддержка? Нѣтъ, такъ... думайте, что хотите,—говорила она, таинственно улыбаясь.

Вагонъ промчался черезъ Неву. Опустивъ глаза, Надежда перелистывала вынутую изъ портфеля книгу. Вагонъ остановился, и они вышли. Влажное туманное дыханіе овѣяло лицо. Вывѣски, подъѣзды, стукъ подковъ по обнажившимся камнямъ... Надежда въ незнакомой осенней кофточкѣ, той самой, въ которой она ходила въ августѣ и въ сентябрѣ, когда Виноградовъ еще не зналъ Надежды... Могъ и не узнать... Любитъ онъ или нѣтъ? Почему онъ идетъ за ней молча, безъ влеченія, безъ цѣли, какъ истуканъ? О чемъ говорить? Пусть себѣ идутъ люди по своимъ дѣламъ. Пусть заполнятъ вѣчную зіяющую пустоту мыслью о сегодняшнемъ, о необходимомъ. Не все ли равно? Лекціи такъ лекціи. О великой французской революціи, и слава Богу. Крикъ голоднаго о кускѣ хлѣба, тупая историческая неизбѣжность. Сегодня въ одной странѣ, завтра въ другой.

— Васъ интересуетъ лекція? — спросилъ Виноградовъ Надежду.

— Очень.

— Обѣдать будете дома?

— Да, а что?

— Ничего. Прощайте.

— До-свиданья. Какой вы сегодня странный.

Ступая по лужамъ, ничего не видя передъ собой, пошелъ обратно Виноградовъ. Какихъ нибудъ два года тому назадъ онъ самъ съ волненіемъ переступалъ пороги аудиторій, слушалъ очаровательную, шелестящую тишину библіотекъ, говорилъ съ кафедры въ кружкахъ, пока не нашелъ своего единственнаго настоящаго призванія и не почуялъ приближенія праздника на землѣ. Долой практическія науки, измышляющія устройство изящныхъ тюремъ, красивыхъ вмѣстилищъ лжи! Что изъ того, что всѣ будутъ сыты, грамотны, защищены въ своихъ удобныхъ, маленькихъ, выдуманныхъ правахъ, и по воскреснымъ днямъ, послѣ обѣда, окруженные друзьями, женами и дѣтьми будутъ разыгрывать Бетховена на фисгармоніяхъ и на скрипкахъ. Какое убожество перспективы! Здоровый, сильный, одаренный человѣкъ долженъ отдать свои лучшіе соки на то, чтобы научиться строить дома, или преподавать исторію, или пломбировать зубы, а, научившись—продѣлывать все это до изнеможенія, до могилы, ради высокой цѣли общаго благополучія черезъ милліонъ лѣтъ. Нѣтъ, лучше спасти отъ душевной слѣпоты одного человѣка сію минуту, сейчасъ, чѣмъ приблизить все, такъ называемое, человѣчество къ какому-то не реальному моменту на одну микроскопическую пядь. Довольно въ поискахъ общаго удобства и покоя напридумывали люди насилій всѣхъ надъ однимъ, довольно организованнаго издѣвательства надъ человѣкомъ въ видѣ семьи, арміи, церкви, полиціи, суда и всяческаго контроля, исходящаго изъ недовѣрія къ человѣку. Но что же дѣлать? Только одно: перестать лгать. Если человѣкъ—звѣрь, то дайте ему быть свободно звѣремъ. Если человѣкъ—любовь, дайте ему проявить себя до конца, и онъ самъ создастъ свой новый союзъ со всѣми.

— Виноватъ!—сконфуженно произнесъ опрятно одѣтый господинъ въ форменной фуражкѣ и съ газетой въ рукахъ, котораго Виноградовъ, несясь куда-то на всѣхъ парахъ, столкнулъ съ тротуара на мостовую. — Извините ради Бога!

— Это я виноватъ, а не вы!—сказалъ Виногрядовъ со злобой и остановился.

— Нѣтъ-съ, все-таки-съ, не безпокойтесь,—продолжая

свой путь, оборачиваясь и кланяясь, говорилъ опрятный господинъ.

Яростно вскочилъ Виноградовъ въ трамвайный вагонъ и усѣлся въ узенькій промежутокъ между барышней, отъ которой пахло духами, и торговцемъ, отъ котораго несло рыбой. Посидѣвъ минуту, пересѣлъ на другую сторону рядомъ съ толстымъ пожилымъ человѣкомъ съ самодовольными глазками и окладистой бородой. Рука этого человѣка то и дѣло шарила въ боковомъ карманѣ, вытаскивая оттуда какія-то измятыя квитанціи и конверты, потомъ застегивала пальто, потомъ разстегивала снова, и снова принималась искать. Желѣзный локоть съ правильностью неживого механизма поднимался и опускался бокъ-о-бокъ съ локтемъ Виноградова, причинялъ ему невыносимое безпокойство, и тотъ снова вскочилъ и на этотъ разъ не нашелъ свободнаго мѣста. Кое-какъ пристроился въ удобномъ уголкѣ на площадкѣ, но уже черезъ минуту, когда онъ отодвинулся, чтобы дать дорогу выходившей дамѣ, какой-то военный писарь съ наглыми усиками тотчасъ же втиснулся въ удобный уголокъ. Съ пронзительной ненавистью вперилъ свой взглядъ Виноградовъ писарю въ глаза, но глаза эти оказались прозрачнѣе весенняго неба, а усики съ дразнящей самовлюбленностью еще выше приподнялись вверхъ.

Виноградовъ выскочилъ изъ вагона на всемъ ходу.

„Каждый ненавидитъ каждаго и всѣ ненавидятъ всѣхъ,— съ бѣшенствомъ думалъ, обращаясь къ самому себѣ, Виноградовъ,—откуда ты взялъ эту нелѣпую идею общенія и возсоединенія людей? У человѣка едва хватаетъ любви на двухъ или на трехъ, да и то до тѣхъ поръ, пока это щекочетъ его самолюбіе или кожу. И ты самъ поддаешься на каждомъ шагу минутнымъ личнымъ антипатіямъ и гнѣву и готовъ убить человѣка за то, что отъ него пахнетъ рыбой, а не духами. Но почему же все таки ты любишь издали эту толпу, почему хотя бы сейчасъ, идя ей навстрѣчу, ты останавливаешься любовно и на старческихъ морщинахъ этого актерскаго—ни мужскаго ни женскаго—лица, и на щетинистыхъ усахъ городового, и на бѣленькихъ зубкахъ гимназистки, и на хулиганскомъ оскалѣ рта субъекта, продающаго поваренную книгу вмѣсто рубля за десять копеекъ? Не потому ли, что въ этой самой толпѣ ты найдешь торжество своего утопическаго проекта великой искренности и братства? А если бы ты не вѣрилъ въ эту возможность? Любилъ ли бы ты толпу? А почему ты съ ненавистью выскочилъ изъ вагона? Полно, полно, брось! Все равно у тебя никогда не кончится споръ съ самимъ собою".

И почти успокоенный Виноградовъ вернулся домой.

Глава шестая.

Швейцаръ подалъ письмо: „Личному секретарю профессора Аркадія Александровича Тона Дмитрію Дмитріевичу Виноградову“. Въ униженныхъ выраженіяхъ кто-то просилъ его, какъ бывшаго студента, оказать въ чемъ то протекцію передъ молодымъ и передъ старымъ Тономъ. Виноградовъ скомкалъ письмо и сунулъ его въ карманъ. Неужели улица уже считаетъ его положеніе оффиціальнымъ? Неужели самъ Тонъ?.. И оскорбительная, стыдная мысль обожгла его мозгъ. „Ну, конечно, — поднимаясь по лѣстницѣ, говорилъ онъ себѣ, — нужно было подготовиться ко всему. Должны же были эти стѣны придумать какое-нибудь оправданіе твоему тунеядству. Эхъ ты, приживальщикъ, комнатный Заратустра, жалкій проповѣдникъ при элекрическомъ свѣтѣ! Сядь и напиши родителямъ покаянное письмо, разъ ужъ ты испугался озабоченной курсистки, мчащихся экипажей и своихъ собственныхъ воспоминаній о приличныхъ, правильныхъ годахъ труда“. И прежній радостный призракъ борьбы вмѣстѣ съ электрическимъ огнемъ прихожей и холоднымъ блескомъ паркета въ бѣломъ залѣ вдругъ выпрямилъ ему грудь. Кого онъ испугался? Все хорошо, благополучно, ничего новаго не случилось, люди обманываютъ другъ друга и самихъ себя.

Спокойно размышляя, идя черезъ квартиру, весело помахивая рукой, Виноградовъ невольно остановился: прямо противъ него, въ столовой сидѣлъ старикъ Тонъ. Онъ завтракалъ, и на бѣломъ фонѣ салфетки, заткнутой за воротникъ, аккуратно двигались его руки съ ножомъ и вилкой. Виноградовъ сдѣлалъ впередъ нѣсколько шаговъ, вѣжливо поклонился и хотѣлъ пройти къ себѣ, но старикъ поднялъ руку съ вилкой и сказалъ своимъ странно высокимъ и молодымъ голосомъ немного въ носъ:

— Послушайте, студентъ! Садитесь сюда. Хотите ѣсть?

Виноградовъ весь насторожился, какъ боевой конь, и, не задумываясь, отвѣчалъ:

— Пожалуй, ваше превосходительство.

— То то, пожалуй. Садитесь—и все тутъ.

— Съ удовольствіемъ, генералъ.

— Какое мнѣ дѣло, съ удовольствіемъ или безъ удовольствія? Вѣдь вотъ, кажется, умный человѣкъ, а не можетъ безъ глупыхъ словъ.

— Ого! — сказалъ Виноградовъ, смѣясь. — На васъ не угодишь, дѣдушка!

— Чего?—переспросилъ старикъ какимъ-то опереточно-добродушнымъ тономъ.

— Вспомнилось мнѣ выраженіе вашей внучки, Надежды Аркадьевны, — беззаботно произнесъ Виноградовъ, и сталъ ѣсть.

— Внучка, внучка, — ворчалъ старикъ, — это она мнѣ внучка, а тебѣ-то она кто?

— Какъ? на „ты“?—уже совсѣмъ весело спросилъ Виноградовъ.

— А не все ли тебѣ равно?

— Да вы дѣйствительно большой чудакъ, генералъ.

— Ладно, чудакъ. Пей, пока что, вино. Да не это, а красное: оно лучше.

— Вотъ не думалъ, что съ вами такъ просто и легко.

— Умнымъ людямъ всегда легко вмѣстѣ.

— А откуда вы знаете, что я умный?

— Внучка говорила, а у нея нюхъ на умныхъ людей всегда вѣрный. Вотъ только не слишкомъ храбрый ты человѣкъ. Замѣтилъ я, что меня ты, напримѣръ, побаиваешься. Такъ, по существу, ты дѣйствительно считаешь меня выжившимъ изъ ума, ни для кого уже неопаснымъ чудакомъ, а внѣшности... ну, тамъ, скажемъ, бывшаго министра испугался. А не все ли равно, я—бывшій министръ, ты—будущій. Все ерунда.

— Вы ошибаетесь, Александръ Николаевичъ, — сказалъ Виноградовъ съ чувствомъ,—я не боялся васъ, а относился къ вамъ съ безотчетнымъ уваженіемъ и какъ разъ потому, что не считалъ васъ, какъ вы говорите, выжившимъ изъ ума...

— Ну, спасибо. Вѣрю. Заходи ко мнѣ иногда вечеркомъ поболтать. Днемъ работаю. Надъ чѣмъ—не скажу.

Старикъ поднялся и протянулъ Виноградову маленькую нѣжную, выхоленную руку.

— Хочу вамъ пожаловаться,—сказалъ Виноградовъ, вынимая полученное письмо,—вотъ посмотрите, написано: „секретарю“.

— Ну что жъ, секретарю такъ секретарю. Не одинъ ли чортъ?

— Но вѣдь вы понимаете, почему оскорбительна подобная ложь.

— Чепуха! Это ужъ ты профессора поблагодари: онъ и мнѣ тебя секретаремъ величалъ. А я отъ Надежды знаю, что ты такъ себѣ живешь. Ну, и живи. Только, по правдѣ сказать, нечего тебѣ тутъ дѣлать.

— Какъ?

— Да такъ... Ну, до свиданья.

Старикъ прямо повернулся и равнодушной, медленной походкой направился къ себѣ. Виноградовъ долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ и, потирая руки, думалъ почти вслухъ:

„Ну, чему ты радъ?.. фу, какая прелесть старикашка. Милая, милая, прямая спина, милыя баки, милые стучащіе каблуки“.

Въ этотъ день Виноградовъ немного опоздалъ къ обѣду, и засталъ старика, профессора и Надежду уже за столомъ. Сухо поздоровался съ молодымъ Тономъ.

— Вы чего такой?—забезпокоился Тонъ.

— Дмитрій Дмитріевичъ не въ духѣ уже нѣсколько дней,—сказала Надежда.

— Нѣтъ, ничего,—освѣтившись улыбкой, заявилъ Виноградовъ, — все слава Богу, только на батюшку вашего немного золъ. Но и это не бѣда, какъ-нибудь сосчитаемся.

— Что такое?—съ круглымъ отъ удивленія ртомъ говорилъ Тонъ.

— Хотите сейчасъ,—извольте: зачѣмъ вы портите мнѣ репутацію, что я вамъ сдѣлалъ?

— Да что случилось?—серьезно, съ испугомъ спрашивалъ Тонъ.

— Ладно, ладно,—отмахивался рукой Виноградовъ.

— Это онъ тебѣ мститъ за секретаря,—вмѣшался старикъ,—понялъ? Письма оффиціальныя началъ получать.

— Хо-хо-хо! — уже успокоенно смѣялся Тонъ. — Какіе пустяки, да вѣдь я это для его же удобства придумалъ.

— Попрошу на будущее время не заботиться о моихъ удобствахъ. Мое званіе приживальщика меня совершенно удовлетворяетъ. Вотъ возьму за это и уѣду отъ васъ.

— Ну, полно, полно...—говорилъ Тонъ размягченнымъ голосомъ.

Надежда смотрѣла на Виноградова большими внимательными глазами. Онъ читалъ въ нихъ неодобреніе и проклиналъ весь сегодняшній день, нарушившій его ровный до сихъ поръ политическій темпъ. „Будь твердъ, ты падаешь!“— какъ будто говорили ея глаза.

— Не сердитесь,—произнесъ профессоръ Тонъ,—а я вамъ въ утѣшеніе сообщу новость: Янишевскій разошелся съ женой, цѣлую недѣлю ничего не пьетъ и пишетъ большую журнальную статью. А его жена хлопочетъ о разводѣ и выходитъ замужъ за богатаго инженера.

— Скучно,—сказалъ Виноградовъ.

— Хо-хо-хо,—смѣялся профессоръ,—васъ это такъ-таки и не радуетъ?

— Богъ съ ними! На свѣтѣ вѣдь очень много людей— одни сходятся, другіе расходятся. Устанешь радоваться за всѣхъ. Надежда Аркадьевна, разрѣшите еще одну котлетку.

Подали сладкое, потомъ кофе, потомъ поднялся и ушелъ старикъ.

Часовъ въ 9 Виноградовъ постучалъ къ Надеждѣ, медленно прошелъ черезъ ея рабочую комнату, спокойно сѣлъ въ кресло противъ нея и сказалъ:

— Васъ не должно удивлять то, что вы услышите отъ меня сейчасъ. Вы—безстрашная, я знаю.Ну, такъ вотъ же. Тифозный періодъ моей любви къ вамъ, кажется, миновалъ. Я уже привыкъ къ своей безсознательной ежеминутной мечтѣ о васъ, о вашемъ тѣлѣ. Да, да, о вашемъ тѣлѣ. Я искусалъ себѣ за эти дни всѣ руки подъ одѣяломъ. Довольно. Я люблю васъ нѣжно, подробно, мучительно, грубо. Люблю васъ, можно сказать, на всѣ лады. И въ то же время вы для меня чужая, и мнѣ весело, какъ пьяному философу, думать о вашей судьбѣ. Вы пойдете впередъ той дорогой, которую изберете сами. Я не помѣшаю вамъ ни въ одномъ шагѣ и одиноко, тайно переживу вмѣстѣ съ вами ваши опыты съ людьми и съ собой. Будемъ говорить прямо: вы наканунѣ самаго главнаго въ вашей жизни. Запомните: ничто не дастъ вамъ большихъ потрясеній, чѣмъ первая страсть, и только черезъ страсть вы подойдете къ душѣ человѣка вплотную и заглянете въ нее, какъ въ темную пропасть. Вы будете дразнить, оскорблять, издѣваться, ненавидѣть и сами будете поруганы и оскорблены. И вы знаете напередъ, что, нахлынувши, схлынетъ волна, что васъ ожидаетъ потрясающій обманъ, пустота, скука. Вы умны настолько, чтобы не только теоретически, но и инстинктивно предугадать конецъ. Но пусть такъ, есть въ жизни роковая повторяемость опыта. Все то же, и ни шагу впередъ. Идите же. Я смотрю свѣтло на вашъ путь. Считайте меня сумасшедшимъ, но я жажду вашего паденія, и хочу прослѣдить каждый вашъ шагъ. Понимаете, любя васъ, я не боюсь васъ обезцѣнить. И если бы я даже зналъ, что когда-нибудь вы вернетесь ко мнѣ, я бы не побоялся предать васъ... Ахъ, я не знаю, что говорю... Отвѣчайте же. Ваше молчаніе невыносимо.

Надежда внимательно смотрѣла на него, и въ ея неподвижныхъ, ясныхъ, понимающихъ глазахъ онъ прослѣдилъ свое каждое слово, какъ вопросъ, на который не будетъ отвѣта. Встала, протянула къ нему руки.

— Зачѣмъ вы мучаете себя? Жизнь неизмѣримо проще, чѣмъ вамъ кажется. Васъ замучило желаніе творить новое изъ ничего и кромѣ этого васъ замучила окружающая ложь. Скажу вамъ совсѣмъ откровенно: вамъ не на что толкнуть меня. Вы правы — близокъ день, когда я отдамся мужчинѣ изъ любопытства, нѣтъ, это не совсѣмъ то слово — вы заслуживаете большей прямоты — изъ желанія. Но того, чего вы боитесь, не будетъ. Будетъ радостный, веселый не страш-

ный пиръ, который я покину, вѣроятно, не простившись, задолго до пресыщенія. Я подойду „вплотную", не къ чужой, а къ своей собственной душѣ. Къ другому можно подойти только отдѣльно отъ тѣла, черезъ любовь, которая всегда есть страданіе души. А тѣло не можетъ ни любить, ни не любить: оно можетъ только испытывать голодъ. Вамъ не въ чемъ убѣждать меня. Одно мнѣ больно,—это то, что вы любите меня больше, чѣмъ я ожидала. Я еще не люблю васъ. И знаете, немного смѣшно: я просто не успѣла этого сдѣлать. Вотъ такъ-таки некогда: лекціи, разговоры, книги. Я, впрочемъ, знаю, что дана власть тѣлу и надъ умомъ... Но что дѣлать? Умъ у меня пока сильнѣе тѣла.

На столикѣ, освѣщенномъ низенькой лампочкой въ зеленоватомъ сборчатомъ колпачкѣ, бѣлѣли страницы разбросанныхъ книгъ; уютно сливалась съ темнотой низенькая кожаная мебель; пахло какими-то нѣжными благородными духами, и спокойная дѣвушка съ голой шеей смотрѣла Виноградову въ лицо.

— Видите, какъ хорошо говорить друзьямъ. Вѣдь дружба у насъ съ вами прочная, большая. Вы проповѣдуете, что люди должны говорить другъ другу всю правду. Тѣмъ лучше, намъ удастся выяснить все до конца. Вы желаете меня тѣломъ, но идейно отрекаетесь отъ меня. А у меня наоборотъ. Идейно я какъ разъ не отреклась бы. Мнѣ ничего не нужно доказывать самой себѣ. Я свободнѣе выбираю, чѣмъ вы. Но только главнаго у меня къ вамъ нѣтъ. Вы хорошій, смѣлый и честный, но къ роли безпечнаго, веселаго Адониса или могучаго и спокойнаго Центавра вы одинаково непригодны. И быть вашей я могла бы только, крѣпко, по-настоящему, полюбивъ васъ.

— Довольно,—прервалъ ее Виноградовъ,—я все понялъ. Спасибо вамъ. Буду мѣшаться въ вашу жизнь по-прежнему безъ уговора, какъ рыжій цирковый клоунъ, который толчется на мѣстѣ, хлопочетъ, падаетъ и котораго въ концѣ концовъ заворачиваютъ въ коверъ и увозятъ въ телѣжкѣ вонъ. Буду радоваться всему, что бы ни случилось съ вами. О, я докажу, что любить можно безъ эгоизма. Буду любить вмѣстѣ съ вами жизнь. Вы будете со мной откровенны?

— Да, да, конечно.

Она сдѣлала движеніе къ нему, онъ къ ней. Протянула руки.

— Не надо этого,—сказалъ онъ,—пусть не встрѣчается ваше тѣло съ моимъ.

Глава седьмая.

На балъ художниковъ поѣхали въ каретѣ втроемъ,— Надежда въ бѣломъ костюмѣ маркизы и въ напудренномъ парикѣ, профессоръ Тонъ во фракѣ и Виноградовъ въ черномъ домино, взятомъ на прокатъ.

— Вотъ гдѣ вы развернетесь во всю,—говорилъ Виноградову профессоръ,—я только не понимаю, почему вы не придумали себѣ костюма пооригинальнѣй.

— Вы, кажется, знаете, профессоръ, что я не очень-то теряюсь въ толпѣ и безъ маскараднаго костюма. А надѣлъ я домино только для того, чтобы, въ моемъ обществѣ какъ-нибудь не узнали Надежду Аркадьевну. По правдѣ сказать, я признаю для маскарада только одинъ костюмъ, въ которомъ было бы страшно весело, да не пустятъ.

— Какой же это?

— Да совсѣмъ голышемъ, дорогой другъ.

— Хо-хо-хо! всегда скажетъ что-нибудь эдакое.

— Нѣтъ, я совершенно серьезно,—настаивалъ Виноградовъ, — единственное общепринятое препятствіе, чувство стыда совершенно парализуется маской. Не все ли равно, когда никто не узнаетъ. За то ужъ равенство было бы полное, какъ въ банѣ, и острота переживаніи, могу васъ увѣрить, получилась бы необычайная.

— Хо-хо-хо! — смущенно, стѣсняясь дочери, смѣялся профессоръ.

Надежда молча сидѣла напротивъ. Скользящія вспышки уличнаго свѣта то округляли ея закутанное въ ротонду плечо, то пестрили черное кружево маски, и были чужды и страшны безъ блеска узкія щелочки глазъ. Это былъ ея первый выѣздъ въ большой маскарадъ, и въ молчаніи ея Виноградовъ угадывалъ взволнованное предвкушеніе, обычное радостное любопытство. И ему было весело за нее.

Распахнулась дверца кареты, и околодочный съ полосками снѣга вмѣсто погонъ и блестящимъ новенькимъ ремнемъ шашки черезъ плечо, для чего-то сдѣлалъ два быстрыхъ шага впередъ и назадъ и деревянно взмахнулъ рукой.

Странно-поспѣшны были разоблаченія отъ казенно-одинаковыхъ шапокъ, капоровъ и пальто, въ неожиданные красные, синіе и желтые причудливые клочки бархата, шелка и кружевъ. Въ водянистомъ дымчатомъ трепетаньи электрическихъ шаровъ и спокойно льющемся съ потолка розоватомъ свѣтѣ незримыхъ лампочекъ, гдѣ-то вдали, за первой площадкой лѣстницы, плыли, смѣшивались, множились и исчезали въ дверяхъ зала, заколдованныя огнями

и ожиданіемъ и довѣрчивымъ обманомъ разноцвѣтныя фигуры мужчинъ и женщинъ. Пузыристые, точно надутые воздухомъ шаровары арлекиновъ показывались на минутку и кружащимся вихремъ музыки втягивались въ залъ. И уже внизу въ холодной атмосферѣ улицы и висящихъ прозаическими рядами шубъ охватывала сладостно-жуткая блаженная одурь.

Профессоръ, Надежда и Виноградовъ поднялись по мягкому сукну наверхъ. Въ шелковомъ шелестѣ костюмовъ, плавномъ шелестѣ шаговъ, скрипичная мелодія страстнаго балетнаго вальса тянулась безконечной шелковистой, ласкающей лентой, сплетаясь съ тонкими бумажными лентами серпантина, свисающими съ потолка. Смѣялись тысячи огней. Нагрѣтые движущимися волнами воздуха дышали и колебались гирлянды бумажныхъ сказочныхъ цвѣтовъ, гримасничали и дразнились, какъ странныя живыя существа. И Виноградову, идущему позади Надежды, вдругъ захотѣлось сжаться и насторожиться въ своемъ надвинутомъ на глаза капюшонѣ, ступать таинственными шагами заговорщика или бандита, — бѣжать, искать, шептать. Схватить какую-нибудь наяду или сильфиду и, дико кривляясь, унестись въ вальсѣ. Римлянинъ въ бѣлой тогѣ, отороченной серебромъ, съ гордымъ взглядомъ и высоко поднятой головой, былъ настоящимъ римляниномъ. Темножелтый нубіецъ съ плавной плывущей походкой и тонкимъ станомъ былъ настоящимъ нубійцемъ. Коварно изогнутая фигура сатира суетящаяся, просовывающая между чужими головами свою голову съ рожками и козлиной бородкой, скалящая бѣлые зубы и ступающая наципочкахъ уродливыхъ ботинокъ, какъ на копытцахъ,—была подлиннымъ сатиромъ. И только нѣкоторые люди въ мундирахъ, фракахъ и дѣловито слившіеся съ инструментами музыканты были сегодняшними петербургскими людьми.

— Подите къ чорту, профессоръ! — вдругъ сказалъ Виноградовъ Тону и, для чего-то мрачно согнувшись, скользнулъ въ промежутокъ между танцующими и исчезъ, не взглянувъ на Надежду.

И тотчасъ начался несносный, навязчивый разговоръ.

— Что, весело? весело? — издѣваясь кричалъ какой-то злорадный голосъ. — Да, да, весело, — отвѣчалъ ему простодушно другой.—Еще бы не весело,—не унимался первый,— нацѣпилъ тряпье, заплатилъ 10 рублей въ кассѣ и вотъ теперь катишься по паркету, какъ на салазкахъ. Радъ видѣть трусливыхъ чиновниковъ, вчерашнихъ и сегодняшнихъ лицемѣровъ, въ костюмахъ нубійцевъ и римлянъ. И самъ хорошо знаешь, почему радъ. Ты любишь, любишь и будешь радъ

всякому обману. Бѣги же за ней, ищи, веди двойную сладостную и мучительную игру, вымещай неудовлетворенную страсть въ шутовскихъ маскарадныхъ словахъ. Ищи же, ищи.

Онъ нашелъ, нагнулся и прошепталъ:

— У германца голыя шея и руки. Красиво? Какъ сладостно щекочетъ его плечи тигровая шерсть. А какъ онъ смотритъ на женщинъ. Какой холодный, пронизывающій огонь. Еще не нашла? Не онъ? Ага, ты молчишь. Маска! Ты хочешь быть сегодня по настоящему маской? Хорошо. Я радъ, что кто-то разрѣшилъ мнѣ говорить тебѣ „ты" какъ любовницѣ или сестрѣ. Будемъ же лгать. Угадай правду въ лжи. Хочешь я помогу тебѣ найти того, кого ты ищешь? Помочь?

Не дожидаясь отвѣта онъ изогнулся между двумя танцующими парами и побѣжалъ отъ Надежды бѣгомъ. Сѣлъ въ уголъ на бархатный диванъ, и внимательно сталъ смотрѣть въ щелочки глазъ. Слившись съ германцемъ, положивъ ему голову на плечо, въ качающемся ритмѣ вальса плыветъ высокая женщина въ короткомъ платьѣ Діаны съ полуобнаженными ногами и золотой шапкой волосъ. Приникла и отдалась... Вотъ еще отдающіяся пары. Пробѣжалъ, кривляясь, мучительно ступая на носкахъ изуродованныхъ башмаковъ, сатиръ. Вдругъ повернулъ назадъ и остановился противъ Виноградова. Скалитъ бѣлые зубы, выставилъ впередъ свою собственную черную, узенькую выстриженную съ боковъ бородку.

— Бе-е-е... бе-е...—дышитъ въ лицо.

— Пошелъ вонъ,—сказалъ Виноградовъ, почти разсердившись.

— Благодарю васъ!—жеманно произнесъ сатиръ.

— На здоровье,—пробурчалъ Виноградовъ.

— Ну, довольно притворяться, неужели въ самомъ дѣлѣ не узнаешь?—сказалъ своимъ голосомъ Нарановичъ.

— Фу, чортъ возьми, ей Богу не узналъ. Но вотъ вопросъ, откуда ты догадался, что это я.

— Подумаешь, какъ трудно: идутъ подъ предводительствомъ лучезарнаго профессорскаго живота и надѣются сохранить инкогнито.

— Да, это дѣйствительно свинство. А мнѣ все хотѣлось самому тебя разгадать. Ну, давай веселиться, кто какъ умѣетъ.

— Давай,—сказалъ Нарановичъ, осторожно откидывая свой козлиный хвостикъ и садясь рядомъ. — Отдохну минутку съ тобой—трудно братъ, ходить на копытахъ, самъ не радъ, что изобрѣлъ. А вѣдь хорошъ костюмчикъ-то, а?

— Хорошъ. Какое на тебя произвела впечатлѣніе Надежда?

— Я уже поувивался вокругъ нея. Смѣлая баба, надо ей отдать справедливость. Не дрогнула, улыбнулась губами и погрозила пальцемъ, когда я хотѣлъ ее обнять. Посмотри, вотъ подъ ручку маска и Тонъ. Узнаешь женщину?

— Янишевская?

— Ну, да.

— Побѣжимъ въ разныя стороны?

— Хорошо!—сказалъ Нарановичъ.—Бе-е... бе-е...

И побѣжалъ.

Медленно, серединой узенькой гостиной, приближались къ порогу зала Янишевская и Тонъ. Кругло хохоталъ малиново-красный ротъ надъ широчайшимъ вырѣзомъ жилета и сіявшей въ мелкихъ складкахъ грудью мягкой сорочки. Самодовольно и прямо, слегка пружинясь, ступали ноги. Ярко зеленое прозрачное платье съ длиннымъ шлейфомъ, надѣтое на голое тѣло или на трико, окутывало тонкую фигуру Янишевской и съ каждымъ ея шагомъ приникало то къ груди, то къ бедрамъ, то къ колѣнямъ, безстыдно, какъ купальный костюмъ. Съ красновато-рыжаго парика спускались зеленые, желтые и красные листья. Рѣзко накрашенныя багряныя, пламенныя губы язвительно и сладострастно улыбались изъ-подъ маленькой темно-зеленой маски. Все это создавало манящій образъ какой-то обольстительной осенней вѣдьмы, вышедшей на закатѣ солнца изъ лѣсной чащи. Извивалась зеленая нагота, кровавыя губы рдѣли надъ бѣлымъ, рѣзко запудреннымъ подбородкомъ.

— Хо-хо-хо!—смѣялся профессоръ Тонъ, искоса поглядывая на знакомую фигуру Виноградова въ домино, — вы сегодня соблазнительны, какъ никогда. Жаль, что васъ не увидитъ Дмитрій Дмитріевичъ.

— А развѣ его здѣсь нѣтъ?—спросила Янишевская съ какимъ-то испугомъ.

— Не могъ его уговорить, — заперся въ комнатѣ на ключъ и притворился мертвымъ.

Виноградовъ шелъ сзади и слушалъ.

— Жаль,—говорила протяжно Янишевская, качаясь и приникая къ плечу Тона, — передайте ему отъ меня, что я очень прошу его придти ко мнѣ на новоселье.

— Онъ не придетъ, онъ не придетъ, онъ не придетъ,— также протяжно говорилъ Виноградовъ, медленно перегоняя ее и не глядя въ ея сторону.

— Кто это?—испуганно сказала Янишевская,—это онъ, Виноградовъ. Что же вы меня обманули, Аркадій Александровичъ?

— Ничего подобнаго,—смѣялся Томъ,—кто угодно могъ подслушать нашъ разговоръ.

Музыка вальса, похожая на длинную шелковую ленту, смѣнилась прерывистой, стремительно—текучей музыкой хіоваты, и развернулась длинная процессія догоняющихъ другъ друга паръ. Женщины скользили, отворачивались, манили, строго поднимали и неожиданно-покорно опускали головы, мужчины не смотрѣли, боялись вѣрить, радостно брали за руки и не хотѣли отпускать.

Надежда танцовала то съ высокимъ германцемъ въ тигровой шкурѣ, то съ нубійцемъ, скалившимъ бѣлые зубы, и Виноградовъ долго не могъ улучить момента подойти къ ней. Кривляясь, быстро семеня копытцами, пробѣжалъ за руку съ Янишевской Нарановичъ - сатиръ. Увидавъ Виноградова, незамѣтно и неодобрительно мотнулъ въ его сторону бородкой. Сжатый со всѣхъ сторонъ движущейся, улыбающейся, вскрикивающей, одурманенной ароматами, музыкой, свѣтомъ, ждущей невѣдомаго толпой, Виноградовъ и самъ ждалъ, невольно оглядываясь кругомъ. Казалось, ждали дѣловито ходящіе по струнамъ смычки, неподвижно висящія съ потолка люстры. Ожиданіе было довѣрчиво и непритворно, искрилось въ прорѣзанныхъ щелочкахъ для глазъ, въ томномъ складѣ полуоткрытыхъ горящихъ и влажныхъ губъ и оно ничѣмъ не было связано съ внѣшнимъ, придуманнымъ и оплаченнымъ десятью рублями „праздникомъ цвѣтовъ". Не вѣря заплатили, не вѣря вошли, и вдругъ повѣрили, какъ повѣрилъ Виноградовъ, и сладки стали покупное общеніе и покупная тайна и разрѣшенныя на нѣсколько часовъ шутки и позволенное рискованное „ты". Искали, сталкивались, жадно окидывали взоромъ съ ногъ до головы, тщетно угадывали подъ масками давно лелеянныя воображеніемъ черты, растерянно прислушивались къ голосамъ, поспѣшно, какъ бы боясь проснуться отъ слишкомъ нѣжнаго, неглубокаго, полусознательнаго сна, намѣчали сообщниковъ и сообщницъ. Изъ огромнаго зала, грезящаго музыкой и цвѣтами, отъ шумливаго множества толпы уходили въ сумрачную интимность гостиныхъ—утомленные, нашедшіе, въ тѣсномъ, довѣрчивомъ, уютномъ сліяніи плечомъ къ плечу. Нарановичъ по-прежнему, какъ въ танцѣ, держалъ Янишевскую за руку, подпрыгивая, кривляясь, двигался навстрѣчу Виноградову, и женщина-вѣдьма съ пурпуровыми губами, качаясь отъ любованія собой, отъ усталости, отъ сладострастья, точно въ какомъ-то туманѣ плыла на него. А въ мозгу Виноградова то затихалъ, то кружился утомительный, злой, изсушающій маскарадъ, танецъ мыслей, вытѣсняющихъ одна другую. Гдѣ любимое,

дѣвственно бѣлое платье Надежды, какъ бѣлое облако сіявшее передъ нимъ три недѣли тому назадъ? Чья рука лежитъ сейчасъ на ея таліи въ вальсѣ и почему въ настоящую минуту онъ совершенно къ этому равнодушенъ? Что сдѣлали зеленая маска, и прозрачное платье, и этотъ наведенный пурпуръ съ женщиной, которая никогда не была для него желанной? И не все ли равно для Виноградова красивая правда или красивая ложь? Довольно, довольно думать! Сегодня разрѣшено обманываться и лгать.

Онъ шелъ позади кривляющагося Нарановича и Янишевской и въ какомъ-то забвеніи твердилъ:

— Я хочу цѣловать твои окровавленныя губы, хочу сорвать увядшіе листья съ твоихъ волосъ. Хочу обмануться твоей поддѣльной красотой. Хочу чудовищной минутной любви зеленой вѣдьмы.

Обернулась, стала шептаться съ сатиромъ. Сатиръ увивался то съ одной то съ другой стороны и блеялъ: бее... бе-е.

— Смѣйся, издѣвайся, мсти за послѣднюю встрѣчу,— говорилъ Виноградовъ,— твой учитель рѣшилъ уравняться съ тобой. Онъ какъ и ты „захотѣлъ ощущеній". Вчера раздумалъ, сегодня пожелалъ... Надавай ему пощечинъ и убѣги.

— Это вы?—обернувшись къ нему вплотную и жарко дыша ему подъ капюшонъ, взволнованно спрашивала Янишевская.—Я узнала васъ? Отвѣчайте.

— Ужъ такъ и быть, я,—говорилъ Виноградовъ, оттискиваемый вмѣстѣ съ нею толпою въ залъ, — я сегодня ужасно веселый, ужасно глупый и ужасно добрый. И меня можно научить самымъ обыкновеннымъ, глупымъ и веселымъ вещамъ. Напримѣръ, видѣть только то, что видно, и вѣрить веселью, купленному за десять рублей. Вѣрить, что надо мною подлинные сказочные цвѣты. Вѣрить тебѣ, выдуманная лѣсная вѣдьма! Скажи мнѣ, какой инстинктъ подсказалъ тебѣ твою обольстительную воздушную зеленѣющую наготу?

Онъ говорилъ, а Янишевская шла, почти уронивъ ему голову на плечо, радостно смѣялась горящими накрашенными губами, и мгновеніями онъ чувствовалъ упругія, почти голыя касанія ея бедеръ и колѣнъ. И въ пьяномъ дурманѣ онъ увидалъ проходившую мимо, рука объ руку, странную, несоединимую пару — дико кривляющагося сатира и простенькую чуть-чуть смѣшную маркизу съ высокимъ напудреннымъ парикомъ и наивнымъ, чуть-чуть жалобнымъ вырѣзомъ платья около плечъ. Знакомая, немного утлая поступь... Слухъ уловилъ прозрачную вопросительную нотку таю-

щаго смѣха и все исчезло въ стонущемъ вихрѣ новаго торжествующаго, сладострастнаго вальса. Виноградовъ сидѣлъ за колоннами на узкой бархатной скамьѣ, держалъ Янишевскую за руки, а она говорила:

— Я знаю, что ты не можешь любить меня, что я пуста, легкомысленна, можетъ быть, даже продажна, и что улица, удовольствія, блескъ для меня все. Но я инстинктивно понимаю тебя, твои мученія и твою борьбу... Миленькій, умница моя, зачѣмъ ты оттолкнулъ меня тогда?.. Ну, не будь же со мной серьезенъ. Считай меня глупой, недостойной тебя. Тѣмъ сильнѣе я тебя буду любить. Приходи ко мнѣ, когда тебѣ надоѣстъ страдать, когда тебѣ понадобится мое легкомысліе и пустота. Мнѣ часто бываетъ скучно, мнѣ въ тысячу разъ было легче, когда ты у насъ жилъ. Смѣшно сказать, но твое презрѣніе меня ободряло. Ну, такъ вотъ, приходи смѣяться надо мной.

— Уѣдемъ отсюда,—вдругъ сказалъ Виноградовъ,—ты хорошая, я ошибался, я прошу прощенія, я очень виноватъ передъ тобой.

Главы восьмая и девятая въ ноябрьской книжкѣ.

Анатолій Каменскій.

ИСПОВѢДЬ ЖЕНЩИНЫ.

(Отвѣтъ Вейнингеру [1]).

Я пишу это не затѣмъ, чтобы найти вѣру у мужчинъ. Я хочу укрѣпить свою собственную вѣру въ себя.

Я—жена ученаго, вполнѣ обезпечена, недурна собой. Я здоровая, неглупая женщина и у меня здоровыя, красивыя и способныя дѣти.

У меня всегда была, что называется, „свѣтлая голова", я практична и способна, легко исполняю все, чего отъ насъ требуетъ свѣтъ, хотя у меня и нѣтъ основательныхъ знаній.

[1]) Авторъ настоящей статьи,—жена одного изъ замѣчательнѣйшихъ писателей-художниковъ Норвегіи. Въ обширной литературѣ, вызванной появленіемъ книги Отто Вейнингера «Полъ и характеръ», выстраданный отвѣтъ норвежской женщины является однимъ изъ самыхъ любопытныхъ документовъ. На «теоретическое изслѣдованіе» Вейнингера норвежская писательница отвѣчаетъ искренней исповѣдью надломленной, но ищущей души. Ея «исповѣдь»—безспорно одно изъ выдающихся произведеній по силѣ анализа и яркости художественныхъ образовъ, по безпощадной правдивости, не боящейся въ исканіи истины, однако, итти къ проторенньмъ путямъ... Многое въ этой исповѣди покажется нѣсколько страннымъ русскому читателю, такъ, напримѣръ, походъ противъ «больного вопроса»: женскаго равноправія. Но тѣ права, за которыя до сихъ поръ еще только борется русская женщина, давно уже добыты ея сестрами въ Норвегіи. Здѣсь только кажущееся противорѣчіе. Авторъ «Исповѣди» отрицаетъ только полное *внѣшнее* равноправіе, противопоставляя идеалу Вейнингера—освобожденію женщины отъ себя самой—иной идеалъ. Женщины должны духовно стать болѣе женщинами-матерями духовно и физически здороваго поколѣнія. Женщина, по убѣжденію автора «Исповѣди», въ противоположность взгляду Вейнингера, подымается на самую высоту цѣнности человѣка, когда она становится матерью... Но въ «Исповѣди женщины», цѣнны не столько выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, не обобщенія и пародоксы, составляющіе въ «Исповѣди» далеко не главное. Главное въ ней—сила захвата не протестующей мысли, а протестующаго чувства, концепсія тѣхъ переживаній, которыя доступны, быть можетъ, многимъ, но обнаженіе которыхъ доступно только художнику-психологу. И въ этой психологической художественной правдѣ, не боящейся самой себя, наготы истины и заключается главное и безспорное значеніе «Исповѣди», встрѣтившей у себя на родинѣ, въ Норвегіи, успѣхъ сочувствія и вниманія. *Ред.*

Гимназія, которую я кончила, ставила своей цѣлью сдѣлать изъ насъ салонныхъ дамъ, а для этого особенной премудрости не требуется. Я вышла замужъ послѣ двадцати лѣтъ и у меня и теперь все тотъ же мужъ, хотя я теперь „женщина между тридцатью и сорока годами". Если я называю наше положеніе хорошимъ—это еще не значитъ, что мы богаты. Напротивъ: то, что вноситъ въ нашъ домъ мои маленькіе таланты, является пріятнымъ плюсомъ. У меня имѣются таланты, къ сожалѣнію—въ множественномъ числѣ. Имѣются у меня также маленькіе капризы, которые стоятъ денегъ, а я люблю быть самостоятельной—я современная женщина!

Мы ведемъ очень спокойную жизнь, потому что въ нашемъ домѣ всѣ работаютъ.

Часто, слишкомъ часто меня тянетъ вдаль; я жажду жизни свѣта, радости, хочу расправить крылья. Наше скромное общество, въ которомъ мы живемъ,—уже не прельщаетъ меня. Но мои маленькіе полеты всегда кончались плачевно. Израненная и глубоко разочарованная, возвращалась я обратно въ свою одинокую комнату съ зелеными стеклами, украшенную массою цвѣтовъ и залитую солнечнымъ свѣтомъ. И когда всѣ спали, я снова садилась у своего большого камина, въ которомъ пылалъ огонь, придавая всѣмъ мертвымъ предметамъ вокругъ жизнь и краску, и смотрѣла прямо въ глаза жизни.—Чего ты хочешь, милая моя? Ты стара! Не воздуха, а крыльевъ нѣтъ у тебя. Ты теперь уже видала жизнь—это все! Больше ничего не ждетъ тебя.—Огонь гаснетъ и я, усталая и иззябшая, ложусь въ свою холодную постель. Мы, образованные современные люди, уважающіе въ бракѣ свободу личности, разумѣется, обладаемъ двумя спальнями.

Мой мужъ живетъ во имя своей науки. Я вижу его во время обѣда и изрѣдка слышу его покашливаніе въ кабинетѣ, гдѣ онъ проводитъ дни и ночи надъ своими книгами. Сидячій образъ жизни истощилъ его, и жизнь не радуетъ его болѣе. Онъ знаетъ свѣтъ; онъ многое знаетъ и многое понимаетъ, но въ немъ мало вѣры и мало надежды и пессимизмъ грозитъ погубить его. Каждый годъ онъ предпринимаетъ путешествіе съ научной цѣлью и каждое утро онъ нѣсколько часовъ работаетъ въ публичной библіотекѣ. Попытки современной женщины завоевать себѣ свободы не симпатичны моему миролюбивому мужу. Онъ любитъ во всемъ покой и добрый старый порядокъ, но онъ никогда никого не осуждаетъ. Онъ только говоритъ:—Намъ, мужчинамъ, это непріятно, но, безъ сомнѣнія, эти попытки имѣютъ за собой естественное основаніе. Если мужчина не можетъ болѣе удержаться на высотѣ положенія господина—онъ долженъ стать слугой. Онъ говоритъ это съ небольшой горечью, онъ образованный человѣкъ, и, въ сущности, все это интересуетъ его. Онъ мечтаетъ о покоѣ

монастыря и отчасти боится старости. Съ самаго начала онъ предоставилъ дѣтей мнѣ и отношенія между нимъ и нашими дѣтьми далекія. Это „мое дѣло“. Въ меня онъ еще бываетъ иногда влюбленъ, но его влюбленность носитъ всегда другой характеръ, чѣмъ моя. Она носитъ характеръ вспышки и въ промежуткахъ между ея проявленіями я для него не женщина. Но онъ не переставалъ быть для меня мужчиной. И въ продолженіе первыхъ пяти, шести лѣтъ нашего брака я положительно страдала отъ несчастной любви къ моему собственному мужу. Я была разочарована. Я не могла мириться съ тѣмъ, что на нѣкоторое время я для него „добрый товарищъ“, съ которымъ онъ живетъ рядомъ, вмѣстѣ работаетъ, вмѣстѣ молчитъ, не могла я мириться и съ положеніемъ „хозяйки дома“, которой оказываютъ извѣстное уваженіе, благодарятъ за обѣдъ и предоставляютъ пришивать пуговицы. И часто, когда онъ мило бесѣдовалъ со мной о предметахъ, представляющихъ общій интересъ, я думала про себя: „Поцѣлуй меня, проведи рукой по моимъ волосамъ, посмотри мнѣ въ глаза. Взгляни на мое платье, на мой воротникъ, скажи мнѣ, что я хороша собой, будь влюбленнымъ!“ Но я почувствовала бы себя также обиженной, если бы онъ совсѣмъ отказался отъ общихъ бесѣдъ со мной. Иногда я думала, вѣроятно, не давая себѣ отчета: „Ахъ, объ этомъ мы успѣли бы поговорить и потомъ, когда состаримся“. Но онъ былъ на десять лѣтъ старше меня и у него была своя наука. У меня была только моя любовь и поэтому я была такъ требовательна.

Я придумывала тысячу маленькихъ проявленій влюбленности, осыпала его при всякомъ удобномъ случаѣ цвѣтами и подарками. Онъ никогда не помнилъ о днѣ моего рожденія, не зналъ, что подарить мнѣ, и на Рождество вѣшалъ на елку кредитный билетъ. Какъ огорчалъ меня этотъ билетъ! Онъ мнѣ казался такимъ холоднымъ и лишеннымъ любви! Когда онъ получалъ мои подарки, онъ благодарилъ и силился сдѣлать видъ, что онъ очень доволенъ—онъ такъ хотѣлъ этого, но вскорѣ я находила ихъ въ какомъ-нибудь углу. Онъ даже не помнилъ болѣе, что получилъ ихъ.

Со мной дѣло обстояло совсѣмъ иначе. Я вспоминаю, какъ однажды онъ придумалъ для меня подарокъ. Это былъ шерстяной корсажъ, безобразный, но теплый. Онъ робко, какъ ребенокъ, принесъ мнѣ его. Какъ это было мило! Онъ вспомнилъ о томъ, что я недавно озябла. И поэтому онъ купилъ этотъ корсажъ. Ахъ, какъ я любила эту безобразную шерстяную вещь! Я носила ее цѣлый день, хотя она совершенно не шла ко мнѣ. Онъ, значитъ, думалъ обо мнѣ, когда ходилъ по улицамъ, думалъ обо мнѣ, а не о своихъ проблемахъ, думалъ о томъ, что я сижу дома и что мнѣ холодно. Ахъ, мой другъ, если бы ты зналъ, какъ ты заставляешь зябнуть мою душу!

Я плакала, когда замѣчала, что мои подарки не интересуютъ его, я не могла понять какъ можно безразлично относиться къ тому, что даритъ любовь.

И какъ благодарна была я, когда онъ изрѣдка приходилъ въ мою комнату и присаживался ко мнѣ. Я зажигала тогда множество свѣчей, тайкомъ украшала себя кружевнымъ шарфикомъ, или вкалывала въ волосы роскошныя шпильки и все вокругъ принимало праздничный видъ. Когда я слышала въ то время отъ другихъ женъ, что онѣ испытываютъ облегченіе, когда ихъ мужья уходятъ на службу, я считала ихъ слова притворствомъ. Но теперь, признаться, часто случается, что въ то время, когда онъ сидитъ, у меня, мнѣ приходитъ въ голову: „мой милый другъ! Мнѣ было бы очень пріятно, если бы ты теперь пошелъ къ себѣ. Ты мнѣ мѣшаешь".

„Женщины представляютъ собой сплошную чувственность,— говоритъ Вейнингеръ,—въ мужчинѣ помимо чувственности живетъ многое иное". Женщина всегда находится въ половомъ возбужденіи, мужчина—лишь періодами. Этимъ объясняется характеръ вспышки, присущій мужской любви. Итакъ, то что мы, женщины, называемъ любовью—не что иное, какъ инстинктъ. Вся наша забота, преданность, самопожертвованіе, постоянная потребность осыпать возлюбленнаго тысячами знаковъ нѣжности и вниманія, чтобы показать ему, что онъ всегда живетъ въ нашемъ сердцѣ и въ нашихъ мысляхъ, постоянное желаніе облегчить и украсить его жизнь,—все это лишь маска, обманно прикрывающая нашу никогда не дремлющую чувственность? Быть можетъ. Что знаю я объ „истинной натурѣ женщины"? Я знаю только, что если это и ложь—она все же прекрасна, и мы, женщины, не можемъ жить безъ нея,—это поэзія нашей жизни. И намъ жаль мужчинъ, которые не нуждаются въ ней.

Все рѣже и рѣже вспыхивала влюбленность въ душѣ моего мужа. О, какъ все это было мнѣ знакомо! Послѣ продолжительной товарищеской жизни—его глаза вдругъ снова начинали искать меня. Онъ замѣчалъ, какъ я одѣта, бралъ меня за руку, когда я проходила мимо него, и я замѣчала, что онъ чувствуетъ мое присутствіе. Въ другое время я могла сидѣть рядомъ съ нимъ, вставать, уходить, возвращаться и снова садиться и онъ не замѣчалъ ничего. Теперь взглядъ его становился снова теплымъ, я знала, что онъ будетъ цѣловать меня и что мы снова станемъ близкіе, станемъ мужемъ и женой. Но на другой день наши взгляды дѣлались снова равнодушны и холодны и внѣбрачные періоды становились все продолжительнѣе. Я все больше чувствовала себя матерью и другомъ. Но каждый разъ, когда мой ищущій взглядъ встрѣчалъ его холодные взоры и моя ищущая рука принуждена была довольствоваться короткимъ, разсѣяннымъ рукопожатіемъ, я какъ-будто испытывала глубокое

оскорбленіе. Иногда намъ случалось часами сидѣть въ одной и той же комнатѣ, наединѣ или при другихъ, и глаза его ни разу не искали моихъ глазъ. Тогда я ломала руки отъ горькаго сознанія скудности жизни. Мое оскорбленное самолюбіе внушало мнѣ злыя мысли, я чувствовала вражду противъ него и что-то во мнѣ кричало о мести.

Быть можетъ, дѣйствительно, „мужчина во всякой любви любитъ только себя". Я вѣдь знала, что онъ не любитъ другой женщины, что онъ не хочетъ оскорбить меня. Но онъ не думалъ обо мнѣ, онъ видѣлъ меня только въ тѣ моменты, когда въ немъ снова просыпались его эротическія чувства. Тогда онъ находилъ меня прекрасной. Тогда только я занимала мѣсто...

„Кто говоритъ, что онъ любитъ женщину, которая вызываетъ въ немъ желаніе,—тотъ лжетъ или онъ никогда не зналъ, что такое любовь. Такъ различны любовь и влеченіе пола. Поэтому кажется лицемѣріемъ, когда говорятъ о любви въ бракѣ". О, этотъ ужасный Вейнингеръ! Но это неправда, это больная мысль! Я должна обрѣсти эту увѣренность, иначе „самый ничтожный мужчина стоитъ несравненно выше, чѣмъ самая возвышенная изъ женщинъ". Вѣдь мы всегда полны желанья—значитъ, мы не любимъ. Если такъ—въ насъ всегда говоритъ животное и въ мужчинѣ также.

И все же меня часто положительно оскорбляетъ полное отсутствіе ласкъ мужа или же ласкъ, которыя неминуемо заканчиваются полнымъ физическимъ вліяніемъ. Я не могу отказаться отъ міра ласкъ, находящагося между этими полюсами, хотя и самое интимное мнѣ кажется также прекраснымъ и возвышеннымъ. Это сложно, но все же это такъ. Часто чувство душевной теплоты, искренней глубокой гармоніи, слѣдующее вслѣдъ за интимной близостью, наполняло меня, заслоняя все остальное.

И, быть можетъ, поэтому я думала, что и въ самыя интимныя минуты въ женщинѣ больше любви, чѣмъ полового влеченія.

Какъ-то разъ въ одну изъ такихъ минутъ я сказала своему мужу, что испытываю чувство чего-то торжественнаго, религіознаго. Я спросила его, бываетъ ли такое чувство у мужчинъ. „Нѣтъ,—возразилъ онъ,—я думаю, что въ этомъ случаѣ въ васъ, женщинахъ, больше души, а въ насъ—тѣла". Оно такъ и было. Но я вѣдь женщина, не лишенная эротическаго чувства. Кто правъ? Мой мужъ или Вейнингеръ? Каждая нормальная, не развращенная женщина почувствуетъ глубокое отвращеніе къ близости безразличнаго ей мужчины. Это долженъ быть „онъ", „единственный". Мужчины какъ будто иначе относятся къ этому.

Но развѣ въ такомъ случаѣ женскій эротизмъ не болѣе чистъ?

Впрочемъ, гдѣ грань, отдѣляющая въ любви тѣло отъ души?

По моему мнѣнію, это одно цѣлое и одно не слѣдуетъ отдѣлять отъ другого. Если я люблю, то есть, если я чувствую по отношенію къ мужчинѣ, что онъ заполняетъ всю мою жизнь, что мои мысли, моя воля принадлежатъ ему, то мое глубокое убѣжденіе,— что и тѣло и душа моя составляютъ одно цѣлое существо, стремящееся къ другому, столь же цѣлостному существу.

Я часто слышала разсужденія женщинъ о томъ, что онѣ не могутъ выйти замужъ за того или иного изъ мужчинъ, потому что имъ нравится только его душа, а физически онъ не привлекаетъ ихъ — или наоборотъ. Но тогда онѣ не любили. При настоящей любви забываютъ анализы и разсчеты, все кажется милымъ въ любимомъ человѣкѣ. Все сливается въ одно, и все становится прекраснымъ.

И онъ представляетъ только для меня единственно-необходимое—мою жизнь.

Въ чемъ состоитъ эта власть, передъ которой всѣ преклоняются, сила, передъ которой люди трепещутъ, какъ тростникъ,— я не знаю этого. Знаю только, что страшна и чудесна эта сила, что она достаточно сильна, чтобы весь міръ превратить въ райскій садъ!

Постепенно со мной совершалась большая метаморфоза. Пассивность моего мужа все болѣе и болѣе принимала характеръ равнодушія. Въ особенности игнорировалъ онъ дѣтей, и это больно кололо мое сердце.

Онъ не замѣчалъ малышей, нѣжныхъ и милыхъ, которые такъ любили его и смотрѣли на него, какъ на высшее существо!

Я не могла простить ему холодность по отношенію къ нимъ. Она глубоко оскорбляла меня. Горечь въ моей душѣ увеличивалась, и я стала холодна. Многія мелочи прибавились еще къ этому главному—и пламя въ моемъ сердцѣ погасло. Я пролила такъ много слезъ, я такъ страдала, но теперь я стала спокойнѣе и словно какое-то избавленіе снизошло на меня.

Настроеніе мое стало ровнѣе, я не терзала болѣе своего честнаго друга слезами и вздохами (Ахъ, почему любовь приноситъ съ собой столько слезъ!) Я шутила съ нимъ о томъ, что мы „старики" и не мѣшала ему зарываться въ его книгахъ. И онъ почувствовалъ себя отъ этого свободнѣе и лучше. Дѣтей я по возможности отъ него устраняла и удвоила мою собственную заботу и нѣжность къ нимъ.

Но время отъ времени въ немъ просыпалась все же еще влюбленность, и тогда случалось нѣчто ужасное: скромныя приближенія моего мужа казались мнѣ насиліемъ и что-то кричало во мнѣ: „Боже мой, это и есть бракъ?!"

Моя стыдливость страдала, все было уродливо и отвратительно.

Потому что, если интимная близость не кажется яснымъ и радостнымъ праздникомъ,—она отвратительна!

Но иногда случалось, что его нѣжность снова воскрешала на короткое время мою прежнюю любовь. Такъ довѣрчиво и беззаботно приходилъ онъ ко мнѣ, съ такой нѣжностью и признательностью уходилъ онъ снова. По своему собственному опыту знаю я всю недоказанность утвержденій Вейнингера, будто „женщина послѣ физической близости чувствуетъ себя всегда настолько же презираемой, насколько боготворимой чувствовала себя до этого". Это одинъ изъ „недоказанныхъ взглядовъ" въ странной книгѣ Вейнингера. Если бы это было правдой — было бы слишкомъ тяжело быть женщиной.

Возможно, что такой взглядъ соотвѣтствуетъ древней восточной точкѣ зрѣнія на женщину. Но образованный человѣкъ современности не столь „восточно" относится къ женщинѣ, она для него также является человѣкомъ, онъ уважаетъ ее, какъ таковую, ея любовь вызываетъ въ немъ другія чувства, чѣмъ любовь рабыни. Мы должны предполагать, что таково общее правило.

Если бы Вейнингеръ могъ прочитать эти строки, онъ бы спокойно сказалъ: „Глубока лживость женщины". Но по Вейнингеру — женщина неспособна къ лжи. Она не можетъ лгать, ибо для этого ей недостаетъ главнаго: способности къ правдивости. Она представляетъ собой абсолютную лживость—это наслѣдственный грѣхъ; ея единственная задача—создать изъ мужчины „грѣшника". Поэтому женщина неспособна говорить правду ни о себѣ, ни о другихъ. Ея слова лишены значенія.

И все же...

Дни проходили за работой безъ радостей. По ночамъ я чувствовала себя какъ-то особенно усталой и долго не могла заснуть. Мысли мои начали касаться моего гнѣзда. Надо было найти исходъ, заполнить пустоту. Одиночество угнетало меня, по вечерамъ я сидѣла у камина и смотрѣла въ огонь. И жажда терзала меня словно голодъ или физическая боль, не жажда людей, а жажда одного человѣка, который снова указалъ бы предѣлы моимъ мыслямъ и заглушилъ бы во мнѣ страхъ жизни и страхъ смерти.

Пространство было слишкомъ велико для меня, слишкомъ много загадокъ кругомъ, смерть казалась слишкомъ близка.

Я сидѣла возлѣ постели моихъ дѣтей и говорила себѣ: „Вотъ то, что нужно тебѣ! Вотъ, кто долженъ поставить предѣлъ твоимъ мыслямъ и заполнить пустоту твоего сердца".

Я цѣловала ихъ маленькія ручки и рыдала надъ ними! Почему печально и одиноко покидала я тѣхъ, кого я любила больше всего въ мірѣ и за которыхъ охотно отдала бы свою жизнь?

И снова я упорно заглядывала въ свою душу.

Какъ шатки и безпомощны мы, люди!

Ничего мы не можемъ дать другъ другу. Даже мать ничего не даетъ своему ребенку, когда онъ становится взрослымъ. Какъ часто вечеромъ, когда я уходила отъ нихъ, мнѣ хотѣлось имѣть Бога, чтобы довѣрить Ему ихъ. Но я потеряла Бога. Въ ранней юности еще я стала свободомыслящей, быть можетъ, отчасти подъ вліяніемъ вѣяній времени. Въ то время мы читали Вольтера, Руссо, Дарвина. Но самое большее вліяніе все же оказалъ на меня ясный и серьезный естественно-научный трудъ моего мужа. Религію и вѣра были отняты у меня.

Мнѣ не приходило въ голову самой изучить христіанство.

Я даже не знала библіи.

Много позже я какъ-то, совершенно случайно, познакомилась съ древними индійскими религіями, и онѣ настолько заинтересовали меня, что у меня явилось желаніе изучить и христіанство. Такимъ образомъ я раньше познакомилась съ ученіемъ Будды, прежде чѣмъ какъ слѣдуетъ узнала о Христѣ и той религіи, которую я оффиціально исповѣдовала отъ момента моего крещенія. Когда я захотѣла выяснить себѣ личность Христа, я взялась раньше всего не за библію, а за Ренана. Теперь я прочла и библію, но чувство вѣры я не смогла вернуть.

Когда я приготовлялась къ конфирмаціи, я находилась подъ религіознымъ вліяніемъ нашего духовника, фанатика въ вопросахъ христіанства. Онъ не былъ женатъ и обладалъ всѣми добродѣтелями святого, и я и мои подруги боготворили его. Я была увѣрена, что онъ никогда не женится и ради него хотѣла даже поступить въ монастырь. Ради него я молилась утромъ и вечеромъ, стоя на колѣняхъ, ради него надѣвала черныя платья и приглаживала свои непокорные волосы. Но христіанство само по себѣ и тогда было для меня закрытой книгой.

Мнѣ приходили въ голову мысли о многихъ, кого я знала раньше, о моихъ близкихъ друзьяхъ, мысли о „немъ", кого я, какъ безумная, любила въ семнадцать лѣтъ, о тѣхъ двухъ, которые любили меня много больше, чѣмъ я заслуживала, еще о многихъ мимолетныхъ встрѣчахъ и—въ моей юности и позже.

У оживленной красивой женщины—замужемъ она или нѣтъ— лучше, конечно, если замужемъ, всегда, разумѣется, имѣются поклонники.

У меня ихъ было двое, въ то время, когда я въ первый годъ послѣ замужества путешествовала по югу.

Какъ безразличны для меня были они оба!

Какъ смѣшны! Я никогда не понимала, какъ можетъ нравиться женщинѣ ухаживаніе безразличныхъ ей мужчинъ? Я въ этомъ не вижу ничего интереснаго, я зѣваю отъ скуки.

Флиртъ и такъ называемыя настроенія—все это не для меня, я болѣе требовательна. Этотъ салонный флиртъ съ его пикантными положеніями и заигрываніемъ по угламъ содержитъ что-то не-

здоровое—то некрасивое, что претитъ мнѣ. Или все—или ничего: товарищескія отношенія или любовь. Любовь не имѣетъ ничего общаго съ маленькими настроеніями и пикантностями. Она требуетъ всего и даетъ все. Это очень серьезная вещь. Тотъ, кто считаетъ и подсчитываетъ, тотъ, кто колеблется и соображаетъ, не знаетъ, что такое любовь, такъ же, какъ и тотъ, кто даетъ ее частями и говоритъ объ обязанностяхъ и долгѣ. Кто любитъ, не знаетъ ни долга, ни разума, онъ не знаетъ будничныхъ мыслей, не знаетъ ничего о выгодѣ и убыткахъ, онъ не добродѣтеленъ, не талантливъ — онъ геніаленъ. Онъ безсознательно достигаетъ апогея въ своемъ мышленіи и дѣятельности. Только любовь дѣлаетъ цѣльной жизнь. Если этого требуетъ любовь — всѣ цѣпи разрываются, потому что любовь самодержавна и не можетъ быть иной. И только, когда умираетъ любовь—люди становятся полезными и трудолюбивыми, и начинаютъ заботиться о своихъ талантахъ. Я не понимаю половинчатости. Поэтому мужчины—типа куколъ во фракахъ—безусловно не могутъ не находить меня крайне скучной. Но и меня они не интересуютъ.

Встрѣчу ли я еще когда-нибудь человѣка, который заставитъ усиленно биться мое сердце? О нѣтъ, никогда. Я и не хочу этого. Какой невѣроятной кажется мнѣ самая мысль—о новомъ человѣкѣ! Какой тяжелый и хлопотливый трудъ—узнавать чужого человѣка, научиться открывать ему свою душу, въ которой жизнь въ теченіе ряда лѣтъ запечатлѣла такое множество слѣдовъ добра и зла! Какъ трудно уяснить себѣ его душу! Нѣтъ, это невозможно. И если даже между мужемъ и женой умираетъ любовь, они не могутъ вычеркнуть изъ своей жизни своего брака. Ничего нельзя вычеркнуть, даже малѣйшихъ переживаній. Тѣмъ менѣе надеждъ вычеркнуть изъ своей жизни пережитое за многіе годы. Я не могла бы представить себя въ связи съ другимъ мужчиной. Нѣтъ, я никогда больше не могла бы любить. Какъ женщина — я умерла.

И вотъ я ухватилась за свои маленькіе таланты и стала развивать ихъ. Я называла это своей работой и она должна была съ этого времени наполнять мою жизнь. Скоро вырастутъ мои дѣти и мое одиночество станетъ еще ужаснѣе, а поэтому—нельзя медлить. Надо наполнить жизнь трудомъ, надо научиться вести достойное человѣческое существованіе, свободное и самостоятельное! Вѣдь таковъ, должно быть, рецептъ жизни современной женщины.

Родина и общество предъявляютъ большое требованіе къ каждому работоспособному гражданину,—къ женщинѣ въ томъ числѣ. Воспринять всякія идеи, движущія міромъ, посвятить свою жизнь и трудъ родинѣ и страдающему человѣчеству,—вѣдь это не можетъ не быть первой задачей женщины. И такъ какъ у меня было достаточно времени, я бросилась въ водоворотъ общественныхъ

обязанностей и стала на нѣкоторое время „дамой-благотворительницей“.

Я хотѣла, я должна была заполнить пустоту, которая образовалась въ моей жизни. Цѣлую зиму бѣгая по разнымъ комитетамъ и засѣданіямъ, я усердно принимала участіе во всѣхъ спектакляхъ въ пользу бѣдныхъ. Я стала дѣятельной и желанной любительницей въ различныхъ артистическихъ и литературныхъ вечерахъ.

Я убивала свои дни въ массѣ встрѣчъ, я чуть ли не разрывалась на части ради различныхъ благотворительныхъ учрежденій. А вечеромъ, усталая, съ больной душой бродила по комнатѣ и когда я становилась возлѣ кроватокъ дѣтей, меня охватывало чувство оставленности и печали и угнетало меня своею тяжестью. „Посмотрите, какая у васъ мать! Ни одной цѣльной мысли нѣтъ въ ея душѣ, вся душа состоитъ изъ тысячи клочковъ, которые она продаетъ на рынкѣ. Что можетъ она дать вамъ“? И съ неописуемымъ чувствомъ стыда уходила я въ свою комнату, сознавая, что дальше такъ жить нельзя, лучше совсѣмъ уйти отъ жизни. Я становилась безсильной, вялой, неспособной къ жизненной борьбѣ. Другія женщины работали, доказывая этимъ свою практичность и ловкость. Онѣ находили удовлетвореніе въ этомъ. Но мнѣ эта работа, какъ и всякая другая, не давала ничего.

Неужели мнѣ никогда не удастся болѣе собраться съ силами и стать снова жизнерадостной? Въ этотъ періодъ мой мужъ болѣе чѣмъ когда-либо углубился въ свою работу. Ему казалось, что онъ близокъ къ рѣшенію проблемы, надъ которой онъ провелъ нѣсколько лѣтъ. Но ему все не удавалось обрѣсти это рѣшеніе и онъ страдалъ, вновь погружался въ свои размышленія и прекратилъ почти всякое общеніе съ людьми. Каждый годъ онъ ѣздилъ въ маленькій французскій городокъ и тамъ отдавался изученію старыхъ архивовъ. Я болѣе не чувствовала себя замужемъ. Теперь я была лишь матерью. Къ всеобщему удивленію я внезапно выступила изъ всѣхъ комитетовъ. Я не хотѣла уйти отъ благотворительности, я хотѣла лишь по иному проявлять ее, я стала въ тиши помогать бѣднымъ и снова серьезно занялась своимъ хозяйствомъ. И какъ всегда, когда я начинала что-нибудь новое, мнѣ казалось, что именно въ этомъ мое призваніе,—кухня стала мѣстомъ моихъ ежедневныхъ занятій. Я придумывала новыя вкусныя блюда, практическія улучшенія и разные способы экономіи. Я стала серьезно писать о кухнѣ и о хозяйствѣ въ маленькихъ женскихъ журналахъ. Меня считали даже въ этой области „нѣкоторымъ авторитетомъ“.

Немногіе друзья, изрѣдка посѣщавшіе еще нашъ домъ, были въ восторгѣ отъ моихъ кулинарныхъ успѣховъ, мужъ мой также былъ доволенъ моими заботами. Случалось даже иногда, что онъ кивалъ мнѣ головой и говорилъ: „очень вкусно!“ Это приблизи-

тельно значило: у тебя хорошій маленькій талантъ, не пренебрегай имъ. Онъ вообще всегда подбадривалъ меня въ моихъ работахъ и цѣнилъ ихъ, но у него не хватало времени для меня и—что всего больше огорчало меня—для дѣтей. Ихъ существованіе было ему почти безразлично. Я думаю, что онъ самъ страдалъ отъ этого. Но онъ ничего не могъ имъ дать. У него нечего было имъ дать. Онъ былъ человѣкъ разсудка, и разсудокъ вытѣснилъ въ немъ чувство.

Да, я много трудилась и имѣла успѣхъ. Лишь себѣ самой казалась я всегда сплошной неудачницей. И снова и снова я разсматривала свою жизнь. „Милая моя, чего тебѣ еще надо? Чего еще хочешь ты отъ жизни? Ты стара—все кончено! Надо стать разумной! Научись довольствоваться тѣмъ, что есть. Это все, что ты можешь сдѣлать. Гнаться въ твои годы за прекраснымъ—это безуміе, недостатокъ разсудка и культуры, это недостойно тебя. Все прекрасное осталось за тобой. Ты видала вершины жизни—приготовься теперь къ пріятному и не слишкомъ уродливому спуску съ этой горы!“

Но предположимъ, что мнѣ осталось еще прожить тридцать, сорокъ, быть можетъ, пятьдесятъ лѣтъ. Неужели всю эту вѣчность я обречена чувствовать себя старой? Неужели каждый день долженъ представлять собой покорное приближеніе къ могилѣ? Развѣ жизнь моя уже достигла своего апогея? Достигла ли я сама высшаго расцвѣта своего „я“? И развѣ я не создамъ ничего болѣе и буду только лишнимъ номеромъ въ звѣринцѣ, въ которомъ я живу?

И мысленно я переживала снова мечты и гордыя надежды моей юности.

Я вспомнила жизнь въ маленькомъ приморскомъ городкѣ, гдѣ мы—молодыя дѣвушки—смотрѣли на море и мечтали о необъятномъ свѣтѣ, гдѣ-то за океаномъ. Но путь въ этотъ міръ велъ черезъ великое искусство, жрицей котораго я мечтала стать. По этому пути меня велъ бы „онъ“, безъ него я не могла себѣ представить міръ. Какимъ сіяющимъ казалось мнѣ будущее, какимъ богатымъ красками, свѣтомъ и счастьемъ!

И я вспомнила наши игры въ большихъ пустыхъ чердакахъ деревянныхъ домовъ у гавани, и то, какъ насъ всегда занимало великое и таинственное: любовь, мужчина, таинство, рожденіе человѣка... Мы изображали беременныхъ, придѣлывали себѣ большіе животы и рожали въ притворныхъ мукахъ нашихъ куколъ; мы изображали болтовню кормилицъ, гдѣ-то слышанную нами, и пытались разгадать великую-заманчивую тайну.

Мы выдавали замужъ нашихъ куколъ и играли въ любимую игру всѣхъ дѣвочекъ: въ отца и мать.

И ничто не казалось намъ такимъ интереснымъ, какъ свиданія влюбленныхъ, которыя намъ удавалось подслушать, и жени-

ховъ старшихъ сестеръ,—мы положительно обожали. („Совсѣмъ маленькія дѣвочки,—говоритъ Вейнингеръ,—оказываютъ любовникамъ своихъ старшихъ сестеръ посредническія услуги").

Но когда я встрѣчаю теперь своихъ подругъ дѣтства и спрашиваю ихъ, вспоминаютъ ли онѣ наши игры, наши мечты—онѣ съ изумленіемъ смотрятъ на меня. Вспоминаютъ ли? Онѣ ничего больше не знаютъ объ этомъ. И онѣ уходятъ съ чувствомъ злорадства и убѣжденіемъ, что только у меня одной такая грязная фантазія. („Лживость женщины" у Вейнингера). Время шло. Въ сущности, мой мужъ и я—мы были лучшими друзьями въ мірѣ и чѣмъ рѣже видались, становились все дружнѣе. Сцены, оскорбительныя слова и недоразумѣнія, обычныя явленія въ періодъ нашей влюбленности, совсѣмъ исчезли теперь. Мы жили словно два испытанныхъ товарища, знающіе жизнь и самихъ себя. Когда горечь закипала во мнѣ, я смиряла себя и говорила: „Богъ мой, это лишь переходная ступень, мы всѣ скоро умремъ. Чего же ты хочешь? Никто не можетъ требовать, чтобы любовь длилась вѣчно, это противорѣчитъ человѣческому опыту". Мы собственно не надоѣли одинъ другому, не говоря уже объ отсутствіи вражды другъ къ другу.

Въ сущности, это идеальный бракъ, въ особенности если бы мы могли не встрѣчаться еще за обѣдомъ. А то мы сидимъ рядомъ, слышимъ, какъ мы жуемъ и вовсе не доставляемъ этимъ удовольствія другъ другу. Какъ громко ѣдятъ супъ мужчины съ бородой! Впрочемъ, это кажется только тогда, когда влюбленность ушла. Влюбленные не замѣчаютъ этого...

Иногда намъ бываетъ весело вмѣстѣ и мы проводимъ часокъ за бесѣдой. Мы подтруниваемъ надъ любовью и бракомъ—я не безъ оттѣнка кокетства; мы серьезно и откровенно говоримъ о нашихъ сѣдыхъ волосахъ, которыхъ, впрочемъ, у меня пока нѣтъ. Мы оба соглашаемся, что современныя отношенія между мужчиной и женщиной имѣютъ свои тѣневыя стороны.

— „Но слава Богу, это уже насъ не касается,—говоритъ мой мужъ и смотритъ на часы.—Это дѣло тѣхъ, которые идутъ за нами".—И онъ тайкомъ зѣваетъ. Зѣвота заразительна. И я стараюсь скрыть зѣвокъ.—„Ну, спокойной ночи, моя дорогая, пріятнаго сна".

— „Покойной ночи".

И мы расходились, дружески пожавъ другъ другу руку.

Любилъ ли меня мой мужъ въ это время? Въ это время, когда въ немъ пропала былая страсть?

* * *

Дни мои проходили, лишенные покоя, и по ночамъ сонъ избѣгалъ меня.

16*

Ахъ, было время, когда по другой причинѣ не спала я, когда я не хотѣла проспать хотя бы одно мгновеніе своего счастья. Когда голова его покоилась на моей рукѣ и онъ засыпалъ у меня, положивъ руку на мою щеку или на мою голову. Тогда я долго лежала безъ движенія, смотрѣла на него и была счастлива и благодарна. Или же я сидѣла и держала на рукахъ прекрасное дитя, я тогда была слишкомъ эгоистична, чтобы положить его мирно въ колыбель. Я не хотѣла спать, я должна была чувствовать, что держу его на рукахъ, теплаго, живого. Спать я смогу потомъ, потомъ, когда придетъ старость! Такъ думала я тогда; теперь я стара, но сонъ не приходитъ ко мнѣ.

Полную увѣренность и гармонію, полную удовлетворенность, и цѣльное счастье я испытывала лишь въ тѣ краткія минуты, когда держала въ своихъ объятіяхъ любимаго мужчину или любимое дитя. Тогда у меня не было желаній. Но когда объятія мои пусты—въ меня вселяется волненіе и страхъ жизни.

Но когда я была вмѣстѣ съ ребенкомъ, я жаждала всегда раздѣлить его близость съ мужемъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы мы оба держали ребенка. Мнѣ было такъ страшно, что связь между нами можетъ на мгновеніе ослабѣть. Мнѣ хотѣлось, чтобы они оба плотно прижались ко мнѣ. Но мужчина хочетъ спать ночью. Мужчина не можетъ понять, что такъ очаровательно въ маленькомъ ребенкѣ, который днемъ мѣшаетъ намъ работать, а ночью—спать и мараетъ наши платья!

Но одна привязанность къ ребенку не удовлетворяла меня, хотя я любила его любовью, которая граничила съ мукой, и хотя все мое существо стремилось оказать ему заботу, нѣжность и благодарную любовь. Но почему ребенокъ не удовлетворялъ меня?

„Материнская любовь инстинктивна и стремителъ,—наговоритъ Вейнингеръ эта любовь знакома животнымъ, не менѣе чѣмъ людямъ. Одно это служитъ доказательствомъ, что такая любовь—не постоянная любовь, что такой альтруизмъ не есть настоящая нравственность“...

И все же для матери не существуетъ достаточно большой жертвы, если дѣло касается ея ребенка. Или вѣрнѣе ни въ чемъ нѣтъ жертвы. Это я ежедневно говорила своимъ дѣтямъ съ тѣхъ поръ, какъ они стали понимать. Каждая печаль, каждый трудъ, даже самые ужасныя боли, при которыхъ мы даемъ имъ жизнь, вознаграждается въ тысячу разъ въ тотъ моментъ, когда мы беремъ на руки наше дитя. Все, что мы дѣлаемъ для нихъ,—мы дѣлаемъ для себя,—изъ любви, изъ эгоизма.

* * *

Мои дѣти и я! Мы представляемъ настолько одно цѣлое, что трудно даже уяснить себѣ это разумомъ. Благословленны

маленькія существа, съ которыми я жила всѣ эти годы, вмѣстѣ съ ними я созрѣвала. Они никогда не внесли ни капли горечи въ мою жизнь. Они были для меня лишь свѣтомъ и радостью. И даже страхъ за нихъ, страхъ жизни и смерти, неизмѣнно слѣдующей за каждой любовью, былъ для меня источникомъ развитія въ себѣ человѣка. Какъ должна я быть признательна имъ за это! Но все же всю жизнь я живу вдали отъ нихъ. Всю жизнь, тяжелую жизнь, въ которой они не могутъ принять участія, потому что они еще дѣти.

Почему наша обоюдная любовь не наполняетъ моей жизни, отчего она не даетъ мнѣ увѣренности и покоя? Почему гордое сознаніе, что я дала имъ жизнь и радость обладанія ими не внушаютъ мнѣ достойнаго чувства, желанія покорности итти на встрѣчу старости, чувства, такъ часто встрѣчающагося у мужчинъ? Отчего это томленіе, это ожиданіе? Отчего? И я не могу себѣ дать отчета, чего я жажду, чего я жду.

Если бы и моя жизнь была праздной! Но я ненавижу лѣность и всегда дѣятельна.

Не въ томъ ли причина, что мать во мнѣ слабѣе любовницы? Не въ томъ ли, что я по своей натурѣ принадлежу къ той категоріи „проститутокъ", которую опредѣляетъ Вейнингеръ, къ тѣмъ, для кого постоянная любовь и поклоненіе мужчины такъ же необходимо, какъ свѣтъ и воздухъ, къ тѣмъ, кто становится музой и вдохновительницей мужчинъ! Но и этого нѣтъ въ моей жизни. Я должна улыбнуться при этой мысли, но улыбка моя полна горечи. Мужу моему, признающему только логику и реализмъ, не нужна муза. Или же то обстоятельство, что я не могла стать его музой—надрывъ въ его жизни? Что знала я объ этомъ и что вообще знаютъ люди? Немногимъ дано быть такими многознающими, какъ несчастному юношѣ Вейнингеру. Но часто, читая его книгу, я думала съ женской наивностью: если бы онъ достигъ моего возраста, быть можетъ, онъ сократилъ бы свою книгу? Или же только у насъ, женщинъ, каждый день увеличиваетъ неувѣренность, такъ что подъ конецъ у насъ остается одно лишь ужасное чувство отчаянія и безсилія! Противъ только что найденной истины подымается снова другая. И человѣческая душа становится бездной, полной неразрѣшимыхъ загадокъ. Не въ томъ, должно быть, сила Вейнингера, что онъ такимъ молодымъ писалъ свой трудъ. Долгая жизнь внесла бы въ него сомнѣнія, т. е. нормальная жизнь въ полномъ здоровьѣ [1]) и—въ обществѣ людей.

[1]) Когда Толстой написалъ Крейцерову сонату—онъ былъ ужъ старикомъ у него было десять дѣтей и онъ, быть можетъ, забылъ уже жизнь зрѣлаго, но молодого мужчины. Вейнингеръ былъ боленъ, и Апостолъ Павелъ, который желалъ, чтобы всѣ были бы, какъ онъ, т. е. цѣломудреннымъ, былъ, пожалуй, эпилептикъ, какъ и Вейнингеръ.

Онъ рисуетъ намъ женщинъ и требуетъ, чтобы мы вѣрили его словамъ, хотя онъ женщинамъ приписываетъ самые ужасные пороки. Онъ и въ мужчинѣ допускаетъ пороки, но придаетъ имъ совершенно другую окраску.

„Лживость, органическая лживость характеризуетъ всѣхъ женщинъ. Совершенно неправильно опредѣленіе, что всѣ женщины лгутъ [1]). Это допускаетъ предположеніе, что онѣ иногда говорятъ правду“.

Существуютъ положимъ также лживые люди; но у нихъ этотъ кризисъ проходитъ иначе: онъ ведетъ — хотя бы и на короткое время, но все же къ „очищенію“. Если бы это было такъ! Черезъ мужчину вѣдь и намъ, женщинамъ, свѣтитъ надежда!

Но въ Вейнингерѣ жило, должно быть, много женскаго. Потому что хотя онъ, конечно, могъ только очень мало знать о женщинахъ, все же его инстинктъ заставилъ его сдѣлать изумительно много вѣрныхъ заключеній „о женщинѣ“, также какъ и женщина можетъ обладать многими вѣрными (правильными) заключеніями о мужчинѣ, хотя она рѣдко сознательно изучала его. И хотя Вейнингеръ утверждаетъ, что еврейству, какъ и женщинѣ, недоступна высшая геніальность, то все же какъ евреи, такъ и женщина, должно быть, не совсѣмъ негеніальны, въ томъ, что касается знанія людей. Впрочемъ, это допускаетъ даже Вейнингеръ. Онъ говоритъ:

„Бываютъ женщины съ той или другой геніальной чертой; но женщина-геній не существуетъ, не существовало и не будетъ существовать“.

* * *

Быть можетъ, однако, что нашъ бракъ—идеальный бракъ. Мы не наскучаемъ другъ другу, хотя мы и не забавляемъ другъ друга. Все у насъ отрицательно, это правда, но что можно еще требовать? Любовь скоро проходитъ — это знаютъ всѣ. Въ лучшемъ случаѣ остаются тѣ многочисленныя узы, которыя соединяютъ двѣ души посредствомъ любви. Но люди трусливы. Не всѣ такъ очаровательно смѣлы, какъ Байронъ, который въ свое время писалъ своему другу изъ Венеціи; „Не могу пріѣхать. Безумно влюбился; долженъ остаться здѣсь, пока не пройдетъ это“...

Да, да, мы всѣ теперь трусливы. Лицемѣріе вошло уже въ нашу кровь и поэтому бездна между людьми и правдой, между людьми и природой все увеличивается. А вѣдь, въ сущности, все гораздо проще, чѣмъ люди хотятъ это сдѣлать. И женщины безусловно гораздо менѣе сложны, чѣмъ думаютъ мужчины.

---

[1]) Здѣсь авторъ говоритъ не о „женщинѣ“, но о „женщинахъ“ вообще.

Итакъ, совершенно просто и естественно, если отношенія между супругами принимаютъ, наконецъ, такой характеръ, какъ между мною и моимъ мужемъ.

Недавно мнѣ пришлось слышать отъ одного супруга, состоящаго въ такъ называемомъ „счастливомъ бракѣ", слѣдующую фразу:

— „Ничего не можетъ быть скучнѣе супружеской половины!"

По всей вѣроятности, онъ нашелъ другой центръ внѣ этой супружеской половины. Но у насъ нѣтъ этого центра. Поэтому мы и не скучны другъ другу и за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, мы не чувствуемъ ненависти другъ къ другу. Итакъ, супружеская половина не всегда представляетъ интересъ. Но что дѣлать, когда нѣтъ ничего болѣе веселаго!

Я постепенно стала превращаться. Я чувствовала въ себѣ матеріалъ для созданія самостоятельно мыслящаго человѣка. Теперь, пожалуй, безпощадные психологи спросятъ съ улыбкой: „Позвольте узнать, сударыня, откуда въ васъ этотъ матеріалъ?" И меня смущаетъ этотъ вопросъ, хотя я только мысленно предлагаю его себѣ. Ну что жъ, это правда, *онъ* сформировалъ мое существо, онъ или другіе мужчины, которыхъ я встрѣчала до него, или же книги, написанныя мужчинами. Но изъ ничего никто ничего не можетъ создавать, даже мужчина.

Сама природа, должно быть, вложила въ меня матеріалъ, который поддавался формированію и я все-таки стала мыслящимъ человѣкомъ съ отпечаткомъ собственнаго „я".

Хотя Вейнингеръ утверждаетъ, что „у женщины нѣтъ совершенно души и что она даже не жаждетъ обрѣсти душу, окончательно свободную отъ всего чуждаго и наноснаго", — я все же убѣждена въ томъ, что я обладаю душой, данной мнѣ природой, и что теперь я хочу найти эту душу. Но если быть откровенной, надо признаться, что я немного боюсь того, что найду.

Первый шагъ мой состоялъ въ томъ, чтобы найти свой собственный вкусъ по отношенію къ одеждѣ и устройству дома. Это мнѣ удалось. Здѣсь оказалось, что мужъ мой восторгается всѣмъ, что я предпринимаю, а что все, что я позаимствовала отъ него, — не укрѣпилось во мнѣ.

Изрѣдка онъ высказывалъ мнѣніе, не задумываясь надъ нимъ. Онъ былъ слишкомъ занятъ. А я принимала всѣ слова его за выраженіе глубочайшихъ жизненныхъ взглядовъ и спѣшила примѣниться къ нимъ.

Но теперь все должно перемѣниться. Какое облегченіе долженъ былъ испытывать и онъ, видя, какъ я освобождаюсь. Тяжело вѣдь всю жизнь проходить съ такимъ паразитомъ на спинѣ.

Все чаще и чаще говорила я: „Нѣтъ, я другого мнѣнія". Или: Этотъ ходъ мысли непонятенъ мнѣ" и т. д.

И я стала искать частаго общенія съ женщинами моего возраста, съ женщинами, которыя, какъ и я, уже не были болѣе

только „замужемъ“, съ самостоятельными зрѣлыми и дѣятельными людьми, которымъ казалось, что онѣ могутъ обходиться безъ мужа. Многія изъ нихъ научились смѣяться сквозь слезы и многія, взглядъ которыхъ погасъ отъ погибшихъ иллюзій, снова свободно и ясно подняли свои глаза и снова начали свою жизнь сначала въ одинокой борьбѣ.

Мой мужъ не мѣшалъ мнѣ искать развлеченій внѣ дома, даже наоборотъ.

Все, что я дѣлаю, онъ находитъ правильнымъ, оказываетъ мнѣ полное довѣріе. Развѣ нашъ бракъ не идеаленъ?

А я не поправляю болѣе своей прически и не волнуюсь, когда онъ входитъ—по Вейнингеру такъ поступаютъ всѣ женщины—когда входитъ мужчина. Правда, мы это дѣлаемъ по отношенію всѣхъ мужчинъ за исключеніемъ тѣхъ, кого мы раньше любили. „Искусство созидаетъ, наука разрушаетъ чувственный міръ; поэтому художникъ эротиченъ и чувственъ, а человѣкъ науки внѣ чувственности“—говоритъ Вейнингеръ. Это имѣетъ основанія. Во всякомъ случаѣ, чувственность быстро исчезаетъ при научномъ трудѣ. Можетъ быть, многое въ жизни ученымъ показалось бы легче, если бы они не вступали бы въ бракъ на вѣки-вѣчности. А художники! Что же намъ показываетъ жизнь, что видимъ мы въ жизни?

Много или сильно эротическихъ натуръ живутъ всю жизнь въ счастливомъ единобрачіи? Въ дѣйствительности, а не только по внѣшнему счастливомъ?

Вейнингеръ говоритъ: „Общее воззрѣніе, что мужчины расположены къ многобрачію—неправильно. Женщины болѣе склонны къ нему“. Чтобы приблизиться къ истинѣ, надо бы сказать, что отъ природы оба пола склонны къ полигаміи, но что воспитаніе женщины долгое время порабощало въ ней эту склонность, тогда какъ большинство мужчинъ безъ помѣхъ живутъ въ многобрачіи. Здоровый нормальный мужчина лишь въ рѣдкихъ случаяхъ зналъ одну женщину, а большинство женщинъ знаетъ, безъ сомнѣнія, одного только мужчину. И для многихъ этого совершенно достаточно. Частые роды не рѣдко убиваютъ половое влеченіе. При продолженіи рода на долю женщины выпадаетъ такая безконечно тяжелая роль, что неудивительно, если онѣ довольствуются однимъ мужчиной. Но что мужчины любятъ нѣсколькихъ женщинъ сразу—это, конечно, невѣрно, на это они такъ же неспособны, какъ и мы. Кто дѣйствительно любитъ—принадлежитъ всѣмъ тѣломъ и всей душой одному—пока длится эта любовь. Но къ сожалѣнію, она зачастую длится недолго.

Когда кто-либо спрашиваетъ, какъ упорядочить ужасныя отношенія половъ—моралисты отвѣчаютъ: устраненіемъ между ними всякой чувственной связи. Какъ будто это отвѣтъ! Вѣдь вопросъ

заключается именно въ томъ, что надо дѣлать, пока существуютъ люди на свѣтѣ.

При трезвомъ разсмотрѣніи часто кажется, что единственно возможенъ тотъ порядокъ, при которомъ дѣтямъ полагаются писаные законы, а зрѣлымъ людямъ предоставляется полная свобода. Но дѣти принадлежатъ матери и поэтому матріархатъ—единственная возможная основа для какого-либо порядка.

Въ сущности, отецъ въ болѣе глубокомъ внутреннемъ смыслѣ совершенно свободенъ по отношенію къ своему ребенку. Внѣшнія условія, степень его человѣческаго развитія, его душевныя склонности и его любовь къ матери, предначертываютъ степень его отвѣтственности передъ ребенкомъ. Развѣ случалось, чтобы отецъ изъ стремленія жить со своимъ ребенкомъ, изъ любви къ нему когда-либо спрашивалъ о своемъ незаконномъ дитяти? Въ лучшемъ случаѣ—мужчина выучивается любить ребенка, который выростаетъ рядомъ съ нимъ. Мать срастается съ ребенкомъ съ перваго дня жизни эмбріона. Если она не можетъ жить для него и съ нимъ—ей лучше убить его, такъ какъ она убиваетъ въ себѣ человѣка. Она не можетъ оторваться отъ него.

Въ матріархатѣ, который, будучи перенесенъ въ цивилизованную эпоху, вовсе не означалъ бы многомужества, не было бы ничего смѣшного, но мужчина самъ создаетъ и приводитъ въ осуществленіе всѣ законы и обычаи, а также положенія, касающіяся полового вопроса, о которомъ можно сказать, что ему еще далеко до окончательнаго упорядоченія, — но гдѣ же мужчина, который создалъ бы цивилизованный патріархатъ?

* * *

Всѣ мужчины были мнѣ безразличны; они становились всѣ незначительными въ сравненіи съ моимъ старымъ добрымъ другомъ, склоненнымъ за своими книгами. И кромѣ него — ни одинъ изъ нихъ не заставилъ биться мое сердце. Мнѣ было тридцать три года, я сама иногда называла себя матроной, а тридцатилѣтнихъ мужчинъ—мальчиками.

Я немного располнѣла, но мнѣ говорили, что я выгляжу еще молодой.

Нѣкоторыя мои работы были признаны художественными, говорили о моемъ талантѣ, но я чувствовала себя отвратительно. Я знала, что мой талантъ ничтоженъ и жалокъ. Но больше всего меня смущало, что я дала заглянуть всѣмъ въ свою многотрепетную душу. Это было тяжело. У меня было такое чувство, будто я раздѣлась до нага на глазахъ у всѣхъ и мнѣ хотѣлось, чтобы земля разверзлась и поглотила меня, скрыла бы меня навсегда.

Почему я взяла на себя эту тяжесть?

Внутреннее ли стремленіе было черезчуръ сильно и оно

заставило меня это сдѣлать? Нѣтъ, это былъ инстинктъ самосохраненія, попытка освободить себя этой первой работой, „снова найти себя самое". Фантазія моя работала усердно, у меня было всегда тысяча идей, но выполненіе ихъ никогда не составляло для меня естественной необходимости. Напротивъ, собраться съ силами и начать работать,—это требовало черезчуръ большаго напряженія воли. Но когда я бралась за осуществленіе своихъ идей, я на нѣкоторое время становилась спокойнѣе. Мнѣ нужно теперь одно: работа во что бы то не стало.

Какая бы то ни было работа, но только работа. Я ненавижу лѣность и всѣ праздныя женщины, которыя проводятъ свои дни въ пріемныхъ портнихъ, въ парикмахерской и на глупѣйшихъ вечерахъ — мнѣ противны? Я не знаю ничего болѣе тоскливаго, чѣмъ истеричныя старѣющія женщины, унижающіяся въ борьбѣ со старостью до разныхъ смѣшныхъ вещей, въ надеждѣ еще разъ возбудить любовь мужчины.

Все—только не это. Мнѣ бы хотѣлось имѣть кусокъ земли, на которой бы все расло и цвѣло, и домъ, въ которомъ бы не было мѣста ни одной праздной мысли. И я предлагала своему мужу купить маленькое имѣніе, гдѣ бы мы могли пожить, когда состаримся, на свѣжемъ воздухѣ и за здоровой работой. Мнѣ невыносима мысль о медленномъ умираніи въ комнатѣ. Онъ улыбается и говоритъ: „Хорошо, если ты хочешь взять на себя заботу объ этой землѣ, то мнѣ эта мысль не непріятна. Тамъ бы можно было мирно пожить, т. е. ты нашла бы достаточно работъ и могла бы примѣнить свои силы и свой административный талантъ".

И я начинаю задумываться и осматриваться; но мужъ мой такъ безнадежно-равнодушно относится къ моему плану, что я, наконецъ, устало бросаю все.

Я все болѣе и болѣе ищу общенія съ людьми внѣ дома. Мнѣ нужно видѣть людей, слышать говоръ, смѣхъ.

Иногда я, уходя, говорила мужу: „Ты знаешь, я иду веселиться!"

Онъ улыбался: „Веселись, пока это тебѣ доставляетъ удовольствіе".

И я отвѣчала съ сознательнымъ желаніемъ дать почувствовать ему горечь моихъ словъ: „Не всегда идутъ веселиться, чтобы получить удовольствіе!"

И онъ уходилъ, не глядя на меня и не возражая ни слова.

* * *

По средамъ у насъ были собранія. Мы поочереди собирались другъ у друга и рѣдко приходили со своими мужьями. Къ счастью, у нихъ почти всегда въ этотъ день „засѣданіе". И эти странныя „засѣданія", которыми полна жизнь мужчинъ и кото-

рыя вызываютъ отчаяніе всѣхъ молодыхъ женъ, казались намъ очень удобными.

Если же случалось, что въ нашемъ веселомъ кружкѣ появился хозяинъ дома, мы задорно восклицали: а мужчины? И мы выступали съ рѣчами противъ него, мы острили на счетъ мужчинъ. Но мы всегда оставались любезными, немного кокетничающими, свѣтскими дамами и въ нашихъ словахъ не чувствовалось горечи. Мы все понимали—даже мужчину [1]).

Мы были образованные взрослые люди, которые разумно смотрѣли на жизнь. Вотъ и все.

Когда мы слышали, что новая пара вступаетъ въ бракъ, мы смѣялись. „Снова попались!"—говорили мы. Это было все, что мы могли сказать.

Мы вѣдь знали, что это нѣчто неминуемое. Я смѣшалась съ этимъ хоромъ увѣренныхъ и „законченныхъ" женщинъ, я даже стала его регентомъ. Я была теперь весела, научилась смѣяться. Быть можетъ, мой смѣхъ былъ немного нервенъ, но онъ дѣйствовалъ бодряще на другихъ. Часто онѣ говорили мнѣ: „вотъ бы быть такой, какъ вы!" У нѣкоторыхъ изъ нихъ случались минуты откровенности и тогда онѣ признавались, что не всегда онѣ умѣютъ смѣяться. Еще не всегда, но это—ихъ цѣль.

Если бы хотя одна изъ нихъ знала, какъ далека я отъ смѣха въ часы одиночества! Какъ неувѣрена я и какъ полна горечи, какъ я томлюсь и рыдаю!

Но я говорила:—Послушайте-ка, mesdames, жаловаться на жизнь и плакать, что можетъ быть хуже этого? Бѣжать съ поля жизни—трусость! Жизнь прекрасна! Жизнь должна быть прекрасной!—„Сильная женщина улыбается на встрѣчу грядущему дню!" А развѣ мы не сильны? Это только мужчины хотятъ насильно сдѣлать женщинъ слабыми!

И мы насмѣхались надъ мужскимъ непониманіемъ психологіи женщинъ, которое мы встрѣчаемъ повсюду, надъ глубокомысленнымъ анализомъ нашихъ чувствъ и ощущеній въ бракѣ и внѣ его, во время беременности и внѣ этого времени.

„Никогда еще,—говоритъ Вейнингеръ,—беременная женщина не дала въ чемъ-либо выраженія своимъ чувствамъ,—будь это въ стихахъ, въ мемуарахъ, гинекологической статьѣ. Развѣ причина здѣсь также гнетъ мужчины? Если мы вообще обязаны исключительно мужчинамъ за дѣйствительно цѣнныя разъясненія психологіи женщины, то чувства беременной женщины также изображены исключительно мужчинами. Какъ они могли это сдѣлать?"

[1]) „Если женщина понимаетъ мужчину, — говоритъ Вейнингеръ,— о возможности этого пониманія мы еще поговоримъ потомъ,—она всегда пропитана (какъ ни безвкусно это выраженіе) всѣмъ тѣмъ, что онъ думаетъ". Пожалуй, что это вѣрно, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ.

Правильный вопросъ. Въ особенности, если они не женаты. Тогда понятно возраженіе Вейнингера. Онъ говоритъ, что въ этомъ случаѣ мы должны руководиться женскимъ элементомъ въ мужчинѣ: посредствомъ него онъ можетъ понять женщину. Но не вѣрнѣе ли будетъ признать, что мужчина узнаетъ всю эту премудрость отъ самой женщины, т. е. маленькую часть освѣдомленности. Потому что у беременной женщины является естественная потребность найти утѣшеніе у любимаго мужчины, найти у него пріютъ и разрѣшеніе всѣхъ загадокъ. Онъ является единственнымъ, которому она можетъ довѣриться въ это время; единственнымъ, отъ кого она не скрывается. Но мнѣ кажется, что мужчины, наблюдающіе за нами, когда мы беременны, представляютъ себѣ насъ гораздо болѣе сложными, чѣмъ мы есть на самомъ дѣлѣ. Часто женщины смотрятъ на беременность, какъ на тяжесть, которую имъ надо терпѣливо сносить. Немного капризныя и раздражительныя отъ физически непріятныхъ ощущеній, онѣ цѣпляются за мужа и требуютъ отъ него утѣшенія и вниманія. Или же онѣ настроены враждебно противъ него, потому что онъ „виновенъ" въ ихъ мученіяхъ. Въ общемъ въ это время даже самыя развитыя женщины живутъ болѣе безсознательно, чѣмъ когда-либо" [1]). И развѣ это не вполнѣ естественно? „Все въ женщинѣ — загадка,— говоритъ Ницше,—и все въ женщинѣ имѣетъ разрѣшеніе: это беременность". Это вѣрно. И все-таки женщина во время беременности является величайшей загадкой для себя самой. То, что мы даемъ отъ себя для сотворенія новаго человѣка, слишкомъ велико; наша жизнь является въ рукахъ природы орудіемъ творчества. Если бы даже мы, какъ Адамъ, когда изъ его ребра создалъ Богъ Еву—„впали бы въ глубокій сонъ"—въ этомъ бы не было ничего удивительнаго. Характерно, что обыкновенно въ это время мы носимся съ мыслью о смерти, собственно не страшась ея. Я помню, какъ я совершенно спокойно обдумывала, кому достануться мои красивыя ночныя сорочки, „если мнѣ уже не придется носить ихъ". Но надъ смертью я не задумывалась. Я грезила о ребенкѣ, и странны, неопредѣленны были эти грезы, и сердце мое трепетало отъ радости и страха, когда я чувствовала его движенія подъ своимъ сердцемъ.

Я, какъ всегда, ждала тогда какого-то чуда. Иногда я чувствовала настоящій экстазъ. Все это превышало мое пониманіе. Тѣло мое казалось мнѣ чѣмъ-то священнымъ, съ чѣмъ надо обращаться съ благоговѣніемъ, и, несмотря на тяжесть беременности, я была горда и самонадѣянна. Заботы моего мужа я принимала, какъ должное поклоненіе, его роль въ жизни казалась мнѣ мелкой и ничтожной въ сравненіи съ моей.

Первое время было самое тяжелое. Физическое недомоганіе

[1]) „Полъ и характеръ", стр. 243.

было настолько велико, что все остальное исчезало. Но самое ужасное была, должно быть, первая беременность. Меня охватилъ ужасъ. Отъ всего можно было уйти, только отъ этого нельзя было скрыться. Я рыдала и чувствовала жалость къ себѣ, но въ то же время ни за что не согласилась бы разстаться съ своимъ положеніемъ. Напряженность ощущеній казалась мнѣ чудесной.

Въ сущности, утѣшенія мужа нисколько не помогали мнѣ. Но мнѣ нравилось слушать его, опираться на его сильную руку. У насъ была тогда одна кровать и мнѣ это было непріятно. Когда затѣмъ я спала отдѣльно, я почувствовала точно облегченіе. Мнѣ хотѣлось тогда, чтобы онъ всю ночь сидѣлъ возлѣ моей постели и держалъ мою руку. Я такъ хорошо и увѣренно чувствовала себя съ нимъ.

Но днемъ меня охватывало неудержимое стремленіе заботиться о немъ, быть возлѣ него, окружать его лаской. Мать вытѣснила любовницу. Послѣднее время я стѣснялась присутствіе чужихъ. Но душа моя ликовала. Теперь я смотрю на тебя свысока,—умный важный человѣкъ—думала я, глядя на мужа. Время тянулось ужасно медленно; я перестала помнить себя съ нормальной фигурой. Я уже ждала, когда наступитъ разрѣшеніе. На послѣднемъ мѣсяцѣ болѣзненность и страхъ исчезли, пока не начались первыя боли.

Тогда я похолодѣла отъ ужаса. Впрочемъ, въ послѣднее время любопытство заглушило во мнѣ всякое другое чувство. Я не могла долѣе выносить этого, какъ вѣчность, длящагося ожиданья. Когда я увижу свое дитя? Какимъ будетъ оно? Возможно ли, что скоро у меня на рукахъ будетъ живое существо, ребенокъ, принадлежащій мнѣ и ему? Напряженность ожиданія дѣлала меня нервной. Я любила также мечтать о себѣ, какъ о матери.

Нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ молодая красивая мать съ маленькимъ выхоленнымъ ребеночкомъ на рукахъ. Ничто такъ не украшаетъ молодую женщину.

Но когда наступило время родовъ и муки мои достигли крайнихъ предѣловъ, я подумала: весь міръ лжетъ! Ни одинъ человѣкъ, даже собственная мать, не говоритъ намъ честно, какому ужасу идемъ мы навстрѣчу. Но если только я не умру, я крикну на весь міръ о томъ, что̀ это за ужасъ!

Когда же я услышала крикъ ребенка, у меня закружилась голова и горе и боль—все расплылось въ радостныхъ слезахъ. Сердце мое исполнилось хвалой и благодарностью.

Дать жизнь ребенку! Мужчины не переживаютъ ничего похожаго на это чувство.

Мужъ мой просидѣлъ первый вечеръ возлѣ меня и, когда онъ взялъ мою руку и поцѣловалъ меня въ лобъ я сказала: „Бѣдный!“ Онъ улыбнулся, не понимая меня, покачалъ головой и спросилъ: „Я?“ И должно быть, подумалъ, что я не вполнѣ сознаю,

что говорю, когда я продолжала: „Да, бѣдный, ты не можешь произвести на свѣтъ ребенка!“

Но я говорила серьезно. Я уже забыла о родовыхъ мукахъ. И когда я ждала своего дорогого ребенка, я была спокойна и весела.

Я предполагаю, что большинство женщинъ проводитъ беременность въ такомъ же состояніи. Я знаю многихъ и ни одна изъ нихъ не испытывала ничего необычнаго.

Что нѣкоторыя беременныя женщины любятъ жевать жженный кофе, кислыя яблоки и т. п.,—это можно приписать просто желанію обратить на себя вниманіе.

Но мы говорили не только о заблужденіяхъ мужчинъ, темой разговора служили также женщины. Мы уже совершенно покончили съ погоней за эмансипаціей, съ достиженіемъ полнаго равноправія и смѣялись надъ тѣми, которыя могутъ еще серьезно говорить обо всемъ этомъ. Если женщина физически и духовно вполнѣ нормальна, она должна сознаться—въ томъ случаѣ, если она способна подняться до полной искренности,—что мы мало способны провести большую часть нашихъ лучшихъ лѣтъ за отвѣтственной и тяжелой дѣятельностью. Мы соглашались, что существуетъ и будутъ существовать границы, перешагнуть которыя мы не должны пытаться. Это значило бы желать пробить лбомъ стѣну съ надписью: до сихъ поръ и не дальше. Но у насъ оставалось еще большая область для труда и самостоятельности, которой не мѣшаетъ существованіе этой стѣны.

Мужчина свободенъ отъ работы надъ созданіемъ новаго человѣка и здоровый и нормальный онъ можетъ вернуться и отдаваться своей дѣятельности. Но наша работа надъ созданіемъ новаго человѣка —когда кончается она? Не раньше чѣмъ, когда дѣти взрослыми уходятъ отъ насъ. Потому что дѣти отъ вѣка принадлежатъ матери. Это естественно, все остальное—уродливо.

Но даже, если женщина не рождаетъ ребенка, она все же физически не свободна. Она несмотря на все—человѣкъ пола и подвержена періодическимъ напоминаніямъ объ этомъ, оставляющимъ слѣдъ въ ея душевной жизни.

Спросите зрѣлыхъ женщинъ, не зараженныхъ больнымъ вопросомъ равноправія, не находятся ли онѣ нѣсколько дней въ мѣсяцъ въ болѣе или менѣе безсознательномъ состояніи? И большинство изъ нихъ скажутъ, что это такъ. Выступить въ такіе дни въ роли судьи, напримѣръ,—это было бы преступленіемъ. Желанія женщины въ это время охвачены разными настроеніями, до желанія причинять боль кому-нибудь. Я никогда не согласилась бы вынести операцію женщины-врача, не удостовѣрившись раньше въ этомъ, что періодъ ненормальности (не только физической, но и духовной) уже завершился. Если она совершенно такъ

же дѣятельна, какъ и врачъ-мужчина все же она подчинена инымъ законамъ природы. Когда мы любимъ, мы также ненормальны [1]).

Всѣ наши дѣйствія тогда совершаются подъ вліяніемъ любви. Тогда мы сильны, но односторонни и слѣпы и не считаемся ни съ кѣмъ.

Быть можетъ, это тотъ новый полъ, который долженъ родиться (Шопенгауеръ), или же сатана со всѣми своими ангелами? Я не знаю этого, я только знаю, что мы во власти высшихъ силъ. Можно ли сомнѣваться въ этомъ? Бываютъ женщины, которымъ недоступно чувство любви. Какъ бы это ни было страшно, но это правда. Но въ ихъ душѣ пышно расцвѣтаютъ болѣзни души.

И если даже безплодныя женщины являются дѣйствительно полезными для общества, должна ли поэтому каждая молодая жизненная женщина стремиться къ этой цѣли, къ этой надеждѣ, стать какъ тѣ? Да, этого хотятъ комнатные философы, которые хотятъ, чтобы были безплодные люди, желающіе вымиранія людского рода.

Вейнингеръ хочетъ полнаго внѣшняго равноправія, потому что оно помогло бы женщинѣ освободиться отъ самой себя и стать мужчиной. Это его цѣль.

За эту же мысль сражаются женщины-феминистки въ своей слѣпой и ненормальной борьбѣ противъ Эроса—великаго, грѣховнаго губителя людей. Боже великій! Когда появится другой властелинъ міра, который снова выведетъ всѣхъ насъ подъ открытое небо!

Отъ книгъ и душныхъ комнатъ къ солнцу и свѣту!

А солнце жизни—это любовь. Аминь.

* * *

Существовала также категорія женщинъ, которыхъ мы презирали. Это были—мученицы долга.

Ничего не можетъ быть болѣе жалкимъ и казаться болѣе жалкимъ мужчинѣ, чѣмъ нѣмые молящіе глаза, которые устремляются на него съ болѣзненной жаждой ласки и вниманія, въ безсильномъ стремленіи возобновить потухающій огонь. Нѣтъ, тогда лучше полная свобода. Если внѣшнія условія не допускаютъ развода, надо притти къ какому-либо соглашенію.

Мы всѣ были здоровыя, холеныя, хорошо одѣтыя дамы, вполнѣ сознающія и наслаждающіяся сознаніемъ, что мы стали зрѣлыми и безупречными людьми. Мы подтрунивали надъ нашими морщинами и дерзкими сѣдыми волосами, появляющимися кое-гдѣ, но мы восхищались другъ другомъ и настраивали себя къ работѣ.

---

[1]) Мужчина боится женщину, когда онъ любитъ. Тогда она способна на всякую жертву и для нея все остальное лишено цѣны (Заратустра).

О нашихъ мужьяхъ мы говорили въ шутливомъ тонѣ. Иногда наши замѣчанія становились рѣзкими и злыми, но все-таки они оставались всегда въ границахъ уваженія и любезной тактичности. Вѣдь наша гордость: быть всегда безупречными. Но мы часто употребляли слово „бѣдный“, чувствуя притомъ свое превосходство и чрезвычайную силу по отношенію къ нимъ, которыхъ поглощала жизнь или напряженная дѣятельность.

Какъ-то разъ зашла рѣчь о томъ, чтобы пригласить нашихъ мужей на среду, открыть имъ даже совсѣмъ доступъ на наши собранія. Но нѣкоторыя изъ насъ запротестовали: „Только не это! Мы хотимъ хотя на короткое время освободиться отъ жеманства. Это постоянное кокетство такъ неудобно!“

И вскорѣ мы пришли къ заключенію исключить мужчинъ навсегда.

Но въ одну среду мы были непріятно поражены извѣстіемъ, что мужъ госпожи N. останется дома и вмѣстѣ съ своимъ старымъ другомъ, только что вернувшимся изъ Америки, приметъ участіе въ нашемъ кружкѣ. Что можно было предпринять?

Мужъ госпожи N. былъ мало общительный человѣкъ, а каковъ его другъ? Скоро мы увидали его. Это былъ какой-то медвѣдь, дикій звѣрь изъ степей Востока. Весь онъ состоялъ изъ цѣлаго лѣса рыжихъ волосъ и рыжей бороды, изъ золотыхъ очковъ и двухъ огромныхъ красныхъ рукъ.

Намъ казалось, что онъ никогда не жилъ въ домѣ. Онъ заполнялъ собой всю комнату и мы все время находились въ нервномъ состояніи, волнуясь за изящныя бездѣлушки и дорогія вазы изъ севрскаго фарфора г-жи N.

Только за столомъ онъ снизошелъ къ бесѣдѣ съ женщинами. До того онъ лишь бѣгло взглянулъ на насъ, увлекся бесѣдой съ хозяиномъ объ Америкѣ и воспоминаніями о прежнихъ дняхъ. Въ тонѣ, съ которымъ онъ говорилъ съ нами, слышалась небрежность, и это раздражало меня.

Выраженіе его глазъ, если его удавалось уловить за сверкающими стеклами очковъ,—было непріятное, ироническое. Оно граничило съ наглостью. Въ общемъ—чрезвычайно неудачная личность.

Онъ говорилъ, что ему доставляетъ удовольствіе снова находиться въ обществѣ норвежскихъ дамъ, и что здѣсь теперь царитъ другой тонъ.

„Все какъ будто измѣнилось. за исключеніемъ тебя,—обратился онъ къ хозяину дома,—ты все тотъ же словно ты пролежалъ все это время въ ящикѣ“. Я не могла удержаться отъ улыбки, это было не глупо сказано.

Наши глаза встрѣтились, онъ также улыбнулся и вдругъ поднялъ стаканъ. Это маленькій наивный жестъ поразилъ меня своей неожиданностью. Я покраснѣла, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка. Но развѣ можно простить тому, кто заставляетъ даму

моихъ лѣтъ краснѣть и терять самообладаніе? Я страшно разсердилась.

Я замѣтила, что онъ внимательно смотритъ на меня—и это немного смягчало мой гнѣвъ. Затѣмъ взглядъ его остановился на моихъ волосахъ.

Но въ общемъ я почувствовала бы себя на много свободнѣе, если бы этихъ зеленыхъ, желтыхъ или, можетъ быть, голубыхъ глазъ не было въ этой комнатѣ.

Дѣйствительно, это были голубые глаза, свѣтло-голубые. Можно ли себѣ представить что-либо болѣе смѣшное—и къ тому же—дѣтское ихъ выраженіе?!

Въ началѣ намъ никакъ не удавалось вернуть нашу прежнюю веселость. Онъ стѣснялъ насъ. Мы стали не свободными и рѣшили между собой, что такіе случаи не должны болѣе повторяться.

Мы собрались вокругъ нашего обычнаго крюшона, и это понравилось медвѣдю.

Вдругъ онъ обратился ко мнѣ: „Теперь здѣсь совсѣмъ другое настроеніе, чѣмъ раньше,—сказалъ онъ.—И молодыя дамы тоже такія?"

— „Что вы хотите сказать?"

— „Похожи ли болѣе молодыя норвежки на этихъ милыхъ дамъ? Въ такомъ случаѣ я буду очень радъ побывать въ ихъ обществѣ".

Я возразила, что мнѣ не приходится встрѣчаться съ ними и повернула ему спину. Его манера говорить съ нами казалась мнѣ оскорбительной. Я сѣла за другой столъ и пыталась одушевить общество.

Вскорѣ подошелъ къ намъ хозяинъ дома и замѣтилъ, смѣясь: „Мой другъ уже напрашивается на слѣдующую среду. Вамъ придется открыть двери вашего клуба также для насъ, мужчинъ".

„Вотъ этого еще недоставало!"—воскликнула я невольно. Больше я ничего не могла сказать. Мы стали шутить, я оживилась, выпила нѣсколько стакановъ крюшона и оживленію уже не было удержу. Я говорила, не умолкая [1]), увлекала другихъ къ бесѣдѣ, и, наконецъ, мы очутились въ дикой борьбѣ словъ и остротъ съ обоими мужчинами.

— „Пусть онъ почувствуетъ, что сунулъ руку въ осиное гнѣздо,—думала я,—и надѣюсь, что онъ потеряетъ желаніе участвовать въ дальнѣйшихъ нашихъ вечерахъ".

— „Да, да,—говорилъ онъ,—это дѣйствительно удовольствіе побывать снова съ людьми".

— „Но вѣдь женщины — не люди, — смѣялась я. — Соломонъ говоритъ: между тысячью я нашелъ одного человѣка, но не нашелъ ни одной женщины между ними".

[1]) „Женщина кокетничаетъ, болтаетъ, но не разговариваетъ,—говоритъ Вейнингеръ,—но всего опаснѣе, когда она молчитъ, потому что мужчина слишкомъ склоненъ принять нѣмость за молчаніе".

— „Да, да,—возразилъ онъ,—я знаю, что Соломонъ говоритъ, что горче смерти—женщина, и что кто добръ, тотъ избѣгаетъ ея, а грѣшника она поймаетъ“. Такъ, кажется? Но развѣ мы всѣ не грѣшники?“

— „Ну да, конечно, вы, мужчины! Мы, женщины, не можемъ даже грѣшить, и все же Магометъ закрылъ для насъ рай. А развѣ мужчины не заботились ежедневно о томъ, чтобы защищаться отъ насъ, не давая намъ или ничего, или слишкомъ много?“

— „Совершенно вѣрно, очень затруднительно указать женщинѣ соотвѣтствующее мѣсто. И все-таки, по моему мнѣнію, китайцы слишкомъ далеко зашли, когда они утверждаютъ, что бездѣтны, если у нихъ только дочери!“

— „Неужели! Что бы такое ни говорили о васъ, мужчинахъ,— надо все-таки сознаться, что вы благородны!“

Мы смѣялись и наши диспуты затянулись до поздняго часа.

Я поднялась, чтобы прощаться и остановилась на мгновеніе одна у камина. Вдругъ онъ подошелъ ко мнѣ. Онъ смотрѣлъ на меня съ улыбкой и сказалъ:—„Вы—исключительная женщина!“

Я насмѣшливо улыбнулась: „Вотъ какъ!“

— „Не только, потому, что вы не носите корсета и причесываетесь на старинный ладъ, обертывая косу вокругъ головы, но въ васъ много юмора“.

Я презрительно взглянула на него.

— „Вѣдь это обычная добродѣтель мужчинъ“.

— „Вотъ въ томъ-то и дѣло,—развѣ женщина написала когда-либо комедію? На врядъ ли.

— „Возможно,—возразила я,—меня это не особенно интересуетъ. Покойной ночи“.

И я ушла. Къ сожалѣнію, я только могла повернуть ему спину, и я жалѣла о томъ, что у меня не было сто спинъ.

— „Почему я не ударила его“, думала я, быстро спускаясь съ лѣстницы.

* * *

„Въ женщинѣ слишкомъ долго скрывались рабъ и деспотъ. Поэтому женщина неспособна къ дружбѣ, ей только доступна любовь.

„Итакъ, женщина еще неспособна къ дружбѣ. Но скажите мнѣ, вы, мужчины, кто изъ васъ способенъ къ ней?“

(*Заратустра*).

Въ слѣдующій разъ клубъ долженъ былъ собраться у меня. Я нервничала и волновалась. Въ сущности, мнѣ все надоѣло. Вѣдь все это было безсмысленно. Мы вперегонку мчались прямо въ могилу. И мы назначали призы для тѣхъ, кто громче всѣхъ умѣлъ смѣяться, больше всѣхъ болтать, чтобы не очнуться и не понять, куда мы спѣшимъ, чтобы не услышать, какъ впереди насъ катятся камни въ пропасть. Какъ печально было все это и какъ смѣшно! И если бы на небѣ сидѣло высшее существо и

глядѣло бы на эту дикую пляску и на это безумное веселье у самой пропасти, оно бы смѣялось и рыдало.

Нѣсколько дней я просидѣла спокойно въ своей комнатѣ, прислушивалась къ пульсу своей души и чувствовала какъ лицо мое покрывается морщинами. И, наконецъ, я поднялась, заломила руки и сказала сама себѣ: нѣтъ, не надо умиранья, не надо комнатной смерти! Я еще хочу бороться съ жизнью. Бороться съ кѣмъ бы то ни было—только ни съ этой всепоглашающей тишиной!

Я хочу съ нимъ бороться! И я показала себѣ самой упрямое лицо въ зеркалѣ. Да, я хочу! Двѣ-три морщины не испугаютъ меня.

Въ одно мгновеніе я усѣлась за письменный столъ и чертила слѣдующія строки госпожѣ N:

Милая Марія!

Чрезвычайно любезно со стороны твоего мужа, что онъ намѣренъ посѣтить нашъ клубъ въ среду у меня. Разумѣется, я буду очень рада видѣть его. Но его другъ! Это самый наглый изъ всѣхъ мужчинъ, съ которыми я имѣла честь встрѣчаться. И что за видъ! Какое-то животное. Я увѣрена, что когда онъ одинъ, онъ ползаетъ на четверенькахъ.

Но твой мужъ хотѣлъ этого и ты сама сдѣлала начало. Къ счастью, мы благовоспитаны и поэтому я пошлю ему свой адресъ.

Жду въ среду! Твоя Ева.

Одновременно я торопилась отправить медвѣдю слѣдующее посланье:

Господинъ инженеръ!

Такъ какъ Вы въ прошлую среду совершили рискованный шагъ и предложили г-ну N зачислить васъ въ члены нашего клуба, я считаю долгомъ увѣдомить васъ о томъ, что слѣдующее собраніе назначено у меня. На всякій случай упоминаю о томъ, что всѣ члены нашего клуба совершенно свободны и не обязаны посѣщать собранія.

Ваша Ева С...

На другой день я получила слѣдующее письмо отъ г-жи N:

Дорогая Ева!

Ты, право, черезчуръ наивна! Само собою разумѣется, что мужъ мой пошутилъ, а также и „животное“. Они оба не станутъ надоѣдать тебѣ. Впрочемъ, „животное“ гораздо лучше, чѣмъ выглядитъ. Онъ умный и простой парень! Онъ пережилъ много тяжелаго и сталъ вслѣдствіе этого какъ будто циниченъ. У него на Востокѣ было какое-то дѣло, и изъ-за него онъ потерялъ свое положеніе. Но его товарищи—между ними мой мужъ—увѣрены въ его безупречности и любятъ его.

Забудь обо всемъ этомъ. У тебя вѣдь нѣтъ никакихъ обязанностей по отношенію къ нему. Мой мужъ шлетъ тебѣ привѣтъ. Ему нездоровится, такъ что на него не разсчитывай, онъ не придетъ.

Съ нетерпѣніемъ жду нашего веселаго дамскаго дня. Прошлый разъ мы немного выбились изъ колеи.

Твоя Марія.

Я прикусила губу и бросила письмо въ огонь. За обѣдомъ я съ большимъ жаромъ и ѣдкой критикой разсказала своему мужу объ американскомъ медвѣдѣ, ворвавшемся въ наши мирныя собранія.

Мнѣ становилось легче, когда я говорила.

Итакъ, надо было ожидать отвѣтъ, полный ироніи. На это онъ былъ способенъ. Но день прошелъ, а письма не было. Вечеромъ я расхаживала по комнатѣ, не находя себѣ покоя. Гм... вѣжливый господинъ, даже не отвѣчаетъ. Быть можетъ, онъ смѣется надъ моимъ письмомъ! Считаетъ лишнимъ отвѣтить. Ликуетъ! Мнѣ становилось жарко за этими размышленіями.

Мнѣ предстояла работа, которая угнетала меня. Я точно въ лихорадкѣ принималась за нее. Я пыталась начать работать. Но какъ только я сталкивалась лицомъ къ лицу съ нею, меня охватывалъ страхъ. Я не знала, что дѣлать: меня влекло къ ней и все-таки я не знала, какъ подойти. Точно какая-то мучительная тайна шла между мною и „высшими силами". Нѣтъ, я не могла коснуться ея здѣсь, среди людей и стѣнъ.

Мнѣ нужно уйти съ нею далеко, гдѣ нѣтъ никого, гдѣ никто не можетъ услышать меня. Здѣсь у каждой двери, черезъ которую я входила и выходила, оставалась частица моего „я" и каждый человѣкъ, съ которымъ я говорила, кралъ у меня часть моей души.

А къ этой работѣ я должна была притти богатой и съ цѣльной душой, какъ къ любимому мужчинѣ.

Ахъ, какія благозвучныя извиненія! Я не могла, я не была богатой,—вотъ въ чемъ дѣло.

И все-таки казалось, что теперь наступилъ моментъ для этой работы. Я собралась силами, сдѣлала попытку, но слезы покатились изъ моихъ глазъ. Я вскочила и, заломивъ рукъ, расхаживала по комнатѣ. Я была на границѣ безумія. Боже мой, но что случилось? Я сдѣлала маленькую глупость, совсѣмъ маленькую глупость, пустякъ, который можно бы снести. Но передъ собой я видѣла лицо въ рамкѣ рыжей бороды, и два глаза съ выраженіемъ отвратительной ироніи.

Да, милая моя, ты на пути къ безумію. И инстинктивно, словно желая избѣжать несчастія, я вдругъ увѣренно и быстро вошла къ мужу. Онъ смущено и разсѣянно оторвалъ глаза

отъ своей работы. И я вдругъ смутилась, точно школьница, и спросила его о какой-то квитанціи. Мнѣ въ маѣ дважды подали одинъ и тотъ же счетъ, но пусть онъ не ищетъ, говорила я ему, я потомъ приду за ней. И я снова вышла и снова слезы полились изъ моихъ глазъ.

Мнѣ хотѣлось разсказать ему о своей глупой выходкѣ относительно письма и о безграничной невѣжливости этого человѣка и спросить его, какъ мнѣ поступить. Мнѣ хотѣлось еще разсказать ему, какъ я зла на того господина.

Но я была одна. Всегда одна. Между нами было разстояніе въ тысячу миль. Да, если бы меня дѣйствительно кто-либо оскорбилъ, онъ собрался бы съ силами, чтобы помочь мнѣ. Но въ этомъ случаѣ онъ бы только улыбнулся и сказалъ: это пустякъ, моя милая, не волнуйся, успокойся.

На другое утро я получила письмо съ чужимъ почеркомъ. Я бросилась въ свою комнату, закрыла двери на ключъ и долго держала письмо въ рукахъ, не рѣшаясь раскрыть его. Сердце стучало въ моей груди.

Я вспоминала свое женское достоинство, свои годы и смѣялась надъ собой. Что за глупость! И, наконецъ, я дрожащей рукой раскрыла конвертъ. Прежде всего мнѣ бросился въ глаза крупный неуклюжій почеркъ.—Медвѣжья лапа,—подумала я. Я прочла слѣдующія строки:

Глубокоуважаемая г-жа С.! Шлю вамъ свою благодарность. Конечно, я приду.

Съ уваженіемъ вашъ Н. И.

„Я приду! Конечно!“ Совсѣмъ просто! Весь онъ былъ словно одно большое „я“!

Я поднялась, походила по комнатѣ и съ раздраженіемъ скомкала письмо. Но вѣдь въ такомъ случаѣ долженъ присутствовать также мой мужъ и всѣ другіе мужчины и вообще все надо измѣнить. Нѣтъ, нѣтъ. Этого не будетъ, я нарочно заболѣю.

Онъ придетъ! И вдругъ я бросилась на диванъ и зарыдала, будто сердце мое разрывается на части. Боже мой, да я вѣдь уже больна!

* * *

На другое утро, когда мой мужъ отправился въ библіотеку, а дѣти въ школу, я вся превратилась въ дѣятельность. Я хотѣла все вокругъ себя устроить по своему вкусу, я разставила цвѣты, положила березовыя дрова въ каминъ. Я хотѣла приняться за работу. Сегодня у меня такое чувство, будто я очень далеко отъ свѣта, и будто я безконечно одинока. Но я усѣлась передъ каминомъ и устало опустила руки.

Раздался звонокъ, и горничная принесла мнѣ его карточку.

Быстрѣе, чѣмъ я пишу эти слова—я очутилась у зеркала, набросила на шею большой кружевной шарфъ, воткнула въ волосы высокій гребень изъ черепахъ. Я едва успѣла взглянуть на свои руки, и онъ уже стоялъ предо мной.

Онъ благодарилъ за письмо. Оно его пріятно поразило. Онъ совсѣмъ не ожидалъ, чтобы его шутка могла быть принята серьезно. Я, безъ сомнѣнія, никогда въ жизни не краснѣла такъ густо и онъ далъ мнѣ понять, что онъ это видитъ. Снова его ироническая улыбка! И снова въ моемъ мозгу промелькнула мысль: зачѣмъ ты не бьешь его! Но я лепетала какую-то безсмыслицу: вы напрасно это думаете, тутъ нѣтъ никакой любезности, нельзя же быть невѣжливой. Онъ улыбался, поклонился и сталъ оглядываться, нисколько не смущаясь.

Я предложила ему стулъ у камина.

— Какъ у васъ хорошо здѣсь! Сколько красокъ!

— Да, я люблю краски.

— Эта комната похожа на васъ... Смѣлые, неожиданные переходы.

— Позвольте предложить вамъ сигару? Вотъ ящикъ моего мужа.

— Съ удовольствіемъ (Пауза).

— Выпьете стаканъ вина? Прохладное вино рейнское?

— Въ зеленыхъ бокалахъ, конечно, они подойдутъ сюда. Знаете, сударыня, вы черезчуръ стильны.

— То есть, что вы этимъ хотите сказать?

— Это почти кажется дѣланнымъ. Словно стремленіе къ артистическому. Я долженъ вамъ сказать: я не переношу артистовъ. Это не люди.

— Гм.! А я собственно не выношу другихъ людей, кромѣ артистовъ. Именно потому, что въ нихъ больше человѣчнаго, они невиннѣе и наивнѣе. И они не лишены настроенія, какъ часто лишены его люди практической жизни.

Мы пили вино и бесѣдовали. Онъ возражалъ противъ всего, что я говорила, поверхностно относясь къ моимъ взглядамъ и не признавалъ справедливости, когда дѣло касалось женщинъ. Я думала про себя: какой контрастъ съ моимъ справедливымъ благородно-мыслящимъ мужемъ!

Онъ сидѣлъ не долго и, раставаясь, мы оба пришли къ заключенію, что врядъ ли существуютъ на свѣтѣ двѣ болѣе различныя индивидуальности, чѣмъ мы оба. Мы, вѣроятно, ссорились бы съ утра до вечера. И я не встрѣчала человѣка болѣе сварливаго, добавила я. Я была въ скверномъ настроеніи, когда онъ ушелъ. Онъ дѣйствительно могъ испортить всякое настроеніе. Я не выносила его.

Конечное заключеніе: вечеръ въ среду не долженъ состояться.

Но вышло совсѣмъ наоборотъ. Пригласили всѣхъ мужей, изъ нихъ пришло двое.

Мой бѣдный мужъ, который въ душѣ, конечно, былъ въ отча-

знія, терпѣливо взялъ на себя роль хозяина. Впрочемъ, къ концу вечера между нимъ и медвѣдемъ завязался разговоръ о естествовѣдѣніи и противъ ожиданія все прошло великолѣпно.

Но когда всѣ ушли, я устало бросилась на диванъ. Я была разочарована. Ахъ, какъ все было пусто и грустно!

Нѣтъ, только не эти отчаянные вечера съ супругами, „чувствующими себя обязанными". Взрослые люди должны быть свободны, каждый для себя.

Мужъ мой уѣхалъ за границу и медвѣдь являлся каждую среду. Мы и такъ встрѣчались все чаще и чаще и я, наконецъ, открыла человѣка подъ медвѣжьей шкурой. Мы стали добрыми друзьями, не церемонились другъ съ другомъ, ни въ чемъ рѣшительно не сходились и поэтому у насъ всегда находился матеріалъ для бесѣды и спора. Я стала настоящей спорщицей и случалось, что я его смущала массою парадоксовъ и смѣлыми утвержденіями.—Какъ это возможно,—говорилъ онъ часто,—то такая безупречная женщина, какъ вы, относится совершенно безчувственно къ нравственности, религіи, отвѣтственности и ко всѣмъ другимъ ощущеніямъ, необходимымъ женщинѣ и современному обществу. Вѣдь вы дикарка изъ лѣсовъ Африки.—И я возражала ему, что онъ со своимъ возмутительнымъ превосходствомъ прогоняетъ меня въ первобытные лѣса. И всегда все кончалось смѣхомъ и увѣреніемъ, что я „нравственно испорченный чнловѣкъ".

Такъ проходила зима и онъ чувствовала себя недурно въ роли друга-товарища.

Но „слишкомъ долго въ женщинѣ скрывались деспотъ и рабъ. Поэтому женщина неспособна къ дружбѣ; она только знаетъ любовь".

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

„Въ любви—доля безумія, но въ безуміи—доля разума".

Ницше.

И прежде чѣмъ наступила весна—свершилось безуміе. Я любила. Совершенно противъ моей воли и противъ моего желанья. Это произошло такъ неожиданно—я потеряла разсудокъ. Я не могла никакъ притти въ себя. Почему я должна любить? Вѣдь я не хочу, не хочу, не хочу! О, возлюбленный, отчего ты сталъ на моемъ пути! Отчего ты не ушелъ раньше, сейчасъ, давно? Почему ты не защитилъ меня отъ этого, ты, умный и взрослый? Теперь уже было поздно, объ этомъ намъ каждый разъ говорили при встрѣчѣ наши глаза. Мы погибли. Насъ трепетно влекло другъ къ другу, но вдвоемъ мы были нѣмы и смущены. Только разъ наши руки встрѣтились и горячее рукопожатіе сказало намъ все. Я прошептала: „Уѣзжайте!!"

Но онъ оставался. Мы жили въ какомъ-то страхѣ и прислушивались другъ къ другу—двѣ души и два тѣла, въ трепетной и боязливой нѣжности стремящіеся одинъ къ другому. Два взрослыхъ человѣка, передъ которыми зіяла пропасть и которые не обладали достаточной силой остановиться.

И долгіе, долгіе часы, которые я жила вдали отъ него, я ходила, какъ дикій звѣрь за желѣзными прутьями своей клѣтки.

Никто и ничего не могло спасти меня, я вся была жгучее желаніе и жажда.

Эта чаша не могла миновать меня.

Я была принуждена ходить по дорогамъ, ведущимъ къ нему.

Не помогало и то, что я говорила себѣ: это безуміе. Я хотѣла вернуться, но я не дѣлала этого. Я не могла потушить свѣчу жизни, снова зажженную для меня.

Тамъ, гдѣ былъ онъ, тамъ царила жизнь, только тамъ я была человѣкомъ.

Когда я была съ нимъ, я забывала все остальное, была весела и радостна. Онъ вздымалъ меня на самыя высоты моего „я", будто въ его близости зажигался во мнѣ внутренній огонь.

И этотъ огонь освѣщалъ всю меня. Я стала вдругъ моложе и прекраснѣй, чѣмъ много лѣтъ тому назадъ.

Иногда мы чувствовали, что наша сила иссякаетъ, что мы теряемъ самообладаніе, и тогда мы съ ужасомъ бѣжали другъ отъ друга, но только для того, чтобы сейчасъ же искать одинъ другого.

Какъ долго можно было жить такой жизнью? Я часто думала: уѣхать, уѣхать далеко и не видать его болѣе. Погрузиться въ работу, въ обязанности! Этого не должно быть, мы слишкомъ умны и зрѣлы, мы слишкомъ много знаемъ. Мы вѣдь ясно видимъ все ужасное, во что мы бросаемся сами, вовлекая другихъ.

Но въ слѣдующее мгновеніе я вся пылала на встрѣчу ему и мнѣ казалось, что я не снесу той вѣчности, разлучавшей насъ до слѣдующаго свиданья. Все можно было вынести, только не это: не быть съ нимъ, не видѣть его, не чувствовать его близости!

Когда я шла въ одиночествѣ и забывала весь міръ вокругъ себя, я часто останавливалась, ломала руки и тихо шептала про себя: „О, мой возлюбленный, отчего ты не далеко отъ меня!" Но когда я слышала его шаги, во мнѣ зажигались тысячи огней, лицо мое горѣло, глаза сіяли на встрѣчу ему. Мнѣ казалось, что я прекрасна, все ликовало во мнѣ, когда онъ приближался.

Подруги мои говорили о книгахъ, объ искусствѣ и спрашивали мое мнѣніе. Онѣ разсказывали объ интересныхъ произведеніяхъ великихъ писателей, совѣтовали прочитать ихъ мнѣ. Я улыбалась въ душѣ.

— „Ты меня интересуешь, другъ мой,—думала я,—ты и никто другой. Но не говори никому объ этомъ, а то меня исключатъ изъ общества".

Но я полна волненія и страха! Ты такъ далеко отъ меня. Отчего ты не приходишь? Когда я увижу тебя? Это вопросъ моихъ дней и ночей. И точно желѣзныя тиски желанья и печали ложились ко мнѣ на грудь и на лобъ и я взывала къ нему: „О, мой возлюбленный, зачѣмъ ты терзаешь меня? Развѣ ты не видишь, не чувствуешь, что я твоя? Никакая сила не можетъ освободить меня отъ тебя!“

Это было въ маѣ. Я только что пережила недѣлю, полную отчаянія. Онъ покинулъ общество, въ которомъ на мгновеніе забылся. Опустивъ голову на руку, онъ сидѣлъ одинъ за столомъ, но глаза его не отрывались отъ меня. Я стояла поглубже въ комнатѣ и разговаривала съ одной дамой. Затѣмъ я прошла мимо него и онъ невольно, точно моля, простеръ ко мнѣ руки. Многіе видали этотъ жестъ, и я поблѣднѣла. Вслѣдъ за тѣмъ онъ ушелъ, а я поборола себя и осталась до конца вечера.

О, какіе ужасные дни и ночи провела я послѣ этого вечера до того дня, до того прекраснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ ужаснаго весенняго дня, когда мы спустя двѣ недѣли снова встрѣтились!

Это былъ яркій солнечный день, сіяющій, съ запахомъ весны въ воздухѣ. Я сидѣла въ своей комнатѣ блѣдная и измученная отъ безсонныхъ ночей и мучительныхъ мыслей. Я знала, что мы теперь на правильномъ пути, что единственно вѣрное—никогда болѣе не встрѣчаться. Ничего другого, кромѣ горя, путаницы, не могло ожидать двухъ людей, которые рвутъ всѣ узы и хотятъ начать новую жизнь. И въ нашемъ возрастѣ—намъ было бы нелегко. О, въ немъ говоритъ умъ и благородство. Онъ зналъ, что я слаба и хотѣлъ спасти меня. О, мой другъ, ты не знаешь, что самое ужасное,—это разлука.

Теперь чаша переполнилась. Я устала отъ слезъ и не была болѣе въ состояніи предпринять что-либо. Во всемъ я видѣла его.

Трогательными и прекрасными казались мнѣ всѣ его недостатки, все мое существо окрасилось имъ. Я знала, что когда онъ со мной, моя личность, мое я—все становилось мнѣ безразличнымъ. Я сходила съ ума. Но меня это мало заботило. На что мнѣ мой умъ? Онъ являлся только бременемъ для меня. Не великъ и не малъ—онъ былъ невыносимъ, какъ все среднее.

Майскій день со своимъ весеннимъ воздухомъ приводилъ меня въ отчаяніе и мое томленіе разрасталось въ безконечное. Я чувствовала себя слабой и безсильной словно послѣ тяжкой болѣзни.

И все снова я спрашивала себя: чѣмъ это кончится?

Какъ и всегда, утромъ я была одна. Я поднималась съ низкаго кресла у камина и усталыми шагами стала бродить по комнатѣ. Вдругъ раздался энергичный звонокъ и сердце мое остановилось въ груди.

Это былъ его звонокъ.

Я остановилась, какъ вкопанная. Я слышала, какъ онъ вошелъ.

Когда онъ постучалъ въ дверь, я съ силою ухватилась за доску стола.

А затѣмъ онъ стоялъ передо мной, держалъ мою руку и говорилъ: „Не сердитесь, что я пришелъ“.

Но я не могла болѣе владѣть собой. Я безпомощно зарыдала.

Онъ привлекъ меня къ себѣ и тихо шепталъ: „Милая, милая Ева, какъ намъ быть?“ Я закрыла глаза и сказала, что теперь я ничего не знаю, что я потеряла и разумъ, и волю.

„Не закрывай этихъ прекрасныхъ глазъ,—говорилъ онъ,—взгляни на меня, милая, любимая Ева!“ И я смотрѣла на него, утопая въ слезахъ: „Я безумно люблю тебя! Что мнѣ дѣлать? Не уходи отъ меня, я не могу жить безъ тебя!“ Тогда его губы искали моихъ, и я снова закрыла глаза.

Мнѣ хотѣлось умереть, никогда болѣе не раскрывать глазъ, навсегда остаться въ его объятіяхъ. Какъ нѣженъ и робокъ былъ его поцѣлуй, какъ нѣжны и наивны его слова! Мы оба вдругъ стали молодыми и полными трепета, будто ничто до сихъ поръ не коснулось нашихъ сердецъ. Весь свѣтъ, все солнце міра было въ насъ и вокругъ насъ!

Онъ сталъ разсказывать, какъ это случилось. Онъ хорошо знаетъ, говорилъ онъ, какія качества во мнѣ привлекали его, онъ еще говорилъ разныя вещи обо мнѣ, слушать которыя было наслажденіемъ и въ заключеніе сказалъ: „Въ тебѣ я вижу вызовъ женщинъ, въ такой высокой степени ты обладаешь всѣми женскими качествами... Ты была понятливой, тщеславной и милой, такой милой“... Я закрыла ему ротъ рукой.

— Да, да,—продолжалъ онъ,—а кромѣ того ты обладала еще однимъ качествомъ, котораго нѣтъ у мужчинъ!—Я засмѣялась.

— Юморомъ?

— Да, а кромѣ того умомъ, страшно большой дозой ума словно мужчина.

— Ты неисправимъ!

— И какъ могла ты—которая находила во мнѣ одни мужскіе недостатки,—какъ могла ты...

Но я не могла ничего объяснить. Ты тиранъ и вообще страшный человѣкъ. И все же...

— Все же?

— И все же вы поработили меня, сударь!

Какъ мы были молоды въ эти минуты! Весь міръ пересталъ существовать для насъ. Но слишкомъ быстро пришлось намъ вернуться къ суровой дѣйствительности, и мы принуждены были проститься холодными, равнодушными словами.

Уходя, онъ снова, привелъ меня въ отчаяніе своими словами: „О, милая,—сказалъ онъ,—вѣдь это—одно безуміе! Завтра ты пожалѣешь объ этомъ, будешь упрекать меня!“

И я не могла ему отвѣтить, не могла сказать ему, какъ плохо онъ знаетъ меня, если можетъ предполагать подобное. Я не могла сказать ему, какъ вдругъ все стало понятно и ясно въ моей душѣ. Какъ только двери закрылись за нимъ, я рѣшила все написать ему. Онъ долженъ знать, что у меня въ душѣ. Онъ тогда не будетъ смѣшивать меня съ тѣми праздными женщинами, цѣль которыхъ—пріятное препровожденіе времени и легкая игра въ любовь.

„Я не выношу ничего половинчатаго,—писала я,—я не признаю границъ. Насколько я горда и самонадѣянна, настолько я скучна и покорна, когда люблю. Да, мой другъ, я не стану скрывать: я люблю тебя. Жуткая и прекрасная истина, непоколебимая, горькая правота! Ни одна сила не можетъ меня спасти отъ тебя!" Я писала ему, что внѣшнія условія не играютъ роли для меня, что я довольно жила на свѣтѣ, чтобы знать, какъ мало все внѣшнее имѣетъ значеніе для счастья. Я могу работать, не буду обременять его никогда; но я чувствую себя—его, вся—его, и его воля—моя во всемъ. Открыто и честно и вполнѣ сознательно я пришла къ нему и сказала: „Вотъ я вся! Распоряжайся мною. Совѣтуй мнѣ, повелѣвай!" Хорошо, прекрасно, если можно беречь покой другихъ, но наши права—прежде всего!

Затѣмъ я поцѣловала письмо и послала ему. Я стала спокойной и счастливой, довольная своимъ поступкомъ. Теперь только я понимаю всю мою наивность. Тогда у меня была одна только мысль: быть цѣльной и честной, не мелкой и мелочной, какъ всѣ скрывающіе свою трусость подъ лицемѣрной болтовней о нравственности и обязанностяхъ, какъ всѣ тѣ, ищущіе лишь забавы.

На другой день мы оба были приглашены въ большое общество къ нашимъ друзьямъ.

Мнѣ кажется, что тысячу лѣтъ раздѣляетъ меня отъ этого вечера.

Вечеромъ, когда я цѣловала на сонъ грядущій дѣтей своихъ, меня охватило сильное желаніе сказать имъ, что съ матерью ихъ случилось нѣчто чудесное и что ея сердце громко стучитъ отъ счастья. Совѣсть моя была легка и свободна и моему мужу пришлось за столомъ выслушать много страннаго. Послѣ обѣда я протянула ему руку и сказала: „Какъ жизнь чудесна!" Мнѣ хотѣлось обнять его и сказать: лучшій другъ мой, радуйся вмѣстѣ со мной! Да, если я могла бы съ кѣмъ-либо подѣлиться всѣмъ, такъ только съ нимъ. Онъ бы понялъ и простилъ, ему бы стало даже нѣкоторымъ образомъ легче. Вѣдь онъ всегда говорилъ, что страдаетъ отъ того, что изолируетъ меня отъ жизни. Да, онъ бы простилъ и понялъ, но все же это огорчило бы его! О, мой милый, добрый другъ, вотъ почему я и молчу пока. Но почему бы тебѣ страдать отъ того, что я весела и счастлива, если мы уже не можемъ болѣе дать другъ другу счастья? Но ты будешь грустить, потому что нельзя ничего вычеркнуть изъ жизни, а когда-то такъ

много я давала тебѣ. И знаешь ли ты, что и я безгранично страдаю отъ того, что причиняла тебѣ боль? Но есть нѣчто сильнѣе насъ.

И жестокая правда въ томъ, что сегодня вечеромъ онъ для меня былъ средствомъ пережить эти ужасные часы. Эти долгіе, долгіе часы до завтрашняго дня, когда я снова увижу его.

* * *

„Въ тѣлѣ твоемъ больше разумнаго, чѣмъ въ твоей лучшей премудрости. И кто знаетъ, для чего именно нужно твоему тѣлу твоя лучшая премудрость".

Ницше.

На другой день я ходила точно во снѣ. Изрѣдка я останавливалась въ своей одинокой комнатѣ, складывала руки и шептала: „Что случилось? Что ты хочешь сдѣлать?" И снова я бродила по комнатѣ въ какомъ-то страшномъ напряженіи. Я походила на струну, натянутую до крайнихъ размѣровъ. Когда порвется она? Ахъ, какъ дологъ день! Еще тысяча лѣтъ до вечера. Но когда наступилъ вечеръ, я успокоилась. Меня охватило какое-то странное торжественное и меланхолическое настроеніе. Я поцѣловала дѣтей съ такой нѣжностью, будто прощалась навсегда, зашла къ мужу и помѣшала ему заниматься. Я провела рукой по его волосамъ, посмотрѣла, какъ горитъ его лампа. Какъ благодарна была я ему, что это нисколько не трогало его, а вызвало скорѣе легкое раздраженіе!

Если бы онъ взглянулъ на меня своимъ добрымъ безпомощнымъ взглядомъ, какъ иногда, и заговорилъ бы, я бы погибла.

Теперь я могла уходить съ спокойной увѣренностью, что мое присутствіе только стѣсняетъ его.

Я спокойно и тщательно одѣлась во все бѣлое и уѣхала.

Въ экипажѣ я мечтала о немъ. Я видѣла его предъ собой, какъ онъ шелъ на встрѣчу мнѣ съ нашей чудесной тайной. Я вѣдь пришла для того, чтобы повторить: „Я вся твоя".

Какой день пережилъ онъ! Какъ много пришлось страдать ему изъ-за меня! Я понимаю, что для тебя все это также тяжело и сладко. Но вѣдь то „нѣчто" превышаетъ все, не такъ ли, мой милый, милый? Ты такой умный, предусмотрительный, но я глупа, не умѣю держаться въ границахъ, не знаю мѣры. Когда ты читалъ мое письмо—не испугало ли оно тебя? Не подумалъ ли ты, что я „нравственно испорчена"? Я испорчена, да? Я ничего больше не знаю. Ты озабоченно будешь думать о моихъ обязанностяхъ и будешь чувствовать угрызеніе совѣсти. Но я должна сознаться тебѣ: моя совѣсть чиста—меня самое иногда пугаетъ это, и я не чувствую ни передъ кѣмъ обязанности. Я никогда ничего и не дѣлала изъ чувства обязанности. Если я была хорошей матерью, то къ этому влекло меня пылкое стремленіе—то былъ самый мрач-

ный эгоизмъ—почемъ я знаю? И если я была хорошей женой, я была ею потому, что быть ею—тогда была моя жизнь.

Но правда, кое-что я сдѣлала изъ обязанности, единственное о чемъ я думаю съ негодованіемъ. О, мой другъ, если бы ты могъ понять, какъ я была одинока!

Но можетъ ли быть сквернымъ и безнравственнымъ, что я снова весела и что я снова могу радовать другихъ?

Никогда я не думала о всѣхъ такъ хорошо и ясно, никогда я не была такъ добра и правдива, какъ въ часы счастья. А теперь, мой странный, загадочный другъ, я счастлива. Потому что черезъ нѣсколько минутъ я увижу тебя, почувствую твою руку въ моей рукѣ. Увижу въ глазахъ твоихъ радость и признательность, какъ ты въ моемъ взглядѣ!

Я стояла въ передней и снимала верхнее платье. Сердце мое стучало, руки горѣли. Теперь онъ ждетъ меня съ нетерпѣніемъ. Бѣдный другъ, я иду, иду, развѣ я могла бы не притти?

Я глубоко вздохнула. О, теперь побольше самообладанья!

Дверь раскрылась, и я вошла. Слава Богу, его не было въ первой комнатѣ. Я съ чувствомъ облегченія поздоровалась съ хозяевами дома и другими знакомыми. Меня втянули въ кружокъ смѣющихся и спорящихъ дамъ. Это было хорошо. Мнѣ нужно было успокоиться. Я слишкомъ сильно волновалась. Какъ умно, что онъ сдерживаетъ себя. И все же я чувствовала легкое разочарованіе, что онъ не появляется изъ сосѣдней комнаты. Вѣдь онъ, должно быть, уже слышалъ мой голосъ. Меня охватилъ внезапный ужасъ. Неужели его тутъ не было? Мнѣ весь домъ показался вдругъ пустымъ, хотя кругомъ стояли люди. Я приблизилась немного къ открытой двери сосѣдней комнаты, но быстро отвернулась, не рѣшившись даже заглянуть туда.

Снова меня обступили дамы и я должна была выслушать ихъ попытки сказать что-либо умное и интересное, выслушивать какъ онѣ смѣялись надъ маленькими или большими слабостями своихъ друзей, какъ всѣ ихъ горести сдѣлали мишенью для своихъ глубокомысленныхъ и ѣдкихъ замѣчаній, какъ все, даже самое горькое и больное, становилось темой разговора. Онѣ обгладывали каждую маленькую и большую кость, стремясь показать себя образованными людьми, которые могутъ говорить обо всемъ и которымъ ничто человѣческое не чуждо.

Но я, переполненная счастьемъ и радостнымъ волненіемъ, а также боязнью, пришла въ ужасъ. Никогда раньше я не испытала настолько пустоту современной общественной жизни, и никогда еще люди не казались мнѣ такими хищными и жестокими. Если бы они могли увидать хотя частицу моей трепещущей души, они бы набросились подобно коршунамъ и стали бы таскать ее, окровавленную, по рынкамъ.

Въ это время ко мнѣ подошла госпожа N, положила руку на

мое плечо и сказала, смѣясь: „Что же ты скажешь: „медвѣдь“ такъ неожиданно уѣхалъ? Теперь, когда мы уже думали, что ты забрала его въ свои сѣти! Нечего, нечего представляться, будто ничего не понимаешь, онъ уже совсѣмъ покорно поддался тебѣ. Да, моя милочка, грѣхъ на твоей душѣ“.

Ея слова доносились какъ будто издали. Я схватила ее за руку и сказала: „Мнѣ дурно, помоги мнѣ, Марія“. Она съ испугомъ обняла меня:

— „О, милая!“—сказала она. И, не теряя самообладанія, она, бесѣдуя, улыбаясь, повела меня къ себѣ въ комнату и уложила на кровать. Она сѣла возлѣ меня.

— „Ты хочешь домой, Ева?“

— „Да“.

Она тихо вышла и вернулась черезъ нѣкоторое время съ моими вещами. Молча она помогла мнѣ одѣться и проводила меня по лѣстницамъ. Внизу, въ темной передней, она ласково сказала: „Не сердись на меня, Ева!“

Я отрицательно покачала головой. Тяжело опустившись на подушки экипажа, я подъѣзжала къ дому. Когда я вошла къ себѣ, горничная испуганно остановилась и спросила: „Боже мой, барыня больна?“ И вдругъ меня оставили силы, я потеряла сознаніе.

Когда я проснулась, я лежала на кушеткѣ, а возлѣ меня сидѣлъ мой мужъ и держалъ мою руку. Онъ провелъ рукой по моимъ волосамъ и тихо сказалъ:

„Милая Ева, ты больна!“ И голосъ его звучалъ странно и печально. При этихъ словахъ словно желѣзные клещи отпустили мою грудь и слезы полились ручьями изъ моихъ глазъ. Снова онъ провелъ рукой по моимъ волосамъ и спросилъ боязливо: „Что съ тобой?“

— „Мнѣ нездоровится“,—возразила я, наконецъ.

— „Это не то“,—сказалъ онъ и глубоко вздохнулъ.

Ахъ, я охотно сказала бы ему все! Но могла лишь промолвить: „Не безпокойся обо мнѣ—это, должно быть, только потому, что я вдругъ стала взрослымъ человѣкомъ. А это ужасно—быть взрослой!“

— „Ахъ, да-да... только бы прошло... поспи теперь. Уйти мнѣ?“

Но я судорожно сжимала его руку и снова разрыдалась.

— „Отчего мнѣ суждено быть вѣчно одной? Всегда одна! Ахъ, отчего ты оставилъ меня?“

Тогда онъ наклонился надо мной и поцѣловалъ мою руку и сказалъ:—„Милая, я такъ виноватъ передъ тобой. Но повѣрь мнѣ: никогда я не любилъ тебя искреннѣе, чѣмъ теперь! Ты—единственный человѣкъ, который не надоѣдаетъ мнѣ, не терзаетъ меня“. Затѣмъ онъ отпустилъ мою руку и схватился за лобъ „Да, жизнь—не шутка“.

Теперь я взяла его руки и поцѣловала ихъ. Мысленно я пре-

клоняла колѣни передъ нимъ, но я не могла ничего сказать ему. Все, что мнѣ хотѣлось сказать, звучало бы фразой по отношенію къ этой скорби мужской души.

Спустя нѣкоторое время, когда онъ молча всталъ и хотѣлъ уйти, я сказала, не глядя на него: „Благодарю, благодарю тебя... О, мнѣ такъ хотѣлось бы разсказать тебѣ все...“ Но онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой: „Не говори ничего. Я знаю все. Это естественно... слишкомъ естественно... Я старъ, а ты еще молода... Не думай обо мнѣ. Думай о себѣ лучше. Попытайся заснуть, успокой свои нервы, спи. Покойной ночи“.

— „Покойной ночи“.

* * *

„Существуетъ еще платонически любовь, хотя профессоръ психіатріи не признаетъ ее. Я хотѣлъ бы сказать: существуетъ только платоническая любовь. Потому что всему остальному, что называютъ любовью,—мѣсто въ царствѣ свиней“.

Вейнингеръ.

Итакъ, моя любовь была изъ тѣхъ родовъ любви, мѣсто которой—въ царствѣ свиней. Потому что все во мнѣ сливалось въ дикое желаніе его близости. И это желаніе заглушало даже мое уязвленное тщеславіе и призывъ къ мести, оно побороло мою гордость, оно бросало меня на землю. Мнѣ хотѣлось броситься словно животное въ лѣса--звать его, умолять вернуться. Но отчаяніе сдѣлало меня больной. Я не находила болѣе сна и была безпомощна, какъ дитя въ своемъ горе.

Тогда мужъ мой послалъ меня путешествовать. Его сестра, которую любили дѣти, взяла на себя заботу о столѣ. Какъ я была благодарна мужу!

* * *

Я плыла по широкому океану. И когда волны ударяли о наше судно, я вскакивала, простирала руки и шептала имъ навстрѣчу: „О, возлюбленный мой, возьми меня, всю меня!“ Но судно плыло дальше, подымалось и опускалось.

И когда я видала, какъ солнце въ тихіе вечера погружалось въ море, я снова простирала руки и шептала: „Возлюбленный мой. Дай мнѣ умереть въ твоемъ блескѣ, поглощенной твоей силой!“ Но солнце погасало и руки мои опускались.

* * *

И когда я усталая послѣ заката солнца сидѣла вечеромъ на палубѣ, я вспомнила прекрасныя слова Ницше, этого „женоненавистника“, слова о женщинѣ и ея любви:

„Игрушкой должна быть женщина, чистой и прекрасной, подобной алмазу, озаренная добродѣтелями еще не существующаго міра“.

* * *

Два года прошли въ борьбѣ и трудѣ. Снова я совершаю свой однообразный ежедневный путь къ могилѣ. Вскорѣ послѣ своего возвращенія, когда я снова обрѣла сонъ и силы для жизни,—я получила письмо отъ него. Длинное хорошо изложенное письмо, но безъ содержанія. Я должна пытаться понять его—его поступокъ имѣетъ глубокія основанія. То, что связываетъ его, непоборимо, какъ бы странно оно ни казалось. Онъ осужденъ только заглядывать въ Эдемъ, вѣчно закрытый для него и т. д. Онъ восторгался моей цѣльностью, моей смѣлостью и благодарилъ меня. Но я прочла между строкъ, что его поражаетъ моя мораль! Я съ презрѣніемъ бросила письмо въ огонь.

Это мужчина—значитъ, разочарованіе.

* * *

Теперь я живу одна, своимъ трудомъ. Я зарабатываю деньги пожинаю лавры, чувствую, что развивалась и что, быть можетъ, я на пути взобраться на тѣ высоты, съ которыхъ открывается весь горизонтъ и что я могу найти истинно-цѣнное.

Но трудъ не наполняетъ моей жизни. Пока онъ является только приправой для меня. Мнѣ пріятно работать, пріятнѣе, чѣмъ все остальное, но я не весела. Я всегда полна безпокойства и неопредѣленнаго томленія, полна страха тьмы и одиночества.

Измѣнится ли это когда-нибудь? Я не думаю этого, не дерзаю надѣяться. И я могу сказать вмѣстѣ съ Вейнингеромъ: „То, что нашелъ, безъ сомнѣнія, не причинитъ никому такого страданья, какъ мнѣ“.

Потому что я не вижу спасенія для себя.

Не есть ли всѣ эти строки—„смертный приговоръ“ для ея автора?

ЭПИЛОГЪ.

„Въ правотѣ нѣтъ степеней, и нѣтъ степеней въ нравственности“.

Вейнингеръ.

Предложеніе написать свою біографію повергло бы большинство людей въ неловкое смущеніе, говоритъ Вейнингеръ; только немногіе могли бы дать отчетъ о томъ, что они предпринимали вчера, не говоря уже о томъ, что они дѣлали раньше. Въ особенности это можно отнести къ женщинѣ, такъ какъ она не имѣетъ

соединяющаго воспоминанія о kontinuitat, которая только можетъ убѣдить человѣка въ томъ, что онъ живетъ, существуетъ.

Если женщина разсматриваетъ свою жизнь, заглядывая назадъ или переживая прежнія чувствованія, она ей не представляется безпрерывнымъ, никогда не прерывающимся стремленіемъ, она наоборотъ останавливается на отдѣльныхъ полосахъ.

И какія это полосы? Это только, можетъ быть, тѣ полосы, на которыя женщина по натурѣ своей останавливаетъ свое вниманіе. Женщина обладаетъ лишь однимъ родомъ воспоминаній — говоритъ Вейнингеръ: это воспоминанія, связанныя съ половой жизнью

„Воспоминанія о любовникѣ, женихѣ, брачной ночи... О дѣтяхъ она вспоминаетъ, какъ о своихъ куклахъ. Вспоминаетъ она и о цвѣтахъ, которые получила на балу, о числѣ и величинѣ такихъ букетовъ, о каждомъ стихотвореніи, посвященномъ ей, о каждой фразѣ мужчины, фразѣ, произведшей на нее впечатлѣніе; но прежде всего—и съ точностью, которая кажется настолько же заслуживающей презрѣнія, насколько и жуткой,—она помнитъ о каждомъ безъ исключенія комплиментѣ, сказанномъ ей когда-либо. Это все, что помнитъ женщина изъ своей жизни".

Эти строки я прочла у Вейнингера и, конечно, съ негодованіемъ воскликнула: „Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!" И я сказала, какъ Фестъ Павлу: „Много знанія дѣлаютъ тебя безумнымъ!" Это ложь и клевета и въ сотый разъ я утверждаю, что онъ ничего не знаетъ о женщинѣ, не можетъ знать о ней. Но во мнѣ все кипѣло. И я поборола свой гнѣвъ и снова подумала: попытайся быть правдивой. Вдумайся хорошенько.

Да, есть немного правды въ его словахъ, мы хорошо помнимъ обо всемъ этомъ. Да, здѣсь много правды, лучше всего мы помнимъ обо всемъ, касающемся нашей любовной жизни. Но во всемъ остальномъ онъ глубоко неправъ. Это не все, что живетъ въ нашей памяти. Существуютъ степени въ правдѣ. Тысяча женщинъ вспоминаютъ—такъ же, какъ и мужчины—жизненную борьбу, полную труда, разочарованій и надеждъ, при которой напряжены всѣ силы.

Но тѣ, кто пишутъ о женщинѣ, имѣютъ въ виду лишь праздныхъ женщинъ, обладающихъ внѣшней культурой большихъ городовъ. Это оранжерейныя растенія, больныя куклы или же односторонне развитыя, взвинченныя женщины, стоящія за эмансипацію. Но если бы психологъ снизошелъ къ женщинамъ крестьянскаго быта или къ классу трудящихся женщинъ, его заключенія были бы иными. Существуетъ большое число женщинъ, которыя ставятъ себѣ болѣе праздныя и сложныя задачи жизни, чѣмъ могутъ притти въ голову какому-либо кабинетному ученому или свѣтскому кавалеру.

Прежде всего крестьянки, женщины, занимающіяся землепа-

шествомъ, и тѣ, кто такъ или иначе пригодны къ этому труду. Тотъ, кто потерялъ вѣру въ женщину, въ это неувѣренное, въ вѣчномъ волненіи бродящее существо, успокоится и снова исполнится надеждой, когда побываетъ въ норвежскихъ деревняхъ и поглядитъ, что̀ представляетъ большинство женщинъ въ смыслѣ труда и мышленія. Здѣсь можно часто встрѣтить въ дѣйствительности, какъ покойно и безъ противорѣчій отцовское первенство преобразилось въ разумное и прекрасное признаніе правъ матери, и каждый склоняется съ одинаковымъ уваженіемъ, какъ передъ „pater familias", такъ и передъ „mater familias". И кто станетъ отрицать, что многія изъ этихъ женщинъ обладаютъ способностью выводить заключенія и поступать согласно имъ, другими словами,—поступать и мыслить логично, способность, которую психологи всегда отрицали въ женщинѣ.

Спросите этихъ женщинъ, что живетъ въ памяти ихъ, когда онѣ всматриваются въ свою прошлую жизнь. Прежде всего, онѣ помнятъ такъ же, какъ и всѣ мы женщины иныхъ общественныхъ сферъ, все то, что связано съ ихъ личной жизнью — помнятъ о мужѣ и о дѣтяхъ, и обо всемъ, что касается ихъ личности. Но кромѣ того, вы услышите о сознательной жизни женщины, какъ члена общины, о смѣлой, жизненной борьбѣ ея съ заботами, о ея радостяхъ, побѣдахъ и пораженіяхъ, — о достойной жизни женщины въ качествѣ друга и помощницы мужа, занимающей почетное мѣсто рядомъ съ нимъ, матери, передъ которой всѣ склоняются съ почтеніемъ. Вы услышите о женщинѣ, которая представляетъ собой не только сердце дома, но и главу его.

Это наводитъ на размышленія.

Быть можетъ, правда, что люди—на опасномъ пути, на пути, удаляющемся отъ природы. И возможно, что единственный способъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и осложненій—въ томъ, чтобы мужчина и женщина взялись за руки и довѣрчиво и покорно вернулись снова по тому же пути—короткому или длинному,—по которому они еще только что мчались, задыхаясь, перегоняя другъ друга, полные ненависти и подозрѣній. Но такъ какъ вся жизнь движется по кругу, нельзя собственно говорить о томъ, что слѣдуетъ итти назадъ. Самый большой прогрессъ — это все же путь черезъ сложное къ простому. И все же, если даже не существуетъ ступеней въ правдѣ, и въ памяти женщины живетъ лишь то, что перечисляетъ Вейнингеръ и что ему кажется столь презрительнымъ, я полагаю, однако, что воспоминанія мужчинъ— большинства мужчинъ—еще менѣе цѣнны. Если всѣ воспоминанія женщины относятся только къ одному великому центру, если даже кое-что изъ воспоминаній кажется мелкимъ, смѣшнымъ, ребяческимъ и даже достойнымъ презрѣнія,—все это имѣетъ глубокую основу въ цѣльности ея натуры и тѣсно связано съ

великимъ таинствомъ. И въ этой односторонности—ея сила, и насколько она является силой женщины, рождающей человѣчество, — этотъ порокъ становится въ дѣйствительной жизни добродѣтелью.

Но какія воспоминанія сохраняютъ большинство мужчинъ своей прошлой жизни?

(Надо разъ навсегда притти къ тому, чтобы сравнивать „большинство женщинъ" съ „большинствомъ мужчинъ", а не съ исключеніями). Воспоминанія объ охотахъ, картахъ, партіяхъ въ шахматы, бѣгахъ, эротическихъ похожденіяхъ, часто не особенно чистаго свойства, о заботахъ, о должности, о положеніи, политической болтовнѣ и ихъ успѣхахъ. Въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ идетъ борьба за кусокъ хлѣба, женщины борются наряду съ мужчиной и помнятъ это.

Быть можетъ, я несправедлива?

Но для меня не существуетъ ничего болѣе противнаго, чѣмъ постоянное перечисленіе обоюдной „виновности". Этому перечисленію не видно конца. И это самый уродливый недугъ всѣхъ браковъ.

Я хочу охватить цѣлое, не поддаваясь травлѣ—даже Вейнингеру, и попытаться увидѣть лишь то, въ чемъ я чувствую истину глубоко въ своей душѣ.

А истиной является для меня односторонность женщины, односторонность, которая была и будетъ,—и въ этомъ сила женщины. Для нея не существуетъ преграды. И если она дѣйствительно хочетъ быть признанной мыслящимъ человѣкомъ, съ которымъ можно говорить обо всемъ, она должна научиться признавать эти преграды и уважать ихъ и видѣть въ нихъ глубочайшее и дѣйствительное значеніе. Но въ кругу этихъ преградъ ей также доступно достиженіе развитія и человѣчности. Все несущественное должно уступить мѣсто охранѣ человѣческаго рода. Мы должны развиваться, потому что родъ облагораживается путемъ нашего развитія. Мы должны развиться не потому, чтобы ниспровергнуть женщину и стать равными мужчинѣ, какъ этого хочетъ Вейнингеръ и феминистки, но для того, чтобы стать болѣе женщинами духовно и физически здоровыми матерями здороваго поколѣнія.

Потому что, становясь матерями, мы подымаемся на самую высоту нашей цѣнности человѣка. И развѣ стать судьей, политикомъ, должностнымъ лицомъ и т. п. означаетъ что-либо большее? То, что закрыто для насъ, въ сущности,—вѣдь самая скучная область мужского труда—право на сомнительное удовольствіе дожидаться очереди на какую-нибудь должность. Пусть завидуетъ, кто можетъ. Весь свободный трудъ, всѣ области искусства, все

достойное зависти, въ дѣйствительности, открыто для насъ — и это необходимо.

Путь нашъ не болѣе тягостенъ, чѣмъ для величайшихъ геніевъ міра—мужчинъ; внѣшнія искусственныя препятствія не болѣе велики для насъ, чѣмъ для многихъ бѣдняковъ, артистовъ и ученыхъ, которые достигли высшей точки человѣческой продуктивности. Доступъ къ наукамъ и развитію открытъ для насъ, и такъ оно и должно быть. Но ни одна изъ тысячи женщинъ не можетъ пока стать настолько мужчиной, чтобы занять въ продолженіе всей своей жизни одну изъ тѣхъ отвѣтственныхъ должностей, которыя требуютъ человѣка всего и безраздѣльно. Вполнѣ безнадежная и ненужная работа и отчаянная трата времени—спорить обо всемъ этомъ; природа сама скажетъ, наконецъ, рѣшительное слово. Все войдетъ въ норму само собою. Потому что самымъ большимъ препятствіемъ для полнаго внѣшняго уравненія въ правахъ является не мужчина, но женщина. Я знала много женщинъ на своемъ вѣку, и когда я теперь вспоминаю о самыхъ умныхъ, ясныхъ, дѣятельныхъ и свободныхъ изъ этихъ женщинъ, эти воспоминанія лишь подтверждаютъ высказанный мною выше взглядъ. Было бы идеально, если бы мы могли сказать: „Все доступно, но не все полезно". И будь въ насъ достаточно силы, могли бы пасть послѣднія преграды. Это положеніе было бы наилучшимъ, но оно опасно для молодежи. Оно внесло бы смятеніе въ ея понятія и принесло бы ей потомъ въ жизни тысячу разочарованій. Мы не созрѣли для полной свободы прежде, чѣмъ мы не сознали нашихъ границъ.

И мы еще не достигли этой ступени.

— „Женщина не хочетъ быть цѣломудренной и отъ мужчины ждетъ она также чувственности и не добродѣтелей"—говоритъ Вейнингеръ. Даже высшая платоническая любовь является, въ сущности, не желанной для нея; она льститъ и нравится ей, но она ничего не говоритъ ей. И если бы мольба на колѣняхъ длилась бы черезчуръ долго—Беатриса, утверждаетъ Вейнингеръ, стала бы нетерпѣливой, какъ Мессалина.

Да, безъ сомнѣнія. Природа не выноситъ ничего болѣзненнаго. Она хочетъ здоровья и живой жизни

Платоническая любовь—это преступленіе противъ природы,

И нѣтъ большаго оскорбленія для здоровой и неиспорченной женщины, какъ равнодушіе къ ней, въ которомъ она чувствуетъ, что въ ней не видятъ женщины.

Природа не терпитъ этого. И она дѣлаетъ своимъ орудіемъ наши самыя лучшія и наши самыя дурныя качества, нашу гордость, наше тщеславіе. Она требуетъ цѣльности отъ женщины. И чтобы исполнить ея волю, мы должны быть односторонни и сильны.

— „Для женщины,—говоритъ Вейнингеръ,—представляются лишь двѣ возможности, лживое отношеніе ко всему, что создано мужчиной, то отношеніе, при которомъ онѣ воображаютъ, что хотятъ того, что противорѣчитъ всей ихъ еще не разслабленной натурѣ: безсознательно-лживое возмущеніе безнравственностью, (какъ будто женщина нравственна) чувственностью (будто она хочетъ не чувственной любви); или же открытое признаніе, что содержаніе духовнаго міра женщины—мужъ и ребенокъ, безъ малѣйшаго сознанія того, какое безстыдство, какой позоръ въ этомъ обвиненіи. Я не могу понять ни мозгомъ, ни чувствомъ, въ чемъ состоитъ это безстыдство. Какъ малъ, очевидно, элементъ „M“ во мнѣ! Да, я такъ страшно приближаюсь ка настоящему типу „F“, что мнѣ кажется, будто въ этомъ признаніи какъ для мужчины, такъ и для женщины заключается прекраснѣйшая жизненная надежда и чудесная мысль о вѣчности.

Если бы, напримѣръ, женщина дѣйствительно хотѣла бы цѣломудрія мужчины, она бы этимъ побѣдила въ себѣ женщину,—продолжаетъ Вейнингеръ.

Но въ правдивость этихъ требованій нельзя вѣрить, хотя они выставляются кое-гдѣ. Но женщина, требующая цѣломудрія мужчины—исключая истеричекъ—такъ глупа и такъ неспособна къ правдивости, что она даже смутно не чувствуетъ, что этимъ она отрицаетъ себя самое, и что она теряетъ безпомощно великое значеніе, теряетъ право на существованіе“.

И правда, не легко быть женщиной? Изъ обѣихъ возможностей, представляющихся ей,—одна отвратительна, а другая оказывается еще хуже; одна достойна порицанія, другая—еще больше. Не удивительно, если женщина, какъ таковая, должна погибнуть, чтобы на землѣ снова воцарилось царствіе небесное. Но тяжело для женщины притти къ этой цѣли собственной волей. Искра, такъ слабо теплящаяся въ ней, должна все снова и снова заимствовать огня у мужчины. Нуженъ примѣръ. Пока женщина не перестанетъ существовать для мужчины, какъ женщина, она сама не можетъ исчезнуть.

Такъ какъ существованіе женщины зависитъ отъ половой потребности мужчины, женщина остается до тѣхъ поръ женщиной, пока мужчина не покончитъ съ ней“.

Не вправѣ ли мы опасаться въ такомъ случаѣ, что придется еще долго ждать наступленія царства небеснаго на землѣ?

Когда дерево перестанетъ давать плоды, его рубятъ и бросаютъ въ огонь. И природа также отметаетъ все лишенное радости и силы жизни, все сухое и завядшее.

А здоровье живетъ вѣка.

„Отношенія мужчины и женщины совершенно таковы, какъ связь между подлежащимъ и сказуемымъ. Женщина ищетъ своего

дополненія, какъ сказуемое". Да, ищетъ, но рѣдко находитъ. Можетъ быть, потому, что подлежащее само „несовершенно". Свое дополненіе можно лишь найти въ чемъ-то законченномъ, увѣренномъ; или же въ мужчинахъ, помимо всего, слишкомъ много женскаго элемента?

Не слишкомъ ли близко подошли они къ идеальному половому типу съ тѣхъ поръ, какъ мы все болѣе и болѣе блуждаемъ по ложнымъ путямъ въ поискахъ за внѣшнимъ совершенствованіемъ вмѣсто того, чтобы искать его въ насъ самихъ?

Я помню, я была еще совсѣмъ молоденькой, почти ребенкомъ, когда „мужчина" и „таинство любви" стали занимать мою фантазію. Но при этомъ я все же мечтала о призваніи въ жизни. Меня порабощали временныя теченія и часто мнѣ казалось, что я нашла свое призваніе и на ряду съ грезами объ артистической карьерѣ являлись также другія мечты.

Меня воодушевляла политика, и я мечтала стать второй Жанной Д'Аркъ, меня захватывала религія, вопросы бытія. Затѣмъ я сосредоточила мысль на Стюартѣ Миллѣ; освобожденіе женщины отъ рабства являлось той высокой цѣлью, которой я хотѣла посвятить свою жизнь. Я прочла бездну книгъ, срѣзала волосы и купила себѣ хлыстъ.

Несмотря на всѣ мои причуды, многіе искали моей руки. Я безумно влюбилась въ одного молодого человѣка, который долго ухаживалъ за мной, не имѣя серьезныхъ намѣреній, въ то время какъ двое другихъ серьезно любившихъ меня остались мнѣ чужды. Такъ каждый изъ насъ страдалъ про себя. Спустя пять лѣтъ я снова влюбилась и вышла замужъ. И тогда началась вторая эпоха моей жизни. Когда я теперь мысленно возвращаюсь ко всему пережитому, у меня является подозрѣніе, что гдѣ-то сидитъ великій юмористъ и играетъ людьми. Еще въ дѣтствѣ у меня бывали приступы ужаснаго чувства одиночества. Я горько рыдала о томъ, что „никто не любитъ меня, никто не жалѣетъ меня, даже Богъ". Самымъ ужаснымъ были для меня ночь и мракъ. И теперь снова у меня является ужасъ передъ одиночествомъ, передъ ночью и темнотой, и въ безсонныя ночи я чувствую себя какъ будто единственнымъ живымъ человѣкомъ на безконечномъ кладбищѣ. И я знаю, что ничто, кромѣ близости другого человѣка, не можетъ заглушить этотъ ужасъ. Но я одна.

До моего путешествія эти ночи и эти ужасные долгіе дни почти лишили меня разсудка.

Теперь я снова стала спокойнѣе. Но многія ночи я лежу еще безъ сна и рыдаю надъ своей тетрадью, рыдаю надъ самой собой.

Измѣнится ли это прежде, чѣмъ старость окутаетъ мои чувства и мою душу покрываломъ забвенія? Я не смѣю надѣяться. Гдѣ бы я ни искала—въ себѣ или внѣ себя—я не нахожу цѣльности.

„Только мужчина и женщина, взятые вмѣстѣ, представляютъ человѣка“—говоритъ Кащъ. Да, но какъ можетъ найти одинъ въ другомъ свое дополненіе? Чѣмъ выше становятся они, тѣмъ болѣе расширяется, очевидно, бездна между ними.

Или же то, что нашелъ Вейнингеръ, будто удаляющее другъ отъ друга соединитъ ихъ въ новомъ половомъ типѣ? Многое какъ будто указываетъ на то, и самая мысль объ этомъ ужасна.

* * *

Трудъ Вейнингера настолько глубокъ, что, въ сущности, является преступленіемъ вырвать нѣсколько заключеній изъ общей связи и аттаковать ихъ. Это слишкомъ легко. Нельзя игнорировать фундаментальныхъ изслѣдованій, которыя привели его къ такимъ грубымъ заключеніямъ. Чѣмъ добросовѣстнѣе читаешь его, тѣмъ тяжелѣе становится сказать что-либо. Онъ поражаетъ своей силой и недисциплинированный мозгъ часто устаетъ книгой его. Вначалѣ думаешь лишь о защитѣ. Но скоро выясняется, что здѣсь объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Защита казалась бы только смѣшной. Потому что это не „нападеніе“ въ обычномъ смыслѣ, но нѣчто большее.

Но главное—ясно, и правъ ли Вейнингеръ, много ли, мало ли правды въ его книгѣ,—все же мое окончательное заключеніе совершенно противоположно ему.

Женщина не должна освобождаться отъ себя самой и стать мужчиной, но надо содѣйствовать ей стать еще болѣе женщиной, а также содѣйствовать ея односторонности, если любовь—роса и солнце жизни, и если все плодородіе прекрасно и всякая болѣзнь и неестественность уродлива

Здоровый и нормальный человѣкъ не можетъ себѣ представить земной шаръ безъ „копошащагося рода людского“, а также не можетъ не содрогнуться при мысли о „новомъ половомъ типѣ“ о которомъ, впрочемъ, предсказано въ библіи [1]).

Но всѣ здоровые душой и тѣломъ воскликнутъ: да будетъ солнце свѣтить надъ людьми и научать ихъ улыбаться навстрѣчу грядущему дню!

Трусливо бѣжать отъ жизни!

* * *

Бываетъ еще иногда, что я думаю о немъ. Тогда сердце мое каменѣетъ и я смѣюсь.

Наконецъ, наконецъ-то, смѣюсь!

---

[1]) И кто-то спросилъ Господа: „Когда придетъ царство твое?“ Господь возразилъ: «Когда изъ двухъ станетъ одно и не будетъ уже болѣе ни мужчины, ни женщины, но только оба вмѣстѣ».

Месть? Кто говоритъ о мести? Ты былъ лишь ступенью къ той лѣстницѣ, по которой я должна былъ подняться, лишь случайностью на пути моемъ, когда душа моя была больна отъ одиночества. Какъ же ты можешь быть виновнымъ? Виновная я, исключительно я. Сама я создала себѣ мужчину изъ тебя, создала тебя такимъ, какимъ ты былъ нуженъ мнѣ, ты не былъ въ достаточной степени человѣкомъ, чтобы быть виновнымъ. Какъ же могу я ненавидѣть тебя или говорить о мести?

Лицо твое вычеркнуто изъ памяти моей—я ничего болѣе не знаю о тебѣ. Аминь... Но почему дрожитъ рука моя? Я вижу передъ собой глаза, устремленные на меня издалека и вдругъ предъ моими глазами встаетъ:

„Лживость женщины".

Деревня и городъ въ періодъ второго междудумья.

I.

Отъ увлеченія идеями освободительнаго движенія къ порнографіи.

Это было послѣ второй думы.

Весь періодъ ея дѣятельности и еще мѣсяца полтора-два послѣ ея разгона я прожилъ въ глухой провинціи.

Съ того момента, какъ подъ вліяніемъ японской войны въ народныхъ массахъ стали появляться первые проблески сознательнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, первые намеки пробужденія критической мысли,—деревня приковала къ себѣ мое вниманіе и большую часть своего времени я старался удѣлять ей. Было крайне интересно наблюдать это народное пробужденіе, слѣдить за его ходомъ, изучать его разнообразныя проявленія, предугадывать, намѣчать его вѣроятныя послѣдствія... „Загадочный сфинксъ" просыпался,—просыпался послѣ тысячелѣтней спячки... Было не только просто интересно, но важно и необходимо наблюдать и изучать весь этотъ ходъ народнаго пробужденія, и не только наблюдать и изучать, но и своевремено знакомить съ результатами этихъ наблюденій всѣхъ тѣхъ, для кого дорого было это пробужденіе... И послѣ долгаго перерыва въ литературной работѣ я опять началъ писать, писать о народѣ, дѣлиться съ читателемъ своими наблюденіями надъ народной массой въ періодъ пробужденія народнаго самосознанія. Помѣщая свои наблюденія въ различныхъ органахъ печати въ видѣ разныхъ мелкихъ очерковъ, писемъ съ дороги, путевыхъ замѣтокъ и т. п., я продолжалъ тѣмъ временемъ наблюдать это пробужденіе... Время шло, появились слухи о народномъ представительствѣ, кончились „бунты" запасныхъ, окончилась война, начались грандіозныя забастовки, прогремѣло 17 октября, пронеслись еврейскіе погромы, начались аграрные безпорядки, открылась и закрылась первая дума—„дума народнаго гнѣва" и наступилъ моментъ полнаго

тревоги ожиданія, какъ отнесется народъ къ ея разгону,... наступилъ періодъ упованій на вторую думу, пришелъ и разгонъ *послѣдней народной* думы, совпавшій съ опубликованіемъ закона о „господской думѣ“... и, конечно, опять наступала очередь тревожному вопросу о томъ, какъ будетъ реагировать народъ на новый роспускъ *его* думы... Словомъ, моментовъ для наблюденій и темъ для писанія было болѣе, чѣмъ достаточно и потому совершенно понятно, что писаній этихъ постепенно накопилось на цѣлую книгу. И вотъ въ то время, когда весь интересъ моихъ наблюденій сосредоточился на выясненіи вопроса о причинахъ молчаливо-безучастнаго пассивнаго отношенія крестьянства къ *его послѣдней* думѣ и тѣхъ настроеній, отъ которыхъ такое отношеніе зависѣло (что и составитъ главное содержаніе послѣдующаго изложенія), я выѣхалъ на короткое время въ городъ—въ „столицу“ нашего края, чтобы переговорить объ изданіи этой книги, имѣвшей собрать воедино разрозненныя характеристики тѣхъ народныхъ настроеній, подъ которыми жило и дѣйствовало наше крестьянство со времени войны и до созыва третьей думы.

Само собою понятно, что, насидѣвшись въ глуши, я жаждалъ скорѣе познакомиться со всѣмъ, что дѣлается въ культурныхъ центрахъ, въ „обществѣ“. На первой же крупной желѣзнодорожной станціи, гдѣ былъ кіоскъ съ газетами и книгами, я устремился къ этому кіоску, чтобы закупить все интересное и новое, что вышло въ послѣднее время и пригодится для дорожнаго чтенія. Разумѣется, изъ получавшихся мною въ деревнѣ газетъ, изъ писемъ друзей, я настолько былъ знакомъ съ положеніемъ печати въ данное время, что не разсчитывалъ увидѣть въ кіоскѣ ни „Бурелома“, ни „Пулемета“, ни „Краснаго Смѣха“, или „Скорпіона“ и „Спрута“, ни—съ другой стороны,—„Нашихъ дней“, „Сына Отечества“ или „Нашей Жизни“... Въ крайнемъ случаѣ и разсчитывалъ найти кіоскъ наполненнымъ—въ силу цензурныхъ условій—изданіями вродѣ умѣренныхъ и безъ красныхъ красокъ—„Юмористическаго Еженедѣльника“ и „Юмористическаго Альманаха“, но трактующихъ все-таки на политическія темы, на злободневные вопросы широкой общественной жизни. Но то, что я увидѣлъ, не только превзошло всякія мои ожиданія, но сразу поставило меня въ полное недоумѣніе. Пораженный, я никакъ не могъ сообразить, что это такое, что такое случилось, отчего это произошло, откуда пришло, какъ это такъ скоро перемѣнилось—передо мной вмѣсто всего ожидаемаго, самаго умѣреннаго и даже безобиднаго, лежала почти сплошная порнографія! Передъ глазами мелькали: „Брачная Газета“, „Флиртъ“, „Наши дамы“, „Любовь во всѣхъ видахъ“, „Шутенокъ“, „Ночи безумныя“, „Все-

мірный Юморъ", „Скандалъ—органъ экстра-пикантнаго раздумья", „Гетера", „Почта Амура", „Ширмы" „Грезы", „L'Etude Academique", „Le stéréo-nu" „La Beauté Plasrique", „Mes Modèles" и пр. и пр., появленіе которыхъ никакъ не могло быть объяснено вліяніемъ перемѣны цензурныхъ условій. И что было для меня всего удивительнѣе—подходившая къ кіоску публика охотно раскупала эту макалатуру, сама спрашивала эту порнографію, сама ее искала! Она смаковала этихъ совсѣмъ голыхъ до послѣдняго волоска женщинъ, наслаждалась „пикантной" наготой, спрашивала „еще чего-нибудь поинтереснѣе", обмѣнивалась впечатлѣніями отъ только что вычитанныхъ скабрезныхъ анекдотовъ... А между тѣмъ, я видѣлъ передъ собой ту же самую публику, которая, бывало, въ совсѣмъ еще недавнія времена, во время моихъ скитаній по желѣзнымъ дорогамъ; вела такіе смѣлые и такіе оживленные разговоры въ вагонахъ на самыя животрепещущія темы и совершенно не узнавалъ ее.

Въ городѣ я тотчасъ же направился къ знакомымъ мнѣ книгоиздателямъ. Конечно, я началъ свои разговоры съ ними съ доводовъ, доказывающихъ необходимость изданія такихъ книгъ, какъ моя. Я указалъ имъ, что не считаю нужнымъ выяснять передъ ними и безъ меня имъ понятное глубокое историческое значеніе переживаемаго Россіей остраго, сложнаго и чреватаго событіями періода общественной жизни. За то я позволяю себѣ обратить ихъ вниманіе на то обстоятельство, что начавшееся общественное движеніе выразилось такимъ „пробужденіемъ деревни" и такимъ ростомъ общественнаго самосознанія вообще провинціи, какіе трудно было бы отмѣтить во всей предыдущей исторіи Россіи. А такъ какъ общественное движеніе это, затронувшее самую, такъ сказать, глубь народныхъ массъ, далеко еще нельзя считать завершеннымъ, то тѣмъ болѣе интересно выяснить и отмѣтить тѣ условія и тѣ настроенія, при которыхъ оно протекало, и наличность которыхъ продолжаетъ поддерживать, или наоборотъ, иногда задерживать ходъ начавшагося „освободительнаго движенія". Поэтому всякая сводка такого матеріала, относящагося къ характестикѣ народныхъ настроеній за переживаемый періодъ, можетъ имѣть значеніе не только для будущаго историка этого знаменательнаго періода русской жизни, но и для современныхъ общественныхъ дѣятелей, долженствующихъ по возможности правильно учитывать существующія соотношенія силъ и потому быть знакомыми какъ съ настроеніями, переживаемыми народными массами, такъ и съ причинами и условіями, предопредѣляющими тѣ или иныя настроенія, обусловливающими то или иное отношеніе народа къ различнымъ явленіямъ современной общественной жизни. Разсуждая съ этой точки зрѣнія, я высказалъ имъ увѣренность, что всякая такая книга, изданная въ періодъ все еще продолжающагося крупнаго общественнаго движенія и къ нему непо-

средственно относящаяся, будетъ имѣть спросъ со стороны читающей публики.

Нужно ли говорить, что къ удовольствію моему я услышалъ отъ каждаго изъ нихъ полное согласіе съ моей точкой зрѣнія на значеніе изданія такой книги?! Нужно ли говорить, что первое же заявленіе подобнаго рода съ указаніемъ книгоиздателя на знакомство съ тѣмъ, что мною напечатано было въ этомъ отношеніи, поселило во мнѣ надежду на успѣхъ моего плана? Но каково же было мое удивленіе, когда каждый изъ книгоиздателей, къ которымъ я обращался, ссылаясь на совершенно однѣ и тѣ же причины, высказался противъ возможности затраты своихъ средствъ на подобное изданіе въ данное время!

— „Имѣйте въ виду,—говорили, они (сами не зная того, почти дословно повторяя одинъ другого),—что книга теперь [1]) вообще не въ ходу, недавній огромный спросъ на нее страшно упалъ и книжный рынокъ въ застоѣ. Разумѣется, спросъ на книгу теперь больше, чѣмъ во время войны, когда въ ходъ шла только газета, какъ изданіе, удовлетворявшее спросу публики на свѣжія новости съ театра военныхъ дѣйствій. Больш епотому, что и сама война, и освободительное движеніе породили новаго читателя и, наконецъ, остался же кругъ людей, попрежнему продолжающихъ интересоваться „успѣхами“ освободительнаго движенія. Но теперь спросъ упалъ даже и на газету и недавній тиражъ прогрессивныхъ газетъ уменьшился почти вдвое, нѣсколько увеличившись, впрочемъ, у газетъ консервативныхъ, однако, въ размѣрахъ, далеко не покрывающихъ общую убыль въ читателѣ“.

Какъ житель глухой провинціи, находящійся въ полномъ невѣдѣніи того, что сдѣлалось за это сравнительно короткое время съ городомъ, я, естественно, сталъ возражать, указывая на то, что если спросъ упалъ *вообще*, то онъ, во всякомъ случаѣ, не могъ упасть на книги, относящіяся къ жгучимъ явленіямъ современности,—къ продолжающемуся общественному движенію.

Они не спорили, что освободительное движеніе „можетъ быть, и продолжается“ потому, что не имъ судить о дѣлѣ, стоящемъ внѣ ихъ компетенціи, но единогласно и настойчиво указывали на то, что въ публикѣ пропалъ интересъ *къ книгѣ, касающейся освободительнаго движенія*, что на нее нѣтъ спроса, т. е. нѣтъ *такого* спроса, который позволялъ бы издателю рисковать своими средствами для ея изданія.—„Теперь,—говорили они,—мы положительно удерживаемся отъ издательства. Издаемъ только то, что завѣдомо и навѣрняка обратитъ на себя общее вниманіе и будетъ интересно для всякой публики... Ну, напр., что-нибудь вродѣ недавно вышедшей книги Озерова „Какъ расходуются народныя деньги“, или воспоминаній бывшаго губернатора Урусова.

[1]) Іюль 1907 г.

Съ читателемъ сдѣлалось что-то непонятное... Помимо пониженія интереса къ чтенію, рѣзко перемѣнились и его вкусы и притомъ въ такую сторону, въ какую мы вовсе не ожидали. Впрочемъ, при такой рѣзкой смѣнѣ его вкусовъ и настроеній мы еще сами не вполнѣ увѣрены въ правильности нашихъ наблюденій или, по крайней мѣрѣ, въ прочности нынѣшнихъ вкусовъ читателя... Пока отчасти есть еще спросъ на научныя изданія, но и то на узко-спеціальныя, затѣмъ есть еще спросъ на беллетристику—и только... Но и на беллетристику-то особенную—на беллетристику порнографическую!... Можетъ быть, этотъ спросъ временный, случайный, можетъ быть, наши наблюденія тоже случайны и потому не совсѣмъ точны, но у насъ, по крайней мѣрѣ, теперь на эти книги спросъ болѣе обыкновеннаго. Декамеронъ и „Тысяча и одна ночь" идутъ у насъ значительно болѣе ходко, чѣмъ прежде, а на новую книгу — „Билитисъ" спросъ теперь такой, какъ, кажется, никогда ни на одну книгу. Только отъ нее, можно сказать, и живемъ. Но долго ли это продолжится, мы этого не знаемъ, потому что все это такъ неожиданно и странно".

Итакъ, отъ освободительнаго движенія непосредственно къ самой отчаянной порнографіи! Вотъ тотъ, кажущійся совсѣмъ невѣроятнымъ, даже прямо невозможнымъ, переходъ отъ освободительнаго движенія къ порнографіи, которымъ вполнѣ объясняется поразившее меня на вокзалѣ изобиліе женской наготы и всякихъ видовъ флирта, вкусъ къ которымъ такъ удачно предвосхитили столичные издатели, болѣе предпріимчивые и чуткіе, чѣмъ ихъ провинціальные собраты, съ которыми шла моя бесѣда.

Переходъ, повидимому, странный и неожиданный, но если присмотрѣться ближе, вдуматься въ происходившее и въ то, что происходитъ въ то время, когда я пишу эти строки, т. е. когда „Записки кушетки", „Дневникъ горничной", „Записки падшей" и всякія другія порнографическія „записки" успѣли уже положительно заполнить нашъ книжный рынокъ,—то этотъ переходъ не покажется столь невѣроятнымъ. Надо только, какъ я говорю, хорошенько вдуматься въ прошлое, прослѣдить тѣ настроенія, подъ которыми жила наша публика за весь истекшій періодъ освободительнаго движенія, припомнить, какъ она реагировала на разнообразныя явленія текущей жизни.

Начнемъ съ начала. Сначала было большое увлеченіе освободительнымъ движеніемъ. Увлеченіе было, какъ зараза, почти повальное. Публика жила свѣтлыми надеждами, широкими упованіями; осуществленіе ихъ казалось столь возможнымъ, столь близкимъ, столь легкимъ... тѣмъ болѣе легкимъ и вѣроятнымъ, что, какъ тогда казалось, само правительство идетъ имъ навстрѣчу. И озаренная свѣтлой надеждой на скорое „освобожденіе", охваченная этимъ освободительнымъ настроеніемъ, публика наша охотно, съ живымъ интересомъ, шла навстрѣчу всему, что трак-

товало объ успѣхахъ освободительнаго движенія, что защищало его идею. Я хорошо помню это настроеніе. Я помню, съ какимъ интересомъ, можно сказать, азартомъ, публика бросалась тогда на отвѣчающія духу времени и ея вкусамъ литературныя новинки, какъ нарасхватъ раскупались тогда либеральныя и болѣе чѣмъ либеральныя газеты и юмористическіе журналы...

Затѣмъ началась реакція. Начались также, съ каждымъ днемъ усиливаясь, и репрессіи противъ печати. Кое-кто примолкъ, кое кто началъ поворачивать вправо. Сталъ, хотя и медленно, увеличиваться спросъ на болѣе умѣренныя газеты. И чѣмъ сильнѣе оказывалось давленіе реакціи, тѣмъ болѣе стала подниматься розница консервативныхъ газетъ. Я былъ тогда очень близокъ къ газетному дѣлу и помню это очень хорошо и дѣлаю эти выводы на основаніи фактовъ, наблюденныхъ, какъ мною, такъ и другими, столь же близко стоявшими къ этому дѣлу, людьми. Въ то время, какъ раньше не жалѣли денегъ, чтобы подписаться на газету болѣе крайнюю, потомъ стали говорить, что выписывать такую рискованно—„закроютъ и пропадутъ деньги зря“. Значитъ, „практичнѣе выписать, конечно, тоже либеральную, но поумѣреннѣе, тѣмъ болѣе, что и изъ умѣренныхъ есть все-таки пишущія довольно-таки свободно“... „Притомъ же, — продолжали разъяснять перешедшіе къ болѣе умѣреннымъ газетамъ, — и самыя смѣлыя изданія теперь все равно хвостъ поджали и не пишутъ уже такъ рѣзко и смѣло, какъ прежде, такъ что стали много менѣе интересны“... Въ сущности, оба эти явленія, т. е. паденіе тона газетъ и увеличеніе спроса на болѣе умѣренныя изданія, были между собой въ извѣстной связи, такъ какъ пониженіе тона печати вліяло на настроеніе публики, а только что отмѣченное обращеніе публики въ сторону болѣе умѣренныхъ изданій еще болѣе этому способствовало.

Какъ бы то ни было, но такъ сильно поднявшійся было до реакціи спросъ на брошюру и въ особенности на брошюру „зажигательную“, трактующую о самой, такъ сказать, сути освободительнаго движенія, въ то время продолжалъ еще пребывать на прежней высотѣ... Скажу кстати, что небывалый спросъ этотъ на брошюрочную литературу разсматривался въ то время, какъ показатель высокаго умственнаго подъема общества, знаменательнаго повышенія въ немъ интереса къ серьезной книгѣ, къ научно-обоснованному изученію и обсужденію серьезныхъ общественныхъ вопросовъ. Теперь же съ паденіемъ спроса и на эту литературу и на всякую другую, кромѣ эротики и порнографіи, достаточно, мнѣ кажется, ясно, что усиленный спросъ этотъ являлся просто показателемъ желанія публики, неподготовленной ни къ воспріятію освободительныхъ идей, ни къ мало-мальски обоснованному обсужденію вопросовъ соціальной жизни, на-скоро, примѣняясь къ настроенію даннаго момента, возможно болѣе

упрощеннымъ путемъ ознакомиться съ идеями неожиданно для нее самой увлекшаго ее освободительнаго движенія и вопросовъ, съ нимъ связанныхъ...

Но реакція шла дальше и тѣ, кто привыкъ держать носъ по вѣтру, ясно увидѣли, что вѣтра они не угадали и что пора повернуть руль направо, „а то, какъ бы чего не вышло". Тѣ же, которые „такъ мечтали и такъ надѣялись", что все это дастся весьма легко, само собою, въ силу общаго единодушнаго желанія „всего общества" и „благожелательной", сдѣлавшейся вдругъ либеральной, бюрократіи, стали потухать столь же быстро, какъ потухали ихъ свѣтлыя надежды. И свѣтлыя надежды смѣнялись настроеніемъ угнетенія и неудовлетворенности... А тѣ, кто-вѣрно или невѣрно поняли, что развитіе освободительнаго движенія можетъ грозить нарушеніемъ ихъ (имущественныхъ или иныхъ) личныхъ интересовъ (напр., наши аграріи), или кто въ страхѣ за возможныя послѣдствія своего недавняго увлеченія счелъ „болѣе осторожнымъ" замалить свои недавніе грѣхи „словомъ и дѣломъ", тѣ, разумѣется, „раскаялись" и круто повернули направо.

Такъ отвернулись или отстали отъ освободительнаго движенія всѣ тѣ, кто присоединился къ нему не по твердому убѣжденію, не съ твердой вѣрой, не съ твердымъ намѣреніемъ довести начатое дѣло до конца, несмотря на возможныя противодѣйствія и неудачи, а подчиняясь лишь общему теченію и увлекаясь прекрасною мечтою. Порывъ прошелъ, увлеченіе миновало и на ихъ смѣну пришли разочарованіе и угнетенность духа... Прошло и увлеченіе книгой, газетой; освободительное движеніе уже не привлекало, или—для нѣкоторыхъ—уже не казалось освободительнымъ, потребность въ ознакомленіи съ новыми вопросами уже угасла, непривычная къ серьезной работѣ мысли голова уже требовала отдыха. И вотъ въ результатѣ всего этого—крутой поворотъ почти спиной къ брошюрѣ, къ книгѣ... и.. и... невольная потребность чего-то другого, новаго, потребность заглушить въ себѣ это разочарованіе и неудовлетворенность, найти исходъ создавшемуся настроенію... И вотъ въ результатѣ—паденіе спроса на книгу вообще, требованіе только на книгу, нужную для „дѣла" (научныя книги по спеціальностямъ). Отсюда же и требованіе на книгу легкаго содержанія, не утруждающую усталаго мозга, отвлекающую отъ треволненій дня... Отсюда, наконецъ, и эта наклонность къ порнографіи, какъ неизбѣжная крайность при той реакціи душевнаго настроенія, которая переживается послѣ „увлеченія". Конечно, это психозъ, но психозъ—вполнѣ объяснимый...

Таково было то настроеніе, которое создалось къ описываемому мною времени въ городѣ, въ крупномъ городскомъ центрѣ — въ средѣ такъ называемой городской интеллигенціи, настроеніе, стоявшее въ такомъ противорѣчіи не только съ недавнимъ прош-

лымъ, но и съ тѣмъ, что наблюдалось въ это самое время въ деревнѣ...

Но что же было въ это время въ деревнѣ—въ той самой деревнѣ, которая вѣдь тоже „не поддержала думу“ и, слѣдовательно, какъ будто тоже отступилась отъ „освободительнаго движенія“? Почему эта самая деревня такъ легко отступилась отъ своей народной думы, отъ естественной и единственной защитницы ея интересовъ, почему жившая сравнительно еще недавно столь бурной жизнью она, такъ же, какъ и городъ, замолкла именно въ то время, когда, казалось, можно было ожидать наибольшаго ея возбужденія?

Вотъ на эти именно вопросы я и попытаюсь дать отвѣтъ, пользуясь тѣми моими личными, правда, въ извѣстной мѣрѣ случайными и разрозненными наблюденіями, которыя накопились у меня за время скитаній по деревнямъ въ періодъ второго междудумья.

Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности изложить этотъ очеркъ деревенскихъ настроеній хронологически, т. е. познакомить читателя съ послѣдовательнымъ ходомъ измѣненій этихъ настроеній во времени. Для этого нужно было бы, чтобы мои наблюденія за весь періодъ второго маждудумья относились къ однимъ и тѣмъ же деревнямъ, къ однимъ и тѣмъ же крестьянамъ. Между тѣмъ, все это время я ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ и, слѣдовательно, наблюдалъ различныя деревни лишь въ отдѣльные, случайные моменты ихъ жизни, оставаясь въ неизвѣстности, какое настроеніе было въ нихъ не только послѣ моего туда пріѣзда, но нерѣдко даже и до него. Поэтому мои замѣтки могутъ отмѣтить и выяснить лишь разнообразіе мнѣній, точекъ зрѣнія и настроеній въ деревенской средѣ, но не послѣдовательное измѣненіе тѣхъ и другихъ во времени. Единственно, что я могу сдѣлать въ этомъ отношеніи,—это излагать видѣнное и слышанное по возможности въ хронологическомъ порядкѣ—въ той послѣдовательности, въ какой я ихъ наблюдалъ въ дѣйствительности.

II.

По деревнямъ—послѣ роспуска второй думы.

Я ѣхалъ съ вокзала на „балагулѣ“ съ незнакомымъ евреемъ и какимъ-то русскимъ торговцемъ. Я былъ подъ впечатлѣніемъ первыхъ извѣстій о роспускѣ второй думы и потому съ перваго же абцуга завелъ разговоръ на эту тему. Прежде и больше всего меня интересовалъ вопросъ о томъ, какъ къ этому роспуску отнесся деревенскій людъ разныхъ мѣстностей. Съ этимъ именно вопросомъ: знаютъ ли крестьяне его мѣстности о происшедшемъ роспускѣ думы и какъ на него реагируютъ, я и обратился къ моему случайному спутнику-еврею, какъ къ лицу,

обыкновенно наиболѣе освѣдомленному въ мѣстныхъ деревенскихъ настроеніяхъ.

— Чего они знаютъ!?—съ брезгливой ироніей отвѣтилъ онъ.—Пхе! Развѣ они понимаютъ что-нибудь?! Развѣ они чѣмъ нибудь интересуются или читаютъ что-нибудь, чтобы знать, что на свѣтѣ дѣлается?! Развѣ они понимаютъ въ думѣ толкъ—для чего она и почему, и что отъ нее можно ждать?!... Они себя-то самихъ не понимаютъ, что они и кто они, и люди они или нѣтъ! А развѣ они могутъ понять такое... важное государственное... на счетъ, напр., думы или что!... Дураки, какъ всегда были, такъ и остались...

Онъ былъ полонъ презрѣнія къ „глупому мужику", но когда я сталъ протестовать противъ его замѣчанія, что мужикъ и теперь остался „такъ же глупъ, какъ и прежде", началъ понемногу сдаваться и понижать тонъ.

— Само собой, что послѣ войны,—соглашался онъ,—немного все-таки какъ будто поумнѣе стали, если бъ только отъ этого ума дурѣть не начали...

Я не понялъ и попросилъ разъясненія.

— Разумѣется, измѣнился народъ съ войны,—объяснялъ онъ, перейдя въ болѣе спокойный тонъ.—Раньше, бывало, ничѣмъ не интересовался, ни до чего ему дѣла не было и даже совсѣмъ мозгами шевелить не умѣлъ... Теперь все-таки хоть прислушиваться сталъ, что поумнѣй его люди говорятъ, что вокругъ дѣлается... Немножечко понялъ, что своего ума мало, такъ надо и другихъ слушать!... Само собой, что и это ужъ шагъ! Бывало, раньше и слушать ему ни о чемъ не интересно, а теперь, какъ начнешь ему говорить—сейчасъ уши развѣситъ, шапку на затылокъ заломитъ, чтобы лобъ былъ открытый и ума отъ людей набирался, и стоитъ, ротъ открывши,—образно изображалъ мой спутникъ, какъ нынѣшній мужикъ изъ глухой деревни набирается ума.

— Только слушать-то научился, а съ умомъ совладать еще не можетъ какъ слѣдуетъ... Что отъ кого ни услышитъ, все себѣ въ голову пихаетъ, а кому и чему вѣрить—все-таки не знаетъ.

— Это дѣйствительно,—вдругъ замѣтилъ до сихъ поръ молчавшій деревенскій торговецъ,—слушаетъ все, а сообразиться съ своимъ умомъ не можетъ... Чѣмъ больше наслушивается, тѣмъ больше путается въ умѣ...

Обрадованный неожиданной поддержкой торговца, еврей сталъ тотчасъ же подробно разсказывать, какъ „эти самые деревенскіе мужики", наслушавшись науськиваній совершенно незнакомыхъ имъ наѣзжихъ людей, ни съ того, ни съ сего, не имѣя передъ этимъ никакой злобы на евреевъ, стали повсюду громить ихъ въ „дни свободы" и какъ они на первыхъ порахъ поняли со словъ тѣхъ проходимцевъ эту самую „свободу"—свободой для

грабежа и насилія. Тогда я началъ понимать, откуда у него это презрительно-ироническое отношеніе къ „деревенскимъ мужикамъ"... Но тутъ же изъ его разсказа выяснилось, что самъ онъ различаетъ деревенскихъ мужиковъ и мѣстечковыхъ, изъ которыхъ послѣдніе обыкновенно толковѣе и развитѣе. Оказалось, что въ ихъ мѣстечкѣ погромъ предупрежденъ былъ мѣстечковыми крестьянами, прогнавшими набѣжавшихъ съ деревень крестьянъ. „За что, говорятъ, мы имъ дозволимъ ихъ бить: вмѣстѣ родились и росли, всѣ сосѣди, знаемъ другъ друга—развѣ они намъ враги?!" Такъ и прогнали деревенскихъ!

— А деревенскимъ, что ни скажутъ,—заключилъ разсказчикъ,—на что ни науськаютъ—всему повѣрятъ и все будутъ бить!

Однако, изъ дальнѣйшей бесѣды скоро выяснилось, что и эти мѣстечковые тоже отличались: погромили своего помѣщика и разнесли весь его хлѣбъ послѣ роспуска первой думы, хотя съ помѣщикомъ тоже „вмѣстѣ родились" и были „добрыми сосѣдями". Но это объяснялось тѣмъ, что какой бы ни былъ сосѣдъ, а все-таки—„чужой", да и притомъ помѣщикъ, т. е. человѣкъ, интересы котораго съ точки зрѣнія громившихъ враждебны ихъ интересамъ въ самомъ главномъ вопросѣ ихъ жизни—въ вопросѣ о землѣ.

— А какъ же теперь —послѣ роспуска второй думы?—невольно вырвалось у меня.

— Теперь они не знаютъ, что дѣлать: помѣщикъ ужъ разоренъ и бѣжалъ—не живетъ болѣе въ имѣніи, значитъ, громить больше некого... Да и отъ погрома толку не вышло, потому что вотъ и вторую думу распустили, слѣдовательно, разгромы помѣщиковъ не помогаютъ... Ну, а съ другой стороны, надо тоже принять во вниманіе, что и настроены теперь не такъ, какъ въ то время—тогдашнее-то воинственное настроеніе значительно уже упало...

Торговецъ согласился съ тѣмъ, что настроеніе, дѣйствительно, теперь „далеко не то, что годъ-два тому назадъ", но тѣмъ не менѣе жаловался, что съ народомъ сладу нѣтъ, что народъ въ общемъ сильно перемѣнился. „Совсѣмъ сталъ несообразный народъ! Непочтительный, грубый, особенно молодежь—прямо такая сибирная стала—не дай Богъ! Также если и на счетъ товару какого: такую цѣну дерутъ, хоть не покупай—все втридорога цѣнятъ противъ прежняго времени... Обалдѣли вовсе! Прямо сказать,—сдурѣли: ни товару, ни себѣ цѣны ужъ не знаютъ!"

— Вотъ это вѣрно!—тотчасъ же согласился съ нимъ еврей.—Оттого, что немного умнѣй прежняго стали—совсѣмъ дураками сдѣлались: ни себя, ни другихъ понять толкомъ не могутъ. Оттого, что себя понимать стали, какъ людей—права свои человѣческія—оттого стали думать о себѣ такъ, будто они нивѣсть кто... Думаютъ-то о себѣ больше, чѣмъ слѣдуетъ, а вокругъ

очень мало понимаютъ еще... Особенно молодые—тѣ очень мнятъ о себѣ и никого даже слушать не хотятъ—ни начальства, ни старшихъ...

— Что старшихъ!—воскликнулъ торговецъ.—Старшихъ они и въ грошъ теперь не ставятъ. Хоть бы начальства-то слушались!..

— Вотъ я и говорю,—продолжалъ еврей.—Умнѣе стали, а настоящаго ума еще не нажили. Оттого сообразиться и не могутъ. Оттого у нихъ теперь и кто во что гораздъ. Молодые стариковъ за самыхъ дураковъ считаютъ, старые себя только умными находятъ. Никто и всѣ вмѣстѣ никого слушать не хотятъ, а какъ сами ничего не знаютъ, то прислушиваются ко всему, что кто говоритъ. И при этомъ никому и ничему не хотятъ вѣрить (мы-де сами себѣ голова—никому ничего не повѣримъ—у насъ свой умъ есть: сами все сообразимъ!), а въ то же время все-таки вѣрятъ, кому попало. И всѣ—кто во что гораздъ: одинъ думаетъ такъ, другой—иначе, одинъ вѣритъ тому, другой—другому, одинъ тянетъ въ одну сторону, другой—въ другую и никто не знаетъ, „куда тянуть вѣрно". Сто человѣкъ и сто мнѣній! Вотъ и одурѣли!

Таковъ былъ отзывъ мѣстныхъ людей о деревнѣ въ данное время. Конечно, отзывъ этотъ не лишенъ нѣкоторыхъ преувеличеній, но онъ очень характеренъ для даннаго времени и до извѣстной степени все-таки вѣрно изображаетъ тотъ, такъ сказать, умственный хаосъ, который царствуетъ теперь во многихъ деревняхъ... не скажу—во всѣхъ, потому что самъ знаю много тому исключеній. И такъ какъ онъ характеренъ, то я счелъ нужнымъ нарочно привести его въ началѣ моего обзора деревенскихъ настроеній, чтобы дать, такимъ образомъ, нѣкоторый ключъ къ пониманію послѣдующаго, къ уясненію того разнообразія мнѣній и отношеній, какое проявила деревня въ сферѣ изслѣдуемаго вопроса.

— Слыхали? Думу-то вѣдь распустили!—говорю я подъ впечатлѣніемъ только-что полученнаго извѣстія группѣ крестьянъ, сидѣвшихъ въ одномъ вагонѣ со мною.

— А нешто только сейчасъ распущена она?!—равнодушно и съ нѣкоторымъ удивленіемъ въ тонѣ голоса спрашиваютъ въ свою очередь меня.—А мы вѣдь думали—давно распущена она...

Конечно, я изумленъ до-нельзя и спѣшу разъяснить, что то была распущена первая дума, а теперь была вторая и вотъ теперь распущена и она. Но они, оказывается, знаютъ, что послѣ первой думы созвана была вторая, но думали, что она „давно уже прикончена".

— Что-то вѣстей о ней никакихъ не слышно было, да и дѣловъ не видно—ни на счетъ земли, ничего... Вотъ и думали: разогнали, знать, и ее...

— Въ первую-то думу все-таки газеты почитывали,—добавляетъ въ поясненіе другой,—вотъ и знали все-таки кое-что. А теперь у насъ въ волости такія строгости на счетъ этихъ самыхъ газетъ завелись—просто бѣда! Газетъ вовсе читать мужику не даютъ и даже къ строгому за это отвѣту привлекаютъ. „Не дозволена, говорятъ, мужикамъ газета, да и баста!" Теперь выписывай—не выписывай все равно безъ газеты сидѣть будешь—газеты ни за что до мужика не допустятъ...

— Потому вредная она—вреднѣе думы!—остритъ третій и, сейчасъ же переходя въ серьезный тонъ, замѣчаетъ:—Такъ, значитъ, вторую думу только сейчасъ разогнали! Ну, и все, видно, опять за то же, за то, что земли разстараться крестьянамъ хотѣла... Ужъ не за другое что!..

— Д-да, вотъ мы и вторую думу господамъ разогнать дали,—какъ бы вскользь замѣчаетъ одинъ изъ крестьянъ.—А теперь что изъ этого получимъ?

— Ну, „что получимъ"?

— То получимъ, что никогда ничего не получимъ, коли своихъ второй уже разъ разгонять позволяемъ...

— А вѣдь вѣрно это, правильно онъ...

— Вѣрно ль, не вѣрно, да что съ того толку, если ты живешь тутъ, все равно, какъ на другомъ свѣтѣ, а дума-то на третьемъ—ты о ней ничего не знаешь, а она о тебѣ—такъ какъ же вы другъ другу подмогнете?!

Мы вонъ даже и слыху о ней никакого не слыхали, что она и какъ? Слѣдственно, развѣ мы могли ей хоть въ чемъ помочь? А между прочимъ сказать, такъ вѣдь и всѣ, а если и не всѣ, то все-таки многіе, что никакихъ вѣстей о думѣ не знали, слѣдственно, и подмогнуть ей во-время не могли...

Почти вслѣдъ за этимъ имѣлъ я бесѣду съ крестьянами другой деревни.

По обыкновенію, не высказывая своего личнаго мнѣнія, постарался только дать тему для разговора, задалъ нѣсколько вопросовъ... конечно, на счетъ, главнымъ образомъ, роспуска думы.

— Разогнали ее, матушку, разогнали! Прямо такъ сердце болитъ, что и говорить тошно! Мы не отъ васъ перваго сегодня слыхали, потому что близко вѣдь къ вокзалу и на сашѣ (шоссе) живемъ. Что будетъ, что будетъ?! Погинетъ мужикъ, погинетъ теперь вовсе—одинъ только свѣтъ въ думѣ былъ—теперь и того не стало! Ложись да помирай!

— Теперь ужъ одинъ конецъ—другого не жди!—столь же меланхолически замѣчаетъ другой изъ крестьянъ.

— Жди вотъ теперь: соберутъ третью думу или нѣтъ...

— Дожидайся!.. А намъ бы вотъ чѣмъ третью ждать, лучше бы вторую не давать распускать...

— Ты прежде скажи, *какъ* ты этого не дашь, а потомъ и говори, что „не давать"...

— Извѣстно, просить, до большого начальства дойти, объяснить все, какъ есть на счетъ думы, на счетъ господъ, на счетъ земли, на счетъ прочаго всего...

— Ну, извѣстно, не бунтовать же. Бунтовать намъ закономъ не дадено, потому отъ одной деревни никакого бунту не выйдетъ, а у насъ всѣ деревни врозь и каждая сама по себѣ и у всякой вѣра своя: одна въ одно вѣритъ, другая—въ другое, третья третьяго ждетъ, а четвертая ни во что не вѣритъ и ничего ужъ не ждетъ—помирать собирается...

Спустя немного времени пришлось мнѣ посѣтить еще деревню, на сей разъ деревню дачнаго пригороднаго района, хотя и удаленную отъ города верстъ за 60, но приближенную къ нему желѣзной дорогой и наличностью многочисленныхъ городскихъ жителей въ видѣ дачниковъ. Деревня эта уже многіе годы „жила дачникомъ" и, какъ казенная, т. е. состоящая изъ государственныхъ крестьянъ, да притомъ еще и окруженная такими же деревнями и землями казны, никогда не мечтала серьезно ни о какихъ земельныхъ „прирѣзкахъ".

Когда я спросилъ у мѣстныхъ крестьянъ, слыхали ли они новость о роспускѣ думы, они даже удивились и чуть не обидѣлись, что я спрашиваю объ этомъ.

— Ну, само собой, что слышали! Среди людей живемъ, не въ лѣсу, почта каждый день, опять же вокзалъ, городская публика во многочисленности...

— Ну, и что же?

— Д-да, ничего...

— Т. е., какъ „ничего"?

— Да намъ чего же? Распустили, такъ, значитъ, распустили...

— Довольны или недовольны?

— Да намъ-то что же?.. Наше дѣло тутъ не касающе... Не мы сбирали, не мы и разгоняли...

Но надо было слышать при этомъ тонъ, которымъ все это говорилось! Убійственно-холодный, равнодушный и притомъ еще пропитанный ироніей къ тому, кто находитъ интереснымъ разспрашивать о подобныхъ нестоющихъ вниманія вещахъ!

— Вотъ, можетъ, слыхали: выборы новые скоро будутъ—въ третью думу—выбирать опять будете, можетъ быть, и изъ васъ кто-нибудь попадетъ въ самую думу,—съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, пытаюсь я заинтересовать моихъ знакомцевъ вопросомъ о думѣ.

— У насъ этихъ выборовъ и такъ бываетъ не мало: то въ старосты, то въ волостные судьи, то куда... Антересу отъ этого большого тоже не видимъ... окромя развѣ потерь въ хозяйствѣ...

— Или что еще больше сопьется человѣкъ, чѣмъ былъ раньше,

и совсѣмъ на пьяную линію выйдетъ даже противъ всей нашей деревни!

И мои знакомцы хохочутъ, потому что одно изъ главныхъ ихъ занятій по признанію и ихъ самихъ и крестьянъ сосѣднихъ деревень, это проживаніе въ трактирахъ и въ пивныхъ легко нажитыхъ „черезъ дачниковъ“ денегъ, собирающихся у нихъ въ достаточномъ количествѣ.

Недѣльки, примѣрно, черезъ двѣ пришлось мнѣ выѣхать въ другое мѣсто. Остановился ночевать въ одной деревнѣ. Разговорились о томъ, о семъ.

— Ну, какъ,—говорю,—на счетъ роспуска думы? Горюютъ ваши или сердятся или, можетъ быть, для васъ все-равно, что распустили, что не распустили, что есть она, что нѣтъ.

— Ахъ, какъ же можно!.. Которые—нѣкоторые очень даже огорчаются...—съ осторожностью замѣчаетъ одинъ изъ стариковъ.

— Какой тамъ „огорчаются“—прямо говори: сами руки чешутся... Кабы сила, такъ бы мы...—срывается молодой и замолкаетъ отъ окрика старыхъ.

— Ну, ты того... тоже не очень!.. Много понимаешь!.. Чеши тамъ себѣ руки, коли чесотка завелась...

— А что жъ, неправда, что ли?—оправдывается тотъ.—Развѣ не па̀лятъ теперь вокругъ?!..

— Да то развѣ наши, развѣ мы разбойники, что ли, или противъ начальства идемъ?!..—горячо набрасываются на него старики и онъ замолкаетъ, а затѣмъ вскорѣ и удаляется подъ шопотъ „выговаривающихъ“ ему стариковъ.

Позднимъ вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, я выхожу изъ хаты на свѣжій воздухъ.

Тепло. Съ безоблачнаго неба тихо мерцаютъ звѣзды. Все уже спитъ. Тихо на землѣ, тихо на небѣ. Темное небо слилось съ темной землей и закрыло дали, и ничего не видно впереди, кромѣ смутныхъ очертаній ближайшихъ избъ да все того же теплаго, темнаго неба, усыпаннаго звѣздами. Только вдругъ на востокѣ показался снопъ свѣта. Онъ появился сразу и сразу же яркое зарево охватило полнеба. Пожаръ былъ близко, должно быть, въ какой-нибудь сосѣдней деревнѣ, и я пошелъ скорѣе, чтобы разбудить моихъ хозяевъ.

Я шелъ назадъ, уже не заботясь о покоѣ заснувшихъ, и шумъ моихъ шаговъ разбудилъ „дѣдушку“, прикорнувшаго въ сѣнцахъ.

— Кто тутъ, кто тутъ?... Ходитъ-то кто?—съ тревогой въ голосѣ зашамкалъ онъ, приподнимаясь съ своей жесткой постели.

— О-о!.. А я думалъ чужой кто, непутный!—тотчасъ же успокоился онъ, услыша мой голосъ, и собрался ложиться.—Чего ходишь-то, чего ходишь, говорю, ночами? Аль не спится? Тамъ вѣдь въ хатѣ-то душно, душно, говорю, душно... Ну-ко, ложись

ка, братику, въ сѣнцахъ, ложись здѣся со мною въ сѣнцахъ—свѣжѣе будетъ, заснешь скорѣе...

Я поспѣшилъ ему разсказать о пожарѣ.

— Пожаръ, пожаръ!—въ безпокойствѣ заговорилъ онъ, съ необыкновенною быстротою вскакивая съ постели.—Такъ что жъ ты не говоришь сразу, что стоишь-то, говорю, зря—народъ не булгачишь?!.. Гдѣ пожаръ-то, у кого?...—Онъ сильно волновался и безъ нужды суетился, продолжая топтаться на одномъ мѣстѣ.

Но все его волненіе кончилось сразу, какъ только онъ узналъ что пожаръ не въ ихъ деревнѣ.

— О, да что тутъ... что безпокоишь-то зря, людей только безъ дѣла со сна пугаешь!—сердился онъ, когда узналъ, въ чемъ дѣло и вышелъ на улицу посмотрѣть, гдѣ горитъ.—Много вѣдь ихъ теперь у насъ—пожаровъ-то этихъ, много, много...—объяснялъ онъ мнѣ, поглядѣвъ на столбъ свѣта и сообщивъ свое предположеніе, что „горитъ Никитенскій баринъ, либо хлѣбъ у него на току—потому горѣть тамъ больше некому".

— Да, да, никто, какъ онъ... потому хоть деревня и тамъ, ну, деревнѣ теперь горѣть вовсе не съ чего... не съ чего ей горѣть—никакой тому причины нѣтъ, а ему—въ самый разъ...

— Эт-та теперь у насъ, сказать тебѣ по правдѣ, кажину ночь—пожары-то эти! Господа все это свѣтятся вокругъ послѣ думы-то этой, потому размолвка теперь у народа съ господами пошла—разсердился народъ, осерчалъ, за средствія взялся, за свои за собственныя, по разумѣнію своему...

— Пàлятъ ихъ теперь, охъ, пàлятъ! Кажду ноченьку теперь округъ земли свѣчечки эти горятъ—иногда по двѣ и по три разомъ... Вотъ и сейчасъ, гляди, на солнцезаходѣ не другая ли свѣчечка горитъ?—заговорилъ онъ, оборачиваясь къ дому и замѣтивъ на горизонтѣ новую полосу свѣта. И медленной стопой, покряхтывая и покашливая, дѣдъ направился въ свои сѣнцы, а я остался смотрѣть, какъ новое зарево, на этотъ разъ значительно болѣе отдаленнаго пожара, медленно разрасталось на фонѣ темнаго неба.

Таково было разнообразіе въ отношеніи крестьянъ къ роспуску Думы...

III.

Теорія „крѣпкаго крестьянскаго корня".

Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ я встрѣтилъ деревню, гдѣ думѣ сочувствовали, думу считали защитницей крестьянскихъ интересовъ, о роспускѣ думы жалѣли и все-таки отнеслись къ роспуску довольно равнодушно: „пожалѣли—и только"... И это потому, что деревня жила увѣренностью, что—дума не единственное средство улучшенія крестьянскаго положенія, что и безъ думы все равно

неизбѣжно все въ концѣ концовъ сдѣлается „по-божьему, по крестьянскому", что никакіе разгоны думы не измѣнятъ неизбѣжнаго хода вещей, предопредѣленнаго создавшимися условіями и отношеніями. Вопросъ только во времени.

Въ этой деревнѣ у меня произошелъ весьма интересный разговоръ, выяснившій, между прочимъ, не только взглядъ этихъ крестьянъ вообще на значеніе думы, но и взглядъ ихъ на важное значеніе крестьянства.

Разговаривая по поводу роспуска думы, одинъ изъ крестьянъ характеризовалъ мнѣ положеніе даннаго момента такими словами:

— Мужикъ хочетъ свои права доказать, помѣщикъ—свои, начальство—свои, и все дѣло въ томъ, кто въ концѣ концовъ пересилитъ. Чья сила возьметъ, по того указу и все дѣло пойдетъ... Ну, теперь, конечно, силу беретъ помѣщикъ, потому, какъ онъ получилъ себѣ большую подмогу въ начальствѣ.

— А чья же,—спросилъ я,—„въ концѣ концовъ сила возьметъ" и по чьему „указу все дѣло пойдетъ"?

На это послѣдовалъ отвѣтъ говорившаго и всѣхъ тутъ бывшихъ крестьянъ:

— Трудно, а силу въ концѣ концовъ возьметъ все-таки *Россія.* (!) Не можетъ быть, чтобы Россія не одолѣла, потому что вся сила въ ней и все ею держится. Безъ Россіи и государству не быть. Все въ концѣ концовъ отберетъ себѣ Россія... А не станутъ отдавать—вся Россія забастуетъ (!) и все-таки своего добьется. Тогда ужъ будетъ все такъ, какъ сама Россія захочетъ.

Оказалось, что они отождествляютъ крестьянство съ Россіей. Крестьянство, народъ—это Россія, это—все, это—существо россійскаго государства, это—именно то, чьими желаніями, указаніями и велѣніями должно въ концѣ концовъ руководствоваться государство. Все же остальное—всѣ прочіе классы населенія имперіи—это только второстепенные придатки, у которыхъ, очевидно, нѣтъ будущаго.

Таково было пониманіе ими значенія и силы крестьянства.

Эта вѣра въ свѣтлое будущее „Россіи" основана была, какъ оказывается, на своеобразной теоріи о „*крѣпкомъ крестьянскомъ корнѣ*", предопредѣляющемъ неизбѣжность крестьянской побѣды.

Прежде всего, однако, дѣло въ „Апоніи"...

— Апонія, спасибо ей, всѣмъ настоящія права показала. Только съ Апоніи люди задумались о своемъ житьѣ: и что такое, и какъ, отчего, почему, и какъ жить дальше, и что дѣлать—т. е., о чемъ совсѣмъ даже никогда и не думали раньше. Съ Апоніи только и сталъ оглядываться, осматриваться, просыпаться народъ и себя и людей понимать. Обдумала Апонія мужика и на настоящую линію навела... Да и какъ не навесть, не обдуматься! Глядите-ка, слушайте-ка: двѣ державы большія и обѣ вдругъ за чужую землю два года воевали, сколько людей у себя

переведи! Гдѣ умъ у нихъ былъ, у обѣихъ, кто до того ихъ довелъ, чтобы такія глупости дѣлать: изъ-за чужого добра своихъ же людей переводить?! Развѣ же не задумаешься надъ однимъ только этимъ?! Развѣ же мужикъ-то, народъ то, если бы у него въ то время свой умъ да понятіе было, да зналъ бы онъ, въ чемъ все дѣло и какъ... развѣ же бы народъ своимъ-то умомъ пошелъ бы на такую глупость?!.. Да, спасибо Апоніи за войну—обдумала она насъ, за умъ взяться толкнула. Это она народу настоящія правила показала: и какъ у насъ дѣло идетъ, и что отчего; и какъ надо жить, чтобы больше дураками не быть. Обдумался изъ-за нее народъ, поумнѣлъ. Н-ну, конечно, и начальству и помѣщикамъ тоже Апонія же правила показала; только на настоящую-то линію они не хотятъ выйти, потому что невыгодно это имъ, не разсчетъ! Оттого и смута такая кругомъ.

Я думалъ, что вслѣдъ за „Апоніей" они укажутъ еще и на думу, какъ на другой моментъ, способствовавшій развитію народнаго самосознанія. Но оказалось, что въ ихъ глазахъ Апонія положительно затмевала думу, что для того, чтобы выяснить ихъ точку зрѣнія на вліяніе думы, надо было сначала навести ихъ на эту тему. Оказалось, что въ дѣлѣ пробужденія „Россіи" дума— „статья второстепенная", что дума „только больше раскрыла глаза Россіи", которые уже были открыты Апоніей.

Заслуга думы, съ ихъ точки зрѣнія, заключалась прежде всего, говоря литературнымъ языкомъ, въ вульгаризаціи и дискредитированіи власти, престижъ которой, и безъ того уже пошатнувшійся „благодаря Апоніи", еще болѣе упалъ, когда „Россія" стала знакомиться по газетамъ и слухамъ съ дѣлаемыми въ думѣ разоблаченіями, съ дебатами депутатовъ съ министрами и пр. Другой же важной заслугой ея они считали то, что „вся дума прямо стала за Россію", поставивъ на очередь аграрный вопросъ и подчеркнувъ такимъ образомъ крестьянству несомнѣнность его правъ на скорѣйшее разрѣшеніе таковаго. Вообще дума, судя по ихъ словамъ, способствовала разъясненію многаго изъ того, что къ тому времени еще не ясно формулировалось въ народномъ сознаніи. Но, во всякомъ случаѣ, роль ея во вліяніи на ростъ народнаго самосознанія была второстепенной, потому что „все дѣло все-таки въ Апоніи" и благодаря именно „Апоніи" народъ, хотя бы и съ нѣкоторымъ опозданіемъ, все равно и самъ бы дошелъ до пониманія того, что внесла въ его сознаніе дума. Значитъ, первенство въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ, за Апоніей, потому что именно за время войны въ народѣ, рядомъ съ критикой существующаго, выросло сознаніе, что ему не отъ кого ждать улучшенія своего положенія, кромѣ самого себя, выросло сознаніе своихъ правъ и значенія. Это и было началомъ „всего", залогомъ неизбѣжности дальнѣйшаго прогресса народнаго самосознанія, помимо всякой думы, помимо чего бы то ни было.

Особенно интересной и характерной во всей этой бесѣдѣ показалась мнѣ та теорія „крѣпкаго крестьянскаго корня“, которую собесѣдники мои такъ тѣсно связывали съ „Апоніей“, обосновывая на ней свои права и на первенство „Россіи“, т. е. простого народа передъ всѣми другими сословіями, и на обладаніе „всею землею“ и на руководительство дѣлами государства.

Признаюсь, я долго не понималъ, что это за „корень“, на которомъ они такъ упорно и твердо основываютъ свои „права“ и какая его связь съ „Апоніей“. Связь эта не уяснилась мнѣ и изъ слѣдующаго діалога, явившагося результатомъ моихъ недоумѣнныхъ разспросовъ.

— Вотъ нашъ помѣщикъ... вѣдь отъ земли же живетъ, какъ и мы, а спроси-ка, сколько онъ съ этой земли солдатъ на войну съ Апоніей далъ?!

— Сколько?

— „Сколько“?! А онъ холостякъ—вотъ что!—Торжествующій взглядъ и поднятый кверху палецъ говорившаго, долженствовавшій обратить особое мое вниманіе на холостячество помѣщика, признаюсь, опять не разъяснили мнѣ ничего. Между тѣмъ, столь же торжествующія улыбки остальныхъ участвовавшихъ въ нашемъ разговорѣ крестьянъ показывали, что ораторъ попалъ въ самую точку, въ самую суть затронутаго мною вопроса. Гвоздь, повидимому, сидѣлъ въ холостячествѣ помѣщика, но „корень“ гвоздя все еще былъ скрытъ отъ меня. Я недоумѣвалъ, а они открыто, откровенно удивлялись моему барскому неразумію: „хотя и баринъ, а все-таки какъ же не понять такого простого дѣла!“—видимо написано было на лицѣ каждаго изъ нихъ.

Я счелъ себя вынужденнымъ скромно признаться въ непониманіи и попросить разъясненія. Надо правду сказать, оно дано было съ большой охотой. Разъясненіе, впрочемъ, послѣдовало въ формѣ цѣлаго ряда вопросовъ, которые имѣли цѣлью навести меня на путь истинный.

— Ерогинскаго помѣщика знаешь?

— Ну, знаю.

— А гдѣ у него жена? Гдѣ? Съ офицеромъ убѣжала! А съ кѣмъ онъ живетъ? Думаешь, одинъ? Нѣтъ, не одинъ, а съ двумя дѣвицами, знаешь, изъ тѣхъ, что затылкомъ наволочки стираютъ! Слѣдственно, что же выходитъ?!—почти строго спросилъ разъяснитель.

— Слѣдственно... слѣдственно, мнѣ кажется, изъ этого ничего не выходитъ,—не безъ нѣкоторой робости попробовалъ я отвѣтить.

— Вотъ именно, что „не выходитъ“,—какъ бы съ радостью подхватилъ говорившій,—именно вѣрно, что ничего не выходитъ! Живетъ съ любовницами и корня, значитъ, настоящаго и наслѣдства нѣтъ, и слѣдственно, корень у него пропадаетъ, такъ что

если онъ умретъ, то чортъ его знаетъ, кому и вся земля пойдетъ...

— Но причемъ тутъ ерогинскій помѣщикъ съ любовницами?— перебилъ я его.

— Какъ „причемъ"?! А причемъ они всѣ! Вѣдь они всѣ такіе—у всѣхъ корня нѣтъ настоящаго, всѣ такъ живутъ—кто холостымъ, кто съ любовницами, а кто и при живой женѣ другую на сторонѣ держитъ, кто въ заграницѣ за француженками ухлыстываетъ... Значитъ, есть у нихъ настоящій корень или нѣтъ?

И увидя растерянность на моемъ лицѣ, разъяснитель тотчасъ же подхватилъ:

— Ну, вотъ самъ видишь, что нѣтъ, значитъ, чего же и говорить! А опять взять и то: развѣ у земли они крѣпки, развѣ къ землѣ привязаны и развѣ ею одной они только и живутъ, и развѣ они ее холятъ, и развѣ жить они безъ нее не могутъ, а? Сочти-ка, коли счетъ не боишься потерять, сколько ихъ такихъ, что у земли даже и не живутъ, даже земли своей не видятъ, о ней не заботятся, другимъ людямъ работать отдаютъ или пріѣзжаютъ только на время, а сами живутъ на службахъ, на жалованьѣ, слѣдственно, не ею одной кормятся!... Значитъ, самъ видишь, *и въ землѣ* тоже у нихъ настоящаго корня нѣтъ! Вѣдь это только мужикъ одной землей живетъ, на ней родится, ею одной питается, на ней умираетъ, на ней дѣтей родитъ, за нее руками и зубами держится, ее холитъ и ее любитъ, на нее молится. И это только онъ такъ къ ней прицѣпился, что и отцѣпиться не сможетъ. Такъ я говорю или нѣтъ?

— Ну, положимъ, что это такъ...

— Вотъ!—съ еще большей увѣренностью продолжалъ вопрошавшій.—Значитъ, корень у нихъ по всѣмъ статьямъ вовсе слабый; прямо сказать, совсѣмъ корня нѣтъ, а у *Россіи* корень весь въ землю вросъ,—корень крѣпкій, прочный, самый настоящій, который изъ земли вышелъ, землей живетъ, въ землю уходитъ, изъ земли же рождается и ею питается. Мы мужики—коренные, корень свой сыздавна имѣемъ, корень свой крѣпко держимъ, на немъ стоимъ. Этимъ только корнемъ и держится вся Россія—ничѣмъ другимъ... да!.. Понялъ теперь, въ чемъ корень дѣла-то весь?

Я начиналъ понимать; но онъ соблаговолилъ продолжить свои разъясненія.

— Это все такъ, а посмотри теперь съ другой стороны. Я говорилъ сейчасъ о помѣщикахъ, что семьей не живутъ, отъ семьи отбиваются, о своемъ корнѣ заботы не имѣютъ—о такихъ, значитъ, больше и говорить нечего... Ну, есть же такіе, что все-таки ладно живутъ, семьи имѣютъ, дѣтей. Возьмемъ теперь даже ихъ. Вотъ у макаровскаго помѣщика... и самъ онъ всегда при своей землѣ

живетъ, и семья у него одна настоящая, законная, коренная и трое сыновъ... А сколько у него земли?

— Кажется, около 1000 десятинъ.

— Вѣрно! Тысяча десятинъ. А сколько земли у нашего села?— съ замѣтнымъ торжествомъ въ голосѣ продолжалъ спрашивать разъяснитель.

— Я не знаю.

— Не знаешь?! А я скажу: тоже около тысячи десятинъ!

— Ну, такъ что?

— Какъ „что"?! А сколько онъ—этотъ макаровскій помѣщикъ—съ этихъ своихъ тысячи десятинъ солдатъ на войну съ Апоніей далъ?!—съ еще большимъ торжествомъ и даже какъ бы съ восторгомъ спрашивалъ онъ, одновременно окидывая торжествующимъ взоромъ сочувственно глядѣвшую на него компанію крестьянъ.

— Почемъ я знаю?..

— „Почемъ"?! Нѣтъ, не „почемъ"! Это ужъ ты напрасно. А я скажу тебѣ прямо: не далъ ни одного! Понимаешь? Съ 1000 десятинъ *не далъ ни одного!* Да мы и не помнимъ, чтобы съ этихъ 1000 десятинъ когда-нибудь хоть одинъ солдатъ пошелъ..

— Вѣрно, вѣрно!—единодушно подтвердила прочая крестьянская братія.

— Вотъ видишь: все село это знаетъ вѣрно, все село подтвердитъ! А теперь скажи, сколько, ты думаешь, наше село на ту же войну солдатъ съ такихъ же 1000 десятинъ дало?.. Не знаешь?! Ну, такъ я тебѣ скажу: двадцать одинъ! Правильно я говорю, господа?—почти въ восторгѣ отъ убѣдительности своихъ доводовъ спросилъ онъ своихъ односельцевъ.

— Правильно, правильно!—былъ единодушный, почти радостный, отвѣтъ.

— Значитъ, онѣ съ 1000 десятинъ никого, а мы съ 1000 десятинъ—двадцать одинъ! Правильно это, по настоящему это закону или нѣтъ, *имѣютъ они послѣ этого право владѣть землею или же нѣтъ?*.. Вотъ ты теперь и возьми: корня у нихъ настоящаго нѣтъ, корень у нихъ пропадаетъ и настоящій корень только у насъ— у насъ онъ не пропадаетъ. Это первое. А второе: у насъ съ земли всѣ солдаты идутъ, а у нихъ ничего. Это—два... А ты, можетъ, думаешь, что это и все?!.. Нѣтъ, милый человѣкъ, подожди. Это былъ только первый пунктъ да второй, а ты вотъ теперь посмотри-ка еще въ третью сторону.

Я только что хотѣлъ посмотрѣть „въ третью сторону", какъ онъ съ прежнимъ жаромъ заговорилъ снова.

— Третья же сторона та: кто ее, эту землю, заработалъ: они или мы? Это, братъ, всякому ясно! Что наша земля нами же заработана—объ этомъ и спорить никто не можетъ. А дѣло въ томъ, что и ихняя земля тоже нами же, нашей кровью, нашими

же руками и боками заработана. Такъ что она теперь, если по закону бы, по справедливости, такъ по нашему труду совсѣмъ наша приходится... вродѣ какъ собственность...

— А наша же, наша она, наша и есть, потому что не они, а мы же всю жизнъ ее обрабатывали!—тотчасъ же дружно подтвердили односельцы.

— Но ты не думай, у насъ есть еще и четвертая сторона на счетъ этого, потому что мы знаемъ, кто ее оплатилъ: оплатила ее наша же работа!.. И еще на счетъ этого самаго платежа... Давеча мы говорили на счетъ солдатъ, что они съ 1000 десятинъ ничего, а мы—21; но на счетъ вѣдь платежа тоже самое оказывается: съ нашей то десятины мы всегда втрое больше платили, чѣмъ они съ своей; значитъ, все время мы эту лишнюю часть *не за нашу*, а за *ихъ землю* оплачивали! Вотъ какъ!.. Значитъ, и выходитъ теперь, что земля-то ихъ по всѣмъ четыремъ статьямъ не имъ, а давно ужъ, по закону, *Россіи* принадлежитъ!..

— И все-таки, какъ сами видите, она не ваша и не въ вашемъ владѣніи,—невольно вырвалось у меня.

Но тутъ поднялся такой хаосъ, въ которомъ сначала трудно было разобраться. Всѣ вскочили и, по деревенскому обыкновенію, одновременно начали говорить, такъ что нельзя было разобрать, что говоритъ каждый въ отдѣльности. Однако, и среди этого шума и гама нельзя было въ концѣ концовъ не понять, что всѣ они твердо на этотъ счетъ держатся одного мнѣнія. А мнѣніе это было таково, что если эта земля пока не у нихъ, то это отнюдь еще не доказательство того, что они не имѣютъ на нее правъ и что впослѣдствіе она не будетъ принадлежать имъ вся сполна.

Въ концѣ концовъ оказалось, что на счетъ этого у нихъ тоже имѣется своя теорія, имѣющая нѣкоторую связь съ теоріей крѣпкаго крестьянскаго корня.

По ихъ понятіямъ, земля должна неизбѣжно перейти къ нимъ (хотя бы не было и думы) совершенно мирнымъ путемъ, который, однако, если придетъ, что называется „невтерпежъ" или „если заартачатся противъ всего этого помѣщики", можетъ быть и ускоренъ путемъ „забастовки всей Россія". Теорія эта въ общемъ такова. У помѣщиковъ „вовсе слабый корень", а у мужика—настоящій, что называется,—„самый корень и есть"! Слѣдовательно, какъ-никакъ (съ думой или безъ думы) помѣщики должны сойти на нѣтъ. Лѣса они сняли и деньги прожили; земли заложили и деньги спустили; всѣ у нихъ земли кругомъ въ долгахъ и все-таки они еще больше лѣзутъ въ долги. Значитъ, платежи на землю растутъ, а такъ какъ они сами землю не обрабатываютъ, то скоро эти платежи станутъ такъ велики, что имъ невыгодно будетъ держать землю, или же они окажутся неплательщиками, вслѣдствіе чего банки, казна отберутъ у нихъ землю

и передадутъ тѣмъ, кто единственный эти платежи вынести можетъ, т. е. крестьянамъ.

— Передадутъ намъ всю тую землю и скажутъ: „платите, господа православные мужички, обробляйте; платите, чтобы только казнѣ въ убыткѣ не быть—выручайте казну; платите за отшедшихъ господъ, которые къ этому дѣлу неспособные; берите себѣ все, старайтесь и на казну и на себя, по силѣ возможности; пусть будетъ вся эта земля ваша навсегда, только оплачивайте, что слѣдуетъ".

Такъ, слѣдовательно, какъ видитъ читатель, по этой теоріи, въ концѣ концовъ просто и мирно, даже безъ помощи думы, долженъ рѣшиться весь сложный аграрный вопросъ въ силу простой, по ихъ мнѣнію, неизбѣжности такого выхода — рѣшится непремѣнно въ пользу „Россіи", которой, однако, рѣшеніе это, какъ оказывается, не сулитъ особо широкихъ перспективъ по части „сладкой жизни" и всякаго благоденствія.

Дѣло въ томъ, что „платежи будутъ тяжелые и для ихъ оплаты трудиться придется ой-ой!" А съ другой стороны, „народу очень умножилось", значитъ, раздѣлится земля „по малости", такъ что „не очень разгуляешься"... Да и съ земли-то съ этой „сливочки, братъ, всѣ сняты—лѣсочки повыведены, а землица повыпахана— не надѣйся, значитъ, Россія, на особые какіе-нибудь доходы да на сладкія удовольствія"... „Не суждено, значитъ, тебѣ, Россіюшка, по-помѣщичьи, сладко пожить!"...

„Ну, что же дѣлать, получай, Россіюшка, обносочки и тяни свою лямочку, какъ слѣдуетъ; живи хоть какъ-нибудь, за то не на чужой хоть счетъ! Трудись! Работай! За то *все-таки хоть сыта всегда будешь*... а это важнѣй всего—въ этомъ вся суть!"

Такимъ образомъ, въ силу этой теоріи „Россія" должна быть въ будущемъ истинно-трудовымъ царствомъ, гдѣ люди будутъ жить честнымъ, упорнымъ трудомъ надъ „кормилицей" „матушкой-землею". И это трудовое царство наступитъ неизбѣжно, *наступитъ и помимо думы*.

Но въ большинствѣ деревень, вполнѣ раздѣляющихъ только что изложенную теорію крѣпкаго крестьянскаго корня, смотрятъ на данный вопросъ далеко не такъ... фаталистично, какъ эти крестьяне. Вполнѣ вѣря въ непогрѣшимость и правильность этой теоріи, а также и въ неизбѣжность вытекающаго изъ нее исхода, они, однако, именно потому съ большимъ интересомъ относятся ко всему тому, что съ ихъ точки зрѣнія является шансомъ къ ускоренію ожидаемаго. Совершенно понятно, что для многихъ изъ этихъ крестьянъ дума представлялась однимъ изъ способовъ къ осуществленію теоріи на практикѣ и притомъ въ весьма недалекомъ будущемъ. Съ ихъ точки зрѣнія, самое существованіе думы вполнѣ оправдывалось и объяснялось именно этой самой (и для многихъ одной этой) теоріей крѣпкаго крестьянскаго корня,

правильность которой, „наконецъ, какъ видно, признало и начальство, если надумало собрать для крестьянъ думу“... Такіе, разумѣется, интересовались результатами работъ думы и ея судьбою.

И вотъ я былъ въ одной изъ такихъ деревень вскорѣ же послѣ роспуска второй думы... Роспускъ думы встрѣченъ былъ тамъ общими сожалѣніями. Всѣ сходились на томъ, что „это уже конецъ—больше думы крестьянской собирать ужъ не будутъ“, „непондравилась начальству крестьянская дума—не хотятъ они ее“, „не соберутъ ее больше--не хотятъ пока еще давать земли нашему брату“... Но по отношенію къ вопросу о томъ, что же дѣлать теперь, мнѣнія раздѣлились: одни, вѣря въ святость теоріи крѣпкаго крестьянскаго корня, держались мнѣнія, что пока остается только „годить“, такъ какъ теорія непогрѣшима, правильность же ея, несомнѣнно, признаетъ въ душѣ даже само разогнавшее думу начальство, такъ какъ оно же вѣдь и собрало ее именно для отдачи земли крестьянамъ. Значитъ, „не черезъ думу, такъ иначе, а земля все же достанется намъ“. Другіе подъ первымъ впечатлѣніемъ извѣстія о роспускѣ толковали о томъ, что „надо бы какъ нибудь охлопотать, чтобы опять эту самую думу крестьянскую сызнова собрали бы въ прежнемъ видѣ, какъ была, потому что это не законъ, чтобы думу разгонять безо всякаго“... „Чего она имъ сдѣлала, какое они имѣютъ полное право, если она своего дѣла еще не сдѣлала?!..“ Но какъ „охлопотать“? Для большинства ясно было: „не мы собрали—не мы и разгонять можемъ“!, „которое начальство собирало, отъ него и разогнать зависитъ“... Болѣе молодыя и горячія головы высказывались, однако, въ томъ смыслѣ, что „подачею прошеній или приговоровъ „охлопотать“ думу все равно невозможно—„не допустятъ“, а надо-де распорядиться своими средствами. Но на повѣрку оказывалось, что таковыхъ не имѣется, такъ какъ „всѣ деревни въ особицу, всяка деревня сама по себѣ, да и промежду однодеревенцами ни толку, ни ладу“, словомъ сказать, „кто въ лѣсъ, кто по дрова“,—значитъ, своими средствами ничего не подѣлаешь... Впрочемъ, одинъ, повидимому, вѣрилъ даже и „въ собственныя средствія“, но обуреваемъ былъ другими сомнѣніями: „народъ бы взбулгачить—ничего, не велика штука,—постараться, такъ можно, а главно дѣло на счетъ вотъ войсковъ сомнѣніе беретъ, потому не понимаютъ они, т. е. войска-то, не понимаютъ они, не хотятъ понять, даромъ, что сами изъ крестьянъ, ну, а противъ войсковъ никакая сила не возьметъ“...

Но несмотря на то, что сожалѣнія о думѣ были здѣсь, видимо, общи и сильны, нашлись такіе, которые этихъ сожалѣній не раздѣляли. Едва бесѣдовавшіе со мною отправились по домамъ, пожелавъ мнѣ доброй ночи, какъ нѣсколько человѣкъ возвратились обратно. Возвратились „съ оглядкой“, словно крадучись.

— Воротились вотъ, значитъ, къ тебѣ опять,—объяснялъ мнѣ бѣлокурый, худенькій мужичокъ небольшого роста, съ бородой

клинушкомъ и добрыми задумчивыми глазами,—воротились для того, чтобы сказать тебѣ по правдѣ, говорить съ тобой по этому нашему дѣлу безъ міра... Потому міръ-то нашъ, видишь ли, съ нами не согласенъ и за эти за наши слова серчаетъ на насъ... „Дураки вы,—говоритъ,—остолопы, сваво антересу не понимаете, только прочій народъ своими глупыми словами мутите, чтобы съ настоящаго толку сбить, чтобы правды народъ не добился и свой правъ - законъ потерялъ изъ-за васъ“... А мы что же?! Развѣ мы противъ чего? Вѣдь мы той же правды ищемъ, только дума вотъ наша объ этомъ другая, а имъ это не нравится...

И онъ отъ имени всѣхъ пришедшихъ просилъ позволенія поговорить „по душѣ, по чистой настоящей правдѣ“, растолковать „намъ, глупымъ мужикамъ, темной деревеншинѣ“, на чьей же сторонѣ правда—на сторонѣ ли міра, преслѣдующаго ихъ за особое отъ міра мнѣніе, или на сторонѣ ихъ, думающихъ свою особую думу.

Конечно, я поинтересовался узнать, въ чемъ же ихъ особая дума. И тотъ же мужичокъ, видимо, бывшій лидеромъ пришедшихъ, тотчасъ же разъяснилъ мнѣ, въ чѣмъ дѣло. Суть разногласія была въ томъ, что, по мнѣнію міра, думу распустили, потому она „шла за крестьянъ, *значитъ*, противъ начальства и потому ее зачли бунтовской, чтобы впередъ не смѣла народъ противъ начальства подымать“... Лидеръ же пришедшей группы имѣлъ на этотъ счетъ свое мнѣніе и ему удалось постепенно найти въ средѣ однодеревенцевъ даже нѣсколькихъ послѣдователей, которые, однако, видимо, принадлежали къ числу колеблющихся. Это-то, кажется, болѣе всего и заставило его прійти съ ними ко мнѣ, чтобы, пользуясь моимъ авторитетомъ „книжнаго“, образованнаго человѣка, окончательно утвердить ихъ въ правильности его точки зрѣнія, которую—онъ совершенно въ этомъ не сомнѣвался—въ качествѣ знающаго человѣка неизбѣжно долженъ раздѣлять и я.

Его точка зрѣнія была такая: царь—первый и главный заботникъ о народныхъ нуждахъ, царь для народа и народъ для него—все: о народѣ его главная всегдашняя печаль и забота. Поэтому всегдашняя забота царя была только о томъ, чтобы землю крестьянамъ дать (и она давно была бы дана, да мѣшали тѣ, кому это невыгодно было — „обманывали царя, говоря, что народу земли не нужно“). Поэтому онъ и никто иной и созвалъ думу именно для того, чтобы землю крестьянамъ дать. Но онъ же, „а вовсе не какое-то тамъ начальство“, разогналъ и первую и вторую думы *именно за то*, что они отъ *этого* дѣла уклонились и занимались не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ. Ему хотѣлось сдѣлать это дѣло скорѣе, а дума тянула его и затягивала, „потому что держала въ тайнѣ руку помѣщиковъ или, можетъ быть, не умѣла, какъ за него сраву взяться—Богъ ее знаетъ!“

— Вѣдь правильно это, правильно говорю?—съ искрящимися отъ охватившаго его волненія глазами и съ твердой увѣренностью въ голосѣ твердилъ онъ, въ упоръ глядя на меня и словно гипнотизируя меня глазами, чтобы я передъ лицомъ его спутниковъ подтвердилъ его правоту.

— Вѣдь можно же было ей—думѣ этой самой—давно ужъ рѣшить-то дѣло, вѣдь тутъ же и думать, то нечего было—все было ясно, какъ день, только вѣдь всего и сдѣлать ей было, что землю велѣть отобрать. А не захотѣла, значитъ, она или не сумѣла... Значитъ, самъ видишь, виновата, значитъ, она была виновата, провинилась она за это передъ Царемъ... такъ провинилась, какъ хуже не надо! Ну, и какъ же было ему ее за это не разогнать?!. Вотъ потому и не правы они—міряне-то наши,—что теперь на начальство за разгонъ нарекаютъ, потому что такъ и нужно оно было, а теперь крестьянамъ надо третьей думы ждать, которую соберутъ настоящую—для самого для т. е. народа...

И добрые искрящіеся глаза его свѣтились въ это время такою вѣрою въ свою правоту, что онъ, несомнѣнно, не повѣрилъ бы даже и мнѣ, къ которому онъ обращался, какъ къ наиболѣе компетентному лицу въ выясненіи этого вопроса.

IV.

Деревенскія письма.

Стремясь въ возможной полнотѣ изслѣдовать вопросъ объ отношеніи деревенскаго люда къ роспуску думы, я. разумѣется, старался использовать для этой цѣли всѣ пригодные способы. Не ограничиваясь разъѣздами для личныхъ бесѣдъ съ крестьянами и съ людьми, близкими къ крестьянству, я, между прочимъ, рѣшилъ прибѣгнуть и къ крестьянскимъ письмамъ.

Вѣдь письма,—думалъ я,—получаются изъ разныхъ мѣстъ, слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ могутъ замѣнить необходимость ихъ личнаго посѣщенія и пополнить матеріалъ, добытый личными бесѣдами. При знакомствѣ же съ мѣстными крестьянами достать ихъ не трудно: крестьяне вообще не дѣлаютъ секрета изъ своихъ писемъ и охотно прослушиваютъ въ чтеніи полученныя ими письма по нѣсколько разъ.

Вопросъ, слѣдовательно, только въ томъ, содержатъ ли эти письма интересующія меня свѣдѣнія? Я, разумѣется, зналъ, что до послѣдняго времени—до „Апоніи“—эти письма обычно состояли изъ пожеланій и поклоновъ, которыми почти и исчерпывалось ихъ содержаніе. Но я разсчитывалъ на то, что за это время умственное развитіе народа подвинулось болѣе или менѣе впередъ и, значитъ, есть надежда, что, до извѣстной хотя степени, перемѣнился и характеръ писемъ, или что, въ крайнемъ

случаѣ, въ нихъ стали появляться хотя мимолетныя и хоть отрывочныя указанія на то, что теперь его наиболѣе волнуетъ и интересуетъ въ жизни родной страны. Вѣдь попадаютъ же теперь въ редакціи газетъ крестьянскія письма (обыкновенно остающіяся неоглашенными въ печати по недостатку мѣста, нелитературности изложенія, нецензурности—въ политическомъ, но не порнографическомъ смыслѣ—и по другимъ причинамъ), цѣликомъ посвящаемыя обсужденію злободневныхъ вопросовъ текущей общественной жизни и такихъ писемъ приходитъ довольно много. Такъ неужели эта потребность обмѣняться взглядами по важнѣйшимъ для нихъ самихъ вопросамъ общественной жизни не проявилась въ нхъ заурядной частной перепискѣ — въ частной перепискѣ большинства?!

Но попытка эта, сдѣланная въ моей деревнѣ, потерпѣла неудачу.

Деревенскія письма оказались попрежнему переполненными поклонами и пожеланіями. Правда, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ среди поклоновъ одиночно вкраплены бывали, какъ оазисы среди пустыни, соображенія житейскаго характера на счетъ резонности или невыгодности какой-нибудь покупки, сообщенія о случаяхъ семейной жизни и т. п. Но это было не то, что я ожидалъ. Среди этихъ простыхъ житейскихъ замѣчаній, наличность которыхъ во всякомъ случаѣ доказывала способность деревенскихъ писакъ не ограничиваться въ письмахъ одними только поклонами, не встрѣчалось нигдѣ столь же простого и вполнѣ, кажется, житейскаго слова: „дума“, „государственная дума“... Въ нихъ не было этого слова, которое должно бы, кажется, въ народномъ сознаніи играть роль предмета, приковывающаго общее вниманіе и интересъ—предмета, съ существованіемъ котораго должно быть связано столь же много житейскихъ практическихъ предположеній, соображеній и надеждъ!?. Почему же,—думалось мнѣ,—не говоря ужъ о прежнемъ изобиліи въ письмахъ поклоновъ, государственная дума уступаетъ мѣсто той „пестрой свиньѣ, которая опоросилась десятью поросятами“, той „маланьиной телушкѣ, которая родилась вся въ мать—рыжая, да чего-то бодлива, такъ что, думается, не пойти ли къ гадалкѣ, чтобы узнать, не спорчена ли“, либо сообщенію о томъ, что „еще кобылу нашу случала съ матрениным жеребцомъ, но выйдетъ ли что—не знаю, потому, кажется, неудача“?! Почему? Неужели и нынѣ „матрениъ жеребецъ“ и „маланьина телка“ имѣютъ въ глазахъ крестьянина больше значенія, чѣмъ государственная дума? Неужели тотъ подъемъ, который такъ недавно пережилъ нашъ народъ, прошелъ для него почти безслѣдно?

Конечно, теперь настроеніе уже не то, что годъ-полтора назадъ, когда этотъ самый народъ „жилъ и чувствовалъ“ такъ сильно и такъ энергично реагировалъ на окружающее. Но вѣдь

переживаніе такихъ подъемовъ ума и духа, такихъ важныхъ историческихъ моментовъ, вѣрнѣе сказать, періодовъ, не остается безъ слѣда. Подъемъ прошелъ... Но никакой подъемъ не продолжается вѣчно, и со временемъ наступаетъ все-таки (употребляя медицинское выраженіе) пониженіе тонуса, можетъ быть — даже нѣкоторая усталость. Но чѣмъ больше былъ подъемъ, тѣмъ больше оставляетъ онъ осадка. Чѣмъ больше былъ умственный подъемъ, тѣмъ больше онъ долженъ оставить слѣдовъ въ народномъ сознаніи въ смыслѣ пониманія окружающаго, пониманія своего прошлаго и настоящаго, уясненія причинной связи между явленіями общественной жизни, отношеній между различными общественными группами и пр. и пр. Оставляемый такими подъемами слѣдъ заключается въ просвѣтленномъ сознаніи, а это такой слѣдъ, который прочнѣе самихъ подъемовъ, потому что разъ просвѣтленное сознаніе таковымъ и остается... Очевидно, слѣдъ неизбѣжно долженъ былъ остаться. А съ другой стороны, тема о думѣ—такая простая и вмѣстѣ съ тѣмъ такая ясная для крестьянина тема, что врядъ ли отсутствіе ея въ письмахъ можетъ быть объяснено однимъ неумѣньемъ писать на темы, стоящія внѣ узкой сферы своей личной повседневной жизни, а должно быть объяснено какими-либо другими причинами, мнѣ еще неизвѣстными...

Я скоро уяснилъ себѣ эти причины и уяснилъ ихъ отчасти изъ серіи... новыхъ писемъ, которыя доставилъ мнѣ добрый знакомый изъ числа членовъ одной изъ землеустроительныхъ комиссій, интересующійся вопросами народнаго быта. Эти письма прежде всего неопровержимо доказали мнѣ, что самые заурядные крестьянскіе грамотеи могутъ писать письма на заданную тему, когда цѣль этихъ писемъ заключается именно въ изложеніи темы, когда они знаютъ, что односельцы ихъ ждутъ отъ нихъ именно этого и когда тема является для нихъ въ данный моментъ захватывающей по интересу. И поклоны съ пожеланіями занимали въ нихъ менѣе половины мѣста, а тема—все остальное. Письма были изъ мѣстности, которую до сихъ поръ мнѣ посѣтить не удалось, почему я и не былъ знакомъ съ тамошними настроеніями. Каково же было мое удивленіе, когда оказалось, что всѣ эти письма—письма переселенцевъ, уѣхавшихъ изъ деревень этой мѣстности въ періодъ перваго междудумья и во время второй думы!

Оказывалось, что именно въ то время, когда, какъ я предполагалъ, взоры крестьянской массы устремлены были съ упованіемъ на думу— что дастъ она крестьянству въ смыслѣ разрѣшенія земельнаго вопроса, объявилось переселенческое движеніе, появились переселенцы и цѣлая серія переселенческихъ писемъ. Почему, откуда это, какъ пришло, какъ появилось, чѣмъ можетъ быть объяснено особенно въ то время, когда этотъ самый народъ, двинувшійся переселяться на новыя земли, долженъ былъ ожи-

дать рѣшенія земельнаго вопроса отъ думы?.. А съ другой стороны, разъ это фактъ и притомъ имѣющій, очевидно, извѣстное распространеніе, то для данной по крайней мѣрѣ мѣстности (а возможно, что и для цѣлаго ряда другихъ) онъ долженъ служить элементомъ, отвлекающимъ вниманіе мѣстнаго населенія отъ думы или понижающимъ этотъ интересъ до извѣстнаго минимума. Слѣдовательно, и замѣченное мною въ письмахъ въ мою деревню отъ родныхъ и знакомыхъ изъ разныхъ мѣстъ отсутствіе всякихъ замѣчаній о думѣ въ значительной мѣрѣ, можетъ быть, тоже объясняется наличностью какихъ-либо причинъ, отвлекающихъ почему-либо вниманіе крестьянъ въ другую сторону...

Заинтересованный скорѣйшимъ выясненіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ, я написалъ своему знакомому письмо, прося возможныхъ съ его стороны разъясненій, а самъ принялся изучать переселенческія письма. Я не буду знакомить читателя съ интересными подробностями этихъ писемъ, потому что для этого мнѣ пришлось бы посвятить особую главу моихъ очерковъ. Отмѣчу только, что письма эти рѣзко раздѣлялись на двѣ группы. Одна—письма перваго времени, другая — письма послѣдняго времени, когда у переселенцевъ явилось недовольство отсутствіемъ заготовленныхъ для поселенія участковъ. Останавливаясь пока на письмахъ перваго періода, скажу, что они болѣе всего поразили меня однородностью желаній и надеждъ переселенцевъ съ тѣми, съ какими относились крестьяне и къ думѣ. Двигаемые въ дальніе края безысходною нуждою въ землѣ (которой прочіе крестьяне, какъ извѣстно, ожидали отъ думы) переселенцы въ письмахъ своихъ къ односельчанамъ въ первую очередь и выдвигаютъ свою заботу именно о ней, выясняя, сколько они нашли земли, и какую, и въ какомъ видѣ, и какъ устроили хозяйство на новыхъ мѣстахъ. Но за заботою объ этомъ главномъ, что является источникомъ ихъ матеріальнаго существованія, они не забываютъ въ своихъ письмахъ и о томъ другомъ (что тоже многими крестьянами ожидалось въ свое время отъ думы), что съ точки зрѣнія переселенцевъ также является условіями, обезпечивающими улучшеніе ихъ существованія на новыхъ мѣстахъ. Таковы — употребляя тѣ простыя слова, которыми крестьяне-переселенцы характеризуютъ въ своихъ письмахъ это стремленіе пожить и обезпеченно и по возможности независимо—указанія на отсутствіе въ глухихъ сибирскихъ тайгахъ всякихъ „хомутовъ“ и „кандаловъ“, жизнь „на вольной волѣ“, безъ „строгостей“ и „запретовъ“, вдали отъ „начальства“... „Это у васъ сама Сибирь да каторга, а у насъ и земля и люди—все вольное!...“

Съ прочтеніемъ этихъ писемъ для меня стало ясно, что для этихъ крестьянъ переселеніе въ извѣстной мѣрѣ осуществляло тѣ самые идеалы, осуществленіе которыхъ въ другихъ мѣстностяхъ другіе крестьяне (а здѣсь въ свое время,—можетъ быть, и эти са-

мые авторы переселенческихъ писемъ) надѣялись получить при посредствѣ думы.

Свѣдѣнія, полученныя мною отъ моего пріятеля, доставившаго мнѣ эти переселенческія письма, вполнѣ подтвердили правильность моихъ предположеній.

Но прежде, чѣмъ изложить свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ пріятелемъ, я долженъ сказать пару словъ о письмахъ, относящихся къ времени, когда приходившіе на мѣста переселенцы или ихъ ходоки перестали находить готовые переселенческіе участки, такъ какъ наготовлено ихъ было недостаточно. Само собою понятно, что отсутствіе участковъ лишало переселенцевъ возможности поселиться на опредѣленномъ мѣстѣ и вынуждало или къ возвращенію назадъ, гдѣ ликвидировано уже было все сполна, или къ поискамъ новыхъ мѣстъ за свой страхъ и счетъ съ затратой послѣднихъ средствъ, взятыхъ на дорогу или на первое обзаведеніе. Для большинства такихъ несчастливцевъ это грозило полнымъ разореніемъ.

И вотъ я хотѣлъ только указать на то, что говорится по этому поводу въ письмахъ этихъ несчастливцевъ. Недовольные всѣмъ и вся, разочаровавшіеся даже въ той самой обильной „вольными землями“ Сибири, въ которой ихъ товарищи, на ихъ глазахъ, удачно поселились, въ письмахъ своихъ они обрушиваются, однако, прежде всего и больше всего на тѣхъ, кто, принявъ всѣ мѣры къ рекламѣ переселеній, не позаботился о заготовленіи достаточнаго количества переселенческихъ участковъ. „Зазывали, расписывали, что всего вволю, а на повѣрку нѣтъ ничего — отправляйся обратно, взыскивай убытки съ кого хочешь!...“ „Имъ бы не насъ, а помѣщиковъ туда выселять — на всѣхъ бы земли хватило, потому ихъ немного; а они—нашего брата“... „Такъ нешто на нашего брата земли напасешься!“ -какъ бы оправдывалъ „начальство“ одинъ изъ переселенцевъ. „Помѣщики подговорили начальство, чтобы насъ на переселку, и чиновники. какъ и всегда, дѣла своего не справили — ничего и не вышло!. Вотъ и вѣрь имъ теперь!..“

Я не буду приводить болѣе рѣзкихъ отзывовъ о „начальствѣ, заманившемъ въ Сибирь на участки, которыхъ и въ поминѣ нѣту“, какъ въ силу цензурныхъ условій (въ виду того, что они очень жестоки), такъ и потому, что читателю и такъ не трудно представить себѣ негодованіе людей, очутившихся въ столь печальныхъ условіяхъ, противъ виновниковъ ихъ тяжелыхъ неудачъ и невознаградимыхъ убытковъ. Для меня достаточно лишь указать на фактъ этого негодованія, о которомъ мнѣ придется говорить въ послѣдующемъ изложеніи.

V.

Вліяніе переселеній и крестьянскаго банка.

Пріятель выяснилъ мнѣ, что изъ данной мѣстности переселенія происходили до войны. Во время войны они были приказаніемъ начальства пріостановлены несмотря на наличность желающихъ, такъ какъ сибирская желѣзная дорога не могла одновременно перевозить и переселенцевъ и все необходимое для военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, потребность въ переселеніи осталась и увѣренность въ устройствѣ своего благополучія именно этимъ путемъ была уже у крестьянъ на лицо, благодаря удачному устройству нѣсколькихъ переселившихся семей. Но послѣ войны пришло другое настроеніе, пришла дума, явились надежды на рѣшеніе аграрнаго вопроса именно думой и, конечно, мысль о переселеніи была оставлена. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ крестьянъ стали даже писать въ Сибирь своимъ бывшимъ односельцамъ, чтобы они подготовлялись къ возврату на родину, потому что „скоро у насъ будетъ вольная сторона, скоро земля подѣлится, всѣ будутъ съ землею и будутъ новые порядки, для простого человѣка хорошіе"... Но вотъ появилась правительственная декларація о невозможности отчужденія земли отъ помѣщиковъ, распространявшаяся здѣсь съ большимъ усердіемъ. Она быстро стала извѣстна всѣмъ крестьянамъ и произвела впечатлѣніе—впечатлѣніе, конечно, охлаждающее. Но дума еще существовала и потому впечатлѣніе это умѣрялось соображеніемъ, „авось, дума еще возьметъ свое: правительство-то и раньше этого не хотѣло, да оно, говорятъ, не хотѣло и думы, однако, дума же есть — ну, можетъ, дума еще своего добьется!.." Однако, послѣдовавшій вскорѣ послѣ деклараціи роспускъ первой думы разомъ уничтожилъ эти надежды, и крестьяне пришли къ заключенію, что „помѣщики снова силу забрали такую, что отъ второй думы все равно ждать нечего: „если ужъ первая дума ничего не добилась, то вторая и подавно своего дѣла не сдѣлаетъ, потому что силы не хватитъ". Однако, были еще нѣкоторыя колебанія, тлѣли еще нѣкоторыя надежды, такъ что пока никто въ путь не собирался, всѣ какъ будто ждали чего-то, какого-то толчка. Такимъ толчкомъ оказались принятыя правительствомъ вслѣдъ за роспускомъ энергическія мѣры къ оповѣщенію населенія о легкой возможности переселеній съ сообщеніемъ о заготовленіи достаточнаго числа вполнѣ пригодныхъ участковъ. Въ объявленіяхъ этихъ, усердно распространявшихся и частію даже составлявшихся мѣстнымъ начальствомъ—надо кстати сказать, въ сильно таки рекламномъ духѣ,—указывалось, между прочимъ, опять на то, что земельная собственность навѣки неприкосновенна и раздѣла ея правительство никогда не допуститъ. Отъ переселеній же сулились наилучшія перспективы съ указа-

ніями на поддержку со стороны правительства. А потребность въ переселеніи давала себя знать тѣмъ больше, что оно вынужденно прервано было на два года.

Вотъ въ результатѣ всего этого совершенно неизбѣжно и получилось возобновленіе движенія на переселеніе, а надежды на думу были оставлены и сама дума тоже оставлена, такъ сказать, безъ вниманія. И вотъ передъ нами цѣлый районъ, гдѣ въ силу извѣстныхъ причинъ и обстоятельствъ мѣстное населеніе въ данный моментъ очень слабо интересуется думой...

То, что я узналъ по этому вопросу, настолько меня заинтересовало, что я рѣшилъ побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ началось это переселенческое движеніе.

Резюмируя свои впечатлѣнія отъ посѣщенія этой мѣстности, долженъ прежде всего сказать, что неудача съ первой думой, на которую крестьяне (тѣхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностей, которыя я посѣтилъ) возлагали большія надежды, заставила ихъ *сильно* призадуматься. Мечта о скорой даровой прирѣзкѣ оказалась поколебленной, приходилось задуматься надъ тѣмъ, что же дальше? Будетъ ли вторая дума, дастъ ли она земли или не дастъ—при тѣхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчаетъ дума въ своемъ стремленіи дать крестьянамъ желанную прирѣзку? И если дастъ, то всю или только часть и вообще *сколько*?

Этотъ вопросъ „сколько" обсуждался обыкновенно въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ: у насъ душъ столько-то, у нашего помѣщика земли десятинъ столько-то, у сосѣднихъ крестьянъ душъ столько-то, а у ихъ помѣщика земли столько-то и т. д. Значитъ, если всю у нашего отобрать, да раздѣлить между нашими же, то выйдетъ... „выйдетъ, оказывается, совсѣмъ не такъ много—всего-то по полторы десятины на душу!.." „Ну, у сосѣдей — у тѣхъ, выйдетъ побольше—у тѣхъ, почитай, по 6 казенныхъ десятинъ придется на душу, такъ что если всѣмъ поравняться, то намъ отъ нихъ навѣрное набѣжитъ еще, можетъ быть, по десятинкѣ"... „Но еще набѣжитъ ли? Еще неизвѣстно, какъ оно бы все вышло: стали-бы отбирать всю землю или только ту, которая наслѣдственная, а которая куплена на собственныя—ту, можетъ быть, отбирать не стали бы... И неизвѣстно также, стали бы оставлять помѣщикамъ ихъ усадьбы и съ какимъ числомъ десятинъ для хозяйства („одни, слышь, говорятъ, по 50, а другіе говорятъ: не можетъ этого быть—только и оставятъ по 10 дес.—сколько евонная семья можетъ обработать своими силами"). А это вѣдь тоже разница! Неизвѣстно также, будутъ-ли давать и крестьянамъ государственнымъ („кажись бы не слѣдовало: имъ-то съ чего?—Развѣ они при помѣщикѣ состояли и землю его работали, развѣ они, а не мы эту помѣщичью землю своимъ горбомъ себѣ весь вѣкъ зарабатывали?!"). „А вѣдь это тоже въ разсчетѣ большая различка окажется—съ этими, съ государственными, можетъ быть,

вѣдь и по полторы десятины намъ не достанется!.. И безъ того мало, а такъ и совсѣмъ плохо будетъ!"

Выходило, что если бы мечты и осуществились, то все-таки это было бы далеко не то, о чемъ мечталось. А тутъ еще эти толки о томъ, „даровая или не даровая?" Потому что „скажемъ, если даровая, это одинъ сортъ, это, можно сказать, дѣло все-таки какъ будто немного подходящее, хотя бы землицы той и оказалось маловато. Ну, а если бы да еще и не даровая, то это ужъ вовсе другой сортъ, который, значитъ, неизвѣстно еще какъ подойдетъ, потому что Богъ его знаетъ, какая будетъ землѣ цѣна— купить-то за хорошую цѣну (только деньги бы были, да вотъ бѣда, что нѣтъ!)—намъ вѣдь и такъ дозволяется!.."

Такимъ образомъ, въ практическомъ осуществленіи мечта могла оказаться совсѣмъ не первосортной...

А спустившаяся на землю мечта—уже не мечта, а практическое соображеніе, которое при сравненіи и сопоставленіи съ другими такими же практическими соображеніями можетъ уступить мѣсто другому соображенію, кажущемуся болѣе осуществимымъ или болѣе выгоднымъ. А то другое, если осуществленіе его впереди и само оно рисуется во все болѣе привлекательныхъ краскахъ, и такъ или иначе связывается съ тѣми или иными иллюзорными представленіями, въ свою очередь, можетъ сдѣлаться пріятною увлекающею мечтою. Такъ оно было, напр., въ нѣкоторыхъ губерніяхъ—сравнительно не особенно много лѣтъ назадъ— съ тѣмъ же вопросомъ о переселеніи: увлеченные мечтою о „вольныхъ сибирскихъ земляхъ", сотни тысячъ народа ликвидировали свое хозяйство на родной сторонѣ и, разоряясь и погибая въ пути и на новыхъ мѣстахъ, шли туда до тѣхъ поръ, пока обратная волна—волна изъ окончательно разорившихся и изголодавшихся несчастливцевъ—не разсѣяла мечты о вольныхъ земляхъ. И тогда увлекавшіеся мечтою объ этихъ земляхъ забыли и думать о „даровой земельной прирѣзкѣ", мечтой о которой они жили до появленія толковъ о „вольной Сибири"...

Приблизительно нѣчто въ этомъ родѣ произошло въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и теперь. Вслѣдъ за роспускомъ первой думы усиленно, какъ я говорилъ, распространялись сообщенія о выгодахъ переселеній въ Сибирь и въ народѣ пошли толки на эту тему. И вотъ въ то время, когда стали возникать сомнѣнія въ осуществимости мечты о даровой прирѣзкѣ при посредствѣ думы, возникли и пошли въ ходъ толки о вольныхъ земляхъ Сибири. Сравненіе, конечно, оказалось неизбѣжнымъ, и сравненіе это оказалось не въ пользу прирѣзки „черезъ думу", потому что „сколько еще тамъ придется", „полагать надо, что *не такъ ужъ много*"... „да притомъ же, говорятъ, *совсѣмъ не даромъ*", тогда какъ тамъ, въ Сибири, „земля вся *вовсе даромъ*"!.. А что касается раз-

мѣра нарѣзки, то „надѣлы въ Сибири нарѣзаны *совсѣмъ большіе, не то, что здѣсь бы досталось*"!

Не удивительно, что съ такимъ убѣжденіемъ въ превосходствѣ того, что ожидается въ Сибири (и земли больше, и безплатно, и „далеко отъ всякаго начальства", и пр. и пр.), сравнительно съ тѣмъ, что можно ожидать отъ думы, особенно когда ей ставится столько препятствій и когда еще неизвѣстно, удастся ли ей довести свое дѣло до конца, — сталъ пропадать интересъ къ думѣ. И для недавно еще интересовавшихся ею стало не интересно, будетъ она или не будетъ, потому что всѣ помыслы ихъ были уже устремлены въ сторону Сибири?!..

Итакъ, вотъ одна изъ причинъ измѣненія отношенія нѣкоторой части интересовавшагося раньше думою крестьянства къ этой самой думѣ.

Я не берусь, конечно, перечислить *всѣ* причины измѣненія этого отношенія, потому что уяснить ихъ всѣхъ не по силамъ одинокому случайному наблюдателю. Но кромѣ указанной только что причины я теперь же могу отмѣтить еще одну. Это — возникшіе толки о новомъ предназначеніи, о новой роли крестьянскаго банка въ дѣлѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Само собою разумѣется, что такъ же, какъ и переселенческія ожиданія, толки и слухи эти распространены далеко не вездѣ и далеко не съ одинаковой силой. Но есть мѣстности, гдѣ они имѣютъ большую распространенность и гдѣ имъ очень вѣрятъ. Вѣрятъ тому, что „крестьянская банка, слышь, всю землю беретъ, которая крестьянамъ отойти должна"... Въ какомъ видѣ „отойти" — это далеко не всѣ разумѣютъ, но сила тутъ не въ этомъ, а въ томъ, что „*должна отойти*". Одни думаютъ, что „по дешевой цѣнѣ", другіе, что пока то она (т. е. „банка") попрежнему дѣйствуетъ, а какъ вся земля господская къ ней отойдетъ, то тогда ужъ видно будетъ"... „Отойдутъ, такъ тогда объ этомъ и законъ будетъ — на счетъ земли... особый"!.. Дѣло, во всякомъ случаѣ, представляется въ такомъ видѣ, что рѣшителемъ аграрнаго вопроса будетъ не дума, а „банка"... Но если такъ, то что же особенно и горевать о думѣ, что ее распустили?!

„Неизвѣстно, для чего собирали, для чего распустили... а только дѣло это не наше... Вотъ банка теперича, такъ та прямо — *крестьянской* и называется — та, сказываютъ, *вовсе для насъ*!.."

Но есть мѣстности, гдѣ незамѣтно ни особаго вліянія „банки", ни особыхъ надеждъ на сибирскія вольныя земли, а, однако, и въ нихъ мѣстное крестьянство отнеслось довольно равнодушно къ роспуску думы. Въ чемъ же тамъ причины этого равнодушія?

VI.

Маленькое резюме. Еще причины равнодушія къ думѣ.

Мы видѣли уже, что причинъ этого равнодушія къ судьбѣ думы, въ сущности, если внимательно вдуматься въ то, что крестьяне говорили о думѣ по деревнямъ, было немало. Увлеченіе переселеніями и крестьянскимъ банкомъ, оказавшимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ столь замѣтное вліяніе на охлажденіе къ думѣ, посвящена была вся предыдущая глава. Изъ остальныхъ причинъ нельзя не напомнить ту глубокую увѣренность въ своихъ правахъ и торжествѣ крестьянской правды, о которой говорилось въ главѣ о „крѣпкомъ крестьянскомъ корнѣ". Выше указано также было на существованіе отдѣльныхъ районовъ (деревня съ государственными крестьянами въ дачной мѣстности), совсѣмъ незаинтересованныхъ въ вопросѣ о земельныхъ прирѣзкахъ. Къ числу такихъ районовъ, разумѣется, надлежитъ отнести и многіе изъ промысловыхъ районовъ, не живущихъ землею (такъ какъ мы видѣли, вообще, что интересъ крестьянъ къ думѣ главнѣйшимъ образомъ обусловливался земельнымъ вопросомъ). Кромѣ того, къ числу такихъ же причинъ слѣдуетъ отнести, какъ мы тоже видѣли выше, отсутствіе у крестьянъ свѣдѣній о ходѣ занятій въ думѣ, неясное пониманіе крестьянами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣли существованія думы, разноголосица въ мнѣніяхъ по вопросу о значеніи думы въ средѣ жителей деревни, крестьянская инертность...

Но это далеко еще не все. Стараясь сдѣлать болѣе полный перечень этихъ причинъ, я вспоминаю, между прочимъ, одинъ хуторъ, посѣщенный мною еще въ то время, когда существовала вторая дума. Это былъ небольшой крестьянскій хуторъ, выписывавшій газету *изъ интереса къ думѣ*. Выписывалъ ее *неграмотный* крестьянинъ, у котораго грамотные покупали отдѣльные номера для прочтенія по 5 коп. за номеръ, но съ тѣмъ, что покупающіе должны были прочитывать ему газету или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія новости изъ нея. Такимъ образомъ, выписывающій, несмотря на свою неграмотность, имѣлъ всегда полную возможность удовлетворить свою любознательность и наградой его предпріимчивости былъ тотъ барышъ, который онъ получалъ отъ розничной продажи. А барышъ былъ несомнѣненъ, потому что покупатели были ежедневно и даже „заказывали" оставить номерокъ иногда за день, за два. Благодаря этой газетѣ, хуторъ зналъ, что „въ думѣ теперь осталось настоящихъ правыхъ только семь человѣкъ, а остальные теперь уже всѣ за насъ — *лѣвые, какъ есть*"! Газетой (она тоже была лѣвая) интересовались только ради думы и все-таки всѣ говорили: „а вѣдь распустятъ таки думу, непремѣнно распустятъ!"

— „Распустятъ", такъ что же вы такъ ею интересуетесь? Если вы такъ увѣрены, что распустятъ, то, значитъ, и пользы себѣ отъ нее не можете ждать...

— А все-таки, авось, думаемъ...

— Слѣдовательно, тѣмъ не менѣе, надѣетесь!?

— Не очень надѣемся, а думается все-таки: вдругъ да и выйдетъ что-нибудь... вотъ и читаемъ...

— Читаемъ да гадаемъ, выйдетъ или не выйдетъ, къ хорошему дѣло клонитъ или къ худому!

— Гадаемъ да погадываемъ, выгоритъ наше дѣльце или нѣтъ...

— Знаете, вродѣ какъ билетикъ взяли лотерейный—счастье пытаемъ! Попадетъ на нашу долю билетикъ хорошій—ну, наше счастье! Не попадетъ—значитъ, такъ Богъ судилъ: не пришла, знать, наша пора счастливые билетики выигрывать!—выясняли мнѣ хуторяне свое отношеніе къ думѣ.

Таково было отношеніе этихъ хуторянъ, спеціально ради думы выписывавшихъ и наперерывъ другъ передъ другомъ добивавшихся почитать газету.

Затѣмъ я много ѣздилъ и... не встрѣтилъ больше ни одного хутора, въ которомъ выписывалась бы газета спеціально изъ интереса къ думѣ...

— Ну, что, какъ у васъ?—спрашивалъ я (вскорѣ послѣ посѣщенія хутора) крестьянъ одного села, разговорившихся со мною о дѣлахъ житейскихъ.

— Какъ у васъ на счетъ думы: интересуются ею крестьяне?

— Интересуются,—отвѣчали они,—да ничего нельзя узнать: газетъ никто не получаетъ, прочесть негдѣ; такъ больше слухами всякими живемъ, а чтобы настояще на счетъ думы знать, т. е. что она и какъ и чего дѣлаетъ и о чемъ толкуетъ, это намъ, по правдѣ сказать, неизвѣстно.

— Да какъ же такъ,—сомнѣваюсь я,—почему газеты не читаете?! Вѣдь когда была война, поди, кто-нибудь да выписывалъ газету?

— А, ну да, выписывали.

— Такъ почему же теперь никто не выписываетъ?

— То, видите ли, дѣло было совсѣмъ другое, до всѣхъ касающее, всѣмъ интересно было. У одного на войнѣ братъ, у другого сватъ, у третьяго сынъ... Наконецъ, того... все этихъ самыхъ наборовъ солдатскихъ боялись... Ну, и налоговъ тоже, т. е. не выйдутъ ли снова налоги... Потомъ опять: не выйдутъ ли отъ этой самой войны, на которую никто какъ нашъ же братъ солдатъ даетъ—не выйдутъ ли, думали, для насъ новые порядки—не дадутъ ли намъ, напр., земли за эту войну—потому что и объ этомъ тогда тоже слухъ былъ...

— Ну, а теперь?

— Что „теперь"? Это на счетъ земли-то? Нѣтъ, теперь ужъ видимъ, что время ушло, значитъ, земли за войну не дадутъ...

— Нѣтъ, не то. А почему, я говорю, теперь ради думы никто изъ васъ газетъ не выписываетъ?

— Да вѣдь чего жъ оно выписывать-то?! Она вѣдь, газета-то, все-таки денегъ стоитъ, а чего же ихъ тратить, когда пользы не ждешь!? Когда первая-то дума была, такъ думали мы все: это для земли она—которая, напр., самая земля намъ за войну отойдетъ— и для разныхъ порядковъ новыхъ, вродѣ, скажемъ, хоть японскихъ, напр., т. е. какъ по лучшему...

— И что же?

— Но видимъ распустили думу! Вотъ и думаемъ: ни къ чему, значитъ, эта дума—такъ, для блезиру только, для пустого разговору, чтобы время провождать... Извѣстно, господская затѣя...

— Такъ теперь же другую думу созвали,—замѣчаю я.

— Да она, значитъ, и другая такая же... Распустятъ и эту...

Я, разумѣется, протестую и говорю, что если для однихъ бы пустыхъ разговоровъ, то тогда проще и совсѣмъ было бы никакой думы не собирать, потому что если, какъ они говорятъ, только „для блезиру", для видимости, то этимъ все равно мало кого обманешь.

— Да вѣдь оно, конечно, можетъ, что-нибудь все-таки еще и выйдетъ,—отвѣчаетъ за всѣхъ одинъ изъ крестьянъ.—Потому-то вѣдь все-таки и къ слухамъ всякимъ на счетъ думы прислушиваемся, что надѣемся все же хоть немножко, авось, что-нибудь да сладится намъ на пользу...

— Все едино, что въ карты. Остаешься, остаешься дурачкомъ, да, наконецъ, и выиграешь когда-нибудь!—поддержалъ говорившаго другой и вызвалъ общій смѣхъ односельчанъ, потому что очень плохо игралъ и постоянно оставался въ дуракахъ.

Помню, что во многихъ деревняхъ, разспрашивая о томъ, какъ относятся крестьяне къ думѣ, насколько ею интересуются, я неукоснительно получалъ почти одинъ и тотъ же отвѣтъ, вполнѣ объяснившій мнѣ равнодушное отношеніе ко второй думѣ.

— „Да вѣдь все равно распустятъ ее"... „Ужъ по всему видно, что распустятъ все равно"... „Ужъ видно, что толку не будетъ ничего!"

Чего же, слѣдовательно, и интересоваться тѣмъ, отъ чего „все равно толку не будетъ"?!

„Газетъ не читаютъ, о думѣ никакихъ подробностей не разспрашиваютъ,—разсказывали мнѣ знакомые интеллигенты въ одной деревнѣ,—узнаютъ только (и то, такъ сказать, „на всякій случай"), „не вышло ли чего отъ думы на счетъ земли?" Потому что въ думу мало вѣрятъ, почему и не особенно ею интересуются. Для нихъ—дума-не дума, лишь бы земли дала! У насъ они въ свое время, въ былые годы, когда о думѣ и слуховъ не было, очень надѣялись на прирѣзку—разочаровались; надѣялись

потомъ на крестьянскій банкъ—слухи у нихъ такіе, видите ли, прошли—но безъ денегъ банкъ имъ помощь дать отказался, а денегъ у нихъ нѣтъ; тогда увлеклись было переселеніями, но скоро осѣклись. Потомъ очень увлеклись мечтой, что „все дастъ дума"—первая, конечно,—но остались безъ первой думы и снова огорчились. Теперь упали духомъ (а во время первой думы подъемъ былъ замѣчательный!) и ни на что уже, кажется, не разсчитываютъ. Но по извѣстной склонности человѣка на что-нибудь да надѣяться, въ чемъ-нибудь да видѣть хотя слабый лучъ надежды на возможность улучшенія своего положенія—сидятъ и думаютъ „а, можетъ быть, да удастся—можетъ быть, и дастъ намъ все-таки дума землицы... хотя бы немного, хотя бы по малости... можетъ быть, даже и по согласу съ министрами и съ помѣщиками, потому что вѣдь говорили же во время первой думы, что были изъ нихъ такіе, которые согласны были часть земли отдать!.." Отношеніе, какъ видите, совершенно пассивное. Ждутъ, „что Богъ дастъ", а отъ такихъ, разумѣется, нечего ждать какой-либо активности".

Въ тотъ же періодъ времени посѣтилъ я, между прочимъ и нѣкоторыя изъ деревень, гдѣ были безпорядки послѣ роспуска первой думы, безпорядки во время самаго, такъ сказать, разгара освободительнаго движенія, забастовки и т. п.

Сидятъ смирно и, что называется, „не рипаются".

— Это ваша правда,—объясняли мнѣ въ одной изъ такихъ деревень,—что разсердились наши тогда, сильно разсердились на помѣщиковъ, когда первую думу распустили, которая намъ земли хотѣла дать,—разсердились, осерчали такъ, что всякія пакости стали имъ дѣлать... Но только потомъ перестали—увидѣли, что не помогаетъ и что еще хуже сами себѣ же этимъ наробляютъ. Ну, и бросили! Потому, кабы всѣ, а что же однимъ то селомъ въ особицу! Это и вправду толку нѣтъ—все равно отдуваться своими боками придется...

— Нѣтъ, они теперь не будутъ бунтовать,—говорилъ мнѣ мѣстный еврей относительно своихъ односельцевъ-крестьянъ,—долго не будутъ, хотя бы даже вторую думу распустили: имъ вѣдь прежнее не прощено еще—повѣстки имѣютъ на судъ, раздѣлки за старое ждутъ. До того ли?! Тогда думали, что „по закону" бунтуютъ, что такъ и надо, что ихъ за это „самъ царь оправитъ". А теперь сами видятъ, что совсѣмъ не тѣмъ пахнетъ, что сила-то не на ихъ сторонѣ, да и что „въ законѣ" они тоже ошиблись!..

Пріѣзжаю затѣмъ въ одно мѣсто, гдѣ въ свое время „порядочно таки побунтовали". Разспрашиваю на счетъ возможности чего-либо подобнаго въ будущемъ Моментально лѣзутъ рукой къ загривку и почесываются.

— Что такъ?

— Да не ладно, братъ, вышло...

— А что?

— Да тогда, прямо сказать, себѣ на шею накачали. Думали, помѣщиковъ выживемъ, земля наша будетъ, а теперь оно оказывается, земля-то не наша, да и помѣщики, можно сказать, тоже не наши...

— Т. е., какъ „не наши"?

— Да, такъ, не наши, что со страху этого, съ перепугу котораго мы на нихъ тогда нагнали, утекли они и хозяйства побросали, даже многіе и засѣвать перестали. А гдѣ фабрики или заводы были—такъ и стоятъ разбитыя, какъ мы ихъ, значитъ, сами тогда сгоряча-то расколошматили...

— Ну, и что же?

— Ну, и...—разсказывающіе при этомъ снова чешутся и уныло вздыхаютъ.—Земли-то, значитъ, нѣтъ, а и заработковъ тоже нѣтъ—ни тебѣ въ полѣ, ни на заводѣ—нигдѣ! Прямо, ложись да помирай!.. Рады были бы даже этихъ самыхъ помѣщиковъ обратно звать, чтобы хоть заработки себѣ воротить...

На разспросы въ другихъ такихъ же деревняхъ (объ отношеніи къ роспуску второй думы) мнѣ отвѣчали, между прочимъ, такъ:

— Нѣтъ ужъ, нынѣ не будутъ бунтовать—у насъ, видите, неурожай, значитъ, нужда въ народѣ—ему не до того...

Въ другихъ деревняхъ (въ другой, конечно, мѣстности) отвѣчали совсѣмъ наоборотъ:

— Какіе у насъ теперь бастовки! Сами видите, какой хлѣбище уродился: самая отъ Господа благодать: ни маниxвестовъ, ни думъ никакихъ не нужно! У насъ теперь народъ сытый—бунтовать ему не изъ-за чего!

И выходило такъ, что и когда „сыты" и когда „нужда"—время будто бы совсѣмъ неподходящее для „бастовокъ". А, между тѣмъ, изъ недавняго опыта мы знаемъ, что ни то, ни другое не являлось имъ препятствіемъ и что „бастовки" и бунты происходили независимо отъ ихъ существованія, когда были на то достаточно сильныя побужденія, значитъ, ясно, что дѣло не въ нихъ (хотя и сытость и нужда сами по себѣ могутъ, разумѣется, оказывать свое вліяніе на деревенскую психику). А дѣло вообще въ отсутствіи подходящаго настроенія, въ отсутствіи именно этихъ достаточно сильныхъ побудительныхъ причинъ, или въ наличности такихъ сдерживающихъ обстоятельствъ, на какія, напр., указано было нѣсколькими строками выше.

Я думаю, что отсутствіе подходящаго настроенія и достаточно сильныхъ побудительныхъ причинъ наилучше объяснены были съ точки зрѣнія крестьянъ словами одного крестьянина-юмориста, который на вопросъ объ отношеніи его односельцевъ къ роспуску думы отвѣтилъ самымъ серьезнымъ тономъ:

— Будемъ ждать восьмой думы.

— Какъ такъ „восьмой"? Почему восьмой?

— А такъ что сказываютъ въ народѣ: на недѣлѣ бываетъ семь пятницъ... негодящихъ, которымъ, т. е. нельзя вѣрить и отъ которыхъ нѣтъ толку... Вы это, господинъ, тоже вѣдь, полагать надо, слыхали?

— Про семь пятницъ на одной недѣлѣ? Конечно, слыхалъ.

— Ну, такъ вотъ у насъ и говорятъ, что будетъ семь думъ, которымъ нельзя вѣрить (потому что онѣ всѣ господскія и всѣ безъ толку), а восьмая-та ужъ будетъ, значитъ, совсѣмъ наша, настоящая (которая все возьметъ!). Слѣдовательно, объ этихъ, которыя въ числѣ семи, нашему брату тужить не стоитъ и горевать не о чемъ!..

Итакъ, вотъ еще новыя причины, обусловившія индифферентное отношеніе крестьянъ къ роспуску второй думы... Думается, что вліянія наличности этихъ причинъ вполнѣ было достаточно, чтобы роспускъ второй думы не нарушилъ того „спокойствія" въ нѣдрахъ деревни, которымъ мы наслаждаемся поднесь... Но очерки мои были бы не полны, если бы я не ознакомилъ читателя еще съ одной стороной изслѣдуемаго вопроса.

VII.

На тему о торжествѣ истинно-русскихъ началъ.

Я былъ подъ впечатлѣніемъ этого спокойствія, этого почти безучастнаго отношенія къ думѣ—отношенія къ ней, какъ къ вопросу о выигрышѣ въ лоттереѣ по случайно полученному даровому билету, когда случайно встрѣтился съ однимъ своимъ давнимъ знакомымъ. Это былъ мѣстный помѣщикъ, по убѣжденіямъ октябристъ, но октябристъ, такъ сказать, перваго призыва—октябристъ, работавшій въ первой думѣ объ руку съ Гейденомъ, октябристъ чистой воды, съ незапятнанной репутаціей, человѣкъ вполнѣ честный и искренній. Я передалъ ему свои впечатлѣнія, онъ прослушалъ ихъ со вниманіемъ и подкрѣпилъ собранные мною факты новыми данными. Но когда я упомянулъ объ „успокоеніи", онъ вдругъ горячо запротестовалъ и сталъ мнѣ доказывать, что я не выяснилъ истиннаго положенія дѣла и пришелъ къ ложнымъ выводамъ. Придравшись къ моему разсказу о томъ, какъ отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ крестьянъ на вопросъ о думѣ, онъ началъ съ вопроса о землѣ.

— Вы разсказываете,—говорилъ онъ,—что крестьянинъ этотъ на вопросъ о думѣ отвѣтилъ вамъ: „что это дума? Ничего отъ нея толку не будетъ! Вотъ я бы просто законъ издалъ, чтобы съ каждой десятины солдата ставить, тогда бы вся земля и безъ думы перешла къ намъ". Слѣдовательно, ужъ изъ этого можете

видѣть, что то главное, чего ждетъ или, вѣрнѣе, ждалъ крестьянинъ отъ думы, это—земля. Между тѣмъ, дума, очевидно, земли не дастъ, т. е. ей не дадутъ ее дать, а думой крестьяне интересовались лишь, поскольку надѣялись получить отъ нея землю. Но земли они не получили, а безъ земли не будетъ успокоенія, потому что она и есть то главное, что двигаетъ крестьянъ на всякія нарушенія спокойствія. А вѣдь нужда въ землѣ не только не уменьшается, но съ каждымъ годомъ растетъ. И потому не вѣрьте вы тому, что временами становится тихо. Нельзя же, чтобы разъ начавшееся возбужденіе никогда не прерывалось. Вѣдь послѣ бурь наступаетъ тишина, а тишина, значитъ, бываетъ передъ бурей. Вѣдь у людей наступаетъ и усталость Слѣдовательно, чтобы сказать, что наступило успокоеніе, т. е. не временное затишье, а именно то успокоеніе, наступленіе котораго является естественнымъ слѣдствіемъ уничтоженія причинъ, порождавшихъ волненіе, надо, чтобы причины эти, дѣйствительно, были уничтожены. Между тѣмъ, именно этого-то и нѣтъ Слѣдовательно, это не успокоеніе, а временное затишье... я бы сказалъ даже: „затишье передъ бурей“, обусловленное и утомленіемъ и сознаніемъ выяснившейся изъ опыта неподготовленности къ активнымъ выступленіямъ и цѣлой массой причинъ, выясненныхъ самими вами въ вашихъ поѣздкахъ по деревнямъ.

Затѣмъ, продолжая доказывать правильность своего взгляда, онъ началъ знакомить меня съ настроеніемъ крестьянства въ данный моментъ тишины и спокойствія.

Онъ указалъ на то, что отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ значительно ухудшилось и что, главное, осложнилось элементомъ непреоборимаго съ ихъ стороны недовѣрія къ помѣстному элементу. Теперь въ глазахъ крестьянъ—тѣхъ, по крайней мѣрѣ, которыхъ онъ знаетъ, т. е. крестьянъ того уѣзда, гдѣ онъ долго былъ предводителемъ дворянства—помѣщики—ихъ главные враги. Помѣщики, по ихъ мнѣнію, разогнали думу, которая хотѣла дать имъ землю. Помѣщики нагнали-де въ деревни и стражниковъ, которые ничего не дѣлаютъ, а только „озорничаютъ“ и которые, какъ они „хорошо это сами понимаютъ“, нагнаны не противъ кого больше, какъ противъ ихъ же крестьянъ; помѣщики же нагнали къ себѣ „черкесовъ“ и содержатъ ихъ на свой счетъ тоже противъ крестьянъ же, вмѣсто того, чтобы жить съ ними, какъ съ своими ближними сосѣдями въ миру и ладу и употребить бы эти самыя деньги на помощь болѣе бѣдствующихъ изъ нихъ, которые, въ благодарность за это, сами бы, въ случаѣ надобности, помогли бы и помѣщику.

— Вражда къ помѣщикамъ,—разсказывалъ мой знакомый,—настолько велика, что теперь они скорѣе повѣрятъ чиновнику, которому всегда не очень довѣряли и который бралъ съ нихъ взятка, чѣмъ какому-либо, въ сущности, очень порядочному, по-

мѣщику. И что всего хуже въ данномъ случаѣ, такъ это то, что враждебное отношеніе это переносится съ помѣщиковъ вообще на интеллигенцію, почему крестьянинъ скорѣе повѣритъ теперь какой-нибудь небылицѣ со словъ черносотенника въ обликѣ человѣка простецкаго званія, чѣмъ самымъ здравымъ разсужденіямъ вполнѣ интеллигентнаго, безусловно расположеннаго къ нимъ и вполнѣ благонадежнаго человѣка...

— Вы знаете,—добавилъ онъ въ заключеніе,—какъ всегда хороши были у меня отношенія съ моими крестьянами? А между тѣмъ, несмотря на то, что у насъ не было никакихъ бунтовъ или забастовокъ, никакихъ вообще обострецій, отношенія оказались испорченными, и они уже не довѣряютъ, т. е. если и довѣряютъ, то далеко и далеко не такъ, какъ прежде, и возстановленію этихъ отношеній не помогаютъ никакія принимаемыя мною мѣры.

Онъ резюмировалъ свои выводы по части отсутствія полнаго успокоенія такимъ образомъ. Крестьянство землей не удовлетворено, невозможность получить землю—главная причина недовольства существующимъ строемъ и пока она не устранена, не исчезнетъ и это острое недовольство. Война и наступившее вслѣдъ за ней освободительное движеніе расширили мужицкіе горизонты, запросы и потребности. Они же и выяснили сложившіяся отношенія—сословныя и прочія. Въ результатѣ—установленіе отношенія къ помѣщику, какъ къ естественному прямому и неизбѣжному врагу ихъ интересовъ, расширеніе сознанія своихъ правъ, недовольство существующими порядками. А такъ какъ порядки остались прежніе, права фактически не расширились, а разъ пробудившееся сознаніе уже не глохнетъ, но наоборотъ, растетъ, то, слѣдовательно, на лицо остались и другія причины, порождавшія народныя волненія...

Въ виду всего этого онъ не вѣритъ наступившему спокойствію. Онъ не можетъ предсказать, сколь скоро оно будетъ нарушено, но скорбитъ душою о будущемъ. Не будучи повиненъ въ томъ, что все дѣлается не такъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы дѣлать для того, чтобы избѣгнуть въ дальнѣйшемъ конфликтовъ и осложненій, онъ съ своей стороны дѣлаетъ все возможное, все, на что онъ въ силахъ, для того, чтобы пойти навстрѣчу народной нуждѣ и установить въ то же время болѣе нормальныя отношенія съ своими сосѣдями, хотя вполнѣ увѣренъ, что когда гроза разразится, онъ не избѣгнетъ общей участи и пострадаетъ, можетъ быть, отъ рукъ тѣхъ самыхъ сосѣдей-крестьянъ, о судьбѣ которыхъ онъ теперь такъ усиленно заботится.

Заботы же его, надо сказать кстати, какъ я зналъ, отнюдь не шли вразрѣзъ съ словами. Считая вредной даровую раздачу земли, да и по своимъ средствамъ не имѣя на это возможности, онъ распродалъ большую часть своего довольно крупнаго (тысячи

въ двѣ десятинъ) имѣнія крестьянамъ своего и частью ближайшихъ селъ „по уменьшенной оцѣнкѣ"—по цѣнамъ, вдвое меньшимъ противъ рыночной. На вырученныя же отъ продажи земли деньги онъ завелъ себѣ большую вальцовую мельницу-крупчатку, чтобы жить не отъ земли, „такъ какъ ею должны жить тѣ, которые ее обрабатываютъ". Ужъ этого одного, разумѣется, достаточно читателю для того, чтобы убѣдиться въ его тепломъ отношеніи къ крестьянству, въ нерасхожденіи его принциповъ съ дѣломъ.

Но для лучшей характеристики его разскажу объ одномъ эпизодѣ изъ его недавней жизни послѣ устройства крупчатки. Находившіеся на крупчаткѣ рабочіе—крестьяне изъ его же села—постоянно уносили тайкомъ съ мельницы сколько удастся захватить муки для надобностей своихъ семей. Онъ, разумѣется, объ этомъ зналъ, но мирился, какъ съ неизбѣжностью, отчисляя на это извѣстный процентъ по счету расходовъ на предпріятіе. Но вотъ случилось, что рабочіе перессорились, и часть ихъ нихъ донесла на враговъ своихъ, что они воруютъ муку у хозяина, пригласила полицію и съ понятыми нагрянула на неожидавшихъ подобнаго казуса похитителей муки. Преступники застигнуты были врасплохъ „съ поличнымъ" и привлечены „къ законной ответственности". Возникло такимъ образомъ, по иниціативѣ такихъ же, но только враждовавшихъ съ ними преступниковъ, „дѣло", свидѣтелемъ по которому вызванъ былъ и самъ владѣлецъ, долженствовавшій, въ сущности, представлять лицо, наиболѣе заинтересованное въ наказаніи виновныхъ.

Но онъ посмотрѣлъ на это иначе. Ставъ на точку зрѣнія крестьянъ, онъ сказалъ себѣ, что это не есть воровство, потому что они не приходятъ на мельницу съ цѣлью кражи, а приходятъ на работу и берутъ то, что „плохо лежитъ", что лежитъ безъ присмотру, что находится у нихъ подъ рукою, берутъ „лишнее",—то, за чѣмъ хозяинъ „не гонится", что его „не изубыточитъ", берутъ, какъ обычную приплату за трудъ натурою, потому что они привыкли брать долю изъ того, надъ чѣмъ они работаютъ. И когда виновные пришли къ нему же просить о защитѣ, ссылаясь на свою бѣдность, онъ обѣщалъ имъ свое заступничество и показалъ на допросѣ, что это мука не его, да и всѣмъ привлеченнымъ свидѣтелями служащимъ заказалъ показывать то же. Но случайно кто-то изъ такихъ свидѣтелей ошибся въ показаніяхъ, и одинъ изъ привлеченныхъ все-таки признанъ былъ виновнымъ. Грозила высидка, да еще въ рабочее время и чтобы обѣлить похитителя его муки, владѣльцу мельницы пришлось нанять на свой счетъ адвоката, дабы защитить бѣдняка отъ высидки при разборѣ дѣла въ слѣдующей судебной инстанціи, куда пришлось перенести дѣло...

И вотъ этотъ-то человѣкъ говорилъ теперь мнѣ, что при дан-

ныхъ условіяхъ и настроеніяхъ, несмотря на внѣшнее спокойствіе, онъ не можетъ разсчитывать на довѣріе своихъ же крестьянъ и не гарантированъ отъ того, что возможные въ будущемъ конфликты не отразятся самымъ существеннымъ образомъ, „можетъ быть, даже полнымъ разореніемъ, на немъ самомъ!"

Я слушалъ, слушалъ и—правду сказать—невольно подумалъ: труса празднуетъ мой помѣщикъ... Напугался происходившимъ движеніемъ октябристъ и боится теперь всего, какъ пуганная ворона куста. А онъ замѣтилъ это да и говоритъ:

— Не вѣрите?

Я признался, что такъ.

— А фактовъ желаете въ доказательство мною сказаннаго?

— Само собой, что желаю.

— Ну, такъ вотъ первый фактъ, который вамъ, конечно, не извѣстенъ еще... Знаете вы это, или нѣтъ, что по понятіямъ нашихъ крестьянъ, „время теперь такое, что *нельзя не принадлежать къ какой-нибудь партіи!?*". И,—добавлю въ поясненіе,—не просто „партіи", а именно *политической* партіи! Знаете вы это?

Пришлось признаться, что я этого еще не зналъ, даже не подозрѣвалъ.

— Но неужели же они уже и партіи различаютъ и дѣйствительно признаютъ, что безъ этого нельзя, чтобы не принадлежать къ какой-нибудь изъ нихъ?—удивился я.

— Подождите, то ли будетъ!—зловѣще пророчилъ въ отвѣтъ помѣщикъ и возбуждалъ тѣмъ самымъ еще большее сомнѣніе въ вѣрности своихъ сообщеній.

Но онъ настаивалъ на своемъ и убѣждалъ непремѣнно остаться на нѣсколько дней въ „его районѣ", чтобы хорошенько лично „позондировать" мѣстныхъ крестьянъ по этой части.

— Конечно,—добавилъ онъ въ заключеніе,—вы не должны ожидать отъ нихъ, что они уже хорошо знакомы съ направленіями нынѣшнихъ политическихъ партій, и что сами они дробятся между разнообразными партіями. Нѣтъ, пока это дѣленіе довольно, такъ сказать, грубое вродѣ: „кто не за насъ, тотъ противъ насъ". Но важно, во всякомъ случаѣ, то, что сознаніе необходимости принадлежности къ партіямъ уже проникло въ массы и еще, пожалуй, важнѣе то, что всѣ они—и бѣдные, и богатые, и мало- и многоземельные считаютъ нужнымъ принадлежать только къ одной изъ нихъ и въ нее усердно записываются, считая, что нежелающіе къ ней присоединиться—враги того будущаго порядка, о созданіи котораго они мечтаютъ,—враги ихъ самихъ. И важно еще то, что связанные всѣ общимъ, такъ сказать, скопомъ въ одну партію, они, во всякомъ случаѣ, представляютъ извѣстную силу и силу внушительную. Да при всемъ этомъ еще интересны и даже знаменательны (я бы даже сказалъ: зловѣщи, еслибъ только не боялся, что вы опять подумаете обо

мнѣ, какъ о пуганной воронѣ) тѣ мотивы, въ силу которыхъ они держатся одной только этой партіи.

Нечего и говорить, что онъ меня сильно заинтересовалъ, и что его сообщенія заставили меня потолкаться между мѣстными крестьянами. И представьте себѣ, читатель, каково было мое изумленіе, когда при первыхъ же встрѣчахъ съ ними я получилъ полное подтвержденіе его словъ о томъ, что принадлежность къ партіи они считаютъ въ данное время необходимѣйшимъ, такъ сказать, условіемъ современной крестьянской жизни! Но къ какой партіи?

Первый же крестьянинъ, которому я задалъ вопросъ о принадлежности къ партіямъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ и самый заурядный мужикъ, самая, что называется, деревенщина, отвѣтилъ мнѣ не только утвердительно, но даже въ тонѣ удивленія, что я не понимаю необходимости этой принадлежности.

— *Развѣ нынче безъ партій можно?* Нынче у насъ весь народъ по партіямъ записывается, потому поняли, что оно есть и для чего это самое дѣло на счетъ партій заведено... Нынче онъ, народъ-то, уменъ, братъ, сталъ, не какъ въ прежнія времена; нынче онъ, братъ, до всего доходить начинаетъ, свою линію самъ повести хочетъ, свои права самъ добывать...

Я спросилъ его, по какимъ такимъ партіямъ у нихъ народъ записывается и сколько такихъ излюбленныхъ для записи партій.

— Да ужъ въ одную партію всѣ и валимъ, которая настоящая, что за всѣ права для народа стоитъ,—отвѣчалъ онъ,—потому что отъ добра добра, братъ, не ищутъ. Зачѣмъ намъ ихъ много, когда одна хороша, лучше всѣхъ; въ нее вотъ и пишемся. А кто не хочетъ въ нее, тотъ, значитъ, либо своего интереса не понимаетъ, либо идетъ противъ насъ, противъ всего, чего самъ царь и все крестьянство желаетъ...

Само собою понятно, что я жаждалъ скорѣе узнать, что это за партія, какъ она называется, тѣмъ болѣе, что помѣщикъ мой почему-то умолчалъ о ея названіи, очевидно, предоставляя мнѣ узнать это отъ самихъ крестьянъ. И я узналъ... Но то, что я узналъ, повергло меня въ полное недоумѣніе. Въ первый моментъ я даже возмутился тѣмъ, какъ меня обморочилъ мой пріятель...

Оказалось, представьте, что всѣ они принадлежатъ, а которые еще не принадлежатъ, то усиленно записываются ни болѣе, ни менѣе, какъ въ *...союзъ русскаго народа!*

Но какъ записываются?

Не по принужденію, не путемъ какихъ-нибудь уговариваній и упрашиваній со стороны, а по собственной волѣ, по собственному, доброму, да и не только доброму, но по большому и сильному желанію, по глубокому убѣжденію въ необходимости, неизбѣжности и полезности этого. И не просто записываются—это бы все еще ничего,—а неся на это (совершенно, замѣтьте, добро-

вольно и даже съ полной охотой неся) расходы изъ собственныхъ кровныхъ сбереженій, такъ какъ въ союзъ не принимаютъ иначе, какъ по представленіи членскаго взноса. А вѣдь крестьянинъ не станетъ тратить денегъ зря, не понесетъ ихъ на дѣло, въ пользѣ котораго для него самого у него нѣтъ еще увѣренности, потому что у него на это лишнихъ денегъ нѣтъ, потому что онъ—человѣкъ давно знакомый съ тяжелой нуждой, потому что онъ—человѣкъ практическій, разсчетливый, непривыкшій, прямо даже неумѣющій, тратить деньги на то, что не приноситъ непосредственныхъ результатовъ, будь это польза или удовольствіе—все равно. Между тѣмъ—это тоже достойно вниманія—они здѣсь не только сдаютъ свои членскіе взносы при случаѣ, когда бываютъ, напр., въ городѣ прямо въ союзъ, а посылаютъ ихъ по собственной иниціативѣ по почтѣ. Соберутся вмѣстѣ человѣкъ тамъ пять или сколько, чтобы по почтѣ расходы были дешевле и поручаютъ кому-нибудь изъ своихъ же, чтобы съѣздилъ на почту да отослалъ скорѣе въ городъ... Значитъ, они не только вѣрятъ въ этотъ союзъ, не только просто интересуются имъ, а проявляютъ къ нему самый живой, самый активный интересъ, дорожатъ имъ, цѣнятъ его...

Но что же это такое? Чего же морочилъ меня этотъ мой пріятель—этотъ октябристъ перваго призыва, казалось, такъ искренно волновавшійся изъ-за опасеній, что принадлежность къ такой партіи является симптомомъ возможныхъ въ будущемъ выступленій крестьянъ противъ помѣщиковъ, противъ существующаго режима?

Признаюсь, я въ первый моментъ прямо-таки возмущенъ былъ этой, съ его стороны, мистификаціей. Въ душѣ своей я уже назвалъ его сгоряча обманщикомъ и рѣшилъ сказать ему это прямо при первой встрѣчѣ...

Но его вблизи не было, а разговоры мои съ мужиками продолжались, и вопросъ продолжалъ выясняться... Даже не то, что продолжалъ выясняться, а въ нѣсколько минутъ продолжавшагося съ первымъ же крестьяниномъ разговора, пока у меня роились эти негодующія мысли противъ моего пріятеля, сталъ мнѣ ясенъ вполнѣ. А затѣмъ, прибавлю кстати, дальнѣйшія бесѣды съ многими крестьянами въ уѣздѣ моего пріятеля и въ двухъ сосѣднихъ только подтвердили (и частью разъяснили и пополнили) выясненное при первомъ разговорѣ.

— Членъ когда пріѣзжалъ, мы собрать денегъ не успѣли—не было ихъ у насъ, правду сказать, въ то время. Ну, а членъ этотъ говорилъ, что взносовъ членскихъ не внесете, такъ и членами никогда не будете. Вотъ мы—пятнадцать, почитай, человѣкъ—собрали съ себя деньги да и поѣхали всѣ на почту, чтобы дознаться тамъ насчетъ вѣрнаго адриста и на счетъ отправки этой, чтобы вѣрно знать, что всѣ деньги посланы по настоящему

какъ слѣдуетъ,—разсказывалъ мнѣ тотъ же деревенщина, о которомъ я упоминалъ выше.—Ну а, сами знаете, нельзя, чтобы въ партію не записаться, потому—дѣло такое: и за себя, и за Царя стоять надо крѣпко всѣмъ народомъ.

— Почему же за царя?—спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ и даже, какъ мнѣ показалось, съ недовѣріемъ.

— А какъ иначе-то? Развѣ не видишь, какая вездѣ склока кругомъ пошла? Прямо не разбери-бери, одинъ противъ одного и всѣ противъ всѣхъ и смута такая, что бѣда, а все противъ кого?

— Не знаю.

— Да вѣдь противъ царя же, я думаю, потому какъ онъ же вѣдь радѣтель нашъ. Разобраться вѣдь въ этомъ надо, толкомъ понять, разсудить, а не то, чтобы зря... Ну, а если противъ царя, такъ намъ же, мужикамъ, чью, думаешь, руку надо держать, коли онъ всегда за насъ, а мы за него? Если онъ намъ, напримѣръ, земли желаетъ и все прочее такое, то что же мы должны противъ нашего защитника итти и врагамъ его задарма отдать, или какъ?...

Согласитесь, читатель, что уже этотъ сравнительно туманный отвѣтъ давалъ не только новую тему для размышленія, но и нѣкоторыя основанія задаться мыслью о томъ, что въ этой принадлежности къ союзу кроются какія-то особыя причины и цѣли, и что октябристъ мой, можетъ быть, и не былъ такимъ обманщикомъ, какъ я о немъ было подумалъ?...

Но та же мысль гораздо яснѣе развита была другими крестьянами.

Однажды, когда разговоръ велся въ большой компаніи, состоявшей не изъ однихъ крестьянъ только, одинъ старикъ-крестьянинъ, видимо мнѣ почему-то симпатизировавшій, отвелъ меня въ сторонку, чтобы поговорить по душѣ.

— Вижу, пытаешь ты насъ, чтобъ до правды до чистой дознаться,—говорилъ онъ вполголоса, беря меня за локоть и отводя къ сторонкѣ,—пытаешь, пытаешь, а обсказать тебѣ толкомъ не могутъ... Отойдемъ-ка ты, слышь, въ куточекъ, я тебѣ по тайности объясню, чтобъ чужіе не слыхали, потому политика вѣдь нынѣ; не обо всемъ говорить вслухъ можно, чтобы чего худого не вышло, къ дурному бы отвѣту за правильное слово не притянули... А дѣло вѣдь оно вовсе простое, только чужому человѣку непонятное; дѣло, прямо сказать, вовсе крестьянское...— Онъ еще больше понизилъ голосъ и, сдѣлавъ многозначительное лицо, объяснилъ мнѣ, что все оттого происходитъ, что царь-то—онъ хочетъ, да правители не того...—Ну, вотъ противъ правителей этихъ и пишемся мы... въ союзъ этотъ самый—чтобы за царя всѣмъ народомъ стоять, за него горой итти... И пбтомъ и кровью и всею крестьянской силой... Потому, другъ, правители

эти, помѣщики, господа большіе всякіе... они всѣ въ другую сторону гнутъ, чтобъ ничего не было и все по-старому, какъ и сейчасъ оно есть...

— Говорить прямо надо,—ораторствовалъ (совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ) одинъ изъ крестьянъ,—потому и пишемся въ союзъ, что за царя, за его новые законы, которые онъ хочетъ намъ дать, идемъ. Въ его защиту —ему на помощь. Потому республика эта... не надобна она намъ, не для насъ она, русскихъ, которые всегда съ царемъ заодно жили и повсегда будутъ жить. Да!

— То же вотъ про думу говорили: дума земли дастъ,—разсуждалъ вслухъ одинъ изъ крестьянъ.—(Разговоръ происходилъ въ одномъ изъ селъ, въ такъ называемой чертѣ осѣдлости). — А на повѣрку вышло: евреи все напортили, потому что самоправія захотѣли,—объ этомъ и въ листкахъ отъ союза писалось... А что жъ оно будетъ, когда такое самоправіе будетъ? Еврей этакъ и въ губернаторы выйдетъ, а я передъ нимъ за версту шапку ломи? Съ какой стати?!... Вотъ оттого и съ думы ничего не вышло, что этимъ самоправіемъ еврейскимъ занялись, а настоящее народное дѣло забыли. Отъ того намъ и надо теперь въ союзъ попадать, чтобы свое дѣло самимъ защищать...

— Не евреи, милый человѣкъ, а помѣщики самоправіемъ занялись,— поправлялъ его другой.—Помѣщики и думу всю сомустили. Они съ евреями сошлись, которые евреи изъ вредныхъ, что за республику стоятъ и вмѣстѣ съ помѣщиками царя не желаютъ. Вотъ оттого намъ и нужно писаться скорѣй въ союзъ, за царя идти, за Русь святую, православную.

— Но зачѣмъ же непремѣнно писаться?—спрашивалъ я.

— Чтобъ оно видно было, кто за него, кто противъ, кто русскій человѣкъ, а кто нѣтъ...

— Да вѣдь мы всѣ же,—отвѣчаю я,—русскіе; не французы же мы, прости Господи!

— Да и не французы, а все не то...

— Какъ такъ не то?

— Чтобы оно видно было, который настоящій русскій православный, русскаго корня... — тотчасъ же поясняетъ одинъ изъ крестьянъ.

— Не какъ, къ примѣру, помѣщики или, скажемъ, евреи, о которыхъ пишутъ въ листкахъ,—дополняетъ другой.

— Которые на царскую, на землю имѣютъ права...— еще болѣе подымаетъ мнѣ крышку разгадываемой загадки третій крестьянинъ.

— Не запишешься, значитъ, не русскій и потому правовъ не имѣешь. А въ листкахъ отъ союза прямо сказано было: вамъ, которые за союзъ стоите, царь милостивый земли дастъ, потому что онъ всегда за тѣхъ стоитъ, которые истинные русскіе коренные, что въ союзъ вписались.

— Да ужъ теперь записывайся, записывайся, православный русскій народъ, на новый царскій коренной надѣлъ, кто отъ своего счастья не прочь, кто за Царя стоитъ, кто съ народомъ идетъ, новыхъ порядковъ ждетъ! — въ заключеніе патетически восклицаетъ одинъ изъ крестьянъ, обращаясь къ бесѣдующимъ.

— Записались ужъ всѣ — никто безъ надѣла не останется. Спасибо хоть союзу, что вó-время разъяснилъ дѣло и приписаться всѣмъ безъ различки позволилъ.

— *Полтина взносу всего, а польза на всю жизнь* и тебѣ, и дѣтямъ, и внукамъ.

Итакъ, вотъ та роль, которую сыгралъ здѣсь союзъ русскаго народа въ дѣлѣ присоединенія крестьянства къ истинно-русскимъ людямъ. Вотъ онѣ, тѣ стороны даннаго положенія дѣла, на которыя намекалъ мой помѣщикъ, какъ на симптомы возможныхъ въ будущемъ новыхъ и, пожалуй, еще значительно болѣе серьезныхъ волненій. Стараніями союза крестьяне вовлечены въ самую, такъ сказать, гущу политики, о которой до союза они не имѣли понятія и о которой стали и будутъ теперь думать и разсуждать. Стараніями союза они, какъ нѣкогда Зубатовымъ городскіе рабочіе, приведены къ сознанію необходимости сплачиваться въ союзы, въ партіи, да еще подъ флагомъ защиты ожидаемыхъ ими новыхъ порядковъ, главная суть которыхъ заключается въ ожидаемыхъ ими земельныхъ прирѣзкахъ. Но что, пожалуй, всего главнѣе — стараніями союза они приведены къ мысли ожидать этихъ прирѣзокъ отъ той власти, на которую потомъ и обрушится недовольство уже привыкшаго объединяться крестьянства, когда несбыточныя мечтанія окажутся неосуществленными. Вотъ гдѣ несомнѣнный источникъ будущихъ недовольствъ, недоразумѣній и волненій, которыхъ такъ боялся мой пріятель-октябристъ. И вотъ, прибавлю кстати, еще одна новая причина безразличнаго отношенія крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей къ думѣ: зачѣмъ имъ дума, когда не болѣе, какъ только за свой полтинникъ членскаго взноса они чувствуютъ себя вполнѣ гарантированными на счетъ полученія прирѣзки отобранной отъ помѣщиковъ земли къ надѣламъ? Такъ просто и притомъ такъ дешево! И все благодаря союзу, благодаря его слишкомъ усердному заманиванію въ число его членовъ. Или, можетъ быть, благодаря совсѣмъ не этому, а благодаря желанію союза немножко преувеличенными обѣщаніями отвлечь въ полное треволненій время вниманіе крестьянъ отъ тревожныхъ явленій текущей жизни и привлечь ихъ въ другую сторону, какъ это, напр., сдѣлано было при рекламѣ переселеній? Но въ такомъ случаѣ хотя цѣль и достигнута, услуга все-таки оказалась медвѣжьей, потому что результаты работы союза, навѣрное, не останутся безъ такъ называемыхъ „нежелательныхъ послѣдствій“.

На этихъ „нежелательныхъ послѣдствіяхъ“ отъ „немножко

преувеличенныхъ обѣщаній", на томъ недовольствѣ, которое должно явиться неизбѣжнымъ послѣдствіемъ недобросовѣстнаго отношенія къ народу и, постепенно накопляясь, можетъ впослѣдствіе вырасти въ нѣчто очень серьезное, я и хотѣлъ бы теперь остановиться. Но прежде мнѣ надо сказать кое о чемъ другомъ и потому данному вопросу я посвящу слѣдующую главу. Теперь же я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о томъ иногда тяжеломъ, иногда даже почти безотрадномъ впечатлѣніи, которое можетъ произвести на нѣкоторыхъ читателей содержаніе предыдущихъ главъ моихъ очерковъ и (вѣроятно) настоящей главы въ особенности.

Я хочу прежде всего сказать, что, читая мои очерки, читателю надо помнить поставленную имъ задачу выяснить причины того, почему народъ болѣе или менѣе равнодушно отнесся къ судьбѣ думы. Надо помнить, что при наличности такой задачи мнѣ неизбѣжно приходится останавливаться только на явленіяхъ опредѣленной категоріи, не касаясь другихъ, которыя могли бы произвести на читателя совсѣмъ иное впечатлѣніе. Слѣдовательно, иного впечатлѣнія, въ сущности, и быть не могло. А я съ своей стороны, чтобы освѣтить вопросъ съ возможною полнотою, долженъ былъ по возможности исчерпать весь тотъ матеріалъ, которымъ располагаю. Не моя вина, если на нѣкоторыхъ онъ можетъ произвести тяжелое впечатлѣніе. Во-первыхъ, таково ужъ—повторяю—свойство самой задачи, во-вторыхъ, эта задача была бы исчерпана, и вопросъ недостаточно освѣщенъ и уясненъ, если бъ я, ради какихъ-либо побочныхъ цѣлей, намѣренно умолчалъ о томъ, что можетъ произвести на читателя наиболѣе тяжелое впечатлѣніе. И, вообще говоря, я держусь мнѣнія, что изслѣдующій народную жизнь писатель долженъ „во всякое время и во всякій часъ" съ полной добросовѣстностью и возможнымъ безпристрастіемъ знакомить читателя со всѣми теченіями народной жизни, каковы бы они ни были. Знакомить для того, чтобы этотъ читатель—будь онъ общественный дѣятель или даже нѣтъ—зналъ, какъ смотритъ народъ на тѣ или иные вопросы общественной жизни и какого отношенія къ этимъ или инымъ явленіямъ современности можно ожидать отъ него въ данное время или въ ближайшемъ будущемъ.

VIII.

„Отцы и дѣти". Наростаніе недовольства. Современная реакція.

Чѣмъ больше я ѣздилъ по деревнямъ, тѣмъ больше убѣждался въ томъ разнообразіи деревенскихъ мнѣній и отношеній къ думѣ и вообще къ освободительному движенію въ его частностяхъ, на которое указывалъ еврей, упомянутый мною въ одной

изъ первыхъ главъ. Отдѣльныхъ мнѣній, различныхъ точекъ зрѣнія—масса, сомнѣній, колебаній и вопросовъ—еще больше. Правда, различіе въ мнѣніяхъ стоитъ нерѣдко въ близкой связи съ степенью состоятельности отдѣльныхъ лицъ и группъ, съ степенью обезпеченности ихъ землею, съ степенью умственнаго развитія, съ возрастомъ и т. п. Но степеней этихъ много, а слѣдовательно и отдѣльныхъ мнѣній большое разнообразіе. И это тѣмъ болѣе, что мнѣнія эти въ большинствѣ еще нетвердыя, необоснованныя полнымъ знаніемъ дѣла и потому неустановившіяся, колеблющіяся, способныя подвергаться измѣненію въ зависимости отъ внѣшнихъ стороннихъ вліяній. Словомъ, деревня еще, такъ сказать, не сказала своего послѣдняго слова, деревня находится еще въ броженіи... Но разъ оно—это умственное броженіе, этотъ подъемъ работы мысли—начался, онъ, несомнѣнно, не можетъ остановиться и мнѣніе деревни должно окончательно сложиться и вылиться въ нѣчто опредѣленное....

Каково бы ни было, однако, это разнообразіе мнѣній въ настоящее время, въ немъ нельзя не подмѣтить нѣкоторыхъ общихъ чертъ, о которыхъ надо сказать нѣсколько словъ. Главнѣйшими изъ нихъ я считаю ростъ недовѣрія и недовольства къ высшимъ, къ привилегированнымъ (смѣшиваемымъ нерѣдко вообще съ интеллигенціею), къ „начальству" (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) и, съ другой стороны, ростъ значенія молодыхъ въ деревенской средѣ, повышеніе (мѣстами, можетъ быть, правильнѣе сказать: появленіе) уваженія къ грамотнымъ книжнымъ людямъ. Стали появляться случаи выборовъ въ старосты совсѣмъ молодыхъ людей, избраніе ихъ ходатаями по мірскимъ дѣламъ, активнаго ихъ участія въ мірскихъ сходахъ и составленіи мірскихъ приговоровъ подъ ихъ вліяніемъ и ихъ указаніями. Наконецъ, мнѣ встрѣчались деревни, гдѣ молодежь получила такую силу и вліяніе, что старики оказались въ полномъ загонѣ.

— Теперь дожили до того, что намъ, старикамъ, и житья на свѣтѣ нѣтъ отъ сорванцовъ этихъ,—жаловался мнѣ одинъ „домохозяинъ" среднихъ лѣтъ, имѣвшій еще недавно вліяніе на сельскихъ сходахъ.—Такую силу взяли, что и слова не скажи... Главное дѣло—держатся крѣпко промежду себя и никому спуску не даютъ. Имъ слово, а они три, да еще такія тебѣ слова вывернутъ, что не найдешься, что и отвѣтить—грамотные подлецы, начитались, навидались такого, чего намъ и вовѣкъ не пришлось.

Оказалось, что въ деревнѣ старики настолько сошли на-нѣтъ, что потеряли всякое вліяніе и даже стали предметомъ насмѣшекъ.

— Стыдно признаться,—говорилъ мнѣ тоже одинъ изъ „стариковъ",—а вѣдь у насъ нашъ братъ—домохозяинъ, если идетъ по деревнѣ да увидитъ издали, что на улицѣ молодежь наша

деревенская кучкою тамъ гдѣ-нибудь собралась, то черезъ улицу и пойти побоишься—лучше обходъ сдѣлаетъ по задворкамъ, чтобы мимо не проходить. А то такъ тебя засмѣютъ и охаютъ, что прямо бѣда!

Такимъ образомъ роли здѣсь рѣзко перемѣнились. А перемѣна ролей произошла изъ-за „самой настоящей политики", изъ-за того... „какъ этотъ самый бунтъ—по закону будетъ или нѣтъ"...

„Старики говорятъ: будете бунтовать, вамъ же и всѣмъ намъ только хуже будетъ".

„А молодые отвѣчаютъ: не будете бунтовать—еще хуже будетъ, тогда ужъ начальство ничего не дастъ".

„Старики на это: а станете бунтомъ противъ начальста итти, то не только ничего не получите, но за эти за самыя дѣла начальство всѣхъ насъ въ разоръ приведетъ".

И кромѣ того старики говорятъ: „Чего такъ стоите за думу? Никакой думы не надо, потому что и безъ думы все дастся—вѣдь безъ думы царь въ 61 году отъ помѣщиковъ освободилъ, такъ и теперь безъ думы же все, что захочетъ, сдѣлаетъ... Начальство оно,—что хочетъ, можетъ!"

„Молодые же отвѣчаютъ: это вѣрно, что все, чего не захочетъ, можетъ, а все потому, что вы, дураки, отъ старости одурѣли. Не понимаете даже того, что все зависитъ отъ его хотѣнія или нехотѣнія, а не отъ вашего. Значитъ, не захочетъ, такъ и ничего вамъ не сдѣлаетъ, а надо, чтобы дѣлалось такъ, какъ народъ хочетъ. Вотъ что!"

„А старики имъ въ отвѣтъ на это: загородили свое — „дума да народъ, дума да народъ!", а что наша дума съ вашимъ „народомъ", когда теперь ужъ ясно, что ваша дума— только вывѣска одна: званье одно, что будто бы дума есть, а на дѣлѣ-то нѣтъ ничего!"

„Вотъ потому и нѣтъ ничего, что вы отъ старости изъ ума выжили и за шкуру свою дрожите — не хотите насъ слушаться, что мы говоримъ, чтобы народъ взялся самъ за свое дѣло"...

Такъ, въ видѣ пересказа репликъ, которыми обмѣнивались во время споровъ та и другая изъ сторонъ, знакомили меня деревенскіе старики съ происхожденіемъ и причинами этой розни между отцами и дѣтьми, въ которой—въ то время, когда я тамъ былъ,—„общественное мнѣніе" было на сторонѣ „дѣтей".

Болѣе обстоятельные разспросы выяснили, однако, что въ сущности рознь отцовъ и дѣтей не такъ велика, какъ кажется на первый взглядъ. Въ сущности, рознь эта по преимуществу тактическая. Дѣти настаиваютъ на немедленномъ „дѣйствіи", отцы же считаютъ сіе неблаговременнымъ и желаютъ подождать—не придетъ ли желанное само собою, такъ какъ боятся „за шкуру". Но и та и другая сторона держатся одного мнѣнія, что „все это — непорядокъ" и надо ввести „новые порядки, которые настоящіе

законные“, а безъ этого „иначе и жить будетъ скоро нельзя“. И та и другая сторона проникнуты недовольствомъ—недовольствомъ на „порядки“, недовольствомъ на „начальство“, на то, что „не дали думѣ свое дѣло сдѣлать“, на роспуски думы, на помѣщиковъ, на усиленіе полиціи въ деревняхъ, на усиливающіяся репрессіи, на суровыя мѣры по усмиреніямъ безпорядковъ и пр. и пр. Словомъ, недовольство, можетъ быть, правильнѣе даже сказать — озлобленіе распространяется здѣсь чуть не на все то, что не свое, что чужое, „господское“, начальническое, извнѣ пришедшее. Недовольствомъ этимъ проникнуты и старые и молодые. Разница лишь въ степени, да въ томъ, что старые говорятъ: „надо бы все-таки какъ-нибудь по закону... чтобы своего-то добиться, а то не было бы, слышь, плохо“... А молодые говорятъ: „это не законъ, что противъ народа—его и за законъ считать нельзя—его, значитъ, и перемѣнить и нарушить можно, а тотъ будетъ законъ, на который народъ согласенъ—да!“

Это я говорю о тѣхъ, что здѣсь — въ этихъ деревняхъ, гдѣ такія распри между старыми и молодыми, гдѣ чаша недовольства, очевидно, дошла уже до краевъ. Но и тамъ, гдѣ этого еще нѣтъ, даже тамъ, гдѣ мѣстами, какъ я указывалъ, иногда болѣе чѣмъ равнодушно отнеслись къ судьбѣ думы, недовольство это въ той или другой степени всегда на-лицо,

Разумѣется, оно не сейчасъ родилось—оно получило начало давно. Но до войны это былъ еще непрорвавшійся нарывъ, а война и послѣдующія событія нарывъ этотъ вскрыли и теперь его обычными средствами не залечишь. Тѣмъ болѣе не залечишь, что практикуемые, рекомендуемые и вводимые „порядки“ часто какъ будто нарочно направлены на то, чтобы нарывъ не заживалъ и раздраженіе и недовольство усиливались Припомнимъ хотя бы письма обманутыхъ въ своихъ законныхъ надеждахъ возвращавшихся переселенцевъ, злоба которыхъ обратилась въ ту именно сторону, которая принимала мѣры къ „успокоенію“. Припомнимъ зазывы союза русскаго народа, пропитанные обѣщаніями земли и неизбѣжно толкающіе народъ на тотъ путь аполитическихъ волненій и эксцессовъ, который усѣянъ уже столь многочисленными жертвами въ недавнемъ прошломъ... Припомнимъ многое другое, о чемъ говорить здѣсь не мѣсто, потому что это завлекло бы насъ далеко и не входитъ въ планъ настоящихъ очерковъ. Припомнимъ, наконецъ, и эти самые роспуски думы, на которую возлагались народныя надежды и роспуски которой оказались нужными, несмотря даже на то, что самые „вредныя“ и „опасныя“ ея рѣшенія не могли бы получить „силу закона“ хотя бы безъ санкціи государственнаго совѣта. А вѣдь роспуски эти, безъ сомнѣнія, сѣяли и усиливали существующее недовольство. Правда, „народъ думу не поддержалъ“, но мы уже видѣли, почему это было. Это произошло потому, что не потеряны были надежды на

самую думу (вспомните: „не дума, а только вывѣска одна“!). Это произошло потому, что народъ былъ разрозненъ, въ немъ не создалось еще мнѣнія, онъ еще въ броженіи, мнѣніе его еще нарождается...

Нарождается... на почвѣ недовольства и недовѣрія, на почвѣ неудовлетворенной нужды въ землѣ, на почвѣ обманутой надежды на ея полученіе, на почвѣ обманутыхъ надеждъ на „новые порядки“... И впереди въ этомъ нарожденіи идетъ, замѣтьте, молодое новое поколѣніе, теперь уже наиболѣе озлобленно настроенное, теперь уже настаивающее на активности.

Это ли не тотъ тревожный симптомъ, который долженъ бы былъ обратить, наконецъ, на себя вниманіе тѣхъ, кто именно больше всего заботился объ „успокоеніи“?!...

Правда, внѣшнее успокоеніе дѣйствительно внѣдрено... мѣрами всевозможныхъ репрессій и возбужденіемъ надеждъ, вродѣ тѣхъ, осуществленіе которыхъ сулилъ союзъ русскаго народа. Но о томъ, что можетъ получиться въ результатѣ обманутыхъ надеждъ, мы уже говорили. А репрессіи—дѣло ненадежное: ими „вѣкъ не проживешь“; узда можетъ сорваться и тогда коня уже не удержишь—тогда будетъ поздно. Уже сами по себѣ онѣ составляютъ лишній поводъ для усиленія и безъ того существующаго недовольства. А вся ихъ сила только въ томъ, что „вгоняютъ боль внутрь“. Значитъ, боль остается, а только ее становится не видно. Получается самообманъ, которымъ господамъ усмирителямъ совсѣмъ нечего утѣшаться...

А самообманъ съ виду очень утѣшительный... (можетъ быть, это именно и располагаетъ къ его продолженію?). Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, напр., деревень, гдѣ вскорѣ послѣ роспуска второй думы я засталъ такія острыя отношенія на почвѣ „самой настоящей политики“ между отцами и дѣтьми и гдѣ въ то время общественное мнѣніе было на сторонѣ послѣднихъ, теперь, когда я заканчиваю эту статью, первыя главы которой набросаны вскорѣ послѣ второй думы, настроеніе уже не то. Подъ вліяніемъ репрессій, „когда даже газеты въ деревню не допускаютъ“, когда „если пять человѣкъ даже своихъ крестьянъ вмѣстѣ соберется, то и то приказано арестовывать, а иначе самого старосту подъ арестъ“, напуганное общественное мнѣніе уже на сторонѣ тѣхъ, которые склонны „годить“. Оно на сторонѣ стариковъ и молодежь молчитъ, потому что понимаетъ, что „пока не время, пока надо подождать, чтобы выждать время, когда можно будетъ дѣйствовать всѣмъ по согласу“...

Тамъ же, гдѣ мнѣнія не успѣли еще такъ рѣзко опредѣлиться, гдѣ шатанія было больше, гдѣ, напр., могли имѣть вліяніе пропаганда и посулы союза русскаго народа, тамъ получились явленія иного рода. Тамъ ярый „демократъ“ иногда быстро переходилъ въ члены союза русскаго народа и озлобленный на всѣхъ и вся, на

неудачи своего участія въ освободительномъ движеніи, сбитый съ толку массой непримиримыхъ и недоступныхъ его пониманію противорѣчій, зараженный обѣщаніями легкой наживы и „легкой жизни", принимался за хулиганство и поступалъ въ „экспропріятели". Для такого, не имѣющаго никакихъ нравственныхъ устоевъ „экспропріятеля" изъ бывшихъ „демократовъ", вопросъ этотъ о переходѣ къ хулиганству въ большинствѣ случаевъ рѣшался просто: „мнѣ съ вами теперь не разсчетъ, а когда ваша сила возьметъ, то тамъ увидимъ... тогда, можетъ, мнѣ же поклонитесь... и мои руки пригодятся, если только мнѣ разсчетъ будетъ за васъ стараться"...

Такъ, подъ вліяніемъ репрессій и стараній разныхъ союзниковъ стали, какъ видите, появляться „друзья порядка" въ средѣ самой деревенской молодежи... Но друзья эти и недобросовѣстны, и ненадежны. Измѣнилось, какъ видите, и настроеніе, но это вѣдь только настроеніе, а не убѣжденіе, не окончательно выработанное мнѣніе. Вѣдь настроеніе зависитъ отъ случайностей, отъ условій даннаго момента. Настроеніе проходитъ, а убѣжденіе, мнѣніе слагается и остается.

Настроеніе это не помѣшало приниженной репрессіями деревнѣ установить тотъ взглядъ на третью думу и выборы въ нее, на который отнюдь не разсчитывали пропагаторы репрессій и давленій.

— Теперь, братцы, дума господская—въ нее промежду господъ какъ ни на есть надо тишкомъ да тайкомъ пробраться, чтобы они не замѣтили.

— Прикинуться за самаго за праваго, котораго правѣе и между господъ нема, да и пройти въ эту самую думу...

— Небось, не подсунешь—они тоже маху не дадутъ! Не проведешь! Да и чего имъ мужика проводить, хотя бы и праваго, когда у нихъ своихъ довольно найдется?! Всѣ вѣдь они теперь правые подъ одно,—для нихъ же и дума вся.

— Нѣтъ, это все пустое. Выбираться въ думу вовсе не слѣдъ— дума эта только для господскихъ дѣлъ.

— Да вы скажите мнѣ, кто теперь въ эту думу пойдетъ: кто на себя добровольно петлю надѣнетъ, чтобы потомъ къ чорту на кулички попасть?.

— Въ думѣ, братъ, правды не скажешь... коли живъ хочешь быть... Тутъ, братъ, дѣло такое: хорошій пойти побоится, а худого и пускать не надо. Лучше не выбирать вовсе!

Таковы были слышанные мною отзывы крестьянъ о предполагаемой къ созыву третьей думѣ и мнѣнія ихъ о выборахъ въ нее. Упавшее настроеніе, слѣдовательно, не помѣшало составить о нихъ свое особое мнѣніе и мнѣніе притомъ враждебное...

Значитъ, какъ ни вгоняй „боль" внутрь, а она все-таки найдетъ себѣ выходъ.

Но то разнообразіе мнѣній по одному и тому же вопросу, въ существованіи котораго въ деревенской средѣ читатель успѣлъ уже убѣдиться при чтеніи настоящихъ очерковъ, невольно заставляетъ предполагать, что и въ данномъ случаѣ могутъ оказаться „инако мыслящіе". И вѣрность истинѣ требуетъ признать, что такъ оно и есть въ дѣйствительности. Въ началѣ декабря 1907 года, т. е. черезъ мѣсяцъ по открытіи третьей думы я случайно наткнулся на деревни, гдѣ крестьяне оказались (я говорю, конечно, не обо всѣхъ, а о большинствѣ) довольны тѣмъ, что третья дума состоитъ изъ правыхъ! Деревни эти бѣдныя, нуждающіяся въ землѣ, расположенныя въ мѣстности, гдѣ въ свое время были аграрные безпорядки, а теперь идутъ грабежи и разбои и гдѣ крупные помѣщики держатъ на свой счетъ казаковъ и „черкесовъ". Тамъ крестьяне говорятъ:

— Ну, слава Богу, что собралась правая дума—можетъ быть, хоть немного усмирятся народъ! А то, прямо, житья не стало! Вокругъ грабежъ, ночью выйти страшно, коней воруютъ, все грабятъ, палятъ, того гляди,—оглянуться не успѣешь, какъ останешься голъ, какъ соколъ. Опять же дорого все такъ стало, что жить и вовсе затруднительно. Молодежь тоже вчистую отъ рукъ отбилась—никого не слушается... Думается, съ правой-то думой не утихомирится ли немножко, не успокоится ли народъ?!.. Да и на счетъ иного прочаго тоже не выйдетъ ли чего? Отъ лѣвыхъ-то думъ ужъ видно было, что нечего толку ждать, потому что всѣмъ ясно стало, что правительство противъ нихъ пошло и ничего имъ не хочетъ уступить! Такъ вотъ оно ужъ врядъ ли пойдетъ... съ правой за то у него, навѣрное, согласъ будетъ во всемъ...

— Значитъ, думаете, что правая вамъ что-нибудь дастъ?

— А какже! Для того и собрана вѣдь... Ну, само собой, многаго не ждемъ отъ нее. Однако, нельзя же, чтобы никакихъ перемѣнъ не дала—все что-нибудь да дастъ; а и то ужъ лучше, чѣмъ ничего... Жить-то вѣдь тяжко, господинъ, такъ тяжко, что и сказать нельзя! Вотъ и думаемъ мы: намъ бы хоть немножечко облегченія, вотъ хоть толюсенька (при этомъ указывается на кончикъ мизинца), чтобы передохнуть хоть немножко, душу отвести, до лучшей поры переждать... Можетъ, хоть въ платежахъ маленькую льготу дастъ или банку крестьянскую заставитъ полегче ссуду выдавать... Намъ бы и то было легче, мы бы и тому были рады... А то сами видимъ—все равно не дадутъ лѣвой думѣ ничего сдѣлать, все равно отъ нее пользы не увидишь...

Ясно, этими устами глаголетъ горькая нужда, ими говорятъ люди приниженные тяжестью жизни, придавленные гнетомъ современныхъ условій, жаждущіе прекращенія современной „смуты", боящіеся за свою судьбу и потому поневолѣ хватающіеся, какъ

утопающій за соломинку, за все, откуда может еще прійти имъ хоть какое-нибудь облегченіе,—и даже за правую думу! Но самыя эти ихъ слова, которыя они говорятъ въ пользу правой думы, совершенно ясно показываютъ, что они достаточно хорошо различаютъ, что можно было ожидать отъ лѣвыхъ думъ и что отъ правой.

Слѣдовательно, даже и тутъ, гдѣ „боль" вогнана внутрь достаточно сильно, „боль" эта все-таки лѣзетъ наружу.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать читателю о настроеніяхъ деревни въ настоящихъ очеркахъ. Мнѣ хотѣлось бы еще сдѣлать сближеніе между тѣми многочисленными причинами, которыя повліяли на описанное въ ней отношеніе деревни къ думѣ и „освободительному движенію" и тѣми, которыя такъ охлаждающе повліяли на городъ, между тѣми настроеніями, къ которымъ пришла въ концѣ концовъ деревня и тѣмъ... увлеченіемъ порнографіей, къ которому пришелъ въ концѣ концовъ „городъ". Но это еще болѣе удлинило бы мои и безъ того разросшіеся очерки, да и читатель, я думаю, сумѣетъ сдѣлать это сближеніе безъ моей помощи.

С. Величко.

ТЯЖЕЛОЙ ДОРОГОЙ.

(Самообразованіе рабочихъ).

Очеркъ Ю. Лавриновича.

I.

Рабочая среда переживаетъ въ настоящее время моментъ высокаго подъема стремленія къ самообразованію, къ удовлетворенію умственныхъ запросовъ. Правда, такія стремленія далеко не новы у насъ: какъ наиболѣе передовой и сознательный элементъ трудового населенія, пролетаріатъ всегда проявлялъ большое тяготѣніе къ наукѣ, къ расширенію своего умственнаго кругозора, и вся просвѣтительная работа русской интеллигенціи конца прошлаго столѣтія была направлена къ удовлетворенію этихъ стремленій. Во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городахъ преобладающимъ элементомъ среди посѣтителей народныхъ чтеній и народныхъ библіотекъ-читаленъ были рабочіе; рабочихъ обслуживали создавшіяся въ 90-хъ годахъ въ обѣихъ столицахъ общества народныхъ развлеченій; даже просвѣтительныя учрежденія попечительства о народной трезвости, несмотря на сомнительность раздававшейся въ нихъ духовной пищи, пользовались въ городахъ вниманіемъ преимущественно рабочихъ. Повсюду пытливый умъ тружениковъ фабричнаго станка толкалъ ихъ на поиски духовной пищи и заставлялъ ихъ ловить жадно каждое зерно знанія, гдѣ бы и какою бы рукою оно ни бросалось. Это было во времена злѣйшей реакціи, когда въ каждой попыткѣ устроить школу, библіотеку, чтеніе власти видѣли только крамолу и когда просвѣтительная дѣятельность уподоблялась тяжелому подвигу. Интеллигенція много сдѣлала тогда для распространенія образованія въ народѣ, но еще больше сдѣлала реакція для пресѣченія этого „зла". Многія благородныя попытки просвѣтительныхъ дѣятелей, несмотря на массу затраченнаго ими труда, сводились противодѣйствіемъ реакціи къ такимъ ничтожнымъ результатамъ, что скромные запросы рабочихъ уже не удовлетворялись ими. Наиболѣе сознательные рабочіе начали сами искать пути умственнаго совершенствованія, и попытки ихъ въ этомъ направленіи оказались небезуспѣшными. Въ докладѣ Н. А. Рубакина „Къ харак-

теристикѣ самообразованія среди трудящихся классовъ", прочитанномъ на III съѣздѣ по техническому и профессіональному образованію, была нарисована чрезвычайно любопытная и единственная въ своемъ родѣ картина той внутренней работы, которая неустанно велась въ этомъ направленіи рабочими. Г. Рубакинъ въ теченіе 18 лѣтъ собиралъ разнообразный матеріалъ, характеризующій жажду рабочаго люда къ просвѣщенію... На основаніи такихъ документовъ, какъ письма, дневники, рукописныя сочиненія рабочихъ и т. п. авторъ доклада привелъ множество примѣровъ удивительной настойчивости рабочаго люда въ стремленіи его къ поднятію своего умственнаго уровня, къ расширенію своихъ знаній. Въ этомъ стремленіи рабочіе встрѣчали много препятствій. Идя по линіи наименьшаго сопротивленія, они въ большинствѣ случаевъ вынуждены были ограничиваться покупкою книгъ, не останавливаясь передъ значительными затратами для этой цѣли. Казенные каталоги народныхъ библіотекъ уже не удовлетворяли такихъ читателей, и они составляли свои библіотечки по частнымъ спискамъ лучшихъ книгъ, ходившимъ по рукамъ въ большомъ количествѣ. Въ такихъ библіотечкахъ, насчитывавшихъ нерѣдко по 300—500 книгъ, г. Рубакинъ нерѣдко встрѣчалъ сочиненія такихъ авторовъ, какъ Марксъ, Гернеръ, Дарвинъ, лучшихъ русскихъ писателей и т. п. Для уменьшенія расходовъ на покупку книгъ рабочіе часто соединялись въ кружки и такимъ образомъ создавали зародыши обществъ самообразованія. Такія своеобразныя произведенія рабочихъ, какъ тетради съ наклееными на нихъ газетными вырѣзками, систематически подобранными по такимъ, напримѣръ, вопросамъ, какъ экономическое положеніе фабрики, судъ, положеніе рабочихъ и т. п., множество поэтовъ, беллетристовъ и публицистовъ, встрѣчающихся среди рабочихъ, краснорѣчиво говорятъ о высокомъ интеллигентномъ составѣ верхнихъ слоевъ рабочихъ. Однако, дальше такихъ попытокъ къ самообразованію не могли пойти тогда даже самые сознательные рабочіе, масса же осталась попрежнему лишенной почти всякой возможности пріобщиться къ знанію и культурѣ и въ лучшемъ случаѣ могла итти только на помочахъ либеральной просвѣтительной интеллигенціи, которая сама находилась подъ бдительнымъ надзоромъ и строгой ферулой администраціи.

Такъ продолжалось до знаменательнаго 1905 года. Освободительное движеніе, завершившееся актомъ 17 октября, дало рабочему классу драгоцѣнное право объединенія въ союзы Изъ объектовъ административнаго воздѣйствія и благожелательнаго попеченія народолюбивой интеллигенціи, рабочіе превратились въ самостоятельныхъ субъектовъ; вмѣсто всегда скрытаго за сценой и игравшаго роль персонажа безъ словъ, рабочій классъ явился въ роли самостоятельнаго вершителя своей судьбы съ хорошо продуманнымъ сознаніемъ своего общественнаго значенія. Созда-

лись профессіональные союзы, быстро покрывшіе Россію обширной сѣтью самостоятельныхъ рабочихъ организацій. Угнетаемый десятилѣтіями, рабочій классъ прежде всего ринулся въ борьбу съ предпринимателями, стремясь улучшить условія труда и свое экономическое положеніе. Но въ этой борьбѣ рабочіе ни на минуту не забывали о своихъ духовныхъ потребностяхъ: во всѣхъ уставахъ профессіональныхъ союзовъ, наряду съ защитою правовыхъ и экономическихъ интересовъ рабочихъ, на первомъ планѣ ставилось „содѣйствіе умственному и нравственному развитію членовъ"; для достиженія этой цѣли профессіональные союзы ставили себѣ задачею устройство всевозможныхъ просвѣтительныхъ предпріятій, клубовъ, библіотекъ, читаленъ, публичныхъ лекцій, экскурсій, чтеній, собесѣдованій съ общеобразовательной цѣлью и для выясненія текущихъ вопросовъ жизни и т. п. Пока союзы были поглощены политическимъ движеніемъ, поддержкою Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, забастовками 1905 года и экономическою борьбою—параграфы уставовъ, говорившіе о просвѣтительныхъ задачахъ союзовъ, оставались мертвою буквою: дѣло спокойныхъ будней — самообразованіе не могло захватывать возбужденныя страсти борцовъ. Но какъ только миновали первые дни жаркихъ схватокъ, какъ только хоть немного разсѣялся туманъ ожесточенной борьбы—тотчасъ же всплыли вопросы образованія. Рабочіе не могли не сознавать, что долгіе годы огражденія ихъ отъ свѣта истиннаго знанія сдѣлали свое дѣло и остановили умственное развитіе трудовой массы въ такомъ состояніи, при которомъ невозможна не только сознательная борьба за идеалы рабочаго класса, но неосуществима даже правильная сознательная дѣятельность профессіональныхъ союзовъ: вѣдь только ясное, отчетливое пониманіе принциповъ, на которыхъ основана борьба пролетаріата, можетъ заставить рабочія массы сознательно вступать въ ряды профессіональныхъ союзовъ; только широкій умственный кругозоръ работника можетъ помочь ему осмыслить и сдѣлать разумнымъ и продуктивнымъ его повседневный трудъ. Объ этомъ, не переставая, твердятъ вожди рабочаго класса, категорически требуя отъ рабочихъ сознательнаго отношенія ихъ къ окружающей ихъ дѣйствительности. „Процессъ капиталистическаго способа производства,—говорится въ одной изъ резолюцій международнаго штутгардскаго конгресса соціалистовъ,—обрекаетъ на полную безрезультатность экономическую борьбу, если она вытекаетъ исключительно изъ заботъ одной профессіи...

Конгрессъ держится того мнѣнія, что союзы тѣмъ успѣшнѣе будутъ вести борьбу, чѣмъ глубже пониманіе ихъ членами общихъ условій экономической жизни, чѣмъ выше развито ихъ самопожертвованіе и воодушевленіе, являющіяся прямыми выводами изъ идеаловъ рабочаго класса". Но не одни эти соображенія толкали рабочихъ къ самообразованію, къ культурной работѣ

только что пережитая борьба и ея неудачи заставили рабочій классъ критически отнестись къ своимъ дѣйствіямъ, провѣрить правильность своего поведенія и признать свои ошибки. Здѣсь выяснилась политическая незрѣлость пролетаріата, невѣжество рабочей массы, помѣшавшее ей осмыслить сущность и условія успѣха такихъ движеній, какимъ было движеніе 1905—1906 гг. Словомъ, передъ рабочимъ классомъ во всей своей неотразимости стала неотложная необходимость итти по пути скорѣйшаго осуществленія культурно-просвѣтительныхъ задачъ. Наиболѣе непосредственно почувствовали это профессіональные союзы и имъ то предстояло приступить къ реализаціи тѣхъ предположеній, которыя были намѣчены уставами большинства союзовъ. Но усиленное стремленіе рабочихъ къ культурно-просвѣтительной дѣятельности совпало съ наиболѣе тяжелымъ для союзовъ временемъ: это была пора, которую въ прессѣ характеризовали, какъ ликвидацію освободительнаго движенія. Администрація начала съ половины 1906 года относиться къ союзамъ особенно подозрительно, стѣсняла ихъ дѣятельность усиленнымъ надзоромъ и безпощадно закрывала союзы при малѣйшемъ отступленіи ихъ, дѣйствительномъ или кажущемся, отъ обязательныхъ постановленій. Это ослабило уцѣлѣвшіе союзы, такъ какъ рабочіе подъ страхомъ репрессій отхлынули отъ нихъ, и многіе ранѣе многолюдные союзы опустѣли, а многіе и совсѣмъ распались. Предприниматели, видя ослабленіе профессіональнаго движенія, поспѣшили взять назадъ тѣ уступки, которыя они сдѣлали рабочимъ въ октябрѣ 1905 года и въ послѣдующіе мѣсяцы. Союзамъ, такимъ образомъ, снова приходилось вступать въ борьбу съ хозяевами за то, что было уже разъ отвоевано, съ той только разницею, что союзы теперь были совершенно обезсилены; кромѣ того, вслѣдствіе наступившей дезорганизаціи многимъ изъ нихъ вновь пришлось производить организаціонную работу. Словомъ, при остро-сознанной необходимости обратиться къ культурно-просвѣтительной дѣятельности союзы и теперь не имѣли возможности заняться ею, такъ какъ для того не было ни силъ, ни средствъ. Сознаніе необходимости и своевременности такой дѣятельности было, однако, настолько сильно въ рабочихъ кругахъ, что сознательные рабочіе начали искать другихъ путей къ удовлетворенію назрѣвшей нужды. Такимъ путемъ явилось учрежденіе рабочихъ обществъ самообразованія или такъ называемыхъ рабочихъ клубовъ—независимо отъ профессіональныхъ союзовъ. Пока это движеніе успѣло принять опредѣленныя формы только въ Пэтэрбургѣ, но оно настолько сильно и широко захватило рабочую среду, что начинаетъ перекидываться въ провинцію, и, судя по быстротѣ его развитія, обѣщаетъ стать типомъ культурно-просвѣтительнаго учрежденія для рабочихъ. Къ очерку рабочихъ клубовъ мы и перейдемъ.

II.

Рабочіе клубы начали возникать тотчасъ же послѣ изданія закона 4 марта 1906 г. объ обществахъ и союзахъ: упрощенный проектъ разрѣшенія обществъ, казалось, обезпечивалъ просвѣтительнымъ организаціямъ безпрепятственное возникновеніе и свободное существованіе. Но первыя попытки оказались неудачными: всѣ возникшія общества (ихъ было нѣсколько) были закрыты администраціею, усмотрѣвшею въ нихъ прямыхъ преемниковъ существовавшихъ въ октябрьскіе дни открытыхъ партійныхъ клубовъ. Такъ же неудачны были попытки возрожденія закрытыхъ обществъ, предпринимавшіяся во время II государственой думы. Правильное функціонированіе и быстрое развитіе рабочихъ обществъ самообразованія начинается только со второй половины 1907 года, когда открытое участіе рабочихъ въ политической жизни стало невозможнымъ, а профессіональные союзы стали подвергаться особенно сильнымъ гоненіямъ.

Насколько быстро растетъ число рабочихъ клубовъ, можно судить по тому, что еще въ началѣ нынѣшняго года число ихъ доходило до 15.

Къ этому времени зарегистрованы слѣдующія общества:

Въ Нарвскомъ районѣ общества: „Просвѣщеніе", „Образованіе", „Наука". Въ Невскомъ пригородномъ районѣ: „Общество самообразованія для совмѣстнаго ознакомленія съ общественными вопросами" организовано рабочими Обуховскаго завода; впослѣдствіи при регистраціи оно переименовано въ общество подъ названіемъ „Знаніе—свѣтъ"; общество „Свѣтъ", обслуживающее культурныя нужды рабочихъ заводовъ Шлиссельбургскаго тракта. Въ рождественскомъ районѣ общество саморазвитія рабочихъ „Наука" и другое общество подъ названіемъ „Образованіе". Въ Выборгскомъ: „Общество самообразованія на выборгской сторонѣ" и общество „Образованіе". Въ петербургскомъ районѣ—„Культурно-просвѣтительное общество образованія рабочихъ петербургской стороны". Въ коломенской части—общество „Просвѣщеніе". Въ лиговскомъ районѣ—общество „Женской взаимопомощи".

Кромѣ того, намѣчены къ открытію такія же общества въ районѣ Черной рѣчки, Обводнаго канала и Охты, а среди ремесленниковъ и рабочихъ центра города возникло предположеніе объ организаціи рабочихъ клубовъ въ центральныхъ частяхъ.

Старѣйшее изъ этихъ обществъ—„Образованіе"—нарвскаго района зарегистровано особымъ городскимъ по дѣламъ объ обществахъ присутствіемъ 19 сентября 1906 года, а дѣятельность свою начало съ декабря того же года. Остальныя общества насчитываютъ всего по нѣсколько мѣсяцевъ своего существованія: общество образованія петербургской стороны возникло въ маѣ 1907 года; коломенское общество—„Просвѣщеніе"—въ сентябрѣ

1907 г., василеостровскія общества возникли въ августѣ, сентябрѣ и ноябрѣ 1907 г., остальныя общества еще позднѣе, а нѣкоторыя, какъ песковское общество „Наука", невское пригородное общество „Свѣтъ" и др.—лишь съ начала 1908 г.

Основная цѣль всѣхъ рабочихъ обществъ самообразованія— всестороннее образованіе и саморазвитіе его членовъ. Этотъ мотивъ возникновенія обществъ выраженъ во всѣхъ уставахъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ; въ нѣкоторыхъ уставахъ, какъ, напримѣръ, въ уставѣ общества петербургскаго района и въ уставѣ нарвскаго общества „Образованіе" эта мысль выражена болѣе конкретно. Здѣсь совершенно опредѣленно говорится: „Въ задачи общества входитъ общее образованіе во всѣхъ его видахъ: высшее, среднее и низшее, а также внѣшкольное, какъ въ отношеніи теоретической разработки возбуждаемыхъ образованіемъ вопросовъ, такъ и созданія учрежденій для практическаго проведенія его въ жизнь. Для сего общество печатаетъ книги, брошюры и періодическія изданія, устраиваетъ чтеніе лекцій, съѣзды, школы всѣхъ типовъ, музеи, книжные склады, библіотеки, читальни, образовательныя прогулки, экскурсіи и т. п., а также содѣйствуетъ организаціи народныхъ просвѣтительныхъ развлеченій". Всѣ задачи обществъ ограничиваются только общимъ образованіемъ во всѣхъ его видахъ: ни въ одномъ изъ уставовъ мы не встрѣтили упоминанія о техническомъ и профессіональномъ образованіи, что станетъ вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе вышеуказанныя нами причины возникновенія всѣхъ обществъ; рабочіе стремятся прежде всего расширить свой умственный кругозоръ, не заботясь о пріобрѣтеніи спеціальныхъ знаній и техническихъ навыковъ. Эта основная тенденція рѣзко отличаетъ нашихъ рабочихъ отъ ихъ западно-европейскихъ собратьевъ, въ просвѣтительныхъ стремленіяхъ которыхъ преобладаетъ профессіональное образованіе, такъ какъ благами общаго образованія они могутъ воспользоваться еще въ школьномъ возрастѣ, благодаря нормальной постановкѣ дѣла народнаго просвѣщенія въ ихъ странахъ.

Представляя по своимъ задачамъ и по дѣятельности такія же просвѣтительныя общества, какія обыкновенно основываются буржуазной интеллигенціей, рабочія общества самообразованія рѣзко отличаются отъ нихъ составомъ своихъ членовъ и руководителей. Все въ этихъ обществахъ находится въ рукахъ рабочихъ, которые выдѣляютъ изъ своей среды коллегію товарищей, руководящихъ всѣми дѣлами общества; эта коллегія въ свою очередь привлекаетъ многихъ членовъ къ завѣдыванію отдѣльными отраслями дѣятельности общества; обыкновенно, всѣ комиссіи, имѣющіяся при каждомъ обществѣ, комплектуются не изъ членовъ правленія, а изъ членовъ общаго собранія, а такъ какъ комиссій бываетъ много (финансовая, лекціонная, библіотечная, вечеровая, школьная, хозяйственная и т. п.,), то непосредственное участіе въ

дѣятельности общества могутъ принимать очень многіе члены. Участіе интеллигентовъ не только не отвергается рабочими, но охотно принимается, и въ дѣлѣ организаціи лекцій и вообще просвѣтительной работы интеллигенты-сотрудники приносятъ обществамъ большую пользу, тѣмъ болѣе, что и въ этомъ дѣлѣ рабочіе дѣятельно помогаютъ имъ.

Въ матеріальномъ отношеніи рабочія общества самообразованія зависятъ всецѣло отъ самихъ рабочихъ, такъ какъ главный ихъ финансовый рессурсъ составляютъ взносъ членовъ и плата, иногда взимаемая за лекціи, вечера и спектакли, посѣщаемые тѣми же рабочими. Необходимыя деньги собираются буквально по грошамъ: членскіе взносы во всѣхъ обществахъ доведены до минимальныхъ размѣровъ: обычный взносъ 15—25 коп. ежемѣсячно и 25—50 единовременный вступительный взносъ, а въ нѣкоторыхъ обществахъ вступительные взносы вовсе не взимаются. Несмотря на такіе низкіе взносы, обществамъ приходится нанимать квартиры, въ которыхъ не только помѣщаются правленія, библіотеки-читальни, но происходятъ собранія, даже лекціи; покупать книги для пополненія библіотекъ и нерѣдко—оплачивать трудъ лекторовъ. При такихъ условіяхъ сводить концы съ концами возможно только въ томъ случаѣ, если число членовъ значительно. Въ этомъ отношеніи большинство обществъ находится въ благопріятномъ положеніи: возникая вслѣдствіе сознаваемой рабочими нужды въ образованіи, они сразу привлекаютъ большое число членовъ, а вмѣстѣ съ ними — необходимыя денежныя средства; въ нѣкоторыхъ обществахъ число членовъ доходитъ до 500—600, въ обществѣ образованія на петербургской сторонѣ оно даже достигло 1000, но есть нѣсколько обществъ, насчитывающихъ отъ 150 до 300 членовъ. Общее число входящихъ во всѣ общества членовъ доходитъ до 4000 человѣкъ; если принять во вниманіе, что эта небольшая, но компактная армія культурныхъ тружениковъ составилась въ теченіе всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и притомъ, при наличности весьма неблагопріятныхъ условій, то нельзя не признать, что любовь къ просвѣщенію заняла прочное мѣсто въ сознаніи рабочихъ. Существуя и правильно функціонируя всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, рабочіе клубы должны были первые свои шаги направить на организаціонную работу. Въ этомъ отношеніи дѣятельность въ профессіональныхъ союзахъ сослужила дѣятелямъ клуба хорошую службу: они явились сюда уже съ хорошимъ организаціоннымъ опытомъ и только благодаря этому изъ небольшого времени существованія рабочихъ клубовъ они успѣли извлечь большую долю пользы. Кратковременная дѣятельность обществъ успѣшнѣе всего проявилась въ устройствѣ лекцій и библіотекъ. Лекціи устраиваютъ всѣ существующія общества, пользуясь для этого помѣщеніями своихъ квартиръ, иногда же нанимая особыя помѣщенія. Систематическіе курсы рѣдко

удается проводить, благодаря, главнымъ образомъ, недостаточной организованности обществъ, но все-таки за послѣднее время удается устраивать курсы, состоящіе изъ 5 и болѣе лекцій; въ большинствѣ случаевъ лекціи бываютъ разовыя. Наибольшее вниманіе удѣляется лекціямъ по общественнымъ вопросамъ, исторіи, естествознанію, литературѣ, рабочему вопросу, аграрному вопросу — лекціи этого рода посѣщаются наибольшимъ числомъ слушателей. Несмотря на тѣсныя и неудобныя помѣщенія (большинству приходится стоять), каждая лекція обычно привлекаетъ отъ 50 до 100 слушателей, а нѣкоторыя отъ 150 до 200 и болѣе чел.; кромѣ безплатныхъ лекцій, устраиваемыхъ въ помѣщеніи обществъ для своихъ членовъ, общества организуютъ публичныя лекціи въ большихъ наемныхъ залахъ съ платою за входъ; посѣщаемость такихъ лекцій значительно выше—доходитъ нерѣдко до 400 и болѣе человѣкъ. Чтобы судить о направленіи лекціонной дѣятельности обществъ, приведемъ краткій списокъ главнѣйшихъ темъ, которыхъ касались прочитанныя въ рабочихъ клубахъ и въ публичныхъ аудиторіяхъ лекціи. Лекціи были посвящены: 1) геологіи, 2) астрономіи, 3) дарвинизму, 4) анатоміи, 5) физіологіи, 6) ботаникѣ, 7) химіи, 8) исторіи Россіи, 9) исторіи Франціи XIX в., 10) исторіи культуры, 11) политической экономіи, 12) государственному праву, 13) финансовому праву, 14) аграрному вопросу, 15) городскому хозяйству, 16) рабочему движенію на Западѣ, 17) профессіональному движенію, 18) синдикализму, 19) о формахъ рабочаго движенія, 20) кооперативному движенію, 21) страхованію рабочихъ, 22) о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ, 23) по фабричному законодательству, 24) о различныхъ теченіяхъ въ крупной промышленности (союзы предпринимателей), 25) алкоголизму, 26) психологіи, 27) литературѣ и т. д.

Библіотеки и читальни, такъ же, какъ и лекціи, составляютъ одну изъ главныхъ заботъ рабочихъ клубовъ. Въ настоящее время почти всѣ клубы располагаютъ библіотеками и большинство — читальнями. Въ библіотекахъ преобладаютъ книги по общественнымъ вопросамъ и беллетристикѣ, по рабочему движенію, въ читальняхъ — періодическія изданія, профессіональная пресса. Число книгъ въ нѣкоторыхъ библіотекахъ доходитъ до 1000 — 1500, въ обществѣ образованія рабочихъ петербургской стороны достигало даже нѣсколькихъ тысячъ, считая съ журналами; впрочемъ, есть библіотеки, насчитывающія не болѣе 100—150 книгъ—недостатокъ средствъ не позволяетъ обществамъ много тратить на покупку книгъ, и ростъ большинства библіотекъ всецѣло зависитъ отъ добровольныхъ пожертвованій самихъ рабочихъ. Какъ ни случаенъ подборъ пожертвованныхъ книгъ въ нѣкоторыхъ библіотекахъ, но и онъ можетъ дать богатую пищу пытливому уму рабочаго, ибо каждая книжка, пожертвованная читателемъ-

рабочимъ, была имъ свободно выбрана, а не навязана казеннымъ каталогомъ, еще такъ недавно сковывавшимъ мысль народнаго читателя. Вотъ почему скудныя библіотеки рабочихъ клубовъ привлекаютъ много подписчиковъ изъ среды рабочихъ; каждая изъ нихъ насчитываетъ не менѣе 100 членовъ, регулярно обмѣнивающихъ взятыя книги, въ нѣкоторыхъ же клубахъ число подписчиковъ доходитъ до 200 и болѣе.

Лекціи и библіотеки, однако, далеко не удовлетворяютъ рабочихъ, стремящихся къ болѣе систематичному и всестороннему образованію. Такіе рабочіе нуждаются не въ лекціяхъ случайнаго содержанія, не въ случайномъ подборѣ книгъ, а въ правильно организованныхъ школьныхъ занятіяхъ, могущихъ дать болѣе цѣльную подготовку и солидныя знанія. И общества, идя на встрѣчу удовлетворенію этой нужды, вездѣ ставятъ на очередь вопросъ объ организаціи школъ для рабочихъ. Къ сожалѣнію, скудныя средства общества еще не скоро позволятъ имъ открыть собственныя школы. Сознавая это, общества стараются пока использовать для своихъ цѣлей уже существующія школы, прибѣгая для этого къ школамъ техническаго общества и къ существующимъ городскимъ воскреснымъ школамъ. Такъ, общество при Обуховскомъ заводѣ „Знаніе—свѣтъ" направляетъ своихъ членовъ въ устроенную въ этомъ же районѣ комиссіей по техническому образованію воскресную школу; то же дѣлаютъ общества и другихъ районовъ, гдѣ имѣются школы для рабочихъ. Къ сожалѣнію, такихъ школъ имѣется немного—вѣдь ихъ до сихъ поръ насаждала только комиссія по техническому образованію, а существующія по большей части бываютъ заполнены своими постоянными учениками, для которыхъ не всегда хватаетъ мѣста. Народившійся огромный контингентъ трудовой интеллигенціи, стремящейся расширить свои знанія, приводитъ къ необходимости созданія цѣлой сѣти новыхъ школъ для взрослыхъ рабочихъ; предпріятіе это не по силамъ молодымъ, только что возникшимъ обществамъ; необходимо, чтобы имъ пришли на помощь и комиссія по техническому образованію, и Лига Образованія, и общество народныхъ университетовъ, ибо удовлетвореніе школьной нужды взрослаго населенія и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ этихъ просвѣтительныхъ учрежденій; при своевременной поддержкѣ, рабочія общества самообразованія смогутъ разрѣшить одну изъ главныхъ своихъ задачъ и этимъ укрѣпятъ свое существованіе и привлекутъ новые слои членовъ-рабочихъ.

Стремясь доставить своимъ членамъ не только средства къ самообразованію и развитію, но и разумныя развлеченія, общества дѣлаютъ попытки устройства въ своихъ помѣщеніяхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, семейныхъ вечеринокъ, дѣтскихъ праздниковъ, игръ, и обставляя помѣщенія такъ, чтобы члены общества могли проводить въ нихъ свободные отъ работы часы, придаютъ

имъ характеръ клубовъ, откуда всѣ рабочія общества самообразованія и получили названіе рабочихъ клубовъ. Нѣкоторымъ обществамъ, какъ Коломенское и Лиговское общество женской взаимопомощи, удается устраивать вечера почти еженедѣльно, и они обзавелись даже собственными піанино.

Наконецъ, не послѣднее мѣсто занимаютъ въ дѣятельности обществъ заботы ихъ объ организаціи съ образовательными цѣлями экскурсій. Группы членовъ или даже постороннихъ рабочихъ, подъ руководствомъ приглашаемыхъ обществами спеціалистовъ, посѣщаютъ художественные музеи, музеи академіи наукъ, ботаническій садъ, геологическій музей, обсерваторію и т. п. Здѣсь экскурсантовъ знакомятъ въ общедоступной формѣ со всѣми коллекціями и достопримѣчательностями посѣщаемыхъ учрежденій.

III.

Изъ краткаго очерка дѣятельности рабочихъ клубовъ, какъ мы видимъ, нельзя вывести заключенія о большой ея продуктивности. Дѣло только что начато и вполнѣ естественно, что оно еще не успѣло дать замѣтныхъ результатовъ. Но на первыхъ же шагахъ новыхъ обществъ ихъ дѣятели показали полную приспособленность рабочихъ къ самостоятельному веденію этого сложнаго, сопряженнаго съ большою потерею времени и труда, дѣла. Рабочіе показали, что они не только стремятся къ просвѣщенію, но умѣютъ сами осуществлять свои стремленія. При такихъ условіяхъ можно было бы предсказать рабочимъ обществамъ самообразованія прекрасную будущность, такъ какъ ихъ руководители обладаютъ драгоцѣннымъ свойствомъ—самодѣятельностью. Однако, несмотря на это, дѣйствительность заставляетъ опасаться не только за будущее рабочихъ обществъ самообразованія, но и за ихъ настоящее. Причина этого кроется въ той подозрительности, съ которою относится къ обществамъ администрація. Несмотря на то, что всѣ общества легализованы и дѣятельность ихъ имѣетъ совершенно легальный и открытый характеръ, они съ самыхъ первыхъ дней возникновенія страдаютъ не только отъ репрессій, но и отъ всякихъ предупредительныхъ мѣръ административныхъ властей. Происходитъ это отъ того, что уже самый фактъ возникновенія рабочихъ обществъ власти считаютъ вреднымъ и опаснымъ. Поэтому, не имѣя основанія отказывать обществамъ въ регистраціи, власти стараются помѣшать развитію ихъ дѣятельности. Начинается обыкновенно съ того, что полиція мѣшаетъ возникшему обществу обзавестись помѣщеніемъ. Для этого домовладѣльцамъ соотвѣтствующаго района рекомендуется не сдавать обществу квартиръ. Такъ какъ общества идутъ на всякія жертвы, чтобы получить квартиру, безъ которой нельзя

начать никакой работы, то въ концѣ концовъ послѣ долгихъ поисковъ и притомъ за непомѣрно дорогую плату, квартиры нанимаются. Но такъ какъ общество желаетъ устраивать въ квартирѣ собранія, лекціи и вечера, то возникаетъ новое препятствіе—необходимость техническаго осмотра для опредѣленія, соотвѣтствуетъ ли помѣщеніе требованіямъ обязательнаго постановленія городской думы; а требованія эти въ отношеніи помѣщеній, предназначенныхъ для „общественныхъ собраній", таковы, что примѣненіе ихъ къ скромнымъ квартирамъ, занимаемымъ рабочими обществами, равносильно закрытію обществъ: въ числѣ техническихъ и строительныхъ требованій, предъявляемыхъ къ помѣщеніямъ общественнныхъ собраній, имѣются такія, какъ наличность нѣсколькихъ выходовъ, широкихъ лѣстницъ, снабженныхъ поручнями съ обѣихъ сторонъ, опредѣленныхъ типовъ освѣщенія и отопленія, несгораемыхъ потолковъ, сводовъ, отдѣляющихъ помѣщеніе отъ низшихъ этажей и т. п. Ни одному изъ этихъ требованій не удовлетворяютъ, обыкновенно, не только тѣ скромныя квартиры, которыя могутъ нанять рабочія общества, но и тѣ роскошныя квартиры, которыя снимаются въ частныхъ домахъ разными частными клубами, собраніями, обществами и т. п. Но то, что дозволено для другихъ, для рабочихъ клубовъ считается недопустимымъ и туда направляется для осмотра техническая комиссія; по поводу осмотра полиція прежде всего закрываетъ помѣщеніе на болѣе или менѣе продолжительное время; нерѣдко это тянется двѣ-три недѣли, и все это время клубъ бездѣйствуетъ. Обыкновенно нанятое помѣщеніе признается „несоотвѣтствующимъ"; тогда начинаются новыя мытарства въ поискахъ новой квартиры.

Если послѣ всѣхъ злоключеній обществу удается все-таки обзавестись квартирой, то это не избавляетъ его отъ дальнѣйшихъ мытарствъ. Напримѣръ, въ отношеніи устройства лекцій общества поставлены въ совершенно исключительное положеніе: несмотря на то, что въ помѣщеніяхъ рабочихъ клубовъ лекціи устраиваются исключительно для своихъ членовъ, общества вынуждены всегда испрашивать разрѣшеніе полиціи на каждую лекцію. Благодаря этому никогда нельзя назначить опредѣленнаго курса изъ нѣсколькихъ лекцій, такъ какъ весьма часто лекціи не разрѣшаются или изъ-за темы, или изъ-за имени лектора. Но если лекція и разрѣшена, то это не значитъ, что всѣ стѣсненія кончены: на лекцію, несмотря на ея публичный характеръ, обязательно командируются полицейскіе чины, присутствіе которыхъ стѣсняетъ и лектора и слушателей; въ заводскихъ районахъ для наблюденія за лекціей нерѣдко командируются чины заводской полиціи, знающіе въ лицо всѣхъ рабочихъ. Благодаря такому порядку не всѣ лекторы соглашаются читать въ рабочихъ клубахъ да и рабочіе не всегда рѣшаются рисковать репутаціей

благонадежности, которую такъ легко испортить посѣщеніемъ лекцій. Съ тѣхъ поръ, какъ лекціи стала посѣщать полиція, число слушателей замѣтно сократилось. Помимо этого, число посѣтителей лекцій сильно сокращено еще тѣмъ, что подъ предлогомъ негодности помѣщенія для большихъ собраній администрація ограничиваетъ число слушателей до минимума.

Истиннымъ бичомъ для рабочихъ обществъ самообразованія являются обыски, испытываемые большинствомъ обществъ. При случайномъ составѣ библіотекъ, комплектующихся большею частью изъ пожертвованныхъ книгъ, трудно избѣжать включенія конфискованныхъ брошюръ и книгъ, отъ чего не гарантирована ни одна библіотека при обиліи конфискацій и при отсутствіи своевременно составляемыхъ и публикуемыхъ списковъ изъятыхъ книгъ; притомъ книга, сегодня еще вполнѣ легальная, на завтра становится нелегальной благодаря постановленію о ея конфискаціи. Вполнѣ понятно, что при обыскахъ находились такія книги и въ библіотекахъ рабочихъ клубовъ, что нерѣдко влекло изъятіе и арестъ цѣлыхъ библіотекъ: въ коломенскомъ обществѣ, напримѣръ, было конфисковано 1000 книгъ, въ Нарвскомъ—700 только потому, что среди нихъ найдено было нѣсколько изъятыхъ изъ обращенія книгъ; конечно, библіотеки послѣ этого почти перестали существовать. Въ концѣ декабря прошлаго года обыскамъ подверглись цѣлыхъ четыре общества и вездѣ библіотеки постигала та же участь—ихъ почти цѣликомъ увозили; рождественское общество „Наука" было обыскано въ началѣ этого года тотчасъ же послѣ того, какъ оно было зарегистрировано. Въ послѣднее время администрація уже не удовлетворяется надворомъ и обысками и принимаетъ болѣе рѣшительныя мѣры, совершенно закрывая общества. 19 марта, на основаніи постановленія особаго присутствія объ обществахъ и союзахъ, закрыто было самое крупное въ Петербургѣ „Культурно-просвѣтительное общество образованія рабочихъ петербургской стороны". Общество просуществовало всего 10 мѣсяцевъ, начиная съ мая прошлаго года; число членовъ доходило до 1000 человѣкъ, при обществѣ существовала также библіотека, насчитывавшая нѣсколько тысячъ экземпляровъ пріобрѣтенныхъ и пожертвованныхъ книгъ, журналовъ и брошюръ. Закрыто также за Невской заставой и другое культурно-просвѣтительное общество самообразованія рабочихъ подъ названіемъ „Свѣтъ". Это общество только начало функціонировать и должно было обслуживать культурныя нужды рабочихъ семянниковскаго и александровскаго заводовъ, ткацкихъ фабрикъ Паля, Максвеля, Торнтона и ряда другихъ фабрично-заводскихъ предпріятій. („Наша газ.", 20 марта, 1908 г.).

Послѣдняя мѣра, повидимому, находится въ связи съ разосланнымъ въ началѣ настоящаго года департаментомъ полиціи циркуляромъ, въ которомъ полицейскимъ властямъ вмѣняется въ

обязанность внимательно слѣдить за дѣятельностью просвѣтительныхъ обществъ, въ особенности—рабочихъ, гдѣ подъ видомъ образованія будто бы ведется соціалистическая пропаганда. Насколько основательны опасенія пропаганды, можно судить потому что несмотря на самый бдительный надзоръ, ничего уличающаго въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ обнаружено не было, ибо нельзя же разсматривать, какъ пропаганду, включеніе въ библіотеки нѣсколькихъ брошюръ, легально изданныхъ, но впослѣдствіи изъятыхъ изъ обращенія. И закрытіе названныхъ двухъ обществъ, насколько намъ извѣстно, вызвано вовсе не противоправительственной ихъ дѣятельностью, а совсѣмъ другими причинами.

Итакъ, мы видимъ, что рабочія общества самообразованія признаются властями организаціями нетерпимыми, и притомъ—не по причинамъ ихъ вредной дѣятельности, а на основаніи предвзятаго, апріорно создавшагося, взгляда на вредность всякой организаціи, основанной рабочими. Исторія рабочаго движенія послѣдняго года ясно показываетъ, что взглядъ этотъ, даже съ чисто-полицейской точки зрѣнія, глубоко ошибоченъ. Рабочія общества самообразованія не есть продолженіе профессіональныхъ союзовъ, кажущихся столь опасными въ отношеніи общественнаго порядка. Въ отличіе отъ союзовъ, преслѣдующихъ прежде всего боевыя задачи борьбы съ предпринимателями, ведущейся на основахъ непримиримости классовыхъ интересовъ представителей труда—съ одной и капитала—съ другой стороны, рабочіе клубы не ведутъ никакой борьбы съ предпринимателями. Это чисто-культурныя, просвѣтительныя предпріятія, задавшіяся единственною цѣлью—расширить знанія и умственный кругозоръ рабочихъ, дать имъ возможность сознательно разбираться въ окружающей ихъ экономической и общественной жизни, помочь имъ осмыслить свою личную и общественную жизнь. Уже самый фактъ возникновенія рабочихъ клубовъ какъ разъ въ то время, когда боевой подъемъ въ рабочей средѣ упалъ до полной невозможности вести съ капиталомъ не только наступательную, но даже оборонительную борьбу, когда рабочій классъ переживаетъ глубокій процессъ оцѣнки и критики только что пережитой эпохи бури и натиска,—уже это обстоятельство всецѣло говоритъ о совершенно мирныхъ, культурныхъ намѣреніяхъ руководителей рабочихъ клубовъ. Въ этомъ отношеніи такія организаціи даже съ полицейской точки зрѣнія нельзя считать ни опасными, ни вредными: они являются очагами мирной культурной работы трудящагося люда и чѣмъ такихъ очаговъ будетъ больше, тѣмъ больше будетъ втянуто рабочихъ въ эту работу „созидательной Россіи". Поэтому единственно правильной и цѣлесообразной политикой правительства въ отношеніи рабочихъ клубовъ была бы политика невмѣшательства. Но правительство предпочитаетъ вмѣшиваться и въ это дѣло, какъ оно вмѣшивается въ жизнь рабочихъ союзовъ. Это

обстоятельство не оставляетъ никакихъ сомнѣній о будущности рабочихъ обществъ самообразованія, ибо, если эти общества преслѣдуются не за незаконную дѣятельность или стремленіе къ возбужденію рабочихъ массъ противъ предпринимателей и властей, въ чемъ еще никогда ни одно общество обвинено или уличено не было, то, значитъ, правительство признаетъ ихъ вредность въ самомъ фактѣ ихъ существованія и ихъ просвѣтительной работы. Чѣмъ невѣжественнѣе рабочій, тѣмъ онъ сговорчивѣе и смирнѣе, это доказалъ властямъ долголѣтній опытъ ихъ отеческаго попеченія о рабочихъ, яркимъ образцомъ котораго былъ режимъ блаженной памяти В. К. Плеве. Все, что сдѣлано въ отношеніи рабочихъ въ дни „ликвидаціи“, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что „объединенный кабинетъ“ снова стремится къ возстановленію этого режима: происходящія теперь совѣщанія по вопросу о страхованіи рабочихъ, при участіи гг. Харламова и Гурлянда, представляетъ живое доказательство этого. Только такимъ стремленіемъ къ испытанному старому средству и можно объяснить преслѣдованіе рабочихъ клубовъ, ибо, хотя правительство и знаетъ, что рабочіе клубы не занимаются политикой, но оно еще лучше знаетъ, что изъ нихъ рабочіе выходятъ болѣе сознательными, съ отчетливымъ пониманіемъ своей соціальной роли, стало быть—и съ болѣе развитымъ пониманіемъ происходящаго вокругъ нихъ, съ большимъ чувствомъ недовольства своимъ экономическимъ и политическимъ положеніемъ. Этого, конечно, вполнѣ достаточно для того, чтобы признать рабочіе клубы не менѣе вредными, чѣмъ профессіональные союзы.

IV.

Въ приведенномъ краткомъ очеркѣ и перечнѣ рабочихъ обществъ самообразованія мы уже отчасти отмѣтили склонность этихъ организацій быстро размножаться. Но прочно сознанная необходимость быстрѣйшаго пріобщенія къ міровой сокровищницѣ знаній—наукѣ толкаетъ создателей рабочихъ клубовъ не только вширь, но и въ глубь—въ самую толщу рабочей массы. Дѣятели рабочихъ обществъ самообразованія не хотятъ замыкаться въ узкихъ и тѣсныхъ рамкахъ верхнихъ слоевъ рабочаго класса, которые идутъ теперь въ рабочіе клубы. Они стремятся внести просвѣтительную инициативу въ болѣе широкіе круги рабочихъ, желая вовлечь въ свою работу пока хотя бы тѣхъ изъ нихъ, которые организованы въ профессіональные союзы. О тѣхъ формахъ, въ которыя предположено вылить этотъ видъ дѣятельности руководителей рабочихъ, можно судить по работамъ объединеннаго совѣщанія представителей крупныхъ профессіональныхъ союзовъ съ представителями общества самообразованія. Совѣщаніе это состоялось еще въ концѣ прошлаго года причемъ изъ до-

кладовъ представителей союзовъ выяснилось, что въ средѣ самыхъ союзовъ вопросъ о культурно-просвѣтительной работѣ поставленъ на первую очередь, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже кое-что и сдѣлано въ этомъ направленіи. Совѣщанію предстояло выработать планъ для болѣе цѣлесообразнаго направленія этой дѣятельности, и оно остановилось на рѣшеніи организовать двѣ группы: 1) техническую—для организаціи и оборудованія всего, что связано съ устройствомъ лекцій, докладовъ и литературно-музыкальныхъ вечеровъ и 2) лекторскую группу—для выработки темъ и чтенія лекцій, докладовъ и рефератовъ по вопросамъ теоріи и практики профессіональнаго движенія. Для ближайшихъ лекцій намѣчены были слѣдующія темы:—1) о задачахъ и цѣляхъ профессіональнаго движенія, 2) исторія профессіональнаго движенія на Западѣ, 3) формы рабочаго движенія, 4) гигіена труда и т. д. Кромѣ того, обсуждался вопросъ объ организаціи библіотекъ при профессіональныхъ союзахъ; рѣшено организовать библіотеки по районамъ; для этой цѣли предположено организовать спеціальную комиссію, которая вступитъ въ переговоры съ существующими частными библіотеками, съ книгоиздательствами, книжными складами и редакціями журналовъ и газетъ, которыя согласятся содѣйствовать организаціи во всѣхъ рабочихъ районахъ профессіональныхъ библіотекъ [1]).

За послѣднее время вопросъ о содѣйствіи рабочимъ организаціямъ въ развитіи ихъ просвѣтительной дѣятельности поставленъ еще шире: предполагается создать органъ, имѣющій цѣлью объединеніе и согласованіе культурной работы всѣхъ мѣстныхъ организацій: профессіональныхъ союзовъ, рабочихъ клубовъ и кооперативовъ. Этотъ органъ, образуемый путемъ делегаціи представителей отъ всѣхъ названныхъ организацій, создаетъ общія предпріятія культурно-просвѣтительнаго характера, открываетъ новые клубы и т. п.

Пока еще неизвѣстно, осуществится ли этотъ планъ. Но судя по той настойчивости, съ какою онъ пропагандируется въ рабочей средѣ, и по быстротѣ, съ какою стали осуществляться въ ней всѣ культурно-просвѣтительныя предпріятія, можно думать, что реализація намѣченнаго плана въ той или другой формѣ—дѣло близкаго будущаго.

Въ существованіи рабочихъ клубовъ необходимо отмѣтить одну тенденцію, осуществленіе которой можетъ создать весьма важныя и крупныя въ культурномъ отношеніи послѣдствія. Мы говоримъ о взаимномъ тяготѣніи другъ къ другу просвѣтительныхъ рабочихъ организацій—съ одной стороны, и интеллигентскихъ просвѣтительныхъ обществъ, какъ Лига Образованія и Общество Народныхъ Университетовъ—съ другой. Нѣкоторыя

---

1) „Товар.“, 14 октября 1907 г.

рабочія общества самообразованія еще при самомъ своемъ возникновеніи предполагали вступить въ Лигу Образованія въ качествѣ ея отдѣловъ, о чемъ имѣются указанія и въ уставахъ этихъ обществъ. Съ другой стороны, Лига Образованія вошла въ рабочія общества съ формальнымъ предложеніемъ вступить съ Лигою въ постоянныя сношенія для совмѣстной организаціи культурно-просвѣтительной работы, обслуживающей рабочіе слои, и со стороны рабочихъ послѣдовало согласіе; въ настоящее время обѣими сторонами ведутся переговоры объ условіяхъ, на которыхъ это взаимодѣйствіе можетъ быть осуществлено. Общество Народныхъ Университетовъ недавно также пришло къ заключенію о необходимости войти въ болѣе близкое сношеніе съ рабочими обществами; вскорѣ послѣ съѣзда обществъ народныхъ университетовъ оно рѣшило организовать въ рабочихъ районахъ автономныя отдѣленія, которыя могли бы обслуживать духовныя нужды входящихъ въ рабочія общества элементовъ; что касается рабочихъ обществъ, то они не отказываются войти съ обществомъ народныхъ университетовъ въ болѣе близкія сношенія, но на условіи предоставленія ихъ представителямъ одинаковаго права голоса съ правомъ членовъ общества при веденіи просвѣтительныхъ предпріятій.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что рабочія общества самообразованія въ цѣляхъ болѣе успѣшной дѣятельности направляютъ свою энергію не только въ сторону рабочихъ массъ, гдѣ должна сосредоточиться ихъ дѣятельность, но и въ сторону культурно-просвѣтительной интеллигенціи, гдѣ они могутъ найти и давнишній опытъ въ дѣлѣ веденія просвѣтительной работы, и необходимые для этого кадры интеллигентныхъ работниковъ, и, наконецъ, необходимые для организаціи курсовъ, чтеній, библіотекъ, вечеровъ и т. п. приспособленія, чего у самихъ рабочихъ еще нѣтъ и едва ли въ скоромъ времени будетъ.

Въ томъ, что рабочіе не отказываются отъ сотрудничества буржуазной интеллигенціи въ дѣлѣ организаціи просвѣщенія рабочей массы, многіе ортодоксальные вожаки пролетаріата склонны усматривать вредный оппортунизмъ, свидѣтельствующій якобы о стремленіи „культурниковъ“ изъ рабочей среды ходить на помочахъ у буржуазной интеллигенціи. О томъ, насколько неправиленъ такой взглядъ, лучше всего свидѣтельствуетъ собственная дѣятельность рабочихъ въ этой области. Мы уже отмѣчали, что рабочіе клубы основаны и руководятся исключительно рабочими, и если въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ихъ руководители успѣли создать изъ нихъ истинные очаги культуры и разсадники знаній, объединивъ въ этой работѣ нѣсколько тысячъ рабочихъ, то это уже достаточно свидѣтельствуетъ о несомнѣнной способности послѣднихъ къ самодѣятельности и объ умѣніи ихъ обходиться безъ посторонней помощи. Стремленіе же ихъ использовать благо-

пріятныя для ихъ работы условія, коими располагаютъ просвѣтительныя учрежденія либеральной интеллигенціи, скорѣе говоритъ о ихъ здравой практичности, могущей только ускорить достиженіе завѣтной цѣли рабочей интеллигенціи — пропитать рабочую массу сознательностью. Во всякомъ случаѣ это стремленіе не осуждается въ рабочей средѣ и, если по понятнымъ причинамъ, оно не афишируется и не пропагандируется, то и не встрѣчаетъ противодѣйствія. Руководящій органъ петербургскихъ профессіональныхъ союзовъ „Профессіональный Вѣстникъ" говоритъ, напримѣръ, по этому поводу: „Мы не рекомендуемъ рабочимъ отказываться отъ просвѣтительной помощи предлагающихъ свои услуги представителей буржуазной демократіи" [1]). Едва ли эти слова можно разсматривать, какъ призывъ къ оппортунизму, какъ приглашеніе рабочихъ къ хожденію на помочахъ. Наоборотъ, дѣятельность рабочихъ настолько самостоятельна и стремленіе ихъ оградить свою независимость настолько велико, что это служитъ сильнымъ препятствіемъ къ объединенію рабочихъ и интеллигентныхъ культурныхъ дѣятелей. На съѣздѣ представителей народныхъ университетовъ, въ которомъ принимала участіе и довольно значительная группа делегатовъ рабочихъ обществъ самообразованія и профессіональныхъ союзовъ, происходила ожесточенная борьба между рабочими и интеллигенціей, изъ коихъ первые домогались равноправнаго участія рабочихъ въ руководительствѣ народными университетами и признанія особаго представительства въ нихъ со стороны рабочихъ организацій, а вторая упорно на это не соглашалась. А насколько склонны рабочіе ходить на помочахъ въ своей просвѣтительной дѣятельности, объ этомъ лучше всего говоритъ ихъ поведеніе на съѣздѣ и участіе въ его работахъ. Небольшая, въ сравненіи съ общей массой участниковъ съѣзда, кучка рабочихъ делегатовъ явилась на съѣздъ вполнѣ организованной группой и, выработавъ на первомъ же собраніи планъ своей дѣятельности, очень умѣло вела защиту сдѣланныхъ ею предложеній; благодаря этому ея предложенія проходили въ секціяхъ при поддержкѣ большинства голосовъ. Работа рабочей группы не исчерпывалась, однако, внесеніемъ и защитою вышеупомянутыхъ предложеній. Въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ рабочая группа принимала дѣятельное участіе въ разсмотрѣніи всѣхъ, наиболѣе существенныхъ вопросовъ, поднимавшихся на съѣздѣ. Она выдѣлила изъ своей среды представителей въ редакціонную комиссію, руководившую занятіями первой секціи и редактировавшую ея постановленія. Въ секціи вспомогательныхъ учрежденій внѣшкольнаго образованія изъ среды рабочихъ делегатовъ была образована библіотечная комиссія, выработавшая рядъ положеній объ организаціи городскихъ рабочихъ

[1]) „Профес. Вѣстникъ" 1907 г., № 15.

библіотекъ; рабочими же была внесена резолюція объ отмѣнѣ правилъ 4 марта и всѣхъ стѣсненій, чинимыхъ распространенію внѣшкольнаго образованія; при непосредственномъ участіи рабочихъ была выработана резолюція въ защиту преподаванія на родномъ языкѣ обучающихся и т. п. Такимъ образомъ рабочіе съ большимъ успѣхомъ демонстрировали на съѣздѣ народныхъ университетовъ свою всестороннюю способность къ общественной дѣятельности, стремленіе къ мирной культурной работѣ и... пристыдили тѣхъ господъ, которые во всякомъ шагѣ организованнаго пролетаріата хотѣли видѣть нарушеніе общественнаго порядка, стремленіе къ демагогіи. Культурной интеллигенціи выступленіе рабочихъ на съѣздѣ показало, что она не одинока въ своей просвѣтительной дѣятельности, что рабочіе поддержатъ ее въ этомъ не только сочувствіемъ, но и активнымъ участіемъ, при условіи, однако, предоставленія имъ равноправія и признанія за ними права автономнаго представительства въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ.

Во что, въ концѣ концовъ, разовьются рабочіе клубы — пока трудно судить: если бы дѣятельность ихъ протекала при нормальныхъ условіяхъ, то можно было бы предсказать имъ блестящую будущность, ибо у нихъ имѣется на-лицо главный элементъ развитія—здоровая самодѣятельность. Но создавшаяся вокругъ нихъ атмосфера политической подозрительности можетъ совершенно погубить эту мирную культурную дѣятельность и разрушить въ самомъ началѣ такъ хорошо задуманную работу.

Если такова цѣль администраціи, то, конечно, она ея достигнетъ — чрезвычайная охрана и военное положеніе служатъ въ томъ порукой. Но надолго ли и прочна ли будетъ эта отсрочка неизбѣжной „бѣды"—пріобщенія широкихъ слоевъ рабочихъ къ культурѣ? Гони природу въ дверь — она войдетъ въ окно. Какъ ни преслѣдовали власти объединеніе рабочихъ—имъ пришлось въ концѣ-концовъ допустить созданіе профессіональныхъ союзовъ. Тѣ же причины вынудятъ ихъ примириться и съ просвѣтительными рабочими организаціями.

Ю. Лавриновичъ.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

I.

Совершающійся въ Россіи процессъ политическаго переустройства самымъ тѣснымъ образомъ связанъ, между прочимъ, и съ такъ назыв. инородческимъ вопросомъ, т. е. съ вопросомъ о гражданскомъ и политическомъ равноправіи всѣхъ народностей, населяющихъ Россію.

Центральное мѣсто въ этомъ инородческомъ вопросѣ занимаетъ, конечно, вопросъ еврейскій. И это не только потому, что евреевъ въ Россіи насчитывается болѣе 5 милліоновъ (по переписи 1897 г.—5.215,805 душъ); не только потому, что именно по отношенію къ евреямъ въ Россіи до сихъ поръ примѣняются наиболѣе исключительныя гражданскія и политическія ограниченія, особенно рѣзко подчеркивающія неравноправіе этой національности по сравненію съ кореннымъ населеніемъ,—но еще и потому, что евреи въ Россіи представляютъ несомнѣнно одну изъ наиболѣе выдающихся въ культурномъ и въ экономическомъ отношеніи національностей, которая уже по одному этому не можетъ мириться со своимъ безправнымъ положеніемъ въ государствѣ, и съ которой въ процессѣ совершающагося политическаго переустройства необходимо считаться какъ правительству, такъ и коренному населенію, борющемуся за свои права наряду со всѣми „инородцами“.

Для коренного населенія во всѣхъ инородцахъ выгоднѣе, конечно, имѣть друзей и союзниковъ, чѣмъ враговъ и противниковъ. Всякое же неравенство, ограниченіе инородцевъ будетъ вызывать въ нихъ протестъ, борьбу, враждебность. Такое отношеніе, особенно со стороны экономически и культурно-сильной инородческой группы, каковой и является группа еврейская, будетъ только тормазить дѣло общаго освобожденія. Уже въ силу одного этого, чисто-утилитарнаго соображенія, допущеніе гражданскихъ и политическихъ ограниченій евреевъ, наблюдаемое, напр., въ программахъ умѣренныхъ и правыхъ политическихъ партій, является практической несообразностью. Тѣ кажущіеся, весьма сомнительныя съ практической точки зрѣнія, выгоды для корен-

ного населенія, на которыхъ противники еврейскаго равноправія основываютъ отстаиваемыя ими ограниченія евреевъ, несомнѣнно, гораздо меньше того зла, которое причинитъ коренному населенію культурная и политическая враждебность со стороны ограничиваемыхъ народностей. И логика, и практика жизни настойчиво подсказываютъ, что истинное и полное политическое освобожденіе кореннаго населенія совершенно невозможно безъ такого же освобожденія и всѣхъ инородческихъ группъ населенія. Для истинно и послѣдовательно прогрессивныхъ политическихъ партій и программъ эта основная мысль давно являлась и является аксіомой, вытекающей притомъ не только изъ утилитарныхъ, практическихъ государственныхъ соображеній, но и изъ всего философскаго и политическаго міровоззрѣнія, на первый планъ выдвигающаго требованіе полной политической свободы и полнаго равенства всѣхъ гражданъ государства, независимо отъ какихъ бы то ни было національныхъ и религіозныхъ различій.

Вотъ почему для прогрессивнаго народнаго представительства, какимъ и было большинство первой и второй Думы, вопросъ о равноправіи всѣхъ народностей, въ томъ числѣ и евреевъ, даже не представлялся „вопросомъ": равноправіе всѣхъ національностей—это только самое элементарное, совершенно безспорное требованіе основной политической программы всѣхъ прогрессивныхъ партій. Если рѣшеніе этого вопроса народнымъ представительствомъ,—а только оно и можетъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ,—вызываетъ и будетъ вызывать даже горячіе споры, то только потому, что эти споры вызываются существованіемъ какъ въ народныхъ массахъ, такъ—еще болѣе — въ господствующихъ классахъ извѣстныхъ, болѣе или менѣе сильныхъ, теченій противъ равноправія инородцевъ и особенно—противъ равноправія евреевъ.

Чѣмъ вызываются и обусловливаются эти теченія? И какъ нужно аргументировать и бороться противъ этихъ теченій, чтобы съ наибольшимъ успѣхомъ закрѣпить торжество принципа равноправія? Обусловливаются ли эти теченія какими-нибудь „духовными"—религіозными, культурными причинами, или причинами болѣе опредѣленнаго—реальнаго, матеріальнаго характера, т. е. прежде всего экономическими? Можно ли поэтому аргументировать въ защиту равноправія какими бы то ни было „духовными" же соображеніями, къ которымъ мы прежде всего относимъ соображенія націоналистическія — теорію „самобытнаго" развитія еврейской національности, культурно-историческія „права" ея на національное „самоопредѣленіе", на національную самостоятельность и независимость,—или же мы должны опираться на аргументы и соображенія болѣе конкретнаго, матеріальнаго характера, а въ качествѣ философскаго обоснованія принципа равноправія довольствоваться только чисто-космополитическимъ ученіемъ о „есте-

ственныхъ правахъ человѣка и гражданина", признаннымъ—если не реальной политической дѣйствительностью,—то политической философіей, моралью, религіей?

Избрать тотъ или другой путь въ аргументаціи въ пользу равноправія чрезвычайно важно не только въ принципіальномъ, но и въ практическомъ отношеніи. Одинъ путь, — который мы можемъ назвать философскимъ—*идеалистическимъ*,—отличается значительной субъективностью, а потому—особенно въ реальной политикѣ—едва ли обладаетъ достаточной убѣдительностью. Другой путь, — путь философски-*матеріалистическій*, — старается изгнать субъективный элементъ изъ аргументаціи, старается опираться на вполнѣ конкретные факты и соображенія, и уже по одному этому въ реальной политикѣ, которая считается не съ идеалами, а съ конкретными общественными и политическими интересами,—является единственно цѣлесообразнымъ.

Политика движется прежде всего экономикой, а потому всю силу нашей аргументаціи и въ инородческомъ вопросѣ, т. е. прежде всего въ вопросѣ о гражданскомъ и политическомъ равноправіи евреевъ, мы должны направить на освѣщеніе экономической стороны вопроса, т. е. выяснить роль и значеніе евреевъ, какъ опредѣленной экономической группы, указать на соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе этой роли и этого значенія евреевъ интересамъ остального населенія, точнѣе—интересамъ *народнаго хозяйства* страны, и если въ данномъ отношеніи мы придемъ къ положительнымъ выводамъ,—на этихъ выводахъ и строить, главнымъ образомъ, всю нашу дальнѣйшую аргументацію. Намъ нужно доказать, что для широкихъ трудовыхъ народныхъ массъ,—экономическіе интересы которыхъ должны лежать въ основѣ всякаго прогрессивнаго политическаго процесса,—экономическая роль евреевъ не является отрицательной.

Если среди коренного населенія, лучше сказать—среди господствующей національности, имѣются группы, экономическіе интересы которыхъ могутъ до извѣстной степени сталкиваться съ интересами евреевъ, какъ конкуррентовъ,—то эти группы, во всякомъ случаѣ, не велики, притомъ связаны не съ областью строго „производительнаго", матеріальнаго труда,—какъ широкія народныя массы, земледѣльческія и рабочія,—а съ областью труда „непроизводительнаго", т. е. съ областью торговли, промышленности и интеллектуальнаго труда. Другими словами, группы господствующей національности, видящія въ евреяхъ экономическихъ конкуррентовъ, а потому и склонныхъ итти противъ равноправія евреевъ, носятъ буржуазный, капиталистическій характеръ, но не трудовой.

Намъ и нужно прежде всего подчеркнуть этотъ фактъ, это положеніе, чтобы вполнѣ отчетливо выяснить въ этомъ вопросѣ позицію, съ одной стороны, трудовыхъ народныхъ массъ, съ другой—

позицію извѣстной части буржуазіи. Если мы сведемъ еврейскій вопросъ, главнымъ образомъ, къ спору двухъ буржуазныхъ группъ— съ одной стороны, еврейской, съ другой—русской, то уже однимъ этимъ *политическое* рѣшеніе вопроса чрезвычайно существенно облегчается, такъ какъ основныя массы народа, на которыхъ политика все-таки зиждется, станутъ въ этомъ спорѣ на нейтральную почву. Съ другой стороны, и разрѣшеніе тяжбы спеціально между двумя буржуазными группами, изъ которыхъ одна въ своихъ интересахъ желаетъ использовать національные инстинкты и національныя привилегіи, тоже существенно облегчается, разъ вопросъ, такъ сказать, обнажится начисто, будетъ освобожденъ отъ всякихъ привходящихъ, наносныхъ элементовъ: двѣ буржуазныя группы будутъ спорить, тягаться, торговаться только на почвѣ чисто-экономическаго „интереса", экономической разумности, раціональности той или другой политики въ разрѣшеніи этого вопроса.

Что „еврейскій вопросъ" и въ Россіи тѣснымъ образомъ связанъ прежде всего съ экономическими интересами извѣстной части буржуазіи, особенно—торговой, это показываютъ хотя бы тѣ историческіе факты по „еврейскому вопросу", какіе приведены въ недавно вышедшихъ книгахъ Ю. Гессена и Г. Сліозберга.

Въ качествѣ русскихъ подданныхъ, евреи появляются въ Россіи впервые только въ 1772 году, т. е. послѣ перваго раздѣла Польши. Евреи обѣихъ бѣлорусскихъ губерній, отошедшихъ къ Россіи отъ Польши, были приписаны къ русскому купечеству и мѣщанству на совершенно равныхъ съ ними правахъ. Указъ 17 августа 1872 г. торжественно заявлялъ, что „Всемилостивѣйше Государыня изволитъ не только всѣхъ подтверждать при совершенной и никѣмъ неограниченной свободѣ при публичномъ отправленіи вѣры, также при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ, но и совершенно ихъ подъ державой своей усыновляя..., уравниваетъ ихъ въ правахъ съ „древними подданными". Причемъ—„само собою разумѣется, что и еврейскія общества, жительствующія въ присоединенныхъ къ Имперіи Россійской городахъ и земляхъ, будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коими они нынѣ [1]) въ разсужденіи закона и имуществъ своихъ пользуются..."

Въ 1786 г. сенатъ разъяснилъ, что евреи пользуются всѣми правами, не исключая общественной службы, по городскому самоуправленію и участію въ отправленіи правосудія. Для евреевъ въ сущности даже было сдѣлано на первыхъ порахъ весьма важное для нихъ исключеніе: бѣлорусскому еврейскому купечеству было дозволено приписываться къ смоленскому и московскому купе-

---

[1]) Г. Сліозбергъ. „Правовое и экономическое положеніе евреевъ въ Россіи". СПБ., 1907, стр. 7—9.

честву, — между тѣмъ, какъ русскіе купцы и мѣщане, подобно крестьянамъ, были прикрѣплены къ мѣсту, не пользовались свободой перемѣщенія, имъ дозволялись только кратковременныя отлучки по спеціальнымъ — для такихъ отлучекъ — паспортамъ.

Несомнѣнно, что такая своего рода привилегія для евреевъ-купцовъ обусловливалась идеями императрицы о развитіи торговли и промышленности въ Россіи. Но тутъ-то и выступилъ на сцену другой экономическій моментъ—боязнь еврейской конкурренціи со стороны русскаго купечества. Уже въ 1790 г. московскіе купцы выступаютъ съ жалобой на еврейскихъ купцовъ, успѣвшихъ поселиться въ Москвѣ, обвиняя ихъ *въ подрывѣ торговли*. „Совѣтъ Государыни", конечно, сталъ на сторону московскихъ русскихъ купцовъ, и указъ Екатерины II 1791 года уже находитъ, что „евреи не имѣютъ никакого права записываться въ купечество во внутренніе города", но за то—расширяетъ „черту осѣдлости", присоединяя къ бѣлорусскимъ губерніямъ еще екатеринославское намѣстничество и область таврическую.

Это расширеніе „черты осѣдлости" тоже мотивировалось, конечно, исключительно экономическими соображеніями: въ новыхъ, малонаселенныхъ областяхъ дѣятельность евреевъ, развивавшихъ главнымъ образомъ торговлю, считалась полезной и ихъ туда пустили; во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ и русское населеніе успѣло уже выдѣлить изъ себя торговый классъ, конкурренція евреевъ этому русскому торговому классу считалось излишней,— и евреевъ туда не пустили. Здѣсь сказалось, конечно, проявленіе „національной" политики, даже узко-національной, потому что имѣлась въ виду почти исключительно господствующая, великорусская нація,—но эта національная политика основывалась на экономическихъ интересахъ и соображеніяхъ: она содѣйствовала росту русскаго торговаго класса, защищала его отъ сильнаго конкуррента—еврейскаго торговаго класса. Великорусскій центръ былъ защищенъ отъ этой конкурренціи, Бѣлоруссія же, Малороссія и окраины отъ такой покровительственной политики были освобождены: указомъ 1794 года евреямъ было предоставлено право купеческихъ и мѣщанскихъ промысловъ также въ нынѣшнихъ Минской, Подольской, Кіевской и Черниговской губерніяхъ. Затѣмъ постепенно прибавлялись другія губерніи, и въ настоящее время территорія еврейской осѣдлости составляетъ, кромѣ Царства Польскаго, слѣдующія губерніи: Бессарабская, Виленская, Витеская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Кіевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская и Черниговская.

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ исторіи „еврейскаго вопроса" въ Россіи мы замѣчаемъ два весьма характерныхъ и существенныхъ пункта: во-первыхъ, самый „вопросъ" былъ возбужденъ по иниціативѣ московскихъ купцовъ въ цѣляхъ борьбы

противъ опаснаго торговаго конкуррента; во-вторыхъ, русское правительство сразу взяло курсъ узко-національной покровительственной политики, ограничивъ черту еврейской осѣдлости окраинами, заселенными не великорусскими племенами.

Результатъ такой политики совершенно понятенъ: въ чертѣ еврейской осѣдлости, т.-е. въ сѣверо-западномъ, въ юго-западномъ и въ южномъ районахъ Россіи, торговля находится главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ; торговый классъ среди малороссовъ, бѣлоруссовъ, литовцевъ представленъ весьма слабо; въ великорусскихъ же губерніяхъ и торговый классъ носитъ вполнѣ „національный" характеръ. Тамъ образовалась своя, сравнительно довольно многочисленная, хотя — больше мелкая, торговая буржуазія, конечно, ревниво оберегающая свои „національныя", т. е. по существу буржуазно-экономическія „права" отъ конкурренціи евреевъ. Отсюда—довольно непримиримый антисемитизмъ великороссовъ, исходящій, несомнѣнно, главнымъ образомъ изъ торговой,—особенно мелкой—великорусской буржуазіи, разливающійся отсюда и въ массахъ великорусскаго городского населенія, отчасти захватывающій и состоятельное крестьянство, интересы котораго близки и родственны съ интересами мелкой буржуазіи.

Антисемитизмъ у великороссовъ сильнѣе и ярче, потому что тамъ сильнѣе и ярче выраженъ мелко-буржуазный торговый и отчасти ремесленный классъ, для котораго еврейское равноправіе будетъ равносильно обостренію борьбы за существованіе, борьбы за классовые экономическіе интересы.

Для нынѣшней же черты еврейской осѣдлости, т. е. для губерній малорусскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ, острота еврейскаго вопроса имѣетъ, такъ сказать, совершенно обратный характеръ. Здѣсь мѣстный „національный" торговый классъ развиться не успѣлъ, — несомнѣнно, въ значительной степени благодаря конкурренціи евреевъ; характеръ экономической дѣятельности мѣстнаго населенія остался по преимуществу чисто-земледѣльческимъ; конкурренціи въ этой области труда со стороны евреевъ опасаться нѣтъ никакихъ основаній, по крайней мѣрѣ для массъ трудового населенія; отсюда — и слабѣе выраженный характеръ антисемитизма въ Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвѣ, несмотря на то, что большая часть евреевъ въ Россіи именно здѣсь и скучена. Антисемитизмъ здѣсь поддерживается только слабо развитымъ мелко-торговымъ классомъ, отчасти—въ послѣднее время—можетъ быть, крупно-землевладѣльческимъ классомъ, для котораго еврейское равноправіе будетъ обозначать, конечно, и право покупки помѣщичьей земли евреями въ собственность. Такое право, конечно, ускорило бы ликвидацію крупнаго помѣщичьяго землевладѣнія, притомъ едва ли бы даже вызвало повышеніе цѣнъ на землю; скорѣе—наоборотъ, такъ какъ задолженность этого землевладѣнія, вѣроятно, косвенно болѣе или менѣе связана съ еврейскими капи-

талами, и способствовала бы только пониженію, а не повышенію цѣнъ на землю.

Антисемитизмъ въ помѣщичьей средѣ носитъ поэтому тоже чисто-экономическій, классовый характеръ. Интересы великорусскаго крупнаго землевладѣнія въ этомъ отношеніи, конечно, вполнѣ тождественны съ интересами малорусскаго, вообще—окраиннаго крупнаго землевладѣнія. Антисемитизмъ въ землевладѣльческомъ классѣ такъ же понятенъ, какъ и въ классѣ торговомъ, съ той только разницей, что тамъ онъ больше задѣваетъ крупныхъ владѣльцевъ, здѣсь—въ торговомъ классѣ—мелкихъ. Классъ среднихъ землевладѣльцевъ, а тѣмъ болѣе мелкихъ можетъ даже выиграть отъ еврейскаго равноправія, такъ какъ разрушеніе крупнаго землевладѣнія только усилитъ среднее и мелкое. Что же касается крупной торговой и промышленной буржуазіи, то она по существу своему настолько сильна, что національная конкурренція ей и не страшна, и не желательна: крупный капиталъ по самой природѣ своей космополитиченъ, и еврейскіе крупные капиталисты могутъ быть вполнѣ солидарными съ самыми истинно-русскими крупными капиталистами.

Для средней и мелкой торговой и промышленной буржуазіи Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвы еврейское равноправіе является уже и явно выгоднымъ, такъ какъ оно можетъ только ослабить еврейскую конкурренцію на мѣстахъ, благодаря отливу части еврейства въ великорусскія губерніи. При еврейскомъ равноправіи евреи только равномѣрнѣе распредѣлятся по всей Россіи, вездѣ внесутъ съ собой духъ болѣе энергичной торговой, промышленной и ремесленной конкурренціи, которая — для широкихъ массъ населенія—всегда является вполнѣ желательной и выгодной и уже по одному этому не должна встрѣчать противодѣйствія со стороны правильно широкопонятой государственной политики. Совершенно убить развитіе „національной“ буржуазіи эта конкурренція не можетъ, она будетъ только способствовать болѣе строгому отбору борющихся буржуазныхъ элементовъ, т. е. будетъ способствовать развитію болѣе сильной, здоровой, нормальной, устойчивой буржуазіи, а не той буржуазіи, которая гонится только за покровительствомъ государства, конечно, на счетъ массъ трудовыхъ, производительныхъ классовъ.

Такое направленіе въ рѣшеніи еврейскаго вопроса подсказывается реальной политической мыслью, исходящей изъ конкретныхъ, прежде всего—экономическихъ интересовъ отдѣльныхъ классовъ государства и стремящейся уравновѣсить эти интересы и ихъ политическое выраженіе и представительство соотвѣтственно измѣняющимся соотношеніямъ этихъ интересовъ въ дѣйствительной жизни.

II.

Еврейскій вопросъ въ Россіи, съ самаго момента его возникновенія, былъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ прежде всего съ экономическими, а не съ какими-либо „чисто“ національными или религіозными интересами. Екатерина II обращала большое вниманіе на развитіе промышленности и торговли, прибѣгая даже къ искусственнымъ мѣрамъ: въ 1782 г., напр., она повелѣла всѣхъ купцовъ и мѣщанъ, проживающихъ по деревнямъ, переселить въ города, чтобы тамъ сконцентрировать торгово-промышленный классъ. Особенно суровой эта искусственная, и на практикѣ мало осуществившаяся мѣра оказалась по отношенію къ евреямъ, большая часть которыхъ—въ Бѣлоруссіи—жила именно въ уѣздахъ, занимаясь торговлей, ремеслами, куреніемъ и продажей водки, арендой помѣщичьихъ хозяйствъ [1]). „Это явилось результатомъ ихъ историческаго прошлаго въ Польшѣ. Польскіе *города*, считая торговлю и ремесленныя занятія своей монопольною привилегіею, всячески старались избавиться отъ *конкуррентовъ евреевъ*, и послѣдніе, не находя пропитанія въ городахъ, поневолѣ направлялись въ уѣзды, гдѣ ихъ *гостепріимно* встрѣчали *помѣщики*, отдававшіе имъ на откупъ различныя отрасли хозяйства и, между прочимъ, куреніе и продажу водки, служившія однимъ изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ дохода помѣщиковъ и государства и ставшія главнѣйшимъ источникомъ пропитанія евреевъ въ уѣздахъ“.

Еврей былъ посредникомъ между помѣщикомъ и трудовымъ населеніемъ. Интересы помѣщика были солидарны съ интересами еврея, и естественно, что указъ 1782 г. встрѣтилъ противодѣйствіе не только со стороны евреевъ, но и со стороны помѣщиковъ: „Сенатъ отмѣнилъ запрещеніе евреямъ брать въ аренду куреніе водки, такъ какъ этимъ нарушались права и выгоды помѣщиковъ, и постановилъ не принуждать евреевъ къ переселенію, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно, могутъ ли они найти въ городахъ пропитаніе“.

Любопытно, что и другая, уже чисто-принципіальная попытка сената „сложить причину бѣдствія крестьянства польскихъ губерній на евреевъ, какъ таковыхъ“, обвиняя ихъ въ спаиваніи, экономическомъ порабощеніи крестьянъ, — тоже потерпѣла неудачу: „ни дворяне, ни мѣстныя власти не предложили подвергнуть евреевъ какимъ-либо спеціальнымъ ограниченіямъ ни въ отношеніи жительства, ни въ отношеніи виннаго и арендпаго промысловъ“. И сенатъ, въ 1801 году, когда снова былъ посланъ указъ о высылкѣ купцовъ и мѣщанъ изъ уѣздовъ въ города, сдѣлалъ

---

1) *Ю. Гессенъ.* О жизни евреевъ въ Россіи. Записка въ Государственную Думу. 1906, стр. 7 и др.

для евреевъ Бѣлоруссіи, вслѣдствіе ихъ ходатайства, исключеніе: ихъ оставили въ покоѣ.

Солидарность классовыхъ интересовъ помѣщиковъ съ экономической ролью и дѣятельностью евреевъ и отсутствіе конкурренціи со стороны „національной“ торговой буржуазіи, въ то время еще совершенно отсутствовавшей, исключало и почву для „еврейскаго вопроса“ — въ политическомъ его смыслѣ: этого вопроса тогда не существовало. Образованный въ 1809 г. особый комитетъ по вопросу о выселеніи евреевъ изъ уѣздовъ въ города „пришелъ къ убѣжденію, что евреи не только не являются въ уѣздахъ вреднымъ элементомъ, но напротивъ, представляютъ собою положительный факторъ въ смыслѣ экономическаго развитія края и поэтому призналъ необходимымъ „рѣшительнымъ образомъ“ прекратить возникшія замѣшательства: оставить евреевъ на мѣстахъ и сохранить за ними право на аренды и торговлю водкою“. Докладъ этого комитета, между прочимъ, говорилъ: „доколѣ у бѣлорусскихъ и польскихъ помѣщиковъ будетъ существовать теперешняя система экономіи, основанная на продажѣ вина, доколѣ помѣщики не перестанутъ, такъ сказать, покровительствовать пьянству, дотолѣ зло сіе, возрастая годъ отъ году, никакими усиліями не истребится, и послѣдствія будутъ все тѣ же, кто бы ни былъ приставленъ къ продажѣ,—еврей или христіанинъ“.

И поэтъ Державинъ, оффиціальный обвинитель евреевъ, писалъ въ частномъ письмѣ генералъ-прокурору Оболянинову: „Трудно безъ погрѣшенія и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропиваютъ хлѣбъ жидамъ и оттого терпятъ недостатокъ въономъ. Владѣльцы не могутъ воспретить пьянства для того, что они отъ продажи вина весь доходъ имѣютъ. А и жидовъ въ полной мѣрѣ обвинять также не можно, что они для пропитанія своего извлекаютъ послѣдній отъ крестьянъ кормъ“.

Суть вопроса, возбуждавшагося главнымъ образомъ государствомъ, нуждавшимся въ деньгахъ для своего хозяйства и нецѣлесообразно бросавшимся къ такимъ искусственнымъ мѣрамъ, какъ насильственное сосредоточеніе торгово-промышленнаго класса въ городахъ,—заключалось, конечно, въ крѣпостномъ правѣ и въ господствѣ натуральнаго, крѣпостническаго хозяйства. Надо было уничтожить крѣпостное право и крѣпостной строй хозяйства, поднять производительныя силы страны и тогда односторонній, губительный для населенія источникъ извлеченія денегъ для казны—продажа водки—потерялъ бы свою остроту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „еврейскій вопросъ“ принялъ бы совершенно другой характеръ.

Такъ оно и вышло. Съ паденіемъ крѣпостного права, съ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, болѣе или менѣе капиталистическому, начался и болѣе быстрый и разносторонній ростъ промышленной и торговой буржуазіи. На сцену

6*

выступили новые классы. Интересы прежде господствовавшаго — помѣщичьяго—класса тоже видоизмѣнились, лучше сказать—болѣе рѣзко столкнулись съ интересами вновь народившихся классовъ. И „еврейскій вопросъ“ снова выплылъ на поверхность политической жизни Россіи. И выплылъ онъ въ 80-хъ годахъ, ознаменовавшись дикими проявленіями—въ еврейскихъ погромахъ.

Съ „временныхъ правилъ“ 3 мая 1882 г., дѣйствующихъ въ сущности до настоящаго времени, начинается „національная“ политика русскаго правительства, включавшая въ число своихъ задачъ, несомнѣнно, и покровительство русской, вѣрнѣе — великорусской, отечественной торговли и промышленности. Евреямъ было воспрещено „вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ“. При этомъ — говоритъ Ю. Гессенъ — „новое законодательное ограниченіе выдвинуло новый мотивъ: кромѣ желанія ослабить экономическую зависимость христіанскаго населенія отъ евреевъ, правительство возвѣстило, что оно имѣло въ виду улучшить въ чертѣ осѣдлости взаимоотношенія между евреями и христіанами, оградить еврейское населеніе отъ раздраженія христіанъ, вылившагося въ то время въ погромахъ“.

Называя эту заботливость правительства о благополучіи евреевъ „фиговымъ листомъ“, Ю. Гессенъ объясняетъ политику правительства только „общими условіями репрессивнаго времени,“ ...грубымъ предубѣжденіемъ противъ еврев, ...частичнымъ выраженіемъ нетерпимой политики правительства Александра III въ отношеніи евреевъ“...

Но все это — только форма „національной“ политики того времени. А въ чемъ же заключалась истинная ея причина, внутренніе ея факторы?

Конечно, прежде всего—въ экономическихъ условіяхъ того времени, и—тѣмъ самымъ—въ общеполитическихъ. Съ одной стороны, быстро развивался классъ средней и мелкой русской торгово-промышленной буржуазіи, крайне слабой и боявшейся конкурренціи еврейской буржуазіи, взывавшей о поддержкѣ и покровительствѣ государства, т. е. о „національной“ политикѣ. Съ другой стороны, въ силу быстраго развитія производительныхъ силъ страны и соотвѣтственнаго измѣненія въ роли и положеніи отдѣльныхъ классовъ, въ силу потребности въ болѣе прочныхъ гарантіяхъ дальнѣйшаго развитія этихъ производительныхъ силъ — въ Россіи столь же быстро и даже рѣзко стало развиваться политическое движеніе, ставившее своей основной задачей измѣненіе политическаго строя государства въ направленіи демократическаго народнаго представительства. Само собою разумѣется, что евреи, всѣ жизненные интересы которыхъ при такомъ новомъ политическомъ строѣ будутъ удовлетворены и обезпечены гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ при старомъ автократическомъ строѣ, заняли въ освободительномъ политическомъ движеніи видное мѣсто.

Противъ евреевъ направились поэтому съ двухъ противоположныхъ сторонъ двѣ различныя силы: съ одной стороны, „національная“ средняя и мелкая буржуазія, боявшаяся конкурренціи: съ другой стороны—представители стараго господствовавшаго крупноземлевладѣльческаго класса, увидѣвшіе въ культурной и рабочей части еврейства особенно опаснаго врага въ борьбѣ новыхъ общественныхъ силъ за политическую власть. Реакція политическая, въ тѣсной связи съ „національной“ покровительственной политикой въ экономической области,—такова истинная внутренняя причина обостренія еврейскаго вопроса въ Россіи въ послѣднія два десятилѣтія.

Совершенно упрощенное, примитивное экономическое міровоззрѣніе нарождавшейся отечественной буржуазіи, думавшей простымъ путемъ „прижимки“ избавить себя отъ пугавшей ее конкурренціи,—сошлось на этотъ разъ съ міровоззрѣніемъ крупнаго землевладѣнія, начинавшаго уже видѣть въ растущей экономической силѣ еврейской буржуазіи опасность и для своихъ старыхъ сословныхъ, классовыхъ привилегій, для своей крупной земельной собственности; сошлось и съ міровоззрѣніемъ правящихъ классовъ, вѣрнѣе—сферъ, чуявшихъ начало борьбы за политическую власть.

Но оттѣнокъ „народнаго“, т. е. простонароднаго движенія антисемитизмъ у насъ черпалъ и черпаетъ главнымъ образомъ почти исключительно изъ городовъ, т. е. изъ мелкой и отчасти средней городской торгово-промышленной буржуазіи и отчасти ремесленничества. Въ этихъ слояхъ населенія именно гнѣздится наиболѣе упорный антисемитизмъ—въ силу все тѣхъ же экономическихъ причинъ.

Историческія справки только подтверждаютъ эту мысль [1]). „Вопросъ о проживаніи евреевъ въ городахъ разрѣшался во время польскаго господства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ зависимости отъ того, что побѣждало: корысть короля, который за извѣстное вознагражденіе давалъ евреямъ право жить въ городѣ, или корысть городовъ, которые, чтобы избавиться отъ евреевъ-конкуррентовъ, вступали въ разнообразныя соглашенія съ королемъ и получали отъ него „привилегію“ на изгнаніе евреевъ и на недопущеніе ихъ вновь селиться“.

И послѣ перехода къ Россіи нѣкоторые города изъ „черты осѣдлости“ обнаруживали ту же тенденцію. Въ 1797 г. христіанскіе купцы города Ковно хотѣли такимъ же путемъ избавиться отъ конкуррентовъ въ торговлѣ, но Павелъ I повелѣлъ, „дабы поселившіеся въ Ковно евреи оставлены были въ спокойномъ собственностью ихъ владѣніи, невозбранно отправляли ремесла и производили бы торговыя дѣла безпрепятственно“. Генералъ-гу-

---

[1]) Ст. *Ю. Гессена*, стр. 14—16.

бернаторъ о ходатайствѣ христіанъ-купцовъ г. Ковно выразился, что они слѣдовали только застарѣлой ихъ легкомысленной и, такъ сказать, несмысленной къ евреямъ зависти.

Въ 1901 г. *кіевскій* магистратъ, ссылаясь на привилегію 1619 года, возбудилъ ходатайство о выселеніи изъ города всѣхъ евреевъ. Но ходатайство было отвергнуто государемъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Кіевъ еще разъ возбудилъ такое же ходатайство, но тоже безуспѣшно. Наконецъ, въ 1827 г. кіевскому магистрату удалось добиться повелѣнія о выселеніи евреевъ изъ города, и только при Александрѣ II эта мѣра и формально была отмѣнена. Интересно, что даже мѣстное начальство высказывалось въ 1888 году противъ выселенія евреевъ, мотивируя это тѣмъ, что „нельзя не предпочесть пользу жителей *личнымъ выгодамъ*, ожидаемымъ христіанскимъ купечествомъ отъ удаленія евреевъ“.

Съ такими же домогательствами выступалъ въ 30-хъ годахъ и Каменецъ-Подольскъ, но не получилъ удовлетворенія.

Эти домогательства представляютъ яркое доказательство того, что острота „еврейскаго вопроса“ кроется не въ религіозной и не въ расовой, національной нерасположенности къ евреямъ, а въ самыхъ элементарныхъ экономическихъ причинахъ,—главнымъ образомъ—въ боязни торговой, промышленной и отчасти ремесленной конкурренціи.

Если въ періодъ господства натуральнаго хозяйства и патріархальнаго строя и была возможной такая формулировка отношеній къ евреямъ (въ то время лишь „иностранцамъ“ въ Россіи), какъ въ резолюціи Елизаветы Петровны въ 1743 году:—„отъ враговъ христовыхъ не желаю я интересной прибыли“ [1]), — то въ дальнѣйшемъ, когда государство, въ силу растущихъ денежныхъ потребностей, вынуждено было уже желать „интересной прибыли“, политика государства по отношенію къ евреямъ уже не могла опираться на случайныя мысли правящихъ лицъ, а должна была исходить изъ реальныхъ экономическихъ интересовъ и отношеній.

Случайные мотивы, конечно, могли встрѣчаться даже и въ новѣйшее время. Въ 1829 году, напр., состоялось повелѣніе о выселеніи евреевъ изъ Николаева и Севастополя по „военнымъ“ мотивамъ. Къ 1893 году часть евреевъ была выселена изъ Ялты [2]): тамъ въ лѣтнее время проживала царская семья, а между тѣмъ обнаружилось, что „усилившійся за послѣднее время наплывъ и прогрессивное умноженіе числа евреевъ въ Ялтѣ, въ связи съ замѣтнымъ среди нихъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію недвижимой собственности, грозитъ этому лечебному мѣсту обратиться въ чисто-еврейскій городъ“.

---

[1]) *Г. Сліозбергъ*. Правовое и экономическое положеніе евреевъ въ Россіи. 1907 г., стр. 6.

[2]) *Ю. Гессенъ*. О жизни евреевъ въ Россіи. 1906, стр. 15.

Случайный до извѣстной степени характеръ—въ смыслѣ мотивовъ—носило и запрещеніе евреевъ селиться въ 50-ти верстной пограничной полосѣ,—главнымъ образомъ въ видахъ борьбы съ контрабандой. Конечно, это запрещеніе фактически не осуществлялось въ полной мѣрѣ, а въ 1904 году было и совершенно отмѣнено.

Но всѣ подобные мотивы именно—случайны. Коренной же мотивъ, мотивъ до извѣстной степени, конечно, жизненный, реальный—это мотивъ экономическій—въ томъ видѣ и смыслѣ, какъ мы его очертили выше. Если болѣе или менѣе явный или скрытый антисемитизмъ наблюдается даже и въ извѣстной части профессіональной интеллигенціи, не связанной классовыми интересами съ тѣми группами населенія, въ которыхъ антисемитизмъ имѣетъ непосредственно экономическій источникъ,—то здѣсь, т. е. въ интеллигенціи, онъ носитъ тотъ же грубо-примитивный характеръ: боязнь профессіональной конкурренціи со стороны еврейской интеллигенціи. Конечно, область интеллигентнаго труда, подобно крупному капиталу, по природѣ своей до извѣстной степени космополитична, въ ней конкуррирующимъ сторонамъ легче притти ко взаимному соглашенію; а потому антисемитизмъ среди интеллигенціи выраженъ уже гораздо слабѣе и захватываетъ только наиболѣе слабую часть интеллигенціи.

Основной мотивъ и источникъ антисемитизма—чисто экономическій и притомъ характерный для извѣстной, болѣе молодой, примитивной или же болѣе отсталой экономической стадіи. По мѣрѣ того, какъ торгово-промышленная буржуазія крѣпнетъ и въ техническомъ, и въ общекультурномъ, и въ политическомъ отношенія,—она перестаетъ вѣрить въ практическую цѣлесообразность „національной“, покровительственной антисемитской политики; она начинаетъ понимать, что энергичная конкурренція представляетъ здоровое начало во всякой области народнаго хозяйства; она начинаетъ отказываться отъ узко-личнаго пониманія даже и классовыхъ интересовъ, начинаетъ понимать болѣе широкіе интересы общегосударственнаго, народнаго хозяйства, а съ этой точки зрѣнія борьба механическая—ограничительная и истребительная—начинаетъ уже представляться не только безполезной, но и положительно вредной,—а потому въ болѣе культурныхъ и политически развитыхъ слояхъ самой торгово-промышленной буржуазіи антисемитизмъ начинаетъ терять всякій кредитъ, онъ становится удѣломъ только отбросовъ даже этого класса, когда-то болѣе или менѣе естественно лелѣявшаго антисемитизмъ. Болѣе активная роль въ антисемитизмѣ начинаетъ переходить, пожалуй, къ классу отживающаго крѣпостническаго крупнаго землевладѣнія, борющагося за свое старое, исключительно привилегированное положеніе. Натискъ капитализма особенно чувствителенъ для этого класса, какъ плохо приспособленнаго къ измѣ-

няющимся условіямъ жизни и производства. Но этотъ классъ уже не можетъ разсчитывать найти себѣ союзника противъ еврейской буржуазіи—въ своей „національной"—русской буржуазіи: послѣдняя точно также заинтересована въ разрушеніи крѣпостническаго землевладѣнія, точно также органически стремится къ этому, какъ и буржуазія еврейская вообще—интернаціональная, а также и то мелкое, имущее крестьянство, на которое представители крѣпостническаго землевладѣнія хотѣли бы опереться въ своей „національной" и антисемитской политикѣ.

Почва для антисемитизма и тѣмъ болѣе для антисемитской политики государства слабѣетъ и теряется параллельно съ ростомъ экономическаго, а тѣмъ самымъ—культурнаго и политическаго государства.

Утвержденіе демократически-конституціоннаго строя логически немыслимо внѣ полнаго гражданскаго и политическаго равноправія всѣхъ народностей государства, и никакого „еврейскаго вопроса"—при истинно-демократическомъ конституціонномъ политическомъ строѣ государства—существовать не можетъ.

III.

Если въ государствахъ демократически-конституціонныхъ антисемитизмъ совершенно естественно и неизбѣжно долженъ ослабѣвать и, наконецъ, совершенно исчезать, то въ государствахъ съ слабо выраженной и слабо развитой демократіей, не имѣющей поэтому и соотвѣтственной политической роли, антисемитизмъ можетъ пріобрѣтать даже такія некультурныя, дикія формы, какія онъ пріобрѣтаетъ иногда, напр., въ Россіи.

Ни въ одинъ изъ стоящихъ на очереди къ разрѣшенію соціальныхъ вопросовъ въ Россіи не вносится столько страстности, возбужденія и сознательнаго или безсознательнаго пристрастія, какъ въ вопросъ еврейскій, т. е. о равноправіи евреевъ съ коренным населеніемъ Россіи.

Для объясненія этого явленія ссылаются обыкновенно на цѣлый рядъ причинъ и условій, изъ которыхъ чаще всего на первое мѣсто выдвигается религіозная и племенная рознь между коренным населеніемъ и еврействомъ, а также опасность экономическаго порабощенія болѣе сильнымъ и культурнымъ еврейскимъ племенемъ менѣе культурнаго и слабаго населенія русскаго, вообще—славянскаго.

Сознательные и безсознательные сторонники антисемитизма раздуваютъ эту рознь между коренным населеніемъ и евреями путемъ распространенія самыхъ общихъ, голословныхъ, и бездоказательныхъ, но яркихъ по силѣ чувства и красокъ ходячихъ положеній, исчерпывающихъ всю мудрость и все содержаніе антисемитизма: „евреи—кровопійцы; евреи—эксплоататоры; евреи—

паразиты; евреи—плуты и гешефтмахеры; евреи уклоняются, бѣгутъ отъ военной службы, отъ участія въ военной защитѣ государства; евреи захватываютъ въ свои руки всѣ богатства и капиталы того края, гдѣ они поселяются, и тѣмъ порабощаютъ себѣ населеніе края; въ случаѣ полученія гражданскаго и политическаго равноправія евреи вытѣснятъ изъ всѣхъ наиболѣе выгодныхъ экономическихъ, общественныхъ и политическихъ мѣстъ и позицій болѣе слабое, болѣе отсталое въ культурномъ отношеніи славянское населеніе, дѣлаются господами и правителями"...

На болѣе темные слои населенія дѣйствуютъ возбужденіемъ и болѣе же темныхъ инстинктовъ религіознаго и національнаго характера: „евреи—заклятые враги христіанства; они, получивъ господство, будутъ стремиться поработить и унизить христіанскую церковь; ко всѣмъ чужимъ племенамъ, въ томъ числѣ и къ славянскому—евреи относятся съ враждой, отчужденіемъ, презрѣніемъ, они никогда не сольются съ кореннымъ населеніемъ государства, всегда будутъ смотрѣть на это коренное населеніе только, какъ на предметъ эксплоатаціи",—и т. д. и т. д.

Весь этотъ арсеналъ антисемитизма пускается въ обращеніе то въ болѣе грубыхъ, яркихъ и вульгарныхъ формахъ, то въ формахъ болѣе тонкихъ, культурныхъ и литературныхъ. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ арсеналъ антисемитизма страдаетъ крайнимъ недостаткомъ фактической точности и доказательности. Антисемиты недостаточно отчетливо сознаютъ ту истину, что кореннымъ источникомъ явленія, которое они стремятся раздувать и развивать искусственнымъ путемъ—во вредъ дѣйствительнымъ интересамъ будто бы защищаемаго ими населенія, служатъ причины исключительно экономическаго характера. Основой розни между кореннымъ населеніемъ и евреями является то положеніе, какое занимаютъ евреи въ экономической жизни страны, въ ея производственныхъ условіяхъ, въ процессѣ развитія ея производительныхъ силъ. Всѣ остальные факторы, подчеркивающіе и усиливающіе рознь между кореннымъ населеніемъ и евреями, являются производными отъ этого основного фактора, или просто—только кажущимися, фиктивными. По мѣрѣ того, какъ экономическій и культурный уровень коренного населенія достигаетъ той же высоты, на какой стоитъ еврейство,—рознь между ними сглаживается и исчезаетъ, и широкимъ демократическимъ принципамъ равенства и братства открывается безпрепятственный путь въ соціальныя понятія и нравы самыхъ разнородныхъ племенъ и государствъ. Антисемитизмъ—спутникъ низкаго культурнаго уровня личности и государства. Космополитизмъ, демократизмъ, равенство и свобода—неизбѣжный, логическій продуктъ болѣе высокаго культурнаго и политическаго строя государства и положенія личности. Антисемитизмъ—вѣрный спутникъ реакціи. Демократическій космополитизмъ—орудіе и слѣдствіе свободнаго

прогресса. Прогрессивныя теченія философской, общественной и политической мысли никогда не мирились, не мирятся и не будутъ мириться съ антисемитизмомъ. Реакціонныя же теченія рѣдко враждебны антисемитизму.

Болѣе тонкія, литературныя формы и проявленія антисемитизма въ отвѣтъ на всѣ эти довольно общеизвѣстныя и оправдываемыя фактами положенія съ злостнымъ ехидствомъ повторяютъ только одно фактическое соображеніе: „можетъ быть, когда-то всѣ люди будутъ равными и свободными братьями, но пока—всѣ утвержденія антисемитизма реально, фактически справедливы, и политика государства должна направляться такъ, чтобы интересы болѣе слабаго—въ экономическомъ и культурномъ отношеніи—населенія энергично, безъ всякихъ туманныхъ философствованій, ограждались отъ угрожающей эксплоатаціи болѣе сильнаго, болѣе ловкаго, болѣе защищеннаго и вооруженнаго въ жизненной борьбѣ еврейскаго племени. Поэтому въ интересахъ массъ коренного населенія не нужно давать полнаго гражданскаго и политическаго равноправія евреямъ“.

Когда вопросъ ставится на такую почву,—а онъ и неизбѣжно будетъ поставленъ на такую именно почву при разрѣшеніи его законодательнымъ путемъ, т. е. государственной думой,—то какъ сторонники полнаго равноправія евреевъ, такъ и противники его, т. е. открытые или скрытые антисемиты, должны будутъ аргументировать точными фактами и цифрами, и только ими. Арсеналъ ходячихъ, цвѣтистыхъ мыслей, фразъ и положеній—какъ реакціоннаго, такъ и прогрессивнаго характера—долженъ будетъ оказаться совершенно неубѣдительнымъ, если эти мысли, фразы и положенія не будутъ обосновываться фактами и цифрами.

Именно въ этихъ цѣляхъ мы и попытаемся здѣсь привести хотя бы нѣкоторыя изъ тѣхъ цифръ и фактовъ [1]), которые могутъ вполнѣ безпристрастно, объективно освѣтить степень справедливости ходячихъ аргументовъ антисемитизма, а тѣмъ самымъ—и аргументовъ его противниковъ. Мы попытаемся отвѣтить цифрами на цѣлый рядъ вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ разрѣшеніемъ „еврейскаго“ вопроса.

Сторонники антисемитизма даже тогда, когда въ ихъ распоряженіи имѣются вполнѣ объективныя данныя для безпристрастной оцѣнки экономической роли отдѣльныхъ народностей въ жизни государства, не желаютъ или теряютъ способность пользоваться этими данными и предпочитаютъ отдѣлываться обычными ходячими фразами и положеніями объ отрицательномъ значеніи евреевъ въ жизни государства. Даже въ оффиціальномъ стати-

---

[1]) Эти цифры и факты мы въ свое время комментировали на страницахъ «Кіевскихъ Вѣстей».

стическомъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ—въ „Сводѣ результатовъ первой всеобщей переписи населенія въ Россіи 28 января 1897 года“ (т. II, стр. LI—LIV)—нашло себѣ мѣсто такое явно пристрастное, бездоказательное, примитивно-антисемитское освѣщеніе еврейскаго вопроса.

Приведя сравнительную таблицу занятій различныхъ народностей въ Россіи земледѣліемъ, оффиціальный источникъ заявилъ: „Изъ прилагаемой таблички можно видѣть, что занимаются земледѣліемъ менѣе всѣхъ перечисленныхъ народностей евреи, а затѣмъ цыгане. Разумѣется, въ такой земледѣльческой странѣ, какъ Россія, эти двѣ народности, не могущія вносить культуру въ страну и не вносящія также и труда, составляютъ наименѣе полезный элементъ среди народностей, населяющихъ Россійскую имперію; главное занятіе этихъ народностей — эксплоатація другихъ обитателей страны“.

Оффиціальный статистикъ позволилъ себѣ утверждать, что евреи „не вносятъ труда въ страну, не вносятъ и культуры, являются наименѣе полезнымъ элементомъ въ странѣ и занимаются, главнымъ образомъ, эксплоатаціей другихъ обитателей страны“.

Прямой логическій выводъ изъ такой экономической оцѣнки евреевъ, при рѣшеніи еврейскаго вопроса законодательнымъ путемъ, потребовалъ бы не только отказа въ предоставленіи евреямъ равныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ съ другими народностями, но и стремленія совершенно избавиться отъ такого „наименѣе полезнаго“ и эксплоататорскаго элемента, какъ „цыгане и евреи“. Такое освѣщеніе еврейскаго вопроса оправдывало бы стремленіе совершенно изгнать евреевъ изъ Россіи.

А между тѣмъ, если бы оффиціальный статистикъ болѣе добросовѣстно отнесся къ тѣмъ цифрамъ, которыя подъ его же редакціей помѣщены во второмъ томѣ общаго свода переписи, то его оцѣнка экономической роли евреевъ въ Россіи ни въ какомъ случаѣ не могла бы быть столь пристрастной и бездоказательной.

Попытаемся же прослѣдить и сопоставить главнѣйшія данныя первой всеобщей переписи населенія въ Россіи, чтобы освѣтить экономическую роль евреевъ въ Россіи по сравненію съ другими главнѣйшими народностями — великороссами, малороссами и поляками.

Евреевъ въ Россійской Имперіи—по первой переписи—всего было 5.215,805 душъ обоего пола. Изъ этого числа въ Европейской Россіи было 3.789,448 душъ, и въ привислинскихъ губерніяхъ (въ Царствѣ Польскомъ)—1.321,100 душъ, т. е. по отношенію къ остальному населенію евреи въ Царствѣ Польскомъ составили 14,05%, а въ Европейской Россіи—только 4,06%. По отношенію къ населенію всей Россійской Имперіи, составлявшему

въ 1897 году 125.680,682 души, евреи представляли 4,15%. И въ Европейской Россіи евреи распредѣлены, конечно, неравномѣрно: въ „чертѣ осѣдлости“, т. е. въ губерніяхъ западныхъ и южныхъ ихъ больше, чѣмъ въ губерніяхъ сѣверныхъ, центральныхъ и восточныхъ [1]). Затѣмъ — въ городахъ евреевъ вообще больше, чѣмъ въ уѣздахъ, именно—въ городахъ 2.631,809 душъ, въ уѣздахъ—2.583,996 душъ.

Евреи, благодаря „чертѣ осѣдлости“ оказываются скученными въ отдѣльныхъ районахъ Россіи и въ городахъ [2]). Какъ бы то ни было, но мы должны помнить, что въ Европейской Россіи на 80,05% русскаго населенія (т. е. великороссовъ, малороссовъ) евреевъ приходится только 4,06%, т. е. почти въ двадцать разъ меньше. Въ Царствѣ Польскомъ на 74,79% поляковъ (католиковъ) приходится 14,05% евреевъ, т. е. почти въ пять разъ меньше. Ни въ одномъ районѣ, ни въ одной губерніи число евреевъ не достигаетъ и одной пятой части общаго числа населенія (больше всего евреевъ въ Варшавской губ.—18,22%). Ни въ одномъ крупномъ городѣ, даже „самомъ еврейскомъ“, число евреевъ не превышаетъ третьей части общаго числа жителей, за исключеніемъ Одессы, гдѣ евреевъ немного больше трети—34,40%.

Присмотримся теперь къ главнымъ группамъ занятій евреевъ, сравнительно съ другими народностями. При этомъ мы будемъ придерживаться даже такой группировки, которая еще рѣзче подчеркнетъ ту „безполезность“ еврейскаго племени въ общей сокровищницѣ труда населенія Россіи, которую счелъ своимъ долгомъ отмѣтить оффиціальный статистикъ. Именно, мы будемъ вести наши разсчеты не на общее количество населенія той или другой народности, а только на общее число такъ называемыхъ „самостоятельныхъ“ работниковъ-мужчинъ, не принимая въ разсчетъ состоящихъ при нихъ членовъ семьи, которые—особенно малолѣтніе—въ производительномъ трудѣ даже совсѣмъ не участвуютъ или участвуютъ мало.

Итакъ, будетъ сравнивать, главнымъ образомъ, число „самостоятельныхъ“ мужчинъ различныхъ народностей — въ главнѣйшихъ отрасляхъ труда, отмѣченныхъ въ оффиціальномъ сводѣ первой переписи. Общее число „самостоятельныхъ“ мужчинъ во всѣхъ отрасляхъ труда оказалось равнымъ:

Великороссовъ	1,290,292
Малороссовъ	4.319,382
Поляковъ.	1,922,122
Евреевъ	12,204,937

[1]) Въ Кіевской губерніи—12,19%; въ Волын.—13,24%; въ Подольск.—12,28%; въ Черниг.—4,98%, въ Полт.—3,99%; въ Минск.—16,06%; въ Херсон.—12,44%, и т. д.

[2]) Въ Одессѣ—34,40%; въ Варшавѣ—32,05%; но въ Петерб., напр.,—только 1,34%, въ Москвѣ—0,77%.

Вотъ по отношенію къ этимъ основнымъ цифрамъ мы и будемъ приводить сравнительныя—въ процентахъ—данныя о занятіяхъ этихъ четырехъ народностей различными отраслями труда. Главнѣйшей отраслью народнаго труда въ Россіи является сельское хозяйство. Отъ сельскаго хозяйства въ Россіи живетъ 74,57 проц. всего населенія. Если же считать не все населеніе, а только „самостоятельныхъ" мужчинъ, то окажется, что въ сельскомъ хозяйствѣ занято: великороссовъ 52,40 проц., малороссовъ 77,88 проц., поляковъ—53,46 проц. и евреевъ—только 8,00 проц.

Утвержденіе, что евреи весьма мало заняты въ сельскомъ хозяйствѣ, конечно, является вполнѣ справедливымъ. Почему евреи такъ мало заняты въ сельскомъ хозяйствѣ,—мы сказать съ увѣренностью не можемъ. Но несомнѣнно, что одною изъ причинъ, хотя и главнѣйшею, является отсутствіе у евреевъ права пріобрѣтать землю и воспрещеніе жить въ сельскихъ мѣстностяхъ. Но наряду съ этимъ означенный фактъ находитъ объясненіе и въ болѣе общихъ экономическихъ соображеніяхъ: въ данный экономическій періодъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ—мы разумѣемъ непосредственный, производительный трудъ, а не управленіе и организацію сельско хозяйственнаго труда,—является однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ и малодоходныхъ видовъ труда; притомъ—и характеръ этой отрасли труда является пока наиболѣе примитивнымъ, экстенсивнымъ, не требующимъ особаго запаса умѣній, знаній и капитала. Этимъ основнымъ условіемъ и характеромъ сельско-хозяйственнаго труда въ переживаемый человѣчествомъ періодъ экономическаго развитія объясняется то общее—для всего міроваго хозяйства—явленіе, что сельское хозяйство въ настоящее время пока остается удѣломъ болѣе молодыхъ, менѣе культурныхъ народовъ и обычно менѣе культурныхъ группъ населенія. Напротивъ, болѣе сложные и интенсивные виды труда—обрабатывающая промышленность, пути сообщенія, торговля и т. п.—захватываются болѣе культурными и сильными народами и такими же группами населенія въ отдѣльныхъ государствахъ.

Съ точки зрѣнія общаго народнаго хозяйства такое распредѣленіе является не только неизбѣжнымъ, но и наиболѣе экономически-цѣлесообразнымъ, т. е. наиболѣе правильнымъ: всякое умѣніе, знаніе и накопленный капиталъ есть сила, которая должна быть употреблена съ наибольшей производительностью въ процессѣ дальнѣйшаго экономическаго развитія народа, государства. Въ каждую отрасль народнаго труда должны итти тѣ силы, тѣ группы или единицы населенія, которыя именно къ этой отрасли труда—въ данный моментъ—являются наиболѣе подготовленными, наиболѣе пригодными. Къ сожалѣнію, въ силу самой природы капиталистическаго строя и хозяйства, такое распредѣленіе экономическихъ и производительныхъ силъ неизбѣжно связано съ неравномѣрностью распредѣленія капитала и прибылей отъ производства:

болѣе сложныя и интенсивныя отрасли труда даютъ и большую прибыль, способствуютъ болѣе быстрому накопленію капиталовъ въ группахъ населенія, занятыхъ этими отраслями труда — въ группахъ промышленныхъ и торговыхъ, между тѣмъ какъ въ группахъ, занятыхъ сельско-хозяйственнымъ трудомъ, накопленіе капитала идетъ весьма медленно, а при неблагопріятныхъ экономическихъ, общественныхъ и политическихъ условіяхъ это накопленіе временно можетъ даже совсѣмъ прекращаться, или наступаетъ и отрицательный процессъ—растраты даже накопленныхъ капиталовъ, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ русскомъ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Конечно, явленіе это, какъ въ частностяхъ, такъ и въ общемъ, носитъ только временный характеръ: по мѣрѣ общаго развитія мірового хозяйства всѣ его отрасли — въ томъ числѣ и сельское хозяйство — дѣлаются все болѣе и болѣе интенсивными, все болѣе и болѣе уравниваются въ своей сложности и въ своей прибыльности съ другими отраслями труда, и усиленное стремленіе передовыхъ народовъ и группъ населенія въ такія отрасли труда, какъ обрабатывающая промышленность и торговля, само собою уменьшается, сглаживается, а вмѣстѣ съ тѣмъ сглаживается и та экономическая рознь между болѣе сильными, передовыми въ экономическомъ смыслѣ народами и группами населенія—и между народами и группами болѣе отсталыми или молодыми, менѣе культурными, которая раньше приводила къ враждѣ и внутренней экономической борьбѣ, выливавшейся и въ такія сложныя и пестрыя формы, какой является, напримѣръ, антисемитизмъ. Въ томъ, что евреи „захватываютъ" въ свои руки въ молодыхъ и отсталыхъ государствахъ такія отрасли труда, какъ обрабатывающая промышленность и процессъ обмѣна въ самыхъ различныхъ его формахъ и видахъ,— евреи „повинны" только въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ „повинны" англичане, американцы, голландцы, французы и нѣмцы въ томъ, что они „захватили" эти отрасли труда въ общемъ міровомъ хозяйствѣ. Но съ объективной и общей экономической точки зрѣнія мы можемъ только сказать, что иначе быть и не могло, и не должно было, такъ какъ въ противномъ случаѣ общее экономическое развитіе народовъ только пострадало бы. Но въ то же время мы твердо убѣждены въ томъ, что процессъ распредѣленія экономическихъ силъ и экономическихъ ролей отдѣльныхъ народовъ и отдѣльныхъ группъ населенія идетъ по пути къ уравниванію—въ силу коренныхъ, естественныхъ свойствъ самого же экономическаго развитія—и эта тенденція къ уравниванію должна постепенно сглаживать экономическую, а тѣмъ самымъ и культурную, политическую рознь и вражду между отдѣльными народами и экономически отдѣльными группами населенія въ отдѣльныхъ государствахъ. Всѣ эти общія соображенія даютъ намъ право признать въ высшей степени поверхностнымъ и бездока-

зательнымъ то положеніе относительно экономической „безполезности“ евреевъ въ Россіи въ силу малаго участія ихъ въ сельско-хозяйственномъ трудѣ, къ которому пришелъ даже и спеціалистъ оффиціальный статистикъ центральнаго статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ такой же мѣрѣ, конечно, поверхностны и бездоказательны и тѣ ходячія шаблонныя положенія и утвержденія относительно экономической роли евреевъ, которыя поддерживаются и распространяются сторонниками антисемитизма.

Тѣмъ болѣе поверхностнымъ, бездоказательнымъ и положительно вреднымъ является тотъ логически-послѣдовательный выводъ, къ которому долженъ приводить антисемитизмъ, т. е. выводъ, требующій отъ практической государственной политики не только искуственнаго ограниченія евреевъ въ правѣ участія въ тѣхъ или оныхъ видахъ народнаго труда, но и полнаго ихъ удаленія, изгнанія изъ государства, въ цѣляхъ, будто бы, „защиты“ мало культурнаго, экономически слабаго коренного населенія.

Ясно, что въ случаѣ изгнанія той группы „чуждаго“ населенія, которая въ данное время „захватила“ такія отрасли [illegible], какъ обрабатывающая промышленность и торговля, произошло бы только то, что или эти отрасли труда были бы „захвачены“ другимъ чуждымъ же, но экономически болѣе пригоднымъ и приспособленнымъ къ нимъ населеніемъ,—нѣмцами, французами, англичанами и. т. п., или же эти отрасли труда страдали бы отъ „захвата“ ихъ кореннымъ населеніемъ, менѣе къ нимъ подготовленнымъ и приспособленнымъ. Получился бы только ущербъ, но никакъ не плюсъ для общаго народнаго хозяйства государства.

Выгоднѣе и разумнѣе съ государственной точки зрѣнія, чтобы процессъ распредѣленія экономическихъ силъ и ролей въ общемъ народномъ хозяйствѣ между отдѣльными производительными группами и единицами совершался постепенно, по мѣрѣ общаго экономическаго и культурнаго развитія народа и государства. А процессъ этотъ, конечно, совершался и будетъ совершаться еще болѣе энергично, когда измѣнятся въ прогрессивномъ направленіи общественно-политическія условія народной и государственной жизни страны. Полное прогрессивное развитіе общественно-политическихъ условій и составляетъ ближайшую практическую задачу государственной политики, а совсѣмъ не тѣ разрушительныя, реакціонныя стремленія, какими питается и какими поддерживается, напримѣръ, антисемитизмъ.

IV.

Мы видѣли, что даже оффиціальный статистикъ позволилъ себѣ утверждать, что евреи представляютъ „безполезный“ элементъ населенія, потому что изъ 1,204,937 „самостоятельныхъ“ мужчинъ—

евреевъ въ Россіи сельскимъ хозяйствомъ занимаются только 36,143 человѣка, или всего лишь 3 проц., между тѣмъ, какъ изъ великороссовъ—52,40 проц., а малороссовъ—даже 77,38 проц. заняты этой наиболѣе тяжелой и наименѣе прибыльной отраслью труда.

„Главное занятіе... евреевъ,—говоритъ оффиціальный статистикъ,—эксплоатація другихъ обитателей страны“.

Подъ „эксплоатаціей“ статистикъ разумѣлъ, очевидно, торговлю. Мы не будемъ сейчасъ говорить о томъ, насколько торговля является только „эксплоатаціей“, а не необходимымъ, а потому и полезнымъ составнымъ элементомъ въ процессѣ развитія народнаго хозяйства. Скажемъ только, что едва ли найдутся экономисты, которые признавали бы процессъ обмѣна, т. е. торговлю, только средствомъ „эксплоатаціи“ производительнаго населенія и которые такъ поверхностно смѣшивали бы злоупотребленія въ организаціи обмѣна съ самой экономической сущностью его, какъ неизбѣжнаго фактора и условія производства. Но насъ занимаетъ въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, степень объективной статистической точности и доказательности подобныхъ положеній и утвержденій сторонниковъ антисемитизма.

Изъ 1,204,937 „самостоятельныхъ“ евреевъ-мужчинъ въ Россіи занято торговлей дѣйствительно 408,100 человѣкъ или 33,87 проц. общаго числа „самостоятельныхъ“ евреевъ въ Россіи, т. е. треть евреевъ въ Россіи заняты торговлей. Другія народности заняты торговлей въ гораздо меньшей степени: изъ 12,290,292 великороссовъ (мы вездѣ говоримъ только о „самостоятельныхъ“ мужчинахъ, т. е. участвующихъ въ трудѣ въ качествѣ хозяевъ или лицъ, получающихъ за свой трудъ самостоятельную плату, напр., приказчиковъ, служителей, рабочихъ и т. п.)—изъ указаннаго общаго числа великороссовъ въ торговлѣ занято 573,312 человѣкъ, или 4,66 проц. общаго ихъ числа. Изъ 4,319,382 „самостоятельныхъ“ малороссовъ въ торговлѣ занято только 49,848 человѣкъ, или всего лишь 1,15 проц. общаго числа „самостоятельныхъ“ мужчинъ малороссовъ. Изъ 1,924,122 поляковъ въ торговлѣ занято 37,577 человѣкъ, или 1,95 проц. общаго числа „самостоятельныхъ“ поляковъ.

Если торговля представляетъ трудъ не только безполезный, но даже и вредный—„эксплоатацію“, тогда цѣлая треть евреевъ въ Россіи занята дѣйствительно безполезнымъ и вреднымъ трудомъ. Но мы этого утверждать ни въ какомъ случаѣ не рѣшимся. Кромѣ того, тѣ же объективныя цифры подсказали бы намъ, что изъ великороссовъ этимъ „безполезнымъ и вреднымъ“ трудомъ заняты 573,312 человѣкъ, изъ евреевъ—408,110 человѣкъ, т. е. „безполезныхъ и вредныхъ“ великороссовъ въ Россіи больше, чѣмъ „безполезныхъ и вредныхъ“ евреевъ. Всего въ Россіи торговлей занято 1,249,361 человѣкъ („самостоятельныхъ“ мужчинъ),

изъ нихъ великороссы составляютъ 45,89 проц., евреи—32, 66 проц.; малороссы 4, 39 проц. и поляки 8,10 проц.

Идемъ далѣе по пути изложенія и освѣщенія совершенно объективныхъ безпристрастныхъ цифръ и данныхъ, добытыхъ первой всеобщей переписью населенія въ Россіи. Самый непримиримый антисемитъ, вѣроятно, не станетъ считать „безполезнымъ", а тѣмъ болѣе „вреднымъ" видомъ труда—трудъ въ области обрабатывающей промышленности: фабрики, заводы, ремесла, строительныя работы и т. п. Оказывается, что изъ 1,204, 937 „самостоятельныхъ" евреевъ-мужчинъ въ этихъ отрасляхъ труда—главнымъ образомъ, въ ремеслахъ—занято 464,272 человѣка, т. е. 38,53 проц. общаго числа „самостоятельныхъ" евреевъ-мужчинъ. Великороссовъ—19,64 проц.; малороссовъ—7,86 проц. и поляковъ—18,24 проц. Всего въ Россіи въ промышленныхъ отрасляхъ труда занято 4,331,796 человѣкъ („самостоятельныхъ" мужчинъ); изъ нихъ—великороссовъ 55,74 проц., малороссовъ—7,84 проц., поляковъ 8,10 проц. и евреевъ 10,71 проц.

Итакъ, будемъ помнить, что 38,53 проц. евреевъ заняты вполнѣ полезнымъ, не особенно легкимъ и не особенно прибыльнымъ промышленнымъ и ремесленнымъ трудомъ. Затѣмъ 61,992 человѣка изъ „самостоятельныхъ" мужчинъ евреевъ занято частной низшей службой—прислуга, поденщики и т. п. Это составляетъ 5,15 проц. общаго числа евреевъ. Великороссовъ этимъ видомъ труда занято 6,06 проц., малороссовъ—4,92 проц. и поляковъ—11,79 проц. Если же брать общее количество лицъ, занятыхъ въ этой отрасли труда въ Россіи (1,658,041 человѣкъ), то окажется, что великороссы среди нихъ составляютъ 44,97 проц., малороссы 12,82 проц., поляки 13,08 проц. и евреи 3,74 проц. Наконецъ, возьмемъ еще одну замѣтную отрасль, несомнѣнно, „полезнаго" производительнаго и нелегкаго труда—пути и средства сообщенія (извозъ, желѣзныя дороги, водяныя сообщенія).

Евреевъ въ этой отрасли занято 45,170 „самостоятельныхъ" мужчинъ, т. е. 3,75 проц. общаго ихъ числа. Великороссовъ—3, 28 проц., малороссовъ—1,22 проц. и поляковъ—2,31 проц.

А по отношенію къ общему числу лицъ, занятыхъ этой отраслью труда въ Россіи (688,393)—великороссы составляютъ 62,24 проц., малороссы—8,15 проц., поляки—6,84 проц. и евреи—6,96 проц.

Мы разсмотрѣли всѣ замѣтныя отрасли „производительнаго" труда, т. е. труда, непосредственно создающаго или обмѣнивающаго (торговля) матеріальные продукты, необходимые для существованія человѣка и общества. Приведенныя нами совершенно объективныя, безпристрастныя цифры съ большой убѣдительностью показываютъ, что едва ли ходячія обвиненія противъ евреевъ въ томъ, что они, будто бы, заняты безполезнымъ или даже вреднымъ трудомъ, что они захватываютъ только самыя легкія и

самыя прибыльныя отрасли народнаго труда въ Россіи, являются достаточно вѣрными, доказанными и справедливыми. Напротивъ, мы съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ сказать, что по меньшей мѣрѣ, половина (50,43 проц.) „самостоятельныхъ“ евреевъ мужчинъ въ Россіи заняты вполнѣ производительнымъ и далеко не легкимъ трудомъ (промышленный и ремесленный трудъ, поденный, сельско-хозяйственный и извозный трудъ). Торговлей далѣе занято 33,87 проц. Если мы и торговлю отнесемъ къ необходимымъ и полезнымъ отраслямъ народнаго труда, помня, что можно и должно бороться только противъ злоупотребленій въ торговлѣ, но не противъ самой торговли,—то окажется, что 84,30 проц. евреевъ въ Россіи занято непосредственно производительнымъ трудомъ. Говорить при этомъ о „безполезности“, а тѣмъ болѣе „вредности“ евреевъ въ Россіи могутъ, очевидно, только люди, не вдумывающіеся въ точныя фактическія данныя, необходимыя для пониманія вопроса, или люди сознательно недобросовѣстные, пристрастные, проникнутые дурными, человѣконенавистническими идеями и стремленіями, напр., идеями и стремленіями антисемитизма

Чрезвычайно неосновательнымъ оказывается далѣе и тотъ ходячій, горячо поддерживаемый антисемитами упрекъ по адресу евреевъ, будто они ухитряются избавляться отъ тягости военной службы, участвуютъ въ несеніи военной службы въ меньшей степени, чѣмъ другія народности Россіи.

Обратимся для безпристрастнаго рѣшенія этого вопроса опять къ оффиціальнымъ даннымъ первой всеобщей переписи въ Россіи. Изъ 1.204,937 „самостоятельныхъ“ мужчинъ-евреевъ въ Россіи въ войскахъ было (въ 1897 году) 53,194 человѣка, или 4,41 проц. общаго числа евреевъ мужчинъ („самостоятельныхъ“). Великороссовъ было—5,45 проц.; малороссовъ — 3,95 и поляковъ — 4,58 проц. Если сравнительно меньшій процентъ малороссовъ мы объяснимъ тѣмъ, что многіе малороссы-солдаты, на вопросъ объ ихъ національности, записывали себя прямо въ „русскіе“, считая, что числиться „русскими“ больше чести, чѣмъ числиться „хохлами“, и если благодаря именно этому процентъ великороссовъ въ войскѣ оказался значительно большимъ, чѣмъ процентъ остальныхъ народностей, особенно—малороссовъ, то тогда окажется, что всѣ эти четыре народности участвовали въ несеніи военной службы почти въ идеально-равной пропорціи, именно— около 4,5 проц. общаго числа „самостоятельныхъ“ мужчинъ этихъ народностей,—и говорить объ „уклоненіи“ евреевъ отъ тягостей военной службы не окажется никакихъ объективныхъ основаній. На эту національность военная служба ложится относительно такимъ же бременемъ, какъ и на „господствующія“—славянскія національности.

Проведемъ далѣе сравненіе и по отношенію къ общему коли-

честву лицъ, занятыхъ военной службой въ Россіи (въ 1897 году). „Вооруженныя силы" Россія—по первой переписи — составляли 1,132,682 человѣка. Великороссовъ среди нихъ было 59,16 проц.; малороссовъ 15,18 проц., поляковъ 7,78 проц. и евреевъ 4,69 проц. Эти процентныя отношенія мы можемъ сравнивать только съ процентными же отношеніями численности данныхъ народностей къ численности всего населенія въ Россійской Имперіи.

Общая численность населенія Имперіи—по первой переписи— 125.680,682 человѣка. Изъ нихъ великороссовъ—55.667,469 или почти 44,3 проц.; малороссовъ—22.380,551 или 17,80 проц.; поляковъ 7.931.307 или 6,31 проц.; евреевъ—5,063,156 [1]) или 4.03 процента.

Сравнимъ теперь эти данныя:

Процентъ всего населенія:

Великор.	Малор.	Поляки.	Евреи.
44,30	17,80	6,31	4,03

Процентъ въ войскахъ:

Великор.	Малор.	Поляки.	Евреи.
59,16	15,18	7,78	4,69

Эти данныя показываютъ, что участіе великороссовъ въ „вооруженныхъ силахъ" государства, во всякомъ случаѣ, т. е. если мы даже выровняемъ отношеніе между малороссами и великороссами, оказывается относительно нѣсколько большимъ, чѣмъ участіе другихъ народностей, въ томъ числѣ и евреевъ. Но во-первыхъ, больше, повидимому, въ такой же пропорціи, въ какой больше и участіе другихъ народностей, т. е. поляковъ и евреевъ по сравненію съ ихъ участіемъ въ общей численности населенія имперіи; во-вторыхъ, въ „вооруженныхъ силахъ" имѣется около 60,000 офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ, канцеляристовъ и т. п., среди которыхъ, вѣроятно, нѣтъ ни одного еврея и служба которыхъ уже не можетъ быть приравнена къ службѣ рядовыхъ солдатъ, какими обычно являются евреи въ арміи. Если мы примемъ во вниманіе всѣ эти факты и соображенія, то мы еще съ болѣе твердымъ убѣжденіемъ должны будемъ сказать, что участіе евреевъ въ несеніи военной службы сравнительно ничуть не меньше, чѣмъ участіе другихъ—„господствующихъ" славянскихъ народностей,—съ той крупной разницей, что участіе евреевъ въ болѣе привилегированныхъ отросляхъ военной службы, напр., въ офицерскомъ составѣ арміи,—совершенно исключено дѣйствующимъ закономъ.

---

[1]) Эта цифра заимствована изъ 11 тома «Общаго Свода переписи». Цифра евреевъ нѣсколько меньше приведенной выше, вѣроятно, потому, что здѣсь приведены данныя о національностяхъ по «родному» языку, который у иныхъ евреевъ могъ оказаться тоже «русскимъ».

Итакъ, 84,30 проц. да 4,41 проц., т. е. 88,71 проц. „самостоятельныхъ“ евреевъ-мужчинъ въ Россіи заняты въ такихъ отрасляхъ народнаго труда, которыя ни безполезными, ни вредными, ни исключительно легкими считаться не могутъ, которыя, напротивъ, должны быть отнесены къ разряду отраслей труда непосредственно „производительнаго“ и болѣе или менѣе тяжелаго.

Продолжимъ теперь наше сравненіе по отношенію къ тѣмъ отраслямъ труда, которыя не могутъ быть названы непосредственно матеріально „производительными“ и которыя считаются отраслями болѣе или менѣе привилегированными, чистыми, благородными и т. д. Разсмотримъ эти отрасли согласно группировкѣ ихъ въ „Общемъ сводѣ первой переписи“.

Въ административной, судебной и полицейской службѣ евреевъ-мужчинъ („самостоятельныхъ“) занято только 890 человѣкъ, или 0,07 проц.; великороссовъ—1,27 проц.; малороссовъ—0,42 проц.; поляковъ—1,04 проц. Если брать для сравненія общее число лицъ, занятыхъ этой службой въ Россіи (223,314), то окажется: великороссовъ—70,33 проц.; малороссовъ—8,20 проц.; поляковъ—9,01 проц. и евреевъ всего лишь—0,39 проц; т. е. „командующія“ службы „захвачены“ главнымъ образомъ — великороссами, т. е. политически господствующей въ Россіи народностью. Евреи же, какъ наиболѣе безправная политически народность, участвуетъ въ управленіи въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, и то въ такихъ должностяхъ, какъ казенные раввины, старосты и т. п.

Въ „общественной и сословной“ службѣ занято 1,667 евреевъ или 0,14 проц.; великороссовъ—0,52 проц.; малороссовъ—0,28 проц. и поляковъ 0,40 проц. По отношенію къ общему числу лицъ, занятыхъ этой службой въ Россіи (103,760), великороссы составляютъ 61,79 проц.; малороссы—11,94 проц.; поляки—8,80 проц. и евреи—1,61 проц. Снова—„господствующая“ великорусская народность „захватила“ въ свои руки большую часть мѣстъ по общественной и сословной службѣ, чѣмъ ей бы полагалось по сравнительной численности ея въ населеніи имперіи (44,30 проц.).

Въ частной юридической дѣятельности (нотаріусы, присяжные и частные повѣренные и т п.) занято 1,028 евреевъ, или 0,09 проц.; великороссовъ—0,05 проц.; малороссовъ—0,01 проц. и поляковъ 0,13 проц. По отношенію къ общей численности лицъ, занятыхъ частной юридической дѣятельностью въ Россіи (12,174), великороссы составляютъ 55,89 проц.; малороссы—4,29 проц.; поляки—21,36 проц. и евреи 8,44 проц.; т. е.—сравнительно съ процентнымъ отношеніемъ этихъ народностей къ общей численности населенія въ Имперіи — данную отрасль привилегированнаго труда „захватили“ въ большей степени евреи, поляки, великороссы—за счетъ малороссовъ.

„Учебной и воспитательной“ дѣятельностью занято 33,609

евреевъ, или 2,79 проц. общаго числа „самостоятельныхъ" мужчинъ-евреевъ. Конечно, въ виду закрытія для евреевъ доступа въ казенную педагогическую службу, всѣ эти 83,609 евреевъ— почти исключительно мелкіе частные еврейскіе учителя, трудъ которыхъ оплачивается весьма скудно. Какъ бы то ни было, характеренъ этотъ высокій процентъ евреевъ-учителей по отношенію къ общему числу евреевъ. Для великороссовъ этотъ процентъ равняется всего лишь 0,47; для малороссовъ—0,22; для поляковъ—0,27, между тѣмъ какъ для евреевъ—2,79. И даже по отношенію къ общему числу лицъ, занятыхъ учебной и воспитательной дѣятельностью въ Россіи (129,607), евреи составляютъ 25,93 проц.; великороссы—45,28 проц.; малороссы—7,44 проц. и поляки—4,17 проц. Очевидно, что высокій процентъ евреевъ въ этой отрасли занятій—величина фиктивная, мало чего говорящая и въ общественномъ, и въ экономическомъ смыслѣ.

Въ наукѣ, литературѣ и искусствахъ евреевъ занято 2,704, или 0,22 проц.; великороссовъ—0,11 проц.; малороссовъ—0,01 проц. и поляковъ—0,18 проц. По отношенію къ общему числу лицъ, занятыхъ наукой, литературой и искусствами въ Россіи (25,41), евреи составляютъ 10,75 проц.; великороссы—54,46 проц.; малороссы—2,71 проц. и поляки 10,60 проц.

Врачебной и санитарной дѣятельностью занято 6,854 евреевъ, или 0,57 проц. общаго числа „самостоятельныхъ" евреевъ-мужчинъ, великороссовъ—0,36 проц; малороссовъ—0,13 проц и поляковъ—0,57 проц. Всего въ Россіи лицъ, занятыхъ врачебной и санитарной дѣятельностью, 78,992 человѣка. Изъ нихъ—великороссовъ 56,76 проц.; малороссовъ—7,43 проц.; поляковъ—18,79 проц. и евреевъ—8,68 процентовъ.

Такимъ образомъ, во всѣхъ „свободныхъ" и „благородныхъ" профессіяхъ мы не видимъ какого-либо рѣзкаго преобладанія евреевъ, по сравненію, напр., съ великороссами или съ поляками. Если какая народность оказывается обиженной въ этомъ отношеніи, то только малорусская, поскольку учетъ „малороссовъ" по переписи былъ правильнымъ, отвѣчалъ дѣйствительности, т. е. поскольку всѣ малороссы-интеллигенты записывали себя малороссами, а не просто „русскими".

Разсмотримъ еще одну категорію лицъ, выдѣленную въ „Общемъ сводѣ переписи", именно—категорію лицъ, „живущихъ доходами съ капиталовъ" и недвижимыхъ имуществъ. Эта катагорія, правда, далеко не вполнѣ точно, даетъ представленіе о группѣ капиталистовъ и рантье въ каждой народности. Евреи въ этой группѣ—по переписи—составляютъ 33,346 человѣкъ, или 2,77 проц.; великороссы 150,481 человѣка, или 1,22 проц.; малороссы 22,091 или 0,51 проц. и поляки 46,997 человѣкъ или 2,44 проц. По отношенію къ общему числу такихъ лицъ въ Россіи (315,030) евреи составляютъ 10,58 проц., великороссы, 47,77 проц.; малороссы 7,01

проц. и поляки 14,91 проц. Конечно, эти цифры весьма приблизительны. Въ эту группу едва ли включены, напр., землевладѣльцы; съ другой стороны, включены „лица, живущія на средства, полу-

I. Занятія національностей—въ абсолютныхъ цифрахъ.

	Великороссы.	Малороссы.	Поляки.	Евреи.
Общее число „самостоятельныхъ" мужчинъ	12.290.292	4.319.382	1 924.122	1.204.937
1. Администрація, судъ и полиція.	157.051	18 316	20.121	890
2. Общественная и сословная служба	64.116	12.389	9.128	1.667
3. Частная юридическая дѣятельность	6.804	523	2.601	1.028
4. Вооруженныя силы	670.134	170.988	88.269	53.194
5. Учебная и воспитательская дѣятельность	58.689	9.651	5.402	83 609
6. Наука, литература, искусство.	13.693	683	3.530	2.704
7. Врачебная и санитарная дѣятельность	44.836	5.871	10.896	6.854
8. Частная служба, прислуга, поденщина.	745.605	212.554	226.891	61.992
9. Доходами съ капитала и недвижимыхъ имуществъ	150.484	22.091	46.997	33.346
10. Лишенные свободы и отбывающіе наказаніе	46.172	8.872	6.432	8.907
11. Сельское хозяйство	6.440.703	3.342.414	1.028.712	86.143
12. Обрабатывающая промышленность.	2.414.624	339.933	350.914	464.272
13. Пути и средства сообщенія. .	403.555	52.859	44.382	45.170
14. Торговля	573 312	49.848	37.577	408.110
15. Неопредѣленныя профессіи. .	128.818	24.886	12.722	19.760

II. Занятія національностей—въ процентныхъ отношеніяхъ.

РОДЪ ЗАНЯТІЙ.	% къ національности.				% къ группѣ занятія.			
Въ томъ же порядкѣ, какъ и въ таблицѣ I.	Великороссы.	Малороссы.	Поляки.	Евреи.	Великороссы.	Малороссы.	Поляки.	Евреи.
1	1,27	0,42	1,04	0,07	70,33	8,20	9,01	0,39
2	0,52	0,28	0,40	0,14	61,79	11,94	8,80	1,61
3	0,05	0,01	0,13	0,09	55,89	4,29	21.36	8,44
4	5,45	3,95	4,58	4,41	59,16	15,18	7,78	4 69
5	0.47	0,22	0,27	2,79	45,28	7,44	4.17	25,93
6	0,11	0,01	0,18	0,22	54,46	2,71	10,60	10,75
7	0,36	0,13	0,57	0,57	56,76	7,43	13,79	8,68
8	6,06	4.92	11,79	5 15	44,97	12,82	13,08	3,74
9	1.22	0,51	2,44	2,74	47,77	7,01	14.91	10,58
10	0,37	0,20	0 33	0,32	53,50	12,79	7,45	4,52
11	52.40	77,38	53,46	3,00	39,84	20,60	6,37	0,22
12	19,64	7,86	18,24	38,53	55,74	7,84	8,10	10,71
13	3,28	1,22	2,31	3,75	62,24	8,15	6,84	6,96
14	4,66	1,15	1,95	33.87	45.89	4,39	3,10	32,66
15	1,04	1,57	0,66	1,64	53,07	10,02	5,24	8,14

чаемыя отъ родителей и родственниковъ", а также пенсіонеры, что совершенно затемняетъ вопросъ о капиталистахъ и рантье. Но и приблизительныя данныя все же показываютъ, что евреи въ этой группѣ представлены относительно благопріятнѣе, чѣмъ другія народности, что и естественно при высокомъ процентѣ евреевъ, занимающихся торговлей. Однако, разница не настолько высокая, чтобы бросаться въ глаза. Это тоже является вполнѣ понятнымъ: среди евреевъ, занятыхъ торговлей, подавляющее большинство составляютъ, конечно, приказчики, а не самостоятельные хозяева-капиталисты; кромѣ того, значительное большинство и „хозяевъ" торговцевъ евреевъ—мелкіе лавочники, которыхъ тоже едва ли кто рѣшился зачислить въ „капиталисты". Въ группу лицъ „неопредѣленныхъ профессій" евреевъ записано 1,64 проц.; великороссовъ 1,04 проц.; малороссовъ 1,57 проц. и поляковъ 0,66 проц. Если мы произведемъ теперь общій подсчетъ группъ, занятыхъ въ отросляхъ труда, матеріально непроизводительныхъ, то для евреевъ получится цифра около 10 проц., совершенно такая же, какъ и для другихъ національностей, населяющихъ Россію.

Какихъ-либо замѣтныхъ разницъ и убѣдительныхъ данныхъ, говорящихъ о преобладаніи евреевъ въ „безполезныхъ" занятіяхъ, даже при всемъ желаніи мы въ точныхъ, объективныхъ цифрахъ первой всеобщей переписи Россіи найти не можемъ. Сгруппируемъ въ заключеніе всѣ приведенныя нами цифры въ таблицы, составленныя нами на основаніи данныхъ всеобщей переписи. Получимъ такую картину распредѣленія занятій главнѣйшихъ національностей въ Россіи (см. табл. на стр. 102).

Эти цифры, безпристрастіе которыхъ, конечно, стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, какъ нельзя лучше и убѣдительнѣе говорятъ намъ о томъ, что ходячія формы и утвержденія сторонниковъ антисемитизма не имѣютъ подъ собой рѣшительно никакой сколько-нибудь твердой почвы. Съ широкой государственной точки зрѣнія при разрѣшеніи еврейскаго вопроса можно руководствоваться только однимъ, единственно правильнымъ, принципомъ—принципомъ полнаго равенства всѣхъ національностей въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи. Защита слабыхъ и устраненіе злоупотребленій должна достигаться равнымъ для всѣхъ гражданъ закономъ, но никакъ не угнетеніемъ и ограниченіемъ въ правахъ однѣхъ народностей въ пользу будто бы другихъ, болѣе слабыхъ. Политика антисемитизма глубоко вредна—и въ экономическомъ, и въ культурномъ отношеніи—для широкихъ трудовыхъ массъ населенія, т. е. вредна и для самого государства въ цѣломъ.

Проф. Т. Локоть.

Въ таможенномъ мірѣ.

(Воспоминанія).

I.

Нашумѣвшая въ свое время „таможенная война“ съ Германіей закончилась торговымъ договоромъ, въ силу котораго Россія должна была, между прочимъ, преобразовать цѣлый рядъ пограничныхъ мелкихъ таможенъ въ большія, первоклассныя.

Таможенный міръ взволновался. Ожидались значительныя передвиженія и повышенія по службѣ; начались происки, хлопоты, поиски протекціи; наконецъ, директоръ департамента Тухолка подписалъ громадный списокъ назначеній, въ которомъ значился и я. Оставалось только подписать его министру, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что Тухолка уходитъ въ отставку и на его мѣсто назначается какой-то невѣдомый никому Беллюстинъ.

Грязные, облупленные корридоры департамента, вымощенные троттуарными известняковыми плитами кишѣли людомъ въ мундирахъ и въ черныхъ сюртукахъ; двери въ канцелярію и разныя отдѣленія были распахнуты; всюду ходили и шныряли озабоченные посѣтители.

Слухъ оказался вѣрнымъ: Беллюстинъ, бывшій раньше старшимъ юрисконсультомъ министерства финансовъ, всталъ во главѣ таможеннаго департамента. Что такое представлялъ изъ себя новый юпитеръ—никто не зналъ, но общее настроеніе къ Беллюстину было почему-то недоброжелательное. Скоро откуда-то появились извѣстія, что онъ „собака“ и даже бѣшеная и что будто бы Витте, „спуская его съ цѣпи“, далъ ему спеціальное приказаніе подтянуть распущенное Тухолкой вѣдомство. Толки, къ сожалѣнію, оказались необезоснователъными.

Первымъ дѣломъ его въ департаментѣ было уничтоженіе списка назначеній, подписаннаго Тухолкой. Оскорбительный но

отношенію къ предшественнику и вообще непринятый въ чиновничьемъ мірѣ поступокъ этотъ возбудилъ всеобщее негодованіе и переполохъ. Сотни людей ни за что, ни про что лишены были повышеній, а многіе и службы; иные въ ожиданіи мѣста прожились въ Петербургѣ совершенно, заказали уже себѣ формы—и вдругъ все оказалось выброшеннымъ за бортъ однимъ движеньемъ руки.

Высокаго роста, сухопарый, съ рыжей бородой и злыми, упорными глазами, Беллюстинъ сразу сдѣлался пугаломъ. Быть на пріемѣ у него—значило быть грубо оборваннымъ или еще грубѣе обруганнымъ; въ выраженіяхъ, этотъ дорвавшійся до власти колокольный дворянинъ, не стѣснялся.

Правитель канцеляріи его, имѣвшій одинаковый съ нимъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ запуганъ до того, что послѣ нѣсколькихъ докладовъ заболѣлъ и перестал являться на службу; съ докладами пришлось ходить столоначальникамъ и они пререкались, желая свалить одинъ на другого эту пріятную обязанность.

Какъ ни хотѣлъ таможенный юпитеръ заполнить весь списокъ вакансій лично своими кандидатами, таковыхъ у него не хватило, и большую часть пришлось пополнять опять таки тѣми же злополучными „тухолковцами“.

Втиснули въ этотъ многострадальный списокъ и меня, я, наконецъ, въ одинъ прекрасный день я узрѣлъ себя назначеннымъ помощникомъ пакгаузнаго надзирателя въ Кретингенскую таможню.

Изъ департамента усиленно совѣтовали не пользоваться поверстнымъ срокомъ и ѣхать скорѣй на мѣсто, такъ какъ работы ожидалась вездѣ гибель.

II.

Ѣхать приходилось сперва на Либаву и оттуда на лошадяхъ черезъ Полангенъ. Живописная, извивающаяся сперва по морскому берегу дорога отъ Либавы идетъ по сплошному бору, безъ перерыва и просвѣта разлегшемуся на девяносто верстъ до самаго Кретингена.

Полангенъ расположенъ у прусской границы; дорога изъ него сворачиваетъ влѣво отъ моря вдоль пограничной черты.

Отъ Полангена до Кретингена всего двѣнадцать верстъ, но мнѣ онѣ показались длиннѣе всего остального пути.

— Ну, вотъ и Кретингенъ; пріѣхали!—сказалъ, наконецъ, возница-еврей, указывая кнутомъ впередъ. Бричка осторожно стала спускаться съ крутой горы; впереди нѣсколько лѣвѣе подымалась другая громада, вся взъерошенная, черная съ чѣмъ то высокимъ, торчащимъ къ небу очевидно, колокольней.

Копыта коней застучали по деревянному мосту; подъ нимъ шумѣла и бурлила невидная рѣка; дорога стала подыматься въ гору. Кругомъ вставали черные, безмолвные дома; было уже поздно; городъ спалъ. Мы поднялись, наконецъ, на гору и очутились на площади; среди нея возвышалась церковь съ колокольней впереди.

Бричка подъѣхала къ какому-то двухъэтажному дому на площади; возница мой слѣзъ съ козелъ и принялся стучать въ дверь кулакомъ. Грохотъ разнесся по всей площади.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже сидѣлъ въ довольно чистенькомъ номерѣ гостиницы Каценеленбогена и наслаждался тепломъ — единственнымъ, что я могъ получить въ такой поздній часъ. Крѣпко заснулъ я въ ту ночь!

Яркіе солнечные лучи и базарный гомонъ разбудили меня.

Я вскочилъ и заглянулъ въ окно; прямо посреди площади бѣлѣла православная церковь; кругомъ нея, словно раки въ мѣшкѣ, шевелилась пестрая толпа; вездѣ виднѣлись возы и передвижныя лавочки; кричали люди, гуси, куры, визжали поросята,—словомъ, была обычная картина базара. Только участники его имѣли совсѣмъ необычный видъ: толпа сплошь состояла изъ бритолицыхъ, рослыхъ жмудиновъ въ ихъ оригинальныхъ короткихъ курткахъ изъ сѣраго и бѣлаго грубаго сукна; платья и головные уборы жмудинокъ тоже рѣзко отличались отъ русскихъ: среди нихъ шмыгали юркіе черноволосые евреи, торговались еврейки и только кое-гдѣ попадались глазу русскіе люди—кухарки и солдаты пограничной стражи.

Я надѣлъ форменный сюртукъ съ зелеными въ тѣ времена кантами, воткнулъ сбоку шпагу, употреблявшуюся обыкновенно потомъ для мѣшанія углей въ самоварной трубѣ, захватилъ въ карманъ документы и отправился знакомиться съ городомъ. Представляться управляющему было еще слишкомъ рано; въ моемъ распоряженіи имѣлось что-то около двухъ часовъ.

Таможня оказалась находящеюся на той же площади, наискосокъ отъ гостиницы: я узналъ ее по щиту съ гербомъ и надписью, приколоченному у подъѣзда. Таможня, какъ и единственная гостиница, занимала двухъэтажный каменный домъ, оконъ въ пять или шесть по фасаду; двухъэтажныхъ зданій болѣе въ городкѣ не было; остальные домики, кромѣ аптеки, были деревянные и только на площадь выходило нѣсколько каменныхъ.

Вымощены были, слава Богу, только площадь да спускъ къ рѣкѣ: по остальнымъ узкимъ и извилистымъ улочкамъ ходить и ѣздить можно было безопасно.

Неподалеку, на одной изъ улицъ виднѣлась высокая, прочная

стѣна изъ неотесанныхъ валуновъ; за нею вставало мрачное зданіе костела; старый фруктовый садъ окружалъ его съ трехъ сторонъ.

Городокъ или по оффиціальному—мѣстечко, кончался сейчасъ же за костеломъ; косая и изрытая улица превращалась за нимъ въ прекрасную широкую дорогу, обсаженную старыми развѣсистыми деревьями. Съ обѣихъ сторонъ ея, прячась за тѣнистыми аллеями, выглядывали одноэтажные деревянные домики. Скоро домики смѣнились лугами и лѣсами. Я спросилъ у перваго встрѣчнаго, куда ведетъ дорога и получилъ отвѣтъ, что къ замку графа Тышкевича. На графской землѣ расположено и все мѣстечко.

Замокъ уже глядѣлъ на меня своими зеркальными окнами; вьющіяся растенія и густая зелень подстриженныхъ деревьевъ закрывали его стѣны; я посмотрѣлъ сквозь высокую желѣзную рѣшетку на великолѣпно содержимый садъ, на „замокъ“, заслуживающій по внѣшнему виду названіе городского дома средней руки, и медленно пошелъ обратно.

Базаръ шумѣлъ и гудѣлъ попрежнему. Черный, какъ жукъ, досмотрщикъ, стоявшій около крыльца таможни. отдалъ мнѣ честь и сообщилъ, что управляющій „уже сошли-съ“ и что квартира его занимаетъ весь верхній этажъ, а таможня помѣщается въ нижнемъ.

Управляющій, И. И. Войцеховичъ, оказался высокимъ, представительнымъ мужчиной съ расчесанными на стороны бакенбардами и слегка воспаленными, насмѣшливыми сѣрыми глазами на выкатѣ; въ крупныхъ губахъ и носѣ его было что-то задорное; въ русыхъ волосахъ поблескивала просѣдь.

Я явился первымъ изъ вновь назначенныхъ, и онъ видимо обрадовался мнѣ; послѣ нѣсколькихъ обычныхъ фразъ высокаго штиля о томъ, что онъ надѣется, что мы не будемъ ссориться и будемъ служить „не за страхъ, а за совѣсть“, губернаторское выраженіе соскочило съ лица его и онъ пустился въ разнаго рода разспросы и разсказы, пересыпая ихъ остротами, причемъ похохатывалъ какимъ-то особымъ отрывистымъ и короткимъ смѣшкомъ. Впечатлѣніе онъ производилъ хорошее, видимо, онъ любилъ и умѣлъ широко пожить и кутнуть, о чемъ свидѣтельствовалъ и характерный „акцизный“ кашель его, бывающій, какъ извѣстно, только у мастеровъ по испивательной части.

Управляющій повелъ меня въ канцелярію и бухгалтерію и познакомилъ съ имѣвшимися на-лицо сослуживцами — канцелярскими чиновниками и еще не уѣхавшими къ новымъ мѣстамъ назначеній аборигенами. Послѣднихъ было двое: бывшій управляющій, полный и добродушный старикъ, котораго Беллюстинъ, въ награду за чуть ли не сорокалѣтнюю службу, не запросивъ даже о желаніи, перешвырнулъ черезъ всю Россію въ

одно изъ самыхъ дикихъ мѣстъ Закавказья — въ джульфинскую таможню. Старикъ, конечно, подалъ въ отставку и ожидалъ только пріѣзда кого-либо изъ новыхъ членовъ, чтобы покинуть почти родную ему Кретингенскую таможню; фамиліи его не помню. Помню за то хорошо все касающееся сослуживца его, бывшаго члена Дирина. Маленькаго роста, сухой, съ сѣдой, короткой щетиной волосъ на головѣ, съ бритымъ лицомъ, изъ котораго угрюмо и подозрительно выглядывали глубоко впалые безцвѣтные глаза,—онъ показался мнѣ засушеннымъ типомъ еще чичиковской эпохи. Почтенное сходство это увеличивалось еще тѣмъ, что членъ Диринъ являлся на службу въ форменномъ темно-зеленомъ длинномъ сюртукѣ съ зелеными кантами, а изъ-подъ него, обнажая рыжіе каблуки и часть голенищъ сапогъ, глядѣли свѣтло-сѣрые, клѣтчатые, какъ у Аркашки Несчастливцева, короткіе брючки.

Каждая изъ четырехъ довольно помѣстительныхъ комнатъ таможни носила громкія названія; первая, самая отдаленная, въ которой стоялъ длинный, покрытый краснымъ сукномъ столъ съ зерцаломъ на немъ и секретарскимъ мѣстомъ въ углу у окна, именовалась присутствіемъ. Вторая носила названіе канцеляріи; въ ней сидѣло два канцеляриста: подслѣповатый старикъ въ очкахъ, бывшій судебный приставъ, изъ пострадавшихъ за что-то не особо похвальное и нѣкто Петрелевичъ—огромный и нескладный, скроенный по медвѣжьему подобію человѣкъ съ неимовѣрно курчавою и пушистою шевелюрой; у него была манера вытягивать изъ-подъ стола ноги и онѣ достигали чуть не до середины комнаты. Временно онъ исполнялъ обязанности секретаря и Войцеховичъ рекомендовалъ его, какъ знатока въ дѣлахъ. Яркій галстукъ и хотя потертый, но приличный сравнительно съ обмызганными пиджаками остальныхъ, сюртукъ его свидѣтельствовали, что владѣлецъ ихъ знаетъ себѣ цѣну и заботится о своей наружности. Третья комната, самая большая, звалась бухгалтеріей.

Средину ея занималъ громадный обитый клеенкой столъ, по концамъ котораго сидѣли двое чиновниковъ—плотный и полный крѣпышъ съ простоватымъ, добродушно-круглымъ лицомъ и удивительными рыжеватыми усами, каждый волосокъ которыхъ топырился въ сторону отъ сосѣда; волосы его вообще находились въ полномъ разладѣ между собою и потому голова его представляла какую то дикую кучу темныхъ вихровъ.

Противъ него сидѣлъ худощавый, весьма подвижной брюнетъ, развеселаго нрава, такъ какъ поминутно двигался, улыбался и открывалъ ротъ, наполненный черными остатками когда-то его украшавшихъ зубовъ.

— Два Михаила!—возгласилъ Войцеховичъ, знакомя меня съ чиновниками. Вихрастый оказался татариномъ, другой—бывшимъ фельдшеромъ; величали ихъ русскимъ и татарскимъ Мишами.

Предсѣдательское мѣсто за столомъ пустовало: на немъ долженъ былъ возсѣдать еще не пріѣхавшій бухгалтеръ.

Слѣдующая, послѣдняя комната, вѣрнѣе—большая передняя, предназначалась для нашего пребыванія и величалась пакгаузною конторою.

Вездѣ на столахъ высились горы книгъ всякихъ форматовъ, начиная чуть не съ саженнаго, въ раскрытомъ, конечно, видѣ.

Дѣла очевидно, предстояла, кипень.

III.

Отыскать квартиру въ крохотномъ мѣстечкѣ куда труднѣе, чѣмъ въ большомъ городѣ; тщетныя блужданія мои по кривымъ и изрытымъ улочкамъ въ поискахъ билетиковъ на окнахъ привлекли къ себѣ вниманіе зоркихъ евреевъ; одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и взялся указать то, что мнѣ требовалось.

Мы миновали таможню и спустились подъ гору; у самаго моста, съ лѣвой стороны дороги, подъ густыми деревьями ютился одноэтажный деревянный домикъ.

Хозяинъ его, согнутый временемъ худощавый старичокъ, нѣмецъ, умилившійся, должно быть, чѣмъ-то еще при рожденіи и такъ и оставшійся на всю жизнь съ такимъ выраженіемъ на бритомъ личикѣ и въ голубыхъ глазахъ,—согласился отдать мнѣ на лѣто половину домика: на зиму квартира была имъ сдана другому.

Къ вечеру я водворился на новосельѣ.

Хозяинъ проявилъ ко мнѣ трогательную заботливость: мебель моя, отправленная изъ Петербурга, еще не прибыла, и потому онъ и обѣ дочери его явились ко мнѣ со столомъ и стульями, затѣмъ и съ кроватью. Старикъ познакомилъ меня со своими дочками:

— Минахенъ... Линахенъ...

Когда онъ произносилъ эти имена, слабый голосъ его дѣлался окончательно сладкимъ, сѣдая голова свисала совсѣмъ на грудь и отъ глазъ оставались однѣ щелки.

Непрерывный шумъ отъ паденья воды слышался даже въ комнатахъ; подъ высокимъ деревяннымъ мостомъ бѣжала, пѣнясь и прыгая съ каменныхъ пороговъ, небольшая, но быстрая въ томъ мѣстѣ рѣка.

Слѣдующій день я посвятилъ распаковкѣ прибывшей, наконецъ, своей клади и затѣмъ осмотру костела и сада Тышкевичей.

Огромный и древній монастырь Бернардиновъ былъ упраздненъ послѣ возстанія и служилъ мѣстомъ ссылки опальныхъ ксендзовъ. Послѣднихъ вмѣстѣ съ настоятелемъ было всего семь человѣкъ.

Костелъ произвелъ на меня мрачное впечатлѣніе; почернѣлыя,

грубо раскрашенныя и еще грубѣе сдѣланныя рѣзанныя изъ дерева статуи Христа и святыхъ въ изувѣрско-восторженныхъ позахъ переносили свѣжаго человѣка какъ бы въ какое-то капище доисторическихъ временъ.

Самая интересная часть костела—подземелья, входъ въ которыя устроенъ подъ алтаремъ: тамъ въ открытыхъ гробахъ, въ цвѣтныхъ кунтушахъ и платьяхъ лежатъ умершіе много свыше ста лѣтъ польскіе паны; благодаря почвѣ, многіе сохранились превосходно; тамъ же у стѣнъ стоятъ ряды мертвыхъ монаховъ, въ надвинутыхъ на лица капюшонахъ: ихъ хоронили, прислонивъ къ стѣнѣ.

Два раза въ годъ подземелье открывается и въ него спускается процессія съ зажженными свѣчами и съ пѣніемъ; ксендзъ служитъ короткую службу, затѣмъ входъ закрывается и мертвые опять остаются среди тишины и мрака.

Новыхъ покойниковъ подъ костеломъ давно уже не хоронятъ. Неподалеку отъ костела, въ особомъ кирпичномъ зданіи, спятъ вѣчнымъ сномъ графы Тышкевичи.

Однажды проходя по одной изъ пустынныхъ улицъ, я вдругъ услыхалъ говоръ толпы: справа, за низкимъ заборомъ во дворѣ около какого-то домика тѣснилась кучка евреевъ—человѣкъ въ тридцать. Противъ нея на крыльцѣ стоялъ за деревяннымъ столомъ нашъ членъ Диринъ съ молоткомъ въ рукахъ; форменный сюртукъ и сѣрые въ клѣтку брючки облекали его. Дворъ около дома былъ уставленъ стульями, шкапами и всякою мебельною калѣчью.

— Штиблеты!—провозглашалъ въ эту минуту Диринъ, высоко подымая въ рукѣ пару ботинокъ, поданныхъ ему изъ двери какою-то растрепанною и толстою босоногою бабою.

— Оцѣнка рубль. Кто больше?

Штиблеты пошли по рукамъ; покупатели щупали ихъ, оглядывали и качали головами; кто-то посмотрѣлъ ихъ даже на свѣтъ—очевидно, онѣ были съ дырками.

Я былъ такъ пораженъ диковиннымъ аукціономъ, производившимся чуть не на улицѣ,—что остановился и сталъ наблюдать за происходившимъ.

— Восемьдесятъ копеекъ!—раздался, наконецъ, изъ толпы голосъ.

— Одинъ рубль восемьдесятъ копеекъ!—возгласилъ Диринъ.

Въ толпѣ протестующе вскрикнули.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ членъ! Я всего даю восемьдесятъ копеекъ; вещь совсѣмъ старая!

— Дуракъ! Ниже оцѣнки нельзя давать!—назидательно заявилъ импровизированный аукціонистъ.—Рубль. Кто больше?

— И пять копеекъ!—со вздохомъ, вполголоса проговорилъ кто-то. Только для васъ, ей-Богу беру, г. Диринъ!

Молотокъ стукнулъ. Изъ дверей появилась новая вещь: длинное

простѣночное зеркало изъ разряда тѣхъ, что вмѣсто одного лица показываютъ четыре.

— Зеркало!—возгласилъ Дирингъ.—Оцѣнка—пять рублей.

Евреи всколыхнулись: оцѣнка, очевидно, показалась имъ низкой и пятачковыя надбавки пошли сыпаться одна за другою. Въ какія нибудь двѣ минуты цѣну догнали до семи рублей и торгъ разомъ прекратится.

— Семь рублей! — сказалъ Дирингъ. — Первый разъ семь рублей!

Никто не прибавлялъ.

— Второй разъ семь рублей!

Дирингъ обвелъ всѣхъ злыми глазами.

— Что же никто не прибавитъ? За десять рублей отдамъ!

Всѣ молчали.

— Марфа!—закричалъ Дирингъ.—Неси зеркало назадъ, оно за мной остается!

Въ толпѣ слабо запротестовали, но фамильная драгоцѣнность вмѣстѣ съ обхватившей его дюжей толстухой уже скрывалась въ дверяхъ.

Дирингъ потыкалъ по направленію протеста кукишемъ и сталъ продолжать аукціонъ.

— Ликвидируетъ свои дѣла старая таможня... какова-то будетъ новая?—думалось мнѣ на дальнѣйшемъ пути.

IV.

Кретингенъ расположенъ въ одной или въ полутора верстахъ отъ границы; на ней былъ устроенъ такъ называемый переходный пунктъ, находившійся въ вѣдѣніи особаго таможеннаго чиновника—надзирателя. Около полосатаго шлагбаума помѣщался каменный домикъ, служившій квартирою для надзирателя и человѣкъ двухъ или трехъ досмотрщиковъ; противъ него красовался офицерскій кордонъ пограничной стражи.

За шлагбаумомъ начиналась прусская земля и на ней небольшая станція Байоренъ; въ лѣтнее время мы, кретингенцы, ходили туда гулять и выпить чудеснаго пива.

Надзиратели переходныхъ пунктовъ—самая мелкая и по содержанію и по должности сошка въ таможенномъ мірѣ, но живутъ они вообще не хуже управляющихъ первоклассными таможнями. Въ этомъ я убѣдился лишній разъ вечеромъ въ тотъ же день. Гуляя, я попался навстрѣчу управляющему и онъ, обрадовавшись, забралъ меня подъ руку и повелъ съ собою „обревизовать“ и „нагнать“ страху,—какъ онъ выразился, захохотавъ,—на переходный пунктъ.

Ревизія, вѣрнѣе лихой гусарскій обзоръ досмотрщиковъ, превратившихся въ пни съ руками у козырьковъ и затѣмъ орлиный

взглядъ на фасадъ домика и выскочившаго чиновника, закончилась чаепитіемъ у послѣдняго.

Чего только не появилось вдругъ на столѣ у бѣднаго чиновника, получавшаго всего 50 руб. въ мѣсяцъ! И омары, и вестфальская ветчина, и сардины. А по части питій—ассортиментъ винъ.

Иванъ Иванонччъ велъ себя орломъ и генераломъ, но иногда не выдерживалъ тона, точно ему становилось смѣшно, что онъ, еще вчерашній чиновникъ для порученій, вдругъ выскочилъ фуксомъ въ управляющіе, тогда какъ высшая мечта ихъ—мѣсто члена. Онъ вдругъ превращался въ развеселаго собутыльника, похохатывалъ, чокался, пилъ, затѣмъ, спохватившись, расправлялъ бакенбарды и опять начиналъ глядѣть свысока.

Было уже темно и поздно, когда мы, обревизовавъ бутылки и нагнавъ страха на сардины, отправились на ожидавшемъ насъ возницѣ въ обратный путь.

Звѣздное небо настроило Ивана Ивановича идиллически.

— Свиньища!—лаконически заявилъ онъ, когда мы отъѣхали немного отъ провожавшаго насъ гостепріимнаго хозяина и мотнулъ головой въ его сторону:—Все вѣдь у него заграничное!

— Да какъ же ему иначе быть?—возразилъ я:—Здѣсь достать ничего нельзя, или если есть, то все втридорога и далеко притомъ, а тамъ только за рогатку шагни—все есть. Мелочи—не злоупотребленіе.

— Конечно...—согласился управляющій, хохотнулъ и замолчалъ, видимо чѣмъ-то развеселившись.

Ревизій, подобныхъ описанной, много производится на Руси. Поручаются онѣ обыкновенно чиновниками для порученій, 99% которыхъ никогда не несла службы въ таможняхъ, а всегда состояла гдѣ-нибудь и чѣмъ-нибудь при канцеляріяхъ начальниковъ округовъ. Пріѣзжаетъ такой ревизоръ въ таможню, какъ въ дремучій лѣсъ, и не знаетъ не только главнаго—досмотровой части, но и ни бухгалтерской, ни пакгаузной. Вся его ревизія сводится къ пустякамъ и къ провѣркѣ книгъ, въ которыхъ могутъ отыскаться только описки, да къ замѣчанію о томъ, что чиновникъ ѣстъ не по чину много омаровъ; настоящія злоупотребленія всплываютъ случайно, исключительно только по доносамъ.

О мошенничествахъ на границахъ слыхали всѣ; разскажу поэтому, какъ сколачивали тамъ деньгу „честнымъ" путемъ.

Время не пришло еще называть именъ и мѣстностей; скажу только, что недавно еще выдались подрядъ два такихъ года, что скромные надзиратели переходныхъ пунктовъ наживали капиталы по 40 и 60.000 р. И злоупотребленій въ смыслѣ пропуска контрабанды— Боже сохрани! не дѣлали. Наживали „честно".

Въ эти года шла усиленная эмиграція евреевъ въ Аргентину. За границей, въ Германіи, существовалъ рядъ агентствъ, занимавшихся экспортомъ этого живого товара за океанъ. Среди

евреевъ царила переселенческая лихорадка; выѣздъ между тѣмъ изъ Россіи являлся для полунищихъ людей не по силамъ: только за одинъ паспортъ, предъявлявшійся на переходныхъ пунктахъ таможенному чиновнику (онъ же ставилъ и штемпеля и велъ учетъ ихъ; жандарметіи у насъ въ Кретингенѣ не было), приходилось платить 10 р. 50 к.

Агентства пришли на помощь. Они переговорили съ надзирателями и когда къ рогаткѣ подъѣзжалъ длинный транспортъ подводъ, нагруженныхъ евреями и ихъ бебехами, чиновникъ обходилъ возы и каждый переселенецъ протягивалъ ему, какъ полагается, документы. Чиновникъ уходилъ въ контору, считалъ ихъ, пересчитывалъ уѣзжавшихъ, шлагбаумъ поднимался, исчезалъ и транспортъ, а съ нимъ и концы въ воду.

Вмѣсто паспортовъ евреи подавали чиновнику квитанціи на полученіе изъ агентства по рублю съ человѣка. Операціи эти производились на дорогѣ, на глазахъ прохожихъ и потому подавать прямо деньги было бы неудобно.

Такимъ образомъ за два года только черезъ одинъ пунктъ ушло свыше 40.000 человѣкъ. Обратно возвращавшихся въ Россію пускали неохотно: еврея могли задержать, онъ могъ выдать,— словомъ, могла разгорѣться исторія. Поэтому съ такихъ брали по сто рублей и выше, по глазомѣру чиновника.

Одного такого надзирателя я зналъ лично; онъ былъ большой патріотъ на масштабѣ теперешняго союза русскаго народа и не только не скрывалъ отъ пріятелей своей дѣятельности, но даже хвалился ею.

— Отъ 40.000 жидовъ Россію избавилъ!—гордо говаривалъ онъ, ударяя себя въ грудь.—Если бы не я, и четыре сотни не смогли бы переселиться! Это заслуга-съ! Орденъ мнѣ за это дать слѣдовало бы!

Заслуженный надзиратель былъ, по его словамъ, „не жаденъ“. Поэтому, заработавъ 50.000 р., онъ благополучно ушелъ въ отставку и, если живъ, то благоденствуетъ и теперь въ качествѣ помѣщика не то Кіевской, не то Волынской губерніи.

На другой день, спросивъ разрѣшенія Ивана Ивановича, я отправился въ Мемель для закупки кое-какихъ необходимыхъ мелочей, достать которыхъ въ Кретингенѣ было невозможно.

На германскую землю я вступалъ впервые и потому съ любопытствомъ смотрѣлъ на узенькую канавку съ валомъ, изображающую границу, на прусскіе столбы съ бѣло-красно-черными полосами и черными одноглавыми орлами; окружавшіе люди носили не только чуждую форму, но и какой-то иной отпечатокъ во всемъ; особенно поразилъ меня раскормленный на сало жандармъ въ черной каскѣ, короткой курткѣ и съ купой сабелькой сбоку. Это было воплощенное самодовольствіе и самоувѣренность, однако же, безъ россійскаго холуйства, не-

неббжно присущаго у насъ всѣмъ носителямъ такихъ физіономій.

Кстати сказать, пограничной стражи, стоющей Россіи милліонныхъ расходовъ, у нѣмцевъ не было, да и, вѣроятно, нѣтъ и по сіе время: кордоны, отряды солдатъ, офицеровъ, штабы ихъ, генераловъ—все замѣнялъ этотъ единственный на нѣсколько верстъ жандармъ, смахивавшій на игрушечнаго толстяка-солдатика съ жестяной сабелькой у бедра.

Нѣмецъ знаетъ, гдѣ растетъ бесмыслица, поэтому прежде, чѣмъ заводить у себя дорогую стражу, онъ заглянулъ въ Россійскіе уставы и увидалъ, что великая попечительница о чужихъ интересахъ, матушка Россія,-сама взяла оберегать его отъ ввоза контрабанды.

Иными словами, наши пограничные чины обязаны ловить не только прибывающую къ намъ контрабанду, но и уходящую отъ насъ, хотя, вывозимые товары, никакой пошлинѣ и не подлежатъ у насъ.

Прусскіе жандармы поэтому только изрѣдка показываются у границы съ руками въ карманахъ и съ сигарой въ зубахъ; обязанностью своею они, между прочимъ, считаютъ сообщенія контрабандистамъ о мѣстѣ нахожденія то мокнущихъ, то мерзнущихъ въ кустахъ и буеракахъ русскихъ солдатъ.

Да... какъ не вспомнить слова Островскаго: „Благородства у насъ пропасть, а смысла никакого!“

Мемель — большой и благоустроенный городъ; я осмотрѣлъ его, закупилъ все, что было необходимо и возвратился въ Кретингенъ.

Какъ курьезъ, отмѣчу существованіе грозныхъ циркуляровъ, главнымъ образомъ Беллюстинскаго производства, строжайше запрещающихъ таможеннымъ служащимъ покупку за-границей что бы то ни было. Писать ихъ легко, а выполнить слѣдовало бы сперва заставить самихъ гг. директора и вице-директоровъ.

Что, спрашивается, дѣлать чиновнику, получающему 50—80 р. жалованья и попавшему хотя бы въ такое захолустье, какъ Кретингенъ? Такихъ мѣстъ у насъ сколько хотите и еще два,—какъ говоритъ мой пріятель.

До Либавы—ближайшаго русскаго города, гдѣ можно купить болѣе или менѣе все—девяносто верстъ на лошадяхъ. Понадобилась, скажемъ, коляска для новорожденнаго ребенка. Ѣхать за нею въ Либаву или же выписать ее изъ Мемеля легальнымъ путемъ рѣшительно не по карману: за границей коляска стоитъ 4 или 5 р., а пошлина на нее 15 рублей.

Мудрый Эдипъ, разрѣши, какъ быть? Итти къ управляющему просить разрѣшенія, подвести его подъ нагоняй—неловко и безцѣльно. Рѣшеніе задачи подсказала жизнь: чиновникъ, обязанный бороться съ контрабандой, покупаетъ злополучную коляску все-

таки за-границей и сдаетъ ее контрабандистамъ. Коляска безъ всякихъ просьбъ и хлопотъ доставляется на домъ рубля за два.

Нѣмецъ, очевидно, подсмотрѣлъ и эти „секретные", разумѣется, циркуляры. Въ Мемелѣ и другихъ городахъ для облегченія русскихъ обывателей открыто существовали съ вывѣсками, какъ слѣдуетъ быть, конторы для провоза контрабанды. Нуждающійся въ ея услугахъ являлся туда, отдавалъ свою вещь, тамъ записывали его адресъ, выдавали ему на руки приблизительную стоимость сданнаго, за вычетомъ стоимости проноса, и онъ возвращался изъ-за границы по циркуляру невиннымъ агнцемъ съ пустыми руками. А на другой или на третій вечеръ раздавался легкій стукъ въ его окно или дверь, появлялся еврей и вручалъ ему покупки.

Про коляску я упомянулъ не даромъ: нѣсколько штукъ ихъ было водворено такимъ путемъ и въ Кретингенъ, причемъ сперва обыкновенно доставлялись снятыя колеса, а затѣмъ и остальныя части.

V.

Черезъ три дня, ровно въ 9 ч. утра, я уже входилъ въ таможню. Служба моя въ Кретингенѣ началась.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, была прямая, статная фигура вновь прибывшаго бухгалтера, возвышавшаяся между двумя Мишами, усиленно строчившими что-то въ своихъ книжицахъ; и усердіе вихрастаго Миши доходило до того, что онъ водилъ по бумагѣ не только перомъ, но и правымъ усомъ. Въ глазахъ черняго мелькала лукавая усмѣшка; онъ подмигнулъ мнѣ на своего vis-a-vis и, какъ бы боясь прыснуть, уткнулся опять въ свою книгу.

Я познакомился съ новымъ товарищемъ; звали его Артуромъ Павловичемъ. Онъ былъ уже сильно пожилой человѣкъ, сухощавый, съ выбритымъ кромѣ усовъ лицомъ; ловко зачесанные, видимо крашенные темные волосы закрывали лысину. Визитка, галстукъ, запонки въ рукавахъ — все на немъ было безукоризненно. Меня поразила его необычайная выправка; я заподозрилъ, что онъ въ корсетѣ, но управляющій сразу объяснилъ мнѣ суть.

— Балетмейстеръ!—вполголоса сказалъ онъ, хохотнувъ и указывая глазами на виднѣвшагося вдали бухгалтера. — Каково-то онъ здѣсь танцовать будетъ?

Другое новое лицо, съ которымъ я познакомился, было мѣстное акцизное начальство — Михаилъ Михайловичъ Клокачевъ, вскорѣ прозванный всею таможнею Дядей Мишей.

Всѣ соки его длиннаго и тощаго, какъ жердь, тѣла, уходили, очевидно, на питаніе бороды; узкая, какъ онъ самъ, она свисала у него до пояса; на волосяной заросли на лицѣ его буграми выступали усы и брови; изъ-подъ послѣднихъ бойко выглядывали малень-

кіе, маленькіе сѣрые глазки. Говорилъ Клокачевъ горловымъ, рѣзкимъ теноромъ. Знакомство съ нимъ открыло для меня новость— существованіе корчемной стражи, начальникомъ которой являлся онъ же.

Россійская граница оберегается такимъ образомъ тремя линіями: первая линія — пограничная стража, — вторая линія — она же, и наконецъ, линія корчемной стражи. Все это дѣйствуетъ въ сорокаверстной полосѣ отъ границы, стоитъ безумныхъ денегъ, а контрабанды—вездѣ хоть Терекъ запруживай. Ниже я объясню, отчего это было такъ и будетъ до конца концовъ.

Корчемная стража предназначена главнымъ образомъ для ловли германскаго спирта и водки; гонится и то и другое изъ картофеля и обладаетъ отвратительнымъ запахомъ. Тѣмъ не менѣе вся Жмудь обожаетъ его и, не обращая вниманія на три линіи стражъ и циркуляры, пьетъ только нѣмецкое вино.

Въ ожиданіи дѣла я побродилъ по комнатамъ, поговорилъ со всѣми и, узнавъ, что пакгаузъ отпертъ, отправился заглянуть въ него.

Ворота въ деревянный сарай, именовавшійся пакгаузомъ, были отворены настежь; на одной изъ балокъ въ немъ висѣли коромысловые вѣсы и тутъ же черною линіею стояли гири; около одной изъ стѣнъ возвышалась кучка сырого камыша, у другой лежало воза два желѣзныхъ полосъ.

Съ недоумѣніемъ обвелъ я глазами таможенное святилище.

— Гдѣ же еще товары? — спросилъ я старшаго досмотрщика, подслѣповатаго старика Лакизу, неужто все здѣсь?!

— Никакъ нѣтъ! — отвѣтилъ Лакиза, извольте посмотрѣть, еще на дворѣ товаръ есть...

На дворѣ стояло восемь бочекъ съ селедками...

Я возвратился въ таможню; первый день службы прошелъ въ занятіяхъ разговорами и шатаньи отъ одного стола къ другому.

На другой день я и бывшій управляющій досмотрѣли описанные товары, на что съ „очисткою объявленія", т. е. съ написаніемъ документовъ ушло ровно четверть часа.

Въ пакгаузѣ мнѣ „представились" два еврея экспедитора: одинъ веселый, румяный толстякъ съ сѣдиною въ кудряхъ и другой маленькій, угрюмый, съ очками на носу, сквозь стекла которыхъ черные глаза его казались страшными и неимовѣрной величины. Положеніе мѣстныхъ дѣлъ должно было быть извѣстно имъ лучше, чѣмъ кому бы то ни было и я принялся разспрашивать ихъ о видахъ на будущее: ожидается ли наплывъ товаровъ, оживится ли торговля въ Кретингенѣ и т. д.

Толстякъ лукаво посмѣивался; черный, поджавъ губы, отрицательно качнулъ головою.

— Ничего не будетъ! — увѣренно отвѣтилъ онъ. — И что можетъ здѣсь быть? Сперва надо было увеличить во сто разъ го-

родъ и тогда увеличивать таможню. И какой, извините, дуракъ будетъ посылать черезъ насъ товары въ Россію, когда 90 верстъ на лошадяхъ ихъ везти надо? Изъ того же Мемеля въ Либаву все въ десять разъ скорѣе и дешевле моремъ довезти можно!

— Знаете, что я вамъ скажу?—заявилъ толстякъ, любившій выражаться афоризмами:—русскій министръ финансовъ—умный человѣкъ, а нѣмецкій министръ—о го-го-го!—еще умнѣе его.

Слова евреевъ, къ сожалѣнію, оказались пророческими: передѣлка таможенъ изъ дешевыхъ въ дорогія дѣятельности въ нихъ не увеличила.

Другого рода „работа" пакгаузныхъ чиновниковъ въ Кретингенѣ заключалась въ слѣдующемъ: дежурный, въ базарные дни, долженъ былъ выдавать являвшимся изъ-за границы покупщикамъ съѣстныхъ припасовъ особые билетики, въ которыхъ прописывались фамиліи ихъ и купленные ими предметы. Билетики эти предъявлялись затѣмъ чиновнику на нашей рогаткѣ, и тотъ отбиралъ ихъ. Ни пошлины, ни какихъ-либо особыхъ сборовъ за эту процедуру не взималось.

Для чего было нужно писать такіе паспорта — курамъ, поросятамъ и яйцамъ, уносившимися съ базара нѣмцами — этого и Ты, Господи, не вѣси!

Присутствіе кончалось въ 4 ч., и таможня пустѣла; дежурный оставался до 6 ч. и отправлялся затѣмъ домой, сообщая, гдѣ слѣдуетъ искать его въ случаѣ надобности. А надобность заключалась въ томъ, что весьма нерѣдка случались появленія изъ-за границы одиночныхъ проѣзжихъ, сдуру ѣхавшихъ на Полангенъ черезъ Кретингенъ; тогда дежурный долженъ былъ отмѣтить ихъ паспорта и досмотрѣть вещи.

Такова была и такова, очевидно, и по сіе время фактическая „работа" въ Кретингенѣ, а между тѣмъ канцлеры писали безъ конца цѣлые дни и бумаги „исходили" и „входили" цѣлыми ворохами.

Иванъ Ивановичъ былъ этимъ чрезвычайно доволенъ; досмотровой части онъ не зналъ и не интересовался ею да и нечѣмъ было, а способъ плодленья бумагъ и втиранія ими очковъ начальству вѣдалъ въ совершенствѣ.

Скоро стали подъѣзжать и остальные сослуживцы.

Явились два новые члена: Григорій Ильичъ Шапошниковъ, изъ помощниковъ пакгаузнаго надзирателя московской таможни и Михаилъ Ѳедоровичъ Ковеневъ съ острова Даго. Первый былъ черный, сухощавый брюнетъ восточнаго типа, второй—полный, румяный блондинъ съ веселыми голубыми глазами. Оба были молоды и оба оказались милѣйшими людьми. Ковеневъ обладалъ красивымъ теноромъ и страстной любовью къ пѣнію; Шапошниковъ былъ позамкнутѣе и производилъ впечатлѣніе болѣе выдержаннаго и испытавшаго въ жизни человѣка, чѣмъ его молодой товарищъ.

Пріѣхалъ пакгаузный надзиратель — Григорій Федоровичъ Надеждинъ—маленькаго роста и угрюмаго вида человѣкъ съ упорно глядѣвшими тускло-черными глазами; растительность не велась на землистомъ лицѣ его, и только узенькая полоска темныхъ усиковъ оттѣняла его верхнюю тонкую губу. Говорить онъ старался глухимъ басомъ и тоже оказался ярымъ пѣвцомъ и любителемъ музыки.

Первое впечатлѣніе отъ него было непріятное; въ немъ чудилось что-то упрямое и настойчивое; потомъ оказалось, что Григорій Федоровичъ принадлежалъ къ породѣ ежей, при встрѣчѣ съ незнакомыми людьми прежде всего выставляющими щетину; человѣкъ и товарищъ онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходнѣйшій,

Вслѣдъ за нимъ прибылъ мой непосредственный коллега—курчавый толстякъ Рахманиновъ, съ бритымъ круглымъ лицомъ. крупными красными губами и нѣсколько выпученными сѣрыми глазами; онъ показался мнѣ страннымъ: онъ какъ-то избѣгалъ смотрѣть въ глаза говорившему съ нимъ и вообще видимо уклонялся отъ людей.

Наконецъ—о, верхъ юмористики!—появился и послѣдній членъ нашего кружка—экспертъ-механикъ Генрихъ Антоновичъ Кеневичъ, красивый молодой брюнетъ изъ рижской таможни со значкомъ технологическаго института.

Въ таможнѣ рѣшительно было нечего дѣлать и одному человѣку, между тѣмъ, насъ, досмотровыхъ чиновниковъ, или „гвардія“, по выраженію Войцеховича, по штату полагалось и пріѣхало шестеро съ тысячными окладами.

Отъ основанія Кретингена черезъ него не прошло изъ-за границы ни одной машины; начальство, тѣмъ не менѣе, приказало тамъ „быть“ эксперту-механику и надо было выдумать для него хоть подобіе дѣла. Войцеховичъ не безъ остроумія выискалъ нѣкоторое родство съ машинами у желѣзныхъ полосъ и листовъ и досмотръ ихъ поручилъ Кеневичу. Прибывало ихъ, круглымъ числомъ, эдакъ пудовъ тридцать въ лучшую недѣлю, и времени Кеневичъ затрачивалъ на нихъ, включая бесѣды съ экспедиторами, максимумъ полчаса въ тотъ же срокъ.

Досмотръ камыша и селедокъ отошелъ къ намъ съ Рахманиновымъ.

Старый таможенный составъ распростился съ нами и уѣхалъ.

Оглядѣлся и обжился я въ новой таможнѣ; все было хорошо; народъ подобрался безусловно честный и симпатичный; одного только не хватало всѣмъ—дѣла.

VI.

Какъ водится, обмѣнялись мы всѣ визитами; побывалъ я и у Клокачева, и у офицеровъ пограничной стражи, и у мѣстнаго

полицейскаго чиновника—маленькаго, юнаго, но пребойкаго и прожженнаго человѣчка, щеголявшаго почему-то въ шпорахъ и кавалерійскихъ рейтузахъ и очень смахивавшаго на задорнаго щенка изъ фоксъ-терьеровъ. Вѣроятно, будучи въ Петербургѣ, ему довелось поглядѣть на государя и летящаго впереди градоначальника или полицеймейстера на парѣ съ пристяжной на отлетѣ, привставшаго на подножкѣ коляски и повелительно указывающаго рукою. Фигура эта, должно быть, произвела на него умопомрачительное впечатлѣніе, и онъ на всю жизнь задался цѣлью изображать изъ себя нѣчто подобное.

Можно себѣ представить, что при его размѣрахъ изъ этого выходило!

Подъ прозвищемъ градоначальника онъ и прослылъ у насъ; насмѣшки онъ не раскусилъ и даже гордился имъ.

Во всемъ остальномъ онъ былъ, что называется, соколомъ: на руку скоръ и на руку нечистъ.

Этимъ визитомъ да изрѣдка встрѣчами на улицахъ знакомство мое съ нимъ да и всѣхъ нашихъ и ограничилось.

Одна изъ такихъ встрѣчъ любопытна. Улица, на которой находилось управленіе и квартира „градоначальника", была самая пустынная; домишки виднѣлись на ней кое-гдѣ, большую часть занимали сады да заборы. Шелъ я по ней какъ-то подъ вечеръ и вдругъ услыхалъ звукъ глухихъ ударовъ и увидѣлъ „градоначальника" и какого-то рослаго жмудина; жмудинъ оглянулся, замѣтилъ меня и юркнулъ въ ворота, а „градоначальникъ", словно съ подломленными ногами, повалился на лавочку у воротъ и безжизненно свѣсилъ руки и голову.

— „Напали на него!"—мелькнуло у меня въ головѣ, и я поспѣшилъ къ раненому, какъ мнѣ показалось, „градоначальнику"; онъ былъ блѣденъ, на лбу его каплями стоялъ потъ.

— Что съ вами?

— Дурно мнѣ...—едва выговорилъ онъ. — Билъ я очень... этого... мерзавца...

Я постучалъ въ дверь—до звонковъ въ Кретингенѣ еще не додумались—и, сдавъ переутомившагося отъ исполненія служебныхъ обязанностей „градоначальника" на попеченіе супруги и свояченицъ, поспѣшилъ удалиться.

Офицерство интереснаго изъ себя не представляло: въ Кретингенѣ ихъ жило что-то четверо или пятеро; всѣ они были женаты, всѣ люди болѣе или менѣе пожилые и до того погруженные въ тайны открытаго винта, что, казалось, съ недоумѣніемъ слушали самую обыкновенную человѣческую рѣчь, не относящуюся до пикъ или до трефъ.

Изъ офицеровъ, жившихъ на кордонахъ въ окрестностяхъ мѣстечка, выдавались двое—ротмистръ Лазо, громада и весельчакъ.

балагуръ, и еще другой длинный, какъ вставшая на хвостъ минога, поручикъ.

Послѣдній нрава былъ молчаливаго, но достаточно ему было сѣсть около кого бы то ни было, какъ онъ тотчасъ же угрюмо наклонялся къ уху сосѣда, понижалъ голосъ и шопотомъ начиналъ врать что-либо такое неимовѣрное, отчего у малознающаго его слушателя отъ удивленія вылѣзали глаза на лобъ.

Заглянулъ я и въ монастырь къ ссыльнымъ ксендзамъ; вообще всѣ ксендзы—умные и воспитанные люди, но мѣстный настоятель, глубокій старикъ, теперь давно уже умершій, произвелъ на меня и умомъ и видомъ сильное впечатлѣніе. Фамилію его я забылъ, но разсказы о немъ мѣстныхъ жителей, полные уваженія, помню. Любопытнѣе всего то, что старикъ этотъ состоялъ въ Вильнѣ при Муравьевѣ, помогалъ всячески повстанцамъ и не только не попалъ подъ всевидящее око грознаго генерала, но даже еще получилъ орденъ. Все это было и быльемъ поросло; я видѣлъ въ немъ только обломокъ дѣдовскихъ временъ и съ любопытствомъ и вниманіемъ слушалъ его разсказы, довольно скупые, но полные ума и тонкой наблюдательности.

Келья его находилась въ нижнемъ этажѣ древняго зданія и окнами смотрѣла во дворъ; выйдя отъ настоятеля или по мѣстному, гвардіана, я разспросилъ у стараго привратника, гдѣ живутъ другіе невольные монахи и по широкой каменной лѣстницѣ поднялся во второй этажъ.

Громадный корридоръ, куда привела меня лѣстница, былъ пустыненъ: въ высокихъ, острыхъ сводахъ его висѣлъ мракъ. По обѣ стороны виднѣлись двери; полное безмолвіе наполняло и и корридоръ и кельи.

Толкнулся я въ одну дверь—заперта; въ другую, въ третью—тоже; наконецъ, въ отвѣтъ на стукъ я услыхалъ голосъ и зовъ „прѡшу“.

Келья оказалась принадлежащею ксендзу Ромейко.

Убранство ея состояло изъ кровати, стола, кресла и пары стульевъ; на стѣнѣ противъ окна, уставленнаго горшками цвѣтовъ, висѣло большое, аршина въ два, Распятіе. Хозяинъ интереснаго ничего не представлялъ изъ себя; встрѣтилъ онъ меня очень любезно и, нѣсколько приглядѣвшись ко мнѣ, всталъ и подошелъ къ стѣнѣ съ Распятіемъ; въ стѣнѣ оказался громадный потайной шкапъ, и когда ксендзъ отворилъ дверцу, то вмѣсто Распятія предстали моимъ глазамъ ряды полокъ, сплошь уставленныхъ разнообразными бутылями и сулеями.

Ромейко налилъ мнѣ рюмку „старой вудки“, насчитывавшей, по его словамъ, болѣе ста лѣтъ, и когда мы чокнулись и выпили, то я почувствовалъ, что хозяинъ не прибавилъ лѣтъ ей; душа чуть не выскочила изъ геенны огненной, разомъ устроившейся отъ нея во внутренностяхъ.

Отъ второй рюмки я отказался; тогда Ромейко досталъ темную глиняную сулею и сталъ потчевать „старой венгржиной"—венгерскимъ виномъ. Едва ушелъ я отъ гостепріимнаго отшельника и ушелъ съ крѣпко шумѣвшею головою.

Вотъ и все общество, имѣвшееся въ Кретингенѣ; былъ еще, правда, мировой судья, но онъ жилъ особнякомъ, медвѣдемъ, пилъ въ одиночку, и его видѣли только въ камерѣ съ цѣпью на шеѣ.

Ни клуба, ни подобія какой-нибудь библіотеки, ни даже любительскаго театра—ничего въ Кретингенѣ не было.

Для любителей выпить существовалъ въ своемъ родѣ клубъ—задняя, довольно просторная комната при „магазинѣ" Берки, кстати прибавить, единственной и главной лавкѣ, гдѣ можно было достать все съѣстное и распивочное.

Служба наша выяснилась окончательно: всѣ съ утра собирались въ бухгалтеріи у окна, разсаживались на столы и подоконники, созерцали площадь, на которой бродили козы и куры, и заводили разговоры съ преобладаніемъ анекдотовъ; взрывы смѣха привлекали къ себѣ изъ присутствія управляющаго; онъ присоединялся къ намъ, фонъ за ними составляли канцлеры и уже не смѣхъ, а ржанье разносилось по всѣмъ пустовавшимъ комнатамъ.

Къ адмиральскому часу всѣ разбредались: кто шелъ закусить и выпить пива въ клубѣ у Берки, причемъ пиво откупоривалось тамъ „по-гусарски", т. е. бутылка ставилась горлышкомъ на спинку стула и затѣмъ отпускалась; смаху она ударялась дномъ объ полъ и пробка съ выстрѣломъ и пѣной летѣла въ потолокъ; люди семейные усаживались въ крохотную каморку при нашей пакгаузной комнатѣ, куда приносили имъ изъ домовъ горячіе завтраки; оттуда доносился стукъ ножей и вилокъ, говоръ и аппетитное смакованье котлетъ.

Иванъ Ивановичъ уходилъ къ себѣ наверхъ и послѣ 12 час. только изрѣдка спускался внизъ.

Послѣ завтрака мы съ Кеневичемъ усаживались въ пакгаузной комнатѣ за шахматы; толстый Рахманиновъ возвращался отъ Берки въ самомъ благодушномъ настроеніи, перегруженный отечественнымъ виномъ до икоты и скоро исчезалъ совершенно; Ковеневъ и Надеждинъ, уткнувшись лицами въ нотную тетрадь, съ увлеченіемъ распѣвали вполголоса „Фауста" или другую оперу; Надеждинъ изображалъ не только Мефистофеля и Валентина, но подчасъ и Маргариту. Сценой имъ служилъ рваный диванъ, стоявшій въ канцеляріи.

„О, смерть, коль ты не ѣдешь ко мнѣ,
„Я с-ссамъ пойду т-т-тебѣ на встрѣчу!"

серебрянымъ колокольчикомъ лился высокій теноръ Ковенева.

— Бу... бу... бу...—сдержанно гудѣлъ Надеждинъ угрюмымъ басомъ.

Канцлеры слушали, не сходя съ мѣстъ, и изрѣдка, словно опомнившись, принимались полусонно водить по бумагѣ перьями.

Артуръ Павловичъ съ постнымъ видомъ истекалъ передъ двумя подчиненными ему Мишами разными исторіями весьма назидательнаго характера и только съ подходомъ неподчиненной ему публики преображался и впадалъ въ игривость.

Иногда, когда всѣ окончательно дурѣли отъ бездѣлья, принимались дразнить татарскаго Мишу и загибали потомъ ему же салазки; разошедшійся однажды Артуръ Павловичъ вскочилъ на свой бухгалтерскій столъ и сталъ кривляться и изображать скрипача, причемъ скрипку и смычокъ замѣняли ему линейки. Черезъ полчаса видъ у него опять былъ, какъ передъ исповѣдью, и онъ опять что-то назидательно повѣствовалъ своимъ, усмѣхавшимся украдкою, Мишамъ

Особенно шумно и весело становилось въ полусонной таможнѣ, когда появлялся Лаво. Изъяснялся онъ всегда не иначе, какъ во все горло. Не было тогда конца хохоту и остротамъ, обрушивавшимся, между прочимъ, и на коловшіе всѣмъ глаза рисовку и изящество Артура Павловича; доставалось даже его домишкѣ, который Лаво, помирая со смѣху, называлъ не иначе, какъ „кот-тэджемъ“.

Одинъ Шапошниковъ рѣдко принималъ участіе въ общемъ препровожденіи времени: онъ изумительно терпѣливо высиживалъ положенные часы въ присутствіи и имѣлъ видъ занятаго работой человѣка: то онъ перелистывалъ толстые уставы, то провѣрялъ какія-то книги (дѣла не было, а книгъ была гибель!).

Подозрѣваю, что онъ рѣшалъ или сочинялъ въ это время какія-нибудь задачи для своего сына, такъ какъ рѣшительно не могу постичь, надъ чѣмъ можно было корпѣть цѣлые дни въ Кретингенѣ!

Однажды любимецъ управляющаго, Кеневичъ, возвратившись съ нимъ изъ-за границы, повѣдалъ забавную исторію. Иванъ Ивановичъ, знавшій по-нѣмецки, какъ говорятъ французы, не много меньше испанской коровы, пригласилъ Кеневича съѣздить съ нимъ въ Мемель въ качествѣ переводчика. Накупили они всякой всячины и въ одномъ изъ магазиновъ хозяинъ, знавшій немного по-русски, вступилъ съ ними въ разговоръ; между прочимъ, освѣдомился, кто они такіе.

— Я управляющій Кретингенской таможней,—гордо отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

Нѣмецъ, плохо владѣвшій языкомъ, не понялъ.

— Управляющій... какъ это такое? Не понимай...?

— Ну... управляющій я... чортъ.. ну, какъ это?.. Ну... Ихъ бинъ аллесъ въ Кретингенѣ!—пояснилъ Иванъ Ивановичъ, величаво обводя руками кругомъ себя.

Съ этой минуты кромѣ, какъ Аллесъ, имени управляющему не

было. Курьезное самомнѣніе это имѣло все же нѣкоторое основаніе. Управляющіе таможнями дѣйствительно значатъ очень много для мѣстныхъ жителей, вынужденныхъ бывать за-границей для закупокъ всякихъ обиходныхъ мелочишекъ и зачастую обращающихся къ нимъ за разрѣшеніями привезти тотъ или другой громовый, но необходимый предметъ.

VII.

Русскій Миша занималъ съ женой небольшой домикъ съ садомъ—чуть ли онъ не былъ даже его собственностью; одну комнату онъ сдалъ въ наемъ Рахманинову, другую—Надеждину.

Серію таможенныхъ вечеринокъ открылъ Миша.

Собрались всѣ часамъ къ семи, праздныхъ разговоровъ гости, разумѣется, не вели и немедленно разсѣлись за приготовленные зеленые столы и приступили къ дѣлу.

Иванъ Ивановичъ, распечатывая колоду, заявилъ, что онъ меньше 48 робберовъ не играетъ—иначе не стоитъ и рукъ марать.

Я отнесся къ его словамъ, какъ къ шуткѣ, но послѣдствія доказали, что я заблуждался.

Партнеръ онъ оказался азартный и нѣсколько разъ привязывался изъ-за пустяковъ къ Надеждину; Григорій Өедоровичъ втыкалъ въ него недвижные глаза свои, клалъ карты и предлагалъ разсудить дѣло логически; сперва Иванъ Ивановичъ внималъ логикѣ, затѣмъ сталъ безцеремонно махать рукой и заявлять:

— А, ну васъ въ болото съ логикой... Жарьте, господа!

Часовъ около девяти хозяйскіе аппартаменты огласились заунывнымъ пѣніемъ: пѣла подвыпившая русская душа, ударившаяся, какъ водится, отъ перегруза въ меланхолію. Мы переглянулись.

— Это дядя Митя!—сказалъ, засмѣявшись, хозяинъ.—Къ этому времени онъ всегда пѣть начинаетъ!

Во время небольшого перерыва въ игрѣ я зашелъ въ комнату Рахманинова и увидалъ его сидящимъ на стулѣ и низко, насколько позволяла толщина, опустившагося всѣмъ тѣломъ на колѣни; видны были только спина да курчавая голова его.

На столѣ около него стояла почти пустая бутылка отъ водки и рюмка; вмѣсто закуски на тарелкѣ лежалъ мелко нарѣзанный и видимо нетронутый черный хлѣбъ.

Послѣ ужина перешли опять за карты и какъ я ни отбояривался, какъ ни пытался уйти, ничего не могъ подѣлать. Фуражка моя исчезла неизвѣстно куда и по приказу реготавшаго отъ удовольствія Ивана Ивановича канцлеры буквально держали меня за руки.

Я былъ совершенно трезвъ, но игра и мельканье картъ до такой степени переутомили непривычный мозгъ мой, что я рѣ-

мительно перестаkъ соображать, а скоро и различать что-либо. Помню, что къ разсвѣту я уже пальцами придерживалъ вѣки, иначе онѣ смыкались, какъ налитыя свинцомъ; какъ сквозь сонъ видѣлъ полную синяго табачнаго дыма комнату, тусклые огни свѣчей, красныя лица, какіе-то споры, хохотъ, шлепанье картъ, самъ шлепалъ ими, но что изъ этого выходило—было далеко отъ меня.

48-ой робберъ кончился въ шесть часовъ утра и въ яркое солнечное утро мы табуномъ двинулись по квартирамъ, пробывъ въ гостяхъ ровно одиннадцать часовъ.

Такія общія сборища происходили у всѣхъ по очереди приблизительно по разу въ мѣсяцъ; маленькія же винтовыя собранія, человѣка по 4, по 5, случались почти каждый день.

Скучавшаго Ивана Ивановича не удовлетворяло и это

Просмотрѣвъ утромъ почту и подписавъ нѣсколько бумагъ, онъ засовывалъ руки въ карманы и начиналъ водить слоновъ, останавливаясь около каждаго канцлера и подолгу разсматривая изъ-за его спины выводимыя тѣмъ буквы или цифры. Часамъ къ двѣнадцати скука его восходила до зенита; онъ бралъ подъ руки меня, Кеневича и Надеждина и уводилъ къ себѣ завтракать, послѣ чего на балконѣ съ полотнянымъ навѣсомъ, выходившимъ на площадь, открывался ломберный столъ.

Съ неуступчивымъ Надеждинымъ у него постоянно выходили споры и послѣдній, наконецъ, сталъ отказываться ходить къ нему; тогда Иванъ Ивановичъ заводилъ насъ двоихъ и затѣмъ, послѣ завтрака, посылалъ внизъ досмотрщика съ приказаніемъ Надеждину явиться немедленно къ управляющему по дѣламъ службы.

Не зная, въ чемъ дѣло, Надеждинъ являлся, его встрѣчали хохотомъ и усаживали за карты.

Иванъ Ивановичъ съ каждымъ днемъ становился все безцеремоннѣе; по случаю жаркихъ дней онъ, усаживаясь винтить на балконѣ, снималъ не только тужурку, но и жилетъ и красовался, такъ сказать, на воздусяхъ въ центрѣ города въ ночной рубахѣ и съ голой грудью; тутъ же на балконѣ ставилось ведро со льдомъ для крюшона; служебныя занятія на балконѣ заканчивались одновременно съ нижнимъ этажомъ.

Кеневичъ у Ивана Ивановича скоро превратился въ Жоржа; Надеждинъ на фамильярныя выходки управляющаго отвѣчалъ огрызаньемъ и вскорѣ разругался съ нимъ до того, что оба перестали подавать другъ другу руки.

Меня Иванъ Ивановичъ почему-то не затрагивалъ, тѣмъ не менѣе вѣчная игра сдѣлалась для меня невыносимой, и я тоже перестаkъ играть съ нимъ.

Иванъ Ивановичъ перенесъ свое вниманіе на канцлеровъ — на обоихъ Мишъ и на бывшаго судебнаго пристава. Эти ослу-

шиваться приказаній управляющаго—являться къ нему—не осмѣливались; что у нихъ происходило—описать нельзя.

Играетъ, напримѣръ, Иванъ Ивановичъ съ приставомъ; противъ нихъ—двое Мишъ. Партнеръ его затрудняется, съ чего ходить.

— Ну?!—кричитъ на него Иванъ Ивановичъ.—Чего задумался, старый домовой, ходи съ пикъ!

Тотъ покорно идетъ съ пики.

Миши перекрываютъ неожиданно козыремъ туза Ивана Ивановича; тотъ швыряетъ прочь ихъ козыря и беретъ взятку себѣ.

— Выдумали тоже, черти полосатые! — ворчливо заключаетъ онъ при этомъ.—Взятка мнѣ самому нужна!

Миши безпомощно протестуютъ, но начальство непреклонно.

Въ случаѣ сомнѣнія, какъ поступить, Иванъ Ивановичъ наклонялся и заглядывалъ въ карты къ сосѣдямъ—и такъ безъ конца. Къ чести его долженъ прибавить, что такой винтъ съ канцлерами служилъ ему только средствомъ для извода времени: денегъ онъ съ нихъ, въ случаѣ выигрыша, не бралъ.

VIII.

Изрѣдка въ таможнѣ у насъ раздавалось бряцаніе тяжелыхъ шпоръ и глухой стукъ прикладовъ винтовокъ объ полъ: появлялись солдаты пограничной стражи съ захваченными контрабандами.

Вся таможня высыпала въ такихъ случаяхъ къ двери пакгаузной комнаты и глазѣла на плѣнныхъ и на найденные при нихъ товары. Послѣдніе разнообразіемъ не блистали: преобладалъ вонючій спиртъ и затѣмъ, что покажется страннымъ,—чай. Пошлина на послѣдній была тогда у насъ въ 70 коп. золотомъ съ фунта и превышала стоимость его на мѣстѣ; германскія ставки были совсѣмъ незначительны и имѣлся большой разсчетъ водворять къ намъ чай такимъ кружнымъ путемъ.

Почему ловилась главнымъ образомъ дешевка—хитрой загадки не представляетъ.

Спиртъ контрабандисты проносили за спиной въ жестянкахъ въ видѣ ранца, имѣвшихъ полукруглый выгибъ; вмѣсто ремней служили соломенные жгуты; проносителями являлись исключительно жмудины и евреи. Надо повидать евреевъ-контрабандистовъ, чтобы убѣдиться, какіе сильные, смѣлые и ловкіе типы могутъ существовать и существуютъ среди этого племени; все зависитъ отъ обстановки, въ которой растетъ человѣкъ, и раса играетъ, въ сущности, очень малую роль.

Главная вливательница въ Россію контрабанды — Пруссія. Я служилъ на турецкой и на австрійской границахъ и по сравненію съ прусской, контрабанда на нихъ—дѣтская забава. Въ Ав-

стрію, въ Галицію контрабанда везлась даже отъ насъ—это вѣрнѣйшее указаніе на совсѣмъ плохія дѣла у сосѣда: контрабанда—точный показатель степени перевѣса культурности одной страны надъ другой.

Описавъ бездѣлье въ коронной таможнѣ, разскажу теперь, какъ работаютъ въ „зеленой таможнѣ"; такъ называютъ контрабандисты поля и лѣса, гдѣ приходится имъ орудовать.

Неподалеку отъ границы тянется линія кордоновъ — каменныхъ домиковъ, гдѣ помѣщаются солдаты подъ начальствомъ вахмистровъ; на нѣсколько кардоновъ полагается одинъ отрядный офицеръ, живущій въ предѣлахъ своего участка.

Закрыть всю границу сплошной линіей людей — невозможно, поэтому днемъ вдоль границы на пунктахъ, открывающихъ большой кругозоръ, ставятся одиночные часовые; главная работа пограничной стражи—ночью. Подъ вечеръ количество часовыхъ увеличивается, насколько возможно; между ними въ особо глухія мѣста высылаются секреты. Прорывъ такой линіи кажется труднымъ, но чортъ никогда не бываетъ такимъ, какъ его воображаютъ.

Дѣло въ томъ, что какъ ни густо разсыпаны солдаты, разстояніе между ними все же надо считать отъ сотни саженъ; все сводится только къ тому, чтобы узнать, гдѣ расположены засады.

Для опредѣленія ихъ практика выработала разные способы. Одни заключаются въ пусканіи впередъ „зайца". Выбирается темная или ненастная и бурная ночь и отрядъ контрабандистовъ собирается у границы; несущіе цѣнные товары залегаютъ на самомъ валу и, пустивъ впередъ одного изъ своихъ, несущаго спиртъ или вообще что-либо неважное, чутко вслушиваются и вглядываются въ темноту.

Если „заяцъ" опасную полосу проходитъ благополучно, вся партія гуськомъ прокрадывается тѣмъ же путемъ; если „заяцъ" нарвался на секретъ — онъ съ крикомъ бросаетъ свою ношу и удираетъ обратно; за нимъ начинается погоня, а контрабандисты тѣмъ временемъ съ полной безопасностью проходятъ въ двадцати-тридцати шагахъ въ сторонѣ.

Солдаты съ своей стороны выдумали контръ-фортель: заслышавъ идущаго контрабандиста, они нарочно пропускаютъ его и, выждавъ партію, встрѣчаютъ ее залпомъ и затѣмъ штыками. Иначе нельзя: дорогіе товары несетъ отборный и хорошо вооруженый народъ, и чтобъ не разыгрался настоящій бой, надо дѣйствовать паникой.

Случались и такъ называемые прорывы границы силой: часть вооруженныхъ контрабандистовъ начинала перестрѣлку съ пограничными; подымалась тревога, сосѣдніе посты стягивались къ мѣсту боя и тогда нападавшіе отступали; контрабанда въ это время мирно проходила по сосѣдству.

Но лучшій и самый распространеннѣйшій способъ заключался

въ пусканіи впередъ россійскаго рубля. Рѣдкій солдатъ пограничной стражи уходилъ въ запасъ безъ нѣсколькихъ сотъ въ карманѣ; про вахмистровъ и говорить нечего:—эти шли тысячниками.

Толкнется еврейчикъ на кордонъ, поговоритъ съ вахмистромъ или при встрѣчѣ съ солдатикомъ,—дѣло и облажено чисто и безобманно для обѣихъ сторонъ. Жилось, какъ у Христа за пазухой и офицерству. Случалось, что и черезъ пограничную стражу получали контрабанду... Все бывало въ безмолвной зеленой таможнѣ.

Въ общемъ, можно сказать, что тройная охрана границы только умѣряетъ ввозъ контрабанды, но отнюдь не болѣе. Ловятъ ее при переходѣ границы только случайно или же главнымъ образомъ по доносамъ. Тогда устраиваютъ многолюдныя засады и захватываютъ жаръ-птицу. А перелетѣла она границу—минуетъ и двѣ остальныя линіи стражъ; ее сгружаютъ въ тайники, въ подземелья и оттуда по частямъ переправляютъ дальше — самыми разнообразными способами, напр., на днѣ корзинъ съ яйцами, которыхъ никто шевелить не станетъ, въ сидѣньяхъ почтовой брички, на которой проѣзжаетъ случайный пассажиръ, хотя бы тотъ же офицеръ пограничной стражи и т. п.

И никакіе грозные приказы и усиленія штатовъ и складовъ пограничной стражи не прекратятъ потока контрабанды, льющагося изъ Пруссіи: есть только одно, но совсѣмъ другое средство прекратить ее—надо стать въ уровень культуры Германіи. Какъ только явится возможность русскому человѣку не переплачивать за всякій пустякъ втридорога дома, незачѣмъ станетъ и тянуться ему къ сосѣдямъ: тогда можно будетъ раскормить по-прусски десятка два жандармовъ и, отпустивъ съ миромъ проѣвшія милліоны народныхъ денегъ всѣ три линіи стражъ, размѣстить своихъ толстяковъ на тысячахъ верстъ нашей границы для хозмрянья австрійскимъ, прусскимъ и румынскимъ коллегамъ; только непремѣнно надо, чтобъ у нихъ были русскія сигары въ зубахъ.

IX.

Въ окрестностяхъ Кретингена часто случались находки старинныхъ монетъ различныхъ польскихъ царствованій. Жмудины—скрытный и угрюмый народъ—такого рода клады носили только къ евреямъ: русскимъ и полякамъ они не довѣряли, хотя евреи платили имъ безобразно мало. Поэтому въ корчмахъ всегда можно было достать серебряныя, а иногда и золотыя монеты разныхъ Сигизмундовъ и изрѣдка Баторія; собираніе монетъ и книгъ интересовали меня и на почвѣ нумизматики я сошелся съ Клокачевымъ: объѣзжая свою „епархію“, какъ я называлъ его громадный

участокъ, онъ скупалъ монеты, привозилъ ихъ домой и затѣмъ дѣлился или мѣнялся со мною.

Жилъ онъ на дорогѣ аллеѣ за костелами и, сидя у него, я нерѣдко бывалъ свидѣтелемъ странныхъ сценъ: еще издалека слышалось какое-то многоголосное заунывное пѣніе и грохотъ; я выглядывалъ изъ окна; по дорогѣ вскачь летѣла вереница телѣгъ съ сидѣвшими въ нихъ и нестройно пѣвшими жмудинами; на передней телѣгѣ подскакивалъ гробъ, вокругъ котораго размѣщались въ самыхъ невѣроятныхъ позахъ люди.

Это жмудины везли въ костелъ отпѣвать покойника. Пріѣзжали они обыкновенно подъ вечеръ и первое время такія необычайныя кавалькады производили на меня впечатлѣніе не изъ пріятныхъ.

Отмѣчу курьезъ, извѣстный мнѣ отъ аптекаря: главнымъ продуктомъ торговли его были валеріановыя капли; въ каждый базарный день жмудины—рослый и здоровенный народъ—закупали ихъ въ аптекѣ цѣлыми бутылями. Шли онѣ, конечно, не для успокоенія ихъ нервовъ, а для пьянства: жмудины напиваются ими, какъ кошки, до одурѣнія.

Осенью и весной, въ костельные праздники, въ Кретингенѣ были ярмарки: происходило настоящее столпотвореніе. Все мѣстечко заполняли телѣги и всевозможные продукты деревенскаго производства; площадь вокругъ церкви превращались въ конный торгъ; ближе къ костелу тѣснился рогатый скотъ, свиньи и овцы. Визгъ, ревъ и крики стояли невообразимые, какъ при татарскомъ нашествіи на Кіевъ по описанію лѣтописи.

Не думаю, что можно быть болѣе фанатичными, чѣмъ жмудины: это самые идолопоклоннѣйшіе изъ католиковъ. Надо видѣть ихъ лица во время богослуженія или когда они на колѣняхъ по грязи и камнямъ ползутъ къ костелу или вокругъ него! и такъ поступаютъ не одиночные кающіеся, а цѣлыя толпы!

Если вы не можете скрыть, что вы—иновѣрецъ, то лучше уходите: смѣсь истерическаго восторга и злобы—взрывчатое вещество.

Громадный дворъ кретингенскаго монастыря не вмѣщалъ массу телятъ, овецъ и коровъ, жертвовавшихся во время ярмарокъ въ пользу костела и часть ихъ отгонялась въ садъ; никакія, хоть бы и монашескія, нѣдра не въ состояніи были вмѣстить въ себя такую уйму мяса, и святые отцы долго потомъ занимались смиренною, но отнюдь не дешевою распродажею не сѣянныхъ и не жатыхъ плодовъ.

Иванъ Ивановичъ и Клокачевъ безвыходно находились на конной. Клокачевъ—знатокъ и любитель лошадей, обладалъ страстью мѣняться ими и чуть не каждую поѣздку по уѣзду совершалъ на новой парѣ. Изъ окна таможни мы наблюдали, какъ онъ садился верхомъ то на одного, то на другого коня и безъ сѣдла рысью летѣлъ съ развѣвавшеюся по обѣ стороны бородкою среди разступавшейся толпы.

Иванъ Ивановичъ гулялъ съ руками въ карманахъ, критиковалъ покупки пограничныхъ офицеровъ, острилъ надъ Клокачевымъ, и вообще держалъ себя большимъ знатокомъ: подъ конецъ онъ удостоилъ вниманіемъ высокаго вороного рысака, котораго и купилъ себѣ что-то за большую цѣну; на другой же день знаменитый рысакъ оказался со всѣми изъянами, какіе только можно измыслить для коня.

Лазо дрыгалъ ногами и катался на диванѣ въ канцеляріи отъ смѣха почти до истерики и предлагалъ злившемуся Ивану Ивановичу рубль за шкуру его Буцефала; Клокачевъ, не долюбливавшій Ивана Ивановича, подпускалъ язвительныя шпильки и, кажется, изъ-за этого коня и разругался съ нимъ окончательно.

Подошли длинные, темные осенніе вечера; не заставили себя ждать и зимнія вьюги. Вѣковые лѣса, окружавшіе Кретингенъ, въ которыхъ я лѣтомъ бродилъ въ свободное время, сдѣлались недоступными. Среди небольшого общества нашего стали проскальзывать черныя кошки; Иванъ Ивановичъ дѣлался все сумрачнѣе и его стали избѣгать всѣ; онъ лютѣлъ и то дѣлалъ попытки превратиться въ строгое начальство, то устраивалъ у себя вечера съ такими возліяніями, что иныхъ гостей сносили затѣмъ внизъ на рукахъ, укладывали въ брички и въ видѣ мертвыхъ тѣлъ разсылали по домамъ и кордонамъ.

Пѣснопѣнія дяди Мити стали начинаться съ полдня и зачастую онъ „по болѣзни“ совсѣмъ не показывался въ таможню. Единственный человѣкъ, съ которымъ онъ близко сошелся, былъ ксендзъ Ромейко.

Митя почти ни звука не понималъ по-польски, Ромейко же понималъ, но не говорилъ по-русски. Дружба ихъ возникла на бутылочной почвѣ: оба были по этой части тузы и наслаждаться резонансомъ готической кельи и корридоровъ они могли на свободѣ, сколько угодно.

А еще говорятъ, что польскіе ксендзы ненавидятъ русскихъ!

Однажды я шелъ часовъ въ 5 вечера мимо костела и повстрѣчалъ Дядю Митю, грузно спѣшившаго къ своему другу. Узнавъ, что я направляюсь къ Клокачеву, онъ взялъ съ меня обѣщаніе зайти за нимъ на обратномъ пути, такъ какъ въ виду серьезности старой вудки опасался, что одиночное возвращеніе его будетъ осложнено приключеніями. Говорилъ онъ такъ по опыту: какъ-то, уйдя отъ Клокачева, тоже мастера выпить, онъ заблудился вокругъ деревьевъ въ аллеѣ. Отчаянныя взыванія о помощи привлекли, наконецъ, къ нему вниманіе Кеневича, жившаго по близости, и тотъ проводилъ его до дома.

Зашелъ я за Митей довольно поздно, но подыматься за нимъ наверхъ не пришлось: я услыхалъ гулъ и различилъ голоса и шаги. Стоя внизу, я удостоился созерцанія любопытной картины. Дядя Митя и святой отецъ, обнявшись, бережно, какъ драгоцѣн-

нѣйшіе сосуды съ вудкой, спускали другъ друга со ступеней широкой, тонувшей въ темнотѣ, лѣстницы: сцену освѣщала свѣча, блуждавшая по воздуху въ высоко поднятой рукѣ хозяина; то одинъ, то другой осторожно, какъ въ какую-то пропасть спускали сперва внизъ ногу, нащупывали ступеньку и затѣмъ, убѣдившись, что подъ ними твердая земля, прочно водворялись на ней и радостно принимались цѣловаться. Намочены были оба разными „вудками“ до предѣла, за которымъ душа уже начинаетъ проситься въ ретираду; Митя икалъ и обливался слезами, оба несли безсвязицу, понятную только для столь расчувствовавшихся сердецъ.

Но ликованіе ихъ по поводу благополучнаго спуска продолжалось недолго: на одной изъ ступенекъ друзья потеряли равновѣсіе и остальную часть пути совершили кубаремъ.

Объ извозчикахъ въ Кретингенѣ и не слыхивали; не малаго труда стоило мнѣ водворить по мѣсту жительства своего коллегу!

Вѣчный винтъ, однѣ и тѣ же лица, мелкія дрязги и ссоры— все это прискучило мнѣ; хотѣлось дѣла, свѣжаго воздуха, и я сталъ хлопотать о переводѣ. То же задумало большинство моихъ сослуживцевъ и скоро всѣ мы разбрелись по разнымъ концамъ земли русской. Застрялъ въ Кретингенѣ и, можно сказать, загибъ только одинъ Надеждинъ. Какъ ни добивался онъ перевода въ Петербургъ, какъ ни молилъ объ этомъ департаментъ, соглашаясь игти даже на какое угодно пониженіе, Беллюстинъ для него не ударилъ палецъ о палецъ: добрыхъ дѣлъ за этимъ господиномъ не числится.

А вѣдь какъ легко было осчастливить вполнѣ заслуживавшаго того Надеждина! И вся-то вѣдь мечта его заключалась въ томъ, чтобы, попавъ въ Петербургъ, учиться въ медицинской академіи. Бросить совсѣмъ службу онъ не могъ по семейнымъ обстоятельствамъ.

Я первый открылъ навигацію и уѣхалъ въ Бессарабію, на австрійскую границу.

Закончу свой очеркъ цифирью: только одни классные чиновники получали въ Кретингенѣ свыше шестнадцати тысячъ въ годъ; въ общемъ она стоила казнѣ до тридцати. А сколько такихъ Кретингеновъ, Слупцъ и т. д. и т. д. существуетъ до сихъ поръ на Руси!

Зачѣмъ?!

С. Р. Минцловъ.

КОПАРТНЕРШИПЪ.

Г. Д. Ллойдъ.

Перев. съ англійскаго О. Фохтъ и Т. Герценштейнъ.

I.

Новое слово на Дельфтскомъ кооперативномъ конгрессѣ.

Въ послѣдній разъ я объѣхалъ Великобританію съ цѣлью посмотрѣть, что было сдѣлано тамъ кооперативными обществами по части производства. Я увидѣлъ вновь обычныя для насъ теперь чудеса кооперативныхъ потребительныхъ обществъ, которыя въ теченіе жизни одного поколѣнія разрослись до организаціи, по численности представляющей собою седьмую часть населенія Англіи [1]). Эта отборная часть населенія владѣетъ оборотнымъ капиталомъ въ 272.000.000 долларовъ (включая сюда и фабричное производство), имѣетъ собственный банкъ со сбереженіями въ 16.000.000 долларовъ и съ оборотнымъ капиталомъ въ 200.000.000 долларовъ въ годъ. Я видѣлъ также огромныя фабрики, основанныя Англійскимъ Кооперативнымъ Обществомъ для оптовыхъ операцій, служащіе котораго пока не участвуютъ ни въ прибыляхъ, ни въ контролѣ предпріятія.

Но тамъ было еще кое-что достойное осмотра. До сихъ поръ существовали фабрики, заводы, теперь же стали появляться даже фермы, созданныя и руководимыя исключительно рабочими: ихъ умомъ, ихъ деньгами и ихъ этикой; и эти предпріятія дѣйствительно ведутся на кооперативныхъ, а не на капиталистическихъ началахъ.

Кооперація среди этихъ рабочихъ служитъ не только имъ однимъ. На ряду съ трудомъ и капиталъ занимаетъ свое мѣсто, какъ одна изъ сторонъ, получающихъ плату. Выручивъ свой заработокъ,—капиталъ—въ видѣ процентовъ, работа—въ видѣ платы

---

[1]) Цифры американскаго соціалистическаго писателя Ллойда устарѣли на 12 лѣтъ. Теперь четверть населенія Великобританіи является членомъ потребительныхъ обществъ.

за трудъ—обѣ стороны дѣлятъ между собою прибыли и убытки предпріятія. Обѣ стороны ихъ имѣютъ также равныя права собственности и управленія. Даже потребитель признается одною изъ договаривающихся сторонъ: онъ участвуетъ въ прибыли, которую приноситъ своими покупками, а, сдѣлавшись владѣльцемъ пая, можетъ принимать участіе и въ контролѣ дѣла.

Многія изъ ихъ учрежденій очень хорошо поставлены, имѣютъ всѣ современныя усовершенствованія для производства и торговли и наилучшія приспособленія для охраны здоровья своихъ „сочленовъ"—новое слово, нынѣ замѣнившее собою выраженіе „рабочія руки". Многія изъ такихъ учрежденій съ успѣхомъ работали лѣтъ по 20—30. Число ихъ постоянно возрастаетъ. Теперь ихъ выше ста пятидесяти съ капиталомъ, превышающимъ 5.000.000 долларовъ, равнымъ по величинѣ капиталу кооперативнаго общества оптовыхъ операцій въ Манчестерѣ, созданнаго тамъ потребительнымъ товариществомъ въ теченіе тридцати лѣтъ непрерывнаго роста. Ихъ ежегодный валовой доходъ равняется 10.000.000 долларовъ и больше, а ежегодняя чистая прибыль—500.000 долларовъ.

Здѣсь рабочій уже играетъ роль руководителя промышленности и выполняетъ ее хорошо. Мечта лидеровъ рабочаго движенія о томъ, что рабочіе сами сдѣлаются собственниками орудій производства осуществляется здѣсь шагъ за шагомъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Индустрія демократизируется и трудъ станетъ владѣльцемъ капитала раньше, нежели совершится политическое возрожденіе всего міра. Пастыри церкви отказались отъ примѣненія на дѣлѣ евангельскаго правила: „какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрять" въ виду невозможности его примѣненія, но въ данномъ случаѣ рабочіе хотятъ ввести этотъ принципъ въ жизнь.

„Намъ нужно создавать людей, равно какъ и деньги" и „мы должны помогать нашимъ братьямъ"—вотъ основной принципъ этихъ людей. Каждый долларъ изъ ихъ прибылей раньше, чѣмъ быть раздѣленнымъ между участниками, долженъ оплатить взносъ на школу, прессу, лекціи, на распространеніе ученія о самопомощи путемъ взаимопомощи. Это послѣднее составляетъ ихъ евангеліе, и они не желаютъ обучаться ему на подачки, даваемыя изъ незаконно-пріобрѣтенныхъ средствъ. Для нихъ не существуетъ женскаго вопроса. Тамъ можно видѣть женщинъ, занимающихъ мѣста директоровъ правленія и въ тоже время состоящихъ работницами. Нѣкоторыя села уже почти совсѣмъ кооперативны: въ случаѣ надобности, онѣ могутъ единогласно вотировать за кооперативное направленіе вещей.

Все это было для меня новостью. Я нашелъ, что даже среди выдающихся изслѣдователей общественныхъ наукъ, среди руководящихъ мыслителей, извѣстныхъ тредъ-юніонистовъ, проповѣд-

никовъ и дѣловыхъ людей Англіи было немало такихъ, для которыхъ оставалось совершенно незамѣтнымъ то, что происходило передъ ихъ глазами. Мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, это неизвѣстно также и въ Америкѣ. Я далъ себѣ трудъ отмѣтить всѣ несовершенства, неудачи и критику этого движенія. Я не скрываю, что вопросъ, трактуемый здѣсь, полонъ противорѣчій и не вполнѣ выясненъ даже въ самихъ кооперативныхъ кругахъ.

Эти противорѣчія порождены быстро возросшимъ за послѣднее время капиталомъ, пріобрѣтеннымъ кооперацiей, благодаря ея коммерческой дѣятельности; но не по этимъ противорѣчіямъ можно судить объ ученіи и работахъ кооперацiи. Въ началѣ—во времена христiанскихъ соціалистовъ и еще раньше во времена рочдэльскихъ піонеровъ—идеаломъ кооперацiи считалось, что рабочіе должны добиться занятія въ собственныхъ предпріятіяхъ и самоуправленія, и участвовать въ прибыляхъ и веденіи дѣла по праву, а не изъ милости. Всѣ ихъ крупнѣйшіе вожаки, какъ-то Оуэнъ, Кингслей, Морисъ, Ванситтартъ Нилъ, Томасъ Юзъ, Рипонъ, Лёдлоу, Холіокъ, Годенъ, Леклеръ — придавали этому первенствующее значеніе въ ихъ вѣроученіи. Рабочій долженъ быть и капиталистомъ, тогда только наступитъ возрожденіе промышленности, а вмѣстѣ съ нею и возрожденіе религіи. Ассоціаціи, описанныя въ этой книгѣ, являются новѣйшимъ воплощеніемъ старой доктрины кооперацiи.

Я нашелъ новое выраженіе, которое было впервые употреблено на международномъ кооперативномъ конгрессѣ въ Дельфтѣ (Голландія) въ 1897 году. Это выраженіе: „копартнершипъ“, т. е участіе рабочихъ во владѣніи, веденіи и прибыляхъ предпріятія. Оно было предложено группою преданныхъ дѣлу людей—„великими рекламистами“, какъ ихъ шутливо называли ихъ оппоненты. Дѣйствительно, это были почти единственные активные пропагандисты на этомъ конгрессѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ французскихъ делегатовъ, желавшихъ говорить всегда одновременно, и небольшихъ разногласій въ вопросахъ тактики, вродѣ открытія въ Парижѣ магазина для международнаго кооперативнаго обмѣна, единственная новость была сообщена группою англійскихъ делегатовъ, которые и на конгрессѣ и внѣ его проповѣдовали свое евангеліе „копартнершипа“ [1]).

Эти депутаты возбудили интересъ къ новой доктринѣ, не давъ разрѣшенія на какое бы то ни было формальное опредѣленіе ея въ отчетахъ конгресса. Ихъ противники подтрунивали надъ ними по случаю необычайнаго зрѣлища, какъ секція отказывается внести въ протоколъ то, что составляетъ ея сущность. Но сторонники

---

[1]) Будемъ употреблять этотъ терминъ, ибо онъ уже вошелъ во французскій и англійскій языки.

„копартнершипа“ предоставляли желающимъ смѣяться вдоволь, предпочитая временно переносить насмѣшки, нежели рисковать слишкомъ рано заключить свое ученіе въ тѣсныя рамки катехизиса, на который многіе изъ апостоловъ этого ученія смотрѣли, какъ на гробницу его. Остальные вопросы, подвергавшіеся обсужденію на конгрессѣ, были обычные вопросы объ участіи въ прибыляхъ, земледѣльческихъ ассоціаціяхъ, Шульце-Деличевскихъ банкахъ. Но вопросъ о „копартнершипѣ“ была новостью и его новизна, равно какъ и преданность этому дѣлу его защитниковъ, сдѣлали изъ него крылатое слово, которое цитировалось въ рѣчахъ и которымъ интересовались постоянно въ частныхъ разговорахъ.

Делегаты, которые стояли за „копартнершипъ“, приносили съ собою духъ піонеровъ всякаго дѣла, какъ бы дуновеніе жизни самого народа: у нихъ была борьба, надежда, цѣль, и ихъ рѣчи на конгрессѣ всегда сопровождались аплодисментами. Въ ихъ философіи звучала нотка, рѣзко отличавшая ихъ отъ Годена, Леклера и понынѣ здравствующаго послѣдователя послѣднихъ—голландскаго филантропа Фанъ-Маркена, дельфтскаго фабриканта дрожжей и спирта, подъ руководствомъ котораго и былъ созванъ конгрессъ. Дѣло, которое дѣлали и дѣлали его изумительно названныя лица, было цѣликомъ для рабочихъ, но „копартнершипъ“ показалъ намъ, что̀ могутъ сдѣлать рабочіе для самихъ себя. Это былъ отчетъ о собственной инициативѣ и о гораздо болѣе широкихъ перспективахъ, нежели тѣ, которыя представляли филантропы, какъ бы благодѣтельны послѣдніе ни были.

Существуетъ кооперативная община на началахъ „копартнершипа“ въ Нунспетѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ засѣдалъ конгрессъ; это поселокъ, гдѣ рабочіе сорганизованы богатымъ человѣкомъ, Молинымъ, повидимому, съ цѣлью создать въ миніатюрѣ кооперативную республику. И въ самомъ Дельфтѣ имѣется кооперативное типографское товарищесво и рабочій городокъ. Послѣднее было организовано Фанъ-Маркеномъ слѣдующимъ образомъ: рабочіе въ типографіи участвуютъ въ прибыляхъ предпринимателя, а жильцы домовъ заинтересованы въ рентѣ. Эта прибыль выражается не въ наличныхъ деньгахъ, а въ увеличеніи ихъ доли въ имуществѣ, въ видѣ типографій, шрифтовъ и т. д., съ одной стороны—и въ видѣ домовъ—съ другой. Все это задумалось съ цѣлью сдѣлать рабочихъ собственниками орудій производства и домовъ и постепенно вытѣснить собственника по его собственному плану и замыслу.

Таково было положеніе вещей, созданное для рабочихъ по доброй волѣ предпринимателей; но отъ англичанъ конгрессъ услышалъ исторію производительныхъ предпріятій, включая сюда и фирмы, основанныя рабочими для рабочихъ же, принадлежащихъ имъ и управляемыхъ рабочими, мужчинами и женщинами. Я прибылъ на конгрессъ, разсчитывая послѣ него проѣхать въ Германію,

чтобы изучить кредитныя товарищества, которыми я заинтересовался, прочитавъ о нихъ прекрасную книгу Г. Вольфа и чтобы познакомиться съ тактикой соціалъ-демократической партіи. Оттуда я хотѣлъ поѣхать въ Швейцарію, чтобы посмотрѣть въ практическомъ примѣненіи ея и референдумъ и другіе успѣхи ея самоуправленія, которые даютъ ей право съ полной справедливостью считаться самой демократической страной въ мірѣ. Но вопросъ о товариществахъ на началахъ „копартнершипа“ былъ новостью, а мы всегда прежде всего хватаемся за новое. Я увидѣлъ тогда, что хотя и прочелъ массу о кооперативномъ движеніи въ Англіи, но все-таки ускользнула отъ меня наиболѣе интересная сторона его развитія. Я согрѣвался только картиною огня, а лучше было подойти поближе къ самому огню. Поэтому я измѣнилъ свои планы и поѣхалъ въ Англію, чтобы лично увидѣть, что означало это новое слово для кооперація.

II.

На землѣ.

Я началъ свое путешествіе по Англіи для изученія коопераціи въ ея новѣйшей, наименѣе успѣшной, труднѣйшей, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ наиболѣе многообѣщающей формѣ, а именно — формѣ организаціи фермъ. Въ связи съ выставкой продуктовъ, устроенной потребительными обществами средней Англіи въ Рогби 18-го сентября 1896 года, была созвана конференція делегатовъ подъ покровительствомъ Кооперативнаго Союза спеціально для обсужденія возможнаго развитія производства земледѣльческихъ продуктовъ кооперативнымъ путемъ. Священникъ д-ръ Джемсъ въ Рогби далъ для засѣданій прекрасное помѣщеніе въ одной изъ школъ. Внимательная аудиторія, состоящая изъ мужчинъ и женщинъ, делегатовъ потребительнаго общества Лейстера, Кеттерингѣ, Рогби и другихъ мѣстъ средней Англіи присутствовала на засѣданіяхъ. Генри Вивіанъ, выдающійся руководитель Рабочей Ассоціаціи, которая была основана съ цѣлью содѣйствовать въ Великобританіи образованію производительныхъ предпріятій на началахъ коопераціи, а не капитализма,—сдѣлалъ докладъ. Вслѣдъ за этимъ докладомъ, всякое сколько-нибудь значительное общество, которое пробовало заниматься земледѣліемъ или только собиралось пробовать,—было выслушано. О нуждахъ и затрудненіяхъ сообщалось совершенно откровенно, и съ такою же откровенностью сообщалось о рѣшимости преодолѣть эксперименты и достигнуть успѣха.

Чувство негодованія по отношенію къ аграрнымъ условіямъ было очень, очень глубоко. Я не думаю, что впаду въ преувеличеніе, если назову его доходящимъ до страсти. Каждый разъ, когда докладчики говорили о „позорномъ положеніи дѣла“, о „зло-

употребленіяхъ“ и о почти неисчислимомъ экономическомъ ущербѣ, наносимомъ странѣ,—залъ оглашался одобрительнымъ гуломъ. Но когда человѣкъ, бывшій однимъ изъ дѣятельныхъ борцовъ аграрной агитаціи послѣдняго поколѣнія, одинъ изъ тѣхъ, кто вернулъ жителямъ Нотингэма большіе луга, — въ настоящее время самое ихъ цѣнное городское имущество,—когда онъ разразился свирѣпой тирадой противъ крупныхъ землевладѣльцевъ, его слушали съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ. Все, что онъ говорилъ, было справедливо и хорошо сказано, но его аудиторія уже ушла далеко впередъ отъ этой степени пониманія. Больше всего ихъ интересовалъ вопросъ: „Что же мы будемъ дѣлать дальше?“

Я наблюдалъ по всей Англіи, на всѣхъ кооперативныхъ засѣданіяхъ одинъ и тотъ же пріемъ,—будь то засѣданіе дѣловое или публичное. Всякій вопросъ обсуждался съ точки зрѣнія интересовъ другихъ такъ же точно, какъ и своихъ собственныхъ. На засѣданіяхъ въ Рогби вопросъ о тяжеломъ положеніи работника-земледѣльца и о способахъ притти ему на помощь обсуждался постоянно. Его низкая заработная плата и жалкій жребій описывались почти всѣми докладчиками передъ неизмѣнно сочувствующими слушателями. „Есть что-то неправильное въ самомъ корнѣ аграрной системы,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—при которой землевладѣльцы живутъ роскошно, фермеръ—въ достаткѣ, а батраки—въ нищетѣ“. И весь залъ отвѣчалъ на это: „Такъ, такъ“. Въ средней Англіи, въ этомъ цвѣтникѣ страны, рабочій на фермѣ получаетъ только 10, 11 и 12 шиллинговъ въ недѣлю, и еще теряетъ свое время въ дурную погоду.

„У сельскаго рабочаго нѣтъ сбереженій, которыя онъ могъ бы вкладывать въ землю, — сказалъ одинъ изъ делегатовъ.—Мы, имѣющіе капиталъ, должны помочь ему добиться лучшихъ условій, добиться для него земли, и такимъ путемъ помочь и самимъ себѣ въ достиженіи болѣе высокаго коммерческаго преуспѣянія“. Всѣ признали, что одна изъ первыхъ вещей, съ которыхъ должны начинать кооперативныя фермы,—это повысить заработную плату рабочихъ. Этотъ принципъ популяренъ даже среди кооператоровъ, несогласныхъ съ идеей „копартнершипа“. Всѣ находили, что кооператоры должны высчитывать, не—какъ мало, а какъ много могутъ они платить за работу. Далѣе руководители англійскаго общества для оптовыхъ операцій, и тѣ, кто не признаетъ участія рабочихъ во владѣніи, веденіи и прибыляхъ предпріятій, все-таки всегда съ гордостью отмѣчаютъ тотъ фактъ, что у нихъ трудъ лучше оплачивается, и что они доставляютъ своимъ служащимъ выгоды, которыхъ въ другихъ мѣстахъ они не имѣютъ. Кооператоры считаютъ, что плохо оплачиваемый работникъ и работаетъ плохо. „Сельскій рабочій не можетъ работать очень хорошо,—говорилось въ Рогби,—такъ какъ его работа не оплачивается соотвѣтственно. Онъ не можетъ вкладывать души въ свое дѣло“.

Одна изъ постоянныхъ жалобъ фермеровъ и рабочихъ всего міра — это жалоба на недостатокъ капитала. Было совсѣмъ необыкновенно находиться въ собраніи, состоявшемъ почти исключительно изъ рабочихъ, обсуждающихъ планы своего „освобожденія“ и слышать ихъ спокойныя заявленія, что у нихъ имѣется столько денегъ, сколько имъ нужно. Рабочіе въ кооперацiяхъ сдѣлались крупными капиталистами. Они чувствуютъ, что не можетъ быть такого предпріятія, передъ которымъ они должны были бы остановиться изъ-за недостатка денегъ. Они готовы сразиться съ лэндъ-лордомъ или капиталистомъ его собственнымъ оружіемъ. „У насъ много накоплено денегъ,—сказалъ одинъ. „Мы нуждаемся въ продуктахъ, которые можетъ производить земля,—сказалъ другой.—У насъ есть потребитель на всякій продуктъ; у насъ есть избытокъ капитала, намъ нужно только обучить земледѣльческаго рабочаго и платить ему приличное вознагражденіе,—тогда лучшіе изъ нихъ перейдутъ къ намъ“.

Здѣсь, равно какъ и на всѣхъ другихъ собраніяхъ кооператоровъ, на которыхъ я присутствовалъ, очевидно, чувство было цѣликомъ на сторонѣ радикальнаго рѣшенія вопроса о землѣ. Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые добиваются политическихъ реформъ, смотрятъ на кооперацію, какъ на нѣчто соперничающее или даже враждебное. Но этотъ антагонизмъ, который я замѣчалъ самъ и о которомъ слышалъ отъ кооператоровъ, неоснователенъ.

Можно поручиться, что кооператоры скорѣе, нежели какой-либо другой классъ населенія, будутъ подавать свои голоса за наиболѣе радикальныя реформы. „Если каждый будетъ свободенъ въ своихъ поступкахъ, то онъ пойметъ и принципъ свободы“.

Но политическіе борцы вполнѣ признаютъ тѣ же способы борьбы, какихъ держатся и кооператоры. На конференціи раздавалось много жалобъ на поведеніе землевладѣльцевъ по отношенію къ кооператорамъ. Многіе изъ нихъ брали чудовищную арендную плату. Указывался случай, гдѣ съ общества брали 60 долларовъ за акръ, и это за землю, которая находилось въ разстояніи двухъ миль отъ города. Это было въ Нотингэмѣ. Приводили еще примѣръ, когда (около Питерборо) за акръ луговой земли заплочено было 250 долларовъ. „Они постоянно толкуютъ,—говорилось на конференціи, — объ упадкѣ земледѣлія, но они же прекрасно знаютъ, какъ заставить платить много за свою землю“. Нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ отказываются сдавать землю кооперативнымъ товариществамъ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Другіе сдаютъ ее на наиболѣе обременительныхъ условіяхъ, беря со своихъ арендаторовъ обязательство ни въ какомъ случаѣ не измѣнять ни сѣвооборота, ни способовъ обработки земли, хотя бы даже произошла цѣлая революція въ пріемахъ земледѣлія всего міра. Общества связывались обязательствомъ стариннаго

сѣвооборота, который практиковался въ тѣ времена, когда иностранное зерно еще не заполнило собою британскихъ рынковъ. Такимъ образомъ кооператоры должны были изъ года въ годъ съ убыткомъ для себя повышать цѣну на пшеницу и овесъ, между тѣмъ, какъ они могли бы имѣть прибыль, занимаясь молочнымъ хозяйствомъ и огородничествомъ.

Естественно, что такая тираннія и лихоимство со стороны землевладѣльцевъ создали постепенно усиливающееся общественное движеніе, какъ среди кооператоровъ, такъ и среди народа вообще, въ пользу полной и немедленной отмѣны земельной монополіи— родоначальницы всѣхъ остальныхъ. Это чувство нашло себѣ сильное выраженіе на этой конференціи, какъ и на всѣхъ предыдущихъ конгрессахъ, когда рѣчь заходила о земельномъ вопросѣ. Но и тутъ кооператоры не уклоняются отъ чисто-кооперативнаго способа разрѣшенія этой задачи. Кооператоры твердо рѣшили ни въ какомъ случаѣ не отвлекаться отъ того поля дѣятельности, гдѣ они могутъ сдѣлать что-нибудь реальное, мечтали о другомъ—гдѣ успѣхъ ихъ былъ бы еще гадателенъ. Тѣхъ, кто доказывалъ, что земля въ данной мѣстности совсѣмъ не можетъ быть покупаема, что расходы по пріобрѣтенію слишкомъ велики, что арендная плата и десятина слишкомъ обременительны, что желѣзнодорожный тарифъ слишкомъ высокъ, что успѣхъ ихъ предпріятій недостижимъ безъ коренныхъ реформъ, путемъ вмѣшательства государства, — тѣхъ выслушивали въ высшей степени сочувственно. Но имъ всегда возражали, что въ такомъ случаѣ они должны теперь сложить руки и стоять въ сторонѣ.

Несомнѣнно, что кооператоры окажутъ самую сильную поддержку такимъ реформамъ, когда очередь дойдетъ до нихъ, но духъ ихъ движенія заключается въ томъ, чтобы дѣлать, что возможно, самимъ, соединяясь въ добровольныя ассоціаціи, и они, вѣрятъ этому духу. Многіе изъ нихъ считаютъ, что въ этомъ отношеніи они идутъ по стопамъ тѣхъ самыхъ политическихъ дѣятелей, которые относятся съ такимъ пренебреженіемъ къ ихъ работѣ. Кооператоръ указываетъ: исторія учитъ насъ, что всякому крупному измѣненію въ политической структурѣ предшествуетъ предварительное измѣненіе хозяйственныхъ въ сферѣ домашнихъ отношеній.

Вотъ эти-то измѣненія, совершающіяся нынѣ въ соціальныхъ отношеніяхъ, и составляютъ задачу, разрѣшить которую стремится кооперація.

Давно доказано, сколь многимъ обязано самоуправленіе Англіи и Америки добровольно составлявшимся демократическимъ общинамъ сепаратистовъ, конгрегаціонистовъ, пуританъ, веслеянъ, которые пріучили народъ къ обязанности самому создавать свои уставы и избирать своихъ руководителей. Обучаясь объединяться въ конгрегаціи, народъ тѣмъ самымъ пріучалъ себя къ образова-

нію избирательныхъ коллегій. Обсуждая кооперативное земледѣліе на кооперативномъ конгрессѣ въ 1895 г., Макъ-Иннсъ изъ Линкольна сказалъ въ высшей степени интересную вещь по этому поводу: „Система церковнаго управленія, завѣщанная административнымъ геніемъ Веслея—хотя и безъ умысла съ его стороны—была первой ступенью, на которой наиболѣе сознательные элементы изъ земледѣльческаго класса освоились съ принципомъ совмѣстнаго дѣйствія, воспитались въ сознаніи того, что они хотя малая, но необходимая часть одного великаго живого организма.

Рѣдко кто отдаетъ должное той внѣшне незамѣтной роли, которую сыграла организація и процедура различныхъ методистскихъ общинъ въ дѣлѣ подготовленія мирной соціальной революціи, происходящей въ деревняхъ".

Кооператоры твердо намѣрены доказать, что ихъ методъ можетъ съ успѣхомъ прилагаться и къ землѣ.

Въ то время, какъ „Общество возвращенія земли народу" и „Общество національзаціи земли" стремятся вернуть и націонализировать землю Англіи однимъ сплошнымъ ударомъ народнаго суверинитета, — кооператоры стараются вернуть и колонизировать землю собственными силами и постепенно демократизировать ее. Они такъ горячо относятся къ своей аграрной кампаніи, что готовы начать ее хоть сейчасъ. Они не хотятъ ждать, чтобы земельные налоги были вновь наложены на помѣщиковъ, или чтобы была введена австралійская система легкаго и дешеваго способа продажи земли; они пойдутъ прямо впередъ, считаясь съ существующими условіями, будутъ покупать такую землю, какую смогутъ и докажутъ, что она можетъ быть успѣшно обработана кооперативнымъ способомъ. Одинъ кооператоръ сказалъ слѣдующее: „Изъ всѣхъ вопросовъ самымъ труднымъ является земельный вопросъ. На насъ, кооператорахъ, лежитъ обязанность соединить наши руки, головы и сердца съ цѣлью разрѣшить его". То же самое чувство было выражено человѣкомъ, стоящимъ на противоположномъ концѣ соціальной лѣстницы, а именно Лордомъ Розберри въ его рѣчи на конгрессѣ въ Глазго: „Пока кооперація не разрѣшитъ удовлетворительно земельнаго вопроса, ея миссія не кончится".

Каждый шагъ впередъ, который дѣлаютъ кооператоры, будетъ способствовать проведенію дальнѣйшихъ реформъ, такъ какъ онъ будетъ служить доказательствомъ того, что народъ можетъ управлять землей, и что когда придетъ время, онъ будетъ подготовленъ къ демократической службѣ на народной землѣ, какъ въ смыслѣ управленія, такъ и въ смыслѣ работы.

Кооператоры съ непоколебимой бодростью выслушивали отчеты о неудачныхъ опытахъ съ землей, немалое число которыхъ приводилось на этой конференціи.

Но „неудача" не пугаетъ ихъ. Они испытали неудачи и до-

стигли успѣха—славнаго и блестящаго успѣха—при помощи неудачъ. Немыслимо было убѣдить англійскаго или шотландскаго кооператора въ томъ, что то, что можетъ дѣлаться всякимъ и каждымъ, не можетъ быть сдѣлано еще гораздо лучше, если за это возьмется кооперація. Слово „неудача" неизвѣстно въ лексиконѣ движенія, которое, начавъ съ двухъ пенсовыхъ взносовъ въ недѣлю со стороны полуголодныхъ рабочихъ и съ карликовыхъ лавочекъ въ глухихъ улицахъ, въ теченіе тридцати шести лѣтъ создало предпріятіе въ 4.500.000.000 долларовъ и распредѣлило между рабочими 360.000.000 долларовъ въ видѣ дивиденда, возвращая надежду многимъ изъ тѣхъ, у кого она была отнята жадностью и силою власть имущихъ.

Хотя отчеты о кооперативномъ фермерствѣ, имѣющіеся въ протоколахъ послѣдняго конгресса въ Пертѣ въ 1897 г., и сопровождались комментаріями, что оно, „конечно, далеко не утѣшительно", но если принять во вниманіе, что движеніе находилось въ самой первой стадіи своего развитія, что фермеръ-корператоръ только что „начиналъ оплачивать свой опытъ", то результаты его вовсе не такъ печальны. Въ теченіе 1896 г. сорокъ обществъ имѣли барыша—16,510 долларовъ, убытку—19,255 долларовъ. Площадь обрабатываемой земли равнялась 4,869 акровъ и капиталъ 499,595 долларамъ. Въ концѣ концовъ этотъ убытокъ въ 2.745 долларовъ падаетъ на сорокъ предпріятій съ капиталомъ въ полмилліона фунтовъ стерлинговъ, въ совершенно новомъ для всѣхъ дѣлѣ, и, насколько мнѣ извѣстно, онъ не привелъ въ уныніе никого изъ корператоровъ. За пять лѣтъ отъ 1892—1896 г. общіе итоги кооперативнаго фермерства дали потери въ 65,265 долларовъ. Эта ничтожная плата за основаніе новаго дѣла, и такъ именно относились къ этому факту всѣ участники движенія.

Нужно помнить, что эти данныя выведены на основаніи сорокалѣтняго счетоводства. Кооператоры не записываютъ сомнительныхъ долговъ на приходъ и не насилуютъ своего баланса. Каждый годъ они вписываютъ значительное пониженіе стоимости ихъ собственности. Въ этихъ отчетахъ выведены всѣ издержки съ процентами по содержанію каждаго акра земли, причемъ стоимость его иногда показана ниже дѣйствительности.

Ферма Вуличскаго общества стоитъ около 600 долларовъ за акръ земли, такъ какъ она лежитъ непосредственно за чертой города, и именно въ направленіи его дальнѣйшаго роста. Это только вопросъ ближайшаго будущаго—раздѣлъ фермы между членами общества на участки для построекъ. Но пока ферма должна оплачивать проценты по покупкѣ усадебной земли, а не пахотной.

Детальное изученіе данныхъ по кооперативному земледѣлію указываетъ на то, что вся сумма убытковъ относится къ фермѣ

Шотландскаго Общества для оптовыхъ операцій, а именно въ 1896 г. оно имѣетъ 11,400 долларовъ убытку, а въ 1897 г. оно уже имѣло чистую прибыль. Этотъ убытокъ не долженъ быть отнесенъ непремѣнно на счетъ трудностей, связанныхъ съ шотландскимъ или вообще съ кооперативнымъ земледѣліемъ, потому что другія шотландскія кооперативныя фермы имѣли прибыль до 1896 г., какъ это видно изъ ихъ оффиціальныхъ отчетовъ. Ферма Дунферлаинъ дала 3,125 долларовъ прибыли на 504 акра, шотландская кооперативная фермерская ассоціація дала 1,315 долларовъ на 748 акровъ. Исключивъ Общество для оптовыхъ операцій, мы находимъ, что двадцать одно британское общество имѣютъ прибыль и только тринадцать убытокъ. Сумма ихъ чистой прибыли равна 16,510 долларамъ, а убытокъ 7,855 д. Эти цифры взяты изъ ежегоднаго отчета центральнаго кооперативнаго совѣта, представленнаго имъ конгрессу въ 1897 г.

Если бъ увеличившаяся стоимость земли была принята во вниманіе, то въ большинствѣ случаевъ убытки обратились бы въ прибыль. Земля, которую пріобрѣтаютъ кооператоры, часто очень плоха. Качество земли въ Англіи понижается.

Участокъ, пріобрѣтенный Линкольнскимъ обществомъ, былъ описанъ, какъ „куча мусору"; такимъ образомъ цифры, выведенныя, какъ дефицитъ въ этихъ отчетахъ, обыкновенно представляютъ собою выгодное помѣщеніе капитала и указываютъ на болѣе, чѣмъ удвоившуюся стоимость земли. Но кооперативная бухгалтерія никогда не отмѣчаетъ цѣнности вложеннаго въ дѣло капитала. „Мы никогда не повышали стоимости земли выше ея первоначальной цѣны, даже въ такомъ случаѣ, какъ это было съ фермой въ Бостонѣ, гдѣ стоимость земли со времени ея пріобрѣтенія обществомъ страшно возросла", говорится въ „Исторіи возникновенія и развитія арсенальнаго потребительнаго общества".

Случаи удачъ и неудачъ сообщались на конференціи въ Рогби съ одинаковой откровенностью. Нѣкоторыя изъ обществъ причисляли себя къ чисто-кооперативнымъ, другія руководились также принципами „копартнершипа". Ферма въ Линкольнѣ была основана въ 1889 г. покупкой двѣнадцати акровъ земли. Товарищество превратило эту „груду мусора" въ плодовый садъ. Прибыль съ этого было въ 1898 г. 75 долларовъ на акръ. Въ 1897 г. въ отчетѣ было сказано, что за 1896 г. ферма дала 780 долларовъ прибыли на свои $54^1/_2$ акра. Макъ-Иннсъ—делегатъ отъ Общества—далъ нижеслѣдующія данныя изъ его исторіи на конгрессѣ въ 1895 г.:

„Общество увеличиваетъ свою производительность для опредѣленнаго рынка, а именно для своихъ городскихъ сочленовъ; двѣнадцать акровъ земли, пріобрѣтенныхъ шесть лѣтъ тому назадъ, были очень жалкаго качества, но хорошая обработка и удобреніе измѣнили все это, и, взявъ среднее за весь этотъ

періодъ времени, можно сказать, что предпріятіе хорошо окупилось. Все это было такъ просто потому, что на всякій кусокъ тутъ же находился и ротъ, и то, что не могло итти на потребленіе человѣка, то находило себѣ примѣненіе для скота. Такимъ образомъ удалось избѣгнуть всякаго непроизводительнаго расхода, и то, что прежде составляло отбросъ отъ мельницы, амбаровъ, бойни,—все это начали утилизировать. Такъ какъ кооперація, по своей сущности, есть система противоположная всякой расточительности, то кооператоры должны были бъ, насколько возможно, сорганизоваться, чтобъ воспользоваться своими великолѣпными и все увеличивающимися денежными средствами для развитія земледѣлія. Если наша исторія за послѣднія двадцать пять лѣтъ еще не внушила намъ довѣрія къ будущему, то мы дѣйствительно медленно учимся, скептики выше всякой мѣры и намъ ничего больше не остается, какъ ждать, учиться и организовывать, потому что распространеніе и развитіе нашего движенія въ правильномъ направленіи зависитъ не отъ пониманія немногихъ и вѣры немногихъ, но отъ пониманія и вѣры массы.

Показателемъ удачнаго опыта Линкольнскаго общества могутъ служить факты, сообщенные В. Кэнбелемъ на конгрессѣ въ Сондерлендѣ. Общество имѣло порядочную прибыль, кромѣ уплаты процентовъ на капиталъ; оно могло снабжать ихъ по болѣе низкой цѣнѣ предметами высшаго качества для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей. Оно настолько улучшило землю за это время, что теперь она на много фунтовъ стерлинговъ стоитъ дороже за акръ по сравненію съ тѣмъ, какъ ее покупали. Оно уплачивало за работу на двѣнадцати акрахъ больше, чѣмъ девяносто девять изъ ста фермеровъ уплачивало за работу на пятидесяти, и, организовавъ производство, они совершенно уничтожили у себя классъ посредниковъ.

Нью-Кестльское общество шло хорошо. Одинъ членъ этого конгресса (въ 1895 г.) сообщилъ, что они имѣютъ двѣсти пятьдесятъ акровъ земли, изъ нихъ сто восемьдесятъ пахотной и семьдесятъ пастбищной. Незадолго до этого они стали продавать молоко. Ихъ потребительное общество служило рынкомъ для сбыта, и ихъ продуктъ высоко цѣнился, т. к. они не разбавляли его водой. У нихъ служило пять человѣкъ, изъ которыхъ ни одинъ не получалъ меньше двадцати пяти шиллинговъ въ недѣлю за работу въ пятьдесятъ шесть часовъ. Они работали на фермѣ въ теченіе трехъ лѣтъ и у нихъ очистилось девять съ половиною процентовъ прибыли. За текущій годъ они разсчитывали получить 10 % чистой прибыли. Но считая за пять лѣтъ до 1897 г. на капиталъ въ 58,640 долларовъ, чистая прибыль составитъ только одинъ съ небольшимъ процентъ. Этотъ сравнительно жалкій результатъ въ большей степени зависѣлъ отъ эпидемическаго заболѣванія коровъ, отъ мѣстоположенія

фермы и отъ многихъ неблагопріятныхъ для земледѣлія условій за послѣднія нѣсколько лѣтъ.

Я обязанъ Риду, секретарю Ипсвическаго потребительнаго общества, сообщеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, помѣщенныхъ 26 декабря 1897 г. о результатахъ ихъ земледѣлія. Они обрабатывали шестьдесятъ акровъ, купленныхъ десять лѣтъ тому назадъ за 15,000 долларовъ. Общество терпѣло убытокъ отъ пшеницы, и стало производить овощи и кормовыя травы для скота. Они имѣютъ двадцать коровъ и сотню свиней и смотрятъ на нихъ, какъ на источникъ дохода. Земля у нихъ плохая и сырая; тѣмъ не менѣе за годъ, кончающійся у нихъ 12-го октября 1897 г., по уплатѣ пяти процентовъ на капиталъ, и, сдѣлавъ всѣ вычеты, они имѣли 407 долларовъ прибыли.

Другой опытъ, сообщенный на конференціи, былъ въ Ассингтонѣ. Д. Томсонъ добросовѣстно описалъ его въ своей брошюрѣ: „Слѣдуетъ ли кооперативнымъ обществамъ заниматься земледѣліемъ“, которая была продана Шотландскимъ кооперативнымъ обществамъ для оптовыхъ операцій. Обществомъ Ассингтонская земледѣльческая ассоціація близъ Кольчестра было основано въ 1883 г. двѣ фермы: Севеpальсъ и Нотсъ, имѣвшія 223 акра, были уже къ этому времени кооперативны, потому что онѣ велись ассоціаціей земледѣльцевъ—первая съ 1829 г., а вторая съ 1850 г. Много лѣтъ они имѣли постоянный успѣхъ и за послѣднія семнадцать лѣтъ они раздѣлили между собою 800 долларовъ. Все-таки многіе изъ земледѣльцевъ оказались несостоятельными въ 1) благодаря неурожаямъ и низкимъ цѣнамъ и 2) недостаточному оборотному капиталу. Сюда же нужно отнести и отсутствіе запаснаго капитала, который долженъ былъ бы быть собранъ въ благопріятные годы. Въ 1883 г. женская кооперативная гильдія обратилась циркулярно къ кооперативнымъ обществамъ и къ отдѣльнымъ лицамъ съ просьбою о 12.500 долларахъ для возстановленія предпріятія заново на кооперативныхъ началахъ. Былъ назначенъ комитетъ и дѣятельность первой изъ вышеназванныхъ фермъ началась съ января 1884 г., когда собранный капиталъ достигъ 8.000 долларовъ. Около половины пахатной земли съ тѣхъ поръ и до настоящаго момента предназначается для злаковъ, а остальная часть для корнеплодовъ, пастбищъ и т. п.

Затрудненія начались въ 1885 г. Въ 1886 былъ убытокъ въ 2.015 долларовъ, и въ 1887 г. комитетъ былъ уполномоченъ отказаться отъ аренды, если землевладѣлецъ не понизитъ арендной платы. Въ 1888 г., казалось, дѣло начало было „поправляться“, хотя убытокъ превосходилъ еще 5.000 долларовъ и проценты по займу были въ слѣдующемъ году уменьшены съ пяти на четыре. Убытокъ по торговлѣ былъ въ 1750 долларовъ и сумма всѣхъ потерь достигла 7.770 долларовъ. Арендная плата была уменьшена до 375 долларовъ за акръ—нѣкоторое облегченіе, которое.

повидимому, сразу дало себя почувствовать, хотя убытки все-таки продолжались отъ 1892—1894 г. Два послѣдующіе года—1895 и 1896—даютъ уже прибыль въ 485 и 350 долларовъ. Послѣдній годовой отчетъ (1897) опять показываетъ убытокъ въ 145 долларовъ. Эта сумма, прибавляемая къ прежнимъ убыткамъ, дала къ январю 1897 г. цифру задолженности въ 8.670 долларозъ. Но въ концѣ этого года общество имѣло маленькую прибыль и надѣялось на лучшее будущее въ дальнѣйшемъ.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ у нихъ былъ цѣлый рядъ неудачъ, пока положеніе дѣла не измѣнилось въ 1897 г. Въ виду того, что въ это же время фермы по сосѣдству пріобрѣтались и обрабатывались съ выгодою,—нельзя было возлагать отвѣтственность за эти убытки на земледѣліе вообще. Такъ какъ и другія кооперативныя фермы въ это-же время удачно вели свои дѣла, то и принципъ кооперацiи тутъ былъ не при чемъ. Повидимому, и члены конференціи приписывали успѣхъ въ Линкольнѣ тому, что ихъ ферма имѣла непосредственный сбытъ въ ихъ собственное большое потребительное общество, и что кажущаяся неудача въ Ассингтонѣ зависѣла именно отъ отсутствія такихъ сношеній. Въ послѣднемъ случаѣ также были указанія на ошибки въ веденіи дѣла. Я употребилъ выраженіе „кажущаяся" неудача, т. к. изучавшіе этотъ случай находили, что потери возмѣстились повышеніемъ стоимости земли.

Одна изъ наиболѣе процвѣтающихъ кооперативныхъ фермъ—это товарищество въ Донфермлайнѣ. Они имѣютъ 500 акровъ, за которые платятъ въ среднемъ по 11 долларовъ за акръ. Вложенный въ дѣло капиталъ равняется 37,500 долларамъ и въ 1896 г. онъ далъ прибыли 3.125 долларовъ. Капиталъ находился въ дѣлѣ четыре года. За это время сама ферма дала доходу 2.005 доллара и молочная торговля 11.365 долларовъ, общая цифра доходу равнялась 13.370 долларамъ.

Хуже всего дѣло обстоитъ съ фермой шотландскаго кооперативнаго общества въ Карбрукѣ-Мейнсѣ. Имѣя двѣсти восемьдесятъ акровъ земли, и, затративъ капиталъ въ 20.000 долларовъ, это общество въ теченіе пяти лѣтъ потеряло 26.110 долларовъ, т. е. больше, чѣмъ весь свой капиталъ. Но въ 1897 г. дѣло повернулось иначе, и появилась прибыль. Они платятъ теперь только 7 долларовъ за акръ, а вначалѣ платили 8 долларовъ 50 центовъ. Я никакъ не могъ добиться выясненія причинъ этихъ убытковъ, которые, очевидно, зависятъ отъ спеціальныхъ, а не отъ общихъ причинъ. Они идутъ совершенно внѣ линіи среднихъ результатовъ другихъ кооперативныхъ фермъ. Доходъ 1897 г., можетъ быть, предвѣщаетъ начало цѣлаго ряда благопріятныхъ годовъ.

III.

Нѣсколько фермъ на началахъ копартнершипа.

Bостальская ферма Вуличскаго потребительнаго общества, которую я поѣхалъ осматривать, основана на началахъ копартнершипа, какъ и всѣ производительныя предпріятія этой цвѣтущей ассоціаціи.

Вуличское потребительное общество, иначе называемое Королевское Арсенальное Кооперативное Общество, началось въ 1868 г. съ обмѣна мнѣній между рабочими во время ихъ работъ. На первомъ собраніи весь основной капиталъ, собранный по подпискѣ, достигалъ 22 доллара 75 центовъ. Онъ составился изъ суммъ начиная отъ двадцати пяти центовъ и до 2 доллара 50 центовъ. Самый крупный взносъ, дозволенный одному члену, равнялся 5.00 долларамъ. Въ теченіе трехъ недѣль собрали капиталъ въ 36 долларовъ. На эти деньги былъ купленъ ящикъ чаю, нанята маленькая задняя комната, которую заполнили токарными станками и скамейками. Эта комната служила имъ и складомъ и мастерской. Макліодъ, и нынѣ дѣйствующій секретарь общества, котораго я видѣлъ съ законной гордостью предсѣдательствующимъ на торжествѣ открытія новаго отдѣла, разсказывалъ намъ, какъ послѣ цѣлаго дня работъ онъ отправлялся въ Лондонъ за матеріалами для недѣльной работы, тащилъ ихъ на спинѣ до желѣзнодорожной станціи въ Лондонѣ, затѣмъ отъ станціи въ Вуличѣ до своего маленькаго склада.

Одинъ вечеръ требовался для развѣски товаровъ и приготовленія его для раздачи. Вначалѣ лавка была открыта для торговли только въ субботу вечеромъ. По окончаніи вечерней торговли жена секретаря должна была сама мыть прилавки. Правленіе дѣйствовало одновременно и какъ покупатель и какъ продавецъ. Вся ихъ работа производилась безплатно, и только черезъ два года послѣ основанія ассоціаціи секретарь и другіе члены правленія согласились получать вознагражденіе за свой трудъ. Въ первый годъ въ дѣлѣ имѣлось нѣсколько больше 2,000 долларовъ, которые дали прибыли для участниковъ около 100 дол. Члены получили дивидендъ въ 49 долларовъ, 4 доллара 25 центовъ были уплачены как проценты на капиталъ; имущество было оцѣнено ниже дѣйствительной стоимости въ 38 доллара, и 6 долларовъ было отложено, какъ резервъ. Это былъ хорошій образецъ кооперативнаго хозяйничанья. Убытки были совершенно списаны со счетовъ и резервный фондъ былъ сдѣланъ равнымъ пяти процентамъ всего капитала. Въ 1873 г. продажа товара составляла уже ежегодно 13 долларовъ.

Постепенно явилась необходимость въ наемномъ трудѣ и съ наймомъ перваго приказчика было признано право участія въ прибыляхъ всѣхъ служащихъ. Съ этого времени Общество дер-

жится принципа: каждый служащій получаетъ такой-же процентъ на свое жалованье, какъ членъ Общества на свои покупки. Это было формально изложено въ правилахъ въ 1877 г., равно какъ и то, что два съ половиною процента чистой прибыли должны быть отложены въ образовательный фондъ. „Никогда еще въ исторіи общества резолюція такъ ясно не выражали внутренній смыслъ движенія—воспитаніе и справедливость“ (Происхожденіе и развитіе Общества, изд. имъ самимъ).

Во время экономической паники въ 1894 г. масса строительныхъ и земледѣльческихъ обществъ потерпѣли полное крушеніе, при этомъ и городъ Вуличъ сильно пострадалъ. Королевское Арсенальное Кооперативное Общество должно было вернуть своимъ членамъ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ ихъ вклады на 870.000 долларовъ, и только благодаря разумной политикѣ накопленія резервовъ съ самаго своего основанія, оно могло перенести этотъ отливъ денегъ безъ потрясеній. Общество идетъ впередъ, непрерывно расширяя свое дѣло, основывая новые отдѣлы и увеличивая свои помѣщенія. Теперь оно уже имѣетъ свой собственный строительный отдѣлъ. На открытіи его, на которомъ я присутствовалъ, были сообщены слѣдующія цифры объ ихъ операціяхъ. Ежегодная продажа достигаетъ 975.000 долларовъ. Капиталъ равняется 580.000 долларамъ, основный фондъ 42.500 долларовъ. За двадцать девять лѣтъ съ основанія дѣла они выручили за продажу продуктовъ 10.000.000 долларовъ. До 1898 изъ прибылей было уплачено 780.450 долларовъ, какъ дивидендъ при покупкахъ. Служащимъ было выплачено 60.590 долларовъ и 22.500 долларовъ было отложено въ образовательный фондъ. Въ 1897 г. за продажу было выручено 1.008,685 долларовъ на 141.125 д. больше, нежели въ предыдущемъ году. Капиталъ возросъ до 614.050 долларовъ. Членамъ для покупки домовъ выдано заимообразно 114.305 долларовъ, что составляетъ вмѣстѣ съ предыдущими выдачими для этой же цѣли 304.890 долларовъ.

Въ день этого торжества дома въ Вуличѣ были украшены флагами, по улицамъ ходили оркестры музыки вмѣстѣ съ радостной и торжествующей толпой. Длинная процессія была устроена изъ вагоновъ общества, украшенныхъ различными надписями. На одномъ изъ нихъ былъ списокъ производствъ общества: „Мясники, пекаря, торговцы колоніальными товарами, торговцы сукнами, портные, сапожники, фермеры и торговцы молочными продуктами“. На другомъ было написано слѣдующее: „Кооперація—это миръ для производства, противоположность конкурренціи, которая представляетъ изъ себя войну въ дѣлѣ производства“. Дальше: „Цѣль коопераціи—дать, при совмѣстномъ трудѣ, капиталъ тѣмъ, у кого его нѣтъ“. Большой городской залъ для гимнастики былъ заполненъ тысячами народа, которые собрались туда послушать музыку и рѣчи выдающихся кооператоровъ.

Во время этихъ празднествъ началъ выходить въ свѣтъ журналъ *„Товарищество“* (*Camradeship*), который долженъ быть органомъ общества и руководящая статья котораго заслуживаетъ быть переданной здѣсь. Вначалѣ авторъ обращается къ кооператорамъ съ напоминаніемъ сохранять вѣрность духу движенія въ складахъ и мастерскихъ, совѣтуетъ объединять какъ тѣ, такъ и другія, расширять кругъ обществъ на принципахъ копартнершипа, такъ какъ эти общества стремятся измѣнить заработокъ рабочаго въ его характерѣ и нравственномъ значеніи. Далѣе авторъ говоритъ, что Великобританія и Ирландія надѣются посредствомъ земледѣльческихъ ассоціацій выкупить землю и что цѣль газеты „Товарищество“—сдѣлать всѣмъ извѣстнымъ, „что благосостояніе десяти тысячъ мужчинъ и женщинъ въ Вуличѣ достижимо для всѣхъ; что шесть лавокъ, лучшая пекарня въ Лондонѣ, двѣ фермы, конюшни для семидесяти лошадей, шестьдесятъ пять вѣялокъ, новыя санитарно-оборудованныя портняжныя мастерскія, сапожная и башмачная лавка, строительный отдѣлъ, народный банкъ— все это создано не для наживы отдѣльнаго лица, но для общаго блага. Всѣ приглашаются войти въ дѣло, принять участіе въ управленіи, пользоваться въ равной мѣрѣ плодами общей работы и любви піонеровъ прошлаго и заслужить благодарность будущаго Вулича, какъ піонеры настоящаго“. Каждый можетъ пользоваться этимъ „открытымъ наслѣдствомъ“, уплативъ тридцать семь центовъ.

Результатъ работы за эти двадцать девять лѣтъ вполнѣ подтверждаетъ слова, цитируемыя мною по отчету: „Это общество служитъ теперь памятникомъ безкорыстія нѣсколькихъ рабочихъ— основателей его, которые исключительно тяжелымъ трудомъ, самоотверженіемъ и настойчивостью, безъ всякихъ помысловъ о какой-либо наградѣ или почестяхъ, создали для жителей Вулича и Плумснеда такое благодѣтельное общество, какого они никогда не имѣли“.

Это не хвастовство человѣка, нарядившагося въ доспѣхи, и еще менѣе—того, кто ихъ снялъ съ себя. Это правдивыя слова человѣка, одержавшаго одну побѣду и сохраняющаго оружіе для дальнѣйшихъ.

Значительная часть земли на Бостальской фермѣ въ то время, когда ее пріобрѣло общество, представляла изъ себя сплошное болото, но я уже нашелъ въ ней каждый акръ въ цвѣтущемъ видѣ. Ферма лежитъ на пологомъ берегу Темзы, и съ ея низко расположенной поверхности рѣка не видна; но ея плуги, какъ суда по рѣкѣ, бороздятъ поля во всѣхъ направленіяхъ, точно стремясь, какъ и тѣ, распространить британскую торговлю на всѣ четыре стороны.

Покупка фермы, которая въ исторію общества внесена, какъ событіе „крайне важное“, была рѣшена на очередномъ собраніи въ маѣ 1886 г. Ферма имѣла свыше пятидесяти двухъ акровъ огородной

земля, съ усадебными постройками и домиками—все это вмѣстѣ стоило 31.000 долларовъ.

Купленная земля была въ очень плачевномъ видѣ, и нужны были большія затраты, чтобы привести ее въ культурное состояніе. Три старыхъ коттэджа были снесены и вмѣсто нихъ былъ выстроенъ одинъ новый. Старый коровникъ былъ превращенъ въ свиной хлѣвъ и началось выкармливаніе свиней. Но это начинаніе вскорѣ потерпѣло неудачу. Къ довершенію всѣхъ несчастій, пришлось смѣстить перваго управляющаго и замѣнить его другимъ, который и по сейчасъ находится на этомъ мѣстѣ. Въ теченіе лѣта 1887 г. была выстроена новая скотобойня. Въ началѣ 1889 г. выстроили новые хлѣва для свиней на самыхъ усовершенствованныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Это были кирпичныя постройки съ шиферной крышей и съ желѣзными приспособленіями. Дворъ былъ дренированъ и вымощенъ; никакіе расходы не останавливали кооператоровъ для улучшенія санитарныхъ условій. Въ концѣ концовъ получился образцовый хлѣвъ, который можетъ конкуррировать съ любымъ изъ хлѣвовъ на много миль вокругъ. Эта постройка даетъ обществу возможность содержать отъ трехсотъ до трехсотъ пятидесяти свиней. Дальнѣйшія усовершенствованія состояли въ проведеніи воды ко всѣмъ постройкамъ, въ ирригаціи полей, въ устройствѣ газоваго освѣщенія во всѣхъ строеніяхъ фермы и во дворѣ, въ покрытіи листовымъ желѣзомъ значительной части крышъ и въ устройствѣ двухъ парниковъ для разведенія томатовъ, огурцовъ и т. п.

Въ 1889 и 1890 гг. шла очень живая агитація въ пользу употребленія пахатной земли подъ постройки. Вниманіе членовъ общества было занято этимъ вопросомъ въ теченіе нѣсколькихъ митинговъ; наибольшаго напряженія этотъ вопросъ достигъ 16-го апрѣля 1890 г. во время общаго собранія, гдѣ онъ былъ рѣшенъ отрицательно.

У нихъ разводятся самыя разнообразныя овощи: капуста, разсада, разныя съѣдобныя травы, капуста сафой, цвѣтная капуста, брюссельская капуста, шотландская кудрявая капуста, шпинатъ, латукъ, ревень, сельдерей, лукъ, порей, капуста для пикулей, пастернакъ, рѣпа, морковь, свекла, картофель, хрѣнъ, тыква, горохъ, бобы, фасоль, саго, мята, петрушка, шалфей и огурцы. Для лошадей и свиней взращивается свекла, земляная груша, журавлиный горохъ, плевелы и рожь. Небольшой участокъ земли отведенъ подъ опытный фруктовый садъ. Около акра занято земляникой и около полутора акра — различными сортами яблокъ, грушъ, сливъ, крыжовника, малины и бѣлой, черной и красной смородиной.

Съ самаго начала ферма обрабатывалась Обществомъ, и насколько возможно, оно старалось производить только то, что могло быть продано или использовано имъ же самимъ. Хотя во многихъ

случаяхъ, говоритъ отчетъ, содержаніе всего дѣла, повинности и плата за трудъ особенно высоки, все-таки обработка фермы почти за десятилѣтіе дало очень ничтожный убытокъ; этотъ (почти номинальный) убытокъ произошелъ оттого, что ферма оплачивала изъ пяти процентовъ весь вложенный въ нее капиталъ. Съ другой стороны, ферма имѣетъ преимущества готоваго и вѣрнаго рынка для своихъ продуктовъ, ей не приходится оплачивать дорого стоющей перевозки, коммиссіонеровъ для сбыта продуктовъ, и до извѣстной степени она обезпечена отъ колебаній цѣнъ на рынкѣ.

Я видѣлъ Вуличъ въ великій въ его жизни день; открывался новый отдѣлъ, и это событіе праздновалось со всею торжественностью, возможной для кооператоровъ: процессіи, музыка, рѣчи и, конечно, серебряный ключъ для открытія дверей новаго склада. Управляющій фермою съ любезной готовностью, которая вообще характеризуетъ кооператоровъ относительно интересующихся дѣломъ гостей и даже какъ бы входитъ въ ихъ тактику, прервалъ свои каникулы и показалъ мнѣ все поле своей дѣятельности. Такъ какъ это было на исходѣ лѣта, то вся красота сѣнокоса уже прошла. Но даже и при такомъ осеннемъ увяданіи ферма выглядѣла идеально-чистой и въ совершенствѣ обработанной. Кое-гдѣ еще виднѣлись грядки сельдерея, и во многихъ мѣстахъ еще ярко сверкали пунцовые цвѣты турецкихъ бобовъ. Оранжереи были полны томатовъ, лозы которыхъ поднимались до крыши; онѣ давали доходу по 400 долларовъ на акръ и въ настоящее время года были уже всѣ сняты. Казалось, ни одинъ ярдъ земли не пропадалъ безцѣльно. Ряды капусты были посажены среди рядовъ сельдерея, и отъ самаго ранняго салата до самыхъ позднихъ бобовъ — всякій клочокъ земли былъ занятъ и засѣянъ. Въ просторныхъ свиныхъ хлѣвахъ, дренированныхъ и вымощенныхъ кирпичомъ съ крытыми помѣщеніями для зимы, нигдѣ не было видно кучъ грязи, которыя дѣлаютъ отвратительными обычныя помѣщенія для свиней.

Во время нашей прогулки управляющій разсказалъ мнѣ о своей роли въ исторіи кооперативнаго фермерства. Общая производительность фермы составляла 10.000 долларовъ, около 200 дол. на акръ. „Мои сосѣди не имѣютъ и половины этого, хотя мы получили землю въ очень дурномъ видѣ". Хрѣнъ давалъ 300 долларовъ на акръ; бобы—200; ревень или, какъ мы его называемъ, pic-plant — 250. Нѣкоторые участки при двухъ сѣнокосахъ приносятъ 400 долларовъ на акръ. Кемпбелль изъ Лидса въ своей статьѣ „Кооперативное земледѣліе", написанной передъ годичнымъ конгрессомъ въ 1894 г., описываетъ доходъ съ овощей, какъ нѣчто „прямо удивительное" и даетъ слѣдующія цифры: „Въ 1890 г. были получены слѣдующія суммы съ акра: свекла дала 250 дол., брюссельская капуста — 195, капуста — 215, салатъ-латукъ — 340, лукъ—240, ревень—300, турецкіе бобы—210, томаты—450; и всѣ

остальныя овощи дали соотвѣтственно этому; сборъ многихъ изъ нихъ производится по два раза".

У нихъ въ услуженіи неизмѣнно находится около десяти человѣкъ, и они платятъ имъ гораздо выше средняго жалованья, платимаго во всѣхъ окрестностяхъ. Женщины, которыхъ тамъ тоже нѣсколько, получаютъ восемнадцать пенсовъ въ день. Если это „выше средняго", то каковы же должны быть общія условія работы для женщинъ на фермахъ здѣсь по близости! Онѣ должны были работать ежедневно, чтобы заработать девять шиллинговъ въ недѣлю. Управляющій говорилъ мнѣ, что онъ старался имѣть для нихъ работу и въ домѣ на случай дурной погоды, чтобы спасти ихъ отъ потери времени. Лучшіе работники получаютъ по 6 долларовъ въ недѣлю; на эти деньги дивидендъ ихъ за это же время составляетъ семьдесять пять центовъ въ недѣлю. Несомнѣнно, что близость Лондона, дымъ котораго всегда отчетливо виденъ, а также обиліе кооперативныхъ предпріятій въ этой мѣстности создаютъ для земледѣльческаго труда болѣе высокую плату, чѣмъ та, какая въ среднемъ существуетъ по всей Англіи. Служащіе, какъ и всѣ рабочіе въ Вуличскомъ обществѣ, имѣютъ свою долю участія въ прибыляхъ, и если они пожелаютъ, то могутъ сдѣлаться членами общества. Въ другихъ обществахъ, основанныхъ на принципахъ копартнершипа, надѣются на то, что всѣ служащіе вступятъ въ число членовъ. Ихъ часть прибылей выдается имъ въ видѣ кредитивовъ для постепенной уплаты за пай, пока они не внесутъ полностью минимальнаго взноса. Но въ Вуличѣ такая „принудительная капитализація", какъ ее иногда называютъ, не практикуется. Тотъ фактъ, что ферма не имѣетъ дохода нѣсколько лѣтъ, не лишаетъ рабочихъ ихъ прибылей. Въ Вуличѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ производительныхъ центрахъ, вся прибыль отъ всѣхъ отдѣловъ соединяется вмѣстѣ и всѣ служащіе, равно какъ и пайщики, получаютъ въ зависимости отъ общаго результата дѣла, — это-то и составляетъ главную привлекательность Вуличской организаціи.

Здѣсь такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ съ кооперативными учрежденіями, я нашелъ, что люди, стоящіе во главѣ дѣла, безъ особеннаго энтузіазма говорятъ о томъ, какъ относятся служащіе и пайщики ко всему тому, что дѣлается въ ихъ пользу. Масса, даже среди членовъ старѣйшихъ и наиболѣе процвѣтающихъ обществъ, относится крайне вяло ко всѣмъ усиліямъ руководителей. Впрочемъ, такъ всегда бывало въ исторіи массъ. Со временъ Израиля, роптавшаго и желавшаго вернуться въ Египетъ къ тѣмъ же плетямъ и очагамъ и вплоть до нашихъ дней исторія освобожденія — всегда одно и та же. Въ настоящее время всѣ земледѣльцы по Вуличской фермѣ состоятъ членами общества и получаютъ дивидендъ на свое жалованье такъ же, какъ и на свои покупки. Въ истекшемъ году (1896) этотъ дивидендъ составлялъ

одинъ шиллингъ десять пенсовъ на фунтъ, т. е. около десяти центовъ на долларъ. „Они гораздо состоятельнѣе, нежели ихъ сосѣди", сказалъ мнѣ управляющій, и тутъ же прибавилъ, что среди рабочихъ на фермѣ очень слабъ интересъ къ идеѣ кооперацiи и къ ея примѣненiю для самихъ себя. Но въ Кеттерингѣ и другихъ мѣстахъ атмосфера была болѣе бодрящая.

Управляющій въ Вуличѣ—человѣкъ очень серьезный, преданный дѣлу и упорно трудящійся, былъ крайне заинтересованъ, чтобы не сказать обезкураженъ дефицитомъ, который, несмотря на всѣ его старанія и внѣшній успѣхъ, если судить о немъ по сравненію съ сосѣдними фермами, все-таки фигурировалъ въ отчетахъ общества. Такъ, въ 1896 г. ферма имѣла убытокъ въ 1.490 долларовъ. Очевидно, онъ этого не могъ понять и въ дѣйствительности этому не вѣрилъ. Онъ выручалъ въ годъ 10.000 долларовъ, затрачивалъ только 8.000, и въ тоже время ему говорили, что его дѣло приноситъ большой убытокъ. Тогда я не былъ въ состояніи освѣтить эту темную для него сторону дѣла, но потомъ, когда я узналъ, что по книгамъ каждый акръ земли выплачивалъ проценты, считая стоимость его въ 600 долларовъ, я понялъ насколько дефицитъ былъ фиктивенъ. И даже отчетъ общества говоритъ объ убыткахъ по земледѣлію, какъ „о почти номинальныхъ".

Одна сторона вопроса остается внѣ сомнѣнія: результаты кооперативнаго фермерства и здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, выше, нежели средніе результаты частныхъ предпріятій. Е. О. Гринингъ въ своей рѣчи на кооперативномъ конгрессѣ въ 1894 г. сказалъ, что ежегодный убытокъ на акръ въ Соединенномъ королевствѣ составляетъ 5 долларовъ, т. е. равняется всей рентѣ за ферму. И все-таки даже ему не приходилось постоянно встрѣчать только убытокъ за первую половину 1897 г. Вуличская ферма имѣла, какъ мнѣ съ гордостью сказалъ управляющій, прибыль въ 878 долларовъ за годъ или за два; до этого—сосѣдъ, крупный землевладѣлецъ былъ у него въ гостяхъ и хвалился, что за текущій годъ ему осталось 5.000 долларовъ чистаго дохода съ его тысячи акровъ. Въ этомъ же году по кооперативной фермѣ въ Вуличѣ очистилось 50 долларовъ на акръ, или, какъ съ гордостью замѣтилъ управляющій, въ десять разъ больше, чѣмъ у сосѣда.

Другая ферма на принципахъ копартнершипа, дѣлающая одинъ изъ самыхъ интересныхъ опытовъ кооперативнаго земледѣлія,—это Шотландская ассоціація кооперативнаго земледѣлія. Она имѣла долгую и очень перемѣнчивую судьбу, которая недавно кончилась ликвидаціей всего предпріятія. Исторія этого дѣла даетъ рѣзкій примѣръ того, какъ мужество и преданность принципамъ, въ основѣ чисто-матеріальнымъ, въ кооперативномъ движеніи приводятъ къ моральнымъ результатамъ, которые еще гораздо

болѣе важны, нежели денежные. Найти лучшихъ людей, какъ руководители шотландскихъ кооператоровъ—болѣе проницательныхъ и восторженно преданныхъ дѣлу, полныхъ реализма и поэзіи, какъ только истые шотландцы могутъ быть—невозможно.

Многіе среди лучшихъ изъ нихъ въ теченіе ряда лѣтъ были піонерами въ дѣлѣ постановки кооперативнаго земледѣлія на подобающую ему высоту. Они стремились поставить его во главѣ земледѣлія родной страны и даже всего міра. Судьба мнѣ благопріятствовала, и я познакомился съ Д. Динсомъ — однимъ изъ проповѣдниковъ и организаторовъ кооперативнаго движенія въ Шотландіи—по своимъ взглядамъ онъ былъ преемникомъ Бобби Бернсъ, Адама Смита и Роберта Оуэна.

Какъ результатъ многолѣтняго обсужденія вопроса на кооперативныхъ съѣздахъ, была предпринята организація Шотландской кооперативной земледѣльческой ассоціаціи. Иниціаторы ея обратились ко всѣмъ кооперативнымъ обществамъ съ просьбой принять участіе въ дѣлѣ, но капиталъ прибывалъ къ нимъ очень медленно.

Потребовалось пять лѣтъ пропаганды, чтобы собрать капиталъ въ 68.000 долларовъ; наконецъ, деньги были получены, уставъ составленъ и общество зарегистровано подъ выше упомянутымъ названіемъ. Тогда передъ ними всталъ вопросъ о землѣ—вопросъ болѣе трудный, чѣмъ даже вопросъ о капиталѣ. Деньги были получены отъ кооператоровъ, которые давали ихъ охотно, а земля должна была быть получена отъ землевладѣльцевъ, которые давали ее неохотно. Сначала никто изъ нихъ не хотѣлъ сдавать имъ фермъ. Предприниматели объявляли въ газетахъ и откликались на всѣ объявленія, но никто изъ землевладѣльцевъ не вѣрилъ настолько въ это дѣло, чтобы сдать свою землю кооперативному земледѣльческому обществу. Наконецъ, имъ удалось получить въ аренду ферму въ графствѣ Стирлингъ, имѣющую 884 акра, по 7 долларовъ за акръ. Былъ приглашенъ управляющій, и они приступили къ работѣ. Съ самаго начала однимъ изъ главныхъ занятій у нихъ была покупка, разведеніе и тренировка лошадей для кооперативныхъ обществъ, т. к. послѣдніе нуждаются въ огромномъ количествѣ лошадей для развозки товаровъ. Они начали также поставлять молоко кооперативнымъ обществамъ въ Глазго.

Сначала все шло очень хорошо. Въ первый годъ они уплатили проценты на капиталъ и имѣли только маленькій убытокъ. Второй годъ они выплатили шесть процентовъ на капиталъ и премію въ шесть пенсовъ на каждый фунтъ, полученный какъ рабочими, такъ и потребителями; сдѣлали взносъ для цѣлей образовательныхъ, которыя такъ дороги кооператорамъ, и сверхъ всего этого имѣли маленькій излишекъ. На третій годъ они приняли еще одну ферму около Стирлинга съ платой по 11 дол-

ларовъ за акръ. Въ этотъ годъ они уплатили только проценты на капиталъ.

Около этого времени началось злополучное паденіе цѣнъ на продукты, сильно разорившее англійскихъ фермеровъ, связанныхъ своими контрактами съ неизмѣнно высокой арендной платой. Сѣно упало въ цѣнѣ съ 22 долл. 50 цент. до 12 долл. 50 цент. за тонну; овесъ, картофель и другіе продукты также сильно понизились въ цѣнѣ. Тѣмъ не менѣе въ слѣдующемъ же году члены Ассоціаціи взяли еще три фермы въ приходѣ Нитшилль, близъ Глазго, имѣющія 494 акра съ платой по 13 долл. 50 цент. за акръ. Они купили лучшіе склады, завели образцовыя молочныя и всюду старались вводить различныя улучшенія. Они чувствовали, что самая правильная для нихъ политика—это пріобрѣтеніе наилучшихъ орудій труда и имущества. Эти и другія усовершенствованія поглотили слишкомъ много изъ ихъ капитала, но они все-таки продолжали перебиваться до банкротства въ 1898 г. Циркулярами и воззваніями имъ не удалось убѣдить Общество внести такой добавочный капиталъ, чтобы фермы могли начать работать съ прибылью, и до слѣдующаго года упадокъ продуктивности шелъ почти безъ перерыва. Другимъ фермерамъ понизили ренту, но относительно кооператоровъ лэндлорды заявили, что они достаточно богаты и могутъ выдерживать такіе платежи. Несмотря на всѣ эти затрудненія, они все-таки и въ 1896 г. уплатили по пяти процентовъ на капиталъ и отложили 2,500 долларовъ на погашеніе предыдущихъ потерь. Въ 1897 г. ферма ежедневно отправляла отъ четырехъ до пятисотъ галлоновъ молока въ кооперативныя молочныя Глазго и разсчитывала заняться молочнымъ хозяйствомъ въ еще болѣе широкихъ предѣлахъ. Десяти тысячъ акровъ земли было бы недостаточно для поставки молока въ всѣ потребительныя общества въ Глазго. Ферма поставляла также сотни лошадей для огромной кооперативной пекарни, для потребительнаго общества и другихъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ, положеніе дѣлъ на фермахъ Общества было лучше, нежели у частныхъ собственниковъ по всей округѣ.

Въ январѣ 1898 г. этотъ земледѣльческій опытъ закончился по иску Шотландскаго для оптовыхъ операцій Общества, которому ферма задолжала около четырехъ тысячъ долларовъ. Ея долговыя обязательства составляли 87,532 доллара, а имущества было на 29.670 долларовъ меньше. Въ то же время, какъ стало извѣстно это банкротство, явилось нѣкоторое утѣшеніе въ видѣ отчета, даннаго въ журналѣ „Cooperative News“ о Карбрукъ-Мейнской фермѣ Шотландскаго Общества для оптовыхъ операцій. Эта ферма, до того времени представлявшая изъ себя самое неудачное изъ всѣхъ земледѣльческихъ предпріятій, въ этомъ же году въ первый разъ дала благопріятный балансъ. Среди причинъ, неблагопріятствовавшихъ успѣху дѣла, слѣдуетъ

отмѣтить три важнѣйшія: недостатокъ капитала, высокая арендная плата и контрактъ, который обязывалъ фермеровъ держаться стариннаго сѣвооборота. Эти всѣ препятствія легко могли быть устранены. Кооператоры видятъ теперь, что они должны покупать землю, а не арендовать ее. А такъ какъ у нихъ столько денегъ, что они не знаютъ, куда ихъ дѣвать, то, очевидно, капиталъ явится въ неограниченномъ количествѣ, какъ только у нихъ будетъ мужество итти впередъ. Что касается сѣвооборота и другихъ обременительныхъ условій, то они сами собою исчезнутъ, такъ какъ общества будутъ собственниками, а не арендаторами. Шотландцы смотрятъ съ завистью на перемѣны, произведенныя въ земельномъ законодательствѣ Ирландіи и чувствуютъ, что они далеко отстали отъ своихъ кельтскихъ собратьевъ. „Ирландцы здорово вопили,—сказалъ мнѣ одинъ шотландскій кооператоръ съ завистью,—и они пожали плоды отъ этого въ видѣ земельныхъ реформъ, которыя поставили ихъ далеко впереди насъ". Земледѣльческая часть хозяйства въ Шотландской Ассоціаціи была въ высокой степени удачна. Общество имѣетъ нѣсколько серебряныхъ кубковъ, девять золотыхъ медалей и дюжины серебряныхъ, собранныхъ на главныхъ выставкахъ скотоводства въ Шотландіи за превосходство ихъ лошадей и коровъ. „Мы не побили рекорда повсюду, но побили его въ значительной части Шотландіи", сказалъ мнѣ управляющій фермою.

Эта ферма примѣняла съ самаго начала принципъ участія въ прибыляхъ и дозволяла своимъ служащимъ дѣлаться членами. Ихъ правила требовали, чтобы прибыли рабочихъ удерживались и употреблялись на покупку ихъ права участія въ дѣлѣ. Общество имѣло образовательный фондъ, благодаря которому оно выписывало нѣсколько земледѣльческихъ журналовъ и посылало нѣкоторыхъ изъ своихъ молодыхъ людей въ земледѣльческія школы. Я нашелъ Динса и его сотоварищей совсѣмъ не удрученными результатами ихъ работы. Они смотрятъ на это, какъ на неизбѣжную ступень во всякомъ новомъ дѣлѣ. Этотъ опытъ заставилъ много другихъ обществъ начать фермерство, и ошибки послужили урокомъ для другихъ.

Чреватый результатами планъ былъ предложенъ Кооперативнымъ Союзомъ и горячо поддержанъ его секретаремъ И. К. Греемъ на конгрессѣ въ Питерборо въ 1898 г. Всѣ мѣстныя конференціи приглашались агитировать въ пользу этого плана.

Онѣ предлагали, чтобы всѣ кооперативныя общества съ потребительными во главѣ затрачивали избытокъ своего капитала на покупку земли и сдавали-бы ее не отдѣльнымъ лицамъ, а кооперативнымъ обществамъ земледѣльческихъ рабочихъ, послѣ того, какъ послѣдніе привыкли къ методамъ интенсивной культуры, которые перевернули все искусство землеобработки на континентѣ. Необходимый для дѣла капиталъ можно было бы

получить, основавъ ассоціаціи взаимнаго кредита — народные банки, — которые съ такимъ успѣхомъ функціонируютъ среди фермеровъ Германіи, Италіи и другихъ европейскихъ странъ. Купленная земля должна быть раздѣлена на мелкіе земельные участки, владѣльцы которыхъ арендуютъ свою землю кооперативно, покупаютъ орудія и сѣмена кооперативно, кооперативно же составляютъ контракты по доставкѣ товаровъ и кооперативно же продаютъ свои продукты. Но каждый земледѣлецъ—членъ общества—можетъ имѣть и свой клочокъ земли, выдѣленный ему обществомъ, чтобы имѣть стимуломъ работы—сознаніе, что все имъ взрощенное — его собственное. „Если кооператоры рѣшатъ,—сказалъ мнѣ И. К. Грей,—что эта революція должна совершиться, то она, конечно, произойдетъ". Эта „революція" очень много обсуждается.

Кеттерингъ было первое мѣсто, которое я посѣтилъ послѣ конференціи въ Рогби. Въ этомъ центрѣ кооперативной дѣятельности всѣ были полны плановъ относительно организаціи новой фермы, которая, подобно всѣмъ остальнымъ предпріятіямъ въ Кеттерингѣ, основывалась на принципахъ копартнершипа. Кооперативный складъ въ Кеттерингѣ процвѣтаетъ. Его филіальныя отдѣленія разсѣяны по всему городу и ему понадобилось бы двѣ тысячи акровъ только для удовлетворенія спроса на молоко. Здѣшнее кооперативное общество годами подготовлялось къ своему земледѣльческому предпріятію. Оно устроило по всей окрестности нѣсколько кооперативныхъ складовъ, члены которыхъ—почти сплошь были земледѣльческіе рабочіе; нѣкоторые изъ этихъ складовъ—лучшіе изъ всѣхъ, какіе у нихъ имѣются. Кеттерингское общество много агитировало по всей округѣ среди сельскихъ рабочихъ, собирало митинги, раздавало брошюры, чтобы подготовить ихъ къ новому для нихъ дѣлу.

На одномъ изъ такихъ митинговъ священникъ сидѣлъ среди публики, а не занималъ предсѣдательскаго кресла, какъ это принято обыкновенно въ Англіи, предсѣдательствовалъ за столомъ одинъ изъ земледѣльческихъ рабочихъ. Кстати сказать, священникъ даже не былъ приглашенъ на засѣданіе, но настолько интересовался вопросомъ, что пришелъ по собственному побужденію. Отношеніе дѣятелей коопераціи къ духовенству можно характеризовать, какъ индифферентизмъ, граничащій съ враждебностью. Враждебность къ священнику—не за то, что онъ священникъ, а за его обычную близость съ помѣщикомъ, лэндлордомъ и другими власть имущими, интересы которыхъ такъ сталкиваются съ интересами кооператоровъ. Послѣдней зимой предполагавшійся курсъ общеобразовательныхъ лекцій въ Кеттерингѣ кончился очень печально, благодаря тому, что предсѣдатель правленія назвалъ лектора „кооперативнымъ священникомъ". Слово „священникъ" погубило все дѣло. Кооператоры рѣдко стараются о

привлеченіи вліятельныхъ въ ихъ мѣстахъ людей къ покровительству ихъ начинаній. Одинъ изъ коопeраторовъ сказалъ мнѣ: „Когда важная персона стоитъ во главѣ предпріятія дѣла, общество обыкновенно идутъ ухудшаясь". Но кооператоры часто находятъ среди аристократіи людей, которые очень дружески расположены къ ихъ дѣлу. Яркій примѣръ этого — маркизъ де-Рипонъ. Лордъ Вернонъ разрѣшилъ предоставить землю кооператорамъ на болѣе льготныхъ условіяхъ, нежели другимъ фермерамъ. Еще случай—относительно собственника земли, которая сдана Кеттерингскому обществу. Онъ и его жена очень сочувствуютъ кооперативному движенію. Когда я былъ тамъ, общество вело переговоры съ ихъ представителемъ о пріобрѣтеніи нѣкотораго очень желательнаго для нихъ участка земли; съ того времени эта сдѣлка уже совершилась. Всѣ члены Общества были совершенно солидарны, въ полномъ восторгѣ отъ своихъ плановъ, сохраняя непоколебимую вѣру въ дальнѣйшій успѣхъ дѣла.

Послѣ полученія земли слѣдующая ступень должна быть—полученіе работы. Средняя заработная плата вокругъ Кеттеринга равняется 3 долл. 50 цент. въ недѣлю. Кооператоры платятъ больше этого, и какъ мнѣ сказалъ одинъ изъ нихъ, „должны были бы платить еще больше. Платя больше и получаешь больше". Только самые отборные рабочіе брались бы тогда за наши работы. Рабочіе, которые бывали на митингахъ и сдѣлались членами потребительнаго общества, понимающіе и интересующіеся идеей кооперации, очевидно, представляютъ собою самый дѣятельный и прогрессивный элементъ среди нихъ; предложеніе платы болѣе высокой, чѣмъ та, которую платятъ сосѣдніе фермеры, естественно сдѣлаетъ то, что въ общество пойдутъ лучшіе работники. Каждый платитъ одинъ шиллингъ, чтобы сдѣлаться членомъ общества. Тогда онъ знаетъ, что работа, которую онъ производитъ, также въ его интересѣ, какъ и всѣхъ остальныхъ сочленовъ. Его часть прибылей откладывается до тѣхъ поръ, пока минимальный взносъ за пай не будетъ вполнѣ выплаченъ. Обыкновенно это составляетъ 25 долларовъ. Послѣ этого онъ можетъ продолжать откладывать свою прибыль, получать на нее процентъ какъ на капиталъ, данный въ заемъ, или взять ее изъ дѣла для собственныхъ надобностей. Вначалѣ поиски рабочихъ — это „охота втихомолку". Ихъ имена держатъ въ секретѣ, чтобы защитить отъ фермеровъ—до поры, до времени ихъ работодателей.

Ферма, съ которой общество разсчитываетъ получить рабочихъ, имѣетъ свои коттеджи. Несомнѣнно, что рабочіе, ихъ нанимающіе, были бы немедленно выселены, какъ только стало бы извѣстнымъ, что они хотятъ перейдти на кооперативную ферму.

IV.

Золотыя жилы на изумрудномъ островѣ.

Я отправился въ Ирландію посмотрѣть кооперативныя маслобойни, изъ которыхъ таковыя въ Грэнджѣ и Донерэйлѣ организованы на началахъ копартнершипа и взглянуть на народный банкъ въ Донерэйлѣ. Тамъ и въ другихъ мѣстахъ я собралъ свѣдѣнія о такомъ развитіи кооперативнаго начала въ сельскомъ хозяйствѣ, какого я совершенно не ожидалъ. Въ былыя времена Ирландія представлялась туристу самой несчастной страною въ Европѣ; всюду по дорогамъ встрѣчались печальныя лица и полуразвалившіяся фермы, изъ которыхъ арендаторы за неплатежъ выселены лэндлордами; всюду слышались разсказы о фермерахъ, которые прежде были зажиточны, но попали впослѣдствіи въ работный домъ или домъ для сумасшедшихъ, и было очень распространено мнѣніе, которое и теперь встрѣчается нерѣдко, что Ирландія остается до сихъ поръ завоеванною страною и удерживается только силою. Но въ этомъ отчаянномъ состояніи зарождается новый свѣтъ—свѣтъ кооперація. Какъ это ни странно, но въ Ирландіи—странѣ голодовокъ и выселеній, странѣ, которая была самою отсталою въ Европѣ,—организація сельско-хозяйственныхъ коопераціи болѣе развита, чѣмъ въ Англіи. Это является слѣдствіемъ природнаго ума населенія, направленнаго надлежащимъ образомъ группою образованныхъ и интеллигентныхъ патріотовъ, во главѣ которыхъ стоитъ членъ парламента Горацій Пленкеттъ, молодой и талантливый государственный дѣятель новой экономической школы.

Прибѣгая къ аналогіи, я могъ бы сказать, что Г. Пленкеттъ является экономическимъ Парнеллемъ, но подобныя параллели постоянно вводятъ въ заблужденіе. Парнелль посвятилъ себя спасенію Ирландіи въ политическомъ отношеніи, а Пленкеттъ отдался прежде всего ея экономическому возрожденію. Онъ не вѣритъ въ политическій гомруль, но является горячимъ сторонникомъ экономической самостоятельности. Работа Парнелля производилась главнымъ образомъ втайнѣ, средства же Пленкетта открыты и доступны для всеобщаго ознакомленія. Истинною двигательною силою народной энергіи, которая придавала жизнь агитаціи Парнелля, была крайняя нужда населенія; оно жаждало облегченія, и его требованія приняли политическій характеръ подъ вліяніемъ необычайно талантливаго и убѣжденнаго политическаго вождя, который убѣдилъ населеніе въ томъ, что политическія реформы приведутъ всѣ неустройства въ порядокъ. Политическая агитація выдохлась, но оставила послѣ себя существенные результаты въ видѣ реформы земельныхъ законовъ и пересмотра условій аренды, безъ которыхъ кооперативное движеніе встрѣчало бы несомнѣнно значительно большія затрудненія.

Г. Пленкеттъ и его сотрудники начали свою дѣятельность съ организаціи кооперативныхъ маслобоенъ среди ирландскихъ фермеровъ; эта дѣятельность вскорѣ увѣнчалась такимъ успѣхомъ и приняла такіе широкіе размѣры, что стала непосильна отдѣльнымъ лицамъ, и они образовали общество—Ирландское Общество Организаціи Сельскаго Хозяйства. Благодаря его дѣятельности кооперація въ Ирландіи достигла поразительнаго развитія. Первая область хозяйства, въ которой было введено кооперативное начало, была выбрана весьма разумно. Въ своей рѣчи о землѣ, коопераціи и безработныхъ, произнесенной въ городской залѣ въ Гоборнѣ въ 1894 году, Пленкеттъ объяснилъ, почему именно молочное хозяйство было избрано отраслью промышленности, въ которой легче всего было убѣдить фермеровъ посмотрѣть, каковы будутъ результаты коопераціи.

Благодаря своему несравненному климату и почвѣ Ирландія была прежде первой страною въ мірѣ по производству масла, но введеніе машинъ въ этой отрасли промышленности дало затѣмъ возможность такимъ государствамъ, какъ Данія и Швеція превзойти ирландское масло по качеству и по дешевизнѣ. Капиталисты сразу поняли выгоду примѣненія фабричнаго метода въ Ирландіи и „зеленые луга“ „золотой жилы“ были скоро усѣяны бѣлоснѣжными маслобойнями, что свидѣтельствовало о переходѣ этой крупной отрасли ирландской промышленности изъ рукъ сельскаго хозяина въ руки коммерсанта. Новые пришельцы были въ состояніи покупать молоко по цѣнѣ, равняющейся стоимости его производства у отсталыхъ фермеровъ, которые нашли уже достаточно выгоднымъ то, что ихъ избавили отъ пахтанья, тогда какъ владѣльцы-капиталисты получили огромную прибыль. Во всякомъ случаѣ это былъ уже опредѣленный существенный результатъ, ради котораго стоило объединяться [1]). Было вполнѣ разумно начать съ такой отрасли промышленности, которая могла перевести этотъ доходъ въ руки самихъ фермеровъ, и въ теченіе пяти лѣтъ приверженцы коопераціи прилагали всѣ старанія, чтобы убѣждать фермеровъ вкладывать деньги, какія у нихъ были или какія они могли занять, въ кооперативныя маслобойни.

Это было нелегкою задачею. „Приходилось преодолѣвать огромныя затрудненія, чтобы убѣдить ирландскихъ фермеровъ хотя бы обсудить вопросъ о кооперативной дѣятельности. Во-первыхъ, добровольное соединеніе для промышленныхъ цѣлей было неизвѣстно въ то время въ Ирландіи, и почти всѣ, гордившіеся глубокимъ знаніемъ ирландскаго народа, заявляли, что оно совершенно чуждо національному духу и привычкамъ“. Такъ, напр., г-жа Сидней Уэббъ (Беатриса Поттеръ) говоритъ въ своей книгѣ о кооперативномъ движеніи: „Кельтическая раса, повидимому, предста-

[1]) Report of the Recess Comitee on the Establishment of a Departement of agriculture and Industries for Ireland. Quilia, p. 360

ляетъ неблагопріятную почву для развитія этой формы демократическаго самоуправленія". То обстоятельство, что кооперація не привилась среди англійскихъ фермеровъ, тоже задерживало ея развитіе среди ирландцевъ, но достигнутые результаты доказали вѣрность мнѣнія г. Пленкетта, что средній ирландецъ понятливѣе средняго англичанина, такъ какъ движеніе, не привившееся среди фермеровъ въ Англіи, увѣнчалось значительнымъ успѣхомъ въ Ирландіи.

Въ концѣ 1898 года было уже устроено тридцать кооперативныхъ маслобоенъ. Фермеры, участвовавшіе въ этихъ маслобойняхъ, находили, что ихъ коровы давали имъ теперь прибыли отъ 10% до 35% больше прежней. Все это было результатомъ коопераціи. По словамъ одного изъ сотрудниковъ Пленкетта, былъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ. Можно было сказать, что хорошо технически поставленное производство велось на здоровыхъ коммерческихъ началахъ ассоціаціями фермеровъ, исполнительными органами которыхъ были комитеты, избираемые ими изъ своей же среды. Ихъ продукты были прекраснаго качества и предпріятія приносили огромную прибыль. Не было ни малѣйшаго указанія на подверженность участниковъ коопераціи хотя бы среднему проценту коммерческой несостоятельности. Этотъ результатъ былъ достигнутъ безъ всякой внѣшней помощи кромѣ совѣтовъ и убѣжденій апостоловъ коопераціи.

Это былъ первый шагъ. Затѣмъ былъ сдѣланъ второй. Общества вскорѣ увидѣли, что, дѣйствуя отдѣльно, они въ значительной степени зависѣли отъ коммиссіонеровъ, которымъ они передавали масло оптомъ, и не были въ состояніи поддерживать прямыя сношенія съ англійскими рынками; другими словами, у нихъ не было и не могло быть широкой коммерческой опытности, пока это движеніе находилось въ такомъ туманномъ состояніи. Болѣе широкая организація была поэтому необходима, и былъ образованъ союзъ обществъ для продажи продуктовъ маслобоенъ. Это было Ирландское Кооперативное Агентство, начавшее свою дѣятельность осенью 1892 года, съ правленіемъ въ Лимерикѣ и складомъ въ Манчестерѣ. Сначала это предпріятіе не имѣло успѣха въ финансовомъ отношеніи. Оно надѣлало много долговъ, приведшихъ къ судебнымъ процессамъ, и въ первый же годъ дѣятельности потеряло весь свой капиталъ. Но фермеры не упали духомъ и послѣ трехъ лѣтъ торговли убытки были покрыты и Агентство обратилось въ солидное учрежденіе. Въ 1895 году продуктовъ было продано на сумму 379,610 долларовъ, а въ 1896 г. продажа возрасла до 553,630 долларовъ. Въ настоящее время Агентство имѣетъ своихъ представителей во всѣхъ крупныхъ городахъ Англіи. Недавно былъ также образованъ Ирландскій Земледѣльческій Союзъ для оптовыхъ закупокъ сѣмянъ и удобреній.

Общественное мнѣніе скоро убѣдилось въ томъ, что въ пополненіе къ Агентству для продажи продуктовъ необходимо ор-

ганизовать общество для болѣе широкихъ цѣлей, и въ 1894 году было учреждено вышеупомянутое Ирландское Общество Организаціи Сельскаго Хозяйства. Результаты вполнѣ подтверждають мнѣнію Пленкетта, что это общество должно было привести къ значительнымъ перемѣнамъ въ состояніи сельскаго хозяйства въ Ирландіи. Мы можемъ прибавить отъ себя, что оно должно было привести къ не менѣе важнымъ перемѣнамъ въ общественной и политической жизни Ирландіи. Въ началѣ лѣта программа Общества обсуждалась на публичныхъ собраніяхъ и въ прессѣ. Число его сторонниковъ быстро возрастало, и требуемый основной капиталъ былъ собранъ по подпискѣ. Комитету, въ составъ котораго вошли члены обѣихъ партій и по возможности представители всѣхъ классовъ общества,—„настолько сильному комитету, — говоритъ Г. Пленкеттъ,—какой могла дать ирландская общественная жизнь, было поручено выполнить программу общества". Это новое общество предполагалось только, какъ временное учрежденіе и было основано на пятилѣтній срокъ, причемъ его дѣятельность должна была ограничиться исключительно пропагандою.

Отрывокъ изъ рѣчи Пленкетта на открытіи общества покажетъ, каковъ былъ его духъ и задачи:

„По природѣ своихъ занятій фермеры неспособны самостоятельно установить принципы, которые должны быть положены въ основу правилъ, регулирующихъ справедливость и согласованіе интересовъ всѣхъ участниковъ общества. Даже когда фермеръ освоился съ тою мыслью, что ему слѣдовало бы соединиться съ сосѣдями, онъ не можетъ выработать понятную и пригодную для исполненія програму. И тутъ-то, нисколько не вмѣшиваясь въ его работу, нисколько не ослабляя его духа независимости и не уклоняясь отъ принциповъ политической экономіи, мы можемъ оказать ирландскому фермеру огромную услугу, а именно—дать на помощь людямъ, жизнь которыхъ протекаетъ въ тишинѣ полей, опытъ, вырабатывающійся на болѣе широкомъ полѣ наблюденія и обширное знаніе торговли и промышленности. Это-то, милостивые государи, и составляетъ програму и цѣль нашего общества".

„Въ основу програмы, — говоритъ Пленкеттъ въ той же рѣчи,—положена идея, что ирландскіе фермеры должны сами добиться своего спасенія", а „этого они могутъ достигнуть только объединившись въ союзъ". Работа зажиточныхъ людей, соединившихся по иниціативѣ Пленкетта, состоитъ въ томъ, чтобы помочь народу собственнымъ трудомъ улучшить свое положеніе.

Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія. Число кооперативныхъ маслобоенъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ возрасло съ тридцати въ 1893 году до шестидесяти четырехъ въ 1895 году, до семидесяти въ 1896 г., до девяносто трехъ въ 1897 г. и до ста

тридцати одного въ мартѣ 1898 г., включая отдѣленія. Число пайщиковъ равняется 8750, не считаю тѣхъ, которые, не будучи пайщиками, принимаютъ прямое участіе въ дѣлѣ и прибыляхъ.

Въ 1896 году производство кооперативныхъ маслобоенъ или молочныхъ товариществъ достигло суммы 1.417.290 долларовъ. Почти всѣ эти товарищества исполняютъ то, что они называютъ сельско-хозяйственными обязанностями, т. е. покупаютъ для своихъ членовъ все необходимое для веденія хозяйства и продаютъ свои продукты. Въ товариществахъ же, основанныхъ въ послѣднее время, это составляетъ общее правило за рѣдкими исключеніями. Цѣна на продаваемое молоко возрасла. Другое преимущество, которымъ пользуется все населеніе страны, состоитъ въ большей чистотѣ и въ усовершенствованіи способовъ производства. Ирландскому Обществу Организаціи Сельскаго Хозяйства удалось убѣдить попечителей народнаго образованія предоставить инструктору-спеціалисту по молочному хозяйству согласовать свои разъѣзды съ указаніями общества; такимъ образомъ, онъ всегда можетъ быть посланъ на тѣ маслобойни, которыя болѣе другихъ нуждаются въ его услугахъ.

Доклады представляются имъ одновременно правительству и обществу, и послѣднее взяло за правило заставлять свои отдѣленія слѣдовать его совѣтамъ.

Одинъ изъ пунктовъ программы, намѣченныхъ обществомъ организаціи къ исполненію, состоитъ въ томъ, чтобы выбрать и оборудовать нѣсколько удобно расположенныхъ кооперативныхъ маслобоенъ для производства опытовъ и для образовательныхъ цѣлей, снабдивъ ихъ нужными приспособленіями и опытными людьми. Въ эти школы товарищества предлагаютъ посылать учениковъ. Курсъ будетъ состоять изъ практическихъ работъ по веденію молочнаго хозяйства, основъ механики, элементарной химіи молочныхъ продуктовъ, метода испытаній, пастеризаціи и стерилизаціи молока, приготовленія сливокъ и сметаны и спеціальной бухгалтеріи по этому предмету. По окончаніи курса будутъ производиться экзамены и выдаваться дипломы. Въ эти школы будутъ допущены и женщины-молочницы. Общество организаціи раздаетъ теперь преміи управляющимъ тѣхъ маслобоенъ, ежемѣсячная прибыль которыхъ ближе всего подходитъ къ смѣтнымъ предположеніямъ. Конкурренція на преміи была велика и въ одномъ случаѣ получившій премію составилъ смѣту, которая отличалась отъ достигнутыхъ результатовъ всего на тридцать одинъ центъ. Кооперативное Сельско-Хозяйственное Общество въ Донапатрикѣ взяло нѣсколько акровъ для образовательныхъ цѣлей, раздѣлило ихъ на большое количество участковъ, обработало ихъ по строго-научнымъ правиламъ, посѣявъ на нихъ сѣмена, наиболѣе подходящія къ данной мѣстности и положивъ удобреніе въ соотвѣтствіи съ сѣменами, смѣрило участки и взвѣсило получен-

ные продукты. Эта ферма находится у самой дороги. Всѣ участки были снабжены ярлыками съ названіями употребленныхъ на нихъ сѣмянъ и удобреній и изъ ближайшихъ мѣстъ и издалека люди приходили смотрѣть и учиться на нихъ.

Съ начала движенія въ програму входило предположеніе распространить кооперативное начало на всѣ отрасли сельскаго хозяйства, какъ только можно было получить достаточную организаціонную помощь. Огромные успѣхи сдѣланы уже въ вспомогательныхъ отрасляхъ промышленности. Число обществъ, образованныхъ для коллективной покупки и продажи продуктовъ и матеріаловъ сельскаго хозяйства, возрасло съ тридцати одного до сорока шести въ 1896 году; число ихъ членовъ равняется 3,865. Горацій Пленкеттъ подсчиталъ, что въ одной только части Ирландіи фермеры въ первый же годъ съэкономили, благодаря кооперацiи, на цѣнѣ матеріаловъ больше всей ренты, уплачиваемой всѣми членами ассоціаціи. Общества имѣли гораздо больше успѣха въ коллективной покупкѣ матеріаловъ, чѣмъ въ продажѣ продуктовъ, такъ какъ послѣднее представляетъ гораздо больше затрудненій. Одною изъ главныхъ помѣхъ является недостатокъ кладовыхъ для храненія зерна въ ожиданіи улучшенія рынка. Въ нѣкоторыхъ государствахъ объ этомъ заботится правительство, какъ, напр., въ Россіи, гдѣ въ пользованіе земледѣльцевъ предоставляются помѣстительныя зернохранилища и выдаются правительствомъ авансы подъ хлѣбъ въ размѣрѣ двухъ третей или трехъ четвертей стоимости зерна, что даетъ земледѣльцамъ возможность уплатить срочные долги прежде, чѣмъ наступитъ время для продажи хлѣба. Въ продажѣ рогатаго скота и овецъ общества достигли лучшихъ результатовъ, чѣмъ въ торговлѣ зерномъ, и виды на будущее являются здѣсь въ болѣе розовомъ свѣтѣ. Фермеры будутъ получать болѣе высокія цѣны за свой живой скотъ, будутъ дѣлать экономію на перевозкѣ скота, при отправленіи сразу большихъ партій, а потребители мяса и перевозимый скотъ выиграютъ на примѣненіи болѣе человѣческихъ способовъ перевозки.

Значительнымъ результатомъ, достигнутымъ этими обществами въ качествѣ покупателей, является уничтоженіе союза фабрикантовъ удобреній и торговцевъ химическимъ удобреніемъ.

Союзъ былъ нарушенъ предложеніемъ со стороны кооперацій нѣкоторымъ изъ его членовъ такихъ большихъ заказовъ, что они не могли отказаться отъ нихъ, тогда какъ остальные нашли невозможнымъ далѣе поддерживать соглашеніе. Химическія удобренія покупаются теперь по гораздо болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ продавались раньше въ Ирландіи, и вся страна пользуется паденіемъ цѣны, которое было достигнуто усиліями коопераций. Цѣны на сѣмена и кормъ для скота тоже упали. Изъ-за предразсудковъ противъ коопераций нѣкоторые изъ фабрикантовъ земледѣльческихъ машинъ отказались имѣть дѣло съ кооперативными обще-

ствами, но теперь они стали приходить къ убѣжденію, что эти общества солидны и долговѣчны и что сношенія съ ними выгодны. Нѣкоторые изъ главнѣйшихъ фабрикантовъ предоставляютъ теперь кооперативнымъ обществамъ льготныя условія.

Усовершенствованіе въ отношеніи чистоты не менѣе важно, чѣмъ пониженіе цѣнъ. Потребители не вынуждены теперь принимать на вѣру отзывы фабрикантовъ относительно качества удобреній, но покупаютъ ихъ всегда подъ условіемъ подвергнуть ихъ анализу. Экономія на удобреніе, сѣмена и другіе земледѣльческіе предметы потребленія опредѣляется въ суммѣ не менѣе 1,250,000 долларовъ. Прибыль маслобоенъ составляетъ 906,766 долларовъ. Вмѣстѣ это составляетъ 2,156,765 долларовъ. Расходы на организацію движенія съ самаго начала, т. е. съ 1889 года, составляютъ около 40,000 долларовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что за истекшія семь лѣтъ каждая 1,000 долларовъ, истраченная на коопераціи, дала болѣе 50,000 долларовъ чистой прибыли ирландскимъ сельскимъ хозяевамъ.

Англичане тратятъ ежегодно 25,000,000 долларовъ на покупку яицъ. Ирландія поставляетъ значительную долю ихъ, но вслѣдствіе неумѣнья разводить птицъ и небрежной продажи свѣжихъ и старыхъ яицъ вмѣстѣ, ирландскія яйца получили дурную репутацію. Общество организаціи послало опытнаго въ птичьемъ хозяйствѣ человѣка по всѣмъ обществамъ для распространенія свѣдѣній относительно лучшихъ породъ птицъ для организаціи продажи яицъ въ свѣжемъ и привлекательномъ видѣ. Такимъ образомъ, производители яицъ будутъ въ состояніи получать за ирландскія яйца высшую рыночную цѣну вмѣсто низшей, какъ кооперативныя маслобойни—за ирландское масло.

Въ Ирландіи существуетъ теперь тринадцать народныхъ банковъ. Это составляетъ только начало программы, намѣченной для освобожденія фермеровъ отъ ростовщиковъ и „Gombeenman'"овъ, помощью организаціи земледѣльческаго кредита, давшаго такіе благодѣтельные результаты для фермеровъ иностранныхъ государствъ, особенно Германіи и Италіи.

Просматривая книги Донерэйльскаго банка, я увидѣлъ, что требованія кредита дѣлались безъ исключенія людьми съ самыми ограниченными средствами и для самыхъ скромныхъ цѣлей: покупку теленка или свиньи, или сѣмянъ, или ломовой лошади, или на мелкую аренду. Изъ отчетовъ видно, что проценты и капиталъ уплачивались всегда съ щепетильною точностью. Для банкировъ является аксіомою, что самые мелкіе и бѣдные должники— въ тоже время самые честные и аккуратные, а кооперативные банки—самые надежные. Результаты вполнѣ подтвердили мнѣніе ревизіонной комиссіи: „Нашъ банкъ сталъ популярнымъ среди народа безъ протекціи или объявленій... Онъ можетъ быть поставленъ въ примѣръ всей странѣ. Онъ показываетъ, какую огром-

ную пользу приносятъ кооперативные банки". Секретарь Ирландскаго Общества Сельскаго Хозяйства добавляетъ къ этому, что несмотря на то, что операціи Донерэйльскаго банка крайне скромны, „онѣ имѣютъ огромное значеніе для мелкихъ фермеровъ и работниковъ на фермахъ, которые были до учрежденія банка безъ кредита, пользуясь только ссудами у ростовщиковъ на невозможныхъ условіяхъ и получивъ съ учрежденіемъ кооперативныхъ банковъ кредитъ на новыхъ льготныхъ условіяхъ. Ничто не придало намъ столько мужества, какъ отношеніе къ этому маленькому предпріятію болѣе состоятельныхъ фермеровъ ради матеріальныхъ и нравственныхъ выгодъ ихъ бѣдныхъ сосѣдей."

Въ одной книгѣ, изданной „Irish Homestead", органомъ Ирландскаго Общества Организаціи Сельскаго Хозяйства во время ирландской текстильной выставки, Пленкеттъ указалъ, почему кооперація началась въ Ирландіи съ сельскаго хозяйства. Въ Ирландіи не существуетъ фабричнаго населенія, и потому основаніе промышленной коммуны должно было начаться въ средѣ сельскихъ жителей. Въ сельскомъ хозяйствѣ оно давало также огромную и непосредственную денежную выгоду. Но, какъ мы уже сказали, програмка ирландскихъ кооперативовъ выходитъ далеко за предѣлы сельскаго хозяйства. Они основали нѣсколько піонерскихъ кооперативныхъ товариществъ. Одно изъ нихъ было основано въ Долки (близъ Дублина) на началахъ копартнершипа. Приводимъ здѣсь очеркъ организаціи этого общества:

„Рабочіе не обязаны при вступленіи въ общество дѣлать денежные взносы, но всѣ они обязаны стать пайщиками. Это они могутъ дѣлать, предоставляя свою долю прибыли на уплату акцій, пока послѣднія не будутъ оплачены сполна. Это нисколько не уменьшаетъ, впрочемъ, заработной платы рабочихъ, которая опредѣляется по количеству и качеству ихъ работы. Прибыль общества опредѣляется при заключеніи счетовъ каждые полгода и дѣлится между пайщиками пропорціонально заработной платѣ, полученной каждымъ за это время. Члены общества выбираютъ комитетъ, который опредѣляетъ продолжительность рабочаго дня и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ общее веденіе дѣлъ. Членъ общества не можетъ быть уволенъ ни по какой причинѣ иначе, какъ по голосованію всѣхъ членовъ. Прежде, чѣмъ работница допускается въ члены общества, она должна поступить въ мастерскую въ качествѣ ученицы или наемной работницы. Если она оказывается неспособной и лѣнивой, то не принимается въ общество".

Работа, производимая этимъ обществомъ, состоитъ главнымъ образомъ въ вышиваньи, и его издѣлія не уступаютъ лучшимъ вышивкамъ на континентѣ. Всѣхъ рабочихъ учатъ тамъ рисовать. „Многіе рабочіе,—говоритъ въ декабрьскомъ номерѣ 1897 года „Labor Copartnership'"а Монтгомери, авторъ вышеприведеннаго

очерка,—въ прокопченныхъ дымомъ городахъ Англіи позавидовали-бы пріятнымъ условіямъ, въ которыхъ работаютъ эти кооператоры въ Долки потому, что изъ свѣтлыхъ и полныхъ воздуха комнатъ, въ которыхъ они сидятъ, открывается прелестный видъ на широкую Дублинскую бухту".

Такъ какъ развитіе маслобоенъ до нѣкоторой степени отнимаетъ работу у женъ и дочерей фермеровъ, то Общество Организаціи намѣревается основать, насколько возможно, общества для развитія домашняго производства въ каждомъ округѣ, гдѣ существуетъ маслобойня или сельско-хозяйственное общество. Плетеніе корзинъ и разныхъ издѣлій изъ ивовыхъ прутьевъ, рѣзьба по дереву, плетеніе кружевъ, выведеніе домашней птицы и ручное ткацкое производство намѣчены въ числѣ видовъ промышленности, которые будутъ развиваться такимъ образомъ. Общества для вскармливанія свиней также были основаны въ Ирландіи, и цѣны на свиней всегда поднимались по сосѣдству съ этими обществами. Значительные шаги были также сдѣланы въ развитіи культуры льна и въ продажѣ шерсти членовъ общества непосредственно фабрикантамъ. Баллингорскому Обществу удалось путемъ сбора шерсти у своихъ членовъ и переработки ея получить на цѣлыхъ два цента за фунтъ шерсти больше наивысшей рыночной цѣны за тотъ годъ.

Управленіе общественныхъ работъ ирландскаго правительства имѣетъ право по уставу выдавать ссуды отдѣльнымъ лицамъ для промышленныхъ цѣлей, а Обществу Организаціи удалось получить отъ управленія согласіе выдавать ссуды и кооперативнымъ обществамъ на такихъ же условіяхъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ. Эти ссуды требуются на устройство маслобоенъ, льнопрядиленъ, амбаровъ и т. д. Хотя въ этомъ отношеніи сдѣлано еще мало, такъ какъ условія управленія общественныхъ работъ въ отношеніи кредитоспособности должниковъ крайне строги, но есть надежда на то, что они будутъ смягчены, и въ такомъ случаѣ этотъ кредитъ будетъ приносить большую пользу.

Число обществъ, являющихся отдѣленіями Общества Организаціи, возрасло въ теченіе 1896 года съ двадцати девяти до шести десяти одного, и ежегодное общее собраніе всѣхъ обществъ, во главѣ съ Обществомъ Организаціи, пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Оно является центральнымъ учрежденіемъ по идейному руководству и организаціи и представителемъ всего, что есть прогрессивнаго въ сельско-хозяйственной жизни страны. Тогда какъ движеніе въ пользу учрежденія въ Ирландіи политическаго парламента развивается весьма медленно, кооператорамъ удалось учредить этотъ экономическій парламентъ, пренія и отчеты котораго приносятъ неоцѣнимую пользу всѣмъ его участникамъ; и нѣтъ сомнѣній, что правительство будетъ относиться съ полнѣйшимъ вниманіемъ къ отзывамъ этого учрежденія о политическихъ

и другихъ средствахъ, которыя требуются для развитія благостоянія въ Ирландіи.

Всѣ, которые посѣщаютъ эти маслобойни или контору Ирландскаго Общества Земледѣльческой Оптовой Торговли, видятъ Пленкетта и Андерсона, предсѣдателя и секретаря Ирландскаго Общества Организаціи Сельскаго Хозяйства, и слышатъ ихъ рѣчи на конференціи съ фермерами, какъ мнѣ пришлось видѣть и слышать ихъ въ Тёрльсъ, - выносятъ сильное впечатлѣніе отъ трудовъ этихъ фермеровъ и ихъ друзей и отъ ихъ явныхъ успѣховъ. Несмотря на то, что принципъ копартнершипа еще не привился въ всѣхъ или даже въ большинствѣ предпріятій, онъ прочно укоренился въ Грэнджѣ и Донерэйлѣ, а также и въ другихъ мѣстахъ.

Заработная плата сельскихъ рабочихъ въ Ирландіи ниже даже самой жалкой заработной платы въ Англіи. Я встрѣтилъ холостыхъ сельскихъ рабочихъ, которые получали $1^1/_4$ доллара въ недѣлю на своемъ содержаніи. Женатые сельскіе рабочіе получаютъ въ пользованіе домъ и полъ акра земли, заработную плату „круглый годъ“ въ 1 дол. 87 центовъ въ недѣлю и одну пинту молока въ день. Интересная вещь дѣлается теперь совѣтами попечителей въ разныхъ мѣтностяхъ Ирландіи по устройству жилищъ рабочихъ. Они строятъ для нихъ коттэджи, какъ, напр., въ окрестностяхъ Лимерика, стоимостью въ 550 долларовъ за домъ и 225 долларовъ за полъ акра принадлежащей къ нему земли—всего 775 долларовъ. Эти коттэджи сдаются рабочимъ за двадцать пять или тридцать центовъ въ недѣлю. Это даетъ большой дефицитъ въ доходѣ на вложенный капиталъ, и дефицитъ этотъ покрывается изъ прибылей. Похоже на то, что въ этомъ попросту заключается попытка держать заработную плату на низкомъ уровнѣ ради выгоды арендаторовъ за счетъ плательщиковъ налоговъ.

Когда я былъ въ Грэнджѣ, тамошняя маслобойня страдала отъ захвата ея территоріи Англійскимъ Кооперативнымъ Обществомъ для оптовыхъ операцій, которое строитъ въ трехъ миляхъ отъ Грэнджа большую маслобойню, строго говоря, на капиталистическихъ [1]) началахъ, тогда какъ грэнджская маслобойня даетъ своимъ рабочимъ дивидендъ. Шотландское Кооперативное Общество для оптовыхъ операцій въ Глазго недавно послѣдовало этому некооперативному примѣру, устроивъ маслобойню въ Иннискилленъ. Недавно было установлено, что въ настоящее время Англійское Общество для оптовыхъ операцій владѣетъ въ Ирландіи четырнадцатью главными маслобойнями и семью отдѣленіями и въ скоромъ времени надѣется имѣть ихъ сто. Подобно ему Шотландское Общество оптовой торговли готовится расширить свои завоеванія на полѣ дѣйствія ирландскихъ кооператоровъ.

Люди, дѣлающіе такъ много для ирландскаго народа, чтобы

---

[1]) Авторъ въ данномъ случаѣ не правъ.

поднять его до возвышенной формы кооперацiи, съ отчаянiемъ глядятъ на эти дѣйствiя, которыя, по ихъ мнѣнiю, прямо нарушаютъ принципы кооперацiи. Именно кооперацiя дала рабочимъ Шотландiи и Англiи возможность явиться въ Ирландiю покупать ирландское масло. „Обращая этотъ капиталъ въ средство для эксплоатацiи ирландскихъ фермеровъ,—говоритъ „Irish Homestead", они нарушаютъ принципъ, принесшiй имъ самимъ такую огромную выгоду. Но самое средство, которое они нашли столь удачнымъ для защиты отъ эксплоатацiи въ качествѣ потребителей, они обращаютъ теперь въ средство для эксплоатацiи производителей". Но „Irish Homestead" замѣчаетъ съ чувствомъ удовлетворенiя, что повсюду, гдѣ Ирландское Общество Организацiи Сельскаго Хозяйства организовало фермеровъ, они были въ состоянiи вытѣснить новыхъ пришельцевъ [1]). Ежегодное собранiе делегатовъ отъ земледѣльческихъ и молочныхъ кооперативныхъ обществъ въ Ирландiи вынесло въ ноябрѣ 1896 года слѣдующую резолюцiю по этому вопросу: „Собранiе симъ осуждаетъ дѣйствiя Кооперативнаго Общества для оптовыхъ операцiй по устройству маслобоенъ по всему югу Ирландiи, считая эти дѣйствiя вредными для индивидуальныхъ интересовъ фермеровъ и для развитiя кооперативнаго движенiя въ Ирландiи".

Развитiе кооперативнаго движенiя, усилiями отдѣльныхъ лицъ, было первымъ шагомъ, а образованiе Ирландскаго Общества Организацiи Сельскаго Хозяйства, для болѣе планомѣрнаго руководства движенiемъ,—вторымъ шагомъ въ прогрессивной программѣ кооператоровъ; третiй же шагъ, не менѣе важный, чѣмъ два первыхъ, былъ сдѣланъ Пленкеттомъ въ его дальновидномъ стремленiи добиться отъ британскаго правительства образованiя отдѣльнаго департамента земледѣлiя и промышленности для Ирландiи. Въ 1895 году Пленкеттъ разослалъ многимъ влiятельнымъ ирландцамъ всѣхъ партiй приглашенiе принять участiе въ образованiе комитета для разсмотрѣнiя дѣлъ, касающихся общественныхъ и матерiальныхъ интересовъ страны. Онъ очень заботился о томъ, чтобы его предложенiя не имѣли ни малѣйшаго политическаго оттѣнка, прося всѣхъ представителей Ирландiи, въ парламентѣ и другихъ выдающихся ирландцевъ, соединиться съ нимъ, не взирая на ихъ политическiя разногласiя, для обсужденiя средствъ для экономическаго и общественнаго развитiя страны. Полученный имъ отвѣтъ былъ въ высшей степени удовлетворительный. Ему удалось склонить ирландцевъ разныхъ партiй соединиться, что не всегда составляетъ легкую задачу. Дублинская городская дума единогласно приняла резолюцiю, одобряющую образованiе вышеупомянутаго комитета и предоставила для собранiя помѣщенiе въ зданiи думы.

[1]) Въ настоящее время отношенiя между ирландскими и англiйскими кооператорами улучшились.

Комитетъ подъ названіемъ „Recess Committee“ былъ назначенъ для составленія отчета о мѣропріятіяхъ, принятыхъ всѣми главными европейскими государствами для развитія сельскаго хозяйства. Этотъ комитетъ нашелъ, что изъ существующихъ документовъ невозможно добыть требуемыя свѣдѣнія и предпринялъ для себя независимую и непосредственную анкету. Спеціальные изслѣдователи были посланы имъ во Францію, Бельгію, Голландію, Данію, Баварію, Вюртембергъ, Австрію, Венгрію и Швейцарію. Тиссеранъ, являющійся авторитетомъ по правительственной помощи сельскому хозяйству, доставилъ комитету цѣнныя свѣдѣнія, оказавшія большое вліяніе на его заключенія. Отчетъ о результатахъ анкеты является столь цѣннымъ, что значительная часть его была перепечатана департаментомъ земледѣлія Соединенныхъ Штатовъ въ ежегодникѣ 1897 года. Отчетъ дѣлаетъ обзоръ современнаго экономическаго состоянія Ирландіи и указываетъ на различныя мѣропріятія для промышленнаго оживленія страны по примѣру другихъ европейскихъ народовъ; далѣе, онъ рекомендуетъ правительству созданіе административнаго учрежденія для осуществленія этихъ мѣропріятій, а именно департамента земледѣлія и промышленности съ министромъ во главѣ, который былъ бы, подобно другимъ министрамъ правительства, отвѣтственнымъ передъ парламентомъ. Это предложеніе нисколько не противорѣчитъ основному принципу кооперативнаго движенія въ Ирландіи, гласящему, что экономическое спасеніе народа должно быть, главнымъ образомъ, дѣломъ ихъ собственныхъ рукъ, но имѣло только цѣлью, получить отъ правительства гарантію для ирландскаго народа дѣйствовать свободно, чтобы своими собственными усиліями добиться благосостоянія страны.

„За границею,—говоритъ Пленкеттъ въ своей рѣчи на второмъ ежегодномъ собраніи Общества Организаціи,—государство дѣлаетъ для нашихъ конкуррентовъ то, что они не могутъ сдѣлать сами, и мы должны просить государство поставить насъ на равную ступень съ ними въ этомъ отношеніи“. Но ирландцы не просили отъ правительства помощи въ видѣ премій или субсидій, или высокихъ покровительственныхъ пошлинъ; они не просили ничего похожаго, напр., на маслобойный соціализмъ, который правительство Канады насаждаетъ среди своихъ фермеровъ, устраивая маслобойни, скупая у народа молоко, перерабатывая его въ масло и сыръ, препровождая ихъ на лондонскій рынокъ, и ставя только на счетъ фермерамъ небольшую надбавку за перевозку продуктовъ. Ирландскіе фермеры научились дѣлать все это сами. Все, что требовалось отъ государства для ирландскихъ фермеровъ,—была помощь въ поднятіи земледѣлія и промышленности, соотвѣтственное систематичное практическое образованіе народа, помощь въ организаціи разныхъ обществъ, доставленіе народу нуж-

ныхъ свѣдѣній посредствомъ правильныхъ отчетовъ, содѣйствіе ему во введеніи новыхъ видовъ промышленности и разрѣшеніе фермерамъ и промышленнымъ классамъ организованнаго представительства и права имѣть голосъ въ администраціи правительственнаго учрежденія, которому поручено проведеніе этой политики. Правительство признало всю важность предложенія собранія, внеся въ парламентъ билль объ учрежденіи министерства земледѣлія и промышленности въ Ирландіи. Билль не являлся предѣломъ мечтаній для ирландцевъ, но былъ встрѣченъ кооперативными обществами, какъ большой шагъ впередъ въ отношеніи британскаго правительства къ Ирландіи и какъ начало важныхъ мѣропріятій для содѣйствія въ будущемъ ирландскимъ производителямъ въ конкурренціи съ иностранцами и въ развитіи производительныхъ силъ страны.

Таковъ бѣглый обзоръ трудовъ, которые, принимая во вниманіе особенно подавленное состояніе ирландскаго земледѣлія, политику угнетенія ирландской промышленности британскимъ правительствомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, вліяніе ея и на духовное и физическое состояніе ирландцевъ, должны разсматриваться, какъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ опытовъ по соціальному переустройству въ современной исторіи. Попытка ввести кооперацію въ этой странѣ и среди этого народа была встрѣчена, какъ дикій опытъ, но на послѣднемъ годовомъ общемъ собраніи въ маѣ 1897 г. Пленкеттъ со справедливою гордостью подвелъ итогъ результатамъ восьмилѣтнихъ трудовъ, которые проникли теперь почти во всѣ графства Ирландіи. „Вашъ комитетъ,—говорилъ онъ,—вынужденъ сказать въ своемъ отчетѣ, что онъ находитъ ирландскихъ фермеровъ предпріимчивыми къ новымъ идеямъ, осторожными, дѣловыми,—однимъ словомъ, они обладаютъ всѣми качествами, которыя даютъ право на полное довѣріе ко всему, что относится къ развитію ихъ промышленности.“ Отчетъ о восьмилѣтнихъ трудахъ является, по словамъ Пленкетта, „исторіею ассоціацій, состоящихъ почти исключительно изъ работающихъ фермеровъ, занятыхъ исполненіемъ ежедневной работы членовъ своего общества, усовершенствуя условія своего производства, прилагая къ его развитію самую сложную современную систему коммерческой организаціи съ федераціею, дѣйствующею въ качествѣ агентства для продажи и распредѣленія продуктовъ ирландскихъ фермъ въ крупныхъ городахъ Англіи, включая Лондонъ, гдѣ имъ приходится встрѣчать міровую конкурренцію. Въ теченіе восьми лѣтъ эти общества простыхъ фермеровъ, несмотря на свои скромныя начинанія, сдѣлали оборотъ почти въ милліонъ фунтовъ стерлинговъ, и, по моему, нетрудно доказать, что они сберегли для самихъ себя болѣе четверти милліона чистой прибыли“.

Ничего подобнаго не видно въ Англіи. Въ Америкѣ много

кооперативныхъ маслобоенъ, но ирландскія фермы образовали не только отдѣльныя общества, но соединили эти общества въ одну центральную организацію. Они даже заставили правительство выслушать ихъ требованія о департаментѣ земледѣлія, а это правительство не особенно склонно выслушивать требованія реформъ со стороны своихъ колоній или вассальныхъ государствъ, меньше же всего—со стороны Ирландіи. Кромѣ того, эти ирландскія общества собираются образовать федерацію и вынудить желѣзныя дороги понизить тарифъ. Англійскіе же фермеры не сдѣлали за это время ничего существеннаго. Кооперативное начало, правда, проникло въ Англіи въ земледѣліе, но во всякомъ случаѣ это было сдѣлано не фермерами. Причиною такой отсталости англійскихъ фермеровъ въ этомъ отношеніи служатъ отчасти отсутствіе у нихъ такого лидера, какъ Пленкеттъ—на одной конференціи по вопросу о земледѣліи въ Англіи было высказано мнѣніе, что Англія нуждается въ Англійскомъ обществѣ Организаціи Земледѣлія,—отчасти же характеръ англійскихъ фермеровъ, на что указываютъ нижеслѣдующіе примѣры.

При обсужденіи кооперативнаго земледѣлія на конгрессѣ 1896 года Томасъ Бландфордъ разсказалъ, какъ предсѣдатель правленія одного желѣзнодорожнаго общества недавно сообщилъ на собраніи акціонеровъ о сдѣланныхъ обществомъ усиліяхъ склонить фермеровъ-арендаторовъ войти въ кооперацію съ желѣзнодорожнымъ обществомъ для продажи ихъ продуктовъ. Общество предлагало безвозмездно собирать ихъ продукты и распредѣлять между потребителями, но до сихъ поръ ему не удалось притти съ фермерами ни къ какому соглашенію. Всѣ они относились другъ къ другу подозрительно, и ни одинъ не хотѣлъ, чтобы другіе имѣли случай узнать, гдѣ и по какой цѣнѣ онъ продавалъ свои продукты. Линкольнское потребительное общество пожелало, чтобы нѣкоторыя изъ его отдѣленій, членами которыхъ состоятъ сельско-хозяйственные рабочіе всѣхъ категорій, послѣдовали его примѣру и ввели у себя кооперативное начало; съ этою цѣлью оно внесло этотъ вопросъ на обсужденіе на конференціи делегатовъ отъ этихъ отдѣленій. Капиталъ отдѣленій составлялъ 71,000 долларовъ, у нихъ былъ подъ рукою рынокъ для сбыта части ихъ продуктовъ и банкъ, изъ котораго земледѣльческіе рабочіе, ставшіе или желающіе стать мелкими производителями, могли получать ссуды на легкихъ условіяхъ. Линкольнское общество посовѣтовало делегатамъ сдѣлать—при этихъ благопріятныхъ условіяхъ и постоянномъ общеніи и обмѣнѣ мыслей съ городскими кооператорами—дальнѣйшіе шаги и попытку ввести въ фермерство кооперативное начало. Делегаты сдѣлали на это возраженія, смыслъ которыхъ былъ резюмированъ слѣдующимъ образомъ: „Какъ классъ, мы все еще не питаемъ довѣрія другъ къ другу; мы не имѣемъ достаточно свободнаго до-

ступна къ землѣ; насъ трудно убѣдить въ томъ, что техническое образованіе необходимо намъ для молочнаго хозяйства или какого-либо другого вида сельскаго хозяйства. Мы хотимъ, чтобы городскіе кооператоры взяли въ свои руки руководство и организовали у насъ кооперацію, какъ было сдѣлано въ отношеніи устройства кооперативныхъ лавокъ". Если подобное настроеніе и было у ирландскихъ фермеровъ, то опытные и краснорѣчивые лидеры сумѣли разсѣять его.

V.

Товарищеская земля.

Есть доходы въ кооперативныхъ фермахъ или съ кооперативной земли, которые не значатся въ счетѣ прибылей и убытковъ. Джорджъ Джакобъ Холіокъ (Holyoake), ветеранъ англійской коопераціи, съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Ньюкестлѣ, какъ двѣ тысячи кооператоровъ устроили пикникъ на пологомъ холмѣ на своей собственной землѣ. По его мнѣнію, это были „рабы, освобожденные отъ цѣпей". Считается, что за послѣднія тридцать лѣтъ болѣе 2,500,000 человѣкъ переселились въ Англіи изъ деревень въ крупные города, и за это время цѣнность земель, годныхъ для земледѣлія, упала въ Великобританіи на 500,000,000 долларовъ. За семьдесятъ пять лѣтъ 27,500,000 акровъ земли ушли изъ-подъ плуга, земледѣльческіе рабочіе, которые не могли найти работы у себя въ деревнѣ, были вынуждены устремиться въ города, гдѣ они увеличили конкурренцію на предложеніе труда. Въ своей рѣчи на кооперативномъ конгрессѣ въ Вуличѣ, въ 1896 году, графъ Винчильси заявилъ, что причиною крупнаго угольнаго локаута въ 1893 году было главнымъ образомъ огромное число земледѣльческихъ рабочихъ, нахлынувшихъ въ угольные районы и явившихся конкуррентами для рудокоповъ, понизивъ ихъ заработную плату и создавъ условія, приведшія къ промышленной войнѣ. Каждая кооперативная ферма, которой удается привлекать и поощрять движеніе кооперативнаго капитала и энергіи по направленію къ деревнѣ, останавливаетъ это обезлюдѣніе деревни и скопленіе народа въ промышленныхъ центрахъ, устраняетъ одну изъ главныхъ причинъ пониженія заработной платы и облегчаетъ бремя налоговъ, падающихъ тяжелѣе всего на трудящіеся классы.

Пикникъ, возбудившій въ Холіокъ такое сильное чувство гордости, служитъ только однимъ показателемъ многихъ выгодъ, которыя дастъ кооперативнымъ обществамъ обладаніе землею, Кооператоры уже надѣются, какъ видно изъ ихъ преній по этому вопросу, что многіе виды фабричной промышленности, которые могли бы легко производиться въ деревнѣ въ пріятной обстановкѣ и лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ, въ скоромъ времени

будутъ переведены туда. „Представьте себѣ, напримѣръ,—сказалъ Вилльямъ Кампбелль въ своей рѣчи на Сёндерландскомъ конгрессѣ въ 1894 году,—сколько счастья, удовольствія, удобствъ и наслажденія доставитъ работающимъ на дому и несчастнымъ швеямъ переселеніе изъ вредной атмосферы трущобъ и ужасныхъ клѣтокъ, въ которыхъ многимъ изъ нихъ приходится жить и работать, на чистый солнечный просторъ деревни. Временами въ деревнѣ являлся бы огромный спросъ на очень несложную работу по сбору фруктовъ и другихъ продуктовъ земледѣлія; тысячи фунтовъ пропадаютъ теперь ежегодно въ тѣхъ округахъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго предложенія труда. При осуществленіи кооперативнаго плана рабочіе всегда были бы подъ рукою, и какимъ пріятнымъ разнообразіемъ явились бы для людей, занятыхъ сидячимъ трудомъ, нѣсколько часовъ работы на открытомъ воздухѣ!"

Необходимымъ пунктомъ програмы кооперацій въ сельскомъ хозяйствѣ является повышеніе образовательнаго уровня среди сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Выгоды, которыя это дастъ кооператорамъ и рабочимъ, составляютъ только часть благопріятныхъ послѣдствій, которыя будутъ созданы распространеніемъ образованія среди рабочихъ. Въ своей рѣчи на конференціи въ Рогби Генри Вивіанъ, членъ Ассоціаціи Труда, въ моемъ присутствіи особенно подчеркивалъ значеніе культуры для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. „Слѣдовало бы,— сказалъ онъ,—устраивать въ деревняхъ собранія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и предлагать имъ приниматься за дѣло, причемъ они сами должны позаботиться о томъ, чтобы достать часть требуемаго капитала. Намъ не слѣдуетъ предпринимать ничего, пока рабочіе не выкажутъ сами активнаго интереса къ нашему проекту; мы же должны продолжать свою проповѣдническую дѣятельность, пока не обезпечимъ себѣ ихъ активнаго отношенія къ кооперацій. По-моему, это необходимо. Наша задача состоитъ въ воспитаніи народа въ такомъ направленіи, чтобы онъ самъ пожелалъ ввести у себя кооперативный трудъ и торговлю, а не въ томъ, чтобы навязывать ихъ народу, который вовсе не ощущаетъ въ нихъ нужды".

Въ Кеттерингѣ кооператоры, какъ уже было сказано, слѣдовали въ своей программѣ этимъ правиламъ. Всѣми признано, что сельско-хозяйственные рабочіе очень охотно пользуются случаемъ поучиться. Макъ-Иннсъ, изъ Линкольнскаго потребительнаго общества, очень удачно ведущаго свои дѣла, сказалъ на конгрессѣ въ 1897 году, что сельско-хозяйственные рабочіе послушные и стремятся научиться высшимъ формамъ кооперацій. „Образованіе дастъ крестьянамъ возможность устраивать фермы въ дикихъ мѣстахъ своего отечества, какъ въ преріяхъ и въ лѣсахъ. Потребительныя общества,—продолжалъ онъ,—имѣютъ возможность помогать изъ своихъ прибылей и запаснаго капитала

сельско-хозяйственнымъ рабочимъ въ ихъ стремленіи къ освобожденію". Одинъ делегатъ на кооперативномъ конгрессѣ спросилъ: „Почему сельское хозяйство не даетъ дохода?" Фермеры объясняютъ это чрезмѣрною дороговизною труда, а рабочіе—чрезмѣрною дешевизною; и я согласенъ съ послѣдними. Трудъ спеціалиста можетъ быть полученъ не иначе, какъ за хорошую цѣну, и теперешнее печальное состояніе сельскаго хозяйства является въ значительной долѣ результатомъ угнетеннаго состоянія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ". Какое огромное значеніе образованіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ можетъ имѣть для страны,—хорошо видно изъ поразительнаго свидѣтельства графа Винчильси, приведеннаго на Вуличскомъ кооперативномъ конгрессѣ въ 1896 году, о дѣловитости, обнаруживаемой рабочими въ кооперативномъ движеніи. „Меня, какъ дѣлового человѣка,—говорилъ онъ,—поражаетъ, какъ такія крупныя дѣла могутъ вестись простыми рабочими. Мнѣ кажется, что это служитъ доказательствомъ прогресса, сдѣланнаго нами за время жизни настоящаго поколѣнія. Весьма вѣроятно, что подобное развитіе и умѣнье вести дѣла были бы невозможны шестьдесятъ, семьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Но этимъ не исчерпывается значеніе кооперативнаго движенія. Оно не только служитъ доказательствомъ того, что подобные результаты дѣйствительно достигнуты, но является въ моихъ глазахъ величайшимъ воспитательнымъ факторомъ для достиженія еще бóльшихъ результатовъ".

Когда земля, неправильно обрабатываемая, наконецъ, истощится, то англійскіе фермеры говорятъ, что „у нея нѣтъ сердца" и называютъ процессъ возстановленія ея прежняго состоянія возвращеніемъ ей „сердца". Силами сельско-хозяйственныхъ рабочихъ тоже злоупотребляли и истощили ихъ. Планъ кооператоровъ—привлечь рабочихъ къ участію въ прибыляхъ несомнѣнно вернетъ „сердце" какъ рабочимъ, такъ и странѣ. Самые энергичные и предпріимчивые кооператоры, дѣйствующіе несомнѣнно успѣшно и посвятившіе себя разрѣшенію вопроса о земледѣльческой коопераціи, стремятся осуществить „копартнершипъ", т. е. добиться для рабочихъ участія во владѣніи, завѣдываніи и въ прибыляхъ. Это составляетъ существенную часть программы дѣйствій, набросанной Вивіаномъ на конференціи въ Рогби. Трудно ожидать успѣха, сказалъ Вивіанъ, пока кромѣ всѣхъ своихъ прочихъ рессурсовъ въ видѣ капитала и рынка для сбыта продуктовъ кооператоры не будутъ въ состояніи констатировать активный интересъ къ этому дѣлу со стороны сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, а этого можно достигнуть, не дѣлая имъ подарка въ видѣ готоваго кооперативнаго благосостоянія, но поднимая ихъ помощью воспитанія до такого уровня, чтобы они сами пожелали найти хотя бы небольшую долю требуемаго капи-

тала и принять на себя долю отвѣтственности за участіе въ прибыляхъ предпріятія.

На конгрессѣ 1887 года Ритчи изъ Эдинбурга указалъ на практическую выгоду этого. „Ужасное положеніе сельскихъ рабочихъ,—говорилъ онъ,—служитъ причиною огромныхъ убытковъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Во время жатвы въ деревнѣ нехватаетъ рабочихъ рукъ, и пропадаютъ даромъ цѣлыя сотни фунтовъ. Успѣхъ коопераціи въ сельскомъ хозяйствѣ будетъ зависѣть отъ допущенія рабочихъ къ участію въ прибыляхъ. Если фермеры-кооператоры не будутъ дѣлиться прибылями съ рабочими, они будутъ больше терять изъ-за недособиранія жатвы, чѣмъ выгадывать путемъ удержанія всей прибыли въ свою пользу". Это мнѣніе подтверждается и Э. О. Гринингомъ. „Въ Англіи,—сказалъ Гринингъ на кооперативномъ конгрессѣ 1894 года,—требуется пять рабочихъ тамъ, гдѣ въ Канадѣ или Соединенныхъ Штатахъ требуется только двое. Трудъ будетъ производительнымъ только тогда, когда рабочіе будутъ тоже участвовать въ прибыляхъ". Кампбелль говоритъ въ цитированной уже рѣчи: „Каждый работающій на землѣ долженъ относиться къ своей работѣ съ интересомъ и отдавать ей свои лучшія силы, а этого можно достигнуть только, давъ каждому рабочему право на полученіе плодовъ своихъ трудовъ".

Замѣчательный случай съ Ралахайномъ является почти классическимъ примѣромъ, часто приводимымъ кооператорами въ доказательство того, чего можно достигнуть съ, повидимому, безнадежнымъ человѣческимъ матеріаломъ, обращаясь съ нимъ справедливо и давая ему знать, что онъ будетъ привлеченъ къ участію въ прибыляхъ своего производства. Этотъ случай подробно описанъ въ „Исторіи кооперативнаго сельскаго хозяйства въ Ралахайнѣ", книгѣ Крэйга, изданной въ Лондонѣ. Ралахайнъ была ферма въ одномъ изъ самыхъ опасныхъ и безпокойныхъ округовъ Ирландіи съ оборваннымъ и голоднымъ населеніемъ, не признающимъ никакихъ законовъ; жизнь помѣщиковъ и управляющихъ находилась тамъ въ постоянной опасности. Послѣ того, какъ пуля пронизала черепъ его управляющаго, владѣлецъ Ралахайна бѣжалъ въ 1831 году, оставивъ свой домъ въ рукахъ вооруженной полиціи, и укрылся въ городѣ Лимерикѣ. Онъ давно задумалъ устроить кооперативную ферму, чтобы облегчить острую нужду населенія, и этотъ кризисъ ускорилъ его дѣйствія. Ему посчастливилось найти для осуществленія своего новаго проекта вполнѣ подходящаго человѣка, энтузіаста-практика въ лицѣ англичанина Крэйга, автора „Исторіи Ралахайна". Можно представить себѣ, что народъ понималъ тогда въ принципахъ коопераціи, но, когда Крэйгъ объяснилъ рабочимъ, что они будутъ сами хозяевами, что дѣла фермы будутъ вестись комитетомъ изъ девяти членовъ, избираемыхъ ими изъ своей среды, что управ-

ляющаго не будетъ, но каждый рабочій будетъ исполнять назначенную ему долю работы и всѣ будутъ участвовать въ прибыляхъ предпріятія,—тогда главные вожди прежнихъ бунтовъ обратились въ лучшихъ рабочихъ.

На фермѣ былъ введенъ почти коммунистическій образъ жизни, стряпня была общая, жилищами служили общія помѣщенія. Люди стали заботиться объ образованіи дѣтей; работа подвигалась быстро и успѣшно. Ферма была усовершенствована, и выстроены новыя жилища. Для снабженія припасами и необходимыми товарами была открыта при фермѣ лавка, а вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ напечатаны и пущены въ оборотъ квитанціи за трудъ. Рабочіе охотно принимали ихъ въ уплату за трудъ, потому что видѣли, что онѣ принимаются въ лавкѣ, „какъ золото“ [1]).

Этотъ опытъ продолжался три года, и за такой короткій срокъ рабочіе поразительно перемѣнились. Они перестали пить, стали содержать дома въ чистотѣ, аккуратно вносили квартирную плату; безпорядки и насилія прекратились, невоздержанность почти исчезла;

---

[1]) „Квитанціи печатались на толстомъ картонѣ и были величиною съ обыкновенную мужскую визитную карточку, т. е. два съ половиною дюйма длины на полтора ширины. Нижеприведенная квитанція представляла цѣнность одного рабочаго дня:

8 пенсовъ за одинъ рабочій день.

Въ обращеніи были и другія квитанціи за половину, четверть, восьмую и шестнадцатую часть рабочаго дня съ соотвѣтственною цѣнностью въ четыре, два, одинъ и пол-пенса. Обыкновенная заработная плата рабочихъ въ данномъ округѣ и въ данное время служила основаніемъ для оцѣнки труда. Кромѣ вышеназванныхъ квитанцій, были и другія—въ одинъ шиллингъ за полтора рабочихъ дня, которыя печатались для отличія красными чернилами, и въ два шиллинга—за три рабочихъ дня. Всѣ эти квитанціи принимались въ лавкѣ, какъ деньги, за продукты, выработанные на фермѣ, за матеріи, топливо, въ уплату за квартиру и т. д. Работа ежедневно отмѣчалась на „рабочемъ листѣ“, который вывѣшивался для обзора въ теченіе слѣдующей недѣли. Члены коопераціи могли работать или ничего не дѣлать—по собственному желанію. Но, если они не работали, то и не попадали на рабочій листъ, а, слѣдовательно, не получали платы. На дѣлѣ эта организація принесла огромную пользу. Лѣнтяевъ между рабочими совсѣмъ не было, а такъ какъ квитанціи были дѣйствительны только въ коммунѣ, то члены постепенно стали владѣльцами крупныхъ капиталовъ за покрытіемъ всѣхъ своихъ текущихъ расходовъ.

Когда квитанціи на трудъ были впервые выпущены, онѣ были встрѣчены съ нѣкоторымъ неодобреніемъ на томъ основаніи, что „онѣ не были деньгами“. Но когда рабочіе увидѣли, что, обращаясь ко мнѣ, они могли обмѣнять квитанціи, въ случаѣ надобности, на наличныя деньги, или пищу, одежду и т. д. въ своей собственной лавкѣ, то неодобрительное отношеніе исчезло, и въ концѣ концовъ квитанціи стали даже предпочитаться наличнымъ платежамъ“ (Исторія Ранахайна, стр. 75).

рабочіе какъ мужчины, такъ и женщины, заработали столько, сколько платили сосѣдніе фермеры, и еще на четвертую или пятую долю больше этого. Этому опыту былъ неожиданно положенъ конецъ банкротствомъ владѣльца, который проигрался въ карты и бѣжалъ въ Америку; на его мѣсто явились новые владѣльцы, которые не питали никакой симпатіи къ тому, что дѣлалось на фермѣ, но этотъ случай продолжаетъ служить блестящимъ примѣромъ того, чтó можетъ быть достигнуто съ людьми и землею при самыхъ, повидимому, тяжелыхъ условіяхъ, если держаться принципа братства.

„Результаты,—говоритъ Крэйгъ, — доказываютъ, что опытъ вполнѣ удался. Съ владѣльца земли была снята значительная доля заботъ и безпокойства, а народъ сталъ трудолюбивымъ, довольнымъ и счастливымъ. Многіе крестьяне стали надѣяться, что и другіе крупные землевладѣльцы будутъ слѣдовать этой системѣ. Однажды, когда я возвращался изъ Америки, меня встрѣтилъ по дорогѣ католическій священникъ и настоялъ на томъ, чтобы я зашелъ къ нему отдохнуть, весьма сочувственно отзываясь о томъ, что я совершилъ, и выражая мнѣ глубокую признательность за перемѣну къ лучшему въ ралахайнскихъ жителяхъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до того священники и духовенство были совершенно безсильны передъ мятежнымъ поведеніемъ крестьянъ, которыхъ озлобляла и доводила до отчаянія нищета. Перемѣна обстоятельствъ казалась многимъ загадочною. Соціальная наука оказалась дѣйствительнѣе военной силы. Соціализмъ могъ заставить бѣдныхъ, невѣжественныхъ ирландскихъ крестьянъ жить въ мирѣ и дружбѣ между собою. Пока они не соединились, каждый человѣкъ жилъ только для себя за счетъ всѣхъ другихъ. Теперь же каждый видѣлъ, что заботы объ удобствахъ и счастьѣ всѣхъ окружающихъ доставляли выгоды и ему самому“.

Когда рочдэльскіе піонеры явились къ англійскимъ рабочимъ въ 1844 году, а Г. Пленкеттъ и Ирландское Общество Организаціи Сельскаго Хозяйства начали свою дѣятельность для спасенія ирландскихъ крестьянъ въ 1893 году, они видѣли, что народъ близокъ къ полному разоренію. Но англійскіе рабочіе и ирландскіе фермеры спаслись, благодаря коопераціи, и достигли благосостоянія, которое, конечно, и теперь еще оставляетъ желать многаго, но въ то время казалось совершенно немыслимымъ. Уничтоженіе экономической несправедливости во всей странѣ путемъ законодательства окажется, естественно, болѣе медленнымъ процессомъ, но будетъ болѣе вѣрнымъ средствомъ въ рукахъ тѣхъ, которые достигли, благодаря дисциплинѣ, такихъ успѣховъ и самопомощи. Тѣ, которые сумѣли организовать экономическіе союзы, легко сумѣютъ организовать политическіе союзы. Люди, вкусившіе сладкихъ плодовъ ученья—„каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго“— и равенства и братства на ограниченномъ полѣ, не успокоятся,

пока не увидятъ, что эти принципы прилагаются постепенно повсюду. Люди, выкарабкавшіеся шагъ за шагомъ изъ грязи, ни за что не допустятъ, пока живы, чтобы ихъ оттѣснили туда обратно, ни англійскіе рабочіе, ни ирландскіе фермеры. Когда будетъ введена земельная реформа, эти кооператоры послужатъ оплотомъ ея, такъ же, какъ другихъ реформъ.

Многіе основательные доводы убѣждаютъ насъ въ томъ, что кооперативное сельское хозяйство отличается качествами, которыя обѣщаютъ большій успѣхъ, чѣмъ индивидуальное. Результаты кооперативнаго сельскаго хозяйства были до сихъ поръ гораздо благопріятнѣе среднихъ результатовъ обыкновеннаго хозяйства въ Великобританіи. Сельское хозяйство является весьма ненадежнымъ занятіемъ, давая одинъ годъ крупную прибыль, а другой годъ—крупные убытки. Лучшею системою въ немъ является поэтому та, которая позволяетъ дѣлать въ хорошіе годы запасы для покрытія убытковъ въ плохіе годы. Кооперативная бухгалтерія списываетъ ежегодно долю прибылей въ запасный капиталъ для покрытія убытковъ въ случаѣ надобности. Значительный капиталъ, находящійся въ распоряженіи кооперативныхъ фермъ, если онѣ заручатся содѣйствіемъ кооперативныхъ обществъ, дѣлаетъ ихъ самымъ могущественнымъ изъ существующихъ учрежденій, стремящихся къ разрѣшенію аграрнаго вопроса въ Великобританіи. Кампбелль говоритъ на Сендерландскомъ конгрессѣ о „почти безграничной возможности привлекать капиталы съ небольшими усиліями или самопожертвованіемъ“. Г. Вивіанъ въ Рогби упоминаетъ объ „огромномъ запасномъ капиталѣ“ и „широко организованномъ рынкѣ“, которые даются кооперацією. „У большинства обществъ вполнѣ достаточный капиталъ,—говоритъ Кэйнъ о кооперативномъ хозяйствѣ на сѣверной Лонсдэльской конференціи,—и для многихъ обществъ деньги являются прекраснымъ лекарствомъ“. Кооперативныя общества охватываютъ все большее количество видовъ промышленности, и обычай, практикующійся въ Вуличѣ, Глазго и другихъ мѣстахъ и состоящій въ томъ, чтобы складывать доходы всѣхъ видовъ промышленности одного общества въ общій фондъ передъ тѣмъ, какъ распредѣлять ихъ, дастъ кооперативному сельскому хозяйству силу, которой индивидуальныя хозяйства никогда не смогутъ достигнуть.

Прекраснымъ средствомъ для достиженія кооператорами успѣха тамъ, гдѣ другіе окажутся безсильными, является все болѣе увеличивающійся на современномъ рынкѣ спросъ на единообразіе въ качествѣ и поставкѣ товаровъ. Никто не пояснилъ этого такъ хорошо, какъ графъ Винчильси на Вуличскомъ конгрессѣ. Онъ указалъ на то, что англичане выпускаютъ изъ рукъ свои-же собственные рынки, а иностранцы забираютъ ихъ себѣ, потому что организуютъ свое производство и способы распредѣленія товаровъ; въ качествѣ примѣра онъ приводитъ маслобойное производ-

ство. „Продажа масла, напримѣръ, въ соотвѣтствіи съ современными условіями является дѣломъ, которое не можетъ быть исполнено отдѣльными лицами, а должно быть проведено исключительно на основаніи принципа объединенія. Причина этого весьма проста, и даже люди, не знающіе сельскаго хозяйства, согласятся со мною, когда я скажу, что современная торговля требуетъ огромныхъ количествъ одного и того же товара, неизмѣннаго по качеству и по внѣшнему виду и правильно поставляемаго на рынокъ каждый день въ теченіе всего года. Это-то и требуется Кооперативнымъ Обществамъ для оптовыхъ операцій, когда они закупаютъ на рынкѣ товары для вашихъ потребительныхъ лавокъ; вы желаете имѣть товаръ по одному образцу и хотите имѣть увѣренность, что онъ будетъ всегда одинаковъ, когда бы вы ни купили его. Но условія современнаго маслобойнаго производства дѣлаютъ это совершенно невозможнымъ. Вы можете пойти къ тысячѣ отдѣльныхъ фермеровъ, занимающихся прозводствомъ масла,—гдѣ хорошаго, гдѣ посредственнаго качества—и не найдете среди этой тысячи образцовъ двухъ совершенно тождественныхъ. Это и служитъ причиною того, что маслобойное производство все болѣе вытѣсняется съ нашихъ собственныхъ рынковъ продуктами тѣхъ странъ, гдѣ фермеры объединяются въ общества для производства масла въ лучшихъ условіяхъ.

Ирландскіе фермеры увидѣли это раньше англійскихъ и, какъ мы сказали выше, ушли уже далеко по пути успѣшной организаціи сельскаго хозяйства. Что справедливо въ отношеніи молочныхъ продуктовъ, оказывается еще болѣе справедливымъ въ отношеніи другихъ продуктовъ фермъ. Эти сельско-хозяйственныя коопераціи, которыя имѣютъ въ своемъ распоряженіи неограниченные капиталы и уже вполнѣ организованные рынки, которые могутъ производить совершенно однородные продукты, правильно поставлять ихъ потребителямъ и получать отъ рабочихъ высшую рабочую силу, въ концѣ концовъ несомнѣнно „возьмутъ верхъ" надъ частными фермерами и отдѣльными капиталистами. Количество земли, которое кооператоры могли-бы обрабатывать, почти безгранично. Сотни тысячъ акровъ требовались бы современнымъ кооперативнымъ населеніемъ для одного только молока, сотни тысячъ для масла, милліонъ акровъ для мяса, не говоря уже объ овощахъ, фруктахъ и хлѣбныхъ растеніяхъ. „Нѣтъ никакихъ препятствій,—говоритъ Кампбелль,—чтобы каждое крупное и богатое потребительное общество имѣло черезъ двадцать лѣтъ свою промышленую деревню на собственной землѣ". Всѣ пренія по вопросу о развитіи коопераціи указываютъ на неизмѣнное приближеніе къ осуществленію этой идеи. Мнѣ никогда не приходилось видѣть болѣе заинтересованной и внимательной аудиторіи, чѣмъ та, которая на конференціи въ Рогби принимала участіе въ преніяхъ по этому вопросу. Это была не аудиторія лектора,

а дѣловое собраніе мужчинъ и женщинъ, обсуждающихъ дѣло съ захватывающимъ интересомъ; и всѣ эти люди горѣли пламенемъ рѣшимости и восторга и были воодушевлены вѣрою въ то, что они служили великому дѣлу. „Дѣлового успѣха недостаточно,— сказалъ одинъ изъ ораторовъ на конференціи.—Мы хотимъ имѣть также нравственныя и духовныя выгоды".

Неудачи, которыя встрѣчались до сихъ поръ на пути коопераціи въ сельскомъ хозяйствѣ, не могутъ быть приписаны самой кооперативной идеѣ, потому что есть кооперативныя общества, которыя дѣйствовали крайне успѣшно. Онѣ не могутъ также быть приписаны общей невыгодности сельскаго хозяйства, потому что рядомъ съ малоуспѣшными фермами другія работали съ большимъ успѣхомъ. Кромѣ ошибокъ кооператоровъ, которыя будутъ устранены временемъ и опытомъ, главныя препятствія къ успѣху состоятъ въ высокой арендной платѣ, истощенной землѣ и высокихъ тарифахъ, назначаемыхъ желѣзными дорогами. Въ парламентскихъ отчетахъ указывалось на то обстоятельство, что въ Англіи фермеры уплачиваютъ ежегодно 14 долларовъ съ акра аренды, пошлинъ и налоговъ въ пользу бѣдныхъ за землю, на которой сѣютъ пшеницу. Что касается помѣщиковъ съ ихъ арендою и откупами—въ одномъ случаѣ упоминается объ откупѣ, въ силу котораго ни одна соломинка не могла быть продана иначе, какъ обращенная въ удобреніе, несмотря на то, что солома стоитъ 15 долларовъ за тонну, а удобреніе можетъ быть куплено за 5 долларовъ,—то отъ нихъ можно освободиться покупкою земель, какъ это фактически и дѣлается. Желѣзнодорожныя общества приходятъ къ тому убѣжденію, что они только губятъ себя, убивая промышленность въ районѣ своихъ линій; тѣ самыя дороги, которыя брали за провозъ товаровъ изъ Кента въ Лондонъ въ три раза больше того, что стоитъ провозъ изъ Бельгіи въ Лондонъ, спрашиваютъ теперь кооператоровъ, что они могутъ сдѣлать для поднятія промышленности въ районѣ своихъ линій. „Скажите намъ, что мы должны дѣлать, и мы все исполнимъ",—говорятъ онѣ. Ни у кого не можетъ быть подъ рукою такихъ средствъ для улучшенія плохой земли и дурныхъ условій труда и для установленія быстрыхъ и вѣрныхъ сношеній съ рынкомъ, какъ у кооператоровъ.

Кооперативное начало хорошо укоренилось въ сельскомъ хозяйствѣ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Въ Англіи главными распространителями этого ученія является городское населеніе путемъ устройства потребительныхъ обществъ, въ Ирландіи же фермеры—трудящіеся крестьяне. Въ обоихъ государствахъ молочное хозяйство, повидимому, прежде всего привлекло къ себѣ кооперативную предпріимчивость. На протяженіи всего европейскаго материка сельское хозяйство проходитъ черезъ фазисъ коопераціи; все, что мнѣ пришлось видѣть во время путешествія, указываетъ на то, что Великобританія и Ирландія вступаютъ на

тотъ же путь. Эти усилія кооперативныхъ рабочихъ кажутся безконечно мощными въ сравненіи съ такой филантропіей, какъ дѣятельность поэта Теннисона. Какъ говорится въ его біографіи, написанной его сыномъ, онъ соединился съ другими съ цѣлью сдѣлать попытку организовать сельскихъ рабочихъ на землѣ; попытка эта завершилась переселеніемъ нѣкотораго числа сельскихъ рабочихъ въ маленькую колонію подъ названіемъ Теннисонъ въ Южной Африкѣ. Кооперативное движеніе удерживаетъ силы и духъ англійскихъ кооператоровъ тамъ, куда они принадлежатъ,—на англійской землѣ.

Число кооператоровъ, убѣждающихся въ томъ, что главный шагъ кооперативной политики состоитъ въ овладѣніи землею, увеличивается съ каждымъ днемъ. Земля дешева и ея много. Съ завладѣніемъ землею замкнется кругъ дѣятельности кооперацiи. Владѣя потребительными лавками, фабриками, фермами, водяною силою и минеральными богатствами, кооператоры не только окажутся „государствомъ въ государствѣ“, какъ ихъ называли, но въ случаѣ паденія стараго порядка явятся и единственнымъ государствомъ. Ихъ организація будетъ единственною, гдѣ члены связаны взаимностью и истиннымъ раненствомъ. Застой въ дѣлахъ, нападки отдѣльныхъ торговцевъ и общественные безпорядки могутъ обрушаться тогда на зданіе коопераціи, но оно не рухнетъ, потому что основаніемъ его будетъ служить скала и даже кое-что лучше, чѣмъ скала, какъ основа коммуны—земля.

Я не знаю темы, которая представляла бы для англійскихъ кооператоровъ такой захватывающій интересъ, какъ вопросъ о деревенскихъ коммунахъ. Предсказаніе, что попытки въ этомъ направленіи умножатся въ скоромъ времени, является вполнѣ правильнымъ. Во всемъ этомъ мы видимъ возвращеніе коопераціи къ своей первоначальной идеѣ. Частью первоначальной программы, выставленной рочдэльскими піонерами, было „устройство самостоятельно прокармливающей себя колоніи на родинѣ съ общими интересами и поддержка другихъ обществъ въ устройствѣ подобныхъ колоній“. Можно смѣло утверждать, что коммунистическая идея была всегда основною мыслью въ кооперативномъ движеніи. Эта идея являлась въ планахъ такихъ людей, какъ Джемсъ Холь, Ллойдъ Джонсъ и другихъ выдающихся дѣятелей лидскаго потребительнаго общества. Они стремились къ „тому, чтобы члены стали своими собственными работодателями въ кооперативныхъ лавкахъ и въ концѣ концовъ къ коллективной организаціи промышленнаго города, который самъ содержалъ бы себя и самостоятельно управлялся бы для общаго блага“ [1]). Робертъ Оуенъ былъ вполнѣ правъ, видя въ кооперативной ком-

[1]) Исторія лидскаго общества Джорджа Джакоба Холіока, стр. 51. George Yacob Holyoake's History of the Leeds Society, p. 51.

мунѣ высшее осуществленіе промышленной реформы, но онъ сдѣлалъ ошибку въ своемъ увлеченіи, предположивъ, что это движеніе могло начаться съ совершенной формы, которая на самомъ дѣлѣ, можно надѣяться, послужитъ ему вѣнцомъ.

Какъ результатъ моихъ путешествій и наблюденій въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, сумма впечатлѣній по вопросу о кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ въ Великобританіи можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ:

Во-первыхъ, судя по началу, кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ подаетъ большія надежды, и дѣятельность ея съ первыхъ же шаговъ увѣнчалась бóльшимъ успѣхомъ, чѣмъ дѣятельность средняго частнаго хозяйства.

Во-вторыхъ, это только начало.

Въ-третьихъ, она имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ финансовыя и другія средства, которыя требуются для исполненія всего, что она имѣетъ въ виду предпринять.

Въ четвертыхъ, дѣятельность ея оживляется сознательною надеждою способствовать разрѣшенію аграрнаго вопроса на пользу всего народа.

Въ пятыхъ, она является самою мощною изъ всѣхъ реформаторскихъ или практическихъ идей, которыя примѣняются для разрѣшенія существеннѣйшаго изъ вопросовъ.

Въ-шестыхъ, весьма вѣроятно, что за время двухъ слѣдующихъ поколѣній она приведетъ къ не менѣе важнымъ коммерческимъ, соціальнымъ и нравственнымъ результатомъ, чѣмъ тѣ, которые были достигнуты коопераціей въ области торговли и промышленности за время двухъ послѣднихъ поколѣній.

Въ Англіи и Шотландіи организація кооперативныхъ фермъ происходитъ не по инниціативѣ фермеровъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, которые не отличаются коммунистическимъ духомъ, реформирующимъ деревенскую жизнь въ Ирландіи и на континентѣ. Британскія кооперативныя фермы являются предпріятіями потребительныхъ обществъ, которыя возникли, въ свою очередь, по инниціативѣ не торговцевъ, а рабочихъ. Больше всего подаютъ надежды общества въ Вуличѣ, Глазго и Кеттерингѣ, гдѣ всѣ сотрудники могутъ быть совладѣльцами, и мы можемъ надѣяться на то, что коопераціи совмѣстно съ „копартнершипомъ" распространятся по всей странѣ.

Г. Д. Ллойдъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

По кооперативной Европѣ.

Очерки.

Экономическое значеніе кооперацiи.

Ничего не можетъ быть труднѣе заочнаго знакомства съ экономическими условіями развитія какой либо страны. Даже пользуясь неограниченнымъ выборомъ самыхъ непосредственныхъ документовъ, изслѣдователь все же ежеминутно рискуетъ или совсѣмъ не найти, или потерять тѣ характерныя и живыя черточки, которыя опредѣляютъ истинный типъ, даютъ правильное понятіе о самомъ духѣ развитія этихъ экономическихъ условій.

Это положеніе безспорно справедливое, и въ частности еще больше примѣнимо къ кооперацiи. Кооперація, какъ форма экономическаго развитія, опредѣляется въ своемъ развитіи, конечно, общимъ развитіемъ производительныхъ силъ. Капитализмъ, въ послѣднихъ высшихъ формахъ своего развитія, помимо своей воли создаетъ ежедневно все новыя и новыя условія, болѣе благопріятныя развитію кооперацiи, чѣмъ ему самому. Но этой непосредственной зависимости развитія кооперацiи отъ капитализма было бы слишкомъ недостаточно для того, чтобы, исходя изъ одного этого положенія, составить себѣ понятіе о томъ или другомъ типѣ кооперативной организацiи.

Сама кооперація настолько сложна и многообразно, настолько тѣсно связана съ общимъ состояніемъ производства, со всѣми прошедшими отклоненіями его и ненормальностями, что уже сама по себѣ эта экономическая родословная и та можетъ послужить причиной невѣрной оцѣнки кооперацiи.

Но дѣло еще больше осложняется, когда мы возьмемъ исторически правовое положеніе кооперацiи и главное—ея связь съ политическимъ развитіемъ страны. Тутъ непочатый уголъ и для легкихъ заблужденій и, зачастую безсознательно, для очень серьезныхъ ошибочныхъ выводовъ подъ вліяніемъ того или иного преломленія политическаго вліянія на внѣшнія формы кооперацiи.

Кооперація въ большинствѣ странъ политически нейтральна. Но уже самъ тотъ фактъ, что въ этихъ же самыхъ странахъ это понятіе нейтральности понимается самыми различными способами, заставляетъ признать очень тѣсную зависимость всѣхъ политическихъ видоизмѣненій на развитіе коопераціи. Здѣсь не мѣсто, конечно, вдаваться въ схоластическій споръ о томъ, что кого опредѣляетъ—политика ли кооперацію или кооперація политику, но во всякомъ случаѣ является безспорнымъ тотъ фактъ, что никакое понятіе о нейтральности не можетъ обойти вопросъ о взаимодѣйствіи политики и коопераціи, въ какой бы формѣ это, конечно, ни сказывалось.

Такъ зачастую бываетъ, что въ двухъ странахъ, гдѣ на-лицо являются явно неодинаковыя производственныя предпосылки, политическія теоріи представителей различныхъ классовъ, разсматривая кооперацію, иногда сильно сближаютъ въ основѣ своей двѣ совершенно чуждыя другъ другу формы ея. Временное политическое оживленіе одной страны легко приписываетъ своей еще не достаточно экономически сильной кооперативной организаціи большее экономическое и политическое значеніе, или наоборотъ.

Объѣзжая нѣкоторыя кооперативныя страны Европы, я не имѣлъ цѣлью въ качествѣ жителя осматривать кооперативныя постройки и производить оцѣнку коопераціи этихъ странъ по количеству этажей или по архитектурнымъ украшеніямъ. Не это будетъ служить и темой дальнѣйшихъ очерковъ. Меня больше интересовала провѣрка, личный анализъ тѣхъ установленныхъ трафаретовъ, по которымъ распространяются по міру и сохраняются на многія лѣта характеристики различныхъ кооперацій.

Какъ уже слѣдуетъ изъ самаго введенія этой статьи о сложномъ взаимодѣйствіи быстро въ наши дни измѣняющихся экономическихъ и политическихъ условій, для меня уже при самомъ началѣ моей поѣздки существовалъ цѣлый рядъ сомнѣній въ пригодности нѣкоторыхъ изъ этихъ общепризнанныхъ трафаретовъ.

Такъ, напримѣръ, если остановиться на Франціи, гдѣ, какъ извѣстно, кооперативное движеніе распадается на два типа враждующихъ между собой кооперативныхъ организацій. Одинъ типъ соціалистическихъ кооперативовъ, объединенныхъ въ „Биржу соціалистическихъ кооперативовъ" является открытымъ послѣдователемъ „рочдэльскихъ принциповъ". Бельгійская форма коопераціи (о которой рѣчь будетъ впереди) постоянно выставляется ихъ, такъ сказать, ближайшимъ идеаломъ. Другой типъ—кооперативныя общества, считающія самое кооперацію, какъ верховную цѣль, цѣль ихъ движенія. И принципъ—сама кооперація есть цѣль—приписывается всему союзу этихъ обществъ и главному вдохновителю его—Шарлю Жиду.

Но насколько вѣрна эта, казалось бы, такъ прочно установленная, характеристика французской коопераціи?

Я считаю ее невѣрной ни для одного, ни для другого типа. И это не одно мое единоличное мнѣніе. Мнѣ приходилось бесѣдовать со многими вожаками французской и иностранной кооперацiи и они всегда сами обращали мое вниманіе на то, что дѣйствительная физіономія французской кооперацiи вовсе не та, которая такъ легко усваивается изъ упрощенной формулы: для однихъ кооперація все—цѣль, для другихъ же—лишь средство.

Эта формула, выработанная теоретическимъ путемъ въ періодъ совершеннаго младенчества французской кооперацiи, быстро пріобрѣла право гражданства даже и за предѣлами Францiи, ни на іоту не удовлетворяя дѣйствительному, настоящему положенію вещей.

На самомъ дѣлѣ и тотъ, и другой типъ французской кооперацiи имѣютъ весьма много общаго. Несмотря на постоянную вражду представителей этихъ двухъ типовъ и постоянныя обличенія въ „партійной нетерпимости", съ одной стороны, и въ „буржуазности"—съ другой, можно почти съ увѣренностью сказать, что большинство недостатковъ и отрицательныхъ сторонъ въ одинаковой мѣрѣ общи и одному, и другому типу. Оба типа французской кооперацiи одинаково *экономически* слабы и безпомощны передъ могуществомъ сильной во Францiи, какъ нигдѣ, мелочной торговли.

Этотъ фактъ, а наряду съ нимъ и то, что бельгійцы, говоря о французахъ, называютъ „отсутствіемъ de l'ésprit de l'organisation", т. е. недостаткомъ историческаго навыка къ экономической организацiи,—все это въ связи съ политической свободой и широкимъ размахомъ политической жизни Францiи придали французской кооперацiи обликъ, во многомъ не соотвѣтствующій дѣйствительности.

Додэ-Бансель, одинъ изъ видныхъ представителей школы Шарля Жида, теперь уже оффиціально въ переговорахъ съ представителями Кооперативной Биржи призналъ, что кооперацію можно разсматривать только, какъ *средство*, но не какъ цѣль. Но у теоріи „цѣли" есть еще много ярыхъ защитниковъ, не могущихъ понять, что во Францiи экономически слабая кооперація до сихъ поръ даже и не могла проявить себя въ смыслѣ какого-либо осязательнаго средства. И наоборотъ,—для соціалистовъ-кооператоровъ, желающихъ во что бы то ни стало догнать парламентскіе успѣхи французскаго соціализма и постоянно забывающихъ о своемъ экономическомъ слабосиліи, понятно, что всякое желаніе углубиться во внутреннюю организацію кооперативныхъ обществъ кажется преступленіемъ противъ соціализма, буржуазностью.

И это не единичный примѣръ. Чѣмъ экономически слабѣе кооперація, тѣмъ сложнѣе, причудливѣй и громче создаются въ одномъ и томъ же мѣстѣ по нѣсколько противорѣчивыхъ теорій.

Немало было примѣровъ и за границей, немало примѣровъ можно было бы найти и у насъ, хотя бы въ Польшѣ, гдѣ порой вокругъ еще, конечно, экономически совершенно слабаго кооперативнаго зародыша создается сложная этическо-кооперативная теорія, поднимающая ее чуть не до религіознаго принципа.

И совершенно наоборотъ. Чѣмъ болѣе крѣпнетъ кооперація, тѣмъ сильнѣе уменьшается разнообразіе теорій. Когда гдѣ-либо кооперація становится для всѣхъ уже очевидной и явной экономической силой, тамъ уже устанавливается прочное понятіе политическаго нейтралитета; тамъ уже не возникаетъ расколовъ на тему о „средствѣ" и „цѣли". Экономическая сила коопераціи сама по себѣ, краснорѣчивѣй всякой теоріи, говоритъ и о своемъ политическомъ значеніи.

Если мы перейдемъ для разсмотрѣнія экономическаго положенія коопераціи отъ Франціи къ Бельгіи, то въ ней мы уже не встрѣтимъ подобнаго теоретическаго шатанія. Экономически бельгійская кооперація сильнѣе французской. Она сложной сѣтью окинула страну. Проникла почти во всѣ отрасли производства и потребленія и—что и создало ей всемірную извѣстность—сумѣла согласовать теорію своего развитія и дѣятельности съ экономической и политической организаціей рабочаго класса.

Согласованіе теорій кооперативнаго, профессіональнаго и политическаго движеній, дѣйствительно,—великое завоеваніе времени. И бельгійскому соціализму въ этомъ отношеніи принадлежитъ, конечно, немалая заслуга. Но: если поставить вопросъ о томъ, полно ли въ бельгійской коопераціи соотвѣтствіе между ея экономической цѣнностью и ея, такъ сказать, политическимъ ореоломъ,—на этотъ вопросъ трудно будетъ дать утвердительный отвѣтъ.

Соединеніе коопераціи съ другими формами бельгійскаго рабочаго движенія даетъ ей невольно характеристику нѣсколько высшую дѣйствительной и переноситъ на нее нѣкоторые оттѣнки, больше свойственные политической партіи, чѣмъ кооперативной организаціи.

Это—фактъ, который ничуть не умаляетъ значенія коопераціи, но который оттѣсняетъ на задній планъ болѣе существенные признаки сильно развитой экономически коопераціи. Оставляя до спеціальнаго теоретическаго очерка о Бельгіи цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ указанномъ нѣкоторомъ несоотвѣтствіи политической и экономической сущности бельгійской коопераціи, я приведу лишь одинъ тотъ фактъ, что такое столь извѣстное бельгійское соціалистическое потребительное общество „Vooruit" („Впередъ"), и оно уже не могло выдержать принятаго, такъ сказать, во имя общихъ принциповъ рабочаго движенія, правила раздачи чистой прибыли черезъ посредство жетоновъ и съ этого года принуждено уже отказаться отъ строгости его соблюденія. Въ экономическомъ своемъ развитіи, даже и такое, ка-

валось бы, крѣпко застрахованное отъ всякаго буржуазнаго духа, кооперативное общество, какъ „Vooruit“ принуждено все же больше считаться съ внутренними законами развитія своей по существу исключительно экономической организаціи, и въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего позорнаго ни для него, ни для бельгійскаго соціализма.

Если этотъ фактъ что и доказываетъ, то только то, что слѣдовательно даже и сама бельгійская кооперація еще экономически недостаточно сильна и развита для того, чтобы она могла во всей полнотѣ выполнить тѣ широкія и великія задачи, которыя на нее возлагаетъ организаціонное объединеніе и согласованіе дѣятельности коопераціи, профессіи и политическаго движенія.

По существу своему вѣрные принципы этого согласованія, можетъ быть, позже и войдутъ въ плоть и кровь бельгійской коопераціи, можетъ быть, даже и не въ Бельгіи, а въ другихъ странахъ, гдѣ разовьется болѣе сильная экономически кооперація, но пока было бы ошибочно на основаніи однихъ принциповъ составить себѣ представленіе и объ экономической силѣ кооперативнаго движенія.

И теперь, исходя изъ этой краткой характеристики двухъ фактовъ не всегда точнаго соотношенія между экономической силой и политически-общественнымъ выраженіемъ кооперативнаго движенія въ той или иной странѣ, не будетъ ли умѣстно допустить подобную осторожность и по отношенію къ Англіи?

Даже лишь при книжномъ знакомствѣ съ кооперативнымъ движеніемъ этой чисто-промышленной страны и то уже можно составить себѣ представленіе о той всеобъемлющей экономической силѣ англійскихъ кооператоровъ, способныхъ уже не только обслуживать своихъ членовъ со дня ихъ рожденія по день ихъ смерти, защищая ихъ отъ рукъ частной эксплоатаціи, но даже очень чувствительно влiять на внутренній товарный рынокъ Англіи.

Но англійская кооперація политически нейтральна. Она не связана организаціонно ни съ одной профессіональной организаціей, ни съ одной политической партіей. Обособленная, она не создала себѣ особой соціальной теоріи общественаго развитія, хотя въ своемъ младенчествѣ она и въ Англіи металась за поисками „этическаго принципа“ кооперативнаго движенія. Экономическій ростъ ея вліянія диктовалъ англійскимъ кооператорамъ вѣру въ то, что уже просто своей экономической силой кооперація входитъ клиномъ въ современный капиталистическій укладъ общества и разрубаетъ на-двое, казалось бы, незыблемыя основы эксплоатаціи и угнетенія.

И если, основываясь на подобной нейтральности англійской коопераціи, мы не сдѣлаемъ тривіальнаго заключенія и объ ея „буржуазности“, то мы простой логикой вещей принуждены будемъ признать, что значеніе такой экономически развитой формы

кооперативнаго движенія, каковой является англійская, стоитъ выше бельгійской кооперации.

Бельгійская кооперація богата смѣлыми соціальными опытами, но малые размѣры и размахъ бельгійскаго движенія еще не позволяютъ развить ихъ до полной ихъ силы и не будетъ ничего удивительнаго, если мы черезъ нѣкоторое время увидимъ болѣе полное и болѣе глубокое осуществленіе ихъ въ другихъ странахъ, тамъ, гдѣ безпартійная или нейтральная кооперація смогла уже или сможетъ развить большую экономическую силу и вліяніе.

Б. Торгашевъ.

Кавказскій университетъ.

Какимъ черепашьимъ шагомъ двигается у насъ, въ Россіи, всякое культурное дѣло и сколько терній встрѣчаетъ оно на пути къ своему осуществленію,—яркою иллюстраціею тому можетъ служить исторія проекта открытія на Кавказѣ университета или политехникума.

Болѣе $2^1/_2$ лѣтъ назадъ, весной 1906 г., особымъ совѣщаніемъ при намѣстникѣ кавказскомъ, образованнымъ по случаю армяно-татарскихъ столкновеній, былъ выдвинутъ вопросъ объ открытіи въ Тифлисѣ высшаго учебнаго заведенія. Вопросъ этотъ встрѣтилъ тогда же сочувствіе со стороны начальника края. Между тѣмъ до сихъ поръ не представленъ кавказскими властями въ Петербургъ соотвѣтствующій проектъ.

Трудно объяснить такую медлительность, если принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства.

Весь Кавказскій край съ его 9-милліоннымъ населеніемъ до сихъ поръ остается безъ высшаго учебнаго заведенія, и это несмотря на обиліе въ краѣ мужскихъ гимназій, которыя однѣ, безъ реальныхъ училищъ, духовныхъ семинарій и женскихъ гимназій, выпускаютъ ежегодно до 1000 молодыхъ людей съ аттестатомъ зрѣлости! Многіе изъ этихъ молодыхъ людей, за недостаткомъ средствъ, лишены возможности вступить въ существующія, отдаленныя отъ Кавказа, высшія учебныя заведенія. Другіе, хотя и ѣдутъ такъ далеко, но вскорѣ возвращаются, не докончивъ образованія вслѣдствіе того, что не переносятъ суроваго для нихъ сѣвернаго климата, или вслѣдствіе опять-таки недостатка средствъ. Но и тѣ, которые благополучно кончаютъ тамъ курсъ, оказываются по возвращеніи на родину мало или вовсе непригодными для нея дѣятелями. Агрономъ, изучившій природу сѣвера или средней полосы Россіи, является совершенно безпомощнымъ на Кавказѣ, своеобразной природы котораго онъ совершенно не знаетъ. Юристъ, кончившій курсъ въ какомъ-нибудь изъ существующихъ университетскихъ городовъ, работая на Кавказѣ, дѣлается игрушкой въ рукахъ перваго встрѣчнаго невѣжественнаго переводчика и многочисленныхъ лжесвидѣтелей, такъ

какъ не знаетъ ни мѣстныхъ языковъ, ни мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ. Тоже нужно сказать относительно всѣхъ другихъ спеціалистовъ, получившихъ образованіе внѣ Кавказа.

Всѣ эти обстоятельства давно уже побуждаютъ кавказцевъ хлопотать объ открытіи у нихъ хоть одного высшаго учебнаго заведенія. Еще въ 1880 г. Тифлисъ рѣшилъ пожертвовать на это дѣло изъ городскихъ средствъ 100 тыс. руб. Съ тѣхъ поръ пожертвованія росли почти съ каждымъ годомъ и тифлисское городское управленіе въ рядѣ докладовъ разрабатывало вопросъ объ осуществленіи этой завѣтной идеи всѣхъ кавказцевъ. Но каждый разъ появлялись особые тормазы. Сначала учебное начальство указывало на недостатокъ среднеучебныхъ заведеній. Но въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія быстро стало расти число этихъ заведеній, и указанное препятствіе видимо устранилось. Затѣмъ мѣстнымъ начальствомъ выдвигались недостатокъ профессоровъ и недостатокъ денежныхъ средствъ. Дѣло затормазилось также опасеніемъ администраціи повторенія здѣсь студенческихъ безпорядковъ, имѣвшихъ въ то время мѣсто въ университетскихъ городахъ. Наконецъ, главнымъ аргументомъ противъ учрежденія въ Тифлисѣ высшаго учебнаго заведенія было опасеніе все той же администраціи замедлить, такимъ образомъ, руссификацію края. Печать и представители города доказывали всю призрачность такихъ опасеній, но не только не достигали цѣли, а даже попали въ разрядъ политически-неблагонадежныхъ. Газета, наиболѣе ратовавшая за скорое открытіе политехникума въ Тифлисѣ, была закрыта на 8 мѣсяцевъ, а гласный, возбудившій этотъ вопросъ, былъ признанъ „крайне вреднымъ" дѣятелемъ. Въ памятные для всей Россіи 1905—1906 гг. все измѣнилось.

Какъ выше было сказано, въ началѣ 1906 г. новымъ кавказскимъ намѣстникомъ кн. И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ было признано возможнымъ—по ходатайствамъ мѣстнаго общества—вновь возбудить этотъ вопросъ. Для этого образовано было при намѣстникѣ смѣшанное совѣщаніе изъ представителей мѣстнаго начальства и мѣстнаго общества. Организованный такимъ образомъ комитетъ работалъ болѣе года, хотя вопросъ этотъ до того достаточно подробно былъ разработанъ въ печати и въ докладахъ представителей города. Но и этихъ трудовъ, и работы особаго многочленнаго комитета при намѣстникѣ оказалось мало. Съ пріѣздомъ въ край вновь назначеннаго попечителя учебнаго округа дѣло опять было начато съ начала и вотъ уже болѣе года округомъ самостоятельно вырабатывается новый проектъ учрежденія въ Тифлисѣ высшаго учебнаго заведенія.

Нужно надѣяться, что хоть на этотъ разъ дѣло станетъ на путь практическаго его существованія, тѣмъ болѣе, что совѣтъ министровъ, сколько намъ извѣстно, не имѣетъ ничего противъ благопріятнаго для Кавказа и для интересовъ русскаго просвѣ-

щенія рѣшенія этого дѣла. Нужно думать, что проектъ будетъ внесенъ въ ближайшую сессію Государственной Думы и получитъ болѣе или менѣе скорое осуществленіе.

Въ виду этого, по нашему мнѣнію, было бы небезынтересно для русскаго читателя познакомиться хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ съ тѣми проектами учрежденія на Кавказѣ университета или политехникума, которые были выработаны мѣстными дѣятелями. Это кромѣ того, быть можетъ, дастъ поводъ людямъ науки, разсыпаннымъ по разнымъ концамъ нашего обширнаго отечества, публично высказать свое компетентное мнѣніе по этому вопросу.

При обсужденіи проектовъ открытія на Кавказѣ высшаго учебнаго заведенія болѣе всего возникаютъ вопросы: 1) о типѣ заведенія; 2) о матеріальныхъ средствахъ, необходимыхъ для его открытія; и 3) о мѣстѣ для него.

Что касается типа, то вопросъ о немъ возбуждалъ сначала очень много споровъ, но въ настоящее время его можно считать болѣе или менѣе выяснившимся.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда впервые было возбуждено гор. Тифлисомъ ходатайство объ открытіи университета, не было никакихъ колебаній въ отношеніи типа. Но въ 90-хъ годахъ, когда правительство стало особенно покровительствовать техническому образованію, гор. Тифлисъ, пользуясь пребываніемъ здѣсь министра земледѣлія и госуд. имуществъ, возбудилъ ходатайство объ открытіи въ Тифлисѣ политехническаго института съ двумя отдѣленіями: горнымъ и сельско-хозяйственнымъ. При этомъ имѣлось въ виду такимъ путемъ дать толчокъ разработкѣ горныхъ и другихъ богатствъ края. Ходатайство это, возбужденное въ 1894 г., было повторено въ 1898 г., когда открывались политехническіе институты въ Варшавѣ и Кіевѣ. Ходатайство было подробно мотивировано въ особой запискѣ комиссіи тифл. городской думы [1]). Типъ этотъ подвергся новому обсужденію въ 1906 г. почти одновременно въ состоящемъ при намѣстникѣ главномъ комитетѣ по устройству политехническаго института въ Тифлисѣ, и въ Петербургѣ въ частномъ совѣщаніи профессоровъ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, устроенномъ по иниціативѣ проживающихъ въ Петербургѣ кавказцевъ.

Въ петербургскомъ совѣщаніи большинство высказалось за смѣшанный—типъ университетъ съ техническими отдѣленіями. Остановились именно на этомъ типѣ въ виду многообразныхъ потребностей въ высшемъ образованіи, существующихъ у 9-ти милліоннаго населенія Кавказа,—края, чрезвычайно разнообразнаго по условіямъ жизни и природѣ.

---

1) Записка эта была впослѣдствіи напечатана въ изданной мною въ 1902 г. книжкѣ «Замѣтки о городск. самоуправл. на Кавказѣ» (стр. 92—132)

Чтобъ удовлетворить всѣ многоразличныя требованія, предъявляемыя къ будущему кавказскому высшему учебному заведенію, предпочтенъ былъ смѣшанный типъ. Былъ признанъ необходимымъ прежде всего разсадникъ общаго образованія—университетъ, который далъ бы краю лицъ, подготовленныхъ для научной разработки обильнаго матеріала, представляемаго этимъ неизслѣдованнымъ краемъ. Всѣ существующіе въ другихъ университетахъ факультеты были признаны необходимыми и въ кавказскомъ университетѣ. О важномъ значеніи юридическаго факультета выше уже говорилось. Что касается естественно-научныхъ знаній, то ихъ необходимость сама собой понятна въ краѣ съ чрезвычайно богатой природой. Историко-филологическія знанія также особенно необходимы на Кавказѣ, какъ въ краѣ съ богатымъ историческимъ прошлымъ и еще малоизслѣдованнымъ научно. Знанія эти очень важны и для изученія многочисленныхъ мѣстныхъ языковъ и нарѣчій. Медицинскій факультетъ также очень желателенъ для кавказцевъ, особенно для женщинъ, такъ какъ туземки (особенно мусульманки) обращаются за врачебною помощью только къ женщинамъ, притомъ преимущественно къ такимъ, которыя понимаютъ ихъ языкъ и знакомы съ обычаями.. Но въ виду затруднительности, по недостатку матеріальныхъ средствъ, одновременнаго открытія всѣхъ четырехъ факультетовъ, совѣщаніе высказалось за учрежденіе пока только юридическаго и физико-математическаго факультетовъ, съ присоединеніемъ къ юридическому факультету экономическаго отдѣленія, въ виду того успѣха, какой имѣетъ это отдѣленіе въ петербургскомъ политехническомъ институтѣ. Принято было при этомъ во вниманіе, съ одной стороны, вся важность знанія экономическихъ наукъ для веденія современныхъ предпріятій, а также для руководства земскими, городскими, банковскими и прочими общественными учрежденіями. Съ другой стороны, имѣлась въ виду дешевизна содержанія экономическаго отдѣленія при общности преподавателей его съ юридическимъ факультетомъ. Предположено было, что юридическій факультетъ съ экономическимъ отдѣленіемъ, какъ не требующіе дорого стоющихъ лабораторій и кабинетовъ и притомъ привлекающіе многочисленныхъ слушателей, сами окупятъ свое содержаніе. Что касается техническихъ отдѣленій, то петербургское совѣщаніе не входило въ подробности разсмотрѣнія вопроса о томъ, какія именно отдѣленія необходимы ранѣе всего. Было указано лишь, что при этомъ необходимо принять во вниманіе болѣе всего нужды сельскаго хозяйства и горной промышленности.

Въ этомъ же самомъ смыслѣ высказалось кавказское отдѣленіе Императорскаго Русскаго Техническаго Общ., разматривавшее вышеприведенное заключеніе петербургскаго совѣщанія. Въ этомъ смыслѣ рѣшеніе принялъ также состоявшій при намѣстникѣ кав-

казскомъ главный комитетъ по устройству высшаго учебнаго заведенія въ Тифлисѣ. Комитетъ этотъ только болѣе разработалъ и дополнилъ проектъ петербургскаго совѣщанія. Онъ остановился на слѣдующихъ техническихъ отдѣленіяхъ, которыя желательно, по его мнѣнію, ранѣе другихъ открыть при будущемъ кавказскомъ университетѣ. Преимущество было дано отдѣленіямъ сельско-хозяйственному, механическому и химическому. Что же касается горнаго отдѣленія, то комитетъ нашелъ его пока излишнимъ при существованіи нѣкоторыхъ спеціальныхъ кафедръ при механическомъ и химическомъ отдѣленіяхъ (наприм., кафедры бурового дѣла—въ первомъ и кафедры технологіи нефти—во второмъ отдѣлѣ).

Впослѣдствіи, а именно въ теченіе послѣдняго года, независимо отъ изложеннаго проекта, составлялся особый проектъ въ управленіи попечителя кавказскаго учебн. округа. Въ этомъ послѣднемъ проектѣ изъ всѣхъ вышеприведенныхъ факультетовъ уцѣлѣлъ только физико-математическій и къ нему присоединенъ былъ еще историко-филологическій. Съ этими двумя факультетами предположено было открыть въ Тифлисѣ университетъ въ ближайшемъ будущемъ. Но проектъ еще окончательно не разработанъ, и неизвѣстно, въ какомъ видѣ онъ будетъ представленъ въ совѣтъ министровъ.

При составленіи проекта болѣе всего приняты во вниманіе потребности самаго округа. Недостатокъ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго края подсказалъ управленію округомъ вышеупомянутую программу. Но нужно ли указывать на неумѣстность такого суженія программы единственнаго во всемъ краѣ высшаго учебнаго заведенія? Если въ лицахъ съ высшимъ образованіемъ нуждаются кавказскія школы, то не менѣе нуждаются въ нихъ и всѣ другія учрежденія Кавказа, какъ правительственныя, такъ и общественныя. Развѣ судъ, городскія управленія, сельско-хозяйственныя, горно-промышленныя и другія предпріятія не ощущаютъ на Кавказѣ недостатокъ свѣдущихъ лицъ? Поэтому нельзя не высказать пожеланія, чтобы программа будущаго университета въ Тифлисѣ была расширена въ виду тѣхъ разнообразныхъ потребностей, которыя несомнѣнно существуютъ въ населеніи столь обширнаго и богатаго края, какъ Кавказъ.

Если этому мѣшаетъ недостатокъ въ первое время необходимымъ средствъ, то желательно, чтобы въ составъ кавказскаго университета вошелъ, кромѣ вышеназванныхъ факультетовъ, еще по крайней мѣрѣ одинъ юридическій факультетъ съ экономическимъ отдѣленіемъ, содержаніе которыхъ, какъ выше было сказано, будетъ окупаться платой за право слушанія лекцій, подобно тому, какъ это уже имѣетъ мѣсто во многихъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ юридическимъ факультетомъ.

Нами былъ сдѣланъ слѣдующій разсчетъ, который, будучи опубликованъ въ печати и сообщенъ въ главномъ комитетѣ, членомъ котораго состоялъ пишущій эти строки, не встрѣтилъ ни съ чьей стороны возраженія.

Изъ всѣхъ кончающихъ курсъ въ кавказскихъ гимназіяхъ идетъ на юридическій факультетъ около 20—25% ихъ числа, т. е. 200—250 человѣкъ. Допустимъ, что изъ этого числа останется на мѣстѣ, для вступленія въ кавказскій университетъ, только половина, т. е. 100—125 чел., а другая половина устремится въ некавказскіе города и вмѣсто нихъ никто изъ другихъ городовъ не пожелаетъ поступить въ кавказскій университетъ. Такимъ образомъ, нужно надѣяться, что на четырехъ курсахъ юридико-экономическаго отдѣленія этого университета будетъ не менѣе 400—500 слушателей. Если всѣ эти слушатели, сами или при помощи благотворителей, будутъ платить за право слушанія лекцій по 100 руб. въ годъ, то получится ежегодный доходъ въ 40—50 тысячъ руб., которыхъ, вмѣстѣ съ субсидіей отъ городовъ и съѣзда нефтепромышленниковъ въ 50 тыс. р., по свидѣтельству самого же главнаго комитета, болѣе чѣмъ достаточно для содержанія названнаго отдѣленія. Главный комитетъ для содержанія юридико-экономическаго отдѣленія находитъ достаточнымъ расходъ даже въ 64.900 рублей.

Что касается единовременныхъ затратъ на учрежденіе юридико-экономическаго факультета (библіотека, музей, лабораторія и проч.), то таковыя главнымъ комитетомъ опредѣляются въ 50 тысячъ рублей. Расходы эти могутъ быть произведены изъ капитала такого же размѣра, обѣщаннаго тифлисскимъ городскимъ кредитнымъ обществомъ еще въ 1898 г., по случаю предполагавшагося тогда открытія высшаго учебнаго заведенія въ Тифлисѣ. Жертвователь, какъ мы слышали, имѣлъ въ виду пріобрѣсти на эти средства именно библіотеку и прочія обзаведенія для университета.

Такимъ образомъ имѣются средства на открытіе юридическаго факультета съ экономическимъ отдѣленіемъ хоть сейчасъ. Имѣются ли средства для другихъ отдѣленій? Имѣется ли помѣщеніе вообще для будущаго кавказскаго университета? Вотъ вопросы, надъ которыми стоитъ остановиться, такъ какъ недостатокъ необходимыхъ для этого средствъ долго выставлялся и до сихъ поръ выставляется многими серьезнымъ препятствіемъ къ осуществленію завѣтной идеи кавказцевъ—видѣть у себя разсадникъ высшаго образованія.

Идея эта давно возникла и такъ она популярна въ населеніи Кавказа, что успѣла уже вызвать пожертвованія отъ нѣкоторыхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Самымъ крупнымъ жертвователемъ является городъ Тифлисъ. Въ 1880 г. при первомъ возбужденіи ходатайства объ открытіи въ Тифлисѣ университета, было

рѣшено думой ежегодно отпускать по 10 тыс. руб. на образованіе капитала въ 100 тыс. рублей, какъ единовременнаго пособія для будущаго университета. Капиталъ этотъ въ теченіе 10-ти лѣтъ дѣйствительно образовался. Затѣмъ въ 1894 г. къ этому пожертвованію прибавилось обѣщаніе города безплатно отвести подъ будущее зданіе высшаго учебнаго заведенія изъ городскихъ земель 200 десятинъ земли. Въ 1897 г., при новомъ возбужденіи ходатайства объ открытіи въ Тифлисѣ высшаго учебнаго заведенія, кромѣ этихъ пожертвованій, городомъ было обѣщано ежегодное пособіе этому заведенію по 30 тыс. руб. Въ 1901 г. при чествованіи столѣтія присоединенія Грузіи къ Россіи, городская дума постановила къ упомянутымъ пожертвованіямъ прибавить единовременный отпускъ будущему учебному заведенію, сверхъ 100 тыс. руб., еще 30 тыс. р., какъ только воспослѣдуетъ высочайшее повелѣніе объ открытіи этого заведенія. Желая еще болѣе усилить денежныя средства кавказскаго университета и ускорить тѣмъ его открытіе, тифлисская городская дума въ прошломъ году постановила собственно подъ университетъ отвести только 50 десятинъ, остальныя же 150 дес., въ случаѣ надобности, продать и вырученную сумму употребить на другія нужды университета.

Изъ пожертвованій другихъ городовъ Кавказскаго края слѣдуетъ отмѣтить: отъ Батума — 2 тыс. руб. ежегодно, отъ Кутаиса по 1 тыс. р. ежегодно, Озургеты обѣщалъ 1 тысячу руб. единовременно. Довольно крупное пожертвованіе обѣщано также съѣздомъ бакинскихъ нефтепромышленниковъ. Онъ вноситъ ежегодно въ свою смѣту по 17 тыс. руб., въ видѣ ежегоднаго пособія на случай открытія въ Тифлисѣ университета.

Что касается банковскихъ и торгово-промышленныхъ учрежденій, то и ими сдѣланы довольно крупныя пожертвованія. О 50 тыс. руб., обѣщанныхъ тифлисскимъ городскимъ кредитнымъ обществомъ, выше уже упомянуто. Сумма остальныхъ единовременныхъ пожертвованій этой категоріи (30 тыс. руб. отъ тифл. коммерческаго банка, 25 тыс. руб. отъ нефтепромышленнаго и торговаго товарищества бр. Мирзоевыхъ и комп., 10 тыс. отъ тифлисскаго общества взаимнаго кредита и пр.) достигаетъ вмѣстѣ съ пожертвованіями частныхъ лицъ почти 100 тыс. руб.

Такимъ образомъ, сумма всѣхъ единовременныхъ частныхъ денежныхъ пожертвованій равняется почти 280 тыс. руб.; 200 дес. городской земли, отводимыя будущему кавказскому университету, оцѣниваются по самой скромной расцѣнкѣ въ 960 тыс. руб., считая стоимость кв. саж. въ 2 руб. Сумма всѣхъ ежегодныхъ пособій отъ городовъ и съѣзда нефтепромышленниковъ опредѣляется въ 50 тыс. руб. Капитализировавъ эту послѣднюю сумму изъ 5% и прибавивъ остальныя вышеперечисленныя единовременныя по-

собія, всѣ частныя пожертвованія на кавказскій университетъ можно оцѣнить въ 2.240,000 рублей.

Сумма этихъ пожертвованій была бы несравнено значительнѣе, если бы не внѣшнія неблагопріятныя условія. Возбужденное тифлисскою городскою думою въ 1898 году ходатайство о разрѣшеніи открыть подписку на пріемъ пожертвованій для будущаго кавказскаго политехникума *осталось безъ отвѣта* со стороны правительства. То же ходатайство, повторенное нѣсколько лѣтъ спустя, во время министерства Плеве, при покойномъ главноначальствующемъ гражд. частью на Кавказѣ, кн. Голицынѣ, *было отклонено*. Лишь въ 1906 г. подписка эта была разрѣшена, но только въ предѣлахъ Кавказскаго края.

Интересенъ одинъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ это время. Одинъ изъ крупныхъ нефтепромышленниковъ въ 1903 г. письменно обратился къ министру народнаго просвѣщенія и главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ съ предложеніемъ принять отъ него крупное пожертвованіе на учрежденіе высшаго учебнаго заведенія въ Тифлисѣ (собственно на постройку зданія и учрежденіе стипендій), а именно 700 тыс. руб. И это предложеніе осталось безъ отвѣта со стороны правительства! Только спустя 3 года, въ 1906 г., новый начальникъ края, кн. И. И Воронцовъ-Дашковъ, пригласилъ жертвователя въ образованный тогда въ Тифлисѣ комитетъ по открытію политехническаго института, но было уже поздно! Жертвователь отвѣтилъ, что дѣла его измѣнились, и не онъ можетъ сдѣлать пожертвованіе въ прежнемъ размѣрѣ [1]).

Какую матеріальную поддержку можетъ оказать, съ своей стороны, правительство? Является невольно такой вопросъ, такъ какъ ни одно правительственное высшее учебное заведеніе въ Имперіи не можетъ обходиться безъ такой поддержки. Очень скоро выяснилось, что и при новомъ курсѣ правительство не предполагаетъ отпускать никакихъ суммъ на будущее кавказское высшее учебное заведеніе. Это, конечно, совпало съ общимъ настроеніемъ центральнаго правительства—не увеличивать смѣтъ вѣдомства просвѣщенія для новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Для вновь открывающихся донского политехникума и саратовскаго университета правительство, какъ извѣстно, потребовало весьма крупныя пожертвованія со стороны мѣстнаго общества и, съ своей стороны, предложило первоначально лишь средства варшавскихъ университета и политехникума. Подобно этому, лишь въ послѣднее время стало извѣстно, что кавказскій учебный округъ, въ дѣлѣ матеріальной поддержки будущему кавказскому университету, предполагаетъ ограничиться тѣми рессурсами, ко-

[1]) Какая сумма будетъ въ концѣ концовъ пожертвована—до сихъ поръ не выяснилось.

торые уже имѣются въ распоряженіи округа. А именно предположено отвести на первое время для чтенія лекцій помѣщеніе 2-й тифлисской мужской гимназіи (за неимѣніемъ тамъ пансіона часть помѣщенія гимназіи остается свободной). Кромѣ того, предположено, упразднивъ кавказскія стипендіи въ существующихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обратить освободившуюся вслѣдствіе этого сумму на содержаніе будущаго кавказскаго университета. Упомянутыя стипендіи, какъ выяснилъ опытъ многихъ лѣтъ, не достигаютъ своей цѣли. Кавказскіе стипендіаты часто не возвращаются въ край и средне-учебныя заведенія и другія кавказскія учрежденія остаются безъ нужныхъ имъ дѣятелей. Учредивъ на мѣстѣ высшее учебное заведеніе, по мнѣнію округа, легче достигнуть намѣченной кавказскими степиндіями цѣли— создать мѣстныхъ дѣятелей.

Но достаточны ли будутъ всѣ перечисленныя средства для открытія въ Тифлисѣ проектируемаго университета?

Бывшій главный комитетъ по устройству въ Тифлисѣ политехникума содержаніе юридико-экономическаго факультета будущаго кавказскаго университета, какъ выше упомянуто, исчислилъ въ 64,900 руб. въ годъ, а расходы на оборудованіе его—въ 50 тыс. руб. Содержаніе физико-математическаго факультета исчислено въ 100 тыс. руб. въ годъ, а единовременное оборудованіе его—въ 150 тыс. р. Содержаніе механическаго и химическаго отдѣленій исчислено въ 120 тыс. р. въ годъ и единовременное оборудованіе ихъ—въ 155 тыс. руб. Содержаніе же сельско-хоз. отдѣленія опредѣлено въ 100 тыс. руб. и единовременное оборудованіе его—во столько же. Такимъ образомъ содержаніе будущаго кавказскаго университета со всѣми указанными отдѣленіями исчислено въ 384,900 руб. ежегодно, а единовременные расходы на оборудованіе ихъ опредѣлены въ 455 тыс. руб.

Въ виду неимѣнія въ наличности у казны и общества необходимыхъ для выполненія этой смѣты средствъ, главный комитетъ постановилъ открывать поименованные выше факультеты и спеціальныя при нихъ отдѣленія постепенно, по мѣрѣ прилива средствъ. Мы выше уже говорили, что на содержаніе и первоначальное образованіе юридико-экономическаго отдѣленія уже имѣются средства. Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ не сдѣлано ничего для открытія этого отдѣленія.

По нашему мнѣнію, имѣются средства открыть теперь же не только юридико-экономическій, но и физико-математическій или историко филологическій факультеты.

Правда, главный комитетъ не составилъ смѣты на открытіе и содержаніе историко-филологическаго факультета, находя это преждевременнымъ. Но имѣя въ виду штаты существующихъ университетовъ, можно утверждать, что факультетъ этотъ обойдется едва ли дороже юридико-экономическаго.

Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ на основаніи вышеизложеннаго слѣдующія цифровыя данныя.

Единовременные расходы на 2 факультета: юридическій (съ экономическимъ отдѣленіемъ) и физико-математическій исчислены главнымъ комитетомъ въ 200 тыс. руб. Между тѣмъ частныхъ единовременныхъ пожертвованій обѣщано городами, банками, нефтепромышленниками и др. до 280 тыс. руб., т. е. столько, сколько единовременно достаточно на учрежденіе не только двухъ, выше названныхъ факультетовъ, но еще третьяго—историко-филологическаго.

Ежегодные расходы исчисляются приблизительно въ 165 тыс. р. на два факультета: юридико-экономическій и физико-математическій. Доходы же ожидаются въ слѣдующемъ размѣрѣ: отъ городовъ и нефтепромышленниковъ—50 тыс. руб., отъ платы за слушаніе лекцій — 60 тыс. руб. (изъ нихъ 40 — 50 тыс. руб. отъ 400 — 500 слушателей юридико-экономическаго факультета и 10 тыс. руб. отъ 100 слушателей физико-математическаго факультета), 40 тыс. руб., которые ожидаются отъ упраздненія некоторой части существующихъ кавказскихъ стипендій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ для содержанія вышеназванныхъ факультетовъ казнѣ придется доплачивать изъ своихъ средствъ ничтожную сумму—по 15 тыс. руб. въ годъ. Но и этой доплаты не понадобится, если вмѣсто физико-математическаго факультета будетъ открытъ историко-филологическій, требующій для своего содержанія значительно меньшихъ затратъ, чѣмъ физико-математическій.

Но, можетъ быть, казнѣ вовсѣ не придется ничего вновь доплачивать даже при существованіи трехъ факультетовъ, если городу Тифлису удастся выгодно продать обѣщанныя имъ земли и если возобновится притокъ новыхъ пожертвованій. Притокъ этотъ ослабъ вслѣдствіе того, что вопросъ объ открытіи на Кавказѣ высшаго учебнаго заведенія постоянно откладывался и до сихъ поръ откладывается въ долгій ящикъ. По открытіи университета, быть можетъ, пожертвованія возобновятся съ прежнимъ успѣхомъ.

Насколько велика потребность въ высшемъ образованіи на Кавказѣ, можно видѣть на опытѣ недавно открытыхъ частныхъ высшихъ курсовъ по кавказознанію. Несмотря на спеціальность програмы, отсутствіе строго выдержанной системы и недостатокъ матеріальныхъ средствъ и лекторскихъ силъ, курсы эти въ первый же годъ своего существованія (1907—8 гг.) привлекли достаточно слушателей. За годъ прочитана была 141 лекція, на которыхъ было 8256 слушателей, т. е. въ среднемъ на лекцію приходилось по 58—59 слушателей.

Кромѣ того, среди тифлисскихъ лекторовъ возникла мысль учредить въ Тифлисѣ высшіе женскіе курсы, и соотвѣтствующій

проектъ устава уже представленъ въ Петербургъ на утвержденіе. Учредители надѣются, что имѣющіеся у нихъ средства и ожидаемая плата за ученіе достаточны для содержанія курсовъ.

Но частная иниціатива не остановилась бы и на этомъ. Возможно было бы учредить частные высшіе юридико-экономическіе курсы безъ казенной субсидіи, если бы правительство предоставило имъ хотя бы часть тѣхъ правъ, которыя даетъ юридическій факультетъ казенныхъ университетовъ. Если бы слушатели, кончая образованіе на частныхъ высшихъ юридико-экономическихъ курсахъ, получили право выступать защитниками на судѣ и могли числиться присяжными повѣренными, то, нѣтъ сомнѣнія, это привлекло бы много слушателей и дало бы возможность существовать такимъ курсамъ безъ всякой матеріальной поддержки со стороны правительства. Но этого добиться при нынѣшнемъ недовѣріи министерства къ частной иниціативѣ очень трудно, и поэтому вопросъ о такихъ курсахъ никѣмъ не выдвигается.

Изъ всего изложеннаго нельзя не вывести заключенія, что на Кавказѣ теперь же возможно открыть высшее учебное заведеніе безъ всякаго сколько-нибудь значительнаго обремененія бюджета правительства и, если это до сихъ поръ не дѣлается, то исключительно вслѣдствіе той бюрократической рутины, которую не можетъ окончательно устранить даже нынѣшнее „конституціонное“ министерство.

Будь такой богатый край въ рукахъ иностранцевъ, тамъ давно бы функціонировало не одно, а нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній; былъ бы и университетъ, и политехникумъ, и другія высшія спеціальныя школы.

Вотъ что писалъ по этому поводу одинъ изъ членовъ главнаго комитета по устройству политехническаго института въ Тифлисѣ въ своей запискѣ, поданной въ комитетъ:

„Великое герцогство Саксенъ Веймаръ-Эйзенахъ, въ Германіи, занимаетъ площадь всего въ 3100 верстъ и оно, слѣдовательно, меньше тифлисскаго уѣзда; во всемъ „великомъ“ герцогствѣ — 389,217 жителей, т. е. нѣсколько болѣе, чѣмъ въ Тифлисѣ; между тѣмъ въ этомъ миніатюрномъ „великомъ герцогствѣ“ кромѣ 1107 народныхъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній функціонируютъ четыре высшихъ учебныхъ заведенія: университетъ въ г. Іенѣ, сельско-хозяйственный институтъ въ Іенѣ, лѣсной институтъ въ Эйзенахѣ и академія художествъ — въ Веймарѣ. На всемъ же Кавказѣ, на пространствѣ 414,000 кв. верстъ, съ 9-ти милліоннымъ населеніемъ, правительство не открыло еще ни одного высшаго учебнаго заведенія“.

Вотъ еще другой примѣръ:

„Окончивъ въ маѣ 1871 г. франкфуртскимъ миромъ франко-нѣмецкую войну, пруссаки при дружномъ противодѣйствіи населенія, уже въ слѣдующемъ 1872 г., открываютъ полный универ-

ситетъ въ завоеванномъ ими Страсбургѣ; главному же комитету по устройству политехникума въ Тифлисѣ понадобилось ровно столько же времени, чтобы созвать второе засѣданіе и выбрать „комиссію". Подобное положеніе дѣла нельзя назвать нормальнымъ.

„На Кавказѣ давно уже должны бы функціонировать и университетъ, и политехникумъ, какъ въ Западномъ краѣ, въ балтійскихъ провинціяхъ и въ Финляндіи функціонируютъ какъ университеты, такъ и политехникумы".

И это пишетъ не какой-нибудь вольнодумецъ, а представитель одного изъ вѣдомствъ (конечно, не народнаго просвѣщенія) въ главномъ комитетѣ.

Г. Тумановъ.

Труды перваго всероссійскаго кооперативнаго съѣзда.

I.

Только что вышли въ свѣтъ „труды перваго всероссійскаго кооперативнаго съѣзда", бывшаго въ Москвѣ 16—21 апр. с. г. Кооперація въ Россіи въ настоящее время—такой крупный фактъ общественной жизни, что нельзя не остановиться на вышедшихъ „трудахъ", такъ какъ на съѣздѣ были подведены итоги русской коопераціи. Мы тѣмъ болѣе охотно это дѣлаемъ, что такое крупное общественное явленіе, какъ первый всероссійскій кооперативный съѣздъ, прошло не отмѣченнымъ нашими толстыми журналами (только въ „Русскомъ Богатствѣ" появился полубеллетристическій очеркъ Тана).

Русская кооперація появилась еще въ 60-е годы. Уже тогда были учреждены всѣ виды кооперативовъ. Въ 65 году открыта была первая потребительная лавка (въ Ригѣ), въ томъ же году Лучининъ открылъ первое ссудосберегательное товарищество, въ 66 г. Верещагинъ началъ организовать артельныя сыроварни, въ 60-хъ же годахъ появились и первыя производительныя товарищества...

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ и теперь кооперація въ Россіи выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Потребительныхъ обществъ болѣе	1500.
Кредитныхъ товариществъ	2300.
Ссудосберегательныхъ	1000..
Сельско-хозяйственныхъ общ.	1500

Эти цифры ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ кооперативная статистика поставлена плохо. Артели, напр., совершенно неуловимы. Конечно, для такой страны, какъ Россія, 7000—8000 кооперативовъ—ничтожное число, но надо принять во вниманіе тѣ трудности, которыя стояли на пути коопераціи: трудности не только политическаго, но и экономическаго характера.

Но если въ количественномъ отношеніи наша кооперація является довольно внушительной, то въ качественномъ отношеніи она представляетъ *лжекооперацію*, такъ какъ она зиждется не на

кооперативныхъ принципахъ. Истинная кооперація у насъ еще въ періодѣ дѣтства. Она зародилась лишь въ послѣдніе годы, когда имѣла возможность хоть временно свободно проявиться самодѣятельность народа.

Истинная кооперація—*это независимая, свободная организація, построенная на принципахъ самодѣятельности и демократическаго управленія.* Въ ней всѣ равны, всякій оцѣнивается по личному участію. Цѣль ея—организація на почвѣ взаимопомощи потребленія или производства. Участіе капитала не характерно для нея. Будучи по формѣ акціонерной компаніей, она рѣзко отличается отъ буржуазныхъ акціонерныхъ предпріятій тѣмъ, что въ ней альфой и омегой не является капиталъ. Акціонерное общество—это *соединеніе капиталовъ*, кооперативное товарищество—*это соединеніе лицъ.* Въ коопераціи капиталъ, по выраженію Жида, „низведенъ на положеніе простого рабочаго". Въ кооперація не дивидендъ главенствуетъ надъ помыслами участниковъ, а совмѣстная дѣятельность для улучшенія своего положенія, для освобожденія отъ многихъ золъ, которыя порождаетъ капитализмъ. Кооперація живетъ не во славу капитала и капитализма, а во славу новыхъ общественныхъ формъ...

Историческое развитіе коопераціи выработало кооперативные принципы. Послѣдніе связаны съ именемъ рочдэльскихъ ткачей, основавшихъ въ 44 г. свою кооперативную лавку. Эти принципы сводятся къ слѣдующему: 1) Всѣ члены должны быть равноправны и въ дѣлахъ общества каждый имѣетъ только одинъ голосъ. 2) Прибыль должна распредѣляться не по паямъ, а *по забору.* 3) Продажа должна производиться *только на наличныя* и 4) по умѣреннымъ цѣнамъ, а не по цѣнамъ закупки товаровъ. 5) Паи должны быть невысокіе и т. п... Эти рочдэльскіе принципы постепенно завоевали почти всѣ кооперативы и тѣ кооперативы, которые имъ не слѣдуютъ, приближаются къ *псевдокооперативамъ.* Конечно, тотъ или другой пунктъ по разнымъ условіямъ видоизмѣняется, но въ рочдэльскихъ принципахъ есть общій духъ, духъ демократизма, духъ новыхъ основъ общества. И когда мы видимъ такое нарушеніе рочдэльскихъ принциповъ, которое дѣлаетъ кооперативъ не строго демократическимъ учрежденіемъ или по духу буржуазнымъ, мы говоримъ: это псевдокооперативъ.

И если присмотрѣться къ нашей коопераціи, то придется сознаться, что она *очень далека* отъ того пониманія кооперативныхъ принциповъ, о которыхъ мы говорили.

Наша потребительная кооперація почти въ 50% является зависимой отъ фабрично-заводскаго начальства или отъ желѣзнодорожной администраціи. Эта зависимость закрѣпляется часто даже уставомъ, въ который вводится, напр., пунктъ о томъ, что въ правленіи долженъ быть обязательно кто-нибудь изъ администраціи. Кромѣ того, потребительныя общества пользуются нерѣдко

фабричными зданіями, почти всегда потребительныя общества расчитываются со своими членами чрезъ контору фабрики, которая выплачиваетъ „кредитъ". Все это создаетъ и политическую и экономическую зависимость кооперацiи. Наши потребительныя общества не демократичны. Есть, напр., общества, гдѣ членами могутъ быть только мужчины (коломенское). Сплошь и рядомъ мы имѣемъ дѣленіе на заборщиковъ и пайщиковъ. Напр., въ 1901 г. въ 291 общ., о которыхъ имѣются точныя данныя, было *97260* пайщиковъ, *52222* заборщиковъ. Заборщики не пользуются правомъ голоса, получаютъ меньшiй дивидендъ и пр. Въ нашихъ потребительныхъ обществахъ тонъ задаетъ не заборщикъ, а пайщикъ, т. е. членъ оцѣнивается не по своему личному участiю въ кооперацiи, а по капиталу, вложенному имъ. Это—грубое нарушенiе самаго важнаго рочдэльскаго принципа. Вообще рочдэльскiе принципы совершенно игнорируются нашими „потребителями". Не говоря уже о грандiозномъ развитiи кредита, этого зла кооперативовъ, въ нашихъ потребительныхъ обществахъ господствуетъ не кооперативное распредѣленiе дивиденда. Послѣднiй распредѣляется главнымъ образомъ на пай, а не заборъ, при чемъ % доходитъ до колоссальныхъ размѣровъ. *Тотомiанцъ* сообщаетъ [1]), что полтавское чиновничье общество давало 34% на пай! Въ среднемъ у насъ на пай выдается 9%. Путиловское потребит. общество выдаетъ ежегодно пайщикамъ до 40000 дивиденда, а заборщикамъ 3—8½ тысячи. Вполнѣ достаточно тѣхъ указанiй, которыя мы сдѣлали, чтобы видѣть, насколько правильно мы назвали наши потребит. общества псевдокооперацiей. И это относится какъ разъ къ *рабочимъ* потребит. обществамъ. Есть у насъ и *независимыя* общества, какъ, напр., городскiя, но они по духу также далеки отъ кооперацiи. Они развиваются, главнымъ образомъ, въ мѣщанской, обывательской средѣ, въ которой общество имѣетъ интересъ только съ практической, узко-матерiальной точки зрѣнiя. Это „экономическiя" организацiи, а не кооперативныя. Въ большинствѣ случаевъ и городскiе кооперативы не слѣдуютъ рочдэльскимъ принципамъ. Наиболѣе независимой и кооперативной является у насъ сельская потребительная кооперацiя.

Не соблюдая рочдэльскихъ принциповъ, наши кооперативы не могли развить той дѣятельности, какая имъ присуща. И по сравненiю съ западно-европейской кооперацiей наши потр. общ. представляютъ жалкое явленiе. Чистой прибыли у насъ на одного участника, напр., *10 р. 62 к.*, а въ Великобританiи *46 р. 5 к.* [2]). Тоже получается и въ сравненiи съ бельгiйскими обществами. 161 соц. кооперативъ сдѣлалъ въ 1906 г. оборотъ въ 81.174.000 фр. и

---

[1]) См. отчетъ о потр. общ. въ 1904 г., изд. спб. отдѣл. комитета о ссудосберег. и пром. тов.

[2]) См. обзоры изд. спб. отд. комитета о ссудосб. и пр. тов.

получилъ чистой прибыли 3 м. фр., т. е. 10%, а наши получаютъ 4%. Приведу слѣдующую таблицу:

	оборотъ	чистая прибыль
Путиловская общ.	3,—3½ м.	60,000.
Рочдэльское	ок. 3 м.	130,000.
Voruit (Гентъ)	бол. 1 м.	130,000.
Production (Гамбур.)	ок. 2 м.	100,000.

Эти цифры краснорѣчиво говорятъ, что производительность нашихъ обществъ значительно ниже заграничныхъ. Заграничныя общества обставлены цѣлымъ рядомъ культурныхъ и производительныхъ отдѣленій, а у насъ все это въ нищенскомъ состояніи.

Такова наша потребительная кооперація!

Если мы обратимся къ другимъ формамъ коопераціи, напр., кредитнымъ, то точно также придемъ къ заключенію, что они далеки отъ истинныхъ началъ коопераціи и слабы въ своей экономической и культурной дѣятельности. Кредитная кооперація до послѣднихъ дней находится подъ сильнымъ вліяніемъ администраціи, особенно земскихъ начальниковъ. Правительство опекало кредитную кооперацію. Мы не будемъ подробно останавливаться на этомъ, а перейдемъ къ тѣмъ новымъ вѣяніямъ въ коопераціи, которыя въ ней начались еще до 1905 г., но съ особой силой развились послѣ событій 1905 г.

Въ коопераціи, дѣйствительно, произошелъ за послѣдній годъ большой переворотъ. Повѣяло демократизмомъ и стремленіемъ къ независимости. Возникли, во-первыхъ, *независимые рабочіе кооперативы*, которые начали строиться по европейскому методу, которые вкладывали въ основу рочдэльскіе принципы, возникновеніе ихъ произвело огромное сотрясеніе кооперативнаго организма. Своимъ демократическимъ духомъ, своимъ широкимъ пониманіемъ задачъ коопераціи новая кооперація освѣтила старымъ кооперативамъ ихъ сущность, и наше кооперативное царство заволновалось. Начались реформы въ сторону демократизма.

Точно также и въ кредитной коопераціи произошли большія перемѣны. Прежде всего кредитная кооперація стала развиваться не по днямъ, а по часамъ. Въ 1901 г. было 94 кр. тов., въ 1904—1905, въ 1908—*2315* (за 6 лѣтъ увеличеніе на 25%). Помимо роста, явилось стремленіе освободиться отъ опеки. Наконецъ, въ кредитной коопераціи проявились тенденціи къ объединенію въ союзы.

Въ области производительныхъ коопераціи точно также за послѣдніе годы начались новыя вѣянія. Безработица явилась причиной усиленнаго развитія артелей. При этомъ возникли новыя формы. Стали образовываться своего рода городскія ссудосберегательныя товарищества. Артель связывается съ банкомъ и получаетъ ссуду. Въ новыхъ артеляхъ видно стремленіе быть демо-

кратическими организаціями. Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что послѣ 1905 г. начался огромный ростъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и потребительной кооперацiи въ деревняхъ. Въ 1900 г. было потр. общ. въ деревнѣ 133, а сел.-хозяй. общ. 342, въ 1904 г.—380 и 800, а въ 1898 г.—822 и 1500. Рядомъ съ развитіемъ кооперацiи, съ появленіемъ въ ней идей независимости, самопомощи и демократизма, появилась потребность установить взаимоотношенія между кооперaціями и объединить всѣ коoпераціи въ одно цѣлое. Вотъ почему идея кооперативнаго съѣзда стала съ особой силой послѣ событій 1905—1906 года. Передъ русской кооперацiей стоялъ рядъ вопросовъ, которые требовали рѣшенія. Съѣздъ являлся насущной необходимостью.

II.

Приступая къ обзору дѣятельности съѣзда, мы должны указать, что съѣзду не удалось выполнить свои задачи: переоцѣнить наши кооперативныя цѣнности и объединить русскую кооперацію—тѣ двѣ задачи, которыя выдвинула жизнь. Неудалось не потому, что у участниковъ съѣзда нехватило силъ и умѣнья, а по важнымъ обстоятельствамъ. „Труды“ съѣзда рисуютъ намъ всю ту обстановку, въ которой рождался и дѣйствовалъ съѣздъ.

Съѣздъ предполагался на рождественскихъ праздникахъ и намѣчался на 2-7 января 1908 г. Но .. разрѣшеніе на созывъ съѣзда было получено только 30 декабря 1907 г., т. е. за два дня до срока, назначеннаго для открытія съѣзда. Пришлось просить открыть его на пасхальныя каникулы.

29 января было, наконецъ, получено отъ министерства внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніе на созывъ съѣзда съ 16-го по 21 апрѣля 1908 г. по утвержденной министерствомъ программѣ и на основанiи утвержденнаго положенія о съѣздѣ.

И вотъ начались хожденія по мукамъ организаціоннаго комитета. Комитетъ просилъ бюро моск. союза Потребительныхъ О-въ возбудить ходатайство предъ министерствомъ путей сообщенія о предоставленiи льготнаго проѣзда въ III классѣ по жел. дор. представителямъ кооперативныхъ учрежденій. Это ходатайство было отклонено.

Нѣкоторыя кооперативныя общества хотѣли командировать на съѣздъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, не имѣющихъ права жительства въ столицахъ и въ виду этого рѣшено было обратиться къ московскому градоначальнику съ просьбой о разрѣшеніи имъ прожить въ Москвѣ на время съѣзда. На это полученъ отказъ.

Организаціонный комитетъ приложилъ всѣ усилія, чтобъ работа съѣзда была продуктивной и носила дѣловой характеръ. Съ этой цѣлью организац. комитетъ предложилъ съѣзду исключить изъ преній и занятій его вопроса политики и религіи, признa-

вая, что кооперація „является областью, гдѣ могутъ дружно сойтись всѣ искренно преданныя интересамъ широкихъ массъ, внѣ зависимости ихъ политическихъ, религіозныхъ, національныхъ и сословныхъ различій". Организаціонный комитетъ устранилъ также изъ засѣданія перваго дня спеціальное обсужденіе о конечныхъ цѣляхъ кооперацiи, а поставилъ вопросы о задачахъ кооперацiи въ Россiи и за границей, которые были изложены въ формѣ лекцій двумя извѣстными кооператорами.

Засѣданія съѣзда были разрѣшены министерствомъ публично, но бюро московскаго союза обязалось подпиской подчиняться закону 4 марта 1906 г., т. е. о каждомъ засѣданіи предупреждать за 3 дня мѣстную полицію, которая, конечно, могла за 24 ч. до открытія собранія не разрѣшить его и тѣмъ самымъ нарушить работу съѣзда. Принимая это во вниманіе, пришлось допускать на съѣздъ постороннихъ только по именнымъ билетамъ. И несмотря на все это, съѣздъ все время находился подъ дамокловымъ мечомъ закрытія. На общихъ собраніяхъ, на засѣданіяхъ секцій неизмѣнно присутствовали представители полиціи и администраціи. Они дѣлали замѣчанія президіуму и предупреждали, что въ случаѣ ослушанія съѣздъ будетъ закрытъ.

Московскій градоначальникъ своими предписаніями измѣнялъ даже программу съѣзда, разрѣшенную министерствомъ. Запрещена была комиссія о кооперативной пропагандѣ, не успѣвшая начать своей работы. Запрещено было также обсуждать вопросъ о союзныхъ организаціяхъ кооперативовъ. Своей властью московскій градоначальникъ выкинулъ цѣлый 5-й пунктъ утвержденной програмы, который говорилъ объ объединеніи дѣятельности кооперативныхъ товариществъ, союзахъ и оптовыхъ товариществахъ.

Съ обсужденій секціи потребительныхъ обществъ представитель полиціи снялъ слѣдующіе вопросы: 1) о взаимномъ страхованіи товаровъ, 2) о совмѣстныхъ закупкахъ товаровъ потреб. об-вами и объ образованіи для этого оптовыхъ складовъ, 3) о союзахъ потреб. обществъ, 4) объ отношеніи потреб. о-въ къ професcіональнымъ союзамъ.

Въ виду такого преслѣдованія и изгнанія чуть не всѣхъ вопросовъ, президіумъ секціи принужденъ былъ самъ снять вопросъ о положеніи служащихъ въ потреб. о-вахъ, такъ какъ этотъ вопросъ невозможно было бы обсуждать, не касаясь отношенія къ професcіональнымъ союзамъ.

Въ виду тѣхъ же преслѣдованій президіуму съѣзда пришлось снять съ обсужденія общихъ собраній вопросы: 1) о законодательныхъ нормахъ для кооперативныхъ учрежденій, 2) о союзахъ и съѣздахъ и постоянномъ органѣ всероссійскихъ періодическихъ съѣздовъ представителей кооперативныхъ учрежденій и, наконецъ,

3) вопросъ о кооперативной пропагандѣ, такъ какъ сама комиссія по этому вопросу была уже запрещена.

Почти вся программа общихъ собраній была запрещена, оставалось хотя бы доложить доклады секцій, но въ нихъ упоминалось о союзахъ, а представитель полиціи заявилъ, что даже упоминаніе о нихъ не будетъ допущено. Президіуму ничего не оставалось, какъ отказаться отъ прочтенія докладовъ и удовлетводиться принятіемъ резолюцій секцій безъ обсужденій и даже *безъ оглашенія* ихъ на общемъ собраніи. Такова исторія [1]).

Но несмотря на всѣ эти мытарства, съѣздъ все же далъ поучительную картину. Многолюдство его и тотъ живой интересъ, какой проявили его участники, показалъ, что кооперативное движеніе — живая реальная сила, гнѣздящаяся даже въ глухихъ углахъ Россіи.

На съѣздѣ приняли участіе:

отъ 157 потребит. общ.	326	членовъ.
„ 118 кредитн. т-въ	236	„
„ 45 ссуд.-сбер. т-въ		
„ 42 сельско-хоз. об-въ	82	„
„ 22 произв. и трудовыхъ арт.	71	„
„ 6 разныхъ обществ.	8	„
„ 3 загранични. кооп. союз	3	„
Приглашенныхъ организ. к.	98	„
	804	чел.

Засѣданія съѣзда были раздѣлены на 3 секціи. Потребительную, кредитную, сельско-хозяйственную и артельную. Кромѣ работъ въ секціяхъ, было 2 общихъ собранія, 1 объединенное — всѣхъ секцій и работали 3 комиссіи: законодательная, пропагандистская и на общихъ засѣданіяхъ были прочитаны два доклада *В. Ѳ. Тотоміанца* „О кооперація за границей“ и *В. А. Поссе* „о задачахъ кооперація въ Россіи“. На соединенномъ засѣданіи секціи 19 апр. обсуждался вопросъ о взаимноотношеніяхъ различныхъ видовъ кооперація: была принята, послѣ долгихъ преній, резолюція, выражающая желаніе установить точную связь и единеніе между отдѣльными видами кооперацін“,—и только. Дальнѣйшему обсужденію вопроса не пришлось состояться.

Вся работа съѣзда протекала въ 4 секціяхъ и комиссіяхъ. И „труды“ съѣзда показываютъ намъ, насколько велико было желаніе огромнаго большинства разрѣшить рядъ практическихъ задачъ. Теорія мало всплывали на съѣздѣ, однако, столкновенія старыхъ и новыхъ кооперативовъ проявлялись при обсужденіи цѣлаго ряда вопросовъ. Я постараюсь дать самую краткую ха-

[1]) Президіумъ рѣшилъ обжаловать дѣйствія московскаго градоначальника. Черезъ бюро московскаго союза потребительныхъ об-щъ, которое является отвѣтственнымъ лицомъ, была подана 5 мая 1908 г. жалоба министру внутреннихъ дѣлъ.

рактеристику работъ секцій, пользуясь „трудами" и своими личными впечатлѣніями. Къ сожалѣнію, „труды" многого сторонъ съѣзда не затронули какъ слѣдуетъ. Объясняется это тѣмъ, что не было стенографовъ и протоколы очень не полны.

Наиболѣе большой и многолюдной была *потребительная* секція. Всего принимали участіе 314 представителей отъ 156 обществъ. По своему составу общества распредѣлялись такъ.

Городскихъ и посадскихъ несословныхъ . .	43
Фабрично-заводскихъ	36
Сельскихъ	34
Рабочихъ независимыхъ	27
Желѣзнодорожныхъ.	11
Экономическихъ офицерскихъ.	1
Разныхъ	4

Если принять во вниманіе % отношенія числа представленныхъ на съѣздѣ о-въ къ числу всѣхъ дѣйствующихъ о-въ даннаго состава, то окажется, что наиболѣе дѣятельное участіе приняли въ съѣздѣ независимыя рабочія общества. Ихъ участіе выражается въ 100%. Изъ желѣзнодорожныхъ 30%, фабр.-зав. 18%, городскихъ 17,5%, сельскихъ 4,7%, военно-эконом. 3,6%. Послѣ первыхъ же засѣданій секція потребительныхъ обществъ распалась на 4 подсекціи: рабочую, сельскую, желѣзнодорожную и городскую. Это четыре теченія нашей потребительной кооперація, причемъ рабочая и деревенская коопераціи шли рука объ руку почти во всѣхъ вопросахъ. Это были демократически настроенные представители. Они выражали демократизмъ, присущій истинной коопераціи. Правда, рабочая подсекція покрывала собой демократическія рабочія организаціи, которыя входили въ ея составъ. Голосъ старой „рабочей" псевдокоопераціи не звучалъ въ ней, онъ звучалъ скорѣе въ желѣзнодорожной подсекціи. Представители жел. дор. обществъ, къ удивленію моему, защищали часто совершенно недемократическіе принципы коопераціи; такъ, напр., одинъ представитель пермск. жел. дор. потр. общества обидѣлся на одного оратора, когда тотъ сказалъ: „желѣзнодорожныя общ. должны притти къ новому управленію. Тамъ командуетъ начальство, а члены не смѣютъ пикнуть"... „Я протестую противъ недемократичности нашихъ обществъ", громогласно заявилъ упомянутый представитель. И надо дѣйствительно не понимать основъ демократизма, чтобы защищать демократичность нашей жел.-дор. коопераціи. Повидимому, представителями этихъ обществъ были привилигированные служащіе. Желѣзнодорожная группа имѣла нѣсколько отдѣльныхъ совѣщаній и была насквозь пропитана корпоративнымъ духомъ, но никакъ не кооперативнымъ. Городская подсекція также не отличалось широтой взглядовъ и демократизмомъ. Нерѣдко она защищала тезисы, которые свидѣтельствовали о „коммерческомъ" пониманіи коопераціи.

Работа потребительной секціи встрѣтила наиболѣе препятствій со стороны администраціи, а потому цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ не могъ быть рѣшенъ. Были разобраны и продебатированы рочдэльскіе принципы и приняты секціей. Но многіе наболѣвшіе вопросы коопераціи, какъ объ объединеніи закупокъ, о страхованіи товаровъ и о положеніи служащихъ были сняты съ обсужденія. Очень много горячихъ дебатовъ вызвали два вопроса. Долженъ ли кооперативъ оказывать кредитъ членамъ во время стачекъ и локаутовъ и должно ли вообще выдавать дивидендъ на паи и на заборъ. Вопросъ о кредитѣ во время стачекъ и локаутовъ далеко не такъ простъ, какъ кажется. Практика указываетъ, что и бельгійскіе и англійскіе кооперативы выдаютъ нерѣдко пособія изъ кооперативовъ во время стачекъ. Съ другой стороны, мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ с.-д., какъ, напр., Эльмъ, который противъ употребленія средствъ кооператива на партійно-классовыя цѣли [1]).

И когда на съѣздѣ представитель „Труженика" заявилъ, что кредитованіе возможно во время бѣдствій рабочаго класса (локаутъ и стачки), то возгорѣлись страстныя пренія. Докладчикъ вполнѣ основательно доказывалъ, что „если мы будемъ удовлетворять массовую нужду во время стачекъ и локаутовъ на счетъ общихъ средствъ кооператива, то кооперативъ не выдержитъ и скоро долженъ будетъ прекратить свое существованіе и предлагалъ для цѣлей личной нужды организовать особые фонды изъ отчисленій съ прибылей. Пренія кончились послѣ двукратнаго голосованія принятіемъ резолюціи: „безработнымъ членамъ общества впредь до введенія особыхъ фондовъ допускается отпускъ товаровъ въ кредитъ исключительно во время ихъ безработицы въ размѣрѣ внесеннаго пая".

Что касается распредѣленія прибылей, то нѣкоторые члены съѣзда отвергали всякое распредѣленіе дивиденда въ кооперативахъ. Онъ долженъ итти на просвѣтительныя и другія цѣли. Вопросъ осложнялся тѣмъ еще, что потребительныя общества продаютъ и не членамъ, а потому дивидендъ съ нихъ есть уже не сбереженіе, а прибыль, а потому выходитъ, что, получая дивидендъ на заборъ, мы получаемъ и *прибыль*, а это—некооперативный принципъ. Защищающіе принципы уничтоженія дивидендовъ старались этимъ путемъ изгнать всякій торгашескій духъ. Противники этого принципа указывали на то, что массы еще не такъ идеальны, чтобы не обращать вниманія на дивиденды, и что рано еще отбрасывать то, что въ практикѣ всѣхъ кооперативовъ является неопровержимымъ фактомъ.

Пренія по затронутому вопросу были довольно хаотичны и никто не развилъ ясно мысли, что торгашескій духъ не зависитъ

[1]) См. Тотоміанцъ. „Потр. общ.", стр. 394.

отъ существованія дивиденда на заборъ, а стоитъ въ связи со всей организаціей кооператива.

Секція признала необходимымъ оставить рочдэльскій принципъ о распредѣленіи прибыли на заборъ.

Всѣ пренія въ потребительной секціи говорили объ одномъ: на кооперацію нельзя смотрѣть, какъ на коммерческое предпріятіе. Это общественная организація съ новыми принципами, организація трудовыхъ массъ. Это было преобладающее настроеніе и какъ далека наша потребительная кооперація отъ этого идеала!

Если въ потребительной секціи вѣяло новымъ духомъ, широкими запросами и старые принципы легко побѣждались новыми, то *въ секціи мелкаго кредита* происходила болѣе жестокая борьба между старыми и новыми идеями.

Къ сожалѣнію, „Труды“ съѣзда очень плохо освѣщаютъ эту страницу съѣзда. Протоколъ преній засѣданій о кооперативномъ банкѣ и по поводу 1-го доклада Веретти скомканъ. Намъ приходится поэтому дополнить данными изъ „*Союза потребителей*“ (ст. Перелешина, № 20) и изъ „*Труженика*“ (№№ 7—10). Кредитная секція была сермяжной секціей. Огромное большинство представителей были крестьяне. Въ секціи принимали участіе 286 представителей со 163 рѣшающими голосами отъ 118 кредитныхъ и 45 ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Кромѣ того, вокругъ крестьянъ ютились чиновники мелкаго кредита, которыхъ было довольно много (13 инспекторовъ мелкаго кредита и нѣсколько представителей управленія по дѣламъ мелкаго кредита).

Кредитная кооперація играетъ и будетъ играть огромную роль въ нашей деревнѣ. Въ связи съ закономъ о выходѣ изъ общины, когда начнетъ развиваться столь любезная имущимъ классамъ мелкая частная собственность, кредитныя коопераціи пріобрѣтутъ силу. И если правительство такъ много заботится о насажденіи крѣпкихъ къ землѣ крестьянъ-собственниковъ, то оно не можетъ оставить безъ вниманія и развитіе кредитной кооперація, имѣя, конечно, въ виду, чтобы эта кооперація служила той политикѣ, какая господствуетъ у него по отношенію къ крестьянину. Одинъ делегатъ кредитной секціи съѣзда рисуетъ намъ въ 7—10 №№ „Труженика“, какъ чиновники мелкаго кредита проводили свою политику о концентраціи всѣхъ кредитныхъ учрежденій и укрѣпленій ихъ за государственнымъ банкомъ. Вотъ что пишетъ делегатъ:

„Имѣлось въ виду соединить всѣ кооперативныя учрежденія, но такъ, чтобы въ центрѣ стоялъ имперскій банкъ, который бы вѣдалъ всѣ эти учрежденія. А такъ какъ предполагалось, что ссудо-сберегательныя кассы будутъ уничтожены и будутъ замѣнены кредитными, и съ другой стороны, они будутъ зависѣть отъ имперскаго банка, то имѣлось въ виду это санкціонировать и

такимъ образомъ имѣть возможность направлять кооперативное движеніе въ желательную сторону.

Затѣмъ имѣлась законодательная комиссія; тамъ былъ внесенъ проектъ, который заслуживаетъ вниманія. Хотя этотъ законопроектъ былъ отвергнутъ законодательной комиссіей въ тѣхъ частяхъ, которыя считаются опасными для кооперативнаго движенія, но тѣмъ не менѣе, разъ съѣздъ не состоялся, этотъ проектъ будетъ внесенъ въ Государственную Думу, и, быть можетъ, сдѣлается закономъ.

Между прочимъ, въ этомъ проектѣ есть одинъ пунктъ, который вѣнчаетъ соединеніе кооперативнаго движенія съ центромъ.

Въ этомъ проектѣ указывается на то, что кредитныя товарищества должны преслѣдовать только цѣли, указанныя въ уставѣ. Затѣмъ въ томъ же проектѣ имѣется §, котораго до сихъ поръ еще не было ни въ какомъ законодательствѣ, а именно: „отъ губернскаго комитета зависитъ, если онъ признаетъ, что данное товарищество преслѣдуетъ цѣли, несогласныя съ цѣлями законодательства, немедленно предать товарищество суду и такія учрежденія немедленно закрываются“.

Такимъ образомъ, уже имѣется полная возможность не только зорко слѣдить, но и отказывать. И вотъ какъ только по мнѣнію какого-нибудь инспектора, отъ котораго зависитъ это товарищество, окажется, что оно отклонилось въ ту или другую сторону отъ намѣченной цѣли, немедленно будутъ приняты мѣры, чтобы привлечь товарищество къ суду и закрыть его.

Этого пункта не было въ образцовомъ уставѣ; онъ былъ внесенъ и его стремились провести въ жизнь и осуществить чрезъ посредство съѣзда. Такимъ образомъ, весь проектъ былъ направленъ къ тому, чтобы всѣ виды коопераціи сконцентрировать въ имперскомъ банкѣ, поставить ихъ подъ надзоръ инспекціи и предоставить ей право казнить, либо миловать любой кооперативъ.

Въ концѣ концовъ получилось бы, что всѣ кооперативныя учрежденія находятся въ полной зависимости отъ центральнаго управленія и не могли бы двинуться съ мѣста, ни сдѣлать ни одного шага, который не соотвѣтствовалъ бы идеямъ и цѣлямъ, намѣченнымъ центромъ.

Все-таки мелкія кредитныя учрежденія, несмотря на то, что имъ прямо объявили, что „если хотите имперскій банкъ, то онъ будетъ въ скоромъ времени, и всевозможныя льготы будутъ даны“, они все-таки категорически заявили, что такого банка не желаютъ.

На это имъ отвѣтили:

„Если этого банка не желаете, то другого банка не увидѣть, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, а очень можетъ быть и нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Делегаты пріѣхали спеціально за тѣмъ, чтобы достать денегъ,

а когда услыхали такіе разговоры, стали думать, что дѣлать? Надо достать оборотныя средства... и вотъ, вдругъ, этимъ людямъ, которые пріѣхали за средствами, за деньгами, говорятъ:

„Если хотите устроить имперскій банкъ, то сколько угодно денегъ будетъ хоть завтра же, иначе ничего не дадимъ...".

Тѣмъ не менѣе, у кооператоровъ нашлось достаточно смѣлости сказать:

„Нѣтъ, вашихъ денегъ мы не желаемъ, а желаемъ имѣть свой кооперативный банкъ. Пусть его открытіе зависитъ отъ обстоятельствъ, пусть онъ будетъ завтра или, можетъ быть, черезъ десятки лѣтъ, но намъ важнѣе выразить наши пожеланія, чѣмъ получить немедленно ваши деньги".

По сообщенію Перелешина въ „Союзѣ потребителей" видно, что вопросъ—„признаетъ ли секція желательнымъ предлагаемое докладчикомъ Бородаевскимъ учрежденіе имперскаго банка мелкаго кредита"—секція большинствомъ 62 противъ 29 рѣшила отрицательно, тогда какъ по докладу Желѣзнова секція приняла „болѣе осуществимымъ, учрежденіе въ Москвѣ банка мелкаго кредита, принадлежащаго къ типу французскихъ и итальянскихъ народныхъ банковъ съ привлеченіемъ къ его операціямъ на первое время сильныхъ кооперативныхъ учрежденій съ установившимися оборотами".

Несомнѣнно, въ кредитной секціи проявилась ясная тенденція кредитныхъ кооперативовъ къ самоопредѣленію и отрицательное отношеніе къ опекѣ.

Насколько кредитная секція была крестьянской, настолько близкая къ ней секція сельско-хозяйственныхъ обществъ была интеллигентской. Изъ 1500 существующихъ с.-х. обществъ прислали своихъ представителей только 42 общества. „Представителями с.-х. общ. на съѣздъ являлись гл. обр. интеллигенты (въ числѣ ихъ много агрономовъ). Кромѣ того, въ занятіяхъ секціи принимали участіе лица, приглашенныя организаціоннымъ комитетомъ тоже б. ч. агрономы или представители с.-х. науки". Это, т. е., былъ скорѣе съѣздъ агрономовъ и профессоровъ, чѣмъ подлинныхъ представителей с.-х. обществъ. С.-х. общества—явленіе молодое, какъ демократическія учрежденія, и еще не вышли изъ-подъ опеки интеллигенціи. Въ силу этого и работа секцій носила характеръ общихъ разсужденій. Очень много говорилось объ общихъ условіяхъ дѣятельности с.-х. обществъ, о вліяніи общинъ на кооперацію, о желательномъ направленіи дѣятельности с.-х. обществъ.

Намъ осталось еще сказать объ артельной секціи.

Артель, по отношенію къ которой русскій народъ считается, по выраженію Плеханова, чуть не избраннымъ народомъ, была представлена очень слабо. Стоило прослушать докладъ *Левицкаго*, этого вѣчно юнаго, вѣчно увлекающагося работника въ артеляхъ, докладъ, имѣющій цѣлью познакомить насъ „съ положеніемъ артель-

наго дѣла въ Россіи", чтобы видѣть, какъ жалка русская артель, этотъ „чудный, забытый цвѣтокъ народной жизни", какъ охарактеризовалъ артель Левицкій.

Прежде всего поражаетъ отсутствіе статистическихъ данныхъ о развитіи русской артели. Столько лѣтъ говорятъ о ней и къ съѣзду не могли приготовить цифрового доклада о русской артели. Неужели она такъ летуча и неуловима? Это одно показываетъ слабость артельнаго дѣла въ Россіи. На съѣздѣ было прочитано нѣсколько докладовъ съ мѣстъ. Но они говорятъ мало утѣшительнаго. О. Г. Громанъ заявилъ, что его попытки организовать артели по Черноморскому побережью, въ Кубанской области и Ярославской губ. потерпѣли неудачу. Онъ заявляетъ, что пролетаріатъ не можетъ самъ организоваться въ производительныя артели безъ поддержки кредитныхъ товариществъ, потребительныхъ общ. и профессіональныхъ организацій.

Докладъ *Ковалевскаго* рисовалъ картину артелей въ Москвѣ. Получалась также не особенно утѣшительная картина. Докладчикъ очень много останавливался на причинахъ, мѣшающихъ развитію артелей. Основная причина неустройства внутренняя: „члены не знаютъ ни своихъ уставовъ, ни договоровъ, а главное—отъ несогласія членовъ между собой, недовѣрія другъ къ другу и равнодушія рабочихъ къ артельному дѣлу. Путемъ соединенія съ товариществами мелкаго кредита и съ потребит. обществами можно улучшить артельное дѣло.

Докладъ раб. *Малышева* затрагивалъ новыя формы артелей безработныхъ, но кромѣ общихъ мѣстъ въ докладѣ ничего нѣтъ. Въ концѣ концовъ Малышевъ пришелъ къ заключенію, что „единственная надежда безработныхъ это—„надежда на помощь общества". Были доклады, рисующіе цвѣтущее состояніе артелей. Апонъ сообщалъ объ успѣхахъ рижской кооперативной фабрики. Балакшинъ о сибирскихъ маслодѣльняхъ и др., но все это—исключенія.

Было въ секціи много преній о путяхъ и развитіи артелей. Въ заключеніе секція признала, что артель можетъ развиваться только въ связи съ другими формами кооперативовъ (потребит. и кредитной), и что „трудовой" характеръ артели можетъ лишь быть при поддержкѣ ея профессіональнымъ движеніемъ.

Насколько артельная секція соотвѣтствуетъ по духу дѣйствительности — сказать сейчасъ трудно. Всегда артель начиналась широкими принципами, но кончала плохо. Важно только отмѣтить одно, что сторонники артелей пришли къ необходимости соединенія съ потребит. кооперацiей. Но въ дѣйствительности мы пока еще не видимъ проведенія этихъ постановленій въ жизнь.

Мы не будемъ останавливать вниманіе читателя на работахъ комиссій. Первый кооперативный съѣздъ—крупное общественное явленіе и для будущаго кооперацiи онъ имѣетъ значеніе, какъ

провозглашеніе принциповъ кооперацін. На немъ былъ подведенъ итогъ кооперацін, на немъ были признаны принципы истинной кооперацін, на немъ обнаружились демократическія тенденціи нашей кооперацін.

Съѣздъ не даетъ, конечно, основаній сдѣлать выводъ, что русская псевдокооперація превратится подъ вліяніемъ съѣзда въ истинную кооперацію. Нѣтъ, при нашихъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ резолюціи съѣзда еще долго будутъ удѣломъ „Трудовъ", а не жизни и только новые кооперативы будутъ уже слѣдовать имъ.

Но появленіе этихъ новыхъ кооперативовъ, истинныхъ кооперативовъ,—это залогъ того, что у насъ въ кооперативномъ мірѣ уже заложены зародыши, которые, разбиваясь, превратятся въ силу; отъ этой силы старая кооперація начнетъ чахнуть или преобразовываться, а на смѣну ей придетъ истинная кооперація.

М. Хейсинъ.

10-й съѣздъ итальянской соціалистической партіи.

Уже, въ пятницу 18-го сентября, пріѣздъ членовъ съѣзда, предварительныя собранія, хлопоты организаторовъ, любопытство сочувствующихъ создавали оживленную толкотню въ самомъ центрѣ Флоренціи на улицахъ, примыкающихъ къ площади Синьоріи. Плакаты по всему городу, характерныя лица изъ южныхъ и центральныхъ провинцій, красные галстуки, широкополыя шляпы... Встрѣчи, возбужденные разговоры, нетерпѣливыя предположенія... Положеніе партіи критическое, дезорганизація въ центрѣ, озлобленіе и клеветническія нападки въ полемикѣ съ синдикалистами, банкротство центральнаго органа — „Avanti", имѣющаго больше 250000 фр. долговъ. Да, Ферри отсутствуетъ, но собственно онъ виноватъ съ безтолковщинѣ, которая теперь создалась. Въ 1902 г. послѣ съѣзда въ Имолѣ управленіе партіей было въ рукахъ „риформистовъ", сторонниковъ мирной постепеновщины и соглашеній съ буржуазной демократіей. Биссолати былъ редакторомъ „Avanti". Противъ него начали отчаянную кампанію, и „революціонная" фракція прямо захватомъ овладѣла газетой въ 1903 г. Чтобы удержаться противъ Турати и его сторонниковъ-риформистовъ, Ферри окружилъ себя боевыми крайними элементами: Артуро Лабріола, Леоне, Орано. Съ ними въ союзѣ онъ побѣдилъ на съѣздѣ въ Болоньѣ въ 1904 г. Но затѣмъ пошелъ расколъ; начавшееся бурное массовое движеніе, всеобщія забастовки, колебанія правительства, потомъ систематическая компактная реакція и диктатура Джолитти поставили дилемму: или приспособленіе къ политическимъ условіямъ, схожимъ съ германскими, или отчаянная борьба—„прямое дѣйствіе". Лабріолисты объявились синдикалистами; Ферри отъ нихъ отказался; они вышли изъ редакціи „Avanti". Началась борьба на два фронта, шатанія въ большинствѣ партіи. „Avanti" сдѣлался не то открытой трибуной для всѣхъ мнѣній, не то безсодержательнымъ наборомъ общихъ мѣстъ. Въ Римѣ въ 1906 г. на съѣздѣ Ферри, благодаря огромному личному вліянію, удалось еще сомкнуть большинство вокругъ двули-

кой формулы „интегрализма", теорія и практика котораго вся состоитъ изъ „съ одной стороны, нельзя не признать", „но съ другой—нужно не забывать". Неурядицы съ „Avanti", дискредитированіе партіи продолжались; Ферри оставилъ поле битвы; его провожали въ Америку шумными банкетами и риторическими восхваленіями, подписанными самыми выдающимися именами итальянской литературы, науки, политики. Синдикалисты съ шумомъ вышли изъ партіи. Не легко теперь партіи выйти изъ этой трясины...

Настроеніе въ секціяхъ великолѣпное, говорятъ другіе, шумъ и скандалъ только на поверхности, въ центрахъ. Теперь дадутъ себя знать практическіе работники, тѣ, которые искренно преданы дѣлу соціализма и которые не хотятъ больше „академическихъ диспутовъ". Тѣмъ лучше, что не будетъ на этомъ съѣздѣ профессоровъ марксизма, высокомѣрныхъ теоретиковъ, которые наполняли прежніе съѣзды своими диссертаціями. Это будетъ съѣздъ практическій.

Необыкновенно стильная, горделивая фигура секретаря партіи Лерда, съ густыми сѣдѣющими прядями вокругъ высокаго лба мелькаетъ по временамъ въ фойе театра Сальвини, гдѣ завтра начнутся засѣданія съѣзда. Онъ очень занятъ, нервно, неохотно отвѣчаетъ на вопросы. По его мнѣнію, у интегралистовъ на съѣздѣ будетъ около 15.000 голосовъ, у риформистовъ 18.000, а у крайнихъ „непримиримыхъ", къ которымъ онъ самъ принадлежитъ,—девять или десять тысячъ. Интегралисты неизбѣжно должны объединиться съ правой или лѣвой фракціей.

Грустно замѣчаютъ нѣкоторые, что съѣздъ по уровню и по настроенію обѣщаетъ быть очень тусклымъ, если сравнить его съ прежними, гдѣ талантливыя состязанія между такими національными героями, какъ Ферри, Лабріола, Турати поднимали общій энтузіазмъ. „Теперь въ центрѣ стоитъ Оддино Моргари, который придумалъ всѣми осмѣиваемый интегрализмъ и послѣ ухода Ферри перенялъ „Avanti". Это торжество посредственности.

Въ Италіи личности ставятся безконечно выше программъ и организацій. И своими личностями соціалистическая партія пріобрѣла здѣсь значеніе, превышающее и численность ея, и средства, которыми она располагаетъ, какъ организація. Потому что съѣздъ ея представляетъ собраніе наиболѣе популярныхъ и дѣятельныхъ политиковъ, публицистовъ, профессоровъ, ораторовъ Италіи, съ ними должны считаться и правительство, дающее делегатамъ удешевленный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, и демократическій муниципалитетъ Флоренціи, который торжественно принимаетъ ихъ. Нельзя сравнить это, напр., съ отношеніемъ Германіи, оффиціальной и буржуазной, къ съѣздамъ нѣмецкой с.-д-тіи. Тутъ и общество, и вся печать проявляютъ живой и часто симпатическій ин-

тересъ къ съѣзду; всѣ буржуазныя газеты посвящаютъ ему уже за нѣсколько дней множество замѣтокъ, статей, сообщеній.

Уже поздно; въ Палатѣ Труда и въ помѣщеніи секціи продолжаются совѣщанія; другихъ делегатовъ флорентійскіе товарищи ведутъ на приготовленныя квартиры. Передъ ложей Ланци—пестрая толпа за столиками ярко освѣщеннаго кафе; толстый господинъ, красный, мохнатый стоитъ и охрипшимъ голосомъ патетически разсказываетъ публикѣ осаду Флоренціи послѣ изгнанія Медичи, немилосердно путая имена и даты. На набережной Арно группы молодежи съ мандолинами поютъ и громко шутятъ. Политическая жизнь въ Италіи тоже вся проходитъ на улицѣ, передъ большой публикой, и ей необходима парадность декорацій.

* * *

Суббота. Красные флаги и тропическія растенія. Среди толпы — громадный хромой мужчина топорно выкрикиваетъ: „Il Tempo"— миланская газета рифермистовъ. Рѣзкимъ дискантомъ ему отвѣчаетъ шустрый гамэнъ: „l'Jnternazionale", „Pagine libere", интереснѣйшія статьи!—это органы синдикалистовъ.

По всей лѣстницѣ организаторы расположили строгій контроль, билеты раздавали съ величайшей осторожностью. Боятся, какъ бы не проникли „они", т. е. синдикалисты, и не учинили безпорядковъ: однако, тѣ сумѣли прибѣгнуть къ уловкѣ: одинъ проходилъ наверхъ, потомъ посылалъ свой билетъ ожидающимъ. Безпорядковъ, однако, не послѣдовало.

„X съѣздъ объявляется открытымъ,—говоритъ членъ Національнаго Правленія Бусси,—предлагаю въ предсѣдатели того, за жизнь котораго мы еще нѣсколько дней тому назадъ такъ мучительно боялись, того, кто воплощаетъ самые чистые и могучіе наши идеалы,—Андреа Коста". Имя великаго ветерана встрѣчается неудержимыми продолжительными апплодисментами. Но раньше его слово беретъ адвокатъ Санджорджи, городской голова Флоренціи, пришедшій со всей городской думой привѣтствовать съѣздъ... Во Флоренціи муниципальный совѣтъ на послѣднихъ выборахъ былъ отвоеванъ блокомъ демократовъ (называющихъ себя „соціальными"), республиканцевъ и соціалистовъ; въ парламентѣ третій округъ Флоренціи представленъ соціалистомъ Прешетти. Санджорджи, похожій на прусскаго отставного полковника, читаетъ отчеканенную рѣчь, напоминая прежніе демократическіе подвиги флорентійскаго народа въ средневѣковой борьбѣ цеховъ противъ патриціата, и желая рабочей партіи плодотворной работы, высокаго подъема не только матеріальнаго, но и нравственнаго народныхъ массъ.

Коста—старикъ со львиной головой, сильно осунувшійся отъ недавней болѣзни,—говоритъ съ вибрирующей искренностью, есте-

отвенно скандируя фразы съ широкими жестами, какъ будто метая ихъ подобно тяжелымъ сверкающимъ дискамъ. Онъ благодаритъ за восторженную демонстрацію товарищей, онъ вѣритъ несокрушимо въ укрѣпленіе и грядущія побѣды и особенно значительнымъ для всей жизни италіанскаго соціализма считаетъ недавнее образованіе Конфедераціи Труда съ ея тремя стами тысячами дисциплинированныхъ членовъ. „Я говорилъ вамъ еще годы тому назадъ: смотрите, товарищи, пролетаріатъ мужаетъ, онъ становится силой, которая будетъ насъ контролировать, направлять. Теперь осуществляется мое предвидѣніе". Невольно думаешь, что въ этой фразѣ Коста—признаніе того, насколько еще италіанская соціалистическая партія чувствуетъ себя по преимуществу „интеллигентской".

Затѣмъ слѣдуетъ докладъ Правленія. Старичокъ *Монджини*, преданный счетоводъ партіи, невнятно произноситъ нѣсколько словъ. Уходъ синдикалистовъ изъ партіи понизилъ число членовъ, такъ что въ дѣйствительности можно считать 70.000 человѣкъ постоянными членами италіанской соціалистической партіи. На выборахъ въ парламентъ партія собрала около 400.000 голосовъ, а надо замѣтить, что ни одна европейская партія не насчитываетъ въ своихъ рядахъ столько молодежи (еще не имѣющей права голоса), какъ италіанская. Въ настоящее время у партіи шесть ежедневныхъ газетъ и сто пятьдесятъ еженедѣльныхъ.

Въ качествѣ перваго оратора выступаетъ *Паолони*,—черный, нескладный съ большимъ краснымъ галстукомъ. Онъ—козелъ отпущенія уходящаго теперь въ отставку Правленія и явно несочувственно встрѣчаются взглядомъ его оправданія. Правленіе, громоздко составленное на предыдущемъ съѣздѣ изъ представителей всѣхъ провинцій, было мало работоспособно, секціи ему не помогли, со всѣхъ сторонъ были нападки и обвиненія. Почему Правленіе не воспротивилось съ самаго начала „революціоннымъ забастовкамъ", предпринятымъ синдикалистами въ Феррарѣ и въ Пармѣ? Очень неудачно Паолони объясняетъ это желаніемъ дать „испытать" пролетаріату на практикѣ, къ чему ведетъ синдикализмъ и такъ скорѣе разочароваться въ немъ.

Большими аплодисментами встрѣчаютъ Турати. На этомъ съѣздѣ, гдѣ нѣтъ его соперника—Ферри, онъ самый великій человѣкъ и есть въ немъ предчувствіе блестящаго торжества. Грубая энергія, почти нахальство, хитрая привѣтливость къ толпѣ—въ его крупномъ, не симметричномъ густо обросшемъ черными волосами лицѣ. Въ жестахъ и интонаціи—большая напряженность и никакой эстетики. Очень умное, содержательное, увѣренное разсужденіе и совсѣмъ не италіанское краснорѣчіе: характерно, что ему совсѣмъ не удается сравненіе потухающихъ фракціонныхъ „тенденцій" съ блѣднѣющима отраженіями заката на горахъ, для чего нужна бы наивная поэтичность, и наоборотъ—великолѣпно

выходитъ изображеніе судьбы соціалиста, участвующаго въ съѣздахъ, но въ промежуткахъ ни въ какую организацію не приписаннаго въ видѣ воздушнаго моста между двумя вершинами—быстрая вспыхивающая линія. Онъ останавливается именно на положеніи „автономныхъ группъ“ въ Миланѣ, которыя не могли ужиться съ „революціоннымъ“ крыломъ. Къ этимъ группамъ принадлежатъ три депутата въ парламентѣ (Турати, Кабрини, Тревесъ), въ ихъ рукахъ ежедневная газета, очень дѣятельное общество „Umanitaria“, вообще большое вліяніе на городъ, самый промышленный во всей Италіи. Риформисты хотѣли бы, чтобы, вопреки уставу, партія признала возможной такую параллельную организацію. Нѣсколько позже Турати, увидѣвъ явное недовольство съѣзда такой дезорганизующей позиціей риформистовъ, патетически воскликнулъ: „Подъ нашей улыбкой скрыта глубокая грусть. Мы не хотимъ тѣ немногіе годы, которые остается еще жить, потратить на вѣчные раздоры, неизбѣжные при сожительствѣ съ противниками въ одной организаціи!“ Противопоставляя слабой тактикѣ Правленія въ моментъ римской всеобщей забастовки свое поведеніе въ Миланѣ (въ 1906 г.), Турати говоритъ, что они, его друзья, не могли помѣшать возникновенію забастовки, тогда они рѣшили овладѣть движеніемъ не для использованія его—„риформистская всеобщая забастовка—нелѣпость“,—а чтобы сдержать его, свести къ мирной ликвидаціи. „Мы исполнили полицейскую роль, за которую и нападали на насъ противники“.

Къ послѣобѣденному засѣданію почти первымъ является Коста и ему приходится полчаса ждать, пока соберется достаточно делегатовъ для продолженія преній.

Выступаетъ де-Фалко, секретарь Палаты Труда въ Бари. Аристократически изящный во всей фигурѣ и въ оборотахъ рѣчи, рѣшительный и съ тонкимъ чувствомъ мѣры. Когда видишь этихъ самородныхъ „предводителей“ изъ южной Италіи или Испаніи, ощущаешь всю красочность и законченность гражданской жизни античныхъ республикъ.

Адвокатъ *Модиліани* изъ Ливорно—одинъ изъ видныхъ риформистовъ. Довольно вульгарный, словоохотливый, ищущій успѣха острыми словечками, но крѣпкій, здравый разсудокъ. Онъ довольно ловко сводитъ критику Правленія къ восхваленію Турати и риформистовъ. Многообѣщающимъ звучитъ требованіе, чтобы, наконецъ, были оставлены шатанія и была принята ясная директива той или другой послѣдовательной фракціи. Такъ какъ для всѣхъ ясно, что „революціонеры“ теперь въ партіи и на съѣздѣ безсильны, то остается всецѣло признать гегемонію риформистовъ.

Но вотъ сенсаціонный номеръ сегодняшняго собранія. Всходитъ на трибуну Армандо Бусси, членъ Правленія, даровитый

демагогъ, лишенный всякаго вкуса. Невыносимо картавя, онъ извергаетъ громыхающія фразы, безчисленныя риторическія фигуры, не можетъ уже остановиться въ головокружительной спирали періодовъ, бьетъ себя въ грудь и глубоко трогаетъ трепещущую аудиторію. Онъ хочетъ полной искренности искренняго суда надъ Правленіемъ. Они дѣйствовали въ переходный моментъ, приходилось въ тактикѣ держаться примирительныхъ колебаній и средней линіи интегрализма. Вездѣ Правленіе проявляло искренность и довѣрчивость, шло навстрѣчу и Конференціи Труда, и автономнымъ группамъ. Развѣ не заслуга Правленія—обличеніе синдикалистовъ, органъ которыхъ „l'Azione" получалъ средства изъ рептильнаго фонда? Когда одинъ сидящій въ ложѣ делегатъ пробуетъ протестовать противъ этихъ словъ, собраніе встаетъ, какъ одинъ человѣкъ, аплодируя Босси и крича неизвѣстному нарушителю: „вонъ, вонъ!" Конгрессисты, публика, соціалистическіе журналисты восхищены Босси. „Вотъ настоящій защитникъ нашелся",—говорятъ кругомъ. И онъ долгую рѣчь свою кончаетъ, говоря объ идеалахъ, о солнцѣ будущаго и т. д.

Костантино *Лаццари*—рабочій и одинъ изъ основателей партіи. Вся жизнь его прошла въ неустанной работѣ по организаціи, въ агитаціонныхъ поѣздкахъ, въ борьбѣ настоящей, повседневной противъ угнетающаго строя. И онъ остался тѣмъ же простымъ, строгимъ, несгибаемымъ. Условія жизни рабочаго и непосредственный солидарный идеализмъ безъ фразъ рѣзко отличаютъ эту стальную натуру отъ большинства партійныхъ вождей. И кто знаетъ его лично, этого трудолюбиваго, безхитростнаго ломбардца съ суровыми морщинами и короткими сѣдыми волосами, не можетъ не быть тронутымъ его добрымъ, немного грустнымъ отношеніемъ къ товарищамъ. Онъ касается частныхъ вопросовъ въ докладѣ Правленія. Во-первыхъ, синдикатъ желѣзнодорожниковъ дѣйствительно былъ поставленъ въ очень трудныя условія слишкомъ поспѣшнымъ объявленіемъ партіи, что борьба невозможна; печать и общество воспользовались этимъ для усиленія своихъ нападокъ на эту рабочую организацію.

Но на трибуну восходитъ духовный отецъ интегрализма—туринскій депутатъ Оддино Моргари. Толстый, расплывчатый, флегматичный, съ лысой головой и безформенной бородой неопредѣленнаго цвѣта, онъ производитъ эти дни тяжелое впечатлѣніе. Въ правительствахъ и въ партіяхъ, когда смута, близкое банкротство, параличъ всѣхъ начинаній дѣлаютъ отвѣтственное мѣсто невыносимымъ для энергичныхъ и невыгоднымъ для честолюбивыхъ, напр., въ ликвидаціонные мѣсяцы республиканскихъ „временныхъ правленій", на вершину попадаютъ такіе люди: честные и безвольные, примирительно настроенные и всѣми аттакуемые, желающіе одно доброе и творящіе одно недоразумѣніе злѣе другого. Таковъ и Од. Моргари и ему вѣришь, когда онъ говоритъ,

что редактированіе „Avanti“ было для него тяжелымъ крестомъ. „Развѣ мы мало дѣлали?—спрашиваетъ онъ. Пропагандистовъ разсылали, на всѣ письма секцій отвѣчали, помогали стачкамъ, заботились о Сардиніи и Сициліи. Можетъ быть, ключъ къ тому безцвѣтному эклектизму, которымъ проникнута интегралистская точка зрѣнія, дастъ объясненія того, какъ они, въ парламентѣ и въ Правленіи всегда видятъ „общее состояніе“ страны, знаютъ, что, если готовы къ дѣйствію одни, то другіе еще слишкомъ слабы и поэтому, напр., приходится останавливать желѣзнодорожниковъ, слишкомъ рѣшительныхъ, одностороннихъ въ преслѣдованіи своей частной цѣли. И какъ было поступить въ дѣлѣ протеста противъ бойни на Піацца Джезу? Развѣ можно называть революціанерами тѣхъ, кто бросаетъ камни въ войска, а потомъ бѣгутъ отъ выстрѣловъ? „Мы,—говоритъ Моргари,—хотимъ сдѣлать пролетаріевъ честными людьми, а честный человѣкъ, начиная что-либо, увѣренъ, что отстоитъ всѣ его послѣдствія“. Лассаль говаривалъ, что несчастіе филистера именно въ томъ и состоитъ, что его разсужденіе правильно.

Тягучая рѣчь долго продолжается; стоитъ онъ неподвижно, только иногда грузно поворачивается и что-то безнадежное есть въ добрѣйшихъ мутныхъ глазахъ его, въ неловкихъ складкахъ и висячести его сѣраго костюма; однако, съѣздъ ему выражаетъ много сочувствія.

Наконецъ, Моргари сходитъ, многіе отказываются отъ слова, другихъ собраніе, уже уставшее, не хочетъ слушать. Ставится на голосованіе резолюція, одобряющая всю дѣятельность Правленія, и безъ протестовъ принимается съѣздомъ. Въ то же время по предложенію Коста съѣздъ единодушными апплодисментами подтверждаетъ свою волю, чтобы вошли въ организацію „автономныя группы“.

20 ое сентября—день взятія Рима (въ 1870 г.). Городъ украшенъ флагами; расклеены прокламаціи всѣхъ демократическихъ партій и, между прочимъ, двухъ враждебныхъ фракцій италіанскаго массонства.

Съѣздъ продолжаетъ свои работы. Читается телеграмма отъ „римскихъ христіанскихъ соціалистовъ“, привѣтствующихъ дѣятельность съѣзда и „развитіе соціалистической культуры, которая въ существенныхъ стремленіяхъ своихъ совпадаетъ съ полнымъ развитіемъ христіанства“. Публика удивлена; кто-то смѣется. Коста останавливаетъ, замѣчая: „Мы можемъ съ ними не соглашаться, но слѣдуетъ оцѣнить актъ вѣжливости съ ихъ стороны“.

На очереди—вопросъ о центральномъ органѣ „Avanti“. Выясняется безутѣшное положеніе. Газета расходится въ 22000 экземпляровъ, значитъ, совершенно не окупается. Частыя перемѣны въ редакціи, причемъ уходящимъ редакторамъ уплачивается жа-

дованіе за три мѣсяца впередъ, и другія исключительныя издержки, пріобрѣтеніе пяти большихъ ротаціонныхъ машинъ, а теперь и линотиповъ привели къ тому, что 31 декабря 1907 г. дефицитъ въ капиталѣ предпріятія доходилъ до 74520 лиръ, а дефицитъ годового оборота до 29959 лиръ. Была открыта подписка для спасенія газеты; собрали 45048 л., изъ которыхъ 20 тысячъ получились путемъ самообложенія всѣхъ членовъ партіи по одной лирѣ на душу. Но долговъ остается больше 80 тысячъ.

Всходитъ на трибуну Артуро Фрицци. Говорятъ, раньше, чѣмъ стать пропагандистомъ, онъ продавалъ на рынкѣ какіе-то товары. И декламаторскій апломбъ его глубокаго баритона, любовь къ поговоркамъ и комическимъ эффектамъ несомнѣнно остались его главной силой. Вспоминаю бесѣду его въ маленькомъ мѣстечкѣ передъ крестьянской аудиторіей. Начавши съ доказательства, что монахъ это—ни мужчина, ни женщина и что жизнь земная лучше рая загробнаго, онъ смутно указалъ, что меньшинство въ современномъ обществѣ господствуетъ потому, что въ его рукахъ „la finanza". Но такъ какъ и для него было непонятно, какъ это „финансы" могутъ быть сильнѣе воли людей, то онъ всю вину свелъ на нерадѣніе тѣхъ, которые не записываются въ союзы, пропиваютъ заработокъ и въ день выборовъ не голосуютъ; лучшимъ мѣстомъ „лекціи", однако, была характеристика обложенныхъ акцизомъ италіанскихъ спичекъ, которыя „зажигая, нужно держать на разстояніи двухъ аршинъ, чтобы не умереть отъ асфиксіи". И теперь передъ съѣздомъ Фрицци выставляетъ лучшія свои рифмованныя прибаутки, восклицаетъ „per Baccolina!", утверждая, что лучшая газета въ Италіи—„Corriere della Sera" и что нужно „Avanti" печатать болѣе крупнымъ шрифтомъ. Съѣздъ хохочетъ до истерики, журналисты тоже и когда ораторъ оборачивается къ послѣднимъ, предсѣдательствующій Буссн безцеремонно кричитъ: „Фрицци, э... Фрицци. Куда глядишь? обратись къ публикѣ!" Конецъ веселой рѣчи привѣтствуется бурными „бисъ! бисъ!"

Джакомо Ферри—депутатъ и крупный капиталистъ, экспансивный, краснорѣчивый—призываетъ товарищей на всѣ жертвы, чтобы только спасти „Avanti". Что-то въ его фигурѣ напоминаетъ эпоху Biedermeier'овъ и каррикатуръ Домье. Когда онъ говоритъ объ обязанности имущихъ товарищей помогать деньгами партіи, кажется, что вотъ онъ произнесетъ: „cesabre est le plus beau jour de ma vie". Онъ упоминаетъ о тяжкомъ, позорномъ грѣхѣ, лежащемъ на прежней редакціи „Avanti". Потомъ оказывается, что это Энрико Ферри занялъ у него пять тысячъ для газеты и не вручилъ правильно подписаннаго векселя.

Послѣ обѣда Моргари, послѣдніе семь мѣсяцевъ бывшій редакторомъ „Avanti", констатируетъ то-же печальное положеніе, которое, однако, не считаетъ безвыходнымъ. „Можетъ быть, мы

оказались неспособными; назначьте другихъ, типографію даже лучше сдать частному предпринимателю".

Задачи газеты онъ понимаетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Ландари, Существовать можетъ только большая, всесторонне информированная газета. Нужно шесть-восемь страницъ, чтобы каждый читатель нашелъ два-три столбца для него интересныхъ. Современная газета не можетъ достигать успѣховъ скромными выдумками Гамсуновскаго „редактора Лирге". Для каждаго злободневнаго вопроса нужна статья спеціалиста, а спеціалистъ всегда найдется, если можно послать по телеграфу 50 фр. съ заказомъ статьи. Нужно посылать корреспондентовъ, которые бы могли не скупиться на разъѣзды, телефоны, депеши, чтобы дать газетѣ наблюденія „sur le vif, le saignant". Для всего этого требуются громадныя деньги. Въ Италіи только двѣ - три газеты даютъ доходъ, остальныя живутъ субсидіями или отъ правительства, или отъ крупныхъ промышленныхъ или банковыхъ обществъ. И редакторъ современной газеты совсѣмъ не долженъ быть талантливымъ литераторомъ, непремѣнно умѣлымъ дѣльцомъ, быстро разбирающимся въ колебаніяхъ рынка и общественнаго интереса.

„Надо много храбрости, чтобы послѣ высокобразованнаго журналиста Моргари говорить мнѣ, простому рабочему", такъ начинаетъ свою рѣчь Джентиле. Это типъ, довольно распространенный среди рабочаго класса Италіи и даже Франціи, очень сентиментальный, поставленный въ тяжелое, безсильное положеніе своимъ полуобразованіемъ: аффектирующій простонародность въ оппозицію интеллигентамъ и искушаемый, однако, всегда желаніемъ подчеркнуть свое превосходство надъ массой. Съ образованіемъ то же, что съ богатствомъ,—нужно или не имѣть его совсѣмъ или имѣть очень много, чтобы не быть его рабомъ. Говоря о нерадѣніи товарищей къ „Avanti", Джентиле говоритъ о фракціонныхъ междоусобицахъ—слишкомъ много адвокатовъ и представителей свободныхъ профессій рѣшаютъ на съѣздахъ дѣла рабочей партіи. Эти слова поднимаютъ штурмы возмущенія въ залѣ; всѣ соскакиваютъ съ мѣстъ, махаютъ кулаками и дикими возгласами протестуютъ противъ обиды. Съ большимъ трудомъ удается достигнуть относительной тишины, чтобы бѣдный ораторъ могъ извиниться— онъ никого не хотѣлъ обидѣть—и въ заключеніе предложить товарищамъ - писателямъ безвозмездно давать статьи въ „Avanti". Такъ весь день толковали о газетѣ и изъ заколдованнаго круга не могли выйти. Джованни Бергамаска, бывшій русскій народоволецъ, объявилъ, что онъ отказывается отъ 10 тысячъ лиръ, которыя ему давно должна газета. Его примѣру послѣдовалъ Монджини и нѣкоторые другіе, которымъ „Avanti" долженъ, кому 10, кому 5, кому три тысячи. Съѣздъ апплодировалъ щедрымъ товарищамъ, но вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ центральнаго органа не разрѣшался, Наконецъ, по предложенію Альробелли избирается

коммиссія, которая къ завтрашнему собранію должна представить какой-нибудь осуществимый проектъ. Раньше чѣмъ закрыть собраніе, Коста обращается къ съѣзду: „Вы слышали во время преній колокольный звонъ, доносившійся съ башни Палаццо Веккіо. Этотъ звонъ возвѣщалъ о народномъ праздникѣ въ память низверженія твердыни обскурантизма, во славу грядущаго освобожденія человѣчества отъ путъ суевѣрія и человѣконенавистничества. Но...“ и старикъ Коста многозначительно остановился.—Но въ то же время, какъ звонятъ эти колокола Стараго Дворца, до насъ доносится стонъ дѣвушки, здѣсь же во Флоренціи въ Муратахъ заключенной—Маріи Рижіе, смѣлой пропагандистки антимилитаризма, осужденной миланскими судьями на пять лѣтъ тюрьмы за ту же свободу мысли, которую позволятъ оффиціально будутъ устроители сегодняшняго праздника. Маріи Рижье—отъ нашего съѣзда братскій привѣтъ, и съ ней заодно всѣмъ политическимъ жертвамъ во всѣхъ странахъ! Да будетъ наше движеніе той силой, которая развернетъ двери всѣхъ тюремъ!“

Долго весь съѣздъ горячо аплодируетъ Коста. И на улицѣ публика ему устраиваетъ восторженную овацію.

* * *

Между тѣмъ, комиссія успѣла выработать проектъ спасенія „Avanti“, о которомъ и докладываетъ съѣзду Модильяни, какъ только въ понедѣльникъ утромъ открывается слѣдующее засѣданіе. Нужно раздобыть 70 тысячъ франковъ. Еще половина товарищей не уплатили обязательнаго взноса въ одну лиру; допуская, что изъ этихъ двадцати тысячъ недоимщиковъ половина не захочетъ уклониться, получимъ 10 тысячъ. Далѣе предлагается всѣхъ состоятельныхъ членовъ партіи (въ первую половину—интеллигентовъ) обложить подоходными налогами въ пользу „Avanti“; это дастъ въ годъ около 15 тысячъ, кромѣ того, тѣхъ же лицъ (по разсчету Модильяни—около полторы тысячи) заставить, подъ угрозомъ исключенія изъ партіи, подписаться на газету—значитъ, еще 15 тысячъ. Также сдѣлать подписку обязательной для секціи и для синдикатовъ, что можетъ дать еще 5 тысячъ. Наконецъ, предлагается увеличить для каждаго члена партіи ежегодный взносъ за „тессеру“ съ 60 сантимовъ до полторы лиръ, причемъ 50 сант. пойдутъ на расходы Правленія, а одна лира—въ кассу „Avanti“, которому обезпечены эти 40 тысячъ. Съѣздъ очень доволенъ, что найденъ выходъ изъ тяжелаго положенія, и предложенія комиссіи одобряются „en bloc“. Фактически же существованіе газеты пока обезпечено тѣмъ, что Джакомо Ферри и другіе „партійные капиталисты“, о которыхъ консервативный органъ „Corriere della Sera“ саркастически замѣчалъ, что согласно теоріи историческаго матеріализма, они должны находить какую-нибудь

выгоду и для себя въ соціализмѣ,—обязались сейчасъ достать 40 тысячъ лиръ, необходимыхъ къ октябрю-декабрю. Какъ-то странно тутъ даже вспоминать организацію нѣмецкихъ соц.-дем газетъ съ ихъ рабочими „прессъ-комиссіями", скромностью редакторовъ, желѣзнымъ механизмомъ „классовой службы". На дняхъ Виссолати писалъ: „Посмотрите, чѣмъ была и продолжаетъ быть въ Италіи соціалистическая партія? Собраніемъ идеалистовъ изъ всѣхъ классовъ общества, идеалистовъ, объединенныхъ цѣлью общественнаго переустройства" („Piccolo della Sera", № 9750). Эти „идеалисты" облагаютъ теперь себя, чтобы создать газету „для рабочихъ", работаютъ на съѣздахъ, въ парламентѣ, въ печати— тоже „для рабочихъ". Въ нѣмецкой партіи, въ англійскомъ союзѣ, въ французской Биржѣ Труда исчезновеніе всѣхъ „идеалистовъ", пришедшихъ сверху, могло бы совершиться незамѣтно для всей налаженной работы,—въ Италіи на нѣсколькихъ интеллигентахъ часто держится все; тоже приходилось видѣть въ Россіи.

Предсѣдательствуетъ Камилло Прамполини. Это интеллигентъ прежнихъ временъ, горячей вѣры и хожденія въ народъ. Образной и вдохновенной проповѣдью онъ умѣлъ привлечь цѣлыя селенія забитыхъ половниковъ и одичавшихъ „колоновъ" къ новой надеждѣ великаго всечеловѣческаго братства. Ломброзо его призналъ высшимъ типомъ „святого". На старыхъ портретахъ Прамполини видно задумчивое лицо, удлиненное могучей черной бородой. Теперь—эта сѣдая правильная бородка и во всемъ лицѣ есть та бронзовая рельефность, которая такую античную красоту придаетъ профилю Маццини. Только у апостола Эмиліи нѣсколько проще, стертѣе общее выраженіе. Въ поспѣшности, съ какой онъ старается избѣгнуть овацій любовно почитающихъ его товарищей, чувствуется, что много видѣлъ онъ восторженнаго поклоненія кругомъ себя. Провинція Реджіо, имъ организованная, насчитываетъ больше 5 тысячъ членовъ партіи. Сельскіе союзы, солидныя коопераціи, народные дома, кассы взаимопомощи,—повсюду проявилось вліяніе Прамполини. Реджіо имѣетъ и свою ежедневную соціалистическую газету „la Suistizia" и редакторъ ея съ гордостью могъ указать, что тамъ, гдѣ есть широкія массовыя организаціи, а не „кружки политиковъ",—тамъ и газеты могутъ поддерживать свое существованіе безъ дефицитовъ. Правда, ученіе, которое распространялъ Прамполини, мало знаетъ о классовой борьбѣ, а болѣе умиляетъ души идеальными перспективами справедливости, любви, царства Божія на землѣ; пропагандисты больше толкуютъ о морали, чѣмъ о современной экономикѣ и иногда слишкомъ слащавымъ кажется ихъ оптимизмъ. Нельзя представить себѣ большей пестроты хозяйственныхъ отношеній и народной психологіи, какъ въ этихъ деревенскихъ округахъ Италіи. Рядомъ съ Эмиліей, гдѣ соціализмъ носитъ такой отпечатокъ мирнаго мессіанизма, сочетающагося, однако, съ трезвымъ,

будничнымъ строительствомъ,—области Феррары и Пармы съ ихъ озлобленнымъ, бунтарскимъ сельскимъ пролетаріатомъ, легко завоеваннымъ синдикалистами; и по ту сторону По на сѣверѣ—Мантуанская провинція, гдѣ политическія и экономическія организаціи, превосходно координированныя, умѣютъ осуществить правильную, сдержанную соціалъ-демократическую тактику.

Прамполини уже ставитъ на голосованіе докладъ парламентской фракціи, составленный Монтемартини и заранѣе розданный членамъ съѣзда. Изъ доклада узнаемъ, что фракціей со времени послѣдняго съѣзда (въ 1906 г.) было представлено различнымъ министерствамъ 125 запросовъ и 16 интерпелляцій, на которыя получены были отвѣты. Соціалисты приняли участіе въ обсужденіи 55 законопроектовъ и по поводу бюджета 39 разъ выступали ихъ ораторы. Фракція ставитъ себѣ въ заслугу проведеніе „закона о работѣ на рисовыхъ поляхъ и отмѣны ночной работы пекарей", а также поправки, введенныя въ законъ о желѣзныхъ дорогахъ и о кассахъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Внесенъ фракціей законопроектъ „объ употребленіи войскъ въ столкновеніяхъ между капиталомъ и трудомъ". Въ заключеніе Монтемартини указываетъ на необходимость ассигновать нѣкоторую сумму для депутатовъ партіи (въ Италіи, какъ извѣстно, вознагражденія отъ казны еще не существуетъ) и настаиваетъ на свободѣ парламентскихъ представителей партіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сообразаться съ условіями момента въ своихъ выступленіяхъ съ тѣмъ, чтобы затѣмъ представить поведеніе свое на судъ партійнаго съѣзда. Докладъ одобряется безъ преній.

Только теперь съѣздъ приступаетъ къ самому значительному пункту въ порядкѣ дня—„объ отношеніяхъ соціалъ-демократической партіи къ экономическимъ организаціямъ". Этотъ вопросъ включаетъ въ себѣ и отношеніе къ синдикалистамъ, и вопросъ о всеобщей забастовкѣ, и избирательную тактику, и регулированіе отношеній между партіей и Конференціей Труда. Тутъ должны столкнуться враждебныя направленія. Первымъ говоритъ Ринальдо Ригола отъ имени риформистовъ. Слѣпой уже много лѣтъ, онъ дѣятельный, непреклонный, замкнутый. Лицо его, напоминающее маску выздоравливающаго отъ оспы, пугаетъ своей неподвижностью и въ тонѣ его голоса, въ нѣкоторой жестокости его мысли, остается что то загадачное. Онъ былъ депутатомъ, потомъ подалъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя Кондефераціи Труда. Передъ 2-ымъ съѣздомъ этой организаціи, въ которой записаны больше 1200 союзовъ съ 307000 членами, Ригола выпустилъ брошюру „21 мѣсяцъ изъ жизни Конфедераціи Труда". Это—оправданіе и энергичное принципіальное обоснованіе своей дѣятельности въ качествѣ генеральнаго секретаря. Конфедерація стремится къ организаціи рабочаго профессіональнаго движенія по германскому образцу: централизація, высокія взносы, осторожность въ забасто-

вочномъ движеніи, система соглашеній, коллективныхъ договоровъ, контроля платныхъ секретарей-спеціалистовъ, признаніе очень крупнаго значенія за „рабочимъ законодательствомъ“. Ясно, что вся эта программа была прямой противоположностью синдикализма. Синдикалисты на первомъ же съѣздѣ откололись отъ Конфедераціи, только желѣзнодорожный союзъ, въ которомъ еще преобладаютъ сторонники „прямого дѣйствія“, остался въ ней. Ригола и его товарищи—Квальино. Кіеза, Кабрини—повели безпощадную борьбу противъ системы всеобщихъ забастовокъ и „забастовокъ по солидарности“, противъ „локализма“ многихъ Палатъ Труда, противъ всей „революціонной романтики“. Синдикалисты не оставались въ долгу. Заодно съ партіей, и Конфедерація Труда была ими объявлена организаціей измѣнниковъ и враговъ рабочаго класса и противъ самого Ригола нападки, печатаемыя въ „Интернаціоналѣ“, приняли недостойный, личный характеръ, не щадя его физическаго несчастія. Однако, все это послужило только къ вящшему торжеству слѣпого вождя. На съѣздѣ въ Моденѣ отъ 6 до 10 сентября были одобрены всѣ его начинанія, приняты его директивы, онъ снова утвержденъ во главѣ организаціи и въ безконечныхъ знакахъ глубокаго уваженія, сочувствующаго энтузіазма какъ со стороны отдѣльныхъ ораторовъ, такъ и со стороны всего съѣзда дошли почти до іератическаго апоѳеоза.

И теперь, когда Ригола подымается на эстраду, ведомый своимъ другомъ, весь съѣздъ долгими аплодисментами, криками „Viva Rigola!“ привѣтствуетъ его. Затѣмъ устанавливается напряженное молчаніе, небывалое для этого собранія. Медленно и ясно раздаются слова оратора, котораго почтительно окружаютъ товарищи по фракціи и оффиціальный оппонентъ его—проф. Лонгобарди.

Появленіе Конфедераціи Труда—несомнѣнно результата успѣшной стачечной борьбы и повышенія заработковъ въ послѣднія шесть-восемь лѣтъ промышленнаго подъема Италіи—совпало съ дезорганизаціей соціалистической партіи. Конфедерація сразу проявила полную независимость отъ партіи, хотя и теперь изъ одиннадцати членовъ ея руководящаго совѣта десять—довольно видные дѣятели партіи. Партійные круги встревожились, видя въ новой организаціи стремленіе „присвоить себѣ все рабочее движеніе“. Риформисты, находясь въ оппозиціи къ партійному центру, не прочь были противопоставить ему, какъ равную или большую даже силу—централизованную Конфедерацію, въ которой они прочно утвердились. Не безъ лукавства Биссолати писалъ: „Пролетаріатъ сталъ на ноги и въ Моденѣ показалъ зрѣлость своего сознанія. Но этимъ самымъ фактомъ ставится вопросъ: имѣетъ ли еще смыслъ существованіе соціалистической партіи, какъ особаго организма? Вопросъ этотъ страшно сложенъ. и я не берусь его разрѣшать, какъ его, конечно, не сможетъ разрѣшить и партійный

съѣздъ". Теперь Ригола берется успокоить партію. По его мнѣнію, есть такія функціи общественнаго движенія, которыя никогда не сможетъ на себя взять другая организація, кромѣ политической партіи. Нужно раздѣленіе труда между политической и профессіональной организаціями и въ этомъ вопросѣ Ригола становится всецѣло на почву извѣстной Штуттгартской резолюціи, „принятой двадцатью тремя народами". Однако, есть товарищи, признающіе это раздѣленіе труда и все-таки желающіе подчинить союзы партіи. Говорятъ, партія должна оберегать союзы отъ оппортунизма и цеховой обособленности. Но кто же будетъ оберегать отъ невыдержанности партію; quis custodiet custodem? Конфедерація представляетъ собою дисциплинированную, увѣренную въ себѣ силу. Можно ли то же сказать о партіи, которая не знала, что дѣлать послѣ бойни на піацца Джеву, которая еще въ маѣ мѣсяцѣ, въ лицѣ центральнаго Комитета, принимала резолюцію, одобряющую Пармскую забастовку, ассигнующую для стачечниковъ 250 лиръ (sic!) и совѣтующую имъ скорѣе прибѣгнуть къ примирительной камерѣ! Конфедерація не можетъ снисходительно созерцать „синдикалистскіе эксперименты", потому что они слишкомъ дорого обходятся всему движенію; достаточно напомнить, что на одну пармскую забастовку было потрачено 103000 лиръ, тогда какъ федерація строительныхъ рабочихъ въ теченіе двухъ лѣтъ провела 225 стачекъ съ немногимъ больше 200 тысячъ лиръ. „Да и синдикалисты къ намъ относятся совсѣмъ иначе; когда мы ведемъ забастовку и если проигрываемъ ее, синдикалисты указываютъ рабочимъ: „видите, риформизмъ ведетъ къ пораженіямъ"; если же побѣда наша, они кричатъ: „видите, они продали васъ, такъ какъ вы могли достигнуть большаго".

Нѣтъ, Конфедерація готова итти рука объ руку съ партіей, но только если тактика партіи будетъ соотвѣтствовать нашимъ принципамъ. Если бы въ правленіе партіи попалъ нашъ другъ Бонавита, то никакія сношенія не будутъ возможны. Такъ объясняетъ Ригола Штутттартскую резолюцію. Но это не все. Въ Конфедераціи находятся рабочіе-республиканцы и рабочіе-безпартійные. На этомъ основаніи Ригола отстаиваетъ не только нейтральность профессіональныхъ союзовъ, но и сотрудничаніе ихъ съ другими партіями, кромѣ соціалистической. Въ Моденѣ Ригола и его единомышленники предложили резолюцію, предписывающую Конфедераціи входить въ соглашенія со всѣми партіями, „не препятствующими классовой борьбѣ". Въ Моденѣ такая двусмысленная формула была отвергнута, главнымъ образомъ, благодаря энергичнымъ возраженіямъ мантуанскихъ делегатовъ, которые и составили резолюцію, принятую Конфедераціей и гласящую, что соглашеніе возможно только съ партіей, принципіально признающей тактику „классовой борьбы". Ригола, однако, и теперь проводитъ свою точку зрѣнія. Сношенія съ партіей не обязываютъ Конфердерацію

ни къ какимъ политическимъ шагамъ—это просто размежеваніе между добрыми сосѣдями. Смѣшанныя организаціи, включающія и союзы, и политическія секціи, какъ онѣ существуютъ въ Бельгіи или въ той же Мантуѣ, по мнѣнію Ригола,—непрактичны. Проведеніе забастовокъ, и, конечно, объявленіе ихъ, можетъ быть дѣломъ только одной Конфедераціи. Партія также не должна признавать тѣ синдикаты—автономные, анархо-синдикалистскіе,—которые не входятъ въ Конфедерацію. Что же касается всеобщей забастовки, то вредъ отъ этого способа борьбы большій, чѣмъ польза. Никакія завоеванія путемъ всеобщихъ забастовокъ невозможны. Только въ далекомъ будущемъ, какъ отвѣтъ на какой-нибудь особенно рѣшительный шагъ реакціи, возможно примѣненіе этого обоюдоостраго оружія. „Но до этого дня не слѣдуетъ истощать свои силы безсмысленными попытками". И Ригола сходитъ съ трибуны при громѣ аплодисментовъ.

Какъ всегда, къ послѣобѣденному засѣданію первымъ является Коста и терпѣливо ожидаетъ, когда заполнится залъ. Турати опять садится на ступеньки трибуны, и по обычаю весь съѣздъ проявляетъ большую нервность, чѣмъ утромъ. Возражаетъ Ригола, неаполитанскій профессоръ Лонгобарди, искренній, высокообразованный, но немного тусклый. Среди партійныхъ „революціонеровъ" проявляются два теченія; одни, какъ, напр., Дугони или Де Фалко отрекаются отъ всякаго родства съ синдикалистами и хотятъ установить добрый миръ съ центромъ партіи и даже съ риформистами, другіе же или объявляютъ себя синдикалистами—какъ де-Роза, Джентиле и др., представлящіе на съѣздѣ около 1000 голосовъ,—или считаютъ синдикалистовъ болѣе близкими товарищами, чѣмъ противныя фракціи внутри партіи: Лонгобарди нѣсколько дней послѣ съѣзда объявилъ, что „необходимо объединиться всѣмъ, кто въ партіи или внѣ ея стремится къ революціонной классовой борьбѣ, и шутовскія отлученія, провозглашенныя какимъ-нибудь Дугони, не могутъ имѣть никакого дѣйствія противъ естественнаго хода вещей". Но самъ Лонгобарди—совсѣмъ не синдикалистъ. По его мнѣнію, только политическая организація можетъ проявить все идеальное содержаніе пролетарскаго движенія и осуществить его въ самыхъ высокихъ, мощныхъ формахъ. Поэтому онъ и остался въ партіи, хотя въ началѣ своей рѣчи признается, что сейчасъ его правовѣрно-гедистская точка зрѣнія никакого успѣха имѣть не можетъ. Лонгобарди думаетъ, что синдикатъ, предоставленный себѣ (не имѣя надъ собой партіи), оставитъ путь рѣшительной борьбы, „пойдетъ по пути тредъ-юніонизма", и онъ не вѣритъ въ прочные успѣхи экономической борьбы при существующемъ строѣ, когда государство „однимъ закономъ о новой подати можетъ отнять у рабочихъ то, что они вырвали у капиталиста въ видѣ повышенія заработка". Такая позиція приводитъ во всѣхъ вопросахъ къ безпомощному теоретизи-

рованію, которое не можетъ плодотворно примѣняться къ отдѣльнымъ практическимъ случаямъ и отталкиваетъ массы своей отвлеченностью.

Такъ, напр., въ принципіальномъ вопросѣ с возможности повышенія матеріальнаго положенія и общественнаго вліянія рабочихъ въ существующемъ строѣ: риформисты утверждаютъ, что такое повышеніе происходитъ непрерывно и именно въ этомъ видятъ постепенное „вростаніе“ современнаго общества въ соціалистическое благополучіе. Синдикалисты отрицаютъ, чтобы возможно было постепенное улучшеніе современнаго общества, пока организація его въ рукахъ буржуазіи и ея государства, живущихъ только благодаря наемному труду, милитаризму, всему „злу“, съ уничтоженія котораго должно начаться преобразованіе. Но синдикалисты видятъ матеріальный результатъ борьбы въ усиленіи синдикатовъ, той новой общественной ячейки, которая дезорганизуетъ старый порядокъ и изъ себя возраститъ новый; Лабріола доказываетъ, что усиленіе и хозяйственнаго, и общественнаго значенія рабочаго класса—вѣрный знакъ обостренія контраста и близости все болѣе рѣзкихъ конечныхъ схватокъ.

Лонгобарди вѣритъ въ обостреніе классовыхъ противорѣчій, въ невозможность постепенныхъ улучшеній. Онъ доказываетъ, что риформисты огосударствленіе предпріятій, закрѣпляющее громадныя средства за властвующей олигархіей, смѣшиваютъ съ обобществленіемъ.

И еще вопросъ—отношеніе къ профессіональной организаціи. Для риформистовъ профессіональные союзы облегчаютъ жизнь рабочаго въ существующемъ строѣ; естественно отсюда стремленіе къ правильной, централизованной администраціи, тучнымъ кассамъ, благоразумной политической нейтральности. Для синдикалистовъ союзы—это проявленіе массовой самодѣятельности, поэтому они за широкую автономію и противъ союзнаго „бюрократизма“, передающаго въ руки секретарей то, что должно быть дѣломъ самой массы; и до сихъ поръ они не любили высокихъ взносовъ, видя въ этомъ источникъ мелочной корпоративной разсчетливости и утопическихъ иллюзій относительно мощи чисто-пассивнаго, мертваго „союзнаго капитала“. Лонгобарди опровергаетъ все разсужденіе Ригола о задачахъ Конфедераціи Труда.

Онъ приводитъ цифры. „Въ концѣ 1907 года было 4253 союза съ 642046 членами, не считая союза желѣзнодорожниковъ, имѣющаго 42000 членовъ. Если исключить сельскіе союзы (ихъ 1803 съ 279.518 членами), то остаются 2950 (362.533 записанныхъ въ нихъ рабочихъ). Изъ этихъ союзовъ 1438 (49%) съ 144,100 членами (40% всѣхъ организованныхъ) примыкаютъ только къ Палатамъ Труда; 661 (23%) съ 52960 чл. (14%) только къ централизованнымъ федераціямъ, 569 (19%) съ 122.164 (34%) одновременно къ Палатамъ Труда и къ федераціямъ, а 282 (9%) съ

43309 членами (12%) совершенно автономны". Такимъ образомъ и по числу организованныхъ Палаты Труда, съ „локализмомъ" которыхъ борется Ригола, занимаютъ главное мѣсто въ италіанскомъ рабочемъ движеніи; въ агитаціи и борьбѣ онѣ такъ же до сихъ поръ гораздо больше дѣлаютъ, чѣмъ Конфедерація Труда. Партія не можетъ поэтому считаться съ одной Конфедераціей Труда. Всѣхъ организованныхъ больше 600 тысячъ и они составляютъ всего 7% италіанскаго рабочаго класса;въ конфедераціи записано около 300 тысячъ, половина организованныхъ, меньше четырехъ процентовъ всей массы, которую нужно имѣть въ виду. Лонгобарди такимъ образомъ старается уменьшить значеніе той арміи, которой руководятъ риформисты. Но принципіально противъ тактики Конфедераціи онъ можетъ возразить очень мало. Высокіе взносы нежелательны, такъ какъ создаютъ рабочую аристократію. Обезпеченіе же надлежащаго направленія въ массахъ Лонгобарди видитъ только въ преобладаніи политическаго движенія. Онъ стремится къ „организаціонному монизму". Конечно, тамъ, гдѣ различныя теченія среди рабочихъ рѣзко проявляются, надо въ интересахъ единства экономическаго движенія соблюдать полную нейтральность союзовъ. Но гдѣ только возможно, слѣдуетъ связывать организаціонно политическія секціи и синдикаты. Тутъ Лонгобарди, критикуя преувеличенное значеніе, придаваемое Конфедераціей функціямъ взаимопомощи и кооперативнымъ учрежденіямъ, начинаетъ говорить о стачечной борьбѣ и упоминаетъ о пармской забастовкѣ. Кто-то въ залѣ прерываетъ оратора. Поднимается гулъ. Сбѣгаются сперва нѣсколько распорядителей. Можно наблюдать, какъ при все болѣе возбужденномъ разговорѣ между двумя сосѣдями распорядителю приходится попеременно останавливать на лету руку одного и затѣмъ быстро придерживать руку другого. Но уже кричатъ и толпятся; вдругъ лысый старичокъ Монджини яростно бросается со сжатыми кулаками и его насилу удерживаютъ. Несчастнаго же нарушителя буквально подняли съ мѣста и гурьбой съ крикомъ волокутъ на эстраду. Звонокъ уже не слышенъ; Коста, Прамполини, Босси, Альтобелли во все горло требуютъ успокоенія, стыдятъ товарищей, просятъ. Оторопѣлаго совсѣмъ виновника инцидента Пешетти круто спрашиваетъ: „да говори же, кто ты такой!" „Неужто не узнаешь?" съ укоромъ произноситъ тотъ. Наконецъ, выясняется, что это докторъ медицины и голова мѣстечка Кореджо. Постепенно съѣздъ возвращается къ тишинѣ и даетъ окончить Лонгобарди.

Говоритъ теперь риформистъ, генуэзскій рабочій, депутатъ Піетро Кіева. Широкій, патетическій, онъ умѣетъ растрогать аудиторію постояннымъ примѣшиваніемъ своей личности къ разсужденіямъ и иллюстрирующимъ эпизодамъ. Что-то въ немъ есть проповѣдническое, когда онъ напыщенно обличаетъ „человѣка звѣря" въ рабочемъ, втянутомъ въ стихійную забастовку. Она ра-

дуется, что отъ синдикалистовъ отдѣлались, но его смущаетъ то, что въ рѣчи Лонгобарди очень еще чувствуется мысль синдикалистовъ. Синдикализмъ же, извѣстно, почти тоже, что анархизмъ. Рабочіе еще очень темны, ихъ легко обмануть, они легче поддаются низкимъ инстинктамъ, чѣмъ благороднымъ призывамъ. Въ одной коопераціи устроили конкурсъ на мѣста кассиршъ; изъ сотни состязавшихся были приняты три. Что же? Остальныя изъ мести повліяли на своихъ мужей и братьевъ такъ, что тѣ примкнули къ синдикалистамъ. Затѣмъ въ очень приподнятомъ тонѣ ораторъ начинаетъ раздавать хвалу—сперва руководителямъ Конфедераціи Труда, которые какъ слѣдуетъ воспитываютъ пролетаріатъ. Затѣмъ при неистовыхъ апплодисментахъ съѣзда славится Филиппо Турати за противодѣйствіе разнузданнымъ инстинктамъ толпы; „никогда не былъ ты такъ великъ, о, Турати, какъ въ тотъ день на миланской аренѣ, когда противъ свиста и угрозъ возбужденныхъ массъ ты выступилъ съ совѣтомъ прекратить всеобщую забастовку. И ты тоже, Оддино Моргари, никогда не былъ такъ достоенъ имени соціалиста, какъ послѣ бойни на Піацца Джезу, когда ты совѣтовалъ успокоеніе народа! О себѣ же Кіеза разсказываетъ, какъ были возстановлены противъ него генуэзскіе портовые рабочіе, когда въ началѣ ихъ забастовки онъ имъ указывалъ на безразсудность начинанія, а черезъ нѣсколько дней ему же пришлось во главѣ депутаціи униженно держа шапки въ рукахъ, итти съ повинной къ хозяевамъ: „примите обратно этихъ несчастныхъ, сжальтесь надъ ихъ семьями, вѣдь забастовка—не преступленія". Не говорилъ бы я этого, если бы оно буквально не было сказано, при одобреніи большинствомъ съѣзда, рабочимъ и очень виднымъ вождемъ движенія. Можетъ быть, самая среда рабочихъ гаваней, докеровъ и отчасти матросовъ, гдѣ условія труда очень неустойчивы, безработица всегда интенсивна, и грубость самаго труда поддерживаетъ то невѣжественное состояніе, которымъ объясняется большое количество „желтыхъ", а также частые рѣзкіе переходы отъ революціонныхъ забастовокъ. Напр., неоднократно въ Лондонѣ и недавно въ Одессѣ и въ Антверпенѣ къ безусловной, забитой пассивности, можетъ быть, эта самая среда воспитываетъ недовѣріе къ массамъ".

Между тѣмъ Турати роздалъ конгрессистамъ резолюцію, которую Ригола, Кіеза и другіе рифомисты предлагаютъ съѣзду.

„*Признавая* необходимымъ,—говорится въ этой резолюціи,—чтобы направленіе соціалистической партіи, которая есть классовая партія, совпадало съ направленіемъ рабочихъ синдикатовъ, съ каковыми партія должна поддерживать самыя тѣсныя отношенія; отношенія же эти—при строгомъ соблюденіи автономіи и нейтральности экономической организаціи, дабы она могла обнимать всѣхъ трудящихся безъ иной предпосылки, кромѣ экономическаго противостоянія ихъ предпринимательскому капитализму

должны имѣть цѣлью распространеніе въ пролетарскихъ рядахъ убѣжденія въ томъ, что всякая крупная экономическая борьба сама по себѣ политична и что конечная цѣль пролетарской организаціи не можетъ быть цѣликомъ усвоена подъ угломъ зрѣнія маленькихъ улучшеній въ наемномъ договорѣ, выгадываемыхъ разъ за разомъ, а должна также выражаться въ основномъ обновленіи общественнаго хозяйственнаго строя;

Напоминая, что рабочіе синдикаты недавно на своемъ съѣздѣ въ Моденѣ отвергли ученіе и пріемы борьбы, которыми дѣйствіе пролетаріата все болѣе сводится къ постояннымъ безплоднымъ попыткамъ бунтарской всеобщей забастовки, тогда какъ дѣйствіе это въ нормальное время (т. е. за исключеніемъ тѣхъ, дѣйствительно революціонныхъ періодовъ, которые могутъ случиться въ исторіи народа) должно заключаться въ постоянномъ взращиваніи рабочихъ организацій параллельно съ постепеннымъ завоеваніемъ политической власти;

„*напоминая далѣе*, что принципы и методъ революціоннаго синдикализма—дискредитированіе пирламентской борьбы и вообще завоеванія государственныхъ учрежденій, теорій противогосударственности и послѣдовательное отвращеніе ко всякому вмѣшательству государства и т. д. и т. д., стоятъ въ явномъ противорѣчіи къ принципамъ и методу установленнымъ съѣздомъ 1892 г. въ Генуѣ и затѣмъ развитымъ и дополненнымъ въ соотвѣтствіи съ историческимъ опытомъ, вынесеннымъ доселѣ пролетаріатомъ,—

„*съѣздъ объявляетъ* несовмѣстимыми съ принципами и методомъ соціалистической партіи ученіе и тактическіе пріемы революціоннаго синдикализма;

„*съѣздъ*, кромѣ того, *считаетъ*, что для достиженія въ политической области реформъ, которыя бы облегчили наступательное движеніе пролетаріата, закрѣпили его завоеванія или открыли путь къ новымъ, не можетъ быть пригодна чисто-отрицательная дѣятельность, постоянная оппозиція, каковая, по мнѣнію ея сторонниковъ, обостряетъ столкновеніе классовъ и обнаруживаетъ неисправимую безплодность всѣхъ учрежденій, созданныхъ буржуазіей; что такимъ образомъ совсѣмъ не является отклоненіемъ отъ принциповъ и тактики соціализма использованіе—не ограниченное безусловнымъ запрещеніемъ того или иного компромисса—организацій Государства, Городскихъ Совѣтовъ, Департамента Труда и т. д. съ тѣмъ, чтобы выполнить положительную работу, направленную къ достиженію все новыхъ, болѣе выгодныхъ позицій для роста пролетарскихъ силъ, какъ это и предусмотрено уставомъ Конфедераціи Труда;

„Ближайшими требованіями партіи *съѣздъ объявляетъ*:

1. Законы соціальнаго характера (кассы помощи матерямъ, рабочія пенсіи и т. д.), которые будутъ по мѣрѣ своевременности выставлены организованными рабочими, а также тѣ законы (о

промысловыхъ судахъ, судебномъ признаніи коллективныхъ договоровъ и т. д.), которые будетъ отстаивать—компетентная въ этихъ вопросахъ—Конфедерація Труда въ цѣляхъ укрѣпленія рабочаго класса противъ сопротивленія и нападенія капиталистовъ.

2. Болѣе широкое и дѣятельное умноженіе начальныхъ школъ и превращеніе ихъ во вполнѣ свѣтскія.

3. Отмѣну пошлинъ на хлѣбъ.

4. Энергичную кампанію противъ увеличенія военныхъ расходовъ, и это чтобы гарантировать средства для вышеуказанныхъ реформъ.

5. Наконецъ, дѣятельную пропаганду за всеобщее избирательное право со своими дополненіями—пропорціональнымъ представительствомъ и жалованіемъ депутатамъ—для того, чтобы этимъ увеличеніемъ пролетарскихъ избирательныхъ силъ стало возможнымъ оздоровить политическую жизнь юга, и доставить необходимыя силы для проведенія рѣшительныхъ реформъ.

„На почвѣ этихъ требованій должна вестись избирательная кампанія партіи. Подтверждается при этомъ автономія отдѣльныхъ секцій въ вопросахъ избирательной тактики, какъ это и было рѣшено на римскомъ съѣздѣ 1900 года".

Теперь слово за профессоромъ мессинскаго университета Сальвемини. Типъ остроумнаго, экспансивнаго, аттически изящнаго южанина. Съ большой легкостью онъ увлекается, говоря безъ плана „о всѣхъ предметахъ и еще объ очень многихъ", такъ что даже съѣздъ, въ виду поздняго часа, начинаетъ роптать и Пешетти приходится торжественно пробурчать: „дайте говорить одному изъ авторитнѣйшихъ историковъ Италіи". Сальвемини—риформистъ, но онъ вноситъ поправку къ резолюціи Кіеза и Ригола, требуя, чтобы первостепенное значеніе было придано кампаніи въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Какъ бы въ дополненіе сообщеніямъ де-Фалко онъ даетъ картину италіанскаго юга, особенно Апуліи. Эта область роскошнаго плодородія и эллинской живописности находится въ состояніи ужасающей нищеты и запущенности. Все богатство страны—въ винѣ и фруктахъ, но отсутствіе хорошо организованныхъ путей сообщенія и примитивность обработки препятствуютъ вывозу продуктовъ и отъ обилія запасовъ мѣстные производители голодаютъ и разоряются все больше. Отсутствіе правильнаго орошенія ставитъ населеніе въ полную зависимость отъ дождей, засуха этого года лишаетъ цѣлыя селенія хлѣба обрекаетъ ихъ на муки жажды. Промышленности нѣтъ, если и есть мѣстные капиталисты, то они боятся вкладывать свои деньги въ промышленныя предпріятія—можетъ быть, потому, что на всемъ югѣ еще слишкомъ памятно всеобщее разореніе мѣстной промышленности послѣ присоединенія страны къ сѣверной Италіи. Правительство же не принимаетъ никакихъ мѣръ для поднятія этой загубленной области. Дѣло въ

томъ, что населеніе рѣзко раздѣлено на собственниковъ и батраковъ. Апулійскій сельскій работникъ не живетъ въ деревнѣ, а въ городѣ. Онъ не нанимается по контракту, а ежедневно ищетъ себѣ работы въ качествѣ поденщика. Какъ и докеръ въ гавани, онъ большую часть года остается безъ заработка; то дождь, то засуха, то болѣзнь фруктовыхъ деревьевъ, то кризисъ отъ переполненія рынка. Противъ этой массы, политически безправной, такъ какъ она неграмотна, безпомощной въ своей нищетѣ, такъ какъ забастовки противъ мелкихъ, большею частью истощенныхъ предпринимателей, не даютъ результатовъ, стоятъ „каморры"— аферистовъ, съ помощью правительства сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ и депутатскія мѣста, и муниципальныя правленія, и всѣ сколько-нибудь доходныя мѣста. Понятія честности и общественнаго интереса совершенно отсутствуютъ въ политической жизни юга, гдѣ каждый стремится урвать частицу власти, чтобы хищнически ее использовать. „Вы удивляетесь, почему нѣтъ съ юга депутатовъ демократическихъ партій. Но было бы горемъ, если бы съ юга являлись демократы; они бы дискредитировали демократію; право же, для ея дискредитированія въ парламентѣ достаточно уже и нашихъ депутатовъ съ Сѣвера" (шутка всѣми принимается со смѣхомъ). Выходомъ для народа изъ создавшагося на югѣ положенія можетъ быть либо эмиграція, либо коренныя соціальныя реформы и техническія усовершенствованія. Но для проведенія ихъ нужно свергнуть каморристскую олигархію. Положеніе же ея незыблемо, пока избирательное право сосредоточено въ рукахъ небольшой группы На сѣверѣ депутата избираютъ восьмью тысячами голосовъ, на югѣ часто „народный представитель проходитъ съ восьмью стами голосовъ. Понятно, почему правительство, будь оно лѣвымъ или правымъ, неизмѣнно имѣетъ компактное большинство изъ южныхъ депутатовъ. Тамъ, гдѣ избирателей тысячи, невозможно подкупить большинство. Гдѣ же отъ одной сотни можетъ зависѣть побѣда, эту сотню всегда можно пріобрѣсть обѣщаніемъ служебныхъ мѣстъ, заказами, даровыми билетами. Это тѣ же условія, при которыхъ держалась англійская олигархія XVIII в.

Но сегодняшніе дебаты утомили съѣздъ. Нѣкоторыхъ ораторовъ почти не слушаютъ, одного драматически сгоняютъ съ трибуны. Но появленіе Турати заставляетъ всѣхъ воспрянуть. Миланскій депутатъ не можетъ скрыть большого своего торжества. Тѣ идеи, за которыя онъ внутри партіи столько лѣтъ боролся, теперь признаются всѣми. „Моргари хочетъ доказать, что мы, риформисты, совершили эволюцію. Если для его самолюбія это необходимо, пусть будетъ такъ. Спорить сегодня совсѣмъ не хочется". И онъ предлагаетъ, въ виду близкаго конца съѣзда, сократить пренія: пусть каждая фракція выставитъ одного или двухъ ораторовъ. На завтра послѣ ихъ состязанія можно будетъ

перейти прямо къ голосованію резолюцій. Съѣздъ съ удовольствіемъ принимаетъ предложеніе. На лѣстницѣ громкая овація опять привѣтствуетъ риформистскаго вождя и долго за нимъ слѣдуетъ благоговѣйно толпа почитателей. Моргари и его рѣдѣющій станъ сегодня угрюмо безмолствовали. Уже все кричитъ риформизму—этому самодовлѣющему, грузному царю Гамбринусу — „io triumphe"!

* * *

Вечеромъ происходятъ фракціонныя собранія, чтобы принять окончательныя рѣшенія для завтрашней рѣшительной битвы.

Бодро и стройно происходитъ собраніе риформистовъ. Ихъ резолюція носитъ заглавіе „резолюція о концентраціи соціалистическихъ силъ". Нѣкоторые, какъ Кабрини, понимаютъ подъ этимъ сосредоточеніе, т. е. объединеніе риформистовъ и интегралистовъ, которые вѣдь вмѣстѣ боролись противъ вредныхъ теченій,—другіе, какъ Канепа или Пиньатари, видятъ въ „концентраціи" только союзъ Конфедераціи Труда съ правымъ крыломъ партіи, настаиваютъ на „непримиримости" риформистовъ. Еще въ первый день съѣзда происходили переговоры между риформистами и интегралистами; затѣмъ многіе интегралисты (хотя и получившіе императивные мандаты отъ своихъ секцій) частнымъ образомъ увѣдомили, что будутъ голосовать за риформистскую резолюцію. Самъ Моргари, спрошенный Казалини (риф.), объявилъ, что по существу могъ бы согласиться съ формулой Ригола и Кіеза, но не хочетъ снять свои резолюціи, „дабы не подумали, будто интегрализмъ былъ только временной уловкой. Въ общемъ побѣда риформистовъ несомнѣнна. Кто же будетъ отъ нихъ говоритъ? „Турати, Турати"!—кричатъ со всѣхъ сторонъ. Онъ бы желалъ отказаться и подруга его жизни Анна Кулишова, покинувшая въ 80-хъ гг. Россію послѣ народовольческаго процесса, пробуетъ убѣдить собраніе, что „побѣда будетъ значительнѣе, ярче, если она будетъ достигнута идеями, а не личностью". Но большинство протестуетъ, говоря, что знаменосцемъ побѣднаго сраженія долженъ быть именно тотъ, который восемь лѣтъ тому назадъ первый поднялъ щитъ за идеи риформизма, и Турати сдается. Смотря на него въ этотъ часъ, невольно приходитъ мысль, что этотъ человѣкъ дѣйствительно былъ призванъ къ исторической роли. Какъ бы ни справедливы были многія нападки его противноковъ, недюжинная энергія, которую проявилъ этотъ основатель соціалъ-демократіи въ Италіи, несомнѣнная талантливость, рѣшительность, выдержанность многихъ его выступленій и дѣйственная логика той эволюціи, которую онъ прошелъ, заставляютъ принять, что онъ цѣлой головой стоитъ выше тѣхъ эклектиковъ и мелкихъ политиковъ, съ которыми онъ теперь имѣетъ дѣло. Для италіанской интеллигенціи, какъ и для русской, 80 ые годы были

эпохой тяжелаго перехода, „безвременья“ сѣрой безпомощности, эпохой, худшее проклятіе которой — тусклая расплывчатость, апатія воли и ума, оставшіяся у людей подъ ея гнетомъ начавшихъ жить. Поэтому все, что есть крупнаго среди италіанской „духовной аристократіи“, достигло совершеннолѣтія еще въ 70-хъ гг., когда живы были героическія стремленія мадзиніанства и „Интернаціонала“ или въ серединѣ 90 хъ, знаменующихъ поворотъ въ умственной жизни уже опредѣлившейся націи. Не только Андреа Коста близкій товарищъ Бакунина, но и другіе рельефные образы италіанскаго соціализма—Турати, Ферри, Прамполини—люди 70-хъ годовъ. Къ восьмидесятникамъ же относятся черный и безпомощный Моргари, вульгарный Pfaffenfresser, Гвидо, Подрекка, Квальино и другія „выдающіяся посредственности“ партіи. А уже къ молодежи 90-хъ годовъ, пріобщившей Италію къ новому европейскому искусству, къ новой наукѣ, выдвинувшей д' Аннунціо, Бенедетто, Кроче, Уго, Оіетти принадлежитъ и несомнѣнно геніальный Лабріола.

У интегралистовъ много народу, но какая-то общая растерянность. Джакомо Ферри и особенно очень лирическая Альтобелли указываютъ на преимущества объединенія съ рифористами. Альтобелли говоритъ, что сердце ея одинаково тянется къ товарищамъ по фракціи, и къ „тѣмъ, которые теперь засѣдаютъ въ нижнемъ этажѣ“ (т. е. рифористамъ) и аппеллируетъ къ сердечной добротѣ Моргари, чтобы онъ свою резолюцію снялъ. Моргари объявляетъ, что, если никто его не поддержитъ, онъ одинъ внесетъ свою резолюцію. Онъ начинаетъ ее читать и объяснять. Резолюція его—цѣлый трактатъ и онъ самъ ее впослѣдствіи назвалъ „километрической“. Всѣ впадаютъ въ уныніе, „что съ нимъ стало“, говорятъ, „онъ совсѣмъ опустился“. Уже два часа ночи, наконецъ, рѣшаются прервать Моргари и въ виду невозможности дальше обсуждать въ собраніи проектъ, даже самимъ авторомъ еще неуясненный, расходятся такъ, не имѣя еще резолюціи къ „рѣшительному собранію“. Избранная изъ пяти человѣкъ комиссія должна выработать ее къ утру. Комиссія немедленно собралась въ редакціи большой флорентинской газеты „Nuove Siornale“.

Когда комиссія оканчиваетъ свою работу, уже шесть часовъ утра.

Черезъ два часа уже открывается засѣданіе съѣзда. Очень смущенный синдикъ Корреджо, виновникъ вчерашняго инцидента, извиняется передъ собраніемъ, которое великодушно ему апплодируетъ. „Видишь, что получается, когда ведешь себя некорректно“ отечески замѣчаетъ ему Коста.

Затѣмъ читаются по очереди резолюціи трехъ фракцій. Довольно безцвѣтно защищаетъ положенія интегралистовъ Гариботти который старается доказать, что поведеніе Конфедераціи Труда'

по отношенію къ партіи слишкомъ надменно, и что нельзя ставить партіи такія условія, какія вчера излагалъ Ригола.

Защищать резолюцію „революціонеровъ" поднимается Энрико Дугони. Мантуанская федерація (или какъ она оффиціально называется Конфедерація), которую онъ представляетъ,—одна изъ самыхъ сильныхъ и благоустроенныхъ частей италіанской партіи. Прежде тамъ, какъ и вездѣ, политическія секціи существовали отдѣльно отъ професс. союзовъ. Успѣшныя сельскія забастовки 1901 и 1902 гг. усилили синдикаты и въ тоже время заставили всѣхъ дѣятельныхъ членовъ партіи принять близкое участіе въ экономической борьбѣ. Затѣмъ представители партіи съ совѣщательнымъ голосомъ стали допускаться на мѣстныя конференціи проф. союзовъ: представители союзовъ въ свою очередь приглашались на партійныя совѣщанія. Въ результатѣ, послѣ трехъ провинціальныхъ съѣздовъ, всѣ союзы, партійные „кружки" (circoli), а также коопераціи и кассы взаимопомощи объединились въ одну организацію. Нынѣ въ ней участвуютъ свыше 100 кооперативныхъ товариществъ, 850 союзовъ по преимуществу сельскихъ рабочихъ, мелкихъ арендаторскихъ и строительныхъ рабочихъ, и около 70 соціалистическихъ секцій; всего 25000 организованныхъ. Соціалисты имѣютъ свою ежедневную газету „Provincia di Mantova", редактируемую опытнымъ Дж. Баччи. Конфедерація владѣетъ цѣлымъ рядомъ „Домовъ соціалистовъ", представляющихъ имущество на 600 тысячъ лиръ. Ежегодный оборотъ мантуанскихъ коопераций—около *четырехъ* милліоновъ лиръ. Партія выкупаетъ постепенно акціи кооперативовъ, чтобы лавки и булочныя стали вполнѣ собственностью организаціи. Основанъ „Пролетарскій банкъ" съ капиталомъ въ 40 тысячъ и вкладами на 50 тысячъ. Экономическая борьба, особенно въ селахъ, обострила классовыя противорѣчія. На послѣднихъ выборахъ провинціальной администраціи всѣ партіи объединились противъ соціалистовъ (которые располагаютъ приблизительно 30% голосовъ) и замѣнили прежнее соціалистическое правленіе реакціоннымъ. Это объясняетъ, между прочимъ, и отстаиваніе „непримиримой" тактики всѣми мантуанскими делегатами. Самъ Энрико Дугони,—человѣкъ 35 лѣтъ, статный, съ большой черной бородой, превосходный ораторъ. Онъ воплощаетъ въ себѣ тотъ соціалъ-демократическій оптимизмъ, который характеризуетъ многія рѣчи Бебеля и послѣднія статьи Фридриха Энгельса. Движеніе общества кажется непрерывнымъ рядомъ успѣховъ соціалъ-демократіи, все идетъ ей на пользу, значитъ, къ лучшему, и, пожалуй, даже скорѣе, чѣмъ мы думаемъ, „зрѣлый плодъ" упадетъ намъ въ руки. Поэтому одинаково предосудительны и недовѣріе въ наши силы со стороны оппортунистовъ, которые какими-то лукавыми обходами хотятъ достигнуть хоть частицу цѣли, и трагическія „нетерпѣливыя" возмущенія противъ „естественнаго хода вещей" со стороны раз-

ныхъ проповѣдниковъ прямого дѣйствія. На съѣздѣ Конфедераціи Труда, въ Моденѣ, Дугони удалось отстоять свою резолюцію, рекомендующую сотрудничество только съ соціалистами, противъ Ригола и Кіеза. Теперь онъ отстаиваетъ ту же точку зрѣнія. Особенно онъ настаиваетъ на опасностяхъ „корпоративизма" по англійскому образцу и говоритъ, что для него непонятно, какъ соціалисты могутъ ограничивать право стачекъ для рабочихъ въ государственныхъ предпріятіяхъ.

Для личнаго замѣчанія проситъ слова неаполитанскій профессоръ Антоніо Граціади. Ему приписываютъ изобрѣтеніе особаго *риформистнаго* синдикализма. Во избѣжаніе недоразумѣній, онъ поясняетъ сущность этой теоріи. По его мнѣнію, никакая партія, даже соціалистическая, не можетъ вести классовой политики. Вѣдь партіи занимаются вопросами внѣшней политики, религіи, культуры и т. д., а все это не классовые, а общенародные интересы. Настоящую же классовую политику нужно искать, напр., въ домогательствахъ промышленныхъ трестовъ или аграріевъ, въ экономическихъ требованіяхъ союза учителей,—словомъ тамъ, гдѣ „непосредственныя нужды" даннаго общественнаго слоя формулируются, какъ желательный законъ или правительственная мѣра. Само собою разумѣется, что это такіе интересы, которые могутъ быть удовлетворены на почвѣ существующаго соціальнаго и государственнаго строя. Въ преслѣдованіи вотъ этихъ цѣлей и должна состоять „классовая политика" профессіональныхъ союзовъ и всѣ партіи, которыя „не будутъ препятствовать" достиженію этихъ цѣлей, признаются союзниками Конфедераціи Труда. Не мѣшаетъ замѣтить, что проф. Антоніо Граціади, не такъ давно похваленный въ „Neue Zeit" самимъ Каутскимъ за свои марксистскія воззрѣнія, на дняхъ въ „Avanti" объявилъ, что марксизмъ есть пережитокъ, отъ котораго должна отдѣлаться соціалистическая партія.

Слово за Турати. Какъ бы растроганный единодушными одобреніями товарищей, онъ опять говоритъ о своемъ нежеланіи выступать теперь, когда споръ уже рѣшился. Соціализмъ въ Италіи, какъ и вездѣ, долженъ былъ начать свою агитацію подъ флагомъ революціонности,—иначе онъ не завоевалъ бы себѣ прочной основы. И тутъ Турати поразительно напоминаетъ покойнаго нѣмецкаго профессора Георга Адлера, извѣстнаго реакціонера и фальсификатора исторіи соціализма, который неоднократно доказывалъ, что въ сороковыхъ годахъ революціонность соціализма была необходима, ибо только яркія идеи пробиваютъ себѣ путь, но потомъ революціонность стала зломъ, потому что „мы вступили въ новый періодъ" плодотворной соціальной реформы подъ эгидою Вильгельма II. Возвращаясь къ Турати, нужно принять, что миланскій депутатъ очень мѣтко доказываетъ приближеніе всей италіанской партіи къ политикѣ повседневныхъ соглашеній съ

монархическими партіями, къ отрицанію классовой непримиримости. Интегрализмъ Моргари, можетъ быть, очень уменъ но вѣдь, „имѣя въ груди двѣ души“, можно фаустовски оцѣнивать міръ и исторію, но отнюдь не участвовать въ практической политикѣ. Да и на самомъ дѣлѣ, въ резолюціи интегралистовъ гораздо больше риформизма, чѣмъ у самихъ риформистовъ.

Настоящій „интегрализмъ“, т. е. интеграція, сліяніе всѣхъ теченій соціализма, достигается не нагроможденіемъ разнородныхъ идей, какъ это производили Бенуа Малонъ, а вслѣдъ за нимъ Моргари, а тѣснымъ сближеніемъ рабочаго движенія, т. е. Конфедераціи Труда съ партіей. А вожди Конфедераціи ясно объявили, что сближеніе можетъ произойти лишь на почвѣ риформизма. Споръ объ участіи въ правительствѣ теперь не можетъ насъ раздѣлить, потому что въ ближайшемъ будущемъ такого участія не предвидится. Намекая на предлагавшіеся ему (въ министерствахъ 1903—1905 гг.) портфели, Турати при общемъ смѣхѣ замѣчаетъ: „И я бы теперь могъ ѣздить въ автомобили, но уже не стоитъ объ этомъ говорить. Спорить съ „революціонерами“ теперь нѣтъ смысла, потому что революціоннаго направленія — да не обидятся Дугони, Лонгобарди, Лаццари — фактически въ партіи теперь нѣтъ. Что же касается фразы о вырожденіи вслѣдствіе нашего оппортунизма, то слѣдуетъ помнить французскую поговорку: tout est sain aux sains и если мы внутренно будемъ крѣпки и дѣятельны, то никакіе „рискованные союзы“ не будутъ намъ опасны. Съѣздъ,—говоритъ Турати,—прошелъ немного сѣро, но зато въ результатѣ онъ дастъ намъ осязательную пользу“.

Противъ риформистскаго вождя выступаетъ миланскій рабочій Ратти; его рѣчь—горячая, убѣжденная. Онъ указываетъ, что партія, незамѣтно для себя, дошла до состоянія, которое можетъ уничтожить смыслъ ея существованія.

Тутъ Коста, великій примиритель, сообщаетъ съѣзду, что „у многихъ является мысль“—слить воедино резолюціи риформистовъ и интегралистовъ, и чтобы соотвѣтствующіе главные штабы могли столковаться, засѣданіе на два часа прерывается.

Однако, послѣ перерыва предсѣдатель сообщаетъ, что „къ сожалѣнію, соглашеніе не удалось.“ На трибунѣ уже стоитъ Моргари, приводя въ порядокъ цѣлую кипу записочекъ; онъ собирается защищать свою резолюцію, нѣтъ, всю теорію интегрализма. „Зачѣмъ тебѣ еще говорить? Ты уже столько писалъ!“—кричитъ ему кто-то. И Моргари самъ не увѣренъ въ томъ, говорить ли или окончательно махнуть рукой. Долго безсвязно нанизываетъ онъ свои разсужденія. Во всѣхъ теченіяхъ, даже въ синдикализмѣ есть крупицы истины. Интегрализмъ хочетъ подобрать эти крупицы и отбросить шелуху ошибочныхъ воззрѣній, составляющихъ „крайности“ каждой фракціи. Надо не забывать конечной цѣли. Но надо не обманываться на счетъ малой еще развитости ра-

бочихъ организацій. Интегралистъ не виноватъ въ поддержкѣ пармской забастовки, самъ Биссолати предлагалъ выразить сочувствіе забастовщикамъ. Говорятъ тутъ о югѣ и сѣверѣ, но вѣдь между югомъ и сѣверомъ лежитъ средняя Италія, Аббруцы и Мархіи, тамъ же, между прочимъ, совсѣмъ еще нѣтъ организаціи. Въ залѣ—нескрываемая скука; многимъ не терпится, другіе готовы спросить, „до что намъ гекуба". Очень благородно Моргари объявляетъ, что онъ давно хотѣлъ публично высказать свое уваженіе къ Энрико Леоне; редактируемая Леоне газета „Azione" получила черезъ нѣкоего Скарано деньги изъ рептильнаго фонда; это онъ, Моргари, доказалъ, сильно пошатнувъ престижъ синдикалистовъ. Но что Энрико Леоне—„неисправимый идеалистъ, у котораго хитрости и опыта ровно, сколько у двѣнадцатилѣтняго ребенка", въ этомъ дѣлѣ совершенно чистъ,—это онъ хочетъ торжественно подтвердить. Потомъ дальше снова идутъ варіаціи на тему „единожды одинъ есть одинъ". Пауза. Моргари что-то ищетъ въ своихъ запискахъ. Къ нему приближается Монджини, замѣчая, что уже поздно и прося поторопиться. Точно онъ только этого и ждалъ, Моргари, очень разсерженный, демонстративно покидаетъ каѳедру. Поднимается неописуемое волненіе. Всѣ видятъ, что Моргари безнадежно теряетъ почву подъ ногами, но всѣмъ жалко честнаго, не по своей винѣ падающаго, заслуженнаго работника и хотятъ по меньшей мѣрѣ выслушать его. „Говори! говори!"—кричатъ со всѣхъ сторонъ... Стукъ, всеобщее движеніе, рѣзкій обмѣнъ словъ. Взявши его подъ руки, Турати и Прамполини возводятъ бѣднаго, вспотѣвшаго паладина интегрализма на трибуну. Но онъ объявляетъ, что ученіе, уже развитое имъ во многихъ статьяхъ „Avanti", требуетъ слишкомъ длинныхъ разъясненій, и онъ безъ горечи отказывается отъ нихъ, чтобы сейчасъ можно было перейти къ голосованію. Тогда происходитъ coup de théatre. Модильяни объявляетъ, что соглашеніе между интегралистами и риформистами все-таки состоялось. Моргари былъ покинутъ всѣми товарищами: „онъ остался одинокимъ, какъ Саладинъ"—замѣчаетъ кто-то изъ журналистовъ. Бусси, Альтобелли и др. подписали резолюцію, принятую также и риформистами, условились, что въ будущее Правленіе войдутъ и они и, чтобы смягчить нѣсколько свою вину передъ Моргари, настояли, чтобы ему было дано мѣсто секретаря партіи (не избираемаго на съѣздѣ). Коалиціонная резолюція была составлена исключительно при помощи ножницъ. Далѣе мы кавычками обозначаемъ мѣста изъ интегралистской резолюціи, принятыя риформистами, такъ какъ они только дополняли собственныя ихъ положенія:

„Съѣздъ съ удовольствіемъ констатируетъ, что благодаря „дѣятельности интегралистской своей части, партія преодо„лѣла грустную полосу глубокихъ разногласій, возстано„вивши вмѣстѣ со смягченіемъ крайнихъ направленій, боль-

„шую дружественность въ отношеніяхъ между товарищами.

„И признавая необходимымъ, чтобы направленіе соціалистической партіи,—которая есть классовая партія,—совпадало съ направленіемъ рабочихъ синдикатовъ, напоминаетъ, что раб. синдик. недавно на своемъ съѣздѣ въ Моденѣ отвергли ученіе и пріемы борьбы, которыми дѣйствіе пролетаріата все болѣе сводится къ постояннымъ безплоднымъ попыткамъ бунтарской всеобщей забастовки, тогда какъ дѣйствіе это въ нормальное время (т. е. за исключеніемъ тѣхъ, дѣйствительно революціонныхъ періодовъ, которые могутъ случиться въ исторіи народа) должно заключаться въ постоянномъ взращиваніи рабочихъ организацій, параллельно съ постепеннымъ завоеваніемъ политической власти.

„Напоминаетъ далѣе, что принципы и методъ революц. синдикализма — дискредитированіе парламентской борьбы и вообще завоеванія государственныхъ учрежденій, теорія противогосударственности и послѣдовательное отвращеніе ко всякому государственному вмѣшательству и т. д. и т. д.—стоятъ въ явномъ противорѣчіи къ принципамъ и методу, установленнымъ съѣздомъ 1892 г. въ Генуѣ и затѣмъ развитыми и дополненными въ соотвѣтствіи съ историческимъ опытомъ, доселѣ вынесеннымъ пролетаріатомъ.

„Объявляетъ несовмѣстимыми съ принципами и методомъ соціалистической партіи ученіе и тактическіе пріемы revол. синдикализма.

„Съѣздъ, подтверждая рѣшеніе междунар. с. въ Штуттгартѣ, которое постановило, что дѣятельность партіи должна „осуществляться по преимуществу въ области политической „борьбы, а дѣятельность проф. союзовъ—прежде всего въ „области борьбы экономической и объявляло, что проф. „союзы не выполнятъ въ достаточной степени своей обязанности въ борьбѣ за освобожденіе трудящихся, если ихъ „дѣйствія не будутъ проникнуты вполнѣ соціалистическимъ „духомъ;

„утверждаетъ, что ихъ соц. п. должна поддерживать „самыя тѣсныя оношенія съ Конф. Тр., которой надлежитъ „дисциплинировать рабочее движеніе и призывать къ забастовкамъ или къ солидарной поддержкѣ ихъ, и высказываетъ пожеланіе, чтобы установились органы для постояннаго согласованія представительствъ партіи съ таковыми „же проф. союзовъ, также и относительно избирательной, „парламентской, муниципальной работы и для выбора кандидатуръ вездѣ, гдѣ это возможно безъ ущерба для „пролетарскаго единства;

„признаетъ во всеобщей забастовкѣ орудіе, опасное въ „данный историческій моментъ по вреднымъ непосредствен-

„нымъ послѣдствіямъ и потому, что она отрываетъ пролетаріатъ отъ терпѣливой организ. работы, отъ постепеннаго „подъема къ новымъ завоеваніямъ;

„утверждаетъ, что всеобщая забастовка можетъ быть „дѣйствительной, какъ крайнее средство пролетаріата, если „она будетъ согласована съ дѣйствіями соціалистовъ въ „государственныхъ учрежденіяхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда „наступательному движенію пролетаріата будутъ серьезно „угрожать сопротивленіе или нападеніе со стороны реакціи, „а демонстративная забастовка, ограниченная одной мѣстностью или одной отраслью труда, можетъ быть съ успѣхомъ испытана въ случаяхъ исключительной серьезности „для защиты рабочихъ интересовъ цѣлой мѣстности или „цѣлой профессіи;

„принимая во вниманіе, что забастовка въ предпріятіяхъ „государственныхъ или муниципальныхъ представляетъ „собою не борьбу пролетаріата противъ капиталистическаго „предпріятія, а столкновеніе одной части общественнаго „механизма съ его цѣлымъ, вслѣдствіе чего успѣхъ такой „забастовки очень труденъ;

„признаетъ по этой причинѣ необходимымъ совѣтовать „служащимъ въ общественныхъ предпріятіяхъ не начинать „забастовокъ безъ крайней надобности, или когда всякое „другое средство недѣйствительно;

„принимая затѣмъ во вниманіе, что при нынѣшнихъ „общественныхъ условіяхъ трудящіеся въ общественныхъ „предпріятіяхъ не имѣютъ другого рѣшительнаго средства, „гарантирующаго защиту ихъ правъ, и что въ рѣшающіе „моменты исторіи остановка государств. службъ является „однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ орудій, какими можетъ воспользоваться пролетаріатъ для дезорганизаціи „правительственной защиты;

„признаетъ опасной всякую мѣру, клонящуюся къ введенію въ законодательство принципіальнаго воспрещенія „свободы стачекъ и считаетъ поэтому необходимымъ противодѣйствовать всякой попыткѣ въ этомъ направленіи.

„Съѣздъ, кромѣ того, считаетъ, что для достиженія реформъ, которыя бы облегчили наступательное движеніе пролетаріата, закрѣпили его завоеванія или открыли путь къ новымъ, не можетъ быть пригодной чисто отрицательная дѣятельность, — постоянная оппозиція, каковая, по мнѣнію ея сторонниковъ, обостряетъ столкновеніе классовъ и обнаруживаетъ неисправимую безплодность всѣхъ учрежденій, созданныхъ буржуазіей; что, такимъ образомъ, совсѣмъ не является отклоненіемъ отъ принциповъ и тактики соціализма использованіе—не ограничанное безусловнымъ запрещеніемъ того или иного компромисса—организацій государ-

ства, городскихъ совѣтовъ, департамента труда и т. д. съ тѣмъ, чтобы выполнить положительную работу, направленную къ достиженію все новыхъ болѣе выгодныхъ позицій для роста пролетарскихъ силъ, какъ это и предусмотрено уставомъ Конф. Труда.

„Однако, избирательная и парламентская дѣятельность, „не имѣющая цѣлью участіе въ правительствѣ, должна „отличаться отъ таковой же буржуазныхъ реформаторовъ „(даже состоя съ ними временно въ союзѣ) тѣмъ, что под„черкиваются особенности конечной цѣли и тактическаго „метода, дабы поддерживать въ трудящихся сознаніе неиз„бѣжности классовыхъ антагонизмовъ, пока существуетъ „привилегія капиталистической собственности;

„что, кромѣ того, слѣдуетъ пополнять парламентскую „фракцію прямыми представителями рабочихъ организацій".

Далѣе потверждается избирательная платформа, какъ ее формулировали интегралисты. Многіе съѣздовцы удивлены происшедшимъ за кулиссами соглашеніемъ. Честный человѣкъ Бергамаски выражаетъ свое удивленіе, говоря, что утромъ онъ видѣлъ подпись Альтобелли подъ одной резолюціей, теперь же ее читаютъ подъ совсѣмъ другой—онъ будетъ голосовать за Моргари, такъ какъ партіи угрожаетъ не только опасность слѣва (отъ синдикалистовъ), но и опасность справа, въ видѣ порабощенія риформистской партіи, „массонской каморрѣ". Большинство съѣзда трепещетъ отъ негодованія при этихъ словахъ и Альтобелли возбужденными фразами старается оправдать свой переходъ. Наконецъ, начинается поименное голосованіе, часто прерываемое возгласами, громкими комментаріями, шумными проявленіями общаго мнѣнія о томъ или другомъ изъ голосующихъ.

Голосовавшихъ всего было 29.707 (изъ 42 тысячъ членовъ партіи). „Революціонная" фракція собрала 5927 голосовъ, за резолюцію Моргари подали 5384 голоса, воздержались три синдикалиста со 144 гол. Резолюція „соглашенія", т. е. риформистская, прошла съ 18.252 голосами.

Интегрализмъ похороненъ. Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan...

Чтобы наскоро окончить остающіяся еще дѣла съѣзда, снова собираются въ половинѣ десятаго вечера. Коста, которому собственно опасно выходить въ такой поздній часъ послѣ тяжелой болѣзни, объявляетъ, что онъ готовъ вести собраніе хоть до утра, но умоляетъ товарищей серьезнѣе и сжатѣе обсуждать послѣдніе пункты порядка дня, чтобы делегаты могли съ ночными поѣздами разъѣхаться. „Русское" предложеніе Бергамаска принимается съ восторгомъ.

Бусси вноситъ свою резолюцію объ антиклерикализмѣ, рекомендующую чисто-массонскую борьбу съ католической церковью

на почвѣ преслѣдованій конгрегацій и огосударствленія школъ. Резолюція дружно принимается.

Безъ особаго вниманія одобряется рѣшеніе, согласно которому правленіе партіи будетъ состоять изъ 12 членовъ, избранныхъ съѣздомъ, политическаго секретаря, кооптируемаго правленіемъ „Avanti“ и представителя парламентской фракціи. Характерно, что опредѣленіе личнаго состава избираемаго правленія всѣ считаютъ дѣломъ „побѣдителей“, т. е. фактически той небольшой группы, которая выработала принятую резолюцію. Имена, предложенныя этой группой, быстро читаются и утверждаются простымъ поднятіемъ рукъ. Изъ прежняго правленія вновь оказываются избранными Бусси, Альтобелли, Базиле; изъ видныхъ риформистовъ въ него попадаютъ Модильяни Квальино, Ренна, Канена и др. Нужно еще избрать редактора „Avanti“. Со всѣхъ сторонъ кричатъ „Биссолати! Биссолати!“ Онъ утверждается par acclamation. Находится онъ гдѣ-то около Рима и, говорятъ, что редакторства не приметъ; въ такомъ случаѣ, вѣроятно, новое правленіе предложитъ миланскому риформисту Тревесъ, теперь редактору „Tempo“, взять въ свои руки центральный органъ.

Однако, „побѣжденные“ сторонники Моргари и крайніе лѣвые стараются въ чемъ-нибудь навязать свою волю правленію. Несмотря на осторожные протесты Турати, съѣздъ рѣшаетъ, что автономныя группы риформистовъ должны слиться съ революціонными секціями данныхъ мѣстностей, такой же попыткой является предложеніе резолюціи объ антимилитаризмѣ. Судя по настроенію собранія, большинству очень хочется принять эту резолюцію, тѣмъ болѣе, что друзья и противники стыдятъ партію за то, что у нея до сихъ поръ нѣтъ директивы по столь важному вопросу. Но риформисты указываютъ на сложность вопроса и Баччи, не желая подчиниться риску слишкомъ поспѣшнаго, случайнаго обсужденія, снимаетъ свою резолюцію. Съ явнымъ недовольствомъ собраніе соглашается отложить этотъ пунктъ на слѣдующій съѣздъ.

Анджоло Кабрини долженъ бы докладывать объ „эмиграціи и иммиграціи“. Бывшій преподаватель средне-учебнаго заведенія, теперь онъ занимаетъ очень хорошее мѣсто въ миланскомъ обществѣ „Umanitaria“ (которое занимается изслѣдованіями по соціальному вопросу, анкетами, справками, полезными для рабочихъ, эмигрантовъ, и т. д., употребляя на это большой капиталъ, оставленный проф. Лоріа). Его симпатичная внѣшность, изящество и литературность, очень солидныя знанія по соціальнымъ вопросамъ заставляютъ его высоко цѣнить и въ парламентской фракціи, и въ Конфедераціи Труда, и во многихъ комиссіяхъ, куда его постоянно приглашаютъ. Самоувѣренность, культъ дѣловидности и порядочности, пристрастіе къ нѣмецкому „государственному соціализму“ приближаютъ его къ тому слою соціалъ-реформаторовъ, которые стали необходимы въ современномъ государствѣ. Кабрини

несомнѣнно—блестящій представитель той „молодой активной италіанское буржуазіи“, о которой онъ часто говоритъ съ восхищеніомъ. Отъ подобнаго доклада онъ тоже отказывается и проситъ, чтобы съѣздъ поручилъ правленію образовать особую комисеію съ приглашеніемъ свѣдущихъ лицъ изъ сосѣдней Швейцаріи для разработки очень важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ эмиграціей рабочихъ, а также для подготовки къ съѣзду „италіанцевъ, живущихъ заграницей“, назначенному на октябрь въ Римѣ.

Такъ оказываются исчерпанными всѣ вопросы, стоявшіе передъ 10-мъ съѣздомъ италіанской соц. партіи.

Послѣ короткой заключительной рѣчи предсѣдателя и дружнаго „ура“ соціализму въ десять минутъ перваго часа ночи съѣздовцы весело расходятся. Трогательно видѣть, какъ на эстрадѣ молодые и старые обнимаютъ Коста и сердечно прощаются съ пожеланіемъ увидѣть его опять предсѣдателемъ на слѣдующемъ съѣздѣ, который состоится черезъ два года.

* * *

Въ старыхъ повѣстяхъ принято было передъ концомъ коротко сообщать о томъ, что случилось съ героями послѣ изображенныхъ событій.

Одино Моргари, вернувшись въ Римъ, въ двухъ длинныхъ статьяхъ старался доказать, что на съѣздѣ побѣдилъ не риформизмъ, а интегрализмъ „съ 23 тысячами голосовъ“. Отъ мѣста политическаго секретаря, которое друзья ему выговорили въ видѣ fiche de consolation, онъ рѣшительно отказался. Тогда правленіе назначило риформиста Помпео Чотти, флорентинскаго организатора, очень дѣятельнаго и въ Конфедераціи Труда, и въ тосканской политической организаціи; онъ игралъ большую роль въ послѣднихъ соглашеніяхъ между соціалистами и демократами на муниципальныхъ выборахъ и, вѣроятно, на этомъ основаніи миланская „либеральная“ газета „Protesta Umana“ разсказывала (вполнѣ серьезно), что въ флорентинскомъ Боттегоне производится продажа избирательныхъ округовъ, оптомъ и розницей, приблизительно по 20 тысячъ лиръ штука съ 40% комиссіонныхъ.

Конфедерація Труда, повидимому, дѣятельно работаетъ. Какъ разъ на-дняхъ начались засѣданія ея Совѣта въ Туринѣ и обсуждается эмигрантскій вопросъ съ участіемъ лицъ, предложенныхъ Кабрини.

Леонида Биссолати, поморщившись немного, „какъ пьяница предъ чаркою вина“, согласился принять редакторство „Avanti“ и въ манифестѣ „къ соціалистамъ Италіи“ объявилъ, что постарается спасти газету.

Очень интересный обмѣнъ любезностями произошелъ послѣ съѣзда между соціалистическими и буржуазными газетами. Кон-

сервативный „Jiornale d'Italia“, очень похваливъ партію за эволюцію вправо, подробно доказывалъ, что просвѣщенная буржуазія должна безъ нетерпимости относиться къ соціалистической партіи, которая выполняетъ необходимую функцію въ современной демократіи и что съ разумными людьми, ставшими теперь во главѣ движенія, возможны будутъ взаимныя уступки и сближеніе. Очень польщенный этимъ, профессоръ Франческо Чикотти, симпатичный, добродушный эклектикъ соціализма, отвѣчалъ со страницъ „Avanti“, что давно бы такъ, что, пожалуй, газета реакціонеровъ немного преувеличиваетъ измѣненія, происшедшія въ тактикѣ рабочей партіи, но что отрадно самое стремленіе къ спокойному, „cortese“ взаимному пониманію и даже по этому поводу считаетъ неумѣстнымъ больше вспоминать о 1898 году (когда редакторъ „Jiornale d'Italia“ былъ министромъ и по его приказанію разстрѣливались и посылались на каторгу нынѣшніе сотрудники „Avanti“).

Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней Чикотти долженъ былъ выйти изъ редакціи „Avanti“ и уже со страницъ буржуазнаго „Corriere della Sera“ горько жаловался на отклоненіе партійныхъ руководителей отъ основныхъ принциповъ марксизма.

По поводу марксизма и произошла полемика между миланской реформистской газетой „Tempo“ и упомянутымъ „Corriere della Sera“. Клаудіо Тревесъ пытался доказать, что истинный марксизмъ отрицаетъ крутые перевороты („катастрофы“) въ экономической жизни, а революціоненъ только въ области политики и то до тѣхъ поръ, пока не завоевана демократія право собраній, союзовъ и т. п. для рабочихъ. Такимъ образомъ въ нынѣшной Италіи, гдѣ у насъ, слава Богу, есть всѣ свободы, истинный марксистъ долженъ быть риформистомъ, а наступленіе коллективизма ожидать отъ постепенной эволюціи промышленности. Очень талантливый редакторъ „Corriere della Sera“ добросовѣстно выяснилъ, что теорія Маркса, констатирующая растущій контрастъ между монополизированными средствами труда (условіями производства) и обобществленнымъ наемнымъ трудомъ (производительными силами), неизбѣжно признаетъ революціонную развязку въ экономическомъ развитіи, и уже отраженіемъ этой экономической катастрофы является политическая революція и все вообще классовое „непримиримое“ движеніе. Такимъ образомъ, говоритъ редакторъ умѣреннаго органа, соціалисты, признающіе теперь и постепенное улучшеніе положенія рабочихъ въ капиталистическомъ обществѣ, и способность капитализма безъ прыжковъ перейти въ болѣе „совершенную“, устойчивую форму,—эти соціалисты отказываются отъ марксизма и мы („Corr. della Sera“) должны этому радоваться. И не нужно только торопиться. Сейчасъ полный отказъ отъ „утопическихъ пережитковъ“ былъ бы самоубійствомъ для Турати, Тревеса и другихъ вождей, которые должны считаться съ предразсудками массы,

Можетъ быть, небезынтересно привести оцѣнку еще одного

реакціоннаго скептика, пишущаго подъ псевдонимомъ „Бержере“ въ туринской „la Stampa“.—Революціонный по заглавію „Avanti“, говоритъ онъ,—всегда былъ самымъ буржуазнымъ по духу органомъ. Мы хотѣли изъ него узнать мораль двадцать пятаго вѣка, а люди будущаго торжественно намъ повторяли изъ древнихъ скрижалей: не божись всуе, не воруй, не прелюбодѣйствуй... Но, помилуйте, все это гораздо лучше изложено на классическомъ языкѣ Боссюэ, и для чего это намъ вновь преподносится въ прозѣ людей сознательныхъ—да, но болѣе невѣжественныхъ всякаго семинариста. Ибо даже всякому семинаристу должно быть понятно, что для общественной революціи необходима и революція нравственности. Защищать же дѣйствующій моральный кодексъ можно предоставить консерваторамъ. Для обличенія семейныхъ пороковъ какого-нибудь князя или служебныхъ проступковъ коллежскаго совѣтника есть духовенство, судебныя власти, полиція. за это оплачиваемыя.

Вскорѣ за тѣмъ произошла кража драгоцѣнныхъ вещей въ церкви св. Бригиды въ Неаполѣ. Захваченный при этомъ Уго дель-Джудиче оказался членомъ мѣстной анархистской группы и спокойно объяснилъ, что онъ считалъ своимъ правомъ утолить свой голодъ за счетъ драгоцѣнностей, никому не приносящихъ пользы. Весь Неаполь пришелъ въ ужасъ; въ церкви нѣсколько дней подрядъ совершали искупительныя службы, вся италіанская печать съ возмущеніемъ говорила о кощунственномъ преступленіи. Только неаполитанская „Propaganda“ въ очень остроумной статьѣ защищала вора, зло смѣясь надъ ветхой моралью и напоминая объ отважномъ разбойникѣ Ванни Фуччи, который „передъ лицомъ Бога кралъ съ богохульствомъ на устахъ и смѣхомъ на лицѣ“, какъ поется въ старой балладѣ.

Но неаполитанская соціалист. группа, которая издаетъ „Пропаганду“, послѣ съѣзда во Флоренціи вышла изъ партіи, объявившись автономной и по программѣ синдикалистской, хотя въ Неаполѣ, какъ говоритъ одинъ же изъ ея членовъ, „нѣтъ сознательныхъ пролетарскихъ силъ, а до сихъ поръ партійную массу составляли деклассированные, мелкіе мѣщане и адвокаты-карьеристы“.

Близко стоящій къ этой группѣ Артуро Лабріола о съѣздѣ высказался слѣдующимъ образомъ:

„Съѣздъ во Флореціи похоронилъ послѣднія иллюзіи, какія могли быть насчетъ италіанской соціалистической партіи. Страшно то, что изъ всѣхъ ея идеаловъ остается въ живыхъ только еще одинъ антиклерикализмъ. Сквозь него виденъ глазъ Великаго Зодчаго и три массонскихъ точекъ. Новое, гласное массонство, можетъ быть, хуже тайнаго... Со святыми упокой!

Будемъ ждать новаго подъема идеаловъ.

Придетъ ли онъ отъ синдикализма? Кто можетъ сказать.

Есть моменты, когда всякое сопротивленіе тщетно. Не думаю, что можно было бы остановить теперь наступленіе риформизма. Слишкомъ много силъ его толкаютъ впередъ: капиталистическіе интересы, консервативный протекціонизмъ многихъ рабочихъ, вражда сѣверныхъ провинцій къ югу, отсутствіе настоящей революціонной традиціи, самыя ошибки синдикалистовъ.

Но чѣмъ полнѣе будетъ торжество риформистовъ, тѣмъ скорѣе оно пройдетъ.

Едва ли этотъ пессимизмъ виднаго публициста могъ быть измѣненъ послѣдней трехдневной всеобщей забастовкой въ Неаполѣ, которая при всей внушительности своей 30 тысячной солидарной массы окончилась очень скромнымъ результатовъ—обѣщаніемъ работы металлургомъ, выброшеннымъ фирмой Міани и Сильвестри.

Дѣло въ томъ, что среди синдикалистовъ—разногласія. Чистые „сореліанцы", какъ Пазелла и де-Амбрисъ, руководители пармской забастовки, не хотятъ знаться съ „политиками" вродѣ неаполитанскихъ синдикалистовъ. По этой причинѣ пришлось отложить на декабрь синдикалисткій съѣздъ, который недавно хотѣлъ собраться въ Генуѣ. Къ ближайшимъ парламентскимъ выборамъ синдикалисты хотятъ вездѣ „въ знакъ протеста" выставить кандидатуры политическихъ заключенныхъ или ссыльныхъ. Во всякомъ слѣчаѣ они призываютъ голосовать противъ соціалистическаго депутата, хотя бы и за консерватора. Нельзя сказать, чтобы это былъ образъ дѣйствія, укрѣпляющій рабочее единство и освобождающій синдикаты отъ политиканства.

А въ это время соціалистическая партія уже нашла поле дѣятельности, на которомъ она можетъ выступать въ тѣсномъ единеніи съ радикалами, демократами, республиканцами. Въ Миланѣ, гдѣ уже произошло сближеніе автономныхъ группъ съ „лѣвой" секціей, соціалисты и массоны устроили рядъ протестовъ противъ преподаванія закона Божьяго въ школахъ, введеннаго „умѣреннымъ" городскимъ управленіемъ. А по всей Италіи теперь лѣвыя партіи поднимаютъ агитацію противъ иностранной политики Титтони, помогшей Австріи нарушить „права народностей" противъ Сербіи и „демократической" Турціи и ничего для Италіи не урвавшей. Со страницъ „Avanti" и на митингахъ требуютъ отставки министра Титтони и это можетъ быть началамъ новаго завоеванія власти „лѣвыми".

І. Каффи.

БЕЗМЯТЕЖНОЕ ЖИТЬЕ.

(Очерки русской жизни).

(Грустный мартирологъ.—Цвѣты жизни.—Нахлынувшая волна.—Педагоги и родители.—Педагогическія прятки.—Распоясались.—Плоды педагогическихъ распоясываній.—Старая травля со свѣжими силами.—Исторія Бѣлавина, Парфенова и Савельевой.—Соображенія о всеобщемъ обученіи.—Тѣ цвѣточки, изъ которыхъ вызрѣваютъ подобныя ягодки.—Общая картина педагогической провинціи.—Заключеніе).

„26-го октября текущаго 1908 года въ городѣ Оренбургѣ выстрѣломъ изъ ружья картечью покончилъ съ собой ученикъ шестого класса мѣстной гимназіи Бѣлавинъ".

„28-го октября въ таганрогской женской гимназіи на урокѣ закона Божія отравилась ученица 5-го класса *Савельева*".

„На-дняхъ (въ первыхъ числахъ ноября) въ Харьковѣ выстрѣломъ изъ револьвера покончилъ самоубійствомъ воспитанникъ перваго харьковскаго реальнаго училища *Сергѣй Парфеновъ*".

„На-дняхъ въ Кіевѣ застрѣлился сынъ коменданта мѣстной крѣпости, 18-лѣтній гимназистъ *Владиміръ Медеръ*".

„На-дняхъ въ Полтавѣ покончила самоубійствомъ гимназистка *Вольковичъ*".

„На-дняхъ въ Одессѣ покушался на самоубійство гимназистъ 4-го класса *Михаилъ Вайсманъ*".

На-дняхъ... Но не довольно ли? Предо мной лежитъ еще цѣлая грудка сѣрыхъ газетныхъ вырѣзокъ, но отодвигаю ихъ въ сторону, потому что блѣдныя буквы на сѣрой бумагѣ начинаютъ окрашиваться пурпурной кровью. Тяжело и страшно!

Бѣдные, ни въ чемъ неповинные, не расцвѣтшіе и уже погибшіе цвѣты, вѣчно появляющіеся на поверхности кроваво-смраднаго болота россійской „культуры"! Вы вырастаете на почвѣ расшатанности и растерянности семьи, на почвѣ всеобщаго гражданскаго униженія и безправія. Защитой вамъ служитъ только слабость и безволіе да лицемѣріе всегда

покоряющихся „общимъ условіямъ“ отцовъ. Такъ что же удивительнаго въ томъ, что губительное дыханіе уродливаго чудовища—русской школы—подсѣкаетъ въ корнѣ цвѣты, въ кровь и грязь втаптываетъ нѣжные нераспустившіеся бутоны?

Такъ было и такъ, оказывается, есть. Огромный вопросъ о судьбахъ, о лучшемъ будущемъ нашихъ дѣтей не только не подвинулся ни на шагъ впередъ, въ сторону благопріятнаго его разрѣшенія, но, наоборотъ, обострился и грозитъ принять еще болѣе уродливыя, противныя всякому здравому смыслу и совѣсти формы. Что осталось отъ недавнихъ столь громкихъ разговоровъ о *новой школѣ*? Къ чему привели сдѣланныя въ этомъ направленіи различныя частичныя попытки? Почти ни къ чему. Вѣрнѣе даже сказать—просто *ни къ чему*, потому что въ вопросѣ о русской школѣ, вообще, и о средней нашей школѣ, въ частности, мы должны оставить въ сторонѣ столицы, гдѣ есть болѣе условій, благопріятствующихъ появленію нѣсколькихъ (очень немногихъ, впрочемъ) счастливыхъ исключеній. Но если попытаться взглянуть въ глубь и ширь нашей необъятной провинціи, то окажется, что дѣло не только не улучшилось, а, пожалуй, ухудшилось, краснорѣчивымъ доказательствомъ чему служитъ приведенный вначалѣ небольшой отрывокъ изъ длиннаго кроваваго мартиролога дѣтскихъ юныхъ жизней.

На первыхъ порахъ многимъ казалось, что довольно высоко взмывшая волна освободительнаго движенія повліяла и на нашу школу. О, конечно, волна эта не смыла, не сдвинула даже, тѣхъ настолько же прочныхъ, насколько и подлыхъ устоевъ, которые положилъ въ основу школы печальной памяти гр. Толстой. Для этого напоръ волны не былъ достаточно силенъ, да и направленъ онъ былъ совсѣмъ на другое. Но если „основы“ и не были поколеблены въ корнѣ, то, казалось, что въ школу влилась та свѣжая струя, которая грозила, чего добраго, дѣйствительнымъ перерожденіемъ русской школы. Родители—россійскіе мягкотѣлые, безвольные и смиренномудрые дотолѣ обыватели—вдругъ рѣшились встать на защиту собственныхъ дѣтей: они предъявили свои *права* на школу, на распорядки въ ней и даже получили эти права... до нѣкоторой степени, конечно. Права эти выразились не только въ теоретическомъ признаніи со стороны „учебнаго начальства“ родительскаго голоса въ дѣлѣ воспитанія и образованія его ребенка, но даже вылились въ нѣкоторую реальную форму *родительскихъ комитетовъ*, съ которыми должны были считаться пресловутые педагогическіе совѣты. Здраво смотрящему на вещи человѣку могло, пожалуй, показаться невозможнымъ, чтобы нашъ футлярный педагогъ могъ считаться съ живымъ человѣкомъ, а не съ циркуляромъ господина попечителя учебнаго округа, или съ господиномъ директоромъ учебнаго „заведенія“. Но факты, казалось, говорили обратное: отъ Оренбурга до Тетюшей и отъ Архангельска до Ни-

ратина—отовсюду получались пріятныя вѣсти о томъ необыкновенномъ рвеніи въ сближеніи школы съ семьей, которое проявили, будто бы, россійскіе педагоги.

Родители слушали педагоговъ, а педагоги—родителей,—подумайте только! Дѣло дошло было до того, что многіе изъ педагоговъ такъ-таки и заявляли, что ребенокъ есть просто ребенокъ, а юноша есть юноша, а не скрытно носящій въ себѣ сѣмена крамолы, невѣрія и разврата преступникъ, коего должно постоянно уловлять, подавлять и пресѣкать съ помощью единицъ и двоекъ, какъ „по ученію", такъ и „по поведенію". Нѣкоторые да и не нѣкоторые, а весьма многіе дошли до такого безумія, что начали даже отрицать пользу „отмѣтокъ"—особенно „за поведеніе"... Низведеніе греческаго языка на степень „второстепеннаго", необязательнаго предмета и умаленіе языка латинскаго поколебало, казалось, толстовскіе устои, и нашъ россійскій футлярный педагогъ окончательно оголтѣлъ и исчезъ...

Исчезъ было, словно сквозь землю провалился, нашъ излюбленный „доосвободительный" сѣрый и футлярный, мелкій, злой и завистливый, но великій по своему ничтожеству педагогъ, не убивающій сразу, но подтачивающій, подобно ржавчинѣ, не только тѣло, но душу и умъ молодыхъ поколѣній. Директора гимназій стали вмѣсто одного пальца протягивать родителямъ всю длань, а инспектора народныхъ училищъ перестали было требовать отъ народныхъ учителей и учительницъ, чтобы тѣ снимали съ нихъ галоши и шубы, или же оказывали еще болѣе осязательные знаки вѣрноподданническихъ чувствъ и благонамѣренности.

Если твердую, драгоцѣнную жемчужину опустить въ уксусъ, то она растворяется въ немъ безъ остатка. Воздухъ освободительнаго порыва уподобился, очевидно, такому уксусу, но растворилась въ немъ не драгоцѣнная жемчужина, а всѣмъ мѣшающій и всѣмъ ненавистный футляръ сѣраго казеннаго человѣка, которому судьба, словно въ насмѣшку, дала имя и власть „учителя" подрастающаго поколѣнія.

Да, казалось, что футлярный человѣкъ исчезъ, или *почти* исчезъ, но все это оказалось, конечно, вздоромъ! Плоть отъ плоти и кость отъ кости чиновно-полицейскаго огромнаго и всепожирающаго механизма—нашъ тупой и бездушный педагогъ могъ исчезнуть только вмѣстѣ съ этимъ механизмомъ. Но вѣдь былъ же на Руси такой моментъ, когда чуть ли не всѣмъ казалось, что спеціальному владычеству и притомъ спеціально русской бюрократіи уже насталъ конецъ. Такъ какъ же было не увѣрять себя въ исчезновеніи „стараго типа" россійскаго педагога, этого слѣпого и казалось бы не особенно важнаго щупальца бюрократическаго осьминога! Но бюрократическій осьминогъ, какъ это намъ всѣмъ теперь и предостаточно вѣдомо, оказался совсѣмъ не такимъ дряблымъ и слабымъ, какъ думалось. Испугаться-то онъ, пожалуй, испугался, но во-

время успѣлъ сжаться, подобраться и отступить, чтобы... разбѣжаться и прыгнуть дальше. Теперь онъ прыгнулъ и считаетъ, что подбираться и сжиматься—лишнее, а напротивъ, распоясался во-всю... Распоясался и нашъ россійскій педагогъ.

Они и не думали мѣняться, передѣлываться, или подчиняться какимъ бы то ни было новымъ требованіямъ и вѣяніямъ,—эти наши провинціальные „воспитатели Флаксманы". Они даже не думали уходить,—эти люди 20-го числа. Да и куда могли бы уйти люди циркуляра и начальственной указки, люди, не понимающіе жизни и боящіеся ея? Улитка только плотнѣе сомкнула свою двустворчатую раковину и притаилась такъ, что многіе подумали, что она исчезла или переродилась совсѣмъ. Но вотъ буйный порывъ свѣжаго вѣтра пронесся и затихъ, и набѣжавшая волна отхлынула; снова потянуло запахомъ и испареніями родного стоячаго болота. Все то, что подтянулось было, распоясалось. Распоясалась и педагогическая улитка, причемъ оказалось, что за короткое время невольной сдержанности у нея накопилась пропорядочная доля злости и мстительности противъ... опять-таки родителей и главное — ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей. И, Боже! Какими прежними, казалось, исчезнувшими, а нынѣ вновь ожившими, настойчивыми и назойливыми „родными" мотивами вновь зазвучало все въ нашей школѣ! Тѣ же старыя язвы, та же ноющая боль, только въ еще болѣе увеличенномъ распоясанномъ видѣ. Ничего новаго не найдемъ мы, если попробуемъ подробнѣе разобраться въ грустномъ выше приведенномъ спискѣ жертвъ нашей школы.. Прежнія причины даютъ и прежнія слѣдствія... Настало министерство г-на Шварца, и ожилъ старый педагогъ. „Духа жива" въ россійской школѣ словно не бывало. Взять хотя бы самоубійство въ Оренбургѣ ученика Бѣлавина.

Само собой разумѣется, что педагоги извели именно способнаго, умнаго, живого и развитого мальчика. Извели потому, что замѣтили въ немъ „свободный духъ"... Читатель, мало-мальски интересующійся судьбами и жизнью нашей школы, конечно, не удивится этому. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ русская школа, и съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ въ ней нашъ циркулярно-футлярный педагогъ, онъ всегда велъ, ведетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ вести въ ней травлю противъ „свободнаго духа", именуемаго также „неблагонадежностью". Старыя, избитыя и опошлѣвшія до противности слова и понятія,—не правда ли? Но что дѣлать, если такъ же стары, пошлы и противны, но вѣчны и постоянны наши педагоги и соотвѣтствующіе имъ циркуляры! Что дѣлать, если опять начинаетъ процвѣтать въ школѣ пріемъ самой безчеловѣчной *травли* заподозрѣннаго въ „свободномъ духѣ" или чемъ-либо подобномъ ученика?

„Травля"—здѣсь самое настоящее слово и подобная травля начинается съ того, что почтенные педагоги начинаютъ высмѣивать отвѣты преслѣдуемаго ученика и всячески „сбивать" его. Если ученикъ отвѣчаетъ плохо,

то немедленно въ журналѣ появляется единица или двойка, а удовлетворительные отвѣты не отмѣчаются вовсе. Такъ, по сообщенію оренбургскаго корреспондента „Рѣчи", поступаютъ и въ оренбургской гимназіи: „Недавно одинъ изъ лучшихъ учениковъ мѣстной гимназіи Бѣлавинъ,—пишетъ корреспондентъ,—былъ заподозрѣнъ въ товарищескихъ отношеніяхъ съ однимъ изъ исключенныхъ по „неблагонадежности" гимназистовъ, и на бѣднаго юношу посыпались скорпіоны. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, въ началѣ текущаго года отецъ мальчика былъ переведенъ изъ Оренбурга въ какой-то далекій уѣздный городъ, и бѣдняга не могъ своевременно получить отъ отца ни защиты, ни нравственной поддержки. Когда же Бѣлавинъ у себя въ табели за первую четверть учебнаго года увидалъ цѣлый рядъ двоекъ, въ томъ числѣ и по поведенію, онъ не выдержалъ и 26 октября утромъ, выстрѣломъ изъ ружья картечью, покончилъ съ собою. Несчастный юноша оставилъ большое письмо, въ которомъ изложилъ обстоятельства, доведшія его до такого печальнаго конца. Послѣдними словами умирающаго мальчика были: „Вотъ вамъ двойка за поведеніе".

„Удовлетворены ли теперь оренбургскіе педагоги?" — спрашиваетъ въ заключеніе корреспондентъ. Странный вопросъ! Почему именно Бѣлавинъ,— и только онъ *одинъ*, — долженъ удовлетворить аппетитъ распоясавшихся оренбургскихъ педагоговъ? Послѣ нѣкоторой сдержанности размахъ у нихъ, несомнѣнно, долженъ быть нѣсколько шире, — особенно, повторяемъ, въ наше распоясанно откровенное время.

Бѣдный, одинокій, затравленный мальчикъ Бѣлавинъ, умирающій со словами „вотъ вамъ двойка за поведеніе"... Въ этихъ словахъ чувствуется, словно вызовъ затравленнаго, доведеннаго до крайности ребенка, словно онъ надѣется досадить и, такъ сказать, отмстить педагогамъ своей ужасной смертью... Бѣдный! трижды бѣдный ребенокъ, потому что онъ ошибся и въ этомъ послѣднемъ предсмертномъ разсчетѣ. Г-да оренбургскіе педагоги спокойно и съ достоинствомъ перешагнутъ черезъ трупъ этого затравленнаго ребенка, потому что они идутъ стезею „долга", — стезею исполненія начальственныхъ циркуляровъ о „подтягиваніи" и вышибаніи „свободнаго духа". Разъ это такъ, то ничто не мѣшаетъ имъ итти неуклонно къ слѣдующему трупу. А что это именно такъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ мѣстная „Оренбургская Газета", которая сообщаетъ, что 2 ноября въ Оренбургѣ происходило засѣданіе родительскаго комитета мужской гимназіи, созванное его предсѣдателемъ ген.-лейтен. Григоровымъ. Засѣданіе было посвящено исключительно послѣднему печальному событію въ мужской гимназіи — самоубійству гимназиста 6-го класса Бѣлавина. Въ виду того, что на засѣданіе не явился директоръ гимназіи г. Смирновъ и др. представители корпораціи, родительскій комитетъ постановилъ слѣдующее: для выясненія всѣхъ обстоятельствъ этой печальной исторіи, а равно и для установленія тѣхъ дефектовъ, которые наблюдаются въ оренбургской мужской гимназіи

за последнее время, просить г. попечителя оренбургскаго учебнаго округа разследовать это дело, если ему возможно—лично или командировать специальное лицо.

Но, спрашивается, что может иметь против искоренения „неблагонадежности" в гимназии как сам попечитель, так и любое командированное „специальное лицо"? Родительский, съ позволения сказать, комитет, видимо, не отдает себе яснаго отчета в истинном положении дел. Время, когда педагоги считали нужным являться на его заседания,—прошло. Удивительно даже, что в Оренбурге еще существует этот родительский комитет. В других местах их просто закрывают, и мы нисколько не удивимся, если на-днях прочтем в той же „Оренбургской Газете" и о закрытии местнаго родительскаго комитета. До комитетов ли теперь в наше время „успокоения" и учебных директив г-на Шварца?

Жертва харьковских педагогов, ученик 1-го реальнаго училища Сергей Парфенов, умер более безропотно, чем Белавин. Но за то он всегда имел 4 „за поведение", а не 2, как выставили Белавину его „оренбургские учители". По сообщению харьковскаго „Утра", Парфенов в этом году окончил 6 классов реальнаго училища и не был принят в 7-ой класс, так как в аттестате его имелась отметка за поведение 4.

Юноша нервный, впечатлительный, сильно загрустил, положительно не знал, чем ему заняться.

Товарищи уже давно замечали за ним какую-то ненормальность; он часто говорил о смерти. В день самоубийства он посетил многих своих товарищей и был в нервно-приподнятом состоянии; вечером ходил с товарищами в синематограф.

В $10^{3}/_{4}$ ч. вечера на Гимназической набережной, против гимназии Грегорцевич, он выстрелил из револьвера в левый бок и, повидимому, задел сердце. На выстрел выбежали жильцы дома № 8 по Гимназической набережной. Несчастный юноша хрипел и тут же скончался. Очевидцы, между прочим, передают, что у мертваго Парфенова застыли слезы на глазах. По отзывам лиц, близко знавших покойнаго, это был юноша серьезный, много читал, вел дневник, увлекался естествоведением, интересовался философией.

Мальчик интересовался философией!.. Вот почему, вероятно, он убил себя со слезами на глазах. Эти застывшия слезы юнаго жалкаго самоубийцы, конечно, не тронут ни одного как харьковскаго, так и не харьковскаго истиннаго педагога, ибо ясно, что мальчик, интересующийся философией и естественными науками, тем самым заключает в себе все элементы „свободнаго духа" и неблагонамеренности, а, следовательно, закрыть ему четверкой „за поведение" путь к дальнейшему школьному образованию есть *долг* истиннаго педагога, понимающаго, чего от него

желають сверху. Если же дѣло касается *долга*, то что застывшія на глазахъ мертвеца слезы,—это глупыя мальчишескія слезы!.. Что „слезы бѣдныхъ матерей“ и отцовъ, которые все же не могутъ пройти мимо трупа собственнаго ребенка безъ содроганія, какъ этого не могутъ, напр., сдѣлать отецъ и мать несчастной ученицы Савельевой въ Таганрогѣ!

Эта исторія въ Таганрогѣ, судя по отчетамъ мѣстныхъ газетъ и по корреспонденціямъ въ столицу, „взволновала весь городъ“... Но если вникнуть въ подробности этой исторіи, то, правду говоря, остается совершенно непонятнымъ, почему самоубійство дѣвочки Савельевой такъ взволновало Таганрогъ, въ то время, какъ самоубійство Парфенова, напр., прошло, повидимому, въ Харьковѣ почти незамѣченнымъ. Какъ та, такъ и другая „исторія“, по существу, одинаковы и только съ разныхъ сторонъ дополняютъ и освѣщаютъ тайники нашего отечественнаго школьнаго режима. Но таганрогцы, очевидно, отличаются нѣсколько болѣе безпокойнымъ темпераментомъ, чѣмъ харьковцы, а потому вошли въ бо̀льшія подробности относительно существующаго въ ихъ женской гимназіи школьнаго режима. Такъ какъ съ замѣной нѣкоторыхъ несущественныхъ мѣстныхъ отличій все, относящееся къ Таганрогу, можно смѣло перенести и въ Харьковъ, и въ Оренбургъ, и въ Одессу, и въ Кіевъ, и во всѣ иные грады и веси нашего обширнаго отечества, то войдемъ въ нѣкоторыя подробности о самоубійствѣ несчастной дѣвочки Савельевой. Такимъ образомъ нашъ бѣглый очеркъ возродившагося школьнаго режима пріобрѣтаетъ нѣкоторую опредѣленность и полноту. Вотъ какъ живописуютъ эту исторію корреспонденты „Приазовскаго Края“ и „Рѣчи“:

28 октября, на урокѣ закона Божія, отравилась ученица 5 класса Савельева, умная, талантливая дѣвушка, изъ хорошей семьи. Отравилась потому, что не могла вынести безчеловѣчной травли, которой подвергалась въ теченіе продолжительнаго времени со стороны начальницы гимназіи, г-жи Псалти, и ея ближайшихъ приспѣшниковъ.

Эта дѣтская драма разыгралась при такихъ условіяхъ.

У одной изъ ученицъ гимназіи, дочери законоучителя Краснокутской, пропали въ классѣ книги. Стали искать виновницу, но она сама назвала себя. Книги взяла, по совѣту подруги, Савельева для того, чтобы, продавъ ихъ, заплатить долгъ въ 50 коп. гимназическому буфету. Въ этомъ она сама созналась гимназическому начальству на другой же день, искренно скорбя о случившемся. При этомъ умоляла не говорить ничего родителямъ.

И вотъ тутъ-то и началась дикая, безобразная травля. Начальница гимназіи, г-жа Псалти, и ея клевреты, вплоть до швейцара гимназіи, начали преслѣдовать дѣвушку упреками, науськиваньями, кличками „воровка“.

Нѣкоторыя дѣвочки, не вѣдая, что творятъ, начали дразнить несчастную ученицу, а г-жа Витковская (учительница франц. языка) ихъ поощрять.

— Съ воровкой нельзя разговаривать. Будьте подальше отъ нея. Она—воровка.

Дѣвочка невыразимо страдала, плакала, стала унылой, задумчивой, съ тяжелымъ камнемъ въ сердцѣ, одинокая, затравленная, стала неузнаваема. Всегда веселая, жизнерадостная, воодушевлявшая весь классъ, любимица семьи,—она бродила одиноко задумчивая, грустная...

А вокругъ и подруги, и классная дама, и начальница старались утѣшить отравленную душу постоянными выкриками:

— Воровка! Воровка!

Дѣвочка забиралась куда-нибудь въ уголъ и плакала, и сквозь слезы сама съ собой разговаривала:

— Я не могу больше терпѣть! Я мамѣ сознаюсь, она пойметъ... Я ей все скажу... Онѣ меня замучили...

А швейцаръ, слышавшій одинокія рыданія, тоже утѣшалъ по-своему:

— А вы не воруйте книгъ! Не берите чужого...

И вотъ доведенная до полнаго отчаянія 28 октября утромъ дочь созналась матери во всемъ, и мать поняла, потому что это была мать. Она, эта мать,—писательница и пишетъ разсказы для дѣтей въ дѣтскихъ журналахъ... Обѣ онѣ долго плакали, а потомъ дѣвочка ушла въ гимназію, хотя мать просила ее остаться дома.

— Надо. Сегодня сочиненіе по закону Божію.

— Такъ ты молчи, терпи. Уходи отъ тѣхъ, кто будетъ тебя травить...

Но въ гимназіи повторилась та же исторія.

Савельева написала сочиненіе, подала его и затѣмъ со словами:

— Не могу больше терпѣть! Прощайте!—выпила изъ бутылочки карболовой кислоты.

Ученицы подняли вопль, забились въ истерикѣ, а Савельеву сейчасъ же вынесли изъ класса.

Дѣвочка умерла.

На другой день утромъ занятій въ гимназіи не было.

Корреспондентъ „Приазовскаго Края" посѣтилъ скромную квартиру родителей погубившей себя дѣвочки. Весь дворъ, домъ и улица оказались заполненными учащимися. У тѣла покойной неутѣшно рыдаютъ подруги. Отчаянія отца и матери не поддаются описанію.

— Прекрасная, только еще начинающаяся жизнь, загублена,—сказалъ намъ отецъ.—Дочери уже не возвратить... Она была радостью для всей семьи. У насъ пять душъ дѣтей, и всѣ намъ дороги, но эта... Ее ужъ не возвратить, но я не оставлю этого дѣла, чтобы хоть другихъ не постигла такая же участь. Я буду писать министру, подамъ жалобу прокурору... Если простили, отъ меня даже скрыли, то тѣмъ болѣе должны были скрыть отъ ученицъ и не травить ее...

Такъ разсуждаетъ отецъ несчастнаго ребенка. Съ его обыкновенной

родительской точки зрѣнія дѣвочка, если и совершила даже нехорошій проступокъ (кража книгъ), то нужно было прежде всего принять во вниманіе мотивы поступка и характеръ ребенка. Что это былъ чистый, честный и неиспорченный, а только увлекающійся ребенокъ, — это ясно всякому. И если этотъ ребенокъ заслуживалъ даже наказанія, то ни въ коемъ случаѣ не ужасной для дѣтской души *травли*. Такъ, повторяю, думалъ отецъ, но не такъ думала г-жа Псалти, олицетворяющая собой вновь поднявшій голову нашъ школьный режимъ. Вотъ что по поводу этого живого воплощенія умерщвляющаго режима говоритъ корреспондентъ П. Сурожскій въ „Рѣчи".

„Уже много лѣтъ, цѣлыя десятилѣтія, таганрогская женская гимназія буквально стонетъ, задыхается подъ владычествомъ г-жи Псалти. Маловѣдующая, черствая, сухая ненавидимая всей гимназіей, она попала на мѣсто начальницы въ то доброе, старое время, когда съ помощью протекціи и замолвленнаго передъ сильными міра словечка всего можно было добиться. Таганрогская купчиха, менѣе всего пригодная къ педагогической дѣятельности, благодаря вліятельной въ то время протекціи предсѣдателя попечительнаго совѣта женской гимназіи г. Лицына и нѣкоторымъ другимъ связямъ, попала на отвѣтственное мѣсто начальницы единственной въ городѣ гимназіи и благополучно командуетъ въ ней до сего времени.

„Это по истинѣ злой геній гимназіи. Родители и общество много разъ обращались съ просьбами удалить эту юродствующую, злую старуху, излюбленными педагогическими пріемами которой сдѣлались сыскъ, наушничество, нетерпимость. Но всѣ просьбы и ходатайства не имѣли успѣха, и г-жа Псалти владычествуетъ до сего дня. Г-жа Псалти окружила себя тѣсной группой приспѣшниковъ и приспѣшницъ и съ злой упорной настойчивостью изгоняла изъ гимназіи все сколько-нибудь самостоятельное, что попадало туда. Еще свѣжа въ памяти всего города исторія съ талантливымъ педагогомъ г. Камовымъ, котораго буквально выжили изъ гимназіи за то, что предки его были евреи и что онъ пошелъ вразрѣзъ съ тѣмъ человѣконенавистническимъ режимомъ, который установился въ гимназіи при г-жѣ Псалти.

„Разсказанная выше дѣтская драма цѣликомъ подготовлена руками г. Псалти. И потому-то эта исторія глубоко взволновала весь городъ, вызвала бурю негодованія противъ г-жи Псалти, воскресила въ памяти много другихъ тихихъ, безкровныхъ, слезами, страданіями и горечью облитыхъ драмъ, нѣмыми свидѣтелями которыхъ были гимназическія стѣны.

„Что же это,—спрашиваютъ теперь родители и учащіеся, — гимназія или застѣнокъ?"

Всю бурю негодованія корреспондентъ, какъ видно, обрушиваетъ на г-жу Псалти. Но „что въ имени тебѣ моемъ?" — можетъ смѣло отвѣтить г-жа Псалти. И въ самомъ дѣлѣ, Псалти ли не Псалти ли, — не все ли

равно, въ какую фамилію, имя и отчество воплощается ожившій режимъ, впрочемъ, и не умершей, а только притворившейся мертвой нашей неумывающей россійской школы. Не все ли равно отчего воспослѣдуетъ смерть моего сына или дочери, — отъ того ли, что въ школѣ проявляетъ духъ г-на Шварца Петровъ или этимъ занимается г-нъ Ивановъ?

Останавливаюсь на минуту и задаю вопросы:

Не слишкомъ ли сгущены краски? Не преувеличиваю ли я, хотя бы вопреки желанію?

Нѣтъ!—отвѣчаю я, подумавъ.—Не преувеличиваю, потому что все написанное выше есть не подборъ случайныхъ фактовъ, нарочито надерганныхъ изъ многообразія жизни, не считаясь со временемъ, а есть сама наша *ежедневная* безмятежная жизнь. Вотъ въ томъ-то и весь ужасъ, что приходится говорить о *повседневности и обыденности* такого явленія, какъ самоубійства несчастныхъ нашихъ дѣтей.

Но, если скорбная ежедневная повѣсть „о семи повѣшанныхъ", которой нынѣ я всегда начинаю свой день, пересматривая утромъ газеты съ телеграммами о военно-полевыхъ судахъ, уже въ значительной степени потеряла для моего чувства свой страшно-жуткій характеръ въ силу того, что „примелькалось, молъ", — то неужели и здѣсь я долженъ притти, въ концѣ концовъ, къ тому же?

Почему бы и нѣтъ?

Скорбный синодикъ, отрывокъ изъ котораго приведенъ въ первыхъ строкахъ настоящей статьи начинается вѣдь всего съ 26 октября, затѣмъ идетъ 27, 28, 29 и „на-дняхъ", „на-дняхъ", „на-дняхъ" вслѣдъ за 26-мъ октября...

Или, быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ видомъ своего рода психической эпидеміи только „этихъ послѣднихъ" дней?

Нѣтъ, это не эпидемія, какъ не эпидемія уже, напримѣръ, въ Петербургѣ холера. Несмотря на то, что эта послѣдняя притихла здѣсь на время морозовъ, можно съ увѣренностью сказать, что, благодаря городскому управленію и бѣднотѣ жителей, она свила уже себѣ прочный очагъ, тлѣющій огонекъ котораго вспыхнетъ яркимъ пламенемъ съ будущей весны. Въ нашемъ климатѣ, да при нашихъ порядкахъ, всякая „эпидемія" быстро прививается и превращается въ постоянную косительницу...

Нѣтъ, мы нисколько не преувеличиваемъ, когда говоримъ, что самоубійство въ нашей школѣ обратилось уже въ постоянную болѣзнь, въ *повседневное* явленіе. Можно также съ увѣренностью сказать, что *количественные* размѣры этого явленія на самомъ дѣлѣ даже гораздо больше тѣмъ тѣ, которые доходятъ до свѣдѣнія широкой публики. И что это именно такъ, а не иначе, то въ этомъ можно убѣдиться, хотя бы, изъ нижеслѣдующей газетной („Современное Слово") замѣтки:

„Южный Телеграфъ“, вспоминая случай съ институткой Маріинскаго донского института Денисовой, выбросившейся изъ окна на мостовую, глухо говоритъ о „новой искупительной жертвѣ“, новой „непріятности“ для институтской администраціи и новомъ слѣдствіи. На этотъ разъ выбросившаяся институтка, по счастью, осталась жива, но газета говоритъ, что „это—пустая „формальность“ послѣ всѣхъ ужасовъ роковой для нея ночи“...

Ну, а сколько не проникаетъ въ газеты даже такихъ глухихъ замѣтокъ?

Прошлое нашей школы было тяжело. Настоящее еще тяжелѣе. Что же сулитъ будущее?

Дѣло въ томъ, что въ концѣ концовъ, все самое существенное въ школѣ зависитъ не отъ программъ и направленій, не отъ объемовъ и предметовъ, не отъ способовъ и методовъ даже преподаванія, а отъ *человѣка*,—отъ *личности*, вкладывающей въ эту школу свою энергію и и свой трудъ. Какъ-никакъ, а живой человѣкъ, а тѣмъ паче ребенокъ или подростокъ,—не просто пустая кишка, которую слѣдуетъ только вымыть, а затѣмъ набить соотвѣтствующей начинкой, чтобы получить хорошую колбасу. Въ дѣлѣ хотя бы только умственнаго развитія и образованія подрастающихъ поколѣній совершенно недостаточно того, чтобы изготовить одну хорошую „образовательную начинку“, предоставляя начинять ею молодыя головы и сердца, кому угодно. Личность,—не будемъ даже говорить воспитателя,—а просто—преподавателя играетъ въ данномъ случаѣ чрезвычайно важную и существенную роль. Съ этимъ, какъ мнѣ кажется, согласятся безъ исключенія всѣ. Даже тѣ, которые доказываютъ, что школа не должна преслѣдовать никакихъ воспитательныхъ, а только однѣ образовательныя цѣли.

Но если для школы имѣетъ такую большую важность человѣческая личность, то при вопросѣ о будущемъ нашей школы мы прежде всего должны рѣшить вопросъ, заключаетъ ли наша настоящая школа въ достаточномъ количествѣ такіе элементы, которые гарантировали бы этой школѣ лучшее будущее? Проще говоря, мы спрашиваемъ: есть ли въ нашей современной школѣ помимо футлярно-циркулярныхъ педагоговъ еще мало-мальски значительное число *порядочныхъ и живыхъ людей*?

— Они есть и даже въ достаточномъ количествѣ,—говорятъ довольно многочисленные на этотъ счетъ оптимисты,—и стоитъ только, чтобы хоть немного измѣнились „общія условія“, чтобы...

Но логика фактовъ доказываетъ какъ разъ обратное. Прежде всего надо согласиться съ тѣмъ, что если бы наша провинціальная школа (о столицахъ мы, какъ условлено, не говоримъ) обладала мало-мальски достаточнымъ запасомъ (хотя бы въ 20%) порядочныхъ людей, а не футляро-

циркулярныхъ педагоговъ, то даже послѣ двухъ-трехъ послѣднихъ лѣтъ былъ бы немыслимъ такой рѣзкій поворотъ къ старымъ уродливымъ формамъ, къ такой беззастѣнчивой распоясанности, въ которую теперь ударились захолустные „воспитатели-флаксманы“. Право, даже въ „дооовободительныя“ времена рогъ изобилія педагогическаго мракобѣсія не былъ столь великъ и не сыпалъ въ такомъ количествѣ педагогическихъ—то трагическихъ, то комическихъ—безсмыслицъ, какъ это наблюдается теперь. Вотъ вамъ нѣкоторые цвѣточки, изъ которыхъ вызрѣваютъ ягодки современной школьной то кровавой, то просто тяжелой и невыносимой чепухи. Цвѣты эти разсыпаны всюду, по всей поверхности необъятнаго россійскаго захолустья, и чтобы преподнести читателю нижеслѣдующій небольшой букетъ изъ нихъ, вовсе не нужно далеко и долго ходить. Стоитъ только развернуть и пересмотрѣть нѣсколько газетъ. Гдѣ бы и какъ бы ни издавалась развернутая вами газета, можете быть напередъ увѣрены, что натолкнетесь, по нынѣшнимъ временамъ, если не на кровавое пятно, то на какое-либо педагогическое „недоразумѣніе“.

„Служебное усердіе „футлярныхъ“ людей таково,—пишетъ корреспондентъ „Кіевскихъ Вѣстей“,—что они всегда предпочитали лучше пересолить, чѣмъ не досолить. На этой почвѣ и возникаютъ школьно-родительскія „недоразумѣнія“. Изъ кролевецкой женской гимназіи двухъ ученицъ Т. уволили за то, *что онѣ подчинились приказанію своей матери*, а не надзирательницы гимназіи. Ученицы пришли съ матерью въ циркъ на благотворительное представленіе. До сихъ поръ посѣщеніе цирка съ родителями имъ не возбранялось, а тутъ вдругъ въ циркѣ уже надзирательница потребовала удаленія. Мать не послушалась—и въ результатѣ дочерей уволили. Въ этой же гимназіи произошелъ такой случай. Гимназистка VI класса П. передала одной изъ учительницъ просьбу своей квартирной хозяйки—отдать ей долгъ. Учительницѣ это показалось настолько оскорбительнымъ, что она пожаловалась начальству, а то разсудило такъ: ученицѣ П. сдѣлать строгій выговоръ, а квартирную хозяйку ея, осмѣлившуюся напоминать о долгѣ, *лишить права держать ученическую квартиру*...“

Корреспондентъ „Вятской Газеты“ разсказываетъ, что гимназическое начальство въ Сарапулѣ на „право“ держать ученическія квартиры посмотрѣло съ еще одной своеобразной точки зрѣнія, причемъ, по обыкновенію, опять получилось „недоразумѣніе“.

Сарапульское гимназическое начальство распорядилось не держать въ одной квартирѣ учащихся обоего пола. Изолировки, разумѣется, были произведены немедленно, но въ одной семьѣ встрѣтилось такое затрудненіе: вмѣстѣ съ нахлѣбницами-гимназистками у хозяевъ „на бѣду“ оказался сынъ, реалистъ 2 класса. Обратились къ начальницѣ гимназіи, и отъ нея послѣдовало соломоновское рѣшеніе:

— Выселить изъ дома: или сына, или гимназистокъ.

Но хозяева—люди бѣдные. Плата нахлѣбницъ—для нихъ подспорье, а сынъ одинъ. Думали, думали и рѣшили „во имя нравственности“ *разлучиться съ ребенкомъ: сдать его на квартиру въ чужой домъ.*

Сарапульцы теперь, по словамъ корреспондента, „интересуются“: что будетъ дѣлать начальница гимназіи съ мужьями квартирохозяекъ и прочимъ мужскимъ поломъ семей?.. Не грозитъ ли и имъ выселеніе?

Сарапульскій корреспондентъ, конечно, шутитъ (г-да корреспонденты, вообще, любятъ шутить), но совсѣмъ не до шутокъ тамъ, гдѣ „взаимоотношенія“ школъ съ семьей приводятъ къ разлученію родителей и дѣтей. Но если отъ этихъ и имъ подобныхъ явленій, такъ сказать, внѣшняго школьнаго распорядка обратимся къ внутренней жизни школы, то опять натолкнемся на курьезы самаго печальнаго и двусмысленнаго свойства. Недавно, напримѣръ, почти всѣ газеты обошло письмо бывшаго ученика реальнаго училища въ Калишѣ (Польша), которое считаемъ нелишнимъ привести почти цѣликомъ:

„Мѣсто законоучителя реальнаго училища въ губернскомъ городѣ Калишѣ года четыре тому назадъ получилъ нѣкій свящ. о. Константинъ Шабаринъ. Съ самаго своего поступленія онъ ввелъ слѣдующій обычай: передъ началомъ урока ученики должны были подходить къ нему подъ благословеніе и цѣловать руку. Можетъ быть, правило и не совсѣмъ понравилось ученикамъ старшихъ классовъ, но младшіе ученики беспрекословно исполняли это правило. 27 октября этого года, когда свящ. Константинъ Шабаринъ вошелъ въ IV кл., ученики, по обыкновенію, пошли подъ благословеніе. Первымъ былъ мой братъ Петровъ, шедшій еще съ перваго кл. лучшимъ по успѣхамъ и поведенію. Священникъ поднялъ руку для благословленія, *и вдругъ этой же рукой нанесъ ученику пощечину.* Послѣдній растерялся, отошелъ въ сторону и заплакалъ,—этимъ только и выразился его протестъ. На запросъ родителей свящ. мотивировалъ свой поступокъ тѣмъ, что онъ давно замѣчалъ, будто бы ученикъ Петровъ подходилъ подъ благословеніе безъ должнаго благоговѣнія. За все трехлѣтнее пребываніе въ реальномъ училищѣ ученикъ этотъ не былъ замѣченъ ни въ одной неблаговидной шалости и отъ самого свящ. Шабарина не получалъ замѣчанія по поводу отсутствія въ немъ „должнаго благоговѣнія“. Съ своей стороны, я, какъ братъ пострадавшаго, подтверждаю, что онъ отличался глубокой религіозностью: прислуживая въ алтарѣ около двухъ лѣтъ по собственному желанію, не пропустилъ почти ни одного вечерняго или утренняго богослуженія, забираясь въ церковь съ первымъ ударомъ благовѣста. Поэтому такое отсутствіе „должнаго благоговѣнія“ меня крайне поразило“.

Описываемый случай произошелъ въ польскомъ городѣ. „Интересно знать,—справедливо спрашиваетъ по этому поводу г. Петровъ,—какого мнѣнія будутъ поляки о русскихъ православныхъ пастыряхъ, когда узнаютъ,

что ихъ товарищъ ни за что, ни про что получилъ пощечину отъ отца своего духовнаго"...

Иной можетъ, пожалуй, съ полнымъ основаніемъ отвѣтить, что польскіе ксендзы дерутся иногда не похуже русскихъ батюшекъ. Но... вѣдь это нисколько не поправляетъ дѣла.

Не важны педагогическіе пріемы русской школы на Западѣ, но не лучше они и на Востокѣ Руси. „Биржевымъ Вѣдомостямъ" сообщаютъ изъ Аткарска также о sui generis соломоновомъ судѣ мѣстнаго педагогическаго совѣта:

Въ Аткарскѣ въ реальномъ училищѣ въ VII классѣ шелъ урокъ преподавателя Юскевича. Одинъ изъ воспитанниковъ П., страдавшій разстройствомъ желудка, попросился „по естественной причинѣ".

— Нельзя!

Какъ ни молилъ П., какъ ни доказывалъ, что ему „настоятельно необходимо выйти", г. Юскевичъ упрямо твердилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Вы не выйдете...

П. не выдержалъ и вышелъ „безъ разрѣшенія".

Возникло „дѣло объ ослушаніи".

И, хотя врачъ подтвердилъ, что ученикъ П., дѣйствительно, въ тотъ злополучный день страдалъ „сильнымъ разстройствомъ желудка", синклитъ аткарскихъ Флаксмановъ постановилъ:

— Уменьшить воспитаннику П. отмѣтку за поведеніе!

Мотивировалъ свое постановленіе педагогическій совѣтъ тѣмъ, что „хотя П. и былъ боленъ, но разъ вышелъ изъ класса самовольно, то, возвращаясь въ классъ, долженъ былъ извиниться передъ преподавателемъ". Между тѣмъ, „разслѣдованіемъ" было установлено, что какъ только П. отворилъ дверь въ классъ, онъ тотчасъ же былъ ошеломленъ окрикомъ:

— Вонъ! Я васъ въ классъ не пущу!

То кричалъ г. Юскевичъ.

Какъ могъ при этомъ воспитанникъ П. извиниться передъ нимъ,—осталось тайной аткарскихъ „реальныхъ" педагоговъ. И такихъ „тайнъ" слишкомъ много и не только среди аткарскихъ педагоговъ.

Но Богъ съ нимъ съ подобнаго рода тайнами и подобнаго рода педагогами. Отъ этихъ тайнъ и этихъ педагоговъ нашей средней школы перенесемся на мигъ и бѣгло заглянемъ въ другую огромную и важную школьную область,—въ область народной школы. Это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что теперь какъ разъ русской публикѣ и октябристы, и не октябристы отводятъ глаза обѣщаніями въ самомъ скоромъ и непродолжительномъ времени угостить насъ „всеобщимъ обученіемъ", а съ другой стороны— взглядъ въ эту область позволитъ намъ сдѣлать нѣкоторые небезынтересные выводы.

Земскій начальникъ и инспекторъ народныхъ или церковно-приходскихъ школъ—вотъ тѣ два кита, на которыхъ все-таки все еще зиждется тѣлесное и духовное, умственное и нравственное благочиніе современной деревни. Разбираться, какой изъ этихъ китовъ хуже,—намъ не приходится, потому что по данному школьному вопросу все-таки выпираетъ болѣе впередъ фигура г-на инспектора народныхъ школъ.

Чѣмъ занимается инспекторъ народныхъ и церковно-приходскихъ школъ?

Прежде всего, конечно, уловленіемъ „крамолы". Нѣкій г. Оппоковъ открылъ, напр., крамолу въ винницкой школѣ, о чемъ немедленно и сообщилъ рапортомъ по начальству. Крамола, какъ серьезно разсказываетъ черносотенный „Кіевлянинъ", заключалась... въ портретѣ украинскаго поэта Шевченко, скромно украшавшемъ одну изъ стѣнъ училища. Объясненіе тому, какъ могло случиться, что крамольный портретъ, способный возбуждать „сепаратистическія" идеи, попалъ въ церковную школу,—очень простое. Недавно к.-подольскою епархіею управлялъ архіерей,—переводчикъ евангелія на украинскій языкъ; онъ, конечно, ничего крамольнаго въ портретѣ великаго украинскаго „кобзаря" не усматривалъ. Но архіерея перевели, и инспекторъ церковныхъ школъ г. Оппоковъ тотчасъ настрочилъ доносъ по начальству о крамолѣ, открытой имъ въ винницкой школѣ. Портретъ поэта изъ школы тотчасъ убрали, а доносительное усердіе рачительнаго инспектора получило одобреніе отъ спеціалиста по части сыска и доноса—„Кіевлянина"...

Другой инспекторъ народныхъ школъ (г. Никольскій въ вятскомъ уѣздѣ) видитъ нѣкоторую легкую крамолу въ празднованіи крестьянами дня 19-го февраля, а потому это празднованіе циркулярно отмѣняетъ.

Третій инспекторъ (г. Шебета, Кіевъ) находитъ „неудобнымъ, чтобы сельское населеніе избирало учителя народной школы своимъ представителемъ въ земскіе гласные...

Словомъ, что ни столкнешься съ инспекторомъ по части образованія, то всегда оказывается, что онъ или уловляетъ крамолу, или пресѣкаетъ если и не самое образованіе, то хоть права и человѣческое достоинство ввѣренныхъ его отеческому попеченію народныхъ учителей... Въ самомъ дѣлѣ, вмѣшался ли мѣстный инспекторъ народныхъ школъ хотя бы въ такую возмутительную исторію, происшедшую въ с. Царевщинѣ, вольскаго уѣзда („Бержев. Вѣдом.").

Приходитъ одинъ изъ земскихъ начальниковъ (г. Мошинскій) въ волостное правленіе. Тамъ въ это время сидитъ только-что назначенный въ Царевщину учителемъ юноша, лѣтъ 17—18. Сидитъ и мирно бесѣдуетъ съ пріятелемъ, помощникомъ писаря.

Вдругъ грозный окрикъ:

— Чей такой?

Ошеломленный учитель встаетъ и не безъ трепета объясняетъ:

— Учитель здѣшній...

— Учитель? А сидишь? Не видишь, что начальство пришло!..

— Виноватъ, но... я думалъ, урядникъ...

— Думалъ!.. Все равно: и урядникъ—начальникъ... Обязанъ встать...

— Но... но мы не знакомы.

— Я тебѣ покажу знакомство... Въ холодную!

И бѣднягу-учителя тутъ же водворили въ холодную. Тщетно пытались выручить его оттуда мать и сестры,—г. земскій не принялъ ихъ. Пошелъ отецъ—добился лишь того, что г. земскій „пробралъ" его за „дурное воспитаніе сына". Юноша-учитель продолжалъ отсиживать въ холодной. И только на третій день, уѣзжая куда-то, г. Мошинскій распорядился, наконецъ:

— Выпустить его! Но... чтобъ помнилъ!

Но довольно пока. Не знаю, какъ для кого, но для меня приведенныхъ выше фактовъ совершенно достаточно для того, чтобы притти къ такому выводу:

Прошедшее нашей школы было скверное. Настоящее еще сквернѣе, а будущее будетъ еще въ болѣе высокой степени скверно. Потому что дѣло школы требуетъ прежде всего честности и порядочности, а также любви къ знанію и небоязни получаемыхъ отъ просвѣщенія результатовъ. Пока же наши педагоги юношей и дѣвушекъ за любовь къ философіи и естественнымъ наукамъ будутъ доводить до самоубійства, то... не вводите, пожалуйста, всеобщаго обученія, чтобы не было всеобщаго самоубійства. Пусть лучше за это дѣло возьмутся настоящіе порядочные люди, когда они... будутъ...

Альфъ.

ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

Демократія и внѣшняя политика.—Политическій кризисъ въ Германіи.

Еще никогда борьба за высшія формы политическаго строя не достигала такой напряженности и не охватывала такого огромнаго района дѣйствія, какъ въ послѣдніе годы. Бывали въ исторіи моменты, когда долгая политическая тяжба между старымъ и новымъ порядкомъ вспыхивала яркимъ пламенемъ революціоннаго движенія и когда искры революціоннаго пожара перебрасывались изъ страны въ страну. Достаточно вспомнить хотя „безумный" 1848-й годъ, когда революціонная борьба за новый политическій строй охватила почти всю Зап. Европу.

Но тогда она замкнулась въ границахъ Зап. Европы и не нашла себѣ отклика не только въ Азіи, но и въ восточной Европѣ. А теперь мы присутствуемъ при одномъ изъ наиболѣе захватывающихъ моментовъ исторіи: пріобщенія къ политической культурѣ Европы необъятнаго Востока, вѣками недвижно жившаго въ однихъ и тѣхъ же, своихъ и своеобразныхъ формахъ жизни и мысли и, казалось, невоспріимчиваго къ европейскимъ политическимъ идеямъ. И въ то время, какъ восточныя страны, одна за другою, приходятъ въ броженіе и поднимаются для борьбы за европейскія начала и начатки политическаго строя, въ это самое время въ государствахъ старой европейской культуры совершается медленный и неуклонный процессъ перестройки всей политической жизни страны на все болѣе широкомъ демократическомъ фундаментѣ. Демократія передовыхъ европейскихъ странъ поставила на неотложную очередь политическаго дня завоеваніе тѣхъ послѣднихъ бастіоновъ, куда укрылись послѣдніе остатки стараго феодальнаго строя. Однимъ изъ этихъ бастіоновъ до послѣдняго времени служила такъ называемая „внѣшняя политика", область которой даже въ странахъ старой демократической культуры разсматривалась какъ какой-то политическій майоратъ аристократіи.

Въ настоящее время, когда внутренняя и внѣшняя политика переплетаются другъ съ другомъ все тѣснѣе и неотрывнѣе, демократія дѣлаетъ настойчивыя и успѣшныя усилія подчинить своей власти и своему контролю и внѣшнюю политику.

Послѣднія событія на Востокѣ, грозящія огромными осложненіями и, по мрачному пророчеству нѣкоторыхъ политиковъ, какимъ-то новымъ переселеніемъ народовъ, которое перекроитъ всю политическую карту Европы, придаютъ особую неотложность и напряженность вопросу о завоеваніи демократіей области и внѣшней политики.

Намъ еще придется на страницахъ „Образованія" говорить объ этомъ вопросѣ въ связи съ общимъ вопросомъ о новыхъ политическихъ завоеваніяхъ европейской демократіи. А пока отмѣтимъ, что и политическій кризисъ въ Германіи, составляющій одно изъ самыхъ крупныхъ событій текущей политики, что этотъ кризисъ, давно назрѣвшій, прорвался изъ-за остраго сейчасъ вопроса о внѣшней политикѣ.

Намъ придется нѣсколько подробнѣе остановиться на политическомъ кризисѣ Германіи, такъ какъ онъ непосредственно касается нашей сегодняшней темы—прогресса политическихъ идей.

Изъ всѣхъ крупныхъ государствъ Зап. Европы Германія болѣе всего удержала въ своемъ новомъ политическомъ строѣ остатки и пережитки стараго порядка. Когда послѣ революціи 1848 года потянулась мрачная полоса реакціи, нѣмецкій абсолютизмъ, правда, воскрешенъ изъ мертвыхъ не былъ. Маги и чародѣи реакціи, несмотря на всѣ свои старанія, не могли оживить историческій порядокъ, убитый революціонной грозою. Но все, что можно еще было реставрировать, то было реставрировано, и Германія застряла въ какомъ-то политическомъ промежуткѣ между старымъ абсолютизмомъ в парламентаризмомъ. И никакіе дальнѣйшіе политическіе успѣхи не сдвинули ее съ этого историческаго промежутка, не поставили ее на рельсы парламентаризма. Германія осталась страною конституціонною, въ ней, конечно, есть сильный парламентъ, всеобщее избирательное право, но она не совершила перехода отъ конституціонализма къ парламентаризму, она не знаетъ отвѣтственнаго предъ парламентомъ министерства, выбираемаго изъ парламентскаго большинства. Въ ней министерство составляется по назначенію императора, причемъ императоръ выбираетъ министровъ, не считаясь съ волею парламента и его большинства. Благодаря отсталости политическаго строя Германіи, остановившагося на перепутьи между конституціонализмомъ и парламентаризмомъ, въ Германіи личная власть императора имѣетъ несравненно большій политическій просторъ, чѣмъ въ Англіи или Италіи.

Нѣкогда англичане, чрезвычайно дорожа королевскою властью, какъ торжественнымъ символомъ, какъ высокою эмблемою національнаго и моральнаго единства и вмѣстѣ съ тѣмъ не желая выпустить изъ своихъ собственныхъ рукъ бразды политическаго правленія, придумали остроумную формулу — король не можетъ желать зла или ошибаться, но онъ можетъ быть окруженъ дурными или непонятливыми совѣтниками. Надо, поэтому,

возложить всю отвѣтственность на этихъ совѣтниковъ. Надо ихъ сдѣлать отвѣтственными и подчинить ихъ своей власти.

Германія не знаетъ отвѣтственнаго министерства, выбираемаго изъ парламентскаго большинства и потому нѣмцы, будучи самыми горячими и восторженными поклонниками своего Императора, лишены той гордой увѣренности, что король не можетъ ошибаться, которую лелѣютъ въ своей груди патріоты-англичане.

Нѣмецкій конституціонный король, въ противоположность англійскому парламентарному королю, „можетъ ошибаться", и за эти ошибки ему приходится самому отвѣчать. Въ какое тяжелое положеніе попадаетъ благодаря этому и вся страна и самая королевская власть,—показываетъ нашумѣвшій на всю Европу эпизодъ съ разоблаченія англійской газеты.

Объ этомъ эпизодѣ столько писали, что намъ нѣтъ надобности возвращаться къ его изложенію. Да и важны здѣсь не частности, не подробности, а вскрытый этими разоблаченіями фактъ, показывающій, что въ общественномъ мнѣніи Германіи назрѣло пониманіе необходимости дать своему императору высокій и почетный титулъ „непогрѣшимости", а всю отвѣтственность за политическій курсъ возложить на отвѣтственное министерство, составляемое изъ парламентскаго большинства.

Эта борьба за переходъ отъ конституціонализма къ его высшей формѣ—парламентаризму сосредоточила сейчасъ на себѣ все вниманіе и всѣ силы общественнаго мнѣнія Германіи.

Когда обсужденіе вопроса о „личномъ режимѣ" императора Вильгельма со страницъ газетъ перенеслось въ нѣмецкій рейхстагъ, то въ послѣднемъ раздались рѣчи, которыхъ нѣмецкій народъ съ оффиціальной политической трибуны не слыхалъ со времени революціи 48-го года.

Императору Вильгельму пришлось ощутить самыя непріятныя для него стороны „личнаго режима"—жестокую публичную критику своего политическаго поведенія.

Личность англійскаго короля, заслоненнаго министерскимъ отвѣтственнымъ кабинетомъ, не впутывается въ политическія пренія англійскаго парламента. А крайне славолюбивому и болѣзненно-честолюбивому англійскому королю за „преимущества" своей королевской власти по сравненію съ властью англійскаго короля пришлось расплатиться тѣмъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней ему приходилось слышать, какъ на трибуну рейхстага, на высшую политическую трибуну страны, одинъ за другимъ поднимались ораторы и въ гнѣвныхъ рѣчахъ подвергали суровой критикѣ и безпощадному осужденію политическое поведеніе императора. И выходили эти ораторы не только изъ рядовъ оппозиціи. Консерваторы и антисемиты въ болѣе сдержанной, но все же раздраженной и порицательной формѣ говорили о „личномъ режимѣ". И канцлеръ Вильгельма II, кн. Бюловъ, сидѣлъ блѣдный, взволнованный, точно свинцомъ налитый, не си-

дѣлъ, не поднимаясь, не рѣшаясь говорить въ защиту императора отъ тяжелыхъ, жгучихъ упрековъ, которые сыпались на него со всѣхъ концовъ.

Даже умѣренный центръ устами барона Гертланга заявилъ:

„Сегодняшній день—своего рода пограничный знакъ въ исторіи нѣмецкаго парламентаризма. Мнѣ тяжело чувствовать себя принужденнымъ подвергать критикѣ носителя верховной власти. Надѣюсь, что такая необходимость никогда болѣе вновь не представится. Мы требуемъ отвѣтственности министровъ, то есть соразмѣренія правъ монарха съ правомъ самоопредѣленія народа. Для всѣхъ должностныхъ лицъ имперіи—включая сюда самыхъ высоко поставленныхъ—долженъ существовать рубежъ, дальше котораго они не имѣютъ права заходить. Канцлеръ заявилъ намъ, что императоръ вполнѣ сознаетъ вредность своей статьи, что онъ весь проникнутъ этимъ сознаніемъ и будетъ избѣгать такихъ шаговъ въ будущемъ. Но я не знаю, достаточно ли этого?..: Намъ нужны болѣе прочныя гарантіи".

Лидеръ антисемитовъ Либерманъ фонъ-Зонненштейнъ говорилъ тоже въ почтительной формѣ очень непочтительныя рѣчи. Довѣріе нѣмецкаго народа къ его правителямъ, заявилъ онъ въ рейхстагѣ, упало до нуля. Глубоко печально для нѣмцевъ, что нѣмецкій императоръ не всегда думаетъ и чувствуетъ, какъ подобаетъ истинному нѣмцу.

Если такимъ языкомъ заговорили представители умѣреннѣйшей партій, патріоты изъ патріотовъ, то не трудно себѣ представить всю энергію выраженій и всю силу удара критиковъ изъ рядовъ лѣвыхъ партій. А безчисленныя собранія, съ безчисленными рѣчами, а нескончаемая съ ранняго утра жестокая дробь газетной канонады!

Слушая все это, видя все это,—что испытывалъ болѣзненно-самолюбивый и неудержимо-властолюбивый Вильгельмъ? Шевельнулось ли въ немъ чувство зависти къ англійскому „парламентарскому" королю, стоявшему въ сторонѣ отъ борьбы политическихъ страстей и навсегда огражденному отъ политическихъ нападокъ? Или же наоборотъ, въ душѣ честолюбиваго императора, захотѣвшаго, какъ это предсказалъ еще Бисмаркъ, быть своимъ собственнымъ канцлеромъ, закипало чувство негодованія и возмущенія противъ посягательствъ на его власть и расла готовность дать суровый отпоръ народному представительству?

Итальянскій журналистъ Борезе, долго жившій въ Германіи и отлично знакомый съ ея придворною средою и въ частности съ личностью Вильгельма II, увѣряетъ въ своей брошюрѣ „Его трагедія", что Вильгельмъ меньше всего думаетъ отказаться отъ своей роли полу-абсолютнаго господина страны, что декоративная роль англійскаго короля его ни мало не соблазняетъ и потому Германія не перейдетъ отъ конституціонализма къ парламентаризму безъ упорной борьбы и жестокой схватки между императоромъ и народнымъ представительствомъ. Правъ итальянскій

журналистъ или онъ ошибается, во всякомъ случаѣ надо отмѣтить, что нынѣшнее положеніе Германіи менѣе всего благопріятно для активной борьбы съ народнымъ представительствомъ.

Внѣшне Германія политически изолирована. То положеніе „блестящей" изолированности, которымъ нѣкогда гордилась островная и потому географически обособленная Англія, менѣе всего удобна для Германіи, со всѣхъ сторонъ желѣзнымъ кольцомъ обложенной крупными государствами, внимательно глядящими на нее многими тысячъ пушечныхъ жерлъ. Необычайный экономическій прогрессъ Германіи еще усиливаетъ вражду къ ней со стороны старыхъ капиталистическихъ странъ.

Выходъ въ широкое и бурное море міровой колоніальной политики становится для Германіи тоже все болѣе и болѣе затрудненнымъ. Мы уже отмѣтили въ началѣ этого очерка растущую сплетенность и взаимную обусловленность внѣшней политики и внутренней. Пока далекія страны служившія райономъ для колоніальныхъ походовъ и авантюристскихъ затѣй европейскаго золотого руна были погружены въ вѣковой политическій сонъ, пока онѣ и въ политическомъ и въ экономическомъ движеніи служили лишь объектами эксплоатаціи, а не субъектами самостоятельныхъ движеній, до этихъ поръ колоніальной политикѣ Германіи не мѣшалъ ея полу-абсолютическій строй и ея постоянная готовность всѣми силами задерживать пробужденіе политическаго сознанія въ далекихъ „колоніальныхъ" странахъ. Но когда восточныя страны одна вслѣдъ за другою стали пробуждаться отъ вѣкового сна, когда восточные народы, проживъ вѣка въ стоячихъ, сплошныхъ, неизмѣнныхъ формахъ мысли жизни, почувствовали, что они начинаютъ задыхаться и широкою полною грудью стали жадно вдыхать вольный политическій воздухъ Европы, тогда положеніе Германіи и въ ея міровой политикѣ очень осложнилось. Лучшій примѣръ— Турція. Политическій переворотъ въ Турціи, переходъ политической власти въ руки младотурковъ повелъ къ сильнымъ затрудненіямъ и для чисто экономической политики Германіи, облегчивъ экономическую миссію Англіи. При старомъ турецкомъ режимѣ Германія всячески поддерживала давно изжитыя политическія и экономическія формы Турціи. И когда турецкій народъ могучимъ народнымъ порывомъ сбросилъ съ себя старый порядокъ, положеніе Германіи оказалось чрезвычайно труднымъ, не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Ея политическая и экономическая дѣятельность такъ тѣсно сплеталась другъ съ другомъ, ея политическіе эмиссары такъ нераздѣльно сливались съ ея коммивояжерами, что крушеніе былой политической роли Германіи въ Турціи принесло ей чрезвычайно большія затрудненія и въ экономической области. Ея экономической политикѣ приходится отдѣляться отъ политической, а это процессъ длительный и сложный.

А экономическое положеніе внутри Германіи въ настоящее время тоже

не безоблачно. Ея необычайный промышленный подъемъ въ послѣдніе годы испытываетъ несомнѣнную заминку, безработица растетъ. А между тѣмъ „безбрежные“ морскіе планы попрежнему кружатъ голову нѣмецкому правительству и опустошаютъ карманы нѣмецкихъ плательщиковъ. Предвидится колоссальный дефицитъ въ 500 милліоновъ марокъ, для покрытія котораго правительство намѣтило уже цѣлый рядъ новыхъ крупныхъ налоговъ и заключеніе новыхъ займовъ. Уже это поведетъ, конечно, къ новому обремененію плательщиковъ налоговъ и угрожающему росту государственной задолженности. Еще тридцать лѣтъ тому назадъ имперскій долгъ Германіи равнялся всего 189 мил. марокъ, а въ 1908 г. онъ уже выросъ до 4-хъ милліардовъ.

Статсъ-секретарь финансоваго вѣдомства Сидовъ, защищая въ рейхстагѣ правительственный проектъ налоговъ, въ концѣ концовъ долженъ былъ воззвать къ патріотическому чувству депутатовъ.

„Мы должны проникнуться—сказалъ онъ,—категорическимъ императивомъ пылающей (brennenden), страстной любви къ отечеству“ и согласиться платить налоги.

Однако, нѣмецкое общественное мнѣніе прислушивается и оказывается покорнымъ велѣніямъ иного категорическаго императива—демократизаціи политической власти. И если послѣднія рѣзкія проявленія личнаго режима вызвали въ Германіи столь сильное политическое движеніе, то въ значительной степени это вызвано обострившимся экономическимъ положеніемъ Германіи и сознаніемъ, что экономическія затрудненія, переживаемыя страной, тѣсно и неотрывно связаны съ политическою отсталостью ея государственнаго строя.

Недаромъ поэтому нѣмецкая умѣренная печать на призывъ правительства вспомнить свои обязанности патріота и провести правительственный проектъ налоговъ, единодушно отвѣтила, что нѣмцы всегда аккуратно и честно платили всѣ налоги, хоть имъ годъ отъ году все тяжелѣе становится, но только, платя деньги, они хотятъ, чтобы они были и политическими хозяевами своей собственной страны.

„Въ настоящихъ конституціонныхъ странахъ,—пишетъ „Frankfurter Zeitung“,—всѣ финансовыя затрудненія были бы разрѣшены несравненно легче, чѣмъ у насъ. Тамъ существуютъ прочное парламентское большинство, отвѣчающее за направленіе соціально-политическаго курса и опредѣляющее его“.

„Еще опредѣленнѣе и рѣзче высказался органъ нѣмецкаго умѣреннаго либерализма „Berliner Tageblatt“. Въ отвѣтъ на призывъ правительства къ „категорическому императиву“ патріотизма либеральный органъ отвѣтилъ подробнымъ „ультиматумомъ“. Внутренняя экономическая политика правительства въ значительной степени обусловлена его политическими симпатіями. Правительство явно экономически поддерживаетъ тѣ классы и

слои населенія, которые являются оплотомъ его политической власти, въ которыхъ оно видитъ себѣ опору и защиту въ борьбѣ съ растущимъ натискомъ демократіи. Можемъ ли мы при такихъ условіяхъ поддерживать теперешнее нѣмецкое правительство, не принося въ жертву своихъ политическихъ идеаловъ, не поступаясь своими насущными интересами? Разъ правительству нужна наша политическая помощь, то мы ее дадимъ, но только при условіи, что и намъ будутъ даны гарантіи новаго политическаго курса.

Достаточно сколько-нибудь внимательно вчитаться въ подобныя статьи и рѣчи, чтобы отчетливо бросилась въ глаза роль, сыгранная экономическими затрудненіями въ теперешнемъ обостреніи политическаго кризиса въ Германіи. На почвѣ этихъ затрудненій выросло и широко разрослось недовольство въ самыхъ широкихъ слояхъ нѣмецкаго народа, а политическая отсталость Германіи и сознаніе тѣсной зависимости экономическаго положенія страны отъ ея политическаго курса направило это широкое недовольство въ сторону борьбы за парламентаризмъ противъ личнаго режима имп. Вильгельма.

И тотъ же самый экономическій кризисъ, тѣ же самыя финансовыя затрудненія, которыя такъ обильно подлили масла въ огонь разгорѣвшихся политическихъ страстей, которыя такъ усилили натискъ демократіи на личный режимъ, они же такъ ослабили отпоръ, оказанный правительствомъ „домогательству" демократіи. Когда для правительства на неотложной очереди дня стоялъ вопросъ о необходимости провести въ рейхстагѣ свои финансовые проекты съ новыми налогами, когда финансовый и экономическій кризисъ поднималъ въ странѣ высокія волны политическаго броженія, достаточно было элементарнаго политическаго такта и благоразумія, чтобы не раздувать конфликтъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. И несомнѣнно, имп. Вильгельмъ и канцлеръ Бюловъ этотъ тактъ обнаружили. Они усердно поливали разбушевавшіяся волны народнаго недовольства масломъ добрыхъ обѣщаній и извиненій.

Имп. Вильгельмъ въ личной бесѣдѣ съ канцлеромъ Бюловымъ обѣщалъ впредь не высказывать открыто своихъ личныхъ политическихъ симпатій и антипатій и воздерживаться отъ „кричащихъ" (вѣрнѣе—заставляющихъ о себѣ кричать) проявленій личнаго режима.

Но это личное обѣщаніе ни мало не удовлетворило нѣмецкое общественное мнѣніе. Прежде всего, то, что лично дано, какъ обѣщаніе можетъ быть столь же лично взято назадъ „въ виду измѣнившихся обстоятельствъ".

Развѣ эпизодъ съ разоблаченіями англійской газеты, поднявшій на ноги всю Германію, заставившій густо покраснѣть Германію отъ нескончаемаго эха насмѣшекъ, зазвучавшаго по всей Европѣ,—развѣ можетъ онъ улечься отъ того, что императоръ съ глазу на глазъ поговорилъ съ канцлеромъ въ своемъ потсдамскомъ дворцѣ?

Если бы дѣло кончилось этимъ, то во истину гора родила бы мышь.

Общественное мнѣніе въ Германіи настойчиво требуетъ, чтобы были даны политическія *гарантіи*, а не личныя обѣщанія, иначе говоря, чтобы Германія перешагнула отъ конституціонализма къ парламентаризму.

Чѣмъ кончится этотъ серьезный конфликтъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ Германіи—предсказать трудно. Но по крайней мѣрѣ въ ближайшіе годы императоръ Вильгельмъ дальше простыхъ „личныхъ обѣщаній" не пойдетъ—онъ слишкомъ для этого властный и честолюбивый человѣкъ, а политическій темпераментъ нѣмецкаго народа слишкомъ вялъ и анемиченъ, чтобы можно было ожидать серьезныхъ политическихъ осложненій внутри Германіи.

Переживаемый сейчасъ Германіей политическій моментъ очень живо напоминаетъ нѣкоторыми деталями предреволюціонные годы, когда борьба шла за основныя начала конституціонализма, какъ теперь она идетъ за основныя начала парламентаризма.

И тогда на настойчивыя требованія общественнаго мнѣнія дать Пруссіи конституцію король Фридрихъ-Вильгельмъ IV раздраженно отвѣтилъ, что онъ даетъ свое королевское обѣщаніе править страною, опираясь на „довѣріе" населенія, но никогда между нимъ и народомъ не станетъ „исписанный листъ бумаги". Иначе говоря,—никогда онъ не дастъ конституціонныхъ гарантій. Въ итогѣ—„исписанный листъ бумаги" все-таки появился, но въ результатѣ бурнаго революціоннаго движенія.

Въ настоящее время нѣмецкое общественное мнѣніе вновь настойчиво добивается отъ короля новаго „исписаннаго листа бумаги" на этотъ разъ уже съ парламентарными гарантіями и король вновь отвѣчаетъ личнымъ обѣщаніемъ и взываетъ къ личному довѣрію.

И нѣтъ основаній думать, что въ ближайшемъ будущемъ имп. Вильгельмъ II согласится на требованія общественнаго мнѣнія. Не надо къ тому же забывать, что „личный режимъ" императора держится не только психологическими корнями въ его романтической душѣ, но и соціальными корнями въ малочисленныхъ, но прекрасно сплоченныхъ, богатыхъ и вліятельныхъ кругахъ аграріевъ.

П. Берлинъ.

Политическіе и экономическіе вопросы на Балканахъ.

Военный пожаръ, готовый вспыхнуть на Балканахъ, настолько былъ бы громаденъ и важенъ для европейскихъ государствъ, особенно же для Россіи, какъ особенно близкой и заинтересованной въ судьбахъ балканскихъ славянъ, что надѣяться сохранить этотъ пожаръ локализованнымъ только въ предѣлахъ спорящихъ государствъ совершенно невозможно. Не говоря уже о томъ, что всѣ вообще европейскія правительства связаны между собою многочисленными отношеніями родства своихъ династій, союзами, вопросами политическаго равновѣсія, а народы—національнымъ тяготѣніемъ, европейская промышленность—интересами капиталовъ, вложенныхъ въ займы балканскихъ государствъ, интересами рынковъ для сбыта и т. д.,— самый исходъ военнаго столкновенія не можетъ быть, конечно, безразличенъ, такъ какъ онъ можетъ совершенно видоизмѣнить нынѣшнія политическія отношенія, усиливъ однихъ и ослабивъ или даже, можетъ быть, вовсе лишивъ политической самостоятельности другихъ,—слабѣйшихъ. И правительства, и ихъ народы, промышленники, кредиторы и должники,—всѣ съ одинаковою тревогою и вниманіемъ прислушиваются къ извѣстіямъ, идущимъ съ Балканъ; для всѣхъ казалось бы одинаково нежелательно возникновеніе этого политическаго потрясенія, громадныя послѣдствія котораго теперь предвидѣть невозможно.

Но если въ самомъ дѣлѣ такая перспектива равно нежелательна для всѣхъ; если подготовляющееся на берегахъ Дуная военное столкновеніе способно нарушить интересы европейскихъ государствъ и народовъ,—то какимъ же образомъ и въ чьихъ интересахъ подготовляются и развиваются эти событія, кому они нужны и для чего?

Отвѣтить на этотъ вопросъ можно только послѣ краткаго историческаго анализа политическихъ отношеній европейскихъ, а въ частности балканскихъ государствъ послѣ Берлинскаго конгресса 1878 г. Этотъ конгрессъ, вызвавшій къ жизни „по кабинетному распоряженію, по начальническому хотѣнію“ новыя до сихъ поръ не существовавшія государ-

ства, рѣшившій судьбу южныхъ славянъ, установившій самовластно границы балканскихъ государствъ и народовъ, предписавшій завести въ этихъ государствахъ тотъ или иной внутренній распорядокъ и т. д.,—можетъ быть разсматриваемъ какъ кульминаціонный пунктъ, лебединая пѣснь традиціонной многовѣковой политики старой Европы, политики, которая нынѣ, на нашихъ глазахъ, трещитъ и разваливается подъ напоромъ новыхъ, молодыхъ и буйныхъ политическихъ силъ, силъ самихъ народовъ и сознанныхъ ими своихъ интересовъ. Все, что было предписано и установлено кабинетными заправилами этого конгресса, было искусственно сочинено вовсе не въ интересахъ блага самихъ народовъ, которыхъ касалось, но въ интересахъ совершенно иныхъ политическихъ группъ, и въ настоящее время, какъ обветшалый негодный хламъ, выброшено изъ политическаго обихода. Новыя отношенія, ближе отвѣчающія нуждамъ населенія дунайскихъ народовъ, не установились и еще не оформлены, старое обветшало и отброшено,—и вотъ мы наблюдаемъ картину возможной перетасовки политическихъ картъ въ рукахъ европейскихъ игроковъ. Часть этихъ дѣятелей снабжена своими прежними испытанными средствами и орудіями политики „старой" Европы, другіе опираются на новыя начала.

Въ чемъ же заключалась политика старой Европы? Исторія показываетъ, что цѣлью и задачей всей политики европейскихъ государствъ всегда была, прежде всего, выгода самихъ правителей и ближайшаго къ нимъ правящаго класса. Во внѣшней политикѣ добивались исключительно пріобрѣтенія и захвата, для собственнаго усиленія, земель и населяющихъ ихъ народовъ, а если этого добиться въ данной моментъ было невозможно, то—хоть ослабить своихъ политическихъ сосѣдей и конкуррентовъ путемъ вовлеченія ихъ въ рискованную политическую авантюру, могущую ихъ ослабить, въ войну и проч. Пріобрѣсти провинцію, сосѣднюю область, захватить часть земель у болѣе слабаго сосѣда путемъ войны, брака, договоровъ, угрозъ и проч.—въ этомъ всегда заключалась цѣль работы дипломатовъ. Области, земли и провинціи, конечно, съ ихъ населеніемъ, уступались и отнимались, дарились и передавались, какъ своеобразный политическій товаръ. Государственная территорія или часть ея добывалась, какъ награда, послѣ успѣшной войны или какъ результатъ выиграннаго сраженія.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, при этихъ дѣлежахъ, уступкахъ и передачахъ интересы населенія уступаемыхъ и раздѣляемыхъ областей, интересы народовъ, ихъ нужды и желанія—менѣе всего интересовали европейскихъ политиковъ старой школы. Фактъ перехода государственной территоріи отъ одного государства къ другому опредѣлялъ и дальнѣйшую политическую жизнь населяющихъ эту территорію людей впредь до новаго измѣненія; вчера они считались подданными одного государства, сегодня же они должны были присягать другому государю, повиноваться инымъ законамъ, исполнять распоряженія новыхъ властей, входить въ новыя хозяйственно-

экономическія отношенія, вносить налоги и давать людей въ армію. Вчерашніе республиканцы, какъ поляки, запорожцы, венеціанцы, становятся подданными абсолютнаго монарха, а бывшіе „презрѣнные султанскіе рабы"— болгаре дѣлаются членами новаго самостоятельнаго государства и носителями широкихъ конституціонныхъ гражданскихъ правъ. Жителей никто, разумѣется, не спрашивалъ объ ихъ желаніяхъ; ихъ согласіе или несогласіе на подобную политическую перемѣну не имѣло никакого значенія, да и никто не интересовался такими пустыми вопросами. Англія, взявъ подъ свой присмотръ весь Египетъ, не спрашивала, разумѣется, населеніе о томъ, согласно ли оно на такой актъ; Австрія, занявъ около 30 лѣтъ тому назадъ Боснію и Герцеговину для водворенія порядка и для „блага населенія", также вовсе не освѣдомлялась ни у кого о благѣ этого населенія,—напротивъ, оружіемъ подавила протестъ этого населенія, не спрашивала, конечно, объ этомъ и теперь, присоединяя эти провинціи; Россія и Англія, уславливаясь между особою о разграниченіи „сферъ вліянія" въ Персіи, также не внушали, повидимому, своимъ дипломатамъ подобной точки зрѣнія. Этнографическая граница народовъ и его разселенія равнымъ образомъ не интересовала политическихъ дѣятелей,—развѣ если это было бы выгодно въ интересахъ новаго захвата.

Какъ бы мы ни оцѣняли историческую роль того или иного государства, какъ бы ни объясняло само правительство свои дѣйствія и цѣли, какими бы побужденіями и намѣреніями, даже высокогуманнаго характера, ни объяснялись данные политическіе шаги и поступки того или иного правительства,—необходимо признать, что основою внѣшней политики европейскихъ государствъ, ея сущностью является желаніе обогащенія и захвата, а въ крайности—гарантія себя отъ захватовъ со стороны сосѣдей. Въ старину добивались территоріальнаго захвата съ цѣлью использовать податную и военную силу населенія захваченныхъ областей, а чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе выдвигается цѣлью политики—торгово-промышленное подчиненіе.

Само собою разумѣется, что всѣ захваты и пріобрѣтенія всегда объяснялись высокими соображеніями; выставлялись либо доводы объ исторической необходимости, объ округленіи границъ, достиженіи естественной терроторіальной границы „до моря" или до „океана"; либо прикрывались общими фразами о благѣ населенія, объ установленіи прочнаго правопорядка. Англія, дѣйствуя въ интересахъ промышленнаго класса, захватила управленіе Египтомъ, извлекая изъ него серьезные денежные барыши и держа въ рукахъ важный для мірового торговаго обмѣна торговый путь—Суэцкій каналъ, однако, въ свое время этотъ произвольный захватъ, вторженіе въ чужое государство, былъ объясненъ высокогуманными соображеніями всеобщаго благоденствія, особенно же египтянъ. Австрія, захвативъ на нашихъ глазахъ Боснію и Герцеговину, нѣкогда занятыя ею временно, опять-таки

объясняетъ это вовсе не алчностью къ территоріальнымъ политическимъ пріобрѣтеніямъ, но исключительно благомъ присоединенныхъ. Это благо чужихъ народовъ, если вѣрить оффиціальнымъ реляціямъ, настолько обуреваетъ сердца захватывающихъ политиковъ и такъ имъ дорого, что они, не задумываясь, будутъ проводить его посредствомъ войны, т. е. убивая какъ нынѣшнихъ своихъ подданныхъ, такъ и будущихъ—благодѣтельствуемыхъ.

Пока большинство континентальныхъ государствъ въ теченіе послѣднихъ 100 лѣтъ, имѣя у себя дома слабо развитую промышленность, не думали вовсе ни о какихъ рынкахъ, а заботились болѣе о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ и о закрѣпленіи своей власти надъ новыми подданными,—Англія, страна старѣйшей въ Европѣ промышленности и крупнаго производства, цѣлью своей политики давно начала ставить именно захватъ рынковъ, торговыхъ станцій и коммерческихъ путей. Однако, условія экономическаго производства и товарнаго обмѣна все болѣе втягивали, вслѣдъ за Англіей, и другія страны, гдѣ въ свою очередь началъ развиваться крупный капиталъ, крупная промышленность, ищущіе рынковъ для сбыта и вынуждающіе свои правительства добывать и охранять эти рынки.

Въ основѣ международной политики, какъ видимъ, всегда лежала и нынѣ лежитъ—жажда пріобрѣтенія; въ старину подъ этимъ пріобрѣтеніемъ разумѣлась территорія съ подданными, но чѣмъ ближе подходимъ мы къ нашему времени—къ вѣку накопленія громадныхъ денежныхъ капиталовъ, развитія кредитнаго хозяйства и крупнаго капиталистическаго производства—тѣмъ болѣе видоизмѣняется объектъ этой добычи; политиковъ все меньше интересуютъ подданные, а все болѣе—покупатели. Пріобрѣтать новыя территоріи, новыхъ подданныхъ, держать послѣднихъ въ повиновеніи, затрачивать средства на управленіе и другіе расходы безъ увѣренности въ выгодности подобнаго предпріятія,—пожалуй, рискованное дѣло.

Гораздо проще не обладать ни этой дополнительной территоріей, ни новыми подданными, которые могутъ доставить только хлопоты, а извлекать изъ нихъ коммерческіе барыши путемъ торговли съ жителями и эксплоатація природныхъ богатствъ ихъ территоріи. Болѣе промышленныя страны начинаютъ предпочитать именно эту политику, по примѣру Англіи, которая находитъ выгоднымъ даже ослаблять *политическое* господство въ своихъ колоніяхъ, закрѣпляя тамъ, однако, свои торгово-промышленные интересы. Государства съ менѣе развитой собственной индустріей, съ меньшимъ капиталистическимъ производствомъ, которыя поэтому не такъ остро чувствуютъ потребность въ близкихъ и отдаленныхъ рынкахъ сбыта для своихъ товаровъ, продолжаютъ стремиться къ захвату территорій и подданныхъ, хотя коммерческая убыточность такихъ пріобрѣтеній въ настоящее время очевидна каждому.

По исчисленіямъ, Кавказъ обходится Россіи въ 8 раза дороже еже-

годно, тѣмъ сколько даетъ, несмотря на его природныя богатства, достающіяся преимущественно иностранцамъ; тоже Туркестанъ, Манджурія и проч. Англія, побѣдивъ буровъ, дала имъ широкое самоуправленіе, доставила высокое гражданское и культурное развитіе Австраліи, Канадѣ и пр., поднимая покупательную силу ихъ населенія; въ то же время Россія пріобрѣтаетъ территоріи, Австрія присоединяетъ Боснію и Герцеговину и готова военною силою поддержать этотъ актъ, Германія нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ присоединила французскія провинціи, расходы на которыя обошлись въ сумму, почти поглотившую французскую контрибуцію. Нынѣ Японія присоединила Корею, и поэтому вынуждена держать тамъ администрацію и войска, расходовать на достиженіе подчиненія себѣ корейскаго народа и проч.

Если постепенно видоизмѣнились, подъ вліяніемъ экономическихъ условій, объекты международной политики, если нынѣ цѣлью пріобрѣтенія является не государственная территорія и государственный подданный, но желательно добыть покупателя товаровъ и его землю, только какъ приложеніе для капиталовъ,—то тѣмъ болѣе измѣнился и характеръ средствъ для этихъ пріобрѣтеній. Средствомъ для захватовъ и пріобрѣтеній всегда служила, конечно, сила. Однако, и въ древнія времена уже отличали грубую физическую силу полчищъ Батыя или Аттилы отъ организованной государственной силы болѣе культурныхъ государствъ, а въ настоящее время одинъ батальонъ европейскаго регулярнаго войска шутя уничтожитъ вдесятеро сильнѣйшихъ по числу и лично храбрыхъ, напр., курдовъ, авганцевъ и пр.

Тѣмъ ближе, однако, приближаемся мы къ нашему времени, тѣмъ яснѣе видимъ, что подъ политической *силою* въ современномъ смыслѣ, какъ средствомъ къ удовлетворенію государствами своей политики пріобрѣтеній и захватовъ, приходится разумѣть не физическую силу баталіоновъ пѣхоты и эскадроновъ конницы, но прежде всего— силу капиталовъ, силу денежную и промышленную.

Обладать такою силою могутъ только государства промышленнаго типа въ современномъ смыслѣ, т. е. такія, въ которыхъ высоко развитая промышленность является слѣдствіемъ развитой культуры населенія, подъема и развитія духовныхъ и матеріальныхъ силъ народа путемъ школьнаго обученія и государственно-правового воспитанія отдѣльной личности. Развитая современная промышленность указываетъ не только на экономическое развитіе народныхъ силъ и дѣятельности, но и на политическую международную силу этого государства. Съ этой точки зрѣнія самыми сильными политическими дѣятелями въ Европѣ нужно считать Англію, Германію и Францію, которыя могутъ, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, диктовать свою волю остальнымъ государствамъ Европы; они могутъ выставить лучше обученныя и снаряженныя войска и дольше другихъ ихъ кормить и содержать; онѣ скорѣе и лучше другихъ могутъ построить

дорогія суда, пушки, машины и снаряженіе, давъ имъ болѣе обученный, умѣлый и просвѣщенный личный составъ; вся армія будетъ состоять изъ болѣе умѣлыхъ, сознательныхъ и просвѣщенныхъ единицъ и пр. Припомнимъ исторію послѣднихъ годовъ и можемъ убѣдиться, что именно политика этихъ государствъ не только даетъ руководящій тонъ въ международныхъ отношеніяхъ современнаго европейскаго концерта, но и фактически она успѣшнѣе. Американцы шутя одолѣли испанцевъ и послѣ войны взяли, что хотѣли. Англія владѣетъ Египтомъ и извлекаетъ большіе выгоды, одолѣла буровъ и получаетъ, по праву сильнаго, на международномъ рынкѣ даже тогда, когда вовсе не воюетъ. Германія безъ войны и затратъ воспользовалась результатами русско-турецкой войны и начала постепенно подчинять себѣ Турцію въ экономическомъ отношеніи. Россія подчинила себѣ Кавказъ и Туркестанъ, но принуждена только дѣлать расходы и затраты; одолѣла турокъ, но не пріобрѣла ничего, кромѣ долговъ; получивъ безъ войны земельную территорію отъ Китая, затратила на нее громадныя денежныя средства, а затѣмъ послѣ войны принуждена была отдать все это съ добавленіемъ части Сахалина и проч.

Такова сущность политики европейскаго международнаго концерта, средства, цѣли и пріемы его. Россія все время вращалась среди этихъ политическихъ международныхъ единицъ, преслѣдуя свои политическія задачи и добиваясь ихъ осуществленія. Во времена Екатерины, когда разница культурной силы между европейскими государствами, съ одной стороны, и Россіей—съ другой, не была такъ велика, политика Россіи была еще успѣшна. Еще тогда у русскихъ дипломатовъ зародилась мысль объ изгнаніи турокъ изъ Европы, о захватѣ ихъ территоріи, присоединеніи южныхъ славянъ и пр.—мечта, которая всегда казалась заманчивой и привлекала къ себѣ мысли не только русскихъ, но иныхъ европейскихъ политиковъ. Это былъ такъ наз. „восточный вопросъ", т. е. вопросъ о дѣлежѣ наслѣдства „больного человѣка", какъ называли Турцію. Турецкая война, стоившая Россіи много жертвъ людьми и деньгами, не только, повидимому, не приблизила разрѣшеніе этого вопроса въ политическихъ интересахъ Россіи, но, казалось, отдалила его, такъ какъ въ дѣло вмѣшались въ послѣдній моментъ остальныя европейскія державы, которыя пожелали рѣшить дѣло въ своихъ интересахъ.

Такъ состоялся извѣстный Берлинскій конгрессъ, задача котораго какъ ее представляли себѣ двѣ самыя сильныя въ то время державы (Англія и Германія) была вполнѣ ими достигнута: Россія была ослаблена войною и ничего существеннаго не получила,—это является само по себѣ плюсомъ для политическихъ соперниковъ; Германія и Австрія получили ширакую возможность политическаго вліянія, а Англія—извлеченія экономическихъ выгодъ на Балканскомъ полуостровѣ. Что касается объекта этихъ операцій—самихъ южныхъ славянъ, то требовалось поставить ихъ въ наиболѣе

удобное для той же политики и зависимое отъ нея положеніе. Границы народовъ перекраивали, не спрашивая; болгарамъ назначили князя, сербамъ—короля, дали конституцію, обѣщали пособить займомъ денегъ.

Благодаря политической предусмотрительности дипломатовъ Англіи и Германіи, руководившихъ дѣятельностью Берлинскаго конгресса и прекрасно понимавшихъ, что ростъ и усиленіе славянскаго племени на Балканахъ опасенъ для ихъ интересовъ, потому что это косвенно усиливало бы Россію, политическаго конкуррента, и могло бы урвать изъ ихъ рукъ балканскихъ славянъ, эту намѣченную добычу,—балканскіе славяне послѣ этого конгресса очутились въ слѣдующемъ положеніи. Берлинскій конгрессъ, по традиціонной привычкѣ дипломатовъ старой школы, началъ, прежде всего, кроить, сортировать и перекраивать. Государственная граница между молодыми славянскими государствами, Сербіей и Болгаріей, была начертана въ берлинскомъ кабинетѣ такъ, что и нынѣ, черезъ 30 лѣтъ, она является постояннымъ яблокомъ раздора и источникомъ столкновеній; другая же, сѣверная сторона обоихъ государствъ за то открыта для Австріи и вполнѣ доступна и удобна для военнаго вторженія австрійскихъ войскъ. Далѣе, славянскіе народы Балканскаго полуострова, и безъ того немногочисленные и разсѣянные между другими національностями—турками, греками, албанцами, были еще раздѣлены самовластнымъ распоряженіемъ того же конгресса между 5 государствами: Турціей, во власти которой оставлена Македонія и часть Старой Сербіи, Австріей—Боснія, Герцеговина, Далмація и др., и, наконецъ, Сербіей, Болгаріей и Черногоріей; при такихъ условіяхъ берлинскіе политики были гарантированы, что создали серьезный тормазъ славянскому дѣлу. Сверхъ того, на престолъ сербскаго короля былъ посаженъ Миланъ Обреновичъ, вѣрный слуга австро-германской политики, усердно вызывавшій вражду Сербіи къ Россіи, Черногоріи и Болгаріи, причемъ съ послѣдней довелъ дѣло даже до войны въ 1885 г., вторгнувшись внезапно съ войсками въ Болгарію. Въ этомъ же послѣднемъ государствѣ сначала свергались и удалялись правители (князь Александръ), потомъ поддерживалась враждебная славянству стамбуловская политика на почвѣ заносчивой неумѣлости русскихъ дипломатовъ и, наконецъ, австрійскій офицеръ Фердинандъ сдѣланъ сначала болгарскимъ княземъ, а потомъ королемъ.

Что касается экономическаго положенія при-дунайскихъ славянскихъ государствъ, то эти слабо населенныя и бѣдныя производительными силами страны цѣликомъ зависѣли отъ тѣхъ же берлинскихъ дѣятелей. Не касаясь Черногоріи, получившей извнѣ отъ Россіи все вооруженіе безплатно, въ видѣ подарка, оба остальныя государства до крайности задолжены европейскимъ банкирамъ, а Болгарія даже заложила въ 1889 г. свои гербовые и акцизные сборы, доходъ отъ которыхъ гарантируетъ займы. Предметы вывозной торговли обоихъ государствъ—почти исключи-

чительно продукты земледѣльческой промышленности и скотоводства: пшеница, табакъ, козы, овцы; немного вина, фрукты, повидло (Сербія). Количество и цѣнность этихъ товаровъ не могутъ быть велики, если принять въ соображеніе слабую населенность этихъ странъ, низкій уровень техники среди населенія, трудность и неудобства дорогъ и сообщеній въ этихъ гористыхъ районахъ, а также и то, что около $^2/_4$ территоріи каждаго изъ этихъ государствъ—горные, скалистые края, на поверхности которыхъ земледѣльческая культура невозможна, а жители могутъ обрабатывать только немногія плодородныя долины у рѣкъ. Горное дѣло—едва въ зародышѣ, но находится, разумѣется, въ рукахъ иностранцевъ. Австрійскіе и германскіе банки имѣютъ нынѣ свои отдѣленія въ обеихъ государствахъ.

Всѣ фабричныя издѣлія — либо англійскія, которыя имѣютъ меньшій сбытъ вслѣдствіе сравнительно дорогихъ цѣнъ, либо германскія и австрійскія; послѣднія—преимущественно невысокаго качества, но дешевый товаръ, спеціально предназначенный для невзыскательнаго балканскаго покупателя. Австрія посылаетъ сюда сахаръ, спички, холстъ, шерстяные и желѣзные товары, стекло, машины, посуду, свѣчи, напитки.

По бюджету текущаго года Болгарія расходуетъ и получаетъ доходовъ около 127 мил. фран. (приблизительно 50 мил. руб.). Сербія 138 м. динаровъ или 54 м. руб., причемъ главная масса расходовъ обеихъ государствъ идетъ на армію, около 25%, а главнѣйшею статьею доходовъ служатъ косвенные налоги, особенно же таможенные и гербовые налоги и акцизъ на табакъ.

Такимъ образомъ, заключенный 30 лѣтъ тому назадъ Берлинскій трактатъ имѣлъ для балканскихъ славянъ, по существу, исключительно ослабляющее значеніе; цѣль его — разъединить эти народы, тяготѣвшіе было другъ къ другу, и ослабить ихъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Черногорія была отрѣзана отъ моря; Сербія—тоже, а съ нынѣшнимъ окончательнымъ занятіемъ Австріей Босніи и Герцеговины, для Сербіи вовсе не остается надежды имѣть непосредственный выходъ къ Адріатическому морю, что является необходимымъ для экономическаго развитія этой страны. Значитъ, сбросить съ себя это обветшалое, но все же вредное и стѣснительное ярмо, именуемое трактатомъ,—является простымъ политическимъ разсчетомъ.

Что касается остальной Европы, то политика и положеніе главныхъ дѣятелей ея существенно измѣнились въ балканскомъ вопросѣ со времени подписанія трактата 1878 г. Англія, разсчитывавшая овладѣть всецѣло всѣмъ рынкомъ Балканскаго полуострова, не успѣла сдѣлать этого по отношенію преимущественно Болгаріи и Сербіи, гдѣ утвердилась промышленность нѣмецкая. Кромѣ того, германская политика, первоначально разсчитывавшая на политическое господство на Балканахъ, послѣ конгресса

занялась торговымъ его завоеваніемъ, выступивъ, какъ прямая соперница Англіи. Англійскому капиталу, преимущественно торгово-промышленному въ европейской и азіатской Турціи, важно осуществить въ этой странѣ свободныя политическія формы правленія и установить свободную торгово-промышленную конкурренцію, которая не страшна ей. Германскій же и австрійскій капиталы являются торгово-промышленными въ славянскихъ государствахъ, гдѣ они монопольны, а въ Турціи — концессіонными (жел. дороги, рудники), получавшими концессіи и разсчитывавшими на поддержку прежняго султанскаго правительства до тѣхъ поръ, пока не развилось и не укрѣпилось бы въ Турціи промышленное германское вліяніе. Съ этой точки зрѣнія нынѣшній политическій переворотъ въ Турціи, являясь выгоднымъ для интересовъ Англіи, оказывался въ то же время не особенно желательнымъ для Германіи, которая не успѣла захватить эксплоатацію намѣченныхъ ею природныхъ богатствъ и концессій, и еще менѣе выгоднымъ для Австріи, промышленность которой не можетъ нынѣ, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, конкуррировать на международномъ рынкѣ съ англійской.

Такова политическая картина на Балканскомъ полуостровѣ. Выходитъ, что по существу находимъ тамъ только двѣ борющіяся политическія силы— Англію и Германію, вѣрнѣе—двѣ группы интересовъ. Германскій капиталъ моложе англійскаго и на міровомъ рынкѣ разсчитываетъ на помощь своего „бронированнаго кулака". Англійскій капиталъ надѣется овладѣть Балканскимъ рынкомъ путемъ свободной конкурренціи, но при условіи правильнаго политическаго режима въ этихъ рынкахъ. Англійская политика, частью въ своихъ непосредственныхъ интересахъ, частью въ видахъ ослабленія своего промышленнаго конкурента—Германіи, будетъ бороться противъ германо-австрійской политики и противъ ея захватовъ, поддерживая соотвѣтствующіе протесты Турціи и иныхъ государствъ и содѣйствуя укрѣпленію въ балканскихъ государствахъ конституціонныхъ формъ правленія. Германіи же, въ союзѣ съ Австріею, выгодно вытѣснить Англію, своего конкуррента, изъ балканскаго рынка и вообще спутать игру этого соперника.

Въ интересахъ Англіи созвать конференцію по балканскимъ дѣламъ и на ней упразднить Берлинскій трактатъ и перерѣшить вопросъ о захватѣ Босніи и Герцеговины, какъ нѣкогда были перерѣшены въ Берлинѣ результаты русско-турецкой войны. Если же не удалось бы ни то, ни другое, ни третье, то остается потребовать компенсаціи, т. е. своей доли добычи. Если бы вспыхнула война по поводу балканскихъ дѣлъ между заинтересованными балканскими и не-балканскими государствами, то для Англіи выгодно уклониться отъ непосредственнаго участія въ ней, превратить каждаго изъ воюющихъ въ своего заказчика и покупателя, въ своего должника по одолженнымъ ссуднымъ капиталамъ и проч., а послѣ войны—воспользоваться истощеніемъ и слабостью противниковъ для извлеченія новыхъ торгово-

промышленныхъ выгодъ. Въ основу же интересовъ австро-германской политики положенъ иной разсчетъ. Самовольное и насильственное присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи слѣдуетъ разсматривать, какъ фактъ совершившійся и безповоротный; а такъ какъ проектируемая конференція будетъ обсуждать правильность этого присоединенія, то, очевидно, допускать созывъ ея—значило бы добиваться суда надъ собственными дѣйствіями и притомъ суда, въ которомъ засѣдаютъ завѣдомо пристрастные, эгоистическіе и враждебные конкурренты. Ясно, что слѣдуетъ противодѣйствовать этой пагубной мысли алармистскими выходками и всякими иными пріемами, а если конференціи и суждено осуществиться, то безъ права обсужденія аннексіи.

При такихъ условіяхъ роль Россіи, ослабленной недавними военными пораженіями и внутренними неустройствами, является ясной. Русская политика, шедшая до сихъ поръ многіе годы на помочахъ за германской политикой во всѣхъ вопросахъ, въ настоящее время будетъ солидарна, повидимому, съ Англіей.

Однако, рядомъ съ этими соперничающими и борющимися силами старой Европы встаетъ и требуетъ себѣ мѣста новая молодая политическая сила, съ которою невозможно не считаться. Это—сила рвущихся къ свободѣ и самостоятельному развитію балканскихъ народовъ, интересы которыхъ солидарны. Эта новая сила желаетъ окончательно порвать свое отношеніе къ Берлинскому трактату, который былъ искусственнымъ и вреднымъ для нея еще при своемъ возникновеніи, а нынѣ представляетъ негодную бумажную ветошь, которая продолжаетъ отравлять жизнь людей, не давая имъ возможности устроиться, какъ сами они желаютъ. Новая народная сила не желаетъ позволить дипломатамъ старой Европы производить надъ собою привычныя ей произвольныя перекраиванія границъ, народностей, распорядковъ и отношеній, а намѣрена все это устроить сама.

Д. Л—въ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Іероглифы новой поэзіи.

(Новыя стихотворенія А. Блока).

I.

Поэтъ А. Блокъ издалъ новую книгу стиховъ—„Земля въ снѣгу“. Книга эта слабѣе „Нечаянной радости“. Блокъ нисколько не диссонируетъ съ установившимся литературнымъ обычаемъ. У нынѣшнихъ молодыхъ авторовъ вторая книга всегда хуже первой и третья хуже второй.

Писатели берутъ у читателя невещественные авансы вниманія и расположенія и не считаютъ долгомъ ихъ отрабатывать. Взятый Блокомъ авансъ огромный. Поэтическая удача его исключительна даже по нынѣшнимъ временамъ. Не надо преувеличивать и думать, что это успѣхъ общаго признанія. Нѣтъ, это успѣхъ у столичныхъ кружковъ, у литературныхъ гурмановъ, отъ вниманія которыхъ не ускользаетъ ни одна новая книжка и талантливая статья. Въ провинціи Блока знаютъ тѣ же читатели-гастрономы. Въ сущности, часы нашего провинціальнаго читателя отстаютъ на двадцать пять лѣтъ. Писатели доходятъ туда съ тѣмъ же постояннымъ опозданіемъ, съ какимъ ходятъ желѣзнодорожные черепашьи поѣзда.

Иногда чувствуется даже какой-то протестъ провинціи противъ угодливости столицъ передъ модными знаменитостями. Когда покойный Вейнбергъ прочелъ однажды нѣсколько лекцій на литературныя темы въ Кіевѣ, кіевскія газеты демонстративно написали, что пріѣхалъ какой-то „приватъ-доцентъ Вейнбергъ“ и вотъ собирается читать.

О большинствѣ модныхъ именъ и сочиненій публика судитъ по бѣглому перезсказу литературнаго обозрѣвателя или, еще хуже,—по шаржу и пародіи. Бури въ стаканѣ воды и землетрясенія литературнаго муравейника доходятъ во глубину Россіи только смутнымъ гуломъ. И съ каждымъ желѣзнодорожнымъ поясомъ все меньше и неопредѣленнѣе круги отъ всколыхнувшихъ наше столичное болото камней.

Въ Блокѣ наши кружки и кружковые критики возвеличили поэзію сонного сознанія, дремотнаго настроенія, прелесть смутнаго, неяснаго, нефор-

мулированнаго. Это правда, что, можетъ быть, никто изъ нынѣшнихъ стихотворцевъ не принесъ съ собой столько непосредственнаго, наивнаго, интимнаго воспріятія жизненныхъ впечатлѣній. Наша прежняя поэтическая школа брала ясностью, точностью, опредѣленностью настроенія и формы. Ни тѣни тайны, ни намековъ, ни секретовъ. Въ Пушкина смотришься, какъ въ ясную гладь неподвижной рѣки—какъ въ зеркало. Черезъ пять-десять лѣтъ послѣ того, какъ десятки мастеровъ перебросили черезъ свои руки золото нашего стиха, у Полонскаго и Фета, у Случевскаго и Фофанова вдругъ зазвенѣли странные стихи, передъ которыми встали втупикъ учителя словесности. Начались какія-то подглядыванія таинственнаго неяснаго, дремотнаго, заколебалось, замутилось отраженіе поэтическаго лица въ ихъ стихѣ.

Былой поэтъ, если пѣлъ радость, то эта была чистая, ясная, безпримѣсная радость, если тоска,—то только тоска. Старый читатель удивился, растерялся, когда Полонскій попытался влить въ стихъ весь сумбуръ противорѣчивыхъ чувствъ, иногда одновременно переполняющихъ душу человѣка. „Все что близко, что далеко,—все что грустно и смѣшно,—все что спитъ въ душѣ глубоко,—въ этотъ мигъ озарено.—Отчего жъ былого счастья—мнѣ теперь ничуть не жаль?—Отчего былая радость—безотрадна, какъ печаль?—Отчего печаль былая—такъ свѣжа и такъ ярка?—Непонятное блаженство!—Непонятная тоска!

Радость безотрадная, какъ печаль! Непонятное блаженство, совмѣщающееся съ непонятною тоской! „Что за чепуха"!—должны были воскликнуть педанты старой критики, уставщики новыхъ и строчныхъ препинаній, для которыхъ совмѣщеніе блаженства и тоски было логическою несообразностью, хотя такими несообразностями полонъ человѣкъ и, можетъ быть, въ уловленіи ихъ—высшая прелесть поэзіи.

У спокойнаго, яснаго, разсудительнаго Алексѣя Толстого проскользнули вдругъ совсѣмъ декадентскія ощущенія, и *въ звукахъ* скрипки онъ вдругъ къ крайнему соблазну Скабичевскихъ, уловилъ *цвѣта*. „Въ нихъ разсказъ убѣдительно лживый развивалъ невозможную повѣсть,—и змѣинаго, цвѣта отливы—соблазняли и мучили совѣсть". Какая нелѣпость—долженъ былъ воскликнуть читатель стараго вѣка,—перенесеніе цвѣта на звукъ, опредѣленіе звука цвѣтомъ!

Новая поэзія дремотныхъ ощущеній подсознательныхъ чувствъ, соннаго сознанія—плоть отъ плоти этой радости Полонскаго, „безотрадной, какъ печаль", и этихъ звуковъ Толстого съ отливомъ „змѣинаго цвѣта". Я думаю, что эти неясныя, неопредѣлимыя точными словами движенія души имѣютъ самое законное, самое неотъемлемое право на гражданство въ поэзіи ничуть не меньшее, чѣмъ тѣ ясныя думы и чувства, которыя можно запечатлѣть въ словѣ почти съ математической точностью. Я думаю больше,—что этой области смутныхъ самочувствій предстоитъ впереди необъятный просторъ.

Съ каждымъ десяткомъ книгъ, съ каждымъ десяткомъ недѣль все глубже и глубже въ бездны человѣческихъ душъ опускается пытливое человѣческое слово, слѣдитъ за сокровеннѣйшими изгибами желаній, ловитъ самыя замысловатыя зигзаги чувства, разбирается въ хаосѣ противорѣчивыхъ настроеній. Поэзія ждетъ своего чародѣя, который сдѣлалъ бы въ области стиха то, что Достоевскій совершилъ въ области прозы.

Можетъ быть, черезъ какія-нибудь нѣсколько лѣтъ при оглядкѣ на нынѣшніе дни уже всѣмъ будетъ ясно, что нашъ день былъ тѣмъ переходнымъ моментомъ, когда поэзія отвоевывала свое право на эти сферы дремотнаго и туманнаго и блуждала еще въ потемкахъ и впадала въ странности и чудачества. Нисколько не менѣе страннымъ было во дни оны, во дни блаженной памяти романтизма появленіе въ нашей литературѣ нѣмецкихъ мертвецовъ, кладбищъ въ лунномъ свѣтѣ и таинственныхъ призраковъ въ таинственныхъ замкахъ.

Тайны человѣческой психики стали самыми интересными для человѣчества. Въ литературѣ наибольшій успѣхъ имѣетъ то, что носитъ характеръ интимнаго изліянія. Театръ ищетъ интимной сцены.

Идетъ новое время въ литературѣ, рѣзко отличное отъ того недавняго, когда писатель клалъ все въ ротъ читателю и тому оставалось только разжевывать. Достоевскій потому такъ обаятеленъ, что онъ даетъ просторъ читательской догадкѣ, намекаетъ, подсказываетъ тамъ, гдѣ прежній писатель дѣлалъ все яснымъ до послѣдней точки надъ *i*. Конечно, будетъ время, когда многое изъ интимнѣйшаго уяснится и опредѣлится. То же самое пользованіе цвѣтовымъ опредѣленіемъ для совсѣмъ иныхъ цѣлей уже запечатлѣно,—какъ фактъ, какъ законъ такимъ трезвѣйшимъ изъ трезвыхъ художниковъ, какъ Левъ Толстой. Вспомните сцену изъ „Войны и мира", гдѣ Наташа опредѣляетъ Безухова при помощи цвѣтовъ: „онъ синій темно-синій съ краснымъ. Онъ франкъ-массонъ, я узнала. Онъ славный темно-синій съ краснымъ... Какъ вамъ растолковать"....

Мы еще только ищемъ терминовъ, еще нащупываемъ опредѣленія. Мы еще пользуемся услугами неуклюжихъ, лишенныхъ гибкости косолапыхъ словъ, и еще не увѣрены и дрожатъ наши ищущія руки. Но намъ уже вѣдома радость нахожденія. Уже многое отвоевано отъ тайны, отъ тьмы. Еще неточными, неловкими словами, какъ іероглифами, поэтъ приводитъ насъ къ безднамъ своей души, и мы видимъ въ ней колеблющійся и мутный свѣтъ, но уже сердце трепещетъ отъ радости будущихъ обрѣтеній; и мгновеніями становится ясно, какіе необъятные горизонты разстилаются тамъ, впереди, передъ литературой. Можно понять совершенно исключительную радость поэтовъ при обнаруженіи именно такихъ интимнѣйшихъ, сокровеннѣйшихъ настроеній. Они не нужны толпѣ, но ихъ поймутъ, замѣтятъ, переживутъ *немногіе*. Есть радость одиночества и самозамкнутости. Это хорошо выражено у Брюсова: „Есть великое счастье—познавъ,

увядать, одному любоваться на грезы свои; безотвѣтно твердить откровеній слова и въ пустынѣ слѣдить, какъ восходитъ звѣзда".

Пусть кажутся неисчерпаемыми всѣ фонды реализма. Пусть они на самомъ дѣлѣ—будутъ исчерпаны до послѣдней монеты. Открывается необозримый просторъ, наступаетъ царство поэтическихъ углубленій, догадокъ, намековъ, экстатическихъ прозрѣній и мистическихъ осіяній. Сквозь крайности ломанія и задора, сквозь причуды необузданнаго индивидуализма и импрессіонизма намѣчаются ясные просвѣты въ новыя области прекраснаго. Мы дожили до весеннихъ дней и, можетъ быть, скоро передъ нами вспыхнутъ огни Ивановой ночи.

Когда искренніе люди въ молодомъ теченіи отрекутся отъ недавнихъ забавъ, какъ Брюсовъ, ставшій глубокимъ и понятнымъ поэтомъ, когда Рукавишниковы бросятъ свой демонизмъ, ничто не остановитъ симпатій къ молодой школѣ. Искренность всепобѣждающа. И уже идутъ искренніе люди.

Въ разсказѣ Леонида Андреева „Іуда" есть такое мѣсто:

— Ты любишь желтую ливанскую розу, у которой смуглое лицо и глаза, какъ у серны?—спрашиваетъ апостолъ Іуда Ѳому.

— Розу! Да, мнѣ пріятенъ ея запахъ. Но я не слыхалъ, чтобы у розъ были смуглыя лица и глаза, какъ у серны.

— Какъ! Ты не знаешь и того, что у многорукаго кактуса, который вчера разорвалъ твою одежду, одинъ только красный цвѣтокъ и одинъ только глазъ?—удивляется Іуда.

Мнѣ не кажется, что Іуду нужно было непремѣнно представить декадентомъ, но въ этомъ коротенькомъ діалогѣ хорошо охваченъ весь современный споръ искусства, вся разность искусства реальнаго, требующаго полной ясности, общечеловѣчности и общедоступности творческой мысли и современнаго искусства импрессіонистовъ, открывающихъ двери въ литературу любому настроенію, какъ бы оно ни было исключительно, субъективно, туманно или даже дико на чужой глазъ. Подъ эгидой этого принципа въ литературу, въ частности, въ лирику, прошло множество ломакъ и фигляровъ. Они жонглируютъ своей душой, какъ фокусникъ мячикомъ. Однако, несомнѣнна наличность въ человѣкѣ смутныхъ, неясныхъ, но могущественныхъ настроеній,—мыслей, ускользающихъ отъ общепринятой логики, чувствъ, не поддающихся анализу.

Въ современной душѣ все это проявляется ярче, чѣмъ когда-либо. Половина земного шара больна неврастеніей и пьетъ бромъ. Человѣчеству нравится его больная полудремота, эти смутныя настроенія. Оно хочетъ уловить неуловимое. Левъ Толстой для него слишкомъ здоровъ, ясенъ и простъ. Если такія настроенія существуютъ, если они властны,—кто можетъ заградить имъ путь въ литературу?!

Народъ подмѣтилъ „зеленый шумъ" весны, и великій народный поэтъ подхватилъ образъ и внесъ его въ свои пѣсни. Вотъ, если хотите, когда и гдѣ

занималась заря декадентства. Да, есть ощущенія, есть настроенія, которыя можно охарактеризовать наиболѣе точно именно такимъ словомъ, такимъ сравненіемъ, которое обижаетъ логику. Кактусъ, дѣйствительно, можетъ казаться одноглазымъ, а роза—смуглой.

На эти смутныя чувства, на тайну, на тайное летитъ современное творчество, какъ мотылекъ на огонь.

Блокъ рано родился. Онъ именно поэтъ такого настроенія, кажется, область реальнаго, яснаго чувства ему совершенно чужда, совершенно его не занимаетъ. Онъ весь въ такихъ попыткахъ подслушать въ своей душѣ смутныя, полусонныя настроенія, дремотныя воспоминанія. У него есть исключительная чуткость къ уловленію этихъ тѣней, едва отдѣляющихся на фонѣ душевныхъ сумерекъ. Въ Блокѣ многое отъ Полонскаго. Его желаніе подмѣтить смутность человѣческихъ грезъ, его наивность, почти дѣтскость порою. Какъ Полонскій не боялся страшно обыденныхъ словъ, которыхъ съ ужасомъ бѣжалъ бы нашъ классикъ 30—40-хъ годовъ („Ночь холодная мутно глядитъ подъ рогожу кибитки моей"), такъ Блокъ смѣло замыкаетъ ихъ въ свой стихъ. Онъ играетъ на особенной прелести вторженія въ его поэтическіе сны будничнаго, обыкновеннаго, сѣренькаго, придающаго имъ такой колоритъ жизненной уютности и правды. „Уключина", „котенокъ", „золотящійся крендель булочной", „кочерыжка",—эти слова, можетъ быть, въ первый разъ введены имъ въ стихъ, претендующій на лиризмъ, а не юморъ.

Блокъ живетъ въ царствѣ своего вымысла, отгородивъ себя отъ реальной жизни съ ея балаганомъ, суетой и кровью стѣнкой наивнаго дѣтскаго міровоззрѣнія. Въ его мірке маленькія мохнатыя существа—карлики и гномы—прыгаютъ по лѣснымъ опушкамъ, колдуны укачиваютъ весну, чертенятки скучаютъ на болотѣ. Все это, разумѣется, страшно оторвано отъ сегодняшняго дня, но все это мило искренностью воспріятія, нѣжностью, мягкостью рисунка. Все это мистически озарено у Блока, мудро той таинственной мудростью, которая утаена отъ вѣка. Тотъ же налетъ мистическаго лежитъ и на всѣхъ лирическихъ его пьесахъ. Большинство ихъ страшно субъективно. Къ большинству ихъ положительно необходимъ комментарій. Тамъ, гдѣ этотъ комментарій читатель подсказываетъ себѣ самъ, получаются красивыя картинки, полныя настроенія.

Но къ своему дѣлу Блокъ подошелъ въ тѣ дни, которые располагаютъ самыми примитивными орудіями изысканій. Еще нѣтъ нужныхъ словъ. Еще языкъ располагаетъ всего лишь двумя-тремя терминами. Они уже рождаются, но ихъ такъ мало и они такъ общи. Всеспасительное слово „настроеніе" еще почти не было извѣстно Далю, и, еще какіе-нибудь пять лѣтъ назадъ нельзя было предвидѣть того терминологическаго смысла, въ какомъ это слово представляется намъ.

Въ такое время положеніе поэта съ запросами Блока есть истинная

писательская трагедія. Онъ могъ бы съ истинной горечью примѣнить къ себѣ строки изъ чудеснаго стихотворенія Мережковскаго: „Устремляя наши очи—на блѣднѣющій востокъ,—дѣти скорби, дѣти ночи,—ждемъ, придетъ ли нашъ пророкъ.—Мы невѣдомое чуемъ—и, съ надеждою въ сердцахъ,—умирая, мы тоскуемъ—о несозданныхъ мірахъ.—Дерзновенны наши рѣчи,—но на смерть осуждены,—слишкомъ ранніе предтечи—слишкомъ медленной весны“.

Замедлившая „весна“, конечно, рано или поздно придетъ. Нѣкоторыя наши литературныя эволюціи совершаются съ быстротой смѣны картинъ въ кинематографѣ. Это такъ порывисто, что больно смотрѣть. Можетъ быть, и здѣсь будутъ чудеса быстроты и легкости побѣды. Но вѣрнѣе думается, что этимъ искателямъ и предтечамъ суждено будетъ пережить на себѣ и горечь заключительныхъ словъ стихотворенія Мережковскаго и умереть, едва забрежжитъ надъ мракомъ первый свѣтъ.

По крайней мѣрѣ, Блокъ, давшій уже не одинъ образецъ такой новой поэзіи, не идетъ впередъ, не торжествуетъ новыхъ побѣдъ. Не пошелъ ли уже назадъ? Иногда, какъ въ „Балаганчикѣ“ и драмѣ „Незнакомая“, онъ такъ жестоко порывалъ съ здоровымъ смысломъ, что становился внѣ критики, и я не сожалѣю о тѣхъ злыхъ словахъ, какія не разъ мнѣ приходилось говорить о Блокѣ по поводу этихъ вещей. Но его лирика казалась мнѣ всегда чрезвычайно интересной, а нѣкоторыя пьесы плѣнительными и побѣждающими всякое сомнѣніе въ его настоящемъ и немелкомъ поэтическомъ дарованіи. Въ его третьей книгѣ, можетъ быть, еще больше намековъ и іероглифовъ, условныхъ вѣхъ, шифрованныхъ знаковъ. Если въ „Нечаянной радости“ выдержанныхъ стихотвореній не одинъ десятокъ, здѣсь ихъ приходится считать по пальцамъ. Чудесно стихотвореніе „О, весна безъ конца и безъ краю“—такое характерное для Блока, такъ полно выражающее философію его мистико-поэтическаго непротивленія міру съ прелестью дѣтски-довѣрчиваго преклоненія предъ земною весеннею прелестью:

О, весна безъ конца и безъ краю!
Безъ конца и безъ краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И привѣтствую звономъ щита!
Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебѣ мой привѣтъ!
Въ заколдованной области плача,
Въ тайнѣ смѣха—позорнаго нѣтъ!
Принимаю безсонные споры,
Утро въ завѣсахъ темныхъ окна,
Чтобъ мои воспаленные взоры
Раздражала, плѣнила весна!
Принимаю пустынныя веси
И колодцы земныхъ городовъ!

Освѣтленный просторъ поднебесій
И томленія рабьихъ трудовъ...
И встрѣчаю тебя у порога,
Съ буйнымъ вѣтромъ въ змѣиныхъ кудряхъ,
Съ неразгаданнымъ именемъ Бога
На холодныхъ и сжатыхъ губахъ..,
Передъ этой враждующей встрѣчей
Никогда я не брошу щита.
Никогда не откроешь ты плечи,
Но надъ нами—хмельная мечта...
И смотрю, и вражду измѣряю,
Ненавидя, кляня и любя;
За мученья, за гибель—я знаю,
Все равно—принимаю тебя.

Полно красоты стихотвореніе „Инока". Опять такое характерное для Блока, для его любви къ тайнѣ, для его исключительной внутренней жизни, которая идетъ особнякомъ и рада, и счастлива, и горда полной своею замкнутостью и недоступностью другимъ:

Никто не скажетъ: я безуменъ.
Поклонъ мой низокъ, ликъ мой строгъ,
Не призоветъ меня игуменъ
Въ ночи на строгій свой порогъ.
Я грустнымъ братьямъ—братъ примѣрный,
И рясу черную несу,
Когда съ утра походкой вѣрной
Сметаю съ блѣдныхъ травъ росу,
И подходя ко всѣмъ иконамъ,
Какъ строгій и смиренный братъ,
Творю поклонъ я за поклономъ
И за обрядами обрядъ.
И кто пойметъ, и кто узнаетъ,
Что ты сказала мнѣ: молчи,
Что воскъ души блаженной таетъ
На яромъ пламени свѣчи,
Что никакихъ молитвъ не надо,
Когда ты ходишь по рѣкѣ
За монастырскою оградой
Въ своемъ монашескомъ платкѣ.
Что вотъ меня—цвѣтистымъ хмелемъ
Безумно захлестнула ты,
И потерялъ я счетъ недѣлямъ
Моей преступной красоты.

Сквозитъ мягкая, грустная нѣжность Блока и ее такъ много въ „Нечаянной радости", напр., въ такихъ набросках скорѣй прозаическихъ, чѣмъ стихотворныхъ, какъ „Послѣ ночной попойки".

А. Измайловъ.

М. П. Драгомановъ и его переписка.

Листи до Ів. Франка і иншихъ, т. I, 1881—1886; т. II, 1887—1895. Видавъ Іванъ Франко. Літературно-Наукова Бібліотека українсько-русской Видавничої Спілки. Львовъ. 1908.

Личность покойнаго проф. М. П. Драгоманова, какъ общественно-политическаго дѣятеля, въ послѣднее время привлекаетъ къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ русскаго общества. Появленіе въ началѣ „Собранія политическихъ сочиненій“ знаменитаго украинскаго эмигранта въ изданіи редакціи „Освобожденія“ (1905 и 1906 гг.), выпускъ перваго тома полнаго собранія сочиненій М. П. Драгоманова подъ редакціей проф. Гревса и Б. Кистяковскаго, появленіе въ періодической прессѣ замѣтокъ и статей, посвященныхъ памяти покойнаго профессора и выясненію его заслугъ для развитія политическаго сознанія русскаго и украинскаго обществъ, является объективнымъ показателемъ возрастающаго интереса къ идеямъ и личности Драгоманова. Но если, благодаря указаннымъ изданіямъ и статьямъ, русское общество имѣетъ возможность ознакомиться съ политическими взглядами знаменитаго украинца, то естественное стремленіе его ознакомиться съ личностью Драгоманова просто, какъ человѣка, и съ ролью его въ національно-политическомъ движеніи украинскаго общества, можетъ быть удовлетворено лишь въ очень незначительной степени.

Русская литература въ этомъ отношеніи бѣдна. „Автобіографія М. П. Драгоманова“, помѣщенная въ „Вылом“ (1906 г., іюнь, стр. 182—218), „Воспоминанія изъ жизни революціонеровъ“ О. С. Любатовичъ, гдѣ нѣсколько страницъ посвящены, между прочимъ, и Драгоманову („Былое“, 1906, май, стр. 232—235), сжатый, но яркій очеркъ Б. Кистяковскаго, посвященный личности Драгоманова, какъ политическаго дѣятеля, въ полномъ собраніи политическихъ сочиненій М. Драгоманова,—вотъ, кажется, и всѣ тѣ источники, какіе имѣются въ русской литературѣ для знакомства съ личностью украинскаго дѣятеля, сыгравшаго крупную роль и въ развитіи политическаго сознанія русскаго общества. Несравненно больше матеріаловъ для этого имѣется въ украинской литературѣ. На украинскомъ языкѣ оглашена солидная по объему и интересная по содер-

жанію переписка Драгоманова съ видными дѣятелями, какъ россійской, такъ и австрійской Украины (Галиція), заполняющая въ извѣстной степени отмѣченный нами пробѣлъ, и заключающая въ себѣ богатый біографическій матеріалъ о Драгомановѣ. Такъ, благодаря стараніямъ М. Павлика, галицко-украинскаго радикала и идейнаго ученика Драгоманова, опубликована переписка послѣдняго съ галицкими дѣятелями: Т. Окуневскимъ, Танячкевичемъ, Кобринскимъ и др. Въ послѣднее время появились въ печати письма Драгоманова къ украинскому ученому и поэту Ів. Франко. Переписка съ г. Франко, изданная въ двухъ томахъ—первый томъ появился въ 1906 г., второй—въ 1908 г.—является наиболѣе интересной и по содержанію, и по полнотѣ свѣдѣній біографическаго характера объ ихъ авторѣ.

Обнимая довольно значительный періодъ времени —1881—1895 гг., „Листи М. Драгоманова до Ів. Франка і инших" даютъ возможность, по справедливому замѣчанію ихъ издателя, для знакомства съ Драгомановымъ, какъ съ „человѣкомъ высокой души и высокаго развитія, которому воистину ничто человѣческое не только не было чуждымъ, но и безразличнымъ". И дѣйствительно, знакомясь съ письмами Др—ва, приходится воочію убѣждаться, что онъ обладалъ необыкновенно чистой „высокой душой", ясной и любящей, честной и неподкупной. „Необыкновенная разносторонность его интересовъ,—говоритъ г. Франко,—необычная живость и ясность ихъ пониманія, идетъ рука объ руку съ необыкновеннымъ критицизмомъ его ума, критицизмомъ врожденнымъ, а не продиктованнымъ, такъ называемой доктриной, съ не меньшей цѣльностью и гармоничностью его характера, сконцентрированнаго на идеальной основѣ. Онъ смотритъ на свою жизнь исключительно, какъ на служеніе высокому идеалу развитія и прогресса, и это даетъ ему равновѣсіе духа во всѣхъ тяжелыхъ испытаніяхъ его жизни. До послѣдней минуты, сломанный тяжелымъ недугомъ, онъ не теряетъ ни юношескаго увлеченія работой, ни своеобразнаго, искренняго юмора. Скептикъ до глубины души,—онъ умѣетъ зажигать вѣру въ идеалъ, чувство совѣсти и общественныхъ обязанностей въ душахъ наиболѣе тупыхъ людей. Это была исключительная натура, вдвойнѣ удивительная среди украинской націи, такой богатой натурами пассивными, узкими и тупыми. Онъ какъ-будто создамъ былъ духовнымъ руководителемъ великой націи и, хотя судьба позавидовала ему, все же онъ сталъ и долго еще будетъ совѣстью нашей націи, яснымъ, неподкупнымъ, не дающимъ поблажекъ, истиннымъ компасомъ для грядущихъ поколѣній въ образѣ ихъ жизни и дѣятельности" („Передмова", т. II, стр. 5). Содержаніе писемъ Драгоманова къ самому г. Франко и другимъ украинскимъ дѣятелямъ, помѣщенныхъ въ разбираемой нами перепискѣ, является живой иллюстраціей къ той блестящей характеристикѣ, какую даетъ своему учителю г. Франко, этотъ талантливый, хотя и неуравно-

вѣшенный и непостоянный въ своихъ симпатіяхъ къ Драгоманову ученикъ послѣдняго.

Ограничимся лишь наиболѣе интересными мѣстами этой любопытной переписки, главнымъ образомъ тѣми, которыя даютъ нѣчто *новое* для русскаго читателя и освѣщаютъ нѣкоторыя *неизвѣстныя* для него черты въ жизни и дѣятельности Драгоманова.

Глубоко интересно выясненіе взаимныхъ отношеній между Драгомановымъ и украинскомъ обществомъ 80—90 гг. XIX ст. въ лицѣ политической организаціи его—„Громады". Отношенія эти, какъ видно изъ писемъ къ г. Франко, полны глубокаго трагизма для Драгоманова. Сознаніе этого трагизма самимъ Драгомановымъ въ особенности ясно звучитъ въ 3-хъ „листахъ" (письмахъ) его къ кіевской „Громадѣ", написанныхъ въ различное время и заключающихъ въ себѣ блестящую, мѣткую характеристику политическаго уровня современнаго ему украинскаго общества.

Первое письмо, помѣченное 8 февраля 1886 года, написано, очевидно, въ отвѣтъ на письмо кіевской „Громады", извѣщавшей его о томъ, что дѣятельность его за границей—изданіе политическихъ украинскихъ публикацій—признается ею „безполезной" и неотвѣчающей программѣ „Громады". Драгомановъ горячо оспариваетъ мнѣніе своихъ товарищей по партіи, убѣдительно доказывая то громадное значеніе, какое имѣетъ свободная трибуна, въ формѣ независимаго печатнаго слова, для развитія политическихъ идей среди украинскаго общества и для привлеченія симпатій къ постулатамъ этого общества со стороны Западной Европы. Созданіе такой трибуны за границей Драгомановъ считалъ очередной задачей въ національныхъ стремленіяхъ украинцевъ. Для реализаціи ея онъ пожертвовалъ и личными интересами, и матеріальнымъ благосостояніемъ и, можно сказать, карьерой. Въ письмѣ къ г. Франко отъ 20 дек. 1886 г. Драгомановъ сообщаетъ, что „изгнаніе" его изъ кіевскаго университета въ 1876 году и запрещеніе читать лекціи въ трехъ южныхъ университетахъ совсѣмъ не исключало „изгнанія" вообще со службы въ Россіи, гдѣ „изгнаніе, по такъ называемому 3-му пункту, означаетъ только изгнаніе изъ одного министерства; если шефъ другого (министерства) приметъ изгнаннаго, то на этомъ дѣло и оканчивается. „У меня есть документы, сообщаетъ Др—овъ, изъ которыхъ вы увидите, что мнѣ предлагали мѣсто въ министерствѣ юстиціи (съ жалованьемъ, на первое время, въ 3.500 руб.). Сейчасъ же, послѣ отставки въ университетѣ, мнѣ предлагали мѣсто директора конторы транспортовъ на Волгѣ съ жалованьемъ въ 10.000 руб." („Листи", т. I, стр. 257). Кромѣ того, Драгомановъ получилъ предложеніе отъ Суворина (тогда еще либеральнаго) завѣдовать частью иностраннаго отдѣла съ жалованьемъ въ 4.000 руб. (ibid.). Но идейные интересы одержали полную побѣду надъ матеріальными выгодами, и Драгомановъ, по предложенію кіевской „Громады", рѣшилъ уѣхать за

границу, чтобы тамъ, въ свободныхъ отъ всякихъ политическихъ и цензурныхъ стѣсненій условіяхъ служить дѣлу политическаго и національнаго пробужденія родного ему народа. Украинцы гарантировали ему ежегодную субсидію въ 1600 руб., исправную посылку книгъ и литературную помощь въ видѣ статей и матеріаловъ для проектированныхъ украинскихъ заграничныхъ изданій. Къ сожалѣнію, обѣщанія выполнялись крайне неисправно и неаккуратно. Драгомановъ своевременно не получалъ обѣщанныхъ денегъ; въ еще меньшей степени осуществлялось обѣщаніе литературной поддержки. Драгоманову, благодаря этому, поневолѣ приходилось дѣлать долги, терпѣть матеріальныя лишенія и невзгоды. Въ концѣ концовъ прибавились невзгоды чисто-моральнаго характера: идейное расхожденіе съ товарищами по партіи и сознаніе покинутости, одиночества въ той работѣ, на которую „Громадой" возлагалось столько надеждъ и которой самъ Драгомановъ придавалъ огромное значеніе. Душевный кризисъ, выросшій на этой почвѣ у Драгоманова, къ 1885 году принялъ настолько острый характеръ, что онъ признавался въ письмѣ къ Франко: „Иногда я совершенно объективно вижу возможность нервнаго удара или сумасшествія. А когда приходитъ мысль броситься въ Рону, то, повѣрьте, не такъ дѣти, какъ III вып. „Політич. пісень", еще не изданныхъ, удерживаетъ меня отъ этого. Хотя бы его издать, а тамъ, что будетъ—то будетъ!" (т. I „Листівъ", стр. 126). Острымъ ножомъ въ сердце, тяжелымъ моральнымъ ударомъ было для него упомянутое уже нами письмо кіевской „Громады", свидѣтельствовавшее о значительномъ уклонѣ его идейныхъ товарищей вправо отъ принятой программной дѣятельности и устанавливавшее, такимъ образомъ, значительное расхожденіе между нимъ и „Громадой" во взглядахъ на задачи дня и общее направленіе дѣятельности. Съ желѣзной логикою, убѣдительностью и богатствомъ аргументовъ, соединеннымъ съ искренностью и горячностью, разбиваетъ Др—овъ взгляды „Громады" на положеніе вещей въ украинскомъ обществѣ, доказывая ихъ несостоятельность, узость и, въ частности, защищая ту форму, въ какую отлилась личная его дѣятельность за границей, начиная съ момента эмиграціи и кончая отправленіемъ отвѣтнаго письма „Громадѣ".

Возражая на обвиненіе, что политическія украинскія публикаціи за границей дали въ общемъ „минимальный" плюсъ, Драгомановъ прежде всего указываетъ, что въ этомъ виноваты сами же украинцы изъ „Громади".

Не имѣя собственнаго органа, украинство, какъ прогрессивное теченіе, не въ состояніи будетъ бороться съ реакціонно-консервативными тенденціями, довольно сильными въ галицкомъ обществѣ и, такимъ образомъ, предоставитъ монополію политической и культурной украинской мысли въ руки галицкихъ клерикаловъ и „народовцевъ", политическая программа которыхъ: „австрійскій консерватизмъ и уніатско-римскій клерикализмъ. Этой программой галицкіе народовцы разрываютъ со всѣмъ,

что было прогрессивнаго въ старомъ украинскомъ движеніи и, выдавая ее за програму украинцевъ изъ Россіи, совершенно подорвуть то уваженіе, которое еще держится въ Россія по отношенію къ украинофильству въ кредитъ Шевченка, подорвуть это уваженіе у общества,—а Катковы будуть упрекать васъ измѣною въ пользу Габсбурговъ и папы!" (стр. 160). Предостерегая украинцевъ передъ такой перспективой, Драгомановъ заявляеть, что несмотря на всяческія признанія „безполезности" его заграничныхъ политическихъ изданій, онъ будетъ ихъ продолжать и употребить всѣ силы для того, чтобы поддержать престижъ прогрессивности украинскаго движенія и протестовать противъ „безсмысленнаго разрыва съ лучшими традиціями нашего народа и общества, не говоря уже о европейской культурѣ" (Ibid.). Съ этою цѣлью онъ намѣчаетъ къ изданію цѣлый рядъ брошюръ, между прочимъ, изданіе стереотипнаго Шевченка, послѣднее хотя бы уже для одного того, чтобы „запротестовать противъ кастраціи „Кобзаря" галицкими народовцами, которые такъ очистили его, что никакой русской цензурѣ этого и не снилось". Украина, по мнѣнію Драгоманова, представляеть интересъ для Европы съ двухъ точекъ зрѣнія: „какъ одинъ изъ фокусовъ демократическаго строя и какъ одинъ изъ фокусовъ прогрессивно-культурнаго движенія, какимъ бы оно могло быть" (стр. 162).

Письмо Драгоманова къ „кіянамъ" является наиболѣе цѣннымъ изъ всѣхъ другихъ писемъ не только по своему содержанію, какъ интересный документъ для характеристики взаимныхъ отношеній между „Громадой" и ея идейнымъ выразителемъ,—въ немъ наиболѣе ярко проявляется обаятельная личность самого автора. Внѣ атмосферы дѣла и служенія послѣднему, внѣ атмосферы постояннаго живого общенія съ идейно-близкими ему людьми, Драгомановъ не могъ себя и вообразить,—и глубокимъ трагизмомъ звучитъ слѣдующее болѣзненное признаніе его: „безъ службы для Украины... я или съ ума сойду, или утоплюсь" (стр. 174).

Украинцами обѣщана была помощь болѣе 12 сотрудниковъ для участія въ тѣхъ изданіяхъ, которыя велъ Драгомановъ, на дѣлѣ же пришлось писать двумъ-тремъ. „Благодаря этому, — говоритъ Драгомановъ, — публикаціи вышли не только односторонними, монотонными, но утрачивали и авторитетъ. Я сотни разъ слыхалъ, даже въ глаза, а тѣмъ болѣе за глаза: почему Др—овъ говоритъ о какомъ-то элементѣ, партіи? Онъ — только самъ, или 2—3" (Ibid., стр. 154). Другая причина „минимализма" скрывается въ томъ, что украинцы съ первыхъ же шаговъ дѣятельности Драгоманова за границей начали „подкапываться" подъ идеи, которыя развивалъ онъ въ женевской „Громадѣ", равно какъ и въ другихъ изданіяхъ, и своими практическими начинаніями обезцѣнивать ихъ чистоту и политическую честность. Уполномачивая Драгоманова на пропаганду политическаго радикализма за границей, они у себя дома обнаруживаютъ ярко выраженныя оппортунистическія тенденціи и въ этомъ на-

правленія доходятъ до того, что начинаютъ „заигрыванія" съ Лорисъ-Меликовымъ, съ одной стороны, и заключаютъ союзъ съ галицкими „народовцами"—національно-консервативнымъ элементомъ украинскаго общества въ Галиціи—съ другой. При такихъ условіяхъ надѣяться на то, что украинство, какъ опредѣленное политическое теченіе съ радикальнымъ оттѣнкомъ, пріобрѣтетъ новыхъ адептовъ,—было, конечно, немыслимымъ. „И все же,—оспариваетъ Драгомановъ,—такъ какъ идеи нашихъ публикацій (не только мои, но и ваши) были здоровыми, а не гнилыми, то вы очень ошибаетесь, когда ставите имъ минимальный плюсъ". Значеніе политическихъ украинскихъ изданій, по его мнѣнію, заключается прежде всего въ томъ, что въ нихъ „высказывалась впервые послѣ рукописей Шевченка политически-соціально-культурная программа украинства безъ цензуры, передъ всѣмъ свѣтомъ, европейскимъ и русскимъ. У меня есть доказательства и рецензіи печати (переводы: съ сербскаго, польскаго, англійскаго, французскаго, испанскаго) и письма, изъ которыхъ видно, что свѣтъ все-таки хоть немного обратилъ вниманіе на Украину чрезъ эти публикаціи" (Ibid., стр. 155). „Есть у меня письма изъ различныхъ мѣстъ Россіи, въ которыхъ говорится, что если вся живая украинская молодежь и не бросилась въ море „народовольчества", то только благодаря тѣмъ же публикаціямъ" (стр. 155). Особенно же сильнымъ оказалось вліяніе Драгоманова и его издательской дѣятельности на развитія политическаго сознанія галицкихъ украинцевъ: это общепризнанный фактъ, котораго не могли отрицать даже идейные и политическіе враги Драгоманова и поэтому въ слѣдующихъ словахъ его:—„Я не затруднюсь сказать вамъ, что все, что только есть живого въ Галиціи, даже у „народовцевъ", является результатомъ если не непосредственно общественныхъ публикацій, то того движенія, проявленіемъ котораго и были эти публикаціи" (156 стр.), — нѣтъ ни тѣни самохвальства, ни дозы преувеличенія.

Переходя къ цѣнкѣ уклона вправо, сдѣланнаго кіевской „Грамадой", Драгомановъ прежде всего останавливается на рѣшеніи, принятомъ ею „вести дѣло внутри, въ предѣлахъ возможности, въ разныхъ сферахъ и направленіяхъ, озабочиваясь главнымъ образомъ въ созданіи сочувствующихъ людей и группъ". Драгомановъ спрашиваетъ:—сочувствующихъ?

Ссылаясь далѣе на примѣръ Герцена, оказавшаго крупную услугу дѣлу политическаго сознанія русскаго общества изданіемъ „Колокола" за границей, Драгомановъ говоритъ, что „Герценъ не молчалъ въ глухую ночь", что, если въ теперешнюю глухую ночь украинство не будетъ заявлять себя ничѣмъ яснымъ и громкимъ, то никто не пойдетъ за нимъ, когда наступитъ „ранокъ" (утро).

Какое впечатлѣніе произвело на кіевскую „Громаду" это письмо Драгоманова, какъ она реагировала на него, — нельзя судить. Во всякомъ

случаѣ Драгомановъ не порвалъ связей съ „Громадой“, и сношенія, хотя и съ перерывами, хотя и съ обычною для кіевлянъ неаккуратностью, все же не прекращались.

Придавая огромное значеніе самому факту существованія украинской прессы въ Галиціи, Драгомановъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательно относится къ ея направленію: оно, по его мнѣнію, „скорѣе отталкиветъ отъ украинства наиболѣе прогрессивные элементы интеллигенціи Россійской Украины, въ особенности, если имъ дадутъ основанія считать галицкихъ украинцевъ представителями украинской идеи“ (стр. 213). Давая мѣткую характеристику политической физіономіи галицкихъ украинофиловъ и господствующаго среди нихъ теченія — „народовскаго“ съ его угодническою тактикой по отношенію къ австрійскимъ оффиціальнымъ кругамъ и правящей въ Галиціи польской шляхтѣ, Драгомановъ приходитъ къ убѣдительному выводу, что „уніатско-консервативное народовство, даже хотя бы оно было чисто - украинскимъ по своему языку, ни въ коемъ случаѣ не подходитъ къ нашимъ національнымъ интересамъ, политическимъ, соціальнымъ и культурнымъ“ (стр. 215). Въ виду этого, онъ требуетъ отъ „Громады“ издать новую декларацію на подобіе деклараціи 1873 года и въ этой деклараціи публично заявить о разрывѣ солидарности съ галицкими народовцами-реакціонерами, потребовавъ вмѣстѣ съ этимъ „яснаго радикально-прогрессивнаго направленія“ отъ тѣхъ журналовъ, которые она поддерживала. Къ этому письму сдѣлана интересная приписка: „очень прошу васъ послать копію этого письма въ другія „Громады“,—показывающая, что Драгомановъ стоялъ въ опредѣленныхъ организаціонныхъ сношеніяхъ не только съ одной кіевской „Громадой“, но также и съ другими украинскими „Громадами“.

Мы далеко не исчерпали содержанія интересныхъ писемъ Драгоманова къ кіевской „Громадѣ“. Но уже и изъ тѣхъ мѣстъ этихъ писемъ, на которыхъ мы останавливались, ясно видно то большое значеніе, которое имѣютъ они для историка украинской общественности и въ частности для біографа Драгоманова. Не меньшій интересъ представляютъ и многочисленныя письма Драгоманова къ Франко. Послѣдній вмѣстѣ съ Павликомъ сыгралъ довольно замѣтную роль въ дѣлѣ политическаго пробужденія галицкихъ украинцевъ и развитія радикальныхъ идей среди украинскаго общества въ Галиціи. Письма къ Франко даютъ богатый матеріалъ для выясненія роли Драгоманова въ этомъ дѣлѣ.

Интересно отмѣтить, что письма Драгоманова къ Франко менѣе всего носятъ характеръ переписки по личнымъ мотивамъ. Они посвящены главнымъ образомъ вопросамъ общественнаго характера: автора ихъ интересуютъ факты или хотя бы симптомы національно-политическаго пробужденія народныхъ массъ въ Галиціи; онъ съ живымъ интересомъ слѣдитъ за ними, даетъ имъ соотвѣтствующую оцѣнку въ связи съ общественной

конъюнктурой и задачами дѣятельности прогрессивно-демократическихъ слоевъ украинскаго общества. Въ этихъ письмахъ Драгомановъ выступаетъ учителемъ молодого поколѣнія Галиціи, руководителемъ его политическихъ, культурныхъ и научныхъ интересовъ, дѣлаетъ частыя, поражающія своимъ разнообразіемъ и эрудиціей, указанія, совѣты, касающіеся самообразованія, практической дѣятельности, изданія различныхъ книгъ, журналовъ и т. д. Онъ принимаетъ близко къ сердцу дѣятельность, шаткую и неустойчивую, своего ученика-корреспондента и, цѣня въ немъ несомнѣнный талантъ и умъ, какъ старшій товарищъ, указываетъ ему на промахи, ошибки и заблужденія. Онъ указываетъ пособія для занятій по интересующимъ г. Франка научнымъ дисциплинамъ, критикуетъ объективно его дѣятельность, какъ писателя и общественнаго дѣятеля, указываетъ, въ какомъ направленіи должна протекать послѣдняя, чтобы принести благотворные результаты и помочь созданію въ Галиціи радикальнаго направленія, достаточно сильнаго и крѣпкаго для того, чтобы повести успѣшную борьбу съ клерикальными и націоналистически-реакціонными тенденціями господствующихъ тамъ общественныхъ группъ и классовъ. Неустойчивость, оппортунизмъ Франка и тѣхъ общественныхъ группъ, съ которыми послѣдній былъ идейно или организаціонно связанъ, вызываетъ со стороны Драгоманова горячіе, иногда даже рѣзкіе отзывы и нападки, но они искупаются его искренностью и любовнымъ отношеніемъ къ дѣлу, ради котораго онъ не щадилъ ни своихъ единомышленниковъ, ни друзей.

Переписка Драгоманова съ Франкомъ пріобрѣтаетъ, благодаря этому общественному характеру, первостепенный интересъ для историка галицко-украинскаго возрожденія послѣднихъ десятилѣтій XIX ст.

Не безъ интереса могутъ быть прочтены и тѣ мѣста въ письмахъ Драгаманова къ Франко, въ которыхъ онъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ русскимъ эмигрантамъ за границей: Плеханову, Дейчу, Стефановичу, Степняку, Засуличъ, Аксельроду и др. (стр. 181—183, I т. и др.).

Въ приложеніи къ 2 т. „Листів" помѣщены нѣкоторые ненапечатанныя статьи Драгоманова, письма его къ нѣкоторымъ украинскимъ дѣятелямъ (напр., къ Навроцкому), брошюра Ф. Волховскаго „Правдиве слово хлібороба" и замѣтка, посвященная памяти Драгоманова („Памяти учителя") и принадлежащая перу О. Бѣлобородова.

Въ обоихъ томахъ „Листів" напечатаны „Передмовы" (предисловія) I. Франко. „Передмова" къ первому тому носитъ страстный характеръ, неуравновѣшенный и неосторожный. Авторъ, вообще не отличавшійся устойчивостью ни къ идеямъ, ни къ личности М. Дрогоманова, наравнѣ съ признаніемъ заслугъ Драгоманова въ дѣлѣ развитія политическихъ идей среди галицкаго общества, обвиняетъ своего учителя въ „беззастѣнчивомъ эгоизмѣ въ поведеніи съ людьми, въ отсутствіи пониманія и безудержной фантазіи" и т. д. Въ „Передмові" къ II т. Франко сглаживаетъ

непріятное впечатлѣніе отъ этихъ словъ признаніемъ своей ошибочности и раскаянія въ высказанномъ. „Теперь,—говоритъ онъ относительно своего предисловія къ I тому „Листів“, взвѣшивая ее въ цѣломъ,—я ясно понимаю, какъ мало, мы, его ученики, понимали его тогда, когда онъ былъ живъ, какъ мало способны мы были къ тому, чтобы подняться на ту высоту знанія и взглядовъ, на которой онъ стоялъ и съ которой никогда не опускался. Онъ былъ для насъ истиннымъ учителемъ и совершенно безкорыстно не жалѣлъ ни труда, ни литературной работы, ни напоминаній, ни даже укоровъ для того, чтобы направить насъ, лѣнивыхъ, малообразованныхъ, выросшихъ въ рабскихъ традиціяхъ нашего глухого угла, на лучшій, болѣе ясный путь европейской цивилизаціи. Можно сказать, онъ тянулъ за уши насъ на этотъ путь, и если изъ генераціи, болѣе или менѣе находившійся подъ его вліяніемъ, и вышла какъ называемая польза для общаго и нашего народнаго дѣла, то въ этомъ наибольшая заслуга покойнаго Драгоманова“ (стр. 4).

Содержаніе писемъ Драгоманова къ Франко, помѣщенныхъ въ обоихъ томахъ переписки, является живой и убѣдительной иллюстраціей къ приведенному нами признанію г. Франка.

С. Петлюра.

НОВЫЯ КНИГИ.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. *Сергѣя Городецкаго*.—**Леонидъ Билинскій**. Обнаженія. *С. Мартиросова*. — **Оскаръ Уайльдъ**. Саломея *С. Г.*—**Вилье де-Лиль-Аданъ**. Жестокіе разсказы. *С. Г.*—**Янъ-Каспровичъ**. Поэмы. *С. Мартиросова*.—**П. Бирюковъ**. Левъ Никол. Толстой. *Ник. Н—ва*. — Записки. **Сергѣя Алекс. Тучкова**. *С. Минцлова*.—Записки. **Н. Ѳ. Буманова**. *С. Минцлова*.—**Ю. С. Карцовъ**. За кулисами дипломатіи. *С. Р. М.*—**А. И. Фаресовъ**. Пробужденный народъ. Голоса земли. *С. М—сова*.—**Р. Ревули**. Десять мѣсяцевъ на русско-японской войнѣ. *С. Р. М.*—**Е. В. Тарле**. Рабочіе націон. мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи. *Мих. О—ва*.

Андрей Бѣлый. *Кубокъ метелей*. К-во Скорпіонъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Одной изъ задачъ декадентства было проведеніе въ область поэзіи пріемовъ, обыкновенно употребляемыхъ въ музыкѣ. Верлэновскій завѣтъ— „больше всего музыка“—сталъ одной изъ главныхъ заповѣдей декадентскаго катехизиса. Это явленіе не случайное, а зависящее оттого, что декадентство свой взглядъ на музыку взяло у Шопенгауэра, по которому музыка даетъ непосредственное ощущеніе потусторонняго міра (къ чему и стремилось въ своей глубинѣ декадентство).

Всѣ ухищренія декадентовъ въ области формы, всѣ эти попытки „словесной инструментовки“, направленныя къ тому, чтобъ производить на слушателя непосредственное впечатлѣніе самой формой, а не только содержаніемъ, стоятъ въ несомнѣнной связи съ указанной задачей.

Однимъ изъ яркихъ выразителей этихъ стремленій является Андрей Бѣлый со своими „Симфоніями“. Настолько яркимъ, что послѣдняя его книга „Кубокъ Метелей“ не что иное, какъ deductio ad absurdum: какъ только стремленія провести музыкальные пріемы въ поэзію выразились съ достаточной полнотой, сейчасъ же обнаружилась вся ихъ нелѣпость. На счастье читателя къ книгѣ приложено предисловіе, послѣ котораго онъ уже можетъ со спокойной совѣстью закрыть книгу, если его не интересуютъ спеціальныя изысканія въ дебряхъ этой отреченной литературы. Вотъ что говорится въ этомъ предисловіи: „Въ предлагаемой „Симфоніи“ я болѣе всего старался быть точнымъ въ экспозиціи темъ, въ ихъ контрапунктѣ, соединеній и т. д.“... „Я старался выводить конструкцію фразъ и образовъ такъ, *чтобы форма и образъ были предопредѣлены*

тематическимъ развитіемъ и, поскольку это возможно, подчинить образъ механическому развитію темъ. Я сознавалъ, что точность структуры, во-первыхъ, *подчиняетъ фабулу техникѣ* (*часто приходилось удлинять „Симфонію“ исключительно ради структурнаго интереса*), *и что красота образа не всегда совпадаетъ съ законом*ѣ*рностью его структурной формы*“ (Курсивъ нашъ).

Просто не находишь достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы заклеймить эти дикія упражненія. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, что это значитъ, что „точность структуры подчиняетъ фабулу техникѣ?“ Это значитъ, что событія чередуются безъ *всякаго* толку. Когда лирическій поэтъ чередуетъ событія безъ *видимаго* толку, это допустимо, потому что имъ руководитъ *его настроеніе, его психика*. Но Андреемъ Бѣлымъ руководитъ „*точность структуры*“, т. е. *машина*, въ результатѣ чего получается *безсмысленная, неоправданная* путаница.

И если рискнуть читать книгу, если взять на себя подвигъ прочитать ее („прочесть еще и еще“, какъ рекомендуетъ авторъ, можно пожалуй только въ одиночномъ заключеніи), то со всей очевидностью предстанетъ вся нелѣпость этой странной работы.

Мы не знаемъ, заставляетъ ли Андрея Бѣлаго „точность структуры“ терзать нашъ слухъ такими слововрелительствами, какъ „полудневна“, „пирносладкой“, „безысканное“, „вѣтроплясъ“, „сладкорубинная“ и тому подобное „андрейбѣлое“; но знаемъ, что именно она сушитъ насъ тоской, предлагая одну и ту же фразу по десять разъ на страницѣ, одинъ и тотъ же отрывокъ по сто разъ въ книгѣ. Если съ точки зрѣнія автора это только „удлиненіе симфоній“, то съ точки зрѣнія читателя это настоящая пытка: одна и та же капля воды долбитъ мозгъ не переставая. Говорить объ эстетическомъ впечатлѣніи послѣ такихъ нарушеній основныхъ законовъ эстетики, ужъ, конечно, не приходится. Но во вниманіе къ труду и времени автора, такъ самоотверженно затраченныхъ на этотъ экспериментъ, можно отвѣтить на его вопросъ: „Я до сихъ поръ не знаю, имѣетъ ли она (т. е. книга Бѣлаго) право на существованіе?“—И вотъ что отвѣтить: „Она“ имѣла полное право не существовать.

Сергѣй Городецкій.

Леонидъ Билинскій. *Обнаженія.* Разсказы. Книга первая. К—во „Освобожденіе“. Спб. 1908 г. Цѣна 80 к.

Въ одномъ изъ разсказовъ г. Билинскаго „Наединѣ“ Леповъ опредѣляетъ себя такъ: „я не штирнеріанецъ и еще менѣе метафизикъ“...

Читаешь монотонные, безсвязанные, отрывочные разсказы и когда вдумываешься въ нихъ, то невольно хочется сказать: „А вы, г-нъ Билинскій, и штирнеріанецъ, а еще болѣе метафизикъ“. Г. Билинскій весь въ словахъ: сухопарыхъ, головоломныхъ. Онъ безсиленъ создать хотя бы

ниметъ на художественный образъ или картину. Метафизическими трактатами онъ силится заставить читателя прочувствовать трагедію одиночества „сильной мыслящей личности“ и въ результатѣ—полная неудача. Писать длинные періоды о роли женщины въ судьбѣ одинокаго индивидуалиста, перелагать мысли извѣстныхъ философовъ, поддѣлываться подъ чужой тонъ—это еще не означаетъ рисовать рельефы, одухотворять идеи, производить творческую работу. Вмѣсто красивыхъ силуэтовъ въ результатѣ получаются выхоленные, спичечные скелеты, вмѣсто души—мумія, обвитая гирляндами пустыхъ, намотанныхъ, крикливыхъ словъ. И все это въ большихъ размѣрахъ. Перелистываешь страницы, вчитываешься въ головоломныя фразы, ищешь хоть одной живой души... Отовсюду пестрятъ и надоѣдливо жужжатъ безформенныя, спесивыя слова—и одни только слова. Невольно возникаетъ вопросъ, къ чему вся эта ахинея, къ чему это столпотворенье „свихнутыхъ“ мыслей, „сумасходящихъ“ чувствъ и бездушныхъ словъ?

С. Мартиросовъ.

Оскаръ Уайльдъ. *Саломея.* Пер. К. Д. Бальмонта и Ек. Андреевой. К. Д. Бальмонтъ. Предисловіе. Поэзія Оскара Уайльда. О любви. Книголюбительскія приложенія. Обри Бирдслей. Въ семь рисунковъ. Сергѣй Маковскій. Объ иллюстраціяхъ Бирдслея. К—во. „Пантеонъ“. Спб. 1908. Ц. 1 р. Дешевое изданіе. Ц. 30 к.

Нельзя не привѣтствовать выходъ въ свѣтъ одного изъ лучшихъ твореній Оскара Уайльда. Самый типъ книги настолько новъ, что можно на немъ остановиться. Извѣстно, въ какомъ неряшливомъ видѣ обыкновенно появляются у насъ иностранные писатели: невѣжественный переводъ, и въ рѣдкомъ случаѣ краткое предисловіе или портретъ на обложкѣ. „Пантеонъ“ кладетъ въ основу стремленіе представить писателя возможно полнѣй, возможно точнѣй и съ соблюденіемъ всѣхъ требованій художественности. Такую полноту и такое любовное отношеніе къ дѣлу мы до сихъ поръ видѣли только въ роскошныхъ изданіяхъ, вродѣ Брокгауза.

Нельзя, пожалуй, найти другого человѣка, который могъ бы такъ глубоко подойти къ жизни и творчеству Уайльда и съ такимъ благородствомъ выйти изъ труднаго положенія, въ которое попадаетъ всякій біографъ Уайльда, какъ сдѣлалъ это Бальмонтъ. Его статья „Поэзія Оскара Уайльда“ является дѣйствительно выдающейся по тонкости характеристики и стройности разсказа.

О самой „Саломеѣ“ странно было-бы говорить въ рецензіи, настолько уже стала ясна ея принадлежность къ высшимъ культурнымъ цѣнностямъ нашего времени. Даже пышный парадоксъ Бальмонта, которымъ открывается книга, кажется только скромной истиной: „Если можно о какой-нибудь драмѣ сказать, что она—сплошной драгоцѣнный камень, что она

не драма, а многоцвѣтное ожерелье изъ жемчуговъ и узорчатыхъ камней, это нужно сказать именно о драмѣ Оскара Уайльда „Саломея". Тѣмъ большаго могли бы мы ожидать вниманія отъ авторитетнаго переводчика и его сотрудницы. Но къ сожалѣнію нерѣдка попадаются шероховатости языка. „У нея *очень скучающій* видъ"—это звучитъ нехорошо. „Не говори ему *такихъ вещей*"—эти слова Молодого Сирійца послѣ страстныхъ признаній Саломеи Іоканаану прямо невозможны. И вообще синтаксисъ перевода безъ нужды неточенъ и шероховатъ.

Очень полезнымъ надо признать этюдъ Сергѣя Маковскаго „Объ иллюстраціяхъ Бирдслея". Для широкой публики онъ прямо необходимъ. Не вдаваясь въ подробности графической техники, онъ прямо отвѣчалъ на тѣ вопросы, которые обыкновенно возникаютъ у видящихъ въ первый разъ графику Бирдслея.

„Книголюбительскія приложенія" Бальмонта, знакомящія съ трактовкой сюжета „Саломеи" у польскихъ писателей и сообщающія библіографію объ Оскарѣ Уайльдѣ, вполнѣ умѣстны и чрезвычайно любопытны.

Е. Г.

Вилье де-Лиль-Аданъ. *Жестокіе разсказы.* Переводъ Брониславы Рунтъ подъ редакціей и со статьей Валерія Брюсова. К—во „Пантеонъ". Спб. 1908. Ц. 60 коп. Дешевое изданіе. Ц. 20 коп.

„Большинство изъ тѣхъ французскихъ книгъ, которыми зачитывались наши отцы, исчезнетъ безъ слѣда, умретъ тихой смертью въ темныхъ углахъ библіотекъ, но разсказамъ и романамъ Вилье де-Лиль-Адана, которыми они пренебрегали, суждено стать въ числѣ произведеній *классическихъ* для цѣлаго ряда поколѣній",—такъ пророчествуетъ Валерій Брюсовъ о судьбѣ писателя, котораго у насъ еще недавно совсѣмъ не знали. Нѣсколько его разсказовъ, появившихся въ періодическихъ изданіяхъ, не привлекли къ нему особаго вниманія, и объ Аданѣ у насъ заговорили только послѣ фельетона Макса Волошина „Непризнанный геній". Какъ бы то ни было, этотъ писатель интересенъ въ высшей степени. Его творчество идетъ по какой-то равнодѣйствующей между Мопассаномъ и Эдгаромъ По. Его герои имѣютъ всю жизненность, страстность и напряженность Мопассана и души ихъ почти всегда витаютъ около таинственнаго и ужаснаго, какъ у Эдгара По. Нѣкоторая доля разсудочности удаляетъ его отъ перваго, а особенная пристальность описанія приближаетъ ко второму.

Мы не знаемъ, чѣмъ руководствовались редакторъ и переводчица при выборѣ разсказовъ, но разнообразія они, несомнѣнно, достигли. Среди сюжетовъ избранныхъ разсказовъ есть и мистическое общеніе съ умершей („Вѣра"), и сатира на драматурговъ и публику („Машина славы"), и одиночество заразившагося проказой герцога („Герцогъ Портландскій"),

т. е. и страсть, и смѣхъ, и ужасъ. Всѣ разсказы читаются съ глубокимъ интересомъ и приковываютъ къ себѣ внутреннимъ драматизмомъ, скрывающимся подъ маской непринужденности и веселья.

С. Г.

Янъ Каспровичъ. *Поэмы:* 1) На взгорьѣ смерти. 2) Dies irae. 3) Моя вечерняя пѣсня. Переводъ съ польскаго Вл. Ленскаго, кн. Богушевскаго. Спб. Цѣна 1 руб.

Голгоѳа—вѣковѣчная трагедія человѣчества. Голгоѳа—муки истомившейся души, алчущей вѣчности, красоты и любви. Голгоѳа — судьбище между „распаленнымъ дьяволомъ“ и смиреннымъ изгнанникомъ земли. Духъ Адама осужденъ на вѣчныя муки, жажда жизни затравлена „мракомъ таинственной вѣчности“. Сумрачная, непроглядная ночь повисла надъ человѣкомъ, окутала душу его сѣтью кровавыхъ желаній, и черная тѣнь опустилась на все. Ева, „мать смерти“, чарами змія навсегда заслонила грань небесной зари. Познаніе добра и зла внесло мрачныя грезы въ душу человѣка. Жажда знанія породила „смерть“, страхъ и ужасы. Сомнѣніе поглотило все. Сомнѣніе разрушило всѣ надежды, чаянія человѣка. Оно внесло въ израненную истомившуюся душу его страхъ и ужасъ передъ видимымъ міромъ. Оно загубило, задавило мощь человѣка. Все забыто и поругано имъ. Божественный ликъ Христа забросанъ грязью; чернь не перестаетъ и понынѣ казнить Его позорной смертью. Голгоѳа покрывается милліардами крестовъ, въ судорогахъ бьется одинокая земля. Подъ бременемъ тяжелымъ умираетъ „живая грудь міровъ“. Рушатся стѣны міроזданія, все обволакивается свинцовымъ туманомъ; стоны, вопли, проклятія покрываютъ „Эдемъ темной печалью“. Взоры падающаго человѣка устремляются къ Нему, ищутъ у Него защиты, спасенія; молятъ Его о пощадѣ, Который превратилъ „покой и любовь въ пожирающій огонь“ и „Чьей волей совершается все подъ небеснымъ сводомъ, Кто — причина грѣха и мести и безумнаго смѣха отчаянія. Но „плачи и вопли слушаетъ Онъ невнимающимъ ухомъ“. И „душа, изгнанная изъ рая“, зоветъ къ себѣ Люцифера, ищетъ его ласки и поцѣлуя. Люциферъ торжествуетъ и дѣлается вѣчнымъ спутникомъ человѣка. Люциферъ врачуетъ раны страдающаго человѣка, опьяняетъ чарами безумія, даетъ ему счастье въ наслажденіяхъ. Тоска и каменный страхъ давятъ человѣка... Тихая смерть вноситъ покой, даруетъ счастье и избавляетъ человѣка отъ того, что „снѣдаетъ его“... Человѣкъ возстаетъ на Бога, не могущаго изгнать исчадье сатаны... Человѣкъ, рожденный въ грѣхѣ, не въ силахъ отвергать соблазновъ дьявола... и въ этомъ его трагедія. Поэтъ казнитъ Бога за Его жестокость, томится земнымъ бременемъ и видитъ въ угасаніи земли покой и счастье.

Поэтъ вложилъ въ эти поэмы всю свою душу, сумѣлъ прочувствовать, претворять вѣковѣчныя идеи въ тайникахъ души и влить ихъ въ красивые образы. Въ его красивой, одухотворенной поэзіи много искренности.

С. Мартиросовъ.

П. Бирюковъ. *Левъ Николаевичъ Толстой.* Віографія. М. 1908 г. Изданіе „Посредника". Т. II. XVIII+488 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Самое цѣнное въ работѣ г. П. Бирюкова—воспоминанія и письма самого Л. Н. Толстого, изъ которыхъ многія въ „біографіи" впервые появляются въ печати. Любопытна также сводка матеріаловъ изъ огромной литературы о Толстомъ, данная въ книгѣ. И тѣмъ не менѣе почтенный трудъ г. П. Бирюкова является не біографіей Толстого, а только матеріалами для нея. Будущій историкъ литературы, будущіе біографы великаго русскаго писателя не разъ обратятся къ книгѣ г. Бирюкова, и съ этой точки зрѣнія она является цѣннымъ вкладомъ въ литературу о Толстомъ.

Коренной недостатокъ работы г. Бирюкова—отсутствіе систематизація фактовъ, отсутствіе какой-либо архитектоники. Біографическій разсказъ въ сущности сведенъ къ погодному, иногда чисто лѣтописному перечню фактовъ, причемъ самыя событія въ жизни Толстого имѣютъ нерѣдко между собою только хронологическую, а не прогматическую связь. Отсюда неизбѣжныя отступленія, повторенія, протокольная регистрація фактовъ и нерѣдко почти полное отсутствіе ихъ освѣщенія. Такъ, напримѣръ, воспоминанія Фета даютъ обширный матеріалъ для книги г. Бирюкова. Изъ фетовскихъ воспоминаній берутся цѣлыя цитаты безъ всякаго комментарія, между тѣмъ, какъ уголъ зрѣнія самого Толстого въ его письмахъ совершенно не сходенъ съ угломъ зрѣнія Фета. Фетъ находитъ „прелестной" идиллію „молодыхъ Толстыхъ" и излагаетъ свой идиллическій взглядъ на семейное счастье, тогда какъ самъ Толстой уже пережилъ минуты „поглощенія счастьемъ" и его біографъ убѣжденно замѣчаетъ: „такимъ образомъ минуты счастья перемѣшались съ минутами сознанія и сожалѣнія объ утраченной свободѣ" (стр. 6). И тѣмъ не менѣе цѣлыя двѣ страницы г. Бирюковъ расточительно отводитъ выдержкамъ изъ Фета. Отмѣчаемъ эту расточительность мѣстомъ, потому что она характерна въ работѣ г. Бирюкова. Вообще склонность къ обширнымъ цитатамъ, нерѣдко совершенно не идущимъ къ дѣлу—отличительная черта работы г. Бирюкова, загроможденной на треть, быть можетъ и любопытнымъ, но не характернымъ по отношенію къ Толстому, матеріаломъ.

Съ другой стороны, неумѣніе автора однимъ сильнымъ яркимъ мазкомъ освѣтить предметъ, отсутствіе въ его распоряженіи какихъ-либо красокъ для изображенія лицъ, характеровъ и обстановки невольно ведетъ къ длиннымъ выпискамъ и расплывчивости. Онъ не выдѣляетъ, не расчленяетъ факты, а просто добросовѣстно ихъ суммируетъ связая въ одно и главное и второстепенное, безспорное и требующее доказательствъ. И это тѣмъ болѣе жаль, что въ рукахъ г. Бирюкова находился такой цѣнный матеріалъ, какъ толстовскій яснополянскій семейный архивъ. „Пользуясь разрѣшеніемъ графини и близкихъ Л. Н. родственниковъ и друзей, я получилъ доступъ къ семейнымъ архивамъ и прочелъ всю переписку

за эти годы", пишетъ г. Бирюковъ. „И тутъ опять я много разъ останавливался въ недоумѣніи передъ тѣмъ, гдѣ провести черту между тѣмъ, что можно и что нельзя опубликовать. Много подводныхъ камней пришлось мнѣ обходить въ моихъ изысканіяхъ. Но я надѣялся на моего надежнаго руководителя: любовь къ правдѣ и любовь къ тѣмъ, чьи отношенія мнѣ приходилось изображать".

Таковъ критерій, съ которымъ подходилъ къ своей работѣ авторъ „Біографіи", и нѣтъ ничего удивительнаго, если его книга дастъ много цѣнныхъ матеріаловъ о Толстомъ и въ то же самое время не дастъ во весь ростъ яснаго образа Толстого...

Это чувствуетъ и самъ г. Бирюковъ, высказывая намѣреніе — третій томъ своего труда „писать по личнымъ воспоминаніямъ, добавляя и провѣряя ихъ другимъ матеріаломъ и описаніемъ главнѣйшихъ событій въ жизни Л. Н—ча", въ большей части которыхъ г. Бирюкову „самому приходилось принимать участіе". Такимъ образомъ, въ третьемъ томѣ мотивъ личныхъ воспоминаній и комментаріевъ будетъ звучать ярче и „Біографія" сведется къ тому, чѣмъ въ сущности она и является въ первыхъ двухъ томахъ—воспоминаніями самого Льва Николаевича и его современниковъ, собранныхъ г. Бирюковымъ.

Во второмъ, лежащемъ передъ нами, томѣ, захваченъ періодъ, начиная отъ „Войны и мира" и кончая осенью 1884 г., когда началось личное знакомство г. Бирюкова съ Толстымъ. Одно уже такое раздѣленіе матеріала, на первый взглядъ случайное и странное, подтверждаетъ, однако, высказанный взглядъ на работу г. Бирюкова, лишь по недоразумѣнію названной „біографіей".

Все это, однако, не понижаетъ интереса къ книгѣ, являющейся цѣннымъ сборникомъ матеріаловъ различнаго достоинства о жизни великаго русскаго писателя. Самому читателю придется отбирать цѣнное отъ анекдотовъ, которые всегда въ изобиліи разскрываются и печатаются о великихъ людяхъ маленькими людьми (такъ, напримѣръ, разсказъ о Тургеневѣ стр. 275—276).

Ник. Н—въ

Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова. 1766—1808 г. Подъ редакціей К. А. Военскаго. СПБ. 1908 г. 287 стр. Ц. 1 р.

Гдѣ то годъ или два тому назадъ была помѣщена каррикатура, изображающая старика, сидящаго за огромнымъ фоліантомъ. „Исторія—вещь прямо безполезная!"—восклицаетъ онъ. Эту же фразу хочется повторить и при чтеніи записокъ Тучкова.

Завалы книгъ, изобличающихъ разные „порядки" русской земли, мирно гніютъ себѣ на полкахъ хранилищъ, а порядки идутъ своимъ чередомъ. Записки цѣнятся у насъ пока только мышами. Да что говорить о значеніи

книгъ, когда не только описанія, а самыя реальныя трагедіи жизни забываются у насъ почти тотчасъ же по окончаніи ихъ!

Съ „крымскаго урока" по японскій прошло полвѣка—срокъ достаточный не только для одного чесанья затылка, а между тѣмъ, чтеніе записокъ участниковъ японской эпопеи вызываетъ глубокое недоумѣніе; вычеркните въ нихъ фамиліи дѣйствующихъ лицъ и подумаете, что читаете о крымской войнѣ: то же незнаніе всего, что слѣдовало знать, та же неподготовленность, то же самомнѣніе, тѣ же беспардонные грабежи и тѣ же бездарности.

Все сказанное относится и къ запискамъ Тучкова—современника Румянцева и Потемкина, выдающагося участника цѣлаго ряда войнъ. Обрываются записки на 1808 г. Онѣ полны цѣнныхъ наблюденій и свѣдѣній о царствованіяхъ Екатерины II, Павла и Александра I, къ которому авторъ относится рѣзко-отрицательно.

Опытность и замѣчанія Тучкова прошли напрасно: все безсмысленное, что творилось въ арміи и въ обществѣ еще въ екатерининскія времена,—все цѣликомъ перешло и въ послѣдующую эпоху, какъ цѣнный кладъ, по завѣщанію отъ предковъ потомкамъ.

Пересказать въ краткой замѣткѣ содержаніе богатой книги нельзя; ее долженъ прочесть каждый, интересующійся русской исторіей и бытомъ тѣхъ временъ. Приходится только пожалѣть, что цѣнныя записки Тучкова изданы съ явнымъ неуваженіемъ къ нимъ—грязно и высокомакулатурно.

Грѣшитъ недосмотрами и редакція; такъ, напримѣръ, въ примѣчаніяхъ показано, что адмиралъ Грейгъ умеръ въ 1788 г., между тѣмъ, въ запискахъ (стр. 27) тотъ же адмиралъ одерживаетъ побѣды надъ шведами въ 1789 г.

С. Минцловъ.

Записки Н. Ѳ. Бунакова. *Моя жизнь въ связи съ общерусской жизнью, преимущественно провинціальной.* 1837—1905 г. СПБ. 1909 г. 864 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Три года назадъ Петербургъ провожалъ на Волково кладбище автора этихъ записокъ. Надъ могилой было произнесено много рѣчей и отрывокъ одной изъ нихъ слѣдовало бы выставить эпиграфомъ на книгѣ Бунакова: „Мы мечтали съ тобой, чтобы каждый русскій крестьянинъ былъ грамотный, для этого мы жили и работали и за это насъ считали преступниками, но придетъ время—и родина вспомнитъ, какъ многимъ она обязана тебѣ!" Эти немногія слова ясно и точно очерчиваютъ жизнь и личность Н. Бунакова. Неутомимый и стойкій работникъ въ дѣлѣ народнаго образованія, онъ находилъ нечестнымъ молчать, когда слѣдовало говорить правду и смѣло говорилъ ее и въ комитетахъ и на земскихъ собраніяхъ.

Всевидящее око Плеве не дремало и шестидесятипятилѣтній старикъ былъ лишенъ любимѣйшаго своего дѣтища—имъ же созданной, образцовой школы въ селѣ Петинѣ. Разгромъ этой школы и послѣдовавшая затѣмъ

ссылка Н. Ѳ. въ захолустный Острогожскъ, гдѣ не могло уже быть и рѣчи о какой-либо общественной дѣятельности сломили его окончательно: Вунаковъ сталъ медленно угасать. Ни возвращеніе изъ ссылки, ни новая жизнь, забившая кругомъ, не смогли уже вернуть Н. Ѳ. силъ, и шестого ноября 1895 г. его не стало.

Такова въ краткихъ чертахъ жизнь этого незауряднаго человѣка, изложенная въ его „Запискахъ". Начинаются онѣ воспоминаніями о дѣтствѣ, протекшемъ въ Вологодской губерніи и ярко рисуютъ провинціальную жизнь въ одну изъ самыхъ интересныхъ эпохъ XIX столѣтія, 1854—1861 г.г. Доведены записки до 1904 г.; большая часть ихъ посвящена педагогической дѣятельности автора и другихъ лицъ, включая гр. Л. Н. Толстого; не мало въ запискахъ страницъ, посвященныхъ вопросамъ близкаго и до сихъ поръ еще не пережитого времени и имѣющихъ огромный общественный интересъ подъ перомъ такого вдумчиваго наблюдателя и участника жизни и книги, какимъ и былъ Вунаковъ.

Книга весьма цѣнная и дающая обильный матеріалъ не только для будущаго историка, но и для всякаго читателя, сколько-нибудь интересующагося судьбами своего отечества.

С. Минцловъ.

Ю. С. Карцовъ. *За кулисами дипломатіи.* Спб. 1908 г. 69 стр. Ц. 1 р.

Брошюра посвящена главнымъ образомъ описанію дѣятельности А. Н. Карцова въ бытность его сербскимъ консуломъ въ 1876—7 г.г. Назрѣваніе сербо-турецкой и затѣмъ русско-турецкой войны начерчено весьма поверхностно и эпизодически; также эскизно набросаны характеристики лицъ, занимавшихъ важнѣйшіе дипломатическіе посты. Эти характеристики сдѣланы, дѣйствительно, весьма дипломатически: съ одной стороны авторъ какъ будто хвалитъ и превозноситъ, съ другой вписываетъ, напр.: „Физическія силы, а съ ними и духовныя, съ которымъ днемъ ему измѣняли... Эгоизмъ, манія величія, страсть къ рекламѣ, скаредность, похотливость—эти черты были всегда присущи натурѣ князя". (О канцлерѣ Горчаковѣ, стр. 4.).

О графѣ Н. П. Игнатьевѣ:—„умозрительнымъ (?) политикомъ онъ не былъ; съ принципами и отвлеченностями онъ обращался довольно безцеремонно. Политическому созерцанію его недоставало глубины, историческаго чернозема" (стр. 5).

О послѣ въ Вѣнѣ Е. П. Новиковѣ:—„впечатлѣніе, которое онъ производилъ на постороннихъ, было или отталкивающее, или комическое. Начальственнаго неодобренія боялся до смѣшного. Не всегда различалъ онъ важное отъ второстепеннаго и отъ пустяка приходилъ въ отчаяніе; легко подпадалъ подъ вліяніе" (стр. 6) и т. д. и т. д.

Цѣна за такого рода произведеніе назначена непомѣрная.

С. Р. М.

А. И. Фаресовъ. *Пробужденный народъ.* Спб. 1908 г. Цѣна 1 р.
Его же. *Голоса земли.* Очерки съ натуры. Спб. 1909 г. Цѣна 1 руб.

Книги Фаресова могутъ быть относительно полезны развѣ лишь историку, роющемуся въ архивахъ русской дѣйствительности 1904—6 годовъ. „Очерки съ натуры"—сжатые, безцвѣтные куски, не имѣющіе какого-либо внутренняго связующаго звена; ихъ соединяетъ только внѣшняя компановка идеи. Г. Фаресовъ въ предисловіи указываетъ на то, что „вопреки Н. Энгельгардту, духъ въ народѣ окончательно не палъ послѣ столь быстраго пробужденія въ немъ критической мысли, ибо народное настроеніе было болѣе духовнымъ, чѣмъ политическимъ"... Другой вопросъ, сумѣлъ ли авторъ проникнуть въ тайники души прославленнаго имъ русскаго народа, раскрылъ ли передъ читателемъ эту „нравственную силу" — движущій импульсъ къ полному расцвѣту народнаго самосознанія... Къ сожалѣнію, г. Фаресовъ ничего не раскрываетъ и не открываетъ. Вмѣсто яркихъ образовъ авторъ даетъ блѣдныя фигуры; вмѣсто раскрытія эволюціи души русскаго мужика съ момента проявленія въ немъ самосознанія—авторъ ограничился лишь констатированіемъ внѣшнихъ фактовъ жизни. Г. Фаресовъ упустилъ совершенно изъ виду, что писать на пространствѣ 500 страницъ хронику — это вовсе не тоже самое, что „изобразить художественное дарованіе русской націи", раскрыть „нравственную" волю ея. По безсвязнымъ фактамъ едва ли читатель увѣруетъ во что-либо. Изгибы души человѣка и народа раскрываются въ произведеніи не перечисленіемъ внѣшнихъ фактовъ жизни, а освѣщеніемъ внутреннихъ индивидуальныхъ ея переживаній. У г. Фаресова все просто: такъ просто совершается переворотъ въ душѣ сироты Елены (разсказъ „Божій путь"). Достаточно замѣчанія г. Фаресова, что хожденіемъ въ монастырь она не спасаетъ Христовыхъ братьевъ, а убѣгаетъ отъ нихъ. Елена оказалась способной къ быстрому переходу изъ одной крайности въ другую, отъ взлелѣянной мечты о монастырской жизни до хожденія въ народъ.

Въ общемъ „очерки съ натуры" не могутъ служить какимъ-либо вкладомъ ни въ литературу за отсутствіемъ въ нихъ художественной обрисовки типовъ, ни въ исторію—за отсутствіемъ какой-либо прагматической связи.

С. М—совъ.

Р. Рэкули. *Десять мѣсяцевъ на русско-японской войнѣ.* Безпристрастные очерки и впечатлѣнія французскаго военнаго корреспондента. Переводъ Н. Л. Спб. 1908 г. 840 стр. въ 16°. Ц. 75 к.

„Милый" французъ, оптимистъ и влюбленный въ Россію съ тулонско-кронштадскихъ дней, попалъ въ Манчжурію въ качествѣ корреспондента, провелъ съ русскими войсками всю войну и тамъ же, на мѣстѣ, добро-

совѣстно отмѣчалъ свои впечатлѣнія и наблюденія—неглубокія, часто наивныя, но всегда благожелательныя..

Взгляды автора просты и ясны; кампанію мы проиграли, потому что намъ не повезло: то утонулъ Макаровъ, то убили Витгефта, то наконецъ въ главнокомандующіе попалъ слабый генералъ; „онъ былъ тупъ", кратко но выразительно характеризуетъ авторъ (339 стр.) одного изъ слабыхъ генераловъ.

Возражать что-либо на такого рода „упрощенную исторію" не стоитъ, книга г. Рэкули на такое громкое названіе и не претендуетъ. Она—сборникъ живыхъ, любопытныхъ сценъ и описаній. Читается легко и съ интересомъ какъ занимательный разсказъ. Вызовутъ улыбку у читателя недоумѣнія французскаго гражданина надъ обычными пассажами русской жизни, вродѣ напр. того, какъ по пріѣздѣ въ Мукденъ, г. Рэкули, благожелателя Россіи и заграничнаго корреспондента, держали чуть ли не въ плѣну: „только два сорта людей могли безнаказанно безъ всякихъ паспортовъ и бумагъ разъѣзжать по всей Манджуріи: это куртизанки и продавцы шампанскаго. А я былъ только журналистъ, котораго рекомендовалъ Делькассэ"!—восклицаетъ авторъ. Что жъ, и улыбка по нашимъ временамъ дѣло хорошее.

Переводъ весьма не точенъ. Не говоря уже о цѣломъ рядѣ странныхъ выраженій и оборотовъ рѣчи, скрывшемуся за иниціалы переводчику слѣдовало бы знать напримѣръ, что хотя уѣздныя барышни и говорятъ вмѣсто „офицеры" — „офицерá", но чужому произведенію навязывать такой „прононсъ" не слѣдуетъ.

С. Р. М.

Е. В. Тарле. Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи (1789—1799). По неизданнымъ документамъ. Спб. 1908.

Завидна судьба западно-европейской исторіи. Не только потому, что она такъ опередила насъ. Ея этапы такъ прекрасно освѣщены и разработаны. И что особенно любопытно, видное мѣсто среди европейскихъ историковъ занимаютъ русскія имена. И это наряду съ первобытнымъ состояніемъ русской исторической науки.

Само собой разумѣется, что интересъ къ прошлому нашихъ западныхъ сосѣдей проистекаетъ не изъ-за недостатка интереса къ своему и родному. И лучшимъ доказательствомъ въ пользу сказаннаго служитъ то, что въ русскихъ монографіяхъ по западно-европейской исторіи замѣчается своеобразная закономѣрность.

Послѣднія тридцать лѣтъ въ центрѣ нашихъ интересовъ стояла крестьянская реформа. И всѣ лучшія работы (гг. Карѣева, Лучицкаго, Виноградова и др.) посвящены именно западной деревнѣ. За послѣдніе годы пульсъ русской общественности бьется сильнѣе въ городѣ. И вотъ

предъ нами работа Е. В. Тарле, какъ отраженіе чуткости западныхъ историковъ къ крупнѣйшимъ вопросамъ нашей дѣйствительности.

Но работа Тарле—первая по времени не только для насъ, русскихъ. Историческая литература о рабочихъ временъ Великой революціи находится въ зародышевомъ состояніи.

Въ извѣстномъ трудѣ Жореса эта тема затрагивается лишь мелькомъ. И потому „Рабочіе національныхъ мануфактуръ"— цѣнный вкладъ въ западную сокровищницу историческаго знанія.

Несмотря на строго замкнутыя рамки изслѣдованія („Рабочіе національныхъ мануфактуръ", а не вообще рабочіе временъ французской революціи), онъ обнимаетъ главнѣйшіе моменты житья-бытья французскаго пролетаріата. Здѣсь и яркая картина превратностей его экономическаго положенія, и злоключенія подъ вліяніемъ политическаго перелома и борьбы жирондистовъ и монтаньяровъ, и тонкими отчетливыми контурами набросанное пробужденіе классового самосознанія. Въ драмѣ, которая выпала на долю рабочихъ мануфактуры гобеленовъ и севрскаго фарфора, какъ въ каплѣ воды,—вся трагедія рабочаго, выросшаго въ желѣзныхъ тискахъ стараго порядка Франціи и въ короткій часъ революціоннаго подъема не успѣвшаго выйти на путь самостоятельной экономической и политической борьбы.

До революціи рабочіе мануфактуръ—лишь послушное орудіе въ рукахъ начальства. И даже въ 1789 году, когда начались волненія на улицахъ Парижа, маркизъ д'Агу, какъ и всѣ прочіе правительственные директора мануфактуръ, не боялся за своихъ рабочихъ. „Большинство ихъ—люди устроившіеся, имѣющіе женъ и дѣтей—и имѣющіе также маленькія милости, связанныя съ давностью по службѣ". Мастерской разборкой неизданныхъ матеріаловъ Е. В. Тарле показываетъ, какъ совершилась эволюція этихъ „устроившихся людей". И наиболѣе яркой чертой ея служитъ то, что въ своихъ требованіяхъ, выставленныхъ королевскимъ директорамъ и ихъ преемникамъ временъ Жиронды и Горы, рабочіе не требуютъ, а просятъ.

Также робки попытки рабочихъ занять опредѣленную позицію отстаиванія своихъ экономическихъ интересовъ. Въ документахъ національнаго архива не осталось почти никакихъ слѣдовъ о стремленіи рабочихъ сократить число часовъ работы. Тамъ говорится—все въ тѣхъ же просительныхъ выраженіяхъ—только о заработной платѣ.

Эта примитивность экономическихъ притязаній французскаго пролетаріата отмѣчена Е. В. Тарле съ такой массой фактическихъ доказательствъ, такъ красочно и живо, что всѣ представленія о „великой революціи", какъ „не-буржуазной революціи" падаютъ сами собой.

Не менѣе блестяще удался Тарле анализъ и политическаго міросозерцанія „устроившихся людей" мануфактуры гобеленовъ и севрскаго фар-

форм. Разъ старый порядокъ рухнулъ—они враги стараго режима. Онъ—виновникъ всѣхъ бѣдствій французскаго народа. Но въ чемъ выходъ изъ политической смуты, рабочій не знаетъ. Онъ послушный исполнитель велѣній государственной власти, все равно въ чьихъ рукахъ—она жирондиста Ролана, монтаньяровъ или Люсьена Бонапарта.

И здѣсь особенно интересенъ многознаменательный фактъ, впервые, кажется, отмѣченный Е. В. Тарле. Это отношеніе къ рабочему вопросу жирондистовъ, этихъ „конституціонныхъ демократовъ" французской революціи. При жирондѣ рабочимъ мануфактуръ жилось хуже, чѣмъ до революціи. Правда, тѣ уступки, на которыя пошли королевскіе директора мануфактуръ происходили главнымъ образомъ изъ страха предъ бунтомъ и революціей. Но все же это были уступки. И жирондисты не замедлили взять ихъ обратно, уменьшить заработную плату, число рабочихъ и т. д.

Еще и до сей поры и на Западѣ часто раздаются фарисейскія сожалѣнія о томъ, что французская революція несла съ собой „угрозу культурѣ" въ видѣ истребленія гобеленовъ и вазъ севрскаго фарфора. Теперь, благодаря „Рабочимъ національныхъ мануфактуръ" для всѣхъ будетъ ясно, какъ поспѣшны и ошибочны жалобы на „варварство массы" той эпохи, когда у власти стояли монтаньяры. „Историкъ рабочаго класса,—замѣчаетъ по этому поводу Е. В. Тарле,—во всякомъ случаѣ скажетъ, что относительно рабочихъ вообще якобинцы „вандалами" отнюдь не были... Мало того, они проявили весьма широкій взглядъ на общественное значеніе этихъ заведеній (т. е. мануфактуръ. *М. О.*),—взглядъ, до котораго никогда не могъ возвыситься (жирондистскій министръ) Роланъ.

Вопросъ о культурности монтаньяровъ, конечно,—деталь. Но она прекрасно рисуетъ тотъ широкій размахъ, которымъ ведетъ свое изслѣдованіе Тарле. Мы съ большимъ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ частей его монографіи. И нѣтъ сомнѣнія, что „Рабочіе національныхъ мастерскихъ" сдѣлаются не только монографіей для спеціалистовъ, но и необходимой книгой для широкихъ слоевъ, интересующихся исторіей рабочаго класса Западной Европы.

Мих. О—въ.

Редакторъ-Издатель Д. А. Карышевъ.

Открыта подписка на 1909 годъ

II годъ изданія.

„ГОЛОСЪ".

Двухнедѣльный иллюстрированный журналъ, посвященный литературѣ, общественной жизни, искусствамъ и наукѣ. Второй годъ изданія. „Голосъ" въ 1909-мъ году будетъ выходить въ увеличенномъ объемѣ въ г. Москвѣ при пополненномъ составѣ сотрудниковъ въ художественной обложкѣ. Изящная внѣшность. Въ журналѣ „Голосъ" принимаютъ участіе: Леонидъ Андреевъ, Ив. Бѣлоусовъ, Ив. Бунинъ, А. Вербицкая, Дм. Глушковъ, А. Доброхотовъ, С. Дрожжинъ, П. Засодимскій, Борисъ Зайцевъ, Александръ Истоминъ, Н. Киселевъ, А. И. Купринъ, Л. Малининъ, Р. Могучая, М. Михаловская, Н. Могучій, Сергѣй Пинусъ, А. Пругавинъ, Н. Степаненко, Проф. Н. Сумцовъ, Н. Телешовъ, Н. Тимковскій, Павелъ Тулубъ, А. Туркинъ, и мн. др. Въ журналѣ „Голосъ" помимо широко поставленнаго беллетристическаго отдѣла, будутъ помѣщаться критическ. статьи, статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія и искусства. Путешествія. Историч. статьи и мемуары. Обществ. и экономическ. статьи. „Литература и жизнь". Библіографія. Сатира. Иллюстраціи и проч. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой. На годъ—3 рубля. На 1/2 года—2 рубля. Разсрочка: При подпискѣ 1 рубль; къ 1-му Февраля и къ 1-му Марта также по одному рублю. Деньги могутъ высылаться сберегательными (но не почтовыми) марками. Главная Контора и Редакція журнала „Голосъ" Москва, Рождественка, Звонарскій переулокъ, д. № 6

Редакторъ-изд. Н. В. Могучій.

Приложеніе къ №№ 9—10 журн. „Образованіе“. 1908 г.

ТОНІО КРЕГЕРЪ.

Новелла Томаса Манна.

Переводъ съ нѣмецкаго А. Полоцкой.

I.

Зимнее солнце молочнаго цвѣта, жалкое и тусклое за грудами облаковъ, стояло надъ тѣснымъ городомъ. Въ узкихъ улицахъ между домами съ фронтонами было мокро, дулъ сквозной вѣтеръ; отъ времени до времени падало что-то вродѣ мягкаго града,—не ледъ и не снѣгъ.

Занятія въ школѣ кончились. По вымощенному двору и изъ рѣшетчатыхъ воротъ стремились толпы вырвавшихся на свободу школьниковъ, раздѣлялись на группы, и быстро расходились направо и налѣво. Старшіе ученики съ достоинствомъ прижимали свои связки книгъ къ лѣвому плечу; правымъ они боролись съ вѣтромъ, прокладывая себѣ дорогу домой, къ обѣду. Малыши весело бѣжали рысцой, такъ что мокрый снѣгъ подъ ихъ ногами брызгалъ во всѣ стороны, а научный грузъ въ ранцахъ изъ кожи морской собаки трещалъ и гремѣлъ. Но вдругъ всѣ принимали благонравный видъ и поспѣшно срывали шапки передъ вотановской шляпой и юпитерской бородой мѣрно шагавшаго учителя...

— Ты идешь, наконецъ, Гансъ?—сказалъ Тоніо Крегеръ, долго ожидавшій на шоссе; онъ съ улыбкой пошелъ навстрѣчу другу, который, разговаривая съ другими товарищами, вышелъ изъ воротъ и уже собирался уйти съ ними.—Что такое?—спросилъ онъ и посмотрѣлъ на Тоніо...—Ахъ, да, правда! Мы еще пройдемся немножко.

Тоніо умолкъ, и его глаза омрачились. Значитъ, Гансъ забылъ, онъ только теперь вспомнилъ, что они хотѣли сегодня послѣ школы немного пройтись вмѣстѣ? А онъ все время такъ радовался этому!

— До свиданія,—сказалъ Гансъ Ганзенъ товарищамъ.—Я еще немного пройдусь съ Крегеромъ. — И оба повернули налѣво, а остальные поплелись направо.

Гансъ и Тоніо могли пойти гулять послѣ школы, потому что въ ихъ семьяхъ обѣдали только въ 4 часа. Ихъ отцы были крупные купцы, занимавшіе общественныя должности и могущественные въ городѣ. Ганзенамъ уже много десятковъ лѣтъ принадлежали обширные лѣсные дворы, гдѣ могучія пильныя машины съ шипѣньемъ и свистомъ разсѣкали древесные стволы. Тоніо же былъ сыномъ консула Крегера, мѣшки съ зерномъ котораго съ широкой, черной печатью фирмы день за днемъ провозились по улицамъ; а большой, старый домъ его предковъ былъ самый барскій во всемъ городѣ... Друзья должны были безпрерывно снимать шапки, такъ какъ на каждомъ шагу имъ встрѣчались знакомые, и многіе первые снимали шляпы передъ четырнадцатилѣтними мальчиками...

Оба повѣсили свои ранцы черезъ плечо и оба были хорошо и тепло одѣты; Гансъ—въ короткую морскую куртку, поверхъ которой на плечахъ и спинѣ лежалъ широкій синій воротникъ матросскаго костюма; Тоніо—въ сѣрое пальто. Гансъ носилъ датскую матросскую фуражку съ короткими лентами, изъ-подъ которой вырывался вихоръ его льняныхъ волосъ. Онъ былъ очень красивъ и хорошо сложенъ, широкъ въ плечахъ и узокъ въ бедрахъ, съ открытыми и проницательными голубыми, отливающими сталью, глазами. Изъ-подъ круглой мѣховой шапки Тоніо на смугломъ южнаго типа рѣзко очерченномъ лицѣ мечтательно и немного робко глядѣли темные, окруженные нѣжными тѣнями глаза съ слишкомъ тяжелыми вѣками... Линіи рта и подбородка были необыкновенно мягки. Онъ шелъ небрежно и неравномѣрно, между тѣмъ какъ стройныя ноги Ганса въ черныхъ чулкахъ двигались такъ эластично и ритмично...

Тоніо молчалъ. Ему было больно. Сдвинувъ свои немного косо разставленныя брови, выпятивъ губы для посвистыванія и склонивъ голову на бокъ, онъ смотрѣлъ вдаль. Это была его обычная манера.

Вдругъ Гансъ просунулъ руку подъ локоть Тоніо и посмотрѣлъ на него сбоку; онъ отлично понималъ, въ чемъ дѣло. И хотя Тоніо все еще молчалъ, но настроеніе его разомъ измѣнилось и стало очень мягкимъ.

— Я не забылъ этого, Тоніо,—сказалъ Гансъ, глядя на троттуаръ,— но я думалъ, что сегодня ничего не выйдетъ, потому что такъ сыро и вѣтрено. Но для меня это ничего не значитъ, и я нахожу, что это великолѣпно, что ты все-таки ждалъ меня. Я уже думалъ, что ты ушелъ домой, и злился...

При этихъ словахъ все въ Тоніо пришло въ трепещущее и ликующее волненіе.

— Да, такъ мы пойдемъ чрезъ насыпи!—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Черезъ Мюленваль и Гольстенваль, и я провожу

тебя домой, Гансъ... Нѣтъ, нѣтъ, это ничего не значитъ, что мнѣ придется одному итти домой; въ слѣдующій разъ ты проводишь меня.

Въ сущности, онъ не очень твердо вѣрилъ въ то, что сказалъ Гансъ, и ясно чувствовалъ, что тотъ и вполовину не придаетъ такого значенія этой прогулкѣ вдвоемъ, какъ онъ. Но онъ все-таки видѣлъ, что Гансъ жалѣетъ о своей забывчивости и старается задобрить его. И онъ былъ далекъ отъ мысли продолжать дуться на Ганса...

Дѣло было въ томъ, что Тоніо любилъ Ганса Ганзена и уже не мало выстрадалъ изъ-за него. Кто любитъ сильнѣе, тотъ является слабѣйшимъ и долженъ страдать—съ этой простой и суровой истиной жизнь успѣла уже познакомить его четырнадцатилѣтнюю душу; и онъ былъ такъ созданъ, что прекрасно воспринималъ подобныя истины, словно записывалъ ихъ въ своей душѣ и находилъ въ этомъ даже особую радость, въ то же время нисколько не сообразуясь съ ними и не извлекая изъ нихъ никакой практической пользы. Онъ находилъ такія истины гораздо болѣе важными и интересными, чѣмъ знанія, которыя навязывали ему въ школѣ, и даже во время занятій въ готическихъ классныхъ залахъ занимался тѣмъ, что старался прочувствовать и продумать до конца эти и подобныя понятія. И удовлетвореніе, которое доставляло ему это занятіе, было совершенно сходно съ тѣмъ, которое онъ получалъ, когда со своей скрипкой (онъ игралъ на скрипкѣ) ходилъ по комнатѣ, и звуки, такіе мягкіе, какіе только ему удавалось извлечь, сливались съ журчаніемъ фонтана, бившаго въ саду подъ вѣтвями стараго орѣшника...

Фонтанъ, старый орѣшникъ, скрипка и море вдали, Балтійское море, лѣтнія грезы котораго онъ подслушивалъ во время вакацій,— вотъ предметы, которые онъ любилъ, которыми онъ какъ бы обставилъ себя и среди которыхъ разыгрывалась его внутренняя жизнь; предметы, названія которыхъ такъ хорошо звучатъ въ стихахъ—и они, дѣйствительно, постоянно возвращаясь, звучали въ стихахъ, которые Тоніо Крегеръ писалъ иногда.

Этотъ фактъ, что у него имѣлась тетрадь съ написанными имъ стихами, сдѣлался извѣстнымъ по его собственной винѣ и очень вредилъ ему въ глазахъ какъ товарищей, такъ и учителей. Сыну консула Крегера, съ одной стороны, казалось, что глупо и пошло обращать на это вниманіе, и онъ презиралъ за это какъ учениковъ, такъ и учителей, плохія манеры которыхъ его вдобавокъ отталкивали, и личныя слабости которыхъ онъ замѣчалъ съ удивительной проницательностью. Но, съ другой стороны, ему самому писаніе стиховъ казалось неумѣстнымъ и даже неприличнымъ, и онъ долженъ былъ признать, что до нѣкоторой степени правы тѣ, которые счи-

таютъ это страннымъ занятіемъ. Но это не могло отучить его отъ писанія стиховъ...

Такъ какъ онъ тратилъ время на безполезныя занятія, въ школѣ былъ невнимателенъ и разсѣянъ и у учителей былъ на плохомъ счету, то онъ всегда приносилъ домой самыя дурныя отмѣтки, что очень сердило и огорчало его отца, высокаго, тщательно одѣтаго господина съ задумчивыми голубыми глазами, съ полевымъ цвѣткомъ въ петлицѣ. Матери Тоніо, его прекрасной черноволосой матери, которую звали Консуэло и которая была такъ непохожа на остальныхъ дамъ города, потому что отецъ привезъ ее когда-то съ далекаго юга,—его матери отмѣтки были совершенно безразличны...

Тоніо любилъ свою смуглую, пылкую мать, такъ дивно игравшую на роялѣ и на мандалинѣ, и онъ былъ радъ, что она не сокрушается о его сомнительномъ положеніи среди людей. Но, съ другой стороны, онъ чувствовалъ, что гнѣвъ отца гораздо достойнѣе и заслуживаетъ гораздо большаго уваженія, и, хотя отецъ часто бранилъ его, онъ, въ сущности, былъ согласенъ съ нимъ, веселое же равнодушіе матери казалось ему немного безпутнымъ. Иногда онъ думалъ приблизительно такъ: довольно того, что я такой и не хочу и не могу измѣниться, что я упрямъ, все дѣлаю спустя рукава и думаю о вещахъ, о которыхъ не думаетъ никто. Надо же по крайней мѣрѣ, чтобы меня за это хорошенько наказывали и бранили, а не отдѣлывались поцѣлуями и музыкой. Вѣдь мы не цыгане въ зеленомъ шатрѣ, мы порядочные люди, Крегеры, семья Крегеровъ... Нерѣдко думалъ онъ также: почему же я такъ непохожъ на другихъ и такъ не подхожу ни къ кому, почему я не лажу съ учителями и чувствую себя такимъ чужимъ среди другихъ мальчиковъ? Посмотри на нихъ, на хорошихъ учениковъ и на среднихъ. Они не находятъ учителей комичными, они не пишутъ стиховъ и думаютъ только вещи, которыя полагается думать и которыя можно высказать вслухъ. Какими порядочными и въ какомъ согласіи со всѣмъ и со всѣми должны они чувствовать себя! Это должно быть пріятно... Почему же со мной это не такъ и чѣмъ все это кончится?

Этотъ способъ разсматривать себя самого и свое отношеніе къ жизни сыгралъ важную роль въ любви Тонію къ Гансу Ганзену. Онъ полюбилъ его прежде всего потому, что онъ былъ красивъ; а затѣмъ потому, что онъ являлся во всемъ полной противоположностью ему самому. Гансъ Ганзенъ былъ прекрасный ученикъ и, кромѣ того, веселый малый: онъ ѣздилъ верхомъ, продѣлывалъ гимнастическія упражненія, плавалъ, какъ герой, и пользовался всеобщей любовью. Учителя относились къ нему почти съ нѣжностью, называли его по имени и поощряли всевозможными способами, то-

варищи добивались его расположенія, а на улицѣ его останавливали дамы и мужчины, хватали за вихоръ льняныхъ волосъ, выбивавшійся изъ-подъ датской матросской шапки, и говорили: «Здравствуй, Гансъ Ганзенъ, кудрявая головка! Ты все еще первый ученикъ? Кланяйся папѣ и мамѣ, мой славный мальчикъ...».

Таковъ былъ Гансъ Ганзенъ, и съ тѣхъ поръ, какъ Тоніо Крегеръ зналъ его, его не оставляла тоска; какъ только онъ увидѣлъ его, онъ почувствовалъ эту полную зависти тоску, которая засѣла въ груди и жгла его.—Если бы имѣть такіе голубые глаза,—думалъ онъ,—и жить такъ уравновѣшенно и въ такомъ счастливомъ согласіи со всѣмъ міромъ, какъ ты! Ты всегда занятъ вполнѣ благопристойными и признанными всѣми дѣлами. Покончивъ съ школьными уроками, ты берешь уроки верховой ѣзды или выпиливаешь, и даже во время каникулъ, на берегу моря, ты гребешь, управляешь парусомъ и плаваешь, между тѣмъ какъ я праздно и безполезно лежу на пескѣ и гляжу на таинственную смѣну выраженій, пробѣгающихъ по лицу моря. Поэтому-то твои глаза такъ ясны. Быть, какъ ты...

Онъ не пытался стать такимъ, какъ Гансъ Ганзенъ, и, можетъ быть, это желаніе было даже не серьезно. Но онъ мучительно хотѣлъ, оставаясь такимъ, какъ онъ былъ, быть любимымъ Гансомъ и онъ добивался его любви на свой ладъ, такъ, какъ это было свойственно его медлительной и глубокой, преданной, страдающей и грустной душѣ; но эта грусть сжигала глубже и изнурительнѣй, чѣмъ вся та пылкая страстность, которой можно было бы ожидать отъ него, судя по его южной наружности.

И онъ добивался не совсѣмъ напрасно, такъ какъ Гансъ, питавшій къ нему уваженіе за нѣкоторое превосходство, за искусство рѣчи, дѣлавшее Тоніо способнымъ выражать трудныя вещи, отлично понялъ, что здѣсь его ждетъ необыкновенно сильное и нѣжное чувство, выказалъ себя благодарнымъ и доставилъ Тоніо немало счастья своей готовностью пойти ему навстрѣчу, но и немало мученій ревности, разочарованія и напрасныхъ стараній установить духовную близость. Замѣчательно было то, что Тоніо, завидовавшій манерѣ жить Ганса Ганзена, постоянно старался перетянуть его къ своей собственной манерѣ, что могло удаться лишь на моментъ, до и тогда эта удача была только кажущейся...

— Я прочелъ чудесную, великолѣпную вещь...—сказалъ онъ. Они шли и ѣли изъ одного мѣшочка фруктовыя конфекты, купленныя за десять пфенниговъ у лавочника Иверзена на Мюленштрассе. — Ты долженъ это прочесть, это Донъ-Карлосъ Шиллера... Я дамъ тебѣ, если хочешь...

— Ахъ, нѣтъ,—сказалъ Гансъ Ганзенъ,—оставь, Тоніо, это не

годится для меня. Я ужъ останусь при своихъ книгахъ о лошадяхъ. Тамъ есть великолѣпные рисунки, говорю тебѣ, я покажу тебѣ ихъ, когда ты будешь у меня. Это моментальные снимки, и на нихъ видишь лошадей, бѣгущихъ рысью и галопомъ и дѣлающихъ скачокъ, словомъ во всѣхъ положеніяхъ, которыхъ въ дѣйствительности не видишь, потому что все это происходитъ слишкомъ быстро.

— Во всѣхъ положеніяхъ?—вѣжливо спросилъ Тоніо.—Да, это интересно. Что же касается Донъ-Карлоса, то ты этого не можешь себѣ и представить. Тамъ есть мѣста, которыя такъ хороши, что тебя такъ и пронизываетъ, кажется, какъ будто вдругъ выстрѣлъ грянулъ...

— Грянулъ выстрѣлъ?—спросилъ Гансъ Ганзенъ.—Какъ это?

— Напримѣръ, тамъ есть мѣсто, гдѣ король плачетъ, потому что маркизъ обманулъ его... но маркизъ обманулъ его только изъ любви къ принцу, понимаешь, для котораго онъ приноситъ себя въ жертву. И вотъ изъ кабинета въ пріемную приходитъ извѣстіе, что король плачетъ. «Плачетъ?» «Король плачетъ?». Всѣ придворные страшно поражены, и это такъ и пронизываетъ тебя, потому что это страшно непреклонный и суровый король. Но это такъ понятно, что онъ плачетъ, и мнѣ, въ сущности, жаль его больше, чѣмъ принца и маркиза вмѣстѣ. Онъ всегда такъ одинокъ и не знаетъ любви, и вотъ онъ думаетъ, что нашелъ человѣка и тотъ предаетъ его...

Гансъ Ганзенъ взглянулъ сбоку въ лицо Тоніо; очевидно, что-то въ этомъ лицѣ заставило его заинтересоваться предметомъ, потому что онъ внезапно опять просунулъ руку подъ локоть Тоніо и спросилъ:

— Какъ же онъ предаетъ его, Тоніо?

Тоніо пришелъ въ возбужденіе.

— Дѣло въ томъ,—началъ онъ,—что всѣ письма въ Брабантъ и Фландрію...

— Вотъ идетъ Эрвинъ Иммерталь,—сказалъ Гансъ.

Тоніо замолчалъ.—Чтобы онъ провалился сквозь землю, этотъ Иммерталь!—подумалъ онъ.—Чего онъ приходитъ мѣшать намъ? Теперь онъ пойдетъ съ нами и будетъ всю дорогу говорить объ урокѣ верховой ѣзды...—Потому что Эрвинъ Иммерталь также бралъ уроки верховой ѣзды. Онъ былъ сыномъ директора банка и жилъ за городомъ, у городскихъ воротъ. Онъ шелъ навстрѣчу имъ на своихъ кривыхъ ногахъ, со своими глазами-щелочками; на немъ уже не было ранца.

— Здравствуй, Иммерталь,—сказалъ Гансъ.—Мы съ Крегеромъ гуляемъ...

— Мнѣ надо въ городъ,—сказалъ Иммерталь,—кое-что купить. Но

я пройдусь немножко съ вами... Это у васъ фруктовыя конфекты? Да, спасибо, я съѣмъ парочку. Завтра у насъ опять урокъ, Гансъ, — онъ разумѣлъ урокъ верховой ѣзды.

— Великолѣпно,—сказалъ Гансъ.—Знаешь, мнѣ купятъ кожаныя камаши, потому что я недавно получилъ пятерку за упражненія.

— Ты не берешь уроковъ верховой ѣзды, Крегеръ?—спросилъ Иммерталь; вмѣсто глазъ у него были видны только двѣ блестящія щолочки...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Тоніо съ совершенно неопредѣленнымъ выраженіемъ.

— Ты долженъ былъ бы,—замѣтилъ Гансъ Ганзенъ,—попросить твоего отца, Крегеръ, чтобы онъ позволилъ тебѣ также брать уроки».

— Да...—сказалъ Тоніо поспѣшно и въ то же время равнодушно. На мгновеніе горло его сжалось отъ того, что Гансъ назвалъ его по фамиліи; и Гансъ, казалось, почувствовалъ это, потому что пояснилъ:

— Я называю тебя Крегеромъ, потому что твое имя такое странное; извини, но я его терпѣть не могу. Тоніо... что это за имя! Впрочемъ, вѣдь ты въ этомъ не виноватъ, Боже сохрани!

— Нѣтъ, тебя зовутъ, вѣрно, такъ потому, что это звучитъ по иностранному, и въ этомъ есть что-то особенное...—сказалъ Иммерталь, дѣлая видъ, что не хочетъ сказать ничего плохого.

Губы Тоніо дрогнули. Онъ овладѣлъ собой и сказалъ:

— Да, это дурацкое имя; видитъ Богъ, я хотѣлъ бы лучше, чтобы меня звали Генрихомъ или Вильгельмомъ,—въ этомъ вы можете мнѣ повѣрить. Но одного изъ братьевъ моей матери, имя котораго мнѣ было дано при крещеніи, зовутъ Антоніо, потому что вѣдь моя мать оттуда...

Затѣмъ онъ замолчалъ, предоставивъ двумъ остальнымъ говорить о лошадяхъ и кожаныхъ издѣліяхъ. Гансъ взялъ Иммерталя объ руку и говорилъ съ живымъ интересомъ, какого никогда не удалось бы пробудить въ немъ по отношенію къ Донъ-Карлосу... Отъ времени до времени Тоніо чувствовалъ, что отъ желанія плакать у него щекочетъ въ носу; онъ съ трудомъ сдерживалъ подбородокъ, поминутно начинавшій прыгать...

Гансъ терпѣть не могъ его имени—что можно было съ этимъ подѣлать? Его самого звали Гансомъ, а Иммерталя звали Эрвиномъ, это были всѣми признанныя имена, никому не казавшіяся странными. Но «Тоніо» — въ этомъ было что-то странное и особенное. Да, все въ немъ было особенное, хотѣлъ ли этого или нѣтъ, а онъ былъ одинокъ и исключенъ изъ общества порядочныхъ и обыкновенныхъ людей, хотя вѣдь онъ былъ не цыганъ въ зеленомъ шатрѣ, а сынъ консула Крегера, изъ семьи Крегеровъ...

Но зачѣмъ же Гансъ называлъ его Тоніо, когда они были одни, разъ онъ начиналъ стыдиться его, какъ только появлялся третій? Иногда онъ былъ ему близокъ и относился къ нему хорошо.—Какъ же онъ предаетъ его, Тоніо?—спросилъ онъ и взялъ его объ руку. Но когда затѣмъ пришелъ Иммерталь, онъ все-таки вздохнулъ съ облегченіемъ, бросилъ его и безъ нужды поставилъ ему въ упрекъ его иностранное имя. Какъ больно понимать все это!.. Въ сущности, Гансъ Ганзенъ любилъ его немножко,—когда они были вдвоемъ, онъ это зналъ. Но стоило притти третьему, какъ онъ начиналъ стыдиться этого и приносилъ его въ жертву. И онъ опять былъ одинъ. Онъ вспомнилъ короля Филиппа. Король плачетъ...

— Господи помилуй,—сказалъ Эрвинъ Иммерталь,—теперь мнѣ въ самомъ дѣлѣ надо въ городъ! До свиданія, господа, спасибо за конфекты!—Онъ вскочилъ на скамью, стоявшую у дороги, пробѣжалъ по ней на своихъ кривыхъ ногахъ и исчезъ.

— Иммерталь мнѣ нравится!— сказалъ Гансъ съ удареніемъ. У него была избалованная и самоувѣренная манера изъявлять свои симпатіи и антипатіи, словно раздавая ихъ всемилостивѣйше... И затѣмъ, такъ какъ онъ уже сѣлъ на своего конька, то онъ продолжалъ говорить объ урокахъ верховой ѣзды.

Притомъ до дома Ганзеновъ было уже недалеко; дорога черезъ насыпи отняла не такъ ужъ много времени. Они придерживали свои шапки и наклоняли головы передъ сильнымъ сырымъ вѣтромъ, трещавшимъ и стонавшимъ въ обнаженныхъ вѣтвяхъ деревьевъ. И Гансъ Ганзенъ говорилъ, а Тоніо вставлялъ лишь тамъ и сямъ искусственное «Ахъ» и «Да—да», не радуясь тому, что Гансъ въ пылу увлеченія опять взялъ его объ руку, потому что вѣдь это была только кажущаяся близость, не имѣвшая значенія.

Затѣмъ они остановились у вокзала, посмотрѣли, какъ мимо нихъ съ неуклюжей поспѣшностью прогромыхалъ поѣздъ, отъ нечего дѣлать пересчитали вагоны, и кивнули закутанному въ шубу человѣку, сидѣвшему въ самомъ послѣднемъ. А на площадкѣ подъ липой, передъ виллой негоціанта Ганзена, они остановились, и Гансъ показалъ, какъ весело становиться на самый низъ калитки и раскачиваться взадъ и впередъ на петляхъ, такъ, чтобы калитка скрипѣла. Послѣ этого онъ попрощался.

— Ну, теперь мнѣ надо итти,—сказалъ онъ.—До свиданія, Тоніо. Въ слѣдующій разъ я провожу тебя до дому, ужъ это непремѣнно!

— До свиданія, Гансъ,—сказалъ Тоніо,—это была славная прогулка.

Ихъ руки, пожимавшія одна другую, были совершенно мокры и покрыты ржавчиной отъ калитки. Но когда Гансъ заглянулъ въ глаза

Тоніо, въ его лицѣ появилось такое выраженіе, какъ будто онъ о чемъ-то вспомнилъ и въ чемъ-то раскаивается.

— Я на-дняхъ прочту «Донъ-Карлоса!»—быстро сказалъ онъ.—Эта сцена, гдѣ король сидитъ въ кабинетѣ, должна быть великолѣпна!— Затѣмъ онъ взялъ свой ранецъ подъ мышку и побѣжалъ по саду. Прежде чѣмъ зайти въ домъ, онъ еще разъ обернулся и кивнулъ Тоніо.

И Тоніо Крегеръ, весь сіяющій и словно окрыленный, пошелъ домой. Вѣтеръ гналъ его сзади, но не только поэтому двигался онъ такъ легко.

Гансъ прочтетъ «Донъ-Карлоса», и тогда у нихъ будетъ что-то общее, во что не сможетъ сунуть носа ни Иммерталь, ни кто-либо другой! Какъ хорошо понимаютъ они другъ друга! Кто знаетъ,— можетъ быть, онъ склонитъ Ганса и къ тому, чтобы тотъ также писалъ стихи?.. Нѣтъ, нѣтъ, этого онъ не хочетъ! Гансъ не долженъ стать такимъ, какъ Тоніо, пусть онъ остается такимъ, какъ теперь, такимъ яснымъ и сильнымъ, какимъ любятъ его всѣ и больше всѣхъ Тоніо! Но «Донъ-Карлоса» пусть онъ все-таки прочтетъ. И Тоніо прошелъ черезъ старыя, низкія ворота, пошелъ вдоль гавани и по крутой, мокрой, лежавшей на сквозномъ вѣтрѣ улицѣ поднялся къ дому своихъ родителей. Сердце его жило; въ немъ была тоска и полная грусти зависть и немножко презрѣнія и огромное цѣломудренное блаженство.

II.

Бѣлокурую Ингу, Ингеборгъ Гольмъ, полюбилъ Тоніо Крегеръ, когда ему было шестнадцать лѣтъ. Она была дочерью доктора Гольма, который жилъ на площади, тамъ, гдѣ стоялъ высокій, остроконечный и многогранный готическій колодезь.

Какъ это случилось? Онъ видѣлъ ее тысячу разъ; но однажды вечеромъ онъ увидѣлъ ее въ особомъ освѣщеніи, увидѣлъ, какъ она, разговаривая со своими подругами, задорно смѣялась, откидывая голову назадъ, какъ она какъ-то особенно подносила къ затылку руку, не очень узкую, не очень изящную, полудѣтскую руку, причемъ бѣлый газовый рукавъ соскальзывалъ съ ея локтя; услышалъ, какъ она съ особеннымъ удареніемъ произносила какое-то незначущее слово, причемъ голосъ ея звучалъ такъ тепло... И его сердце охватило восхищеніе, гораздо болѣе сильное, чѣмъ то, которое онъ испытывалъ иногда раньше, созерцая Ганса Ганзена, тогда, когда онъ былъ маленькимъ, глупымъ мальчикомъ.

Въ этотъ вечеръ онъ унесъ съ собой образъ Ингеборгъ Гольмъ, съ ея толстой бѣлокурой косой, продолговатыми, смѣющимися голу-

быми глазами и едва замѣтными веснушками надъ носомъ. Онъ не могъ заснуть, такъ какъ въ его ушахъ раздавался теплый звукъ ея голоса, онъ тихонько попытался воспроизвести удареніе, съ которымъ она произнесла то незначущее слово, и при этомъ затрепеталъ. Опытъ училъ его, что это любовь. Но хотя онъ прекрасно зналъ, что любовь принесетъ ему много горя, страданій и униженія, что она нарушитъ миръ, переполнитъ сердце мелодіями и вмѣстѣ съ тѣмъ отниметъ спокойствіе, необходимое для того, чтобы округлить эти мелодіи и въ тиши создать изъ нихъ нѣчто цѣлое, онъ все-таки принялъ ее съ радостью, отдался ей всецѣло и лелѣялъ ее всѣми силами своей души. Ибо онъ зналъ, что она дѣлаетъ богатымъ, и полнымъ жизни, а онъ стремился быть богатымъ и полнымъ жизни, а не творить въ тиши...

То, что Тоніо Крегеръ влюбился въ веселую Ингу Гольмъ, проявилось въ гостиной консульши Густеөде: въ тотъ вечеръ была ея очередь дать урокъ танцевъ. Это былъ частный курсъ, въ которомъ принимали участіе только члены лучшихъ семействъ, и участники собирались поочередно въ домахъ родителей брать уроки танцевъ и хорошихъ манеръ. Спеціально для этой цѣли еженедѣльно изъ Гамбурга пріѣзжалъ балетмейстеръ Кнаакъ.

Франсуа Кнаакъ звали его, и что это былъ за мужчина!—J' ai l'honneur de me vous représenter,—говорилъ онъ,— mon nom est Knaak... И это говорится не во время поклона, но тогда, когда уже стоишь выпрямившись,—пониженнымъ голосомъ и все же отчетливо. Не каждый день приходится представляться по-французски, но тотъ, кто въ состояніи сдѣлать это правильно и безукоризненно, тотъ ужъ, навѣрно, сумѣетъ сдѣлать это и по-нѣмецки.—Какъ дивно облегалъ шелковистый сюртукъ его жирныя бедра! Мягкими складками спадали панталоны на лакированные башмаки, украшенные широкими атласными бантами, а его каріе глаза глядѣли вокругъ, устало радуясь своей собственной красотѣ...

Избытокъ его увѣренности и благопристойности дѣйствовалъ угнетающимъ образомъ. Онъ подходилъ — никто не ходилъ такъ, какъ онъ, эластично, плавно, слегка покачиваясь, величественно,—къ хозяйкѣ дома, склонялся передъ ней и ждалъ, чтобы ему подали руку. Получивъ ее, онъ тихо благодарилъ, эластично отступалъ, поворачивался на лѣвой ногѣ, отбрасывалъ правую съ прижатымъ книзу носкомъ вбокъ и двигался дальше, подрагивая бедрами...

Уходя изъ общества, надо отступать къ двери задомъ, все время кланяясь; стулъ не тащатъ за ножку и не волочатъ по полу,—его несутъ, слегка придерживая за спинку, и безшумно опускаютъ на полъ. Рукъ не складываютъ на животѣ, а языкъ не засовываютъ въ уголокъ рта; если же кто-либо дѣлалъ это, то г-нъ Кнаакъ такъ

передразнивалъ его, что у того на всю жизнь оставалось отвращеніе къ этой манерѣ...

Это—по части хорошихъ манеръ. Что касается танцевъ, то ими г. Кнаакъ владѣлъ, если возможно, еще въ большей мѣрѣ. Въ освобожденной отъ мебели гостиной горѣли газовые рожки, люстры и свѣчи на каминѣ. Полъ былъ посыпанъ талькомъ, и на немъ нѣмымъ полукругомъ стояли ученики. За портьерами, въ смежной комнатѣ, на плюшевыхъ креслахъ сидѣли маменьки и тетушки и въ лорнетки разсматривали господина Кнаака, который, склонившись и придерживая двумя пальцами обѣихъ рукъ полы своего сюртука, своими упругими ногами продѣлывалъ отдѣльныя части мазурки. Когда же ему приходило въ голову окончательно поразить свою публику, то онъ вдругъ безъ всякой нужды отдѣлялся отъ пола, съ головокружительной быстротой перебиралъ ногами въ воздухѣ, словно выдѣлывалъ ими трели, затѣмъ возвращался на землю, отчего полъ такъ и дрожалъ...

— Что за странная обезьяна,—думалъ Тоніо Крегеръ про себя. Но онъ прекрасно видѣлъ, что Инга Гольмъ, веселая Инга, часто съ самозабвенной улыбкой слѣдила за движеніями господина Кнаака. И не только поэтому вся эта удивительно выдресированная плоть вызывала въ немъ, въ сущности, что-то вродѣ восхищенія. Какъ спокойно и невозмутимо смотрѣли глаза господина Кнаака! Они не заглядывали въ глубь вещей, туда, гдѣ все становится такъ сложно и печально; они знали только то, что они темны и прекрасны—и ничего, кромѣ этого. Поэтому-то его осанка и была такъ горда! Да, надо быть глупымъ, чтобы двигаться такъ, какъ онъ; а такихъ-то и любятъ, потому что они такъ милы. Онъ отлично понималъ, что Инга, бѣлокурая, милая Инга смотритъ такъ на господина Кнаака. Но неужели же никогда ни одна дѣвушка не посмотритъ такъ на него?

О, да, это бывало. Тамъ была Магдалина Вермеренъ, дочь адвоката Вермерена, съ мягкимъ ртомъ и большими, темными, блестящими глазами, серьезными и мечтательными. Во время танцевъ она часто падала; но когда дамы должны были выбирать, она подходила къ нему; она знала, что онъ пишетъ стихи, она два раза просила показать ихъ ей, и часто украдкой смотрѣла на него издали. Но что ему было до этого? Онъ любилъ Ингу Гольмъ, бѣлокурую, веселую Ингу, которая, навѣрно, презирала его за то, что онъ писалъ стихи... Онъ смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ на ея узкіе голубые глаза, въ которыхъ сверкало счастье и насмѣшливость, и полная зависти тоска; горькое, гнетущее сознаніе, что онъ чужой ей и такимъ останется навсегда, сидѣло въ его груди и жгло...

— Первая пара en avant!—сказалъ господинъ Кнаакъ, и никакими словами нельзя описать, какъ чудесно онъ произносилъ носовой звукъ. Шла кадриль, и къ глубокому ужасу Tonio Крегера онъ очутился въ одномъ карре съ Ингой Гольмъ. Онъ избѣгалъ ея, какъ могъ, и все-таки постоянно оказывался вблизи нея; онъ запрещалъ своимъ глазамъ обращаться на нее, и все-таки его взглядъ постоянно приковывался къ ней... Вотъ она, скользя и припрыгивая, пришла объ руку съ рыжеволосымъ Фердинандомъ Маттиссеномъ, откинула назадъ косу и, переводя дыханіе, стала напротивъ Tonio; г. Гейнцельманъ, таперъ, ударилъ по клавишамъ своими костлявыми пальцами, г. Кнаакъ скомандовалъ, кадриль началась.

Она двигалась передъ нимъ направо и налѣво, взадъ и впередъ, скользя и вертясь, иногда до него доносился запахъ, исходившій отъ ея волосъ или отъ нѣжной бѣлой ткани ея платья, и въ глазахъ у него все больше и больше темнѣло.—Я люблю тебя, милая, дорогая Инга,—внутренно говорилъ онъ, и вкладывалъ въ эти слова всю свою боль отъ того, что она такъ усердно и весело отдавалась танцамъ, не обращая вниманія на него. Ему вспомнилось чудесное стихотвореніе Шторма: «Мнѣ хочется спать, но ты должна танцовать». Его мучила унизительная нелѣпость, лежавшая въ томъ, что онъ долженъ танцовать, въ то время, какъ душа его полна любви.

— Первая пара en avant!—сказалъ г. Кнаакъ, такъ какъ началась новая фигура.—Compliment! Moulinet des dames! Tour de main!—Невозможно описать, какъ граціозно проглотилъ онъ нѣмое *e* въ словѣ de.

— Вторая пара en avant!—очередь была за Tonio Крегеромъ и его дамой.—Compliment!—И Tonio Крегеръ, поклонился.—Moulinet des dames!—И Tonio Крегеръ, опустивъ голову и мрачно наморщивъ брови, положилъ свою руку на руки четырехъ дамъ, на руку Инги Гольмъ, и протанцовалъ «moulinet».

Вокругъ началось хихиканье и смѣхъ. Г. Кнаакъ принялъ балетную позу, выражавшую стилизованный ужасъ.—О, ужасъ!—воскликнулъ онъ.—Стойте, стойте! Крегеръ попалъ въ дамы! En arrière, мадемуазель Крегеръ, назадъ, fi donc! Всѣ поняли это, только вы нѣтъ. Кишъ! Прочь! Назадъ!—И онъ вытащилъ свой желтый носовой платокъ и прогонялъ имъ Tonio Крегера на его мѣсто.

Всѣ смѣялись, юноши, дѣвушки и дамы за портьерами, потому что г. Кнаакъ сдѣлалъ изъ этого происшествія что-то очень смѣшное, и всѣ забавлялись, какъ въ театрѣ. Только г. Гейнцельманъ съ сухой и дѣловой миной ждалъ знака продолжать игру, потому что онъ привыкъ къ эффектамъ г. Кнаака.

Затѣмъ кадриль продолжалась. Потомъ наступилъ перерывъ. Вошла служанка, звеня чайнымъ подносомъ, уставленнымъ чашками съ

виннымъ желе, а за ней по пятамъ слѣдовала кухарка съ цѣлымъ грузомъ пирожнаго. Но Тоніо Крегеръ прокрался изъ гостиной, крадучись прошелъ по корридору и остановился тамъ, заложивъ руки за спину, передъ окномъ со спущенными жалюзи, не думая о томъ, что сквозь эти жалюзи рѣшительно ничего не видно, и что смѣшно стоять передъ ними и дѣлать видъ, будто смотришь на улицу.

Но онъ смотрѣлъ не на улицу, онъ смотрѣлъ въ свою душу, гдѣ было такъ много скорби и тоски. Зачѣмъ, зачѣмъ онъ здѣсь? Почему онъ не сидитъ въ своей комнатѣ у окна и не читаетъ стиховъ Шторма и не глядитъ на вечерній садъ, гдѣ тяжело трещитъ старый орѣшникъ? Тамъ его мѣсто. Пусть другіе танцуютъ и веселятся и искусно продѣлываютъ все, что имъ велятъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, его мѣсто все-таки здѣсь, вблизи Инги, даже если ему приходится одиноко стоять вдали и стараться въ шумѣ, звонѣ и смѣхѣ тамъ внутри различить ея голосъ, въ которомъ звучитъ теплая жизнь.—Твои продолговатые, голубые, смѣющіеся глаза, бѣлокурая Инга! Быть такой прекрасной и веселой, какъ ты, можетъ только тотъ, кто не читаетъ стиховъ Шторма, никогда не пробуетъ самъ писать такіе же; вотъ что печально!..

Она должна была бы притти! Она должна была бы замѣтить, что онъ ушелъ, почувствовать, каково ему, должна была бы потихоньку пойти за нимъ, хотя бы только изъ состраданія, положить ему руку на плечо и сказать: «Пойдемъ къ намъ, развеселись, я люблю тебя». И онъ прислушивался и съ безразсуднымъ нетерпѣніемъ ждалъ, что она придетъ. Но она не приходила. Подобныя вещи не случаются на свѣтѣ.

Неужели и она смѣялась надъ нимъ, какъ всѣ другіе? Да, такъ оно и было, какъ ни хотѣлось ему отрицать это, какъ ради нея, такъ и ради себя. А вѣдь онъ только потому протанцовалъ «moulinet des dames», что былъ слишкомъ поглощенъ ея близостью. И что за бѣда! Быть можетъ, когда-нибудь да перестанутъ смѣяться! Развѣ не приняли недавно его стихотворенія въ газету? Правда, она закрылась раньше, чѣмъ его стихотвореніе могло появиться. Настанетъ день, когда онъ будетъ знаменитъ, когда будетъ напечатано все, что онъ пишетъ, и тогда увидимъ, не произведетъ ли это впечатлѣнія на Ингу Гольмъ?.. Нѣтъ, это не произведетъ никакого впечатлѣнія, въ томъ-то и дѣло. На Магдалину Вермеренъ, которая вѣчно падаетъ, на нее да, но не на Ингу, не на голубоглазую, веселую Ингу. Такъ, значитъ, все напрасно?..

При этой мысли сердце Тоніо Крегера болѣзненно сжалось. Чувствовать, какъ въ тебѣ движутся дивно играющія, скорбныя силы, и при этомъ знать, что тѣ, къ кому ты стремишься, недоступны

нимъ въ своемъ веселомъ равнодушіи,—это очень больно. Но хотя онъ стоялъ передъ спущенными жалюзи одинокій, отверженный и лишенный надежды, и въ своемъ горѣ дѣлалъ видъ, что смотритъ на улицу, онъ все-таки былъ счастливъ. Ибо тогда жило его сердце. Тепло и грустно билось оно для тебя, Игеборгъ Гольмъ, и душа его въ блаженномъ самоотреченіи обнимала твою бѣлокурую, ясную и задорно обыкновенную маленькую особу.

Не разъ стоялъ онъ съ разгорѣвшимся лицомъ въ уединенныхъ мѣстахъ, куда лишь слегка доносились музыка, благоуханіе цвѣтовъ и звонъ стакановъ, и старался въ отдаленномъ праздничномъ шумѣ различить твой звонкій голосъ, страдалъ изъ-за тебя и все-таки былъ счастливъ. Не разъ огорчало его, что съ Магдалиной Вермеренъ, которая вѣчно падала, онъ могъ говорить, что она понимала его и смѣялась и была серьезна вмѣстѣ съ нимъ; когда же онъ сидѣлъ подлѣ бѣлокурой Инги, она казалась ему далекой, чужой и не понимающей, потому что его языкъ не былъ ея языкомъ; и все-таки онъ былъ счастливъ. Потому что счастье, говорилъ онъ себѣ, не въ томъ, чтобы быть любимымъ; это—смѣшанное съ отвращеніемъ удовлетвореніе для тщеславія. Счастье въ томъ, чтобы любить и ловить маленькія, обманчивыя приближенія къ любимому существу. И онъ записалъ эту мысль въ своей душѣ, продумалъ ее до конца и прочувствовалъ до самаго основанія.

— Вѣрность!—думалъ Тоніо Крегеръ.—Я хочу быть вѣрнымъ и любить тебя, Ингеборгъ, пока живу!—Такъ благи были его намѣренія. И все же легкій страхъ и грусть нашептывали ему, что вѣдь онъ и Ганса Ганзена забылъ совершенно, хотя и видѣлъ его ежедневно. И отвратительно и гнусно было то, что этотъ тихій и немного злорадный голосъ оказался правымъ: время шло, и наступили дни, когда Тоніо Крегеръ ужъ не такъ безусловно готовъ былъ умереть за веселую Ингу, какъ прежде, потому что онъ чувствовалъ въ себѣ желаніе и силу внести въ міръ много новаго и замѣчательнаго.

И онъ осторожно ходилъ вокругъ жертвеннаго алтаря, на которомъ пылало чистое и цѣломудренное пламя его любви, преклонялъ передъ нимъ колѣни и раздувалъ и питалъ его на всѣ лады, потому что онъ хотѣлъ быть вѣрнымъ. И черезъ нѣкоторое время, незамѣтно, безъ шума, оно все-таки погасло.

Но Тоніо Крегеръ еще нѣсколько времени стоялъ передъ остывшимъ алтаремъ, полный удивленія и разочарованія оттого, что на землѣ не можетъ быть вѣрности. Затѣмъ онъ пожалъ плечами и пошелъ своимъ путемъ.

III.

Онъ пошелъ путемъ, которымъ долженъ былъ пойти, немного небрежно и неравномѣрно, насвистывая и глядя вдаль съ склоненной на бокъ головой. И если онъ шелъ невѣрнымъ путемъ, то это происходило оттого, что для нѣкоторыхъ вообще не существуетъ вѣрнаго пути. Если его спрашивали, чѣмъ же онъ думаетъ сдѣлаться, то онъ давалъ каждый разъ различные отвѣты, такъ какъ онъ имѣлъ обыкновеніе говорить (и это уже было записано въ его душѣ), что онъ носитъ въ себѣ возможности тысячи формъ бытія, вмѣстѣ съ тайнымъ сознаніемъ, что это все лишь невозможности...

Еще прежде чѣмъ онъ разстался съ тѣснымъ роднымъ городкомъ, тихо разрѣшились связи и нити, которыми городъ держалъ его.

Старая фамилія Крегеровъ мало-по-малу пришла въ состояніе разложенія и распада, и люди имѣли основаніе относить характеръ Тоніо Крегера также къ числу признаковъ этого состоянія. Мать его отца, глава рода, умерла, и вскорѣ за ней послѣдовалъ и его отецъ, высокій, задумчивый, тщательно одѣтый господинъ съ полевымъ цвѣткомъ въ петлицѣ. Большой домъ Крегеровъ, вмѣстѣ со всей почтенной исторіей, былъ проданъ, и фирма прекратила свое существованіе. Мать же Тоніо Крегера, его прекрасная, пылкая мать, которая такъ дивно играла на рояли и мандалинѣ и которой все было безразлично, черезъ годъ снова вышла замужъ за музыканта-виртуоза съ итальянскимъ именемъ, за которымъ она послѣдовала въ голубыя дали. Тоніо Крегеръ находилъ это немного безпутнымъ; но былъ ли призванъ о н ъ запрещать ей это? Онъ писалъ стихи и не могъ даже отвѣтить на вопросъ, чѣмъ онъ думаетъ сдѣлаться...

И онъ покинулъ родной городъ съ узкими улицами, надъ фронтонами домовъ которыхъ дулъ сырой вѣтеръ, покинулъ фонтанъ и старый орѣшникъ въ саду, повѣренныхъ его юности, покинулъ также море, которое такъ любилъ, и не почувствовалъ при этомъ никакого горя. Потому что онъ сталъ большимъ и умнымъ, понялъ, какъ обстояло съ нимъ дѣло, и былъ полонъ насмѣшки надъ грубымъ и низменнымъ существованіемъ, такъ долго державшимъ его въ своей средѣ.

Онъ всецѣло отдался силѣ, которая казалась ему самой возвышенной на землѣ, на служеніе которой онъ чувствовалъ себя призваннымъ, и которая обѣщала ему величіе и почести,—силѣ духа и слова, съ улыбкой царящей надъ безсознательной и безгласной жизнью. Онъ отдался ей со всей своей юной страстью, и она вознаградила его всѣмъ, чѣмъ она можетъ одарить, и съ неумолимостью

взяла у него все то, что она имѣетъ обыкновенiе брать взамѣнъ своихъ даровъ.

Она изощрила его взоръ и научила его понимать смыслъ пышныхъ фразъ, отъ которыхъ раздувается человѣческая грудь, она открыла предъ нимъ души людей и его собственную, сдѣлала его ясновидящимъ и показала ему внутренность мiра и то послѣднее, что лежитъ за словами и дѣлами. Но то, что онъ увидалъ,—было смѣшное и жалкое, жалкое и смѣшное.

Тогда, вмѣстѣ съ муками и высокомѣрiемъ познанiя, пришло одиночество, такъ какъ онъ не могъ переносить общества безобидныхъ людей съ радостно-темнымъ сознанiемъ, а ихъ тревожило клеймо на его челѣ. Но все сильнѣе и сильнѣе становилась его любовь къ слову и формѣ, такъ какъ онъ говорилъ (и это тоже было уже записано въ его душѣ), что одно только познанiе души непремѣнно наводило бы унынiе, если бы наслажденiе формой не поддерживало въ насъ бодрости...

Онъ жилъ въ большихъ городахъ и на югѣ, отъ солнца котораго онъ ожидалъ пышнаго расцвѣта своего творчества; быть можетъ, его тянула туда кровь его матери. Но такъ какъ его сердце было мертво и лишено любви, то онъ бросился въ приключенiя плоти, опустился глубоко въ сладострастiе и безумную чувственность и при этомъ несказанно страдалъ. Быть можетъ, это наслѣдiе его отца, высокаго, задумчиваго, тщательно одѣтаго господина съ полевымъ цвѣткомъ въ петлицѣ, заставляло его такъ страдать и вызывало въ немъ слабое, тоскливое воспоминанiе о наслажденiи души, которое онъ испытывалъ когда-то и котораго онъ не находилъ больше во всѣхъ теперешнихъ наслажденiяхъ.

Отвращенiе и ненависть къ чувственности охватили его, и жажда чистоты и благопристойнаго мира; въ то же время онъ дышалъ воздухомъ искусства, мягкимъ и сладостнымъ, напоеннымъ благоуханiемъ воздухомъ вѣчной весны, въ которомъ все бурлитъ и кипитъ и пускаетъ ростки въ скрытомъ блаженствѣ зарожденiя. Кончилось тѣмъ, что онъ, неудержимо бросаемый изъ одной крайности въ другую, отъ ледяной духовности къ пожирающей чувственности, мучимый угрызенiями совѣсти, велъ изнуряющую жизнь, безудержную, разгульную и необыкновенную жизнь, которая ему, въ сущности, внушала отвращенiе.—Какое недоразумѣнiе!—думалъ онъ иногда.— Какъ могло случиться, что я впутался во всѣ эти эксцентричныя приключенiя? Вѣдь я же не родился цыганомъ въ зеленомъ шатрѣ...

Но въ той же степени, въ какой ослаблялось его здоровье, изощрялось его творчество, становилось изысканнымъ, избраннымъ, тонкимъ, отражая всю его разборчивость, ненависть къ банальному

и необыкновенную чувствительность въ вопросахъ такта и вкуса. Когда онъ выступилъ впервые, онъ вызвалъ среди тѣхъ, кому это было близко, много одобренія и радости, потому что онъ создалъ цѣнную вещь, полную юмора и знанія страданій. И вскорѣ его имя, то самое, которымъ когда-то, браня, называли его учителя, то самое, которымъ онъ подписывалъ свои первые стихи къ орѣшнику, фонтану и морю, этотъ составленный изъ сѣвера и юга звукъ, это буржуазное съ экзотическимъ налетомъ имя стало формулой, обозначавшей превосходное; ибо къ скорбной основательности его познаній присоединилось рѣдкое, упорное и честолюбивое прилежаніе, которое въ борьбѣ съ разборчивой раздражительностью его вкуса, съ страшными муками, создавало необыкновенныя творенія.

Онъ работалъ не какъ человѣкъ, работающій для того, чтобы жить, но какъ человѣкъ, который хочетъ только одного: работать, потому что онъ себя, какъ живого человѣка, не ставитъ ни во что, желаетъ быть признаннымъ только въ своемъ творчествѣ, а въ жизни бродитъ безцвѣтный и незамѣтный, какъ разгримированный актеръ, который ничто, пока ему нечего изображать. Онъ работалъ молча, въ уединеніи, невидимый и полный презрѣнія къ тѣмъ маленькимъ людямъ, для которыхъ талантъ служитъ украшеніемъ въ обществѣ, которые, бѣдны ли они или богаты, ходятъ въ дикомъ и оборванномъ видѣ или же щеголяютъ оригинальными галстуками, которые прежде всего стараются жить счастливо, нравиться всѣмъ и вести себя, какъ подобаетъ художникамъ, не зная, что хорошія произведенія возникаютъ только подъ гнетомъ плохой жизни, что тотъ, кто живетъ, не работаетъ, и что для того, чтобы быть всецѣло творцомъ, надо умереть.

IV.

— Я не мѣшаю?—спросилъ Тоніо Крегеръ съ порога ателье. Онъ держалъ шляпу въ рукѣ и стоялъ, склонившись, хотя Елизавета Ивановна была его другомъ, которому онъ говорилъ все.

— Смилуйтесь, Тоніо Крегеръ, и входите безъ церемоній!—отвѣтила она со своимъ прыгающимъ удареніемъ.—Давно извѣстно, что вы хорошо воспитаны и знаете приличія.—При этомъ она сунула свою кисть въ лѣвую руку, гдѣ была палитра, подала ему правую и, смѣясь и качая головой, смотрѣла ему въ лицо.

— Да, но вы работаете,—сказалъ онъ.—Дайте-ка взглянуть... О, вы подвинулись впередъ.—И онъ принялся разсматривать поочередно яркіе эскизы, прислоненные къ стульямъ по обѣ стороны мольберта, и большое, покрытое квадратной сѣтью линій полотно, на которомъ,

среди неяснаго и прозрачнаго очерка углемъ, тамъ и сямъ выплывали первые мазки красками.

Это было въ Мюнхенѣ, въ домѣ на Шеллингштрассѣ, въ одномъ изъ верхнихъ этажей. За широкимъ, выходящимъ на сѣверъ окномъ царила синева неба, щебетаніе птицъ и солнечное сіяніе, и молодое, сладостное дыханіе весны, врывавшееся черезъ открытую форточку, смѣшивалось съ запахомъ фиксатива и масляныхъ красокъ, наполнявшимъ обширную комнату. Золотистый свѣтъ яркаго дня безпрепятственно затоплялъ просторную наготу ателье, откровенно освѣщалъ немного испорченный полъ, грубый, покрытый бутылочками, трубочками и кистями столъ у окна и этюды безъ рамъ на неоклеенныхъ обоями стѣнахъ, освѣщалъ ширмы изъ потертаго шелка, стоявшія недалеко отъ двери и отдѣлявшія небольшой, стильно меблированный жилой уголокъ; освѣщалъ незаконченное произведеніе на мольбертѣ и передъ нимъ художницу и поэта.

По виду ей было столько же лѣтъ, сколько и ему, т. е. немного болѣе тридцати. Въ своемъ синемъ, покрытомъ пятнами передникѣ сидѣла она на низкой скамеечкѣ, подперевъ подбородокъ рукой. Ея каштановые волосы, собранные въ плотный узелъ и на вискахъ уже начинавшіе сѣдѣть, были раздѣлены проборомъ на двѣ волны, обрамлявшія ея смуглое, необыкновенно симпатичное лицо славянскаго типа съ тупымъ носомъ, выдающимися скулами и маленькими черными, блестящими глазами. Скосивъ и прищуривъ глаза, она напряженно, недовѣрчиво и словно раздраженно разсматривала свою работу.

Онъ стоялъ рядомъ съ ней, правой рукой упершись въ бокъ, а лѣвой торопливо покручивая свои каштановые усы. Его косыя брови были мрачно и напряженно сдвинуты; по обыкновенію, онъ что-то тихо насвистывалъ. Онъ былъ одѣтъ очень тщательно и аккуратно, въ костюмъ спокойнаго сѣраго цвѣта и скромнаго покроя. Но по его напряженному лбу, надъ которымъ такъ корректно и просто лежали раздѣленные проборомъ темные волосы, пробѣгало нервное подергиваніе, а черты его южнаго лица были рѣзки, словно проведенныя рѣзцомъ и вычеканенныя, между тѣмъ какъ линіи рта и подбородка казались такими мягкими... Черезъ нѣсколько мгновеній онъ провелъ рукой по лбу и глазамъ и отвернулся.

— Мнѣ не слѣдовало приходить,—сказалъ онъ.

— Почему же, Тоніо Крегеръ?

— Я только что оставилъ работу, Елизавета Ивановна, и въ моей головѣ теперь творится то же самое, что на этомъ полотнѣ. Канва, блѣдный, замаранный поправками очеркъ и нѣсколько мазковъ красками; и вотъ я прихожу сюда и вижу тоже самое. И конфликтъ, и противорѣчіе, — сказалъ онъ, потянувъ носомъ воздухъ,—которые меня

мучили дома, я нахожу здѣсь тоже. Странно. Стоитъ какой-либо мысли овладѣть тобой, и ты находишь ее всюду, ты чувствуешь ее даже въ воздухѣ. Фиксативъ и ароматъ весны, не правда ли? Искусство и... да, что же еще? Не говорите «природа», Елизавета, «природа»—недостаточно исчерпывающее выраженіе. Ахъ, нѣтъ, мнѣ слѣдовало лучше пойти гулять, хотя это еще вопросъ, чувствовалъ ли-бы я себя отъ этого лучше? Пять минутъ тому назадъ недалеко отсюда я встрѣтилъ коллегу, Адальберта, новеллиста. Чтобъ чортъ побралъ весну!—сказалъ онъ въ своемъ агрессивномъ стилѣ.—Это отвратительнѣйшее время года! Можетъ ли вамъ притти въ голову хоть одна разумная мысль, Крегеръ, можете ли вы обработать малѣйшій эффектъ, сколько-нибудь интересное мѣсто, когда въ крови у васъ кипитъ самымъ неприличнымъ образомъ, и масса неподобающихъ ощущеній не даетъ вамъ покою; и всѣ эти ощущенія, только вы ихъ немножко изслѣдуете, оказываются тривіальной и никуда негодной чепухой. Что касается меня, то я иду въ café. Это нейтральная, незатронутая перемѣной временъ года область, она представляетъ, такъ сказать, изолированную и возвышенную сферу литературнаго, въ которой люди способны на мысли только болѣе благороднаго характера...—И онъ пошелъ въ café; и, можетъ быть, мнѣ слѣдовало пойти съ нимъ.

Елизавета смѣялась.

— Это хорошо, Тоніо Крегеръ. Это «неприличное кипѣніе» очень хорошо. И вѣдь онъ до нѣкоторой степени правъ, потому что весной работа и въ самомъ дѣлѣ немножко не клеится. Но теперь слушайте. Теперь я все-таки сдѣлаю еще вотъ это, этотъ маленькій эффектъ, какъ сказалъ бы Адальбертъ. Послѣ этого мы пойдемъ въ «гостиную» и будемъ пить чай, и вы «выговоритесь», потому что я прекрасно вижу, что вы сегодня заряжены. До тѣхъ поръ располагайтесь гдѣ-нибудь, напримѣръ, вотъ на томъ ящикѣ, если не боитесь за свой патриціанскій костюмъ...

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ съ моимъ костюмомъ, Елизавета Ивановна! Вамъ бы хотѣлось, чтобы я ходилъ въ разорванной бархатной курткѣ или въ красной шелковой рубахѣ? Каждый изъ насъ, художниковъ, внутренно въ достаточной мѣрѣ авантюристъ. Будемъ же по крайней мѣрѣ внѣшне хорошо одѣваться, чортъ возьми, и вести себя, какъ порядочные люди... Нѣтъ, я не заряженъ,—сказалъ онъ, глядя, какъ она смѣшиваетъ краски на палитрѣ.—Вы вѣдь слышали, что дѣло только въ проблемѣ и противорѣчіи, которое не выходитъ у меня изъ головы и не даетъ мнѣ работать... Да, о чемъ мы только что говорили? Объ Адальбертѣ, новеллистѣ, о томъ, какой это гордый и твердый человѣкъ.—Весна—отвратительнѣйшее время года,—сказалъ

онъ и пошелъ въ café. Потому что надо знать, чего хочешь, неправда ли? Видите ли, мнѣ весна тоже дѣйствуетъ на нервы; милая тривіальность воспоминаній и ощущеній, которыя она пробуждаетъ, повергаетъ и меня въ смятеніе; но я не могу заставить себя бранить и презирать ее за это; потому что я стыжусь ея, стыжусь ея чистой естественности и торжествующей юности. И я не знаю, долженъ ли я завидовать Адальберту или же презирать его за то, что онъ не испытываетъ ничего подобнаго...

— Весной работается плохо, конечно, а почему? Потому что весной пробуждается чувство. И потому, что только бумагокропатели думаютъ, что тотъ, кто творитъ, долженъ чувствовать. Истинный и искренній художникъ улыбнется надъ наивностью этого заблужденія, — быть можетъ, меланхолично, но улыбнется. Ибо то, что вы говорите, никогда не должно быть главнымъ. Главное—это безразличный самъ по себѣ матеріалъ, изъ котораго вы съ безпечнымъ и равнодушнымъ высокомѣріемъ создаете эстетическій образъ. Если то, что вы хотите сказать, для васъ слишкомъ важно, если ваше сердце бьется слишкомъ горячо при мысли объ этомъ, то вы можете быть увѣрены въ полномъ фіаско. Вы становитесь патетичны, сентиментальны, подъ вашими пальцами возникаетъ что-то тяжеловѣсное, неуклюже-серьезное, нестройное, лишенное ироніи, соли, что-то скучное, банальное, а въ результатѣ—полное равнодушіе со стороны читателей, разочарованіе и тоска въ вашей душѣ... Потому что это такъ, Елизавета! Чувство, теплое, сердечное чувство всегда банально и негодно къ употребленію, а художественны только раздраженія и холодные экстазы нашей испорченной, нашей артистической нервной системы. Необходимо быть чѣмъ-то внѣчеловѣческимъ и нечеловѣческимъ, необходимо стоять къ человѣческому въ странно далекомъ отношеніи, быть непричастнымъ къ нему—для того, чтобы быть въ состояніи—и даже для того, чтобы почувствовать искушеніе—рисовать это человѣческое, играть имъ, изображать его сильно и красиво. Даръ стиля, формы и выраженія уже предполагаетъ это холодное и разборчивое отношеніе къ человѣческому, нѣкоторое обѣдненіе и запустѣніе человѣческаго въ душѣ художника. Потому что здоровое и сильное чувство, повторяю, лишено вкуса. Какъ только художникъ становится человѣкомъ и начинаетъ чувствовать, онъ погибъ, какъ художникъ. Это зналъ Адальбертъ и поэтому онъ отправился въ café, въ «изолированную сферу»!

— Ну, Богъ съ нимъ, батюшка,—сказала Елизавета, моя руки въ жестяной чашкѣ,—вамъ нечего слѣдовать его примѣру.

— Нѣтъ, Елизавета, я не слѣдую его примѣру, но только потому, что я еще иногда бываю въ состояніи немного стыдиться своего

искусства передъ весной. Видите ли, иногда я получаю письма, написанныя незнакомымъ почеркомъ, хвалебныя и благодарныя письма моихъ читателей, восхищенныя строки избранныхъ людей. Я читаю эти строки, и меня охватываетъ умиленіе при видѣ теплаго и безпомощнаго человѣческаго чувства, вызваннаго моимъ искусствомъ, мною овладѣваетъ что-то вродѣ состраданія при видѣ полной воодушевленія наивности, сквозящей въ этихъ строкахъ, и я краснѣю при мысли, какъ разочарованъ былъ бы этотъ чистосердечный человѣкъ, если бы онъ когда-нибудь могъ бросить взглядъ за кулисы, если бы его невинность когда-нибудь поняла, что честный, здоровый и порядочный человѣкъ не пишетъ, не играетъ на сценѣ, не творитъ..., что нисколько не мѣшаетъ тому, что я пользуюсь его восхищеніемъ моимъ геніемъ для того, чтобы возбуждать и поощрять себя, что я принимаю это восхищеніе очень серьезно и при этомъ дѣлаю такое лицо, какъ обезьяна, разыгрывающая великаго человѣка... Ахъ, не перебивайте меня, Елизавета! Говорю вамъ, что я смертельно усталъ изображать человѣческое, не принимая участія въ человѣческомъ... Развѣ художникъ вообще—мужчина? Пусть спросятъ объ этомъ «женщину»! Мнѣ кажется, что мы, художники, всѣ немного раздѣляемъ участь тѣхъ препарированныхъ папскихъ пѣвцовъ... Мы поемъ хорошо до умиленія. Но...

— Вы бы постыдились, Тоніо Крегеръ. Идите-ка пить чай. Вода сейчасъ закипитъ, а вотъ здѣсь папиросы. Вы остановились на пѣвцахъ, поющихъ сопрано. Продолжайте же. Но постыдитесь. Если бы я не знала, съ какой гордой страстью вы отдаетесь вашему призванію...

— Не говорите ничего о «призваніи», Елизавета! Литература вообще — не призваніе, литература — проклятье, — знайте это. Когда начинаешь чувствовать это проклятіе? Рано, страшно рано. Въ то время, когда по всей справедливости слѣдовало бы еще жить въ мирѣ и согласіи съ Богомъ и людьми. Вы начинаете чувствовать себя заклейменнымъ, находящимся въ загадочномъ противорѣчіи съ остальными, съ обыкновенными, съ порядочными. Бездна, состоящая изъ ироніи, невѣрія, оппозиціи, познанія, чувства, отдѣляющая васъ отъ людей, зіяетъ все глубже и глубже, вы одиноки, и отнынѣ уже немыслимо никакое пониманіе. Что за участь! Если предположить, что сердце осталось достаточно полнымъ жизни и любви, чтобы чувствовать ужасъ этого!.. Ваше самолюбіе распаляется, потому что вы чувствуете клеймо на своемъ лбу и видите, что это не ускользаетъ ни отъ кого. Я зналъ одного геніальнаго актера, который, какъ человѣкъ, долженъ былъ всегда бороться съ болѣзненной застѣнчивостью и безпомощностью. Его чрезмѣрно раздраженное самолюбіе,

въ связи съ отсутствіемъ роли, сценической задачи, были причиной такого состоянія у этого совершеннаго художника и недоразвитаго человѣка... Художника, настоящаго, не такого, для котораго искусство—профессія, но избраннаго и проклятаго, вы при небольшой зоркости узнаете въ толпѣ людей. Въ его лицѣ есть чувство изолированности и отчужденности, сознаніе, что его узнаютъ и наблюдаютъ, что-то одновременно царственное и смущенное. Нѣчто подобное можно наблюдать въ чертахъ князя, бродящаго въ штатскомъ платьѣ среди толпы. Но здѣсь не помогаетъ никакое штатское платье, Елизавета! Переодѣвайтесь, маскируйтесь, одѣвайтесь, какъ атташе или гвардейскій лейтенантъ въ отпуску,—вамъ стоитъ поднять глаза и сказать слово, и каждый будетъ знать, что вы не человѣкъ, а нѣчто чуждое, странное, иное...

Но *что такое* художникъ? Ни предъ однимъ вопросомъ человѣческая лѣнь и вялость въ вопросахъ познанія не высказала себя болѣе упорной, чѣмъ предъ этимъ. «Это даръ», смиренно говорятъ честные люди, на которыхъ производитъ впечатлѣніе то или иное твореніе художника. И такъ какъ веселыя и возвышенныя произведенія, по ихъ добродушному мнѣнію, должны непремѣнно исходить изъ веселыхъ и возвышенныхъ источниковъ, то никто не подозрѣваетъ, что здѣсь, можетъ быть, дѣло идетъ о вытекающемъ изъ очень плохихъ источниковъ и очень сомнительномъ дарѣ... Всѣмъ извѣстно, что художники очень обидчивы; ну, всѣмъ извѣстно также, что этого обыкновенно не бываетъ у людей съ чистой совѣстью и покоющимся на прочномъ основаніи сознаніемъ своего «я»... Видите ли, Елизавета, въ глубинѣ души я питаю противъ типа художника все то *подозрѣніе*, перенесенное на духовную почву, съ которымъ каждый изъ моихъ почтенныхъ предковъ тамъ, на сѣверѣ, въ тѣсномъ городкѣ, встрѣтилъ бы какого-нибудь скомороха и ищущаго приключеній артиста, который пришелъ бы въ его домъ. Слушайте. Я знаю одного банкира, уже старика, владѣющаго даромъ писать новеллы. Онъ пользуется этимъ даромъ въ свои свободные часы, и его работы иногда прямо-таки превосходны. Несмотря—я говорю «несмотря»—на этотъ высокій даръ, этотъ человѣкъ не вполнѣ безупреченъ; напротивъ, ему уже пришлось понести тяжелое лишеніе свободы, и притомъ по основательной причинѣ. Да, въ сущности, въ исправительномъ заведеніи онъ впервые-то и сознаъ свой талантъ, и впечатлѣнія, полученныя имъ тамъ, служатъ основнымъ мотивомъ всѣхъ его произведеній. Отсюда, съ нѣкоторою смѣлостью, можно было бы заключить, что для того, чтобы стать поэтомъ, надо на тотъ или иной ладъ побывать въ исправительномъ заведеніи. Но не навязывается ли подозрѣніе, что его переживанія въ исправительномъ

домѣ связаны съ корнями и источниками его творчества менѣе тѣсно, чѣмъ то, *что привело его туда*? Банкиръ, пишущій новеллы,—это рѣдкость, не правда ли? Но не преступный, безупречный и солидный банкиръ, который писалъ бы новеллы,—*этого не бываетъ*... Да, вы смѣетесь, а вѣдь я шучу только наполовину. Въ мірѣ нѣтъ проблемы болѣе мучительной, чѣмъ проблема творчества и его вліянія на людей. Возьмите самое причудливое произведеніе типичнѣйшаго и поэтому могущественнѣйшаго художника, возьмите такое болѣзненное и глубоко-двусмысленное произведеніе, какъ «Тристанъ и Изальда», и понаблюдайте впечатлѣніе, которое это твореніе произведетъ на молодого, здороваго, вполнѣ нормально чувствующаго человѣка. Вы увидите подъемъ, повышеніе настроенія, горячее, искреннее воодушевленіе, быть можетъ, желаніе творить самому... Бѣдный диллетантъ! Въ душѣ насъ, художниковъ, все выглядитъ совершенно иначе, чѣмъ онъ воображаетъ со своимъ «горячимъ сердцемъ» и «честнымъ энтузіазмомъ». Я видѣлъ художниковъ, окруженныхъ толпами ликующихъ женщинъ и юношей, тогда какъ я *зналъ* о нихъ... Относительно происхожденія сопутствующихъ явленій и условій творчества каждый разъ дѣлаешь удивительнѣйшія открытія...

— На другихъ, Тоніо Крегеръ — простите — или не только на другихъ?

Онъ молчалъ. Онъ сдвинулъ свои косыя брови и насвистывалъ.

— Дайте мнѣ вашу чашку, Тоніо. Чай не крѣпокъ. И возьмите другую папиросу. Вы отлично знаете, что такъ, какъ вы смотрите на вещи, вовсе не обязательно смотрѣть на нихъ...

— Это отвѣтъ Горацію, милая Елизавета. Такъ смотрѣть на вещи—значитъ смотрѣть на нихъ слишкомъ правильно, не правда ли?

— Я говорю, что точно также можно смотрѣть на нихъ и съ другой стороны, Тоніо Крегеръ. Я—лишь глупая женщина, умѣющая только рисовать, и если я вообще смогу вамъ что-нибудь возразить, если я возьму ваше собственное призваніе подъ защиту отъ васъ самого, то, конечно, я не скажу вамъ ничего новаго, я только напомню вамъ то, что вы сами прекрасно знаете... Итакъ, очищающее, освящающее дѣйствіе литературы, разрушеніе страстей познаніемъ и словомъ, литература, какъ путь къ пониманію, прощенію и любви, освобождающая сила языка, литературный талантъ, какъ благороднѣйшее проявленіе человѣческаго духа, литераторъ, какъ совершенный человѣкъ, какъ святой,—смотрѣть на вещи *такъ*—значитъ смотрѣть на нихъ недостаточно правильно?

— Вы имѣете право говорить такъ, Елизавета Ивановна, такъ какъ вы имѣете въ виду творенія вашихъ поэтовъ, достойную поклоненія русскую литературу: она-то и представляетъ собой ту свя-

щенную литературу, о которой говорите вы. Но я не упустилъ изъ виду вашихъ возраженій, они также принадлежатъ къ тому, что сегодня мучитъ меня... Посмотрите на меня... Я не кажусь чрезмѣрно веселымъ, не правда ли? Немножко старымъ, измученнымъ, усталымъ, такъ вѣдь? Ну, что касается познанія, то можно себѣ представить человѣка отъ природы довѣрчиваго, кроткаго, благожелательнаго и немного сентиментальнаго, и вотъ психологическое ясновидѣніе терзаетъ его и совершенно губитъ. Не дать печали міра одолѣть себя; наблюдать, замѣчать, претворять все, даже самое мучительное, и въ то же время быть довольнымъ и веселымъ, уже благодаря одному только пріятному сознанію, что ты стоишь надъ всѣмъ этимъ отвратительнымъ изобрѣтеніемъ бытія—да, конечно! Но иногда, несмотря на всѣ наслажденія, доставляемыя формой, все это становится вамъ невмоготу. Все понять,—значитъ все простить? Не знаю. Существуетъ нѣчто, что я называю омерзеніемъ познанія, Елизавета: состояніе, въ которомъ человѣку достаточно понять что-нибудь, чтобы почувствовать смертельное отвращеніе (а вовсе не притти въ примиренное настроеніе),—примѣръ—Гамлетъ, принцъ датскій, этотъ типичный литераторъ. Онъ зналъ, что это значитъ: быть призваннымъ къ знанію, не будучи рожденнымъ для этого. Смотрѣть затуманенными отъ слезъ глазами, познавать, замѣчать, наблюдать и съ улыбкой собирать свои наблюденія—быть принужденнымъ дѣлать все это въ мгновенія, когда руки сплетаются, губы встрѣчаются, человѣческій взоръ, ослѣпленный чувствомъ, мутится,—это низко, Елизавета, это подло, возмутительно... Но что толку возмущаться?

Другой, но не менѣе милой стороной дѣла является, конечно, безчувствіе, равнодушіе и иронически-усталое отношеніе ко всякой истинѣ: вѣдь это фактъ, что нигдѣ во всемъ мірѣ не встрѣтишь такого молчанія и безнадежности, какъ въ кругу талантливыхъ людей, которыхъ уже ничѣмъ не удивишь. Всякая истина стара и скучна. Выскажите истину, завоеваніе и обладаніе которой вызываетъ въ васъ, быть можетъ, извѣстную юношескую радость,—и отвѣтомъ на вашу ординарную премудрость будетъ только короткое фырканье... Ахъ, да, литература утомляетъ, Елизавета! Увѣряю васъ, что въ обществѣ можно отъ одного только скептицизма и воздержанія отъ высказыванія мнѣній прослыть дуракомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ все это происходитъ отъ высокомѣрія и унынія... Это—что касается «познанія». Что же касается «слова», то здѣсь, быть можетъ, рѣчь идетъ не столько объ освобожденіи, сколько о замораживаніи чувства. Серьезно, что это за холодное и возмутительно-ложное представленіе о быстромъ и легкомъ освобожденіи отъ чувства посредствомъ литературнаго языка! Ваше сердце слишкомъ полно; вы

слишкомъ потрясены какимъ-нибудь сладостнымъ или возвышеннымъ переживаніемъ! Ничто не можетъ быть проще! Вы идете къ писателю, и въ самомъ скоромъ сремени все приходитъ въ порядокъ. Онъ проанализируетъ ваше положеніе и формулируетъ его, назоветъ его по имени, выскажетъ его, облечетъ въ слово, разъ навсегда покончитъ со всѣмъ этимъ, сдѣлаетъ для васъ безразличнымъ и не потребуетъ за это никакой благодарности. Вы же идете домой, облегченный, охлажденный и просвѣтленный, и удивляетесь, что̀ только во всей этой исторіи могло наполнить васъ такой сладкой тревогой? И за этого холоднаго и тщательнаго шарлатана вы хотите серьезно вступиться? Что высказано—такъ гласитъ его символъ вѣры.—съ тѣмъ покончено. Если весь міръ будетъ облеченъ въ слово, то и съ нимъ будетъ покончено... Отлично! Но я не нигилистъ...

— Вы не...—сказала Елизавета. Она какъ разъ поднесла ложку чаю ко рту и застыла въ этомъ положеніи.

— Ну, да... ну, да... придите въ себя, Елизавета! Я не нигилистъ, говорю вамъ, по отношенію къ живому чувству. Видите ли, литераторъ, въ сущности, не понимаетъ, что жизнь все еще продолжаетъ жить, что она не стыдится этого, послѣ того, какъ она вѣдь уже облечена въ слово, и съ ней «покончено». Но смотри-ка, она себѣ продолжаетъ преспокойно грѣшить, несмотря на все освобожденіе посредствомъ литературы; ибо всякое дѣйствіе—грѣхъ въ глазахъ духа...

Я у цѣли, Елизавета. Выслушайте меня. Я люблю жизнь—это признаніе. Возьмите его и сохраните—я не дѣлалъ его еще никому. Говорили, даже писали и печатали, что я ненавижу жизнь или боюсь ея, или презираю или гнушаюсь ею. Я слушалъ это съ удовольствіемъ, это льстило мнѣ; но тѣмъ не менѣе это ложь. Я люблю жить... Вы улыбаетесь, Елизавета, и я знаю, чему. Но я заклинаю васъ, не считайте того, что я говорю, литературой! Не думайте о Цезарѣ Борджіа или о какой-нибудь хмельной философіи, возносящей его на пьедесталъ! Для меня онъ ничто, этотъ Цезарь Борджіа, я не ставлю его ни во что, и я никогда не пойму, какъ можно почитать, какъ идеалъ,—необыкновенное и демоническое. Нѣтъ, «жизнь», какъ вѣчная противоположность духу и искусству,—не какъ видѣніе кроваваго величія и дикой красоты, не какъ необыкновенное, грезится намъ, необыкновеннымъ; царство нашей тоски—нормальное, благопристойное и милое, жизнь въ ея обольстительной банальности! Далеко не художникъ тотъ, моя милая, послѣдней и глубочайшей мечтой котораго является утонченное, эксцентричное и сатанинское, кто не знаетъ тоски по безмятежному, простому и жизненному, по дружбѣ, преданности, интимности и человѣческому счастью,—тайной и гложущей тоски, Елизавета, по блаженству обыкновеннаго!..

Другъ-человѣкъ! Повѣрите-ли вы, что я былъ бы гордъ и счастливъ, если бы у меня былъ другъ среди людей? Но до сихъ поръ у меня были друзья только среди демоновъ, дьяволовъ и безгласныхъ отъ чрезмѣрнаго знанія призраковъ, т. е. среди литераторовъ.

Иногда я попадаю на эстраду и оказываюсь лицомъ къ лицу съ людьми, пришедшими послушать меня. Тогда случается, что я замѣчаю себя оглядывающимъ публику, ловлю себя на томъ, что я тайкомъ разсматриваю аудиторію и съ трепетомъ спрашиваю себя, кто это пришелъ ко мнѣ, чье одобреніе и благодарность доносятся до меня, съ кѣмъ мое искусство создаетъ мнѣ идеальное единеніе... Я не нахожу того, что ищу, Елизавета. Я нахожу толпу, общину, которая мнѣ хорошо извѣстна. Это словно собраніе первыхъ христіанъ: люди съ неловкими тѣлами и тонкими душами, люди, которые постоянно, такъ сказать, падаютъ—вы понимаете меня,—и для которыхъ поэзія—мягкая месть жизни,—всегда только страдающіе, тоскующіе и жалкіе и никогда никто изъ другихъ, изъ голубоглазыхъ, Елизавета, которые не нуждаются въ поэзіи!

А въ концѣ концовъ не было-ли бы жалкимъ недостаткомъ послѣдовательности—радоваться, если бы это было иначе? Это безсмысленно любить жизнь и все-таки стремиться всѣми средствами перетянуть ее на свою сторону, завоевать ее для тонкостей и меланхоліи, для всего больного благородства литературы. Царство искусствъ увеличивается, а царство здоровья и невѣдѣнія уменьшается на землѣ. Слѣдовало бы самымъ тщательнымъ образомъ сохранять то, что еще остается, а не соблазнять поэзіей людей, которые гораздо охотнѣе читаютъ книги о лошадяхъ съ моментальными снимками!

Потому что въ концѣ концовъ, — что можетъ быть болѣе жалкимъ, чѣмъ видъ жизни, берущейся за искусство? Мы, художники, никого не презираемъ глубже, чѣмъ диллетанта, человѣка жизни, который воображаетъ, что можетъ, сверхъ того, какъ-нибудь при случаѣ быть и художникомъ. Увѣряю васъ, этотъ родъ презрѣнія принадлежитъ къ моимъ личнымъ переживаніямъ. Я нахожусь въ обществѣ въ хорошемъ домѣ, всѣ ѣдятъ, пьютъ и болтаютъ, всѣ великолѣпно понимаютъ другъ друга, и я чувствую себя радостнымъ и благодарнымъ за возможность на нѣкоторое время затеряться среди простыхъ и порядочныхъ людей, какъ равный имъ. Вдругъ (это случилось со мной) поднимается офицеръ, лейтенантъ, здоровый и красивый мужчина, о которомъ я никогда не подумалъ бы, что онъ способенъ на какой-нибудь поступокъ, недостойный его почетнаго мундира, и въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ проситъ позволенія прочесть намъ нѣсколько написанныхъ имъ стихотвореній. Ему даютъ это

позволеніе со смущенной улыбкой, и онъ исполняетъ свое намѣреніе: онъ читаетъ съ листка, который до сихъ поръ пряталъ въ карманъ сюртука, свое произведеніе, что-то о музыкѣ и любви, словомъ, нѣчто настолько же глубоко прочувствованное, какъ и мало производящее впечатлѣнія. Но я покорнѣйше прошу васъ, лейтенантъ! Свѣтскій человѣкъ! Ему-то это, право, не было необходимо!.. Ну, послѣдовало то, что должно было послѣдовать: вытянувшіяся лица, молчаніе, немного искусственное одобреніе и глубочайшее неудовольствіе у всѣхъ. Что касается меня, то прежде всего я почувствовалъ себя тоже виноватымъ въ томъ замѣшательствѣ, которое этотъ опрометчивый молодой человѣкъ внесъ въ общество; и нѣтъ сомнѣнія: на меня, за дѣло котораго онъ взялся, также бросаются насмѣшливые и холодные взгляды. Но потомъ я замѣтилъ, что этотъ человѣкъ, къ которому я только что испытывалъ глубочайшее почтеніе, вдругъ падаетъ, падаетъ въ моихъ глазахъ... Меня охватываетъ сострадательное благоволеніе. Я подхожу къ нему, какъ нѣкоторые другіе мужественные и добродушные господа, и заговариваю съ нимъ. «Мои поздравленія,— говорю я,—господинъ лейтенантъ! Какой прелестный талантъ! Нѣтъ, это было премило!» Еще немного, и я хлопну его по плечу. Но развѣ къ лейтенанту надо относиться съ благоволеніемъ?.. Его вина! И вотъ онъ стоялъ и въ большомъ смущеніи искупалъ заблужденіе, что можно сорвать листокъ, одинъ единственный, съ лавроваго вѣнка искусства, не заплативъ за это жизнью. Нѣтъ, я согласенъ съ моимъ коллегой, преступникомъ-банкиромъ. Но вы не находите, Елизавета, что я сегодня болтливъ, какъ Гамлетъ?

— Вы кончили, Тоніо Крегеръ?

— Нѣтъ. Но я не скажу больше ничего.

— И этого достаточно. Вы ждете отвѣта?

— А развѣ у васъ есть отвѣтъ?

— Я думаю. Я внимательно слушала васъ, Тоніо, съ начала до конца, и я хочу дать вамъ отвѣтъ, который подходитъ ко всему, что вы сегодня наговорили, и который является рѣшеніе такъ встревожившей васъ проблемы. Итакъ, рѣшеніе заключается въ томъ, что вы просто-на-просто буржуа.

— Я?..—спросилъ онъ, немного съежившись.

— Не правда ли, это васъ больно задѣваетъ, и это не можетъ быть иначе. И поэтому я нѣсколько смягчу приговоръ, потому что это въ моей власти. Вы—буржуа на ложномъ пути, Тоніо Крегеръ, сбившійся съ пути буржуа..

Молчаніе. Затѣмъ онъ рѣшительно всталъ и взялъ шляпу и палку.

— Благодарю васъ, Елизавета Ивановна. Теперь я могу спокойно итти домой. *Я освобожденъ*.

V.

Ранней осенью Тоніо Крегеръ сказалъ Елизаветѣ Ивановнѣ:

— Теперь я уѣзжаю, Елизавета; мнѣ нужно провѣтриться, я удираю куда-нибудь подальше».

— Ну, и какъ же, батюшка, вы собираетесь опять въ Италію?

— Господи, подите вы съ Италіей, Елизавета! Италія мнѣ безразлична до презрѣнія! Уже давно прошло то время, когда я воображалъ, что мое мѣсто тамъ. Искусство, не правда ли? Бархатисто-голубое небо, горячее вино и сладкая чувственность... Словомъ, это мнѣ не нужно. Я отказываюсь отъ этого. Вся эта bellezza дѣйствуетъ мнѣ на нервы. И я терпѣть не могу всѣхъ этихъ страшно живыхъ людей съ чернымъ звѣринымъ взглядомъ. У этихъ романцевъ нѣтъ совѣсти въ глазахъ... Нѣтъ, я ѣду въ Данію.

— Въ Данію?

— Да, и я жду отъ этого много хорошаго. Случайно я еще никогда не бывалъ тамъ, несмотря на то, что въ юности жилъ такъ близко отъ границы, и все-таки я всегда зналъ и любилъ эту страну. Вѣроятно, я унаслѣдовалъ эту любовь къ себѣ отъ отца, потому что моя мать склонялась, въ сущности, больше на сторону bellezza,—поскольку ей все это не было безразлично. Но возьмите книги, которыя пишутся тамъ, на сѣверѣ, эти глубокія, чистыя, юмористическія книги, Елизавета. Для меня ничто не можетъ быть лучше ихъ. Я люблю ихъ. Возьмите скандинавскій столъ, этотъ несравненный столъ, который можно переносить только въ крѣпкомъ, соленомъ воздухѣ (не знаю, могу ли я еще вообще переносить ее?); я знаю его немного съ дѣтства, потому что у меня на родинѣ ѣдятъ точно такъ же. Возьмите также фамиліи, имена, которыми украшены тамъ люди, и изъ которыхъ многіе также встрѣчаются у меня на родинѣ, такой звукъ, какъ «Ингеборгъ»—звукъ арфы чистѣйшей поэзіи. И затѣмъ море,—вѣдь тамъ у нихъ Балтійское море!.. Словомъ, я ѣду на сѣверъ, Елизавета. Я хочу увидѣть Балтійское море, хочу опять услышать эти имена, читать эти книги на ихъ родинѣ; хочу стоять на террасѣ Кронборга, гдѣ Гамлету явился «духъ» и принесъ горе и смерть бѣдному, благородному молодому человѣку...

— Можно спросить, какъ вы ѣдете, Тоніо? Какимъ путемъ?

— Обычнымъ,—сказалъ онъ, пожимая плечами и замѣтно краснѣя. —Да, я увижу свою... свой исходный пунктъ, Елизавета, послѣ промежутка въ тринадцать лѣтъ, и это можетъ быть очень комичнымъ.

Она улыбнулась.

— Это-то я и хотѣла услышать, Тоніо Крегеръ. Поѣзжайте съ Богомъ. Не забудьте написать мнѣ, слышите? Я жду отъ вашего путешествія въ Данію письма, полнаго впечатлѣній...

VI.

И Тоніо Крегеръ поѣхалъ на сѣверъ. Онъ ѣхалъ съ комфортомъ (потому что онъ имѣлъ обыкновеніе говорить, что тотъ, кому внутренно приходится настолько тяжелѣе, чѣмъ другимъ, имѣетъ право на нѣкоторыя внѣшнія удобства), и не останавливался, пока передъ нимъ въ сѣромъ воздухѣ не поднялись башни тѣснаго города, откуда онъ былъ родомъ. Тамъ онъ остановился; это была, короткая, странная остановка...

Пасмурный день склонялся уже къ закату, когда поѣздъ вошелъ подъ своды узкаго, закоптѣлаго, такъ странно родного вокзала; подъ грязной стеклянной крышей густой дымъ все такъ же сбивался комками и носился клочьями взадъ и впередъ, какъ и тогда, когда Тоніо Крегеръ, съ насмѣшкой въ сердцѣ, уѣзжалъ отсюда. Онъ взялъ свой багажъ, распорядился, чтобы его отправили въ отель и оставилъ вокзалъ.

На улицѣ, выстроившись въ рядъ, стояли парныя черныя необыкновенно высокія и широкія городскія дрожки! Онъ не взялъ ихъ; онъ только посмотрѣлъ на нихъ, какъ смотрѣлъ на все, на узкіе фронтоны и остроконечныя башни, возвышавшіяся надъ сосѣдними крышами, на бѣлокурыхъ и небрежно-тяжеловѣсныхъ людей съ ихъ широкой и все же быстрой рѣчью, и въ немъ подымался нервный смѣхъ, имѣвшій тайное сродство съ рыданіями. Онъ шелъ пѣшкомъ, шелъ медленно, чувствуя все время на лицѣ напоръ сырого вѣтра, прошелъ черезъ мостъ, у перилъ котораго стояли миѳологическія статуи, и ошелъ вдоль гавани.

Великій Боже. Какимъ крошечнымъ и извилистымъ казалось все! Неужели узкія улицы между домами съ фронтонами всегда такъ круто подымались вверхъ? Въ сумракѣ вѣтеръ тихо покачивалъ трубы и мачты кораблей на мутной рѣкѣ. Пойти ему вотъ по этой улицѣ, гдѣ стоитъ домъ, о которомъ онъ все время думаетъ? Нѣтъ, завтра. Теперь онъ такъ усталъ. Голова его была такъ тяжела отъ ѣзды, а въ умѣ тянулись медленныя, туманныя мысли.

Иногда въ теченіе этихъ тринадцати лѣтъ, когда его желудокъ бывалъ испорченъ, ему снилось, что онъ опять дома въ старомъ, гулкомъ домѣ на крутой улицѣ, что и его отецъ тутъ же и сурово бранитъ его за негодный образъ жизни, что онъ всегда находилъ вполнѣ естественнымъ. И теперь дѣйствительность ничѣмъ не отличалась отъ одного изъ этихъ обманчивыхъ и искусно сплетенныхъ сновидѣній, въ которыхъ спрашиваешь себя, обманъ ли это или дѣйствительность, и поневолѣ рѣшаешь, что дѣйствительность, и все-таки въ концѣ концовъ просыпаешься... Онъ шелъ по неоживленнымъ

улицамъ, въ которыхъ дулъ сквозной вѣтеръ, склонялъ голову передъ вѣтромъ и шелъ, словно во снѣ, по направленію къ отелю, первому въ городѣ, гдѣ собирался переночевать. Кривоногій человѣкъ съ шестомъ, на концѣ котораго горѣлъ огонекъ, шелъ передъ нимъ раскачивающейся матросской походкой и зажигалъ газовые фонари.

Что же это съ нимъ? Что это такъ мрачно и болѣзненно тлѣетъ подъ золой его усталости, не превращаясь въ яркое пламя? Тише, тише, не надо словъ! Не надо словъ! Онъ охотно шелъ бы такъ такъ на вѣтрѣ по полутемнымъ прозрачно-знакомымъ улицамъ. Но все было такъ тѣсно и такъ близко. Сейчасъ же доходишь до конца.'

Въ верхней части города имѣлись электрическіе фонари; ихъ только что зажгли. Вотъ и отель и два черныхъ льва передъ нимъ, которыхъ онъ ребенкомъ боялся. Они попрежнему смотрѣли другъ на друга съ такимъ выраженіемъ, какъ будто собирались чихнуть, но они какъ будто стали гораздо меньше. Тоніо Крегеръ прошелъ между ними и вошелъ въ отель.

Такъ какъ онъ пришелъ пѣшкомъ, то его приняли безъ всякой торжественности. Швейцаръ и очень изящный, одѣтый въ черное господинъ, принимавшій гостей и безпрерывно засовывавшій мизинцами рукъ манжеты въ рукава, испытующе осмотрѣли его съ ногъ до головы, очевидно стараясь опредѣлить его общественное положеніе и найти ему мѣсто въ буржуазной іерархіи, чтобы отнестись къ нему съ соответствующимъ уваженіемъ. Но имъ не удалось притти къ утѣшительному заключенію, вслѣдствіе чего они рѣшились на умѣренную вѣжливость. Кельнеръ, тихій человѣкъ съ бѣлобрысыми бакербардами, въ блестящемъ отъ старости фракѣ и съ розетками на безшумно ступавшихъ башмакахъ, повелъ его въ третій этажъ, въ опрятную и старомодную комнату, за окномъ которой въ полусвѣтѣ сумерекъ открывался живописный и средневѣковый видъ на дворы, фронтоны и причудливую громаду церкви, вблизи которой былъ расположенъ отель. Тоніо Крегеръ постоялъ немного передъ этимъ окномъ; затѣмъ онъ усѣлся на просторную софу, скрестилъ руки, сдвинулъ брови и началъ тихо насвистывать.

Зажгли огонь и принесли его багажъ. Въ то-же время тихій кельнеръ положилъ на столъ листокъ, и Тоніо Крегеръ, склонивъ на бокъ голову, начерталъ на немъ что-то, что выглядѣло, какъ имя, состояніе и происхожденіе. Послѣ этого онъ заказалъ ужинъ и продолжалъ смотрѣть въ пространство изъ своего уголка софы. Когда кушанья были принесены, онъ долго не притрагивался къ нимъ, наконецъ, проглотилъ нѣсколько кусковъ и еще съ часъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ; иногда онъ останавливался и закрывалъ глаза. Затѣмъ онъ медленно раздѣлся и легъ. Онъ спалъ

долго, и сонъ его былъ полонъ смутныхъ и странно-тоскливыхъ сновидѣній.

Когда онъ проснулся, комната была залита яркимъ свѣтомъ. Онъ сталъ торопливо и растерянно припоминать, гдѣ онъ, и всталъ, чтобы поднять шторы. Блѣдно-голубое осеннее небо было покрыто тонкими, разорванными вѣтромъ клочьями облаковъ, но надъ его роднымъ городомъ сіяло солнце.

Онъ занялся своимъ туалетомъ еще заботливѣе, чѣмъ всегда тщательно умылся и выбрился и одѣлся такъ свѣжо и опрятно' какъ будто ему предстоялъ визитъ въ хорошемъ, корректномъ домѣ, гдѣ надо произвести благопріятное и безукоризненное впечатлѣніе; и, одѣваясь, онъ прислушивался къ тревожному біенію своего сердца.

Какъ свѣтло было на улицѣ! Онъ чувствовалъ бы себя лучше, если бы на улицахъ лежалъ сумракъ, какъ вчера; теперь же онъ долженъ былъ итти подъ взглядами людей, подъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Встрѣтитъ ли онъ знакомыхъ, которые остановятъ его, осыплютъ вопросами, и ему придется разсказывать, какъ онъ провелъ эти тринадцать лѣтъ? Нѣтъ, слава Богу, его никто не знаетъ и если кто-нибудь и помнитъ его, то не узнаетъ, такъ какъ онъ въ самомъ дѣлѣ немного измѣнился за это время. Онъ внимательно оглядѣлъ себя въ зеркалѣ и вдругъ почувствовалъ себя надежнѣе за своей маской, за своимъ рано истомленнымъ лицомъ, казавшимся старше своихъ лѣтъ... Онъ велѣлъ принести завтракъ и затѣмъ вышелъ подъ испытующими взглядами швейцара и изящнаго господина въ черномъ прошелъ черезъ переднюю и, пройдя между двумя львами, очутился на улицѣ.

Куда онъ шелъ? Онъ едва сознавалъ это. Это было, какъ вчера. Едва онъ увидѣлъ себя опять окруженнымъ сгрудившимися, такъ странно важными и давно знакомыми фронтонами, башенками, арками и колодцами, едва онъ опять ощутилъ на своемъ лицѣ напоръ вѣтра, сильнаго вѣтра, несшаго съ собой нѣжный и терпкій ароматъ старыхъ грезъ, какъ его чувства точно окутали дымка и туманъ... Мускулы его лица ослабѣли; умиротвореннымъ взглядомъ осматривалъ онъ людей и вещи. Быть можетъ, тамъ, на томъ углу, онъ все-таки проснется...

Куда онъ шелъ? Ему казалось, что направленіе, по которому онъ пошелъ, находилось въ связи съ тѣми странными, печальными и полными сожалѣнія ночными сновидѣніями... Онъ прошелъ подъ сводами ратуши и очутился на рынкѣ, гдѣ мясники окровавленными руками взвѣшивали свой товаръ, а затѣмъ на площади, гдѣ стоялъ высокій, остроконечный и многогранный готическій колодезь. Тамъ онъ остановился передъ узкимъ и простымъ домомъ, похожимъ на

многіе другіе, съ высоко вздымающимся, сквознымъ фронтономъ, и погрузился въ созерцаніе его. Онъ прочелъ дощечку съ именемъ на двери и медленно обвелъ глазами окна. Затѣмъ онъ медленно повернулся и пошелъ.

Куда пошелъ онъ? Домой. Но онъ сдѣлалъ крюкъ, совершилъ прогулку за городскія ворота, такъ какъ у него было время. Онъ пошелъ черезъ Мюленвалль и Гольстенвалль, крѣпко держа свою шляпу, чтобы защитить ее отъ вѣтра, завывавшаго и стонавшаго въ деревьяхъ. Затѣмъ онъ сошелъ съ насыпей недалеко отъ вокзала, посмотрѣлъ, какъ мимо съ неуклюжей поспѣшностью прогромыхалъ поѣздъ, отъ нечего дѣлать пересчиталъ вагоны и посмотрѣлъ вслѣдъ человѣку, сидѣвшему въ послѣднемъ изъ нихъ. Но на площадкѣ подъ липами онъ остановился передъ одной изъ хорошенькихъ виллъ, находившихся тамъ, долго смотрѣлъ въ садъ и на окна и въ концѣ концовъ вздумалъ начать раскачивать садовую калитку на ея петляхъ взадъ и впередъ такъ, что она скрипѣла. Затѣмъ онъ нѣсколько мгновеній разглядывалъ свою руку, застывшую и покрывшуюся ржавчиной, и пошелъ вдоль гавани и по крутой, лежавшей на сквозномъ вѣтрѣ, улицѣ поднялся къ дому своихъ родителей.

Онъ стоялъ, сѣрый и серьезный, окруженный со всѣхъ сторонъ сосѣдними домами, надъ которыми возвышался его фронтонъ, какъ стоялъ уже триста лѣтъ, и Тоніо Крегеръ прочелъ благочестивое изреченіе, полуистершимися буквами начертанное передъ входной дверью. Затѣмъ онъ вздохнулъ и вошелъ въ домъ.

Сердце его тревожно билось, ему чудилось, что изъ одной изъ дверей перваго этажа, мимо которыхъ онъ шелъ, сейчасъ выйдетъ отецъ въ рабочемъ сюртукѣ и съ перомъ за ухомъ, остановитъ его и призоветъ къ отвѣту по поводу его экстравагантной жизни, что онъ нашелъ бы вполнѣ естественнымъ. Но онъ безпрепятственно прошелъ мимо. Входная дверь не была заперта, а только прихлопнута, что онъ нашелъ достойнымъ порицанія, но въ то же время ему чудилось, что все это происходитъ во снѣ, когда препятствія сами собой рушатся и свободно идешь впередъ, покровительствуемый чудеснымъ счастьемъ... Въ обширныхъ сѣняхъ, вымощенныхъ большими, четырехугольными каменными плитами, гулко раздавались его шаги. Напротивъ кухни, въ которой было тихо, изъ стѣны выдавались странныя, неуклюжія, но чисто выбѣленныя деревянныя помѣщенія, коморки для служанокъ, въ которыя можно было попасть изъ сѣней только по приставной лѣстницѣ. Но большихъ шкаповъ и рѣзного ларя, которые стояли здѣсь, не было... Онъ ступилъ на огромную лѣстницу и оперся рукой на выкрашенныя въ бѣлую

краску, рѣзныя деревянныя перила; при каждомъ шагѣ онъ снималъ руку и при слѣдующемъ опять тихонько опускалъ ее на перила, какъ будто робко пробуя, можно ли опять установить старую связь съ этими старыми прочными перилами... Но на площадкѣ онъ остановился передъ входомъ во второй этажъ. Къ двери была прибита бѣлая дощечка, на которой черными буквами было написано: Народная библіотека.

— Народная библіотека?—подумалъ Тоніо Крегеръ.—Онъ находилъ, что здѣсь нечего дѣлать ни народу, ни литературѣ. Онъ постучалъ въ дверь. Послышалось «войдите», и онъ вошелъ. Съ любопытствомъ и мрачно смотрѣлъ онъ на въ высшей степени неподобающія измѣненія.

Этажъ состоялъ изъ трехъ комнатъ, двери между которыми стояли открытыми. Стѣны были почти до потолка покрыты одинаково переплетенными книгами, стоявшими длинными рядами на темныхъ полкахъ. Въ каждой комнатѣ за чѣмъ-то вродѣ прилавка сидѣлъ убогій человѣчекъ и писалъ. Двое изъ нихъ повернули головы къ Тоніо Крегеру, но первый поспѣшно всталъ, опершись обѣими руками о столъ, вытянулъ голову, выпятивъ губы, поднявъ брови и глядя на посѣтителя быстро мигающими глазами...

— Простите,—сказалъ Тоніо Крегеръ, не отрывая глазъ отъ книгъ.—Я не здѣшній, я осматриваю городъ. Такъ это народная библіотека? Не позволите ли вы мнѣ немного осмотрѣть ее?

— Съ удовольствіемъ—сказалъ служащій, мигая еще сильнѣе.— Конечно, это разрѣшается всѣмъ. Пожалуйста, смотрите... Не угодно ли каталогъ?

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Тоніо Крегеръ.—Я легко оріентируюсь.—И онъ принялся медленно расхаживать вдоль стѣнъ, дѣлая видъ, что разсматриваетъ заглавія на корешкахъ книгъ. Въ концѣ концовъ онъ вынулъ какой-то томъ, раскрылъ его и подошелъ къ окну.

Здѣсь обыкновенно завтракали. Утромъ завтракали здѣсь, а не наверху, въ большой столовой, гдѣ изъ голубыхъ обоевъ выступали бѣлыя статуи боговъ... Та комната была спальней. Мать его отца умерла тамъ, какъ ни была она стара, послѣ тяжелой борьбы, потому что она была свѣтской дамой, любившей удовольствія, и цѣплялась за жизнь. А позднѣе испустилъ здѣсь духъ и его отецъ, высокій, корректный, немного грустный и задумчивый господинъ съ полевымъ цвѣткомъ въ петлицѣ... Тоніо стоялъ въ ногахъ его постели, съ сухими глазами, весь во власти безмолвнаго и сильнаго чувства, любви и горя. И его мать стояла на колѣняхъ у ложа, его прекрасная пылкая мать, вся въ горячихъ слезахъ; а послѣ этого

она уѣхала въ голубыя дали съ артистомъ съ юга... А та, третья комната. теперь также наполненная книгами, за которыми наблюдалъ убогій человѣчекъ, долгіе годы была его комнатой. Сюда приходилъ онъ послѣ занятій въ школѣ, послѣ такой прогулки, какую онъ совершилъ только что; у той стѣны стоялъ его столъ, въ ящикахъ котораго онъ хранилъ свои первые, искренніе и безпомощные стихи... Старый орѣшникъ... Жгучая грусть пронизала его. Онъ выглянулъ въ окно. Садъ былъ запущенъ, но старый орѣшникъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, тяжело скрипя и шумя на вѣтрѣ. И Тоніо Крегеръ перевелъ опять глаза на книгу, которую держалъ въ рукахъ: это было выдающееся поэтическое произведеніе, хорошо ему знакомое. Онъ взглянулъ на эти черныя строки и абзацы, прослѣдилъ полный искусства потокъ изложенія, стройно и страстно вздымающійся до высшаго пункта и затѣмъ эффектно спадающій...

— Да, это хорошо сдѣлано, сказалъ онъ, поставилъ книгу на мѣсто и обернулся. Онъ увидѣлъ, что служащій все еще стоитъ и мигаетъ глазами съ смѣшаннымъ выраженіемъ услужливости и задумчиваго недовѣрія...

— Отличная библіотека,—сказалъ Тоніо Крегеръ.—Я уже получилъ о ней понятіе. Я вамъ очень обязанъ. До свиданья.—И онъ направился къ двери, но это былъ сомнительный уходъ, и онъ чувствовалъ, что служащій, обезпокоенный этимъ посѣщеніемъ, еще долго будетъ стоять и мигать глазами.

У него не было желанія стараться проникнуть дальше. Онъ былъ дома. Наверху, въ большихъ комнатахъ, за галлереей съ колоннами, жили чужіе люди, онъ видѣлъ это, такъ какъ наверху лѣстницы была стеклянная дверь, которой раньше здѣсь не было, и на ней была прибита дощечка съ чьимъ-то именемъ. Онъ спустился по лѣстницѣ, прошелъ черезъ гулкія сѣни и покинулъ домъ своихъ родителей. Въ уголкѣ ресторана онъ задумчиво проглотилъ тяжелый и жирный обѣдъ и затѣмъ вернулся въ отель.

— Я покончилъ со своими дѣлами,—сказалъ онъ изящному господину въ черномъ.—Я уѣзжаю сегодня послѣ обѣда.—И онъ велѣлъ подать счетъ и заказалъ экипажъ, который долженъ былъ доставить его въ гавань, къ пароходу въ Копенгагенъ. Затѣмъ онъ пошелъ въ свою комнату и сѣлъ у стола. Онъ сидѣлъ тихо и прямо, опершись щекой на руку и глядя на столъ невидящими глазами. Затѣмъ онъ провѣрилъ счетъ и уложилъ вещи. Въ назначенное время доложили, что экипажъ поданъ, и Тоніо Крегеръ спустился внизъ.

Внизу, у лѣстницы, ждалъ его изящный господинъ въ черномъ.

— Прошу прощенія!—сказалъ онъ, засовывая мизинцами рукъ манжеты въ рукава.—«Простите, что мы задержимъ васъ еще на

минуту. Господинъ Зеегаазе, хозяинъ отеля, проситъ васъ на пару словъ. Формальность... Онъ ждетъ васъ тамъ... Будьте добры, потрудитесь пойти со мной... Это *только* господинъ Зеегаазе, хозяинъ отеля.

И онъ повелъ Тоніо Крегера въ глубину прихожей, все время приглашая его жестами. Тамъ въ самомъ дѣлѣ стоялъ господинъ Зеегаазе. Тоніо Крегеръ зналъ его по виду еще съ давнихъ временъ. Это былъ маленькій, жирный и кривоногій человѣчекъ. Его стриженныя бакенбарды побѣлѣли, но онъ все еще носилъ куртку, напоминающую фракъ, съ широкимъ вырѣзомъ, и бархатную, вышитую зеленымъ шолкомъ шапочку. Онъ былъ не одинъ. Рядомъ съ нимъ, у маленькаго, придѣланнаго къ стѣнѣ пульта стоялъ полицейскій чиновникъ съ каской на головѣ; руки его покоились на исписанной бумагѣ, лежавшей передъ нимъ на пультѣ; его честное солдатское лицо уставилось на Тоніо Крегера съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ ждалъ, что тотъ при видѣ его упадетъ на землю.

Тоніо Крегеръ переводилъ глаза съ одного на другого и ждалъ.

— Вы пріѣхали изъ Мюнхена?—спросилъ, наконецъ, полицейскій чиновникъ добродушнымъ и тяжеловѣснымъ басомъ.

Тоніо Крагеръ отвѣтилъ утвердительно.

— Вы ѣдете въ Копенгагенъ?

— Да, я ѣду въ датскій морской курортъ.

— Курортъ? Да, вамъ придется показать ваши бумаги,—сказалъ полицейскій чиновникъ, выговаривая послѣднее слово съ особымъ удовольствіемъ.

— Бумаги...—У него не было бумагъ. Онъ вытащилъ свой бумажникъ и заглянулъ въ него, но тамъ не было ничего, кромѣ ассигнацій и корректуры новеллы, которую онъ думалъ окончить на мѣстѣ. Онъ не любилъ имѣть дѣла съ чиновниками и не позаботился достать себѣ паспортъ...

— Къ сожалѣнію,—сказалъ онъ,—я не везу съ собой бумагъ.

— Вотъ какъ?—сказалъ полицейскій чиновникъ. Совсѣмъ никакихъ бумагъ? Какъ ваша фамилія?

Тоніо Крегеръ отвѣтилъ.

— Это правда?—спросилъ полицейскій, вытянулся, и вдругъ ноздри его раздулись.

— Истинная правда,—отвѣтилъ Тоніо Крегеръ.

— Что же вы такое?

Тоніо Крегеръ проглотилъ слюну и твердымъ голосомъ назвалъ свою профессію. Господинъ Зеегаазе поднялъ голову и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него.

— Гмъ!—сказалъ полицейскій.—И вы заявляете, что не имѣете

ничего общаго съ индивидуумомъ по имени...—онъ сказалъ «съ индивидуумомъ» и затѣмъ прочелъ по складамъ съ исписанной бумаги какую-то замысловатую и романтическую фамилію, которая казалась причудливо составленной изъ звуковъ разныхъ языковъ и которую Тоніо Крегеръ забылъ черезъ минуту,—который,—продолжалъ онъ,—будучи неизвѣстнаго происхожденія и неопредѣленнаго званія, преслѣдуется мюнхенской полиціей за различныя мошенничества и другіе проступки и который бѣжалъ, вѣроятнѣе всего, въ Данію?

— Я не только заявляю это,—сказалъ Тоніо Крегеръ, нервно пожимая плечами. Это произвело нѣкоторое впечатлѣніе.

— Что? Ахъ, такъ, ну, конечно!—сказалъ полицейскій.—Но разъ у васъ нѣтъ никакихъ бумагъ!

Господинъ Зеегаазе вмѣшался, стараясь покончить дѣло миромъ.

— Все это только формальность,—сказалъ онъ,—и не больше! Вы должны принять во вниманіе, что чиновникъ исполняетъ только свой долгъ. Если бы вы могли представить какія-нибудь доказательства... Какую-нибудь бумагу...

Всѣ замолчали. Покончить ли ему это дѣло, сказавъ, кто онъ, открывъ господину Зеегаазе, что онъ не мошенникъ неизвѣстнаго званія, не цыганъ въ зеленомъ шатрѣ, что онъ сынъ консула Крегера, изъ семьи Крегеровъ? Нѣтъ, у него нѣтъ ни малѣйшаго желанія сдѣлать это. И развѣ, въ сущности, эти люди буржуазнаго порядка не правы немножко? До нѣкоторой степени онъ согласенъ съ ними... Онъ пожалъ плечами и продолжалъ молчать.

— Что это у васъ тамъ?—спросилъ полицейскій.—Тамъ въ портфелѣ?

— Здѣсь? Ничего. Это корректура,—отвѣтилъ Тоніо Крегеръ.

— Корректура? Какъ это? Покажите-ка.

И Тоніо Крегеръ протянулъ ему свое произведеніе. Полицейскій разложилъ его на пультѣ и началъ читать. Господинъ Зеегаазе также подошелъ и принялъ участіе въ чтеніи. Тоніо Крегеръ смотрѣлъ черезъ ихъ плечи и наблюдалъ, какое мѣсто они читаютъ. Это было хорошее мѣсто, эффектъ, который онъ превосходно обработалъ. Онъ былъ доволенъ собой.

— Видите!—сказалъ онъ.—Здѣсь стоитъ мое имя. Я написалъ это, и теперь это будетъ напечатано.

— Ну, этого достаточно!—рѣшительно сказалъ господинъ Зеегаазе, собралъ листы, сложилъ ихъ и вернулъ ему.—Этого должно быть достаточно, Петерсенъ!—коротко повторилъ онъ, украдкой закрывая глаза и отрицательно качая головой.—Мы больше не смѣемъ задерживать господина. Экипажъ ждетъ. Простите, что мы задержали

васъ. Полицейскій исполнилъ только свой долгъ, но я сказалъ ему сейчасъ-же, что онъ на ложномъ слѣду...

— Вотъ какъ?—подумалъ Тоніо Крегеръ.

Полицейскій, казалось, былъ не совсѣмъ согласенъ съ этимъ; онъ вставилъ еще что-то объ «индивидуумѣ» и «доказательствахъ». Но господинъ Зеегаазе съ выраженіями сожалѣнія провелъ своего гостя черезъ прихожую, проводилъ его до экипажа и самъ захлопнулъ за нимъ дверцу, разсыпаясь въ увѣреніяхъ своего почтенія. И комично высокія и широкія дрожки, спотыкаясь, дребезжа и гремя, покатились по крутымъ улицамъ къ гавани...

Таково было странное пребываніе Тоніо Крегера въ его родномъ городѣ.

VII.

Наступила ночь, и ужъ поднялся мѣсяцъ со своимъ влажнымъ серебристымъ сіяніемъ, когда пароходъ, на которомъ ѣхалъ Тоніо Крегеръ, вышелъ въ открытое море. Онъ стоялъ у бугимрита, закутавшись въ плащъ въ защиту отъ все крѣпчавшаго вѣтра, и смотрѣлъ на темныя, сильныя, гладкія волны, колебавшіяся другъ возлѣ друга, съ шумомъ наскакивавшія одна на другую, разлетавшіяся въ неожиданныхъ направленіяхъ и внезапно сверкавшія бѣлой пѣной...

Его охватило полудремотное и тихо восторженное настроеніе. Онъ было немного подавленъ тѣмъ, что дома его хотѣли арестовать, какъ мошенника, хотя отчасти находилъ это естественнымъ. Но затѣмъ, взойдя на пароходъ, онъ, какъ когда-то ребенкомъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, принялся наблюдать за нагрузкой товаровъ, которыми при крикахъ, представлявшихъ смѣсь датскаго съ нѣмецкимъ, наполняли глубокое чрево парохода; видѣлъ, какъ, кромѣ тюковъ и ящиковъ, въ клѣткахъ изъ толстыхъ прутьевъ, спустили въ трюмъ бѣлаго медвѣдя и царственнаго тигра, прибывшихъ изъ Гамбурга и предназначавшихся для какого-нибудь датскаго звѣринца; и это развлекло его. Пока пароходъ скользилъ вдоль плоскихъ береговъ рѣки, онъ совершенно забылъ о допросѣ полицейскаго Петерсена, и все, что было передъ тѣмъ, его сладостные, печальные и полные сожалѣнія сны ночью, прогулка, которую онъ совершилъ, видъ орѣшника,—снова ожило въ его душѣ. И теперь, когда передъ нимъ открылось море, онъ издали видѣлъ берегъ, на которомъ мальчикомъ подслушивалъ лѣтнія грезы моря, видѣлъ сіяніе маяка и огни отеля, гдѣ жилъ со своими родителями... Балтійское море! Онъ подставилъ голову сильному соленому вѣтру, разгуливавшему свободно и безпрепятственно, наполнявшему уши и вызывавшему легкое головокруженіе, полусознательное состояніе, въ которомъ медленно и блаженно

исчезало воспоминаніе обо всемъ плохомъ, о мукахъ и заблужденіяхъ, о желаніяхъ и исканіяхъ... И въ свистѣ, шумѣ, шипѣніи и завываніи вокругъ него онъ слышалъ шелестъ листьевъ и трескъ стараго орѣшника, скрипъ садовой калитки... Темнѣло все больше и больше.

— Звѣзды, Господи, посмотрите только на звѣзды,—вдругъ сказалъ съ тяжеловѣсно-пѣвучимъ акцентомъ голосъ, казалось, исходившій изъ бочки. Онъ зналъ этотъ голосъ. Онъ принадлежалъ рыжеватому, просто одѣтому человѣку съ красными вѣками и такой холодной и влажной кожей, какъ будто онъ только что купался. За ужиномъ въ каютѣ онъ былъ сосѣдомъ Тоніо Крегера и съ нерѣшительными и скромными движеніями проглотилъ невѣроятное количество яичницы съ омарами. Теперь онъ стоялъ рядомъ съ нимъ, прислонившись къ борту, и смотрѣлъ на небо, охвативъ подбородокъ большимъ и указательнымъ пальцами. Несомнѣнно, онъ находился въ одномъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ и торжественно-созерцательныхъ настроеній, въ которыхъ падаютъ перегородки между людьми, сердце открывается и передъ чужимъ, и уста говорятъ вещи, передъ которыми въ другое время они стыдливо замыкаются...

— Посмотрите, сударь, посмотрите только на звѣзды. Какъ они стоятъ и сверкаютъ, все небо, видитъ Богъ, покрыто ими. И вотъ я васъ спрашиваю, какъ посмотришь на нихъ и подумаешь, что многія изъ нихъ въ сто разъ больше земли, каково становится на душѣ? Мы, люди, изобрѣли телеграфъ и телефонъ и еще такъ много пріобрѣтеній новаго времени, да, все это есть у насъ. Но когда мы посмотримъ на небо, то мы все-таки должны признать и понять, что, въ сущности, мы—черви, жалкіе черви и больше ничего,—правъ я или нѣтъ? Да, мы черви!—отвѣтилъ онъ самъ себѣ и смиренно и сокрушенно поднялъ глаза къ небу.

— Да... вотъ въ комъ нѣтъ литературы!—подумалъ Тоніо Крегеръ. И тотчасъ же ему вспомнилось что-то, что онъ недавно прочелъ, статья знаменитаго французскаго писателя о космологическомъ и психологическомъ міровоззрѣніи; это была очень милая болтовня.

Онъ далъ молодому человѣку что-то вродѣ отвѣта на его глубоко прочувствованное замѣчаніе, и они продолжали разговаривать, прислонившись къ борту и созерцая неспокойно освѣщенный, полный движенія вечеръ. Оказалось, что спутникъ Тоніо Крегера былъ молодой купецъ изъ Гамбурга, воспользовавшійся отпускомъ для этого путешествія...

— Тебѣ слѣдуетъ,—сказалъ онъ, — немножко прокатиться въ Копенгагенъ,—подумалъ я, и вотъ я стою здѣсь, и кругомъ все такъ красиво.—Но что касается яичницы съ омарами, то это было неправильно, сударь, потому что ночь становится бурной, это сказалъ

самъ капитанъ, и съ такимъ неудобоваримымъ кушаньемъ въ желудкѣ—это не шутка...

Тоніо Крегеръ слушалъ всѣ эти наивныя рѣчи съ тайнымъ и дружелюбнымъ чувствомъ.

— Да,—сказалъ онъ,—здѣсь вообще слишкомъ тяжелый столъ. Это наводитъ лѣнь и уныніе.

— Уныніе?—повторилъ молодой человѣкъ, удивленно глядя на него.—Вы не здѣшній?—вдругъ спросилъ онъ...

— О да, я издалека!—отвѣтилъ Тоніо Крегеръ съ неопредѣленнымъ и отстраняющимъ жестомъ.

— Но вы правы,—сказалъ молодой человѣкъ.—Вы правы, видитъ Богъ, относительно унынія! Я почти всегда грустенъ, но особенно въ такіе вечера, какъ сегодня, когда небо покрыто звѣздами.—И онъ опять охватилъ подбородокъ большимъ и указательными пальцами.

— Онъ, навѣрно,—пишетъ стихи,—подумалъ Тоніо Крегеръ,—глубоко и честно прочувствованные купеческіе стихи...

Вечеръ надвигался, и вѣтеръ сдѣлался такимъ сильнымъ, что мѣшалъ говорить. Они рѣшили пойти спать и пожелали другъ другу спокойной ночи.

Тоніо Крегеръ растянулся въ своей каютѣ на узкой койкѣ, но не могъ заснуть. Суровый вѣтеръ и его терпкій ароматъ привели его въ странное возбужденіе, и его сердце было неспокойно, какъ будто въ тревожномъ ожиданіи чего-то сладостнаго. Кромѣ того, сотрясеніе, происходившее, когда пароходъ соскальзывалъ съ обрывистаго вала и винтъ работалъ, точно въ судорогѣ, внѣ воды, причиняло ему сильную тошноту. Онъ опять одѣлся и вышелъ на палубу.

Тучи мчались, задѣвая мѣсяцъ. Море плясало. Уже не круглыя и равномѣрныя волны въ порядкѣ катились одна за другой: далеко вокругъ, въ блѣдномъ и неровномъ свѣтѣ, море было разорвано, изрыто, растерзано, лизало и бросалось заостренными, похожими на пламя гигантскими языками, вздымало рядомъ съ пѣнистыми безднами зубчатыя и фантастическія громады и, казалось, въ безумной игрѣ исполинскими руками разбрасывало во всѣ стороны шипучую пѣну. Пароходу приходилось трудно; стуча, шатаясь и кряхтя, пробивался онъ сквозь волнующуюся массу, и отъ времени до времени доносился ревъ бѣлаго медвѣдя и тигра, страдавшихъ отъ качки. По палубѣ, широко разставивъ ноги и старательно балансируя, ходилъ человѣкъ въ клеенчатомъ плащѣ, съ капюшономъ на головѣ и съ пристегнутымъ къ платью фонаремъ. Сзади, далеко перегнувшись черезъ бортъ, стоялъ молодой человѣкъ изъ Гамбурга; ему приходилось плохо.—Боже,—сказалъ онъ глухимъ и слабымъ голосомъ,

увидя Тоніо Крегера,—посмотрите только на возмущеніе стихій, сударь!—но тутъ ему пришлось замолчать и поспѣшно отвернуться.

Тоніо Крегеръ держался за туго натянутый канатъ и смотрѣлъ на всю эту неукротимую игру. Въ немъ вздымалось ликованіе, и ему казалось, что оно такъ сильно, что можетъ заглушить шумъ бури. Пѣснь къ морю, полная вдохновенной любви, звучала въ немъ. Дикій другъ моей юности. Мы снова встрѣтились съ тобою... Но здѣсь стихотвореніе обрывалось. Оно не было окончено, не было отдѣлано, изъ него не было создано въ тиши нѣчто цѣлое. Его сердце жило...

Долго стоялъ онъ такъ; затѣмъ растянулся на скамьѣ у рубки и смотрѣлъ на небо, на которомъ мерцали звѣзды. Онъ даже слегка задремалъ. И когда брызги холодной пѣны попадали ему въ лицо, то въ полуснѣ это казалось ему лаской.

Показались отвѣсныя мѣловыя скалы, казавшіяся призрачными при лунномъ свѣтѣ; это былъ островъ Меенъ. И опять имъ овладѣла дремота, прерываемая солеными брызгами, пощипывавшими и замораживавшими лицо... Когда онъ совсѣмъ проснулся, былъ уже день, свѣтло-сѣрый, свѣжій день, и зеленое море немного успокоилось. За завтракомъ онъ опять увидѣлъ молодого купца, который сильно покраснѣлъ, вѣроятно, отъ стыда за то, что говорилъ ночью такія поэтическія и неподобающія вещи. Онъ взъерошилъ всѣми пятью пальцами свои маленькіе рыжеватые усы, по-солдатски отчетливо пожелалъ ему добраго утра и постарался улизнуть.

И Тоніо Крегеръ высадился въ Даніи. Онъ остановился въ Копенгагенѣ, давалъ на чай каждому, кто только заявлялъ притязаніе на это, три дня бродилъ по городу съ путеводителемъ въ рукахъ и велъ себя, какъ важный иностранецъ, желающій обогатить свои познанія. Онъ осмотрѣлъ королевскую площадь и «коня» въ центрѣ ея, съ почтеніемъ разглядывалъ колонны собора, долго стоялъ передъ благородными и ласкающими взоръ твореніями Торвальдсена, взбирался на круглую башню, посѣщалъ замки и провелъ два безпорядочныхъ вечера въ Тиволи. Но видѣлъ онъ не это.

На домахъ, часто выглядѣвшихъ точь-въ-точь, какъ старые дома его родного города съ высоко вздымающимися рѣзными фронтонами, онъ видѣлъ имена, которыя были ему знакомы изъ старыхъ временъ, въ которыхъ было для него что-то нѣжное и дорогое, и въ которыхъ тѣмъ не менѣе звучалъ какъ будто упрекъ, жалобы и тоска по потерянному. И бродя и медленно и задумчиво вдыхая влажный морской воздухъ, повсюду видѣлъ онъ глаза, такіе голубые, волосы, такіе бѣлокурые, лица того самаго типа, который онъ видѣлъ въ своихъ странно-грустныхъ и полныхъ сожалѣнія снахъ въ ту ночь, которую онъ провелъ въ своемъ родномъ городѣ. Случалось,

что вдругъ на улицѣ чей-нибудь взглядъ, звонкое слово, смѣхъ задѣвали его до глубины души.

Больше онъ не могъ выдержать въ веселомъ городѣ. Какое-то безпокойство, сладостное и безумное, наполовину воспоминаніе, наполовину ожиданіе, гнало его, вмѣстѣ съ желаніемъ тихо лежать на берегу моря, а не разыгрывать случайнаго и любопытнаго туриста. Онъ снова сѣлъ на пароходъ и въ пасмурный день (море было черно отъ волнъ) поѣхалъ на сѣверъ, въ Гельсингеръ. Оттуда онъ продолжалъ свое путешествіе въ экипажѣ по шоссейной дорогѣ; онъ ѣхалъ три четверти часа надъ моремъ и прибылъ къ цѣли, маленькому бѣлому отелю съ зелеными ставнями и деревянной башней, окруженному низкими домиками и выходившему на песокъ и шведскій берегъ. Здѣсь онъ остановился, занялъ приготовленную для него свѣтлую комнату, разложилъ вещи и приготовился прожить здѣсь нѣсколько времени.

VIII.

Сентябрь подходилъ къ концу: въ Аальсгаардѣ оставалось ужъ мало гостей. За обѣдомъ въ большой, крытой балками столовой перваго этажа, съ высокими окнами, выходившими на стеклянную веранду и на море, предсѣдательствовала хозяйка, пожилая дѣвушка съ бѣлыми волосами, безцвѣтными глазами, нѣжно-розовыми щеками и нетвердымъ щебечущимъ голосомъ, постоянно старавшаяся расположить свои красныя руки на скатерти такъ, чтобы онѣ выглядѣли какъ можно красивѣе. За столомъ присутствовалъ старый господинъ съ короткой шеей, сѣдой шкиперской бородой и синеватымъ лицомъ, торговецъ рыбой изъ столицы, говорившій по-нѣмецки. Онъ казался склоннымъ къ апоплексіи, потому что дышалъ коротко и нервно и отъ времени до времени подносилъ указательный палецъ съ кольцомъ къ одной ноздрѣ, чтобы нажать ее и сильно втянуть воздухъ другой. Несмотря на это, онъ безпрестанно подливалъ себѣ изъ бутылки съ водкой, стоявшей передъ нимъ, какъ за завтракомъ, такъ и за обѣдомъ и за ужиномъ. Кромѣ него, были еще трое высокихъ юношей-американцевъ со своимъ гувернеромъ или домашнимъ учителемъ, который молча поправлялъ свои очки и по цѣлымъ днямъ игралъ съ ними въ футболлъ. Ихъ рыжеватые волосы были посрединѣ раздѣлены проборомъ; лица у нихъ были длинныя, неподвижныя. «Please give me the wurst-things there!» говорилъ одинъ. «That's not wurst, that's schinken!» говорилъ другой, и это было все, что можно было услышать, какъ отъ нихъ, такъ и отъ ихъ учителя; остальное время они сидѣли молча и пили горячую воду.

Тоніо Крегеръ и не желалъ другого общества. Онъ наслаждался спокойствіемъ, прислушивался къ датскимъ гортаннымъ звукамъ въ разговорѣ между торговцемъ рыбой и хозяйкой, обмѣнивался съ первымъ простыми замѣчаніями о состояніи барометра и поднимался изъ-за стола, чтобы пройти черезъ веранду на берегъ, гдѣ уже провелъ долгіе утренніе часы.

Иногда тамъ бывало тихо и ясно. Море покоилось лѣнивое и гладкое, все въ голубыхъ, зеленыхъ и красноватыхъ полосахъ; на немъ играли серебристые отсвѣты, водоросли сохли на солнцѣ, превращаясь въ сѣно, а медузы лежали и испарялись. Немного пахло рыбой и дегтемъ отъ рыбачьей лодки, къ которой Тоніо Крегеръ, сидя на пескѣ, прислонялся спиной, повернувшись такъ, чтобы видѣть не шведскій берегъ, а открытый горизонтъ; но надъ всѣмъ тихо носилось чистое и свѣжее дыханіе моря.

Бывали и сѣрые, бурные дни. Волны нагибали головы, какъ быки, готовящіе рога для удара, и яростно бросались на берегъ, залитый водой и покрытый влажно-блестящей морской травой, раковинами и прибитыми къ берегу щепками. Между длинными валами подъ покрытымъ тучами небомъ тянулись блѣдно-зеленыя, пѣнистыя долины; но тамъ, гдѣ за тучами стояло солнце, на водѣ лежало бѣловатое, бархатное сіяніе.

Тоніо Крегеръ стоялъ, окутанный вѣтромъ и бурей, погрузившись въ этотъ непрерывный, тяжелый, оглушающій гулъ, который онъ такъ любилъ. Стоило ему отвернуться и уйти,—и все кругомъ казалось совершенно спокойнымъ. Но онъ зналъ, что за спиной находится море, оно звало, манило и привѣтствовало. И онъ улыбался.

Онъ шелъ вглубь, по лугамъ, окруженный одиночествомъ, и вскорѣ его принималъ въ свои объятья буковый лѣсъ, расположившійся на холмѣ и раскинувшійся далеко. Онъ садился на мохъ, прислонившись къ дереву, такъ, что между стволами деревьевъ могъ видѣть полоску моря. Иногда вѣтеръ доносилъ къ нему шумъ прибоя, звучавшій такъ, какъ будто вдали падали другъ на друга доски. Крикъ воронъ надъ вершинами, хриплый, одинокій и затерявшійся... На колѣняхъ у него лежала книга, но онъ не читалъ ея. Онъ наслаждался глубокимъ забвеніемъ, отрѣшенностью отъ пространства и времени, и только иногда его сердце пронизывала какая-то боль, короткое, жгучее чувство тоски или раскаянія, о названіи и происхожденіи котораго онъ не спрашивалъ, такъ какъ былъ слишкомъ погруженъ въ лѣнивое забытье.

Такъ проходили дни; онъ не могъ бы сказать, сколько ихъ прошло, и у него не было никакого желанія знать это. Но затѣмъ наступилъ день, въ который случилось нѣчто; на небѣ стояло солнце,

когда это случилось, и люди присутствовали при этомъ, и Тоніо Крегеръ не былъ даже особенно удивленъ.

Уже начало этого дня было какъ то особенно празднично и восхитительно. Тоніо Крегеръ проснулся очень рано и какъ-то сразу вскочилъ съ пріятнымъ и неопредѣленнымъ испугомъ, и ему показалось, что онъ видитъ чудо, что-то волшебное, сказочное. Его комната. выходившая балкономъ и стеклянной дверью на проливъ и раздѣленная тонкимъ, бѣлымъ газовымъ занавѣсомъ на спальню и кабинетъ, была оклеена нѣжными обоями и уставлена легкой, свѣтлой мебелью, такъ что она всегда казалась очень свѣтлой и уютной. Но теперь его еще не очнувшіеся отъ сна глаза видѣли ее въ неземномъ сіяніи и блескѣ, всю погруженную въ несказанно нѣжный и благоуханный розовый свѣтъ, золотившій стѣны и мебель и заливавшій газовый занавѣсъ мягкимъ красноватымъ пламенемъ... Тоніо Крегеръ долго не понималъ, что случилось. Но, подойдя къ стеклянной двери, онъ увидалъ, что это восходитъ солнце.

Много дней подрядъ было пасмурно, шелъ дождь; но теперь надъ моремъ и землей распростерлось сверкающее, ясное небо, словно туго натянутый, блѣдно-голубой шелкъ. И прорѣзанное и окруженное отсвѣчивающими краснымъ и золотымъ облаками, торжественно поднималось солнце надъ сверкающимъ, покрытымъ рябью моремъ, которое, казалось, трепетало и разгоралось подъ его прикосновеніемъ... Такъ начался день, и сбитый съ толку и счастливый Тоніо Крегеръ поспѣшно одѣлся, позавтракалъ, не дожидаясь остальныхъ, внизу на верандѣ, выкупался въ проливѣ и совершилъ длинную прогулку по берегу. Когда онъ вернулся, передъ отелемъ стояло нѣсколько похожихъ на омнибусы экипажей, а, войдя въ столовую, онъ увидѣлъ, что, какъ въ смежной гостиной, тамъ, гдѣ стоялъ рояль, такъ и на верандѣ и на терассѣ, лежавшей передъ ней, за круглыми столами сидѣло большое количество людей, по-провинціальному одѣтыхъ, и, оживленно бесѣдуя, пили пиво и ѣли бутерброды. Это были цѣлыя семьи, пожилые и молодые люди и даже нѣсколько дѣтей.

За вторымъ завтракомъ (столъ изобиловалъ холодными кушаньями, копченымъ, соленымъ и печенымъ) Тоніо Крегеръ освѣдомился, что случилось.

— Гости изъ Гельсингера,—сказалъ торговецъ рыбой.—Пикникъ съ баломъ! Помилуй насъ, Господи, эту ночь намъ не придется спать! Будутъ танцы, танцы и музыка, и можно опасаться, что все это продолжится долго. Это семейный праздникъ, пикникъ вмѣстѣ съ баломъ, устраиваемый по подпискѣ, или что-то въ этомъ родѣ, и они пользуются хорошимъ днемъ. Они пріѣхали на лодкахъ и въ экипажахъ и теперь завтракаютъ. Потомъ они поѣдутъ дальше, но къ

вечеру вернутся, и тогда въ столовой начнутся танцы. Да, чортъ побери, намъ не удается глазъ закрыть...

— Это пріятное развлеченіе,—сказалъ Тоніо Крегеръ.

Послѣ этого долго всѣ молчали. Хозяйка размѣщала поживописнѣе свои красные пальцы, торговецъ рыбой старался втянуть воздухъ правой ноздрей, а американцы пили горячую воду и сидѣли съ вытянутыми физіономіями.

Тогда вдругъ случилось это: *Гансъ Ганзенъ и Ингеборгъ Гольмъ прошли черезъ столовую.*

Тоніо Крегеръ, охваченный пріятной усталостью послѣ купанья и быстрой ходьбы, сидѣлъ, откинувшись на стулѣ, и ѣлъ семгу съ поджареннымъ хлѣбомъ; онъ сидѣлъ лицомъ къ верандѣ и къ морю. И вдругъ открылась дверь, и тѣ двое вошли объ руку, спокойно и не торопясь. Ингеборгъ, бѣлокурая Инга, была одѣта въ свѣтлое, какъ когда-то на урокахъ танцевъ у господина Кнаака. Легкое платье въ цвѣтахъ доходило только до щиколокъ, на плечахъ у нея была широкая, бѣлая тюлевая оборка съ треугольнымъ вырѣзомъ, оставлявшимъ открытой ея мягкую, гибкую шею. Шляпу она повѣсила на руку связанными вмѣстѣ концами лентъ. Она была, быть можетъ, немножко болѣе взрослой, чѣмъ раньше, и носила свою чудесную косу обернутой вокругъ головы; но Гансъ Ганзенъ былъ совершенно тотъ же, какъ и прежде. На немъ была его морская куртка съ золотыми пуговицами, поверхъ которой, на плечахъ и спинѣ, лежалъ широкій, синій воротникъ; матросскую шапочку съ короткими лентами онъ держалъ въ рукѣ и беззаботно размахивалъ ею. Ингеборгъ отвела свои узкіе глаза, быть можетъ, немного стѣсненная присутствіемъ завтракавшихъ, которые смотрѣли на нее. Но Гансъ Ганзенъ прямо и съ вызовомъ повернулъ голову къ столу съ завтракавшими и своими голубыми, отливающими сталью, глазами вызывающе и немного презрительно мѣрилъ одного за другимъ; онъ даже отпустилъ руку Ингеборгъ и размахивалъ своей шапочкой еще сильнѣе, чтобы показать, что онъ за человѣкъ. Такъ прошли оба, на фонѣ тихо синѣющаго моря, передъ Тоніо Крегеромъ, прошли вдоль столовой и исчезли въ гостиной.

Это произошло въ половинѣ двѣнадцатаго утра, и въ то время, какъ обитатели отеля еще сидѣли за завтракомъ, общество въ гостиной и на верандѣ поднялось и оставило отель черезъ боковой входъ; въ столовую не заходилъ больше никто. Слышно было, какъ гости съ шутками и смѣхомъ садились въ экипажи, какъ одинъ экипажъ за другимъ со скрипомъ выѣзжалъ на дорогу...

— Такъ они вернутся?—спросилъ Тоніо Крегеръ.

— Это ужъ навѣрно!—сказалъ торговецъ рыбой.—И, Господи,

помилуй насъ! Они заказали музыку, надо вамъ знать, а я сплю здѣсь, надъ столовой.

— Это пріятное развлеченіе, —повторилъ Тоніо Крегеръ. Затѣмъ онъ всталъ и ушелъ.

Онъ провелъ день, какъ всегда, на берегу, въ лѣсу, держалъ на колѣняхъ книгу и смотрѣлъ на небо. У него была только одна мысль: что они вернутся и будутъ танцовать, какъ обѣщалъ торговецъ рыбой; и онъ не чувствовалъ ничего, кромѣ радости, такой робкой и сладостной радости, какой онъ не испытывалъ ни разу въ эти долгіе, мертвые годы. Разъ какъ-то, по какой-то ассоціаціи представленій, онъ на минуту вспомнилъ объ одномъ знакомомъ, Адальбертѣ, новеллистѣ, который зналъ, чего хотѣлъ, и отправился въ café, чтобы уйти отъ весенняго воздуха. И онъ пожалъ плечами...

Пообѣдали раньше обыкновеннаго, поужинали тоже рано, въ гостиной, такъ какъ въ столовой шли уже приготовленія къ балу. Затѣмъ, когда уже стемнѣло и Тоніо Крегеръ сидѣлъ въ своей комнатѣ, на дорогѣ и въ домѣ началось опять движеніе. Гости вернулись; кромѣ того, изъ Гельсингера на велосипедахъ и въ экипажахъ прибыли еще новые гости, и снизу уже доносились звуки настраиваемой скрипки и гнусливыя упражненія кларнета... Все предвѣщало блестящій балъ.

Маленькій оркестръ заигралъ маршъ: онъ доносился наверхъ, слегка заглушенный. Балъ открылся полонезомъ. Тоніо Крегеръ тихо сидѣлъ и слушалъ. Но когда онъ услышалъ, что полонезъ смѣнился вальсомъ,—всталъ и безшумно выскользнулъ изъ комнаты.

Изъ корридора, куда она выходила, можно было по боковой лѣстницѣ пройти къ боковому входу отеля, а оттуда прямо попасть на веранду. Онъ пошелъ этимъ путемъ, тихо и крадучись, словно на запретныхъ дорожкахъ, осторожно нащупывалъ въ темнотѣ дорогу, непреодолимо притягиваемый этой глупой и блаженно-укачивающей музыкой, звуки которой уже ясно и громко доносились къ нему.

Веранда была пуста и не освѣщена, но стеклянная дверь въ столовую, гдѣ ярко сіяли обѣ большія, снабженныя блестящими рефлекторами, керосиновыя лампы, была открыта. Онъ подкрался къ ней не цыпочкахъ, и отъ воровскаго наслажденія стоять здѣсь въ темнотѣ и невидимымъ подстерегать тѣхъ, которые танцовали при свѣтѣ, у него побѣжали мурашки по тѣлу. Поспѣшно и жадно началъ онъ искать глазами тѣхъ двухъ...

Балъ былъ уже въ полномъ разгарѣ, хотя съ начала его прошло всего полчаса; но участники его прибыли уже разгоряченные и возбужденные, послѣ цѣлаго дня, беззаботно и счастливо проведеннаго

вмѣстѣ. Въ гостиной, которую Тоніо Крегеръ могъ видѣть, если отваживался немного высунуться, нѣсколько пожилыхъ господъ усѣлись за карточный столъ, дымя папиросами и потягивая пиво; остальные сидѣли рядомъ со своими женами на плюшевыхъ стульяхъ въ передней части и вдоль стѣнъ зала и смотрѣли на танцы. Они упирались руками въ разставленныя колѣни и съ довольнымъ видомъ надували щеки. Матери, съ наколками на головѣ, складывали руки на груди и, склонивъ головы на бокъ, смотрѣли на веселую суету молодежи. У одной стѣны была воздвигнута эстрада, и на ней изо всѣхъ силъ старались музыканты. Тамъ была даже труба, трубившая нерѣшительно и осторожно, словно боясь своего собственнаго голоса, который тѣмъ не менѣе постоянно прорывался... Скользя и кружась, двигались пары; другія, рука объ руку, ходили по залу. Платья были не бальныя, а обыкновенныя праздничныя платья, какія одѣвають лѣтомъ во время прогулки: кавалеры въ костюмахъ провинціальнаго покроя, по которымъ видно было, что ихъ берегли всю недѣлю, а молодыя дѣвушки—въ свѣтлыхъ и легкихъ платьяхъ съ букетиками полевыхъ цвѣтовъ у корсажей. Въ залѣ было нѣсколько дѣтей, танцовавшихъ другъ съ другомъ на свой ладъ даже, когда музыка переставала играть. Какой-то длинноногій господинъ въ сюртукѣ, напоминавшемъ хвостъ ласточки, провинціальный левъ съ монoклемъ и завитыми волосами, адъюнктъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, точно воплотившаяся комическая фигура изъ датскаго романа, казался распорядителемъ бала. Торопясь, потѣя и весь отдаваясь дѣлу, онъ былъ въ одно и тоже время вездѣ, необыкновенно суетливо пробѣгалъ по залу, искусно ступая сначала на цыпочки и какъ-то замысловато ставя на-крестъ ноги, обутыя въ гладкія военныя ботфорты съ острыми носками, размахивалъ руками, отдавалъ приказанія, командовалъ музыкантами, хлопалъ въ ладоши. При этомъ ленты большого яркаго банта, который былъ, какъ знакъ его достоинства, прикрѣпленъ къ плечу и на который онъ отъ времени до времени любовно посматривалъ, развѣвались во всѣ стороны.

Да, они были здѣсь, тѣ двое, что прошли сегодня при свѣтѣ солнца мимо Тоніо Крегера, онъ увидѣлъ ихъ опять и испугался отъ радости, замѣтивъ ихъ почти одновременно. Здѣсь стоялъ Гансъ Ганзенъ, совсѣмъ близко отъ него, у самой двери; широко разставивъ ноги и немного нагнувшись, онъ медленно ѣлъ песочный тортъ, держа руку ладонью вверхъ подъ подбородкомъ, чтобы поймать крошки. А тамъ у стѣны сидѣла Ингеборгъ Гольмъ, бѣлокурая Инга, и какъ разъ теперь къ ней подлетѣлъ адъюнктъ, изысканнымъ поклономъ приглашая ее на вальсъ; онъ заложилъ одну руку за спину, а другую граціозно прижалъ къ груди. Но она покачала головой,

показывая, что очень устала и должна немного отдохнуть, послѣ чего адъюнктъ усѣлся подлѣ нея.

Тонio Крегеръ смотрѣлъ на нихъ, на этихъ двухъ, которыхъ онъ когда-то любилъ и изъ-за которыхъ страдалъ,—на Ганса и Ингеборгъ. Это были они, не столько благодаря сходству отдѣльныхъ чертъ и манеры одѣваться, сколько благодаря общности расы и типа, этого свѣтлаго, голубоглазаго и бѣлокураго типа, вызывавшаго представленie чистоты, невозмутимости, веселости и одновременно гордой и простой недоступности... Онъ смотрѣлъ на нихъ, видѣлъ, какъ Гансъ Ганзенъ стоялъ въ своемъ матросскомъ костюмѣ, такой же смѣлый и стройный, какъ когда-то, широкiй въ плечахъ и узкiй въ бедрахъ, видѣлъ, какъ Ингеборгъ, задорно смѣясь и откинувъ назадъ голову, какъ-то особенно поднесла къ затылку руку, не очень узкую, не очень изящную полудѣтскую руку, причемъ легкiй рукавъ соскользнулъ съ ея локтя,—и вдругъ тоска съ такой силой потрясла его грудь, что онъ невольно отступилъ подальше въ темноту, чтобы никто не увидѣлъ его исказившагося лица.

— Забылъ-ли я васъ?—спрашивалъ онъ.—Нѣтъ, никогда! Я не забылъ тебя, Гансъ, ни тебя, бѣлокурая Инга! Вѣдь это для васъ я работалъ, и когда я слышалъ аплодисменты, я украдкой смотрѣлъ, не принимаете ли вы въ нихъ участiя... Прочелъ ли ты «Донъ-Карлоса», Гансъ Ганзенъ, какъ обѣщалъ мнѣ у калитки вашего сада? Не дѣлай этого! Я больше не требую этого отъ тебя. Что тебѣ до короля, который плачетъ, потому что одинокъ? Твои ясные глаза не должны сдѣлаться мутными и затуманенными отъ знанiя стиховъ и меланхолiи... Быть, какъ ты? Еще разъ начать съ начала, вырасти подобнымъ тебѣ, честнымъ, радостнымъ и простымъ, не выходящимъ изъ рамокъ, жить упорядоченно и въ согласiи съ Богомъ и людьми, быть любимымъ простодушными и счастливыми, взять въ жены тебя, Ингеборгъ Гольмъ, и имѣть сына, какъ ты, Гансъ Ганзенъ,—быть свободнымъ отъ проклятiя познанiя и творческихъ мукъ, жить, любить и славить Бога въ блаженной обыкновенности!.. Еще разъ начать съ начала? Но это не помогло бы. Все было бы опять такъ же, все произошло бы опять такъ, какъ произошло. Ибо нѣкоторые непремѣнно должны итти ложнымъ путемъ, потому что правильнаго пути для нихъ вообще не существуетъ.

Музыка замолкла, въ танцахъ наступилъ перерывъ, была подана закуска. Адъюнктъ самолично бѣгалъ съ подносомъ, полнымъ салата изъ селедки, и прислуживалъ дамамъ, но передъ Ингеборгъ Гольмъ онъ даже опустился на одно колѣно, передавая ей блюдечко, и это заставило ее покраснѣть отъ радости.

Между тѣмъ, въ залѣ начали обращать вниманie на зрителя

за стеклянной дверью, и красивыя, разгоряченныя лица окидывали его холодными и испытующими взглядами, но онъ не покидалъ своего мѣста. Ингеборгъ и Гольмъ также скользнули по немъ взглядомъ почти одновременно, съ тѣмъ полнымъ равнодушіемъ, которое граничитъ съ презрѣніемъ. Вдругъ онъ почувствовалъ на себѣ чей-то взглядъ... Онъ повернулъ голову, и его глаза тотчасъ же встрѣтились съ тѣми, взглядъ которыхъ онъ почувствовалъ. Недалеко отъ него стояла дѣвушка съ блѣднымъ, худымъ и тонкимъ лицомъ, которое онъ замѣтилъ уже раньше. Она немного танцовала, кавалеры не особенно добивались ея, и онъ видѣлъ, какъ она одиноко сидѣла у стѣны съ сурово сжатыми губами. Теперь она тоже стояла одна. Она была одѣта въ свѣтлое нарядное платье, какъ и остальныя, но изъ-подъ прозрачной ткани просвѣчивали костлявыя, угловатыя плечи, а худая шея уходила такъ глубоко въ эти жалкія плечи, что тихая дѣвушка казалась немного сутуловатой. Она держала свои руки, въ тонкихъ митенкахъ, у плоской груди, такъ что кончики пальцевъ слегка соприкасались. Опустивъ голову, она смотрѣла на Тоніо Крегера снизу вверхъ черными, влажными глазами. Онъ отвернулся...

Тамъ, совсѣмъ близко отъ него, сидѣли Гансъ и Ингеборгъ. Онъ подсѣлъ къ ней—она была, быть можетъ, его сестрой—и окруженные остальными краснощекими людьми, они ѣли и пили, болтали и веселились, дразнили другъ друга и звонко хохотали. Развѣ онъ не можетъ подойти къ нимъ? Сказать ему или ей какую-нибудь шутку, которая придетъ ему въ голову и на которую они должны будутъ ему отвѣтить хотя бы улыбкой? Это сдѣлало бы его счастливымъ, ему такъ хочется этого; онъ вернулся бы тогда болѣе довольнымъ въ свою комнату, съ сознаніемъ, что ему удалось установить какую-нибудь общность съ ними. Онъ придумывалъ, чтобы онъ могъ сказать, но у него не было храбрости сдѣлать это. И вѣдь это было бы, какъ всегда,—они не поняли бы его, слушали бы его съ удивленіемъ. Потому что его языкъ не былъ ихъ языкомъ.

Начались опять приготовленія къ танцамъ. Адъюнктъ развилъ обширную дѣятельность. Онъ бѣгалъ по залу и приглашалъ всѣхъ ангажировать дамъ, убиралъ съ помощью кельнера стулья и стаканы, отдавалъ приказанія музыкантамъ и отстранялъ за плечи неповоротливыхъ, не знавшихъ, куда имъ дѣваться. Въ чемъ было дѣло? Каждыя четыре пары образовывали карре... Страшное воспоминаніе заставило Тоніо Крегера покраснѣть. Танцовали кадриль.

Музыка заиграла, и пары задвигались. Адъюнктъ дирижировалъ; онъ дирижировалъ по-французски, ей Богу, и произносилъ носовые звуки съ несравненной изысканностью. Ингеборгъ Гольмъ танцовала какъ разъ передъ Тоніо Крегеромъ въ карре, находившемся у сте-

клянной двери. Она двигалась передъ нимъ вправо и влѣво, взадъ и впередъ, скользя и вертясь; благоуханіе, исходившее отъ ея волосъ или отъ нѣжной ткани ея платья, иногда доносилось до него, и онъ закрывалъ глаза съ чувствомъ, которое издавна было ему такъ знакомо, ароматъ и горькое очарованіе котораго онъ слегка чувствовалъ всѣ эти послѣдніе дни и которое теперь опять напомнило его всею своей сладкой болью. Что же это было? Тоска? нелѣпость! зависть, презрѣніе къ самому себѣ?... Moulinet des dames? Ты смѣялась, бѣлокурая Инга, ты смѣялась надо мной, когда я протанцовалъ Moulinet и такъ плачевно осрамился? Смѣялась ли бы ты и теперь, когда я сдѣлался чѣмъ-то вродѣ знаменитости? Да, ты смѣялась бы и теперь, и была бы трижды права! И если бы я, я одинъ, написалъ девять симфоній, «Міръ, какъ воля и представленіе» и «Страшный Судъ»,—ты вѣчно имѣла бы право смѣяться... Онъ смотрѣлъ на нее, и ему вспомнилась строка изъ стихотворенія, котораго онъ уже давно не вспоминалъ и которое было ему такъ знакомо: «Мнѣ хочется спать, но ты должна танцовать». Онъ зналъ такъ хорошо то меланхолично-сѣверное, искренне-неловкое чувство, которое звучало въ этихъ словахъ. Спать... Страстно желать одного: вполнѣ отдаться чувству, которое, безъ обязанности стать дѣломъ и танцемъ, сладко и лѣниво покоится въ себѣ самомъ,—и все же танцовать, ловко и хладнокровно исполнять тяжелый, тяжелый и опасный танецъ ножей искусства, никогда не забывая вполнѣ унизительной нелѣпости, лежащей въ этой необходимости танцовать, когда душа полна любви.

Вдругъ все пришло въ дикое и веселое движеніе. Карре распались, и, прыгая и скользя, всѣ мчались по залу: кадриль закончилась галопомъ. Подъ бѣшено-торопливые звуки музыки пары пролетали мимо Тоніо Крегера, одна за другой, торопясь, перегоняя другъ друга, съ короткимъ, задыхающимся смѣхомъ. Вотъ показалась одна изъ нихъ, захваченная общей гонкой, кружась и мчась впередъ. У дѣвушки было блѣдное, тонкое лицо и худыя, слишкомъ высокія плечи. И вдругъ, какъ разъ возлѣ него, кто-то столкнулся, поскользнулся и упалъ... Это упала блѣдная дѣвушка. Она упала такъ рѣзко и стремительно, что это казалось почти опаснымъ, и вмѣстѣ съ ней кавалеръ. Онъ такъ сильно ударился, что забылъ о своей дамѣ и, поднявшись наполовину, принялся съ гримасами потирать колѣни, а дѣвушка, очевидно, совершенно оглушенная паденіемъ, все еще лежала на полу. Тогда Тоніо Крегеръ подошелъ къ ней, осторожно взялъ ее за руки и поднялъ. Она взглянула на него съ измученнымъ, растеряннымъ и несчастнымъ выраженіемъ въ глазахъ, и вдругъ ея нѣжное лицо покрылось слабымъ румянцемъ.

— Tak! O, mange Tak,—сказала она, глядя на него снизу вверхъ темными, влажными глазами.

— Вы не должны больше танцовать, фрейленъ,—мягко сказалъ онъ. Затѣмъ онъ еще разъ взглянулъ на *тѣхъ*, на Ганса и Ингеборгъ, и вышелъ, оставилъ веранду и балъ и пошелъ въ свою комнату.

Онъ былъ опьяненъ празднествомъ, въ которомъ не принималъ участія, и измученъ ревностью. Все было, какъ прежде, совершенно такъ, какъ прежде! Съ разгоряченнымъ лицомъ стоялъ онъ въ темномъ уголкѣ, тоскуя по васъ, бѣлокурые, полные жизни, счастливые, и затѣмъ одиноко ушелъ къ себѣ. Кто-нибудь долженъ теперь притти! Ингеборгъ должна притти, должна замѣтить, что его нѣтъ, должна украдкой послѣдовать за нимъ, положить ему руку на плечо и сказать: пойдемъ къ намъ! Развеселись! Я люблю тебя!.. Но она не приходила. Подобныя вещи не случаются. Да, все было, какъ тогда, и онъ былъ счастливъ, какъ тогда. Потому что его сердце жило.

Но что же было все это время, въ продолженіе котораго онъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ теперь? Оцѣпененіе, пустыня, холодъ и жизнь духа! и искусствъ?..

Онъ раздѣлся, легъ въ постель, потушилъ огонь. Онъ шепталъ въ подушку два имени, нѣсколько цѣломудренныхъ, сѣверныхъ звуковъ, обозначавшихъ для него истинную любовь, страданіе и счастіе, жизнь, простое и искреннее чувство, родину... Онъ окинулъ взглядомъ свою жизнь съ того времени до этого дня. Онъ вспомнилъ о беспутныхъ приключеніяхъ плоти, нервовъ и мысли, которыя онъ пережилъ, увидѣвъ себя изъѣденнымъ ироніей и умомъ, опустошеннымъ и парализованнымъ знаніемъ, истерзаннымъ лихорадкой творчества, безудержно и съ угрызеніями совѣсти, мечущимся отъ одной крайности къ другой, отъ святости къ чувственности, утонченнымъ, бѣднымъ душой, изнуреннымъ холодными и искусственно-изысканными экстазами, сбившимся съ пути, измученнымъ, больнымъ—и зарыдалъ отъ раскаянья и тоски.

Вокругъ него было тихо и темно. Но снизу, тихо убаюкивая, доносилась сладкая, тривіальная мелодія жизни.

IX.

Тоніо Крегеръ сидѣлъ на сѣверѣ и писалъ своему другу, Елизаветѣ Ивановнѣ, какъ было обѣщано.

«Дорогая Елизавета въ далекой Аркадіи, куда и я скоро вернусь,—писалъ онъ.—Вотъ вамъ что-то вродѣ письма, но вы будете разочарованы, потому что я думаю придать ему немного общій харак-

теръ. Не то, чтобы мнѣ совсѣмъ не о чемъ было разсказывать, чтобы я не пережилъ на свой ладъ того или иного. Дома, въ моемъ родномъ городѣ, меня хотѣли даже арестовать... но объ этомъ разскажу устно. У меня теперь бываютъ иногда дни, когда я предпочитаю высказывать общія мысли, чѣмъ разсказывать исторіи.

Помните ли вы еще, Елизавета, что вы меня какъ-то разъ назвали буржуа, сбившимся съ пути буржуа? Вы назвали меня такъ въ ту минуту, когда я, соблазненный другими признаніями, которыя вырвались у меня прежде, сознался вамъ въ моей любви къ тому, что я называю жизнью; и я спрашиваю себя, знали ли вы, какъ близки вы были къ истинѣ, насколько моя буржуазность и моя любовь къ «жизни»—одно и то же. Мое путешествіе заставило меня подумать объ этомъ...

Видите ли, мой отецъ былъ сѣверный характеръ: осмотрительный, основательный, корректный изъ пуританства и склонный къ грусти; моя мать—неопредѣленно-экзотическаго происхожденія, красивая, чувственная, наивная, въ одно и тоже время равнодушная и страстная и безсознательно-безпутная. Безъ сомнѣнія, это было смѣшеніе, заключавшее въ себѣ необыкновенныя возможности и необыкновенныя опасности. Вышло слѣдующее: буржуа, сбившійся съ пути и попавшій въ область искусства, членъ богемы съ тоской по хорошимъ манерамъ, художникъ съ нечистой совѣстью. Потому что вѣдь это моя буржуазная совѣсть заставляетъ меня видѣть во всякомъ творчествѣ, во всякомъ геніи, во всемъ необыкновенномъ нѣчто глубоко двусмысленное, глубоко подозрительное, глубоко сомнительное; вѣдь это она наполняетъ меня этой влюбленной слабостью къ простому, прямодушному и пріятно нормальному, не геніальному и благопристойному.

Я стою между двумя мірами, не принадлежу ни къ одному изъ нихъ, и поэтому мнѣ приходится немного тяжело. Вы, художники, называете меня буржуа, а буржуа хотѣлось бы арестовать меня... Я не знаю, что изъ двухъ задѣваетъ меня больше. Буржуа глупы; но вамъ, поклонникамъ красоты, называющимъ меня флегматичнымъ и лишеннымъ тоски, слѣдовало бы подумать о томъ, что бываетъ творчество, такое глубокое, такое роковое, что никакая тоска не кажется ему дороже тоски по блаженству обыкновенности.

Я восхищаюсь гордыми и холодными, идущими по тропинкамъ великой, демонической красоты и презирающими «человѣка», но я не завидую имъ. Потому что если что-либо можетъ сдѣлать изъ литератора поэта, то это моя буржуазная любовь къ человѣческому, жизненному и обыкновенному. Вся темнота, вся доброта, весь юморъ исходятъ изъ нея, и мнѣ почти кажется, что это она—та лю-

бовь, о которой написано, что тотъ, кто имѣетъ ее, можетъ говорить человѣческими и ангельскими языками, а не имѣющіе ея—кимвалъ звенящій и мѣдь бряцающая.

То, что я сдѣлалъ,—ничто, очень мало, все равно, что ничто. Я сдѣлаю лучшее, Елизавета,—я обѣщаю это. Въ то время, какъ я пишу, ко мнѣ доносится шумъ моря, и я закрываю глаза. Я смотрю въ нерожденный и призрачный міръ, который хочетъ быть облеченъ въ стройную форму, я смотрю въ толпу тѣней человѣческихъ образовъ, которыя зовутъ меня, чтобы я вызвалъ ихъ къ жизни и освободилъ: трагическія и комическія и такія, которыя одновременно трагичны и комичны,—и этихъ послѣднихъ я очень люблю. Но моя самая глубокая и тайная любовь принадлежитъ бѣлокурымъ и голубоглазымъ, яснымъ и жизнерадостнымъ, счастливымъ, милымъ и обыкновеннымъ.

Не браните эту любовь, Елизавета; она хороша и плодотворна. Въ ней есть тоска, и полная грусти зависть, и немножко презрѣнія, и огромное цѣломудренное блаженство»...

